

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

153863

ІЯ

9(с)1
Г. 951

ІИ. 211

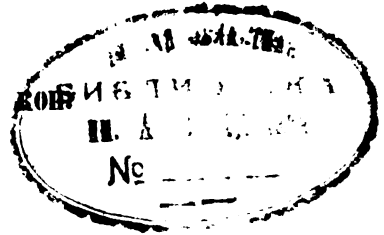
КЛАССОВЪ СРЕДНЕ-

ЧЕМЪ,

АЗІИ И РЕАЛЬНОГО УЧИЛИЩА Гуревича.

ТРЕТЬЯ.

2 РУБ. 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Графія В. С. Балашева, Екатеринни., кан., № 78.

1889.

Gurevich, I. A. G. Зер.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

ХРЕСТОМАТІЯ

по

9(С)1
Г 951
211

РУССКОЙ ИСТОРИИ.

ПОСОБІЕ

~~ДЛЯ~~ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И УЧЕНИКОВЪ СТАРШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНЕ-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

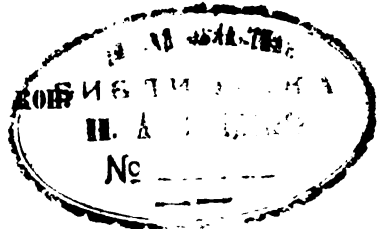
СОСТАВЛЕНА

Я. Г. ГУРЕВИЧЕМЪ,

ДИРЕКТОРОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЧАСТНОЙ ГИМНАЗИИ И РЕАЛЬНОГО УЧИЛИЩА ГУРЕВИЧА.

Часть третья.

ЦѢНА 2 РУБ. 25 КОП.

153863.1

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатеринин., кан., № 78.

1889.

7.5

ДК40
G85
V.3

Екатеринопольскій кал., л. 78.
№ 2692.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наша историческая литература о Петрѣ Великомъ не отличается, какъ извѣстно, богатствомъ и разнообразіемъ: «Исторія царствованія Петра Великаго» Устрялова, въ сожалѣнію, незаконченная, отдѣлъ «Исторіи Россіи» Соловьева, обнимающій эпоху Петра Великаго и «Публичныя лекціи о Петрѣ Великомъ» того же автора, «Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни Императора Петра Великаго» Погодина, шестой выпускъ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ главнѣйшихъ ея дѣятелей» Костомарова и «Исторія Петра Великаго» Брикнера—вотъ все, или почти все, что представляетъ наша историческая литература крупнаго и доступнаго по изложенію относительно самой выдающейся эпохи въ исторіи Россіи, именно эпохи Петра Великаго. Есть, правда, масса мемуаровъ, дневниковъ современниковъ Петра Великаго, русскихъ и иностранцевъ, начато уже изданіе писемъ и бумагъ самого Петра Великаго, имѣются и другіе разнообразныя первоначальныя источники въ видѣ регламентовъ воинскаго, морскаго, духовнаго, доклады и приговоры сената, документы для исторіи синода, флота и др. подобныя источники, но этотъ матеріалъ, по многимъ причинамъ, не можетъ быть доступенъ учащемуся юношеству въ его первоначальномъ видѣ. Есть, наконецъ, цѣлая серія капитальныхъ трудовъ историко-литературнаго, церковнаго и въ особенности историко-юридическаго характера, въ которыхъ заключается очень цѣнный матеріалъ для изученія эпохи Петра Великаго, но эти сочиненія какъ по своему содержанію, такъ и по своему изложенію еще менѣе могутъ быть доступны учащемуся юношеству даже самыхъ старшихъ классовъ гимназій, въ ихъ цѣльномъ видѣ, и притомъ многіе изъ этихъ капитальныхъ трудовъ успѣли уже сдѣлаться библиографическою рѣдкостью. Вотъ почему составленіе издаваемого нынѣ третьяго тома исторической хрестоматіи по русской исторіи представляло для составителя очень много трудностей. Наиболѣе трудностей встрѣтилъ онъ при составленіи того отдѣла, который пред-

ставляетъ изложеніе внутреннихъ реформъ Петра Великаго и который обнимаетъ большую часть всего третьяго тома «Исторической хрестоматіи». Всякому, изучавшему эпоху Петра Великаго по вышеназваннымъ сочиненіямъ Устрялова, Соловьева, Брикнера и др. извѣстна, какъ мало разработана въ нихъ внутренняя исторія царствованія Петра Великаго: Устряловъ въ обширномъ изложеніи «Исторія царствованія Петра Великаго», далъ намъ только подробное описаніе дѣтства и воспитанія Петра Великаго, эпохи правленія Софьи, первыхъ годовъ самодержавнаго правленія Петра Великаго, описаніе Великой Сѣверной войны (до 1706 г. включительно) и въ шестомъ томѣ подробное изложеніе дѣла царевича Алексѣя Петровича; внутреннихъ реформъ Петра Великаго Устряловъ вовсе не коснулся (если не считать главы о преобразованіи духовнаго вѣдомства въ періодѣ отъ 1700 до 1706 г.); Погодинъ въ своемъ сочиненіи «Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго» (1672—1689 г.), какъ показываетъ и самое заглавіе этого сочиненія, вовсе не могъ коснуться преобразовательной дѣятельности Петра Великаго», Брикнеръ въ своемъ объемистомъ сочиненіи «Исторія царствованія Петра Великаго» останавливается главнымъ образомъ на первой эпохѣ царствованія Петра Великаго и затѣмъ на его внѣшней политикѣ и дипломатіи и оказывается весьма скуднымъ на подробное изложеніе государственныхъ и сословныхъ реформъ Петра Великаго, имѣющихъ такое громадное значеніе. Немного болѣе мѣста удѣлено этимъ вопросамъ и Костомаровымъ въ его біографіи Петра Великаго, причемъ, скажемъ мимоходомъ, взглядъ талантливаго историка на гениальнаго реформатора страдаетъ значительною односторонностью. Наиболѣе мѣста удѣлено изложенію внутреннихъ реформъ Петра Великаго въ капитальномъ трудѣ незабвеннаго историка Соловьева «Исторія Россіи», въ которой шесть томовъ (XIII—XVIII) заключаютъ въ себѣ подробное изложеніе «Исторіи Россіи въ эпоху преобразованій Петра Великаго». Но извѣстно, какъ трудно слѣдить за изложеніемъ реформъ Петра Великаго въ «Исторіи Россіи» Соловьева, благодаря хронологическому порядку изложенія событій, вслѣдствіе чего матеріалъ, относящійся къ каждой изъ реформъ Петра Великаго, является чрезвычайно дробнымъ и разбросаннымъ по различнымъ томамъ и не даетъ цѣлостнаго о ней представленія, какое получается отъ чтенія «Публичныхъ лекцій о Петрѣ Великомъ». Но въ этихъ замѣчательно талантливыхъ по своему изложенію «Публичныхъ лекціяхъ» нашъ знаменитый историкъ задался всего болѣе цѣлью выяснитъ значеніе совершеннаго Петромъ Великимъ переворота, и потому въ этихъ лекціяхъ читатель найдетъ скорѣе правильное освѣщеніе произведенныхъ гениальнымъ реформаторомъ преобразованій, чѣмъ фактическое изложеніе ихъ.

Въ виду всего вышесказаннаго составитель предлагаемаго читателямъ тома хрестоматіи былъ поставленъ въ необходимость черпать матеріалъ для изложенія внутреннихъ реформъ Петра Великаго преимущественно изъ разнообразныхъ сочиненій по юридической литературѣ, въ которыхъ разработана та или другая сторона преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, каковы сочиненія: *Петровскаго* («О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго»), *Градовскаго* («Высшая администрація и генераль-прокуроры въ XVIII в.»), *Сергѣевича* («Лекціи по исторіи русскаго права»), *Лохвицкаго* («Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія»), *Дмитріева* («Судебныя инстанціи отъ Уложения до Наказа Императрицы Екатерины II»), *Дяткина* («Устройство и управленіе городовъ Россіи»), *Романовича-Славатинскаго* («Дворянство въ Россіи»), *Бобровскаго* («Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ»), *Бяльева* («Крестьяне на Руси»), *Горчакова* («Монастырскій приказъ»), *Владимірскаго-Буданова* («Государство и народное образованіе въ Россіи въ XVIII в.» и нѣкоторыя другія подобныя сочиненія. При этомъ составитель заботился о включеніи въ хрестоматію изъ названныхъ историко-юридическихъ сочиненій въ компилятивной формѣ или въ цѣльныхъ отрывкахъ только тотъ матеріалъ, который по убѣжденію его, можетъ быть доступнымъ ученикамъ самыхъ старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній при помощи преподавателя, а въ большей части случаевъ даже при самостоятельномъ чтеніи *).

Придавая важное значеніе возможности для учащагося юношества знакомиться съ личностью Петра Великаго и съ его эпохою не только по отрывкамъ, заимствованныхъ изъ современныхъ историческихъ трудовъ и изслѣдованій, но и по первоначальнымъ источникамъ, составитель не поскупился также и на выдержки, заимствованныя изъ разнородныхъ первоисточниковъ, относящихся къ эпохѣ Петра Великаго.

Въ третьемъ томѣ «Исторической Хрестоматіи» ученики найдутъ отрывки и изъ «Записокъ Матвѣева» и изъ дневника Корба, а также и Берхгольца, и изъ «Дѣяній» Голикова, и изъ мемуаровъ Вебера, и изъ «Записокъ» Неплюева, и изъ «Достопамятныхъ повѣствованій» Нартова, и изъ «Журнала» Петра Великаго, и изъ бумагъ и писемъ его, и изъ «Разговора о пользѣ наукъ и училищъ» Татищева и изъ его же «Духовной», и изъ уставовъ морскаго и воинскаго и изъ «Духовнаго регламента», и изъ рѣчей Теофана Прокоповича, и даже изъ руководствъ Петровскаго времени, каковы «Ариметика»

*) Какъ и въ предъидущихъ томахъ «Исторической Хрестоматіи», статьи, доступныя ученикамъ только при помощи объясненій преподавателя, напечатаны мелкимъ шрифтомъ и отмѣнены въ оглавленіи звѣздочкой.

Магницкаго и «Земноводнаго круга описаніе» Гибнера, и изъ многихъ другихъ первоисточниковъ, рельефно рисующихъ въ заимствованныхъ изъ нихъ отрывкахъ замѣчательную, во многихъ отношеніяхъ своеобразную и во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно интересную эпоху Петра Великаго. Въ общей сложности число статей, заимствованныхъ изъ первоначальныхъ источниковъ, составляетъ въ предлагаемомъ третьемъ томѣ около третьей части всего числа статей, заключающихся въ означенномъ томѣ.

Чтобы дать возможность учащимся составить себѣ наиболѣе правильный и разносторонній взглядъ на личность и дѣятельность Петра Великаго, въ концѣ книги дается цѣлый рядъ статей, заключающихъ въ себѣ оцѣнку преобразовательной дѣятельности гениальнаго реформатора съ разныхъ точекъ зрѣнія, при чемъ въ послѣдней статьѣ объясняются причины противорѣчивыхъ взглядовъ на Петра Великаго.

Глубоко убѣжденный въ громадномъ воспитательномъ значеніи для русскаго юношества обстоятельнаго по возможности и серьезнаго изученія грандіозной личности великаго преобразователя и его неутомимой многосторонней дѣятельности, составитель старался дать возможность ученикамъ старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній познакомиться какъ можно болѣе обстоятельно съ его преобразовательною дѣятельностію, коснувшеюся всѣхъ сторонъ жизни русскаго народа. Это то стремленіе составителя и увлекло его при составленіи 3-го тома далеко за тѣ рамки, въ которыя необходимо было бы втиснуть содержаніе этого тома, принимая во вниманіе постановку курса исторіи даже въ старшихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній. Но да послужатъ составителю оправданіемъ слѣдующія знаменательныя слова, которыми характеризуетъ Петра Великаго въ своихъ запискахъ Неплюевъ: „Однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣеть, и чтобы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ.“ Во всякомъ случаѣ, въ слѣдующихъ изданіяхъ 3-го тома, которыя, судя по первымъ двумъ томамъ, раньше или позже могутъ понадобиться, легко будетъ сдѣлать необходимыя сокращенія.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить искреннюю благодарность В. Д. Сиповскому, принимавшему нѣкоторое участіе въ составленіи хрестоматіи *), а также Е. Ф. Шмурло, отборная бібліотека котораго по русской исторіи служила для меня значительнымъ подспорьемъ при составленіи этого третьяго тома „Исторической хрестоматіи“.

Я. Гуревичъ.

1-го іюня 1889 года.

*) Изъ 110 статей, вошедшихъ въ третій томъ, 14 статей, обнимающихъ въ общей сложности около четырехъ печатныхъ листовъ, составлены В. Д. Сиповскимъ. Статьи эти напечатаны подъ слѣдующими нумерами: статья 6, 8, 25, 55, 58, 69, 70, 71, 72, 73, 82, 87 и 88-я.

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

„ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРЕСТОМАТИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ“.

Время Петра Великаго.

	Стран.
I. Рожденіе и отрочество Петра Великаго (Изъ «Исторіи царствованія Петра Великаго», Устрялова, т. I).	1
II. Обученіе Петра грамотѣ. (Изъ «Опытовъ», Забѣлина)	5
III. Характеръ воспитанія и образованія Петра Великаго (Изъ «Исторіи Россіи», Соловьева).	10
IV. Избраніе Петра на престоль. (Изъ соч. Щебальскаго: «Царевна Софья»).	15
V. Царевна Софья и подготовленіе перваго стрѣльческаго бунта. (Изъ соч. Щебальскаго: «Царевна Софья»).	17
VI*. Стрѣлецкій бунтъ 15 мая 1682 г. (По «Запискамъ» Андрея Артамоновича графа Матвѣева).	23
VII. Первый бунтъ стрѣльцовъ. (Изъ соч. Погодина: «Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни Импер. Петра Великаго»)	30
VIII*. Раскольничье движеніе въ правленіе Софьи («О подаваніи челобитной иноками Сергіемъ, Савватіемъ и прочими, самодержцамъ—Іоанну Алексіевичу и Петру Алексіевичу, о древнецерковныхъ законѣхъ и Никоновыхъ новинахъ», Саввы Романова)	39
IX. Движеніе раскольниковъ. (Изъ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ», Костомарова).	49
X*. Князь Хованскій и новый мятежъ стрѣльцовъ. (Изъ соч. Погодина: «17 первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго.	55
XI. Правленіе Софьи. (Изъ соч. Костомарова: «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ главнѣйшихъ ея дѣятелей», вып. V)	63
XII. Потѣхи Петра до 1683 года. (Изъ «Исторіи царствованія Петра Великаго», Устрялова, т. II)	68
XIII. Разсказъ Петра о началѣ кораблестроенія въ Россіи. (Предисловіе къ морскому регламенту).	72
XIV. Паденіе Софьи. (Изъ «Исторіи Россіи», Соловьева).	75

	Стран.
XV. Нѣмецкая слобода и вліаніе ея на Петра. (Изъ «Исторіи Петра Великаго», Брикнера)	86
XVI. Потѣшныя походы. (Изъ «Исторіи царствованія Петра Великаго», Устрялова)	94
XVII. Петръ Великій въ Архангельскѣ. (Изъ соч. Н. Полевого: «Обозрѣніе русской исторіи до единодержавія Петра»	102
XVIII. Азовскіе походы. (Изъ соч. Цебальскаго: «Чтеніе изъ русской исторіи съ исхода XVII вѣка»).	106
XIX. Сооруженіе флота. (Изъ «Исторіи царствованія Петра Великаго», Устрялова).	110
XX. Путешествіе Петра за границу. (Изъ «Исторіи Россіи», Соловьева)	115
XXI. Петръ въ Москвѣ послѣ возвращенія изъ-за границы. (Изъ «Дневника Корба, въ переводѣ М. И. Семева»)	125
XXII. Второй стрѣлецкій бунтъ—1698 г. (Изъ «Публичныхъ чтеній о Петрѣ Великомъ», Соловьева).	128
XXIII. Братское описаніе опаснаго мятежа стрѣльцовъ въ Москвѣ. (Изъ «Дневника» Корба)	130
XXIV*. Казни стрѣльцовъ послѣ второго стрѣлецкаго бунта. (Изъ «Дневника» Корба)	137
XXV*. О причинахъ войны Петра Великаго съ Карломъ XII. (Изъ сочиненія Шафирова)	141
XXVI. Великая сѣверная война до Полтавской побѣды. (Изъ «Публичныхъ чтеній о Петрѣ Великомъ», Соловьева)	148
XXVII. Полтавская битва. (Изъ «Журнала Петра Великаго», ч. 1-я).	156
XXVIII. Битва подъ Полтавою и значеніе Полтавской побѣды. (Изъ соч. Богдановича: «Замѣчательнѣйшіе походы Петра Великаго и Суворова»).	160
XXIX*. Петръ Великій на полѣ полтавской побѣды въ кругу сподвижниковъ своихъ и вождей побѣжденныхъ шведовъ. (Изъ «Дѣяній Петра Великаго», Голикова, т. IV)	167
XXX*. Торжественный въѣздъ Петра въ Полтаву. (Изъ «Дѣяній Петра Великаго», Голикова, т. IV)	172
XXXI*. Празднованіе Полтавской побѣды въ Москвѣ. (Изъ «Дѣяній Петра Великаго», Голикова, т. IV)	174
XXXII. Карлъ XII какъ полководецъ. (По статьѣ проф. Герье: «Послѣдній варягъ». Журн. «Древняя и Новая Россія»)	179
XXXIII. Карлъ XII и Петръ Великій, какъ полководцы. (Изъ соч. Богдановича: «Замѣчательнѣйшіе походы Петра Великаго и Суворова»)	192
XXXIV. Прутскій походъ. (Изъ «Публичныхъ лекцій о Петрѣ Великомъ», Соловьева)	194
XXXV. Послѣдніе годы Сѣверной войны и Ништадтскій миръ. (Изъ соч. Костомарова: «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», вып. VI).	198
XXXVI. Внѣшнія реформы Петра Великаго. (Изъ сочиненія Брикнера: «Исторія Петра Великаго»)	209
XXXVII. Значеніе внѣшнихъ реформъ Петра. (Изъ «Публичныхъ чтеній о Петрѣ Великомъ», Соловьева)	216

XXXVIII. Сенатъ, его составъ и кругъ дѣятельности. (Изъ «Лекцій по исторіи русскаго права», Сергіевича)	219
XXXIX *. Происхождение, развитіе и значеніе сената при Петрѣ Великомъ. (Изъ соч. Петровскаго: «О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго»).	223
XL. Указы Петра Великаго на зеркала.	232
XLI. Петровскія коллегіи. (Изъ «Лекцій по исторіи русскаго права» Сергіевича).	235
XLII *. Взглядъ Петра на коллегіальное устройство и отношеніе коллегій къ сенату и мѣстному управленію. (Изъ соч. Градовскаго: «Вышшая администрація и генераль-прокуроры въ XVIII в.»)	237
XLIII *. Областное дѣленіе 1708 года. (Изъ соч. Мрачекъ-Дроздовскаго: «Областное управленіе Россіи XVIII вѣка»).	243
XLIV. Характеръ губернскаго дѣленія Петра I. (Изъ соч. Лохвицкаго: «Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія»)	248
XLV *. Областное управленіе и судоустройство при Петрѣ Великомъ. (Изъ соч. Дмитриева: «Судебныя инстанціи отъ Уложенія Алексѣя Мпхайловича до Наказа Екатерины II»)	254
XLVI. Преобразованіе Петромъ Великимъ городского управленія. (Изъ соч. Градовскаго: «Начала русскаго государственнаго права», т. III: «Органы мѣстнаго самоуправленія»)	260
XLVII *. Учрежденіе бурмистерской палаты и земскихъ избъ и ихъ несостоятельность. (Изъ соч. Дитятина: «Устройство и управленіе городовъ Россіи», ч. I)	264
XLVIII. Городовые магистраты, ихъ права и обязанности и отношенія ихъ къ самому городу. (Изъ соч. Дитятина: «Устройство и управленіе городовъ Россіи»)	275
XLIX. Табель о рангахъ и ея вліяніе. (Изъ соч. Романовича-Славатинскаго: «О дворянствѣ въ Россіи»).	289
L. Чинопроизводство въ эпоху Петра Великаго. (Изъ ст. Евренова: «Гражданское чинопроизводство въ Россіи». Ж. «Историческій Вѣстникъ»)	301
LI. Обь обязанностяхъ службы шляхетской. (Изъ «Духовной» Василія Никитича Татищева).	309
LII. Петръ Великій—военный законодатель. (Изъ соч. Бобровскаго: «Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ», т. 2-я)	314
LIII. Учрежденіе регулярныхъ войскъ и устройство ихъ содержанія. (Изъ соч. Бобровскаго: «Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ», ч. 2-я)	318
LIV. Изъ Воинскаго устава	331
LV. Слово похвальное о флотѣ руссійскомъ и о побѣдѣ галерами руссійскими надъ кораблями шведскими, іуліа 27 дня полученной. (Изъ сборника: «Феофана Прокоповича слова и рѣчи»).	334
LVI. Цехи Петра Великаго. (Изъ соч. Дитятина: «Устройство и управленіе городовъ Россіи», т. I).	339
LVII. Положеніе крестьянъ во время Петра Великаго. (Изъ соч. Бѣльева: «Крестьяне на Руск»).	347
LVIII. Отношеніе Петра къ патріархамъ, отмѣна патріаршества и	

	Стран.
учреждение синода. (Изъ «Руководства къ русской церковной исторіи», Знаменскаго)	357
LVIII. О Духовномъ регламентѣ. (Изъ соч. П. О. Морозова: «Феофанъ Прокоповичъ, какъ писатель»)	364
LIX. Изъ Духовнаго регламента	374
LX. Феофанъ Прокоповичъ. (Изъ соч. Чистовича: «Феофанъ Прокоповичъ и его время»).	385
LXI. Взглядъ на дѣятельность Феофана Прокоповича. (Изъ соч. Чистовича: «Феофанъ Прокоповичъ»).	391
LXII. Стефанъ Яворскій. (Изъ соч. Ю. Ѳ. Самарина т. V)	395
LXIII*. Монастырскій приказъ. (Изъ соч. Горчакова: «Монастырскій приказъ»)	400
LXIV. Происхождение русскаго раскола и реформы Петра Великаго. (Изъ публичныхъ лекцій профессора Суворова: «О происхожденіи и развитіи русскаго раскола»)	421
LXV. Состояніе раскола при Петрѣ Великомъ и значеніе его въ исторіи раскола. (Изъ соч. Николая Барсова: «Братья Андрей и Семень Денисовы»)	424
LXVI. Колонизація раскольниковъ, образованіе беспоповщины и раздѣленіе ея на частныя секты. (Изъ «Руководства по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола», Ивановскаго)	432
LXVII. Значеніе дѣятельности братьевъ Денисовыхъ въ исторіи раскола. (Изъ соч. Барсова: «Братья Андрей и Семень Денисовы»).	441
LXVIII. Отношеніе Петра I къ расколу. (Изъ статьи Елеонскаго: «О состояніи раскола при Петрѣ I», Христіанск. Чтеніе, 1864 г., ч. III)	447
LXIX. О состояніи русской образованности при Петрѣ Великомъ. (Изъ соч. Пекарскаго: «Наука и литература при Петрѣ Великомъ»).	458
LXX. Изъ переписки Петра Великаго съ Лейбницемъ. (Изъ соч. проф. Герье: «Лейбницъ и его вѣкъ»).	462
LXXI. Учрежденіе Петромъ Великимъ академіи наукъ. (Изъ соч. Пекарскаго: «Наука и литература при Петрѣ Великомъ»)	469
LXXII. Учрежденіе Петромъ Великимъ кунсткамеры. (Изъ соч. Пекарскаго: «Наука и литература при Петрѣ Великомъ»)	471
LXXIII. Учрежденіе библиотеки въ Петербургѣ. (Изъ соч. Пекарскаго: «Наука и литература при Петрѣ Великомъ»)	473
LXXIV*. Взглядъ на профессиональное образованіе и на отношеніе его къ общему образованію въ Петровскую эпоху. (Изъ соч. Владимірскаго-Буданова: «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в.»)	475
LXXV. Школа математическихъ и навигацкихъ наукъ. (Изъ «Очерка русской морской исторіи», Веселаго)	485
LXXVI. Морская академія. (Изъ «Очерка русской морской исторіи», Веселаго)	490
LXXVII. Цыфирныя школы. (Изъ соч. «Владимірскаго-Буданова: «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII-го вѣка»)	497
LXXVIII. Мѣры Петра Великаго для введенія въ Россіи техническаго образованія. (Изъ соч. Соколовскаго: «Петръ Великій, какъ воспитатель и учитель народа»).	512

	Стран.
LXXIX. Отеческое поучение. (Изъ сочиненій Посошкова)	523
LXXX. О пользѣ наукъ. (Изъ «Духовной» Василія Никитича Татищева)	527
LXXXI. Изъ «Разговора о пользѣ наукъ и училищъ», Татищева)	529
LXXXII. Юности честное зеркало	542
LXXXIII. Изъ «Арметикн» Магницкаго.	545
LXXXIV. Космографія Петровскихъ временъ. (Изъ статьи А. О. Кони: «Космографія Петровскихъ временъ», — Историч. Вѣст., ноябрь 1887 г.)	547
LXXXV. Отрывки изъ книги «Земноводнаго круга краткое описаніе»	553
LXXXVI. Положеніе народа при Петрѣ Великомъ и Посошковъ. (Изъ соч. Водовозова: «Очерки изъ русской исторіи XVIII-го вѣка»).	561
LXXXVII*. Посошковъ и его сочиненія. (Изъ соч. Брикнера: «Посошковъ»).	568
LXXXVIII*. Взглядъ Посошкова на народное богатство. (Изъ соч. Брикнера: «Посошковъ»)	570
LXXXIX. Заботы Петра Великаго объ улучшеніи хозяйственнаго быта. (Изъ соч. Брикнера: «Исторія Петра Великаго»)	575
XC. Перемена нравовъ при Петрѣ Великомъ. (Изъ соч. Шербатова: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи»)	582
XCI. Ассамблеи при Петрѣ Великомъ. (Изъ соч. Карновича: «Историческіе рассказы и бытовые очерки»)	590
XCII. Ассамблеи при Петрѣ Великомъ. (Изъ «Дневника» камеръ-юнкера Берхгольца)	596
XCIII. Описаніе большого маскарада по случаю потѣшной свадьбы Зотова. (Изъ «Записокъ» Фридриха-Христіана-Вебера Брауншвейгъ-Люнебургскаго резидента въ Россіи)	604
XCIV. Домашняя жизнь Петра Великаго. (Изъ соч. Водовозова: «Очерки изъ русской исторіи XVIII-го вѣка»)	605
XCV. Царевичъ Алексѣй Петровичъ и судъ надъ нимъ. (Изъ соч. Костомарова: «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей»)	608
XCVI. Переписка между Петромъ и царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. (Изъ соч. Устрялова: «Исторія царствованія Петра Великаго», т. VI)	620
XCVII. Изъ писемъ и бумагъ императора Петра Великаго. (Въ изданіи академика Вычкова, т. I)	624
XCVIII. Птенцы Петра Великаго. (Изъ соч. Гельбига: «Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII вѣкѣ», въ переводѣ съ нѣмецкаго В. Б.—Русск. Стар., апрѣль 1886 г.)	640
XCIX. Слово похвальное въ день рожденія Благороднѣйшаго Государя Царевича и Великаго Князя Петра Петровича. (Изъ сборника: «Слова и рѣчи Θεофана Прокоповича»)	655
C. Слово на погребеніе Всепресвѣтлѣйшаго, державнѣйшаго Петра Великаго, Императора и Самодержца всероссійскаго, отца отечества. (Изъ сборника: «Слова и рѣчи Θεофана Прокоповича»)	662
CI. Изъ «Записокъ» Ивана Ивановича Неплюева. (Русскій Архивъ за 1871 г.)	665
CII. Личность Петра и его характерныя особенности въ изображеніи Нартова. (Изъ «Достопамятныхъ повѣствованій и рѣчей	

	Стран.
Петра Великаго», Андрея Нартова. Журн. «Москвитининъ» за 1845 г.)	670
CIII*. Петръ Великій передъ судомъ исторiи. (Изъ соч. Щербатова: «Разсмотрѣнiе о порокахъ и самовластiи Петра Великаго»).	681
CIV*. Оцѣнка реформъ Петра Великаго. (Изъ «Записокъ о древней и новой Россiи», Карамзина).	690
CV*. Значенiе эпохи преобразованiй Петра Великаго. (Изъ статьи Кавелина: «Взглядъ на юридическiй бытъ древней Россiи». Полное собранiе сочиненiй Кавелина. Т. I)	697
CVI. Значенiе Петра Великаго и совершеннаго имъ переворота. (Изъ «Исторiи Россiи», Соловьева).	703
CVII. Взглядъ на результаты дѣятельности Петра Великаго. (Изъ статьи: «Петръ Великiй», Погодина.—Москвитининъ за 1841 г., ч. 1-я).	708
CVIII. Отзывы потомства о Петрѣ Великомъ. (Изъ соч. Брикнера. «Исторiя Петра Великаго»).	711
CIX*. Причины различныхъ взглядовъ на Петра Великаго въ русской наукѣ и русскомъ обществѣ. (Рѣчь, читанная проф. Бестужевымъ-Рюминнымъ въ торжественномъ собранiи С.-Петербургскаго университета 31-го мая 1872 г. Изъ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1872 г., ч. CLXI).	713

ВРЕМЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

I. РОЖДЕНИЕ И ОТРОЧЕСТВО ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Изъ «Исторіи царствованія Петра Великаго», Устрялова, т. I.)

Есть преданіе, что еще до рожденія Петра грядущее величіе его было предугадано современными наблюдателями свѣтилъ небесныхъ, Симеономъ Полоцкимъ и Димитріемъ Ростовскимъ. Первый изъ нихъ, гласитъ молва, столь же искусный звѣздочетъ, какъ и богословъ, ночью на 11-е августа 1671 года, замѣтивъ близъ Марса звѣзду пресвѣтлую, предсказалъ царю Алексѣю Михайловичу и супругѣ его, царицѣ Наталіи Кирилловнѣ, что чрезъ девять мѣсяцевъ родится у нихъ сынъ, которому наречется имя Петръ, и не будетъ ему подобнаго въ монархахъ: «всѣхъ славою и дѣлами превзойдетъ, сосѣдей враждующихъ смиритъ, страны дальнія посѣтитъ, мятежи внутренніе и нестроенія обуздаетъ, многія зданія на морѣ и на сушѣ воздвигнетъ, истребитъ злыхъ, возлюбитъ трудолюбивыхъ, насадитъ благочестіе, гдѣ его не было, и покой тамъ приметъ». То же записалъ, по словамъ преданія, и Димитрій, впоследствии святой митрополитъ Ростовскій, наблюдавшій въ Москвѣ теченіе небесныхъ свѣтилъ въ одно время съ Симеономъ Полоцкимъ.

Такъ рассказывалъ, уже по кончинѣ Петра, одинъ изъ первыхъ бытописателей его, Крекшинъ, въ сочиненіи, посвященномъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Не изданное въ свое время, оно разошлось во многихъ спискахъ: одинъ изъ нихъ попался въ руки собирателю анекдотовъ о Петрѣ Великомъ, профессору аллегорій, Штелину. Онъ обнарудовалъ сказаніе Крекшина въ 1785 году съ такимъ важнымъ дополненіемъ, что предсказаніе московскихъ звѣздочетовъ повѣряли современные астрологи западные, и нашли исчисленія и гаданія ихъ вѣроятными, въ доказательство чего Штелинъ приводитъ письмо utrechtскаго профессора Гревія къ ученому единомыслицу его Николаю Гейнзю, бывшему посланнику Соединенныхъ Нидерландъ при московскомъ дворѣ, во время рожденія Петра Великаго. «Сообщенныя тобою», — пишетъ Гревій въ отвѣтъ на письмо Гейнзю, — «наблюденія надъ

свѣтилами небесными и другія предзнаменованія, бывшія въ Москвѣ во время рожденія московскаго принца Петра, наши астрологи, прорицатели и гадатели признають достопримѣчательными, и тѣмъ болѣе предвѣщаютъ новорожденному славу воителя знаменитаго, страшнаго врагамъ, что въ самый день его рожденія король французскій перешелъ Рейнъ, а султанъ турецкій—Дунай, и первый завоевалъ четыре области бельгійскія, второй же Каменецъ и Подолію. Ты, кажется, признаешь все дѣломъ случая; я думаю то же. Дай Богъ; чтобы Петръ въ свое время былъ добрымъ пастыремъ народовъ, и чтобы онъ скиеское варварство, омрачающее сѣверъ въ его шубахъ, побѣдилъ спасительными законами».

«Такъ»,—восклицаютъ новѣйшіе историки наши,—«молва облекла рожденіе Петра въ великую участь его, и надежда народа лелѣяла колыханіе его своими предвѣщаніями».

Мысль, достойная тридцатыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, когда вѣрили Брюсу и Крафту и исторія наполнялась вымыслами безъ всякаго изслѣдованія, но не нашего времени, требующаго отъ бытописателей строгаго отчета въ каждомъ ихъ словѣ, тѣмъ болѣе—въ разсказахъ о дѣлахъ чудныхъ, неимовѣрныхъ.

Если бы даже въ бумагахъ Симеона Полоцкаго нашлось приписываемое ему предсказаніе, съ несомнѣнными признаками подлинности, и въ такомъ случаѣ историкъ здравомыслящій взглянулъ бы на него съ улыбкою, какъ на уловку хитрой лести, или какъ на мечту восторженнаго поэта: сколько разъ мнимые пророки предвѣщали славу людямъ, безславно сходявшимъ въ могилу! Но ни въ рукописяхъ, ни въ печатныхъ сочиненіяхъ Симеона Полоцкаго подобнаго предсказанія нѣтъ, да и быть не могло: оно такъ явно извлечено изъ событій совершившихся, такъ очевидно составлено уже по кончинѣ Петра, и притомъ до такой степени смѣшно и нелѣпо въ подробностяхъ, что нельзя не удивляться непостижимому легкомыслію, съ которымъ поддались обману всѣ почти историки, писавшіе о Петрѣ послѣ Штелина. Тѣмъ изумительнѣе смѣлка ихъ на св. Дмитрія Ростовскаго: они даже не хотѣли заглянуть въ келейныя записки его, изъ которыхъ увидѣли бы, что сей великій святитель, еще юный инокъ, находился во время мнимаго предсказанія не въ Москвѣ, а въ Кіевѣ. Не потрудились наконецъ они повѣрить и мнимой переписки голландскихъ ученыхъ: Гейнвій былъ, дѣйствительно, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ посланникомъ Штатовъ Соединенныхъ Нидерландъ и жилъ въ Москвѣ мѣсяцевъ десять, но не могъ слышать толковъ и гаданій, о которыхъ разсуждаетъ съ нимъ Гревій, потому что выѣхалъ изъ Россіи почти за два года до рожденія Петра Великаго. Обратимся къ подробностямъ достовѣрнымъ о рожденіи и младенствѣ Петра. Онѣ, впрочемъ, немногочисленны.

Отецъ его, царь Алексѣѣ Михайловичъ, вскорѣ по восшествіи на престолъ, въ молодыхъ лѣтахъ сочетался бракомъ съ дочерью невнятнаго дворянина Ильи Даниловича Милославскаго, и двадцать одинъ годъ жилъ съ нею въ любви и согласіи. Пять сыновей и восемь дочерей были плодомъ этого брака. Первенецъ ихъ, Дмитрій, скончался младенцемъ; второй сынъ, Алексѣѣ, достигъ совершеннолѣтія, былъ торжественно объявленъ народу по обычаю, принималъ пословъ, какъ наследникъ престола, и уже началъ раздѣлять съ отцомъ труды правленія, когда жестокіе удары одинъ за другимъ поразили сердце госу-

даря: въ 1669 году онъ потерялъ любимую супругу, скончавшуюся вслѣдствіе несчастныхъ родовъ; чрезъ три мѣсяца—четырёхлѣтняго сына Симеона, чрезъ полгода—шестнадцатилѣтняго царевича Алексѣя.

Царь овдовѣлъ сорока лѣтъ. Грустно смотрѣлъ онъ на двухъ оставшихся у него сыновей, Θεодора и Иоанна, больныхъ, хилыхъ, страдавшихъ скорбютою или цынгою, видѣлъ въ нихъ преемниковъ ненадежныхъ, и чрезъ два года по кончинѣ царицы, еще крѣпкіи силами, далекой отъ старости преклонной, рѣшился вступить въ новый бракъ. Выборъ его палъ на жившую въ домѣ Матвѣева дѣвицу, юную и прекрасную: то была Наталія Кирилловна, дочь торусскаго помѣщика, стольника и полковника рейтарскаго строя, Кирилла Полуектовича Нарышкина. Алексѣй Михайловичъ обвѣнчался съ Наталією Кирилловною 22 января 1671 года, въ Успенскомъ соборѣ, съ обычными обрядами.

Чрезъ шестнадцать мѣсяцевъ послѣ бракосочетанія, 30 мая 1672 года, въ день преподобнаго Исаакія Далмацкаго, въ первомъ часу по полуночи, молодая царица обрадовала государя рожденіемъ сына, нареченнаго Петромъ: имя, небывалое въ царскомъ семействѣ, но и нечуждое русскому слуху, ежедневно возглашаемое въ св. храмахъ. Рано утромъ колокольный звонъ возвѣстилъ Москвѣ о рожденіи царевича. Въ 5 часовъ радостный отецъ былъ уже въ Успенскомъ соборѣ на молебствіи, которое совершалъ митрополитъ новгородскій, Питиримъ, съ духовенствомъ. По окончаніи молебствія, царь, принявъ поздравленіе духовенства, бояръ и людей ближнихъ, ходилъ въ Архангельскій соборъ и Вознесенскій дѣвичій монастырь на поклоненіе праху родителей; послѣ того молился въ Чудовомъ монастырѣ надъ гробомъ святаго Алексѣя митрополита и, приложившись къ св. иконамъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ, возвратился во дворецъ, гдѣ сказалъ чинъ околыничаго отцу царицы, Кириллу Полуектовичу, и Артамону Сергѣевичу Матвѣеву.

Между тѣмъ, бояре и думные люди, также полковники и головы стрѣльцкіе собрались въ столовую палату. Царь жаловалъ ихъ водкою, фряжскими винами, яблоками, дулями и другими плодами. На 3-й день былъ столъ въ царицыной золотой палатѣ для бояръ и ближнихъ людей, безъ зову и безъ мѣстъ. Предъ обѣдомъ царь жаловалъ водкою, спальные подносили закуску, коврижки, яблоки, дули, инбирь. При столѣ служили царицыны стольники.

Святое крещеніе новорожденный принялъ въ день своего тезоименитства, на праздникъ св. апостолъ Петра и Павла 29 іюня, въ Чудовомъ монастырѣ, въ трапезѣ церкви св. митрополита Алексѣя, до литургіи. Восприемниками его были: старшій братъ, царевичъ Θεодоръ Алексѣевичъ, и тетка, царевна Ирина Михайловна. На другой день въ Грановитой палатѣ былъ родильный столъ, а чрезъ три дня крестильный. Въ оба раза царь угощалъ до 400 человекъ, какъ знатныхъ сановниковъ, духовныхъ и свѣтскихъ, такъ равно и выборныхъ людей изъ черныхъ сотенъ и слободъ дворцовыхъ.

«Когда родится царевичъ»,—говоритъ русскій писатель XVII вѣка,—«на воспитаніе его избираютъ жену добрую, чистую, млекою сладостную и здоровую, и живетъ она въ Верху у царицы съ годъ, а по прошествіи года отпускается съ награжденіемъ. Для присмотра же приставляютъ мамку, боярыню честную, вдову старую, да няньку съ прислужницами. А какъ будетъ царевичъ лѣтъ пяти, для береженія и на-

ученя опредѣляютъ къ нему боярина, честию великаго, тихаго и разумаго, съ товарищемъ изъ окольныхъ или думныхъ людей; въ слуги же и въ стольники выбираютъ изъ боярскихъ дѣтей такихъ же молодыхъ, какъ и царевичъ. А когда приспѣетъ время учить его грамотѣ, опредѣляютъ къ нему въ учителя, изъ посольскихъ подъячихъ, людей тихихъ и не бражниковъ; учать же только русскому языку; а ученія латинскому, греческому, нѣмецкому или другимъ языкамъ въ Россіи не бываетъ. У каждаго изъ царевичей свои хоромы и люди особые, и до 15 лѣтъ, кромѣ бояръ и ближнихъ людей, никто ихъ видѣть не можетъ: когда же исполнится 15 лѣтъ, кажутъ его всему народу».

Такъ рассказываетъ Котошихинъ о воспитаніи царскихъ дѣтей въ старое время. Такъ, по всей вѣроятности, воспитывали и Петра. Комплицею его была боярыня, княгиня Неонилъ Герооевна Львова; мамами: боярыня Матрена Романовна Леонтьева и верховая боярыня, престарѣлая вдова князя Ивана Васильевича Голицына, княгиня Ульяна Ивановна, исправлявшая ту же обязанность при царевичѣ Симеонѣ Алексѣевичѣ; дядьками—Стрешневы: бояринъ Родіонъ Матвѣвичъ и думный дворянинъ Тихонъ Никитичъ; оба они являются въ этомъ званіи впоследствии, во время коронаціи Петра. Родіонъ Матвѣвичъ, бывший стольникомъ въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича, умеръ въ глубокой старости, когда питомецъ его достигъ 15-ти-лѣтняго возраста; современники отзываются о немъ съ похвалою, какъ о мужѣ честномъ, умномъ и правдивомъ. Тихонъ Никитичъ занималъ впоследствии, въ царствованіе Петра, важныя должности въ государствѣ, и своимъ прямотишемъ, безкорыстіемъ, знаніемъ дѣла заслужилъ уваженіе государя; впрочемъ, любилъ шумную бесѣду. Учителемъ юнаго царевича былъ подъячій приказа Большаго прихода Никита Моисеевичъ Зотовъ, извѣстный участіемъ въ заключеніи Бахчисарайскаго договора, еще болѣе знаменитый впоследствии, какъ первый князь-папа, человекъ грамотный, но ограничивавшій всѣ свои свѣдѣнія одною Русскою грамотою, и далеко не небражникъ. Чему научилъ онъ своего питомца — увидимъ впоследствии. Первые сверстники отрока Петра достоверно не извѣстны, за исключеніемъ двухъ: Григорія Лукина и Екима Воронина. Оба они положили свои головы подъ стѣнами Азова.

Въ исторіи человека необыкновеннаго, самое младенчество его любопытно для потомства, которое хочетъ знать, не обнаруживались ли въ дѣтскихъ играхъ признаки души великой? Еще любопытнѣе отрочество, когда начнутъ развиваться силы умственныя. Къ сожалѣнію, современники оставили намъ немногія, отрывистыя замѣтки о Петровой юности. Есть сверхъ того нѣсколько преданій позднѣйшихъ, въ которыхъ бытописатели видятъ и узнаютъ будущаго героя, но эти преданія частью маловажны, частью невѣроятны, и тѣмъ болѣе сомнительны, что источникомъ ихъ служатъ сказанія Брекшина, рассказчика легкомысленнаго, смѣло дополнявшаго недостатокъ историческихъ подробностей вымыслами воображенія. До пятнадцатилѣтняго возраста Петра, до того времени, о которомъ онъ самъ заговорить съ потомствомъ и раскроетъ свои тайныя думы, мы не имѣемъ никакихъ средствъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ его душевныхъ способностей и можемъ только догадываться, какое вліяніе на его юность имѣли люди и событія. Радостно и весело встрѣтилъ онъ жизнь. Нѣжно любимый матерью,

онъ былъ при ней безотлучно, забавлялъ ее рѣзвостью дѣтскихъ игръ, сопутствовалъ ей во всѣхъ выѣздахъ, и уже трехлѣтнимъ младенцемъ обнаруживалъ ту пылкую живость, которая впоследствии была отличительною чертою его характера: однажды, когда въ селѣ Коломенскомъ царица тайно смотрѣла на аудіенцію цесарскаго посла изъ сосѣдняго покоя, нетерпѣливый Петръ настѣжь распахнулъ дверь и далъ случай иноземцамъ увидѣть московскую государыню. Первые годы младенчества онъ провелъ большею частью въ подгородномъ селѣ Преображенскомъ, въ трехъ верстахъ отъ Москвы, за рѣкою Яузою. Сюда каждую осень переселялся царь Алексѣй Михайловичъ со всѣмъ семействомъ; здѣсь онъ тѣшился драматическими представленіями, при звукѣ нѣмецкой музыки, еще болѣе соколиною охотою, которую любилъ до страсти. Здѣсь родились первыя впечатлѣнія въ душѣ Петра, и Преображенское осталось навсегда любезнымъ его сердцу. Удаляясь придворныхъ крамоль и дерзкаго властолюбія царской няньки, Наталія Кирилловна жила большею частью въ селѣ Преображенскомъ. Тамъ, подлѣ нѣжныхъ, неуспынныхъ надворомъ матери, развились отроческія силы Петра; онъ росъ не по днямъ, а по часамъ: въ десять лѣтъ казался пятнадцатилѣтнимъ юношею; на щекахъ игралъ румянецъ, какъ у красной дѣвицы; большія черныя очи сверкали огнемъ; темнорусыя, природныя кудри украшали чело; во всѣхъ движеніяхъ его обнаруживалась смѣлая живость.

II. ОВУЧЕНІЕ ПЕТРА ГРАМОТѢ.

(Изъ «Опытовъ», Забллина).

Среди дѣтскихъ игръ и потѣхъ наступило наконецъ время книжнаго ученія и писанія. Брекшинъ рассказываетъ, что книжное ученіе, подлѣ руководствомъ Зотова, началось 12 марта 1677 года, т. е. когда царевичу былъ на исходѣ пятый годъ. Дѣйствительно, въ царскомъ быту обученіе грамотѣ начиналось съ пятилѣтняго возраста. Но принимая въ соображеніе дѣтство Петра, которое весьма рано выразило силу способностей ребенка, можно усомниться въ точной справедливости этого свидѣтельства, и тѣмъ болѣе, что Брекшинъ умалчиваетъ о томъ, съ азбуки ли началъ Зотовъ обученіе или съ другихъ книгъ, слѣдовавшихъ по тогдашнему курсу за азбукою. При томъ, Брекшинъ писалъ объ этомъ, безъ сомнѣнія, по преданію, по рассказамъ. Наводитъ насъ на сомнѣніе одно официальное указаніе, которое хотя и не представляетъ прямаго свидѣтельства по этому предмету, но тѣмъ не менѣе, въ настоящемъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія. Изъ расходныхъ книгъ Тайнаго приказа узнаемъ, что подъячій тайныхъ дѣлъ, Григорій Гавриловъ, въ октябрѣ и ноябрѣ 1675 года писалъ въ хоромы къ государю азбуку и часословъ. 26 ноября, когда, вѣроятно, онъ окончилъ свой трудъ, ему выдано въ награду 10 рублей, а 27 числа въ соборѣ Николаи Гостунскаго служили молебень для многолѣтняго здравія царевича Петра Алексѣевича, за что причту выдано: протопопу 10 рублей, тремъ священникамъ по 5 р., двумъ дьяконамъ по 3 р., дьячку полтора рубля, тремъ пономарямъ по 25 адтынѣ. Извѣстно, что ученіе всегда начина-

лось молебномъ, который служили не только дома, но и по церквамъ. Совпаденіе этихъ двухъ обстоятельствъ наводитъ на мысль, не началось ли ученіе грамотѣ съ этого времени, то есть слишкомъ за годъ раньше, чѣмъ свидѣтельствуеетъ Крекшинъ. Къ тому же, былъ обычай ученіе начинать съ пророка Наума, т. е. съ 1 декабря. Что же касается до того, что азбука и часословъ были писанные, а не печатные, какихъ уже передъ тѣмъ временемъ было нѣсколько изданій, то, безъ сомнѣнія, они были написаны крупнымъ уставомъ и съ разными украшеніями, что на первый разъ для ребенка было даже необходимо. Впрочемъ, наше предположеніе требуетъ еще болѣе крѣпкихъ подтвержденій, за неимѣніемъ которыхъ остановимся на разсказѣ Крекшина. Наступило пять лѣтъ царевичу, но возрастомъ и остротою разума онъ одаренъ былъ не по лѣтамъ. Отца онъ лишился еще на четвертомъ году. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, старшій братъ Петра, «вельми любяше царевича и зрѣнія его ради часто приходя къ вдовствующей царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ», посовѣтовалъ однажды, что время посадить его за грамоту. Нужно было съискать учителя, кроткаго, смиреннаго и вѣдущаго божественное писаніе. Бывшій при этомъ вмѣстѣ съ государемъ бояринъ Ѳеодоръ Соковнинъ донесъ ихъ величествамъ, что имѣется мужъ кроткій и смиренный и всякихъ добродѣтелей исполненъ, въ грамотѣ и писаніи искусенъ, изъ приказныхъ, Никита Моисеевъ Зотовъ. Государь повелѣлъ представить его. Не объявляя Зотову о царскомъ рѣшеніи, Соковнинъ привезъ его во дворецъ, ввелъ въ переднюю комнату и велѣлъ дожидаться. Черезъ нѣсколько времени одинъ изъ комнатныхъ вышелъ и спросилъ:—«Кто здѣсь Никита Зотовъ?» Зотовъ объявилъ себя.—«Государь изволить тебя спрашивать, пойдѣ скорѣ»,—сказалъ комнатный. При этихъ словахъ Зотовъ пришелъ въ страхъ и безпамятство, такъ что не могъ двинуться съ мѣста. Онъ вовсе не подовѣривалъ, по какому случаю долженъ былъ предстать предъ свѣтлыя очи государя. Комнатный взялъ за руку кроткаго и смиреннаго учителя и въ утѣшеніе объявилъ ему, что милости ради государь его требуетъ. Но оробѣвшій учитель просилъ, чтобъ дали хоть малое время, когда придетъ въ память. Постоявъ немного, сотворилъ онъ крестное знаменіе и пошелъ за комнатнымъ во внутренніе покои къ царскому величеству. Государь милостиво принялъ его, пожаловавъ къ рукѣ. Началось испытаніе: Зотову велѣли писать и потомъ честь книги. Къ испытанію былъ призванъ Симеонъ Полоцкій, мужъ премудрый въ писаніи, который, разсмотря писаніе и слушавъ чтеніе Зотова, объявилъ государю, «яко право то писаніе и глаголь чтенія.» Прозкзаменованный учитель былъ отведенъ Соковниннымъ къ царицѣ. Когда Соковнинъ представилъ его, царица, держа за руку маленькаго Петра, обратилась къ избранному учителю съ слѣдующею рѣчью:—«Извѣстна я о тебѣ, что ты житія благаго, божественное писаніе знаешь,—вручаю тебѣ единороднаго моего сына. Прими его и прележи къ наученію божественной мудрости и страху Божію и благочинному житію, и писанію». До сихъ поръ Зотовъ мало понималъ, въ чемъ дѣло. Услышавъ повелѣніе царицы,—весь обліясь слезами, упалъ къ ея ногамъ и, тресаясь отъ страха и слезъ, проговорилъ:—«Нѣсмь достоинъ принять въ хранилище мое толикое сокровище». Государыня, повелѣвъ встать, продолжала:—«Прими отъ рукъ моихъ, не отрицайся принять. О добродѣтели и смиреніи твоемъ я извѣстна».

Зотовъ же не воста, лежа у ногъ, помышляя свое убожество. Государыня, снова повагѣвъ встать, пожаловала его къ рукѣ и приказала явиться наутріе для ученія царевича. На другой день утромъ, въ присутствіи царя Θεодора, патріархъ, сотворя обычное моленіе, окропя блаженнаго отрока святою водою и благословивъ, вручилъ его Зотову. Зотовъ, посада цесаревича на мѣсто, сотворилъ ему земное поклоненіе и началъ ученіе. Въ то же время учитель былъ щедро награжденъ: патріархъ пожаловалъ ему сто рублей, государь—дворъ, государыня—двѣ пары богатаго платья и весь уборъ. Царевичъ учился прилежно и охотно. Главный и первый предметъ преподаванія заключался въ чтеніи и ученіи часослова, псалтыря, Дѣяній и Евангелія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Зотовъ же училъ царевича и писать. Обученіе писму началось, кажется, на восьмомъ уже году, на что указываетъ извѣстіе о переплетѣ въ черчатый бархатъ царевичевой буквари (прониси) 15 марта 1680 года. Читать и писать царевичъ учился на особомъ учительномъ наложѣ, который въ 1680 году былъ обитъ на хлопчатой бумагѣ черчатимъ атласомъ съ серебрянымъ галуномъ, а въ 1682 году алтымъ атласомъ. Не встрѣтилось намъ извѣстій о томъ, учился ли царевичъ церковному пѣнію, которое, какъ извѣстно, составляло необходимую и неотмѣнную часть тогдашняго начальнаго образованія. Отсутствіе положительнаго указанія по этому предмету не можетъ служить доказательствомъ, что пѣніе не входило въ первое ученіе Петра. При томъ, кромѣ Зотова, въ современныхъ расходныхъ запискахъ (1683 г.) упоминается еще учитель—Афанасій Алексѣевъ Нестеровъ, который, можетъ быть, и былъ учителемъ пѣнія. Но обыкновенный курсъ ученія значительно пополнялся при руководствѣ Зотова другими средствами образованія. Въ враздное время царевичъ съ любопытствомъ слушалъ исторіи дѣла храбрыхъ и премудрыхъ царей, любилъ смотрѣть книги съ кунштами, т. е. съ рисунками, съ которыми онъ былъ уже знакомъ еще до начала обученія грамотѣ. Книги эти, составляемыя для забавы дѣтей, назывались обыкновенно потѣшными. Но умный учитель обратилъ на это особенное вниманіе, и представилъ царицѣ, что такимъ легкимъ и занятнымъ способомъ можно познакомить царевича со многими полезными знаніями, и просилъ, чтобъ были избраны искусные художники для составленія подобныхъ книгъ и училищъ, т. е. иллюстрированныхъ тетрадей. Государыня весьма обрадовалась этому предложенію, повелѣла выдать изъ домашней царской бібліотеки всѣ историческія «книги съ кунштами и всея Россіи книги съ рисунками городовъ и книги многія знатныхъ во вселенной городовъ». При помощи тогдашнихъ живописцевъ Зотовъ составилъ значительное собраніе разныхъ кунштовъ, приказавъ написать лучшимъ, драгимъ мастерствомъ, красками: грады, палаты, зданія, дѣла военныя, великіе корабли и вообще исторіи лицевыя съ прописями, т. е. съ текстомъ, и распредѣлилъ всѣ эти книги и училища по разнымъ покоямъ царевичевыхъ хоромъ. Когда царевичъ въ ученіи книжномъ слишкомъ утруждался, Зотовъ бралъ изъ рукъ его книгу и въ увеселеніе сказывалъ: «О блаженныхъ дѣлахъ родителя его, царя Алексѣя Михайловича, и царя Ивана Васильевича, храбрыхъ ихъ и военныя дѣла и дальніе нужные походы, бои, взятые городовъ, и колико претерпѣвали нужду и тяготу больше простаго народа, и тѣмъ колікія благополучія государству приобрѣли, и государство Россійское

распространили. Такъ повѣдалъ дѣла в. к. Дмитрія Донскаго, и дѣла князя Владиміра, и Александра Невскаго, и о прочихъ». А чтобъ представить все это наглядно, показывалъ ему изображеніе разсказанныхъ исторій и подвиговъ и, переходя изъ комнаты въ комнату, знакомилъ его съ различными науками, присовокупляя, что безъ нихъ державнымъ монархомъ невозможно быть. Разсказъ Крекшина вполне подтверждается современными официальными свидѣтельствами. Въ описаніи царскаго домашняго быта мы уже имѣли случай замѣтить, что обученіе дѣтей, или, точнѣе, передача имъ разныхъ свѣдѣній, доступныхъ тому времени, была ведена посредствомъ картинокъ и имѣла довольно правильный составъ. Книги съ картинками историческаго содержанія назывались царственными, потому что излагали исторіи царствъ. Всѣ другіе предметы, изображенные въ картинкахъ свѣтскаго содержанія, носили имя потѣшныхъ, увеселительныхъ, служившихъ для забавы, ибо назидательнымъ, учительнымъ въ собственномъ смыслѣ почиталось одно только Св. Писаніе и вообще книги церковно-учительныя. Поэтому и всѣ эстампы, гравюры, привозимые съ запада, также носили названіе потѣшныхъ фряжскихъ и нѣмецкихъ листовъ. Такимъ образомъ, Зотовъ не былъ первымъ вводителемъ этой методы знакомить дѣтей съ разными предметами быта и тогдашнихъ знаній посредствомъ картинокъ, какъ можно бы отчасти заключить изъ словъ Крекшина. Онъ могъ сдѣлать только болѣе обширное приложеніе этой методы при обученіи Петра. Еще князь Щербатовъ, издавая въ прошломъ столѣтіи разные «лѣтописцы» подъ именемъ «Царственной книги», «Царственнаго лѣтописца» и «Древняго лѣтописца», которые были украшены множествомъ картинъ, замѣтилъ, что эти книги составляли нѣкогда одно цѣлое, и на основаніи словъ Крекшина предположилъ, что сіи сочиненія могли быть употреблены для науки Петру Великому. Дѣйствительно, въ расходныхъ запискахъ 1677 года встрѣчаемъ указаніе, что 24-го марта, дьякъ Андрей Юдинъ принесъ въ Оружейную палату, которая въ то время завѣдывала иконописными и живописными работами, «книгу царственную въ лицахъ, писана на александрѣйской бумагѣ въ десять, была переплетена и изъ переплету вывалилась, и многіе листы ознаменены, а не выдѣвлены, шестьсотъ тринадцать листовъ, а на тѣхъ листахъ тысяча семдесятъ два мѣста (рисунокъ); а приказалъ тое книгу раздѣлать иконописцамъ; а которые драные листы въ той книги, и тѣ листы переписать вновь; а сказалъ: тое книгу выдалъ ему отъ в. государя (Феодора Алексѣевича) изъ хоромъ бояринъ и дворецкой и оружейничей Богданъ Матвѣевичъ Хитрово». Книга была отдана иконописцу Филиппу Павлову съ товарищи на подрядъ, по уговору за дѣло со всякаго мѣста (рисунокъ) по 6 денегъ. Такимъ образомъ, время, когда эта книга поступила въ руки мастеровъ для возобновленія, именно 24 марта, совершенно совпадаетъ съ началомъ обученія Петра Зотовымъ (12 марта). Припомнимъ, что тогда же царица Наталія Кирилловна повелѣла отдать Зотову и всѣ историческія книги съ кунштами. Нѣтъ сомнѣнія, что это та самая книга, по которой Петръ ознакомился съ русскою исторіей и которая потомъ въ безпорядкѣ найдена Щербатовымъ и издана подъ именемъ «лѣтописцевъ». Теперь она принадлежитъ патріаршему книгохранилищу и приобретаетъ въ глазахъ любителя старины новую цѣну, какъ памятникъ первоначальной науки великаго Преобразователя.

Потѣшныя книги и потѣшныя фряжскіе листы по своему содержанію принадлежали также большею частью къ историческому отдѣлу свѣдѣній. Подъ словомъ «потѣшный», какъ мы замѣтили, разумѣли тогда все, что не входило въ кругъ церковной книжности. Поэтому потѣшныя книги и потѣшныя листы могли быть сказочнаго, забавнаго содержанія, а также изображали и описывали предметы болѣе или менѣе назидательныя или, какъ свидѣтельствуесть Крекшинъ, грады, палаты, зданія, великіе корабли, дѣла военныя, бои, взятіе городовъ, исторіи лицевыя и т. п. Впрочемъ, доступны намъ официальные указанія о потѣшныхъ книгахъ и листахъ рѣдко обмолвливаются объ ихъ содержаніи, и потому мы совершенно лишены возможности опредѣлить, какими именно изображеніями начались образовательныя забавы маленькаго Петра. Известно только, что потѣшныя книги очень рано вошли въ кругъ этихъ забавъ. Такъ, 8 января 1675 года, когда царевичу былъ третій еще годъ, иконописецъ Тимоѳей Реванецъ писалъ ему потѣшную книгу въ четверть листа, раздѣливъ ее шафраномъ, виницейскою ярью и бѣлками. Написать приказала боярыня Матрѣна Васильевна Блохина. 2 іюня 1676 года иконописецъ Никифоръ Бовыкинъ также написалъ книгу шафраномъ на толстой и гладкой бумагѣ, по приказу боярыни Матрѣны Романовны Леонтьевой. 20 іюня иконописецъ Ѳеодоръ Матвѣевъ писалъ потѣшную книгу и раздѣчивалъ сусальнымъ золотомъ по приказу боярина оружейничаго В. М. Хитрово. Но само собою разумѣется, что эти отрывочныя свѣдѣнія, случайно сохранившіяся, не даютъ полнаго отчета о всѣхъ книгахъ и тетрадяхъ, какія въ разное время были изготовлены царевичу. Они не могутъ также положительно указывать, что забавы царевича этими книжками начались на третьемъ году; потѣшныя книги, тетради и листы поступали въ число игрушекъ съ того времени, какъ ребенокъ начиналъ смыслить. Сестрѣ Петра, царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, потѣшная книжка была написана, когда ей было только полтора года, 7 февраля 1675 года.

О потѣшныхъ листахъ официальные записки сообщаютъ, что въ 1680 году 11 марта царевичу въ хоромы было куплено потѣшныхъ листовъ на гривну, а въ 1682 году 29 апрѣля столбникъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ въ хоромы взялъ сто листовъ фряжскихъ. Нужно замѣтить, что фряжскими листами убирались также и стѣны въ коинатахъ,—слѣдовательно, въ настоящемъ случаѣ эти листы могли быть употреблены и на такую уборку. Но все равно,—на стѣнахъ ли, въ рукахъ ли ребенка,—эти листы были весьма важнымъ и по времени въ высшей степени полезнымъ руководствомъ для обогащенія дѣтскаго ума разнообразными болѣе или менѣе практическими свѣдѣніями, которыя восполняли въ тогдашнемъ образованіи весьма ощутительное отсутствіе наукъ. Къ этимъ гравированнымъ листамъ присоединились и рисованныя, вѣроятно пополнявшіе выборъ печатныхъ листовъ. Въ 1679 году 19 декабря живописецъ Карлъ Ивановъ писалъ царевичу «на александрѣйскомъ листѣ красками и золотомъ: двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣги небесныя противъ того, какъ въ столовой въ подволокахъ написано», т. е. въ плафонѣ столовой комнаты.

Такимъ образомъ, курсъ обученія былъ по преимуществу практический, болѣе увеселительный или потѣшный, какъ тогда говорили. По содержанію онъ былъ слишкомъ бѣденъ и не имѣлъ никакой заранѣе

опредѣленной системы, но за то какъ нельзя болѣе соответствовали вкусамъ и потребностямъ даровитаго ученика,—соответствовали именно той стороной, которая, вмѣстѣ съ первыми его играми, присваивала такой дѣльный и дѣятельный характеръ дальнѣйшимъ потѣхамъ и забавамъ царевича.

Скоро и легко маленький Петръ прошелъ всѣ науки. «По немногомъ ученіи и трудахъ богодарованною премудростію все совершенно обучи,—замѣчаетъ Крекшинъ,—а книжное ученіе только имѣ въ твердости, что все Евангеліе и Апостолъ наизусть или памятью остро прочитай.... Егда сѣмя благихъ ученій вкоренися въ сердце юнаго отрока, тогда разжеся любовью, еже бы вся, предлагаемая во ученіи, дѣйствомъ исполнить, свидать грады, и таяжде брать, полки водить и дѣйствіе боевъ и морское плаваніе видѣть, и красная зданія созидать». Если съ одной стороны къ тому же самому вели первыя его игры, то съ другой—книги съ рисунками, фряжскіе листы и разныя куншты съ изображеніемъ военныхъ дѣлъ болѣе и болѣе укрѣпляли преобладающее направленіе въ занятіяхъ и забавахъ ребенка, съ каждымъ днемъ расширяли кругъ его свѣдѣній объ этихъ любимыхъ предметахъ. Потѣхи шли впередъ и впередъ, становились серьезнѣе, принимали видъ дѣйствительнаго служебнаго дѣла.

III. ХАРАКТЕРЪ ВОСПИТАНІЯ И ОБРАЗОВАНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Изъ „Исторіи Россіи“, Соловьева.)

Трехъ лѣтъ остался Петръ по смерти отца, и съ восшествіемъ на престолъ старшаго брата, подвергся удаленію, гоненію вмѣстѣ съ матерью и ея родственниками. Спокойная, правильная обстановка во время младенчества способствуетъ правильности развитія, не ускоряетъ его въ ребенкѣ; напротивъ, печальная доля въ младенчествѣ, гоненія, бури способствуютъ раннему развитію въ дѣтяхъ способныхъ. Передъ глазами постоянно печальная мать, толкующая съ ближними людьми о своей невгодѣ, ссылкѣ братьевъ благодѣтеля Матвѣева; ребенокъ пламенный, воспримчивый питается, раздражается семейною враждою; то, что другія дѣти узнаютъ только изъ нянькиныхъ сказокъ, какъ злые родственники гонять невинныхъ дѣтей, какъ послѣднія или гибнуть, или торжествуютъ,—то маленький Петръ испытываетъ въ дѣйствительности: онъ уже герой драмы, дѣйствующее лицо, онъ ненавидитъ гонителей настоящею, дѣйствительною ненавистью, и сочувствіе его къ героямъ усиливѣе, чѣмъ у другихъ дѣтей къ ихъ сказочнымъ героямъ, ибо эти герои—онъ самъ, его мать, дядя. Царевича начали учить грамотѣ, призвали, по обычаю, дьяка, умѣвшаго хорошо читать и писать. Дьякъ былъ Никита Моисеевъ сынъ Зотовъ, знаменитый впоследствии пресбургскій патріархъ.

Петру оканчивался десятый годъ, когда умеръ царь Ѳеодоръ. Петра выбираютъ въ цари; но этотъ выборъ ведетъ къ стрѣльцкому бунту. До сихъ поръ удаленіе, гоненіе раздражали ребенка; теперь страшныя, кровавыя сцены передъ глазами, мучительная смерть родныхъ, отчаяніе

матери, власть похищается, переходит въ руки презннихъ гонителей. Послѣ приближенные къ Петру люди рассказывали и несомненно, что во время стрѣльцкаго бунта маленькій Петръ сохранилъ удивительное спокойствіе, нисколько не измѣнился въ лицѣ, и указывали на это, какъ на признакъ будущаго величія. Но какъ бы ни держалъ себя Петръ во время стрѣльцкаго бунта, кровавыя сцены не могли остаться безъ вліянія, и чувства, возбужденныя ими, должны были дѣйствовать разрушительно, хотя бы и сдержаны были на время. Опять удаленіе и гоненіе, опять передъ глазами вѣчно печальная мать и вѣчныя жалобы, вѣчныя толки о томъ, что власть похищена, и дѣлается, Богъ знаетъ что въ государствѣ. Грустно и скучно! страшно скучно для ребенка, которому уже «начинаетъ быть грузно отъ сямрики, какъ отъ тяжелаго бремени». Ученье кончилось съ уходомъ Зотова; у старшихъ братьевъ Петра послѣ дьяка, выучившаго грамотѣ, былъ другой учитель, Симеонъ Полоцкій; Петру не дали такого учителя. Что же дѣлать огненному мальчику, который, когда и выросъ, не умѣлъ ходить, а только бѣгать? Оставалось одно занятіе—«ходить по улицѣ широкой, съ ребятами тѣшиться», какъ говорила старинная пѣсня. И Петръ выбѣгаетъ изъ дворца на улицу, чтобъ больше уже не возвращаться во дворецъ съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ сидѣли тамъ его предки. Въ потѣхахъ съ ребятами на улицѣ, въ воинскихъ играхъ, новый Ромулъ кличетъ кличъ по новую дружину, и дружина собирается—удалые потѣшныя конюхи, будущіе образцовые полки. Молодой богатырь расправляетъ свои силы. Въ то время, когда Россія повернула на новый путь, какъ нарочно грусть и скука выгоняютъ молодаго царя изъ дворца на улицу, въ новую сферу, гдѣ онъ окруженъ новыми людьми, гдѣ онъ—вождь новой дружины, разорвавшей съ прежнимъ бытомъ, съ прежними отношеніями. Безъ оглядки бѣжитъ онъ изъ скучнаго дворца, чистымъ и свѣжимъ, новымъ человѣкомъ, и потому способнымъ окружить себя новыми людьми; онъ убѣжалъ отъ царедворцевъ и ищетъ товарищей, беретъ всякаго, кто покажется ему годнымъ для его дѣла. Образуется новое общество, новое государство,—и, какъ обыкновенно бывало при этомъ, является дружина съ своимъ вождемъ, которая и движется, разрушая старое, созидая новое; царь по происхожденію (*rex ex nobilitate*) становится вождемъ дружины по личной доблести (*dux ex virtute*) и удерживаетъ за собою преимущественно этотъ характеръ. Въ немъ не было ничего, что старинные русскіе люди привыкли соединять съ значеніемъ царя; это—герой въ античномъ смыслѣ; это въ новое время единственная исполнинская фигура, какихъ мы видимъ много въ туманной дали, при основаніи и устроеніи человѣческихъ обществъ. Слѣдя за дѣятельностью Петра, мы не должны ни на минуту забывать, что имѣемъ дѣло не съ государемъ только, а съ начальникомъ новаго общества, съ вождемъ дружины, основывающей новое государство, съ человѣкомъ, проникнутымъ исключительно одною мыслью, служащимъ одному началу. Новыя отношенія не могли не высказаться въ новыхъ формахъ: отсюда перемѣна въ обращеніи у Петра съ своими, простой, совершенно товарищескій тонъ его переплски съ новыми людьми, на какихъ бы ступеняхъ они ни находились, какого бы происхожденія ни были, лишь бы только принадлежали къ новому обществу, были товарищами царя въ дѣлѣ преобразования. Современное общество хорошо понимало эти

отношенія: когда русскіе люди раздѣлились и пошла борьба, тѣ, которые стали за старину, обратили свою вражду на эту дружину, на этихъ новыхъ людей, окружавшихъ Петра.

Такое значеніе имѣло то обстоятельство, что молодой царь выгнанъ былъ грустью и скукою изъ дворца и выбѣжалъ на улицу, гдѣ въ потѣхахъ, столько соответствовавшихъ его натурѣ, онъ расправилъ свои силы и получилъ тѣ дружинныя привычки, которыя такъ соответствовали его дѣятельности, его историческому значенію. Но дружинная жизнь, если съ одной стороны предполагаетъ сильную дѣятельность, подвиги, то съ другой предполагаетъ веселую, разгульную жизнь, опять соответствующую природѣ людей, способныхъ къ дружинной жизни. Такъ жилось въ старой Руси, гдѣ князь прежде всего былъ вождемъ дружины; поработать и потомъ сѣсть пить съ дружиною, — таковъ былъ день стараго русскаго князя, который не могъ принять магометанства, потому что «Руси есть веселіе пити». Слѣдовательно, нечему удивляться, если и новая дружина петровская не различалась въ этомъ отношеніи отъ старыхъ дружинъ. Но здѣсь мы должны припомнить еще и другія условія, которыя намъ объясняютъ дѣло во всѣхъ подробностяхъ. Припомнимъ, что для Петровыхъ—дѣда, отца и брата, кроме ихъ природы, недоступный, окруженный священнымъ величіемъ и страхомъ дворецъ служилъ тѣмъ же, чѣмъ теремъ для древней русской женщины—охранялъ нравственную чистоту, хотя мы знаемъ, что болѣе живой по природѣ царь Алексѣй Михайловичъ любилъ иногда пошарить, напоятъ бояръ и духовника. Младшій сынъ его, съ пылкою, страстною природою, выбѣжалъ изъ дворца на улицу, а мы видѣли, какъ грязна была русская улица въ концѣ XVII вѣка; справимся съ извѣстіями о господствовавшихъ порокахъ тогдашняго общества и намъ объяснятся привычки Петра, которыя такъ намъ въ немъ не нравятся. Но неужели молодой Петръ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ? Неужели при немъ не было ни одного человѣка, могшаго силою своего характера и значенія удержать его отъ крайностей, къ которымъ влекла страстная, огненная природа? Самымъ вліятельнымъ человѣкомъ въ этомъ отношеніи могъ быть кравчій, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, двоюродный братъ знаменитаго князя Василія. Князь Борисъ, человѣкъ умный, энергическій, распорядительный, образованный не менѣе князя Василія, знавшій латинскій языкъ и любившій говорить на немъ, честно исполнялъ свои обязанности къ Петру въ томъ отношеніи, что оставался непоколебимо ему вѣренъ, берегъ его интересы, оказалъ важныя услуги въ борьбѣ съ Софьею и послѣ съ стрѣльцами,—съ достоинствомъ относился къ своему воспитаннику, когда тотъ уже началъ свою славную дѣятельность; вотъ, напримѣръ, какъ онъ отвѣчалъ ему на письмо, извѣщавшее о побѣдѣ: «Милостивое письмо твое истинное и побѣдительное принялъ съ великимъ благодареніемъ, за что не по малу воздамъ хвалу Богу. Ласкать и манить не буду, только прошу у Бога всегда такое одолженіе и славу, чтобъ всегда одержать». Но этого самаго князя Бориса иностранцы и русскіе не иначе называютъ, какъ пьяницею. Одинъ изъ иностранцевъ рассказываетъ, что князь Борисъ и молодой Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ набились къ нему на обѣдъ и привели съ собою своихъ друзей, датскаго комиссара и нѣсколько иностранныхъ купцовъ; они оста-

лись такъ довольны кушаньями, что нѣсколько блюдъ отослали къ своимъ женамъ и безъ церемоніи унесли съ собою конфеты. Эти извѣстія очень важны для насъ, потому что лучше всего изображаютъ то гдашнее общество: вотъ передовые люди, одни изъ первыхъ повернувшіе на новую дорогу, сознавшіе необходимость образованія и преобразования; но какъ они не далеко еще ушли! двувѣры, двуглавые Янусы: одна голова обращена впередъ, другая назадъ, говорятъ по-латыни и пьянствуютъ, уносятъ съ собою конфеты съ чужаго обѣда!

Вотъ еще любопытный рассказъ о томъ же князѣ Борисѣ.

Знатокъ латинскаго языка позвалъ къ себѣ иностранцевъ и изумилъ ихъ своимъ грубымъ обращеніемъ съ музыкантами-поляками, привелъ въ ужасъ выходкою противъ несчастнаго учителя дѣтей своихъ, также поляка. Князь Борисъ не любилъ, какъ видно, сдерживаться; онъ былъ также очень откровененъ и въ письмахъ своихъ къ Петру: онъ начинаеть ихъ обыкновенно латинскими фразами, но одно оканчивается такъ: «Бориско, хотя быть пьянъ». Съ княземъ Борисомъ Голицынымъ соединяется въ рассказахъ иностранцевъ молодой человекъ, также близкій къ Петру, Андрей Матвѣевъ, сынъ знаменитаго Артамона. О двадцатидвулѣтнемъ Матвѣевѣ говорятъ, что онъ былъ очень уменъ, хорошо говорилъ по-латыни, любилъ читать и съ жадностью слушалъ повѣсти обо всемъ, что происходило въ Европѣ, имѣлъ особенное расположеніе къ иностранцамъ, жена его была единственная русская женщина, которая не румянилась. Люди самые приближенные къ Петру такъ тянутъ къ западу, такіе охотники до иностранцевъ; Петръ, сгоравшій неудовлетворяемою жаждою знанія и дѣятельности, не могъ долго оставаться въ удаленіи отъ людей, которые могли его кой-чему научить, могли о многомъ поразсказать.

Однажды императрица Елизавета Петровна, войдя въ комнату племянника своего Петра Федоровича, который занимался черченіемъ, поцѣловала его и сказала со слезами:—«Не могу на словахъ разсказать того удовольствія, какое я чувствую, когда вижу, что ты хорошо употребляешь свое время, и вспоминаю, какъ батюшка, заставъ однажды меня съ сестрою за уроками, сказалъ со вздохомъ:—«Ахъ, еслибъ я въ моей молодости былъ выученъ, какъ должно!».

Петра не учили, какъ должно, по его собственному призванію; но онъ много зналъ. Какъ же онъ пріобрѣлъ эти знанія? Пусть разскажетъ самъ.

Князь Яковъ Долгорукій, передъ отъѣздомъ своимъ во Францію, въ посольствѣ разговаривалъ съ четырнадцатилѣтнимъ Петромъ и между прочимъ сказалъ, что у него былъ важный инструментъ, да жаль,—украли: можно было этимъ инструментомъ брать дистанціи, не доходя до того мѣста. Искра упала въ порохъ: «купи мнѣ инструментъ во Франціи». Долгорукій купилъ, привезъ; астролябія—въ рукахъ Петра, но что онъ съ нею станеть дѣлать: не умѣеть, какъ взяться, а у кого спросить? Къ дохтуру нѣмцу,—не знаетъ-ли? Дохтуръ самъ не знаетъ, но говоритъ, что съищеть знающаго, голландца Франца Тиммермана. Учитель нашелся, а ученикъ «гораздо присталъ съ охотою учиться геометріи и фортификаціи».—«И тако», говоритъ Петръ, «сей Францъ, чрезъ сей случай, сталъ при дворѣ быть безпрестанно въ компаніяхъ съ нами». Нашелся знающій человекъ, и дѣло не ограничивается ученіемъ въ четырехъ стѣ-

нахъ; ученикъ не умѣетъ ходить, а только бѣгаетъ. Огненный мальчикъ таскаетъ Тиммермана всюду, и при видѣ всякаго новаго предмета—разспроси: что это? зачѣмъ? Предметовъ новыхъ мало, и безпокойный мальчикъ всюду пробирается, заглядываетъ, нѣтъ-ли гдѣ чего, все ему надобно, все отопри и покажи. Въ Измайловѣ забрался въ амбары, гдѣ лежали старыя негодныя вещи двоюроднаго дяди царскаго, Никиты Ивановича Романова, и вдругъ судно особаго рода, иностранное! — запросъ Тиммерману: Что это за судно?—Ботъ англійскій.—Гдѣ его употребляютъ?—При корабляхъ для ѣзды и возки.—Чѣмъ лучше нашихъ?—Ходить на парусахъ не только-что по вѣтру, но и противъ вѣтра.—Противъ вѣтра? быть не можетъ! Надобно посмотреть; есть-ли такой человѣкъ, который бы починилъ ботъ и ходъ его мнѣ показалъ?—Есть. Сейчасъ отыскали голландца Карштень-Бранта, который при царѣ Алексѣѣ вызванъ былъ для постройки кораблей въ Дѣдиновѣ. Брантъ починилъ ботъ, сдѣлалъ мачту и паруса и началъ лавировать на Яузѣ. «Это мнѣ паче удивительно и зѣло любо стало», говоритъ Петръ. «Потомъ, когда я часто то употреблялъ съ нимъ, и ботъ не всегда хорошо ворочался, но болѣе упирался въ берега, я спросилъ его: для чего такъ? Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его на Просняной прудъ (въ Измайловѣ), но и тамъ немного авантажу съискалъ, а охота стала отъ часу быть болѣе». Рассказывая, какъ возбуждена была въ немъ эта охота, Петръ разсуждаетъ: «Монархію Русскую дѣдъ нашъ очистилъ и успокоилъ, отищеніе жъ (врагамъ) и распространіе сыну своему оставилъ, который какое тщаніе къ тому прилагалъ, а особливо въ воинскихъ дѣлахъ, о томъ всѣмъ есть извѣстно, и не точій на землѣ, но и на морѣ покушался (которое дѣло такъ у насъ странно было, что едва слыхали о немъ), какъ то изъ осады города Риги и изъ строенія двухъ кораблей въ Дѣдиновѣ на Каспійское море видѣть возможно. Но чего ради тогда тому не исполниться и на насъ сіе бремя воля Вышняго Правителя возложить изволила, то оставляемъ непостижимымъ судьбамъ Его».

Что было тайною для Петра, то уже не тайна для потомства. Прежде него была созвана необходимость моря и флота для Россіи. Царь Алексѣѣ Михайловичъ строилъ корабли въ Дѣдиновѣ; мало того, предлагалъ герцогу курляндскому, нельзя-ли строить русскіе корабли въ его гаваняхъ? Но мы видѣли, какъ строили корабли въ Дѣдиновѣ, съ какою медленностью, съ какими остановками; одни приказывали, другіе исполняли, не умѣя и не хотя, и дѣло не пошло. Чтобы оно пошло, нельзя было сидѣть въ Кремлевскомъ дворцѣ и слать указы: надобно было, чтобы въ царѣ разгорѣлась страсть къ морскому дѣлу, чтобы онъ самъ взялся за топоръ и началъ строить корабли, чтобы ему печальныя болотистыя мѣста при устьяхъ Невы казались земнымъ раемъ, парадизомъ, потому только, что они были близки къ морю, что на нихъ можно было строить корабли. Необходимость преобразованій, новыхъ учрежденій была созвана до Петра; но привести въ исполненіе то, на что прежде только покушались, могъ одинъ Петръ.

«Охота стала отъ часу болѣе». Началъ провѣдывать, гдѣ больше воды? Отвѣчали, что ближе нѣтъ большаго озера, какъ Переяславское въ 120 верстахъ. Но какъ туда пробраться? Сказать прямо матери, что идеть на большое озеро плавать и суда строить — не отпустить. На-

добно ухватъ обманомъ. Сказалъ, что далъ обѣщаніе съѣздить къ Троицѣ на богомолье, а отъ Троицы пробрался въ Переяславль. Видъ обширнаго красиваго озера, гдѣ боть уже не будетъ стукаться о берега, разумѣется, еще болѣе разманилъ Петра; онъ сталъ просить у матери завести новую лодку на озерѣ, — царица согласилась, и Брантъ съ мастеромъ Коргомъ отправились въ Переяславль строить корабль.

Молодой богатырь рвался изъ дому, отъ матери, — поразмять своего плеча богатырскаго, спробовать силы-удали молодецкія, только не въ чисто поле, а на широкое озеро; мать употребила сильное средство, чтобъ привязать его къ дому: Петру не минуло еще 19 лѣтъ, какъ его женили 27 января 1689 года на дочери окольного Лопухина, Евдокіи; отецъ царской невѣсты, по обычаю, перемѣнилъ старое имя Иларіона на новое Ѳодора.

Русская пословица «женится — перемѣнится» не исполнилась на Петрѣ: онъ по-прежнему рвался изъ дому, отъ матери и отъ молодой жены. Въ апрѣлѣ 1689 года онъ уже былъ на Переяславскомъ озерѣ, откуда писалъ матери: «Вселибезнѣйшей и паче живота тѣлеснаго дражайшей моей матушкѣ, государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Наталіи Кирилловнѣ. Сынишка твой, въ работѣ пребывающій, Петрушка, благословенія прошу, и о твоёмъ здравіи слышать желаю; а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа, и суды всѣ, кромѣ большаго корабля, въ отдѣлкѣ; только за канатами станеть: и о томъ милости прошу, чтобы тѣ канаты, по семи сотъ сажень, изъ Пушкарскаго приказу, не мѣшавъ, присланы были. А за ними дѣло станеть и житье наше продолжится. По семь паки благословенія прошу». Любопытно видѣть, какъ Петръ хитритъ: чтобъ получить поскорѣ канаты, онъ страшаетъ мать, что иначе не скоро возвратится: «А за ними дѣло станеть и житье наше продолжится».

IV. ИЗВРАНИЕ ПЕТРА НА ПРЕСТОЛѢ.

(Изъ соч. Щербальскаго «Царевна Софья».)

27 апрѣля печальный звонъ большаго колокола возвѣстилъ о кончинѣ Ѳеодора. По этому сигналу всѣ бросились въ Кремль — люди всѣхъ званій и всѣхъ партій. Умы были полны смущенія; всѣхъ беспокоила невѣдѣнность будущаго, и всякій спѣшилъ узнать рѣшеніе важнаго вопроса о престолонаслѣдіи. Тѣло покойнаго царя было уже выставлено на парадномъ одрѣ. Богатые и бѣдные, знатные и черные, всѣ были допущены въ чертоги царскіе. Но пока народъ, жадный до всякаго рода зрѣлищъ, веселыя ли они или печальныя, толпился вокругъ праха вчерашняго своего владыки и прощался съ нимъ, дѣлуя его руку, — патриархъ съ духовенствомъ и знатнѣйшіе свѣтскіе сановники удалились въ переднюю палату, чтобъ совѣщаться о томъ, кому быть царемъ на Руси. Патриархомъ въ то время былъ Іоакимъ. Положивъ одну руку на святое Евангеліе, въ другой держа животворящій крестъ, онъ сказалъ собравшимся вокругъ него сановникамъ: — «Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ отошелъ въ вѣчное блаженство; чадъ по немъ не оставалось, но

остались братія его, царевичи Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи. Царевичъ Іоаннъ шестнадцатилѣтенъ, но одержимъ скорбію и слабъ здоровьемъ; царевичъ же Петръ девятилѣтенъ. Изъ сихъ двухъ братьевъ кто будетъ наслѣдникомъ? Кого наименуемъ въ цари всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи? Единный или оба будутъ царствовать? Спрашиваю и требую, чтобъ сказали истину по совѣсти, какъ предъ престоломъ Божиимъ; кто же изречетъ по страсти, да будетъ тому жребій измѣнника Іуды». Не взирая на увѣщаніе и угрозу первосвятителя, позволительно думать, что страсти въ эту минуту не дремали: для той и другой партіи рѣшался вопросъ—быть или не быть? Поэтому мы не можемъ допустить, чтобъ рѣшеніе этого собранія было произнесено такъ единодушно и спокойно, какъ свидѣлствуютъ дошедшіе до насъ, большею частью официальные документы. Большинство присутствующихъ было расположено къ Петру, ибо состояло почти исключительно изъ вельможъ и духовенства, и потому весьма понятно, что младшій царевичъ восторжествовалъ въ этомъ собраніи. Но зачѣмъ рѣшеніе перваго собранія было потомъ предложено на утвержденіе народу? Какъ извѣстно, обычай совѣщаній народныхъ давно исчезъ въ Россіи; кто же могъ сдѣлать подобное предложеніе? Очевидно, приверженцы Софьи, которые, опираясь на расположеніе нѣкоторой части стрѣльцовъ, могли ожидать въ приговорѣ массы народной болѣе благоприятнаго для себя рѣшенія. Заключение наше не опирается, правда, ни на одномъ словѣ ни въ официальныхъ документахъ, ни даже въ частныхъ извѣстіяхъ; но тогда ни въ Россіи, ни въ другихъ государствахъ не существовало обычая обнародовать самыя пренія, а объявлялся только результатъ ихъ: такъ дѣлало правительство въ своихъ официальныхъ актахъ, того же обычая держались и частные люди, когда вели свои записки. Много любопытнѣйшихъ подробностей погибло такимъ образомъ для насъ безъ всякаго слѣда. Но мы ничѣмъ иначе не можемъ объяснить намѣреніе собранія подвергнуть новымъ случайностямъ утвержденное уже рѣшеніе, какъ вліяніемъ партизановъ Софьи. Отважившись на это, патріархъ вышелъ на Красное крыльцо, у котораго густою толпою стоялъ народъ). При видѣ святителя, сопровождаемаго важнѣйшими сановниками духовнаго и свѣтскаго чина, смолкнулъ смутный говоръ толпы, головы обнажились, и посреди глубокаго безмолвія патріархъ произнесъ:—«Извѣстно вамъ, благочестивые христіане, что благословенное Господомъ царство Русское было подъ державою блаженныя памяти великаго государя царя Михаила Ѳеодоровича, а по немъ державу наслѣдовалъ блаженныя же памяти царь Алексѣй Михайловичъ. По его преставленіи былъ восприемникомъ престола благочестивый государь, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, самодержецъ всея Россіи. Нынѣ же, изволеніемъ Всевышняго, переселился онъ въ безконечный покой, оставя братьевъ, царевичей Іоанна и Петра Алексѣевичей. Изъ нихъ, царевичей, кому быть царемъ всея Россіи? Да объявятъ о томъ свое единодушное рѣшеніе». Не безъ надежды и не безъ тревоги ожидали обѣ партіи народнаго приговора. Но еще Софья не успѣла преклонить на свою сторону большинство; тщетно нѣкоторые ея агенты, набранные изъ буйной сволочи, которою обильны всегда большіе города, пытались провозгласить Іоанна: изъ всей этой густой толпы возвысился одинъ голосъ, одинъ приговоръ:—«Да будетъ царемъ Петръ!». Патріархъ благословилъ народъ и произ-

весь:— «Ему одному, или вмѣстѣ съ братомъ царствовать?» И шумный голосъ народа еще разъ отвѣтствовалъ ему:— «Да будетъ царь Петръ единымъ самодержцемъ всея Россіи!» Съ этимъ рѣшеніемъ патріархъ возвратился въ палаты царскія, чтобъ волею народа наречь на царство Петра. Благословивъ его, онъ сталъ на колѣна и сказалъ:— «Престолъ всероссійскій вдовствуетъ по кончинѣ государя Θεодора Алексѣевича. Отъ имени всего народа православнаго молю тебя, прими скипетръ прародителей твоихъ и благоволи быть нашимъ царемъ!» Петръ поднявъ престарѣлаго святителя, говорилъ, что чувствуетъ себя еще слишкомъ юнымъ для управленія царствомъ, и просилъ предоставить престолъ старшему брату. Но патріархъ, поддерживаемый присутствующими, повторилъ, что таково желаніе народа, и упомянулъ объ умственныхъ и физическихъ несовершенствахъ Іоанна.— «Государь», говорилъ онъ: «не презри моленія рабовъ твоихъ!» И не ожидая отвѣта, осѣнилъ его крестомъ и нарекъ царемъ всея Россіи, а архидіаконъ возгласилъ ему многолѣтіе. Весь бывший при этомъ святительскій ликъ повторилъ его, а думный дякъ, вышедъ на Красное крыльцо, объявилъ народу о соизволеніи Петра принять державу и скипетръ Мономаха.

Въ тотъ же день Москва цѣловала крестъ новому царю и во всѣ концы государства были разсланы гонцы съ этимъ извѣстіемъ. Такъ совершилось избраніе Петра. Возведенный на престолъ волею народа, онъ могъ ожидать спокойствія и тишины.

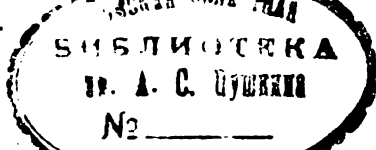
Нарышкины торжествовали; но партія противная не считала еще своего дѣла окончательно проиграннымъ. Окруженная своими сестрами, на которыхъ она имѣла сильное вліяніе, царица Софья въ мучительномъ безпокойствѣ ожидала рѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи. Пока происходили совѣщанія бояръ и духовенства, она не теряла надежды, полагаясь на преданность къ ней народа. Но, когда до нея долетѣло имя Петра, произнесенное тысячею устъ, тогда, не въ состояніи будучи владѣть собою, она воскликнула:— «Избраніе это неправо! Петръ еще юнъ и неразуменъ; Іоаннъ же совершеннолѣтнѣе: онъ долженъ быть царемъ!» Не ограничиваясь этимъ протестомъ, невольно вырвавшимся изъ уявленной груди, царица пригласила къ себѣ патріарха и требовала, чтобъ онъ, во имя законности и первородства, уничтожилъ народное избраніе. Пылкая кровь Софьи кипѣла, затмѣвая разсудокъ. Патріархъ, разумѣется, отвѣчалъ, что избраніе совершенно уже, и что измѣнить его нельзя.— «Пусть, по крайней мѣрѣ, оба царствуютъ!» воскликнула царица.— «Многоначаліе пагубно», отвѣчалъ благоразумный старецъ: «да будетъ единъ царь: такъ угодно Богу!».

V. ЦАРИЦА СОФЬЯ И ПОДГОТОВЛЕНІЕ ПЕРВАГО СТРѢЛЦАГО ВУНТА.

(Изъ сочиненія Щербальскаго «Царица Софья».)

Событія, послѣдовавшія за смертію царя Θεодора Алексѣевича, составляютъ одну изъ самыхъ кровавыхъ и въ то же время самыхъ интересныхъ страницъ нашей древней, до петровской исторіи. Тутъ есть все,

Русск. хрест., III.

что привлекаетъ вниманіе любопытнаго наблюдателя минувшихъ временъ: драматическое движеніе, игра страстей, зародышъ нововведеній, борьба партій, первыя попытки обширныхъ политическихъ соображеній, отдаленные походы посреди безводныхъ, пылающихъ степей, полузакрытые отъ насъ таинственно завѣсой... Царевна Софья, Голицынъ, великій министръ, и отрокъ Петръ, — вотъ лица, стоящія на первомъ планѣ этой картины: ихъ однихъ довольно, чтобы приковать наше вниманіе; но позади этихъ ярко выдающихся фигуръ мы замѣчаемъ достойнаго и несчастнаго Матѣева, Милославскаго, интригующаго даже у дверей гроба, Хованскаго съ фантастическими его замыслами, и вдали буйную массу стрѣльцовъ съ одной стороны, съ другой — Лефорта, Шереметева, Меншикова, ряды потѣшныхъ и флаги первыхъ судовъ русскихъ: это — панорама всей исторіи нашего отечества. Дѣйствительно, независимо отъ собственнаго обширнаго интереса, эпоха, къ описанію которой приступаемъ, какъ грань между до-петровскою и новою Россіею, есть черта, гдѣ сходятся та и другая, и откуда легко и ясно обзрѣваемъ мы то, что лежитъ позади ея и что передъ нею, то-есть послѣдки старины и зачатки нововведеній. Эпоха Петра помрачаетъ эпоху Софьи, но въ общемъ движеніи общественной исторіи онѣ нераздѣльны и взаимно объясняютъ одна другую. Какъ будемъ мы судить о дѣлахъ Петра, если сначала не опредѣлимъ со всевозможною отчетливостію того положенія, въ которомъ принялъ Россію этотъ великій человекъ, — исходнаго пункта, изъ котораго двинулъ онъ ее далѣе? Стрѣльцкіе мятежи и правленіе Софьи суть вступительныя главы въ исторіи Петра. Ознакомимся съ этимъ новымъ и главнѣйшимъ лицомъ вновь завязывавшейся драмы.

Въ высшей степени было бы любопытно прослѣдить психологически развитіе этого сильнаго и необыкновенно самобытнаго характера. Въ настоящее время не легко постигнуть всю необычайность явленія въ Россіи политической женщины. Въ самомъ дѣлѣ, теперь женщинамъ открыты многія поприща: искусство, литература, наука, даже политика, цѣлый вѣкъ могущества женщинъ во Франціи, и нѣсколько разъ возобновлявшіяся женскія царствованія, громкія и славныя, приучили насъ видѣть женщинъ въ высокихъ политическихъ роляхъ, а какъ скоро извѣстность и слава стали доступны имъ, честолюбіе сдѣлалось въ нихъ довольно естественнымъ чувствомъ. Но въ XVII вѣкѣ русскимъ женщинамъ едва ли было возможно мечтать о власти даже въ домашнемъ, хозяйственномъ быту; дочерямъ же и супругамъ царей еще, можетъ быть, менѣе, чѣмъ въ частной сферѣ. Сочетаться бракомъ съ иностранными принцами не позволяли нашимъ царевнамъ господствовавшія понятія и нравы; выходить же замужъ за простыхъ гражданъ считалось ниже ихъ достоинства. Поэтому онѣ обрекались безрадостному и бесполезному одиночеству; жизнь ихъ должна была протекать въ тихомъ уединеніи; однообразною нитью проходили ихъ грустные дни, посвященные вышиванію шелкомъ и золотомъ, или ничтожнымъ сплетнямъ съ боярынями и сѣнными дѣвушками. Онѣ рождались, жили и умирали, не вѣдая ничего, что вокругъ нихъ совершалось, и сами никому неизвѣстныя. Даже въ церковь ходили онѣ, — говоритъ современный иностранецъ Мейербергъ, — по особой галлерей; прогуливаться ѣздили въ плотно-закрытыхъ экипажахъ, окруженныя всегда штатомъ придворныхъ дамъ и дѣвицъ, недоступныя даже взору мужчины, такъ что, — прибавляетъ тотъ же путе-

шественикъ,—изъ множества придворныхъ сановниковъ, безпрестанно наполнявшихъ дворецъ, весьма немногимъ случалось во всю свою жизнь мелькомъ увидѣть дочь или супругу царя. Стольники, состоявшіе при нихъ, были отчисляемы въ другую службу съ наступленіемъ извѣстнаго возраста. Самъ царь, вслѣдствіе полувосточныхъ нравовъ старинной Россіи, рѣдко позволялъ себѣ раздѣлять трапезу съ супругою своею, съ дочерьми же почти никогда того не случалось. Какимъ же образомъ, при такомъ строгомъ отчужденіи отъ всякаго внѣшняго вліянія, могла царевна Софья войти въ сношенія съ политической партіею? Какъ вообще могли въ душѣ ея родиться властолюбивые помыслы? Откуда могла взятая въ ней жажда дѣятельности? Къ сожалѣнію, мы имѣемъ весьма мало данныхъ для разрѣшенія этого любопытнаго вопроса и принуждены здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, ограничиться соображеніями и догадками. При царѣ Алексѣѣ было нѣсколько людей въ Москвѣ, которые начинали чувствовать какую-то смутную потребность развитія нѣсколько болѣе широкаго, чѣмъ старинно-русское,—которые инстинктивно скорѣе, чѣмъ по сознанію, сочувствовали глухо достигавшимъ до нихъ отраженіямъ западныхъ идей. Замѣчательнѣйшимъ изъ такихъ людей былъ Матвѣевъ, поставленный своимъ положеніемъ, какъ начальникъ Посольскаго приказа, въ довольно частыя сношенія съ иностранцами: Доказательствомъ его хоть нѣсколько европейскаго развитія служить то, что онъ первый въ Россіи завелъ драматическія представленія и оркестръ музыки. Разумѣется, и въ сочиненіи и въ исполненіи этихъ пьесъ было весьма мало художественнаго; но подобныя занятія, по крайней мѣрѣ, отнимали время у бражничества, и уже въ этомъ отношеніи приносили свою пользу. Самъ царь, какъ было уже сказано, любилъ эти забавы, эти западныя ухищренія и, не сознавая, безъ сомнѣнія, того самъ, поддавался вліянію проникавшаго въ Россію просвѣщенія.

Въ то же время былъ другой человекъ, едва ли не болѣе еще Матвѣева содѣйствовавшій успѣхамъ начинавшагося движенія при московскомъ дворѣ. Это былъ извѣстный Симеонъ Полоцкій. Уроженецъ нынѣшнихъ западныхъ губерній нашихъ, онъ получилъ воспитаніе нѣсколько отличное отъ того, которое обыкновенно получали русскіе духовные; его обвиняли въ привязанности къ латинской церкви; но каковы бы ни были его религіозныя убѣжденія, онъ принесъ съ собою ко двору московскому любовь къ литературѣ и ученію. Астрологъ, духовный писатель, поэтъ и ораторъ, Полоцкій есть весьма замѣчательное лицо при дворѣ Алексѣя Михайловича. Царь любилъ его, поддерживалъ противъ непріязни къ нему другихъ духовныхъ; онъ приблизилъ его къ своей особѣ и допустилъ до короткости, какою не пользовались весьма многіе, несравненно высшіе его именемъ и званіемъ. Будучи, такъ сказать, домашнимъ человекѣмъ во дворцѣ, онъ имѣлъ случай видѣть и короче ознакомиться съ царевной Софьей.

Пылкій духъ и своеобразный умъ этой царевны должны были съ трудомъ умѣщаться въ предѣлахъ тѣсной теремной жизни. Симеонъ Полоцкій могъ открыть и, дѣйствительно, открылъ передъ нею обширный міръ мысли, и царевна съ жаромъ, свойственнымъ пылкой ея природѣ, предалась чтенію, ученію, поэзій. Ея наставникъ читалъ ей свои произведенія и даже ставилъ нѣкоторыя изъ нихъ на сцену въ собственныхъ

ея комнатахъ. Онъ представилъ ей нѣкоторыхъ другихъ людей, занимавшихся тогда въ Москвѣ учениемъ и литературою, каковъ былъ, на примѣръ, Медвѣдевъ, оставившій намъ любопытныя записки о первыхъ мѣсяцахъ послѣ кончины Θεодора. Полагаютъ, что царевна и сама сочиняла стихи: достовѣрно, по крайней мѣрѣ, что первые шаги ея внѣ стези обыкновенныхъ женщинъ того времени имѣли литературное направление; казалось, она должна была стать Мecenатомъ рождавшагося въ Россіи просвѣщенія... Между тѣмъ, и образъ жизни царевны естественно долженъ былъ измѣниться съ измѣненіемъ ея привычекъ и занятій. Она позволила себѣ во многомъ преступать строгость теремныхъ законовъ и принимала въ своихъ покояхъ мужчинъ, которыхъ общество ей было пріятно. Милославскій, родной ея дядя, безъ сомнѣнія, былъ одинъ изъ людей, имѣвшихъ къ ней доступъ. Вслѣдъ за нимъ и, вѣроятно, нѣкоторыми другими, былъ ею принимаемъ и князь В. Голицынъ въ минуты, которыя дѣятельная его служба на украинской границѣ позволяла ему проводить въ Москвѣ. Рѣчи этихъ людей, посвятившихъ всю свою жизнь политической дѣятельности, должны были произвести большое впечатлѣніе на умъ царевны, по природѣ своей болѣе практической и положительной, чѣмъ созерцательной. Чисто кабинетнымъ занятіямъ притомъ не благопріятствовалъ духъ времени и общества, отнюдь не направленный къ умственнымъ интересамъ; въ дѣятельности же политической, въ управленіи массами, въ идеи власти есть какая то неотразимая прелесть, столь осязательная, если можно такъ выразиться, что ни въ какую эпоху человекъ не оставался ей чуждымъ. Царевна отдавалась обаятельной прелести честолюбія. Эта новая, или доселѣ таившаяся безвѣстно въ глубинѣ ея души страсть вспыхнула, — и среди жгучихъ ощущеній надежды, страха, заботъ, среди сильнѣе и сильнѣе запутывавшихся отношеній, забыты, навсегда забыты были мирныя наслажденія, открытыя ей Полоцкимъ!..

И выборъ лицъ, окружавшихъ царевну, и давнишнее нерасположеніе ея къ Натальѣ Кирилловнѣ, и кровная связь съ Іоанномъ, и, наконецъ, увѣренность во имя его управлять государствомъ, а съ другой стороны невозможность одолѣть Матвѣева и вдовствующую царицу съ ея родственниками, — все это рѣшило ея политическую роль.

Въ первый разъ является она на сценѣ политической у постели умирающаго царя, и является здѣсь такою, какою осталась на всю жизнь: вкрадчивою, неотразимою для тѣхъ, къ которымъ она хотѣла овладѣть. Скоро успѣла она почти совершенно отдалить царицу отъ ея супруга, который естественно находилъ болѣе отрады въ разумныхъ попеченіяхъ своей сестры, нежели въ бесполезныхъ рыданіяхъ царицы. Чтò говорила Софья Θεодору Алексѣевичу, склоняясь надъ его изголовьемъ, — осталось тайной для исторіи. Смерть послѣшила пресѣчь дѣло царевны: она не успѣла склонить царя къ назначенію себѣ преемникомъ старшаго изъ двухъ братьевъ, но и Петръ не былъ признанъ наследникомъ. Это былъ уже важный успѣхъ: рѣшеніе великаго вопроса отсрочивалось, — а выиграть время для царевны значило увеличить вѣроятность побѣды; отнынѣ вопросъ о престолонаслѣдіи могъ разрѣшиться не иначе, какъ борьбою двухъ партій. Вникнемъ внимательнѣе въ составъ каждой изъ нихъ.

Приверженцы Петра считали въ рядахъ своихъ лучшія имена тогдашней аристократіи, каковы были Одоевскіе, Голицыны, Долгорукіе,

Черкасскіе, Троекуровы, Ромодановскіе, Куракины, Лыковы, Урусовы, Репнины, Шереметевы и многіе другіе. Въ старой Россіи, гдѣ такъ строго соблюдались разграниченія, гдѣ простоядины кланялись до земли всякому боярину, много значило имѣть на своей сторонѣ большую часть родовой и служебной аристократіи; духовенство, и во главѣ его патриархъ, было также расположено къ Петру, сыну щедрой къ церквамъ, набожной Наталіи Кирилловны; къ нему же, наконецъ, какъ уже сказано, было обращено и народное сочувствіе. Но многіе изъ приверженцевъ Петра и его матери не любили Нарышкиныхъ, и отъ этого партія эта не имѣла цѣлости; народъ, напримѣръ, преданный молодому царевичу и царицѣ, не любилъ ихъ родню, непривѣтливую и надменную; тоже самое должны были чувствовать весьма многіе вельможи, которые не безъ основанія считали себя выше Нарышкиныхъ, какъ по происхожденію, такъ и по заслугамъ и живо сохранившимся еще расчетамъ мѣстничества. Наконецъ, главнымъ несчастьемъ партіи было то, что она не имѣла руководителя. Петръ былъ еще почти младенецъ, дѣдъ же и дядя его, какъ люди слишкомъ посредственные, не могли стать во главѣ партіи, особенно при трудныхъ обстоятельствахъ того времени. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, надежды партіи обратились на Артамона Сергѣевича Матвѣева, котораго и по опытности его въ дѣлахъ, и по любви къ нему народной, и по близкимъ отношеніямъ къ Наталѣ Кирилловнѣ, всѣ признавали единственнымъ человѣкомъ, способнымъ управлять интересами и силами приверженцевъ Петра. Совсѣмъ другое зрѣлище представляла противная партія. Въ ней насчитывалось мало именъ; сама царица Софья, Иванъ Милославскій, племянникъ его Александръ, да двое другихъ его родственниковъ, Толстыхъ,—и только. Но эта партія имѣла на своей сторонѣ то важное преимущество, что она была сильно связана единствомъ цѣли и воли. Притомъ она опиралась на вооруженную и организованную массу стрѣльцовъ. Чтобы хорошенько уразумѣть, какимъ образомъ Софья и Милославскій могли привить свои интересы стрѣльцамъ, необходимо нѣсколько объяснительныхъ словъ.

Стрѣлцекое войско, учрежденное Иоанномъ IV, много потеряло своей прежней значительности. Самая организація этого войска заключала въ себѣ причины будущаго его упадка. Это была первая рать, нѣсколько регулярная и существовавшая на иждивеніи государства. Стрѣльцы получали жалованье; но такъ какъ тогдашняя Россія была слишкомъ бѣдна монетою, то жалованья этого было имъ недостаточно для содержанія въ постоянной исправности своего оружія и для продовольствія себя съ семействами. Поэтому имъ разрѣшено было заниматься земледѣліемъ и торговлею, въ которой даже пользовались они многими льготами. На такомъ основаніи жили стрѣльцы отдѣльными слободами въ Москвѣ, въ нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ и по границамъ, въ крѣпостяхъ и острогахъ. Можно вообразить себѣ, что этимъ осѣдлымъ и осемьянившимся людямъ не было большой охоты выступать по призыву царскому въ походъ; война была для нихъ уже не ремесломъ, а помѣхою въ главныхъ ихъ занятіяхъ. Поэтому-то они приносили съ собою въ рать лишь печаль объ оставленныхъ ими семействахъ и равнодушіе къ славѣ оружія, а въ дома свои, въ гражданскую сферу—буйныя привычки лагерной жизни.

По всѣмъ этимъ причинамъ мнѣніе общественное не было въ пользу стрѣльцовъ; никто изъ людей, нѣсколько значительныхъ, не шелъ даже въ начальники стрѣлцкіе; самыхъ полковниковъ надобно было назначать туда силою, либо брать ихъ безъ всякаго разбора. Такъ, дѣйствительно, и было: командиры стрѣлцкихъ полковъ были люди далеко не строгой честности, и поступали на эти мѣста съ своекорыстными видами. Они заставляли своихъ подчиненныхъ работать у себя на огородахъ, на подворьяхъ, позволяли имъ за деньги откупаться отъ службы, жестоко наказывали ихъ и даже заставляли на свой счетъ чинить и строить лафеты артиллерійскихъ орудій, барабаны и т. п. Если такіа злоупотребленія совершались въ полкахъ московскихъ, то что же должно было происходить на украинской, на сибирской, на шведской границахъ! И это были злоупотребленія не случайныя или мѣстныя, но всеобщія и давно укоренившіяся. Слѣдовательно, вполне признавая, что между стрѣльцами царствовалъ духъ буйства и своеволія, что военныя доблести ихъ были невелики, нельзя не согласиться, что они съ своей стороны имѣли причины жаловаться на своихъ начальниковъ. Приказомъ стрѣлцкимъ управляли въ послѣднее время князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій и бояринъ Языковъ. Первый изъ нихъ, заслуженный воинъ, былъ уже слишкомъ старъ, чтобы дѣятельно участвовать въ управленіи обширнымъ своимъ вѣдомствомъ; Языковъ же былъ слишкомъ занятъ сохраненіемъ власти своей при дворѣ, чтобы имѣть время заниматься всѣми обязанностями, возложенными на него довѣренностью царя. За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Θεодора, была подана челобитная отъ стрѣльцовъ полка Пыжова на притѣсненія этого полковника. Государь передалъ челобитную по принадлежности Языкову, а Языковъ, не думая долго, велѣлъ жестоко наказать челобитчиковъ, и тѣмъ кончилось дѣло. Разумѣется, такое рѣшеніе не могло удовлетворить стрѣльцовъ; начальниковъ же ихъ только поощрило къ злоупотребленіямъ. За нѣсколько дней до смерти Θεодора Алексѣевича была подана новая жалоба отъ имени всего полка на полковника Семена Грибоѣдова. Это упорство стрѣльцовъ изумило и обезпокоило Языкова; но царь былъ тогда при смерти, и какъ на очереди стояли вопросы большей важности, то любимцу не достало времени заняться разборомъ челобитной. Онъ велѣлъ посадить въ тюрьму Грибоѣдова на одинъ день и поспѣшилъ къ одру умирающаго царя.

Такой судъ, безъ всякаго разбирательства, приговоръ на скорую руку раздражилъ стрѣльцовъ, и неудовольствіе ихъ готово было обнаружиться какимъ-нибудь энергическимъ образомъ не только противъ своихъ полковниковъ, но противъ самого правительства. Партія царевны поспѣшила воспользоваться этимъ состояніемъ умовъ стрѣлцкаго войска. Первоначальныя сношенія между этою партією и недовольными были открыты посредствомъ Александра Милославскаго и Толстыхъ, Ивана и Петра. Они обратились къ полковникамъ Цыклеру и Озерову, людямъ, пользовавшимся вліяніемъ между стрѣльцами. Склонить ихъ на свою сторону было не трудно: люди небогатые, незнатные, но честолюбивые, они легко могли податься на приманку повышеній, корысти, извѣстности; на обѣщанія же въ подобныхъ случаяхъ не скупаются. Цыклеръ и Озеровъ охотно приняли сторону царевны и обѣщали употребить все свое вліяніе, чтобы расположить и все войско въ ея пользу.

VI. СТРЕЛЬЦКІЙ ВУНГЪ 15 МАЯ 1682 Г.

(По «Запискамъ» Андрея Артамоновича графа Матвеева).

Въ 1682 г., 27 апрѣля, скончался царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Тотчасъ же о кончинѣ государя былъ извѣщенъ патриархъ Іоакимъ, а потомъ, по обычаю, колоколь-вѣстникъ возвѣстилъ о ней и народу.

Тогда всѣ думные бояре и царедворцы съѣхались въ Кремль въ великомъ множествѣ для провозглашенія новаго царя. Уже раньше всѣ согласились избрать на престолъ Петра Алексѣевича, который и былъ нареченъ „Царемъ-государемъ и великимъ княземъ московскимъ и всея Россіи самодержцемъ“. Въ это же время бояре и прочіе чины начали присягать Его Величеству, какъ законному и природному наследнику Всероссійской короны... и Петръ, будучи всего десяти лѣтъ отъ роду, вступилъ на царство.

Тогда бояре и служилые дворяне раздѣлились на двѣ партіи. Приверженцы новаго царя, опасаясь мятежа, пріѣхали въ Кремль. Между ними были князья Голицыны, Долгорукіе и многіе другіе, — всѣ они въ эту пору выказали большую ревность и преданность царю. Они надѣли панцири, скрывъ ихъ подъ одеждой своей, и готовы были стоять за царя непоколебимо до смерти. Эта партія понимала, что двоевластіе въ государствѣ есть зло. Избраніе Петра было утверждено... Знатнѣйшіе бояре и сановники, дворяне и народъ, всѣ, кромѣ московскихъ стрельцовъ, готовы были вѣрно служить Петру. Но уже при избраніи и провозглашеніи царя нѣкій Максимъ Сумбуловъ во время общаго собранія въ Кремлѣ дерзко кричалъ со своими единомышленниками, что „по первенству надлежитъ быть на царствѣ государю-царевичу Іоанну Алексѣевичу“. Но его заявленіе не имѣло успѣха, ибо разныя болѣзни и недостатки царевича не позволяли ему вступить на царскій престолъ... Тѣмъ не менѣе, избраніе Петра возбудило противъ него другую партію, во главѣ которой стояла Софія Алексѣевна, сестра царевича Іоанна, съ которыми она была отъ одной матери (Марьи Ильиницны Милославской). Царевна обладала великимъ, пронизательнымъ умомъ, болѣе мужскимъ, чѣмъ женскимъ. Хотя она и знала, что братъ ея Іоаннъ, удрученный съ младенческихъ лѣтъ недугами и недолговѣчный, не въ состояніи будетъ снести тяжелые труды государя, но увлеченная честолюбіемъ, она задумала доставить ему тронъ. Она рассчитывала, во-первыхъ, возвысивъ брата, женить его и закрѣпить за его потомствомъ царскую власть; во-вторыхъ, она сама рассчитывала править именемъ брата подобно тому, какъ при греческомъ императорѣ Ѳеодосіи властвовала именемъ его сестра Пульхерія; а въ третьихъ, Софія опасалась возвышенія своей мачехи, царицы Наталіи Кирилловны и Нарышкиныхъ, чтобы они, въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича терпѣвшіе отъ коварныхъ слетень, лжи, клеветы, отъ гоненій, — не отомстили бы за свои обиды... Наконецъ честолюбивой царевнѣ представился удобный случай исполнить свои завѣтные мечты...

Послѣ кончины Ѳеодора Алексѣевича многіе стрельцкіе полки жили въ самой Москвѣ, въ Китаѣ-городѣ, въ Бѣломъ и Земляномъ городахъ, — жили вольными слободами. Незанятые службой и воинскимъ обученіемъ, стрельцы занимались торговлей, даже чрезмѣрно вдались въ купеческіе промыслы, покупали себѣ въ рядахъ многочисленныя лавки, обогащались. Вслѣдствіе такого порядка вещей, многіе стрельцы обратились совсѣмъ въ купцовъ, предавались пьянству, привыкали къ своевольству и не порядку... Не довольствуясь этимъ, они еще болѣе увлеклись своеволіемъ, составили какъ бы свою республику, или рѣчь посполитумъ, забыли

и свое подданство, и службу, и обязанности... Затѣмъ, якобы за причиненныя имъ обиды и неправды, стали они своихъ полковниковъ всячески поносить и ругать, грозя имъ мѣстью... Ослушаніе стрѣльцовъ въ эту пору дошло до крайности... Стали они дено и ночью при своихъ съѣзжихъ избахъ собираться многочисленными шайками въ круги, подобно донскимъ казакамъ. Стрѣлецкій приказъ, учрежденный для стрѣлецкихъ дѣлъ, правителей приказа, князей Юрія Алексѣевича и сына его Михаила Юрьевича Долгорукихъ, ни во что ставили, посмѣшищемъ сдѣлали... Наконецъ, дошли до такой дерзости, что начали нѣкоторыхъ полковниковъ своихъ, пріѣзжавшихъ къ съѣзжимъ избамъ, отгонять палками, камнями въ нихъ метать, при чемъ сквернословили и поносили ихъ, такъ что полковники сѣшши уходить отъ нихъ, спасая свою жизнь... Это было преддверіемъ настоящаго возмущенія... Благодарумныхъ пятисотныхъ, сотенныхъ, десятниковъ и другихъ, которые старались по своей обязанности сдержатъ неистовства своевольныхъ стрѣльцовъ и обличали ихъ, стрѣльцы нагло хватали, выводили на самыя высокія каланчи (караульня) и, взявъ за руки и за ноги, раскачавъ, бросали сверху на землю. При чемъ всѣ радостно кричали по тогдашнему обычаю:— „Любо, любо, любо!“ Ни одинъ изъ этихъ несчастныхъ не уцѣлѣлъ...

Погибвши главныхъ и лучшихъ изъ среды своей и вдавшись въ полное самовластіе, злонамѣренные стрѣльцы стали опасаться возмездія и прекращенія самоуправства своего со стороны царя Петра Алексѣевича, предугадывая, что этотъ монархъ, крѣпкая надежда Россіи и опора, истребитъ ихъ пагубныя сонмища. Волнуясь въ страхѣ ожидаемаго наказанія, стрѣльцы начали сами „безопасной пристани“ себѣ искать, часто сходились въ тайныя сходки, и многіе стрѣлецкіе полки твердо рѣшились поддерживать сторону старшаго царевича Иоанна Алексѣевича и вѣрно стоять за него. Однако-же, сначала не всѣ полки пристали къ этому рѣшенію, колебались, „шатаясь еще, и хромая на обѣ колѣни“. Всѣхъ стрѣльцовъ въ Москвѣ въ то время было 14,198, раздѣленныхъ на девять полковъ.

Намѣреніе стрѣльцовъ (держать сторону Иоанна Алексѣевича), открытое царевнѣ Софій, было для нея радостною вѣстью, какъ „вѣтъ, припесенная голубицей въ Ноевъ ковчегъ во время потопа“. Эта вѣсть возбудила у царевны твердую надежду на успѣхъ, давала ей въ руки удобныя и самыя дѣйствительныя мѣры, и она рѣшилась соединиться со стрѣльцами и дѣйствовать съ ними за одно...

Царевна довѣрила это дѣло надежному лицу, собственнику своему, боярину Ивану Михайловичу Милославскому, человеку хитрому и ловкому. Онъ набиралъ себѣ сообщниковъ, Александра Ивановича Милославскаго, Ивана и Петра Андреевичей Толстыхъ, Ивана Цыклера и другихъ... Прежде всего на совѣтѣ своемъ они положили завести тайныя сношенія со всѣми московскими полками и вліятельными стрѣльцами; сноситься же съ ними порѣшили при посредствѣ упомянутыхъ совѣтниковъ Милославскаго, чтобы на него лично не было никакихъ уликъ и чтобы не подать подозрѣнія. Онъ же притворился внезапно больнымъ и долгое время не выѣзжалъ со двора и не принималъ никого изъ пріѣзжавшихъ къ нему, отказывая всѣмъ, чтобы ему со своими клеветами и совѣтниками безъ всякой помѣхи привести замыселъ къ счастливому концу.

По общему согласію, для болѣе успѣшнаго воденія дѣла, назначили стрѣльцы изъ каждаго полка по нѣскольку выборныхъ лицъ, болѣе ловкихъ, смысленныхъ и вліятельныхъ. А такими были тогда Борисъ Одинцовъ, Обросимъ Петровъ, Козьма Черной и другіе. Они тайкомъ по ночамъ приходили къ Милославскому и его сообщникамъ и доводили до ихъ вѣдома о намѣреніяхъ стрѣльцовъ и состояніи дѣла.

Сперва эти выборные стрельцы начали склонять на свою сторону стрельцкие полки и их возмущать, говоря имъ, что „бояре несправедно учинили, избравъ меньшаго брата на царство, обоеднши старшаго“. Такимъ способомъ они скоро склонили стрельцовъ къ мятежу, хотя нѣкоторые полки еще раздумывали; однако и они прельстились обѣщаніемъ денежныхъ наградъ и повышеній въ чинахъ. Всѣ полки пришли въ смятеніе, кромѣ одного сузаревскаго, въ которомъ пятидесятникъ Иванъ Борисовъ и пятисотенный Василій Бурмистровъ непоколебимо и вѣрно держались присяги со всѣмъ полкомъ.

Условившись съ выборными (заговорщиками), Милославскій предложилъ имъ, чтобы въ то самое время, какъ стрельцы начнутъ бунтъ въ Москвѣ, возвести на царскій престолъ государя-царевича Іоанна Алексѣевича, а бояръ, которые вѣрно держали сторону Петра и могли помѣшать этому намѣренію,—подъ разными вымышленными предлогами избить.

Тогда Милославскіе тайно посылали по всѣмъ стрельцкимъ полкамъ вдову-постельницу, Феодору Семенову, родомъ казачку, съ большою суммою денегъ, чрезъ нее сообщали свои намѣренія и обнадеживали стрельцовъ своею милостью, денежными наградами, прибавкой годоваго жалованья, повышеніемъ въ чинахъ...

Съ этого времени уже ежедневно во всѣхъ стрельцкихъ полкахъ и при сѣзжихъ избахъ стало ясно сказываться скрываемое прежде намѣреніе поднять мятежъ. Особенно же обнаруживалось оно не только въ томъ, что стрельцы стали повседневно собираться многочисленными толпами, но и становиться подъ ружье безъ приказа полковниковъ, всячески самовольничать и безъ надобности бить въ барабаны и въ набаты; даже стали всенародно говорить и безстрашно кричать о своемъ мятежѣ съ похвалой по кабакамъ и торговымъ банямъ...

15 мая,—въ день, въ который нѣкогда совершилось убіеніе царевича Дмитрія,—стали всѣ стрельцкіе полки собираться, какъ бы на службу, у своихъ сѣзжихъ избъ подъ ружье и ожидали приказа дѣйствовать. Въ эту пору явились Александръ Милославскій и Петръ Толстой. Они скакали на борыхъ коняхъ по рядамъ стрельцкихъ полковъ, громко кричали, что „Нарышкины царевича Іоанна Алексѣевича задушили“ и требовали, чтобы стрельцы спѣшили въ Кремль на службу...

Стрельцы тотчасъ же стали у своихъ сѣзжихъ избъ и начали въ церковныхъ приходахъ бить въ набаты и барабаны, и соединяться полки съ полками... Внезапно въ девятомъ часу со всѣхъ сторонъ побѣжали они въ Кремль, со знаменами, барабанами, съ полковыми пушками. Но потомъ, оставивши свои мушкеты съ бердышами, захватили копья, обрубивъ у нихъ длинныя древки. Хотя въ то время при царскомъ дворѣ извѣстно было о стрельцкомъ движеніи, но, не зная причинъ его, не приняли надлежащихъ мѣръ предосторожности.

Того же 15 числа, около полудня, когда бояринъ Матвѣевъ (только-что вернувшійся въ Москву изъ ссылки), выйдя изъ дворца, собирался ѣхать домой, на лѣстницѣ встрѣтилъ его бояринъ, князь Феодоръ Семеновичъ Урусовъ, и объявилъ ему, что стрельцы уже вошли въ Земляной городъ со своими полками и входятъ въ Бѣлый городъ. Оба боярина тотчасъ вернулись во дворецъ и донесли обо всемъ царицѣ, государынѣ Наталіи Кирилловнѣ. Тотчасъ же данъ былъ приказъ караульному полковнику Стремяннаго полка по всему Кремлю ворота запереть, чтобы не допустить стрельцовъ; но было уже поздно. Многие бояре, приѣхавши во дворецъ, донесли, что „стрельцы вошли уже цѣлыми многолюдными полками въ Кремль и стали кричать съ великимъ безчинствомъ, будто измѣнники-бояре, Нарышкины и Матвѣевъ, погубили царевича Іоанна Алексѣевича“.

Услышавъ объ этомъ, бояре, Кирилль Полуектовичъ и сынъ его Иванъ Кирилловичъ Нарышкины и Матвѣевъ, стали слезно просить у ея величества, государыни-царицы, чтобы тотчасъ же показать (матехникамъ) царевича Иоанна, который находился во дворцѣ въ полной неприкосновенности... Тогда по всему дворцу услышаны были шумъ и крики стрѣльцовъ, которые съ наглостью и безчеловѣчствомъ требовали, чтобы „показали имъ царевича Иоанна Алексѣевича“.

При такой опасности, грозившей самой царской власти, изъ величества принуждены были сами, выйдя изъ хоромъ своихъ, идти на Красное крыльцо, гдѣ обыкновенно стоитъ караулъ, и поставили впередъ государя-царя (Петра) и царевича (Иоанна). Хотя деревянная рѣшетка въ дверяхъ у крыльца была заперта, однако же злочестивые измѣнники, незнающіе Бога, отпавшіе отъ подданства и послушанія, подставивъ лѣстницы, дерзали говорить съ царскими особами и „съ великою невѣжливостью и, какъ львы рыкая“, нагло спрашивали самого царевича;— „есть ли онъ подлинный царевичъ Иоаннъ Алексѣевичъ, и кто изъ бояръ-измѣнниковъ изводитъ его?“ На что онъ отвѣчалъ имъ, что „онъ ни отъ кого никакой злобы къ себѣ не видалъ, никто его не изводитъ и жаловаться ни на кого онъ не можетъ“.

Но безстыдная чернь, возбужденная къ бунту Мирославскимъ и его сообщниками, даже видя самого царевича, живаго и невредимаго, не унималась, безпрестанно кричала, требуя выдачи бояръ, Ивана Нарышкина, братьевъ его и боярина Матвѣева, подъ разными вымышленными предлогами, будто онъ, бояринъ Нарышкинъ, корону, діадему и платье царское въ мастерской палатѣ надѣвалъ на себя и считалъ себя способнымъ къ царскому достоинству... Предъявлялись и другія подобныя несообразныя обвиненія... Тогда бояринъ Матвѣевъ безстрашно, исполненный ревности вѣрноподданнаго, вышелъ къ стрѣльцамъ внизъ за рѣшетку и, какъ ни въ чемъ неповинный, сталъ смѣло предъ лицомъ оскорблявшихъ его и говорилъ имъ безъ всякаго страха, напоминая объ ихъ подданствѣ, о покореніи своимъ природнымъ и законнымъ государю-царю и государынѣ-царицѣ; напомнилъ прежнія службы ихъ и вѣрность; указывалъ, что они, стрѣльцы, теперь своимъ злымъ дѣломъ всѣ тѣ заслуги утратили... Нѣкоторые стрѣльцы стали раздумывать надъ словами Матвѣева, успокаиваться, и начали даже, въ расчетѣ на прежнюю свою службу съ бояриномъ Матвѣевымъ, искать его заступничества и разбора дѣла. Обо всемъ этомъ онъ обстоятельно донесъ изъ величества. Послѣ него бояринъ, князь Михайла Юрьевичъ Долгорукій, выйдя къ стрѣльцамъ, сталъ еще ихъ унимать „жестокими словами“, чтобы они тотчасъ назадъ шли въ свои полки изъ Кремля, приказывалъ имъ строго, такъ какъ онъ, князь Долгорукій, въ то время правилъ Стрѣлецкимъ Приказомъ. За это жестокосердые стрѣльцы, схвативъ его, бросили съ крыльца на копы и бердышами изрубили. Съ него началось кровопролитіе и человѣкоубійство.

Узнавъ, что стрѣльцы послѣ словъ Матвѣева стали воздерживаться отъ мятежа, главные коноводы, которымъ нужна была смерть Матвѣева, направили на него стрѣльцовъ другихъ полковъ (не слышавшихъ его увѣщаній), которые ворвались изъ сѣней Грановитой палаты. Они свирѣпо кинулись на него, безстыдно вырвали его изъ царскихъ рукъ, хотя государыня-царица не хотѣла отдавать его. Тогда бояринъ, князь Михайла Черкасскій, выказавъ большое великодушіе: забывъ о страшной опасности для жизни, онъ отнял Матвѣева изъ рукъ стрѣльцовъ и, упавъ на него, прикрывалъ его собою. Но расходившіеся стрѣльцы, вырвавъ его изъ-подъ Черкаскаго, бросили его съ Краснаго крыльца на площадь, и тѣло его съ такимъ варварскимъ тиранствомъ разрубили бердышами, что ни одинъ членъ не остался въ цѣлости.... Тотчасъ же послѣ этого, разсвирѣпѣвшіе измѣнники

закричали громогласно:— „Пришла уже самая пора, кто намъ надобенъ, разбираться!“ И, склонивъ копьа впередъ, побѣжали всѣ съ неистовыми криками въ царскія палаты искать еще другихъ яко-бы извинниковъ. Государыня-царица Наталиа Кирилловна, при видѣ этого жестокаго матажа, взявъ съ собою сына своего царя Петра, отъ страха ушла въ Грановитую палату, въ ужасѣ и съ горькими плачемъ.

Стрѣльцы-же начали бѣгать съ наглостью не только по царскимъ палатамъ, но и по всѣмъ внутреннимъ комнатамъ,—по комнатамъ всѣхъ государынь-царевенъ, и по церквамъ, входили даже безстыдно въ святые алтари, окровавленными руками ощупывали ихъ, копыями подъ святыми жертвенниками шарили, отъяскивая свои жертвы...

День, когда начался бунтъ, ознаменовался чудеснымъ явленіемъ. День, какъ вообще бываетъ въ маѣ мѣсяцѣ, былъ тихій и ясный. Такъ было до начала бунта, до входа стрѣльцовъ въ Кремль. Но когда началось кровопролитіе, наступила тьма, поднялась свирѣпая буря и подулъ такой жестокой вѣтеръ, словно началось свѣтопреставленіе.

Въ тотъ-же день, на томъ-же крыльцѣ, стрѣльцы побили стольника Василя Ларионова Иванова, думнаго дьяка Ларионова, двухъ подполковниковъ— Григорія Горюшкина и Олимпія Юренева.

Во дворцѣ-же, не стыдась даже царственныхъ лицъ, они всюду отъяскивали многихъ извинниковъ, не пропуская не только комнатъ и чулановъ, но и кроватей и постелей царскихъ. Въ это время, бѣгая съ бердышами по царскимъ покоямъ, стрѣльцы убили стольника Теодора Петровича Салтыкова, принявъ его за Аванасія Кирилловича Нарышкина. Тѣло его отвезли къ отцу его, боярину Петру Михайловичу, причемъ учтиво передъ нимъ наклонились, говоря, что по незнанію убили его сына...

Въ тотъ-же день бунтовщики, не довольствуясь совершенными убійствами, ходили и искали всюду, по всему дворцу, намѣченныхъ жертвы... Увидѣли въ одной комнатѣ карлу, по прозвищу Хомяка, и спросили у него:— „Гдѣ утаенные царичины братья Нарышкины?“ Онъ тотчасъ же указалъ имъ въ дворцовую церковь, въ алтарь подъ престоломъ, спрятаннаго средняго царичина брата Аванасія Кирилловича, подражая словомъ и дѣломъ древнему Іудѣ Искариоту; этотъ карла, по милости Аванасія Кирилловича, изъ богадѣльни взять былъ въ царскую комнату. Бунтовщики, какъ звѣри, не устыдились, не ужаснулись Святой Христовой церкви, приступили къ престолу, вытащили изъ-подъ него Нарышкина и, притащивъ на паперть той же церкви, безчеловѣчно разсѣкли и тѣло его оттуда съ ругательствомъ сбросили съ высоты, на площадь соборной церкви... Того-же дня побили стрѣльцы нѣсколькихъ бояръ и думныхъ дьяковъ подъ разными ложными предлогами... Провозглашая вины всякаго, кого они побивали и разсѣкали, они кричали:— „Любо-ли?“ Бывшіи при этомъ печальномъ зрѣлищѣ толпы народа волей или неволей должны были со стрѣльцами шапками махать и кричать виѣсть съ ними:— „любо!“ Если же кто изъ народа, изъ жалости, молчалъ или вздыхалъ, тѣхъ стрѣльцы били, а нѣкоторыхъ боярскихъ слугъ побили немилосердно до смерти. Во все это время въ Кремлѣ не умолкали набатъ и барабаны... Вечеромъ этого печальнаго дня, бунтовщики разошлись по домамъ своимъ, а въ Кремлѣ оставили многолюдный караулъ, приказавъ ему никого безъ ихъ согласія ни въ Кремль не пускать, ни изъ Кремля не выпускать. Въ Китаѣ и Бѣлошъ городахъ, при всѣхъ воротахъ, мятежники тоже утвердили свои караулы.

16-го мая стрѣльцы пришли въ домъ боярина Юрія Алексѣевича Долгорукаго, лукаво заявляя, что они виноваты предъ нимъ, убивши въ запальчивости его сына, и какъ бы просили прощенья у него. Старый, восьмидесятилѣтній

ринъ, украшенный сѣдинами, лежалъ въ ту пору въ параличѣ. Получивъ злополучную вѣсть о смерти сына, подобно древнему Иову, скрылъ горе въ своемъ сердцѣ и учтиво отпустилъ отъ себя стрѣльцовъ, которые вышли отъ него довольные... Но лукавый рабъ Долгорукаго услышалъ, что бояринъ, всегда ему довѣрившій, не удержавшись отъ невыносимой скорби о смерти сына своего, горько заплакалъ и сказалъ народную пословицу: — „Хотя-де шуку они и съѣли, но зубы ея остались“, и прибавилъ: „если Богъ поможетъ, то они, воры и бунтовщики, сами будутъ всѣ перевѣшаны по зубцамъ стѣнъ по Бѣлому и Земляному городамъ въ Москвѣ“... Упомянутый рабъ и доносчикъ не преминулъ стать лютымъ предателемъ своего господина и тотчасъ же, выйдя за стрѣльцами, пересказалъ имъ слова князя. Они въ ту-же минуту воротились, въ ярости не постыдились сѣднѣ старца, схватили его съ постели, вытащили, разсѣкли тѣло его, и ругаясь надъ нимъ, кинули его на навозной кучѣ.

Въ то же утро, въ 10 или 11 часовъ, тѣ же стрѣльцы съ крикомъ, набатнымъ и барабаннымъ боемъ, придя съ большой наглостью къ самой рѣшеткѣ царскаго дома, требовали немедленной выдачи боярина Ивана Кирилловича Нарышкина; при чемъ грозили боярамъ, что всѣхъ ихъ предадутъ лютой смерти, если они не выдадутъ его на слѣдующій день... Но какъ стрѣльцы ни старались, въ этотъ день желаніе ихъ не было исполнено. Во второмъ часу пополудни стрѣльцы, разставивши свои караулы, вышли изъ Кремля. Въ оба указанные дня они, вслѣдствіе своевольства и крайняго пьянства, на пути по Бѣлому и Земляному городамъ многихъ незнатныхъ людей кололи и побивали, какъ скотъ бездомный; вся Москва въ ту пору трепетала отъ ужаса.

Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ въ это время со своими отцомъ, родичами и съ Андреемъ Артамоновичемъ Матвѣевымъ скрывались по разнымъ потаеннымъ мѣстамъ при комнатахъ государыни царевны Наталіи Алексѣевны. Потому всѣ они вмѣстѣ отведены были въ дальніе покои, которые были обращены глухою стѣною къ патриаршему двору... Объ этомъ знала только одна постельница царевны, вполне преданная ей...

Когда же наступило назначенное стрѣльцами время (т. е. время выдачи И. К. Нарышкина), упомянутая постельница хотѣла всѣхъ скрывавшихся спрятать въ особомъ чуланѣ въ снѣгахъ и замкнуть. Всѣ-было на это согласились, но одинъ изъ скрывавшихся, семнадцатилѣтній Матвѣевъ (авторъ этого разсказа), сильно воспротивился, говоря, что чрезъ это мѣсто съ самаго начала бунта стрѣльцы проходили, ища ихъ, и не только въ запертыхъ, но и въ пустыхъ хоромахъ отбивали двери, и если они скроются въ замкнутомъ чуланѣ, то ихъ постигнетъ неминуемая гибель. Всѣ единодушно согласились, положились на Божье милосердіе, вошли въ чуланъ, въ которомъ только одно окно было наглухо замѣтано постелями и подушками, и отъ этого въ чуланѣ было такъ темно, что ни одной стѣны не видно было. Надѣясь на Божью помощь, пріотворивъ дверь чулана на четверть въ лѣвую сторону, сами прижавшись другъ къ другу, стали направо...

Стрѣльцы по приходѣ своемъ въ Кремль, большими толпами, съ яростью и громкимъ крикомъ быстро пробѣжали по упомянутымъ переходамъ, словно бурный потокъ, и никто изъ нихъ въ отворенный чуланъ не заглянулъ, только раза два или три нѣкоторые изъ стрѣльцовъ, бѣжавшихъ въ лѣвую сторону совали свои копыя чрезъ пріотворенную дверь въ подушки и, ругаясь, кричали: — „Наши тамъ вездѣ были и измѣнниковъ тутъ нѣтъ“. Такъ сила Божья спасла неповинныхъ ни въ чемъ отъ нечестивыхъ злодѣевъ...

17 мая московскіе стрѣльцы снова направились въ Кремль съ неистовыми криками, вооруженные бердышами и коньями... Большая часть ихъ отъ чрезмѣр-

наго пьянства, по свирѣпости своей походили болѣе на звѣрей, чѣмъ на людей... Громкимъ крикомъ, нагло требовали они у бояръ, жестоко угрожая имъ, выдачи брата царицы, И. К. Нарышкина; безъ него они ни въ какомъ случаѣ не хотѣли уходить въ этотъ день... Тогда бояре дожили царицѣ объ этомъ требованіи... Царевна Софія тогда впервые вызвала на себя подозрѣніе; она рѣшительно сказала царицѣ, „что никакимъ образомъ того избѣить не возможно, чтобъ брата ея, царицы, стрѣльцамъ въ тотъ день не выдать“.

Царица принуждена была вмѣстѣ съ царевною Софіей идти въ церковь Нерукотвореннаго образа, что на сѣняхъ, близъ золотой рѣшетки, гдѣ стояло безчисленное множество стрѣльцовъ... Туда же, въ церковь, приведенъ былъ братъ царицы, который всѣми таинствами, — покаяніемъ, причащеніемъ и елеопомазаніемъ приготовилъ уже себя къ смерти. Когда вошелъ Нарышкинъ, царевна Софія, наружно выказывая скорбь и сожалѣніе о немъ, объявила ему, почему необходимо выдать его стрѣльцамъ; но онъ, готовый съ частой совѣстью пострадать, безъ трепета и рѣшительно сказалъ: — „Государыня-царевна, воистину не боюся на смерть свою иду, токмо усердно желаю, чтобы моею невинною кровью всѣ тѣ бывшія кровопролитія до конца прекратились“. Затѣмъ онъ отдалъ ей послѣдній поклонъ. Они вышли. Государыня и царевна пришли къ золотой рѣшеткѣ. Всякій можетъ понять, какою нестерпимою болью страдало многоскорбное сердце ея величества, государыни-царицы, при видѣ роднаго брата, котораго приходилось своими руками выдавать не только злочестивымъ ворами, но клятвопреступникамъ, Божьимъ врагамъ... Однако государыня-царица мужественно, собравши всѣ свои силы, принявъ изъ рукъ царевны образъ Пресвятой Божьей Матери, вручила его брату своему въ напутствіе на мученическое страданіе. Царевна же, въ оправданіе себя предъ людьми, старалась показать, что она вынуждена лишь необходимостью рѣшиться на выдачу Нарышкина стрѣльцамъ. При этомъ она высказывала надежду, „будто бы они, стрѣльцы, устрашится предъ иконою, устыдятся своего требованія и отступятъ Нарышкина“. Но при этомъ у нея была „политика итальянская; ибо они, итальянцы, одно говорятъ, другое же думаютъ и дѣлаютъ“.

Не смотря на то, что все къ выдачѣ Нарышкина стрѣльцамъ было уже готово, — одинъ изъ бояръ, знатный и престарѣлый мужъ, князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, по природѣ человекъ боязливый и торопкій, торопилъ государыню, царевну и Нарышкина, говоря: — „Сколько вамъ, государыня, ни жалѣть, отдавать вамъ его нужно будетъ, а тебѣ Ивану (Нарышкину) скорѣе отсюда идти надобно, чтобы намъ всѣмъ за тебя одного не погибнуть!“

Лишь только царица и царевна съ Нарышкинымъ приблизились къ золотой рѣшеткѣ, какъ вдругъ растворились двери и кровопийцы-бунтовщики, не постыдясь царскихъ лицъ, забывъ свое вѣрноподданничество и свою виновность, какъ львы на добычу, какъ вороны на кровь, устремились съ бранью и угрозами, словно иконоборцы, не почтили образа, звѣрски ухватили Нарышкина за волосы и за что попало, и потащили по ступенямъ лѣстницы до площади. Затѣмъ повели его съ ругательствами чрезъ весь Кремль-городъ до застѣнка, называемаго Константиновскимъ, истязали его пытками безъ всякихъ винъ и показаній, необходимыхъ для истиннаго правосудія; безвинно, по одному своему варварству и своеволію, послѣ тиранскихъ мученій, вывели они Нарышкина изъ Кремля за Спасскія ворота, на Красную площадь, и тутъ, по своей обычной звѣрской жестокости, обступивъ его со всѣхъ сторонъ, подняли его на копыя, затѣмъ опустивъ, отсѣкли ему руки, ноги и голову, а тѣло его съ дикимъ крикомъ звѣрски разрубили на мелкія части и съ грязью смѣшали. Такимъ образомъ, мужественно пострадавъ, получилъ онъ мученическій вѣнецъ.

Въ тотъ же день боярина Ивана Максимовича Языкова, который скрывался у духовника своего, священника церкви Святителя Николая на Хлыновѣ, погубили по навѣту одного холопа, изъ дома знакомаго Языкову. Къ его несчастью, этотъ холопъ встрѣтилъ его; Языковъ далъ ему перстень, снявъ его съ руки своей, и просилъ, чтобы онъ не говорилъ о немъ. Но холопъ, уподобясь древнему предателю, сказалъ о Языковѣ стрѣльцамъ и указалъ мѣсто, гдѣ онъ скрывался. Стрѣльцы звѣрски напали на него, съ ругательствомъ привели на Красную площадь и, поднявъ на конья, все тѣло его разсѣкли бердышами... (На той-же недѣлѣ стрѣльцы погубили двухъ докторовъ-иноземцевъ). Желая привлечь себѣ на помощь холопей и слугъ боярскихъ домовъ, стрѣльцы внезапно напали на Холопій приказъ, отбили замки, разломали сундуки и всѣ записи, крѣпости, холоньи книги и другіе государевы указы разодрали и уничтожили. Совершивъ это, стрѣльцы въ большой радости, ходя толпами по всему Кремлю, Китаю и Бѣлому городамъ, по улицамъ и по дворамъ боярскимъ, кричали: — „Всѣмъ слугамъ боярскимъ дана отъ насъ полная воля на всѣ стороны и всякія крѣпости на нихъ разодраны и разбросаны“. Но, къ великому удивленію, стрѣльцы ошиблись въ своихъ расчетахъ: боярскіе слуги съ непоколебимой твердостью сохранили вѣрность своимъ господамъ и даже, ничѣмъ не прельщаясь, еще ревностнѣе стали служить имъ...

18-го числа, стрѣльцы избрали по первенству царевича Іоанна Алексѣевича и нарекли его первымъ царемъ и государемъ російскимъ вмѣстѣ съ Петромъ, который уже считался вторымъ... Бояре, которые держались партіи Нарышкиныхъ, побоялись стрѣльцовъ и страха ради цѣловали крестъ Іоанну Алексѣевичу. Теперь выказалось явно и властолюбіе Софін; ибо на помощь двумъ царямъ она стала правительницей; значеніе же царицы Наталіи Кирилловны скоро послѣ того уменьшилось... Царевна тогда, по милостивому общанію своему, стрѣльцовъ всѣхъ полковъ удовольствовала значительной прибавкой жалованья, выборнымъ ихъ людямъ открыла къ себѣ доступъ, обогатила ихъ всякими доходами и держала въ великой чести...

VII. ПЕРВЫЙ ВУНТЪ СТРѢЛЬЦОВЪ.

(Изъ соч. Погодина: «Перемъ 17 лѣтъ царствованія Петра В.»).

15-го мая, съ ранняго утра, стрѣльцы, вооруженные съ ногъ до головы копьями, бердышами, ружьями, начали собираться у своихъ церковей одновременно во всѣхъ противоположныхъ частяхъ города: за Москвою рѣкой, за Яузой у Серпуховскихъ воротъ, передъ Мѣщанскими слободами. Они какъ-будто ожидали условленнаго знака. И вотъ въ 9-мъ часу дня посланцы Милославскихъ скачутъ верхомъ на лошадяхъ и кричать: — «Царевича Ивана задушили Нарышкины. Въ Кремль! Нарышкины хотятъ извести весь царскій домъ. Къ оружію! Казнить измѣнниковъ! Спасайте царя!» По всѣмъ улицамъ проскакали они съ этими криками. Произошло общее смятеніе. Ударили въ набатъ, забили тревогу въ барабаны, зазвонили въ колокола, привезено нѣсколько полковыхъ пушекъ. Иаготоваясь, стрѣльцы со всѣхъ сторонъ бросились съ распущенными знаменами въ Кремль, какъ бы на непріятеля. Полковниковъ заставили они ѣхать впереди и вести себя.

Встрѣчные недоумѣвали, видя ихъ буйное движеніе съ шумомъ, гамомъ и дикими воплями, и спрашивали, дрожа отъ страха, что случилось. «Идемъ выводить измѣнниковъ и губителей царскаго рода», кричали они по улицамъ.

Большинство вѣрило отъ души, что царскому роду угрожаетъ опасность, что Нарышкины съ своими друзьями хотятъ захватить власть въ свои руки, и стрѣльцы должны спѣшить въ Кремль спасать отечество и казнить измѣнниковъ, ненавистныхъ бояръ.

Повѣренные, посвященные въ тайны заговора, старались, разумѣется, поддерживать ихъ въ этихъ мысляхъ, и дорогою раздували пламя выдумками, одна другой недѣлнѣе.

Длинные древки у копій стрѣльцы обрубили, чтобы удобнѣе управляться ими.

Бояре сидѣли спокойно въ приказахъ, не подозрѣвая, что дѣлается въ городѣ и какая громовая туча несетъ въ Кремль. Кончивъ дѣла около полудня, они собирались уже разѣзжаться по дворамъ къ обѣду.

Матвѣевъ сходить съ постельнаго крыльца по лѣстницѣ; на встрѣчу ему, увидѣвъ онъ, спѣшить снизу князь Ѳеодоръ Семеновичъ Урусовъ... Они сблизились; — тотъ, въ попыткахъ, едва можетъ вымолвить: — «Стрѣльцы взбунтовались... всѣ полки... въ полномъ вооруженіи... идутъ они съ барабаннымъ боемъ въ Кремль». Удивленный Матвѣевъ оборачивается назадъ и вмѣстѣ съ Урусовымъ бѣжитъ къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ предупредить ее...

Не успѣли они вымолвить слова, — вслѣдъ за ними являются другіе Юловы вѣстники, съ вѣстами, одна другой страшнѣе. Стрѣльцы уже въ Бѣломъ городѣ. Они грозятся.

На Верху произошло общее замѣшательство. Никакой защиты въ Кремлѣ не было, и обороняться нечѣмъ. Велятъ запретить всѣ Кремлевскія ворота, посылаютъ за патриархомъ, чтобы онъ пришелъ къ царю и царицѣ немедленно. Намѣренія стрѣльцовъ неизвѣстны, но, судя по наружности, должно ожидать только худаго.

Караульный офицеръ Григорій Горюшкинъ прибѣгаетъ съ донесеніемъ, что воротъ запретить не успѣли, стрѣльцы ворвались и распылились по Кремлю. Всѣ колымаги боярскія согнаны на Ивановскую площадь, на иныхъ убиты возчики или переранены, у другихъ зарублены лошади. Никому нельзя уже было выѣхать изъ Кремля, ни пріѣхать въ Кремль.

Перепуганные бояре собираются всѣ, одинъ за другимъ, въ Грановитую палату.

Стрѣльцы окружаютъ ее и останавливаются предъ Краснымъ крыльцомъ. Шумъ и гамъ, крики и вопли; едва можно разобрать слова: — «Гдѣ царевичъ Іоаннъ? подайте намъ Нарышкиныхъ, Матвѣева. Смерть измѣнникамъ!»

На общемъ совѣтѣ въ Грановитой палатѣ рѣшено выслать къ стрѣльцамъ бояръ, которые спросили бы ихъ, чего имъ надобно. Бояре: князь Черкасскій, Хованскій, Голицынъ, Шереметевъ — выходятъ къ стрѣльцамъ и спрашиваютъ о причинѣ ихъ буйнаго появленія. — «Мы хотимъ казнить измѣнниковъ, — кричатъ стрѣльцы въ отвѣтъ: — они погубили царевича. Замышляютъ извести царскій родъ... Дайте Нарышкиныхъ, Матвѣева, Долгорукаго, Языкова, Ромодановскаго».

Когда высланные бояре принесли этотъ отвѣтъ, то отецъ царицынъ. Матвѣевъ и другіе подали совѣтъ, чтобы царицѣ Наталіи Кирилловнѣ выйти на Красное крыльцо и показать стрѣльцамъ царя и царевича,

Царица, трепещущая отъ страха, взявъ за руки сына и пасынка, въ сопровожденіи патріарха, бояръ и прочихъ сановниковъ, выходитъ на Красное крыльцо.

— «Вотъ царь Петръ Алексѣевичъ, вотъ царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ!» провозглашаютъ громко бояре, пришедшіе съ царицей, и указываютъ на нихъ стрѣльцамъ, «милостію Божьею они здравствуютъ. Измѣнниковъ въ государевомъ дому нѣтъ. Успокойтесь. Васъ обманули».

Стрѣльцы подставляютъ лѣстницы, влѣзаютъ наверхъ, на площадку, гдѣ стояло царское семейство имъ на показъ...

Они увидѣли Петра. Петръ увидѣлъ стрѣльцовъ лицомъ къ лицу.

Подступая къ царевичу Іоанну, стрѣльцы спрашиваютъ:—«Ты ли царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ?»—«Я», отвѣчаетъ почти обезпамятѣвшій слабый молодой человекъ.—«Ты ли?» повторяютъ вопросъ другіе.—«Я, я!» Русскіе послы рассказывали послѣ въ Голландіи, что ребенокъ Петръ во все это время нисколько не измѣнился въ лицѣ, не показывалъ страха.

Патріархъ хотѣлъ сойти внизъ съ крыльца для увѣщанія, но снизу раздается крикъ:—«Не надо намъ совѣтовъ, мы сами знаемъ, что намъ дѣлать». Многіе бросились наверхъ мимо его.

Царица, видя ихъ «неуклонную дерзость и злое устремленіе», удалась съ сыномъ и царевичемъ Иваномъ во внутренніе покои. Матвѣевъ, нѣкогда любимый начальникъ стрѣльцовъ, которые привезли ему надгробные камни съ отеческихъ могилъ на постройку новаго дома, рѣшается сойти къ нимъ внизъ, за рѣшетку. Ласковымъ голосомъ старается онъ образумить ихъ и усовѣститъ, напоминаетъ имъ ихъ прежнюю вѣрную службу, особенно во время Коломенскаго мятежа, которую они теперь помрачаютъ, и объясняетъ имъ, что они волнуются напрасно, вѣря ложнымъ слухамъ, и тревожатъ по пустому царское семейство, совершенно спокойное и безопасное, какъ видѣли и удостовѣрились они сами своими глазами.

Матвѣевъ совѣтуетъ имъ повиниться и общаетъ выпросить прощеніе у государя. Толковая, ласковая рѣчь подѣйствовала. Передніе стрѣльцы пріутихли. Видно было, что на нихъ находило раздумье. Въ серединѣ слышались толки, споры, переговоры; какъ-будто водворилось лучшее настроеніе. Стало тише. Матвѣевъ поспѣшилъ наверхъ успокоить царицу, но коноводы, замѣтивъ опасный для нихъ оборотъ дѣла, которое могло кончиться ничѣмъ, даютъ знакъ своимъ повѣреннымъ, чтобы тѣ бѣжали съ другой стороны наверхъ управиться съ Матвѣевымъ,—а между тѣмъ съ верку выходитъ князь Михаилъ Алексѣевичъ Долгорукій, второй начальникъ Стрѣлецкаго приказа. Полагая со словъ Матвѣева, что стрѣльцы смирились, онъ относится къ нимъ съ грубостью:—«Ступайте по домамъ, идѣсь вамъ дѣлать нечего, полно буянить, все дѣло разберется безъ васъ».

Этими безвременными угрозами испорчено было все хорошее впечатлѣніе, произведенное рѣчью Матвѣева во многихъ стрѣльцахъ, готовыхъ образумиться, а зачинщики сумѣли воспользоваться неудовольствіями.

— «Вот слышите ли,—подхватили они,— что ужъ говорить онъ? бояре всё такіе: надѣются на нихъ нечего, они доканаютъ насъ. Надо раздѣлаться съ нимъ, братцы». И болѣе дерзкіе, пьяные, вскочили на крыльцо, другіе взбѣжали за ними, схватили Долгорукаго за туловище—онъ былъ очень тученъ,—сбросили съ крыльца на площадь, восклицая: «любо-ли?» а оставшіеся внизу стрѣльцы приняли его на копыя, отвѣчая: «любо, любо», и изрубили бердышами. «Любо, любо!» раздалось въ толпѣ. Это первое убійство послужило какъ-будто знакомъ къ началу кровопролитія. «И воздухъ въ тое время,—замѣчаетъ очевидецъ,—премѣнился тихости, и воздвижеса буря велія и облака мрачныя народу вѣщій страхъ дѣяша».

Убійцы, склоня копыя, бросились въ покои, куда съ другой стороны набѣжали уже товарищи, подосланные прежде зачинщиками справиться съ Матвѣевымъ. Онъ стоялъ въ сѣняхъ предъ Грановитой палатой при царицѣ и ея сынѣ. Стрѣльцы кинулись на него. Царица хотѣла заслонить его собою, но напрасно. Они схватили старика, князь Черкасскій началъ отнимать у нихъ. Завязалась борьба. Кафтанъ на Черкасскомъ былъ весь изодравъ. Наконецъ, вырвали они Матвѣева, не смотря на крики царицы, потащили на Красное крыльцо и съ кликами радости бросили на площадь противъ Благовѣщенскаго собора. Товарищи, стоявшіе внизу, приняли его на копыя и разрубили на части.

Покончивъ съ Матвѣевымъ и Долгорукимъ, какъ бы не чувствуя ужъ никакой узды, разгорячаяся часъ отъ часу, стрѣльцы разсыпались по царскимъ покоямъ искать измѣнниковъ, кого имъ надо.

Бояре попрятались, куда кто могъ; патриархъ едва добрался до Успенскаго собора; царица Наталія Кирилловна съ сыномъ отошла въ Грановитую палату.

Что чувствовалъ этотъ пылкій, воспримчивый мальчикъ, видя предъ собою любимую мать, дрожащую отъ страха, умоляющую со слезами свирѣпыхъ убійцъ пощадить ея друга и благодѣтеля, старца убѣленного сѣдинами, видя предъ собою общее смятеніе, слыша дикіе вопли стрѣльцовъ, предававшихся предъ его глазами всякимъ неистовствамъ! Онъ понималъ, что мать, всё родные и близкіе къ нему люди,—боятся за его жизнь, какъ и за свою собственную, ибо никто изъ нихъ не могъ предвидѣть, чѣмъ кончится эта кровавая драма. Смерть летала, кажется, надъ всѣми головами. Какія мысли пробѣгали у него въ головѣ, какими чувствами волновалось его сердце?

А что впечатлѣніе было сильно, тому служить доказательствомъ вся его жизнь: голова у него тряслась послѣ, при всякомъ особенномъ раздраженіи, и судорогами подергивались его плечи. Образъ буйныхъ стрѣльцовъ, подновленный впоследствии, запалъ глубоко ему въ душу, и онъ, даже послѣ страшныхъ казней надъ ними, никогда не могъ имени ихъ слышать равнодушно.

Стрѣльцы бѣгали по всѣмъ внутреннимъ комнатамъ, заглядывали въ чуланы, лавили подъ кровати, не оставили и придворныхъ церквей безъ осмотра, проникали въ алтари, искали подъ престолами, подъ жертвенниками. Въ мастерскихъ сѣняхъ увидали они издали шедшаго въ церковь стольника, Ѳедора Петровича Салтыкова. Кто-то закричалъ: — «Вонъ идетъ Иванъ Нарышкинъ!» Они накинулись на него, а тотъ не-

счастнѣй такъ испугался, что не могъ произнести ни одного слова, не могъ даже назвать себя по имени. Они убили и сбросили тѣло внизъ. Тамъ узнали, что это не Нарышкинъ, и послали тѣло къ старому Салтыкову съ извиненіемъ, что сынъ его убитъ по ошибкѣ. «Воля Божья», промолвилъ старикъ.

Въ церкви Воскресенія на сѣняхъ встрѣтили стрѣльцы придворнаго карлу, по прозванью Хомяка.—«Говори, гдѣ спрятались Нарышкины, царицны братья?» приступили они къ нему съ вопросами. Онъ указалъ имъ молча на престолъ въ алтарѣ, и они вытащили оттуда Аванасія Нарышкина, проволокли за волосы до паперти, тамъ зарубили и сбросили.

Меньшіе его братья съ отцомъ и прочими родственниками, и сынъ Матвѣева, описавшій это страшное событіе, укрылись въ покояхъ младшей царевны Натальи Алексѣевны.

Между патриаршимъ дворомъ и Чудовымъ монастыремъ, противъ Посольскаго приказа, поймали стрѣльцы боярина, князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго, схватили его за бороду и потащили къ Разряду. Тамъ подняли вверхъ на копьяхъ и, опустивъ на землю, изрубилъ за то, что въ походѣ подъ Чигириномъ онъ былъ къ нимъ строгъ.

Мертвыя тѣла, съ вонзенными въ нихъ копьями, волочили они за ноги въ Спасскія ворота, на Красную площадь и кричали:—«Се бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ ѣдетъ, се бояринъ князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, се думный дякъ ѣдетъ, давайте дорогу.» Притащивъ трупы къ лобному мѣсту, рубили ихъ бердышами на куски съ костями и приговаривали:—«Любили величаться, вотъ вамъ и награжденіе».

Стоявшій кругомъ народъ долженъ былъ выражать свое удовольствіе. Молчавшихъ били, называя измѣнниками.

Кого изъ бояръ и прочихъ лицъ, поименованныхъ въ данномъ имъ спискѣ, не нашли они въ царскихъ палатахъ, въ Кремлѣ,—тѣхъ пошли искать по дворамъ въ городѣ.

Петръ Ѳомичъ Нарышкинъ застигнутъ былъ врасплохъ, въ домѣ у себя за Москвой-рѣкой, и преданъ мучительной смерти.

Съ особенными усиліями искали стрѣльцы доктора, Данилу фонъ-Гадена, который будто отравилъ покойнаго царя Θεодора. Жилъ онъ около Поганана пруда, близъ Покровки. Они побѣжали туда и взяли его жену беременную; также обыскали домъ его товарища, доктора Ивана Гутменша; не найдя никого, оставили его въ покоѣ, но позднее пришла другая ватага, а тотъ несчастнѣй со страху ушелъ отъ нихъ на чердакъ, и тамъ спрятался. Стрѣльцы эти нашли его, заподозрили и отвели въ Кремль, вмѣстѣ съ женою Данила, пригрозивъ, что будутъ держать ихъ до тѣхъ поръ, пока найдется Данило, а если онъ не найдется, то они будутъ вмѣсто его казнены.

Желая привлечь къ себѣ крѣпостныхъ людей, чтобы они не поднялись со своими господами, и не мѣшали хозяйничать въ городѣ, отряды стрѣльцовъ отправились въ Судный и Холопій приказъ, разломали тамъ сундуки съ бумагами, передрали крѣпостныя книги и повыкидали въ окна.—«Мы сами устанемъ правду», кричали они, ходя потомъ по улицамъ, забѣгая на боярскіе дворы, объявляя всюду, что всѣ кабалы уничтожены.

Къ вечеру наконецъ стрѣльцы утомились, проведя цѣлый день на ногахъ, въ безпрестанныхъ поискахъ и тревогахъ. Они разставили въ Кремлѣ у всѣхъ воротъ крѣпкіе караулы, со строгимъ запретомъ, чтобы никого ни впускать туда, ни выпускать оттуда, и отправились домой въ свои слободы съ криками «до завтра!» Караулы поставлены были также въ Китаѣ и Бѣломъ городѣ. Разсыпавшись по улицамъ, на возвратномъ пути заходили въ дома и требовали угощенія. Никто не смѣлъ имъ поперечить или отказывать; пьяные и разгоряченные, они кололи людей и лошадей, и на всѣхъ нагоняли ужась».

Мертвая тишина воцарилась въ Кремлѣ, замѣнивъ шумъ, гамъ, громъ, раздававшіеся въ продолженіе всего дня. Только караульные сторожа перекликались между собою, да часы на Спасскихъ воротахъ глухимъ и протяжнымъ своимъ звономъ оглашали уснувшую окрестность.

Царскія палаты остались въ тѣсной осадѣ.

Страшную ночь провели тамъ плѣнники, и едва-ли кто изъ нихъ могъ вскорѣ сомкнуть глаза. Увидя себя однихъ, они образумились, нашли языкъ. Воспоминанія о прошедшемъ днѣ переходили изъ устъ въ уста со всѣми ужасными подробностями. Вопросы, безъ сомнѣнія, слѣдовали одни за другими. Отчего, зачѣмъ, какъ поднялись стрѣльцы, и что было на площади, что было на Лобномъ мѣстѣ, въ городѣ? Что случилось съ родными, присными людьми? Кто и какъ погибъ, кто спасся? Отецъ царицынь, старшій братъ и меньшіе братья успѣли, кажется, спрятаться: объ ихъ смерти ничего не слышно, но уцѣлѣютъ ли они завтра? Неизвѣстность и страхъ мучили всѣхъ. Вѣрныхъ свѣдѣній получить было невозможно. Страшно было и спрашивать, и отвѣчать, чтобы не подать повода кому-нибудь къ открытію, чтобы не подвергнуть дорогихъ людей лишнимъ опасностямъ; никакихъ совѣтовъ ни отъ кого ожидать нельзя. Что будетъ завтра? О, если возобновятся страданія и муки! Какія потребуются еще жертвы?

Усталость взяла наконецъ свое. Несчастные уснули. Какіе сны видѣлись имъ при воспоминаніи о прошедшихъ и въ ожиданіи будущихъ изъязваній? Петръ вздрагивалъ, вѣроятно, часто въ объятіяхъ своей матери.

Разсвѣтало. Плѣнники проснулись для новыхъ страстей. Стрѣльцы явились рано опять въ полномъ вооруженіи съ барабаннымъ боемъ, и, пришедъ къ золотой рѣшеткѣ у самыхъ царскихъ покоевъ, съ крикомъ начали требовать Ивана Нарышкина, думнаго дьяка Аверкія Кириллова, докторовъ Степана жида, да Яна.

Кирилловъ былъ выданъ имъ, также докторъ Янъ (Иванъ Гутменшъ). Царевни выходили уговаривать ихъ и упрашивать, но напрасно: они твердили свое. Только беременную жену доктора Данила, приведенную наканунѣ, удалось спасти молодой царицѣ Марѣ Матвѣевнѣ. Прочіе были убиты.

Потомъ побѣжали на патриаршій дворъ, приступали не только къ служителямъ, но и къ самому патриарху, грозя копьями и бердышами, чтобы онъ выдалъ измѣнниковъ, у него схоронившихся, обыскали погреба и подмостья, ошарили сундуки и постели и, не найдя ничего, пришли опять къ нему выборомъ и требовали непремѣнно выдачи. Патриархъ, облаченный въ омофоръ, отвѣчалъ, что въ домъ у него никакихъ измѣнниковъ нѣтъ, а самъ онъ умереть готовъ.

Одна толпа отправилась еще прежде къ датскому резиденту, услышавъ отъ кого-то, что докторъ съ сыномъ у него укрываются. «Стрѣльцы, на разсвѣтѣ 16-го мая»,—разсказываетъ онъ самъ,—«явились въ домъ мой съ окольными Хлоповымъ и требовали выдачи. Я отвѣчалъ, что у меня нѣтъ никого, и напоминалъ имъ о своемъ званіи. Не слушая ничего, они принялись обыскивать домъ, и грозили убить меня, имущество взять въ казну, если ктонибудь найдется въ домѣ... въ эту минуту къ окольномуносится извѣстіе, что докторовъ сынъ пойманъ на улицѣ переодѣтый, а самъ онъ бѣжалъ, и за нимъ погоня. Стрѣльцы бросились вонъ, но чрезъ часъ пріѣхалъ ко мнѣ капитанъ съ 50 стрѣльцами взять меня во дворецъ для очной ставки съ докторскимъ сыномъ, который показалъ будто, что отецъ его спрятанъ у меня. Мы отправились; Кремлевскія ворота намъ открыли и тотчасъ за нами заперли. На встрѣчу намъ показался вскорѣ отрядъ стрѣльцовъ, тащившихъ изуродованный трупъ докторова сына. Капитанъ, шедшій подлѣ моей лошади, сказалъ: «Вотъ докторовъ сынъ, съ кѣмъ же давать очную ставку?» Мы подѣвжали, между тѣмъ, къ площади, усыпанной вооруженными стрѣльцами. Увидя меня, они ударили въ барабаны и зазвонили въ колокола. Это служило у нихъ обыкновенно знакомъ къ побѣнью. Мои провожатые закричали: «это посланникъ!» Меня пропустили, я подѣвхалъ къ крыльцу и поднялся на площадку, гдѣ увидѣлъ царицу Марю Матвѣевну, царевну Софію Алексѣевну, и нѣсколько бояръ. Мнѣ хотѣлось пробраться къ нимъ, но шедшіе за мною стрѣльцы меня остановили; народу было тамъ множество, хоть по головамъ ходи. Въ это время вошелъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, и спросилъ у стрѣльцовъ: оставлятъ ли царицу Наталію Кирилловну во дворцѣ? «Не надо», отвѣчали они. Хованскій оглянулся въ мою сторону, увидѣлъ меня въ лицо и спросилъ съ удивленіемъ: «зачѣмъ ты адѣсь, Иванъ Андреевичъ?»—такъ звали меня при дворѣ. Я указалъ на приведшихъ меня стрѣльцовъ; онъ подошелъ къ царицѣ и царевнѣ, сказалъ имъ нѣсколько словъ, которыхъ я не могъ слышать. Царевна сдѣлала знакъ, чтобы я скорѣе шелъ вонъ, а Хованскій приказалъ моимъ стрѣльцамъ отвести меня опять домой и беречь, какъ глазъ». По дорогѣ резидентъ былъ охраняемъ именовъ царевны Софьи.

Иванъ Нарышкинъ, котораго съ такимъ упорствомъ искали стрѣльцы, съ отцомъ, меньшими братьями, нѣсколькими родственниками и 17-ти-лѣтнимъ сыномъ Матвѣева, укрывались сначала по темнымъ мѣстамъ, при комнатахъ малолѣтней царевны Наталіи Алексѣевны, а потомъ сведены были въ дальніе деревянные покои младшей царицы Марен Матвѣевны, обращенные глухою стѣною къ патриаршему двору. Иванъ Нарышкинъ остригъ длинныя свои волосы. Постельница Клуша, которая одна знала, куда они спрятались, хотѣла укрыть ихъ къ утру въ чуланъ въ проходныхъ сѣняхъ, и запереть. «Тамъ мы не уцѣлѣемъ»,—сказалъ молодой Матвѣевъ,—«стрѣльцы проломаютъ дверь, увидятъ насъ и перебьютъ. Его послушались: рѣшено оставить дверь разворованною «на четверть или меньше»; въ чуланѣ было одно окно, заваленное перинами и подушками, такъ что въ темнотѣ человѣка разглядѣть тамъ было нельзя. Ни живые, ни мертвые, говоритъ самъ Матвѣевъ, стали мы въ уголъ къ правой сторонѣ... лишь только мы убрались, какъ слышались стрѣльцы, они пробѣжали мимо, «какъ бы быстрая вода

протекла», нѣкоторые сунулись въ отворенную дверь, посовали копьями въ подушки и побѣжали прочь, крича про себя:—«Наши здѣсь, видно, были!»

Толпа пришла въ домъ князя Долгорукаго, чьего сына стрѣльцы наканунѣ убили; они извинялись въ запальчивости и просили прощенія. Старикъ, разбитый параличомъ, лежалъ въ постели. Скрѣпя сердце, онъ выслушалъ ихъ и велѣлъ гостей угостить. Когда они ушли, оставшись одинъ съ слугою, старикъ не утерпѣлъ и промолвилъ:—«Злодѣи! шуку вы съѣли, да зубы ея остались; придетъ пора, что и сами по городу развѣшаны будете». Холопъ выбѣжалъ, догнавъ стрѣльцовъ и передалъ имъ слова князья; стрѣльцы осердились, воротились, стащили старика съ кровати, выволокли за ворота, убили и бросили тѣло на навозную кучу, а сами принялись грабить домъ. Найдя въ погребѣ соленую рыбу, они набросали ее на мертвое тѣло: «на, вотъ тебѣ, ѣшь», говорили они въ отвѣтъ на пословицу, которую передалъ имъ слуга.

Стрѣльцы злились, что до сихъ поръ не могли нигдѣ найти Ивана Нарышкина, какъ ни искали, какъ ни домогались, и объявили въ царскихъ палатахъ, что если не выдадутъ имъ его завтра, то они перебьютъ всѣхъ, кто имъ попадется.

Въ тотъ же день нашли они на Никитской улицѣ боярина Ивана Максимовича Языкова. Онъ шелъ къ духовнику своему, священнику церкви Св. Николы, въ Хлиновѣ; съ нимъ повстрѣчался чей-то холопъ, его знавшій. Языковъ, испуганный, снялъ съ руки дорогой перстень и отдалъ ему, умоляя не сказывать никому, гдѣ его видѣлъ. Подлый чело-вѣкъ обѣщался, но тотчасъ повѣстилъ стрѣльцовъ, которые сбѣжались, отыскали Языкова въ церкви, и съ ругательствомъ отвели на Красную площадь, гдѣ и былъ онъ убитъ.

Въ этотъ самый день, не смотря на продолжавшійся бунтъ, пере-мѣнено было все правительство и назначены новыя начальники по приказамъ: въ Посольскій—князь Василій Васильевичъ Голицынъ, въ Стрѣлецкій—князь Иванъ Андреевичъ Хованскій и т. д.

Кто сдѣлалъ эти распоряженія?

Одно это назначеніе среди общаго смятенія показываетъ, что власть захвачена была въ свои руки партіей Софіи, которая и по свидѣтельству датскаго резидента является впереди, на первомъ планѣ.

На третій день, во вторникъ, 17-го мая, пришли стрѣльцы въ Кремль также съ барабанныхъ боемъ, обступили кругомъ царскій дворъ, многіе вбѣжали прямо на Постельное крыльцо и требовали настоятельно Ивана Нарышкина. Всѣмъ служителямъ грозили смертью, если не отыщутъ его, и твердили, что не выйдутъ изъ Кремля до тѣхъ поръ, пока не получатъ его въ свои руки. Партія, видно, боялась оставить его въ живыхъ, опасаясь его характера или способностей, чтобы не получилъ онъ со временемъ возможности отмстить за зло, содѣянное его семейству. Дѣлать было нечего! Дольше беречь было невозможно. Стрѣльцы принимали болѣе и болѣе грозное положеніе. Должно было опасаться отъ нихъ всякихъ неистовствъ. Царица Наталія Кирилловна привела брата въ церковь къ Спасу за золотою рѣшеткой. Тамъ онъ, приготавливаясь къ близкой смерти, приобщился Святыхъ Тайнъ и помазался елеемъ. Царевна Софія Алексѣевна, принимая на себя печальный видъ, сказала ему, что «великая необходимая нужда требуетъ отдаться стрѣль-

цать». Нарышкинъ отвѣчалъ:—«Я иду на смерть, лишь бы моею невинной кровью утолились мои ненавистники»,—и «оборотясь, протительнымъ цѣлованіемъ поклонъ свой отдалъ». Софія, съ притворнымъ участіемъ, подала царицѣ образъ Божьей Матери надѣтъ на брата: «Можетъ быть, стрѣльцы устыдятся святаго образа и отпустятъ его».

Князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, человекъ добрый, но торопливый и робкій, который тутъ случился, видя длинныя проводы, подошелъ къ царицѣ и сказалъ:—«Сколько вамъ, государыня, брата ни держать, а отдать его надо будетъ», и потомъ, оборотясь къ Нарышкину, сказалъ:—«иди скорѣе, Иванъ Кирилловичъ, не погибать же намъ всѣмъ здѣсь изъ-за тебя».

Царица вывела его до порога къ золотой рѣшеткѣ, за которой стрѣльцы дожидались его, какъ вороны крови; они схватили его, осыпая скверными словами и всякими ругательствами, потащили предъ ея глазами за ноги по лѣстницѣ, а потомъ по площади къ Константиновскому застѣнку. Его начали мучительно пытатъ. Нарышкинъ стиснулъ зубы и не произнесъ ни одного слова на всѣ ихъ вопросы. Туда же приведенъ былъ тогда докторъ Данило, пойманный въ нищенскомъ платьѣ, въ лаптяхъ, съ котомкой за плечами; бѣжавъ за городъ, онъ скрывался въ лѣсу двое сутокъ и проголодался, воротился въ городъ попросить хлѣба у пріятели въ Нѣмецкой слободѣ, былъ узникъ и приведенъ въ застѣнокъ. Данило, среди пытокъ, попросилъ срока трехъ дней, обѣщая назвать тѣхъ, которые заслужили смерть больше, чѣмъ онъ. Слова его записывались, но другіе закричали, «что его слушать», разорвали запись, и потащили вмѣстѣ съ Нарышкинымъ изъ Кремля на Красную площадь, подняли обоихъ на копыяхъ вверхъ, и потомъ, опушта внизъ, отсѣкли имъ руки и ноги, изрубили тѣла на мелкія части и ногами своими смѣшали съ грязью.

Иваномъ Нарышкинымъ и докторомъ Даниломъ кончились убійства. Тѣла убитыхъ съ перваго дня лежали на площади. 17 мая было объявлено, что желающіе могутъ погребатъ ихъ. Вѣрный арапъ боярина Матвѣева пришелъ съ простынею на площадь и собралъ изуродованные останки своего господина; онъ отнесъ ихъ въ свою приходскую церковь Св. Николы въ Столпахъ, гдѣ оно было отпѣто и предано землѣ.

18-го числа приходили во дворецъ изъ всѣхъ стрѣльцкихъ приказовъ выборные люди, безъ оружія, и били челомъ государю, чтобъ онъ велѣлъ отца царицы, Кирилла Полуектовича Нарышкина, постричь въ монахи. Старикъ тотчасъ отведенъ былъ въ Чудовъ монастырь, постриженъ подъ именемъ Кипріана, и на простой телѣгѣ отвезенъ подъ крѣпкое содержаніе въ Кирилловъ монастырь, на Бѣло-оверо.

Меньшіе его сыновья, Левъ, Мартемьянъ и Фѣдоръ, успѣли уйти изъ Москвы въ людскомъ сѣромъ платьѣ, подъ охраною вѣрныхъ слугъ своихъ, и укрылись въ дальнихъ мѣстахъ, также какъ и нѣкоторые изъ ихъ родственниковъ.

Дѣтская душа Петрова въ продолженіе этихъ несчастныхъ трехъ дней получила такія глубокія впечатлѣнія, дѣтское сердце испытало такія сильныя ощущенія, прирожденные страсти вызвались къ жизни съ такой силой,—что онъ навсегда, кажется, остался подъ вліяніемъ этой грозы, пронесшейся надъ его головою, и многія позднѣйшія дѣя-

ствія его носятъ явные слѣды потрясенія, произведеннаго ею во всемъ умственномъ и тѣлесномъ его организмѣ.

Не успѣла царица Наталія Кирилловна съ молодымъ царемъ и удѣльнѣвшими друзьями опомниться послѣ трехдневныхъ тревогъ и опасностей, не успѣли они оплакать свои горестныя потери и узнать объ нихъ всѣ ужасныя подробности, — какъ огласилось, что въ послѣдній день кровопролитія смѣнены были всѣ начальники приказовъ, имъ преданные, и установилось новое управленіе. Кто же такъ распорядился? Какая участь ихъ ожидаетъ? Что будетъ дальше? Причемъ они останутся?

Черезъ три дня, мая 20-го, стрѣльцы бьютъ челомъ, чтобъ государь указалъ сослать въ ссылку братьевъ Лихачевыхъ, остальныхъ Нарышкиныхъ, молодаго Матвѣева, и нѣкоторыхъ другихъ приверженцевъ Петровой стороны изъ дьяковъ и думныхъ дворянъ.

Черезъ недѣлю, мая 26-го, стрѣльцы, собравъ между собою подписку, предъявляютъ требованіе, чтобы старшій царевичъ Иванъ Алексѣевичъ царствовалъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Петромъ Алексѣевичемъ, который долженъ при немъ считаться вторымъ, — угрожая, если это не будетъ исполнено, придти опять въ Кремль съ оружіемъ и «учинить мятежъ велий».

Совыаются чины государственные. Патриархъ предъявляетъ грозное требованіе стрѣльцовъ. Всѣ считаютъ необходимою согласиться, и патриархъ въ Успенскомъ соборѣ совершаетъ тотчасъ торжественное молебствіе о двухъ нареченныхъ царяхъ.

Бояре и дьяки, державшіе сторону Петра, присягаютъ по неволѣ второму царю, опасаясь возобновленія страшныхъ явленій 15-го мая.

По крайней мѣрѣ, Петръ оставленъ былъ на престолѣ; самые отчаянные враги, при всемъ своемъ озлобленіи, не осмѣливались, видно, думать о нарушеніи признаннаго права, о посягательствѣ на царскій родъ, который считался въ общемъ народномъ мнѣніи священнымъ и неприкосновеннымъ. Можетъ быть, и значительность его партіи, количество его приверженцевъ, внушало опасенія раздражать ихъ и доводить до крайностей.

Еще черезъ недѣлю стрѣльцы объявляютъ чрезъ своего новаго начальника, князя Хованскаго, чтобъ царевна Софія Алексѣевна приняла на себя управленіе государствомъ, по причинѣ малолѣтства ея братьевъ. По усиленнымъ просьбамъ всѣхъ чиновъ, она изъявляетъ согласіе, и во всѣ города тотчасъ рассылаются извѣстительныя грамоты, съ примѣромъ изъ Римской исторіи, гдѣ по кончинѣ императора Θεодосія, въ малолѣтство сыновей его, Аркадія и Гонорія, управляла имперіей сестра ихъ Пульхерія.

Такимъ образомъ, царевна Софія сдѣлалась правительницей государства.

VIII. РАСКОЛЬНИЧЬЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ПРАВЛЕНІЕ СОФІИ.

(«О поданіи челобитной иноками Сергіемъ, Савватіемъ и прочими, самодержцемъ— Иоанну Алексіевичу и Петру Алексіевичу, о древнецерковныхъ законахъ и Никонскихъ новинахъ». Саввы Романова.)

Въ лѣто 1682 г., мая въ 15 день, по смерти царя Θεодора Алексіевича, по Божьему поущенію, въ царствующемъ градѣ Москвѣ произошло великое и ужасное

сметены. Восстанъ стрѣльцы на князей и бояръ и вѣстину губили: Юрія, князя
Дашковскаго. Пана Нарвинскаго и вѣстину знаменитыхъ господъ. На третій день
всѣхъ вѣстину усердно свѣдалися они между собой о древней благочестии,
какъ бы въ свѣтъ возбудились въ Россійскомъ государствѣ и привести въ прежнее
состояніе въ которомъ русскіе чуждымъ Богу угодили и вѣстину великіе князья,
князь великій Иванъ и святѣйшіе патриархи и весь русскій народъ православно
просвѣтили въ Евангеліи чуждыми. Патриархи написати челобитную, въ которой
просили великого и вѣстину Евангелия, и водати ее съ волею самодерж-
авца... Не вѣстину изъ своей сродѣ людей, свѣдущихъ въ Св. писаніи, призвали
великого князя Евангелия Калужскаго и спросили его, не знаетъ ли онъ кого
изъ вѣстину или изъ вѣстину князей чуждыхъ свѣдущихъ — „патриархъ“ людей, которые
вѣстину бы вѣстину на себя вѣстину вѣстину дѣло. Онъ же отвѣчалъ имъ: — „знаю
такого вѣстину свѣдущихъ въ свѣтъ христианской и вѣстину обо всемъ доста-
точно свѣстину“. Патриархи вѣстину велики его, чтобы онъ привелъ ихъ въ
вѣстину. Тогда вѣстину вѣстину въ свѣтъ „свѣстину вѣстину“ — съ Никитѣ Бори-
совичъ Ивану Ивану Курбачу и Савѣ Рожкову, который былъ въ вѣстину
и вѣстину Ивану вѣстину вѣстину вѣстину, вѣстину ему все, что сказали ему стрѣльцы,
и вѣстину вѣстину вѣстину въ этому дѣлу ревностное усердіе, а стрѣльцамъ, ска-
зали имъ, чтобы усердствовать вѣстину за свято-отеческое православіе“. Услы-
вши это вѣстину велика сказалъ: — „братіе, князи вѣстину, во сколько же
благіе вамъ не свѣстину оставить или отказываться отъ такого великаго дѣла;
какъ бы на васъ и вѣстину“. Они вошли къ вѣстину вѣстину Сергію, вѣстину
туда въ вѣстину вѣстину былъ вѣстину благочестивой жизни и твердъ въ свято-
отеческомъ православіи, великаго ревнителя древнерусской вѣстину, какъ второй
Иванъ — и вѣстину ему все вѣстину вѣстину. Онъ же, вѣстину, прослезился и
сказалъ: — „Кто кажется братіе, вѣстину совершенно казеніе казеніе архіерею,
бы вѣстину въ эту сродѣ, и вѣстину великаго вѣстину; однако водвинулся съ
вѣстину“. И вошли въ вѣстину къ Никитѣ Курбачу и, принявъ благословеніе у
отца Сергія, начали писать челобитную о древней православно христианской вѣстину
ихъ свѣстину великаго отъ князи вѣстину стрѣльцѣмъ вѣстину и вѣстину вѣстину.
На другой день съ Божіей вѣстину вѣстину и вѣстину объ этомъ
вѣстину вѣстину вѣстину, а онъ вѣстину въ Титовъ приказъ и свѣстину обо
вѣстину вѣстину вѣстину. Но князи Иванъ тутъ вѣстину этому и, взявъ съ собой
вѣстину Иванъ Артемьевъ и вѣстину Никиту Юрьева, вѣстину къ отцу Сергію
и въ вѣстину. Сергію вѣстину имъ съ вѣстину и вѣстину имъ, началъ гово-
рить: — „слышали вы, братіе, слыту вамъ вѣстину, что хотите вѣстину
о древней благочестивой христианской вѣстину, но князи вѣстину вѣстину отъ
вѣстину вѣстину. Не уста мои будутъ, говорить Господь“. И вы Господа ради вѣстину
вѣстину о такой вѣстину души чуждыми отъ вѣстину до-
казъ въ вѣстину вѣстину, въ вѣстину вѣстину вѣстину вѣстину, а вѣстину, кто бы
вѣстину отъ вѣстину крѣстъ Бога. Вѣстину еще васъ, господа, не дайте васъ во
прежнюю вѣстину, какъ вѣстину вѣстину братію князи архіерею. Мы же вѣстину облич-
ить ихъ вѣстину вѣстину вѣстину вѣстину, что готовъ и души свои предати за
древнерусское благочестіе“. — Иванъ же сказалъ: — „Мы, вѣстину отъ, готовъ за
вѣстину съ вами вѣстину увереть. А что сказали ты не дайте васъ въ вѣстину, объ
этомъ вѣстину сказаны: что будетъ вамъ, то и вамъ!“ — Сергію вѣстину ему
до земли и вѣстину Савѣ вѣстину имъ челобитную. Онъ же, слыша, удивился
и говорилъ: имъ вѣстину еще въ жизни своей не слышалъ такого вѣстину слова
и такого свѣстину вѣстину въ вѣстину вѣстину. Принявъ отъ старца благослове-
ніе и взявъ съ собой прочувъ братію, вошли съ челобитнымъ въ приказъ и вѣстину

всѣхъ стрѣльцовъ. Туда пришло много и посадскихъ людей и побудили Савву снова прочесть челобитную предъ всѣми. Когда читали ее и толкованія ересей, всѣ, настороживъ слухъ, внимательно слушали; многіе же плакали. По прочтеніи челобитной всѣ единогласно воскликнули:— „надо, братіе, намъ всего больше за старую православную вѣру христіанскую постоять, а придется, — и кровь свою пролить. Всѣмъ это дѣло важно! за тлѣнное житіе мы головы свои полагаемъ; какъ же намъ за святое благочестіе, за Христа, души своей не положить?“ Челобитную себѣ переписали и возвѣстили все это боярину, князю Ивану Андреевичу Хованскому. Онъ очень обрадовался и спросилъ у нихъ:— „есть ли изъ нихъ кто, чтобы говорить съ властями? Ибо дѣло это великое ученыхъ людей требуетъ.“ Они отвѣчали ему:— „есть инокъ очень искусный въ божественномъ писаніи и многіе посадскіе люди соревнуютъ этому дѣлу.“ Бояринъ велѣлъ привести ихъ въ домъ... На другой день въ девятомъ часу стрѣльцы, взявъ съ собою Сергія и другихъ изъ братіи, ревнителей древне-святаго православія, пошли къ князю. Увидѣвъ ихъ, онъ велѣлъ людямъ своимъ встрѣтить ихъ съ почетомъ и ввести въ свою палату... Отпустивъ бывшихъ у него гостей, пришелъ въ палату, поклонился отцу Сергію до земли и сказалъ ему:— „Ради чего пришелъ къ намъ, честный отче?“— Онъ же отвѣчалъ:— „По повелѣнію твоему пришли, возвѣстити вашему благолюбію о древней христіанской вѣрѣ; въ ней же всѣ мы выросли, въ ней же всѣ святые наши російскіе чудотворцы Богу угодили и всѣ великіе князья и благочестивые цари и святѣйшіе патріархи съ прочими архіереями пребывали. Еще принесли мы къ твоему благолюбію челобитную на архіереевъ, гдѣ описаны многія ереси, которыя имѣются въ новопечатныхъ книгахъ. И чего ради они, власти, насъ, непріемлющихъ новую ихъ латиноримскую вѣру, еретиками нарицаая, проклинають и мучаютъ, почему они старопечатныя книги, какъ негодныя, извергли изъ церкви, какія въ нихъ ереси и хулы обрѣли на Бога и святыхъ его? Пусть обо всемъ этомъ намъ письменный отвѣтъ дадутъ. Мы же съ Божьей помощью ереси, находящіяся въ новыхъ книгахъ, ясно обличимъ“. Бояринъ въ отвѣтъ сказалъ:— „Я и самъ, грѣшный, очень желаю, чтобы по старому въ святыхъ церквахъ единогласно и несмущенно было. Хотя я и грѣшенъ, но древнее благочестіе держу неизмѣнно, и читаю по старопечатнымъ святымъ книгамъ и на лицѣ своемъ крестное знаменіе изображаю двумя перстами“. Затѣмъ читалъ Символъ православной вѣры— *и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго*, потомъ сказалъ: „такъ вѣрую, такъ исповѣдую! и молю Бога, въ Троицѣ славнаго, чтобы умилосердился о христіанскомъ родѣ и не попустилъ бы погибнуть до конца отъ нынѣшней Никоніанской вѣры“... Отецъ Сергіиъ сказалъ:— „Благоволи, царскій бояринъ, челобитную предъ собою прочесть“. Онъ велѣлъ читать и прилежно слушалъ чтеніе, удивляясь указаннымъ многимъ новинамъ и перемѣнамъ въ книгахъ. По прочтеніи челобитной бояринъ спросилъ:— „кто писалъ?“ Сергіиъ отвѣчалъ:— „съ Божьей помощью, я потрудился съ братіею“. Бояринъ сказалъ:— „Вижу тебя, отче, инокъ тихаго и смиреннаго... а дѣло сіе великое, — противъ архіереевъ придется вести бесѣду, тутъ надо ученыхъ и словесныхъ людей“. Сергіиъ же отвѣчалъ:— „я, если и малословесенъ и нежскусенъ влюкамъ (хитростямъ) и высокорѣчію ихъ, однако надѣюсь на Сына Божія и вѣрую святымъ словамъ Его, а Онъ ученикамъ своимъ говорилъ такъ:— „Предъ владыки и цари ведени будете мене ради, во свидѣтельство имъ; но не пещытеся, како и что возглаголете: не вы будете глаголющія, но Духъ Отца вашего, глаголай въ васъ. Можеть убо Онъ и немудрые умудрите во спасеніе“. — „Истиняъ сказалъ ты, отче, отвѣчалъ бояринъ, и невѣдомо, чрезъ кого подѣйствуютъ Духъ Святыиъ“. Тутъ нѣкоторые напомнили о Никитѣ, священникѣ Суздальскомъ сборномъ, противъ котораго книга *Жезлъ*

напечатана. Бояринъ съ радостью сказалъ: — „Я хорошо знаю этого священника. Противъ него архіерей не смогутъ ничего сказать; онъ скоро уста нѣхъ заграждать; и прежде ни одинъ изъ нѣхъ не могъ стать противъ него, не какъ лѣстля пазали. Я радъ вамъ новогатъ; но это дѣло нѣхъ не принимайте, такъ какъ я не знаю достаточно Св. писаній, и обличить нѣхъ не въ состоянии, ибо свалоду я упражнялся въ воинскихъ дѣлахъ, а не въ духовныхъ. Но не бойтесь, что попрежнему стануть вамъ зло творить и мучить. Я вамъ Бога въ свидѣтели ставлю, что всѣми силами (вседушевно) буду стоять за это“. — Они же всѣ сказали боярину: — „О томъ мы всемогда Бога велики и у тебя, государя, милости просимъ: не дай намъ по прежнему въ наружаніе и возодатайствуя усердно о томъ, чтобы великіе государя-цари изволили дать праведный судъ намъ съ архіереями и свидѣтельство отъ божественныхъ писаній въ доказательство вѣрности (нѣхъ ученія), а не по прежнему бы безвинно намъ осуждать и смерти предавать, ибо честь царева, по словамъ пророка, судъ любитъ“. — „Гдѣ же вы желаете, чтобы соборъ былъ?“ спросилъ бояринъ. Они отвѣчали: — „Молишь твое боголюбіе устроить это предъ всѣми народами на Лобномъ мѣстѣ. Еще просимъ и молимъ о томъ, чтобы нѣхъ величества сами государя-цари и пресвѣтлѣшая государыня, царица Наталія Кирилловна, своими особами тамъ присутствовали, также и патриархъ со всѣми духовными соборомъ. Если же не соизволятъ на Лобномъ мѣстѣ, то въ Кремлѣ между соборовъ при крыльцѣ въ нынѣшній пяттокъ да соблаговолятъ“. — „Невозможно быть собору въ пяттокъ, — возразилъ бояринъ, потому что государя-цари будутъ въ воскресенье царскими вѣнцами вѣнчаться: чтобы не произошло въ народѣ какого-нибудь смятенія отъ этого дѣла!“ — Сергій же и выборные сказали: — „Государя, царскій бояринъ, мы желаемъ, дабы государя-цари вѣнчались царскими вѣнцами въ истинной православной вѣрѣ, а не въ новой латиноринской, и не возможно ли вѣнчанія до другого воскресенья отложить?“ Бояринъ отвѣчалъ, что отнюдь невозможно, такъ какъ все уже приготолено и всему войску возвѣщено, что въ воскресенье это совершится. „Но я ставлю въ свидѣтели Бога, сказалъ онъ, что государя будутъ вѣнчаться царскими вѣнцами и служба будетъ совершаться по старому, въ томъ же порядкѣ, какъ были вѣнчаны великій государя Юзимиъ Васильевичъ и прочіе государя“. — Сергій и выборные сказали: „Не можетъ это дѣло такъ состояться, потому что патриархъ будетъ служить литургію по моимъ, а не по старымъ служебникамъ, надъ пятью просфорами съ латинскими крѣжками, а не трехсоставными крестомъ, тѣмъ причащеніемъ будутъ кому-удри и причащаться и въ вѣнчаніи нѣхъ государей патриархъ будетъ убоиничити, дабы неизмѣнно новую вѣру они до конца хранили заедно съ нами“. Юзимиъ отвѣчалъ на это, что не можетъ же онъ въ томъ „письменной крѣжкити“ мнить на государей, но пусть будетъ по вашему соборъ въ пяттокъ. Они же, умоливъшися ему, ушли... Въ то время пришелъ къ нимъ инокъ Савватій изъ Волоколамскихъ пустынь.

Въ пятницу, по повелѣнію боярина, князя Ивана Андреевича Хованскаго, игуменъ Сергій съ прочими, призвавши священника Стефана, совершили молебенъ и, благословеніе отъ него принявъ, священникъ Никита взялъ честный и животворящій крестъ Христовъ, отецъ Сергій—святое евангеліе, а Савватій—сосудъ Божій и въ седьмомъ часу пришелъ въ Кремль. За ними послѣдовало множество народа, который увидѣлъ, что творится дѣло необычное, и спрашивалъ: — „что это будетъ?“ Когда пришли къ Красному крыльцу, князь Хованскій велѣлъ нѣхъ ввести въ отвѣтную палату, и черезъ нѣсколько времени онъ вышелъ къ нимъ съ множествомъ дяконовъ и подъячичъ и всякихъ чиновъ людей, поклонился святымъ иконамъ, цѣловалъ честной крестъ и святое евангеліе, и спросилъ нѣхъ: — „Ради чего

пришли сюда, честные отцы? — Никита отвѣчалъ: — „Пришли сюда у великихъ государей-царей милости просить о старой православной христіанской вѣрѣ, чтобы повелѣли патриарху и прочимъ архіереямъ снова въ церкви принять святыя старопечатныя книги, и по нимъ вся службы, а паче святую литургію служили на семи просфорахъ съ печатью истиннаго трехсоставнаго креста, а не двучастнаго, и прочее все исправили бы по прежнимъ благочестивымъ обычаемъ, а новины бы всякія отложили, да истребится злая хула на Бога и святыхъ Его; также и въ народѣ мятежи перестануть, и подастъ Господь Богъ тишину благодатную. Если же патриархъ съ архіереями не захочетъ древній церковный порядокъ принять, но пожелаетъ въ новомъ пребывать, то они, великіе государи, повелѣли бы ему, патриарху, съ нами, богомольцами своими, праведно рассмотреть дѣло свидѣтельствомъ изъ божественнаго писанія: за что патриархъ по старопечатнымъ книгамъ не хочетъ служить и другимъ запрещаетъ? А тѣхъ богочетовъ, которые, ревнуя въ отеческихъ догматахъ, истиннаго закона держатся, онъ проклятію соборнѣ предастъ и въ заточеніе въ темницы на смерть отсылаетъ: въ Соловецкомъ монастырѣ много число иноковъ по его навѣтамъ различнымъ мукамъ и смерти предано. И по какимъ причинамъ они, архіереи, старопечатныя книги отъ служенія церковнаго отринули? Какія въ нихъ ереси, или какое хуленіе на Бога, и на Пресвятую Богородицу и всѣхъ святыхъ отыскали? И прежніе великіе государи и святѣйшіе патриархи, которые печатали тѣ книги и по нимъ служили, — благочестивы ли были или неблагочестивы? Дабы онъ, патриархъ, со архіереи обо всемъ этомъ на писмѣ отвѣтъ намъ, вашимъ богомольцамъ, — дали. А мы въ новыхъ книгахъ всякія ихъ затѣи и многія ереси, съ Божьей помощью, ясно обличимъ“. — Бояринъ на это сказалъ: — „Я и самъ очень желаю узнать истину, ибо читаю и пою съ вѣрою по старымъ книгамъ!..“ И много сказалъ изъ священнаго писанія и символъ прочелъ по старому, также дѣлалъ крестное знаменіе двумя перстами, по преданію святыхъ отцовъ. Послѣ этого спросилъ: — „Есть ли у васъ челобитная объ этомъ?“. Они же отвѣчали: — „Имѣемъ двѣ“. — „Государи-цари, сказалъ бояринъ, приказали у васъ на верхъ взять“. — Никита возразилъ: — „Ты изволишь челобитныя у насъ взять, а что же мы подадимъ на соборѣ?“. Онъ же обѣщалъ Богомъ живымъ назадъ имъ принести. Тогда вручили ему челобитную. Онъ же отнесъ ее наверхъ къ царскимъ величествамъ и затѣи, снова придя съ нею, отдалъ имъ и сказалъ: — „По одной этой челобитной будетъ дѣла недѣли на три, не только что книги свидѣтельствовать. Великое это дѣло Божіе!“ Предстоящіе же сказали: — „подай Господи и отстрой, что полезнѣе душамъ нашимъ“. Бояринъ сообщилъ отцамъ, что патриархъ упрямилъ государей-царей отложить это дѣло до среды. — „Въ этотъ день приходите послѣ литургіи!“ сказалъ онъ. — Отецъ же Никита спросилъ боярина: — „Какъ изволятъ государи-цари вѣнчаться?“. Онъ же отвѣчалъ: — „Государей будутъ вѣнчать по старому“. — „Хорошо было бы, сказалъ Никита, если бы патриархъ и литургію служилъ на семи просфорахъ съ печатью трехсоставнаго креста, а не съ кржемъ“. Бояринъ сказалъ: — „Вы приготовьте просфоры, печатанныя старымъ крестомъ, а ихъ отнесу патриарху и велю ему служить по старому. Теперь же идите къ себѣ“. И послалъ тридцать стрѣльцовъ проводить ихъ.

Когда патриархъ узналъ, что стрѣльцы за древнецерковный порядокъ хотятъ стоять, убоялся, чтобы не лишиться чести и сана своего; началъ призывать къ себѣ полковыхъ выборныхъ раздавать имъ почести, разными наimitками угощать и великіе дары раздавать съ тѣмъ, чтобы они не стояли за древнее благочестіе.... Когда настало воскресенье, священникъ Никита, взявъ приготовленные (ревни-телями древняго благочестія) просфоры, понесъ въ соборъ, но никакъ не могъ

вотъ въ церкви и вошли въ бѣнокъ; нѣтъ никакого шума, слышится, что Никита и до церкви не дошелъ и воротился. Въ этотъ день совершилось великое дело на крестѣ. Католическимъ иереемъ Герона была нѣтъ, что въ началѣ на-чалъ, но старинно истребленъ, но было окрестно много людей въ крикахъ благо-честія, устранили соборъ въ своемъ вѣку, нѣкоторые изъ нихъ стѣбались, ка-кого вида благочестіемъ и утѣшились всѣ изъ дальнихъ съ чужбины для рече-прималенія «иереев», были съ собой «иереев» для протестантскихъ. При-шлили руки къ ней нѣтъ принадлежать и востановить — гласилъ. Въ началѣ же владыка владыка соборъ: нѣтъ нѣтъ той полноты, другъ соборъ и гово-рилъ — «если нѣтъ той полноты, то нѣтъ въ чужбинѣ и нѣтъ дѣлать принадлежать: мы не можемъ не нѣтъ, а старинно съ протестантскимъ соборомъ соборъ дѣлать дѣлать соборъ совершить... гласъ отъ не нѣтъ, но принадлежать. Мы и безъ принадлежать руки принадлежать нѣтъ протестантскому вѣру, а вѣру въ православію не нѣтъ» —

Далѣ Свѣдѣ Римскому подробно изложилъ о томъ, какъ соборъ изъ стѣбались владыка явилъ, при соборѣ Христіанскомъ, въ началѣ съ протестан-томъ «востановили протестантское благочестіе въ Россіи». и какъ между като-лическимъ и протестантскимъ древнимъ благочестіемъ. Писанъ в Свѣдѣ Римскому, принадлежать речею о вѣрѣ итѣ, при чемъ, во началѣ Римско-го, изъ сто-роны «иереев» была и нѣтъ бы нѣтъ разъ унаследовалъ, не нѣтъ что принадлежать).

Наступилъ назначенный для собора день — среда. Оттамъ (протестантское дре-внее благочестіе), получивъ благословеніе у священника Никиты, взяли соборъ крестъ, свѣтели и сосудъ Божій, со свѣчами, которыхъ нѣтъ нѣтъ, чашо и благочестіемъ вошли на соборъ, а святымъ книгамъ, въ свѣдѣтельство и обличіе ересей, нѣкоторые боголюбивые люди вошли на соборъ голыми. (Стѣбались чашою 54) или съ книгой для окрестія крѣ. За ними шли, толпясь, множе-ство народа. Выходилъ всѣ нѣтъ, украинцевъ и сѣверныхъ странъ Божіимъ, а на нѣтъ гласилъ нѣтъ благочестіемъ — клѣпка древняя, они были во-крыты или до вѣждой, какъ у древнихъ протестантскихъ отцовъ. Глядя на нѣтъ, удивлялись и говорили: «если нѣтъ утраченъ истиннымъ, но это нѣтъ нѣтъ нового закона учителя». Когда же пришли къ воротамъ Кремля, отцовъ (протестан-товъ) безпрятственно впустили, а народу запрещали входить, но не устали во время запереть ворота, и народъ, раскаиваясь усердно, ждалъ выйдти, что принадлежать, устранился въ ворота и въ Кремль...

Имѣлъ уже часъ 11-й, когда бояринъ Хованскій доложилъ патриарху: онъ-же велѣлъ отказать пройти въ Грановитую палату. «Здѣсь, сказалъ онъ, будутъ госу-дариня-царика и государиня-цесаровны, а тамъ (на площади) быть имъ предъ народомъ зазоромъ». Выборные извѣстили объ этомъ отцовъ, а тѣ сказали народу. Всѣ единогласно стали кричать: — Почему патриархъ стыдится предъ всѣмъ на-родомъ свидѣтельствовать божественное писаніе, старовѣстныхъ книгъ съ новыми? Здѣсь подобаетъ быть собору, а въ началѣ невозможно, такъ какъ въ народѣ большое смятеніе: одни знаютъ новую вѣру, а другіе старую, а они, архіерей, это смятеніе и нѣтъ нѣтъ думъ разрушили бы и книги бы старыя съ во-дими свидѣтельствовали. А въ началѣ гдѣ столь многочисленному народу вѣ-стину? А государиня-царевна до этого нѣтъ дѣла: тутъ достоинъ быть самодержавная, а не царевна; вы, святые отцы, въ палату не ходите». (Здѣсь патриархъ рассказываетъ, какъ патриархъ выслалъ священника обличать Никиту, нѣтъ-было народъ хотѣлъ вобуть этого священника камнями, далѣ повѣствуется о томъ, будто бы приходскіе поны и дяконы кинулись толпой на ревнителей)

благочестія и пр.). Бояринъ Хованскій пришелъ къ отцамъ и приказывалъ имъ идти въ палату; они-же по прежнему отказывались, опасаясь насиліа. Бояринъ цѣловалъ имъ крестъ на томъ, что они не увидятъ тамъ никакого зла себѣ. Народъ-же, однако, боясь коварства, кричалъ, требуя, чтобы не шли въ палату. Отцы повѣрили боярину, взяли честный крестъ, евангеліе, иконы и книги, какъ прежде, и пошли въ палату; за ними послѣдовало много и посадскихъ. Когда вошли въ палату, по срединѣ ея поставили предъ царскимъ мѣстомъ аналой, положили на немъ честный крестъ Христовъ, святое евангеліе и святыя иконы, зажгли предъ ними свѣчи, и поклонились всѣ царцѣ и царевнамъ до земли. Патриарху-же и архіереямъ никто не поклонился. На царскомъ мѣстѣ сидѣла царевна Софія Алексѣевна, на другомъ царскомъ мѣстѣ — Татьяна Михайловна, по правую сторону — царьца Наталья Кирилловна, на ея сторонѣ — царевна Марія Алексѣевна, посреди — царевна Анна Михайловна, на сторонѣ царевны, въ углу поодаль, сидѣлъ патриархъ Іоакимъ, близъ него Корнилій, митрополитъ новгородскій, и прочіе архіерей; на лѣвой сторонѣ стояли бояре. Патриархъ спросилъ: — „Какого ради дѣла пришли сюда, въ царскія палаты, и чего требуете отъ насъ?“ Никита священникъ отвѣчалъ: — „Пришли мы къ великимъ государямъ-царямъ просить милости объ исправленіи православной христіанской вѣры, чтобы они дали свое царское разсмотрѣніе намъ съ вами, новыми законодавцами, дабы церковь Божія была въ мирѣ и соединеніи, а не въ мятежѣ и разраніи, и повелѣли бы службу служить по старопечатнымъ книгамъ въ церквахъ святыхъ, какъ служили при царѣ, государѣ Михаилѣ Теодоровичѣ, и пресвятѣйшемъ патриархѣ Филаретѣ и прочихъ, прежде нихъ бывшихъ“. Въ отвѣтъ на это, патриархъ сказалъ: — „Не на васъ это дѣло лежитъ, и не подобаетъ вамъ, простолюдинамъ, церковное дѣло исправлять. Мы на себѣ Христовъ образъ носимъ, и намъ Господь далъ такую власть: „ого же аще свяжете на земли, связанъ будетъ на небесѣхъ, и ого-же аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшенъ и на небесѣхъ, и пакн: слушаая васъ — мене слушаетъ и отменяая васъ — мене отменяется“. И апостоль сказалъ: „Повинуйтеса наставникамъ вашимъ и покорайтеса, тѣмъ бо бдѣть о душахъ, яко слово воздати хоташе“, — и я, если и грѣшенъ есмь, но пастырь, а не наемникъ, не разбойнически престолю и такую тяготу на себя взялъ, но избраніемъ великаго государя, царя Алексѣя Михайловича, и потомъ отъ священнаго собора. Вамъ должно повиноватся матери нашей, соборной апостольской церкви, потомъ всѣмъ архіереямъ, пекущимся о вашемъ спасеніи. А вѣра у насъ православная стараго православія, греческаго закона, въ которой святые отцы Богу угодили; исправлена по греческимъ и нашимъ харатейнымъ книгамъ, и мы отъ себя ничего не внесли въ церковь Божью, но все отъ тѣхъ писаній. Вы же грамматическаго разума и не коснулись и не знаете, какую силу въ себѣ содержатъ“. — Никита отвѣчалъ: — „Пришли мы сюда не о грамматикѣ съ вами говорить, но о церковныхъ догматахъ, которые вы измѣнили, о чемъ уже краткость дня (недостатокъ времени) не позволяетъ теперь говорить. На одинъ вопросъ теперь отвѣчай намъ: когда литургію служите и на выходѣ возьмете крестъ Христовъ въ лѣвую руку, а тройную свѣчу въ правую и машете обоими крестообразно на всѣ стороны, почему свѣча и огонь честнѣе креста Господня, и что прообразуютъ огонь и свѣща?“ Патриархъ на эти слова не отвѣчалъ ничего. Тогда Холмогорскій епископъ выскочилъ изъ-за архіереевъ, громко закричалъ невѣдомо что, и къ Никитѣ яростно приступилъ, какъ нѣкій звѣрь. Никита же сказалъ ему: — „Что ты, нога, выше головы своей становишься? я не съ тобою, но съ главнымъ архіереемъ и патриархомъ собесѣдую!“ и отвелъ его немного рукою. Царевна же Софія вскочила съ престола и вскричала: — „Видите ли, что Никита

книгъ.— „Не будетъ съ нами того, государыня, сказалъ Савватій, чтобы такого церковнаго учителя порочить и преданіе его хулить, что Божія церковь приняла, то и мы честно принимаемъ и привѣтствуемъ, а сей Дамаскинъ Студитъ иподіаконъ, который написалъ тремя перстами креститься, — невѣдомо кто былъ и откуда, каково его житіе, и въ какомъ городѣ родился, — нигдѣ въ древнемъ писаніи не находятъ о немъ, только въ *Скрижалѣ* напечатано, въ недѣлю 6-ю поста, слово Дамаскина Студита иподіакона, а кто онъ таковъ и откуда — *Вогъ вѣсть*“. Тогда царевна умокла. Дьякъ снова читалъ: „Дамаскинъ иподіаконъ въ томъ же словѣ своимъ повелѣваетъ намъ православнымъ христіанамъ ходить по татарски безъ крестовъ, и пишетъ: *„Аще кая польза и кая добродѣтель есть носить кому крестъ на рамя своею?“*—Царевна, вскочивъ съ престола, сказала:— „Смотрите, какую бѣду они написали, будто мы велимъ и имъ безъ крестовъ ходить“, и спрашивала бояръ:— „Есть ли на васъ кресты?“ Они же отвѣчали:— „На насъ, государыня, на всѣхъ есть кресты“, и показывали ихъ другъ другу. Никита сказалъ:— „Въ вашей книгѣ напечатано, что безъ крестовъ надо ходить“. Царевна велѣла принести книгу *Скрижалъ*. Никита, взявши книгу, хотѣлъ къ ней нести. Она же закричала на него:— „Тебя, Никита, не спрашиваютъ объ этомъ дѣлѣ; я говорила, что тебѣ не достойтъ быть предъ нашими очами, а не только что говорить!“ и велѣла отцу Сергію принести себѣ книгу. Сергій поднесъ ей *Скрижалъ* и указалъ, гдѣ это напечатано. Она же, прочитавши, сказала:— „Я этого слова не читала и не знаю, — по этой книгѣ у насъ въ церкви не читаютъ“.— „Въ этомъ же словѣ, государыня, сказалъ Сергій, писано и о триперстномъ сложеніи“. Она же промолчала. Дьякъ продолжалъ читать ей и дошелъ до этого мѣста: „Да онъ же Дамаскинъ, не убоявшись страха Божія, въ томъ же словѣ *безрѣчно* Сына Божія Господа нашего Иисуса Христа написалъ *грѣшникомъ*, будто Онъ, Спаситель нашъ, былъ распятъ за нѣкое погрѣшеніе, а не за мірское спасеніе. Пишетъ тамъ: *„Тако да имате смерть нашу предъ собою, яко же и онъ: иже имать распинатися за нѣкое погрѣшеніе, носить крестъ на рамя своемъ, и ходить трепеща, ожидая смерти*“. Царевна снова соскочила съ престола и сказала предстоящимъ:— „Видите-ли, какъ они написали въ своей челобитной, что Спаситель нашъ Христосъ распятъ за нѣкое прегрѣшеніе, а не за мірское спасеніе, даже и помыслить страшно, какъ они путаютъ“.—Сергій же сказалъ:— „Въ той же *Скрижалѣ*, государыня, напечатано это“.—Она же снова велѣла подать себѣ *Скрижалъ*. Сергій принесъ и показалъ, гдѣ напечатано. Она же, посмотрѣвши, сказала:— „Я этого слова не читала, не знаю“, и умокла. Когда же послѣ этого дьякъ читалъ объ *альмилуи*, многіе доводы изъ святыхъ писаній Евфросима Псковскаго и святыхъ Кипріяна и Фотія, митрополитовъ грековъ, и преподобнаго Максима Грека и прочихъ, повелѣвшихъ дважды глаголати *альмилуя*, а третье — *Слава тебѣ Боже*, — тогда Холмогорскій епископъ вынесъ харатейную книгу, въ которой было написано *альмилуя* трижды, а четвертое — *Слава тебѣ Боже*.— „Смотрите, сказалъ онъ, — въ харатейныхъ книгѣхъ написано *альмилуя* четверти, такъ же и въ греческихъ во всѣхъ, якоже и у насъ нынѣ соборная Церковь содержитъ“. Правовѣрные же отвѣчали:— „Эта харатейная книга, какъ видно по всему, писана въ Псковѣ, ибо это преданіе въ ней Іова раснопа и троюженца Псковскаго, а не здѣшнихъ преосвященныхъ митрополитовъ. А что сказалъ ты, будто во всѣхъ книгѣхъ четверичное *альмилуя*, то ты солгалъ“, и показали ему греческій Часословецъ, напечатанный въ осьмушку, говоря:— „Вѣришь ли этому, и греческой ли печати эта книга?“—Онъ же отвѣчалъ:— „Печать греческая и рѣчи греческія“.—Въ ней послѣ псалма: *Благослови душе моя Господа* — напечатано: *альмилуя альмилуя докса си о воосъ*, а не четверичная

по вашему, а ты лежешь на греческія старыя книги". Тогда епископъ этотъ былъ очень пострашенъ. Дьякъ же множество ересей прочелъ. Они же (противники раскольниковъ) всё молчали, когда читалось следующее: „Они, новой вѣры учителя, — Никонъ, бывшій патриархъ, со всѣмъ своимъ соборомъ и насъ, православныхъ христіанъ, не принимающихъ ихъ латинорискаго новаго и самовольнаго преданія и не знаменующихся по имъ суемудренному мудрованію тремя перстами, проклятію предають. А поэтому, значить, если мы отъ нихъ прокляты будемъ, то и всѣ наши російскіе чудотворцы и прародители наши государевы — благовѣрные цари Іоаннъ Васильевичъ и сынъ его Феодоръ Іоанновичъ, и дѣдъ вашъ, царь и великій князь Михаилъ Феодоровичъ, и прадѣдъ вашъ, блаженной памяти святѣйшій патриархъ Филаретъ Никитичъ и отецъ вашъ, государь-царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, — и они тому же проклятію подлежатъ, какъ и мы. А и самъ онъ, Іоакимъ патриархъ, и прочіе архіереи, по тѣмъ же старопечатнымъ святымъ книгамъ святое крещеніе воспріяли; итакъ они и свое крещеніе вибѣстѣ съ нами проклинають. Однако, святые отцы нишуть: „*Аще святыи не по волю Божию проклинаетъ, не послѣдуетъ ему Божій судъ и прочя...*“ Патриархъ со всѣми архіереями противъ челобитной ничего не сказали, только сидѣли, повѣсивши головы. А бояре, посматривая другъ на друга, улыбались, что архіереи не отвѣчаютъ, а иные сильно плакали, слыша описаніе такихъ ересей въ новыхъ книгахъ и видя неправду ихъ; только Софія царевна одна проговорила: — „Ваше дѣло подобно сосуду, налитому помыслию, края же его показаны медомъ; такъ и объ отцѣ нашемъ написано у васъ. Когда отецъ нашъ еретикъ, то почему же пишете его съ полнымъ титуломъ? Когда думный дьякъ прочелъ челобитную, царица Наталья Кирилловна пошла въ свои палаты... Тогда вышелъ священникъ, держа книгу въ рукахъ, и сказалъ: — „Посмотрите ваши любимыя филаретовскія книги“. — Отцы же возразили: — „Покажи намъ, что въ нихъ несправно напечатано“. Онъ же началъ читать: „Во святый Великій четвертокъ, и Великую субботу, и въ день святыхъ Пасхи, и на Рождество Христово, и на Богоявленіе, и въ день святыхъ апостолъ Петра и Павла, и на Успеніе Пресвятой Богородицы причащаемся святыя воды богоявленія, и тако разрѣшаемъ на сыръ и на масло, и мяне же на мясо“. — Правовѣрные же сказали: — „Это о причащеніи воды святой напечатано, а не о разрѣшеніи; а онъ, окаанный, простымъ людямъ внушаетъ, будто бы въ Великій четвертокъ и Великую субботу повелѣно ѣсть мясо“. Царевна же встала съ престола и сказала: — „Что не слушаете ревнителей православія, будто они ложь говорятъ“. Народъ же, бывшій въ палатѣ, сложивъ два перста, по преданію святымъ отцовъ и поднявъ вверхъ, воскликнулъ громкимъ голосомъ: — „Мы, государыня царевна, за сей крестъ желаемъ умереть!“

Поднявъ взоры наверхъ, увидѣли на потолокъ палаты изображеніе Господа Саваофа, сидящаго на престолѣ и благословляющаго на обѣ стороны двумя перстами, по старому, и воскликнули, указывая царевнѣ наверхъ: — „Смотри, государыня, какъ Господь благословляетъ; мы и простые люди видимъ, что это преданіе святымъ отцовъ, тому и послѣдуетъ“. Она же со слезами сказала: — „Не знаю, что мнѣ съ вами и дѣлать?“ и пошла въ другую сторону палаты и выборнымъ съ собою велѣла идти, и сказала имъ: — „Видите ли, свѣты, какую хулу говорятъ на отца нашего? Не тотъ тать, кто крадетъ, но тотъ, кто принимаетъ: они называютъ Арсенія старца и Никона еретиками, — потому и отецъ нашъ, и братъ также еретиками стали, и мы такіе же. Вамъ, свѣты, надобно за это дѣло постоять; потому что въ томъ вы крестъ цѣловали великимъ государямъ, за царскій нашъ домъ стоять“. Тогда выборные выставили для отвѣта Савву. Онъ же сказалъ ей: — „Государыня-царевна, они въ челобитной великихъ государей-

царей, отца вашего и брата, не называютъ еретиками, но только Никона и Арсенія чернеца, потому что они по наученію діавола всю нашу православную христіанскую вѣру исказили и превратили,—потому-то ихъ еретиками и называютъ. И прежде этого въ Царѣградѣ было, что пришли два жида и совратили православнаго царя въ иконоборство; тогда отцы тѣхъ жидовъ клятвѣ предавали, а царя не называли еретикомъ! — „Идите съ миромъ!“ сказала царевна и сама пошла изъ палаты, также пошли и патриархъ съ архіереями, а соборъ назначилъ на пятницу. Отцы также вышли изъ палаты. Народъ, увидѣвши ихъ, очень обрадовался, ибо не надѣялись ихъ видѣть цѣлыми, и пошелъ изъ Кремля. Хованскій велѣлъ сотнѣ стрѣльцовъ проводить отцовъ до двора, гдѣ они жили. Когда же вышли изъ Кремля, народъ началъ умолять отцовъ, со слезами, чтобы почитали на Лобномъ мѣстѣ святыхъ писаній. Отцы послушались народа, читали соловецкія тетради и толковали ереси и какъ отъ нихъ беречься; изъ книги о Правой вѣрѣ прочли главу объ отступленіи уніатовъ и довольно поучили народъ отъ божественнаго писанія. Народу было безчисленное множество съ женами и дѣтьми, внимательно слушали и дивились новому ученію Никоновой вѣры, какъ всю нашу православную христіанскую вѣру превратили и сколько ересей насадили въ новыхъ своихъ книгахъ, вдыхали изъ глубины сердечной, иные же плакали. Послѣ чтенія отцы взяли святыя иконы и пошли за Таганскія ворота, при чемъ пѣли: „Владычице, пріими молитву рабъ своихъ“ и „Царь небесный“ и „О тебѣ радуется“. Народъ же толпой слѣдовалъ за ними, другъ-другу возвѣщая: — „Великіе государи-цари повелѣли по старому креститься“, и показывалъ всему міру, сложивъ персты по преданію святыхъ отцовъ. Перешли за рѣку Язуу къ Всемилостивому Спасу, близъ Титова приказа, и велѣли звонить. Совершили колененъ Пресвятой Богородицѣ, потомъ пошли по домамъ. Народъ же, проводивъ ихъ, разошелся съ миромъ...

(Далѣе Савва Романовъ рассказываетъ, будто бы патриархъ и архіерей съ плачемъ умоляли Софію не давать ихъ раскольникамъ „въ посмѣхъ и поруганіе“. Царевна же будто бы, призывавъ выборныхъ, умоляла ихъ со слезами, чтобы они не промѣняли бы „насъ и все російское государство на шестерыхъ чернецовъ“. Говоритъ далѣе Романовъ, будто бы пущены были въ ходъ угощенія и награды).

.... Тогда стрѣльцы всѣ подали повинныя,—что „до сего (т. е. до церковныхъ дѣлъ) намъ, стрѣльцамъ, нѣтъ дѣла и впередъ ничего не будемъ начинать“. Потомъ сто человекъ послали по „отцовъ“ и привели ихъ въ Лыковъ дворъ, такъ что никто не зналъ. Никому одного оставили тамъ за стражей, а прочихъ отцовъ отвели на патриаршіи дворъ и посадили ихъ ровно. Потомъ, во вторникъ, въ первомъ часу, Никитѣ-священнику голову отсѣкли, отца Сергія въ Ярославлѣ заточили, а прочихъ отцовъ по различнымъ монастырямъ разослали...

IX. ДВИЖЕНІЕ РАСКОЛЬНИКОВЪ.

(Изъ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ Костомарова».)

Стрѣлецкій бунтъ возбудилъ надежду на то, что можно добиться и другихъ перемѣнъ. Поднялись раскольники, пораженные проклятіемъ собора и преслѣдуемые мірскою властью. До сихъ поръ самые рьяные изъ нихъ бѣгали въ дѣса, пустыни; другіе, которыхъ было гораздо больше, въ страхѣ притаялись и съ виду казались покорными. Въ стрѣ-

лепкомъ званіи было такихъ на половину; Москва и подгороднія слободы были наполнены раскольниками или склонными перейти въ расколъ. Какъ-только почували они нетвердость тяжелой руки, давшей ихъ, тотчасъ подняли голову. Стали въ Москвѣ открыто расхаживать проповѣдники и поучали народъ не ходить въ оскверненную церковь, не креститься тремя перстами, не почитать четвероконечнаго креста. «Ночу мужики и бабы, — говорятъ современникъ, — незнающіе складовъ, толпами собирались тогда на Красной площади и совѣщались, какъ утвердить имъ старую вѣру, а чуть-только кто изъ противниковъ скажетъ слово, на того сейчасъ нападутъ и всенародно прибьютъ, воображая, что этимъ они правую вѣру обороняютъ». Самъ Хованскій, и прежде тайнѣ державшійся старообрядства, теперь заявилъ себя явно сторонникомъ старой вѣры.

Стрѣльцы одного изъ полковъ, собравшись на сходку, положили составить челобитную государямъ противъ патриарха и просить восстановления старой вѣры, но между ними не нашлось мудреца, который бы могъ хорошо сложить подобную челобитную. Такого мудреца нашли имъ жители Гончарной слободы въ лицѣ монаха, по имени Сергія. Когда этотъ монахъ вмѣстѣ съ четырьмя слобожанами сложилъ челобитную и далъ ее прочесть передъ стрѣльцами своему товарищу, Савѣ Романову, стрѣльцы изумились и пришли въ умиленіе. «Мы еще не слышали—говорили они—такого слога, такого описанія ересей. Надобно, братья, постоять намъ за старую вѣру и кровь свою пролить за Христа. Мы за тѣнное дѣло чуть головы своихъ не положили, а какъ не умереть за вѣру?».

Доложили Хованскому. Привели къ нему Сергія. Сергій прочиталъ ему свою челобитную. Выслушавши ее, Хованскій похвалилъ сочинителей, но сказалъ:—«Ты, отче, какъ я вижу, инокъ смиренъ, тихъ, немногословенъ, не будетъ тебя на такое великое дѣло; противъ нихъ надобно ученому человѣку отвѣтъ держать».

«Хоть я и немногословенъ, отвѣтилъ Сергій, да вѣрую словесамъ Сына Божія: не пещетесь, како и что возглаголите».

Но тутъ другіе раскольники сказали, что когда придется до спора, то за это дѣло возьмется Никита Пустосвятъ, который хотя поневолѣ и покорился собору, но теперь крѣпко стоитъ за правую вѣру.

«Зналъ я его—сказалъ Хованскій—противъ того имъ нечего говорить! тотъ всѣмъ уста загородитъ! Никто не устоитъ противъ Никиты. Я вамъ во всемъ буду помогать, хоть самъ и не искусенъ на это дѣло, а того и въ умѣ своемъ не держите, чтобъ васъ по старому стали казнить, вѣшать и жечь на срубахъ.»

Раскольники настаивали, чтобы соборъ былъ всенародно на Лобномъ мѣстѣ или въ Кремлѣ, въ присутствіи царей и патриарха, въ пятницу, 23 іюня, до вѣнчанія царей, которое было назначено въ воскресенье. «Намъ — говорили они — хочется, чтобы цари-государи вѣнчались въ истинной православной вѣрѣ христіанской, а не въ латинско-римской». Хованскій хотѣлъ-было уговорить ихъ отложить этотъ соборъ, увѣряя, что цари будутъ вѣнчаться по старому, но раскольники настояли на своемъ, чтобъ соборъ былъ въ пятницу.

Въ назначенный день, утромъ раскольники двинулись въ Кремль стройнымъ ходомъ. Никита несъ крестъ, Сергій—Евангеліе, другой ме-

нахъ, Савватій—икону Страшнаго Суда. Къ нимъ приставали мужчины и женщины изъ народа, сами не понимая, что вокругъ нихъ дѣлается. Хованскій, показывая видъ, что не знаетъ, зачѣмъ пришли эти люди, вышелъ къ нимъ въ сопровожденіи приказныхъ и спрашивалъ:

«Коя ради вини приидосте, отцы честные?»

Никита отвѣчалъ:—«Приидохомъ великимъ государемъ челомъ побить о старой, православной христіанской вѣрѣ, чтобъ велѣли патриарху служить по старымъ книгамъ и служили бы на семи просфорахъ, а не на пяти, а крестъ на просфорахъ былъ бы истинный, троесоставный крестъ, а не крѣжъ двоичастный. Если патриархъ не изволитъ служить по старымъ книгамъ, такъ пусть велѣть ему государи дать намъ правильное свое разсмотрѣніе: зачѣмъ онъ по старымъ книгамъ не служитъ, и намъ возбраняетъ служить? зачѣмъ предаетъ проклятію и заслаетъ въ дальнее заточеніе тѣхъ, что по старымъ книгамъ читаютъ и поютъ? Пусть отвѣтитъ намъ: благочестивы или неблагочестивы были прежніе цари, великіе князья и святѣйшіе патриархи, которые по старымъ книгамъ служили и пѣли. А мы, Богу помогающе, въ конецъ обличимъ всякія затѣйки и ереси въ новыхъ книгахъ».

Хованскій взялъ отъ нихъ челобитную, пошелъ во дворецъ и, воротившись, сказалъ:

«Противъ этой челобитной будетъ дѣла недѣли на три; надобно книги свидѣтельствовать. Патриархъ упросилъ государей до среды: въ среду приходите послѣ обѣдни».

«А какже государей будутъ вѣнчать?» спросилъ Никита.

«По старому, какъ я вамъ говорилъ», отвѣтилъ Хованскій.

«Пусть патриархъ служить литургію на семи просфорахъ,—сказалъ Никита,—и крестъ на просфорахъ пусть будетъ истинный, а не крѣжъ».

«Вели же напечь просфоръ и принеси сюда; я патриарху поднесу и велю служить по старому», отвѣчалъ Хованскій.

Раскольники разошлись.

Въ воскресенье толпы народа наполнили весь Кремль, ожидая выхода государей къ вѣнчанію. Никита съ просфорами, испеченными нѣкою искусною вдовицею, отправился къ собору, но не могъ пробраться за толпою народа и въ досадѣ вернулся назадъ. Совершилось вѣнчаніе по обычному чину.

Раскольники хлопотали, чтобы всѣ стрѣльцы подписались подъ челобитной, и чтобы, такимъ образомъ, противники ихъ увидали на сторонѣ раскола опасную для себя силу. Тутъ оказалось, что расколъ между стрѣльцами не такъ былъ крѣпокъ, какъ думали фанатики. Не всѣ стрѣльцы и пушкаріи приложили руки къ челобитной. Многіе говорили:—«Это дѣло не наше, а патриаршее. Если намъ руки прикладывать, такъ и отвѣтъ надобно давать противъ патриарха и властей. Мы не умѣемъ отвѣчать. Да сьумѣютъ-ли и старцы дать отвѣтъ противъ такого собора? Они только намутать и уйдутъ». Но не прикладывая рукъ къ челобитной, стрѣльцы все-таки положили на томъ, чтобы не давать никого жечь и вѣшать за вѣру.

3 іюля явились къ Хованскому выборные стрѣльцы по его приказанію.

«Всѣ-ли готовы стоять за старую вѣру?» спросилъ ихъ Хованскій.

«Не только стоять, но и умереть готовы», отвѣчали ему.

Хованскій ввелъ ихъ въ Крестовую палату, къ патриарху. Патриархъ ласково уговаривалъ ихъ не мѣшаться въ духовныя дѣла, которыя не касаются ихъ, какъ людей военныхъ; но книжники, пришедшіе вмѣстѣ со стрѣльцами, надѣясь на Хованскаго, вступили съ патриархомъ въ споръ о старыхъ и новыхъ книгахъ, и требовали, чтобы патриархъ съ властями вышелъ на Лобное мѣсто для всенароднаго пренія о вѣрѣ.

Настала среда, 5 іюля. Раскольники двинулись въ Кремль. Никита несъ крестъ; другіе несли Евангеліе, икону Страшнаго Суда, образъ Богородицы, множество старыхъ книгъ, налои, подсвѣчники со свѣчами. За ними валила огромная толпа народу. У Архангельскаго собора поставили налои, разложили образа и книги, зажгли свѣчи. Патриархъ прежде всего выслалъ къ нимъ священника съ печатными тетрадами, въ которыхъ обличался Никита, какъ онъ на соборѣ принесъ повинную и отрекся отъ старой вѣры. Стрѣльцы набросились на этого священника и, вѣроятно, убили бы его, если бы не спасъ его монахъ Сергій, сочинитель челобитной. Священника поставили на скамью и велѣли начать чтеніе. Его прерывали постоянно криками и бранью; наконецъ Сергій сказалъ ему:

«Всеу трудишься, никто тебя не слушаетъ».

Вмѣсто священника сталъ читать самъ Сергій свое обличеніе противъ церковнаго «премѣненія». Говорилъ къ народу и Никита, стоя на подмосткахъ, называлъ православныя церкви хлѣвами и амбарами и приправлялъ свою рѣчь разными непотребными словами.

Между тѣмъ, отъ патриарха пришли звать раскольниковъ въ Грановитую палату: «тамъ будутъ царица и царевны, а передъ всѣмъ народомъ имъ быть заворно».

Тутъ народъ завопилъ:—«А! патриархъ стыдится передъ всѣмъ народомъ дать свидѣтельство отъ божественныхъ писаній. Здѣсь подобаетъ быть собору, да и какъ помѣстится въ палатѣ такому множеству!»

Во дворцѣ произошло смятеніе. Патриархъ не хотѣлъ выходить на площадь, а звалъ раскольниковъ въ Грановитую палату. Царевна Софія собиралась идти въ Грановитую палату. Хованскій сталъ уговаривать ее не ходить, говорилъ, что стрѣльцы поднимутъ бунтъ и патриарху будетъ худо, а если она туда пойдетъ съ боярами, то всѣхъ побьютъ. Софія поняла, въ чемъ дѣло, видѣла, что Хованскій хочетъ, дѣйствительно, поднять бунтъ противъ патриарха, и потому намѣревается устроить такъ, чтобы присутствіе царевны не стѣсняло буйства раскольниковъ; съ другой стороны, она была увѣрена въ преданности къ себѣ стрѣльцовъ. «Да будетъ воля Божья—сказала Софія—я не оставлю церкви Божьей и ея пастыря!».

Вмѣстѣ съ Софіею рѣшились идти въ Грановитую палату царица Наталья Кирилловна и царевны: Татьяна Михайловна и Марья Алексѣевна.

Хованскій обратился къ боярамъ и говорилъ:—«Пожалуйте, попросите царевну, чтобы она не ходила въ Грановитую палату съ патриархомъ. А если васъ не послушаетъ, то пусть будетъ вамъ извѣстно, что насъ всѣхъ побьютъ, какъ недавно нашу братью побили, и разграбятъ дома наши».

Приступили бояре къ Софіи, умоляли освободить и себя и всѣхъ ихъ отъ напрасной смуты. Софія отвѣчала:—«Я готова за св. церковь положить свою голову».

Затѣмъ, обратившись къ Хованскому, она сказала:—«Посылъ святѣйшаго патріарха, чтобы онъ со всѣми властями и книгами шелъ къ намъ въ Грановитую палату».

Хованскій исполнилъ приказаніе. Было уже около четырехъ часовъ пополудни. Патріархъ, напуганный Хованскимъ, въ ужасѣ, со слезами, не чая себѣ живота, отправилъ впередъ себя множество книгъ и рукописей греческихъ и славянскихъ. Съ ними пошли: холмогорскій архіепископъ Аванасій, воронежскій—Митрофанъ, тамбовскій—Леонтій и нѣсколько другихъ духовныхъ. Обиліе древнихъ книгъ должно было показывать противникамъ, что у православныхъ есть сильныя средства защиты. За ними слѣдовалъ и патріархъ съ восемью митрополитами и четырьмя архіепископами. Звонили въ колокола.

Всѣ ушлись по чину въ Грановитой палатѣ; на царскомъ тронѣ сѣла Софія съ теткою Татьяною, а близъ нихъ царица Наталія и царевна Марія *). Были съ ними бояре и думные люди. Хованскій пригласилъ Никиту и Сергія въ Грановитую палату и поклонился, что имъ ничего дурнаго не будетъ.

Тогда Никита и товарищи его взяли крестъ, Евангеліе, свѣчи, налои, положили книги на головы и двинулись на Красное крыльцо. Тутъ произошла драка. По извѣстіямъ раскольниковъ, причиной ея было то, что какой то православный попъ зацѣпилъ Никиту за волосы, а стрѣльцы начали тужить поповъ. Пришелъ Хованскій, прекратилъ беспорядокъ и провелъ раскольниковъ въ Грановитую палату.

Они разставили налои, разложили на нихъ священныя вещи и книги и поставили передъ образами зажженныя свѣчи въ подсвѣчникахъ, принесенныхъ съ собою.

«По какой причинѣ пришли въ царскія палаты и чего требуете отъ насъ?» спросилъ патріархъ.

«Пришли царямъ-государямъ побить челомя, чтобы дали свое царское разсмотрѣніе съ вами, новыми законодавцами, чтобы служба Божья была по старымъ служебникамъ».

Патріархъ сказалъ:—«Это не ваше дѣло. Простолюдинамъ не подобаетъ исправлять церковныхъ дѣлъ и судить архіереевъ. Архіереевъ только архіереи и судятъ, а вамъ должно повиноваться матери своей, церкви; у насъ книги исправлены съ греческихъ и съ нашихъ харатейныхъ книгъ по грамматикѣ. Вы же грамматическаго разума не коснулись и не знаете, какую силу онъ въ себѣ содержитъ».

«Мы не о грамматикѣ пришли съ тобою говорить, — отвѣчалъ Никита, — а о церковныхъ догматахъ. Вотъ я тебя спрошу, а ты отвѣчай: зачѣмъ на литургіи вы берете крестъ въ лѣвую руку, а тройную свѣчу въ правую? Развѣ огонь честиѣ креста?»

Тутъ началъ было ему объяснять холмогорскій архіепископъ Аванасій, какъ вдругъ Никита замахнулся на него рукою и закричалъ: «Что ты, нога, выше головы ставишься! Я не съ тобою говорю, а со святѣйшимъ патріархомъ».

Софія вскочила со своего мѣста и закричала:—«Что это такое! Онъ при насъ архіерея бьетъ! Безъ насъ, навѣрное, убилъ бы его!»

---

*) Сынъ Артамона Матвѣева Андрей говоритъ, что при этомъ были и цари.

«Нѣтъ, государыня,—сказали изъ толпы,—онъ не билъ, а только рукою отвелъ».

«Помнишь ли, Никита,—сказала Софія, — какъ блаженной памяти отцу нашему, и святѣйшему патриарху, и всему освященному собору ты принесъ повинную и поклялся великою клятвою: аще впередъ стану бить челомъ о вѣрѣ, да будетъ на мнѣ клятва св. отецъ и семи вселенскихъ соборовъ. Такъ говорилъ ты въ то время, а нынѣ опять за то же дѣло принялся!»

«Что далъ повинную, я въ томъ не запираюсь,—возразилъ Никита.—Далъ за мечомъ и срубомъ! Я подавалъ челобитную, а мнѣ никто не отвѣчалъ изъ архіереевъ, только Семенъ Полоцкій книгу на меня сложилъ «Жезлъ». Позволишь, государыня, я буду отвѣчать противъ «Жезла»? а останусь виноватъ, дѣлайте со мною, что хотите!»

«Нѣтъ тебѣ дѣла говорить съ нами, и на очахъ нашихъ тебѣ не подобаетъ быти!» сказала Софія.

Затѣмъ Софія опять сѣла на свое мѣсто, и приказала думному дяку читать раскольничью челобитную.

Какъ дочитали до того мѣста, гдѣ сказано было, что чернецъ Арсеній еретикъ вмѣстѣ съ Никономъ поколебали душу царя Алексія Михайловича, Софія опять вскочила со своего мѣста и, взволнованная, сказала:

«Если Никонъ и Арсеній были еретики, такъ и отецъ и братъ нашъ были еретики! Значить, цари — не цари, архіереи — не архіереи; мы такой хулы не хотимъ слышать. Мы пойдемъ прочь изъ царства!»

«Какъ можно изъ царства вонъ идти! Мы за государей головы свои положимъ»,—говорили думные. Но между раскольниками раздался такіе голоса:—«И пора вамъ, государыня, давно въ монастырь. Полно - да царствомъ мутить! Намъ бы здоровы были отцы наши государи, а безъ васъ - да пусто не будетъ!»

Софія прослезилась и, обратясь къ стрѣльцамъ, начала говорить:

«Эти мужики на васъ развѣ надѣются? Вы были вѣрные слуги дѣду нашему, отцу и брату, оборонители церкви святой, и у насъ зоветесь слугами. Зачѣмъ же такимъ невѣждамъ попускаете чинить крикъ и вопль въ нашей палатѣ?»

Выборные стрѣльцы успокаивали ее. Софія сѣла на свое мѣсто.

Челобитную дочитали. Начался споръ. Патриархъ и архіерей указывали на древніе харатейные списки, обличали нелѣпныя ошибки и опечатки въ Филаретовомъ служебникѣ. Малоученные раскольники, не въ силахъ будучи одолѣть противниковъ доводами, только поднимали вверхъ руки, показывали двуперстное сложеніе и кричали:—«вотъ какъ! вотъ какъ!»

Уже стало вечерѣть. Раскольникамъ объявили, чтобы они расходились и что имъ будетъ указъ послѣ.

Раскольники вышли со всѣми своими налоями, книгами, образами и кричали во все горло, подымая два пальца вверхъ:—«Побѣдихомъ! Побѣдихомъ! Вотъ какъ вѣруете!» Толпы народа слѣдовали за ними. Расколотители оставовились на Лобномъ мѣстѣ и стали поучать народъ, а оттуда отправились въ церковь «Спаса въ Чигасахъ», отслужили со звономъ благодарственный молебенъ и потомъ уже разошлись по домамъ.

Софія позвала къ себѣ выборныхъ стрѣльцовъ, обласкала ихъ, приказала напоить медомъ и виномъ въ такомъ количествѣ, что на десять человекъ было вынесено по ушату. «Не промѣняйте насъ—говорила имъ Софія—и все руссiйское государство на какихъ нибудь шестерыхъ чернецовъ».

«Мы, государыня, — отвѣчали ей стрѣльцы, — не стоимъ за старую вѣру. Это дѣло патріарха и всего освященнаго собора».

По приказанію царевны, преданные ей стрѣльцы Стремяннаго полка схватили Никиту Пустосвята, съ нимъ другихъ пятерыхъ раскодоучителей и привели ихъ въ указъ. Никитѣ отрубили голову на площади. Его товарищей разослали въ ссылку. Раскольники притихли.

Х. КНЯЗЬ ХОВАНСКІЙ И НОВЫЙ МЯТЕЖЪ СТРЕЛЬЦОВЪ.

(Изъ соч. Полюдина: «Первыя семнадцать лѣтъ царствованія Петра Великаго»).

Окончаніемъ церковнаго возмущенія, какъ и прежде—стрѣлцаго, спокойствіе на Веру еще не установилось.

По городу ходили разнородные слухи и доносились до Верка на обѣ половины, къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ и царицѣ Наталіи Кирилловнѣ, составляя главный предметъ разговоровъ; принимались же они и толковались различно, смотря по видамъ, желаніямъ и надеждамъ той и другой стороны. Нынѣ бояре, съ дворовыми людьми, собираются перебить всѣхъ стрѣльцовъ и уничтожить стрѣлцкое войско; завтра стрѣльцы принимаютъ рѣшеніе истребить бояръ. Крѣпостные люди сочиняютъ—де челобитныя и хотятъ искать свободы отъ господъ своихъ. Немедленно назначались слѣдствія объ источникахъ этихъ слуховъ. Наслѣженные, уличенные вѣстовщики подвергались жестокимъ пыткамъ и на дыбѣ возводили на себя всякую напраслину, между тѣмъ какъ въ сущности были виноваты только въ неосторожности, передавая, такъ или иначе, услышанное по вѣтру.

Стрѣльцы продолжали буйствовать; никто не смѣлъ имъ поперечить; они искали долговъ своихъ справедливыхъ и не справедливыхъ, мучили многихъ должниковъ и мстили за старыя обиды на правжакахъ по произволію.

Старый полковникъ, Степанъ Яновъ, человекъ заслуженный и достойный по всѣмъ отзывамъ, вытребованъ ими съ далекой службы, по давнимъ на него неудовольствіямъ за строгость, подвергается мучительной пыткѣ въ Константиновскомъ застѣнкѣ, и потомъ позорной казни на Красной площади, предъ вновь поставленнымъ стрѣлцкимъ памятникомъ.

Новые начальники, князь Хованскій съ сыномъ, смотрѣли сквозь пальцы на ихъ убійства, неистовства, попускали всякія злоупотребленія, брали всегда ихъ сторону, потакали, подъ благовиднымъ предлогомъ, какъ-будто опасаясь раздражить ихъ и желая усюкоть, не допустить до крайностей.

Князь Хованскій съ сыномъ возбудили подозрѣнія царевны Софіи. Покровительствуя раскольникамъ, они видимо искали приверженности стрѣльцовъ, которые считали себя какими-то господами, судили и рядили о дѣйствіяхъ правительства. Такимъ образомъ, въ продолженіе двухъ какихъ-нибудь мѣсяцевъ, Хованскіе приобрѣли полную довѣренность и совершенную покорность стрѣльцовъ, которые на-

звали старика своимъ отцомъ, за каретомъ его ѣздили обыкновенно въ числѣ 50 человекъ и болѣе, крича встрѣчнымъ:— „большой ѣдетъ, большой!“ На дворѣ содержали многочисленный караулъ, чего прежде ни при комъ изъ начальниковъ не было.

И старикъ, въ самомъ дѣлѣ, возниль о себѣ, что онъ, располагая стрѣльцами и иня за себя приверженцевъ „старого благочестія“, есть самый сильный человекъ въ государствѣ, которому всѣ должны повиноваться. Онъ не исполнялъ приказаній, выказывалъ неумѣренно свое значеніе предъ боярами и говорилъ въ Думѣ, что его труды выше всѣхъ, что никто не заслужилъ столько, сколько онъ, и безъ него въ Москвѣ ходили-бы въ крови по-колѣно.

16-го августа шелъ вопросъ въ Думѣ о требованіи стрѣлецкаго войска, чтобы на каждаго человека собрано было съ дворцовыхъ волостей по 25 рублей подможныхъ денегъ, уравнительно съ монастырями, что составляло болѣе 100 тысячъ рублей. Когда бояре не соглашались утвердить такое тяжелое взысканіе, то Хованскій въ досадѣ, вышедъ изъ Думы, сказалъ стрѣльцамъ:— „Дѣти, ужъ и мнѣ за васъ грозятъ бояре: я не могу для васъ сдѣлать ничего больше; промышляйте сами, какъ хотите“.

Такая выходка не предвѣщала ничего добраго. Одно хвастовство, одна болтливость, которая доставила Хованскому въ народѣ прозваніе Тараруя, могла подать на Верху поводъ къ опасеніямъ, чтобъ когда либо онъ въ жару или въ сердцахъ не проговорился, или не употребилъ во зло того, что знаетъ о происхожденіи стрѣлецкаго бунта и виновникахъ кровопролитія; могли случиться даже пререканія между правительницею и Хованскимъ по поводу его явнаго согласія съ раскольниками; могъ онъ дать ей самой замѣтить по какому-нибудь случаю, какъ боярамъ въ Думѣ, что у него есть въ запасѣ оружіе противъ нея; могъ онъ еще яснѣе въ своемъ кругу выразиться, что знаетъ тайны или что-нибудь въ такомъ родѣ, которое могло донестись до ушей виноватой правительницы и внушить ей мысль, что отъ него, во избѣжаніе хлопотъ, слѣдуетъ избавиться такъ или иначе. Къ тому же, разнесся слухъ, что старшій сынъ его, Андрей Ивановичъ, хвалясь королевскимъ своимъ происхожденіемъ отъ литовскаго Гедимина, замышляетъ о бракѣ съ одною изъ царевенъ, а именно съ Екаториною Алексѣевою, и о присвоеніи себѣ верховной власти въ надеждѣ на стрѣльцовъ. Ни царь, ни царица тогда не одоброватъ. Слухъ этотъ долженъ былъ имѣть какое нибудь основаніе; онъ хваталъ за живое и побуждалъ думать о собственной безопасности.

Ко всѣмъ этимъ причинамъ должно присоединить еще ссору, тогдашнюю по укрощеніи стрѣлецкихъ бунтовъ, возникшую случайно или изъ ревности, между старикомъ Хованскимъ и извѣстнымъ уже намъ знаменитымъ кователемъ козней, бояриномъ Иваномъ Михайловичемъ Милославскимъ, вслѣдствіе которой стрѣльцы, слышно было, собирались даже убить его по наветамъ Хованскаго. Милославскій, обуянный страхомъ,—пишетъ современникъ,—бѣгалъ изъ одной своей подмосковной въ другую и скрывался въ норахъ, какъ подземный кроль; наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, улучивъ благоприятное время, слѣшилъ покончить съ нимъ, какъ прежде съ Матвѣевымъ. Онъ является въ царицѣ Софіи, указываетъ опасности, ей угрожающія, связываетъ искусно извѣстныя данныя, предлагаетъ объясненія:— „Вотъ, чего хотятъ Хованскіе! Это ясно. Они сами говорятъ... стрѣльцы въ ихъ власти. Цари—одна больной, другой малолѣтній; съ ними управиться недолго... Сынъ женится на взятой сестрѣ, и вѣнчается царскимъ вѣнцомъ, а вы всѣ—по монастырямъ или въ заточеніи“...

Доводы Милославскаго казались правдоподобными: Софія испугалась той участи, которую готовила Нарышкинымъ, и подготовленная собственными разсужденіями, склонилась на его убѣжденія. Судьба Хованскихъ была рѣшена.

Милославскій сочиняетъ планъ, какъ избавиться отъ общаго врага, и исполненіе начинается въ той же глубокой тайнѣ, какою былъ покрытъ заговоръ 15-го мая.

19-го августа, въ день Донской Божьей Матери, царское семейство не приняло участія въ крестномъ ходѣ. Значить, опасеніе — истинное или мнимое — могущихъ встрѣтиться непріятностей достигло до высшей степени.

Замѣтить, какъ дѣла шли скоро. Стрѣлецкій бунтъ кончился 17-го мая, Иванъ объявленъ царемъ 26-го, Софія — правительницею 29-го, притязанія раскольниковъ — іюня 23-го, вѣнчаніе на царство — 25-го, пренія въ Грановитой палатѣ — іюля 5-го, казнь Никиты Пустосвята — 11-го, а 19-го августа крестный ходъ въ Донской монастырь, безъ царскаго участія.

Царевна Софія или имѣла причину бояться, или приступила къ исполненію своего намѣренія, т. е. война оборонительная или наступательная началась. Черезъ нѣсколько дней весь дворъ — цари, царевны и правительница — отправились въ село Коломенское.

Можно себѣ представить, какое удивленіе произвелъ во всемъ городѣ внезапный отъѣздъ, предположенный, по видимому, на долгое время: всѣ терялись въ догадкахъ.

При дворѣ, у царицы Наталіи Кирилловны, раздалися вопросы, подавшіе поводъ къ толкамъ, догадкамъ, надеждамъ и опасеніямъ. Что такое произошло особеннаго? Чего бояться должно въ Москвѣ? Откуда грозитъ опасность? Судя по прежнимъ даннымъ, она могла подозрѣвать какое-нибудь злоумышленіе. Никому не могла казаться вѣроятною внезапная распря Софіи съ Хованскимъ, который такъ недавно былъ однимъ изъ главныхъ ея наперсниковъ и совѣтниковъ, со-участникомъ послѣднихъ дѣйствій. Опять нападаетъ страхъ и на весь царичинъ дворъ: Богъ знаетъ, что случится. Предусматривались новыя бѣды, новыя опасности для нея, для ея сына, для всего семейства. А мальчикъ все это видѣлъ. У него въ ушахъ раздавались опять стрѣльцы, раскольники, убійства, казни, замыслы, измѣны... Назывались по именамъ враждебныя лица.

На другой день являются въ Коломенскомъ стрѣльцы, вѣроятно, подосланные Хованскимъ, съ выраженіемъ прискорбія, что цари оставили Москву. „Великіи государямъ сказано, будто у насъ, у надворной пѣхоты, учинилось смятеніе, на бояръ и на ближнихъ людей злой умыселъ, и будто у насъ изъ полка въ полкъ идутъ тайныя пересылки, хотимъ приходить въ Кремль съ ружьемъ по прежнему, и для того они, великіе государи, изволили изъ Москвы выѣхать; но у насъ во всѣхъ полкахъ такого умысла нѣтъ и впредь не будетъ, чтобы великіе государи пожаловали, не велѣли такимъ ложнымъ словамъ повѣрить и изволили бы придти къ Москвѣ“. — „Великіи государямъ про вашъ умыселъ невѣдомо“, былъ отвѣтъ; „изволили великіе государи съ Москвы итти по своему государскому изволенію, да и прежде въ село Коломенское ихъ государскіе походы бывали-же“.

И Хованскій пріѣзжалъ въ Коломенское, вѣроятно, освѣдомиться, что тамъ есть, и подѣйствовать на Софію. Онъ попытался пострачать ее замышляемымъ нападениемъ Новгородскихъ дворянъ, которые грозятъ-де прійти въ Москву за выслуженнымъ жалованьемъ (?) и съѣчь всѣхъ безъ выбора и остатка. Царевна отвѣчала, что это извѣстіе слѣдуетъ объявить изъ Постельнскаго крыльцѣ всѣмъ чиновъ людямъ, а въ Новгородъ послать грамоту для подлиннаго свидѣтельства. Хован-

скій самъ испугался такого оборота, и долженъ былъ просить, чтобы на слухъ не было обращено вниманія. Во всякомъ случаѣ, вѣроятно, онъ уѣхалъ изъ Коломенскаго успокоенный и обласканный по возможности.

Съ обѣихъ сторожъ употреблялся обманъ,—кто кого перехитритъ, и выжидался обстоятельностью.

Къ именинамъ старшаго царя, 29 августа, Софія потребовала въ Коломенское Стремянный полкъ, къ ней наиболѣе близкій. Хованскій отговаривался, но наконецъ долженъ былъ уступить, догадываясь объ опасности, и сознавая вѣстѣ невозможность бороться.

Дворъ не возвратился въ Москву и къ дѣйству новаго года, 1 сентября, что подало поводъ еще болѣе ко всякимъ толкамъ и догадкамъ. Вѣдно было князю Хованскому присутствовать въ Успенскомъ соборѣ, но онъ не поѣхалъ, и на дѣйствѣ былъ одинъ только окольный къ удивленію всей Москвы, на что жаловался самъ патріархъ. Страхъ распространился въ городѣ: всѣ съ сомнѣніемъ встрѣчали другъ друга, и спрашивали,—что значать эти явленія?

Хованскій, кажется, растерялся при такомъ неожиданномъ оборотѣ дѣлъ, и, если онъ былъ блудливъ, какъ кошка, то оказался трусливымъ, какъ заяцъ, и не принималъ никакихъ мѣръ ни для защиты, ни для нападенія.

2 сентября выѣхали цари изъ села Коломенскаго чрезъ Воробьево и Павловское въ Саввинъ монастырь, близъ Звенигорода, къ празднику св. Саввы, 6 сентября. Отпраздновавъ здѣсь память чудотворца, отправились назадъ чрезъ Павловское и Хлябово въ Воздвиженское, къ празднику тамошнему 14 сентября.

Отсюда былъ посланъ указъ въ Москву ко всѣмъ боярамъ, окольнымъ, думнымъ людямъ, стольникамъ, страпчимъ, дворянамъ и жильцамъ—быть въ Воздвиженское къ 18 числу, для своихъ царскихъ дѣлъ и для приѣма гетманскаго сына, о которомъ прислалъ донесеніе князь Хованскій, такъ же приглашенный. Отсюда же посланы были грамоты, разужбета, въ тайнѣ отъ Хованскаго, во Владимиръ, Суздаль и другіе близкіе города, звать дворянъ и служилыхъ людей въ Москву для спасенія царей, которымъ грозитъ-де смертью измѣна князя Хованскаго, и для наказанія измѣнниковъ.

17 числа, ко дню именинъ царевны, съѣхалось въ Воздвиженское множество всякихъ чиновъ людей. Послѣ обѣдни и слѣдовавшаго за нею угощенія, у великихъ государей и сестры ихъ, началось съ боярами сидѣнье или совѣтъ. Думный дьякъ Шакловитый доложилъ о дознанныхъ преступленіяхъ князя Хованскаго и его сына, и прочелъ подлинное письмо, якобы найденное еще въ Коломенскомъ, что князь Хованскій съ сыномъ и единомышленниками умыслили на великихъ государей, на патріарха и на бояръ убійство, и хотятъ сами овладѣть царствомъ московскимъ.

Матвѣевъ, сынъ покойнаго боярина, описавшій смутное время, думаетъ, что письмо сочинено самимъ Милославскимъ.

Великіе государи и сестра ихъ, выслушавъ докладъ, указали, а бояре приговорили: „по подлинному розыску и по явнымъ свидѣтельствамъ и дѣламъ и тому извѣстному письму согласно, казнить смертію князя Ивана Хованскаго и сына его Андрея“.

Черезъ посланныхъ впередъ развѣдчиковъ было узнано, что старый князь Хованскій, выѣхавшій изъ Москвы наканунѣ съ сыномъ, стоитъ въ шатрахъ, близъ села Пушкина, подъ горою въ крестьянскихъ гумахъ около дороги, а молодой—въ своей деревнѣ, на Клявмѣ близъ Братовщины. Тотчасъ былъ отправленъ бояринъ, князь Михаилъ Ивановичъ Лыковъ, съ значительнымъ отрядомъ придворныхъ на московскую дорогу схватить Хованскихъ и привезти ихъ въ Воздвиженское.

Неужели Хованскій не зналъ ничего объ угрожавшей ему опасности, о намѣреніяхъ противъ него царевны? Неужели онъ вѣрилъ въ ея искренность? Если подметное письмо коломенское не было сначала оглашено, то слухъ о разосланныхъ грамотахъ по всѣмъ городамъ, съ уликami и обвинениями, долженъ былъ дойти до него. Самое удаление, внезапное, двора изъ Москвы наканунѣ новаго года, который торжествовался всегда особымъ дѣйствомъ, должно было возбудить его подозрѣніе, и если первыя объясненія царевны Софіи могли показаться удовлетворительными, то послѣдующія дѣйствія должны были утвердить опасенія. Зачѣмъ же онъ ѣхалъ въ Воздвиженское на вѣрную смерть? Не думалъ ли онъ самъ захватить царевну Софію съ обоими царями съ помощью стрѣльцовъ, которые могли, по его извѣстію, послѣдовать за нимъ немедленно? Или онъ хотѣлъ на мѣстѣ разузнать положеніе дѣла и потомъ дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ? Во всякомъ случаѣ, онъ, видно, былъ увѣренъ, что къ нему не посмѣютъ прикоснуться, и онъ всегда будетъ имѣть время принять свои мѣры. Страшно ошибся онъ въ своихъ расчетахъ, — и попалъ въ западню, искусно для него поставленную.

Князь Лыковъ напалъ врасплохъ сперва на старика, потомъ на сына, схватилъ, связалъ и привезъ ихъ въ Воздвиженское подъ крѣпкимъ карауломъ. Бывшіе при нихъ стрѣльцы были захвачены также и приведены туда, а плахи были тамъ уже готовы.

Плѣнники поставлены были предъ дворцовыми воротами. Дьякъ Шакловитый прочелъ подробное исчисленіе всѣхъ винъ и преступленій, а въ заключеніе сказалъ: — „И великіе государи указали васъ, князь Иванъ и князь Андрей Хованскихъ, за такія ваши великія вины, и за многія воровства, и за измѣну казнить смертью“.

Ошеломленный старикъ, по прочтеніи обвиненія, падаетъ въ ноги боярамъ, плачетъ... „Я ничего не знаю, а если сынъ виноватъ въ чемъ, я прокляну его... выслушайте меня, я расскажу вамъ, я открою, кто виноватъ, кто началъ“...

Но съ Веру въ ту же минуту принесенъ строгій приказъ ничего не слушать и исполнить приговоръ поскорѣе.

Матвѣевъ свидѣтельствуетъ, что и здѣсь дѣйствовалъ отъ имени царевны тотъ же Иванъ Михайловичъ Мирославскій... торопя казнью. Не оказалось палача. Вызвался стрѣлецъ изъ Стремяннаго полка, который и отсѣкаетъ голову старому князю Хованскому. Сынъ цѣлуетъ бездыханное тѣло отца, и ложится на плаху.....

Другой сынъ и племянникъ успѣли убѣжать въ Москву. Племянникъ пойманъ. Сынъ бросился къ стрѣльцамъ: — „Вашего отца, моего отца, казнили бояре, вашего друга и покровителя, вамъ достанется тоже, хотятъ сжечь ваши слободы и перебить васъ всѣхъ“.

Была уже полночь. Произошло общее смятеніе. Ударили въ набатъ, съ проконковъ стрѣльцы сбѣгаютъ со всѣхъ улицъ. Что такое? „Отецъ нашъ убитъ, бояре идутъ жечь наши слободы, хотятъ перебить стрѣльцовъ, что намъ дѣлать безъ него?“ раздаются общіе крики.

Стрѣльцы боятся дворовыхъ людей, дворовые люди боятся ихъ, народъ боится тѣхъ и другихъ. Никто не знаетъ, что будетъ. Всполошилась вся Москва.

Толпами всю ночь стрѣльцы прибѣгали къ патриарху, и не давали ему покоя. Одни просили его написать государямъ, чтобы они воротились въ Москву, а не то мы сами пойдемъ къ нимъ и управимся съ боярами. Другіе требовали, чтобы онъ послалъ грамоту на Украину звать служилыхъ людей на помощь стрѣльцамъ“

противъ бояръ. Многіе приходили изумленные, сами не знали зачѣмъ, и только твердили: — „что намъ дѣлать?“

Патріархъ старался ихъ успокаивать, и объяснялъ, что государи Москвы не покинули, а въ Троицкомъ монастырѣ хотятъ по обыкновенію праздновать день Сергія Чудотворца, 25 сентября; „идти вамъ туда не зачѣмъ, походомъ вы наведете на себя гибель государей“.

Были и такіе стрѣльцы, которые кричали: — „Убить его, вѣдь онъ съ боярами за одно!“

Лишь только разсвѣло, стрѣльцы бросились на пушечный дворъ, закатили пушки и развезли ихъ по своимъ приказамъ, повытаскали всю пороховую и свинцовую казну, забрали копья, карабины, мушкеты. По мѣстамъ разставлены были караулы, чтобъ не пускать никого ни въ городъ, ни изъ города. Мирные жители трепетали отъ страха.

Сего 18 числа, въ часъ третій, — говоритъ современникъ, — пріѣхалъ изъ похода отъ великихъ государей стольникъ Зиновьевъ съ грамотою къ патріарху. Его задержали караульные и спрашивали крѣпко, что въ грамотѣ писано. Наибольше со многими стрѣльцами привели его къ патріарху, но не спускали съ него глазъ и наблюдали пристально, не станеть ли чего говорить онъ тайно, потомъ велѣли прочесть вслухъ грамоту, въ которой извѣщалось о злыхъ умыслахъ князей Кованскихъ надъ государями и Московскимъ государствомъ и о совершеніи надъ ними казни за ихъ преступленія. Грамоту заставили стрѣльцы прочесть нѣсколько разъ. Одни кричали: — „нѣтъ, это неправда; надо идти на бояръ; пора ихъ прочистить; они виноваты!“ — Другіе говорили: — „надо подождать“. По приказамъ раздался барабанный бой на сборъ; всѣ начали готовиться къ походу.

Стольникъ Зиновьевъ, возвратившись къ государямъ въ Воздвиженское, донесъ, что видѣлъ и слышалъ въ Москвѣ; — стрѣльцы собираются идти въ походъ и грозятъ перебить всѣхъ бояръ и всякихъ чиновныхъ людей.

Дворъ испугался въ свою очередь. Дворянъ и служивыхъ собралось на зовъ еще недостаточное количество. Рѣшено переѣхать въ Троицкій монастырь, какъ надежную крѣпость, гдѣ государямъ быть безопаснѣе.

Въ тотъ же день въ дворцовыхъ воеводахъ велѣно быть князю Василю Васильевичу Голицыну, да съ нимъ въ товарищахъ боярину, князю Михаилу Ивановичу Лыкову, думному дворянину А. М. Ржевскому, да думному генералу А. А. Шепелеву. По стѣнамъ разставлены были пушки и монастырь приведенъ въ оборонительное положеніе.

По городамъ посланы были принудительныя грамоты для великаго, нужнаго и скорого дѣла, такія же и къ иноземцамъ, оставшимся въ Москвѣ.

Стрѣльцы, услышавъ о сборѣ и переѣздѣ къ Троицѣ, приздумались: „какъ идти на святое мѣсто, есть ли возможность справиться съ силою, которая со всѣхъ сторонъ собирается?“ Они оробѣли, но въ Москвѣ, между тѣмъ, все-таки укрѣплялись, какъ бы готовясь сидѣть въ осадѣ, строили по улицѣ и Земляному городу надолбы, роздали многимъ людямъ изъ казны мушкеты и карабины, а на караулы въ день и ночь выгоняли посадскихъ людей. „Если бояре придутъ съ своими людьми войною, мы никого въ городъ не пустимъ. Если захотятъ биться съ нами, мы поставимъ впереди посадскихъ и всякихъ чиновъ людей съ женами и дѣтьми, а сами ударимъ со сторонъ“.

Они ходили по улицамъ и стрѣляли постоянно изъ ружей, наводя страхъ на все населеніе.

Обѣ стороны приготовились.

Въ Москвѣ, между тѣмъ, оказалась скудость въ хлѣбѣ и дровахъ: подвозить было некому, а кто прїѣзжалъ, то отъ осмотровъ становилось опасно и жутко.

А помощниковъ въ Троицкомъ монастырѣ собиралось всякій день по многу, и царевна увидѣла возможность дѣйствовать рѣшительнѣе.

Стрѣльцы обратились къ патриарху и униженно просили его вступить за нихъ и послать къ государямъ отъ лица своего архимандрита, или игумена.

Отправленъ былъ Чудовскій архимандритъ Адрианъ, что послѣ былъ патриархомъ, просить государей, чтобы они возвратились въ Москву, избавили народъ отъ всякаго смущенія и страха, и обрадовали городъ своимъ присутствіемъ.

На эту просьбу послѣдовалъ рѣшительный отказъ, но 21-го сентября присланъ былъ къ стрѣльцамъ думный дворянинъ Лукьянъ Тимофеевичъ Голодоль сказать имъ, „чтобъ они унялись, отъ смятенія перестали, исполковъ, страхованія въ Москвѣ не чинили, а казнь учинена князьямъ Хованскимъ за измѣну по ихъ указу, и судъ о милости и казни врученъ имъ отъ Бога, а имъ стрѣльцамъ, о томъ не только говорить, но и мыслить не довелось, а на нихъ опалы нѣтъ, и были бы они безъ смущенія на ихъ царскую милость надежны, и для челобитя дѣла своихъ, кому надобно, шли бы къ нимъ въ походъ“.

Стрѣльцы опять приступили къ патриарху съ просьбою звать государей въ Москву: для чего они оставили ихъ и все государство безъ управленія, такъ что они не знаютъ, что и между собой дѣлать, а бояре съ своими людьми грозятся ихъ искоренить?..

Цѣль ихъ была очевидна: призвать въ Москву государей съ боярами и раздѣляться потомъ съ своими врагами. Но правительство пребывало твердымъ. Москву вѣдать присланъ былъ Михаилъ Петровичъ Головинъ.

Видя, что дворъ крѣпко стоитъ на своемъ рѣшеніи, а дворянъ къ Троицѣ собралось уже многое множество, стрѣльцы упали дукомъ, и дерзость ихъ смѣнилась страхомъ. Они пришли опять къ патриарху и просили со слезами послать со своею отпиской къ государямъ двухъ стрѣльцовъ, которыхъ уполномочили просить милости царской и приказанія, сколько призвать ихъ величествамъ угодно стрѣльцовъ лучшихъ людей къ себѣ въ походъ.

Полученъ приказъ прислать изъ каждаго полка по двадцати человекъ.

Стрѣльцы испугались: „лучшихъ людей хотятъ взять у насъ и казнити смертію“. По дорогѣ стоятъ служилые полки, — рассказывали другіе: они нашихъ братьевъ перехватываютъ, и въ походъ къ государямъ не допустить. Многіе отказывались ѣхать, „яко не надѣялись живы быти“, и просили со слезами патриарха, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, послалъ съ ними архіерея предводителемъ: ради архіерея авось не побьютъ насъ, гнѣваясь, какіе люди.

Патриархъ далъ имъ митрополита суздальскаго Иларіона, мужа извѣстнаго своей святой жизнью. „Идите съ миромъ и не бойтесь, не слушайтесь наветовъ: государи вашему покоренію желательны, а гнѣва на васъ явити не изволятъ“. Это было 24-го сентября.

Весь поѣздъ обочевалъ на мосту въ пяти верстахъ отъ города Москвы вѣстѣ съ митрополитомъ Иларіономъ 25-го сентября. Стрѣльцы боялись идти далѣе, прослыша, что въ Мытищахъ, въ 15-ти верстахъ, стоятъ съ войскомъ бояринъ Шенинъ и, „тамо поймавъ ихъ, казнитъ“.

26-го сентября пошли однако же впередъ и въ Мытищахъ, къ радости своей, никого не увидали. Конечно, войско стоитъ въ Пушкинѣ, — они опять отказывались идти и насилию двинулись. Не нашимъ никого и въ Пушкинѣ, потому испугались еще болѣе, увидя множество дворянъ, шедшихъ изъ городовъ въ Троицѣ по царскому приказу. Опять остановились: „насъ хотятъ казнитъ въ Воздвижен-

снова, съ казенъ князь Иванъ Хованскій: казани на огу и пиками, иные бѣнами оттуда и разгнали, что товарищи ихъ уже казаны.

Митрополитъ Иларіонъ уговаривалъ ихъ, что съ ними, ради прощанія патриарха, ничего худого не будетъ. Они не вѣрили и послыли отъ себя двухъ толкучьихъ къ Троицѣ, предлагая, есть ли къ не дорогѣ войско, а чтобъ по дорогѣ кто не задержалъ ихъ, вышрессанъ у митрополита послать съ ними отписку патриарха къ государю.

Отчаливъ въ живши своей, они поспрашивали между собой въ Воздвиженскомъ, „не увеселю быти собѣ къ тому живахъ“, и пошли за митрополитомъ.

Но на дорогѣ они были обрѣдованы царскою милостію. Въ салытѣ Рахмановѣ встрѣченный ихъ столяникъ сказалъ имъ, чтобы они ничего не боялись и нацѣлался на царскую милость: она, столяникъ, нарочно съ тѣмъ словомъ къ нимъ прислана.

Не чаявъ такой радости, стрельцы зашатались „вся слава исполнинися“. Салы митрополита и столяника, глѣда на нихъ, прослезилась. А нѣкоторыхъ все еще не вѣрилось, потому что два ихъ посланца къ нимъ не возвратились: но вотъ и тѣ пришли и объявили, что на пути нѣкакого препятствія не было. „Войска на подсадѣ ночь вниши нѣтъ, и безъ указу государей тому намрскому къ обѣщанію быти невозможно; государи ихъ повелѣнію принять и государская ихъ милость еста.“

26-го сентября, въ третьемъ часу, митрополитъ принималъ къ Троицѣ съ казачьими стрельцами и возвѣстити государямъ причину своего прихода.

Царевна Софія, въ собраніи царскаго сановита ольскихъ людей, прислала къ собѣ стрельцовъ, и воздала благодареніе Богу, потчевъ память созданныхъ обителъ тѣхъ, предодобныхъ Сергія Чудотворца и ученика его Нилонка, обратилась къ нимъ, столяникъ ни живши, ни мертвыи, съ упрекомъ: — „Люди Божіе, какъ вы не боится Бога, смѣли возстать на насъ, государей своихъ, и на нашихъ бояръ, замутити во всемъ московскомъ государствѣ, забыли вы вѣру и присягу служить намъ вѣрно, забыли вы милости дѣла, отца и брата нашего, и нинѣ государей — царей Ивана Алексѣевича и Петра Алексѣевича жалованье. На что взяли вы изъ казны пороухъ и свинець и всякіе замысли, родили людемъ ружья, завали злосоветные крути во воеводки, чего не бывало? Видите теперь, до чего своевольствомъ своимъ довели себя? Вонъ сколько воинства къ намъ, для охраны нашей, собралось. И вы издумали царямъ своимъ въ такомъ вномѣ возрастѣ причинити скорбь и смущеніе и мтежь. Негодны вы лицо наше зрѣть, не только милости получать. Называется вы слугами царскаго величества: гдѣ же нинѣ ваша служба, боянь и послушаніе?“

Ни живши, ни мертвы, стрельцы стояли передъ цареною, и только княжались и прожисосили: — „Винюваты, согрѣшили, прогѣвали Бога“, и подали связьку съ общаніемъ „служити и работать великимъ государямъ неизменно, безъ всякой шатости; если отъ кого услышатъ злоумышленныя слова, тѣхъ людей казати и приводить въ связки казы и держать до указу, на царское величество, бояръ и ближнихъ людей нѣкакого глѣ не мыслити, а тѣ казу вобрали — пунки, пороухъ и свинець и фитили для опаски, то казна у нихъ въ цѣлости, а которыхъ подканъ велѣно быти на службу въ Киевѣ, и на тое службу готовы, то намъ и сказка“.

Царевна позвала ихъ за покорность, велѣла, возвратясь, братію свою усобѣстити также, но уличая ходя не стрѣлять изъ ружей и людей не тревожить, всю пуночную казну возвратити. Исполнить все, съ повинною омять при-

ходите сюда, и тогда прощенье получите. Если всего не исполните, то будетъ вамъ дурно; сила на васъ готова.

Собранное ополченіе было распредѣлено кругомъ Москвы.

Стрѣльцы исполнили все и подтвердили свою покорность новою повинною, написанною отъ всѣхъ полковъ. Выборные доставили ее царямъ, прося ихъ возвратиться въ Москву, „чтобы намъ всѣмъ“, писали они, „холопамъ вашимъ, съ женами и дѣтишками всѣмъ возрадоваться“.

3-го октября царевна приняла грамоту и челобитную, и вина стрѣльцовъ была отпущена. Оставшіяся въ живыхъ, молодой князь Иванъ Хованскій приведенъ былъ въ Троицкій монастырь. На площади передъ монастыремъ ему объявлена смертная казнь, онъ былъ положенъ на плаху и, прощенный, сосланъ...

8-го октября, въ воскресенье, по совершеніи литургіи въ Успенскомъ соборѣ, прочтены были всенародно указныя статьи и грамота, какъ стрѣльцы впредь держать себя должны. За симъ стрѣльцы цѣловали Святое Евангеліе и руки Святаго апостола Андрея Первозваннаго, и взяли новоуказныя статьи въ тетрадахъ, для прочтенія по всѣмъ полкамъ.

Царевна медлила еще возвратиться въ Москву. 28-го октября стрѣльцы, по ея внушенію, подали челобитную о позволеніи разломать каменный столбъ, поставленный на Красной площади, „чтобы не было отъ другихъ государствъ царствующему граду заворно“. 2 ноября онъ былъ разрушенъ до основанія, жестяные листы сорваны и сожжены, самый бутъ выкопанъ изъ земли и разметанъ.

Жалованныя прежнія грамоты въ память о побѣдахъ „за дошъ Пресвятыя Богородицы“ были взяты назадъ и замѣнены новыми.

Царевна Софія хотѣла уничтожить всѣ слѣды своего злаго дѣла, которое осталось только въ народной памяти.

Приписывая всѣ бунты преимущественно злоумышленіямъ князя Хованскаго и раскольника Алексѣя Юдина, она запретила называть стрѣльцовъ измѣнниками и бунтовщиками.

Черезъ четыре дня дворъ воротился въ Москву, окруженный многочисленнымъ дворянствомъ, которое заняло всѣ караулы вмѣсто стрѣльцовъ.

Стрѣлецкій приказъ порученъ былъ окольничему Зиѣву, а черезъ мѣсяць думному дьяку Федору Леонтьевичу Шакловитому, который, воспользовавшись вскорѣ однимъ частнымъ возмущеніемъ въ полку, подавъ совѣтъ перебраться всѣ полки и неблагонадежныхъ людей перевести въ Украинскіе города, на что послѣдовало разрѣшеніе, и такимъ образомъ восстановлено спокойствіе въ городѣ.

Царевна Софія приняла окончательно бразды правленія въ окривленныя руки....

XI. ПРАВЛЕНІЕ СОФІИ.

(Изъ соч. Костомарова: «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ деятелей». Выпускъ V).

Со времени подавленія втораго стрѣлецкаго бунта, подготовленнаго княземъ Хованскимъ и ускореннаго казнью его, Софія именемъ двухъ царей безпрекословно семь лѣтъ управляла государствомъ. Во внутреннихъ дѣлахъ не происходило никакихъ важныхъ измѣненій, кромѣ кое-какихъ перемѣнъ въ дѣлопроизводствѣ, какъ напр., замѣны Разбой-

наго приказа Сискинымъ. Правительство по-прежнему противодѣйствовало обычному шатанію народа и дѣлало распоряженія объ удержаніи жителей на старыхъ мѣстахъ. Разбои усиливались, даже люди знатныхъ родовъ выѣзжали на дорогу съ разбойничьими шайками. Помѣщики дрались между собою, наѣзжали другъ на друга съ своими людьми, жгли другъ у друга усадьбы; ихъ крестьяне, по ихъ приказанію, дѣлали нападенія одни на другихъ, истребляли хлѣбъ на поляхъ и производили пожары. Межеваніе, начатое при Феодорѣ, продолжаясь при Софѣ, приводило къ самымъ крайнимъ безпорядкамъ. Помѣщики, недовольные межеваніемъ, посылали своихъ крестьянъ на межевщиковъ съ оружіемъ, не давали имъ мѣрить земли, рвали веревки, а нѣкоторыхъ межевщиковъ поколотили и изувѣчили. За такія самоуправства правительство опредѣлило наказывать кнутомъ и ссылатъ въ Сибирь; но безчинства отъ этого не прекращались. Небогатые помѣщики находились подъ произволомъ богатыхъ, владѣвшихъ многими крестьянами; кто былъ сильнѣе, тотъ у сосѣда отнималъ землю. И бѣдняку трудно было тягаться съ богачомъ. Въ самой Москвѣ происходили въ то время безпрестанныя безчинства, воровства и убійства. Правительство дѣлало распоряженія подъ страхомъ строгаго наказанія, чтобы въ городѣ не стрѣляли изъ ружей, не дрались на кулачкахъ, не спшибали съ ногъ людей и не били полицейскихъ служилыхъ (капитановъ и стрѣльцовъ). Но самую важную причиною смутъ былъ расколъ, который не только не прекращался отъ преслѣдованій, но возрасталъ въ страшныхъ размѣрахъ. Въ 1682 г., послѣ казни Никиты Пустосвята, разслана была грамота ко всѣмъ архіереямъ, чтобы они сыскивали раскольниковъ и предавали ихъ казни. Еще строже былъ указъ въ концѣ 1684 года: велѣно было хватать всякаго, кто не ходилъ въ церковь, не исповѣдывался, не пускалъ къ себѣ священника въ домъ; такихъ приказано было подвергать пыткамъ; если обвиненный подъ пыткой обвинялъ когонибудь въ соучастіи, и того велѣно хватать, давать ему очныя ставки, производить объ немъ обыскъ и, въ случаѣ сомнѣнія, пытать. Покаявшіеся были отправлены для исправленія къ духовному начальству, а непокорныхъ велѣно было сжигать живьемъ. За укрывательство раскольниковъ и за недонесеніе положено было бить кнутомъ. Но напрасно правительство думало испугать раскольниковъ огнемъ: они сами сжигались, воображая себѣ, что тѣмъ принесятъ жертву Богу. Вездѣ, гдѣ собирались толпы раскольниковъ, припасались имъ горючія вещества, чтобы прибѣгнуть къ этому средству спасенія, когда придутъ гонители. Являлись учителя, проповѣдывавшіе, что даже и безъ гоненія самое богоугодное дѣло сжечься, и уговаривали дѣлать толпы мужичивъ, женщинъ и дѣтей предавать себя «крещенію огнемъ», царствія ради небеснаго.

Изъ вѣшнихъ дѣлъ правленія Софьи самымъ важнымъ событіемъ было заключеніе съ Польшею мира, прекратившаго долговременную тяжелую распрю за Малороссію. Война долго съ турками, поляки сильно добивались втянуть въ эту войну Россію, но Россія долго не поддавалась ихъ совѣтамъ, благодаря настоятельности малороссійскаго гетмана Самойловича, который неуставно представлялъ, что полякамъ ни въ чемъ вельзя вѣрять, что они искони вѣроломные враги русскаго народа, что гораздо полезнѣе быть въ дружбѣ съ турками. Несмотря,

однако, на всѣ старанія Самойловича, могучій въ то время бояринъ, другъ Софьи, Василій Васильевичъ Голицынъ, поддался убѣжденіямъ польскихъ пословъ, ходатайству папы и Австріи, и 21 апрѣля 1686 года былъ заключенъ въ Москвѣ польскими послами «вѣчный миръ» между Россією и Польшою. Кіевъ съ Васильковымъ, Трипольемъ и Стайками, былъ уступленъ Россіи навѣки, а Россія обязалась уплатить за это 146,000 рублей. Обѣ державы обязались вмѣстѣ воевать противъ турокъ и татаръ. Важнымъ для будущихъ временъ условіемъ этого мира было то, что Польша обязалась предоставить полную свободу совѣсти православнымъ.

Правительство московское затѣвало большое дѣло. Мысль покорить Крымъ блеснула было при Грозномъ — и окончилась маловажными походами, блеснула при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ — и была оставлена по бѣдности средствъ. Теперь предприняли идти съ большимъ войскомъ великорусскимъ и малорусскимъ черезъ степь и уничтожить крымское царство. Осенью 1686 года изданъ былъ къ служилымъ людямъ царскій указъ, призывающій ихъ къ важному начинанію. «Злочестивые, богоненавистные басурманы — было сказано въ указѣ — ни изъ какой другой вѣрн не брали столько невольниковъ, какъ изъ украинныхъ городовъ нашего царствія и изъ Малороссіи, распродавая ихъ изъ Крыма, словно скотъ, повсюду въ вѣчную басурманскую неволю. Наше государство донинѣ терпитъ отъ всѣхъ иныхъ странъ посмѣяніе и укореніе за то, что мы каждый годъ давали басурманамъ казну, чего никакого государство не творить, а они, басурманы, надъ нашими посланниками, которые возили имъ деньги, соболей и мягкую рухлядь, творили насиліе; иные наши посланники и гонцы отъ многаго задержанія и мученія въ Крыму и помирали». Все это — была всѣмъ тогда извѣстная правда. Ближайшею причиною разрыва договора, постановленнаго съ Крымомъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, приводили то обстоятельство, что послѣ этого договора татары дѣлали набѣги на русскія области, а въ Крыму задержали и оскорбляли отправленнаго туда посланника, Тараканова.

Весною 1687 года 100,000 великорусскаго войска двинулось въ южныя степи; предводительствовалъ имъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, другъ царевны Софьи, посившій чинъ двороваго воеводы большаго полка и большія печати и государственныхъ великихъ дѣлъ посольскихъ оберегателя; къ нему присоединился на Самарѣ гетманъ Самойловичъ со всѣми своими полками; казаковъ было до 50,000 чел. Но, дойдя до рѣчки Карачарана, войско встрѣтилось съ неожиданнымъ препятствіемъ: вся степь была выжжена; травы не было; продовольствія для лошадей не везли съ собою; не было дровъ; русскія лошади стали падать; люди страдали отъ недостатка пищи и безводья; слышно было, что впереди до самаго полуострова все такимъ же образомъ выжжено. Идти далѣе оказалось невозможнымъ. Военный совѣтъ предводителей рѣшилъ отправить берегомъ внизъ по Днѣпру отрядъ тысячъ въ двадцать; къ нимъ Самойловичъ присоединилъ три казацкихъ полка подъ начальствомъ своего сына. Этотъ отрядъ долженъ былъ прикрывать отступление остальной арміи, а если будетъ можно, то сдѣлать нападеніе на турецкія крѣпости, построенныя на Днѣпрѣ. Затѣмъ, все остальное войско двинулось назадъ.

Тогда сильное подозрѣніе у великороссіянъ пало на гетмана и вообще на казаковъ: не по ихъ ли предостереженію и наущенію татары сожгли степи, чтобы помѣшать успѣхамъ русскаго войска? Одинъ изъ служившихъ въ московскихъ войскахъ иноземцевъ (Гордонъ) увѣряетъ, что подозрѣніе имѣло на своей сторонѣ вѣроятность. Казаки—говорить онъ—сами вооруженною рукою освободились отъ польскаго ига и просили у москвитянъ только помощи: они называли себя подданными, а не холопами царскими. Миръ съ поляками, уступившими Москвѣ свои права надъ казаками, страшилъ ихъ; они опасались, чтобы Москва не стала обращаться съ ними, какъ съ природными подданными, и не ограничила бы ихъ привилегій и вольности. Гетманъ и другіе благоразумные люди предвидѣли, что выйдетъ для нихъ изъ того, если Москвѣ удастся покорить Крымъ. Татары считали себя также вольнымъ народомъ: падишахъ имѣлъ надъ ихъ ханомъ слабую власть и относился къ нему болѣе съ просьбою, чѣмъ съ повелѣніями. Естественный инстинктъ сближалъ казаковъ съ татарами, и благоразуміе побуждало тѣхъ и другихъ понимать, что пораженіе одного изъ двухъ народовъ будетъ пагубно для другаго.

Какъ бы то ни было, только враги Самойловича воспользовались неудачею похода; они повяли, что Голицыну будетъ пріятно свернуть на гетмана стыдъ неудавшагося предпріятія. Возвращаясь назадъ, Самойловичъ, какъ видно, не сдерживалъ своего языка и отпускалъ ѣдкия замѣчанія насчетъ тогдашнихъ дѣлъ. «Не сказывалъ-ли я—говорилъ онъ,—что Москва ничего Крыму не сдѣлаетъ? Се нынѣ такъ и есть, и надобно будетъ впередъ гораздо имъ отъ крымцевъ отдыматься».

Войско, возвратившись изъ похода, стало станомъ надъ рѣкою Коломакомъ. Здѣсь старшина, составивши заговоръ, написалъ доносъ на своего гетмана. Въ этомъ доносѣ передавались разныя выраженія недовольства, произнесенныя гетманомъ противъ московскаго правительства по поводу примиренія съ Польшею; указывалось на поступки, вредныя для успѣховъ въ войнѣ съ татарами; сверхъ того, въ доносѣ излагались жалобы на дурное управленіе гетмана; наконецъ, просили отъ имени всего войска запорожскаго смѣнить Самойловича съ гетманства. Этотъ доносъ былъ поданъ Голицыну. Могучій бояринъ не любилъ и прежде Самойловича: Голицынъ былъ въ ссорѣ съ Ромодановскимъ, а Самойловичъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ послѣднимъ. Доносъ былъ отправленъ въ Москву, и въ Москвѣ поступили по немъ такъ, какъ хотѣлъ Голицынъ.

22-го іюля гонецъ изъ Москвы привезъ царскую грамоту. Голицыну поручалось объявить старшинѣ, что если Самойловичъ негоденъ казакамъ, то они могутъ избрать себѣ другаго, а отъ Самойловича велѣно отобрать знаки гетманскаго достоинства и самого препроводить въ Великороссію, поступаая такъ, какъ Господь Богъ вразумитъ и наставить боярина. Самойловичъ былъ низложенъ.

На другой же день послѣ его низложенія Голицыну подали статьи, по которымъ долженъ быть избранъ новый гетманъ. Казаки, по смыслу этихъ статей, пытались расширить права отдѣльнаго самоуправленія Малороссіи и просили, чтобы гетману было дозволено сноситься съ иноземными державами; это не было принято. Владѣльцы маестностей выговорили себѣ право судить подданныхъ и заставлять ихъ давать

себѣ положенные приносы. Маестности генеральной старшины, заслуженныхъ знатныхъ особѣ, а также имѣнія архіепископскія, митрополичьи и монастырскія, освобождались отъ всякихъ войсковыхъ поборовъ. Такимъ образомъ, утверждалось господство новаго панства, грозившее устроить порабощеніе народа. Съ московской стороны включена статья, показывающая стремленіе къ сближенію двухъ народовъ: гетману и старшинѣ вмѣнялось въ обязанность соединять малороссійскій народъ съ великороссійскимъ, какъ посредствомъ супружествъ, такъ и другими путями, чтобы никто не говорилъ, что малороссійскій народъ гетманскаго регименту (правленія), и чтобы единогласно всѣ считали малороссянъ съ великороссянами за единый народъ.

Старшины, постановляя статьи, дали понять Голицыну, что они выберутъ въ гетманы изъ своей среды того, на кого онъ укажетъ. Бояринъ назвалъ Мазепу, который умѣлъ ему понравиться. Мазепа былъ избранъ и утвержденъ, а Голицынъ получалъ отъ него 10000 рублей «въ поминокъ». Бывшій гетманъ съ однимъ изъ своихъ сыновей отправленъ въ Сибирь; другой сынъ казнень. Имущество Самойловича описано: половина взята на государя, половина отдана въ войсковую казну.

Черезъ два года послѣ перваго похода на Крымъ, былъ предпринятъ другой походъ, къ которому такъ же, какъ и къ первому, склонили Россію Австрія и Польша. Кромѣ того, бывшій константинопольскій патріархъ Діонисій, низложенный турецкимъ правительствомъ за расположеніе къ Россіи, убѣждалъ русскихъ воспользоваться удобнымъ случаемъ для освобожденія христіанъ отъ турецкаго ига, потому что между самими турками происходили тогда междоусобія (султанъ Магометъ IV былъ низверженъ войскомъ и на его мѣсто посаженъ братъ его, Сулиманъ II), а австріяцы и венеціанцы одерживали верхъ надъ турками. Молдавскій господарь Щербакъ, съ своей стороны, убѣждалъ московское правительство послать войско на турокъ и увѣрялъ, что всѣ христіане, находящіеся подъ турецкою властью, возстанутъ при появленіи русскаго войска. При такихъ блестящихъ надеждахъ московское правительство двинуло на Крымъ весною 1689 года 112,000 войска, съ которымъ было до 350 пушекъ. Начальство взялъ на себя Голицынъ. Къ нему примкнулъ малороссійскій гетманъ Мазепа со своими казаками. Русское войско прошло черезъ степь, одержало верхъ въ битвѣ съ ханомъ и дошло до Перекопа. Но Голицынъ не рѣшился перейти на полуостровъ. Его напугалъ недостатокъ воды, особенно чувствительный при сильномъ майскомъ зноѣ. Остановившись подъ Перекопомъ, Голицынъ завелъ переговоры съ ханомъ и, не дождавшись ихъ окончанія, поспѣшно отступилъ, убѣгая отъ преслѣдовавшихъ его татаръ.

Этотъ неудачный походъ совершенно уронилъ Голицына. На него стали смотрѣть, какъ на неспособнаго труса, но Софья силилась представить и этотъ походъ геройскимъ дѣломъ. Не только самъ Голицынъ получилъ въ награду вотчину, 300 рублей денежной прибавки къ жалованью и разные подарки, но и всѣ участники похода были щедро награждены. Софья до слѣпой страсти была предана этому человѣку; въ письмахъ своихъ она называла его: «свѣтомъ-батюшкою, душою своею, сердцемъ своимъ» и т. п. Любовь Софьи не спасла Голицына, а его неудачный походъ въ Крымъ сдѣлался ближайшимъ поводомъ къ

паденію самой царевны. Давняя вражда Софьи съ царицей Наталіей и Нарышкиными, ея нелюбовь къ Петру не прекращались съ лѣтами. Софья была правительницею государства только при малолѣтствѣ царей. Оба царя пришли въ совершенный возрастъ. Иванъ Алексѣевичъ еще въ 1684 г. сочетался бракомъ съ Прасковіей, дочерью боярина Салтыкова. По своему малоумію, Иванъ не угрожалъ Софьѣ потерю власти.

Но вотъ и Петръ достигъ 16-ти лѣтъ, окружилъ себя «потѣшными» — молодежью, собранною въ началѣ изъ товарищей дѣтскихъ игръ царя, а потомъ изъ охотниковъ разнаго званія. Петръ проводилъ съ ними время въ воинскихъ упражненіяхъ, строилъ земляныя крѣпости и бралъ ихъ, а въ 1688 году, увидя однажды старое заброшенное судно, получилъ страстное желаніе строить суда, плавать по морю и началъ свои первые опыты на Переяславскомъ озерѣ. Царица Наталія, страшась козней Софьи, боялась отлучекъ сына и его горячности, а потому поспѣшила его женить. 27 января 1689 года Петръ сочетался бракомъ съ Евдокіей Ѳеодоровной Лопухиной, дочерью окольного. Событіе было важное и даже, можно сказать, роковое для Софьи, такъ какъ, по русскимъ понятіямъ, женатый человекъ считался совершеннолѣтнимъ, и Петръ, въ глазахъ своего народа, получилъ полное нравственное право избавить себя отъ опеки сестры.

ХП. ПОТѢХИ ПЕТРА ДО 1683 ГОДА.

(Изъ „Исторіи царствованія Петра Великаго“ Устрялова, т. II).

Отъ молодыхъ ногтей, по словамъ современника, страстно любя ратное дѣло, Петръ уже въ отроческіе годы, съ своими сверстниками, съ товарищами дѣтскихъ игръ, въ тѣнистыхъ рощахъ села Преображенскаго, проводилъ цѣлыя дни въ воинскихъ забавахъ, учился съ ними солдатскому строю, сооружалъ земляныя крѣпостцы и бралъ ихъ штурмомъ. Юные сподвижники его получили названіе «потѣшныхъ». Кто руководилъ его первыми потѣхами, мы не знаемъ; да едва ли и былъ кто, потому что онѣ служили ему только забавою: достаточно было одного надзора дядекъ. Неизвѣстны также и первые товарищи его дѣтскихъ игръ, за исключеніемъ двухъ, Екима Воронина и Григорія Лукина: оба они, по достоверному свидѣтельству, воспитывались вмѣстѣ съ государемъ и впоследствии положили свои головы подъ стѣнами Азова. Впрочемъ, по всей вѣроятности, первоначальное число «потѣшныхъ» было незначительно, ограничиваясь одними сверстниками государя, до 1682 года или до 1683, когда вышлись поступать въ составъ ихъ охотники разнаго званія, едва ли не по тайному приглашенію самого царя.

Прежде всего явился къ нему двадцатипятилѣтній, здоровый и плечистый придворный конюхъ, Сергѣй Бухвостовъ, съ просьбою записать его въ «потѣшные». Государь съ радостью принялъ его, и съ тѣхъ поръ онъ числился первымъ русскимъ солдатомъ въ спискахъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Около того же времени записаны въ «потѣш-

ные»: солдаты Леонтіѣ Новицкій и Лука Хабаровъ; были, вѣроятно, и другіе охотники, кромѣ Бухвостова; именъ ихъ однакожь мы не знаемъ; но рѣшительное начало сформированія «потѣшнаго» войска, подъ именемъ двухъ солдатскихъ полковъ—Преображенскаго и Семёновскаго, названныхъ такъ по двумъ подмосковнымъ селамъ, относится къ пятнадцатилѣтнему возрасту Петра, къ 1687 году, когда великимъ постомъ, въ селѣ Преображенскомъ явно кликнули кличь къ охочимъ людямъ, и явилось много желающихъ, преимущественно изъ конюшеннаго вѣдомства, также изъ знатныхъ фамилій: въ числѣ послѣднихъ достоверно извѣстны Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ и князь Михайло Михайловичъ Голицынъ, за малолѣтствомъ поступившій «въ барабанную науку». Вотъ время дѣйствительнаго начала обоихъ полковъ: еще не имѣли они славнаго названія царской гвардіи, но уже существовали на дѣлѣ, и село Преображенское приняло видъ воинскаго стана.

На берегу Яузы сооружена умою и трудами самого царя, при содѣйствіи его товарищей, земляная крѣпость Пресбургъ; съ раскатовъ ея грянулъ громъ орудій; Петръ взялъ къ себѣ всѣхъ барабанщиковъ и флейтчиковъ Бутырскаго полка, къ великому неудовольствію князя В. В. Голицына, перевелъ въ Преображенское большую часть стрѣльцовъ Сухарева полка, забралъ изъ Конюшеннаго приказа упряжь подъ свою артиллерію, и потѣхи его приняли такой видъ, что Софья затрепетала: съ досадою смотрѣла она на доблестныхъ товарищей брата и не иначе называла ихъ, какъ «озорниками и конюхамн».

Къ величайшему сожалѣнію, современники вовсе не оставили никакихъ замѣтокъ о первоначальномъ устройствѣ «потѣшнаго» войска: какъ раздѣлялось оно на роты, какіе были начальныя люди, откуда брали Петръ пушки и порохъ? Достоверно только то, что, вопреки общему мнѣнію, Лефортъ не былъ ни капитаномъ, ни полковникомъ «потѣшнаго» войска; даже не числился ни въ первоначальномъ составѣ его, ни впоследствии въ Преображенскомъ полку. Первымъ полковникомъ его былъ Юрій фонъ-Менгденъ, а майоромъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ. Между тѣмъ, случайное обстоятельство побудило въ Петрѣ охоту къ забавамъ иного рода: эта вторая потѣха была началомъ русскаго флота. Къ счастью, сохранился для потомства разсказъ самого царя, какимъ образомъ, безъ всякаго посторонняго вліянія, родилась въ душѣ его страсть къ кораблестроенію и мореплаванію.

Много было въ жизни Петра минутъ свѣтлыхъ и прекрасныхъ, ознаменованныхъ творческою силою его генія; но та минута, когда онъ, шестнадцатилѣтній юноша, впередъ вдохновенный взоръ въ полусгнившій ботъ, около полвѣка валявшійся въ дѣдовскомъ сараѣ, между всякимъ хламомъ, въ пыли, въ грязи, безъ мачты, безъ парусовъ, и въ умѣ его мелькнула, какъ молнія, мысль о русскомъ флотѣ,—принадлежитъ къ самымъ лучезарнымъ. Она ждетъ кисти или рѣзца художника съ могучимъ талантомъ, способнымъ изобразить то, что происходило въ эту минуту въ душѣ Петра и чего не въ силахъ разсказать бытописатель. Понятно влеченіе къ морю въ тѣхъ людяхъ, которые измлада свниклись съ бурною стихією, по крайней мѣрѣ, хоть разъ испытали наслажденіе морскаго путешествія, или даже съ берега видали суда, смѣло и гордо бѣгущія по волнамъ, разсѣкая ихъ величавою грудью. Но только онъ, царь истинно-великій, по однимъ смутнымъ разска-

замъ знакомый съ синимъ моремъ-океаномъ, съ роду ничего не выдавший обширнѣе какого-нибудь Просянаго пруда, могъ воспламениться страстью къ сооруженію кораблей, къ плаванію по морямъ, при видѣ ветхаго четырехвесельнаго бота! Не отличившимъ искусствомъ, безъ всякаго сомнѣнія, обладалъ и первый наставникъ его въ кораблестроеніи: то былъ простой матросъ, лѣтъ за 20 передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Россію изъ Голландіи съ скромнымъ званіемъ товарища корабельнаго пушкаря, и на старости добывавшій въ Москвѣ насущный хлѣбъ столярною работою.

И быстро, какъ огненный недугъ, развилась въ Петрѣ страсть къ мореплаванію: недолго, не болѣе двухъ-трехъ недѣль, въ іюнѣ 1688 года, катался онъ съ старикомъ Брантомъ на дѣдовскомъ ботѣ по грязной Яузѣ и по тинистымъ прудамъ Измайловскимъ. На другой день послѣ своего тезоименитства, онъ выпросился у царицы - матери къ Троицѣ, на праздникъ обрѣтенія мощей св. Сергія, Радонежскаго чудотворца, поклонился св. угоднику и отправился далѣе, къ Переславлю - Залѣсскому, взглянуть на озеро, которое, какъ говорили ему, поболѣе Просянаго пруда. Дорога отъ Троицко-Сергіева монастыря къ Переславлю, на пространствѣ 63 верстъ, пролегаетъ странною живописною, по холмамъ и долинамъ, между зеленыхъ рощей и роскошныхъ нивъ. Верстъ за пять, съ высокой горы, отъ каменнаго креста, издревле водруженнаго на верху ея, открывается Переславль-Залѣсскій, въ очаровательной панорамѣ: горизонтъ неизмѣримый; направо, при самомъ озерѣ—городъ, съ древнимъ величественнымъ соборомъ Преображенскимъ; окрестъ его болѣе двадцати красивыхъ храмовъ и древнихъ монастырей, которые, сливаясь въ одну группу, даютъ ему видъ города обширнаго и многлюднаго; налѣво—Плещеево озеро, верстъ 30 въ окружности, съ утопающимъ вдали берегомъ, какъ-будто безбрежное море, лазоревое, весело плещущее своими прозрачными струями, усѣянное стаями чаекъ, бѣлыхъ, какъ снѣгъ, съ розовыми клювами и лапками.

Полюбовавшись озеромъ, Петръ спѣшилъ въ Москву испросить дозволеніе матери на постройку судовъ при Переславль-Залѣсскомъ. Нѣжно любя сына, царица съ трепетомъ смотрѣла на его огненныя потѣхи; новая придуманная имъ забава водою приводила ее въ ужасъ. Болѣе всего она боялась частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ его, и не безъ основанія: до нея доходили слухъ о замыслахъ царевны Софьи, которые день ото дня становились дерзостиѣе и опаснѣе. Не могла царица отказать сыну, и Карштень-Брантъ съ мастеромъ Кортомъ отправился въ Переславль закладывать суда; она не теряла однакожъ надежды удержать рѣзваго Петра при себѣ, и послѣшила его женить: нашла ему невѣсту, молодую, прекрасную Евдокію Феодоровну Лопухину, дочь околичнаго Феодора Абрамовича, одного изъ друзей своего дома, и 27 января 1689 года отпраздновала свадьбу. Тщетная предосторожность! Едва миновалъ медовый мѣсяцъ и начали вскрываться рѣки, Петръ, оставивъ молодую жену, поскакалъ въ Переславль. Тамъ, на берегу Трубежа, близъ церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы, хлопоталъ Карштень-Брантъ съ корабельнымъ мастеромъ Кортомъ надъ тремя судами. Два изъ нихъ были уже въ отдѣлкѣ. Въ самый день пріѣзда царя озеро вскрылось. Радостно смот-

рѣлъ онъ на зеркальную, необозримую поверхность его, на успѣшную постройку судовъ, и самъ принялся помогать Бранту.

Удары царскаго топора огласили окрестности Трубежа. «Матушка-государыня!» писалъ державный плотникъ къ царицѣ, немедленно по прїѣздѣ, «благослови сынишку твоего Петрушку, въ работѣ пребывающаго. Озеро вскрылось; всѣ суда, кромѣ большаго корабля, въ отдѣлкѣ. Только за канатами станеть. Вели прислать ихъ изъ Пушкарскаго приказа, по семи сотъ сажень, не мѣшкавъ. Иначе житье мое здѣсь продолжится».

Вмѣсто канатовъ, царица-мать прислала ему повелѣніе возвратиться скорѣе домой, тѣмъ болѣе, что наступало 27 апрѣля, когда скончался царь Θεодоръ Алексѣевичъ, и все царское семейство непременно бывало въ этотъ день на панихидѣ въ Архангельскомъ соборѣ. «Дражайшая матушка!» отвѣчалъ Петръ, «недостойный сынишка твой Петрушка челомъ бьетъ. Къ Москвѣ я быть готовъ; только, ей-ей, дѣло есть. Найпокорственнѣй предаюсь въ волю вашу». Царица требовала настоятельно, чтобы онъ возвратился. Звала его и молодая жена: «Радость моя, царь Петръ Алексѣевичъ!» писала Евдокія, — пожалуй, государь, быть къ намъ, не замѣшкавъ». Дѣлать было нечего: Петръ отправился въ Москву, едва поспѣвъ къ панихидѣ, и чрезъ мѣсяць опять усакала на озеро Плещеево. Тамъ уже не засталъ онъ мастера Корта, который умеръ за нѣсколько часовъ до его прїѣзда; но суда были почти готовы. «Всѣ удались зѣло хороши», писалъ Петръ къ матери: «присылкѣ же съ докторомъ и съ Гаврилою (Головкинымъ) я обрадовался, какъ обрадовался Ной о масличномъ сукѣ».

Онъ не могъ налюбоваться на свои суда, спѣшилъ додѣлать ихъ, не имѣлъ почти времени увѣдомить мать о своемъ здоровьи, какъ она требовала непрестанно, писалъ къ ней наскоро, на доскуткахъ грязной бумаги, дрожащею рукою, очевидно измученный дневною работою, но полный радостнаго чувства при видѣ своихъ кораблей. «Гей!» писалъ онъ торопливо къ царицѣ: «о здравіи твоемъ слышать желаю и благословенія прошу; а о судахъ паки подтверждаю: зѣло хороши всѣ».

Не скоро однакожь удалось нашему Ною погулять въ сооруженномъ трудами его ковчегѣ по озеру Переславльскому. Его съ нетерпѣніемъ ждали въ Москву на вторичную панихиду по царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ, въ память тезоименитства усопшаго государя; онъ не поспѣвъ къ 8 іюня, когда совершалась панихида, прїѣхалъ чрезъ четыре дня, исполнилъ благочестивый долгъ брата и уже не смѣлъ отлучиться изъ Преображенскаго: до него дошли зловѣщія слухи.

Въ то самое время, когда Петръ со всѣмъ жаромъ своей души предавался наукѣ и искусству, и по собственному, многозначительному выраженію его «трудился, яко Ной» надъ ковчегомъ возрожденія Россіи, злобная сестра, окруженная юрдами, ханжами, суесвятами, крамольными стрѣльцами, дерзнула огласить его пьяницею, ни къ чему не способнымъ, и съ боговѣчнаго чела задумала сорвать царскую корону, чтобы украсить ею свою преступную голову.

ХІІІ. РАЗСКАЗЪ ПЕТРА О НАЧАЛѢ КОРАВЛЕСТРОЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

(Предисловіе къ морскому релаканту).

Хотя всѣмъ есть извѣстно о монархіи Россійской и ея початіи, и что далѣе дѣда князя Владиміра *) правдивой исторіи не имѣемъ; но оставя сіе историкамъ, возвратимся къ состоянію. Онѣи вышереченный Владиміръ какъ владычествовалъ и храбростію своею зѣло славенъ былъ, но паче прославился приведеніемъ своего отечества отъ тѣмъ идолопоклонства къ свѣту Христовой вѣры. Но основавъ оную, вмѣсто назиданія и укрѣпленія, яму къ паденію учинилъ, егда сынамъ своимъ на 12 частей сію монархію раздѣлилъ, отъ чего плодъ сего насажденнаго зла еще при животѣ своемъ видѣлъ, когда Святополкъ двухъ своихъ братьевъ, а его дѣтей, убилъ. Потомъ варвары, видя сію махину разсыпанную, тако начали обезпокоивать, что едва не всю подъ свою область привели. И ежели бъ милосердный Господь не воздвигъ великаго князя Ивана Васильевича, то паки бы въ идолатство пришли, или бусурманство; который Владимірово вредное дѣло исправилъ и расточенную махину паки въ гору собралъ и, яко новымъ крещеніемъ, силою воинскою христіанство отъ вышереченныхъ варваровъ свободилъ, и утвердилъ, и оныхъ отъ ближняго сосѣдства отогналъ, котораго сынъ короною утвердилъ и, храбро владычествовавъ, отъ оныхъ варваровъ весьма безопасно сочинилъ. Но потомъ, когда сія линія пресѣклася злодѣйствомъ Годунова, тогда чрезъ смятеніе едва паки къ паденію не пришла, которую дѣдъ нашъ подобными первыхъ дѣлъ трудами очистилъ и успокоилъ, отмщеніе жъ и распространеніе сыну своему оставилъ, который какое тщаніе къ тому прилагалъ, а особливо въ воинскихъ дѣлѣхъ, о томъ всѣмъ есть извѣстно, и неточію на землѣ, но и на морѣ покушался (которое дѣло такъ у насъ странно было, что едва слышали о немъ), какъ то изъ осады города Риги и изъ строенія двухъ кораблей въ Дединовѣ на Каспійское море видѣть возможно. Но чего ради тогда тому не исполниться и на насъ сіе бремя воля Вышняго Правителя возложить изволила, то оставляемъ непостижимымъ судьбамъ Его. Но хотя тогда и не воспослѣдовало, однакожъ страннымъ образомъ отъ вышеупомянутаго начинанія, яко отъ сѣмени, нынѣшнее морское дѣло произошло такимъ образомъ: когда намѣрено дѣлать кораблеплаваніе на Каспійскомъ морѣ, тогда вывезенъ былъ изъ Голландіи капитанъ Давидъ Бутлеръ съ компаніею мастеровыхъ и матросовъ, которые, сдѣлавъ корабль, именемъ Орелъ и яхту или галіотъ, и сплыли въ Астрахань; но въ то время забунтовалъ Разинъ и, яко противникъ всякаго добра, оные разорилъ, капитана убилъ, а прочіе ушли въ Персиду, и оттолъ въ Индѣйскую компанію. А двое изъ нихъ, лекаръ Иванъ Тормонтъ и корабельный плотникъ, и констальель Карштенъ-Брантъ, по усмиреніи бунта, возвратились къ Москвѣ, и лекаръ пристагъ къ доктору

*) Т. е. прежде Игоря.

Симону Зомеру, а Карштень-Брантъ кормился столярною работою, даже до нашего времени.

Предъ посылкою князя Якова Долгорукаго во Францію, между другими разговоры, сказывалъ вышеупомянутый к. Я., что у него былъ такой инструментъ, которымъ мочно было брать дистанціи или расстоянія, не доходя до того мѣста. Я зѣло ждалъ его видѣть, но онъ мнѣ сказалъ, что его у него украли. И когда поѣхалъ онъ во Францію, тогда наказалъ я ему купить между другими вещьми и сей инструментъ, и когда возвратился онъ изъ Франціи и привезъ, то я, получа оный, не умѣлъ его употреблять. (А инструменты были астролябія да кокорь*), или готовальня съ циркулями и прочимъ). Но потомъ объявилъ его дохтуру Захару фонъ-дѣръ-Гулстлу, что не знаетъ ли онъ? который сказалъ, что онъ не знаетъ, но сыщеть такого, кто знаетъ; о чемъ я съ великою охотою велѣлъ его сыскать, и оный дохторъ въ скоромъ времени сыскалъ голландца, именованъ Франца, прозваніемъ Тиммермана, которому я выше писанные инструменты показалъ, который, увидѣвъ ихъ, сказалъ тѣ же слова, что князь Яковъ говорилъ о нихъ, и что онъ употреблять ихъ умѣетъ; къ чему я гораздо съ охотою присталъ учиться геометріи и фортофикаціи. И тако сей Францъ, чрезъ сей случай, сталъ при дворѣ быть безпрестанно и въ компаніяхъ съ нами.

И нѣсколько времени спустя, случилось намъ быть въ Измайлѣ на льяномъ дворѣ, и гуляя по амбарахъ, гдѣ лежали остатки вещей дому дѣда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидѣлъ я судно иностранное, спросилъ вышерѣченнаго Франца, что то за судно? Онъ сказалъ, что то боть англійскій. Я спросилъ, гдѣ его употребляютъ? Онъ сказалъ, что при корабляхъ для ѣзды и возки. Я паки спросилъ: какое преимущество имѣетъ предъ нашими судами (понеже видѣлъ его образомъ и крѣпостью лучше нашихъ)? Онъ мнѣ сказалъ, что онъ ходитъ на парусахъ не только-что по вѣтру, но и противъ вѣтру; которое слово меня въ великое удивленіе привело и якобы неимовѣрно. Потомъ я его паки спросилъ: есть ли такой человекъ, который бы его починилъ и сей ходъ показалъ? Онъ сказалъ, что есть. То я, съ великою радостью сіе услыша, велѣлъ его сыскать и вышерѣченный Францъ сыскалъ голландца Карштень-Бранта, который призванъ при отцѣ моемъ въ компаніи морскихъ людей, для дѣланія морскихъ судовъ на Каспійское море; который оный боть починилъ и сдѣлалъ маштъ и паруси, и на Яузѣ при мнѣ лавировалъ, что мнѣ паче удивительно и зѣло любо стало. Потомъ, когда я часто то употреблялъ съ нимъ, и боть не всегда хорошо ворочался, но болѣе упирался въ берега, я спросилъ: для чего такъ? Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его на Просяной прудъ, но и тамъ немного авантажу сыскалъ, а охота стала отъ часу болѣе. Того для я сталъ провѣдывать, гдѣ болѣе воды; то мнѣ объявили Переславское озеро (яко наибольшее), куды я, подъ образомъ обѣщанія въ Троицкій монастырь, у матери выпросился; а потомъ уже сталъ ее просить и явно, чтобы тамъ дворъ и суды сдѣлать. И тако вышерѣченный Брантъ сдѣлалъ два малые фрегата и три яхты, и тамъ нѣсколько лѣтъ охоту свою исполнялъ. Но потомъ и то показалось мало; то ѣздилъ

*) Голландское koker—готовальня.

на Кубенское озеро; но оно ради малости не показалось. Того ради уже положили свое намѣреніе прямо видѣть море; о чемъ сталъ просить матери своей, дабы мнѣ позволила; которая, хотя обычаемъ любви матерней въ сей опасный путь многократно возбраняла, но потомъ, видя великое мое желаніе и неотмѣнную охоту, и нехотя позволила. И тако былъ у Города и отъ Города ходили на море до Пооя съ Англійскими и Голландскими купеческими кораблями и однимъ Голландскимъ конвоемъ, которымъ командовалъ капитанъ Голголсенъ; а мы были на своей яхтѣ, именуемой Св. Петра *).

«Таковымъ довольнымъ плаваньемъ обрадованъ быхъ, да не удивленъ «Государь нашъ». *Того ради всю мысль свою уклонилъ для строенія флота, и когда за обиды Татарскія учинилась осада Азова и потомъ оный счастливо взятъ, тогда,* «по неизмѣнному своему желанію, не стерпѣлъ долго думать о томъ: скоро къ дѣлу принялся. Усмотрѣно мѣсто къ корабельному строенію угодное на рѣкѣ Воронежѣ, подъ городомъ того же имени, призваны изъ Англии и Голландіи искусные мастера, и въ 1696 началось новое въ Россіи дѣло: строеніе великимъ издивеніемъ «кораблей, галеръ и прочихъ судовъ. И дабы то вѣчно утвердилось въ «Россіи, умыслилъ искусство дѣла того ввести въ народъ свой, и того «ради многое число людей благородныхъ послалъ въ Голландію и инныя «государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго».

«И что дивнѣйше, аки бы устыдился Монархъ остаться отъ подданныхъ своихъ въ ономъ искусствѣ, и самъ воспріялъ маршъ въ Голландію, и въ Амстердамѣ, на Остъ-Индской верфи, давъ себя съ прочими волонтерами своими въ наученіе корабельной архитектуры, въ «краткое время въ ономъ совершился» *что подобало доброму плотнику знать,* «и своими трудами и мастерствомъ новыи корабль построилъ и «на воду спустилъ».

Потомъ **) просилъ той верфи баса Яна Пола, дабы училъ его препорціи корабельной, который ему черезъ четыре дня показалъ; но понеже въ Голландіи нѣтъ на сіе мастерство совершенства геометрическимъ образомъ, но точію нѣкоторыя принципы, прочее же съ долговременной практики, о чемъ и вышерѣченный басъ сказалъ, и что всего на чертежѣ показать не умѣетъ, тогда дѣло ему стало противно, что такой дальній путь для сего воспріялъ, а желаемаго конца не достигъ. И по нѣсколькихъ дняхъ прилучилось быть Е. В. на загородномъ дворѣ купца Яна Тесинга въ компаніи, гдѣ сидѣлъ гораздо не веселъ, ради вышеписанной причины; но когда между разговоровъ спрошенъ былъ, для чего такъ печаленъ? тогда оную причину объявилъ. Въ той компаніи былъ одинъ англичанинъ, который, слыша сіе, сказалъ, что у нихъ въ Англии сія архитектура такъ въ совершенствѣ, какъ и другія, и что краткимъ временемъ научиться можно. Сіе слово Е. В. зѣло обрадовало, по которому немедленно въ Англію поѣхалъ и тамъ

---

*) Слѣдующія за сими строки, отмѣченныя нами знакомъ «, не руки Петра и сочинены, кажется, Теофаномъ Прокоповичемъ, съ собственноручными дополненіями государя, которыя напечатаны здѣсь курсивомъ.

**) Вся эта статья до конца писана рукою Петра.

чрезъ 4 мѣсяца оную науку окончалъ, и при возвращеніи своемъ вывезъ съ собою двухъ корабельныхъ мастеровъ Яна Деня, да Осипа Ная.

XIV. ПАДЕНІЕ СОФЬИ.

(Изъ «Исторіи Россіи», Соловьева.)

Занятія съ Тиммерманомъ, потѣхи на сушѣ и на водѣ, обученіе солдатскихъ полковъ, сформированныхъ изъ старыхъ потѣшныхъ и новыхъ охочихъ людей, явившихся отовсюду, изъ знати и изъ простыхъ, преимущественно изъ придворныхъ конюховъ, строеніе крѣпости, которая носила уже иностранное названіе Пресбурга (на берегу Яузы), строеніе судовъ на Переяславскомъ озерѣ заняло все вниманіе Петра: ему былъ недосугъ ни до чего. Мать зоветъ его изъ Переяславля въ Москву на панихиды по братѣ Феодорѣ,—онъ отвѣчаетъ: «быть готовъ, только гей, гей, дѣло есть»; голова занята однимъ, объ одномъ твердилъ онъ матери: «о судахъ паки подтверждаю, что зѣло хороши всѣ». Но не кораблики были на умѣ у царицы Наталіи; глухая борьба не переставала между нею и падчерницею, которая отняла у нея правительство. Положеніе похитительницы было незавидное: по инстинкту самосохраненія ввязалась она за отчаянное средство, подняла стрѣльцовъ, вырвала правленіе изъ рукъ мачихи, подставила старшаго неспособнаго брата въ цари; но на долго ли все это? сынъ Нарышкиной остался царемъ, возмужаетъ, — и правительница будетъ болѣе не нужна, монастырь удаленъ на время, но постоянно въ виду. Положеніе Софьи было похоже на положеніе тѣхъ людей въ легендахъ, которые заключили договоръ съ злымъ духомъ — пользоваться до извѣстнаго времени всевозможными наслажденіями жизни, но по прошествіи срока сдѣлаться добычею ада. Понятно, что Софья должна была думать о средствахъ, какъ бы упрочить свою власть; понятно, что объ этомъ хлопотали люди, высканнне ею, которые лишились всего съ ея паденіемъ. Софья — правительница, благодаря неспособности одного брата и молодости другаго; возмужаетъ послѣдній — и правительство Софьи должно окончиться; надобно сдѣлать, чтобы оно не кончилось. Первый шагъ уже сдѣланъ, учреждено двоєвластіе, оба брата вѣнчаны на царство; отчего не быть троєвластію? отчего Софья не вѣнчаться на царство? Тогда помазаннику Божію никто не свергнетъ. Софья въ государственныхъ бумагахъ присоединила свое имя къ именамъ обоихъ братьевъ, вмѣстѣ съ ними называлась самодержицею всея Руси. Дьякъ Волковъ, отправленный посланникомъ въ Венецію, объявилъ тамъ, что съ великими государями соцарствуетъ сестра ихъ, великая государыня Софья Алексѣевна. Одинъ изъ сенаторовъ замѣтилъ: — «Дождь и весь сенатъ удивляется, какъ служить ихъ царскому величеству подданные ихъ, такимъ превысокимъ и славнымъ тремъ персонамъ государскимъ?» Волковъ отвѣчалъ, что подданные всѣхъ трехъ персонъ вмѣстѣ повелѣніе исполняютъ. Но всѣ эти провозглашенія не крѣпки, все это не помазаніе. А между тѣмъ, страшный срокъ приближался: Петръ выросталъ, и вмѣстѣ съ нимъ росли надежды мачихи, и смѣлѣе, рѣзче становились ея слова; когда Софья присоединила

свое имя къ именамъ братнимъ, царица прямо сказала царевнамъ Михайловнамъ и Алексѣевнамъ:—«Для чего она стала писаться съ великими государями вмѣстѣ? У насъ люди есть и того дѣла не покинуть». Двѣ постельницы царицы Наталіи передавали Софьѣ все, что говорилось про нее нехорошаго, враждебнаго у мачихи,—передавали, что сильнѣе всѣхъ бранять ее братъ царицы, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, и князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ. Левъ Нарышкинъ и князь Борисъ Голицынъ были самые приближенные люди къ царицѣ Наталіи; князь Василій Голицынъ и Шакловитый были самые приближенные люди къ царевнѣ Софьѣ. Князь Василій былъ самъ неспособенъ на преступныя, кровавыя мѣры; но ему приходили въ голову страшныя мысли, что хорошо было бы, если бы что-нибудь сдѣлалось, только отъ другихъ, а не отъ него, и проговорился онъ однажды:—«Жаль, что въ стрѣлецкій бунтъ не уходили царицу Наталію вмѣстѣ съ братьями: теперь бы ничего и не было». Другая была природа Шакловитаго; онъ не дрожаль ни передъ какими средствами, не довольствовался безплодными сожалѣніями о прошедшемъ: всѣмъ обязанный Софьѣ, онъ погибаль съ ея паденіемъ; худороднаго подъячаго, произведеннаго милостію царевны въ окольничіе, не спасуть знатный родъ и знатные родственники; обязанность быть вѣрнымъ благодѣтельницамъ красила расчеты себялюбія. Софья или Наталья? Шакловитый съ страшною наивностію высказываль свой выборъ:—«Чѣмъ тебѣ, государыня, не быть, лучше царицу известъ».

Понятно, что Шакловитый спѣшилъ наложить свою руку на кого могъ изъ людей, высказывавшихъ свою приверженность къ Петру; пыталъ и выслалъ изъ Москвы столбника Языкова, который говорилъ, что царь Петръ Алексѣевичъ — царь только по имени, а бить челомъ ему никто не смѣеть. Но поймать и сослать того или другаго неосторожнаго на слова ничего не значило.—«У насъ люди есть», говорила царица Наталія, и дѣйствительно—у царя Петра были люди, которые, при случаѣ, не ограничатся одними словами; у царя Петра есть свое войско, эти ненавистныя потѣшныя конюхи, озорники, какъ величала ихъ Софья съ своими приверженцами. Отъ нихъ одно спасеніе въ стрѣлцахъ; надобно опять къ нимъ обратиться, какъ въ 1682 году. Но не притупилось ли это оружіе съ 1682 года и не сама ли Софья съ Шакловитымъ способствовали этому притупленію, вырвавши его изъ рукъ Хованскаго? Самые дерзкіе изъ стрѣльцовъ были удалены изъ Москвы по предложенію Шакловитаго, осталось большинство людей спокойныхъ, довольныхъ своимъ положеніемъ, которыхъ трудно поднять. Да и чѣмъ поднять, на какое дѣло? Въ августѣ 1687 года Шакловитый вдругъ предлагаетъ начальнымъ людямъ стрѣлецкимъ написать челобитную, чтобы Софья вѣнчалась царскимъ вѣнцомъ.—«Мы челобитной писать не умѣемъ», отвѣчали стрѣльцы.—«Челобитная будетъ написана», увѣряетъ Шакловитый. Челобитная будетъ написана, но кому ее подать? Царямъ? О старшемъ никто не думаль, все дѣло было въ младшемъ.—«Послушаетъ ли насъ царь Петръ Алексѣевичъ?» спрашиваютъ стрѣльцы.—«Если не послушаетъ, ступайте въ Верхъ, задержите боярина Льва Кирилловича и кравчаго Бориса Алексѣевича: тогда приметъ челобитье». — «А патріархъ и бояре?» — опять спрашиваютъ стрѣльцы. — «Патріарха можно перемѣнить, а бояре отпадшее, заблуде

дерево, развѣ постоятъ до поры до времени одинъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ». Такъ вотъ, въ чемъ дѣло! Чтобы исполнить желаніе царевны и Шакловитаго, надобно пойти въ Верхъ бунтомъ, задержать двоихъ самыхъ близкихъ къ царю людей, смѣнить патріарха! Прежде стрѣльцы были постепенно приготовляемы къ бунту раздраженіемъ и разнуздываніемъ, да и тутъ масса была поднята извѣстіемъ, что Нарышкины задушили царевича; а теперь велѣтъ бунтовать, чтобы достигнуть небывалаго, страннаго дѣла, и это послѣ того, какъ употреблены были всѣ средства, чтобы охладить стрѣльцовъ къ бунту, заставить ихъ бояться его.

Начальнымъ людямъ дали по пяти рублей съ наказомъ, чтобы поговорили съ товарищами въ полкахъ. Но въ полкахъ предложеніе было принято также холодно, и Софья поспѣшила сама отказать отъ него. Надобно было, по крайней мѣрѣ, разогрѣть преданность стрѣльцовъ, упрочить себѣ ихъ защиту на всякій случай, выставить имъ опасность, которой подвергается Софья. Правительница призвала къ себѣ ночью нѣсколько стрѣльцовъ и начала имъ натолковывать, что царица Наталья съ братьями и Борисомъ Голицынымъ поднимаетъ бунтъ, и патріархъ противъ нея, Софьи, чѣмъ бы мирить, только мутить. Шакловитый, какъ будто обращаясь съ совѣтомъ къ царевнѣ, давалъ знать стрѣльцамъ, какія средства должно употребить, чтобы успокоить Софью:— «Отъ чего бы князя Бориса и Льва Нарышкина не принять? Да и царю можно бы принять. Извѣстно тебѣ, государыня, каковъ ея родъ и какъ въ Смоленскѣ въ лаптяхъ ходила». Софья отвѣчала на это:— «Жаль мнѣ ихъ, и безъ того ихъ Богъ убилъ». Стрѣльцы отвѣчали очень неопредѣленными словами:— «Воля твоя, государыня, что изволишь, то и дѣлай». Неопредѣленными словами отвѣчали стрѣльцы на неопредѣленные требованія, неопредѣленные жалобы. Какой бунтъ поднимаетъ царица? Понятно, что Шакловитый могъ найти изъ стрѣльцовъ только пять человекъ, готовыхъ на все, эти пятеро были: Петровъ, Стрижовъ, Кондратьевъ, Чермный и Гладкій, которыхъ интересы были тѣсно связаны съ интересами Софьи. Шакловитый говорилъ Чермному:— «Хотятъ насъ перевести, а мутить всѣмъ царица, меня хотятъ посадить изъ приказу, а васъ, которые ко мнѣ въ домъ вхожи, разослать всѣхъ по городамъ». И вотъ, Чермный, чтобы избыть бѣды, начинаетъ толковать товарищамъ:— «Какъ быть? Хотя и всѣхъ побить, а корня не выведешь, надобно уходить старую царицу, медвѣдцу». Ему возражали, что за мать вступится царь Петръ; Чермный не останавливался:— «Чего и ему спускать? За чѣмъ стало?» Гладкій толковалъ:— «У царя Ивана Алексѣевича двери завалили дровами и полѣньемъ и царскій вѣнецъ изломали, а кому ломать только съ ту сторону». Стрѣльцы оставались холодны къ этимъ разговорамъ: полѣньемъ закидали, вѣнецъ изломали! Прежде было сказано, что и совѣмъ задушили, а что вышло? Придумали средство посильнѣе: ночью въ двухъ мѣстахъ подъѣзжала къ стрѣлецкимъ карауламъ вооруженная толпа, схватывала десятника, и начальникъ толпы приказывалъ его бить до смерти, несчастнаго начинали колотить, но слышался голосъ изъ толпы:— «Левъ Кирилловичъ! за что его бить до смерти? душа христіанская!» Послѣ было узнано, что мнимый Нарышкинъ былъ подъячій приказа Большой Казны, Шошинъ, доверенный человекъ правительницы. И это средство не раздражало. Не

выражался и въ общенной гробовка, когда Гладкой промывалъ, что станутъ стрѣляли гробить дома бояръ и убогихъ людей и дѣлать богатыя дома. Гладкой, — свой товарищъ у Шакловитого, а слѣдовательно, и Михайлова, — интересовалъ и интересъ религиозный, обвинялъ патриарха въ явномъ гнѣвѣ, въ который не вѣлтъ кланяться, когда вѣлтъ аминь: послѣ «прощенія дѣла»; стрѣльцы какъ будто служили о вѣлтъ патриарха: они пошли 5-е июля 1682 года. Не трогались и слугами Гладкой, когда имъ вѣставляли противонавѣстность вѣнчаній Софьи и Петра: «Ивана государина все Богу вѣлтъся, а тамъ только на орѣлѣхъ и на сѣрѣнѣхъ играть».

Стрѣльцы не трогались, а между тѣмъ, къ 1683 году стали обнаруживаться вѣходы Петра противъ Софьи. Въ нихъ не было ничего чинно вѣлвало, систематическаго: Петра были еще вѣлтъ и занять вѣрѣжками; не смотря на то, Софья не могла не раздражиться и не вѣнчаться, увидѣвъ начало дѣла, въ концѣ котораго явилась — монашеская бѣда, къ Казанскому, Петръ къ соборѣ сказалъ сестрѣ, чтобъ она не ходила въ крестный ходъ; Софья не послушалась, вѣлтъ образъ и пошла; Петръ разсердился, не вѣлтъ къ крестамъ и укалъ изъ Москвы. Съ его стороны все и кончилось этимъ вѣнчаніемъ. Но вѣложіе Софьи было таково, что она сочла вѣобходительнымъ приготовить къ защитѣ отъ вѣнчаній вѣнчанокъ, которые вѣдуть вѣрять вѣлтъ изъ рукъ ея. 25 июля, когда Петра ждали въ Москву, во случаю вѣнчаній старшей царевны Анны Михайловны, 50 стрѣльцовъ было тайно поставлено у Краснаго крыльца съ наказаніемъ слушать вѣбата, которымъ дается вѣлтъ, что надъ государынею «хитрость чинится». Хитрости не учинилось никакой; но со стороны Петра новая вѣходка, сильно раздражившая Софью, ибо дѣло шло о славѣ ея вѣрженія и о князѣ Василіи Васильевичѣ. Петръ не соглашался на назначеніе награды Голицыну и товарищамъ его за второй Крымскій вѣходъ; вѣтомъ позволилъ угворить себя огласиться, но сорвалъ вѣрде, не допустивши къ себѣ Голицына и другихъ вѣвоудъ и генераловъ съ благодарностью за награды. Это было 27 июля. Въ тотъ же день вѣчеромъ Софья пошла ко всенощной къ празднику въ Новодевичій монастырь, въ сопровожденіи пятисотныхъ и пятидесятниковъ, и послѣ службы стала жаловаться имъ на царницу Наталію, что опять вѣчинаетъ бѣду: — «Если мы вѣмъ годны», говорила Софья, «то стойте за насъ, а если негодны, то мы оставимъ государство». Стрѣльцы отвѣчали, что готовы исполнять ея волю; Софья вѣлтъ имъ ждѣть повѣстки. Но большинство стрѣльцовъ не хотѣло начинать дѣла по набату; если, дѣйствительно, вѣрде бѣда кому-нибудь изъ членовъ царскаго дома, то пусть идѣть дѣло законнымъ порядкомъ: пусть думный дьякъ скажетъ царскій указъ, а безъ указа ничего дѣлать не стануть, сколько бы ни были въ набатъ; надобно бить челомъ о розискѣ. Понапрасну приверженцы Шакловитаго старались противодѣйствовать такому расположенію большинства, понапрасну толковалъ Стрижевъ, что изъ розиска ничего не выйдетъ, а вѣдѣ царевны вѣвѣстны, принять ихъ! а безъ царевны стрѣльцамъ будетъ плохо. Петръ присылаетъ за Стрижевнымъ, Шакловитый не даетъ ого; Петръ вѣлтъ арестовать самого Шакловитаго въ Измайловѣ — но скоро выпускаетъ. Съ этой стороны дѣйствуютъ робко, нерѣшительно, но все же дѣйствуютъ, и этого довольно для другой стороны, чтобъ

сильно беспокоиться и волноваться. 7 августа на Верху толковали, что нашли подметное письмо: ночью придутъ потѣшныя конюхи изъ Преображенскаго, чтобъ побить царя Ивана Алексѣевича и всѣхъ его сестеръ. Вечеромъ Шакловитый распоряжается, велитъ собрать въ Кремль 400 человекъ стрѣльцовъ съ заряженными ружьями, 300 другихъ собрать на Лубянкѣ, троихъ деньщиковъ своихъ посылаетъ въ Преображенское смотрѣть, куда пойдетъ царь Петръ. Но распоряженія плохо исполняются: деньщики не идутъ къ Преображенскому на указанныя мѣста, на Лубянкѣ нѣтъ сбора; сильно волнуются въ Кремлѣ Гладкій и Черный, но ихъ задоръ не сообщается другимъ; никто не знаетъ, зачѣмъ ихъ собрали: защищать или нападать? въ томъ и другомъ случаѣ будетъ усобица, въ которой они не хотятъ участвовать. Въ это время всеобщаго тяжелаго, тревожнаго ожиданія прѣзжаетъ въ Кремль изъ Преображенскаго спальникъ царя Петра, Плещеевъ. Гладкій, который давно уже ждетъ случая начать дѣло, бросается на Плещеева, стаскиваетъ его съ лошади, срываетъ саблю, бьетъ и ведетъ его въ Верхъ къ Шакловитому. Гладкій, дѣйствительно, начинаетъ дѣло. Если масса стрѣльцовъ была недоступна внушеніямъ Шакловитаго съ товарищами, не хотѣла начинать бунта въ пользу Софьи, то не двигалась также и въ противоположномъ направленіи; изъ этой массы выдѣлились, какъ мы видѣли, не болѣе пяти человекъ, которые готовы были, какъ 15 мая 1682 года, принять на копья кого угодно въ пользу Софьи; но, въ противоположность имъ, образовался небольшой кружокъ изъ восьми человекъ, которые въ дѣйствіяхъ Шакловитаго, Чернаго и Гладкаго видѣли преступленіе и безуміе, и рѣшились прямо дѣйствовать на перекоръ имъ, въ пользу царя Петра, имѣющаго всѣ права на своей сторонѣ. Эти восемь человекъ были стреманные: пятисотный Елизарьевъ, пятидесятники Мельновъ, Ульфовъ, десятники Ладогинъ, Теокистовъ, Турка, Троицкій и Капрановъ. Въ ночь съ 7 на 8 августа, когда масса остается неподвижною, дѣйствія, разумѣется, должно ожидать въ этихъ обоихъ крайнихъ кружкахъ, ибо здѣсь самыя рѣшительные люди, опредѣлившіе свои цѣли, люди не колеблющіеся, не шатающіеся. Елизарьевъ съ товарищами стояли на Лубянкѣ въ ночь на 8 число; одинъ изъ нихъ, Мельновъ, былъ посланъ ими въ Кремль для наблюденій, и, возвратясь, объявилъ о поступкѣ Гладкаго съ Плещеевымъ. Въ этомъ поступкѣ они увидали начало дѣла и рѣшились дѣйствовать съ своей стороны: Мельновъ и Ладогинъ посланы были въ Преображенское уведомить царя, что на него и на его мать умышляется смертное убійство. Но не одни Мельновъ и Ладогинъ слѣзили въ Преображенское съ своимъ извѣтомъ. Вечеромъ вельможи узнали, что въ Кремль пускаютъ только самыхъ извѣстныхъ и довѣренныхъ лицъ у правительницы. Это такъ встревожило людей, державшихъ сторону Петра, что они отправились немедленно въ Преображенское. Немного за полночь, когда Петръ спалъ уже крѣпкимъ сномъ, его будятъ и говорятъ: прѣехали изъ Москвы стрѣльцы и другіе люди съ извѣстіемъ, что множество стрѣльцовъ собрано въ Кремлѣ, хотятъ придти въ Преображенское бунтомъ. Испуганный царь вскочилъ съ постели, какъ былъ, и прямо на конюшню, сѣлъ на лошадь и—въ ближній дѣсъ, куда уже ему принесли платье. Одѣвшись, поскакалъ съ постельничимъ Гаврилою Головкинымъ, кармою и однимъ изъ извѣтчиковъ-стрѣльцовъ къ

позвали на Верхъ и спросили, какъ онъ смѣлъ привести грамоту? Тотъ отвѣчалъ, что не смѣлъ ослушаться царскаго повелѣнія. Софья велѣла отрубить ему голову, но онъ спасся тѣмъ, что не могли или не хотѣли скоро сыскать палача, а между-тѣмъ гнѣвъ Софьи прошелъ. Но отъ Троицы вмѣстѣ съ Нечаевымъ пріѣхали также и стрѣльцы; Софья велѣла позвать ихъ къ Красному крыльцу и, сойдя внизъ, начала говорить:—«Для чего вы пріѣхали? и съ какимъ указомъ? чему вы тому вѣрите, что вамъ въ Троицкомъ монастырѣ прочитали; тѣ письма отъ воровъ составлены, и вы безъ указу съ Москвы въ Троицкій монастырь не ѣздите для того: братъ мой Петръ Алексѣевичъ меня къ себѣ въ монастырь не допустилъ. И за которыми людьми вы присланы, и я ихъ вамъ не отдамъ для того: будетъ отдать вамъ девять человекъ, а они оговаривать и 900 человекъ, чему тому вѣрить? Довелось прислать тѣхъ къ Москвѣ для розыску, которые ихъ оговариваютъ, и я васъ не отпущу, и которые пойманы и сидятъ на сѣзжихъ избахъ—не дамъ и для того въ Троицкій монастырь поплю боярина. Знато то дѣло клонять, хотятъ меня извести. Злые люди учинили между нами ссору и научили говорить объ умыслѣ противъ царя Петра Алексѣевича и другихъ. Завистью къ вѣрной службѣ и радѣнію Ѳеодора Шакловитаго, назвали его заводчикомъ злаго умысла. Чтобъ развѣдать обо всемъ, я сама пошла къ Троицѣ, но царь Петръ Алексѣевичъ велѣлъ меня остановить по наущенію злыхъ совѣтниковъ, и должна была я возвратиться съ великимъ срамомъ. Всѣмъ вамъ вѣдомо, какъ я въ эти семь лѣтъ правительствовала, а приняла правительство въ самое смутное время, учинила славный вѣчный миръ съ христіанскимъ сосѣднимъ государемъ, а враги креста Христова отъ оружія моего въ ужасѣ пребываютъ. Вы за ваши службы пожалованы нашимъ великимъ жалованьемъ, и милость нашу къ себѣ всегда видѣли. Ужели послѣ того вы намъ учинитесь невѣрны, повѣривши вымыслу злыхъ людей, которые всему христіанству добра не желаютъ и смуту заводятъ. Не головы Ѳеодора Шакловитаго ищутъ,—ищутъ головы моей и брата моего Ивана Алексѣевича». Въ сильномъ волненіи, Софья не чувствовала усталости; подозвала къ себѣ лучшихъ изъ торговыхъ и посадскихъ людей, и говорила имъ въ томъ же родѣ; наконецъ велѣла собрать весь народъ, бывшій въ Кремлѣ и держала передъ нимъ, по свидѣтельству очевидца, длинную, прекрасную рѣчь.

А между тѣмъ, въ Кремлѣ все было приготовлено къ празднованію новаго лѣта. Но патриарха нѣтъ; царь Иванъ нездоровъ, царевнѣ-правительницѣ не до праздника,—и приготовленія были отмѣнены. Стрѣльцовъ угостили водкою. Знать и служилые иноземцы получили свою чарку водки изъ рукъ самого царя Ивана Алексѣевича. Въ это время Шакловитый служилъ послѣднюю службу царевнѣ: писалъ сказку ко всѣмъ чинамъ Московскаго государства съ изложеніемъ всего дѣла для оправданія Софьи, для обвиненія стороны противной,—писалъ, какъ царевна приняла правительство по челобитію всего народа, по благословенію патриарха, а теперь Нарышкины ее и брата ея, царя Ивана Алексѣевича, безчестятъ, къ рукъ не ходятъ, прибрали потѣшныхъ конюховъ, отъ которыхъ многимъ людямъ чинятся обиды и насилія; на челобитныя объ этомъ царю Петру нѣтъ отвѣта; комнату царя Ивана забросали погнѣнями, изломали его вѣнецъ. Шакловитый служилъ послѣднюю

службу; но Голицынъ не принималъ никакого участія въ московскихъ движеніяхъ. Шла переписка между родственниками: князь Борисъ писалъ князю Василию, чтобъ пріѣзжалъ къ Троицѣ, чтобъ заслужилъ этимъ расположеніе царя Петра; князь Василій отправилъ подъячаго къ Троицѣ уговаривать князя Бориса, чтобъ примирилъ обѣ стороны. Князь Борисъ велѣлъ отвѣчать, что лучше всего, если онъ, князь Василій, какъ можно скорѣе пріѣдетъ къ Троицѣ, что царь приметъ его отлично. Между тѣмъ, изъ Троицкаго монастыря—новыя требованія о выдачѣ Шакловитаго; стрѣльцы начинали роптать, зачѣмъ такъ долго тянется дѣло; Софья велѣла оповѣстить, что сама, вмѣстѣ со старшимъ братомъ, отправится къ Троицѣ. Стрѣльцы роптали въ Москвѣ, что дѣло долго не оканчивается; ихъ братья у Троицы также теряли терпѣніе: въ Москвѣ у нихъ были жены, дѣти, промыслы. Они приступили съ просьбою, чтобъ имъ позволено было идти въ Москву и захватить Ѳедьку Шакловитаго съ товарищами; но молодой царь и совѣтники его не согласились на это, боясь усобицы.

Еще 2-го сентября отправились къ Троицѣ нѣкоторые изъ Нѣмецкой слободы, и Гордонъ поручилъ имъ извинить его, что онъ нейдетъ, не зная, будетъ ли пріятенъ его приходъ или нѣтъ. 4-го числа явилась въ слободѣ царская грамота, призывавшая всѣхъ служившихъ иноземцевъ къ Троицѣ. Иноземцы рѣшили, что должно показать грамоту князю Василию Васильевичу Голицыну, какъ главному своему начальнику. Гордонъ съ нѣсколькими полковниками отправился къ оберегателю. Тотъ былъ сильно смущенъ, когда они подали ему грамоту, но поспѣшилъ оправиться и отвѣчалъ, что покажетъ грамоту старшему царю и царевнѣ и тогда скажетъ, чтѣ имъ дѣлать. Гордонъ замѣтилъ, что они боятся за свои головы, если не послушаются. Голицынъ общалъ прислать отвѣтъ не позже вечера; но иноземцы не хотѣли дожидаться отвѣта, вечеромъ двинулись въ путь и въ 11 часовъ утра на другой день были у Троицы, пѣловали руку у царя, который каждому поднесъ по чаркѣ водки. Въ такое время натянутого ожиданія и нерѣшительности всякое движеніе въ ту или въ другую сторону чрезвычайно важно, сильно увлекаетъ: начали громко говорить въ пользу царя Петра, когда узнали, что и нѣмцы ушли къ нему. У Софьи все еще оставались стрѣльцы; но когда разнеслась вѣсть, что царевна не поѣдетъ къ Троицѣ, потому что ее туда не пустятъ, то стрѣльцы потеряли всякое терпѣніе, и вечеромъ 6-го сентября явились большою толпою въ Кремль съ челобитьемъ къ царевнѣ, чтобъ выдала Ѳедьку Шакловитаго, котораго они поведутъ къ Троицѣ. Сначала Софья отвѣчала, что не выдастъ и чтобъ они жили спокойно, не вмѣшивались въ ссору ея съ братомъ. Въ толпѣ раздался шумъ, послышались голоса, что нечего дожидаться, надобно приниматься за набатный колоколъ. Это сильно поразило Софью. Сцена 1682 года повторилась, только съ перемѣною лицъ: тогда стрѣльцы требовали у царицы Наталіи выдачи брата ея, Ивана Нарышкина, и перетрусившіеся бояре уговаривали царицу пожертвовать братомъ, чтобъ имъ всѣмъ не погибнуть изъ-за одного: теперь стрѣльцы, грозя бунтомъ, требуютъ у Софьи выдачи Шакловитаго; и окружающіе царевну уговариваютъ ее исполнить требованіе, иначе многимъ придется заплатить жизнью. Софья выдала Шакловитаго; но Медвѣдевъ успѣлъ скрыться. Въ тотъ же день бояре, оставшіеся въ Москвѣ, по вызову

Петра, отправились къ Троицѣ; не поѣхалъ одинъ Голицынъ, онъ удалился съ своими приближенными въ подмосковное село Медвѣдково; вѣсть о выдачѣ Шакловитаго сильно поразила его. 7-го сентября привезли Шакловитаго въ монастырь. На первой пыткѣ, послѣ 15 ударовъ, онъ повнвился во всемя, что на него ни вводили; передъ второю онъ обѣщаль объявить все безъ утайки и написалъ, что на жизнь царя Петра Алексѣевича никогда не умышлялъ; объ убійствѣ царицы были разговоры съ Кузьмою Чернымъ, который первый началъ; князь В. В. Голицынъ жалѣлъ, что царицу не убили прежде, въ 1682 году; намѣревались произвести пожаръ въ Преображенскомъ; стрѣльцовъ собирали для собственной защиты, а не для бунта. Кто внушилъ царевнѣ мысль вѣнчаться на царство, онъ не знаетъ; ни онъ, ни Голицынъ ей этого не совѣтовали, и Голицынъ даже писалъ объ этомъ изъ похода съ ужасомъ; наконецъ онъ, Шакловитый, писалъ послѣднюю сказку для народа объ обидѣ царевнѣ. Въ умыслѣ на жизнь Петра Шакловитый не повинился, хотя Филиппъ Сапоговъ объявилъ, что Шакловитый подговаривалъ его—какъ пойдетъ царь Петръ въ походъ, бросить на дорогѣ ручныя гранаты или тайкомъ положить ихъ въ сани, также убить государя во время пожара въ Преображенскомъ. Впослѣдствіи, въ 1699 году, стрѣлецъ Петрушка Кривой показывалъ: «послѣ 1682 года я бывалъ въ домѣ у Ѳедьки Шакловитаго, и вмѣстѣ съ Ѳедькою у князя Ивана Засѣкина, и Ѳедька съ княземъ Иваномъ при мнѣ между собою говорили: «ходить онъ (государь) на пожары не со многими людьми: убить бы его стрѣльцамъ».

Шакловитый былъ такъ тѣсно связанъ съ Голицынымъ: участь обоихъ должна была рѣшиться вмѣстѣ. Въ тотъ же день, какъ привезли Шакловитаго, явился къ Троицѣ и князь В. В. Голицынъ съ своими приближенными. Ихъ не пустили въ монастырскія ворота, велѣли стать на посадѣ и не сѣзжать безъ указа. Вечеромъ Гордонъ навѣстилъ Голицына и нашелъ его въ раздумьи. Вечеромъ 9-го числа позвали Голицына съ сыномъ Алексѣемъ во дворецъ. Когда они поднялись на лѣстницу, на встрѣчу вышелъ думный дьякъ и прочелъ имъ указъ, что они лишаются чести боярства, ссылаются съ женами и дѣтьми въ Каргополь, имѣніе описывается на государя, за то, что во 1)—они сестрѣ великихъ государей о всякихъ дѣлахъ докладывали мимо великихъ государей и писали ее съ великими государями обще, и въ книгахъ и на деньгахъ общежъ съ великими государями ее печатать велѣли, безъ указа ихъ, великихъ государей; во 2)—бывъ посланъ въ 1689 году на Крымскіе юрты, князь Василій Голицынъ, пришедъ къ Перекопу, промыслу никакого не чинилъ и отступилъ, каковымъ нерадѣніемъ царской казнѣ учинилъ великіе убытки, государству разореніе, а людямъ тягость.

Шакловитаго съ главными сообщниками осудили на смерть. Сохранилось любопытное извѣстіе, что Петръ не соглашался на казнь ихъ и только патриархъ уговорилъ его, и что когда разнеслась вѣсть, что Шакловитаго будутъ казнить безъ вторичной пытки, то многіе изъ служилыхъ людей собрались въ монастырь, «служа великому государю», какъ они говорили, и били челомъ, чтобъ велѣно было Шакловитаго пытать еще разъ: пусть объявитъ своихъ соумышленниковъ. Царь вслаалъ сказать имъ, что онъ доволенъ показаніями Шакловитаго, и что имъ непригоже мѣшаться въ это дѣло. 11 сентября Шакловитый, Пет-

ровъ и Чермный были казнены смертью, пятисотнаго Муромцева, полковника Рязанцева и стрѣльца Лаврентьева били кнудомъ и съ урѣзаніемъ языка сослали въ Сибирь. А за Голицына все еще продолжалась борьба. Враги его настояли, что ссылка въ Каргополь слишкомъ легкое наказаніе, и что надобно сослать его въ Пустоверскъ; но потомъ, какъ видно, князь Борнсъ пересилилъ, и назначенъ былъ Яренскъ мѣстомъ ссылки. Настояли, чтобъ Голицынымъ былъ сдѣланъ, по крайней мѣрѣ, допросъ, на основаніи показаній Шакловитаго. Ихъ допросили на дорогѣ, въ Ярославлѣ: и отецъ и сынъ клялись, что не принимали никакого участія въ умыслахъ Шакловитаго. Рѣшилась участь и третьяго близкаго къ Софѣя челоуѣка, имя котораго неразлучно съ именами Голицына и Шакловитаго, именно Сильвестра Медвѣдева. На очной ставкѣ съ Салоговымъ Медвѣдевъ заперся. Его разстригли и пытали, дали 15 ударовъ;—не признался. Винился въ одномъ, что говорилъ стрѣльцамъ: «Не бойтесь! хотя царя Петра сторона и повезетъ и много будетъ дней на десять, а то опять будетъ рука сильна стороны царевны». Это говорилъ ему Шакловитый, слыша отъ одного юродиваго. Повинился, что говорилъ про патріарха: «учился мало и рѣчей богословскихъ не знаетъ»; повинился, что подъ портретомъ царевны подписывалъ полный титулъ «вседержавнѣйшей самодержицы», семь добродѣтелей и вирши. Разстриженнаго, называвшагося теперь уже Сеньковъ, Медвѣдева, отдали въ руки духовному начальству, которое приставило къ нему двоихъ увѣщателей. Сенька принесъ покаяніе въ ереси, объявилъ свою манну обманною. Соборъ опредѣлилъ съечь манну всенародно, Медвѣдева разрѣшить отъ церковной клятвы и сослать въ монастырь подъ началъ. Но этимъ дѣло не кончилось. Послѣ долгаго укрывательства скваченъ былъ одинъ изъ главныхъ сообщниковъ Шакловитаго, Стрижевъ, который показалъ на Медвѣдева, что тотъ имѣлъ связь съ какимъ-то полякомъ Силинымъ, занимавшимся чародѣйствомъ и вызваннымъ въ Москву лечить глаза царю Ивану Алексѣевичу. Силинъ долго жилъ у Медвѣдева, и тотъ говорилъ ему, что Софья хочетъ выйти замужъ за Голицына, а Медвѣдева возвести на патріаршество вмѣсто Іоакима. Медвѣдева подвергли новой страшной пыткѣ огнемъ и желѣзомъ, и потомъ казнили смертью 11 февраля 1691 года.

Что же дѣлала Софья въ то время, когда на пыткахъ и козняхъ лилась кровь ея приверженцевъ? Послѣ выдачи Шакловитаго, на которой настояли стрѣльцы, единственной надежды царевны, — судьба ея была рѣшена. Петръ написалъ къ старшему брату отъ Троицы, что «милостію Божіею врученъ намъ, двумъ особамъ, скипетръ правленія, также и братіямъ нашимъ, окрестнымъ государямъ, о государствovanіи нашемъ извѣстно; а о третьей особѣ, чтобъ быть съ нами въ равенственномъ правленіи, отнюдь не воспоминалось. А какъ сестра наша, царевна Софья Алексѣевна, государствомъ нашимъ учала владѣть своею волею, и въ томъ владѣніи, что явилось особамъ нашимъ противное, и народу тягости и наше терпѣніе, о томъ тебѣ, государь, извѣстно. А нынѣ злодѣи наши, Оедька Шакловитый съ товарищи, не удовольяся милостію нашею, преступя обѣщаніе свое, умышляли съ иными ворами о убивствѣ надъ нашимъ и матери нашей здоровьемъ, и въ томъ по розыску и съ пытки винились. А теперь, государь-братецъ, настoитъ время нашимъ обoимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли

осмы въ віру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужескими особами въ титулахъ и въ расправѣ дѣла быти не изволяемъ; на то-бъ и твоя, государя моего брата, воля склонилася, потому что учала она въ дѣла вступать и въ титула писаться собою безъ нашего изволенія; къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ, для конечной нашей обиды, хотѣла вѣнчаться. Срамно, государь, при нашей совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ! Тебѣ же, государю-брату, объявляю и прошу: позволить, государь, мнѣ отеческимъ своимъ изволеніемъ, для лучша пользы нашей и для народнаго успокоенія, не отсылаясь къ тебѣ, государю, учинить по приказамъ правдивыхъ судей, а неприличныхъ переимѣнить, чтобы тѣмъ государство наше успокоить и обрадовать вскорѣ. А какъ, государю-братецъ, случимся вмѣстѣ, и тогда поставимъ все на мѣрѣ; а я тебя, государя-брата, яко отца, почитать готовъ».

Въ этой грамотѣ ничего еще не говорится о будущей участи свергавшейся правительницы. Но чрезъ нѣсколько времени пріѣхалъ отъ Троицы въ Москву бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ съ приказаніемъ Софіи идти въ монастырь; послѣ долгихъ отговорокъ она принуждена была повиноваться и переселилась въ Новодевичій монастырь.

Софія была въ монастырѣ; царь Иванъ Алексѣевичъ оставался попрежнему царемъ только по имени, занималъ царское мѣсто въ церемоніяхъ, власть перешла къ одному царю Петру. Но семнадцатилѣтній Петръ былъ еще неспособенъ къ управленію государствомъ, онъ еще доучивался, демонстрировалъ себя тѣми средствами, какія самъ нашелъ и какія были по его характеру; у молодого царя на умѣ были потѣхи, всякій чужинскій объявлялся послѣ, и тогда только въ потѣхахъ являлись признаки сѣмьи воликихъ дѣлъ.

XV. НѢМЕЦКАЯ СЛОБОДА И ВЛІЯНІЕ ЕЯ НА ПЕТРА.

(Изъ «Исторіи Петра Великаго», Брикнера.)

Уже въ XVI вѣкѣ у самой Москвы существовала Нѣмецкая слобода; она служила въ началѣ XVII вѣка предмѣстье это было возобновлено. Нѣмецкая слобода имѣла наставленія царя выселить иностранцевъ, до тѣхъ поръ какъ не представятъ въ самой столицѣ. Въ Нѣмецкой слободѣ жила жизнь иностранцевъ; тутъ были школы, аптеки, типографскія и ремесленныя церкви; тутъ жили врачи и ремесленники, инженеры и механики. Населеніе слободы состояло главнымъ образомъ изъ шотландцевъ, англичанъ, голландцевъ, нидерландцевъ и пр. Здѣсь встрѣчались нѣсколько иностранныхъ языковъ; ежедневная необходимость, умственное и торговое сношеніе съ иностранцами, представляло въ слободѣ своеобразный элементъ и служило для Петра Великаго источникомъ знаній и развѣдыванія. При главнѣйшихъ иностранныхъ, научныхъ и промышленныхъ учрежденіяхъ жили особы, представлявшие собою своеобразный элементъ и служили для Петра Великаго источникомъ знаній и развѣдыванія.

До известной степени, здѣсь существовали національныя, религіозныя и политическія партіи; но такого рода антагонизмъ былъ смягченъ космополитизмомъ, свойственнымъ вообще колоніямъ. Слобода находилась подъ влияніемъ умственного развитія западной Европы. Здѣсь было много знатоковъ латинскаго языка; англійскія дамы Нѣмецкой слободы выписывали изъ своей родины романы и драмы. Жители Нѣмецкой слободы находились въ чрезвычайно оживленной перепискѣ со своими родными и знакомыми на родинѣ; весьма часто они предпринимали поѣздки за границу по разнымъ причинамъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ политическихъ событій въ западной Европѣ, за событіями англійской революціи, войны между Англіей и Голландіей и т. п. Все это свидѣтельствуютъ о томъ, что Нѣмецкая слобода могла содѣйствовать сближенію русскихъ съ западною Европою и сообщать Россіи результаты западно-европейской культуры.

Нѣмецкой слободѣ было суждено служить звеномъ между западною Европою и Петромъ во время его юношескаго развитія. Не малороссійскіе монахи и богословы сдѣлались наставниками Петра, а обитатели Нѣмецкой слободы, представлявшей собою образчикъ западно-европейской рабочей силы, предприимчивости и эрудиціи. Петръ выросъ не въ рутинѣ азіатскаго придворнаго этикета, онъ не получилъ латинско-схоластическаго воспитанія, которое выпало на долю его брата Θεодора; этимъ выигрышемъ онъ былъ обязанъ близости и значенію Нѣмецкой слободы, населеніе которой состояло изъ разнородныхъ элементовъ, отличалось нѣкоторымъ космополитизмомъ и представляло собою нѣчто въ родѣ микрокосма всевозможныхъ сословій, призваній, національностей и исповѣданій.

И до Петра уже было замѣтно влияніе Нѣмецкой слободы на нѣкоторыхъ представителей русскаго общества. Были въ Россіи люди, которые не раздѣляли мнѣнія духовенства, ненавидѣвшаго иностранцевъ, какъ еретиковъ, и черни, оскорблявшей «нѣмцевъ» и иногда даже мечтавшей объ уничтоженіи всей Нѣмецкой слободы съ ея жителями; были въ Россіи люди, которые умѣли цѣнить превосходство западно-европейской культуры и были склонны къ ученію подъ руководствомъ иностранцевъ.

Такимъ представителемъ прогресса можетъ служить бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Завѣдуя при Алексѣѣ Михайловичѣ Посольскимъ приказомъ, онъ былъ, такъ сказать, министромъ иностранныхъ дѣлъ. Довольно часто въ домѣ Матвѣева, украшенномъ различными предметами роскоши, заимствованными у западной Европы, происходили переговоры съ иностранными дипломатами. Завѣдуя Аптекарскимъ приказомъ, онъ постоянно находился въ сношеніяхъ со многими иностранными хирургами, докторами и аптекарями, служившими въ этомъ вѣдомствѣ. Жена Матвѣева, какъ говорятъ, была иностраннаго происхожденія. Его сынъ получилъ весьма тщательное воспитаніе, учился разнымъ языкамъ и приобрѣлъ такую широкую эрудицію, что даже Лейбницъ съ особенною похвалою отзывался объ его познаніяхъ. Известно, однако-жъ, что ученость Матвѣева, нѣкоторое знакомство его съ медициною и естественными науками, нахожденіе у него лечебника, «въ которомъ многія статьи писаны цифирью», послужили врагамъ его поводомъ и средствомъ къ обвиненію его въ колдовствѣ, въ общеніи съ злыми духами.

Князь Василій Васильевич Голицынъ, человекъ замѣчательный умомъ, образованіемъ и опытностью въ дѣлахъ, завѣдывавшій иностранными дѣлами въ правленіе Софьи до самаго паденія ея, какъ преемникъ Матвѣева въ званіи начальника Посольскаго приказа и какъ предшественникъ Петра, былъ сторонникомъ западно-европейской культуры и дѣйствовалъ въ пользу сближенія съ западною Европою. Въ бесѣдахъ съ иностранными дипломатами, которыхъ онъ приводилъ въ восхищеніе утонченностью и любезностью своего обращенія съ ними, онъ могъ обойтись безъ помощи толмачей, такъ какъ вполне владѣлъ латинскимъ языкомъ. Онъ вообще часто находился въ обществѣ иностранцевъ, съ нѣкоторыми изъ нихъ сближался, нѣкоторымъ покровительствовалъ; онъ былъ покровителемъ Лефорта, сдѣлавшагося, послѣ государственнаго переворота 1689 года, другомъ царя Петра. Сохранился списокъ книгамъ, принадлежавшимъ Голицыну. Между ними встрѣчаются книги латинскія, польскія и нѣмецкія, сочиненія, относящіяся къ государственнымъ наукамъ, богословію, церковной исторіи, драматургіи, географіи, зоологіи и пр. Голицынъ мечталъ о распространеніи просвѣщенія, объ отправленіи русскихъ для ученія за границу, о разныхъ мѣрахъ для поднятія матеріальнаго благосостоянія народа. Эти мечты оказались, впрочемъ, лишь благими намѣреніями, которыя, какъ извѣстно, нисколько не подтвердились дѣйствительными результатами его управленія дѣлами.

При всей ничтожности эпохи правленія царевны Софьи и князя Голицына, все-таки любопытно, что послѣдній былъ такимъ ученикомъ западно-европейской культуры, какимъ сдѣлался позже Петръ. Но за свою склонность къ иноземнымъ обычаямъ Голицынъ, какъ и Петръ, былъ ненавидимъ многими и вообще не пользовался популярностью въ народѣ. Примѣръ князя Голицына свидѣтельствуетъ о томъ, что Россія уже до Петра находилась на пути прогресса въ духѣ западно-европейской культуры. Но до начала преобразованій Петра люди, охотно поддерживавшіе сношенія съ иностранцами и преникнутые уваженіемъ къ западно-европейской образованности, подобно Матвѣеву и Голицыну, составляли въ Московскомъ государствѣ рѣдкое исключеніе и встрѣчались какъ единичныя личности. Общее же настроеніе по отношенію къ иностранцамъ, обусловливаемое главнымъ образомъ религиозною нетерпимостью, отличалось крайнею недружелюбностью. Особенно рельефно обнаружилось предубѣжденіе противъ иностранцевъ, какъ противъ еретиковъ, и не столько враждебное, сколько, такъ сказать, брезгливое къ нимъ отношеніе въ первые годы послѣ удаленія Софьи, когда Петръ, посвящая свое время любимымъ занятіямъ, ученію, увеселеніямъ, предоставлялъ управленіе дѣлами другимъ. Управлялъ дѣлами, главнымъ образомъ, дядя государя, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, при чемъ непосредственно послѣ переворота 1689 года нѣкоторое время значительное вліяніе на ходъ дѣлъ имѣлъ также и патріархъ Іоакимъ. Патріархъ же не любилъ иностранцевъ, осуждалъ предоставленіе имъ должностей офицеровъ и былъ недоволенъ ихъ положеніемъ въ кругахъ высшаго общества и при дворѣ. Неудачу крымскихъ походовъ приписывалъ онъ участію въ нихъ «еретиковъ». Скоро послѣ государственнаго переворота 1689 года были приняты разныя мѣры, свидѣтельствовавшія о нѣкоторой неприязни къ иноземцамъ. Въ то время, когда сношенія между

Петромъ и иноземцами становились со дня на день болѣе близкими, почтмейстеру Виниусу было поручено просматривать всѣ частныя письма, прибывавшія изъ-за границы или отправляемыя туда и, смотря по содержанию, уничтожать изъ нихъ тѣ, въ которыхъ заключалось что либо предосудительное. Къ этому времени относится распоряженіе, затрудняющее прїядъ иноземцевъ въ Россію, и запросъ, сдѣланный жителямъ Нѣмецкой слободы, на основаніи какихъ правъ или привилегій они тамъ построили протестантскія церкви. Къ этому-же времени относится изгнаніе іезуитовъ изъ Россіи, а также сожженіе на кострѣ еретика Кульма, но Петръ, вѣроятно, не принималъ никакого участія въ подобныхъ дѣлахъ. Очевидно, во всемъ этомъ важнѣйшую роль игралъ патріархъ, бывшій виновникомъ нѣкоторой реакціи послѣ эпохи западничества князя В. В. Голицына.

Непріязненное отношеніе патріарха Іоакима къ иноземцамъ особенно рельефно обрисовалось въ отношеніяхъ его къ находившемуся въ русской службѣ, въ чинѣ генерала, иноземцу Гордону, съ которымъ Петръ очень сблизился тотчасъ послѣ переворота 1689 года. Царь нуждался въ немъ, какъ въ наставникѣ въ области военной техники, какъ въ собесѣдникѣ, вообще полезномъ своимъ многостороннимъ образованіемъ. Онъ видѣлъ Гордона чуть-ли не ежедневно. Патріархъ-же относился къ нему недружелюбно, какъ къ «еретикю». Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ государственнаго переворота, Гордонъ, по случаю празднованія рожденія царевича Алексѣя Петровича (въ февралѣ 1690 года), былъ приглашенъ къ торжественному столу. Однако, онъ не могъ участвовать въ обѣдѣ, потому что патріархъ объявилъ рѣшительно, что иноземцамъ въ такихъ случаяхъ бывать при дворѣ непригоже. Можно думать, что Петру этотъ эпизодъ очень не понравился. Желая показать вниманіе оскорбленному генералу, онъ на другой-же день послѣ этого происшествія пригласилъ его отобдѣать съ нимъ гдѣ-то за городомъ.

Еще болѣе рѣзко обнаружился взглядъ патріарха Іоакима въ его завѣщаніи, въ которомъ онъ именемъ Спасителя умоляетъ царей, «да возбранятъ проклятымъ еретикамъ-иноувѣрцамъ начальствовать въ ихъ государскихъ полкахъ надъ служилыми людьми, но да велятъ отставить ихъ, враговъ христіанскихъ, отъ полковыхъ дѣлъ всесовершенно, потому что иноувѣрцы съ нами, православными христіанами, въ вѣрѣ неединомысленны, въ преданіяхъ отеческихъ несогласны, церкви, матери нашей, чужды;—какая-же можетъ быть помощь отъ нихъ, проклятыхъ еретиковъ, православному воинству»? Далѣе патріархъ пишетъ въ своемъ завѣщаніи подробно о томъ, что «не должно имѣть общенія съ латини, лютеры, кальвини, безбожными татарами». Впрочемъ, и мать Петра, царица Наталія Кирилловна, какъ кажется, раздѣляла воззрѣнія патріарха Іоакима. Мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ о слѣдующемъ случаѣ нанесенной царицею иноземцамъ обиды: 27-го августа 1690 года, празднуя день своего тезоименитства, она жаловала изъ собственныхъ рукъ чаркою вина всѣхъ русскихъ сановниковъ, въ томъ числѣ полковниковъ стрѣлецкихъ, также гостей и купцовъ, но генераловъ и полковниковъ иноземныхъ не удостоила этой чести и въ чертоги свои непустила. Въ тотъ самый день оскорбили иностранцевъ и тѣмъ, что гости и купцы при прїемѣ занимали мѣсто выше ихъ. Иноземцы считали себя оби-

женными, тѣмъ болѣе, что именно въ то время самъ Петръ ежедневно находился въ ихъ обществѣ, ѣлъ и пилъ съ ними.

Между тѣмъ, въ то время, когда въ дѣлахъ внутренней политики и особенно въ различныхъ мѣрахъ относительно иноземцевъ давало себя чувствовать господство реакціонной партіи, Петръ, по крайней мѣрѣ, въ частной жизни, въ своихъ занятіяхъ и увеселеніяхъ, пользовался совершенною свободою. Онъ окружалъ себя иностранцами, не обращая вниманія на то, что этимъ нарушалъ господствовавшіе до того обычаи, оскорблялъ національное чувство и патриотизмъ своихъ родственниковъ, родныхъ матери и жены, и многихъ вельможъ, вызывая осужденіе народа, твердо державшагося старыхъ обычаевъ. Петръ былъ убѣжденъ въ необходимости учиться въ школахъ иностранцевъ и такимъ образомъ сдѣлался постояннымъ гостемъ въ Нѣмецкой слободѣ.

До 1689 года отношенія Петра къ иностранцамъ ограничивались знакомствомъ съ докторомъ фонъ-дёръ-Гульстомъ, съ ремесленниками, напр. Тиммерманомъ и Брандтомъ, и съ военными—полковникомъ Мёнгендомъ. За то ко времени послѣ государственнаго переворота относится его близкое знакомство съ двумя иностранцами, вліяніе которыхъ на царя сдѣлалось чрезвычайно важнымъ,—съ Гордономъ и Лефортомъ.

Патрикъ Гордонъ родился въ Шотландіи и принадлежалъ къ знатному роду, преданному католицизму и роялизму. Покинувъ рано родину, онъ долго служилъ въ шведскомъ и польскомъ войскахъ. Въ 1660 году онъ вступилъ въ русскую службу. Опытность въ дѣлахъ, многостороннее образованіе, добросовѣстность и необычайная рабочая сила доставили ему весьма выгодное мѣсто въ Россіи уже при царяхъ Алексѣѣ и Θεодорѣ. Онъ участвовалъ въ Чигиринскихъ походахъ, нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Кіевѣ въ качествѣ коменданта этого города, затѣмъ принималъ участіе въ крымскихъ походахъ. Въ Нѣмецкой слободѣ онъ пользовался всеобщимъ довѣріемъ и, какъ человѣкъ зажиточный, образованный, обходительный, игралъ весьма важную роль. Будучи завзятымъ сторонникомъ Стюартовъ, онъ постоянно находился въ связи съ противниками англійскаго короля Вильгельма III-го, и узнавалъ вообще обо всемъ, что происходило на западѣ. Онъ былъ лично извѣстенъ королямъ Карлу II и Іакову II. Изъ Англій онъ весьма часто получалъ карты, инструменты, оружіе, книги; онъ постоянно слѣдилъ за новыми открытіями англійской академіи наукъ, считался опытнымъ инженеромъ, довольно часто оказывалъ существенныя услуги при постройкѣ крѣпостей и былъ изобрѣтателемъ разныхъ военныхъ снарядовъ. Часто хвораая, онъ однако былъ веселымъ собесѣдникомъ, участвовалъ въ попойкахъ, и не только въ кругу иностранцевъ, но и между русскими пользовался большою популярностію. Нѣтъ сомнѣнія, что Гордонъ, проживъ около 30 лѣтъ въ Россіи до сближенія съ Петромъ, вполне владѣлъ русскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, онъ могъ сдѣлаться полезнымъ наставникомъ юнаго царя.

Въ сентябрѣ 1689 года, послѣ пребыванія царя въ Троицкомъ монастырѣ, установились постоянныя сношенія Петра съ Гордономъ, и молодой царь ежедневно любовался военными упражненіями, производившимися подъ руководствомъ Гордона. Семь дней сряду происходили ученія, маневры. Гордонъ показывалъ царю разныя движенія конницы, велѣлъ своимъ солдатамъ стрѣлять залпами и пр. Петръ сталъ нуж-

даться въ обществѣ Гордона. Онъ весьма часто посылалъ за нимъ. Главнымъ занятіемъ ихъ было приготовленіе фейерверковъ: царю чрезвычайно понравилась эта потѣха. Гордонъ постоянно участвовалъ въ пирушкахъ у царя, у Нарышкина, Шереметова, Ромодановскаго и др. Въ дневникѣ Гордона упоминается о бесѣдахъ съ Петромъ, объ удовольствіи, доставленномъ царю особенно удавшимся фейерверкомъ, или успѣшными и ловко веденными маневрами. Сынъ и зять Гордона тоже трудились съ Петромъ надъ фейерверкомъ въ царской лабораторіи. Иногда онъ проводилъ съ царемъ цѣлыя дни, занимаясь опытами надъ военными снарядами. Однажды, по желанію Петра, были сдѣланы два фейерверка съ цѣлью состязанія между русскими и иностранцами. При одномъ фейерверкѣ Гордонъ обжегъ себѣ лицо, а въ другой разъ самъ Петръ былъ раненъ.

Постоянно находясь у себя въ компаніи «еретиковъ», Петръ скоро рѣшился побывать въ гостяхъ и у нихъ, въ Нѣмецкой слободѣ. 30-го апрѣля 1690 года онъ съ нѣкоторыми вельможами обѣдалъ у Гордона. Все чаще и чаще затѣмъ повторялось появленіе Петра въ слободѣ. У Гордона царь бывалъ весьма часто, во всякое время, иногда рано утромъ и безъ свиты, какъ бы въ качествѣ частнаго человѣка. Многія черты свидѣтельствуютъ о непринужденности обхожденія царя съ Гордономъ. Петръ присутствовалъ у Гордона на свадьбѣ его дочери и на похоронахъ зятя. Иногда посѣщенія царя были очень продолжительны; такъ, напр., 2-го января 1691 года онъ объявилъ Гордону, что на другой день будетъ у него обѣдать, ужинать и останется ночевать; при этомъ было 85 человѣкъ гостей; къ ночи расположились спать «по лагерному». На другой день вся компанія отправилась обѣдать къ Лефорту. Но молодой царь посѣщалъ Гордона не ради однихъ попойекъ; когда однажды Гордонъ заболѣлъ, Петръ самъ пришелъ къ нему узнать подробнѣе о болѣзни, а затѣмъ прислалъ ему лекарства. Разъ онъ посѣтилъ Гордона и взялъ у него три книги объ артиллерійскомъ искусствѣ; въ свою очередь и Гордонъ бралъ книги у царя, а самъ выписывалъ для него книги изъ-за границы. Иногда они бесѣдовали о разныхъ военныхъ снарядахъ и оружій, осматривали новые шомпола, которые Гордонъ получилъ изъ Англіи и которые чрезвычайно понравились Петру. Когда начали составлять планъ большихъ маневровъ въ Коломенскомъ, Гордонъ изобрѣлъ машину, посредствомъ которой можно было влѣзаться въ непріятельскій лагерь, несмотря на рогатки. Петръ самъ пришелъ къ Гордону для осмотра этой машины. Довольно часто царь вмѣстѣ съ Гордономъ испытывалъ пушки, мортиры, бомбы и пр. Когда начались потѣхи Петра на Переяславскомъ озерѣ, онъ и туда приглашалъ Гордона. Гордонъ долженъ былъ отправиться и въ Архангельскъ въ то время, когда царь находился тамъ въ 1694 году.

Многое въ поступкахъ Петра являлось смѣлою новизною. Бывало, прежде, если кто присутствовалъ на похоронахъ, то послѣ этого три дня сряду не могъ являться ко двору. Теперь же самъ царь весьма часто бывалъ на похоронахъ иноземныхъ офицеровъ въ Нѣмецкой слободѣ. Патриарху казалось ужаснымъ нарушеніемъ прежнихъ порядковъ существованіе иновѣрныхъ церквей въ Нѣмецкой слободѣ. Теперь же царь иногда вмѣстѣ съ Гордономъ присутствовалъ при католическомъ богослуженіи въ молельнѣ, построенной благодаря стараніямъ Гордона.

Не даромъ народъ съ ужасомъ сталъ примѣчать, что царь «возлюбилъ нѣмцевъ»: въ глазахъ народа это было ересью.

Къ этому же времени относится начало дружественныхъ отношеній царя къ Лефорту. Францъ Лефортъ былъ гораздо моложе Гордона. Онъ, равно какъ и Гордонъ, до прїѣзда въ Россію много путешествовалъ, не имѣлъ однако случая пріобрѣсти той опытности въ дѣлахъ и того многосторонняго образованія, какимъ отличался Гордонъ. Въ Россію онъ прїѣхалъ въ 1675 году; однако здѣсь ему не такъ скоро, какъ Гордону, удалось составить себѣ положеніе. Впрочемъ, онъ находился въ тѣсной связи со многими жителями Нѣмецкой слободы и, отличаясь вежливостію нрава, добродушіемъ и честностію, пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Богатые иностранные купцы, знатные дипломаты были покровителями Лефорта. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ также былъ его доброжелателемъ. Онъ получилъ чинъ полковника, купилъ домъ въ Нѣмецкой слободѣ и женился.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Лефортъ былъ талантливымъ человекомъ, но въ то же время не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо чрезвычайныхъ способностяхъ его. Гордонъ любилъ заниматься чтеніемъ ученыхъ книгъ,—Лефортъ былъ равнодушенъ къ наукѣ. Образъ его дѣйствій въ Азовскихъ походахъ не можетъ считаться свидѣтельствомъ особыхъ военныхъ способностей. Относительно свѣдѣній въ области политики онъ далеко уступалъ Гордону, бесѣды котораго могли замѣнить для Петра чтеніе газетъ. За то Лефортъ былъ дорогъ для Петра главнымъ образомъ своею личностію, своимъ прекраснымъ сердцемъ, безкорыстною, безпредѣльною преданностію къ особѣ Петра. Гордонъ гораздо болѣе, чѣмъ Лефортъ, могъ считаться представителемъ западно-европейской политической и общественной цивилизаціи и потому скорѣе, чѣмъ Лефортъ, могъ быть наставникомъ Петра и посредникомъ въ его сближеніи съ европейскою культурою. Удовольствія вѣселои жизни, дружеская попойка съ разгульными друзьями, пиры по нѣскольку дней сряду, съ танцами, съ музыкою—были для Лефорта, кажется, привлекательнѣе славы ратныхъ подвиговъ. Гордонъ, напротивъ того, съ трудомъ переносилъ увеселенія придворной жизни, предпочиталъ имъ походы и занятія за письменнымъ столомъ. Именно при этой солидности, серьезности, при нѣкоторомъ педантизмѣ Гордона, въ противоположность широкой натурѣ Лефорта, достойны вниманія близкія отношенія Гордона къ Петру. Эти отношенія были менѣе интимными, нежели отношенія Петра къ Лефорту, но принесли царю большую пользу, расширяя кругъ его знаній, наводя его на новыя мысли, упражняя его въ дѣлахъ военной техники и пріучая его къ болѣе основательному изученію разныхъ предметовъ. Лефортъ оставался царедворцемъ, Гордонъ не переставалъ быть труженникомъ. Лефортъ легче могъ сдѣлаться другомъ Петра, потому что онъ, такъ сказать, пересталъ быть швейцарцемъ, не думалъ о возвращеніи на родину, между тѣмъ какъ Гордонъ оставался вѣрнымъ своей національности, своему исповѣданію и до послѣдняго времени жизни надѣялся на возвращеніе въ Шотландію. Ни на одну минуту Гордонъ не переставалъ считать себя подданнымъ Стюартовъ, тогда какъ вся жизнь Лефорта сосредоточивалась въ личной привязанности къ Петру.

Къ сожалѣнiю, не сохранилось ни одного письма царя къ Лефорту; письма послѣдняго къ Петру свидѣтельствуютъ о любви къ царю и веселомъ нравѣ Лефорта; здѣсь очень много говорится о попойкахъ, о разныхъ сортахъ винъ. Въ 1692 — 93 годахъ Петръ велѣлъ построить для Лефорта великолѣпный домъ, роскошно мебелированный; здѣсь происходили самыя веселыя попойки; здѣсь царь до отъѣзда въ Архангельскъ однажды пировалъ около четырехъ дней сряду. Въ погребѣ у Лефорта находились постоянно большыя запасы виноградныхъ винъ на нѣсколько тысячъ рублей. Во время такихъ пиршествъ бесѣдовали о государственныхъ дѣлахъ на западѣ, пивали за здоровье короля англійскаго Вильгельма III, или произносили тосты въ честь Женевской республики, Генеральныхъ Штатовъ. Такимъ образомъ, и попойки имѣли нѣкоторое политическое значенiе и были нѣкоторымъ образомъ политическою школою. Никто въ той мѣрѣ, какъ Лефортъ, за исключенiемъ Екатерины, не имѣлъ столь сильнаго влiянiя на настроенiе духа Петра, который любилъ его всею душою. Когда Лефортъ умеръ, онъ, какъ рассказываютъ, воскликнулъ:—«Друга моего не ста о! Онъ одинъ былъ мнѣ вѣренъ. На кого теперь могу положить?»

Полезною школою для Петра было знакомство и съ другими иностранцами. Отъ Андрея Виниуса, сына зажиточнаго голландскаго купца, занимавшагося еще при царѣ Михайлѣ Феодоровичѣ горнымъ промысломъ въ Россiи, онъ узнавалъ о многихъ дѣлахъ, происходившихъ на западѣ. Виниусъ, въ качествѣ дипломата, бывалъ за границею, занимался переводомъ разныхъ сочиненiй на русскiй языкъ, былъ авторомъ труда по географiи, завѣдывалъ нѣкоторое время Аптекарскимъ приказомъ, находился довольно долго въ Малороссiи, въ качествѣ дипломатическаго агента, и въ первое время царствованiя Петра управлялъ почтовымъ вѣдомствомъ. Уже это званiе доставляло ему возможность сообщать царю множество заграничныхъ новостей. Петръ, видѣвшiйся весьма часто съ Виниусомъ, давалъ ему разныя порученiя, относившiяся къ морскому дѣлу, къ горному искусству и пр. Черезъ Виниуса онъ выписывалъ изъ-за границы разныя книги, инструменты, а также мастеровъ - ремесленниковъ. Позже Виниусъ устраивалъ для царя пороховыя и оружейныя заводы, лилъ пушки, основалъ школу для моряковъ и пр.

Между другими лицами, окружавшими царя послѣ государственнаго переворота 1689 года, можно назвать еще полковника Менгдена, инженера Адама Вейде, капитана Якова Брюса, переводчика Посольскаго приказа Андрея Кривета и др.

Пребыванiе Петра въ Нѣмецкой слободѣ и его ежедневное общенiе съ иностранцами должны были имѣть громадное значенiе въ развитiи юнаго царя. Непринужденность его близкихъ отношенiй къ людямъ, каковы были Гордонъ, Лефортъ и другiе жители Нѣмецкой слободы, была гораздо болѣе полезною школою для царя, чѣмъ замкнутость придворнаго этикета и церемонiала, господствовавшихъ въ Кремлѣ. Въ Нѣмецкой слободѣ Петръ встрѣчался всюду съ началомъ вѣротерпимости и космополитизма въ противоположность религiознымъ и національнымъ предубѣжденiямъ, господствовавшимъ въ исключительно русскихъ кругахъ общества. Въ Нѣмецкой слободѣ, служившей образчи-

комъ западно-европейскихъ пріемовъ общежитія, Петръ нѣсколько лѣтъ сряду, до отправления въ Западную Европу, уже находился нѣкоторымъ образомъ за границую. Шагъ, сдѣланный Петромъ въ 1690 году изъ Кремля въ Нѣмецкую слободу, можетъ считаться болѣе важнымъ, чѣмъ поѣздка за границу въ 1697 году. Нѣмецкая слобода сдѣлалась для него какъ бы первою станціею на пути въ Германію, Голландію и Англію; она служила посредникомъ между Западомъ и Востокомъ; пребываніемъ въ ней Петра оканчивается эпоха древней исторіи Россіи, начинается новая эра для ея развитія. Въ первые годы своего самодержавнаго правленія Петръ занимался организаціею и развитіемъ войска и положилъ начало флоту.

Сдѣлавшись воспитанникомъ наставниковъ - иностранцевъ, онъ мало-по-малу становился способнымъ заняться и внутреннимъ преобразованіемъ государства. Ближайшимъ результатомъ эпохи ученія Петра и его пребыванія въ Нѣмецкой слободѣ были Азовскіе походы. За ними слѣдовало еще болѣе важное событіе—путешествіе за границу.

XVI. ПОТѢШНЫЕ ПОХОДЫ.

(Изъ «Исторіи царствованія Петра Великаго», Устрялова.)

Окружая себя голландцами, шотландцами, англичанами, швейцарцами и другими и новемцами, Петръ имѣлъ одну цѣль, къ которой давно уже, съ отроческихъ лѣтъ, устремлялъ всѣ свои мысли и желанія,—изучить военное дѣло во всѣхъ видахъ его на сушѣ и на водѣ, отъ самыхъ мелкихъ подробностей техническихъ до высшихъ началъ военнаго искусства, сколько могли изъяснить то и другое избранные имъ наставники. Многаго они сами не понимали, и державный ученикъ пріобрѣталъ необходимыя для него свѣдѣнія болѣе собственнымъ опытомъ, путемъ тяжелаго труда, чѣмъ уроками своихъ учителей. Все, что надобно было знать солдату, матросу, корабельному плотнику, токарю, бомбардиру, піонеру, артиллеристу, инженеру,—все узналъ онъ на самомъ дѣлѣ, и вскорѣ пріобрѣлъ такой во всемъ навѣкъ, что едва ли кто изъ окружавшихъ его лицъ умѣлъ искуснѣе его владѣть ружьемъ и топоромъ, точить изъ дерева и кости рѣзные украшенія, править рулемъ, бросать гранаты, наводить орудія, придумывать составы огненныхъ снарядовъ, устраивать понтоны, закладывать мины и взрывать укрѣпленія на воздухъ. Примѣрные битвы «потѣшныхъ» съ стрѣльцами въ окрестностяхъ Преображенскаго и Семеновскаго служили ему средствомъ къ пріобрѣтенію свѣдѣній тактическихъ, а плаваніе по озеру Переяславскому и по Бѣлому морю образовало изъ него моряка. Неутомимый въ трудахъ, Петръ не терялъ ни одной минуты въ праздности, и часто, по собственному выраженію его, «вкушалъ хлѣбъ въ потѣ лица своего, по приказу Божию къ прадѣду нашему Адаму».

Бывали однакожь дни, когда онъ покидалъ всѣ свои работы и съ товарищами своихъ трудовъ предавался шумному веселью. Онъ зазывалъ свою компанію обыкновенно къ Лефорту, которому впоследствии выстроилъ великолѣпныя палаты на берегу Яузы, иногда ко Льву Кирил-

ловичу Нарышкину въ Фили, къ князю Борису Алексѣвичу Голицыну, къ Петру Васильевичу Шереметеву, къ генералу Гордону, и веселился далеко за полночь, съ музыкою, танцами, нерѣдко при залпѣ орудій, разставленныхъ вокругъ дома, гдѣ пировала царская компанія.

Предсѣдателемъ пиршества всегда былъ прежній учитель царя, думный дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ, прозванный князь-папою, патриархомъ Пресбургскимъ, Яузскимъ и всего Кокуя: онъ строго наблюдалъ за исправнымъ осушеніемъ кубковъ и собственнымъ примѣромъ поощрялъ собесѣдниковъ къ бою съ Ивапкою-Хмельницкимъ, врагомъ невидимымъ, но лукавымъ и опаснымъ, проявлявшимъ свою силу тѣмъ, что одни изъ гостей засыпали на мѣстѣ и ночевали у хозяина, другіе съ трудомъ добирались до своихъ домовъ и, какъ на примѣръ, Гордонъ, едва въ трое сутокъ могли оправиться. Здравъ и невредимъ бывалъ одинъ царь, котораго на другой день восходящее солнце находило уже за работою. Онъ былъ душою пирующихъ, придумывалъ замысловатя потѣхи, обходился со всѣми запросто, дружелюбно, не сердился за прекословіе, но не любилъ ни упорнаго противорѣчія, ни грубой лести; въ особенности не терпѣлъ, если хвалили невѣжество, порицали науку, искусство, или его друзей, и часто одно досадное или неумѣстное слово воспламеняло его такимъ гнѣвомъ, что среди самаго жаркаго разгула собесѣдники умолкали и приходили въ трепеть. Въ подобныхъ случаяхъ одинъ Лефортъ могъ успокоить взволнованнаго царя. Черезъ нѣсколько минутъ мрачное чело его прояснялось, гроза утихала, и всѣ принимались за круговую чашу, при громѣ орудій, потрясавшемъ палаты пирующихъ. Особенно весело проводилъ онъ святки и масляницу. На святкахъ, сопровождаемый всею компаніею своею, человекъ до 80 и болѣе, подъ именемъ славильщиковъ, онъ посѣщалъ бояръ, генераловъ, богатыхъ купцовъ, славилъ Христа, принималъ дары и веселился по нѣскольку дней сряду. На масляницѣ непременно спускалъ блестящіе фейерверки, которые всегда самъ устраивалъ, собственными руками изготовляя на Потѣшномъ дворѣ ракеты, звѣзды, колеса, шутихи, огненные картины. Первый фейерверкъ, какого Москва еще никогда не видала, былъ сожженъ на рѣчкѣ Прѣснѣ, 26 февраля 1690 года, въ среду сырной недѣли, съ пушечной пальбою, въ присутствіи царицы, царевенъ, всего двора, при несмѣтномъ стеченіи народа. Разноцвѣтные огни въ замысловатыхъ фигурахъ, придуманныхъ самимъ царемъ, горѣли далеко за полночь. То же повторялось и въ слѣдующіе годы каждую масляницу. Кромѣ того, фейерверки были необходимымъ условіемъ празднованія именинъ царицы Наталіи Кирилловны. Не всегда они оканчивались благополучно: однажды пятифунтовая ракета, не разрядившись въ воздухъ, упала на голову какого-то дворянина, который тутъ-же испустилъ духъ; въ другой разъ взрывомъ состава изуродовало Гордонова зятя, капитана Страсбурга, обожгло Франца Тиммермана, и до смерти убило троихъ работниковъ. Такъ, въ военныхъ экзерциціяхъ, въ маневрахъ на сушѣ и на водѣ, въ фейерверкахъ и веселыхъ пирахъ, протекли первыя пять лѣтъ царствованія Петра до начала Азовскихъ походовъ. Въ это время не было издано ни одного замѣчательнаго закона, не было сдѣлано ни одного важнаго распоряженія ни по одной отрасли общественнаго благоустройства. Очевидно, царь, еще малоопытный въ искусствѣ государственнаго управленія, исключительно преданный задушевнымъ

мыслямъ своимъ, предоставляя дѣла обычному теченію въ приказахъ, и едва ли находилъ время для продолжительныхъ совѣщаній съ своими боярами: нерѣдко онъ слушалъ и рѣшалъ министерскіе доклады на пушечномъ дворѣ. То же бездѣйствіе замѣтно и въ дѣлахъ внѣшнихъ: вопреки настоятельнымъ требованіямъ польскаго короля, подтверждаемымъ просьбами цесаря, Петръ тщательнѣе уклонился отъ рѣшительныхъ предпріятій противъ крымскихъ татаръ, не взирая на то, что, овлабленные походами князя Голицына, они не давали намъ покоя ни зимою, ни лѣтомъ, и довольствовались только охраненіемъ южныхъ границъ, поручивъ защиту ихъ Бѣлгородскому разряду, подъ начальствомъ боярина Бориса Петровича Шереметева. Ниже увидимъ, что виною этого бездѣйствія были отчасти несогласія съ Польшою, едва не заставившія нашъ дворъ примириться съ ханомъ крымскимъ; но главная причина заключалась въ томъ, что царь считалъ необходимымъ прежде всего изучить ратное дѣло во всей подробности, для вѣрнѣйшаго успѣха въ борьбѣ съ неприятелями, гдѣ-бы они ни встрѣтились. Военныя потѣхи, примѣрныя битвы и походы начались весной 1690 года. Какъ скоро вскрылась Москва-рѣка, Петръ снарядилъ флотилію изъ мелкихъ гребныхъ судовъ, среди коихъ красовался подъ парусами знаменитый ботъ, и въ концѣ апрѣля, съ многочисленною святою, отправился по теченію Москви-рѣки къ Угрѣшскому Николаевскому монастырю. Впереди шли стрѣльцы въ лодкахъ; за ними шель на парусахъ царь; за царемъ слѣдовали бояре, царедворцы, иноземцы, въ гребныхъ судахъ. Въ одинъ день прошли версть 20 и на закатѣ солнца причалили къ берегу, близъ Угрѣшскаго монастыря. Государь носѣтилъ домъ боярина Алексѣя Петровича Салтыкова и дной чрезъ пять возвратился въ Москву. Подробности этого похода не извѣстны; но цѣлю его, безъ сомнѣнія, было ознакомить солдатъ съ чуждою для нихъ стихіею. По возвращеніи въ Преображенское, царь занялся коннымъ и пѣшимъ ученіемъ потѣшныхъ и стрѣлечныхъ полковъ, чтобы приготовить ихъ къ примѣрнымъ битвамъ, назначеннымъ въ іюль мѣсяцѣ. Первое сраженіе едва не кончилось страшнымъ несчастіемъ. Штурмовали Семеновскій дворъ. Съ обѣихъ сторонъ кидали ручныя гранаты и горшки, начиненные горючими веществами: одинъ изъ нихъ лопнулъ близъ государя; взрывомъ опалило ему лицо и переранило стоявшихъ подлѣ него офицеровъ. По всей вѣроятности, царь былъ раненъ не легко, потому что маневры возобновились не прежде осени. 4 сентября сражались «потѣшныя» съ стрѣльцами Стремянаго полка. Вечеромъ дѣло дошло до запальчивой схватки, и съ обѣихъ сторонъ не мало было раненныхъ. Въ числѣ ихъ находился генералъ Гордонъ: неосторожный выстрѣлъ повредилъ ему ногу выше колѣна, а пороховъ обожгло лицо такъ, что онъ съ недѣлю пролежалъ въ постели. Новая битва «потѣшныхъ» съ Сухаревымъ стрѣлечкимъ полкомъ 11 сентября кончилась благополучнѣе. Также точно прошелъ и слѣдующій годъ. 14 марта спущена на воду новая яхта, въ которой могло помѣститься до 30 человекъ; строилъ ее самъ Петръ; ни одинъ плотникъ не помогалъ царю-мастеру, и весело катался онъ на ней по Москвѣ-рѣкѣ до Угрѣшскаго монастыря, не взирая на дурную погоду. Лѣтомъ происходило въ Преображенскомъ непрестанное ученіе «потѣшныхъ», съ пушечною пальбою; большіе маневры назначены были въ августѣ. Наканунѣ Преображенія сказанъ походъ и розданы подъемныя

лошади; но болѣзнь царицы Наталіи Кирилловны принудила отложить потѣхи на цѣлые два мѣсяца.

Между тѣмъ, военныя экзерциціи въ селѣ Преображенскомъ не прерывались, и войска готовились «къ великому страшному бою». Составлены были двѣ арміи: одна изъ выборныхъ солдатскихъ полковъ—Преображенскаго, Семеновскаго, Лефортова и Бутырскаго, съ тремя или четырьмя полками рейтаръ и отрядомъ гусаръ; другая изъ полковъ стрѣлечкихъ, также съ рейтарами и гусарами. Первою арміею нашею предводительствовалъ генералиссимусъ Фридрихъ; второю, непріятельскою, генералиссимусъ Бутурлинъ. Въ началѣ октября открылась между ними война. Генералиссимусъ Фридрихъ, получивъ извѣстіе, что непріятель вышелъ въ поле съ нѣсколькими тысячами пѣшихъ и конныхъ ратныхъ людей, въ намѣреніи дать съ нимъ бой, приказалъ генералу Менезіусу, полковникамъ Крейгу, Лейфелю, Ригимону и маіору Балку укомплектовать рейтарскіе полки, и всѣмъ войскамъ 3 октября 1691 года быть къ смотру въ столичный градъ свой Пресбургъ—земляное укрѣпленіе, сооруженное царемъ близъ села Преображенскаго. Не смотря на сильный дождь, они явились «при доброй справѣ». На 5 октября сказанъ походъ. Между тѣмъ, накануне генералъ Гордонъ избралъ мѣсто для укрѣпленнаго лагеря, измѣрилъ его и назначилъ, гдѣ кому стати.

Рано утромъ вся наша армія выступила въ поле и въ тотъ же день заняла крѣпкую позицію на рѣчкѣ Красной, близъ лѣса. Непріятель, находившійся въ дальнемъ разстояніи, ночью подступилъ ближе и около полуночи раскинулъ свой станъ въ полумилѣ отъ нашего лагеря. На зарѣ онъ выбрался изъ обоза «въ крѣпкомъ ополченіи», перемѣшавъ конницу между пѣхотою.

Нашъ генералиссимусъ также вывелъ свое войско въ поле и приготовился къ битвѣ; пѣхоту поставилъ въ центрѣ, съ отрядомъ гусаръ впереди; на флангахъ конницу съ частью пѣхоты; въ резервѣ конные и пѣшие баталіоны. Центромъ командовалъ генералъ Головинъ, правымъ крыломъ—генералъ Гордонъ, лѣвымъ—генералъ Лефортъ.

Когда обѣ арміи выстроились одна противъ другой въ боевомъ порядкѣ, «послѣ вытрубки, начали травиться», и завязалось сраженіе. Генералъ Гордонъ двинулъ свою конницу на лѣвое крыло непріятеля, смялъ его и отбилъ четыре знамени; пятое взяли гусарскіе палашники. Не столь удачна была атака генерала Лефорта на правое крыло: рейтары его встрѣтили упорное сопротивленіе и, не смотря «на жестокой напускъ», не могли сломить противника, который стоялъ крѣпко и бился храбро; послѣ многихъ усилій, они успѣли «оторвать» только часть праваго крыла и отступили съ излишнею поспѣшностью; непріятель воспользовался происшедшимъ отъ того въ рядахъ рейтаръ безпорядкомъ и ударилъ имъ въ тылъ такъ стремительно, что Лефортъ не въ силахъ былъ остановить его, и на помощь лѣвому крылу нашему надлежало отрядить нѣсколько ротъ съ праваго; только тогда удалились враги, потерявъ нѣсколько знаменъ и булаву. Послѣ кратковременнаго отдыха, непріятель самъ повелъ атаку; гусары его ударили на нашихъ и потерпѣли жестокой уронъ; начальствовавшій ими генералъ Гулстъ взять былъ въ плѣнъ рейтарами «ротмистра Петра Алексѣева съ голою шпагою». Тогда генералиссимусъ Бутурлинъ прибѣгнулъ къ хитрости: изъявляя притворное намѣреніе примириться, онъ подѣхалъ

къ нашему войску съ нѣсколькими отборными ротами конницы, тихо, какъ-будто для переговоровъ, въ надеждѣ «исплошить» насъ, и вдругъ конница его врѣзалась въ наши полки, а самъ онъ кинулся на нашего военачальника, чтобы его «убить и тѣмъ всю армію обезглавить». Но дорого поплатился коварный врагъ за свой замыселъ: бдительный ротмистръ Петръ Алексѣевъ спасъ пресвѣтлѣйшаго генералиссимуса, а злодѣя его взялъ въ плѣнъ живаго. Непріятельскіе всадники, потерявъ вождя, обратились въ бѣгство; наши гнались за ними до самаго ихъ обоза, куда они едва могли уйти и запереться. Между тѣмъ, наступилъ вечеръ; генералиссимусъ Фридрихъ отвелъ свое войско въ лагерь, приказавъ плѣннику ѣхать подлѣ себя по лѣвую сторону. Тамъ онъ призвалъ въ свой шатеръ всѣхъ начальныхъ людей, похвалилъ ихъ службу и, при троекратныхъ залпахъ, изволилъ пить про побѣду и про храбрость войска; пилъ также про здоровье взятаго генералиссимуса, который въ свою очередь пилъ про своего побѣдителя. Послѣ того неприяТЕЛЬСКІЙ полководецъ билъ челомъ нашему вождю, чтобы онъ, «яко государь христіанскій, явилъ милость ему не какъ генералиссимусу, а какъ плѣннику и отпустилъ его въ войско, обѣщая быть на будущее время во всякомъ пріятствѣ и послушаніи: другу—другомъ, недругу—недругомъ». Его пресвѣтлѣйшество «по благоутробію своему» изъявилъ на то согласіе: самъ вывелъ плѣннаго вождя за лагерь, простился съ нимъ дружески, при троекратномъ залпѣ, и поручилъ ротмистру Петру Алексѣеву проводить его до стана. Непріятельское войско встрѣтило своего полководца съ пушечною пальбою; а храбрый ротмистръ, одаренный шпагою, возвратился въ свой станъ.

Ночью пришли къ неприяТЕЛЮ на подкрѣпленіе четыре полка пѣхоты. Онъ снова возгордился и утромъ прислалъ въ нашъ лагерь сказать, что опять хочетъ битвы. «Забылъ онъ оказанную ему милость», отвѣчалъ посланному нашъ генералиссимусъ: «но я на то не смотрю, и войско мое къ бою готово». Конницѣ немедленно приказано выступить, а пѣхотѣ расположиться близъ лагера, потому что и неприяТЕЛЬСКАЯ пѣхота въ тотъ день въ полѣ не было. Сраженіе завязалось около полудня. Съ обѣихъ сторонъ бились «накрѣпко». Мы наконецъ одолѣли, взяли множество знаменъ и загнали неприяТЕЛЯ въ лагерь. Онъ однакожь не унялся и ночью докучалъ намъ безпрестанными тревогами, такъ что мы принуждены были выслать нѣсколько конныхъ ротъ, которыя, разсѣявъ «подъѣздчиковъ», ударили подъ неприяТЕЛЬСКІЙ обозъ у самыхъ рогатокъ, взяли въ плѣнъ 7 человекъ, увели 3 лошади и возвратились въ цѣлости. Въ слѣдующій день войска двинулись другъ на друга; но проливной дождь, не перестававшій ни на минуту, развелъ ихъ. 9 октября было рѣшительное дѣло. Обѣ арміи выступили въ поле на утренней зарѣ. Въ 8 часу неприяТЕЛЬ пошелъ на насъ смѣло, съ твердымъ намѣреніемъ побѣдить или погибнуть, и какъ въ то время поднялся жестокой вѣтеръ, то онъ сталъ заходить правымъ крыломъ, чтобы поставить насъ лицомъ прямо противъ вѣтра, чѣмъ надѣялся приобрѣсть не малую выгоду, при нападеніи. Угадавъ его мысль, нашъ полководецъ велѣлъ своему войску уступить нѣсколько вправо. Этимъ движеніемъ обнажился лѣвый флангъ нашъ, и лагерь остался безъ защиты. НепряТЕЛЬ спѣшилъ воспользоваться нашею олошностью, и полковникъ Турнеръ бросился съ полкомъ своимъ на

наше лагерь, чтобы взять его и разорить. Но пресвѣтлѣйшій генералиссимусъ не замедлилъ поправить свою ошибку: онъ послалъ на Турнера съ праваго фланга нѣсколько ротъ конницы, которыя ударили ему въ тылъ, солдатъ порубили и разсѣяли, а полковника взяли въ плѣнъ съ 4 знаменами.

Видя такую бѣду, вся непріятельская армія всколебалась и съ великимъ крикомъ, всѣми силами, пѣхотою и конницею, наступила на наше войско. Сраженіе сдѣлалось общимъ; но самый упорный бой былъ на лѣвомъ флангѣ, гдѣ генералъ Лефортъ конными и пѣшими полками «съ яростью» напалъ на правое крыло непріятеля, между тѣмъ какъ генералъ Головинъ своею пѣхотою тѣснилъ лѣвое. Тамъ и здѣсь враги стояли крѣпко цѣлые пять часовъ, пока Головинъ не сломилъ лѣваго крыла: тогда уступило и правое. Непріятель обратился, наконецъ, въ бѣгство: наши, быстро преслѣдуя его, отрѣзали ему путь къ лагерю, загнали конницу въ прудъ и порубили пѣхоту, отбили всѣ пушки, знамена, повозки. По окончаніи сраженія, побѣдители долго никакъ не могли найти ни своего, ни чужаго главнокомандующаго: никто не зналъ, куда они дѣвались. Послѣ трехчасовыхъ поисковъ открылось, что пресвѣтлѣйшій генералиссимусъ Фридрихъ, увлеченный своею храбростью, съ немногими людьми, прежде всѣхъ ворвался въ непріятельскій лагерь и тамъ, у шатра, ждалъ своихъ сподвижниковъ; а соперника его нашли кроющагося между «трупамъ».

Войска наши вступили въ станъ враговъ и выстроились передъ патромъ въ два ряда: на правой сторонѣ стала конница, на лѣвой пѣхота; отбитыя знамена и оружіе разложили по дорогѣ между рядами. Генералиссимусъ вошелъ въ шатеръ, ступая по непріятельскимъ клейнотамъ, и, сѣвъ на свое мѣсто, милостиво похвалилъ за храбрость все свое войско. Потомъ велѣлъ привести плѣннаго вождя и, приказавъ ему съ главными начальными людьми стать предъ собою на колѣни, строго выговаривалъ прежнія его неправды.

Плѣнные кланялись въ землю и просили прощенія.

Послѣ того генералиссимусъ отправился въ свой лагерь; войска приѣхтвовали его троекратнымъ залпомъ: первый залпъ былъ, какъ онъ вышелъ изъ шатра; второй, какъ сѣлъ на лошадь; третій, какъ тронулся съ мѣста. Предъ нимъ волокли по землѣ отбитые клейноты: за нимъ вели плѣнныхъ—военачальника на конѣ, прочихъ пѣшкомъ. Прибывъ въ свой лагерь, генералиссимусъ приказалъ всѣхъ начальныхъ людей кормить, самъ былъ при столѣ и пилъ про побѣду съ троекратными залпами. Послѣ пира вышелъ изъ шатра, снова похвалилъ все войско за службу, обѣщалъ награды и, велѣвъ распустить ратныхъ людей по домамъ, самъ отправился въ столичный градъ свой Пресбургъ.

И это дѣло не обошлось безъ ранъ и увѣчья съ обѣихъ сторонъ; а ближній стольникъ, князь Иванъ Дмитріевичъ Долгорукій, родной племянникъ боярина, князя Юрія Алексѣевича, убитаго стрѣльцами въ 1682 году, заплатилъ самою жизнью за воинскій танецъ, какъ называетъ Гордонъ потѣхи царя: жестоко раненный въ правую руку, онъ умеръ на 9 день. Государь жалѣлъ объ его смерти и собственноручно писалъ Ѡ. М. Апраксину: «Противъ сего 15 числа, въ ночи, въ 6 часу, князь Иванъ Дмитріевичъ отъ тяжкія своея раны, паче же изволеніемъ

Божимъ, переселился въ вѣчные крѣвы, по чину Адамову, индѣже и всѣмъ намъ по времени быти. Посемъ здравствуй. Писавый Petrus.»

Натѣшившись вдоволь на сушѣ, Петръ обратился къ любимой стихіи своей, къ водѣ. Съ іюня мѣсяца 1689 года болѣе двухъ лѣтъ онъ, кажется, ни разу не взглянулъ на свои корабли: по крайней мѣрѣ, Гордонъ, тщательно замѣчавшій въ своемъ журналѣ всѣ походы царя, ни слова не говоритъ о поѣздкахъ его къ Переяславлю-Залѣсскому до ноября 1691 года. Чтò удерживало Петра въ Москвѣ, рѣшить трудно; вѣроятнѣе всего—опасеніе тайныхъ приверженцевъ Софіи, которые могли воспользоваться его отсутствіемъ для возмущенія стрѣльцовъ. Между тѣмъ, онъ не забылъ топора, и яхта, спущенная на воду въ Москвѣ весной 1691 года, свидѣтельствовала объ успѣхахъ его въ кораблестроеніи. Не прерывались работы и на озерѣ Плещеевомъ: тамъ трудился Карштень-Брантъ; имъ сооружены два небольшіе фрегата съ тремя яхтами. На южномъ берегу озера, въ двухъ верстахъ отъ города, за селомъ Васковымъ, выстроенъ былъ для приѣздовъ царя деревянный одноэтажный дворецъ съ окнами изъ слюды, расписанный разными изображениями, съ дверями, обитыми для теплоты бѣлымъ войлокомъ, съ двуглавыми на крышѣ орломъ, надъ которымъ блестяя вызолоченная корона. Вправо отъ дворца находилась деревянная церковь Вознесенія Господня; влѣво, на мысу Гремячемъ—батарея. Прямо предъ окнами дворца, на озерѣ, въ значительномъ разстояніи отъ берега, сажень на сто, устроена была на сваяхъ пристань. Лѣтомъ суда стояли у пристани; на зиму отводили ихъ въ Трубежъ, къ мосту близъ церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы, «что при корабляхъ». Тамъ они были безопасны отъ льда, который, по вскрытіи водъ, въ бурное время могъ разбить ихъ въ открытомъ мѣстѣ. Поѣздки Петра къ Переяславлю-Залѣсскому возобновились въ концѣ 1691 года и въ продолженіе зимы повторялись неоднократно. Чтò дѣлалъ онъ тамъ въ зимнее время, когда озеро было покрыто льдомъ и суда стояли на берегу въ сараяхъ? Этого не объясняетъ ни Гордонъ, записавшій всѣ поѣздки царя, ни самъ Петръ, уведомлявшій царицу Наталію Кирилловну о благополучномъ и «изобильномъ пребываніи въ Переяславлѣ на пользу свою». Очевидно однакожъ, онъ не могъ жить тамъ по нѣскольку недѣль безъ важнаго дѣла, и точно: генералиссимусъ, князь Ѳедоръ Юрьевичъ, видя успѣхи его въ строеніи судовъ на Яузѣ, объявилъ ему, какъ уже опытному мастеру, свой «государскій указъ» построить въ Переяславлѣ военный корабль къ веснѣ 1692 года. Петръ взялъ съ собою 16 своихъ учениковъ, трудившихся съ нимъ прежде на Яузѣ, «корабельнаго дѣла мостильщиковъ» (большую часть, кажется, солдатъ Преображенскаго полка), въ томъ числѣ любимаго сержанта Екима Воронина, искуснаго въ щегольномъ (мачтовомъ) мастерствѣ, и собственными руками заложилъ на Переяславской верфи корабль. Онъ такъ ревностно принялся за работу, что не хотѣлъ возвратиться въ Москву для торжественнаго приѣма персидскаго посланника, и царскіе министры, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ и князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, нарочно ѣздили въ Переяславль убѣждать государя въ необходимости обычной аудіенціи, для избѣжанія ссоры съ шахомъ.

Черезъ два дня послѣ приѣма посла, онъ ускакалъ къ своимъ кораблямъ, приказавъ квартирмейстеру Преображенскаго полка, Лукѣ

Хабарову, перевезти изъ Москвы шляпки и карбасы на озеро Плещеево. Тамъ готовилось торжество, доселѣ невиданное и неслыханное въ Россіи, послѣ уже часто повторявшееся и всегда празднуемое Петромъ, какъ день радости и славы, — спускъ корабля. Государь пригласилъ въ Переяславль свою избранную компанію, съ удовольствіемъ показывалъ ей построенныя суда, катался на нихъ по озеру, между тѣмъ неутомимо трудился на верфи, и 1 мая 1692 года, въ шестое воскресенье послѣ Пасхи, первый корабль, сооруженный умомъ и трудами самого царя, благополучно сошелъ на воду. Для полнаго удовольствія Петра не доставало одного: присутствія царицъ. Наконецъ пріѣхали и онѣ со всѣмъ дворомъ въ концѣ іюля 1692 года и цѣлый мѣсяцъ провели въ Переяславлѣ. 1 августа было торжественное водоосвященіе съ крестнымъ ходомъ; недѣли чрезъ двѣ пришли изъ Москвы полки, и начались маневры на сушѣ и на водѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ всѣ воинскія почести отдавались князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому, украшенному, кромѣ прежняго титула генералиссимуса, саномъ адмирала. 14 августа былъ обѣдъ на адмиральскомъ кораблѣ, съ церемонією; 18 числа, рано утромъ, при благоприятномъ вѣтрѣ, флотилія вступила подъ паруса и, переплывъ чрезъ озеро, у противоположнаго берега бросила якорь; противный вѣтеръ задержалъ ее тамъ двое сутокъ; 21 августа она снялась съ якоря и возвратилась къ пристани. Послѣ того настали веселія пиршества. Царица Наталія Кирилловна была, кажется, очень довольна своимъ путешествіемъ, отпраздновала день своего тезоименитства въ Переяславлѣ и не прежде сентября возвратилась въ Москву, не совсѣмъ однакожь здоровою; впрочемъ, болѣзнь ея скоро миновала.

Несравненно болѣе опасеній возбудила болѣзнь самого царя. Отъ чрезмѣрныхъ трудовъ и, вѣроятно, отъ излишнихъ пиршествъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ занемогъ кровавымъ поносомъ, слегъ въ постель и особенно слабъ былъ въ половинѣ декабря, такъ что отчаявались въ его жизни. Любимцы его были въ ужасѣ, зная, что въ случаѣ кончины государя, при неминувомъ господствѣ Софіи, ихъ ждетъ плаха или вѣчная ссылка, и болѣе близкія къ нему лица, Лефортъ, князь Борисъ Голицынъ, Апраксинъ, Плещеевъ, на всякій случай запаслись лошадьми, въ намѣреніи бѣжать изъ Москвы. Провидѣніе сохранило Петра для Россіи. Около Рождества онъ сталъ поправляться и въ концѣ января, еще не совсѣмъ, впрочемъ, здоровый, разѣвжалъ по городу, созывая гостей, въ званіи шафера, на свадьбу нѣмецкаго золотыхъ дѣлъ мастера, распорядился на свадебномъ пиру и безпрестанно подчивалъ гостей напитками; самъ однакожь пилъ мало. Къ масляницѣ онъ совершенно выздоровѣлъ и на Прѣснѣ спустилъ обычный фейерверкъ, изготовленный его собственными руками. Послѣ троекратнаго залпа изъ 56 орудій, вспыхнулъ бѣлымъ огнемъ павильонъ съ вензелевымъ именованіемъ въ голландскихъ буквахъ генералиссимуса, князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго; потомъ явился огненный Геркулесъ, раздирающій пасть льва, между тѣмъ летѣли на воздухъ изъ царскихъ рукъ ракеты. Фейерверкъ заключился роскошнымъ ужиномъ, который продолжался до трехъ часовъ пополуночи. Царица Наталія Кирилловна, очень довольная искуснымъ изображеніемъ Геркулеса, въ награду за труды подарила вѣнценосному фейерверкеру, къ неизвѣстной радости

его, малый сержантскій мундиръ, какъ сержанту Преображенскаго полка.

По окончаніи масляницы Петръ уѣхалъ въ Переяславль и провелъ тамъ великій постъ въ кораблестроеніи; послѣ Пасхи онъ снова отправился туда и ходилъ три плаванья по озеру Плесцеву. Эта поѣздка была послѣдняя: чрезъ два мѣсяца онъ перенесъ свои потѣхи на волны океана и съ тѣхъ поръ посѣщалъ Переяславль-Залѣскій только проездомъ изъ Москвы къ Архангельску, да передъ началомъ Азовскихъ походовъ, для осмотра и выбора орудій въ походную артиллерію. Послѣ того, болѣе 25 лѣтъ не былъ въ немъ ни разу. Суда стояли на берегу Трубежа и, едва прикрытыя ветхими сараями, гнили и разрушались. Въ такомъ состояніи увидѣлъ Петръ свою Переяславскую флотилію въ 1722 году, на пути въ Персію, когда русскій флагъ уже развѣвался по Балтійскому морю. Грустно ему было смотрѣть на разрушеніе трудовъ своей молодости, положившихъ начало морскому дѣлу въ Россіи, и онъ строгимъ указомъ повелѣлъ Переяславскимъ воеводамъ «беречь остатки кораблей, яхты и галеры; «а буде опустите», присовокупилъ государь: «взыскано будетъ на васъ и на потомкахъ вашихъ». Воля его не исполнилась. Изъ всей флотиліи Переяславской уцѣлѣлъ одинъ небольшой ботъ, сбереженный крестьянами села Васькова и съ 1803 года сохраняемый въ особоустроенномъ зданіи подъ надворомъ оставшихъ матросовъ; фрегаты же, яхты и галеры не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ, но не исчезли изъ памяти народной: по дѣдовскимъ разсказамъ, жители Переяславля знаютъ, что когда-то на берегу Трубежа, близъ церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы, въ сараяхъ стояли корабли, и самая церковь доселѣ слыветъ «при корабляхъ». Пмятъ жители Переяславля и спускъ корабля, сооруженнаго трудами самого государя. Шестое воскресенье послѣ Пасхи, когда царь-плотникъ подрубилъ подпоры, и корабль величаво сошелъ въ озеро, при колокольномъ звонѣ и пупочной пальбѣ, до сихъ поръ ежегодно празднуется особымъ торжествомъ: все переяславское духовенство въ полномъ облаченіи, съ св. иконами, хоругвями и крестами, сопровождаемое многочисленною толпою народа, нвогда тысячъ до шести, идетъ изъ Успенскаго собора къ берегу Трубежа, гдѣ нѣкогда стояли корабли, помѣщается здѣсь въ большой плашкоутъ и, при священномъ пѣсногѣніи, съ развѣвающимися хоругвями, выплываетъ на средину Переяславскаго озера; тамъ совершается обрядъ водосвятія, и набожные богомольцы съ умиленіемъ обращаютъ взоръ на югъ, къ ботику Петра Великаго.

XVII. ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКѢ.

(Изъ соч. Н. Полеваго «Обзорніе русской исторіи до единодержавія Петра».)

Юля 4-го 1698 года, говоря матери, что долженъ исполнить обѣщаніе, данное въ болѣзни—посѣтить Соловецкую обитель, Петръ отправился въ Архангельскъ. Съ нимъ были Лефортъ, Ромодановскій, Шенинъ, Нарышкины, Лопухины. Вся свита царская простиралась до ста человекъ. Съ Вологды поплыли по рѣкамъ Сухонѣ и Двинѣ на при-

готовленныхъ для того стругахъ, и 28-го іюля загремѣли пушки на Холмогорской крѣпости, едва показался царскій стругъ изъ-за Куроострова. Царя встрѣтилъ и привѣтствовалъ архіепископъ Аѳанасій. Сей пастырь, умный и просвѣщенный, препроводилъ знаменитаго посѣтителя въ древній городской соборъ съ иконами и благочестнымъ пѣніемъ. Царь въ тотъ же день осматрѣлъ мельницу архіерейскую, огороды, заведенія; послѣ ужина долго гулялъ по Двинѣ въ маленькой шляпкѣ и ночевалъ на стругѣ своемъ. Іюля 30-го колокольнымъ звономъ и пальбою привѣтствовали царя въ Архангельскѣ. Онъ проплылъ черезъ городъ къ устью Двины, гдѣ находится пристань морская между островами, и остановился въ нарочно выстроенномъ для него небольшомъ дворцѣ на Монсеевскомъ островѣ.

Широкая, какъ морской заливъ, Двина, иностранные корабли, коихъ приходило въ Архангельскъ ежегодно до пятидесяти, обращеніе съ иностранными шкиперами и купцами, торговая дѣятельность и самый бытъ жителей, измѣненный сильнымъ вліяніемъ всегдашняго обращенія архангелогородцевъ съ чужеземцами, коихъ уже не считали здѣсь еретиками и, наконецъ, видъ безконечнаго моря—все такъ увлекло и заняло вниманіе царя, что онъ остался въ Архангельскѣ до осени. Ничто не укрылось здѣсь отъ его любопытнаго взора. Въ платьѣ голландскаго морехода осматривалъ царь иностранные корабли, остался на нихъ, ознакомился со всѣми шкиперами ихъ и; въ сопровожденіи многихъ иностранныхъ кораблей, три раза пускался въ море на яхтѣ, построенной къ приѣзду его и названной «Св. Петръ». Царь утверждалъ тогда рисунокъ флага русскаго: образцомъ его избралъ онъ нидерландскій, но только полосы расположены были имъ иначе (красная, синяя и бѣлая). Въ первый разъ возвѣлся тогда на морскихъ волнахъ флагъ Россіи, дотогѣ невиданный. Въ одной изъ морскихъ прогулокъ царь переплылъ черезъ Бѣлое море и достигъ рѣки Поноя, на сѣверномъ берегу его. Весело праздновали съ царемъ русскіе и иностранцы дни именинъ матери его, брата и невѣстки, при пушечной и ружейной пальбѣ. Иногда царь слушалъ обѣдню въ ближайшей къ жилищу его церкви св. Іліи, самъ читалъ Апостолъ, пѣлъ съ дьячками на клиросѣ и послѣ обѣдни заходилъ на водку къ священнику. Не рѣдко угощалъ его архіепископъ Аѳанасій и изумлялся мудрымъ бесѣдамъ юнаго властителя Россіи «о бытѣ не только царскомъ и боярскомъ, но и простыхъ людей, работахъ ихъ, строеніи домовъ и заводовъ, путешествіяхъ по рѣкамъ и морямъ и корабельномъ искусствѣ». Царь встрѣчалъ архипастыря во дворцѣ своемъ съ пальбою и, прощаясь съ нимъ, подарилъ ему свою карету и стругъ съ флагами, между которыми былъ одинъ съ крестами, названный Іерусалимскимъ. Царь самъ провожалъ Аѳанасія, плыль за судномъ его въ лодочкѣ, дорогою ловилъ рыбу, показывалъ въ Архангельскѣ приготовленный для потѣхи *огненный корабликъ* (брандеръ) и зажигалъ ракеты и гранаты, спуская ихъ на Двину съ городского моста. Апраксину приказано было нагружить товарами корабль и отправить въ Голландію въ надежнымъ челоувѣкомъ, порекомендовавъ послѣднему купить въ Амстердамѣ военный корабль и привести его будущей навигаціею въ Архангельскъ.

Царь выѣхалъ въ Архангельскъ 1-го сентября. Изъ Холмогоръ отправилъ онъ свиту свою сухимъ путемъ до Москвы, а самъ съ немно-

гими поплылъ въ корабль до деревни Кочетовой, осмотрѣвши на пути обширныя пильныя и мучныя мельницы Вавчугскія, гдѣ заготавливали для заморскаго отпуска муку и доски. Заботясь объ отправкѣ въ Голландію корабля, царь писалъ о томъ Апраксину съ пути, не забывая и ничтожныхъ мелочей. Приѣздъ царя въ Москву ознаменовался важною новостью: на большомъ пирѣ среди мужчинъ явились женщины—жены и дочери иностранцевъ, и были во дворцѣ танцы. Супруга Петра, вопреки закоренѣлому суевѣрію, участвовала въ неслыханномъ прежде увеселеніи.

Въ началѣ 1694 года тяжкая скорбь поразила сердце Петра: скончалась мать его, царица Наталія. «Не могу извѣщать подробно, но «глухо объявляю скорбь мою», писалъ онъ Апраксину. «Вспоминаю слова «апостола Павла: «не скорбѣть объ умершихъ» и слова Ездры, «что «минувшаго не возвратитъ». Роптать не смѣю, покоряясь тайнѣ непостижимой, и предаю все волѣ Божіей. Будемъ думать о живыхъ, оставя «умершихъ, хотя скорбь моя и требовала бы времени и отдыха».

Не давалъ себѣ отдыха юный царь. Скорбя о кончинѣ матери, тѣмъ болѣе хотѣлъ онъ заглушить эту скорбь трудами, уже свободнѣе располагая всѣми своими предпріятіями, отъ коихъ дотогѣ отвлекали его совѣты и просьбы царицы Наталіи. Немедленно распоряджено было второе путешествіе царя въ Архангельскъ, а въ Москвѣ начали готовиться на осень къ большимъ воинскимъ маневрамъ. «Докладывалъ я его величію, князю Бесарю» (Ромодановскому), писалъ Петръ шутливо Апраксину, «спрашивая его величіе, когда ему угодно будетъ назначить отъѣздъ свой въ Архангельскъ. И онъ изволилъ сказать, что онъ, человекъ смѣлый на войнѣ и къ морскому дѣлу охотникъ, далѣе апрѣля въ Москвѣ не останется. А «братецъ» его (царь разумѣлъ здѣсь самого себя), какъ аенинанинъ, страстенъ къ новостямъ и отъ него отстать не захочетъ. Потому спѣши дѣломъ, а паче заботись о кораблѣ. Клянюсь тебѣ, *блочный мастеръ Питеръ съ товарищами*». Мая 1-го выѣхалъ царь изъ Москвы, проплылъ, не останавливаясь, мимо Холмогоръ и 18-го былъ въ Архангельскѣ. Сюда явился къ нему архіепископъ Аѳанасій и долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ царемъ въ Соловецкій монастырь, хотя и боялся морскаго пути. Передъ отъѣздомъ служили молебень. Царь пѣлъ звучнымъ басомъ съ пѣвчими, и 29-го мая отплылъ съ Аѳанасіемъ и свитою на яхтѣ архіепископской, весьма неудобной и неловкой. Къ ужасу спутниковъ царя, едва выплыла яхта на средину Бѣлаго моря, возстала страшная буря. Тщетно убѣждалъ, ободрялъ другихъ царь. Всѣ отъ страха потеряли голову, молились, плакали, прощались одни съ другими. Не унывалъ только Петръ. Душа его какъ-будто радовалась борьбѣ съ раздраженною стихією. По счастью, на яхтѣ нашелся опытный лодманъ, служитель Соловецкаго монастыря, Антипъ Тимоѣевъ. Видя, что только Антипъ сохраняетъ присутствіе духа, царь обратился къ нему и совѣтовался съ нимъ. Антипъ сказалъ, что осталось одно средство спастись отъ гибели—направить корабль къ ближайшей гавани, Унскіе Рога. Царь велѣлъ отдать ему руль и команду, но не вытерпѣлъ самъ и началъ вмѣшиваться въ распоряженія. — «Поди прочь! »закричалъ разсерженный Антипъ, «я знаю, что дѣлать! Если ты мнѣ отдашь руль, что же ты мѣшаешься въ мое дѣло?» Смиренно отошелъ отъ него царь. Антипъ искусно управилъ

судно къ берегу и счастливо провелъ его среди опасныхъ каменьевъ, коними усѣянъ входъ въ Унскую гавань.—«Помнишь ли, пріятель, какъ ты отпочивалъ меня на морѣ?» смѣясь, спросилъ тогда царь у Антипа. Испуганный лодманъ упалъ къ ногамъ его.—«Нѣтъ, ты былъ правъ, а я виноватъ, вмѣшавшись не въ свое дѣло», отвѣчалъ царь, поцѣловалъ Антипа и подарилъ ему на память свое мокрое дорожное платье. Радостно спѣшили всѣ благодарить Бога въ уединенной Петроминской обители, построенной здѣсь въ XVI-мъ вѣкѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ выкинуло море тѣла двухъ святыхъ соловецкихъ иноковъ. Съ пѣснями духовными встрѣтили нежданнаго гостя игуменъ и монахи и изумились простотѣ обращенія своего великаго гостя. Царь пѣлъ съ ними запросто въ церкви, обѣдалъ за ихъ трапезою и при отъѣздѣ щедро одарилъ обитель. Желая оставить здѣсь память своего пребыванія, онъ вырубилъ огромный деревянный крестъ и самъ вырѣзалъ на немъ надпись голландскую: «Сей крестъ поставилъ капитанъ Петръ 1694 года». На плечахъ своихъ, при пособіи другихъ, отнесъ онъ крестъ къ берегу и водрузилъ тамъ. Донныя хранится сей памятникъ благочестія и пребыванія царя въ Петроминской обители, куда перенесли его въ 1802 году.

Буря утихла, и 6-го іюня царь пустился въ Соловецкій монастырь. Настоятелемъ этого монастыря въ 1694 году былъ архимандритъ Фирсъ. Въ бесѣдѣ съ нимъ, раздѣляя скудную трапезу братіи и вознося ихъ заздравную чашу, провелъ царь цѣлую недѣлю. И здѣсь оставилъ онъ на память крестъ, хранимый донныя въ особой часовнѣ. Щедро одарилъ онъ обитель и не забылъ добродушнаго Антипа, приказавъ навсегда уволить его отъ работъ, подаривши ему 25 рублей и 5 рублей на одежду.—«Я исполнилъ данное мною обѣщаніе поклониться мощамъ угодниковъ, превозлюбленный мой государь, отецъ и братъ!» писалъ Петръ царю Іоанну.

Нетерпѣливо ожидалъ Петръ прихода корабля, купленнаго по его заказу въ Голландіи. Но время не проходило праздно. Царь рѣшился испытать всю морскую службу такъ, какъ испыталъ всю службу сухопутную, и выбралъ себѣ въ учителя искуснаго шкипера голландскаго Виллемсона. Добродушный учитель царскій сначала думалъ, что съ нимъ шутятъ.—«Если хочешь учиться, начинай съ должности пвиббера (каютнаго мальчика), и потомъ будь каютъ-вахтеромъ и матросомъ», сказалъ Виллемсонъ царю, смѣясь.—«А какая пвиббера должность?» спрашивалъ царь.—«Вотъ, пооди, набей мнѣ трубку и принеси водки! Надобно учиться служить другимъ, пока не научишься самъ повелѣвать». Царь бросился послѣшно и исполнилъ приказаніе.—«Хорошо», сказалъ Виллемсонъ, «теперь полѣзай на мачту!» И онъ ужаснулся, когда царь отважно началъ взбираться на самый верхъ мачты. Но Петръ требовалъ продолженія уроковъ и прошелъ съ Виллемсономъ всю службу морскую до офицерскаго чина.

Наконецъ прибылъ давно ожидаемый корабль. Августа 1-го царь пустился на немъ въ море, сопровождаемый иностранными судами. Всю эскадрою начальствовалъ англійскій шкиперъ Іольсонъ. Царь находился бозотлучно при немъ, стоялъ на вахтѣ, изучалъ подробности управленія кораблемъ. Плаваніе простиралось до Св. Носа или устья Бѣлаго моря, и продолжалось 10 дней. Не одна навигація занимала между тѣмъ царя: во время плаванія составлялъ онъ съ Гордономъ,

когого взялъ съ собою въ Архангельскъ, расположеніе маневровъ московскихъ, распредѣлялъ войско, чертилъ планы.

ХVIII. АЗОВСКІЕ ПОХОДЫ.

(Изъ соч. Щербальскаго: «Чтеніе изъ русской исторіи съ исхода XVII вѣка».)

Нѣтъ сомнѣнія, что Петръ замышлялъ (въ 1694 г.) сдѣлать Архангельскъ главнымъ торговымъ и военнымъ портомъ Россіи, не имѣя въ виду другаго. Но скоро ему представился случай устроить портъ на совершенно другомъ концѣ своего царства, въ краѣ плодородномъ, на берегу не столь унылаго моря, какъ Ледовитое. Правда, море это надобно было добывать оружіемъ, но Петръ не отступилъ передъ этимъ затрудненіемъ.

Надобно вспомнить, что договоромъ, заключеннымъ въ 1686 году съ Польшей, мы взаимно обязывались не заключать съ турками и татарами отдѣльнаго мира. Мира и не было заключено, но послѣ двухъ неудачныхъ походовъ Голицына, не одобряемые сильною партіею при дворѣ, они были пріостановлены. Король польскій жаловался на это; мы жаловались, что онъ не поддерживалъ насъ въ предшествовавшія войны, и безплодная переписка по этому предмету продолжалась четыре года. Между тѣмъ, Петръ пришелъ къ той же мысли, которую имѣли царица и Голицынъ: онъ убѣдился, что обладаніе берегами Чернаго моря можетъ быть очень полезно Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, немного нужно было проникательности, чтобъ увидѣть невыгоды Архангельскаго порта, запертаго льдами половину года и находящагося на оконечности скуднаго, печальнаго края. Чтѣ можно было доставлять къ нему Двиной, кромѣ лѣса и льна? Несравненно болѣе предметовъ для торговли могли доставить Волга, Днѣпръ и Донъ. Но Волга впадаетъ въ такое море, въ которомъ торговля не обѣщала большаго развитія въ близкомъ будущемъ и гдѣ не нуженъ былъ военный флотъ, а Днѣпръ только однимъ берегомъ принадлежалъ Россіи (правый берегъ принадлежалъ тогда Польшѣ). За то Донъ имѣлъ на своей сторонѣ всѣ выгоды: онъ протекаетъ по весьма плодороднымъ областямъ, берега его были порядочно населены, и тогдашнія небольшія суда могли весьма удобно плавать по всему его теченію. Но устье его было заперто турецкою крѣпостью — Азовомъ. Надо было, слѣдовательно, взять Азовъ, и Петръ рѣшился возобновить войну.

Крымскіе походы показали, что рать, хотя бы и многочисленная, хотя бы даже очень храбрая, не составляетъ еще всѣхъ условій для успѣха. Военное искусство есть искусство весьма сложное. Петръ имѣлъ въ немъ гораздо больше свѣдѣній, нежели Голицынъ; онъ ввучился у своихъ учителей, московскихъ нѣмцевъ, всему, чему они могли ввучить: онъ позналъ превосходство регулярнаго строя передъ нестройною толпою, научился располагать войско въ бою по всѣмъ правиламъ тогдашней тактики, научился вести осадныя работы и штурмовать укрѣпленія, а управленіе правильно организованными полками, съ которыми онъ постоянно маневрировалъ около Москвы, научило его важному искусству

принимать мѣры къ обезпеченію продовольствія войскъ. По всему этому можно было, казалось, ожидать успѣха въ предстоящемъ походѣ. И точно, онъ былъ веденъ гораздо искуснѣе всѣхъ прежнихъ, а между тѣмъ крѣпостца, которая была бы разбита въ прахъ сотней выстрѣловъ изъ нынѣшнихъ орудій, едва была взята въ два года и стоила намъ много крови.

На 1695 годъ былъ объявленъ походъ, но не противъ Азова, а противъ Крыма: Петръ хотѣлъ скрыть истинную цѣль свою, чтобъ тѣмъ легче овладѣть турецкою крѣпостью. Поэтому въ то время, какъ многочисленная рать стягивалась на южную границу Украины и подъ начальствомъ славнаго въ послѣдствіи Бориса Петровича Шереметева и Мазепы направлялась къ низовью Днѣпра, до 30,000 лучшаго войска — отчасти стрѣleckихъ, но больше солдатскихъ полковъ и гвардіи — были двинуты въ Землю Донскаго казачьяго войска, прилегавшую въ то время къ турецкимъ владѣніямъ. Въ одно время съ движеніемъ этой арміи, по Хопру и Дону плыли сотни барокъ съ провіантомъ, снарядами и артиллеріей.

Въ началѣ іюня открыты были осадныя работы противъ азовскихъ укрѣпленій, и начало ихъ было довольно удачно. Скоро, однако жъ, искусство нашихъ инженеровъ, въ числѣ которыхъ находимъ Тиммермана, оказалось далеко неудовлетворительнымъ. Между начальствомъ была разладаца. Замѣчательно, что въ этомъ походѣ не было общаго начальника, которому всѣ были бы обязаны повиноваться; главныхъ начальниковъ было три: Лефортъ, Гордонъ и Головинъ. Изъ нихъ только Гордонъ былъ хорошо знакомъ съ военнымъ дѣломъ, изучивъ его и изъ книгъ, и изъ опыта, во время долгой службы своей какъ за границей, такъ и у насъ. Лефортъ, хотя и ему случалось обнажать оружіе, ничѣмъ никогда не командовалъ, а Головинъ очень твердо зналъ «воинскій артикулъ» и хорошо командовалъ гвардейскими полками, которыхъ онъ былъ начальникомъ, на ученьяхъ, но о другихъ его военныхъ качествахъ исторія умалчиваетъ. Что касается Петра, то хотя онъ проводилъ дни и ночи въ траншеяхъ, самъ наводилъ орудія и подвергался безпрестаннымъ опасностямъ, и хотя у него было болѣе военныхъ способностей, чѣмъ у всѣхъ трехъ его генераловъ вмѣстѣ, но начальствовать арміей онъ не взялъ на себя: почему? — это трудно сказать. Никто не станетъ утверждать, чтобы скромность и смиреніе были его отличительными чертами: напротивъ, онъ держалъ власть свою чрезвычайно-твердою рукою и зналъ мѣру своихъ необыкновенныхъ способностей; но въ продолженіе всей своей жизни онъ любилъ въ иныхъ случаяхъ отодвигаться на второй планъ и съ удивительной серьезностью разыгрывалъ роль подданнаго и подчиненнаго. Такъ, напримѣръ, считаясь капитаномъ бомбардирской (артиллерійской) роты Преображенскаго полка, онъ получалъ жалованье по этому званію, приказывалъ называть себя то *басомъ*, то-есть корабельнымъ мастеромъ, Петромъ Михайловымъ, то командоромъ, то шаутбенахтомъ (морскіе чины). Всего страннѣе были отношенія его къ князю Ромодановскому, одному изъ его любимцевъ, сановнику честному, но любившему выпить, суровому нравомъ и не отличавшемуся особыми дарованіями. Петръ называлъ его *кесаремъ*, т. е. императоромъ, и это не въ шутку; писалъ къ нему въ письмахъ: *mir her Kenich*, былъ чело-
ломъ, доносилъ рабски, титуловалъ величествомъ, что, однакожъ, не мѣ-

шало ему порой и пригрозить этому кесарю. Такъ, однажды, Ромеда-новскій наложилъ сланикомъ крѣпко свою лапу на одного изъ приближенныхъ Петра. «Зѣбрь», написалъ царь къ нему, узнавъ объ этомъ, «долго-ль тебѣ людей жечь?.. Перестань зѣяться съ *Новиково* (т. е. пить хвѣльное), быть отъ него роки драгой! Такъ и подѣ Азовомъ Петръ приказывалъ называть себя то бомбардиромъ, то «кантонгономъ», но это не мѣшало ему восплать иногда приказанія Лефорту, Галенину и Гордону, а вслѣдъ за тѣмъ опять прикидываться маленькимъ чело-вѣчкомъ и извиняться передъ княземъ Ромедановскимъ за какой-нибудь сдѣланный имъ промахъ.

Между тѣмъ, осада продолжалась; сдѣланы были два штурма, но оба не удалсь; подведенные подъ крѣпость подкопки повредили мѣсто ей, вежели осаждающимъ, а между тѣмъ азовскій гарнизонъ получалъ и продовольствіе, и подкрѣпленія съ моря. Осень наступила; начались въ нашемъ лагерѣ болѣзни, и мы принуждены были снять осаду. Не болыне сдѣлано было и Шереметевымъ съ Мазею на низовьяхъ Днѣпра.

Это, конечно, огорчало, но не смутило Петра и не заставило его отказать отъ намѣренія овладѣть Азовомъ; онъ только съ удвоенною энергіей принялся за приготовленіе новыхъ средствъ, чтобы не всматывать неудачи во второй разъ. Онъ убѣдился, что наши инженеры очень плохи и что многоначаліе на войнѣ не приводитъ ни къ чему доброму; поэтому главнымъ начальникомъ всей осады на слѣдующій годъ былъ назначенъ бояринъ Шениъ, приобрѣтшій нѣкоторую репутацію въ Крымскихъ походахъ, а за искусными инженерами послано въ Германію. Очевидно также было, что Азовъ не будетъ взятъ, пока входъ въ Донъ съ моря не будетъ завертъ и не будутъ отняты у турокъ средства присылать подкрѣпленія и продовольствіе осажденнымъ. Но какъ достигнуть этого? Надобно бы создать флотъ. И Петръ рѣшился создать флотъ въ теченіе осени и зимы.

Мѣстомъ для постройки судовъ былъ назначенъ Воронежъ. Въ городѣ этомъ, окруженномъ въ старое время хорошими лѣсами, издавна велось судостроительное дѣло, потому что оттуда славлялись Дономъ хлѣбъ и другіе предметы, отпускавшіеся изъ Россіи Донскому войску. Но такъ какъ, по соображеніямъ Петра, чтобы запретъ туркамъ входъ съ Азовскаго моря, нужно было построить не менѣе 30 галеръ (судовъ небольшого разиѣра), то воронежскихъ судовщиковъ и плотниковъ не могло быть достаточно. Петръ не затруднился этимъ: «*Min her gubergog Aghangel*», писалъ онъ Апраксину, «съ консилія господъ генераловъ *указано мнѣ* къ будущей войнѣ дѣлать галекъ (родъ галеръ),— для чего удобно, мню, быть шхиптимерманамъ (корабельнымъ мастерамъ) всѣмъ отъ насъ сюды». Они должны были прибыть въ Воронежъ къ веснѣ, а въ теченіе зимы приказано было заготовить потребное количество лѣса, желѣза и другаго матеріала для постройки и оснастки судовъ. Петръ поворачивалъ дѣло не по старинному: все кипѣло у него въ рукахъ, все шевелилось вокругъ него.

Подавая примѣръ дѣятельности—качества, вовсе незнакомаго старинной Руси, онъ еще въ концѣ зимы больной прискакалъ изъ Москвы въ Воронежъ и принялся самъ за топоръ и за циркуль: «*Мы по приказу Пожію къ праотцу нашему Адаму*», писалъ онъ Стрѣшневу, «въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой». За то къ апрѣлю тридцать галеръ было готово.

Въ началѣ 1696 года къ азовскимъ укрѣпленіямъ снова сдвигались наши полки и плыли новоустроенныя галеры. По прошлогоднему предположенію, онѣ, дѣйствительно, заняли такъ называемыя Донскія гирлы (устья); нѣсколько турецкихъ кораблей попробовали-было подойти къ Азову, но принуждены были повернуть назадъ, причемъ два изъ нихъ, сѣвши на мель, были сожжены. Что касается до самой крѣпости, то по ней была открыта жестокая канонада ядрами и бомбами, продолжавшаяся нѣсколько недѣль, послѣ чего гарнизонъ рѣшился положить оружіе.

Радость Петра была неописанна. «Нынѣ со святымъ Павломъ радуйтесь о Господѣ и, паки реку, радуйтесь», писалъ онъ въ Москву, извѣщая о сдачѣ Азова; а Ромодановскій, также серьезно входившій въ свою роль «государя» и «кесаря», какъ Петръ въ роль бомбардиръ-капитана, отвѣчалъ ему съ тяжелою флегмой: «за усердное къ Богу моленіе и за мудрое надъ бусурманами снисканіе ко взятію Азова похваляемъ адмирала (Лефорта), генераловъ, всѣхъ начальныхъ людей, пѣхоту и тебя, каптейна».

И въ старину случилось нашимъ воеводамъ брать укрѣпленные города, подобно Азову; но тогда вся ихъ награда состояла въ шубѣ съ царскаго плеча, кубкѣ, нѣсколькихъ пригоршняхъ червонцевъ, которые имъ жаловалъ царь, да «въ милостивомъ его словѣ». Теперь Петръ желалъ, чтобы побѣда надъ турками имѣла видъ общественнаго торжества, и приказалъ устроить въ Москвѣ для возвращавшихся войскъ триумфальную встрѣчу. При въѣздѣ съ Замоскворѣчья на Каменный мостъ (построенный при царевнѣ), были поставлены триумфальныя врата, украшенныя гербами, арматурами, изображеніемъ славы, статуями, представлявшими торжество русскихъ надъ турками; надъ изображеніемъ послѣднихъ были написаны слѣдующіе стихи:

Ахъ, Азовъ мы потеряли
И тѣмъ бѣдство себѣ достали.

Нептунъ, властитель морей, гласилъ: «Се и азъ поздравляю взятіемъ Азова и вамъ покоряюсь».

30-го сентября (1696 г.) началось торжественное шествіе. Солдатскіе и стрѣльцкіе полки съ развѣвавшимися знаменами, главные начальники въ парадныхъ экипажахъ, духовенство съ хоругвями и иконами, плѣнные турки и татары, отбитые у нихъ значки, бунчуки и другіе трофеи слѣдовали установленнымъ порядкомъ подъ звуки музыки и при стеченіи народа. Въ триумфальномъ же шествіи вели одного иностранца, перебѣжавшаго изъ нашей службы къ туркамъ и попавшаго въ плѣнъ: онъ былъ прикованъ къ телѣгѣ, на которой утверждена была висѣлица и разложены орудія пытки... Что касается до царя, то онъ шелъ пѣшкомъ въ мундирѣ морскаго капитана за экипажемъ адмирала Лефорта. Москва дивилась невиданному зрѣлищу. Государь надѣялся, что оно поможетъ врѣзать въ народную память побѣду, отъ которой онъ ожидалъ обширныхъ послѣдствій.

Какихъ же послѣдствій могъ Петръ ожидать отъ овладѣнія довольно, впрочемъ, незначительною турецкою крѣпостцой?

Донъ протекалъ по самымъ плодороднымъ и населеннымъ мѣстамъ Россіи и, между тѣмъ, не приносилъ почти никакой пользы, потому что

по немъ не производилось ничтн внешней торговли, именно отъ того, что у всякаго было дома все свое, что всякій самъ производилъ все ему необходимое. Но какъ скоро Азовъ пересталъ бы заперать путь Дону и открылось бы сообщеніе прикаспійскихъ областей съ моремъ, а посредствомъ его и съ другими отдаленными странами, — дѣло было бы совершенно иное. Въ Турціи, въ Итали, во Франціи нитъ случится нужды; могли тамъ потребоваться нитъ, шелка, вина, лѣсъ и другіе предметы, которые были у насъ въ изобиліи. У насъ объ избыткѣ у насъ нужныхъ имъ произведеній и о томъ, что необходимо открыть свободный путь въ Россію, турецкіе, итальянскіе и французскіе купцы сами бы прибавлять къ намъ и закупали бы у насъ хлѣба, льну, шерсти, кожи, лѣсу и пр. Мы отдали бы имъ всѣ эти продукты, съ которыми не знали, что дѣлать дома, и получили бы вмѣстѣ нитъ хлѣба, въ которыхъ сами нуждались, — напримеръ, сукно, виноградныя вина, оружіе и проч., либо взяли бы деньги, на которыхъ могли бы купить все, чего у насъ не доставало. Таковы были тѣ обширныя послѣдствія, которыхъ Петръ ожидалъ отъ овладѣнія Азовомъ. Къ этому порту должны были Черныи моремъ приходить иностранныя корабли и къ нему же Донуи должны были русскіе сплавлять свои произведенія. Звѣсь, конечно, должно было образоваться средоточіе торговли флота Россіи и ея морской военной силы.

Но Черное море было во владѣніи турокъ, восточнѣ владѣніи и Керченскимъ проливомъ; Азовъ окружали земли Крымскаго хана; напю новое владѣніе могло, слѣдовательно, безостаново подвергаться нападению и съ суши, и съ моря. Притомъ случаются нападенія, положимъ, мы могли бы оборониться: стоило сдѣлать укрѣпленія, да поставить за ними достаточное число войскъ. Но какъ оборониться съ моря? Для этого необходимо былъ флотъ, а у насъ были только небольшія галеры, приспособленныя для плаванія въ Дану, которые не могли выйти въ открытое, бурливое море. Нада, слѣдовательно, было соорудить военный флотъ.

ХІХ. СООРУЖЕНІЕ ФЛОТА.

(Изъ Исторіи царствованія Петра В., Устрялова.)

Со времени потѣшныхъ походовъ на Бѣломъ морѣ Петръ, по собственнымъ словамъ его, «всю мысль свою уклонилъ къ строенію флота». Подъ Азовомъ онъ убѣдился окончательно, что только морскія силы могутъ дать перевѣсъ его государству въ войнѣ съ Турціею. Уверенно до неистовства при защитѣ крѣпостей, грозиле на сушѣ необузданною храбростію янычаръ, турки, очевидно, робѣли на морѣ. Царь не могъ забыть постыднаго бѣгства цѣлой эскадры ихъ отъ казачьихъ лодокъ и самъ былъ свидѣтелемъ, съ какими страхомъ смотрѣлъ турецкій адмиралъ на русскія галеры, какъ долго не смѣлъ послать помощь стѣсненному Азову, какъ рѣшился, наконецъ, подойти къ Довскому устью, но едва замѣтилъ на нашихъ галерахъ сигналъ «слиться съ якоря», быстро повернулся назадъ и ушелъ въ море. Если влоскодонныя суда

наводили панический ужасъ на цѣлую эскадру, чего нельзя было сдѣлать съ корабельнымъ флотомъ? Петръ имѣлъ право думать, что затрепещетъ султанъ въ самомъ Стамбулѣ, какъ скоро русскій флагъ взвѣется на водахъ Черноморскихъ, и онъ возвратился изъ-подъ Азова въ Москву съ твердымъ намѣреніемъ построить въ одинъ годъ не менѣе 50 военныхъ кораблей, отъ 24 до 30 пушекъ, съ немалымъ числомъ галеръ и судовъ бомбардирскихъ. Столь огромное предпріятіе требовало и способъ чрезвычайныхъ: царь нашелъ ихъ въ своемъ народѣ. Въ началѣ ноября 1696 года бояре и палатные люди приглашены были въ Преображенское, для великаго царственнаго дѣла, для присканія средствъ къ безотлагательному сооруженію флота. Царская дума, убѣжденная доводами государя въ необходимости сей мѣры, постановила: возложить строеніе кораблей на помѣщиковъ и вотчинниковъ, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чина, на гостей и людей торговыхъ, на посады и слободы, не исключая и бѣломѣстцевъ, съ тѣмъ, чтобы владѣльцы духовные съ 8000 крестьянскихъ дворовъ, а свѣтскіе съ 10000 выстроили по барколону или по кораблю, оснащенному и вооруженному, не позже апрѣля мѣсяца 1698 года, гостямъ же, людямъ торговымъ, посадскимъ и бѣломѣстцамъ, всѣмъ въ совокупности, къ тому же сроку изготовить 12 судовъ бомбардирскихъ, подъ наказаніемъ виновныхъ въ несправности потерю животвъ и дворовъ. Помѣщики и вотчинники, имѣвшіе не менѣе 100 дворовъ крестьянскихъ, обязаны были въ теченіе мѣсяца, къ 1-му января 1697 года, явиться въ Москву въ Помѣстный приказъ для корабельной раскладки, кому съ кѣмъ быть въ кумпанствѣ, подъ опасеніемъ за ослушаніе отписки имѣнія на государя; владѣльцы мелкопомѣстные должны были внести по полтинѣ съ двора въ два срока; гостямъ предоставлено избрать изъ среды ихъ надежныхъ людей для денежныхъ сборовъ и расходовъ по исправленію корабельной повинности—павшей на ихъ долю. Помѣщики и вотчинники, призванные къ сооруженію флота, не замедлили явиться въ Москву и составили кумпанства, духовные съ духовными, свѣтскіе съ свѣтскими. По дѣламъ архивовъ морскаго министерства, вотчиннаго департамента въ Москвѣ и губернскаго правленія въ Воронежѣ, извѣстны 19 кумпанствъ духовныхъ и 42 свѣтскихъ.

По раскладкѣ корабельной повинности и по образованію кумпанствъ, все дѣло о постройкѣ судовъ передано изъ Помѣстнаго приказа въ Судный Володимерскій, въ вѣдѣніе окольничаго, Александра Петровича Протасьева, который до конца 1698 года былъ главнымъ распорядителемъ сооруженія флота, но далеко не оправдалъ довѣренности государя: онъ оказался взяточникомъ. Судный Володимерскій приказъ, сообщивъ во всѣ кумпанства подробныя росписи: какой величины строить имъ суда, съ какимъ числомъ орудій, сколько поставить плотниковъ, кузнецовъ и другихъ рабочихъ людей,—предписалъ немедленно заготовлять матеріалы лѣсные и желѣзные по даннымъ чертежамъ, съ тѣмъ чтобы корабельные мастера, нанятые за границею, могли приступить къ закладкѣ и постройкѣ судовъ тотчасъ по прибытіи въ Россію. Для заготовленія лѣсныхъ матеріаловъ отведены были казенныя дачи по Воронежю, отчасти по Хопру и по Дону; желѣзо, канаты, полотно, орудія, снаряды, все, что необходимо для оснастки и вооруженія судовъ, кумпанства должны были покупать на свой счетъ, также нанимать рабо-

чихъ и платить мастерамъ жалованье. Верфи разрѣшено учредить подъ Воронежемъ, въ подгородной слободѣ Чижевкѣ, выше города въ 20 верстахъ, въ селѣ Чертовницкомъ, на пристаняхъ Романской, Ступинской, также по Хопру и по Дону.

Ближайшій надзоръ за работами порученъ Францу Тиммерману, извѣстному наставнику Петра въ математикѣ, и главному инженеру его при первой осадѣ Азова, Августу Мееру, строившему съ царемъ галеры для втораго Азовскаго похода, и двумъ вызваннымъ изъ-за границы въ 1696 году корабельнымъ капитанамъ, Симону Петерсену и Якову Моро: перваго нанялъ въ Даніи, съ согласія короля, датскій въ Москвѣ резидентъ Бутенантъ фонъ-Розенбушъ; втораго прислалъ, по просьбѣ царя, венеціанскій сенатъ. Строеіе компанейскихъ судовъ производилось большею частью подрядомъ; въ Москвѣ проживали многіе сметливые иноземцы, промышленавшіе разными оборотами и теперь предложившіе кумпанствамъ свои услуги, чтобы тысячъ за десять и болѣе избавить ихъ отъ хлопотъ. Изъ числа сихъ подрядчиковъ извѣстны по дѣламъ Воронежскаго архива: въ кумпанствахъ святѣйшаго патріарха и Ростовскаго митрополита Андрей Бутенантъ фонъ-Розенбушъ, датскій резидентъ; въ Казанскомъ кумпанствѣ Елизарій Избрантъ, голштинецъ, лично извѣстный Петру, незадолго предъ тѣмъ возвратившійся изъ Китая, куда царь посылалъ его для устройства торговыхъ дѣлъ, впрочемъ безъ успѣха; но самымъ главнымъ подрядчикомъ былъ Францъ Тиммерманъ, управлявшій дѣлами кумпанствъ Одоевского, Черкаскаго, Прозоровскаго, Салтыкова, Троекурова, Вологодскаго архіепископа, Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря и другихъ.

Корабельные мастера вызваны были изъ Венеціи, Даніи, Швеціи и Голландіи. О наймѣ ихъ царь распорядился еще заблаговременно. Еще изъ-подъ Азова, прежде покоренія его, въ іюлѣ 1696 года, онъ просилъ венеціанскій сенатъ, «для пользы общей христіанской войны, прислать въ Москву 13 добрыхъ судовыхъ мастеровъ, которые умѣли бы строить всякія суда воинскія и морскія», обнадеживая ихъ царскою милостію, жалованьемъ, приврѣніемъ, и обѣщая свободный отпускъ безъ задержанія, когда захотятъ возвратиться въ отечество. Сенатъ поручилъ «магистрамъ кораблестроенія» выбрать изъ государственнаго арсенала и изъ частныхъ верфей лучшихъ мастеровъ, и отправилъ ихъ въ Вѣну, для договора съ русскимъ посланникомъ, Нефимоновымъ. «Венеційскіе художники» запросили жалованья по червонцу въ день, не исключая правдниковъ, и 1500 червонцевъ на путевыя издержки, съ тѣмъ еще, чтобы кормить и поить ихъ въ Москвѣ довольно, сколько потребуютъ. Нефимоновъ убѣдилъ ихъ положиться во всемъ на милость государя, который жалуетъ, кто чего достоинъ, смотря по службѣ и работѣ. Они пріѣхали въ Москву въ январѣ 1697 года съ капитаномъ Моро и такое показали искусство, особенно въ постройкѣ галеръ, что царь, по окончаніи работъ, отпуская ихъ въ отечество, изъявилъ живѣйшую признательность венеціанскому сенату.

Другіе мастера вызваны были изъ сѣверныхъ приморскихъ государствъ Францемъ Тиммерманомъ, который, для найма ихъ, разослалъ съ царскими грамотами и съ своими зазвными листами дѣятельныхъ агентовъ: въ Голландію—торговаго челоувѣка Іоганна Старка, въ Швецію и Данію—Петра Балтуса. По письмамъ его выѣхали въ Россію, въ первой половинѣ

1697 года, не менѣе 50 мастеровъ корабельныхъ, парусныхъ, канатныхъ, якорныхъ, въ томъ числѣ 27 голландцевъ, 19 шведовъ и датчанъ. Всѣ они, по мѣрѣ прибытія, немедленно отправляемы были въ Воронежъ, гдѣ окольный Протасьевъ распредѣлялъ ихъ по кумпанствамъ, хлопотавшимъ надъ постройкою судовъ къ назначенному сроку. Для лучшаго поясненія, какимъ образомъ производилось многосложное и многотрудное дѣло сооруженія флота, предложимъ нѣсколько подробностей изъ современныхъ актовъ о дѣйствіяхъ кумпанства Казанскаго.

Казанскому кумпанству предписано было отъ Суднаго Володимерскаго приказа построить на Воронежѣ и спустить на воду къ апрѣлю мѣсяцу 1698 года 26 пушечныхъ барколонъ на 200 человекъ экипажа, длиною 115 футовъ, шириною 21 футъ, ходу въ водѣ 7 футовъ, да къ нему ушкалъ (ботъ) на 24 человека и малое судно (шлюпку). Пушки назначены чугуныя, длиною по 6 футовъ, въ томъ числѣ 2 шестифунтовныя, 18 четырехфунтовыхъ и сверхъ того 6 малыхъ дробовыхъ. Для строенія судна, кумпанству велѣно подрядить и прислать на Воронежъ корабельнаго мастера съ подмастерьемъ и двумя плотниками изъ иностранцевъ, двухъ кузнечныхъ мастеровъ также изъ иноземцевъ, 4 кузнецовъ русскихъ, 60 плотниковъ самыхъ добрыхъ, столяра, маляра, лекаря, пять толмачей и достаточное число рабочихъ, кромѣ плотниковъ. При указѣ приложена роспись матеріаламъ, припасамъ, снарядамъ, необходимымъ для постройки, оснастки и вооруженія барколона, съ чертежами и размѣромъ кріуль, долженствовавшихъ служить ему основой.

Кумпанщики приговорили мастеровыхъ и рабочихъ, распорядились рубкою лѣса въ отведенныхъ имъ казенныхъ дачахъ, заготовили предписанные матеріалы и приставили къ постройкѣ судна монастырскихъ стряпчихъ; дѣло однакожъ не ладилось: протекло полгода отъ обнаруженія царскаго указа, истрачено слишкомъ 1600 рублей, а барколонъ еще не былъ и заложенъ. Опасаясь пени и гнѣва государева въ случаѣ неисправности, Казанское кумпанство, по примѣру другихъ, отдало строеніе барколона на подрядъ Елизарію Избранту и заключило съ нимъ въ іюнь мѣсяцѣ 1697 года рядную запись, которою онъ обязался: выстроить барколонъ съ ушкаломъ и малымъ судномъ, спустить на воду, оснастить, вооружить и сдать царскимъ пріемщикамъ подъ росписку, не доводя кумпанства до гнѣва государева, въ апрѣлѣ 1698 года, съ уплатою ему 4000 рублей въ 6 мѣсяцевъ, а достальныхъ 5000 рублей по окончаніи постройки. Къ указанному сроку барколонъ былъ готовъ; строилъ его голландскій корабельный мастеръ, подъ главнымъ надзоромъ Франца Тиммермана, Класъ Кокъ; жалованье ему производилось съ кормовыми по 14 рублей въ мѣсяцъ.

Дѣло тѣмъ, однакожъ, не кончилось: когда барколонъ былъ уже въ отдѣлкѣ, послѣдовало царское повелѣніе съ двухъ кумпанствъ сдѣлать еще по одному кораблю, и Судный Володимерскій приказъ предписалъ кумпанствамъ Казанскому и Вологодскому на общій ихъ счетъ построить складной 14 пушечный барколонъ съ ушкаломъ и лодкою, со всѣми судовыми снастями и военными припасами. Елизарій Избрантъ взялъ на подрядъ и это судно за 9400 рублей. Мало того: въ послѣдствіи, по разсужденію вице-адмирала (Крейса), признано необходимымъ дополнить и усилить какъ оснастку, такъ и вооруженіе всѣхъ вообще компанейскихъ судовъ, съ значительною поправкою и передѣлкою въ

самомъ корпусѣ, и на долю Казанскаго купанства къ его собственному барколону досталось прибавить 38 пушекъ чугунныхъ (въ томъ числѣ 26 восьмифунтовыхъ, 12 двухфунтовыхъ) и 6 небольшихъ мѣдныхъ, со множествомъ снарядовъ и снастей, такъ что онъ принялъ видъ 58-пушечнаго фрегата. Такимъ же образомъ производились работы и въ прочихъ купанствахъ; одни изъ нихъ строили суда голландскимъ размѣромъ, другія датскимъ. Троицкія власти и гости взяли себѣ мастеровъ венеціанскихъ. Датскую методи мы предпочитали голландской, и окольный Протасъевъ съ великимъ трудомъ—частью ласками, частью угрозами—заставилъ голландскихъ мастеровъ слушаться датскаго капитана Петерсена. Въ одно время съ компанейскими барколонами предназначено было построить отъ 10 до 12 военныхъ кораблей на счетъ казны. Для вооруженія ихъ шведскому въ Москвѣ комиссару или резиденту Книперъ-Крону поручено было приторговать въ Стокгольмѣ 600 готовыхъ чугунныхъ пушекъ. Узнавъ о томъ, шведскій король Карлъ XI, въ доказательство участія своего къ успѣхамъ христіанскаго оружія въ войнѣ съ турками, назначилъ россійскому государю въ даръ 300 пушекъ; но за кончиною отправить ихъ не успѣлъ. Онѣ присланы преемникомъ его, Карломъ XII, лѣтомъ 1697 года, въ Нарву съ королевскимъ дворяниномъ, Карстеномъ Клингенштерною; длиною были отъ 2¹/₂ до 2³/₄ аршинъ, ядромъ отъ 3 до 3¹/₂ фунтовъ, вѣсомъ вообще до 10000 пудовъ. Зною перевезли ихъ изъ Нарвы въ Москву, а оттуда въ Воронежъ на 600 подводкахъ. Остальные триста орудій подрядился отлить въ Стокгольмѣ искусный мастеръ Еренкрейцъ, и 100 изъ нихъ, по 9 и по 10 фунтовъ ядромъ, также доставлены въ 1698 году въ Москву. Мѣсто для корабельной гавани на Азовскомъ морѣ, послѣ тщательнаго измѣренія устьевъ Дона, назначено рѣшительно при Тагань-Рогѣ; для устройства ея, по плану цесарскаго инженера де-Лавала, наряжено 20000 служилыхъ людей изъ украинскихъ городовъ, подъ вѣдѣніемъ думнаго дворянина Щепина. Въ защиту гавани предназначено соорудить крѣпость на Тагань-Рогѣ, во имя св. Троицы. Заботливость царя о будущемъ флотѣ на Азовскомъ морѣ тѣмъ не ограничилась; отъ него не могло укрыться, какъ затруднительна будетъ доставка снарядовъ и припасовъ въ столь отдаленный край изъ внутреннихъ областей Россіи, и онъ придумалъ удобнѣйшій къ перевозкѣ тяжестей путь, повелѣвъ инженерному полковнику Брюкелю прорыть каналъ, съ устройствомъ шлюзовъ, между Иловлею и Камышенкою, для соединенія Волги съ Дономъ; 35000 человекъ изъ посошныхъ людей низовыхъ городовъ велѣно князю Борису Алексѣвичу Голицыну отрядить къ Брюкелю на шлюзное дѣло. «Тако» — говоритъ Петръ — «началось новое въ Россіи дѣло: строеніе великимъ издвигеніемъ кораблей, галеръ и прочихъ судовъ. И дабы то вѣчно утвердилось въ Россіи, умыслилъ государь искусство дѣла того ввести въ народъ свой, и того ради многое число благородныхъ послалъ въ Голландію и инія государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго». Съ этою цѣлью, на первый разъ, онъ назначилъ отправить 50 комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ; изъ нихъ 28 въ Италію, преимущественно въ Венецію, и 22 въ Англію и Голландію. Всѣ они принадлежали къ знатнѣйшимъ въ то время фамиліямъ, и многіе въ послѣдствіи, въ царствованіе Петра, прославились на поприщѣ дипломатическомъ, военномъ, гражданскомъ (хотя ни одинъ не отличился

на морѣ). Въ числѣ ихъ находились: князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, будущій посолъ въ Парижѣ; князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ, первый посолъ въ Вѣнѣ; графъ Петръ Андреевичъ Толстой, полномочный посолъ въ Константинополь, и другіе. Кромѣ того, Абрамъ Ѳедоровичъ Лопухинъ, родной братъ царицы Евдокіи; Владиміръ и Василій Петровичи Шереметевы, братья знаменитаго фельдмаршала; Михайло Борисовичъ, сынъ его; князь Ѳедоръ Алексѣевичъ Голицынъ, родной братъ царскаго любимца; князь Юрій Юрьевичъ Трубецкой, сынъ знатнаго боярина и воеводы Юрія Петровича; князь Михайло Оболенскій, князь Иванъ Шаховской, князь Ѳедоръ Волконскій, князь Иванъ Урусовъ, Салтыковы, Бутурлины, Милославскіе, Соковнины. При каждомъ столычнѣ велѣно быть по одному солдату, какъ для изученія морскаго дѣла, такъ, вѣроятно, и для надзора за прилежаніемъ баричей, которымъ объявлено, чтобы они и не думали возвращаться въ Россію безъ письменнаго свидѣтельства заморскихъ капитановъ въ основательномъ изученіи кораблестроенія и мореплаванія, подъ страхомъ потери всего имущества. Не безъ горя и не безъ слезъ отправлялись наши царедворцы въ дальніе края, гдѣ не бывали ни отцы, ни дѣды ихъ, для дѣла мудренаго, тягостнаго, несообразнаго ни съ званіемъ ихъ, ни съ наклонностями, и тѣмъ болѣе труднаго, что едва ли кто изъ нихъ понималъ какой-либо языкъ иностранный. Большею частью, они были женаты, имѣли дѣтей, и легко вообразить, сколько плачущихъ оставалось въ Москвѣ. Конечно, не было ни одного знатнаго дома, гдѣ-бы не тужили и не сѣтовали о долговременной разлукѣ съ родными и ближними, обреченными учиться ремеслу матросскому. Многіе, сверхъ того, роптали на посланку молодыхъ царедворцевъ въ еретическія земли и не знали наконецъ, что уже и думать, когда разнеслась вѣсть о поѣздкѣ за море самого царя.

XX. ПУТЕШЕСТВІЕ ПЕТРА ЗА ГРАНИЦУ.

(Изъ «Исторіи Россіи», Соловьева.)

Чѣмъ болѣе новаго необходимаго дѣла, тѣмъ больше нужды въ иностранцахъ, которыхъ надобно вызывать толпами. Долго ли же такъ будетъ? неужели надобно оставаться во всегдашней зависимости отъ иностранцевъ? Необходимо, чтобы русскіе выучились, но какъ это сдѣлать? иностраннымъ мастерамъ некогда учить, они для другаго дѣла призваны, а главное—учителя остались въ своихъ земляхъ, не могли заморскія земли выслать въ Россію лучшихъ своихъ людей, надобно было, слѣдовательно, послать русскихъ за границу учиться; дѣло не новое, бывшее уже при Годуновѣ; тогда опытъ не удался, посланные не захотѣли возвратиться на родину, но теперь другія условія,—возвратятся. «Началось новое въ Россіи дѣло: строеніе великимъ издвигеніемъ кораблей, галеръ и прочихъ судовъ. И дабы то вѣчно утвердилось въ Россіи, умыслилъ государь искусство дѣла того ввести въ народъ свой и того ради многое число благородныхъ послать въ Голландію и иныя государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго». Пять-

десять комнатныхъ столбниковъ и спальниковъ отправлены были съ этою цѣлью за границу: 28 въ Италію, преимущественно въ Венецію, 22 въ Англію и Голландію. Молодые придворные были посланы учиться за границу: но какъ они тамъ будутъ учиться и у кого? и какъ потомъ узнать, хорошо ли они выучились и къ чему способны? Надобно, чтобъ кто-нибудь прежде нихъ тамъ выучился, все узналъ, и ктожь могъ быть этотъ человѣкъ, какъ не самъ шкиперъ, бомбардиръ и капитанъ—Петръ Алексѣевъ? При поворотѣ народа на новый путь, самодержавный царь, одаренный необыкновенными силами духа, взялъ на себя руководство. Выучиться у иностранцевъ тому, чѣмъ они превосходили русскихъ—сдѣлалось главною цѣлью, ясно сознанною, и Петръ началъ дѣло уже въ Россіи: его шкиперство, бомбардирство и капитанство показываютъ это прямо; выучиться въ Россіи нельзя, надобно ѣхать за границу—и Петръ поѣдетъ туда, поѣдетъ не какъ царь, но какъ ученикъ, какъ корабельный плотникъ, ибо его посланничество другое: онъ—великій человѣкъ, начальникъ новаго общества, начальникъ новой исторіи своего народа. Надпись на печати писемъ Петровыхъ, присылаемыхъ изъ-за границы, говорила: «Азъ бо есмь въ чину ученикъ и учащихся мя требую». Чему же будетъ Петръ особенно учиться за границею? Корабельному искусству, ибо это была его страсть, которая оправдывалась тѣмъ, что достиженіе моря было завѣтною цѣлью Россіи XVI и XVII вѣка, было царственнымъ преданіемъ для Петра; кромѣ того, въ настоящую минуту Петръ сознавалъ, что только моремъ можно съ успѣхомъ воевать противъ турокъ.

Тайственный голосъ, который нашептывалъ вождямъ германскихъ варваровъ: «Римъ, Римъ!» и неудержимо влекъ ихъ къ столицѣ образованнаго міра, путешествіе въ Константинополь русской Ольги, мудрейшей изъ женъ, и путешествіе на западъ Петра—суть явленія одинаковыя, въ которыхъ выражается неодолимое стремленіе нецивилизованныхъ, но историческихъ, благородныхъ народовъ къ цивилизаціи. Что относительно Петра тайственный голосъ замѣнялся явнымъ голосомъ Лефорта—это нисколько не измѣняетъ дѣла: Петръ поѣхалъ бы за границу и безъ Лефорта, точно такъ же, какъ сдѣлался бы мореплавателемъ и устройтелемъ флота безъ нахождения ботика боярина Никиты Романова; но и Лефортъ съ его увѣщаніями къ заграничной поѣздкѣ и къ Азовскому походу вмѣсто путешествія на Каспійское море, и ботикъ, послужившій первымъ побужденіемъ къ кораблестроенію, суть явленія засвидѣтельствованныя, и мы не станемъ отстранять ихъ, ибо повсюду отмѣчаемъ въ исторіи общія движенія и стремленія, и частныя побужденія, одинаковыя для великихъ и невеликихъ людей. Неизвѣстно, кѣмъ придумана была форма поѣздки царя за границу: онъ отправлялся въ свитѣ великаго посольства, назначеннаго къ цесарю, королямъ англійскому и датскому, къ папѣ римскому, къ голландскимъ штатамъ, къ курфирсту бранденбургскому и въ Венецію. Тутъ достигались двѣ цѣли: Петръ могъ сохранять инкогнито и учиться, а гдѣ нужно—направлять переговоры о союзѣ противъ Турціи, объ условіяхъ войны или мира съ нею, и лично объясняться съ государями и министрами. Цѣлью посольства было прямо объявлено «подтверженіе древней дружбы и любви, ослабленіе враговъ креста Господня, салтана турскаго, хана крымскаго и всѣхъ бусурманскихъ ордъ»: слѣдовательно,

посольство должно было прежде всего направиться въ Вѣну, гдѣ долженъ былъ рѣшиться вопросъ турецкій; но царскій посланникъ въ Вѣнѣ, Нефимовъ, донесъ, что вопросъ рѣшенъ, съ цесаремъ и Венеціею заключенъ имъ наступательный и оборонительный союзъ противъ турокъ на три года; это позволяло перемѣнить направление пути и отправиться прямо въ западныя поморскія государства для изученія корабельнаго дѣла. Великими полномочными послами были назначены: генералъ и адмиралъ, намѣстникъ новгородскій Францъ Яковлевичъ Лефортъ, генералъ и воинскій комиссарій, намѣстникъ сибирскій Оеодоръ Алексѣевичъ Головинъ и думный дьякъ, намѣстникъ бѣлевскій Прокофій Богдановичъ Возницынъ; при нихъ—болѣе 20 дворянъ и до 35 волонтеровъ, между которыми былъ Преображенскаго полка урядникъ Петръ Михайловъ. Правительство въ отсутствіе царя оставалось, какъ было при немъ: на старыхъ мѣстахъ прежнія лица; кто былъ прежде вліятельнѣе другихъ, тотъ оставался и теперь съ тѣмъ же вліяніемъ; это было тѣмъ легче, что и до заграничной поѣздки царь былъ почти въ постоянномъ отсутствіи, и къ боярскому управленію привыкли съ 1689 года. Со всѣми дѣлами относились на царское имя, какъ-будто Петръ и не выѣзжалъ изъ Москвы. Въ февралѣ 1697 года назначенъ былъ отъѣздъ великаго посольства изъ Москвы, когда было донесено о заговорѣ на жизнь государя.

10 марта великое посольство выѣхало изъ Москвы. Первыя впечатлѣнія по выѣздѣ за шведскій лифляндскій рубежъ были неблагоприятны. Ъхали медленно не столько отъ распутицы, сколько отъ недостатка подводъ и кормовъ, потому что въ странѣ былъ голодъ. Въ Ригѣ посольству сдѣлана была почетная встрѣча, но губернаторъ Дальбергъ считъ своею обязанностью не нарушать строгаго инкогнито царя, такъ какъ русскіе увѣрили, что вѣсть о царскомъ путешествіи есть дѣтское разглашеніе, что царь ѣдетъ въ Воронежъ для корабельнаго строенія. Съ другой стороны, желаніе Петра осмотрѣть рижскія укрѣпленія не могло не возбудить подозрительности губернатора. Отецъ этого самаго царя стоялъ съ войскомъ подъ Ригею, а сынъ безъ усталы строитъ корабли и вмѣсто того, чтобы сражаться съ турками, предпринимаетъ таинственное путешествіе на западъ! Но легко понять, какъ эта подозрительность и недопущеніе осмотрѣть городъ должны были раздражить Петра при его нетерпѣливости все сейчасъ осмотрѣть, при его непривычкѣ къ бездѣйствію, при его непривычкѣ встрѣчать препятствія своимъ желаніямъ. Враждебное чувство глубоко залегло въ его сердце. Тремя днями прежде посольства онъ переправился въ лодкѣ черезъ Двину въ Курляндію. Въ какомъ онъ былъ расположеніи духа при отъѣздѣ, всего лучше видно изъ письма его къ Виніусу отъ 8 апрѣля: «Сегодня поѣхали отсель въ Митаву. Здѣсь мы рабскимъ обычаемъ жили и сыты были только зрѣніемъ. Торговыя люди здѣсь ходятъ въ мантияхъ и кажется, что зѣло правдивые, а съ ямщиками нашими за копейку м..... лаются и клянутся, а продаютъ втрое». Не смотря однако на то, что сытъ былъ только зрѣніемъ, Петръ кой-что успѣлъ смекнуть, и пишетъ къ Виніусу: «Мы ѣхали чрезъ городъ и замокъ, гдѣ солдаты стояли на 5 мѣстахъ, которые были меньше 1000 человекъ, а сказываютъ, что всѣ были. Городъ укрѣпленъ гораздо, только не додѣланъ. Зѣло здѣсь боятся, и въ городъ въ иныя мѣста и съ

карауломъ не пускаютъ, и мало приятны». Вслѣдствіе этой малой приятности, Рига осталась въ памяти Петра, какъ «проклятое» мѣсто. За Двиною въ Курляндіи другой пріемъ: съ герцогами курляндскими и русскими царей были всегда дружественныя сношенія. Изъ Митавы Петръ поѣхалъ въ Либаву, гдѣ первый разъ увидался съ Балтійскимъ моремъ. Изъ Либавы Петръ одинъ, безъ великихъ пословъ, отправился моремъ въ Пруссію и былъ отлично принятъ въ Кенигсбергѣ курфирстомъ бранденбургскимъ, Фридрихомъ III. Въ ожиданіи великихъ пословъ, ѣхавшахъ сухимъ путемъ, Петръ не терялъ времени, и сталъ учиться артиллеріи; учитель, подполковникъ фонъ - Штерифельдъ, далъ благопомянутому господину Петру Михайлову свидѣтельство, что «онъ въ непродолжительное время, къ общему изумленію, такіе оказалъ успѣхи и такія приобрѣлъ свѣдѣнія, что вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго, мужественнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ». Пріѣхали великіе послы и были приняты великолѣпно. Курфирстъ хотѣлъ воспользоваться случаемъ и заключить съ Россією оборонительный союзъ, но Петръ отклонилъ предложеніе, боясь переменить существующія отношенія Россіи къ европейскимъ державамъ до окончанія турецкой войны. Былъ заключенъ съ Бранденбургомъ не союзный, но дружественный договоръ, въ которомъ было постановлено о свободной торговлѣ съ обѣихъ сторонъ, о неприниманіи бунтовщиковъ и непріятелей, о позволеніи, со стороны курфирста, ѣздить чрезъ его земли русскимъ людямъ для наукъ въ Германію. Петръ зажилъ въ Пруссіи долге, чѣмъ сколько было ему нужно, зажилъ по польскимъ дѣламъ. Мы упоминали о междуцарствіи въ Польшѣ по смерти Яна Собѣскаго. Кандидатовъ на престолъ было много: сынъ покойнаго короля, Іаковъ Собѣскій, пфальцграфъ Карлъ, герцогъ лотарингскій Леопольдъ, маркграфъ баденскій Людовикъ, внукъ папы Одескальки, французскій принцъ Конти, курфирстъ саксонскій Фридрихъ Августъ и нѣсколько пасторовъ, т. е. польскихъ вельможъ; напослѣдокъ виднѣе всѣхъ явились два кандидата— Конти и Августъ. Отношенія Россіи къ этому избранію были прости: кто бы ни былъ на польскомъ престолѣ—все равно, лишь бы до заключенія общаго мира съ турками Польша не выходила изъ священнаго союза четырехъ державъ; поэтому Россія должна была противиться только одному кандидату—принцу Конти, потому что Франція находилась въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Турціи и враждебныхъ къ Австріи. Польша съ королемъ-французомъ легко могла подчиниться французской политикѣ и, дѣйствительно, французскій посланникъ заявилъ польскимъ вельможамъ обѣщаніе султана заключить съ Польшею отдѣльный миръ и возвратитъ ей Каменецъ, если королемъ будетъ избранъ французскій принцъ. Такъ какъ это заявленіе очень усиливало французскую партію, то Петръ изъ Кенигсберга послалъ панамъ раднымъ грамоту, что до сихъ поръ онъ не вмѣшивался въ выборы, но теперь объявляетъ, что если французская факція возьметъ верхъ, то не только союзъ на общаго непріятеля, но и вѣчный миръ зѣло крѣпко будетъ поврежденъ: французскій король, имѣя дружбу съ турецкимъ султаномъ, во всемъ ему помогаетъ во вредъ союзнымъ христіанскимъ государямъ; какой же послѣ того будетъ христіанскій союзъ, когда французъ сядетъ на престолъ польскій? Конти пред-

лагають султанъ турецкій и ханъ крымскій: можетъ-ли онъ воевать съ турками и татарами? Мы, заключаль Петръ, такого короля французской и турецкой стороны видѣть въ Польшѣ не хотимъ, — хотимъ, чтобы вы выбрали изъ какого ни есть народа, только бы онъ былъ въ дружбѣ и союзѣ съ нами и цесаремъ римскимъ противъ общихъ непріателей Креста Святаго. 17 іюня совершились выборы — двойные: одна партія провозгласила Конти, другая курфирста саксонскаго. Члены противныхъ партій рубились саблями. Приверженцы Августа сильно опирались на царскую грамоту, для подкрѣпленія которой Петръ прислалъ еще другую того же содержанія; саксонская партія начала брать явный перевѣсъ. Виніусъ, увѣдомляя Петра объ избраніи Августа, писалъ ему: «Я съ тѣмъ новымъ королемъ вашу милость господина моего, яко кавалера больше къ нѣмецкому народу неже къ пѣтуховому (французскому) склоннаго, отъ всего сердца поздравляю». Царь послалъ поздравительную грамоту Августу и велѣлъ объявить панамъ радѣ, что для защиты республики отъ Конти и его партіи придвинуто къ литовской границѣ русское войско подъ начальствомъ князя Ромодановскаго. Августъ вступилъ въ Польшу съ саксонскимъ войскомъ и присягнулъ, что принялъ католическую вѣру. Получивъ царскую поздравительную грамоту, онъ объявилъ русскому резиденту Никитину, что даетъ честное слово быть съ царемъ за одно противъ враговъ Креста Святаго, и что изъясненный ему Петромъ аффектъ никогда не изгладится изъ его памяти. Посылая поклонъ царю, король поклонился гораздо низко. Между тѣмъ, вслѣдствіе благоприятныхъ извѣстій изъ Польши Петръ рѣшился оставить Пруссію и ѣхать далѣе на западъ. Къ нему навстрѣчу спѣшили двѣ образованнѣйшія женщины Германіи: курфирстина ганноверская Софія, и дочь ея, курфирстина бранденбургская Софія Шарлотта. Петръ выбрался за границу, чтобъ посмотрѣть на диковины цивилизаціи, понаучиться многому; цивилизованная Европа выслала двухъ своихъ представительницъ съ своей стороны посмотрѣть на Петра, на эту диковину, высылаемую нецивилизованною восточною Европою. Курфирстины записали впечатлѣнія, произведенныя на нихъ Петромъ, — свидѣтельство драгоцѣнное для насъ, потому что обѣ женщины взглянули на удивительное существо прямо и ясно; ихъ поразила двойственность его натуры: они увидали необыкновеннаго человѣка, поражавшаго своими блестящими способностями, и въ то же время своими недостатками, показывавшими, изъ какого общества вышелъ онъ, какое воспитаніе получилъ. Ихъ поразила эта двойственность, это противорѣчіе; но онѣ не постарались сгладить его, не мудрствовали лукаво, остались вѣрны своему впечатлѣнію и произнесли самый вѣрный приговоръ о Петрѣ: «этотъ человѣкъ очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной». Будучи одиннадцатилѣтнимъ ребенкомъ, Петръ поражалъ своею необыкновенною красотою и живостью. Современники находили, что онъ лицомъ былъ въ материнскую родню, и особенно былъ похожъ на дядю, Ѳедора Кирилловича Нарышкина. Красота и живость остались; но преждевременное развитіе, страшныя потрясенія, неумѣренность въ трудахъ и потѣхахъ, потрясли крѣпкую натуру Петра и оставили слѣды на прекрасномъ лицѣ его: голова тряслась и на лицѣ являлись конвульсивныя движенія. Быстрый и пронзительный взглядъ его производилъ непріятное впечатлѣніе на людей непривычныхъ. Новгородскій архіепископъ Ѳеодосій

Живое рассказывали, что когда они представляли обилие товаров. Ивону и Петру, то въ руки первого подавали бѣлыя шелковыя ткани. «а какъ пришелъ до руки царя Петра Александровича, тогда тамъ на мои слова началъ, что надо не упустить и выгоды торговли, и отъ этихъ времени всегда рассуждалъ, что нѣтъ отъ этихъ рукъ и смерти будетъ.»

Свиданіе Петра съ курфирстини происходило въ герцогствѣ Пемсломъ, въ мѣстечкѣ Коппенброгге. Сначала царь не хотѣлъ идти къ нему и долго отговаривался, наконецъ повелѣлъ съ условіемъ, чтобы не было никого посторонняго. Снѣ повелѣлъ, какъ истинный работникъ, закрыть дѣло руком и на всѣ любезности отбѣжалъ: «не могу говорить»; потомъ однако разговорился, особенно за ужиномъ, истинность прекала, и онъ позволилъ войти въ залу придворныхъ курфирстини, когда мужики вѣнкомъ изъ большихъ ставенъ, зашли въ комнату далеко за полночь. Царь съ удовольствіемъ слушалъ итальянскія кѣнны, но сказалъ при этомъ, что мужику не слѣдуетъ унывать. На вопросъ старой курфирстини, любитъ-ли онъ охоту, отбѣжалъ: «Охоты мой былъ страстный охотникъ, но я не чувствую къ этой забавѣ никакой склонности, очень люблю корабльничаніе и фейерверки». При этомъ онъ выказалъ свои руки, ставшія жесткими отъ работы. Софья Шарлотта, описывая Петра, говоритъ: «Я представляю себѣ его гримасы худа, какъ онъ на самомъ дѣлѣ, и удерживался отъ историческихъ кѣнны не въ его власти. Видно также, что его не мучили бѣды обратно, но нѣтъ возражалъ его естественность и непринужденность». Курфирстини-мать вѣдетъ: «Царь высокъ ростомъ, у него прекрасныя черты лица и благородная осанка: онъ обладаетъ большою живостью ума, отвѣты его быстры и вѣрны. Но при всѣхъ достоинствахъ, которыми наградила его природа, желательнее было бы, чтобы въ немъ было поменьше грубости. Это — государь очень добродѣ и вѣдетъ очень дурной: въ нравственныхъ отношеніяхъ онъ полный представитель своей страны. Еслибъ онъ получилъ лучшее воспитаніе, то къ нему вышелъ бы человѣкъ совершенный, потому что у него много доброты и необыкновенный умъ. Изъ Коппенброгге Петръ направился къ Рейну, оставилъ воеводство, и съ десяткомъ человѣками спустился Рейномъ и кавалери до Амстердама. Такъ какъ воеводство еще не прибыло, то въ ожиданіи его, Петръ занялся по слову: въ мѣстечкѣ Саардамъ или Заандамъ, вѣдствомъ по обширному кораблестроенію, на верфи Ротте, возился молодой, высокій, красивый плотникъ изъ Россіи, Петръ Михайловъ; жилъ онъ въ коморкѣ у бѣднаго кузнеца, вѣдѣлъ семейства плотниковъ, которые находились въ Россіи, выдавалъ себя за нѣтъ товарища, простаго плотника. Въ свободное отъ работы время русскій плотникъ ходилъ по фабрикамъ и заводамъ, все ему нужно было видѣть, обо всемъ узнать, какъ дѣлается; однажды на бумажной фабрикѣ не утерпѣлъ, взялъ у работника форму, зачерпнулъ кѣн чана массы — и вышелъ отличный листъ; любимая забава его была катанье на яликѣ, который купилъ на другой же день по прибытіи въ Саардамъ. Своимъ поведеніемъ и видомъ, не идущимъ къ простому плотнику (хотя своимъ красною фризвою курткой и бѣлыми холстинными штанами онъ несколько не отличался отъ обыкновенныхъ работниковъ), Петръ сейчасъ же выдалъ себя: заговорили, что это не простой плотникъ, и вдругъ разнесется слухъ, что это самъ царь москов-

скій. Старый плотникъ зашелъ въ цирюльню и прочелъ тамъ письмо, полученное отъ сына изъ Россіи; въ письмѣ рассказывались чудеса: въ Голландію идетъ большое русское посольство и при немъ самъ царь, который вѣрно будетъ въ Саардамѣ; плотникъ написалъ и примѣты царя—и тутъ, какъ нарочно отворяется дверь и входятъ въ цирюльню русскіе плотники, у одного точь въ точь тѣ примѣты: и головою трясетъ, и рукою размахиваетъ, и бородавка на щекѣ. Цирюльникъ, разумѣется, не замедлилъ разгласить объ удивительномъ явленіи. Скоро слухъ подтвердился: Петръ раздражилъ уличныхъ мальчишекъ, которые попочивали его пескомъ и камнями,—и бургомистръ издалъ объявленіе, чтобъ никто не смѣлъ оскорблять знатныхъ иностранцевъ, которые хотятъ быть неизвѣстными. Напрасно послѣ того царь старался сохранить свое инкогнито, отказался отъ почетныхъ приглашеній, отъ удобнаго помѣщенія, говоря: «Мы не знатные господа, а простые люди, намъ довольно и нашей коморки». Жилъ въ коморкѣ, а кушалъ буеръ за 450 гульденовъ! Толпа преслѣдовала Петра, что приводило его въ ярость, сдерживать которую онъ не выучился въ Преображенскомъ съ потѣшными конюхами. Однажды, проталкиваясь сквозь неотвязную толпу, онъ былъ особенно раздраженъ глупою фигурою какого то Марцена и далъ ему пощечину.—«Марценъ пожалованъ въ рыцари!» закричала толпа, и названіе «рыцаръ» осталось за Марценомъ навсегда.

Изъ Амстердама дали знать о приближеніи русскаго посольства и Петръ поѣхалъ туда, проживъ въ Саардамѣ 8 дней. 16-го августа Лефортъ съ товарищами торжественно въѣхалъ въ Амстердамъ. Пріемъ былъ великолѣпный; Петръ участвовалъ въ празднествахъ, которыя давали посольству генеральные штаты, зная о присутствіи самого царя. Въ Амстердамѣ знакомѣ всѣхъ другихъ именъ Петру было имя бургомистра Николая Витзена. Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Витзенъ былъ въ Россіи, проѣхалъ и до Каспійскаго моря, былъ извѣстенъ, какъ авторъ знаменитаго сочиненія: «Татарія восточная и южная», какъ издатель Избрандидесова путешествія въ Китай. Витзенъ сохранялъ постоянную связь съ Россією: его изданія были посвящены царямъ, онъ исполнялъ порученія русскаго правительства по заказу судовъ въ Голландіи, находился въ перепискѣ съ Лефортомъ. Къ Витзену обратился Петръ съ просьбою доставить ему возможность заняться кораблестроеніемъ въ Амстердамскихъ верфяхъ, и Витзенъ помѣстилъ его на верфи Остъ-Индской компаніи, гдѣ нарочно для него заложень былъ фрегатъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Петръ ночью поѣхалъ въ Саардамъ, забралъ тамъ свои плотничьи инструменты, и къ утру возвратился въ Амстердамъ, чтобъ немедленно же приступить за работу; волонтеры, пріѣхавшіе съ посольствомъ, были также размѣщены по работамъ. Петръ откликался только, когда ему кричали: «плотникъ Петръ Саардамскій!» или «мастеръ Петръ!» но когда обращались къ нему со словами «Ваше Величество» или «Милостивый Государь»,—поворачивался спиною. Но не однимъ кораблестроеніемъ занимался Петръ въ Голландіи: онъ ѣздилъ съ Витзеномъ и Лефортомъ въ Утрехтъ для свиданія съ знаменитымъ штатгальтеромъ голландскимъ и королемъ англійскимъ Вильгельмомъ Оранскимъ. Витзенъ долженъ былъ водить его всюду, все показывать—китовый флотъ, госпитали, воспитательные

дома, фабрики, мастерскія; особенно понравилось Петру въ анатомическомъ кабинетѣ профессора Рюйша; онъ познакомился съ профессоромъ, слушалъ его лекціи, ходилъ съ нимъ въ госпиталь. Въ кабинетѣ Рюйша онъ такъ увлекся, что поцѣловалъ отлично приготовленный трупъ ребенка, который улыбался, какъ живой. Въ Лейденѣ, въ анатомическомъ театрѣ знаменитаго Боергова, замѣтивъ отвращеніе своихъ русскихъ спутниковъ къ трупамъ, заставилъ ихъ зубами разрывать мускулы трупа. Разумѣется, Петръ долженъ былъ наблюдать большую экономію во времени: такъ, во время поѣздки въ Лейденъ на яхтѣ часа два занимался съ натуралистомъ Леувенгокомъ, который показывалъ ему свои лучшіе аппараты и микроскопъ. Ненасытимая жадность все видѣть и знать приводила въ отчаяніе голландскихъ провожатыхъ; никакія отговорки не помогали; только и слышалось: «это я долженъ видѣть!» и надобно было вести, не смотря ни на какія затрудненія. И ночью онъ не давалъ имъ покоя; вдругъ экипажъ получилъ сильный толчекъ:— «Стой! что это такое?» надобно зажигать фонари и показывать. Геніальный царь былъ полнымъ представителемъ народа, который такъ долго голодалъ безъ научной пищи и теперь вдругъ дорвался до нея. Корабельный плотникъ занимался и гравированіемъ въ Амстердамѣ; оставшаяся послѣ него гравюра изображаетъ предметъ, соответствующій положенію Петра, его тогдашней главной думѣ: она представляетъ торжество христіанской религіи надъ мусульманскою въ видѣ ангела, который съ крестомъ и пальмою въ рукахъ попираетъ полулуніе и турецкіе бунчуки. Предметъ гравюры объясняется и письмомъ Петра къ патриарху Адриану въ Москву: «Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божію и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы и, послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся не отъ нужды, но добраго ради приобрѣтенія морскаго пути, дабы искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Иисуса Христа побѣдителями, а христіанъ, тамо будущихъ, свободителями, благодатію Его, быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не престану».

Кромѣ патриарха, Петръ постоянно переписывался и съ другими правительственными лицами, которыя извѣщали его о томъ, что дѣлалось въ Россіи. Около Азова возводились укрѣпленія: крѣпости Алексѣевская и Петровская, Троицкая на Таганрогѣ и подлѣ нея Павловская; при Таганрогѣ устраивалась гавань. Татары были отражены отъ Азова. На Днѣпрѣ турки и татары были отбиты отъ занятыхъ русскими крѣпостей—Казыкарменя и Тавани, въ Польшѣ окончательно утвердился королемъ Августъ; кумпанства усердно строили корабли, шведскій король прислалъ 300 пушекъ для войны съ невѣрными. Охотище, чѣмъ съ другими, переписывался Петръ съ Виніусомъ, какъ съ человѣкомъ, болѣе другихъ образованнымъ и неутомимымъ въ своей дѣятельности. Виніусъ въ своихъ письмахъ постоянно требовалъ присылки оружейныхъ мастеровъ, потому что желѣзо есть доброе, а мастеровъ нѣтъ: «Наипаче болить сердце, что иноземцы, высокою цѣною продавъ свейское желѣзо и побравъ денги, за рубежъ поѣхали, а наше сибирское многимъ свейскаго лучше». Никто больше Петра не могъ сочувствовать этой сердечной боли Виніуса. Онъ отвѣчалъ ему: «Пишешь ваша милость о мастерахъ: изъ тѣхъ мастеровъ, которые дѣлаютъ ружья и замки, зѣло доброе сыскали и пошлемъ, не мѣшкая; а ради поснѣшенія изъ тѣхъ же

мѣсть, гдѣ Бутманъ на Олоонецкіе заводы сыскалъ, добыть возможно. Однакоже мы здѣсь съѣдемъ такихъ, за что взялся бургомистръ Витценъ, только, мню, не вскорѣ». Извѣстія о мастерахъ перемѣшивались съ извѣстіями политическими: «Что пишешь о мастерахъ желѣзныхъ, что въ томъ дѣлѣ бургомистръ Витценъ можетъ радѣніе показать и сыскалъ, о чемъ я ему непрестанно говорю, а онъ только манитъ день за день, а прямой отвѣди по ся поры не скажетъ; и если нынѣ онъ не промыслитъ, то надѣюсь у короля польскаго чрезъ его посла добыть не только желѣзныхъ, но и мѣдныхъ. Миръ съ Французомъ учиненъ, и здѣсь дураки зѣло рады, а умные не рады, для того, что Французъ обманулъ, и чаютъ вскорѣ опять войны». Въ другомъ письмѣ Петръ опять пишетъ о Витценѣ: «О желѣзныхъ мастерахъ многожды говорилъ Витцену: только онъ отъ меня отходилъ московскимъ часомъ». Между дѣломъ Виніусъ доносилъ и о пирахъ оставленныхъ въ Москвѣ членовъ компаніи: «Въ царскія именины князь Ѳеодоръ Юрьевичъ Ромодановскій великую намъ трапезу и богатую даровалъ въ столовой генеральской въ Преображенскомъ: сидѣли за разными столами болѣе ста человекъ, и съ такимъ усердіемъ и милостію пасъ траговалъ, и стрѣльба мелкая и крупная такъ была сильна, что едва столовая устояла и стѣна одна гораздо повыдалась; даже до 4 и до 5 часа ночи, что въ три дни каждый насилу могъ оправиться». Описывая другой пиръ, Виніусъ пишетъ: «Ивашко съ дядею своимъ (Бахусомъ) изъ своихъ великихъ мокрыхъ сребренныхъ и цѣльныхъ можеровъ въ желудки бросали». Ивашку не забывали и въ Голландіи: извиняясь, что не ко всѣмъ отправилъ письма, Петръ писалъ Виніусу: «иное за недосугомъ, а иное за отлучкою, а иное за хмельническимъ не исправиль».

Четыре мѣсяца съ половиною жилъ Петръ въ Голландіи; фрегатъ, заложенный имъ, былъ спущенъ. На Остѣ-Индской верфи, «вдавъ себя съ прочими волонтерами въ наученіе корабельной архитектуры, государь въ краткое время совершилъ въ томъ, что подобало доброму плотнику знать, и своими трудами и мастерствомъ новый корабль построилъ и на воду спустилъ. Потомъ просилъ той верфи баса (мастера) Яна Поля, дабы училъ его препорціи корабельной, который ему чрезъ четыре дня показалъ. Но понеже въ Голландіи нѣтъ на сіе мастерство совершенства геометрическимъ образомъ, но точію нѣкоторыя принципы, прочее же съ долговременной практики, о чемъ и вышерѣченный басъ сказалъ, и что всего на чертежъ показать не умѣетъ, тогда дѣло ему стало противно, что такой дальній путь для сего воспріять, а желаемаго конца не достигъ. И по нѣсколькихъ дняхъ прилучилось быть Его Величеству на загородномъ дворѣ купца Яна Тесинга въ компаніи, гдѣ сидѣлъ гораздо невеселъ ради вышеописанной причины; но когда, между разговоромъ, спрошенъ былъ: для чего такъ печаленъ? тогда оную причину объявилъ. Въ той компаніи былъ одинъ англичанинъ, который, слыша сіе, сказалъ, что у нихъ въ Англіи сія архитектура такъ въ совершенствѣ, какъ и другія, и что краткимъ временемъ научиться можно. Сіе слово Его Величество зѣло обрадовало, по которому немедленно въ Англію поѣхалъ и тамъ чрезъ 4 мѣсяца оную науку окончилъ».

Въ январѣ 1698 года Петръ переѣхалъ изъ Голландіи въ Англію и скоро изъ Лондона перебрался въ городокъ Деуторфордъ, гдѣ на коро-

левской верфи занимался окончаніемъ науки. Здѣсь онъ приговорилъ до 60 человекъ иностранцевъ, мастеровъ золотыхъ дѣлъ, въ то же время послы въ Голландіи приговорили болѣе 100 человекъ, для флота много нанялъ принятый въ Голландіи въ русскую службу капитанъ Корнелій Крейсъ: онъ былъ принятъ прямо вице-адмираломъ. Проведя три мѣсяца въ Англіи, Петръ переѣхалъ въ Голландію, но не остановился здѣсь, а направилъ путь на юго-востокъ—въ Вѣну. Переговоры посольства съ генеральными штатами, на счетъ помощи царю въ войнѣ съ турками, не удались: штаты, подѣ тѣмъ предлогомъ, что страна ихъ истощена французскою войною, отказались ссудить царя мореходцами, оружіемъ, снарядами, и скоро Петръ узналъ, что штаты вмѣстѣ съ англійскимъ королемъ хлопчутъ о посредничествѣ къ заключенію мира между Австріей и Турціею. Этотъ миръ былъ необходимъ для Голландіи и Англіи, чтобы дать императору возможность свободно дѣйствовать противъ Франціи: предстояла страшная война за наслѣдство испанскаго престола, т. е. для сокрушенія опаснаго для всей Европы могущества Франціи. Но во сколько для Англіи и Голландіи было выгодно заключеніе мира между Австріею и Турціею, во столько же имъ было выгодно продолженіе войны между Россіею и Турціею, чтобы послѣдняя была занята и не могла, по наущенію Франціи, снова отвлечь силы Австріи отъ войны за общеевропейскіе интересы. Но эти интересы находились въ противоположности съ интересами Россіи: Петръ трудился изо всѣхъ силъ, чтобы окончить съ успѣхомъ войну съ Турціею, приобрести выгодный миръ. Но могъ ли онъ надѣяться съ успѣхомъ вести войну и окончить ее одинъ, безъ Австріи и Венеціи? Слѣдовательно, главною заботою Петра теперь было—или уговорить императора къ продолженію войны съ турками, или, по крайней мѣрѣ, настоять, чтобы мирные переговоры были ведены сообща и всѣ союзники были одинаково удовлетворены. 16 іюня посольство въѣхало торжественно въ Вѣну: царь, по обыкновенію, опередилъ его и пріѣхалъ просто на почтовыхъ. Онъ сѣвшилъ приступить къ дѣлу, и въ разговорѣ съ канцлеромъ, графомъ Кинскимъ, объявилъ, что недоволенъ рѣшеніемъ императора: заключилъ миръ на основаніи *uti possidetis* (да владѣетъ каждый тѣмъ, чѣмъ владѣетъ во время мирныхъ переговоровъ); объявилъ, что для Россіи необходимо обезпечить себя со стороны Крыма, овладѣть здѣсь хорошею крѣпостью; Россія для императора разорвала миръ съ турками; надобно, чтобы всѣ союзники получили желаемыя ими выгоды; англичанъ и голландцевъ нечего слушать: они заботятся только о своихъ барышахъ; императоръ спѣшитъ помириться съ турками для войны съ французами за испанское наслѣдство и покидаетъ своихъ союзниковъ; но какъ скоро начнется французская война, султанъ немедленно поднимется на императора; войска выйдутъ изъ Венгріи для французской войны, и венгры забунтуютъ. Царь требовалъ, кромѣ удержанія всѣхъ своихъ завоеваній, еще крѣпости Керчи въ Крыму, безъ которой никакой пользы ему отъ мира не будетъ: татары по-прежнему будутъ нападать на Россію. Петръ не досказалъ: съ Азовомъ и Таганрогомъ безъ Керчи онъ былъ запертъ въ Азовскомъ морѣ. Если турки не согласятся на уступку Керчи Россіи, то союзники должны продолжать войну. Императоръ отвѣчалъ, что требованія царя справедливы, но чтобы заставить турокъ исполнить ихъ, лучше всего, если русскіе поспѣшатъ взять Керчь

оружіемъ, обѣщаль поддерживать на конгрессѣ требованія русскихъ уполномоченныхъ и не приступать ни къ чему безъ согласія съ царемъ.

Переговоры этимъ должны были прекратиться; Петръ, осмотрѣвъ все замѣчательное въ Вѣнѣ, съѣздивъ въ мѣстечко Бадень и въ Пресбургъ, собрался уже въ Венецію, какъ почта привезла письма изъ Москвы: Ромодановскій писалъ, что стрѣльцы взбунтовались и идутъ къ Москвѣ. Въмѣсто Венеціи Петръ отправился въ Россію.

XXI. ПЕТРЪ ВЪ МОСКВѢ ПОСЛѢ ВОЗВРАЩЕНІЯ ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

(Изъ «Дневника» Корба, въ переводѣ М. И. Семевскаго.)

Его царское величество, съ двумя своими уполномоченными, генераломъ Лефортомъ и Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ Головиннымъ, а также съ нѣкоторыми другими приближенными вечеромъ прибылъ въ Москву. По прибытіи сюда, государь не поѣхалъ въ свой замокъ, Кремль, обширѣйшее пребываніе царей, но посѣтивъ, съ княжескою вѣжливостью, нѣкоторые дома тѣхъ, которыхъ отличилъ передъ прочими многими знаками своей милости, поспѣшилъ въ Преображенское соснуть и отдохнуть среди своихъ солдатъ, въ кирпичномъ домѣ.

Между тѣмъ, вѣсть о прибытіи царя облетѣла городъ. Бояре и московская знать во время, назначенное для представленія, поспѣшно явились туда, гдѣ отдыхалъ царь. Стеченіе поздравляющихъ было большое, ибо каждый своей поспѣшностью хотѣлъ показать государю, что пребылъ ему вѣрнымъ. Хотя первый уполномоченный, Францъ Яковлевичъ Лефортъ, не принялъ никого изъ своихъ приверженцевъ, ссылаясь на усталость отъ столь продолжительной и почти безостановочной дороги, однако его царское величество всѣхъ, явившихся съ заявленіемъ вѣрноподданнической преданности, принималъ съ такою готовностью, что, казалось, предупреждалъ приходившихъ. Всѣхъ тѣхъ, которые, по здѣшнему обычаю, для изъявленія почтенія, падали передъ государемъ ницъ, самъ ласково и поспѣшно поднималъ и цѣловалъ ихъ, какъ самыхъ короткихъ друзей своихъ. Ежели москвитяне могутъ забыть ту обиду, которая наносилась ножницами тутъ же, безъ разбора направленными на ихъ бороды, то они могли бы по истинѣ сей день причислять къ счастливейшимъ въ своей жизни. Воевода, князь Алексѣй Семеновичъ Шейнъ, первый пожертвовалъ своею длинною бородой, подставивъ ее подъ ножницы. Въ самомъ дѣлѣ, для тѣхъ, кто считаетъ священнымъ долгомъ жертвовать жизнью по волѣ или по приказанію своего государя, вовсе не было это безславіемъ, ежели самъ царь ихъ былъ виновникомъ сего. Не приходилось и смѣяться другъ надъ другомъ, такъ какъ каждая постигала одинаковая участь по его уже рожденію. Сохранили свои бороды только патріархъ, святостью своего сана, бояринъ и главный воевода тобольскій, князь (Михаилъ) Алегуковичъ Черкасскій, уваженіемъ къ его преклоннымъ лѣтамъ, и Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, почетною должностію царскаго оберегателя. Всѣ про-

чіе должны были преклониться передъ иностранными правами, когда ножицы уничтожали старинный ихъ обычай.

Царь сдѣлалъ ученые своимъ полкамъ и убѣдился, что многого еще не достаетъ этимъ толпамъ, чтобы можно было ихъ назвать войсками. Онъ лично показывалъ имъ, какъ нужно дѣлать движенія и обороты наклономъ своего тѣла, какую нестройную толпу должны имѣть выправку; наконецъ, соскучившись видомъ этого скопища необученныхъ, отправился, въ сопровожденіи бояръ, на пирушку, которую, по желанію его, устроилъ Лефортъ. Пированье длилось до поздняго вечера, сопровождаясь веселыми кликами при заздравныхъ чашахъ и пальбою изъ орудій. Пользуясь тишиною ночи, государь, съ немногими изъ близкихъ къ себѣ, отправился въ Кремль, повидаться съ царевичемъ, сыномъ своимъ, весьма милымъ ребенкомъ. Давъ волю своему родительскому чувству и осыпая сына ласками, три раза поцѣловалъ его; затѣмъ, избѣгая встрѣчи съ женою, которая давно уже ему опротивѣла, онъ возвратился въ свой преобразенскій кирпичный домъ.

11-е, а по лѣтосчисленію стараго календаря, 1-го сентября. Русскіе начинаютъ Новый годъ, такъ какъ они ведутъ свое счисленіе отъ сотворенія міра. Этотъ день москвитяне, по старинному обычаю, праздновали самымъ торжественнымъ образомъ; такъ, на самой большой кремлевской площади устраивали два престола, весьма богато украшенные, одинъ для царя, другой для патриарха, который являлся туда въ епископскомъ облаченіи, а государь въ царскомъ, для внушенія большаго уваженія къ верховному достоинству; народъ смотритъ на него, какъ на божество, рѣдко показывавшееся ему. Послѣ торжественнаго патриаршаго благословенія, сейчасъ же вельможи и прочія именитыя лица слѣшили къ царю съ поздравленіями, и онъ наклономъ головы и движеніемъ руки отвѣчалъ поздравляющимъ и желалъ имъ, съ своей стороны, всякаго благополучія. Эти обряды, по причинѣ отсутствія царя, уже нѣсколько лѣтъ не совершались; возобновить ихъ, какъ устарѣвшіе, отжившіе свое время обычай, не позволилъ духъ времени, стремящійся къ преобразованіямъ. Набожность предковъ, дозволявшая связывать царское величество столькими священными обрядами, казалась уже слишкомъ религиозною. Впрочемъ, первый день Новаго года проведенъ былъ весело въ пиршествѣ, устроенномъ, съ царскою пышностью, воеводою Шейнымъ, куда собралось невѣроятное почти множество бояръ, гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, а также явилось большое число матросовъ; къ нимъ чаще всего подходилъ царь, одѣлывая яблоками и, сверхъ того, каждого изъ нихъ называлъ «братомъ». Каждый заздравный кубокъ сопровождался выстрѣломъ изъ 25-ти орудій. Однако, и такая торжественность дня не помѣшала явиться несносному брадобрѣю. На этотъ разъ обязанность эту отправлялъ извѣстный при царскомъ дворѣ шутъ (Тургеневъ?), и къ кому только ни приближался онъ съ ножицами, не позволялось спасать свою бороду, подъ страхомъ получить нѣсколько пощечинъ. Такимъ образомъ, между шутками и стаканами весьма много, слушая дурака и потѣшника, должны были отказаться отъ древняго обычая.

Въ 4-мъ часу пополудни, мы отправились съ блестящею свитой на представленіе. Это было въ великолѣпномъ зданіи, выстроенномъ государемъ и уступленномъ имъ генералу и адмиралу своему, Лефорту, для

временнаго жителства. Царское величество окружали, на подобіе вѣнка, вельможи. Онъ рѣзко отличался отъ всѣхъ ихъ изящнымъ величіемъ тѣла и духа, въ свидѣтельство сокровеннаго величества. Первый министр Нарышкинъ и думный дьякъ Украинцевъ, согласно ихъ должностямъ, занимали ближайшія мѣста при государѣ. Когда мы поклонились царю съ почтеніемъ, подобающимъ высочайшему сану, онъ пріятнымъ мановеніемъ обѣщалъ намъ свой благосклонный пріемъ. Посоль приказалъ нести передъ собою двѣ его вѣрительныя грамоты, для поднесенія его царскому величеству. Когда ихъ поднесли съ глубочайшимъ почтеніемъ, царь принялъ обѣ съ подобающимъ уваженіемъ, послѣ чего допустилъ къ рукѣ посла, его чиновниковъ и бывшихъ тутъ миссіонеровъ; затѣмъ послѣдовали официальные вопросы о здоровьѣ императора и самого посла, на что даны были, съ достоюющимъ уваженіемъ, отвѣты и этимъ кончился пріемъ.

Его царское величество велѣлъ пригласить всѣхъ представителей иноземныхъ державъ, также бояръ и разныхъ лицъ чиновныхъ, или пользующихся его расположеніемъ, на большой пиръ, устроенный на его счетъ генераломъ Лефортомъ. Датскій посоль, неосторожно выдавшій прежде министерству свою вѣрительную грамоту, которое ее требовало, не смотря на свое ходатайство, не получилъ у царя отгусной аудіенціи. Но онъ такъ вкрался къ генералу Лефорту, что въ его же покояхъ, прежде нежели сѣли за столъ, былъ допущенъ къ цѣлованію царской руки. Той же участи подвергся, за несвоевременную отдачу своей вѣрительной грамоты, и польскій посоль: потерявъ всякую надежду получить у царя аудіенцію, онъ умолялъ, по крайней мѣрѣ, допустить его къ цѣлованію руки, что и дозволено ему, но только въ небольшой комнатѣ, гдѣ хранились стаканы и рюмки. Датскій посоль много хвастался побѣдою своей отъ того, что прежде поцѣловалъ руку, и потому требовалъ себѣ за столомъ высшее передъ польскимъ посломъ мѣсто. Поднялся несносный споръ о преимуществахъ, и такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ уступить другому, то царь вышелъ изъ терпѣнія и назвалъ обоихъ дураками (*Dugaskos*), весьма употребительнымъ у русскихъ словомъ, означающимъ недостатокъ ума. Еще не кончился обѣдъ, какъ его царское величество, послѣ весьма оживленнаго спора съ воеводой Шейнымъ, вышелъ въ ярости изъ-за стола. Сначала никто не зналъ причины удаленія государя, но потомъ оказалось, что онъ справлялся у солдатъ, сколько надѣлалъ Шейнъ полковниковъ и прочихъ офицеровъ не по заслугамъ, а за однѣ лишь деньги. Спустя нѣсколько времени онъ вернулся и, въ страшномъ гнѣвѣ, передъ глазами воеводы Шейна, ударилъ обнаженнымъ мечомъ по столу и вскричалъ:—«Такъ истреблю я твой полкъ!» Въ справедливомъ негодованіи царь подошелъ затѣмъ къ князю Ромодановскому и къ думному дьяку Никитѣ Моисеевичу (Зотову); замѣтивъ, что однако они оправдываютъ воеводу, до того разгорячился, что, махая обнаженнымъ мечомъ во всѣ стороны, привелъ тутъ всѣхъ пирующихъ въ ужасъ. Князь Ромодановскій легко раненъ въ палецъ, другой въ голову, а Никита Моисеевичъ, желая отворотить отъ себя ударъ царскаго меча, поранилъ себѣ руку. Воеводѣ готовился-было далеко опаснѣе ударъ, и онъ, безъ сомнѣнія, палъ бы отъ царской десницы, обливаясь своею кровью, если бы только генералъ Лефортъ (которому одному лишь это дозволялось) не сжалъ

его въ объятіяхъ и тѣмъ не отклонилъ руки отъ удара. Царь, возмущенный тѣмъ, что нашелся смѣльчакъ, дерзнувшій предупредить послѣдствія его справедливаго гнѣва, напрягалъ всѣ усилія вырваться изъ рукъ Лефорта и, освободившись, крѣпко хватилъ его по спинѣ. Наконецъ, одинъ только человекъ, пользовавшійся наибольшою любовью царя передъ всѣми москвитянами, съумѣлъ поправить это дѣло. Говорятъ, что этотъ человекъ (Меньшиковъ) достигъ настоящаго завиднаго своего положенія, происходя изъ самаго низкаго сословія. Онъ такъ успѣлъ смягчить сердце царя, что тотъ воздержался отъ убійства, а ограничился одними только угрозами. За этой страшной грозой наступила прекрасная погода: царь съ веселымъ видомъ присутствовалъ при пляскѣ и, въ доказательство особенной любезности, приказалъ музыкантамъ играть тѣ самыя пѣсны, подъ какія онъ плясалъ у своего, какъ онъ выразился, «любезнѣйшаго господина брата», т. е. царь вспоминалъ о томъ балѣ, какой данъ былъ императоромъ въ честь его всепресвѣтлѣйшихъ гостей. Двѣ горничныя дѣвушки пробалались-было тихонько посмотреть, но государь приказалъ солдатамъ ихъ вывести. И тутъ, при завравныхъ чашахъ, палили изъ 25-ти орудій, и пирушка пріятно продолжалась до половины шестаго часа утра.

Сегодня императорскій полковникъ де-Граге далъ великолѣпный пиръ, который удостоилъ своимъ присутствіемъ самъ царь, не смотря на зубную боль, отъ которой распухли-было у него щеки. Въ то время, когда царь неожиданно пріѣхалъ въ столицу, господинъ генералъ Гордонъ находился въ своемъ помѣстьѣ, почти въ тридцати миляхъ отъ Москвы. Узнавъ о прибытіи царя, Гордонъ вернулся сегодня въ городъ заявить царю свое почтеніе и пришелъ на эту пирушку. По обычаю, онъ дважды поклонился государю въ ноги и просилъ прощенія въ томъ, что слишкомъ поздно явился засвидѣтельствовать ему свое глубочайшее почтеніе, причѣмъ ссылаясь на непостоянную погоду и бури. Царь поднялъ его, поцѣловалъ и послѣдній хотѣлъ-было упасть на колѣни, но тотъ протянулъ ему руку. Царь соизволилъ присутствовать господину послу не только на обѣдѣ, но и за ужиномъ, который царь приказалъ себѣ приготовить. Къ этому ужину, кромѣ посла, были приглашены только три генерала: Лефортъ, Гордонъ и Карловичъ. Никогда еще царь не выказывалъ болѣе непринужденной веселости, какъ здѣсь, быть можетъ, потому, что тутъ не было ни одного боярина или другаго какаго лица, которое могло бы возмутить чувство удовольствія своимъ непріятнымъ видомъ.

XXII. ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦКІЙ ВУНТЬ (1698 г.).

(Изъ «Публичныхъ чтеній о Петрѣ Великомъ», Соловьева.)

Только-что Петръ собрался за границу, какъ узнаеть, что люди, недовольные имъ и его дѣломъ, дожидаются его отъѣзда для исполненія своихъ замысловъ; ихъ надежда на стрѣльцовъ и казаковъ—надежда, что одни начнутъ съ одного конца, а другіе съ другаго. Смутники были переказаны; Петра проводили кровавыми проводами. Путе-

пешествіе, сильная дѣятельность за границею успокоили его; онъ собирается окончить путешествіе, посмотрѣвъ на царицу южнаго моря, на Венецію; онъ возвратится домой спокойный, довольный, съ богатою добычею... Нѣтъ, поѣхалъ отъ крови и возвратится къ крови: ему не дадутъ окончить путешествіе; его зовутъ раздѣлываться съ стрѣльцами. Софья не умерла для міра въ монастырской кельѣ; она воспользовалась отсутствіемъ брата и опять обратилась къ стрѣльцамъ, и на этотъ разъ стрѣльцы откликнулись, потому что были недовольны, сильно раздражены. Они видѣли ясно, что имъ предстоитъ тяжкое преобразование—изъ стрѣльцовъ превратиться въ солдатъ. Стрѣлецъ несъ легкую службу: сходитъ на караулъ и свободенъ; у него свой домъ въ слободѣ, своя семья, своя лавочка, гдѣ онъ торгуетъ въ свободное время. Но теперь—постоянная, тяжелая служба. Стрѣльцы оторваны отъ привольной московской жизни и двинуты на край свѣта—въ Азовъ; ждуть не дождутся, когда отпустятъ ихъ домой, въ Москву, а тутъ указъ, велятъ имъ идти на другой край свѣта—на литовскую границу, куда царь велѣлъ собирать войска, чтобъ поддерживать избраніе на польскій престолъ пригоднаго для Россіи кандидата, курфюрста саксонскаго Августа. Тоска стрѣльцовъ по Москвѣ достигла высшей степени; нѣкоторые бѣжали изъ полковъ въ Москву и принесли оттуда товарищамъ призывъ отъ царевны Софьи: «Теперь вамъ худо, а впредь будетъ еще хуже. Ступайте къ Москвѣ, чего вы стали? про государя ничего не слышно. Быть вамъ на Москвѣ, стать таборомъ подъ Дѣвичьямъ монастыремъ и бить мнѣ челомъ, чтобъ я шла по-прежнему на державство; а еслибы солдаты пускать къ Москвѣ не стали, то ихъ побить». Бунтъ вспыхнулъ, раздались крики: «Идти къ Москвѣ! Нѣмецкую слободу раворить и нѣмцевъ побить за то, что отъ нихъ православіе закоснѣло; бояръ побить; стрѣльцы отъ бояръ и отъ иноземцевъ погибаютъ и Москвы не знаютъ; непременно идти къ Москвѣ, хотя-бъ умереть, а одинъ предѣлъ учинить. И къ донскимъ казакамъ вѣдомость послать; государя въ Москву не пустить и убить за то, что почалъ вѣровать въ нѣмцевъ, сложился съ нѣмцами». Стрѣльцы двинулись къ Москвѣ; солдаты, подъ начальствомъ боярина Шенна, загородили имъ дорогу и поразили ихъ. Плѣнныхъ подвергли розыску; винулись въ бунтъ; но никто не сказалъ о призывѣ изъ Москвы. Шеннъ не догадался объ этомъ призывѣ; но Петръ тотчасъ догадался, какъ только получилъ извѣстіе о стрѣлецкихъ волненіяхъ; это было большое мѣсто, рана раскрылась. Петръ спѣшилъ въ Москву въ тревогѣ и гнѣвѣ, и чѣмъ онъ сдержится? онъ схватится съ стрѣльцами въ рукопашную, съ этими врагами, которые истерзали его родныхъ, заставили расти въ униженіи, пренебреженіи, отняли средства учиться вовремя, какъ слѣдуетъ; съ этими врагами, которые объявили, что не пустятъ его въ Россію, убьютъ за то, что онъ увѣровалъ въ нѣмцевъ, сложился съ ними, которые стали поперекъ его дѣлу, позорятъ это дѣло въ глазахъ русскихъ людей, клеветуютъ на царя, выставляютъ его еретикомъ, нѣмцемъ, а себя людьми, ставшими за православіе, тогда какъ въ сущности у нихъ другія побужденія, столь ненавистныя Петру: онъ зоветъ свой народъ къ тяжелому, необходимому труду, и самъ подаетъ примѣръ такого труда, а тутъ люди, которые хотятъ его убить, чтобъ избавиться отъ трудныхъ походовъ, возвратиться въ Москву и жить

покойно. Страсть, гнѣвъ, мщеніе сдерживаются религіозно-нравственными правилами. христіанскимъ уваженіемъ, любовью къ ближнему, страхомъ Божиимъ для однихъ, страхомъ человѣческимъ для другихъ; умъ часто становится угодникомъ страсти; онъ внушаетъ гнѣвному человѣку, стремящемуся схватиться съ врагомъ: дѣйствуй сильнѣе, истреби зло съ корнемъ, вырѣжь, выжи, порази толпу ужасомъ, который бы отнял всякую способность къ сопротивленію; тебѣ предстоитъ громадная дѣятельность для благородной дѣлы; есть люди злонамѣренные, которые будутъ ей противиться: истреби ихъ, не оставляя врага въ тылу у себя. И вотъ страсть, гнѣвъ получаютъ новую пищу, получаютъ оправданіе. И вотъ Петръ поканчиваетъ съ стрѣльцами пыткой, висѣлицей и плахой...

XXIII. КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ ОПАСНАГО МЯТЕЖА СТРѢЛЬЦОВЪ ВЪ МОСКОВІИ.

Очень часто бываетъ, что тотъ, кто спѣшитъ изъ дружбы тушить пожаръ въ домѣ сосѣда, подвергается самъ, по прихотливой игрѣ случая, подобному же несчастію, и потому вполне правъ человѣкъ, который оплакиваетъ собственное горе, когда свирѣпое пламя разрушаетъ зданіе сосѣда.

Всѣмъ извѣстно, что мнѣнія поляковъ, съѣхавшихся для свободнаго избранія чрезъ подачу голосовъ короля на престолъ вдовствовавшей республики *), раздѣлялись между двумя различными искателями. Эти волненія на буйныхъ сеймахъ народовъ **) съ живымъ характеромъ, хитрыхъ и наглыхъ въ своихъ проискахъ, походятъ на сильные вѣтры, которые, подымаясь на моряхъ, предвѣщаютъ жестоку бурю, переполненную бѣдствиями. Царь московскій, въ виду опасностей, угрожавшихъ ему вслѣдствіе сосѣдства съ Польшей, поставилъ на стражѣ на границахъ Литвы воеводу, князя Михайла Григорьевича Ромодановскаго, приказавъ ему принять самыя дѣйствительныя мѣры для восстановленія общественнаго спокойствія въ Польшѣ, въ томъ случаѣ, если бы оно было нарушено междоусобіемъ, возникшимъ изъ-за частнаго интереса.

Ромодановскій начальствовалъ надъ сильнымъ отрядомъ войска, для того, чтобы имѣть возможность усмирить возмутителей, буде бы таковыя показались, и склонить ихъ къ должному законно-избранному королю почтенію. Но какъ чудна измѣнчивость счастья и судебъ вообще! Тотъ, который опасался ужасовъ наводненія для сосѣднаго народа, привлекъ

---

*) По смерти польскаго короля, время отъ его смерти до избранія новаго государя было печальнымъ временемъ, въ которое республика, дочь своего отца—короля, считалась вдовствующей. Такъ какъ всѣ обыкновенныя судебныя мѣста дѣйствовали во имя короля, то они послѣ его смерти до новаго выбора закрывались. На это время учреждались новыя судилища, называвшіяся каптуровыми, т. е. одѣтыми въ монашескій каптуръ (капшонъ, капоръ), въ знакъ горести, и рѣшали всѣ вообще дѣла, особенно же уголовныя.

**) Польскаго и литовскаго.

къ самому себѣ всю ярость угрожавшихъ оному волнѣ. Среди четырехъ стрѣleckихъ полковъ, составлявшихъ наблюдательный отрядъ на литовскихъ границахъ, возникъ преступный замыселъ переимѣнить государя. Стрѣльцы этихъ полковъ оставили мѣста своихъ стоянокъ и, прогнавъ вѣрныхъ царю офицеровъ, избрали изъ среды своей начальниковъ, и кто показывалъ наиболѣе усердія къ преступному дѣлу, тотъ и считался у нихъ самымъ способнымъ повелѣвать другими. Но мятежники на этомъ не остановились: они грозили даже полкамъ, стоявшимъ вблизи, что примутъ противъ нихъ самыя жестокия мѣры, если они къ нимъ добровольно не присоединятся, или вздумаютъ противиться ихъ намѣренію. Въ Москвѣ разносились разные слухи о происшествіяхъ, угрожавшихъ такою близкою опасностью; но никто не зналъ, которому изъ нихъ вѣрить, пока частыя сходки бояръ, ихъ совѣщанія, на которыя собирались по нѣскольку разъ въ день, ночныя сборища и постоянныя сношенія не увѣрили наконецъ всѣхъ въ томъ, что тутъ дѣло было опасное, и такъ какъ необходимо было поспѣшить принять мѣры, сообразныя съ обстоятельствами, не терпѣвшими отлагательства, то скоро и послѣдовали соотвѣтственныя онымъ распоряженія. Царь предъ своимъ отъѣздомъ назначилъ боярина и воеводу Алексѣя Семеновича Шейна главноначальствующимъ надъ своими войсками, а потому и бояре не могли назначить никого другаго для исполненія своего рѣшенія. Но какъ государь не оставилъ никакихъ ясныхъ распоряженій, то всѣ бояре согласились въ томъ, чтобы въ дѣлѣ мятежа стрѣльцовъ соображаться съ дальнѣйшими событіями, и что если мятежники окажутъ упорное сопротивленіе и не будутъ просить прощенія въ своемъ преступленіи, употребить противъ нихъ строгія мѣры. Шейнъ, соглашаясь принять на себя порученіе бояръ, требовалъ, чтобы это рѣшеніе, принятое боярами единогласно, было также утверждено ихъ подписями съ приложеніемъ печатей. Требованіе воеводы было весьма справедливо, но ни одинъ изъ бояръ не согласился приложить руку. Изъ страха ли то было, или изъ зависти, неизвѣстно, но какъ бы то ни было, близость опасности, боязнь видѣть Москву во власти возмущившихся стрѣльцкихъ полчищъ, все это не допустило дальнѣйшихъ проволочекъ. Можно было даже опасаться, что чернь присоединится къ мятежникамъ, а потому всѣ были того мнѣнія, что благоразумнѣе двинуться на встрѣчу стрѣльцамъ, чѣмъ ждать ихъ опаснаго вторженія. Гвардія получила приказаніе быть ежечасно готовой къ выступленію противъ святотатственныхъ посягателей на царское величество: ей было объявлено, что кто откажется принять участіе въ дѣйствіяхъ противу мятежниковъ, будетъ считаться виновнымъ въ томъ же преступленіи и соучастникомъ бунтовщиковъ, и что при исполненіи своихъ обязанностей войны не должны смотрѣть ни на родство, ни на свойство, такъ какъ эти отношенія не существуютъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о спасеніи царя и государства; даже сынъ долженъ убить отца, вооружившагося на погубель своего отечества. Генералъ Гордонъ этимъ спартанскимъ ученіемъ побуждалъ вѣренныя ему полки къ доблестному дѣлу. День выступленія въ походъ противу отступниковъ отъ своего долга совпалъ съ Духовнымъ днемъ, и это обстоятельство служило счастливымъ предзнаменованіемъ; казалось, что сама судьба опредѣлила, чтобы духъ правды и справедливости помѣшалъ проискавъ неправедныхъ людей;

уси́хъ же достаточно это оправдывалъ. Походъ мятежнаго войска былъ задержанъ на третій день по выступленіи онаго несогласіями, возникшими между тремя предводителями, и чрезъ это вѣрное царю войско имѣло время встрѣтить измѣнившихъ стрѣльцовъ у Воскресенскаго, иначе—Іерусалимскаго монастыря. Еслибы стрѣльцы хотя за часъ успѣли овладѣть монастыремъ, то подъ защитою его твердынь могли бы, ослабивъ усердіе вѣрнаго войска, изнуреннаго продолжительными и тщетными покушеніями на монастырь, одержать надъ нимъ побѣду и увѣнчать уси́хомъ свое преступленіе противъ государя. Но дерзкимъ намѣреніямъ счастье отказало въ достиженіи возжелѣнной цѣли.

Вблизи монастыря находится низменная мѣстность, по которой, недалеко отъ монастырскихъ стѣнъ, протекаетъ узкая рѣчка; по сию сторону стояло уже царское войско, а на противоположномъ берегу—мятежники: эти послѣдніе предполагали переправиться чрезъ рѣчку и, если бы твердо держались своего намѣренія, то царскимъ войскамъ, уставшимъ отъ тяжкаго дневнаго похода, было бы трудно воспрепятствовать переправѣ. Но Гордонъ замѣнилъ недостатокъ силы хитростью и одинъ подошелъ къ берегу для переговоровъ съ стрѣльцами, которые думали уже переправляться; Гордонъ, чтобы отклонить ихъ отъ этого предпріятія, повелъ къ нимъ такую рѣчь:—«Объ чемъ вы думаете? Куда идете? Если вы идете въ Москву, то вѣдь ночь наступаетъ, вамъ невозможно будетъ продолжать дорогу, а на этомъ берегу слишкомъ мало мѣста, чтобы вы могли всѣ помѣститься; останьтесь лучше на той сторонѣ рѣки и ночью подумайте хорошенько, что завтра дѣлать!».

Мятежная толпа не отвергла столь дружескихъ совѣтовъ; впрочемъ, стрѣльцы были утомлены и не имѣли столь отваги, чтобы воспользоваться внезапнымъ случаемъ къ бою. Между тѣмъ, Гордонъ, ознакомившись хорошо съ мѣстностью, занявъ, съ согласія Шенна, своимъ войскомъ находящуюся вблизи и выдающуюся впередъ высоту, разставилъ и укрѣпилъ сторожи, не упуская ничего изъ виду, что могло служить ему для обороны и укрѣпленія и обратиться во вредъ и уронъ врагамъ. Полный духа, съ именьшимъ усердіемъ и мужествомъ отправлялъ всѣ обязанности по своей части и полковникъ императорской артиллеріи де-Граге: онъ помѣстился на выше упомянутомъ холмѣ, искусно размѣстивъ орудія, разставивъ ихъ въ такомъ порядкѣ, что почти вся честь успѣха принадлежала артиллеріи. На разсвѣтѣ, по приказанію воеводы Шенна, генераль Гордонъ отправился вновь для переговоровъ съ стрѣльцами и, укоривъ ихъ нѣсколькими словами въ неповиновеніи, много говорилъ о царскомъ милосердіи.—«Если вы требуете свое жалованье,—сказалъ Гордонъ,—то вѣдь не должны воины подносить просьбы къ государю толпами и съ возмущеніемъ. Зачѣмъ, нарушая уставъ военной службы и предписанія подчиненности, вы оставили мѣста, порученныя вашей вѣрности? Зачѣмъ, прогнавъ офицеровъ, предпринимаете насильственные мѣры? Для васъ гораздо будетъ лучше подать просьбы мирно и, вспомня долгъ вѣрности къ царю, возвратиться на назначенныя мѣста; ежели я увижу, что вы склоняетесь на доброе и передадите мнѣ свои просьбы, то исходатайствую удовлетвореніе этихъ просьбъ и прощеніе вашего преступленія». Но рѣчь Гордона не подѣйствовала на закоренѣлыхъ уже въ неповиновеніи измѣнниковъ; эти упорные люди дали лишь такой отвѣтъ:—«Мы скорѣе пойдѣмъ въ Москву

обнять нашихъ любовныхъ женъ и получить неуплаченное жалованье, чѣмъ возвратимся нищими на свои мѣста». Шейнъ, не смотря на то, что Гордонъ донесъ ему о преступномъ упрямствѣ стрѣльцовъ, не терялъ, однако-жъ, еще всей надежды на ихъ раскаяніе, и Гордонъ согласился отправиться въ третій разъ къ бунтовщикамъ попытаться, не удастся ли ему поддѣйствовать на этихъ остервенѣлыхъ мятежниковъ обѣщаніями прощенія и удовлетворенія ихъ жалованьемъ. Но не только всѣ убѣжденія Гордона и на этотъ разъ не увѣнчались успѣхомъ, на который все еще надѣялся Шейнъ, но самъ Гордонъ подвергался опасности отъ неистовства разсвирѣпѣвшихъ мятежниковъ: теперь уже ругательствами и бранью проводили они именитаго человѣка, своего бывшего предводителя. — «Убирайся скорѣе прочь, — кричали они, — да не толкуй много по пусту, ежели не хочешь, чтобы мы, пустивъ въ тебя пулю, уняли твою смѣлость: стрѣльцы знаютъ не хотятъ никакихъ начальниковъ, не слушаютъ ничьихъ приказаній и не вернутся на свои мѣста; въ Москву идемъ, а ежели насъ не пустятъ, то мы проложимъ себѣ дорогу силой и оружіемъ». Гордонъ, оскорбленный этой неожиданной дерзостью, сталъ совѣщаться по этому дѣлу съ Шейнымъ и съ другими присутствовавшими офицерами: не трудно было сдѣлать постановленіе противъ тѣхъ, которые уже рѣшились испытать силу своего оружія. Поэтому въ царскомъ станѣ все приготовлялось къ бою, такъ какъ мятежники были непоколебимы въ своемъ намѣреніи сражаться. Но стрѣльцы выказывали неменьшую заботливость: они устраивали боевую линію, наводили орудія, становились рядами, отправляли обычный молебенъ и дѣлали воззванія къ Богу, какъ будто они должны были вступить въ бой съ врагами за правое дѣло. Оба отряда, осѣнивъ себя безчисленное множество разъ крестнымъ знаменіемъ, начали сраженіе. Войско Шейна открыло пушечную и ружейную пальбу, но только холостыми зарядами, такъ какъ воевода не терялъ еще надежды, что стрѣльцы, испуганные дѣйствительнымъ отпоромъ, возвратятся къ повиновенію. Но стрѣльцы, замѣтивъ, что послѣ первыхъ выстрѣловъ не было ни раненыхъ, ни убитыхъ, сдѣлались еще смѣлѣе въ своемъ злодѣяніи. Съ большимъ присутвіемъ духа, чѣмъ прежде, открыли они огонь, и нѣсколько убитыхъ и большое число раненыхъ пали отъ ихъ выстрѣловъ. Когда смерть и раны достаточно увѣрили, что нужны болѣе сильныя мѣры, разрѣшено было полковнику де-Граге не употреблять болѣе холостыхъ зарядовъ, но стрѣлять ядрами и картечью изъ пушекъ большаго калибра. Полковникъ де-Граге этого только и ожидалъ: онъ тотчасъ-же далъ столь удачный залпъ въ мятежниковъ, что укротилъ ихъ ярость, и станъ враговъ, бывший поприщемъ подвиговъ сражавшихся воиновъ, превратился въ мѣсто жалкаго побоища. Одни падали мертвые, другіе въ ужасѣ бѣжали, какъ безумные, потерявъ, вмѣстѣ съ самонадѣянностью, и присутвіе духа: тѣ, которые въ этомъ опасномъ положеніи сохранили болѣе здраваго разсудка, старались ослабить и даже уничтожить дѣйствіе царской артиллеріи, направляя взаимно свои орудія на пушки де-Граге, но усиліе ихъ было тщетно. Полковникъ де-Граге предупредилъ ихъ оборотъ, направивъ свои орудія на пушки мятежной толпы; онъ открылъ огонь, который, подобно непрерывному урагану, сметалъ приближающихся къ ихъ орудіямъ стрѣльцовъ; много изъ нихъ пало, еще большее число обратилось въ бѣгство; и никто

уже не смѣлъ возвращаться къ своей батарее. Между тѣмъ, полковникъ де-Граге не переставалъ съ высоты, на которой онъ стоялъ, поражать разстроенные ряды враговъ, и стрѣльцы, столь неприступные часъ тому назадъ, отвергавшіе предложенную имъ милость, не находя теперь нигдѣ убѣжища и не видя средствъ къ спасенію, особенно же приведенные въ ужасъ непрерывнымъ пушечнымъ огнемъ, которымъ ихъ поражала нѣмецкая десница, пришли въ такое отчаяніе, что объявили желаніе сдаться. Въ столь короткое время итогъ боя отличилъ побѣдителей отъ побѣжденныхъ. Побѣжденные, прося о помилованіи, падали на колѣни и молили остановить убійственное дѣйствіе артиллеріи, увѣряя, что они немедленно сдѣлаютъ все, что имъ прикажутъ. Имъ отвѣтили:—«положите оружіе и выступите изъ своихъ рядовъ впередъ!» Приказаніе было исполнено. Но хотя побѣжденные немедленно бросили оружіе и пошли на назначенныя для нихъ мѣста, однако же царская артиллерія продолжала еще нѣсколько времени пальбу, опасаясь, чтобы съ прекращеніемъ причины страха, не проявилась въ стрѣльцахъ ихъ прежняя дерзость и упорное желаніе вести бой. Когда стрѣльцовъ хорошенько напугали, тогда уже смѣло можно было ихъ не падать. Тысячи людей, которые если-бы захотѣли испытать свои силы, то изъ побѣжденныхъ сдѣлались-бы побѣдителями, были теперь перевязаны. Есть Богъ, и Онъ-то обратилъ въ прахъ замыслы злыхъ, чтобы они не могли исполнить своего предпріятія.

Когда, такимъ образомъ, чрезмѣрная гордость мятежниковъ была совершенно укрощена и всѣ соучастники возмущенія находились въ цѣпяхъ, воевода Шениъ подвергъ ихъ пыткамъ, чтобы развѣдать о причинахъ и цѣли этого опаснаго и безбоязненнаго заговора, объ его зачинщикахъ, руководителяхъ и соучастникахъ. Эти распоряженія были необходимы, такъ какъ очень основательно подозрѣвали, что были высшіе начальники заговора, руководившіе настоящимъ мятежомъ. Каждый изъ стрѣльцовъ добровольно совнавался въ томъ, что онъ—уголовный преступникъ, но ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ объяснить, нѣтъ ли заговора, обнаружить намѣренія и открыть особъ, бывшихъ въ согласіи съ мятежниками, и потому нужно было прибѣгнуть къ застѣнкамъ, какъ къ послѣднему средству для открытія правды. Жестокость мученій, которымъ предавали преступниковъ, была неслыханная: ихъ ужасно били плетью, но, не получая отвѣта, допросы подвергали спины стрѣльцовъ, обогранныя кровью и залитыя сукровицей, дѣйствію огня, чтобы, чрезъ медленное обжиганіе кожи изувѣченнаго тѣла, острая боль, проникая до мозговъ костей и самыхъ фибръ нервовъ, причиняла жестокія мученія. Эти пытки употреблялись поочередно, смѣняя одна другую. Страшно было и видѣть и слышать эту ужасную трагедію. На открытой равнинѣ было разложено болѣе тридцати страшныхъ костровъ, надъ ними обжигали несчастныхъ, подвергаемыхъ допросу, которые издавали ужасные вопли; на другомъ мѣстѣ раздавались жестокіе удары плетью и такимъ образомъ прекраснѣйшая на землѣ мѣстность обратилась въ мѣсто звѣрскихъ истязаній. Когда большая часть преступниковъ уже испытала пытку, нашлись между ними такіе, которые не вынесли муки и объявили слѣдующее показаніе касательно своихъ злыхъ замысловъ:—«Мы знаемъ, какъ преступно наше дѣло; мы всѣ заслужили смертную казнь и, быть можетъ, ни одинъ изъ насъ

не желалъ бы быть освобожденъ отъ оной. Если бы судьба оказалась благопріятной нашимъ замысламъ, мы бы подвергли бояръ такимъ же казнямъ, какихъ ожидаемъ теперь, какъ побѣжденные; ибо мы имѣли намѣреніе все предмѣстье нѣмецкое съжечь, ограбить, истребить его до тла и, очистивъ это мѣсто отъ нѣмцевъ, которыхъ мы хотѣли всѣхъ до одного умертвить, вторгнуться въ Москву, потомъ, убивъ тѣхъ солдатъ, которые бы намъ оказали сопротивленіе, прочихъ присоединить къ себѣ, какъ соучастниковъ въ нашемъ злодѣяніи; бояръ—однихъ казнить, другихъ заточить и всѣхъ ихъ лишитъ мѣсты и достоинствъ, чтобы тѣмъ легче привлечь къ себѣ чернь; нѣкоторые священники пошли бы предъ нами съ иконой Божьей Матери и образомъ святаго Николая, чтобы показать, что мы не по коварству взяли за оружіе, но по благочестію, во славу Бога и на защиту вѣры. Овладевъ верховной властью, мы бы разсѣяли въ народѣ письма, въ которыхъ бы увѣряли, что его царское величество, выхавши, по дурнымъ совѣтамъ нѣмцевъ, за границу, за моремъ скончался. Въ нихъ народъ читалъ бы также слѣдующее: нужно предпринять мѣры, чтобы государственнй корабль не носился по морю безъ кормчаго, черезъ что могъ бы легко подвергнуться опасности попасть на какія-либо скалы, претерпѣть крушеніе, а потому царевна Софья Алексѣевна будетъ временно посажена на престолъ, пока царевичъ не достигнетъ совершеннолѣтія и не возмужаетъ. Василій Голицынъ будетъ возвращенъ изъ ссылки, чтобы помогать своими мудрыми совѣтами Софѣ».

Такъ какъ всѣ статьи этого показанія были настолько важны, что даже каждая изъ нихъ, взятая въ отдѣльности, подвергала виновныхъ смертной казни, то воевода Шенинъ велѣлъ сдѣлать по онимъ приговоръ, обнародовать его и исполнить. Многіе осуждены къ петлѣ и повѣшены, другіе къ пыткѣ и потомъ погибли на плахѣ: топоръ лишилъ ихъ жизни; большая же часть мятежниковъ оставлена для болѣе обдуманнаго наказанія и потому размѣщена была по окрестнымъ мѣстамъ подъ стражей. Вопреки совѣтамъ генерала Гордона и князя Масальскаго, приступилъ воевода къ этому допросу и преждевременно казнилъ начальниковъ мятежа безъ достаточнаго дознанія, устраняя ихъ этимъ способомъ отъ дальнѣйшаго изслѣдованія дѣла по стрѣльцкому мятежу, и потому достойно навлекъ на себя гнѣвъ справедливѣйшаго мстителя нарушенныхъ законовъ и палъ бы отъ руки государя среди увеселеній царскаго пира, если бы генералъ Лефортъ не удержалъ оной, не допуская кровопролитія. Но Шенинъ смотрѣлъ тогда другимъ взглядомъ на положеніе дѣла; по его мнѣнію, быстрое принятіе строгихъ мѣръ должно было произвести самую полезнѣйшую переимѣну въ расположеніи умовъ, и необходимыя ей слѣдствіемъ должно было быть внутренне почтеніе къ государю и боязнь казни. И потому, чтобы примѣромъ наказанія за нарушеніе законовъ внушить прочимъ ужасъ, онъ приговорилъ въ одинъ день семьдесятъ, а въ другой день девяносто преступниковъ къ смертной казни, которую они вполне заслужили.

Жажда мести, овладевшая сердцемъ его царскаго величества при вѣсти о мятежѣ стрѣльцовъ, ясно обнаруживала его огорченіе и страшное негодованіе. Царь находился въ Вѣнѣ и очень желалъ еще посѣтить Италію, когда получилъ извѣстіе о смутахъ внутри Россіи; но какую бы ни имѣлъ онъ прежде охоту продолжать путешествіе, означенное

донесеніе совершенно ее отбыло. Государь, подойдя къ своему уполномоченному, Лефорту (котораго онъ одного почти только изволилъ допускать къ самымъ короткимъ съ собою сношеніямъ), взволнованнымъ голосомъ сказалъ:— «Францъ Яковлевичъ! Постарайся, чтобы я могъ какъ можно скорѣе, самой кратчайшей дорогой пріѣхать въ Москву и моихъ подданныхъ наказать за вѣдѣніе ихъ казнями, вполне достойными! Пощади никому не будетъ. Вокругъ моего царскаго града, который они хотѣли безбожно ограбить, между его валами и стѣнами, велю поставить позорныя крѣпости и орудія казни, чтобы жестокой смертью истребить всѣхъ вмѣстѣ и каждаго особо». И недолго откладывалъ Петръ исполненіе принятаго имъ мѣрѣнія удовлетворить свой справедливый гнѣвъ: по предложенію своего уполномоченнаго Лефорта, Петръ отправился на восточныхъ *) и, проскакавъ благополучно въ четыре недѣли триста миль, прибылъ въ Москву—государемъ для добрыхъ, мстителемъ для злыхъ. Первое, что обратило его вниманіе по пріѣздѣ, было дѣло о стрѣльцкомъ мятежѣ; онъ спрашивалъ:— «Какія его начала? Какая была цѣль виновниковъ смуты? Кто ихъ подыгнулъ на такое страшное преступленіе?» И какъ не нашлось никого, кто бы могъ удовлетворительно отвѣтить на всѣ его вопросы, такъ какъ одинъ ссылался на свое незнаніе, другіе—на упорство стрѣльцовъ при допросахъ, то царь сталъ считать всѣхъ своихъ приближенныхъ людьми неблагонадежными и думать о новомъ допросѣ. Всѣ мятежники, содержавшіеся подъ карауломъ въ разныхъ сосѣднихъ мѣстахъ, были сведены четырьмя полками гвардіи и подвергнуты новымъ пыткамъ и истязаніямъ. Преображенское обратилось въ темницу, въ мѣсто суда и застѣсковъ для приведенныхъ арестантовъ. Ежедневно—былъ ли то будній день или праздникъ,—допрошки занимались своимъ дѣломъ: всѣ дни считались вполне хорошими и законными для мученій. Сколько было преступниковъ—столько и кнотовъ, сколько было допрощиковъ—столько и палачей. Князь Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій, будучи строже прочихъ, былъ тѣмъ способнѣе къ произведенію допросовъ. Самъ великій князь, изъ недовѣрчивости къ своимъ приближеннымъ, принималъ на себя обязанность слѣдователя. Онъ задавалъ вопросы и тщательно сличалъ отвѣты преступниковъ, отъ неознававшихся наотлично требовалъ признанія, и тѣхъ, которые болѣе упорствовали въ молчаніи, принималъ предавать жестокииъ мукамъ, и если они много поминивали, еще допытывался отъ нихъ новыхъ объясненій. Когда отъ мучительнаго мученія допрашиваемые, совершенно ослабѣвши, лишались памяти и почти чувствъ, тогда государь приказывалъ лѣкарямъ возмущивать медицинскими пособіями силы допрашиваемыхъ; преданные нимъ истязаніямъ, они вновь торжм своимъ силы. Весь мѣсяць октябрь

*) Государь отправилъ въ Польшу 10-го июля 1698 г., съ немногими людьми, въ пяти экипажахъ. На этотъ же день поспѣвали въ Россію великіе послы, Фридрихъ Лефортъ и Голштинъ. 11-го числа царь проскакалъ въ Краковъ, гдѣ получилъ известіе, что князь въѣхавшій умирноиъ, послѣ чего Петръ поѣхалъ уже не торопясь, а въ сопровожденіи князя и воеводы у польскихъ вельможъ, провелъ три дня въ Варшавѣ. 14-го числа 11-го мѣсяца, и 20 августа прибылъ въ Смоленскъ, а 25-го числа 11-го мѣсяца, въ полночь въ Москву.

прошелъ въ изувѣчиваніи спинъ преступниковъ ударами кнотовъ и въ обжиганіи огнемъ; только въ тотъ день спасались они отъ плетей или отъ пламени, въ который колесо или топоръ лишали ихъ жизни. Стрѣльцовъ приговаривали къ этимъ казнямъ только тогда, когда показанія ихъ доставляли удовлетворительныя свѣдѣнія касательно начальниковъ мятежа.

XXIV. КАЗНИ СТРЕЛЬЦОВЪ ПОСЛѢ ВТОРАГО СТРЕЛЬЦКАГО ВУНТА.

(Изъ „Дневника“ Корба).

Полкъ Гордона привелъ къ новому розыску мятежныхъ стрѣльцовъ изъ разныхъ крѣпостей, находящихся въ окрестностяхъ Москвы.

Одного священника, замѣшаннаго въ мятежъ, допрашивалъ самъ царь, но онъ доселѣ ни въ чемъ не сознался, хотя его и стращали кобылкою.

15 человекъ преступниковъ, недавно приведенныхъ (въ Москву) и обличенныхъ въ измѣнѣ, колесованы; за тѣмъ отрублены были головы тѣмъ, которые еще жили послѣ этого мученія.

Царь ѣздилъ въ Новодѣвичій монастырь для допроса сестры своей, Софіи, заключенной въ сей обители. Общая молва обвиняетъ ее въ томъ, что она была зачинщицей послѣднихъ смутъ. Говорятъ, что оба, при свиданіи, не могли удержаться отъ слезъ *).

Такъ какъ попъ, о которомъ я уже упомянулъ (не Бобяковъ ли?), увѣрялъ, что всѣ попы, сколько ему извѣстно, молились Всевышнему лишь о счастливомъ возвращеніи царскаго величества, то его подвергли пыткамъ. Жестокія истязанія вынудили наконецъ его сознаться въ томъ, что онъ воодушевлялъ мятежниковъ, одобрялъ ихъ и благословлялъ начало ихъ предпріятія.

Мятежники упорно молчатъ, почему ихъ подвергаютъ неслыханнымъ пыткамъ: жестоко избитыхъ кнутами жарятъ на огнѣ, затѣмъ вновь начинаютъ стѣчь, послѣ чего опять тащатъ къ огню. Такимъ порядкомъ производится московская кобылка. Царь до того не довѣряетъ боярамъ и такъ увѣжденъ въ томъ, что они ничего не въ состояніи сдѣлать добросовѣстно, что опасается допустить ихъ хотя малѣйше до участія въ производствѣ настоящаго слѣдствія. Поэтому самъ онъ составляетъ вопросы, самъ допрашиваетъ преступниковъ, требуетъ у нихъ признаніе; тѣмъ же, которые продолжаютъ молчать, велитъ пытать на дыбкѣ. Потому-то въ Преображенскомъ (гдѣ производится этотъ жесточайшій допросъ) ежедневно пылаютъ болѣе тридцати костровъ.

Подполковникъ Колпаковъ послѣ жесточайшихъ пытокъ, лишился возможности говорить. Его поручили попеченіямъ царскаго врача, съ тѣмъ, чтобы, по приведеніи его въ чувство, вновь подвергнуть пыткѣ.

Вѣсть о жестокости ежедневно производимыхъ пытокъ дошла до патриарха. Онъ нашелъ, что обязанность его требуетъ убѣдить разгнѣваннаго монарха смягчиться. Лучшимъ для сего средствомъ считалъ онъ явиться къ царю съ образомъ Пресвятой Богородицы: ликъ ея, думалъ онъ, пробудитъ въ почти ожесточившемся

*) Корбъ спуталъ имена царевенъ: въ этотъ день Петръ допрашивалъ не Софію, а царевну Марю. Устрял. III, 214.

сердцѣ челоѵчество и чувство естественнаго состраданія. Но притворная обрядная набожность не могла имѣть вліянія на точные взгляды правосудія, коими царь измѣрялъ великость такого преступленія; ибо теперь было такое время, что для блага всей Московіи не набожность, но жестокость нужна была, и тотъ бы весьма погрѣшилъ, кто бы такой способъ принужденія считалъ тиранствомъ, ежели съ нимъ сопряжена справедливость, въ особенности когда члены государственнаго тѣла до того поражены болѣзнію и подвержены неизлѣчимуому гніенію, что для сохраненія организма ничего не остается, какъ желѣзомъ и огнемъ уничтожить эти члены. Поэтому слова, коими поразилъ царь патріарха въ отвѣтъ на его убѣжденія, не были недостойны его величія:— „Зачѣмъ пришелъ ты сюда съ иконой? и по какому долгу твоего званія ты здѣсь явился? Убирайся отсюда живѣе и отнеси икону туда, гдѣ должно ее хранить съ подобающей ей честью! Знай, что я чту Бога и почитаю Пресвятую Богородицу, быть можетъ, болѣе, чѣмъ ты. Но мой верховный санъ и долгъ предъ Богомъ повелѣваютъ мнѣ охранять народъ и карать въ глазахъ всѣхъ злодѣянія, клонящіяся къ его погибели“.

Говорять, въ этотъ же самый день происходилъ розыскъ надъ однимъ москвитяниномъ, какинъ-то дьячкомъ, за то, что въ его домѣ и при его содѣйствіи сходилось четверо стрѣльцовъ, виновныхъ въ государственномъ преступленіи, для таинственныхъ переговоровъ. Дьячеа, какъ вторично обвиненнаго въ государственной измѣнѣ, самъ царь, сопровождаемый княземъ Ромодановскимъ и генераломъ Автамономъ *), повлекъ къ допросу.

Двѣ постельницы всепреслѣдѣнныхъ сестеръ государя, Жукова (Schukowa) царевны Марѣи и Федора (Fieга) Софіи **), самими государемъ были взяты въ Кремль. Испуганная угрозами и послѣ нѣсколькихъ ударовъ на пыткѣ, онѣ показали, что ненависть, какую питаютъ всѣ москвитяне къ генералу Лефорту и къ каждому нѣмцу, была главнымъ поводомъ къ преступному замыслу. Большая часть москвитянъ, по самой природѣ своей, имѣютъ столь варварскіе нравы, что не терпятъ благодѣяній, вносимыхъ въ ихъ отечество иностранцами.

Младшему Лефорту царь велѣлъ сообщить послу, что завтра совершена будетъ казнь преступниковъ.

10. Въ Преображенскомъ царь, окруженный войскомъ, не допускавшимъ рѣшительно къ нему никого изъ постороннихъ, собственноручно отсѣкъ головы пяти преступникамъ. Другіе 230 челоѵкъ заплатились смертью на висѣлицахъ за участіе въ мятежѣ ***). Царь, представители иноземныхъ государей, московскіе бояре и большая толпа нѣмцевъ—были зрителями сей ужасной трагедіи.

*) Автамонъ Михайловичъ Головинъ, двоюродный братъ графа Федора Алексѣевича, одинъ изъ любимѣйшихъ сподвижниковъ Петра, въ 1695 году пожалованъ званіемъ перваго полковника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка съ чиномъ генерала, попался въ плѣнъ подъ Нарвою, въ которомъ находился около 18 лѣтъ, и размѣненъ былъ съ княземъ И. Ю. Трубецкимъ (послѣ генералъ-фельдмаршаломъ, скон. 1750 г.) на шведскаго фельдмаршала, графа Реншильда; по возвращеніи получилъ орденъ Андрея Первозваннаго, но, изнуренный долговременной неволей, умеръ въ половинѣ 1720 года.

**) Разсказъ Корба о розыскѣ постельницъ, Анны Жуковой и Федоры Колужкиной, не вполне согласенъ съ свидѣтельствами подлинныхъ документовъ. Слич. у Устр. III, стр. 214—217.

***) По подлиннымъ документамъ въ этотъ день казнено только 201 челоѵкъ (Устр. III, стр. 219), но, кромѣ того, въ тотъ же день 100 челоѵкъ несовершеннолѣтнихъ, отъ 16 до 20 лѣтъ, по наказаніи кнутаомъ, заклеенные въ правую щеку, сосланы въ дальніе города (тамъ же).

Одинъ изъ стрѣльцовъ заявилъ, что генералъ Лефортъ далъ поводъ къ мятежу; поэтому стрѣлецъ былъ спрашивается самимъ царемъ въ присутствіи генерала: знаетъ ли онъ его, чѣмъ именно тотъ заслужилъ всеобщую ненависть, и считаетъ ли онъ самъ справедливыми тѣ обвиненія, которыя взводятъ на генерала? Стрѣлецъ отвѣчалъ на это, что онъ не знаетъ генерала, равно какъ не знаетъ навѣрно и того, дѣйствительно ли тотъ сдѣлалъ то, въ чемъ его вообще обвиняютъ. Онъ, стрѣлецъ, вѣрилъ письмамъ, и ему одному не приходилось разубѣждать всѣхъ въ неосновательности ихъ толковъ о генералѣ. Когда царь потомъ спросилъ стрѣльца, что бы онъ сдѣлалъ въ томъ случаѣ, если бы предпріятіе ихъ удалось и если бы царь или самъ Лефортъ попались ему въ руки, то тотъ немедленно отвѣчалъ:— „Зачѣмъ меня объ этомъ спрашивается? Самъ, чай, лучше можешь рассудить, чтобы тогда было! Если бы счастье не измѣнило намъ и мы взяли бы Москву, оставляя въ сторонѣ подобныя допросы, какъ ненужныя, занялись бы боярами, да такъ, что всѣмъ было бы любо!“ Стрѣлецъ этотъ, по царскому повелѣнію, колесованъ главнымъ образомъ за то, что дерзнулъ увѣрять, будто Лефортъ уговорилъ царя отправиться за границу.

500 стрѣльцовъ, во вниманіе къ ихъ возрасту и изъ сожалѣнія къ ихъ молодости, а также имѣя въ виду незрѣлость ихъ понятій, освобождены отъ смертной казни, но имъ вырѣзали ноздри, обрѣзали уши и сослали въ отдаленныя области съ неизгладимымъ клеймомъ, свидѣтельствующимъ объ ихъ преступленіи.

15 и 16. Жесточайшія истязанія, четыре раза возобновлявшіяся, не могли преодолѣть упорнаго молчанія Васьки Зорина (Batska Gorini), предводителя мятежа; наконецъ на очной ставкѣ съ своимъ 20-тилѣтнимъ парнемъ, котораго захватилъ гдѣ-то на границахъ московскихъ и приневолилъ къ себѣ въ услуженіе, Зоринъ разсказалъ всю исторію своихъ преступныхъ дѣйствій.

17. Говорятъ всюду, что сегодня его царское величество вновь казнилъ нѣсколькихъ государственныхъ преступниковъ. Подполковникъ Колпаковъ, послѣ длиннаго ряда истязаній, лишился языка и не въ состояніи даже пошевелиться, почему его вновь поручили попеченію и искусству царскаго врача. Послѣдній неосторожно забылъ-было въ тешицѣ ножъ, которымъ приготовлялъ ему лѣкарство. Колпаковъ, негодуя на то, что лѣкарство возвращало ему, почти бездыханному, силы и живнъ только для того, чтобъ опять подвергнуть его жесточайшимъ пыткамъ, хватаетъ ножъ и подноситъ къ горлу, въ намѣреніи пресѣчь имъ свою жизнь и тѣмъ освободиться отъ мученій; но не достало ему силъ на исполненіе его замысла, ибо отъ раны, которую себѣ нанесъ, Колпаковъ выздоровѣлъ и сегодня снова повлеченъ къ пыткамъ.

20 и 21. Вновь повѣшено 230 преступниковъ; они развѣшены вокругъ бѣлой стѣны, при городскихъ воротахъ.

Царь рѣшилъ сегодня созвать по два человѣка отъ всѣхъ сословій своего народа, т. е. отъ бояръ, князей, военныхъ чиновъ, стольниковъ, приказныхъ (scribis), гражданъ, простонародья и отъ особыхъ общинъ, — въ общій совѣтъ всѣхъ чиновъ, и этому собранію дать приказаніе и полную власть допросить Софію, обнаружить ея происки, угрожавшіе государству, приговорить ее къ такого рода казни, какую она заслужила, и свое рѣшеніе объявить во всеобщее извѣстіе.

22 и 23. Вновь нѣсколько сотъ мятежниковъ повѣшено вокругъ бѣлой стѣны города Москвы.

27. Вышеупомянутыя двѣ постельницы закопаны живыми въ землю, если только слухъ о семъ справедливъ. Бояре и вельможи, находившіеся въ совѣтѣ, на которомъ рѣшена борьба съ мятежниками, сегодня приглашены были составить новое судилище: предъ каждымъ изъ нихъ поставили по одному преступнику;

каждый изъ нихъ долженъ былъ произнести приговоръ стоявшему передъ нимъ преступнику и послѣ исполнить оный, обезглавивъ собственноручно виновнаго. Князь Ромодановскій, бывшій начальникомъ четырехъ стрѣлецкихъ полковъ до возмущенія ихъ, принуждаемый его величествомъ, собственной рукой умертвлялъ топоромъ четырехъ стрѣльцовъ. Болѣе жестокимъ явился Алексашка, хватаясь тѣмъ, что отрубилъ 20 головъ. Голицынъ былъ столь несчастливъ, что неловкими ударами значительно увеличилъ страданія осужденнаго. 330 человекъ, приведенныхъ въ одно время подъ страшную сѣкиру, обогрѣли обширную площадь кровью гражданъ, но гражданъ преступныхъ. Генералъ Лефортъ и баронъ фонъ-Блюмбергъ были, также приглашаемы царемъ взять на себя обязанность палачей, но они отговорились тѣмъ, что въ ихъ странѣ это не принято. Самъ царь, сидя верхомъ на лошади, сухимъ глазомъ глядѣлъ на всю эту трагедію и на столь ужасную рѣзню такого множества людей; одно только сѣрило его, т. е. что у большей части бояръ, не привыкшихъ къ должности, которую на нихъ возложилъ онъ, тряслись руки, когда они принимались за это дѣло, между тѣмъ какъ преступникъ, по мнѣнію его, есть жертва, какую можно лишь заклатъ Богу.

28. Сегодня приняты были мѣры противъ поповъ, т. е. тѣхъ, которые, имѣя намѣреніе вынести иконы Пресвятой Богородицы и Св. Николы, съ цѣлью побудить народъ перейти на сторону мятежниковъ, возносили къ Богу молитвы о благополучномъ исходѣ безбожнаго злоумышленія: одинъ попъ былъ повѣшенъ предъ церковью Святой Троицы, а другой обезглавленъ и потомъ, для вящаго позора, колесованъ *). Два брата государственныхъ измѣнниковъ, когда палачъ перебилъ ихъ внѣшніе члены, живьемъ еще были колесованы **); вокругъ ихъ лежало двадцать обезглавленныхъ тѣлъ, плававшихъ въ собственной крови, среди коихъ лежалъ трупъ третьяго брата; съ завистью взирали на него колесованные, горько жалуясь на то, что скорая смерть разлучила ихъ съ человекомъ, съ которымъ соединяла ихъ сперва природа, а потомъ постыдное сочувствіе къ преступленію.

Вблизи Новодѣвичьяго монастыря поставлено было тридцать висѣлицъ четырехугольнымъ, на коихъ 230 стрѣльцовъ, заслужившихъ болѣе жестокое наказаніе, повѣшены. Трое зачинщиковъ страшнаго мятежа, подавшихъ челобитную царевнѣ Софіи о томъ, чтобы она приняла кормило правленія, также повѣшены на стѣнѣ Новодѣвичьяго монастыря, подъ самыми окнами Софьиной кельи. Тотъ изъ трехъ, кто висѣлъ въ срединѣ, держалъ привязанную къ жертвѣмъ рукамъ челобитную, конечно, для того, чтобы усугубить мученіе Софін за совершенное ею

---

*) То были распопы: Борисъ Леонтьевъ и Ефимъ Самсоновъ.

***) То были два брата Калнстратовы.

XXV. О ПРИЧИНАХЪ ВОЙНЫ ПЕТРА В. СЪ КАРЛОМЪ XII.

(Изъ сочиненія Шифриова *).

Хотя при началі сей войны межъ Имперіемъ Россійскимъ и короною шведскою съ обѣихъ странъ многія деклараціи, манифесты и универсалы (циркуляры) письменные выдаваны суть; однакожь, понеже оныя токмо по каждой страны интересу, и по состоянію времени, и по потребности конъюктуръ (обстоятельствъ), а особливо со стороны Его Царскаго Величества токмо въ краткихъ опредѣленіяхъ были сочинены. И большая часть оныхъ въ отвѣтъ на многіе со шведской страны ругательные и Его Царскаго Величества собственной высокой особѣ, и всего Россійскаго народа чести и славы съ поношеніемъ касающіеся манифесты и универсалы къ возмущенію Его Царскаго Величества подданныхъ противъ всѣхъ христіанскихъ и политическихъ (образованныхъ) народовъ обычаю выдаваемыхъ, учинены и публикованы суть. И того ради во оныхъ токмо ко опроверженію тѣхъ колумній (клеветъ) и поносовъ (поношеній), и ко очищенію обруганной славы Е. Ц. В—ства и его оружія и къ содержанію подданныхъ его въ вѣрности писаны. И тако того, что ко объявленію правыхъ и законныхъ причинъ сей войны надлежало, во оныхъ пространно не содержано, въ тому же оныя всѣ объявительные грамоты и письма для народа Россійскаго на Россійскомъ языкѣ и въ оныхъ земляхъ выдаваны, кромѣ нѣкоторыхъ немногихъ въ Польшѣ и на Польскомъ языкѣ писанныхъ. И тако въ протчихъ краяхъ Европейскихъ мало или и весьма о оныхъ неизвѣстно. Противъ того же со стороны шведской оныя всѣ письма большая часть на нѣмецкомъ языкѣ шттилизваны (сочинены) и потомъ на иные языки въ Европѣ употребляемы нарочно для внушенія всѣмъ перевоженны и дивулгованы (разглашены), дабы тѣмъ Его Царское Величество яко начателя противъ короны шведской войны предъ всѣмъ честнымъ свѣтомъ въ тотъ концептъ или мнѣніе привести, будто Е. В. оную войну безъ правильныхъ и законныхъ причинъ началъ и оную безпримирительно продолжаетъ, внеся во оныя многіе несносныя и межъ potentаты (государями) христіанскими необыкновенныя клеветы. Отъ чего, а особливо, понеже всегда натурально есть человѣкомъ о бѣдствующихъ сожалѣніе, а на благополучіе имѣющихъ зависть имѣти, не смотря на причины, кто тѣмъ бѣдствамъ, которые первый терпитъ, виновенъ, яко же всѣмъ извѣстно есть, многіе, особливо же тѣ, которые за отдаленіемъ отъ сихъ обѣихъ сѣверныхъ коронъ о древнихъ и новыхъ ихъ исторіяхъ основательнаго извѣстія не имѣютъ, по тѣмъ шведскимъ внушеніямъ въ томъ мнѣніи и донныѣ пребываютъ, что сія война на его королевское величество свейское (шведское) не токмо

---

*) Полное заглавіе этого сочиненія слѣдующее: „Разсужденіе какіе законныя причины Е. В. Петръ Первый царь и повелитель Всероссійскій, и проч., и проч., и проч., къ началію войны противъ короля Карола XII Шведскаго 1700 году имѣлъ, и кто изъ сихъ обоихъ potentатовъ, во время сей пребывающей войны болѣе умѣренности и склонности къ примиренію показывалъ и кто въ продолженіи оной съ толь великимъ разлітіемъ крови христіанской и разореніемъ многіхъ земель виновенъ, и съ которой воюющей страны та война по правиламъ христіанскихъ и политическихъ народовъ болѣе ведена“. Авторъ этой книги—баронъ Шифриовъ, вице-канцлеръ, пользовавшійся большою довѣренностію Петра. Книга имѣла 3 изданія: въ 1717, 1719 и 1722 годахъ.

отъ Его Царскаго Величества одного, но и отъ всѣхъ сѣверныхъ высокихъ союзнаиковъ безъ праведныхъ причинъ для единого токмо властолюбія, начата есть и для его конечнаго опроверженія непримирительно продолжается. Того ради, побужденъ нѣкоторый вѣрный патриотъ (отечества сынъ) изъ Россійскаго народа для оправданія своего Всемиловѣйшаго Самодержца и правдулюбиваго Царя и Государя въ начатіи сея войны отъ такихъ неправедныхъ клеветъ и шведскихъ внушеній испросилъ у высокопомянутаго Его Величества всемиловѣйшее соизволеніе сіе разсужденіе на свѣтъ выдать и тѣмъ оному показать.

1) Правыя важныя и законныя древнія и новыя причины, которыхъ ради Е. Ц. В., яко христіанскій монархъ и истинный отецъ отечества своего, не токмо долженъ, но и необходимо принужденъ былъ начать сію войну противъ короны шведской, яко изъ древнихъ лѣтъ и непремѣнно даже и до счастливаго государственія его Имперію Россійскому непримирительной, враждебной преслѣдовательницы.

2) И что толь долговременному продолженію сея войны и пролитію многой крови человѣческой и разоренію земель весьма не Его Царское Величество, но нѣкто иной, крошѣ самого его Королевскаго Величества шведскаго, вина и причина есть.

3) Что со стороны Царскаго Величества во время сей войны со всякой угѣренностію, христіанскимъ милосердіемъ и отъ большей части, по обычаю всѣхъ политичныхъ христіанскихъ народовъ, поступлено, и ежели какая жестокость гдѣ и показана, то болѣе для отищенія шведской жестокости къ Его Царскаго Величества войскамъ и вѣрнымъ подданнымъ учинено. Противъ тогожъ со шведской страны оная война съ начала и до сего времени была не по обычаю политичныхъ народовъ, но со всякою суровостію, нелюдностію и досадительностію ведена. И уиовѣить, что мы все сіе съ такимъ основаніемъ и истинною докажемъ, что всякъ безпристрастный не можетъ укорить и доказать, чтобъ въ семъ объявленіи что обрѣтено было нико самой истины или по пристрастію и по злобѣ къ шведскому народу писанное.

4) Древнихъ и новыхъ причинахъ, которыхъ ради должно было Е. Ц. В., яко отцу отечества своего, противъ короны шведской войну начать.

Древнія причины послѣдующія.

Что провинціи Карелія и Ингрія, или Карельская и Ижерская земля, со всѣми принадлежавшими ко онымъ уѣздами, городами и мѣстами, издревле ко Всероссійскому Имперію принадлежали, то не могутъ и сами Шведы отрицати, ибо всѣ договоры и торговельныя отъ давнихъ лѣтъ межъ коронами Россійскою и Шведскою о томъ ясно гласятъ, изъ которыхъ особливо и нынѣ въ канцеляріи Россійской оригинальнѣе трактатъ о 40-лѣтнемъ перемиріи, заключенный въ 1556 году при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, достохвальной памяти, чрезъ Новгородскаго наѣстника, а также Іоаннъ Гамискаго съ товарищи по тогдашнему обычаю съ Густавомъ I, королемъ шведскимъ учиненный обрѣтается... Такожъ и другіе многіе трактаты до королевы Елизаветы, Іоанновъ и Кароловъ IX о томъ свидѣтельствуютъ; но и болѣе нѣтъ отъ провинцій Лифляндіи и Эстляндіи принадлежала подъ обидною и протекшею королю Россійской, якоже ясно тому свидѣтельство то, что городъ Куршь Ливонскій, по нѣмецки Дерптъ названный, въ оной провинціи отъ великаго князя Ярослава-Георгія въ лѣто отъ Р. X. 1026 до великаго вѣршаго лѣтоиспанъ созданъ, и во имя его Юрьевъ нарѣченъ, и въ ономъ въ Россійскихъ лѣтоиспанъ Колыванъ называется, которое (на-

звание) можетъ растолковаться на нѣмецкомъ языкѣ, якобы Яганесъ-бургъ, по имени древняго велик. князя Іоанна. И во оныхъ городахъ обрѣтающіеся епископы и маістры Россійскихъ монарховъ за своихъ государей почитали и, яко трибутаріи, (данники) имѣ дань погодную давали, о чемъ многіе подлинныя ихъ пересылки и акты (записки) въ канцеляріяхъ Россійскихъ на Москвѣ, въ Новгородѣ и во Псковѣ и нынѣ обрѣтаются. Чему и то явный знакъ есть, понеже въ сихъ оныхъ городахъ, а именно Дерптѣ и Ревелѣ, церкви Россійскія греческаго исповѣданія непремѣнно содержаны были, которые и понынѣ еще суть, и въ Ревелѣ оная и донынѣ весьма невредна. И хотя вренемъ оныя провинціи отъ Россійскаго владѣнія при противныхъ конъюктурахъ (обстоятельствахъ) и отступали, однакожь пакы иногда договорами, иногда же и оружіемъ къ оному присовокуплены бывали, какъ и во время владѣнія вел. князя Александра (ради его великой на Невѣ-рѣкѣ противъ короля шведскаго Магнуса одержанной вѣкторіи Невскимъ нареченнаго) отступившая-было провинція Лифляндія отъ него пакы оружіемъ подъ владѣніе его приведена и дань на нихъ погодная наложена. И особливо оныя провинціи были подъ владѣніемъ короны Россійской въ царство царя Іоанна Васильевича Перваго, собирателя нареченнаго. А потомъ и за сыномъ его, царемъ Василіемъ Іоанновичемъ, и за внукомъ Іоанномъ Васильевичемъ Вторымъ, который за отступление оныхъ провинцій многія войны отправлялъ.

(Далѣе Шафировъ рассказываетъ о затруднительныхъ обстоятельствахъ Россіи въ эпоху самозванцевъ и междупарствія и при Михаилѣ Теодоровичѣ, указываетъ, какъ этииъ пользовались шведы и какъ Михаилъ, принужденный вести борьбу съ поляками, согласился на тяжкія уступки).

... И тако принуждены Царскаго Величества послы на горестный и невольный ииръ (въ Столбовѣ) для избавленія отечества своего отъ крайняго разоренія поступить, и тѣ провинціи Ижерскую и Карельскую купно съ Иваножъ-городомъ, Ямами, Копорьемъ и Орѣшкомъ и со всѣми во оныхъ принадлежащими землями и островами морскими, за устьемъ Невы-рѣки обрѣтающимися и издревле къ Россійскому государству принадлежащими, Шведскому королю уступить, довольствуясь токмо возвращеніемъ одного Нова-города съ частью малаго уѣзда и освобожденіемъ отъ осады Пскова, и принуждены еще сверхъ того дать въ шведскую сторону не малую сумму денегъ. Такожъ, понеже шведовъ всегда совѣсть обличала, что оныя неправедно похитили прежде сего и присовокупили себѣ провинціи Ливонію и Эстляндію, прежь сего отчасти во владѣніи, отчасти-жь подъ протекцію и трибутомъ (данію) Россійскихъ самодержцевъ бывшія: того ради въ томъ же трактатѣ отступление всѣхъ претензій, которыя Государи Россійскіе на оныя имѣли, себѣ выговорили и отъ пословъ Россійскихъ вымогли, который трактатъ принужденный между обѣими страны чрезъ посредство англійскаго посла заключенъ 1616 г., Февраля въ 27 день, межъ Тихвиномъ и Ладогою въ деревнѣ, именуемой Столбовѣ, и по оному тако тѣ провинціи противъ всякой истины и христіанской любви за толь многими мирными договорами и союзомъ оборонительнымъ (при Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ) похищенные коронѣ шведской достались и тѣмъ Россійскому государству и народу невозвратный убытокъ нетокмо въ купечествѣ, но наипаче въ пресѣченіи коммуникаціи со всѣми европейскими государствами. Чего оная корона, всегда Россійскому Государству враждебная, паче всего искала, дабы всегда оной въ невѣдѣніи воинскихъ и политическихъ дѣлѣхъ содержать и ни до какого искусства чрезъ обхождение съ европейскими народами не допустить. Яко же всѣмъ извѣстно, какія максимы или правила политическія королямъ шведскимъ отъ преждебывшаго ихъ славнаго государственнаго канцлера графа Оксенстерна предложены, знатно изъ древнихъ ихъ политическихъ правилъ, о которыхъ

Пуфендорфъ въ своей книгѣ, „Введеніе въ исторію“ названной, напоминаетъ. А именно, чтобы всяко содержать Россійскій, яко сильный народъ въ эзерципн (обученія) военнаго, дабы не позналъ силы своей. И тако изъ сихъ вышеписанныхъ обстоятельствъ можетъ весь свѣтъ видѣть, коль праведно корона шведская въ полученію наслѣдныхъ Е. Ц. В. провинцій, Ингрн и Корелн, съ принадлежностями доступила. И всякъ, ежели кто злобою и пристрастіемъ не ослѣпленъ, признаетъ, имѣлъ ли Е. Ц. В. Всероссійскій Петръ Первый древнія въ правѣ натуральномъ основанныя причины сіи отъ наслѣднаго своего государства противъ всякой правости похищенныя и отторгнутыя и около ста лѣтъ во владѣніи насильномъ содержанныя провинціи отыскивать, и за ту претерпѣнную обиду и за полученныя въ тѣ годы съ оныхъ провинцій подати и контрибуціи искать сатисфакціи присовокупленіемъ другихъ земель, во владѣніи короны шведской не праведно-жъ бывшихъ?....

Но ежели-бъ кто въ оправданіе шведское восхотѣлъ представить, что понеже тѣ провинціи чрезъ формальный трактатъ съ Россійской стороны въ шведскую уступлены, того ради не подлежало-бъ съ нарушеніемъ онаго трактату оныя отбирать. И на то отвѣтствуется, что хотя-бы Царское Величество и не имѣло иныхъ новыхъ важныхъ причинъ противъ короны Шведской войну вчинять, то по всѣмъ правамъ натуральнымъ и гражданскимъ, не токмо имѣлъ съ добромъ совѣстію довольныя причины, но и долженъ былъ, яко отецъ отечества, для превращенія тѣхъ не праведно съ нарушеніемъ прежняго, безпринужденнаго вѣчнаго мира и добровольно заключеннаго оборонительнаго союза отъ короны своей отторгнутыхъ, наслѣдныхъ провинцій, усмотря благовременство, войну начать и чрезъ правдивое свое оружіе того своего властнаго и съ награжденіемъ убытковъ взыскивать, что обманомъ и коварствомъ отнято, и насиліемъ во время упадку и почтай самого паденія Россійскаго государства взято. Да разсудить всякъ партикулярный, пріятноль то, кому будетъ за неправду, ежели-бъ кто, впадши въ руки разбойниковъ, всегдѣ имѣнія своего былъ лишенъ и отъ угроженія потерянія живота отдалъ, и своего устрасясь для спасенія того все свое прочее имѣніе онымъ хищникамъ еще и письмомъ бы и клятвою утвердилъ, что онъ то имъ уступаетъ добровольно и впредь въ вѣчныя времена взыскивать не будетъ, а потомъ бы, свободясь отъ той опасности, сталъ чрезъ порядочной судъ на тѣхъ разбойникахъ того похищеннаго изыскивать и въ награжденіе претерпѣннаго страху увѣчья и убытковъ выще, нежели его похищенныхъ было претендовать, но и наказанія смертнаго на тѣхъ хищниковъ по правамъ искать? И виѣннлъ бы кто правый судья по всѣмъ правамъ тому обидѣнному то въ нарушеніе клятвы и данное въ томъ письмо, въ какую obligatiō? Но наипаче, уничтожа то все, не судилъ ли бы тѣхъ разбойниковъ по жестокости правъ? И вѣмъ, что сего никто опречкословить по правости не можетъ. Но понеже великіе потентаты на семъ свѣтѣ никого кромя высшаго суди Бога надъ собою не имѣютъ, который по долготерпѣнію своему здѣсь учиненныя временныя согрѣшенія въ будущемъ судить по дѣламъ благоизволяетъ; того ради каждый потентатъ долженъ право свое и Государства отъ тогожъ Всемогущаго дарованною силою и оружіемъ оборонять, и насиліе насиліемъ, усмотря къ тому удобное время, отвращать, какъ тому обычай всего свѣта отъ начала былъ и до кончины онаго пребывать будетъ... Но хотя всѣ древнія вышеписанныя причины, какъ упомянуто, довольно важны были къ началу противъ Швеціи войны, однакожъ Его Царскаго Величества правдолюбивый нравъ не допускалъ его безъ новыхъ, отъ короны шведской данныхъ ему причинъ, оную начать и содержать тотъ, хотя и принужденный, отъ предковъ своихъ учиненный миръ свято и ненарушимо. И лучше восхотѣлъ оружіе свое

противъ враговъ имени христіанскаго, турковъ и татаръ, обратитъ, нежели ту обиду свою, съ пролитіемъ крови христіанской, иститъ. Но правосудіе Божіе, не оставляющее никакой несправедливой обиды безъ воздаянія, ожесточа сердце Шведское, допустило ихъ до такой слѣпоты, что сами тотъ огонь древнихъ обидъ, подъ пепломъ давняго времени и забвенія крошійся, новоучиненными Его Царскаго Величества собственной особѣ уразами (обидами) послѣдующимъ образомъ воздуть восхотѣли.

Новыя причины начатію войны.

Мнѣнь, что не токмо всей Европѣ, но и инымъ отдаленнымъ народамъ извѣстно, какъ Его Царское Величество, нынѣ благополучно государствующій Петръ Первый, побужденъ острымъ отъ природы просвѣщеннымъ своимъ разумомъ и новозажалательствомъ видѣть европейскія политизованныя государства, которыхъ ни онъ, ни предки его, рали необыкновенія въ томъ по прежнимъ обычаямъ, не видали, дабы притомъ, получа искусство очевидное, потомъ по прикладу (пригѣру) оныхъ, свои пространныя государства, какъ въ политическихъ, такъ и въ воинскихъ и прочіихъ поведеніяхъ учредить могъ, такожъ и своимъ прикладомъ подланнымъ своимъ къ путешествію въ чужіе края и воспріятію добрыхъ нравовъ и къ обученію потребныхъ къ тому языковъ возобуитъ. И дабы свое намѣреніе толь удобнѣе исполнить могъ, того ради назначилъ великое посольство въ тѣ страны, въ которомъ первымъ посломъ опредѣленъ Генераль-Адмираль Францъ Лефорть, вторымъ— тайный совѣтникъ и тогда Генераль-Комисаръ Феодоръ Головинъ, третьимъ— думный дьякъ или статскій секретарь Прокофій Возницынъ. Котораго посольства въ свѣтѣ (въ компаніи) соизволилъ Е. Ц. В. высокою своею особою инкогнито тотъ путь въ 1697 году, Марта въ 9 день, изъ резиденціи своей прежней, Москвы, воспріять. Но дабы при томъ Король Шведскій, яко сосѣдственный Государь, и чрезъ котораго владѣнія Е. Ц. В. въ томъ свѣтѣ посольства путь имѣть надлежало, не возмѣнилъ никакого подозрѣнія, но подлинно о томъ Е. Ц. В. походѣ знать могъ, повелѣлъ тогда на Москвѣ отъ онаго акредитованному комисару Томасу Книпперкуну (который потомъ и резидентомъ королевскимъ назначенъ) о томъ объявить, дабы онъ королю своему и пограничнымъ губернаторамъ и комендантамъ про тотъ его походъ объявилъ. Только съ такимъ объявленіемъ, что Е. Ц. В. никакихъ излишнихъ и особъ своей достойныхъ церемоній, кромѣ безопаснаго и свободнаго, подъ свитомъ того посольства проѣзду не требуетъ. И только оному посольству почтеніе и пріемъ достойный характеру ихъ по сосѣдственной пріязни и по договору учиненъ былъ. Что помянутый комисаръ учинить и общалъ. И Е. Ц. В. при выходѣ изъ Москвы провожалъ и въ Новгородъ, и во Псковъ, и къ шведскимъ агентамъ коммерціи писалъ, дабы они Е. Ц. В. за границу послѣдовали и комисарамъ отъ Генераль-Губернатора Рижскаго, на встрѣчу тому посольству высланнымъ, о особѣ Е. Ц. В. при этомъ присутствующе объявили: что оныя и учинили. Но хотя помянутый Генераль-Губернаторъ, графъ Далбертъ, то извѣстіе и получилъ, однакожъ не токмо какое излишнее учтивство для извѣстнаго присутствія въ томъ посольствѣ высокой Е. Ц. В. особы учинилъ, но ниже по должности трактату тѣхъ пословъ по характеру ихъ принять и препроводить учрежденіе учинилъ; ибо хотя обычай, такожъ и нѣкоторая должность по договорамъ прежнимъ межъ коронами Россійскою и Шведскою была, пословъ и посланниковъ съ обѣихъ сторонъ чрезъ государства оныя, хотя къ другому которому потентату посланныхъ со всякою честію на границѣ принимать и въ земляхъ своихъ по

требованію подводили, а на рѣкахъ и моряхъ судами безъ заплатъ довольствовались, но и для учтивости всякою живностью и ивѣнцѣ, и для лошадей конскими кормами взаимно жъ обсыпая и во знатныхъ городахъ встрѣтами и визитами отъ коммандантовъ и губернаторовъ чтить. Но онъ, Генераль-Губернаторъ, не только тѣмъ ничѣмъ то знатное посольство не почтилъ, кроми того, что за границу одного шляхтича незнамнаго, Гаванапа, выславъ, и оному въ пути при посланъ быть и токмо крѣпкій присмотръ за оными и людьми ихъ, а особливо за тою святою, въ которой Е. Ц. В. самъ изволилъ межъ другими кавалерами, яко волонтиръ, быть,—и нѣтъ, и всѣ ихъ поступки и обращенія обсервовать, и почтительно за честнымъ карауломъ ихъ держать. И когда ему о томъ отъ пословъ говорено, чтобъ тѣмъ людямъ, яко знатнымъ волонтерамъ, и при посольствѣ вѣдущимъ такого безповойства чинить не велѣлъ, объявляя ему не тайно, что Е. Ц. В. высокая особа между ними обрѣтается; то онъ на то отвѣтствовалъ, что онъ долженъ то чинить, послѣдуя указу Губернаторскому, который ему то указомъ Короля своего поведѣлъ. Въ прочемъ же чрезъ всю Лифляндію такое худое довольство всей свитѣ показывали, что не токмо на своихъ одѣвѣхъ лошадей вѣвать, но и на оныя корму и всѣмъ ивѣцу и ивѣцу получить и за деньги едва могли, и въ мизерныхъ кормахъ становиться принуждены, ибо никакого распоряженія къ тому по дорогѣ не было учинено, но все съ трудностію, посылая на стороны, двойною и тройною цѣною покупать принуждены. И хотя сперва то простотѣ и грубости того отъ Губернатора присланнаго комисара причитали (приписывали), уповаю, что по прїѣздѣ въ Ригу, оный Губернаторъ учтивостемъ своимъ и экскузаціею (извиненіемъ) то поправить, но въ томъ ивѣнцѣ весьма погрѣшили; ибо по прїѣздѣ къ Ригѣ въ прїемъ себѣ не то, что какого велишняго учтивства, но ниже противъ посланниковъ не получили, и встрѣчены и комплементованы только отъ рижскихъ бургомистровъ и ивѣнчанъ, а не отъ Губернатора. И что всего страннѣе, и въ городѣ ихъ кварталъ ивѣтъ не позволено, но поставлены на предмѣстьѣ, въ беадѣльныхъ деревянныхъ дворахъ, но и о тѣхъ сказано, чтобъ договаривались объ оныхъ съ господарями (хозяевами) сами. Что все было не токмо противъ древняго обыкновенія, но и противъ договоровъ. И поставленъ у тѣхъ дворовъ и во всенѣхъ предмѣстьѣхъ сильный караулъ, такожъ и въ городѣ и въ китадели караулы солдатскіе и ивѣнчанскіе умножены, но и по контроскарну съ наружной стороны палисадъ ивѣкеты поставлены были, и учинены конные развѣзды и патрули, яко бы неприятели подъ городомъ стояли. И когда господа послы послали отъ себя Господну Губернатору о прїѣздѣ своемъ объявить и просить, чтобы съ ними было поступлено, яко съ прїятелями по сосѣдственной прїизни и во древнему обыкновенію и по договору, и была бы новольность людямъ ихъ безвозбранно ходить для покупокъ въ городъ; такожъ понеже зимній путь уже тогда кончился и вмѣсто саней надлежало къ пути удовольствоваться телѣгами, тогочъ ради позволено было для управленія оныхъ, людямъ ихъ къ мастеровымъ людямъ въ городъ ходить и тѣ свои нужды управлять, и ежели прилучится за позднимъ временемъ кому въ городъ—и заночевать;—но Губернаторъ, какъ тому посланному, котораго насилу и къ себѣ допустилъ, подъ претекстомъ (предлогомъ), будто съ печалью о смерти дочери своей тогда болѣвъ былъ, самъ и чрезъ своего посланнаго, потомъ объявить велѣлъ при студеномъ комплиментѣ, что онъ сожалѣеть, что за печалью своей, отъ которой въ болѣвъ впалъ, не можетъ отдать господамъ посланъ визиту. Что же принадлежитъ о требованіи ихъ, и онъ дастъ людямъ ихъ позволеніе въ городъ ходить для потребъ ихъ, только понеже де сія крѣпость пограничная, того ради надлежитъ ему ивѣтъ въ томъ по обычаю военскому осторожность, и для того не можетъ позволить, дабы больше шести

человѣкъ русскихъ вдругъ въ оной шло, и будетъ за ними для лучшей безопасности караулъ ходить. Только при томъ пререкается, дабы крѣпостей городскихъ не осматривали, и близко вала не ходили, ибо въ такомъ случаѣ принужденъ онъ будетъ то ихъ запретить силой. И когда послы такое отъ него, Губернатора, странное объявленіе услышали, то велѣли ему говорить, для чего онъ такъ противъ всенародныхъ правъ съ ними поступаетъ, и какое можетъ подозрѣніе имѣть отъ нихъ свиты, только въ немногомъ числѣ людей состоящей. И понеже онъ вѣдаетъ, что столько знатныхъ особъ при томъ обрѣтается, то какъ то можно ему мыслить, дабы такое противное намѣреніе имѣя, такимъ образомъ они вѣхали себя отважили. Но противъ того въ отвѣтъ отъ него получили, что онъ многія причины имѣеть—имѣть на нихъ подозрѣніе, и будто получилъ престоюги, что для нѣкакого тайнаго намѣренія они подъ образомъ посольства пришли. И потомъ такое учрежденіе учинилъ, что никто изъ посольской свиты не могъ въ городъ войти—каждый безъ двухъ солдатъ съ мушкеты, и сверхъ того на мостахъ и у всякихъ воротъ оныя осматриваны и болѣе двухъ часовъ никому въ городѣ медлить не позволено. И когда Е. Ц. В., для удовольствія своей курьезиты, изволили съ нѣкоторыми особами изъ своей свиты въ городъ ходить, то хотя всѣ его подлинно знали, но и ему такой же караулъ, какъ выше писано, приставили и злѣе поступали, нежели съ прочими, и меньше дали времени быть въ городѣ. Также, когда по извѣстной всему свѣту Его Величества охотѣ къ морскому дѣлу, изволилъ оный ѣздить съ нѣкоторыми изъ своей свиты къ кораблямъ голландскимъ, которые стояли ниже города, въ намѣреніи такомъ, чтобъ ихъ видѣть и нанять изъ оныхъ одинъ для путешествія своего, и пошелъ-было тою дорогою, которая отъ посольскихъ дворовъ лежала къ морю, и гдѣ весь народъ ѣздить, а именно отъ королевскихъ воротъ направо посадомъ, и понеже та дорога въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежитъ близъ конца внѣшняго контроскарпа, то по Губернаторскому повелѣнію чрезвычайныя по главному валу поставленные пикеты (какъ выше объявлено) съ великимъ крикомъ и угрозами, а иные и прикладываясь ружьемъ, возвращали и хотѣли стрѣлять, чтобъ не ѣздили будто близъ крѣпости. На что имъ отвѣствовано, что та—всенародная дорога и для чего всѣмъ вольно, а имъ невольно, и ежели имъ противно, чтобъ показали другую дорогу. И понеже другой не было, то съ великою нуждою пропустили. Но и тѣмъ неудовольствуясь, прислалъ потомъ губернаторъ къ посламъ говорить и съ великимъ сердцемъ жалуюсь, будто тѣ люди (объявляя о Е. Ц. В. съ его свитою) городовыя крѣпости нарочно ѣздили осматривать и счерчивали, угрожая, что ежели впредь то чинить дерзнуть, то, конечно, велитъ по нимъ стрѣлять, ибо онъ-де знаетъ довольно, для какого умыслу то чинится. Но понеже послы вѣдали, что то ложь, отвѣтствовали, чтобъ тѣхъ ихъ людей арестовали въ тѣхъ мѣстахъ подозрительныхъ, и дали имъ знать, то они сатисфакцію имъ дадутъ. На что яко противъ правды Губернаторъ не могъ отвѣтствовать, но прибавилъ потомъ въ предѣстьѣ, у посольской и Е. Ц. В. квартиру, карауловъ и такъ сурово начали поступать, что Е. В. по достоинству о вѣщихъ впредь злыхъ слѣдованіяхъ своей особѣ опасаться принужденъ. И того ради заблагодарсудилъ, не дожидаясь своихъ пословъ отъ ѣзду, въ немногихъ особахъ какъ наискорѣе отъ того враждебнаго народу вѣхать...

(Далѣе говорится о томъ, какъ Петръ при разныхъ случаяхъ и чрезъ разныхъ пословъ добивался удовлетворенія и наказанія генералъ-губернатора Далберга, но удовлетворенія не послѣдовало, и когда явилось въ Москву въ 1699 г. чрезвычайное посольство при вступленіи Карла XII для ратификаціи прежнихъ трактатовъ, Петръ соглашался на нее только подъ условіемъ удовлетворенія за на-

несенную ему обиду. Желаннаго удовлетворенія не послѣдовало, и Петръ при-
кнулъ къ союзу Польши и Дании для войны со Швеціей).

....И тако та война со стороны Е. Ц. В. противъ короля швейской начлао
свое восприѣла. И уповаю, что всякъ безпристрастный и въ вышесказаннаго доволь-
но правость оной войны и законныя причины дрвнїи и новыя усмотря, не можетъ
инако рассудить, что Е. Ц. В. не могъ оставить, какъ для воли и интересу
Государства своего, такъ и для отпущенїа учиненныхъ высокой персоны его обидъ
и безчестїи, на которыя никакой сатисфакціи отъ короля Швейскаго получить
не могъ, оной не объявля....

XXVI. ВЕЛИКАЯ СѢВЕРНАЯ ВОЙНА ДО ПОЛТАВСКОЙ ПОВѢДЫ.

(Изъ «Публичныхъ лекцій о Петрѣ В.», Солопова).

Во время младенчества Руси, при отсутствїи крѣпкой государствен-
ной связи, единства направленїа народныхъ силъ и яснаго сознанїа
народныхъ интересовъ,—въ это безпомощное время орденъ меченосцевъ
отнялъ у Руси Ливонїю, захватилъ здѣсь русскїе города и княжества;
впослѣдствїи, когда объединенная Россїя, съ яснымъ сознанїемъ необ-
ходимости для себя моря устремилась къ нему,—поляки и шведы от-
толкнули ее отъ него. Но внутреннее преобразовательное движенїе все
болѣе и болѣе усиливалось, а вмѣстѣ усиливалось и такъ тѣсно соеди-
ненное съ нимъ стремленїе къ морю; слѣдовательно, мы естественно
должны ожидать, что когда преобразовательное движенїе пошло такъ
рѣшительно, Россїя немедленно начнетъ опять биться за берега Бал-
тїйскаго моря. Будучи полнымъ представителемъ своего народа, бу-
дучи совершенно чуждъ воинственности, вовсе не гоняясь за сла-
вою полководца-завоевателя, занятый одной мыслию о внутреннемъ
преобразованїи,—Петръ начинаетъ войну со шведами за Балтїйское
море, смотря на нее, только какъ на средство этого преобразования,
исполняя завѣщанїе предковъ. Петръ не усумнился начать опасную
войну одновременно со многими важными внутренними преобразованїа-
ми, ибо видѣлъ въ войнѣ только средство для успѣшнѣйшаго проведе-
нїа внутреннихъ преобразованїи, и въ послѣднихъ видѣлъ средство для
успѣшнѣйшаго окончанїа войны. На войну великій царь смотрѣлъ
гражданскимъ взглядомъ, именно какъ подобаетъ правителю; онъ смот-
рѣлъ на нее, какъ на школу для народа, который хотѣлъ занять по-
четное мѣсто среди другихъ народовъ,—не выпрашивать цивилизаціи,
какъ милости, но предъявить на нее свои бесспорныя права.

Мы видѣли, что Россїя находилась въ войнѣ съ Турціею, и что
Петръ далъ этой войнѣ новый характеръ,—характеръ морской войны,
приготовилъ флотъ для Азовскаго моря, берега котораго старался укрѣ-
пить для себя. Онъ продолжалъ считать это дѣло важнымъ, обратилъ
на него сильное вниманїе, но продолженїе турецкой войны онъ вовсе
не считалъ желаннымъ дѣломъ: турецкая война не могла быть школою
для русскаго сухопутнаго войска; такую школу могла быть только
европейская война и именно—война шведская, въ которой достигалась
двойная цѣль: войско получало хорошую школу, и слѣдствїемъ хоро-

шаго прохождения этой школы было утверждение на берегахъ завѣтнаго европейскаго моря. Притомъ для новорожденныхъ военныхъ силъ Россіи война была невозможна безъ союзниковъ, а члены священнаго союза спѣшили заключить миръ съ турками; долженъ былъ спѣшить этимъ и Петръ.

18 августа 1700 года въ Москвѣ сожжёнъ былъ «преизрядный фейерверкъ»: царь Петръ Алексѣевичъ праздновалъ турецкій миръ, приобретёніе Азова, уничтоженіе обязанности послать поминки въ Крымъ. На другой день, 19 августа, объявлена война шведамъ. Заключеніемъ мира съ турками успѣшили потому, что союзники покинули Россію; по тому же самому спѣшили объявленіемъ шведской войны, чтобы не упустить союзниковъ—не однимъ бороться съ самою сильною державою на сѣверѣ. Кто же были союзники Петра въ шведской войнѣ? Швеція заявила свою европейскую дѣятельность, вошла въ систему европейскихъ державъ, какъ говорится, только въ XVII вѣкѣ, предупредила въ этомъ отношеніи Россію какими-нибудь 70 годами. Она явилась на сцену общей европейской дѣятельности съ шумомъ и блескомъ. Даровитый, воинственный, честолюбивый король Густавъ Адольфъ, по призыву Франціи, привелъ шведское войско въ Германію для участія въ тридцатилѣтней войнѣ, для поддержанія протестантизма. За эту поддержку Германія должна была дорого заплатить Швеціи своими землями, и нѣмецкіе владѣльцы стали косо смотрѣть на нее, особенно когда она содѣйствовала вреднымъ для Германіи стремленіямъ Франціи. Еще большее раздраженіе возбудила противъ себя Швеція въ трехъ другихъ сосѣднихъ государствахъ—Даніи, Польшѣ и Россіи—своими захватами на ихъ счетъ. Она обобрала Данію со стороны Норвегіи, отняла у Польши Ливонію; пользуясь смутнымъ временемъ и слабостью Россіи послѣ смуть, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, она отобрала у нея коренныя русскія владѣнія, чтобы какъ можно дальше отодвинуть ее отъ Балтійскаго моря. Такое поведеніе Швеціи относительно сосѣдей, разумѣется, заставляло ожидать, что оскорбленные воспользуются первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы соединиться и возвратить себѣ свое. И въ началѣ XVIII вѣка, когда въ западной Европѣ произошло сильное движеніе противъ Франціи, раздражившей всѣхъ своимъ властолюбіемъ, своими безцеремонными захватами чужаго, когда противъ Франціи образовывался великій союзъ, чтобы не дать ей захватить Испаніи или значительную часть ея владѣній, на сѣверо-востокѣ Европы, по тѣмъ же побужденіямъ, образуется союзъ противъ Швеціи и начинается великая Сѣверная война. Естественные члены союза противъ Швеціи—это обобранныя ею государства: Данія, Польша и Россія. Отношенія Даніи и Россіи были просты: они хотѣли возвратить свое, при чемъ Петръ, во что бы то ни стало, хотѣлъ приобрести хотя одну гавань на Балтійскомъ морѣ. Но отношенія Польши были иныя. Польша была одержима въ высшей степени опасною болѣзью—войнобоязнью. Тщетно люди предусмотрительные, патриоты, указывали на гибельныя слѣдствія отсутствія сильнаго войска въ государствѣ континентальномъ, указывали, какъ Польша теряетъ отъ этого всякое значеніе, тщетно на сеймахъ ставился вопросъ о необходимости усиленія войска: эта необходимость признавалась всѣми, но когда рѣчь заходила о средствахъ для усиленія войска, о пожертвованіяхъ для этого, то не доходили ни до

какого рѣшенія, и страна оставалась беззащитною, въ униженномъ положеніи, когда всякій сосѣдь, подъ видомъ друга, союзника, могъ для своихъ цѣлей вводить въ нее войско и кормить его на ея счетъ; отъ нежеланія содержать свое войско, отъ нежеланія жертвовать для этого, принуждены были содержать чужое, враждебное войско, смотрѣть, какъ оно пустошило страну. Теперь на престолѣ польскомъ—гѣмекскій государь, саксонскій курфирстъ, который не удовольствуется однимъ титуломъ королевскимъ; но что же больше можетъ дать Польша? если не захочетъ дать волю, то можно взять силою; для этого надобно ввести свое гѣмецкое войско въ предѣлы Рѣчи Посполитой,—сперва, разумѣется, подъ благовиднымъ предлогомъ. Что же можетъ быть благовиднѣе предлога, какъ война со Швеціею, для возвращенія Польшѣ Ливоніи? Дѣло легкое: сама Ливонія хочетъ отторгнуться отъ Швеціи и поддаться Польшѣ; объ исполненіи этого желанія хлопочетъ Паткуль, принужденный оставить родную страну за то, что сильно отстаивалъ интересы своего сословія, интересы ливонскаго дворянства, безцеремонно обобраннаго шведскимъ королемъ, который хотѣлъ обогатиться и усилиться на счетъ дворянства, какъ въ Швеціи, такъ и въ Ливоніи. Ливонія проситъ освободить ее отъ шведскаго ига, хочетъ поддаться Польшѣ, Паткуль уполномоченъ рыцарствомъ заключить объ этомъ договоръ. Но Польша не хочетъ тронуться,—боится войны, боится усиленія королевской власти отъ войны. И вотъ король будетъ воевать одинъ своимъ саксонскимъ войскомъ. Заключенъ договоръ, по которому Ливонія присоединялась къ Польшѣ; а въ секретныхъ пунктахъ рыцарство обязывалось признавать верховную власть Августа и его потомковъ, если бы даже они не были королями польскими, и всѣ доходы отправлять прямо къ нимъ. Такимъ образомъ, Ливонія поддавалась не Польшѣ, а гѣмецкому государю, курфирсту саксонскому, который пріобрѣтаетъ чрезъ это выгодную позицію для дѣйствій противъ Польши, для утвержденія наследственности въ своемъ домѣ, для усиленія своей власти. Если сосѣди будутъ мѣшать ему въ этомъ, то можно кинуть имъ по куску польскихъ владѣній, лишь бы быть сильнымъ, самодержавнымъ въ остальныхъ. На прежде всего надо пріобрѣсть хорошую позицію, овладѣть Ливоніею; одному трудно. Данія—вѣрная союзница по ненависти къ Швеціи; и необходимо, чтобъ Россія также приняла участіе въ войнѣ. Дѣло очень возможное: молодой царь только и думалъ о томъ, какъ бы утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря; возвращаясь изъ заграничнаго путешествія онъ видѣлся съ королемъ Августомъ и изъявилъ желаніе въ союзѣ съ нимъ воевать противъ шведовъ. «Надобно взять у царя деньги и войско, особенно пѣхоту, которая очень способна работать въ траншеяхъ подъ непріятельскими выстрѣлами», писалъ Паткуль. Но при этомъ ливонскимъ патриотомъ овладѣваетъ сильное сомнѣніе: царь—человѣкъ необикновенный, съ нимъ надобно обращаться осторожнѣе; даромъ, въ угоду саксонскимъ и ливонскимъ патриотамъ, онъ не подставитъ своихъ солдатъ подъ непріятельскіе выстрѣлы въ траншеяхъ. Съ нимъ надобно дѣлиться добычею, а со львомъ опасно дѣлиться. «Надобно опасаться»,—писалъ Паткуль,—«чтобъ этотъ могущественный союзникъ не выхватилъ у насъ изъ-подъ носа жаркое, которое мы воткнемъ на вертелъ; надобно договориться, чтобъ онъ не шелъ дальше Нарвы и Пейпуса; если онъ захватитъ Нарву, то ему легко

будетъ потомъ овладѣть Лифляндію и Эстляндію». А Петръ именно и хотѣлъ прежде всего овладѣть двумя крѣпостями—Нарвою и Нотебургомъ, старымъ русскимъ Орѣшкомъ, чтобъ, получивши эти двѣ опоры, легче занять и укрѣпиться въ странѣ, между ними лежавшей,—въ этой завѣтной странѣ, гдѣ море было такъ близко къ русскимъ владѣніямъ. Царь направилъ свои полки къ Нарвѣ, но скоро общая страшная опасность прекратила споры о раздѣлѣ добычи. Союзники надѣялись напасть на Швецію врасплохъ, пользуясь молодостью ея короля, Карла XII,—молодостью, которая не общала повидимому ничего хорошаго для Швеции: полъ и стѣны королевскихъ комнатъ были улины кровью; молодой король отсѣкалъ саблею головы баранамъ и телятамъ, приглашавшимъ для этой потѣхи во дворецъ; ночью въ стокгольмскихъ домахъ дребезжать, валятся стекла: это котѣшается молодой король; кто ѣдетъ двумъ по улицѣ съ шумомъ и гамомъ, въ однихъ рубашкахъ?—молодой король съ своимъ свитомъ; кто охотится за зайцемъ въ сѣмовой залѣ?—молодой король. Но этотъ неугомонный мальчикъ, отличавшійся такими дурными шалостями, явился героемъ, когда затрубила военная труба, когда опасность начала грозить Швеціи съ трехъ сторонъ. Карлъ XII явился съ войскомъ передъ Копенгагеномъ и принудилъ датскаго короля къ миру; вслѣдъ за тѣмъ высадился на восточный берегъ Балтійскаго моря, въ Пернау, чтобъ идти на помощь Нарвѣ, осажденной русскими. Мы видѣли, какъ Петръ смотрѣлъ на войну: онъ смотрѣлъ на нее какъ на школу. Онъ сдѣлалъ нужныя приготовления, онъ покончилъ съ прежнимъ строемъ и составомъ войска; его армія не представляла болѣе, какъ армія царей предшествовавшихъ, ветхое рубище съ новою заплатою, но и его армія представлялась далеко не въ удовлетворительномъ видѣ. Легко сказать: преобразовать войско. Оно было, дѣйствительно, преобразовано, но оно было не выучено, неопытно. Петръ не обольщалъ себя: онъ изображалъ свой флотъ въ видѣ лодки, на которой дѣти учатся плавать; и войско свое онъ могъ изображать въ видѣ толпы дѣтей. Онъ не бросился въ войну одинъ на одинъ съ европейскимъ, знаменитымъ военными успѣхами, народомъ: онъ вступилъ въ нее въ союзъ съ Данією, которая прежде всего должна была задержать шведовъ, съ королемъ Августомъ, который имѣлъ военную репутацію и который уже началъ военныя дѣйствія въ Ливоніи. Петръ началъ съ третьей стороны: послалъ значительное войско съ хорошей артиллерією осаждать Нарву, учиться осаждать крѣпость, защищаемую европейскимъ гарнизономъ. Битва не входила въ его расчеты; у него не было искусныхъ генераловъ, не было главнокомандующаго; онъ далъ званіе фельдмаршала тому же Головину, генералъ-адмиралу, завѣдывавшему иностранными сношеніями, но дѣйствительно поручить ему начальство надъ войскомъ онъ не хотѣлъ. Ему прислали генерала изъ за границы съ отличными рекомендаціями, герцога фонъ-Круа, и онъ поручилъ ему начальство надъ войскомъ для первой встрѣчи со шведами, для перваго урока. Первый урокъ былъ тяжелъ: русскіе потерпѣли пораженіе, потеряли много людей, всю артиллерію. Но у нихъ оставался Петръ Великій, а великіе люди бываютъ сильны приготовленіемъ къ неудачѣ и къ успѣху, ибо не теряютъ духа при неудачѣ и умѣютъ пользоваться успѣхомъ. Неудача—проба генія, и Петръ умѣлъ выдержать страшное искушеніе. Кромѣ матеріальныхъ потерь, нравствен-

ное впечатлѣніе нарвскаго пораженія было ужасно. Извѣстно, какъ ободрость первая успѣхъ, какъ отнимаетъ духъ первая неудача, а теперь неудачно начинается дѣло, которому далеко не всѣ сочувствуютъ; въ глазахъ многихъ нарвское пораженіе было явнымъ наказаніемъ Божиимъ за грѣхи новаго дѣла. Задавъ русскимъ такой тяжелый урокъ, Карлъ XII пошелъ на югъ преслѣдовать короля Августа; ибо гнаться за непріятелемъ слабымъ, оставляя въ тылу сильнаго, и рѣшиться съ небольшимъ войскомъ во второй половинѣ ноября идти въ глубь Россіи было-бы крайнимъ безразсудствомъ. Петръ воспользовался удаленіемъ Карла: ему представилась возможность проходить съ своимъ войскомъ школу по извѣстной программѣ. Но прежде всего надобно было поднять духъ своихъ послѣ первого тяжелаго урока, заставить ихъ идти въ школу, которая такъ имъ опротивѣла послѣ Нарвы. Отъ нарвскаго плѣна спасся бѣгствомъ съ своею конницею Борисъ Петровичъ Шереметевъ, человекъ очень способный, но при Петрѣ, самъ-же по себѣ, по природѣ своей, неготовый къ неудачѣ и къ успѣху: послѣ неудачи падалъ духомъ, а послѣ успѣха—какъ-бы отдохнуть, поѣхать въ Москву, повидаться съ семьей, позаняться домашними дѣлами. Петру въ продолженіе всей службы Шереметева было много хлопотъ съ нимъ въ этомъ отношеніи. Двѣ недѣли спустя послѣ нарвскаго пораженія, Петръ пишетъ ему: «Не годится при несчастіи всего липаться, и потому повелѣваемъ быть при началѣ дѣлѣ, съ конницею беречь ближнихъ мѣстъ, и идти далѣе, для большаго вреда непріятелю. Да и отговариваться нечѣмъ: людей довольно, рѣки и болота замерзли. Не чини отговорки ничѣмъ; а если болѣзнию, и та получена между бѣглецами». А между тѣмъ, въ пограничныхъ мѣстахъ—Новгородѣ, Псковѣ, псковскомъ Печерскомъ монастырѣ,—кипѣли работы для ихъ укрѣпленія: работали всѣ, солдаты и священники, мужчины и женщины, и горе тому, кто не хотѣлъ работать или хотѣлъ поживиться при общемъ дѣлѣ: въ Москвѣ и Новгородѣ повѣшено было двое людей, которые брали взятки у приѣма подмодѣ. Артиллерія была потеряна подъ Нарвою; надобно было какъ можно скорѣе приготовить другую. Петръ велѣлъ со всего государства, съ вѣнскихъ городовъ, отъ церквей и монастырей собрать часть колоколовъ на пушки и мортиры. Старикъ Виниусъ, «надзиратель артиллеріи», работалъ по-петровски, и въ концѣ 1701 года было приготовлено больше 300 орудій, хотя Виниусъ и сильно жаловался на пьянство мастеровъ, которыхъ, писалъ онъ, ни ласкою, ни битьемъ отъ той страсти отучить невозможно. Но въ то же время надобно было готовить и людей: 250 мальчиковъ собрано было въ школы, изъ которыхъ, по обѣщанію Виниуса, должны были выйти хорошіе инженеры, артиллеристы и мастера. Вслѣдъ за добрыми вѣстями отъ Виниуса—добрыя вѣсти отъ Шереметева: пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, онъ поразилъ шведскаго генерала Шлиппенбаха при мѣстѣ Эрестферъ; потеря шведовъ была втрое противъ потери русскихъ. Великое торжество: первая побѣда и... побѣда послѣ Нарвы! Въ Москвѣ на башняхъ и стѣнахъ кремлевскихъ равняется нѣмощна, взятыя у шведовъ. Шереметевъ сдѣланъ былъ фельдмаршаломъ, получилъ андреевскій орденъ, портретъ царя, украшенный брилліантами. Побѣдмѣлою захотѣлось отдохнуть, побывать въ Москвѣ: «Въ началѣ 1702 года хотя и бить»,—отвѣчалъ Петръ,—лучше на вѣрстой или на шестѣ прѣхать, а на святой паки на-

задъ». Въ концѣ мая Петръ сталъ торопить Шереметева въ новый походъ въ Ливонію, ибо пришло извѣстіе, что непріятель готовится въ эту страну транспортъ изъ Помераніи: «Теперь истинный часъ, пока транспортъ не учинитъ, таковой предварить», писалъ царь фельдмаршалу; Борисъ Петровичъ двинулся и въ іюлѣ опять нанесъ сильное пораженіе тому же Шлиппенбаху при Гуммельсгофѣ. Послѣ этого Шереметевъ началъ «изрядно гостить» въ Лифляндіи, по выраженію Петра, т. е. страшно опустошалъ страну, по совѣту совѣтника, польскаго короля Августа, чтобъ шведскія войска не могли найти въ Ливоніи пріюта и продовольствія. Петръ смотрѣлъ на ливонскіе походы, какъ на школу для своихъ и какъ на средство ослабленія непріятеля; объ утвержденіи въ странѣ онъ не думалъ. Онъ все лѣто 1702 года провелъ въ Архангельскѣ, ибо получилъ извѣстіе, что шведы намѣрены захватить этотъ городъ. Лѣто проходило; опасности для старой морской пристани не было, и Петръ сталъ думать о приобрѣтеніи новой, на Балтійскомъ морѣ. Петръ явился въ Ладогу и призвалъ къ себѣ Шереметева, «чтобъ сего, Богомъ даннаго времени не потерять». По прибытіи Шереметева, Петръ повелъ войско къ Нотебургу (Орѣшку) и 11 октября взялъ его труднымъ и кровавымъ приступомъ. «Правда, что зѣло жестоко сей орѣхъ былъ, однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызненъ. Артиллерія наша зѣло чудесно дѣло свое исправила». Такъ писалъ Петръ надзирателю артиллеріи, Виніусу. «Жесткій орѣхъ» былъ названъ Шлиссельбургомъ, Ключемъ-городомъ. Для чего-же понадобился ключъ? Въ апрѣлѣ 1703 года отъ него по правому берегу Невы лѣсами шли русскія войска подъ начальствомъ Шереметева и нашли при устьѣ Охты въ Неву маленькую шведскую крѣпость Канцы или Ніеншанцъ, сторожившую устье Невы. Къ русскому войску пріѣхалъ бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ и отправился въ 60 лодкахъ осматривать невское устье. 1 мая Канцы были взяты, но на взморьѣ показались два непріятельскихъ судна, и 5 мая подошла къ устью Невы. Капитанъ Петръ Михайловъ и поручикъ Меншиковъ съ Преображенскимъ и Семеновскимъ полками въ 30 лодкахъ окружили ихъ и взяли. Первый успѣхъ на морѣ! Обрадовались, какъ дѣти, тою живою, сильною радостію, которая обличаетъ горячее участіе къ дѣлу, условіе успѣха въ немъ. Капитанъ Петръ Михайловъ и поручикъ Меншиковъ получили андреевскія ленты. Добрались наконецъ до Балтійскаго моря; завѣщаніе предковъ исполнено, но не совсѣмъ: надобно укрѣпиться на этомъ морѣ. 16 мая 1703 года, на одномъ изъ островкомъ невскаго устья рубили деревянный городокъ. Городокъ назвали Петербургомъ. Изъ него потомъ вышла новая столица, столица русской имперіи...

Достиженіе завѣтной пѣли вело къ усиленію труда; добыли новый морской берегъ, надобно было строить новый флотъ, и на берегахъ Свири кипѣла работа, ронили громадныя деревья, и на новой верфи, въ Лодейномъ Полѣ, строили морскія военныя судя. Разумѣется, саардамскій плотникъ былъ тамъ; но въ глубокую осень, когда по Невѣ уже плаваютъ ледъ, онъ въ Петербургѣ, около Котлина острова, мѣряетъ морскую глубину: здѣсь будутъ укрѣпленія, оборона Петербурга, куда уже пришелъ первый иностранннй купеческій корабль. А между тѣмъ, Шереметевъ забиралъ старые русскіе города, которые шведъ завелъ за себя въ XVII вѣкѣ,—Копорье, Ямъ, и опустошалъ Эстляндію, чтобъ на

будущее время не дать шведамъ пристанища и прокормленія. Петръ торжественнымъ въѣздомъ въ триумфальныя ворота отпраздновалъ въ Москвѣ возвращеніе русскихъ городовъ и немедленно отправился въ Воронежъ: чуждый односторонности, онъ одинаково внимательно смотрѣлъ на западъ и востокъ: на сѣверо-западѣ нужно было работать, чтобъ отбивать шведа, на юго-востокѣ нужно было также работать, чтобъ сдерживать турка. Весною 1704 года Петръ опять на западѣ, по обычаю торопить Шереметова, чтобъ шелъ поскорѣе и взялъ Дерптъ: «Идти и осадить конечно Дерптъ, чтобъ сего, Богомъ даннаго случая не пропустить, и зачѣмъ мѣшкаете, не знаю, не извольте медлить». Просто душно отвѣчаетъ Шереметевъ: «здоровье мое уже не прежнее и ни отъ кого помощи нѣтъ, легко мнѣ было жить при тебѣ, да при Данилычѣ (Меншиковѣ): ничего я за милостію вашею не знаю». Шереметевъ осадилъ Дерптъ; чтобъ ему было легко, пріѣхалъ самъ Петръ, и Дерптъ былъ взятъ. «Сей славный отечественный градъ паки полученъ», писалъ царь своимъ. Изъ Дерпта Петръ поѣхалъ подъ Нарву, и скоро пошли отъ него письма: «Гдѣ четыре года тому наваздъ Господь оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдителями учинилъ, ибо сію преславную крѣпость шпагою въ три четверти часа получили».

Главное на западѣ было сдѣлано. Петръ не хотѣлъ ничего болѣе, сильно желалъ прекращенія войны съ удержаніемъ завоеваннаго, готовъ былъ и уступить часть завоеваній, только бы удержать новопостроенный приморскій городокъ. Но согласится ли Карлъ XII на такой миръ? Конечно, нѣтъ. Петръ успѣлъ сдѣлать свое дѣло потому, что «шведъ увязъ въ Польшѣ». Но «шведъ увязъ въ Польшѣ» для того, чтобъ обезпечить себѣ тылъ для дѣйствій противъ Россіи, чтобъ свергнуть съ престола короля Августа и возвести на его мѣсто человѣка, себѣ вполне преданнаго, слѣдовательно—враждебнаго Россіи. Чтобъ воспрепятствовать этому способу, плану, надобно было дѣятельно помочь Августу. Но помочь ему было трудно. Русскій посланникъ въ Польшѣ, князь Григорій Долгорукій, писалъ, что «въ королѣ крѣпости немного; какъ у короля, такъ и въ казнѣ Рѣчи Посполитой денегъ нѣтъ, но на польскихъ дамъ, на оперы и комедіи у короля деньги есть; однимъ опернымъ гѣвцамъ дано на зиму 100,000 ефимковъ». Русскаго посланника особенно должны были поражать эти издержки, ибо онъ зналъ, какъ просто и бѣдно жилъ въ Россіи шкиперъ и капитанъ Петръ Михайловъ. Долгорукій чрезвычайно наглядно изображаетъ это страшное разслабленіе, овладѣвшее польскимъ высшимъ сословіемъ, которое на словахъ готово было воевать, но не было способно ни къ какому движенію: «Хотятъ они на коней сѣсть, только еще у нихъ стремянъ нѣтъ, не по чему влѣсть».—«Надѣйтесь на Бога», писалъ Долгорукій Петру: «а на поляковъ и саксонцевъ надѣяться нельзя». Карлу XII легко было при такомъ разслабленіи объявить Августа лишеннымъ польскаго престола и провозгласить королемъ познанскаго воеводу, Станислава Лещинскаго. Петръ не оставилъ Августа: съ помощью русскаго войска тотъ взялъ у шведовъ Варшаву. Русскія войска заняли Курляндію и Литву. Меншиковъ шелъ дальше и поразилъ шведовъ при Калишѣ; Петръ зашировалъ въ своемъ парадизѣ—Петербургѣ, узнавъ, что его любимецъ одержалъ побѣду, «какой еще никогда не бывало». Но вслѣдъ за этимъ онъ узналъ, что Августъ, чтобъ спасти свою Саксонію отъ

вторгнувшихъ шведовъ, помирился съ Карломъ, отказавшись отъ польскаго престола, слѣдовательно—шведъ не увязнетъ болѣе въ Польшѣ, и все бремя войны надобно будетъ взять на одни свои плеча. Въ концѣ 1707 года Карлъ XII двинулся на Петра, грозясь свергнуть его съ престола. Петръ распорядился, чтобъ въ польскихъ владѣнiяхъ не вступать съ непріателемъ въ генеральную битву, а стараться заманивать его къ своимъ границамъ, вреда ему при всякомъ удобномъ случаѣ, особенно при переправахъ черезъ рѣки. Петръ находился въ затруднительномъ положеніи, потому что Карлъ подолгу останавливался, и неизвѣстно было, куда онъ направитъ путь. Петръ въ одно время укрѣплялъ Москву и Петербургъ. Только въ іюнѣ 1708 года Карлъ переправился черезъ Березину. Послѣ жаркаго дѣла при Головчинѣ, русское войско отступило, и Петръ былъ доволенъ: «Зѣло благодарю Бога», писалъ онъ, «что наши прежде генеральной баталии видѣлись отъ непріателемъ хорошенько и что всю его армию одна наша треть такъ выдержала и отшла». Подождавъ нѣсколько времени въ Могилевѣ своего генерала Левенгаупта и не дождавшись, Карлъ повернулъ на юго-востокъ къ рѣкѣ Сожѣ, потомъ на сѣверъ къ Мстиславию. У мѣстечка Добраго князь Михайла Голицынъ напалъ на правое непріательское крыло и поразилъ его; когда-же самъ король пришелъ на помощь, то Голицынъ отступилъ въ порядкѣ. Петръ былъ доволенъ и писалъ: «Я, какъ началъ служить, такого огня и порядочнаго дѣйствiя отъ нашихъ солдатъ не слышалъ и не видалъ, и такого въ сей войнѣ король шведскій ни отъ кого самъ не видалъ. Боже, не отними милость свою отъ насъ впредь!» Въ сентябрѣ Карлъ повернулъ къ Украинѣ; самъ царь 28 сентября перехватилъ спѣшившаго къ нему Левенгаупта при деревнѣ Лѣсной, недалеко отъ Пропойска и поразилъ на голову, взявъ всю артиллерию и обозъ, на котораго такъ надѣялся Карлъ. «Сiя у насъ побѣда», по словамъ Петра, «можетъ первая назваться, понеже надъ регулярнымъ войскомъ никогда такой не бывало, къ тому-же еще гораздо меньшимъ числомъ будучи предъ непріателемъ: тутъ первая проба солдатская была». Карлъ вошелъ въ Украину; малороссійскій гетманъ Мазепа перешелъ на его сторону; перешли на его сторону и запорожскіе казаки; но масса народная въ Малороссiи осталась вѣрна русскому царю; Петръ далъ ей новаго гетмана; Меншиковъ въ виду шведовъ взялъ гетманскую столицу Батуринъ, которую защищали приверженцы Мазепы. Запорожская Сѣчь была разорена. Петръ, по его словамъ, «съ превеликою радостію услышалъ о разореніи проклятаго мѣста, которое корень злу и надежда непріателю была». Карлъ обманулся во всѣхъ своихъ надеждахъ: послѣ Мазепы и запорожцевъ онъ еще надѣялся на Турцію, что та воспользуется случаемъ и поднимется вмѣстѣ съ нимъ на Россію; но турки и татары не трогались; повсюду кругомъ было тихо; всѣ сосѣдніе народы отказались принять участіе въ борьбѣ за ту или за другую сторону; все какъ-будто притаяло дыханіе, дожидаясь, чѣмъ разьиграется кровавая игра между Петромъ и Карломъ, чѣмъ рѣшится судьба восточной Европы?.. Она рѣшилась 27 іюня 1709 года подъ Полтавою.

XXVII ПЛТАВСКАЯ БИТВА.

(Из Журнала Петра Великого. ч. 2-я)

Июня въ 15 день учинил великий советъ, веление бы obrазовати городъ Плтаву выручки безъ генеральской баталіи (но сіи оныя не оныа дѣла), на которахъ пашашиа, дабы заградили на оной приближаться даже до самого города.

Июня въ 16 день оныа велели загради вырчку, чтобы сдѣлать съ городомъ коммуникацію, и тогда пашашиа своимъ повелениемъ дѣлать не допустили. въ горухъ рѣки и болотистыхъ мѣстахъ горухъ представляли: между гѣмъ же мѣстами ихъ коммуникаціи съ городомъ, браначи писавъ въ бомбахъ пушкахъ чрезъ неприятельские линии, на которахъ изъ города даже звать, что у нихъ перела зничай за нѣтъ; а неприятель сѣмъ уже своимъ велениемъ ихъ пушки выносили, и ихъ велели обивать сдѣлали, однимишъ долго держались на нѣмъ того дня учинилъ генеральскій советъ, на которахъ пашашиа, что много способа вѣтъ о вырчкѣ города, только что приблизитъ рѣку къ неприятелю и дать главную баталію.

Июня въ 19 день велели со всего арміи на вѣкъ отъ Плтавы на Ворсклѣ рѣкѣ 2 мили, гдѣ стоялъ генераль лейтенантъ Рень съ кавалеріею.

Въ 20 день, перевелъ вся наша армія чрезъ рѣку Ворсклу, и по ту сторону оной стали, и готовили флангъ изъ 25 числа велели даже со всего арміи, и стали съ чтивать мѣли отъ неприятеля къ вечеру, дабы неприятель не могъ принудить къ главной баталіи, прежде нежели ретрашиантъ будетъ учинилъ; и дабы оной на насъ вечашиа не напалъ, и учинили ретрашиантъ чрезъ одну ночь; паша же кавалерія на правой рукѣ между гѣмъ поставлена была и чрезъ оную вѣсколько редутъ сдѣлаю, и людьми и пушками озанови.

Въ 25 день Іюня увѣдомилъ, что король шведскій подѣлалъ самъ осматривать Россійскій лагеръ и выѣхалъ ночью на Россійскую казачью малую партію, которая стояла на остопашиа, и гнѣтомъ изъ оной казаки сидѣли при огнѣ, что они, усмотря, выѣхалъ съ малыми людьми и одного изъ нихъ, сошедъ съ лошади, самъ застрѣлилъ; котораго казаки, вскоча, изъ трехъ фузеѣ по немъ выстрѣлили, и прѣстрѣлили ему въ то время ногу, которая рава ему весьма жестока была.

Въ 26 день государь осматривалъ оную ситуацію и неприятельскій лагерь для дѣйствія противъ неприятеля; но оной неприятель на своей обыкновенной запальной отвагѣ въ томъ насъ уредилъ, и потому какими образомъ вступилъ въ главную баталію, тому слѣдуетъ при семъ реляція.

Въ 27 день, по утру весьма рано, почталъ при бывшей еще темнотѣ, на пяту кавалерію, какъ конницею, такъ и гнѣтомъ своимъ съ такою фурію напалъ, чтобы не только конницу нашу разорить, но и редутами оладѣть; однакожъ въ томъ много оной противности напалъ, и только двумя редутами (которые той ночи зачаты были и не отдѣланы) оладѣлъ; а прочіи никакой вреду учинить не могъ, такъ что 6 ба-

батальоновъ пѣхоты и нѣскольکو десятковъ шквадроновъ кавалеріи его съ праваго крыла отъ главной арміи при томъ оторваны и въ лѣсъ уйтить принуждены. Главное же непріятельское войско съ немалою штратою пробилось сквозь оныя редуты, гдѣ 14 знаменъ и штандартовъ отъ непріятеля наша кавалерія получила и многократно конницу непріятельскую сбивала, но всегда отъ пѣхоты непріятельская конница сикурсь получала, (и при томъ генераль порутчикъ Ренъ въ томъ жестокѣмъ бою раненъ); а намъ такъ скоро изъ ретраншаментовъ пѣхотою своей кавалеріи выручить тогда было невозможно: того ради данъ указъ генералу порутчику Бору, дабы оный съ кавалеріею уступалъ вправо отъ нашего ретраншаментовъ, дабы тѣмъ время получить къ вывожденію нашей пѣхоты изъ ретраншаментовъ; однакожъ приказано оному крѣпко того смотрѣть, чтобы гора у онаго во флангѣ, а не назади была, дабы непріятель не могъ нашу кавалерію подъ гору утѣснить; также уступать велѣно до тѣхъ мѣстъ, пока непріятель съ пѣхотою на онаго будетъ наступать; а ежели съ одною кавалеріею, тогда велѣно биться: и тако оный по указу тотчасъ учинилъ, и когда оный съ нашею кавалеріею сталъ ретироваться, а непріятель на онаго наступалъ, тогда непріятель получилъ нашъ ретраншаментъ во флангѣ себѣ, къ которому на лѣвой уголъ генераль Левенгоуптъ съ пѣхотою гораздо приблизился, а именно: саженьяхъ въ 30; но оттуда изъ пушекъ отбить. Итакъ непріятель увидѣлъ, что его гоньба за конницею не весьма ему прибыльна, отъ оной престалъ, и въ нѣкоторомъ логу (далѣе пушечной стрѣльбы) въ паратъ сталъ къ лѣсу; между тѣмъ же, посланъ генераль отъ кавалеріи, князь Меншиковъ, и генераль лейтенантъ Ренцель съ пятью полками конницы и съ пятью батальонами пѣхоты на оную вышепоманутую оторванную пѣхоту и конницу въ лѣсъ, которые, пришедъ, оныхъ атаквали и вскорѣ съ помощію Божіею на голову побили, и генерала маіора Шлипенбахъ взяли; а генераль маіоръ Розенъ ретировался къ своимъ апрошамъ подъ гору и засѣлъ въ редуты, за которыми послѣдовалъ генераль лейтенантъ Ренцель, который редуты непріятельскіе остушилъ и послалъ барабанщика, чтобы оныя сдались, которые просили сроку; но оный имъ болѣе получаса того не далъ, потомъ генераль маіоръ Розенъ, со всѣми при немъ бывшими изъ редутъ вышелъ, ружье положили и на дискрецію сдались. Въ то же время изъ ретраншаментовъ на обѣ стороны выведена на фланги пѣхота для того, ежелибъ непріятель атаквалъ ретраншаментъ, чтобы свободно изъ онаго стрѣльбѣ быть можно было; а выведеннымъ на стороны со фланговъ онаго атаковать; но когда увидѣли, что непріятель отъ прохода своего сквозь редуты еще самъ въ конфузіи находится и строится у лѣсу, тогда и изъ фрунта ретраншаментовъ пѣхота выведена, и шесть полковъ нашей кавалеріи взято съ праваго крыла и позади пѣхоты обведена и поставлена на лѣвомъ крылѣ. И тако наша армія стала въ ордеръ баталіи, и положено атаковать непріятеля; потомъ во имя Господне непріятельскій главный корпусъ атаквали, который, не дожидаясь на мѣстѣ, также на насъ пошелъ; и тако о 9 часу предъ полуднемъ генеральная баталія началась прежде между нашего лѣваго, а непріятельскаго праваго крылѣ; а потомъ и во весь фронтъ обѣихъ войскъ, въ которой, хотя и вѣло жестоко во огнѣ оба войска бились, однакожъ то все далѣе двухъ часовъ не продолжалось:

ибо непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ показали, и отъ нашихъ войскъ съ такою храбростію вся непріятельская армія (съ малымъ урономъ нашихъ войскъ, еще навяще удивительно есть), кавалерія и инфантерія весьма опровергнута, такъ что шведское войско ни единожды потомъ не остановилось, но безъ остановки отъ нашихъ шпагами и баіонетами колоты, и даже до обрѣтающагося лѣса, гдѣ оныя предъ баталією строились, гнаны; при томъ въ началѣ генералъ маіоръ Штакальбергъ, потомъ же генералъ маіоръ Гамильтонъ, также послѣ фельдмаршалъ Рейншильдъ, и принцъ Виртенбергскій купно со многими полковники и иными полковыми и ротными офицеры и нѣсколько тысячъ рядовыхъ, которые большая часть съ ружьемъ и съ лошадьми отдались и въ полонъ взяты. Непріятельскихъ трупевъ мертвыхъ перечено на боевомъ мѣстѣ и у редутъ 9234, кромѣ тѣхъ, которые въ ровни по лѣсамъ и полямъ побиты, и отъ ранъ померли, которыхъ счетъ было невозможно; а во время той баталіи король шведскій велѣлъ себя раненаго возить въ качалкѣ, которая послѣ найдена была, и у оной одна дрога пушечнымъ ядромъ отстрѣлена. А сколько пушекъ, знаменъ и литавръ взято, такъ же сколько съ нашей стороны людей побито и ранено,—тому послѣдуетъ роспись. И тако милостію Всевышняго совершенная викторія, (которой подобной мало слыхано), съ легкимъ трудомъ и малою кровію противъ гордаго непріятеля чрезъ самаго государя персональной, храброй и мудрой приводе, и храбрость начальныхъ и солдатъ, одержана; ибо государь въ томъ нужномъ случаѣ за людей и отечество, не шадя своей особы, поступалъ, какъ доброду приводеду надлежитъ, гдѣ на немъ шляпа пулею прострѣлена; и въ сѣдельномъ орчакѣ фузейная пуля найдена. При семъ же и сіе вѣдать надлежитъ, что изъ нашей пѣхоты только одна передняя линія съ непріятелемъ въ бою была, а другая до того бою не дошла. По окончанію сего счастливаго боя государь обѣдалъ въ обозѣ своемъ въ палаткахъ или шатрахъ, и при томъ всѣ наши генералы, штапы и оберъ офицеры, также и шведскіе плѣнные генералы были; во время той баталіи нервнй шведскій министръ, графъ Пиперъ, увидя, что ему спастись невозможно, самъ пріѣхалъ въ Полтаву купно съ секретарями королевскими, Цедергельмомъ и Дибеномъ; и потомъ онъ, Пиперъ, приведенъ былъ въ помянутую же ставку къ государю, и съ прочими плѣнниками трактованъ тутъ же за столомъ, гдѣ сидѣлъ шведскій фельдмаршалъ Рейнъ-Шильдъ и прочіе генералы: между тѣмъ же, государь, выхваляя мужество и храбрость фельдмаршала Рейнъ-Шильда въ воинскихъ дѣлахъ, пожаловалъ ему шпагу свою и позволилъ ее носить. Того же числа въ вечеру за достальнымъ непріятелемъ въ слѣдъ посланы генералъ поручикъ и полковникъ отъ гвардіи князь Голицынъ съ гвардією, да генералъ поручикъ Боуръ съ драгунскими полками; на завтрѣ-жь въ 28 день іюня князь Меншиковъ тудаже посланъ.

Въ 28 день пріѣхалъ въ Полтаву шведскій генералъ маіоръ Меіеръ-Фелдъ отъ короля шведскаго подъ видомъ нѣкотораго будто комплимента: только за благо рассудили его задержать и поставить съ другими плѣнниками; ибо онъ отъ короля не токмо кредитиву, но ни паспорта не имѣлъ; и потомъ онъ далъ по прошенію своему реверсъ, по кото-

рому онъ тогда отпущенъ въ Стокгольмъ, отколь за него отпущенъ послѣ генералъ маіоръ Бутурлинъ.

Въ 29 день (т. е. въ день тезоименитства государева) было благодареніе Богу за полученную преславную викторію на боевомъ мѣстѣ, при троекратной пушечной и мушкетной стрѣльбѣ.

Въ 30 день Государь за непріятелемъ же путь свой воспріалъ, и хотя всякое прилежаніе чинено, дабы непріятеля какъ скорѣе догнать, однако же онаго (понеже оставя большую часть своего багажу, наскоро къ Днѣпру бѣжалъ) не могли прежде 30 іюня догнать, котораго числа его недалеко отъ Переволочны подъ горою при Днѣпрѣ стоящаго обрѣли, и отъ взятаго въ полонъ полковаго квартирмистра и нѣсколькихъ воровъ увѣдомилися, что король шведскій до того за 3 часа съ нѣсколькими стами конныхъ чрезъ Днѣпръ переправился съ великою трудностію, и генераловъ маіоровъ Шпара и Лагеръ-Крона съ собою взялъ; генерала же Левенгоупта надъ оставшеюся арміею главнымъ командиромъ оставилъ (измѣнникъ же Мазепа съ нѣсколькими стами своими единомышленниками козаками еще прежде короля за Днѣпръ переправился и ушелъ въ турецкую область), къ которому генералъ, князь Меншиковъ, безъ потерянія времени, со обрѣтающимся подъ своею командою войскомъ, котораго не больше 9000 было, къ Переволочнѣ приближился; и понеже отъ взятыхъ пленниковъ было увѣдано, что непріятели не зѣло къ бою охоту имѣли: того ради послалъ онъ къ сдачѣ ихъ наговаривать, и при томъ имъ объявить велѣлъ, чтобы они расступя (что все убѣжище и спасеніе ихъ пресѣчено) сдались; въ противномъ же случаѣ не ожидалибъ себѣ дощады: противъ чего генералъ Левенгоуптъ генерала маіора Крейца, да полковника Дюкера, подполковника Траушфестера и генерала адъютанта графа Дукласа къ генералу Князю Меншикову ярсалъ и о аккордѣ трактовать велѣлъ, который по нѣкоторымъ разговорамъ и учиненъ, и отъ него, генерала князя Меншикова, и генерала графа Левенгоупта подписанъ; по которому непріятель (состоящей еще паче всѣхъ чаянія въ 14030 человекъ вооруженныхъ, въ которыхъ большая часть кавалеріи было) ружье свое, яко воинскіе полоненики, положи, сдались, и оное еще того же дня купно со всею артиллеріею и принадлежащею къ тому воинскою казною, канцеляріею и всѣми знамены, штандарты, литавры и барабаны посланному генералу лейтенанту Боуру отдали. И тако Божіею помощію вся непріятельская, толь въ свѣтъ славная армія (которая бытіемъ въ Саксоніи не малый страхъ въ Европѣ причинила) къ государю российскому въ руки досталась: ибо отъ оной кромѣ немногихъ сотъ, которые за королемъ чрезъ Днѣпръ въ Турецкую землю ушли, (изъ которыхъ потомъ еще съ 200 побито, тако же болѣе 260 человекъ отъ посланной нашей партіи взяты, при которыхъ генералъ аудиторъ и иные знатные были), никто не убѣжалъ; но всѣ побѣдовосному российскому оружью сдаться принуждены.

XXVIII. ВИТВА ПОДЪ ПОЛТАВОЮ И ЗНАЧЕНІЕ ПОЛТАВСКОЙ ПОВѢДЫ.

(Изъ соч. Богдановича: «Замѣчательнѣйшія походы Петра В. и Суворова»).

Побѣда при Лѣсной, какъ сказалъ самъ Петръ, была матерью Полтавской побѣды. Она лишила Карла XII педшихъ къ нему значительныхъ подкрѣпленій и огромнаго транспорта съ продовольственными и военными припасами; въ особенности же для него была чувствительна потеря послѣднихъ, которые онъ не могъ замѣнить другими въ Украинѣ. Не менѣе важно было и въ нравственномъ отношеніи вліяніе побѣды при Лѣсной, какъ перваго значительнаго успѣха, одержаннаго русскими регулярными войсками, — успѣха, одержаннаго равными съ непріателемъ силами. Иностранные писатели говорятъ, что въ этомъ дѣлѣ на сторонѣ Петра былъ значительный перевѣсъ въ числѣ войскъ: такимъ образомъ, нѣкоторые изъ нихъ увѣряютъ, что у Петра было 40, 50 и даже 80 тысячъ человекъ, а у Левенгаупта не болѣе 9 тысячъ. Но эти пристрастные показанія опровергаются сличеніемъ ихъ съ официальными источниками, и преувеличеніе иностранцами числа нашихъ войскъ доказываетъ, быть можетъ, только то, что 15-ти тысячный русскій корпусъ сражался съ такимъ мужествомъ, что силы его казались непріателемъ гораздо болѣшними, нежели были въ дѣйствительности. По присоединеніи Левенгаупта, Карлъ XII прошелъ подъ стѣнами Стародуба и, не успѣвъ предупредить занятіе Новгорода-Сѣверскаго русскими войсками, отраженными туда Шереметьевымъ, расположился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого города у села Горокъ, двадцать четвертаго октября. До сего времени Мазепа ограничивался тайными сношеніями съ королемъ шведскимъ и заготовленіемъ для него магазиновъ въ главнѣйшихъ городахъ Малороссіи; готовясь сбросить личину притворства, онъ долго колебался въ нерѣшимости; непріятельская армія имъ призванная находилась въ такомъ жалкомъ состояніи, что Мазепа, не надѣясь на успѣхъ ея дѣйствій, охотно прервалъ бы сношенія съ Карломъ XII, если бы не страшился справедливаго мщенія Петра. Эта нерѣшительность Мазепы ежедневно уменьшала его сообщниковъ; наконецъ, когда уже нельзя было долѣе медлить, выступилъ онъ съ 5-ю тысячами казаковъ изъ резиденціи своей, Ватурина, къ Деснѣ. За исключеніемъ немногихъ приверженцевъ его, участвовавшихъ въ преступномъ замыслѣ, всѣ прочіе казаки шли въ полной увѣренности, что гетманъ ведетъ ихъ противъ непріятеля; но когда они, переправясь черезъ Десну, 26 октября, очутились среди шведовъ, то одно лишь опасеніе быть истребленными заставило ихъ слѣдовать далѣе въ Горки, гдѣ находилась главная квартира Карла XII. Впослѣдствіи многіе изъ нихъ бѣжали въ русскій лагерь. Главныя наши силы, двигаясь параллельно войскамъ Карла XII, пришли въ концѣ октября въ окрестности Новгорода-Сѣверскаго, куда въ то же время прибылъ изъ Смоленска Петръ I, приказавъ пѣхотѣ, дѣйствовавшей прежде противъ Левенгаупта, идти вслѣдъ за нимъ на присоединеніе къ главнымъ силамъ. Русская армія расположена была близъ села

Погребковъ, на лѣвой сторонѣ Десны, съ тою цѣлью, чтобы не позволить неприятелю переправиться черезъ эту рѣку. Туда было доставлено княземъ Меншиковымъ первое свѣдѣніе объ измѣнѣ Мазепы; въ военномъ совѣтѣ, собранномъ по сему случаю, положено было отрядить Меншикова для овладѣнія Батуриномъ, гдѣ собраны были значительные магазины, приготовленные для неприятеля Мазепой, и оставленъ былъ сильный гарнизонъ. Шведская армія находилась ближе къ сему пункту, нежели наша; но какъ неприятелю для достиженія Батурина необходимо было переправиться черезъ Десну, то князь Меншиковъ предупредилъ шведовъ и, подступивъ къ Батурину, потребовалъ отъ казаковъ сдачи; получивъ отказъ, Меншиковъ 2-го ноября атаковалъ этотъ городъ, обнесенный землянымъ валомъ съ деревянною одеждою и рвомъ и, взявъ его штурмомъ, разворилъ до основанія. Несмѣтныя богатства и огромная военная добыча достались побѣдителямъ. Болѣе трехсотъ орудій найдено было въ городѣ. Жители Батурина истреблены были всѣ, кромѣ взятыхъ въ плѣнъ казачьихъ начальниковъ. Разрушеніе Батурина лишило шведскую армію значительныхъ магазиновъ и удержало въ вѣрности къ Петру тѣхъ казачьихъ начальниковъ, которые, покорствуя своему гетману, готовы были подражать ему. Мѣры, принятыя государемъ въ отношеніи къ жителямъ Украйны, упрочили еще болѣе ихъ преданность престолу и отечеству: повелѣвъ предать казни защитниковъ Батурина, Петръ вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ прощеніе всѣмъ тѣмъ изъ числа послѣдователей Мазепы, которые въ теченіе мѣсяца оставятъ измѣнника; Скоропадскій, подавшій примѣръ исполненія священнаго долга вѣрности царю, былъ избранъ въ гетманы малороссійскими депутатами, собранными въ Глуховѣ въ началѣ ноября; а Мазепа въ то же самое время всенародно преданъ проклятію. Между тѣмъ, въ концѣ октября Карлъ XII, не желая оставаться долѣе въ странѣ, опустошенной долговременнымъ пребываніемъ двухъ армій, рѣшился переправиться на лѣвую сторону Десны и двигаться далѣе. Отрядъ Гордона, не успѣвъ удержать неприятеля, отошелъ назадъ, и тогда Карлъ, устроивъ нѣсколько мостовъ, переправилъ свои главные силы и двинулся мимо развалинъ Батурина, гдѣ перешелъ рѣку Сеймъ, къ Ромнамъ и Гадячу. Отрядъ, посланный отъ нашей арміи для занятія Гадяча, опоздалъ нѣсколькими часами и не успѣлъ предупредить неприятеля. Это упущеніе, котораго истинная причина въ точности неизвѣстна, доставило Карлу XII огромные магазины, приготовленные по распоряженію Мазепы въ Ромнахъ и Гадячѣ. Уже наступала зима. Шведскія войска, послѣ многотруднаго похода, имъ совершеннаго, имѣли необходимую нужду въ отдыхѣ, и потому король рѣшился, отложивъ до весны движеніе къ Москвѣ, занять зимнія квартиры въ Украйнѣ. Шведская армія, въ числѣ съ небольшимъ 30-ти тысячъ, не считая находившихся при ней нѣсколькихъ тысячъ казаковъ, расположилась въ концѣ ноября 1708 года по деревнямъ на пространствахъ между Ромнами, Гадячемъ, Лохвицею и Прилуками; главная квартира была въ Ромнахъ. Вскорѣ послѣ того русская армія въ числѣ 40 тысячъ, кромѣ находившихся при ней иррегулярныхъ войскъ, также расположилась по квартирамъ. Квартирное расположеніе русскихъ войскъ, оглябая съ трехъ сторонъ квартиры, занятія неприятелемъ, стѣсняло его дѣйствія и способствовало набѣгамъ нашихъ легкихъ отрядовъ на квартиры шведовъ. Положеніе шведской арміи на

зимнихъ квартирахъ въ Украинѣ было весьма невыгодно. Войска наши, поддерживаемыя жителями страны, безпрестанно безпокоили неприятелей, не давали имъ отдыха и затрудняли добываніе съѣстныхъ припасовъ. Одежда и обувь шведовъ выходились въ самый жалкомъ положеніи, и недостатокъ въ нихъ былъ тѣмъ болѣе тягостенъ войскамъ, что зима съ 1708 на 1709 годъ была необыкновенно сурова; птицы, замерзая на лету, падали жертвами. Войска обѣихъ сторонъ терпѣли чрезвычайныя бѣдствія, и въ особенности шведы, имѣвшіе менше средствъ для предохраненія себя отъ стужи, нежели русскіе. Напротивъ того, положеніе нашей арміи, въ сравненіи съ неприятельскою, было гораздо лучше: она усиливалась ежедневно и, благодаря предусмотрительности Петра, не терпѣла ни въ чемъ нужды. Жестокость зимы не ослабила предприимчивости военачальниковъ; но эти предпріятія не имѣли никакихъ результатовъ, кромѣ опустошенія страны, служившей театромъ военныхъ дѣйствій. Наступала весна. Карлъ XII, опрочетливо зашедшій во внутрь непріязненной страны, ясно видѣлъ опасность своего положенія. Не смотря на происки Мазепы, не смотря на мятежныя воззванія Карла къ жителямъ Украины, незамѣтно было въ нихъ ни малѣйшаго желанія поддерживать шведовъ (столь же чуждыхъ имъ въ религіи, сколько были и поляки), противъ единовѣрцевъ своихъ. Неприятельская армія таяла замѣтно. Король шведскій долженъ былъ въ это время основывать успѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствій не на себѣ самомъ, не на закаленныхъ въ бояхъ воннахъ своихъ, но на посторонней помощи. Онъ надѣялся, во-первыхъ, на восстаніе противъ Россіи запорожскихъ казаковъ; во-вторыхъ, на содѣйствіе ему Оттоманской Порты, и въ-третьихъ, на прибытіе къ нему въ помощь короля Станислава съ шведскимъ корпусомъ. Дѣйствительно, запорожцы, обманутые льстивыми увѣреніями Мазепы, пришли въ числѣ 8-ми тысячъ въ главную квартиру Карла XII; но это безпорядочное полчище, угодливѣеся разбойничьей шайкѣ, не доставляя никакой пользы шведскимъ войскамъ, было для нихъ истиннымъ бременемъ. Оттоманская Порта оставалась въ союзѣ съ Россіею, не находя выгоды разрывать его для поддержанія Карла XII. Что же касается до Станислава и Брассова, то они до такой степени были озабочены дѣйствіями отряда, посланнаго Петромъ въ Польшу въ концѣ 1708 года, что имъ нельзя было помышлять о движеніи въ помощь королю шведскому. Въ такихъ обстоятельствахъ Карлъ XII рѣшился, по совѣту запорожскаго атамана Гордѣнки, осадить Полтаву, гдѣ находились главные склады русской арміи. Взятіе этого города не могло вывести короля изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ онъ находился; говорятъ, что дѣль его состояла въ томъ, чтобы заставить Петра идти въ помощь Полтавѣ и вступить въ рѣшительное сраженіе; но если бы даже и удалось Карлу XII одержать побѣду надъ русскою арміею, то положеніе его отъ того нисколько бы не улучшилось: малочисленность его силъ, состоявшихъ въ числѣ 28-ми тысячъ и долженствовавшихъ еще ослабиться послѣ генеральнаго сраженія, не позволяла ему помышлять о движеніи къ Москвѣ. Принимая во вниманіе низкую степень, на которой стояло тогда инженерное искусство въ шведской арміи, нельзя не совнаться также и въ томъ, что успѣхъ осады Полтавы былъ весьма сомнителенъ; Гордѣнко, человѣкъ необразованный, но весьма

смѣтливый, полагалъ возможнымъ овладѣть Полтавою посредствомъ нечаяннаго нападенія, безъ всякихъ предварительныхъ осадныхъ работъ. Весьма замѣчательно, что Кейтъ, имѣвшій случай видѣть полтавскія укрѣпленія въ то время, когда онъ находился въ нашей службѣ, былъ того же мнѣнія. Полтава лежитъ на правой сторонѣ Ворсклы, образующей своими рукавами въ окрестностяхъ города довольно обширныя болота. Укрѣпленія Полтавы, построенныя подобно укрѣпленіямъ прочихъ малороссійскихъ городовъ, были довольно слабы; но русскія войска въ теченіе зимы исправили ихъ, усилили новыми пристройками и обнесли ихъ полисадами. Гарнизонъ, состоявшій изъ 4-хъ тысячъ регулярныхъ войскъ и 2500 вооруженныхъ мѣщанъ, снабженъ былъ съѣстными припасами въ изобиліи, и военными—въ небольшомъ количествѣ. Командантомъ города былъ, по непосредственному выбору самого Петра, полковникъ Калдинъ. Карлъ XII, обобравъ полтавскія укрѣпленія еще въ началѣ апрѣля, послалъ въ концѣ этого мѣсяца, изъ Будища, къ сѣверу отъ Полтавы, куда переведена была главная квартира шведской арміи, генерала Шпарра съ однимъ артиллерійскимъ и съ 9-ью пѣхотными полками, для обложенія города. 30 апрѣля открыта была траншея; вслѣдъ за тѣмъ подошли къ Полтавѣ съ правой стороны Ворсклы главныя силы шведовъ, а съ лѣвой—часть нашей арміи подъ начальствомъ князя Меншикова, который, переправясь черезъ рѣку выше Полтавы и располагаясь противъ города, покушался открыть сообщеніе съ осажденными и даже успѣлъ ввести въ Полтаву 2 батальона. Но вскорѣ шведскія войска, построивъ редутъ у подошвы горы, на которой лежитъ Полтава, прервали сообщеніе Меншикова съ гарнизономъ, и безъ того весьма затруднительное по болотистому свойству мѣстности. Осада шла весьма медленно, благодаря храбрости гарнизона, который производилъ безпрепятствныя вылазки. Осаждающіе начали было устраивать мины; но осажденные уничтожили это покушеніе посредствомъ своихъ контрминъ.

Когда совершенно обнаружилось намѣреніе Карла XII овладѣть Полтавою, то рѣшено было, въ отсутствіе Петра, находившагося тогда въ Воронежѣ, чтобы главная наша армія соединилась съ войсками Меншикова: съ этою цѣлью Шереметьевъ переправился черезъ Пселъ, а потомъ черезъ Ворсклу, выше Полтавы, и прибылъ къ селенію Крутому берегу, гдѣ были расположены войска Меншикова. Въ это время съ нашей стороны были возобновлены покушенія проникнуть въ Полтаву: чтобы приблизиться къ городу, устроены были линіи по лѣвому берегу Ворсклы; но шведы, съ своей стороны, тоже соорудили линіи по правому берегу и тѣмъ совершенно отрѣзали городъ отъ нашей арміи. 1 іюня непріятель произвелъ сильное бомбардированіе по городу, зажегъ его и вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалъ приступъ; но гарнизонъ отбилъ его, нанеся значительный уронъ непріятелю. 4 іюня прибылъ къ арміи Петръ и немедленно вошелъ въ сношенія съ осажденными, посредствомъ бомбъ, въ которыя были вкладываемы бумаги съ извѣстіями. Этотъ опасный для получателей корреспонденціи способъ передачи свѣдѣній употребляемъ былъ нѣсколько разъ въ теченіе осады. Имѣя въ виду освободить Полтаву, не вступая въ рѣшительное сраженіе, Петръ послалъ два отряда на противоположную сторону Ворсклы: одинъ изъ нихъ, подъ начальствомъ генерала Ренне, занялъ позицію на правомъ берегу выше Полтавы, у деревни Петровки; а генералъ Аллартъ съ другимъ отрядомъ

расположился также на правомъ берегу, нѣсколько ниже города. Карлъ XII, узнавши о томъ, съ частью войскъ направилъ фельдмаршала Рейншильда противъ Ренне, а самъ съ другою двинулся противъ Алгарта. Но въ то самое время, когда онъ производилъ развѣдку расположенія русскимъ войскъ, 17 іюня былъ тяжело раненъ ружейною пулею съ противоположнаго берега. Этотъ случай заставилъ оба шведскіе отряда возвратиться въ лагерь. Тѣмъ не менѣе, однако-же, положеніе защитниковъ Полтавы, почти вовсе не имѣвшихъ пороху и потерпѣвшихъ значительныя потери въ течение семинедѣльной осады, было весьма тягостно. Единственнымъ средствомъ для спасенія города оставалось сраженіе, и Петръ рѣшился вступить въ бой. Скоропадскій, расположенный съ корпусомъ малороссійскихъ казаковъ по правую сторону Песла, получилъ повелѣніе идти черезъ Будище на соединеніе съ главными силами русской арміи, которая, выстуя изъ своего лагера, переправилась черезъ Ворсклу по мосту и въ бродъ 20 іюня, и расположилась въ укрѣпленномъ лагерѣ, въ полуверхохѣ отъ Полтавы. Узнавъ о томъ, шведскій король приказалъ 21-го штурмовать городъ; но осажденные отбили этотъ приступъ. На слѣдующій день, 22-го, сдѣлано было шведами послѣднее покушеніе овладѣть Полтавою; цѣлый день продолжались отчаянныя усилія съ обѣихъ сторонъ; настала ночь; бой все еще продолжался и только лишь чрезвычайное утомленіе сражавшихся прекратило ожесточенныя покушенія шведовъ, то взбравшихся на городскими стѣнами, то опрокидываемыхъ мужественнымъ гарнизономъ, съ содѣянномъ полтавскихъ гражданъ. На этомъ приступѣ, столь славномъ для имени русскаго, осажденные потеряли убитыми и ранеными до 900 чинами, и неприятель ночью двое. Три дня спустя, 25-го, русская армія двинулась мимо къ Ворсклѣ и расположилась въ шести верстахъ отъ Полтавы въ украинскомъ лагерѣ, обнесенномъ непрерывною линіею копаныхъ ямъ, съ многими выходами для войскъ. Этотъ лагерь имѣлъ фигуру неправильнаго четырехугольника, обращеннаго тыломъ къ Порохѣ, и фронтомъ къ обширной равнинѣ, ограниченной съ сѣвера лѣснойю, съ запада—большимъ лѣсомъ, съ юга—другимъ лѣсомъ, простиравшимся до Полтавскаго Воздвиженскаго монастыря, наконецъ съ востока Порохлю. Открытое пространство между копанутыми лѣсами, шириною около полутора версты, было занято шестью редутами, расположенными на ружейный выстрѣлъ одинъ отъ другаго. Расположеніе войскъ на этой позиціи было слѣдующее: 56 батальоновъ занимали укрѣпленный лагерь; остальные 2 батальона назначены были для занятія редутовъ; 17 кавалерійскихъ полковъ расположились въ двѣ линіи по нѣмъ редутовъ. Артиллерія, въ числѣ 72 орудій, подъ начальствомъ генерала лейтенанта Брюса, находилась въ укрѣпленномъ лагерѣ. Число нашихъ войскъ вообще простиралось около 50-ти тысячъ.

Петръ I, имѣя въ виду освобожденіе Полтавы, вовсе не предполагая принять бой въ ваятомъ имъ расположеніи: укрѣпленія, устроенныя имъ по повелѣнію, были сооружены единственно съ тою цѣлью, чтобы имѣющимъ въ совершенной безопасности прибытіе подкрѣпленій, имъ имѣвшимъ которыхъ онъ намѣревался идти къ Полтавѣ и атаковать Карла XII. Для этого нападенія назначенъ былъ день святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, 29 іюня. Король шведскій, вѣроятно прознавъ о намѣреніи Петра, рѣшился самъ атаковать его до прибытія

ожидаемыхъ подкрѣпленій. Оставя для охраненія обоза и осадныхъ работъ Мазепу и Гордѣенко съ запорожскими казаками и съ небольшою частью регулярныхъ войскъ, Карлъ выступилъ противъ русской арміи со всѣми остальными силами, за исключеніемъ 2-хъ тысячъ кавалеріи, изъ которыхъ составлены были четыре поста, размѣщенные по Ворсклѣ отъ Полтавы до Переволочны. Это распоряженіе было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы обезпечить отступленіе шведовъ, въ случаѣ неудачи предположеннаго нападенія. Но, какъ они не озаботились устройствомъ моста на Двѣпрѣ у Переволочны, то отраженіе помянутыхъ 2-хъ тысячъ кавалеріи, не принеся никакой пользы, послужило только къ ослабленію шведской арміи. Число войскъ Карла XII, назначенныхъ для нападенія на главныя наши силы, не превосходило 25-ти или 26-ти тысячъ; артиллерійскихъ орудій они имѣли при себѣ только четыре, по причинѣ недостатка въ порохѣ: вся-же остальная артиллерія оставлена была подъ Полтавою.

Готовая къ рѣшительной встрѣчѣ съ непріателемъ ослабленнымъ, но еще опаснымъ, Петръ отдалъ по арміи слѣдующій приказъ:

«Воины, вотъ пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу отечества. Итакъ не думайте, что вы готовитесь сражаться за Петра: вы идете сражаться за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и Церковь. Не должна васъ приводить въ смущеніе слава непобѣднмости непріятеля, которой ложь вы не разъ доказали своими побѣдами. Имѣйте въ сраженіи передъ собою правду и Бога, защитника вашего, а о Петрѣ знайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего». Карлъ XII, имѣя тоже въ виду возвысить духъ своихъ войскъ, объѣхалъ ряды ихъ, напоминалъ побѣды, ими одержанныя, и приглашалъ ихъ на пиръ въ шатры царя московскаго. 27-го іюня, въ два часа утра, выступили шведы. Пѣхота двигалась въ четырехъ колоннахъ, кавалерія же слѣдовала за нею въ шести колоннахъ. Король, не смотря на боль, чувствуемую имъ отъ раны, предполагалъ распоряжаться непосредственно ходомъ сраженія и для этого приказалъ вести себя въ носилкахъ. На разсвѣтѣ шведская пѣхота напала на редуты, а кавалерія, пройдя между редутами, пошла въ атаку на нашу кавалерію, которая сражалась весьма успѣшно и отбила у непріятеля нѣсколько штандартовъ. Но Петръ, не смотря на то, приказалъ нашимъ эскадронамъ отступить: генералъ Бауръ получилъ приказаніе, отступивъ мимо лагеря, расположиться къ нему лѣвымъ флангомъ; это распоряженіе имѣло цѣлью подвергнуть непріятеля огню нашей артиллеріи, находившейся въ укрѣпленномъ лагерѣ. Между тѣмъ, Карлъ XII, котораго войска, послѣ многократныхъ усилій, успѣли овладѣть только двумя неоконченными редутами, приказалъ своей пѣхотѣ оставить дальнѣйшую атаку прочихъ редутовъ и пройти сквозь линію ихъ вслѣдъ за кавалерією. Шведскія войска, подъ начальствомъ Левенгаупта, увлеченныя преслѣдованіемъ отступавшей нашей кавалеріи, двинулись мимо нашего лагеря, причѣмъ правое крыло ихъ, находившееся не далѣе ста шаговъ отъ батарей, подвергнулось сильнѣйшему продольному дѣйствію нашихъ орудій. Непріятельскія войска, не имѣя возможности оставаться подъ выстрѣлами русской артиллеріи, на такомъ близкомъ разстояніи отъ нашего лагеря, отступили въ безпорядкѣ къ большому лѣсу и стали

тамъ строятся въ боевой порядокъ; но правое крыло ихъ, состоявшее подъ командою Рооса, отстало отъ центра и принуждено было брестись въ лѣсъ, простирающійся къ сторонѣ Полтавы. Быстро замѣтивъ это ошибочное движеніе, Петръ отрядилъ, для окончательнаго пораженія Рооса, 5 баталіоновъ и 5 кавалерійскихъ полковъ, подъ начальствомъ князя Менишкова, который довершилъ разстройство непріятельскаго отряда, прогнавъ остатки его въ редуты, устроенныя шведами, для прикрытія осадныхъ работъ подъ Полтавою и, поручивъ дальнѣйшія дѣйствія генералу Ренцелю, съ 5-ю баталіонами, возвратился съ кавалерією на поле сраженія. Дѣйствія Ренцеля были весьма успѣшны: окруживъ шведскіе редуты, онъ заставилъ Рооса сдаться съ остатками праваго крыла и съ большею частью войскъ, оставленныхъ для охраненія траншей; прочіе же разбѣжались въ разныя стороны. Въ числѣ бѣжавшихъ былъ Мазепа. Часть регулярныхъ войскъ съ артиллерією, оставленною подъ Полтавою, отступила внизъ по Ворсклѣ по направленію къ Переволочнѣ. Такимъ образомъ, нашимъ войскамъ былъ открытъ путь къ Полтавѣ; теперь дѣло шло уже не объ освобожденіи Полтавы, а объ уничтоженіи непріятельской арміи. Предполагая, что Карлъ XII пойдетъ атаковать лагерь, Петръ вывелъ въ поле часть своей пѣхоты и расположилъ ее по сторонамъ лагеря, съ тою цѣлью, чтобы во время наступленія непріятели ударили на него съ фланговъ. Но здѣсь было не то уже, что подъ Нарвою; Карлъ вовсе не помышлялъ объ атакѣ нашего лагеря, а старался только возстановить порядокъ въ войскахъ своихъ. Въ шесть часовъ утра Петръ вывелъ изъ лагеря всѣ свои войска, за исключеніемъ 9-ти баталіоновъ, частью отряженныхъ для занятія Водвиженскаго монастыря въ Полтавѣ. Остальные войска построились въ боевой порядокъ впереди лагеря въ двѣ линіи. Непріятельская армія, ослабленная отдѣленіемъ войскъ Рооса, находилась въ составѣ 18-ти баталіоновъ и 14-ти кавалерійскихъ полковъ.

Обѣ арміи двинулись одна другой навстрѣчу. Сраженіе возобновилось въ девять часовъ утра и продолжалось не болѣе получаса. Шведскія войска, поражаемая многочисленною нашею артиллерією, которой не могли противопоставить болѣе 4-хъ орудій, и охваченныя съ фланговъ нашею конницею, были обращены въ бѣгство. Оба царственные полководца не щадили себя въ этомъ рѣшительномъ бою: шляпа Петра I прострѣлена была пулею; другая пуля попала въ большой крестъ, висѣвшій на груди его, а третья найдена въ орчакѣ его сѣдла; носилки Карла XII были разбиты ядромъ, а впоследствии, во время отступленія шведовъ, убита подъ нимъ лошадь. Для преслѣдованія непріятели, бѣжавшихъ съ поля сраженія внизъ по Ворсклѣ, отряжены были князь Голицынъ съ гвардейскими и Бауръ съ 10-ю драгунскими полками, всего 9 тысячъ человекъ, подъ общимъ начальствомъ князя Менишкова. Потеря въ полтавскомъ сраженіи со стороны шведовъ простиралась до 9-ти тысячъ убитыми и ранеными и около 3 тысячъ плѣнными; сверхъ того они потеряли 4 орудія и 137 знаменъ; въ числѣ плѣнныхъ находились: министръ Пиперъ и фельдмаршалъ Рейншильдъ. Такимъ образомъ, одна и та же участь постигла осторожнаго политика и пылкаго воина, дававшихъ своему королю совершенно противоположные совѣты. Сверхъ того взяты въ плѣнъ 4 генерала. Съ нашей стороны уронъ простирался до 1300 убитыми и 3200 человекъ ранеными.

Остатки шведской арміи отступали въ совершенномъ безпорядкѣ внизъ по Ворсклѣ; достигнувъ Переволочны, Карлъ XII успѣлъ переправиться съ частью своей свиты на лѣвую сторону Днѣпра. По отбытіи короля, Левенгауптъ, оставшійся главнымъ начальникомъ шведскихъ войскъ, предполагалъ переправиться черезъ Ворсклу и идти въ Крымъ; но дѣятельный Меншиковъ не далъ ему на то времени: русскія войска прибыли къ Переволочнѣ, на высоты праваго берега Днѣпра, тогда какъ шведы, находившіеся у самой рѣки подъ горою, не успѣли еще устроить моста. Меншиковъ предложилъ непріятелю сдаться и Левенгауптъ, считая силы нашего отряда большими, нежели онъ былъ въ дѣйствительности, и почти вовсе не имѣя военныхъ припасовъ, сдался на капитуляцію, по которой остатки шведской арміи, въ числѣ 14-ти тысячъ, положили оружіе; 28 орудій и 127 знаменъ были трофеями побѣдителей. 28 іюня Петръ I имѣлъ торжественный въѣздъ въ Полтаву; увидя полковника Келлина, ожидавшаго его у воротъ города, государь сошелъ съ лошади, снялъ шляпу, обнялъ храбраго воина и нѣсколько разъ поцѣловалъ его въ голову, говоря:—«Почтенная голова, совершившая преславный подвигъ! надежда моя на тебя не обманула меня». Какія чувства волновали тогда душу счастливаго Келлина? Наградами его были слѣдующій чинъ и царскій портретъ, украсившій грудь его. Всѣ участники знаменитой полтавской побѣды награждены были щедро; а главный виновникъ ея, во исполненіе общаго желанія арміи, возведенъ былъ въ чинъ генералъ-лейтенанта. Слѣдствія полтавскаго сраженія были весьма важны: въ отношеніи матеріальномъ—на поляхъ полтавскихъ были сокрушены вооруженныя силы Швеціи; въ отношеніи нравственномъ—исчезло общее убѣжденіе о непобѣдимости шведовъ, внушенное многократными успѣхами Густава-Адольфа и полководцевъ, образовавшихся подъ его знаменами: Бергарда Саксена-Веймарскаго, Баннера, Торстенсона; въ отношеніи политическомъ—непосредственно послѣ полтавскаго сраженія возобновленъ былъ союзъ сѣверныхъ государствъ противъ Швеціи.

XXIX. ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ НА ПОЛѢ ПОЛТАВСКОЙ ПОВѢДЫ ВЪ КРУГУ СПОДВИЖНИКОВЪ СВОИХЪ И ВОЖДЕЙ ПОВѢЖДЕННЫХЪ ШВЕДОВЪ.

(Изъ „Дѣяній Петра Великаго“, Голикова, т. IV.)

По окончаніи всѣхъ дѣйствій военныхъ, монархъ, увидя со всѣхъ сторонъ прѣзжающихъ къ себѣ генераловъ и знатныхъ чиновниковъ гвардіи своей, уклонялъ предъ каждымъ изъ нихъ обнаженный еще и кровію непріятельской обогранный мечъ свой и поздравлялъ ихъ съ побѣдою. Въ дневникѣ Крекшина поименно привѣтствіе монаршее, съ каковымъ онъ принялъ начальниковъ и офицеровъ гвардіи своей, которое я и вношу здѣсь:—„Здрастуйте, сыны отечества, чада моя возлюбленная; потомя трудовъ моихъ родихъ васъ; безъ васъ государству, какъ тѣлу безъ души, жить не можно; вы, имѣя любовь къ Богу, къ вѣрѣ православной, къ отечеству, къ славѣ, ко мнѣ, не щадили живота своего, и на

тысячу смертей устремлялись необязвенно. Храбрыя дѣла ваши никогда не будутъ забвенны у потомства“.

На сіе привѣтствіе отъ лица сей гвардіи отвѣтствовалъ монарху полковникъ оныя генераль-поручикъ князь Голицынъ такъ:— „Мужественною крѣпостію отъ Господа Бога утвержденный благочестивѣйшій государь! кто тебя достойно восхвалять можетъ? Кто не имать повелѣній твоихъ усерднѣе исполнять? Въ тебѣ утвердилось сердце наше. Ты остроумоу разума, храбростію и смысломъ ученія всѣхъ насъ обогащаеши“.

Въ самое сіе время представлены были его величеству изъ плѣнныхъ предупомянутый принцъ Виртенбургскій, и генераль-майоры Штапельбергъ и Гамильтонъ. Монархъ, принявъ ихъ съ ласковымъ видомъ и обнадежа милостію своею, повелѣлъ съ честію и не снимая шпагъ, отвести ихъ въ ретраншементъ свой; потомъ обнявъ прибывшаго къ нему тогда же князя Меншикова и неоднократно цѣлуя его въ голову, превозносилъ предъ всѣми отличные подвиги и труды его. Тронутый снѣжъ чувствительно, князь сей отвѣтствовалъ: — „Аще бы Моисей, вождь Израилевъ, не предсталъ предъ Богомъ въ моленіи за согрѣшившій народъ свой, погибъ бы оный; аще бы и ты въ самое лютѣе время, въ кое непріятель Новгородскаго полку первый баталіонъ сбилъ и отрѣзалъ лѣвое крыло отъ главной арміи, на которомъ и я съ кавалеріею находился, не предсталъ и не сомкнулъ фрунта арміи, не щадя живота своего, то равно бы и мы всѣ погибли. Самъ Господь Богъ тебя, помазанника своего, на сіе подвинулъ, съ тобою сражался и увѣнчалъ подвигъ сей толикою побѣдою“.

И посемъ, поздравя его величество съ великою побѣдою, доносилъ, что непріятель толико низложенъ, что никогда уже отъ паденія своего не возстанеть, и что генераль-фельдмаршалъ Рейншильдъ взятъ имъ въ плѣнъ, со многими знатными офицерами. Монархъ, возблагодаря его за сіе послѣднее, повелѣлъ мимо себя провести въ тотъ же ретраншементъ, не снимая же съ нихъ шпагъ. Потомъ монархъ спросилъ у князя сего о числѣ убитыхъ въ кавалеріи его, и князь клятвенно увѣрилъ его величество, что ихъ не болѣе убито пяти или шести сотъ.

И тогда же, повелѣвъ арміи своей стать въ строй, выѣхалъ предъ оную съ княземъ снѣжъ. Коль скоро великій государь предъ оную показался, то фельдмаршалъ Шереметьевъ, бывшій при оной, закричалъ:— „на крауль!“ Всѣ генералы, штабъ и оберъ-офицеры уклонили свои шпаги, во всей арміи загрѣмѣла музыка, барабанный и литаврный бой, и преклонялись до земли всѣ знамена. Монархъ, проѣзжая весь фронтъ арміи безъ шляпы, благодарилъ все войско за храбрость и усердіе ихъ; а фельдмаршалъ, отъ лица оныя изъявъ его величеству за защищеніе вѣры и отечества, не щадя собственной жизни своея, благодарность, доносилъ о великомъ числѣ убитыхъ непріятелей и о малой потерѣ своихъ.

Посемъ великій государь, повелѣвъ предъ фрунтомъ арміи поставить походную церковь и многіе другіе шатры для обѣденныхъ столовъ, посѣтилъ раненыхъ не только офицеровъ, но и всѣхъ рядовыхъ, благодарилъ ихъ за ревность ихъ къ службѣ и отечеству, изъявлялъ сердечное сожалѣніе свое о ихъ участи, утѣшалъ опаснѣе раненыхъ, что стараніе лекарей при способствованіи Божіа помощи можетъ изцѣлить ихъ; обѣщалъ награждать подвиги ихъ, многихъ раны въ присутствіи его были перевязаны, и таковое состраданіе и милость его къ нимъ были наилучшимъ для нихъ лекарьствомъ: они на тотъ часъ забыли свои болѣзни, изъявляли съ радостными слезами благодарность свою къ его величеству. Наконецъ великій государь, отдавъ приказъ о неуспыномъ стараніи о ихъ излѣченіи и содержаніи, въ первомъ часу по полудни пошелъ въ поставленную церковь. Въ присутствіи его величества, всѣхъ генераловъ и офицеровъ и, можно

сказать, всея арміи, началось благодарное молебствіе побѣдодавцу, Господу. Во время пѣнія „Тебѣ Бога хвалимъ“, произведены изъ артиллеріи и мелкаго ружья всея арміи три залпа, потрясшіе, казалось, самую землю. Всѣ бывшіе въ церкви паки приносили монарху поздравленіе и взаимно отъ него были всѣ поздравлены; а фельдмаршалъ поднесъ его величеству рапортъ, сколько взято въ плѣнъ генераловъ и высшихъ, и нижнихъ чиновниковъ, и рядовыхъ, и также трофеевъ, и всего прочаго, что могли по краткости времени описать.

Во 2 часу по полудни великій государь, въ послѣдованіи всего генералитета и штабъ-офицеровъ, прибылъ въ царскій шатеръ свой, окруженный поставленными въ строй шестью пѣхотными, — тѣми, кои были оставлены въ ретраншементѣ, и шестью же конными полками, не бывшими же въ сраженіи, при входѣ въ который стояла на караулѣ гренадерская рота Преображенскаго полка его: полы шатра сего были подобраны. По шестивн въ оный, всѣ его министры, и двора его господа, и знатные служители принесли его величеству поздравленіе съ побѣдою.

Монархъ повелѣлъ князю Меншикову привести въ шатеръ всѣхъ плѣнныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, и графа Пипера съ королевскими секретарями. Первые изъ ретраншемента, съ ротой Семеновскаго полка, а послѣдніе изъ Полтавы, съ ротой лейбъ-регимента, въ 3 часу пополудни со всякою честію приведены были къ шатру его величества. Монархъ повелѣлъ по порядку вводить ихъ предъ себя и, стоя у столика безъ шляпы, принималъ ихъ съ весьма ласковымъ видомъ. Они, начавъ съ графа Пипера, становяся предъ его величествомъ на колѣни, подносили ему шпаги свои, которыя по повелѣнію его отъ знатныхъ принималъ князь Меншиковъ, а отъ штабъ и оберъ-офицеровъ генералы Рейнинъ и Алартъ.

Великій государь непосредственно за тѣмъ спросилъ у Рейншильда о здравіи королевскомъ, и сей отвѣтствовалъ, что король, государь его, за четверть часа до окончанія баталіи, въ великой болѣзни, поврежденіемъ ноги его причиненной, отбылъ отъ арміи къ Дибру, поруча оную ему, фельдмаршалу. Сіе произнесъ онъ со слезами. Чувствительный монархъ пожаловалъ ему свою шпагу, сказавъ: — „Я желаю, чтобъ вы хранили еѣ у себя въ знакъ почитанія моего къ вашей храбрости и вѣрности къ государю своему“.

Потомъ, что было въ 3 часа пополудни, великій государь, обратясь къ графу Пиперу, къ Рейншильду и ко всѣмъ плѣннымъ генераламъ и штабъ-офицерамъ, сказалъ съ улыбкою: — „Вчера братъ мой, Карлъ, просилъ васъ въ сей день на обѣдъ въ шатры мои, и хотя онъ не сдержалъ своего королевскаго слова, но мы сіе исполнимъ, и для того прошу васъ со мною откушать“. А дабы ироническое сіе, такъ сказать, привѣтствіе не столько было имъ чувствительно, то повелѣлъ тотъ же часъ каждому изъ нихъ возвратить ихъ шпаги, которыя они, принявъ отъ руки его, цѣловали оную.

Монархъ пригласилъ также къ столу своему всѣхъ своихъ генераловъ и знатныхъ штабъ-офицеровъ, а всѣхъ прочихъ и оберъ-офицеровъ плѣнныхъ и своихъ повелѣлъ угостить столомъ же въ другихъ шатрахъ, и потомъ, въ препровожденіи всѣхъ знатныхъ прибывъ въ столовый шатеръ, благоволилъ каждому изъ своихъ рукъ поднести по рюмкѣ любимой своей водки, называемой приказною. Во время стола, при пѣтн за здравіе его величества, всего его царскаго дома и побѣдоноснаго оружія, продолжалась непрерывно пушечная пальба.

Въ продолженіи же онаго монархъ разговаривалъ съ графами Пиперомъ и Рейншильдомъ всегда милостиво, и между прочимъ спросилъ у послѣдняго, до коликаго числа простиралось войско ихъ до баталіи. На сіе отвѣтствовалъ плѣн-

ный фельдмаршалъ, что хотя подлинно донести его величеству о томъ и не можетъ, потому что точную вѣдомость о войскѣ имѣлъ у себя король, его государь, однако-жъ думаетъ онъ, за исключеніемъ оставленныхъ въ траншеяхъ и обоевъ и также поляковъ, казаковъ и волоковъ, войска шведскаго въ сраженіи находилось до 30,000.— „Какъ же, спросилъ паки монархъ, съ столь малымъ войскомъ могли вы отважиться на генеральную баталію, отъ которой зависѣло все?“— „Отъ насъ, отвѣтствовалъ онъ, никогда совѣтовъ не требовано, и мы, какъ вѣрнымъ подданнымъ должно, безмолвно исполняли повелѣніе своего государя. Впрочемъ,—придалъ наконецъ Рейншильдъ,—съ начала вступленія нашего, армія была гораздо въ большемъ числѣ, но въ разныхъ сраженіяхъ, отъ стужи и болѣзней, погибло изъ оной до 35,000 человекъ“.

Его величество, выслушавъ сей отвѣтъ, обратился къ нѣкимъ придворнымъ своимъ, сказалъ:— „Ахъ, вотъ, какъ надобно государю своему служить!“ и наливъ рюмку вина, сказалъ сему знаменитому пѣвнику:— „Я пью здоровье учителей моихъ въ военномъ искусствѣ“.— „Кого такимъ хорошимъ именемъ,—спросилъ Рейншильдъ,—жаловать ваше величество назовете?“— „Васъ, господъ шведовъ“, сказалъ государь.— „Посему ваше величество мало благодарны къ своимъ учителямъ, такъ худо заплативъ имъ за ученіе“. Сколь скоро монархъ сталъ цѣнить свое здоровье, то загремѣла паки въ честь ихъ артиллерія.

Впрочемъ, предуменьяемые отвѣты пѣвника фельдмаршала доказываютъ, сколь ужѣлъ монархъ обласкать ихъ и влить тѣмъ въ нихъ толкую смѣлость. Слѣдствіемъ сего же ласковаго монаршаго съ ними поступка были и слѣдующіе въ продолженіи того же стола разговоры. Рейншильдъ сидѣвшему подлѣ него фельдмаршалу Шереметеву между прочимъ говорилъ, что онъ неоднократно осмѣливался государю своему представлять о прекращеніи войны съ Россією полезнымъ миромъ и вѣчнымъ союзомъ, что-де засвидѣтельствовать можетъ и графъ Пиперъ, и еслибы-де его величество благоволилъ принять сіи мои представленія, то-бы отечество наше не дошло до толкаго бѣдствія; но, къ несчастію, заключилъ онъ, король не хотѣлъ и слушать сего. Монархъ, вслушавшись въ сей разговоръ, сказалъ, что онъ всегда предпочитаетъ миръ самымъ великимъ побѣдамъ, и подданные не могутъ быть счастливы, развѣ подъ правленіемъ миролюбиваго государя. Далѣе продолжалъ Рейншильдъ:— „Мы никакъ не думали найти толь исправное регулярное войско и отнюдь не вѣрили Левенгаупту, утверждавшему изъ опыта своего сраженія съ онымъ, что російское войско нынѣ непобѣдимо, а думали, что онъ хотѣлъ себя только оправдать тѣмъ въ разбитіи своемъ; но коль мы въ семъ обманулись!“ Графъ Шереметевъ отвѣтствовалъ ему, что онъ судить можетъ о войскѣ нашемъ и изъ того, что въ нынѣшней баталіи число войска уравнено было противъ ихъ, но изъ онаго въ сраженіи находились одни только передніе баталіоны, а бывшіе во второй линіи не употребили ни единого патрона, и видимые тобою вокругъ шатра, не были также совсѣмъ въ сраженіи.

По окончаніи стола, великій государь, пожелавъ пѣвнымъ доброй и покойной ночи, отпустилъ ихъ паки въ тотъ-же свой ретраншементъ и съ такимъ-же препровожденіемъ, съ какимъ въ оныя и приведены.

Подобное угощеніе учинено было и всѣмъ пѣвнымъ офицерамъ въ другихъ шатрахъ, равно какъ и всѣмъ своимъ: накормлены были также и всѣ ихъ солдаты и служители, равно-же какъ и свои, а сверхъ того повелѣно было отъ монарха солдатамъ своимъ обращаться съ ними со всякою ласкою. Столъ сей продолжался до пяти часовъ за полдень, послѣ котораго неутомимый государь отправилъ князя Голицына съ обоими полками гвардіи своей, оставя изъ нихъ

при себѣ по одной только гренадерской ротѣ, и съ пѣхотными же полками Ингерманландскими и Астраханскими верхами; и подъ его-же командою генерал-поручика Боура, съ десятию кавалерійскими баталіонами, за ушедшими съ сраженія подъ Перволочною шведами, повелѣвъ имъ всевозможно поспѣвать, и догнавъ, атаковать и плѣнить ихъ.

Но въ сей же самый вечеръ великій государь своеучный послалъ указъ къ находившемуся въ Польшѣ своему генералъ-фельдмаршалу лейтенанту Гольцу, повелѣвающій всячески наблюдать ему того, дабы ушедшіи король шведскій не соединился съ корпусомъ своимъ, въ Польшѣ находящимся, и чтобъ для того онъ по всѣмъ дорогамъ, въ томъ числѣ и лежащимъ къ турецкимъ границамъ, разослалъ все легкое войско, дабы пресѣчь всюду ему путь, и проч., и сверхъ сего въ сей же вечеръ благоволилъ увѣдомить о сей преславной побѣдѣ великую супругу свою, царевича сына своего, кесаря Ромодановскаго и другихъ знатныхъ особъ, также губернаторовъ и иностранныхъ министровъ своихъ, своими письмами, въ которыхъ на одномъ, а именно къ графу Апраксину, писанномъ собственною же его рукою, назначенъ и часъ, въ который оное письмо, именно 9 вечера; но я приложу сіе послѣднее здѣсь подлинникомъ; оно послужитъ намъ образцомъ и всѣмъ другимъ.

„Господинъ Адмиралъ!

„Объявляю вамъ о зѣло превеликой и нечаянной вѣкторіи, которую Господь Богъ намъ, чрезъ неописанную храбрость нашихъ солдатъ, даровати навелъ, съ малою войскою нашихъ кровію, таковымъ образомъ: сего дня, на самомъ утрѣ, жаркій непріятель нашу конницу, со всею арміею конною и нѣшею атаковалъ, которая хотя зѣло по достоинству держалась, но принуждена была уступить, однакожь съ великимъ убыткомъ непріятелю, потомъ непріятель сталъ во фронтъ противъ нашего лагеря, противъ котораго тотчасъ всю пѣхоту изъ ретраншеманта вывели и предъ счи его поставили, а конницу на обонъ флангахъ, что непріятель увидя, тотчасъ пошелъ атаковать насъ, но и наши противъ него пошли, и такъ его встрѣтили, что тотчасъ съ поля сбили; знаменъ, пушекъ и множество взяли; таковъ генералъ фельдмаршала, г. Рейншльда, купно съ четырьмя генералами, а именно: Шлипенбахомъ, Гамилтономъ, Штакальбергомъ и Розеномъ; также первый министръ, графъ Пиперъ, съ секретарями въ полонъ взяты, при которыхъ нѣсколько тысячъ офицеровъ и рядовыхъ взято, о чемъ подробно писать будемъ вскорѣ (а нынѣ за суетами невозможно), и единымъ словомъ сказать вся непріятельская армія Фаетоновъ конецъ воспріяла, (а о королѣ еще не можетъ вѣдать, съ нами-ль, или съ отцы нашими обрѣтается), а за разбитымъ непріятелемъ посланы господа генералы-поручики, князь Голицынъ и Боуръ, съ конницею, и сею у насъ неслышанною повязною вамъ поздравляемъ, и прошу господъ высшихъ и нижнихъ морскихъ и сухопутныхъ поздравить. Peter.

„P. S. Нынѣ уже совершенно камень въ основаніе С.-Петербурга положенъ съ помощію Божіею.

„Приведенъ еще въ полонъ князь Виртенбергскій, сродникъ короля шведскаго“.

Читатель не оставитъ, конечно, замѣтить, что великій побѣдитель нашъ о личномъ своемъ толь великомъ въ побѣдѣ сей участіи ни словомъ не упоминаетъ.

Такъ препровожденъ былъ знаменитый сей день.

Повѣствованіе наше окончили мы 27 днемъ Іюня, то есть днемъ преславныя податаскя побѣды, и видѣли, что отъ меча Россійскаго спаслась уходомъ къ Дибпру цѣлая половина арміи шведской, подъ предводительствомъ генерала Левенгаунта; что великій побѣдитель того-же вечера, для достиженія сныя, отправилъ князя Михайла Михайловича Голицына съ полками гвардіи и съ пѣхотными же

Истринскій и Астраханскій на лошадей; да подъ командою его же, генералъ-поручика Боура, съ десятью кавалерійскими баталіонами, съ повелѣніемъ кидать всё, или когда будутъ сопротивляться, порубить; но поутру 28 числа, съ точнѣйшими предписаніями и уполномочіемъ въ слѣдъ за ними послалъ князя Меншикова съ ротой лейбъ-эскадрона. Пока же увидимъ мы, что учинять сіи вѣрные исполнители велѣній его величества, опишемъ происшедшее между тѣмъ подъ Полтавою. Великій государь, по отправленіи сего князя, занялся отданіемъ послѣдняго долга убитымъ на сраженіи воинамъ своимъ; онъ въ 4 еще часа поутру приказалъ заготовить на самомъ полѣ сраженія двѣ великія могилы, собрать тѣла убитыхъ, и всей арміи около могилъ тѣхъ стать въ строй образомъ кавалеріи, и когда все сіе до отправленія еще князя Меншикова исполнено, тогда монархъ въ 6 часовъ утра вышелъ на сіе поле, осмотрѣлъ самъ могилы оныя, и въ своемъ присутствіи повелѣлъ въ одну изъ нихъ положить порядочно тѣла офицеровъ, въ другую унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ въ ихъ мундирахъ; потомъ началась всѣми полковыми священниками погребальная панихида. Монархъ самъ соединилъ гласъ свой со гласомъ пѣвчихъ своихъ, но который неоднократно прерывался былъ токми слезъ его, извлекавшихъ подобныя же и изъ очей каждаго, видѣвшаго оныя. Отеческая чувствительность монаршая наконецъ изъявлена была рѣчью его, въ слухъ всѣхъ произнесенною: — „Храбрые воины“, — возгласилъ онъ, — „за благочестіе, отечество и родъ свой души своя положившіе! вѣтъ, яко страдальческіи вѣнцами вы увѣнчались и у праведнаго подвигоположника, Господа, дерзновение имате: споспѣшествуйте мнѣ въ праведномъ оружіи моемъ противъ враговъ отечества и благочестія молитвами вашими, да возможемъ въ мирѣ прославлять Бога и ваши подвиги“. По сей краткой рѣчи великій государь, отдавъ имъ три низкіе поклона, первый началъ своими руками засыпать землю; громы артиллеріи, трикратный бѣглый всей арміи огонь, и печальные тоны полковой музыки заключили погребальный сей обрядъ.

Его величество однако-же не прежде отошелъ, пока не насыпанъ былъ надъ могилами колѣи, и не воздвигъ на ономъ своими же руками святаго креста, съ надписаніемъ: „Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, Іюня 27 дня“.

Тогда-же великій государь издалъ указъ о повсягодномъ и непрерывномъ во вѣки поминовеніи въ день сей памяти ихъ.

Въ самый же сей и послѣдующій день происходило погребеніе и непріятельскіхъ тѣлъ, при священномъ же обрядѣ, отправленномъ чрезъ бывшихъ въ плѣну реформатскихъ священниковъ. Тѣлъ сихъ въ одну-же могилу, вырытую руками плѣнныхъ, погребено 13,281. Наконецъ Монархъ повелѣлъ такому-же предать погребенію и тѣ тѣла, которыя найдутся по лѣсамъ и въ отдаленіи, а окружнымъ жителямъ зарыть въ землю убитыхъ лошадей и очистить все поле и лѣса.

XXX. ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЪѢЗДЪ ПЕТРА ВЪ ПОЛТАВУ.

(Изъ «Дѣлій Петра Великаго», Голикова, т. IV.)

Великій государь того-же числа имѣлъ торжественный свой вѣздъ въ городъ Полтаву, въ препровожденіи всѣхъ своихъ генераловъ, министровъ и роты гренадерской гвардейскаго полку своего. Монархъ сидѣлъ на той же лошади, на которой командовалъ во время сраженія, и въ томъ же полковничьемъ своемъ мундирѣ.

Полковникъ и комендантъ, г. Келинъ, съ знатнѣйшими градскими чиновниками ожидавшій великаго торжественника у воротъ градскихъ, встрѣтилъ его слѣдующею рѣчью:

— Види, храбрѣйшій Александра, милостивѣйшій Веспасіана, премудрѣйшій Соломона, благочестивѣйшій великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ. Маусаловыхъ тебѣ лѣтъ житія и Августава обладательства отъ Бога желаю“.

Великій Государь слушалъ рѣчь сію безъ шляпы, а по окончаніи оной, сошедъ съ коня своего, обнялъ храбраго сего мужа и, неоднократно цѣлуя его въ голову, говорилъ:

— „Почтенная глава, свершившая преславный подвигъ! надежда моя на тебя не обманула меня“.

Посемъ, возшедъ паки на коня своего, вѣхалъ въ городъ, и отъ поставленнаго въ строй бывшаго въ осадѣ мужественнаго войска отдана была его величеству честь ружьемъ съ барабаннымъ боемъ, играніемъ музыки, съ пушечною съ крѣпостныхъ валовъ пальбою и съ колокольнымъ во всѣхъ церквахъ звономъ. Весь народъ, отъ мала до велика, взирая на избавителя своего, проливалъ радостныя слезы. Великій государь, пробѣжавъ строй, сошелъ паки съ коня своего, и шествовалъ въ соборный крайъ, предъ которымъ протопопъ со всѣмъ духовенствомъ, въ лучшемъ облаченіи, съ радостными же слезами, срѣтилъ его съ сватымъ крестомъ. По шествіи въ храмъ началось благодарное пѣніе, въ продолженіе котораго, при чтеніи Евангелія, выноса св. креста и при возглашеніи многолѣтія, учинены были изъ всѣхъ крѣпостныхъ пушекъ и мелкаго ружья три залпа.

Посемъ отъ духовенства приносимо было его величеству поздравленіе съ побѣдою, и монархъ, взаимно поздравя ихъ, послѣдовалъ въ сопровожденіи всѣхъ знатнѣйшихъ особъ, при радостныхъ кликахъ всего народа, на валы крѣпостныя. Комендантъ доносилъ его величеству, что пороку у него оставалось только полторы бочки и восемь ящиковъ патроновъ.

Великій государь любопытственнымъ окомъ осматривалъ валъ; видѣлъ, что оный почти весь изрытъ былъ сапанами и во многихъ мѣстахъ задѣланъ бревнами изъ разломанныхъ хоромъ; онъ спрашивалъ г. Келина объ обстоятельствахъ осады, и сей донесъ съ подробностію всѣ вышеописанныя жестокіе шведскіе приступы, вылазки и обороны свои, общую ревность войска и гражданъ и все прочее, какъ-то: сколько съ начала осады въ городѣ было войска, сколько онаго побито, сколько осталось въ живыхъ и сколько есть еще раненныхъ и больныхъ. Наконецъ же о всемъ семъ поднесъ его величеству рапортъ. Великій государь, осмотря все, благоволилъ посѣтить сихъ раненныхъ и больныхъ. Не можно описать восторга послѣднихъ при видѣ возлюбленнаго и только милостиваго къ нимъ государя, соединившаго свои съ ихъ радостными слезами. Великій государь, видя добрый порядокъ, въ каковомъ содержались сіи раненные и больные, изъявилъ коменданту паки чувствительную за сіе благодарность. Сколько-же монархъ уважилъ храбрую оборону и попеченіе о всемъ сего коменданта и войска, оное его величество доказалъ тогда же, а именно: изъ полковниковъ пожаловалъ его въ генералъ-майоры, украсилъ золотою цѣпью чрезъ плечо, съ висѣвшею на оной таковою же большою медалью, и наградилъ десятию тысячами рублей. Протопопу пожаловалъ сто рублей, и какъ ему, такъ и всѣмъ священникамъ на платьѣ шелковыя матеріи, и всѣ граждане вообще уволены на годъ отъ всякихъ псбоговъ, службъ и тягостей.

Всѣхъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ награждалъ не въ зачетъ годовымъ жалованьемъ; вскорѣ-же посемъ мужественныя ихъ груди украсилъ медалями,

которыя были офицерскія золотыя, разной величины, изъ которыхъ отличившіесе получили на золотыхъ же цѣпяхъ, а унтеръ-офицерскія и солдатскія—серебряныя. Наконецъ отъ щедря руки его получили жены и дѣти убитыхъ годовыя пенсіи: первыя—до смерти своей половинное жалованье мужей своихъ, а послѣдніе—до возраста своего трѣтнее отцовское.

Посемь великій государь благоволилъ у коменданта, какъ выражается въ одной рукописи, „чѣмъ Богъ послалъ“ откушать; за столомъ нилъ здоровье хозяина, войска Полтавскаго и гражданъ при пушечной съ ваговъ крѣпостныхъ пальбѣ.

XXXI. ПРАЗДНОВАНИЕ ПОЛТАВСКОЙ ПОВѢДЫ ВЪ МОСКВѢ.

(Изъ «Дѣяній Петра Великаго», Гликова, т. II).

Коль скоро свезены были знатные плѣнные шведы и поставлены въ окрестностяхъ села Коломенскаго, толь скоро кесарь московскій, князь Ѳеодоръ Юрьевичъ Ромодановскій, повѣстилъ имъ, что по законамъ триумфовъ должны они украсить оный соборъ, яко плѣнные, и для того извинили-бъ необходимость, что будутъ они ведены Москвою гѣше и безъ шпагъ, и что въ оправданіе сего поступка вспомнили бы они, что удержанные за договоромъ подъ Нарвою русскіе генералы, яко плѣнники, въ подобномъ триумфѣ чрезъ весь Стокгольмъ не только гѣше ведены, но и съ крайнимъ еще поруганіемъ и безчестіемъ.

День входа сего, по свидѣтельству дневника Крекшина, назначенъ на 18 число декабря, въ которое въ 8 часовъ поутру, по данной изъ трезъ выстрѣловъ пушечныхъ повѣсткѣ, всѣ плѣнные шведы и назначенные къ тому же русскіе полки, поставлены были въ порядокъ за Серпуховскими воротами; въ 9 часу прибылъ туда и самъ монархъ; а въ исходѣ онаго началось и шествіе; посреди грома пушечнаго, звуку барабаннаго и звону колокольнаго, великій торжественникъ, получа отъ царицы, супруги своея, вѣсть, что Богъ даровалъ ему дочь, Елизавету Петровну, повелѣлъ остановиться шествію и объявилъ генераламъ своимъ, что Господь Богъ усугубилъ радость настоящаго торжества рожденіемъ ему дочери; того ради (заключилъ монархъ) отложимъ шествіе наше и поспѣшимъ поздравить, яко со счастливымъ предвозвѣщеніемъ вождѣльнаго мира, со шествіемъ въ міръ дочь мою. Итакъ, давъ повелѣніе тѣмъ же порядкомъ возвратитъ шведовъ на прежнія ихъ квартиры, послѣдовалъ со всѣмъ генералитетомъ не во дворецъ свой, но въ Успенскій соборъ, для принесенія Господу усердѣншаго благодаренія, и при пѣніи „Тебе Бога хвалимъ“ съ хоромъ пѣвчихъ соединилъ свой гласъ, между же тѣмъ громъ пушечный и звонъ колокольный возвѣстилъ народу новую сію радость.

Радость монаршая казалась усугубленною отъ присутствія при немъ всѣхъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ, иностранныхъ дворовъ министровъ, и всѣхъ городовъ депутатовъ, дворянскихъ и купеческихъ, которые всѣ принесли его величеству съ радостію сею поздравленіе.

Къ вѣщему же еще обрадованію его величества, монархъ по прибытіи во дворецъ нашель возлюбленную супругу свою и новорожденную въ вождѣльномъ здравіи; онъ оказалъ оную приглашеніемъ къ обѣденному столу своему знатнаго величества, всѣхъ своихъ министровъ, генераловъ, начальниковъ приказовъ, и офицеровъ; не забылъ и плѣнныхъ: онъ повелѣлъ угостить столомъ ге-

неравовъ и знатныхъ офицеровъ шведскихъ въ Коломенскомъ дворцѣ своемъ, и выставить яства и питья всѣмъ нижнимъ, равно какъ и своему войску и всему народу.

Въ продолженіе стола великій государь пилъ здравіе монархини, новорожденныя, всей царской фамиліи своей, войска и присутствующихъ за столомъ, что все происходило при пушечной пальбѣ.

Между тѣмъ, и весь народъ доказалъ радость свою стеченіемъ во храмы Божіи, для принесенія подателю всѣхъ благъ, Господу, благодарныхъ молитвъ своихъ; они, обнимаясь, поздравляли другъ друга общою радостію, многіе угощали въ домахъ своихъ немущихъ, а находящіхся въ больницахъ и темницахъ по мѣрѣ достатковъ своихъ утѣшали подаваніями.

Стеченія народныя ежедневно примѣчены были особливо у Триумфальныхъ вратъ; они не могли насладиться, такъ сказать, красотой оныхъ; изъясняли, кто какъ разумѣлъ, эмблематическое содержаніе картинъ.

Таковыя веселія при дворѣ и въ народѣ происходили до 21 числа декабря, до котораго его величество отложилъ торжество побѣдное. А сего числа по предварительно данному приказу, въ 8 часовъ поутру поставлены и приготовлены были всѣ къ шествію въ прежнемъ порядкѣ, и колы скоро монархъ съ полкомъ гвардіи своей прибылъ, то началось оное. Во все продолженіе шествія непрерывный происходилъ громъ пушечный съ валовъ крѣпостныхъ и съ разставленной во многихъ мѣстахъ артиллеріи; громъ сей въ то-же время увеличивалъ звонъ колокольный по всей Москвѣ, и радостный крикъ безчисленнаго народа: „да здравствуетъ государь; да здравствуетъ отецъ нашъ!“ и проч.

Всѣ хозяева съ своими семействами, въ лучшихъ одѣянιάхъ, на возвышенныхъ нѣсколько мѣстахъ у домовъ своихъ, стояли при столахъ, наполненныхъ различными яствами и питьемъ, какъ бы желая ими угостить возлюбленнаго своего государя и его сподвижниковъ, и оставлена свобода каждому вкушать съ оныхъ, кто что пожелаетъ. Всѣ дома улицъ тѣхъ, коими шествіе происходило, всевозможно были украшены.

Казалось, что самая натура соотвѣтствовала всеобщей радости народа умягченіемъ стужи, пріятностію и благораствореніемъ воздуха, какой только быть можетъ въ сіе время года.

У триумфальныхъ вратъ срѣтаемъ былъ монархъ начальствующими въ томъ сословіи, которыхъ иждивеніемъ воздвигнуты оныя, съ лѣбомъ и солью, на большихъ серебряныхъ блюдахъ подносимыми, и привѣтствованъ отъ первенствующихъ того сословія особъ похвальными рѣчами, на сей случай сочиненными. При окончаніи же оныхъ являлись въ бѣлыхъ одеждахъ юноши съ вѣнками на главахъ и ваіями въ рукахъ, которые, идя въ срѣтеніе государю, пѣли приличныя торжеству пѣсни и полагали предъ его величествомъ вѣнки и вѣтви свои; оканчивалось же все сіе съ хоръ воровъ огромною инструментальною, а у нѣкихъ и вокальною совокушно музыкою. Монархъ для выслушанія краткихъ тѣхъ рѣчей и пѣсней останавливался у каждаго, и благодарилъ уклоненіемъ шпаги своея.

При вратахъ, отъ духовенства воздвигнутыхъ, срѣтили великаго торжественника, въ наилучшихъ облаченіяхъ съѣхавшіеся для торжества сего изъ всѣхъ почти епарій архіереи, съ святыми крестами, чудотворными иконами и мощами святыхъ. Монархъ, за нѣсколько сажень не доѣзжая до нихъ, сошелъ съ коня своего, и первенствующій митрополитъ рязанскій Стефанъ Яворскій привѣтствовалъ его краткою подравительною рѣчью. При окончаніи же оной спустившіеся на искусство сдѣланныхъ облакахъ со сводовъ вратъ, нѣсколько отроковъ, одѣтыхъ въ бѣлое платье, въ видѣ ангеловъ крылатыхъ, воспѣли пѣсню духовную, прилич-

ную торжеству. Великій государь, приложася къ святынѣ, носной рукамъ архіереевъ, и принявъ отъ нихъ благословеніе, въ предствіи хора патріаршихъ пѣвчихъ, за ликомъ святительскимъ послѣдовалъ пѣшій въ храмъ Успенскій. Великій торжественникъ, восписывающій всѣ свои побѣды и успѣхи Божіей единственною помощію, предъ вратами храма сего, при зрѣніи безчисленнаго множества народа, возведъ очи свои на образъ Богоматери, надъ вратами онаго изображенный, повергся предъ нимъ, и съ умиленіемъ души приносилъ благодарственное признаніе, что ея заступленіемъ и предствительствомъ къ Сыну ея и Богу, возмогъ онъ надъ врагами своими, надъ врагами отечества своего и православія. Сію молитву содѣлали внятною и слышною всѣмъ, окружавшимъ и слѣдовавшимъ за нимъ, утихшіе предъ самымъ тѣмъ громы пушечные и колокольные. Можно себѣ представить, какое дѣйствіе имѣло надъ сердцами народа только смиренное и благоговѣйное чувствованіе благодарности къ Побѣдодавцу возлюбленнаго своего государя, не ослабляющагося побѣдами и триумфами своими. Ручьи слезъ радостныхъ, вдругъ потекшіе изъ очей каждаго, были слабымъ еще сего чувствованія народнаго доказательствомъ. Только-же благоговѣйное признаніе Господу силъ изъяснилъ великій государь и въ храмѣ во время молебствія, отправлявшагося всѣми архіереями и множествомъ знатнаго духовенства; во время же онаго, по прочтеніи Евангелія, при пѣніи „Тебе Бога хвалимъ“ и при возгласеніи многолѣтія при колокольномъ звонѣ, отъ поставленныхъ вкругомъ собора полковъ учинены три залпа, и съ послѣднимъ начавшаяся паки пушечная пальба и колокольный по всей Москвѣ звонъ продолжались еще съ четверть часа, то есть до самой ночи.

Во время происходившаго въ соборномъ храмѣ молебствія, поелику было уже поздно, великій государь, окончаніе торжества сего отложя до другаго дня, повелѣлъ плѣнныхъ шведовъ и трофеи развести по казармамъ, нарочно предъ тѣмъ въ разныхъ мѣстахъ города выстроеннымъ, а генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, тѣмъ же порядкомъ на Царицынъ лугъ, разставить по домамъ гражданъ, близъ онаго живущихъ, и всѣхъ ихъ накормить. Вслѣдствіе сего повелѣнія, сіи послѣдніе и поведены на помянутый лугъ; они увидѣли на оногъ великолѣпный, вновь выстроенный дворецъ, на верку котораго блисталъ златый гербъ государственный, и предъ онымъ стоящій на плацѣ-парадѣ въ ружьѣ полкъ пѣхотный. Видѣли повсюду множество веселящагося народу, равно какъ и въ продолженіе всего ихъ чрезъ цѣлый день Москвою шествія; видѣли украшеніе города; великолѣпшіе Триумфальныхъ вратъ; ликъ первосвященниковъ, богатое ихъ облаченіе, а паче шапки; повсюду представлявшееся имъ обиліе, любовь къ государю народную и проч., и не могли довольно всему тому надивиться, и тогда то паче еще уразумѣли они о могуществѣ державы російскія.

Между же тѣмъ, великій государь изъ собора со всѣми знатными послѣдовалъ въ кремлевскій свой дворецъ, пригласилъ всѣхъ ихъ къ столу своему, и по окончаніи онаго, пожелавъ всѣмъ доброй ночи, имѣлъ нужду успокоиться отъ трудовъ того дня и въ началѣ 9 часа легъ опочивать.

Вся Москва освѣтилась тогда безчисленнымъ множествомъ различныхъ радостныхъ огней. Такъ окончался достопамятный сей день.

22 числа монархъ, вставши въ пятомъ часу по полуночи, занялся распоряженіемъ дня сего; въ 10 часу всѣ плѣнные прежнимъ же порядкомъ приведены были на помянутый Царицынъ лугъ и поставлены предъ дворцомъ.

Между тѣмъ, какъ записано сіе у Крешнина, фельдмаршалы, Шереметевъ и Меншиковъ, и гвардіи полковникъ Петръ Алексѣевичъ прибыли туда же и, войдя предъ аудіенцъ-залу, велѣли доложить о себѣ его кесарскому величеству, и потомъ были введены предъ сего кесаря, который сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ

подъ богатымъ балдахиномъ въ царскихъ креслахъ, окруженный знатнѣйшими придворными. Введенные учинили ему три поклона—первый предъ входомъ, второй по среднѣмъ заламъ, третій подойдя къ трону, и фельдмаршалъ Шереметевъ, подступя ближе къ нему, говорилъ:

— „Божіею милостію и вашего кесарскаго величества счастіемъ, одержалъ я полную побѣду надъ шведскимъ королемъ Карломъ XII, разбилъ его армію, плѣнилъ перваго королевскаго министра графа Пипера, тайнаго королевскаго секретаря Цидергельма и всю канцелярію; генерала фельдмаршала Рейншильда, генераль-майоровъ: Розена, Штапельберга, Гамильтона и Маріенфельда, штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и прочихъ нижнихъ чиновъ 2876, и побилъ непріятелей до двадцати тысячъ“.

Потомъ фельдмаршалъ, князь Меншиковъ, равно-же подступя, говорилъ:

— „Божіею милостію и вашего кесарскаго величества счастіемъ, взялъ въ плѣнъ ушедшихъ съ Полтавскаго сраженія подъ Переволочну генерала и рижскаго генераль-губернатора графа Левенгаупта, генераль-майоровъ Круза и Крейца, королевскаго камергера и другихъ двора его служителей; штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 16,275 человекъ, не включая въ сіе число статскихъ чиновъ, служителей и женъ“.

Наконецъ полковникъ гвардіи Петръ Алексѣевичъ, также подступя къ трону, говорилъ:

— „Божіею милостію и вашего кесарскаго величества счастіемъ, въ прошломъ 1708 году сентября 28 имѣлъ я жестокое сраженіе подъ Лѣснымъ съ генераломъ Левенгауптомъ, одержалъ полную побѣду надъ арміею его, состояшею болѣе нежели въ шестнадцать тысячачъ природныхъ и опытныхъ шведовъ, меньшимъ числомъ войска, и изъ всей сей шведской арміи малое только спаслось число, прочіе-же всѣ побиты и плѣнены со всѣмъ ихъ обозомъ и артиллеріею, а при Полтавской баталіи сражался я съ полкомъ моимъ лично, бывъ въ великомъ огнѣ; и нынѣ плѣнные генералы съ ихъ фельдмаршаломъ и войска шведскаго 22,085 человекъ приведены въ Москву, и полкъ мой состоитъ въ добромъ здоровьѣ“.

По окончаніи каждаго рѣчи, сіи три особы поднесли ему рапорты, которые кесарь принимая, отдавалъ канцлеру, графу Головкину, похваляя службы господъ фельдмаршаловъ, особенно-же полковника гвардіи, и всего войска вѣрность и мужество.

Въ 2 часа по полудни, по указу его, подполковникомъ гвардіи, княземъ Долгоруковымъ, введены были предъ него, кесаря, плѣнные генералы и знатные офицеры.

Можно себѣ представить, въ какое изумленіе должны они приведены быть, когда увидѣли на тронѣ подъ богатымъ балдахиномъ съ пышностію царскою сѣдящаго въ креслахъ, не царя, побѣдителя своего, но неизвѣстную имъ особу, предъ которою предстояли: сей побѣдитель ихъ, фельдмаршалы и множество генераловъ, министровъ и первѣйшихъ придворныхъ особъ.

Замѣшанное снѣмъ зрѣлищемъ воображеніе ихъ приняло его за истиннаго царя, и въ себѣ бывъ мѣднѣи, пали они предъ нимъ на колѣни и, учиня земное поклоненіе, ожидали въ страхѣ опредѣленія отъ него жребія своего; но не успѣли еще они встать, какъ новое, столь же неожиданное представленіе поразило ихъ: одна изъ стѣнъ камеры той вдругъ сдѣлалась невидима и открыла смятенному взору ихъ превеликую залу, поддерживаемую многими колоннами, и великолѣпно многими же столами съ кушаньемъ убранныю, а у задней стѣны волшебной, какъ имъ казалось, залы сей, подъ балдахиномъ же на возвышенномъ мѣстѣ—особый, о пяти приборахъ; но были они тогда же нѣсколько успокоены, когда

минный сей царь, поднявшись, пригласил все многочисленное собрание, а в числе онаго и ихъ, къ столу, за которыми со всѣми и они послѣдовали. Кесарь, за показаннымъ подъ багдахиномъ столомъ сѣвши, указалъ за онымъ же сѣсть Петру Алексѣвичу, двумъ фельдмаршаламъ и канцлеру, графу Головкину.

Всѣ же прочіе, которыхъ число было не менѣ тысячи персонъ, сѣли за большими столами по чинамъ; шведскіе генералы посажены между генералами русскими, недалеко отъ трона; и какъ было сіе уже въ три часа по полудни, то зала вся великолѣпно освѣтилась огнями. Столъ сей, при звукѣ трубъ и музыки инструментальной и вокальной, продолжался до 6 часа вечера.

Въ продолженіе стола кесарь пилъ здоровья царскаго величества, царицы, новорожденной изъ дщери и всей ихъ высокой фамиліи, потомъ—господъ фельдмаршаловъ, генераловъ, министровъ, побѣдоноснаго оружія, присутствующихъ, и особенно графа Пипера, фельдмаршала Рейншильда и прочихъ ихъ генераловъ и офицеровъ. При питіи семъ производилась непрерывная почти изъ поставленныхъ близъ дворца сего пушекъ пальба. Наконецъ всѣ присутствовавшіе за столами, привставши, благодарили и за здравіе его кесарскаго величества пили.

Когда сіе пиршество происходило, въ то же время пировалъ и весь народъ, для котораго предъ дворцомъ множество выставлено было бочекъ и бадей съ разными питьями, а для закусокъ рыба, икра, калачи и хлѣбы.

Все сіе веселіе продолжалось до полуночи; въ послѣдніе три часа сторѣли одинъ за другимъ три большіе фейерверка, представлявшіе сраженія подъ Лѣснымъ и Полтавою, и Переволочное происшествіе съ безчисленнымъ множествомъ разнообразныхъ увеселительныхъ огней, шлаговъ, раветъ и проч. А между тѣмъ, вся Москва отъ множества возженныхъ у каждаго дома различныхъ же огней представлялася свѣтящеюся.

Наконецъ великій государь повелѣлъ генераламъ и министрамъ своимъ каждому взять на свои руки шведскаго генерала, съ которыми они въ каретахъ и поѣхали, а всѣ прочіе плѣнные офицеры провожены въ ихъ квартиры.

23-го числа, по предварительной повѣсткѣ, приглашено было къ обѣду въ тотъ же домъ все знатное духовенство и всѣ, гостившіе въ ономъ наканунѣ, не исключая и Шведовъ.

Монархъ и всѣ прочіе сѣхались въ оный въ 1 часу пополудни, а кесарь прибылъ во 2 часу; ему отъ стоящаго на плацъ-парадѣ полку отдана была честь ружьемъ съ преклоненіемъ знаменъ, съ барабаннымъ боемъ и музыкою; предъ крыльцомъ встрѣченъ былъ онъ всѣмъ генералитетомъ; по шествіи сѣлъ онъ паки въ тѣ-же кресла подъ багдахиномъ и жаловалъ изъ своихъ рукъ всѣхъ водкою.

Столъ столь же былъ великолѣпенъ и все угощеніе, какъ и наканунѣ; народъ, который былъ безчисленъ, накормленъ и употчиванъ также. Въ казармы плѣнныхъ шведовъ отпущено множество разныхъ снѣдоей, и немалое число бочекъ вина, пива и меду.

Въ 10 часовъ вечера начались паки огненные потѣхи и продолжались при громѣ пушечномъ болѣе трехъ часовъ; вся Москва также была освѣщена, и веселье продолжалось до 4 часа за полночь.

Но мы кончимъ великое сіе торжество повѣствованіемъ самовидца, т. е. барона Гизена, гофмейстера царевича Алексѣя Петровича. Въ сіи торжественные дни,—говоритъ онъ,—всѣ впавшіе въ разныя преступленія и имѣющіе какія-либо нужды, допущены были съ прошеніями къ его величеству, и монархъ, съ милостивою благосклонностію принимая оныя, выслушивалъ при ономъ и изустныя каждаго объясненія и, ступая по слѣдамъ,—продолжаетъ онъ,—славныхъ триумфа-

торовъ, обогатилъ во время такъ благополучное триумфальнаго своего входу тѣхъ, которые о какнхъ дѣлахъ его просили.

Всѣхъ же тѣхъ, которые чѣмъ-либо себя отличили въ гражданской службѣ; всѣхъ, которые оказали себя въ сей службѣ ревностными, и всѣхъ, имѣвшихъ доброе и неблазное поведеніе, правосудный издвоздатель повысилъ чинами, опредѣлилъ къ важнѣйшимъ должностямъ и наградилъ, по мѣрѣ достоинствъ и службъ, однихъ деньгами, другихъ деревнями. Все сіе заключаетъ Гизенъ такъ: Слышали тогда изъ устъ его слова, что онъ хочетъ своихъ подданныхъ вести съ таковою-же справедливостію и тишиною, какъ-бы онъ самъ хотѣлъ трактованъ быть, ежели бъ по опредѣленію Всевышняго родился онъ подданнымъ.

Въ день праздника Рождества Христова великій государь, по отслушаніи въ Успенскомъ соборѣ св. литургіи, угостилъ во дворцѣ своемъ все знатное духовенство, министровъ, генераловъ, статскихъ чиновниковъ и судей, а также и генераловъ плѣнныхъ; ввечеру зажженъ былъ предъ онымъ фейерверкъ со множествомъ разнovidныхъ увеселительныхъ огней и проч. Для народа выставлены были печенныя мяса и другія снѣды со множествомъ хлѣбовъ, и многія бадьи вина, пива и меду.

Въ продолженіе святокъ при обыкновенныхъ славленіяхъ съ соборомъ, какъ называлось, монархъ имѣлъ столы обѣденныя и вечерніе у князь-паны (Ивана Ивановича Вутурлина), у графа Шереметова, у князя Меншикова, у адмирала Апраксина, у полковника гвардіи князя Голицына, у подполковника князя Долгорукаго и у канцлера, графа Головкина, при чемъ каждого дома были освѣщены различными картинами и огнями, а у послѣдняго сверхъ того возженъ былъ большой фейерверкъ со множествомъ же увеселительныхъ огней.

Всѣ они во время пиршествъ своихъ, также какъ и монархъ, выставяли такое-же угощеніе и народу. Повсюду слышались радостныя клики веселящагося народа: „да здравствуетъ государь! да здравствуетъ отецъ нашъ на многія лѣта!“

XXXII. КАРЛЪ XII, КАКЪ ПОЛКОВОДЕЦЪ.

(По статьѣ проф. В. Герье «Послѣдній варягъ» *).

Рѣдко, кажется, существовала личность, представлявшая такую рѣзкую противоположность вѣку и господствовавшимъ понятіямъ,—личность, одновременно вмѣщавшая въ себя столько свойствъ, доходившихъ просто до смѣшнаго, и столько доблестей, близкихъ къ героизму,—такая личность, какъ Карлъ XII. Оттого, естественно, всякое историческое направленіе, какъ только заходитъ рѣчь о Карлѣ, легко впадаетъ въ крайность: историкъ-реалистъ, ищущій прежде всего правды, можетъ незамѣтно увлечься реалистической аффектаціей, а историкъ-художникъ—возможностью идеализаціи. Корень этой противоположности, конечно, заключается въ прирожденныхъ свойствахъ характера Карла XII—въ его необыкновенной силѣ воли и твердости, которыя сопровождались неменьшимъ самолюбіемъ.

*) «Древняя и Новая Россія», т. II, 1876 г.

Эти черты характера Карла XII наблюдаются въ немъ съ самаго дѣтства. Уже у ребенка обнаруживалась желѣзная воля, проявляясь чаще всего въ видѣ упрямства. Однажды няня, уходя, посадила его на кресло и взяла обѣщаніе не вставать съ мѣста до ея возвращенія; между тѣмъ, въ комнату вошла королева, чтобы взять съ собою сына въ церковь; но она не могла уговорить ребенка, который заявилъ, что онъ *долженъ сдерживать слово*. Въ другой разъ маленькій Карлъ объявилъ, что синій цвѣтъ, въ сущности, черный, и его нельзя было убѣдить отказаться отъ этихъ словъ. Также рано обнаруживалось и самолюбіе: ребенокъ, напр., согласился начать учиться по-латини лишь тогда, когда ему сказали, что и короли Польши и Даніи говорятъ на этомъ языкѣ; еще примѣръ: изучая французскій языкъ, онъ никакъ не соглашался говорить на немъ, и когда мальчику замѣтили, что говорить ему придется съ французскимъ посломъ о важныхъ государственныхъ дѣлахъ, онъ не безъ находчивости возразилъ на это:—«Если прійдетъ сюда французскій посолъ, то приличнѣе ему ради меня научиться по-шведски, чѣмъ мнѣ ради него учиться по-французски». Первоначальное воспитаніе Карла, за которымъ съ большимъ и даже активнымъ участіемъ слѣдила его мать, и которымъ специально занимался избранный ею замѣчательный ученый того времени, не должно-бы было, повидимому, содѣйствовать развитію указанныхъ свойствъ; но, къ сожалѣнію, оно осталось недоконченнымъ: десяти лѣтъ Карлъ потерялъ мать, а годъ спустя, умеръ и избранный ею воспитатель. Отецъ, страстно любившій охоту, часто бралъ сына съ собою и нарушалъ этимъ правильность его занятій. Но хуже всего то, что и отецъ вскорѣ умеръ, и Карлъ пятнадцати лѣтъ былъ предоставленъ самому себѣ. Умирая, Карлъ XI назначилъ регентство подъ предсѣдательствомъ своей матери, но не опредѣлилъ года совершеннолѣтія своего сына. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, началась агитація въ пользу объявленія короля-отрока совершеннолѣтнимъ. Объ этомъ хлопотали любимцы, желавшіе подслужиться, сенаторы, не попавшіе въ регентство, члены аристократіи, ненавидѣвшіе регентовъ, офицеры, жаждавшіе повышенія, народныя массы, изъ привязанности къ королю. И вотъ на сеймѣ, созванномъ въ 1697 г., пятнадцатилѣтній Карлъ былъ признанъ неограниченнымъ государемъ страны и полнымъ господиномъ надъ самимъ собою,—самодержавіе было вручено мальчику, которому еще доставляло удовольствіе ломать, вмѣстѣ со сверстниками, стулья и канделябры во дворцѣ, стрѣлять въ мраморныя статуи въ залахъ. Тутъ ужъ къ развитію отваги въ его характерѣ предоставился полный просторъ. Онъ и раньше, еще ребенкомъ, зачитывался сказаніями о сѣверной старинѣ и старался, по возможности, вести образъ жизни, соотвѣтствовавшій его идеаламъ и призванію: будучи 4 лѣтъ, онъ, верхомъ на маленькой лошаdkѣ, присутствовалъ на маневрахъ войска, 12 лѣтъ съ восторгомъ писалъ о наслажденіи скакать на королевскихъ коняхъ, 7-ми лѣтъ застрѣлилъ первую лисицу, а 11-ти съ изумительнымъ хладнокровіемъ убилъ перваго медвѣдя, и съ этихъ поръ охота на медвѣдя стала его любимой забавою. Во время пребыванія въ Стокгольмѣ герцога голштинскаго молодечество Карла часто напоминало дикія времена: въ комнаты приводились телята и овцы, и Карлъ вмѣстѣ съ герцогомъ упражнялись въ томъ, что сбивали имъ головы однимъ ударомъ сабли и бро-

сади эти головы на улицу сквозь стекла оконъ. Но постепенно преобладающей страстью Карла сдѣлались военныя упражненія. Шестнадцати лѣтъ онъ приказалъ построить крѣпость съ разнообразными бастіонами, чтобы наглядно ознакомиться съ различными методами укрѣпленія; съ увлеченіемъ слушалъ онъ уроки фортификаціи и тактики; впоследствии-же онъ считалъ нужнымъ приучать себя къ лишеніямъ лагерной жизни,—такъ на 17-мъ году онъ провелъ три декабрскія ночи въ сѣнномъ сараѣ. Но скоро ему привелось перейти отъ военныхъ упражненій къ настоящимъ военнымъ дѣйствіямъ.

Политическая теорія Карла и его взглядъ на войну представляются ничѣмъ инымъ, какъ отголоскомъ давно минувшей старины: для Карла война была не борьбою народовъ или государствъ, а исключительно борьбою государя съ государемъ, благороднымъ турниромъ на жизнь и на смерть, гдѣ государи представляли рыцарей, а народъ—пылкихъ коней, на которыхъ всадники несутся на встрѣчу смерти или славы. Въ этомъ можно видѣть основной взглядъ Карла, которымъ объясняется и вся его политика, и цѣль его войнъ, и способъ ихъ веденія, и его отношеніе къ миру: Карлъ не искалъ въ войнѣ никакихъ выгодъ для своего народа—ни политическихъ, ни территоріальныхъ; за то миръ былъ для него невозможенъ, пока противникъ не былъ выбитъ изъ сѣдла; Карлъ могъ заключить миръ только съ развѣнчаннымъ королемъ, а достигнувъ этого условія, становился великодушнымъ къ побѣжденному: онъ не снималъ, подобно корыстнымъ римскимъ вождямъ, сполій со своего врага, но, сломивъ его, довольствовался доставшеюся ему славой и доказанною на Божьемъ судѣ своею правотою.

Первоначальный успѣхъ на поприщѣ полководца укрѣпилъ Карла въ этой теоріи. Принявъ подъ свою защиту родственника своего, герцога голштейнъ-готторпскаго, противъ котораго въ 1699 г. начала войну Данія, юный король, послѣ того какъ союзныя державы весной слѣдующаго года вмѣшались въ это дѣло и король польскій Августъ вторгнулся въ Лифляндію,—собралъ въ Стокгольмѣ сенаторовъ и заявилъ имъ:—«Я рѣшился никогда не начинать неправой войны, справедливую-же оканчивать только покореніемъ моего врага». Въ первый же свой походъ восемнадцатилѣтній полководецъ удивилъ свѣтъ и смѣлою высадкой въ Зеландіи, и личною неустрашимостью, и наконецъ быстрымъ, безкорыстнымъ заключеніемъ Травендаальскаго мира, по которому въ пользу Швеціи не было выговорено ничего. Возвратившись изъ Даніи въ началѣ осени, онъ 1 октября вновь отплылъ съ флотомъ и съ 8000 отрядомъ войска отъ береговъ Швеціи, а спустя мѣсяца полтора одержалъ побѣду надъ русскими при Нарвѣ. Освободивъ свои владѣнія отъ русскихъ, Карлъ XII обратился противъ третьяго своего противника—Августа. Какъ ни склоняли его къ примиренію съ Августомъ, онъ переправилъ свои полки черезъ Двину подъ Ригой и разбилъ тамъ саксонское войско; когда-же Августъ рѣшился самъ просить мира, Карлъ, твердо рѣшившійся свергнуть его съ польскаго престола въ наказаніе за его участіе въ коалиціи, вступилъ со своею арміей въ польскія владѣнія.

Таковы были первые военные подвиги Карла XII. Сопровождались они такими вышними признаками, которые далеко не придавали имъ характера обыкновенной войны: и личность, и поведеніе шведскаго ко-

роля, и обстановка, которою онъ себя окружилъ, напоминали совѣтъ другія времена. При взглядѣ на шведскій лагерь, насъ поражаетъ прежде всего то, что король окруженъ дружиною. Хотя въ шведской арміи того времени уже была гвардія, но около короля находился особенный, избранный отрядъ, который по-русски нельзя назвать иначе, какъ «дружиною». Состоя первоначально изъ 150 человекъ, онъ былъ составленъ изъ самыхъ ловкихъ и храбрыхъ офицеровъ арміи; Карлъ XII лично считался вождемъ дружины, а замѣнялъ его Арвидъ Горнъ, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта. Назначеніе этой отборной молодежи заключалось въ томъ, чтобы повсюду слѣдовать за королемъ, который чувствовалъ къ ея охранѣ неограниченное довѣріе: «Когда при мнѣ находится хоть 9 человекъ моей дружины,—сказалъ онъ однажды,—никакая сила не помѣшаетъ мнѣ проникнуть туда, куда я хочу». Невозможно было-бы перечислить блестящихъ подвиговъ этой дружины. Особенно отличалась она въ Клишовской битвѣ. Но—какъ было въ старинной дружинѣ, такъ и теперь молва любила заниматься подвигами отдѣльныхъ дружинниковъ; напр., до сихъ поръ сохранились рассказы о Гинтерсфелтѣ—какъ онъ поднялъ пушку и сдѣлалъ ее «на плечо», какъ пронзилъ своимъ длиннымъ мечомъ непріятеля, какъ однажды, подѣзавъ подъ своды городскихъ воротъ, онъ схватился большимъ пальцемъ за вдѣланный въ сводахъ крюкъ и такимъ образомъ приподнялъ себя вмѣстѣ съ лошадыю. Участъ этой дружины отражаетъ на себѣ судьбу ихъ вождя: передъ Полтавской битвой дружинниковъ было еще около 100, подъ Бендерами 24, а въ 1718 г. остались немногіе, которымъ привелось проводить въ могилу своего любимаго короля. Помимо дружины, около конунга находился одинъ неразлучный съ нимъ спутникъ, особенно любимый въ качествѣ младшаго брата и товарища. Это былъ молодой Максимилианъ, герцогъ виртембергскій, котораго солдаты, просто, называли «маленькимъ принцемъ». О довѣрїи и надеждахъ, которыя питалъ Карлъ XII къ своей дружинѣ, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ: еще въ 1701 г., когда шведская армія стояла на зимнихъ квартирахъ на границѣ Курляндіи, Карлъ, при малѣйшемъ поводѣ отдавая свою жизнь на произволъ случая, задумалъ вторгнуться съ партией въ 2000 человекъ въ Литву, гдѣ находились значительныя силы подъ командой Огинскаго; не обращая вниманія ни на какіе совѣты и предостереженія, Карлъ углубился верстъ на 300 въ невѣдомую страну, совершенно отрѣзанный отъ своей арміи и окруженный легкими отрядами Огинскаго; дойдя до Ковно, онъ оставилъ тамъ свой отрядъ, а самъ только съ 50 дружинниками проскакалъ огромное пространство, отдѣлявшее его отъ арміи, гдѣ—въ безпокойствѣ о королѣ—послали уже разыскивать его. Вообще, когда во время опасностей, съ которыми Карлъ такъ охотно становился лицомъ къ лицу, приближенные предостерегали его, онъ отвѣчалъ имъ:—«Я надѣюсь, что Господь меня охранитъ; впрочемъ, будь что будетъ—никому я не дамъя живой». Еще больше неустрашимости выказалъ онъ въ 1706 г., когда изъ-подъ Пинска пробрался въ Литву, къ шведскому полковнику Крейцу, вдвоемъ съ «маленькимъ принцемъ», а оттуда точно также вернулся въ свой лагерь. Изъ всего этого ясно, насколько у Карла XII была сильно развита, совершенно помимо любви къ войнѣ, склонность къ личнымъ опаснымъ походе-

ніямъ—къ жизни витаяя. Это еще болѣе подтверждается особенной чертой—страстью къ рукопашной схваткѣ, къ участію въ битвѣ въ качествѣ воина,—страстью, которая обнаружилась въ немъ, правда, не рано: въ первый разъ проявилась она въ 1707 г., когда подъ Гродномъ Карлъ XII, не смотря на перевѣсъ непріятельскихъ силъ, подлетѣвъ во главѣ авангарда къ мосту черезъ Нѣманъ, бросился впередъ, собственной рукою зарубилъ одного офицера и приколотъ другаго; съ этой минуты мечъ Карла не разъ обагрался кровью и въ Украинѣ, и въ Бендерахъ, и еще въ Норвегіи. Въ 1708 г. Карлъ, шедшій съ небольшимъ взводомъ, встрѣтился съ русскою кавалеріей и вскорѣ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ; взводъ былъ почти весь изрубленъ, и король избѣгнувъ подобной-же участи или плѣна лишь благодаря густому дыму да простой одеждѣ; въ суматохѣ онъ присталъ къ русскимъ, пока не наткнулся на другой взводъ своей кавалеріи, который онъ тотчасъ опять повелъ противъ непріятеля; вскорѣ и эта горсть людей погибла; подъ королею была убита лошадь, и онъ долженъ былъ отбиваться пѣшіи; рядомъ съ нимъ былъ убитъ одинъ адъютантъ, другой упалъ съ лошади раненый; король вскочилъ на нее и продолжалъ бой; насчитывали, что отъ руки Карла въ этой схваткѣ пали двѣнадцать непріятелей. Когда послѣ такой-же схватки въ Бендерахъ зашла однажды рѣчь о томъ, что король убилъ девять человекъ, онъ спокойно возразилъ, что всегда нужно вѣрить только на половину тому, что говорятъ люди.

Совершенно согласенъ съ такими богатырскими наклонностями былъ образъ жизни Карла XII. Король въ походахъ своихъ никогда не оставивался въ городахъ; главная квартира его всегда находилась въ уединенныхъ замкахъ и деревняхъ,—даже когда это приходилось по соудству съ большимъ городомъ, въ которомъ и онъ и его войско могли-бы найти и удобства и лучшія въ гигиеническомъ отношеніи условія. Но и тутъ онъ по возможности помѣщался не подъ кровлей, а въ палаткѣ; даже на зимнихъ квартирахъ жилъ въ ней до конца ноября, иногда согрѣваясь приносимыми въ нее раскаленными ядрами или же, чаще всего, верховой вѣдой, въ которой проводилъ по нѣскольکو часовъ. Въ первое время онъ спалъ на походной кровати съ матросомъ, но потомъ замѣнилъ ее сѣномъ или соломой, а въ послѣдніе годы часто ложился прямо на полъ или на землю; въ Норвегіи онъ приказывалъ насыпать на полъ еловыхъ шишекъ, закутывался въ плащъ, на голову надѣвалъ старую шляпу и, избравъ себѣ въ товарищи дружъ - трехъ солдатъ, ложился съ ними на эту постель. При такихъ привычкахъ Карлъ XII, конечно, не могъ и одѣваться чисто. Нерѣдко его не узнавали даже тамъ, гдѣ ждали его пріѣзда: однажды крестьянка пожаловалась на его продѣлки одному изъ офицеровъ его свиты, котораго она приняла за короля. Такой простотѣ нравовъ соотвѣтствовалъ и столъ Карла: король былъ чрезвычайно умѣренъ въ пищѣ; еще въ Швеціи любимой пищей его были: хлѣбъ съ масломъ, поджареное сало и брага (легкое пиво); вина онъ никогда не пилъ, послѣ того какъ въ юности подъ его вліаніемъ дозволилъ себѣ неучтивость и долженъ былъ выслушать справедливый упрекъ своей бабки. Сервизъ его сначала былъ серебряный, потомъ—дьяковскій, наконецъ—жестяной. Присутствія женщинъ въ шведскомъ лагерѣ король не терпѣлъ и, смотря на офицеровъ своихъ, какъ на

военное братство, очень неохотно давалъ имъ разрѣшеніе жениться. Весьма характерны его собственныя слова объ этомъ въ одномъ изъ его писемъ изъ Саксоніи: «сестра моя пишетъ мнѣ, что до нея дошли слухи о моей предстоящей женитьбѣ; но я долженъ сознаться, что я женатъ на своей арміи на добро и на лихо, на жизнь и на смерть». «Любовь—говаривалъ онъ—испортила не мало великихъ героевъ». Въ этихъ словахъ надо искать главную разгадку его собственнаго страннаго отношенія къ женщинамъ: въ ранней юности онъ не избѣгалъ женскаго общества—охотно танцевалъ на балахъ и участвовалъ въ различныхъ играхъ; вслѣдствіе непривычки, онъ былъ очень робокъ и неуклюже-вѣжливъ передъ женщинами; на многочисленныя предложенія вступить въ бракъ, которыя дѣлались иногда съ большою назойливостью, Карлъ постоянно отвѣчалъ отсрочками—сначала до тридцатилѣтняго, а потомъ до сорокалѣтняго возраста. Въ послѣдніе годы про него говорили, что онъ имѣлъ въ виду жениться на какой-нибудь шведкѣ, и ему приписывали слѣдующія слова: «Если Господь пошлетъ намъ миръ, я женюсь, но не изъ политическихъ соображеній, а на такой дѣвушкѣ, которая мнѣ будетъ нравиться».

Кромѣ указанныхъ чертъ, мы находимъ у Карла XII еще одну, весьма существенную для вождя викинговъ: это—щедрость. Раздавать солдатамъ и офицерамъ, отличившимся въ сраженіяхъ, золото горстями—было его страстью: нерѣдко онъ давалъ каждому солдату по 10 червонцевъ, начальники же получали соразмѣрные подарки; однажды Стенбокъ (не считая его доли въ добычѣ) получилъ отъ короля 21000 талеровъ. Храбрые враги не менѣе возбуждали щедрость Карла: когда одинъ изъ храбрыхъ отрядовъ былъ взятъ въ плѣнъ, король подарилъ вождю осѣдланнаго коня, поручику 50 червонцевъ, а каждому солдату по червонцу. Принужденный искать спасенія въ Турціи, гдѣ маленькій лагерь Карла представлялъ, по собственному сознанію шведовъ, видъ цыганскаго табора, король однако подарилъ обоимъ посланцамъ крымскаго хана и сераксира по 1000 червонцевъ. По возвращеніи въ Швецію, онъ постоянно носилъ при себѣ до 400 червонцевъ и незамѣтно клалъ деньги въ руку тому или другому, запрещая всякія изъявленія благодарности. Щедрость эта сопровождалась поистинѣ богатырскимъ пренебреженіемъ къ деньгамъ и даже къ отчетности. Карлъ не только самъ никогда не рассчитывалъ, но и въ другихъ не любилъ расчетливости: въ Бендерахъ любимцемъ Карла сдѣлался баронъ Гротгузенъ, отличавшійся такою-же расточительностью; однажды ему пришлось дать королю отчетъ въ 60000 талеровъ, истраченныхъ изъ королевской кассы; отчетъ былъ очень кратокъ: «10000 талеровъ выдано шведамъ и янычарамъ по приказанію вашего величества, остальное истрачено на собственныя нужды». Карлъ, улыбаясь, замѣтилъ:—«Вотъ это я люблю, чтобы мои друзья такимъ образомъ представляли свои отчеты! Если Мюллерну приходится дать отчетъ въ нѣсколькихъ тысячахъ талеровъ, онъ заставляетъ меня прочитывать цѣлыя листы. По мнѣ уже лучше лаконическій расчетъ Гротгузена». Когда одинъ пожилой офицеръ неодобрительно отзывался о томъ, что король даетъ Гротгузену распоряжаться такими крупными суммами, Карлъ возразилъ:—«Я даю деньги только тѣмъ, кто умѣетъ ими пользоваться». Кто-же страдалъ отъ этой щедрости короля? Разумѣется, его страна: небольшая и небогатая сама по себѣ,

она была обременена непомерными поборами, которые, составляясь изъ трудовыхъ грошей шведскихъ крестьянъ, изъ недоплатеннаго жалованья чиновниковъ, изъ налога на доходы пасторовъ и помѣщиковъ,—шли на покрытие огромныхъ военныхъ издержекъ и на награды, расточавшіяся королемъ направо и налево. Но Карлъ нисколько не вникалъ въ это и, не зная цѣны деньгамъ, былъ неумолимъ при ихъ взысканіи съ народа и съ государства. Такимъ образомъ, та нерасчетливость и та экспансивность, съ которыми онъ, очертя голову, относился къ самому себѣ, къ своей личной безопасности, къ будущности и даже къ собственной жизни,—проглядываютъ и въ его отношеніяхъ къ народнымъ и государственнымъ интересамъ—къ народному ховяйству и благосостоянію и находящейся въ неизмѣнной зависимости отъ нихъ будущности всего народа и государства.

Подобное-же противорѣчіе въ образѣ дѣйствій Карла XII замѣтно и въ его отношеніяхъ къ населенію тѣхъ странъ, гдѣ ему приходилось воевать. Въ началѣ войско его (какъ и при прежнихъ шведскихъ короляхъ) представляло собою образецъ дисциплины и гуманности: король строго наказывалъ солдатъ за мародерство и грабежъ. Однажды—это было въ Саксоніи—Карлу пришлось при подобной попыткѣ выслушать назидательное правоученіе. Онъ засталъ солдата, отнявшаго у крестьянина индѣйскаго пѣтуха; солдатъ на допросъ короля отвѣчалъ:— «Но я взялъ у этого крестьянина только пѣтуха, а вы отняли у его государя корону». Карлъ такъ смутился, что не собрался съ духомъ, чтобы приговорить солдата къ наказанію. Но какъ можно было противодѣйствовать грабежу отдѣльныхъ солдатъ, когда все шведское войско нерѣдко жило только поборами съ занятой страны? Когда весной 1702 г. Стенбокъ съ отрядомъ въ 2,500 человекъ былъ отправленъ на Волны и въ Червонную Русь, чтобы собрать денегъ и припасовъ и заставить тамошнюю шляхту отказаться отъ Августа,—онъ въ 8 недѣль набралъ 60,000 талеровъ деньгами, на 30,000 т. драгоцѣнныхъ вещей, 15,000 арш. сѣняго сукна, безчисленное количество рубашекъ, башмаковъ, носокъ и пр. А въ это время Карлъ писалъ ему: «Всѣхъ поляковъ, которые вамъ попадутся, вы должны принудить волею или неволею принять нашу сторону, или-же такъ разворить ихъ, чтобы они еще долго помнили *козла* (каламбуръ съ именемъ генерала). Вы должны напрягать крайнія усилія, чтобы какъ можно больше выбрать, вытащить и сгрести». «Жители, которые сколько-нибудь находятся въ подозрѣніи, что оказались намъ невѣрными,—писалъ Карлъ Реншелу,—должны быть повѣшены тотчасъ, хотя-бы улики были и неполны, для того, чтобы всѣ убѣдились со страхомъ и ужасомъ, что мы не щадимъ даже ребенка въ колыбели, если насъ затрогиваютъ. Что касается до насъ, то намъ нечего сообщать кромѣ того, что мы стараемся изо всѣхъ силъ и также разворяемъ и выжигаемъ всякое мѣстечко. Недавно я такимъ образомъ сжегъ цѣлый городъ и повѣсилъ бургомистра.

Такія противорѣчія въ образѣ дѣйствій Карла XII, предавшаго мучительной смерти Паткуля и одновременно воспрещеніемъ пытки предупредившаго филантропію вѣка Беккари, объясняются тѣмъ, что Карлъ, не будучи по натурѣ ни безчеловѣчнымъ, ни жестокимъ, и напротивъ будучи склоннымъ къ великодушію,—способенъ былъ къ ужасной жестокости тамъ, гдѣ онъ считалъ себя въ правѣ что-нибудь

требовать, или тамъ, гдѣ онъ видѣлъ нарушеніе долга: по его мнѣнію, подданные *обязаны* были платить подати, необходимыя на выполненіе цѣлей государя, поляки *должны* были отказаться отъ Августа, полки *обязаны* отдавать всю жизнь свою войнѣ и грудью идти навстрѣчу смерти. Вотъ почему онъ безъ состраданія смотрѣлъ на то, какъ его солдаты голодали, замерзали, истекали кровью и умирали сотнями, даже тысячами, а умирая, говорили, что у нихъ только три лекарства: водка, чеснокъ и смерть... Съ какою невозмутимостью относился Карлъ XII ко всѣмъ этимъ ужасамъ, свидѣтельствуеетъ слѣдующее мѣсто изъ его писемъ къ сестрѣ: «Здѣсь въ арміи все идетъ очень хорошо, хотя солдатамъ приходится переносить трудности, всегда сопряженныя съ близостью непріятеля». Хладнокровіе Карла можно еще объяснить его желаніемъ ободрить солдатъ и скрыть отъ нихъ настоящее положеніе дѣла. Но равнодушіе его къ страданіямъ людей обнаруживается гораздо рѣзче въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда онъ безъ всякой нужды, просто изъ одной воинской удали, подвергалъ своихъ воиновъ тяжелымъ лишеніямъ и опасностямъ; тотчасъ послѣ нарвской побѣды проявилась у него страсть къ экспедиціямъ и предпріятіямъ, которыя проходились совершать при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и приняла уже совершенно характеръ пустой забавы въ любимой привычкѣ короля подѣзжать съ своими офицерами подъ самыя выстрѣлы непріятеля. И опять-таки мы находимъ въ Карлѣ противорѣчіе и этой равнодушной игрѣ чужою жизнью въ той трогательной нѣжности и заботливости, какая иногда прорывалась у короля въ отношеніи къ отдѣльнымъ личностямъ: такъ напр., онъ съ удивительною деликатностью относился къ дежурному пажу, если тотъ уже спалъ, когда король возвращался ночью въ свою палатку,—бережно покрывалъ юношу собственнымъ своимъ плащомъ, а самъ тихо раздѣвался, чтобъ не разбудить его. Эта черта указываетъ, что въ пренебреженіи къ чужой жизни Карломъ руководилъ не холодный, спокойный расчетъ, а напротивъ тотъ боевой жаръ, который его самого доводилъ до наступленія, до самоубвенія, а также и его основной взглядъ на лишенія и пренебреженіе къ жизни, какъ на поэзію военнаго быта. Онъ былъ такимъ-же фанатикомъ аскетизма въ своемъ военномъ быту, какихъ мы встрѣчаемъ и въ другихъ областяхъ. Его нравственный типъ принадлежитъ совершенно иной эпохѣ, чѣмъ та, въ которой онъ жилъ. Будучи самъ полонъ жизненной свѣжести, отваги и дерзости, Карлъ XII хотѣлъ видѣть таковыми-же и своихъ воиновъ, и даже предполагалъ ихъ таковыми. И дѣйствительно, въ этомъ онъ ошибался только относительно очень немногихъ вождей, знавшихъ настоящее положеніе дѣла и считавшихъ образъ дѣйствій короля неполитичнымъ. Но на массу солдатъ непосредственно дѣйствовала внушительная и увлекательная личность Карла XII: солдаты имѣли на глазахъ примѣръ самого короля, ежедневно подвергавшаго себя наравнѣ съ ними тѣмъ-же лишеніямъ и опасностямъ,—они видѣли, какъ онъ постоянно приносилъ самого себя въ жертву. Этотъ духъ составлялъ силу Карла XII: его личный, живой примѣръ служилъ для солдатъ знаменемъ и замѣнялъ имъ всякій воинскій уставъ. Вотъ почему въ рядахъ солдатъ до украинскаго похода почти не слышалось ропота, а въ памяти народной и до сихъ поръ сохранился образъ не честолюбца, а пылкаго, самоотверженнаго героя и друга солдатъ.

Всѣ указанія выше черты характера и образа дѣйствій Карла XII совершенно выдѣляютъ его изъ среды другихъ, современныхъ ему полководцевъ и государственныхъ дѣятелей, такъ какъ во многомъ напоминаютъ конунга викинговъ, а войны, которыя онъ велъ, болѣе походятъ на набѣги древнихъ скандинавовъ, чѣмъ на походы герцоговъ Мальборо и Евгенія Савойскаго. Особенно поразительную въ этомъ отношеніи картину представляетъ пятилѣтняя война въ Польшѣ, имѣвшая характеръ блестящей охоты по лѣсамъ и степямъ древней Сармаціи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить о быстрыхъ передвиженіяхъ Карла XII въ Польшѣ, отъ одного ея конца къ другому. Изъ Курляндіи онъ въ январѣ 1702 г. ведетъ свои войска въ Жмудь, но уже въ мартѣ направляется къ Гродно; по случаю распутицы, не дойдя туда, намѣняетъ путь въ апрѣлѣ къ Варшавѣ и 14-го мая уже вступаетъ въ нее; отсюда онъ спѣшитъ къ югу, на встрѣчу Августу, и у Клишова одерживаетъ надъ нимъ 9 побѣдъ; 31-го іюля беретъ Краковъ. Только болѣванъ (когда онъ сломалъ себѣ ногу) заставила его расположиться на зимнихъ квартирахъ около Сандомира. Но раннею весною онъ уже вновь въ Варшавѣ, откуда спѣшитъ на Августа, въ Пултускъ, 21-го апрѣля обрацаетъ въ бѣгство его войско, а въ маѣ осаждаетъ Торнъ, гдѣ нашли себѣ убѣжище остатки этого войска, и черезъ полгода беретъ городъ. Какъ-только Августъ успѣлъ оправиться и собрать 23,000 армію на защиту польскаго престола отъ поставленнаго шведами новаго короля, Станислава Лещинскаго, Карлъ былъ уже подъ стѣнами Львова и съ небольшимъ отрядомъ драгуновъ взялъ его приступомъ, въ которомъ участвовалъ лично; но, получивъ извѣстіе о томъ, что Августу удалось занять Варшаву, откуда долженъ было бѣжать король Станиславъ Лещинскій, Карлъ далъ отдохнуть своему войску только двѣ недѣли и затѣмъ снова повелъ его на Варшаву; съ изумительною, необыкновенною даже для Карла, быстротою нагналъ онъ у силезской границы саксонское войско, которое послѣ жаркой рукопашной схватки съ его отрядомъ, успѣло перебраться за границу и удалиться только благодаря наступившей ночи. Такимъ образомъ, Варшава все-таки освободилась отъ Августа, и Лещинскій остался въ ней. 1705 годъ прошелъ въ приготовленіяхъ къ коронаціи Станислава, и Карлъ не продолжалъ войны. Но съ наступленіемъ зимы онъ снова пустился въ погоню за Августомъ. 15-го января онъ подошелъ къ Нѣману и здѣсь остановился; но вскорѣ соединенное польское и саксонское войско, подкрѣпленное 20,000 русскимъ корпусомъ подъ командой Огильви,—разбилось: Августъ возвратился въ Польшу, Огильви въ Россію, по направленію къ Кіеву. Тогда Карлъ, вмѣсто того, чтобы идти на сѣверъ и защищать свои владѣнія отъ занявшихъ ихъ русскихъ войскъ, или-же преслѣдовать главную цѣль своей войны, Августа,—съ совершенно непонятною цѣлью направился къ югу, въ Польшу, и достигъ Пинска. Убѣдившись въ невозможности продолжать походъ въ восточномъ направленіи, онъ далъ съ мѣсяцъ отдохнуть войску и затѣмъ повелъ его въ Волинь, откуда, спустя еще мѣсяцъ, опять-таки съ неизвѣстною и необъяснимою цѣлью направился черезъ Польшу въ Саксонію. Въ это время былъ подписанъ мирный договоръ, по которому Августъ отрекался отъ польскаго престола и признавалъ королемъ польскимъ Станислава. Значить, цѣль Карла XII была до-

стигнута. Такова въ краткой передачѣ картина блестящихъ подвиговъ его въ Польшѣ.

А въ это время почти каждый подвигъ Карла въ Польшѣ сопровождался, какъ извѣстно, новымъ успѣхомъ русскихъ въ прибалтійской области: пока потомокъ варяговъ вдали отъ родины беззаботно гонялся за славой, не считая враговъ,—преемникъ варяга, основавшаго обширное царство на пути «въ Греки», навсегда загородилъ древній варяжскій путь, заложивъ новую столицу въ самомъ устьѣ этого пути. И (что всего характернѣе) Карлъ хорошо зналъ о каждомъ шагѣ царя въ шведскихъ владѣніяхъ. Напрасно говорили ему, что основаніе Петербурга имѣетъ для Швеціи гораздо большее значеніе, чѣмъ вопросъ о томъ, кому сидѣть на польскомъ престолѣ,—онъ только посмѣивался. А Петръ тѣмъ временемъ обстраивалъ столицу и «учреждалъ» войско, «пока шведъ увязъ въ Польшѣ».

Положеніе Швеціи, доведенной налогами и войнами до полного раззоренія, до страшнаго бѣдствія, не разъ заставляло членовъ государственнаго совѣта обращаться откровенно къ королю съ просьбами заключить миръ съ Августомъ, что особенно усиливалось еще необходимостью оказывать противодѣйствіе русскому завоевателю, о которомъ Карлу писали въ 1704 г.: «Этотъ нашъ опаснѣйшій врагъ можетъ быть обузданъ только собственнымъ оружіемъ вашего величества». Но Карлъ не торопился: онъ смотрѣлъ на Петра, какъ на противника слабого, и самоувѣренно заявилъ Лещинскому:—«Необходимо, чтобы я отправился и его смѣстить съ престола». А предъ походомъ въ Россію, онъ, какъ передаютъ, спросилъ его:—«Я надѣюсь, что принцъ Собѣскій намъ всегда останется преданъ. Не полагаете-ли вы, ваше величество, что онъ могъ-бы быть отличнымъ царемъ Россіи?» Но не тѣмъ кончился его походъ. Военные приемы конунга оказались слабыми предъ приемами полководца. Карлъ умѣлъ добывать побѣду оружіемъ, но не умѣлъ обезпечить ее за собою иными средствами, что и обнаружилось ясно въ походѣ, который окончился Полтавскимъ пораженіемъ, такъ какъ тутъ впервые смѣлости и храбрости оказалось недостаточно. Прежде всего, отсутствіе стратегіи высказалось въ томъ, что Карлъ вмѣсто того, чтобы выбирать тотъ путь, который могъ-бы повести къ побѣдѣ, сочинилъ себѣ особая правила и хотѣлъ, чтобы побѣда доставалась ему сообразно съ ними. Таково было его главное правило, исключавшее собою всякое отступленіе; даже во время маневровъ и учения войскъ было запрещено давать сигналы къ отступленію. Карлъ XII зналъ одинъ только лозунгъ: «впередъ, ребята, съ Божью помощью!» Вслѣдствіе своей нетерпѣливости, онъ не былъ въ состояніи дожидаться подкрѣпленій. Одной изъ главныхъ причинъ неудачъ его въ 1708 г. было то, что онъ повернулъ въ Украину, не дождавшись пятью днями прихода Левенгаупта, и этимъ предалъ гибели корпусъ послѣдняго, а самъ остался безъ подкрѣпленія, провіанта и аммуниціи. Въ походъ онъ выступилъ поздною осенью и притомъ безъ всякаго опредѣленнаго плана, въ чемъ и самъ онъ откровенно сознался Гилленкруку, сказавъ: «*у меня нѣтъ никакого плана*». Но и въ этомъ походѣ, при всѣхъ неудачахъ, повергавшихъ его нерѣдко въ мрачную задумчивость, онъ остался вѣренъ своему рыцарскому нраву и находилъ развлеченіе въ рукопашномъ бою (при нападеніи на Гродно, гдѣ находился царь Петръ). На-

стала весна. Шведское войско таяло, какъ снѣгъ на украинской степи. Въ строю было не много болѣе 18,000 человекъ, не считая казаковъ и польской легкой конницы; при нихъ осталось только 34 пушки; порохъ подмокъ зимою и почти утратилъ силу; воздухъ былъ зараженъ оттаившими на весеннемъ солнцѣ трупами, разбросанными по степи: припасы достигли страшной дороговизны, солдаты требовали хлѣба или смерти. А Карлъ, между тѣмъ, писалъ Станиславу: «Я и армія находимся въ хорошемъ положеніи. Непріятель былъ разбитъ во всѣхъ происходившихъ битвахъ и обращенъ въ бѣгство». Онъ не думалъ спасать войско отъ отчаяннаго положенія—онъ рѣшился стоять и ждать. Ждать чего?—Турецкій султанъ прислалъ сказать, что онъ мира нарушать не хочетъ и хану не позволить; гонецъ, отправленный въ Польшу, чтобы призвать послѣдній шведскій отрядъ, оставленный на охраненіе Станислава и шведскихъ владѣній въ Германіи, вернулся съ извѣстіемъ, что генералъ Красовъ стоитъ на самомъ сѣверѣ Польши, поссорился съ королемъ и помощи во время дать не хочетъ. Карлу наконецъ надоѣло ждать, и онъ рѣшился осадить крѣпость Полтаву. Генералы его были въ смущеніи. Они давно уже отрезвились отъ своего викингства. Даже старшій Реншелъ не безъ ироніи замѣчалъ:—«Король хочетъ, пока не придутъ поляки, доставить себѣ забаву». Когда Гилленкрукъ попытался представить королю всю бесполезность и опасность осады, Карлъ настойчиво возразилъ:—«Да, намъ слѣдуетъ совершить именно то, что необычайно: тогда мы пожнемъ славу и честь». Во время этой осады король былъ раненъ. Изъ существующихъ объ этомъ обстоятельстве разсказовъ особенно интересенъ слѣдующій.

Король развѣзжалъ по берегу подъ непріятельскими пулями. Только что онъ повернулъ лошадь, чтобы возвратиться, какъ его настигла пуля, вошла въ пятку лѣвой ноги и застряла между пальцами. Никто, кромѣ него, не замѣтилъ этого, но онъ не проронилъ ни слова. Наконецъ одинъ изъ сопровождавшихъ его обратилъ вниманіе на то, что съ сапога Карла капала кровь. Лицо короля было блѣдно, и хотъ онъ съ трудомъ держался на сѣдлѣ, однако не слѣзъ съ лошади и продолжалъ ѣзду. Изъ лагера навстрѣчу ему выхалъ Левенгауптъ и ужаснулся случившемуся, но король спокойно отвѣтилъ:—«Рана только въ ногѣ; пуля еще въ ней, но я велю вырвать ее на славу». И онъ заѣхалъ еще въ траншею, чтобы отдать приказанія. Между тѣмъ, прошло около часа; рана успѣла такъ воспалиться, что надо было срывать сапогъ, причиняя сильную боль раненому; кость оказалась раздробленной. Но Карлъ не позволилъ, чтобы его поддерживали во время операции, безъ чужой помощи протягивалъ ногу и, не спуская глазъ съ ножа, ободрялъ хирурга:—«Рѣжьте, рѣжьте живѣе,—ничего!» Когда потомъ рана поросла дикимъ мясомъ, хирургъ не захотѣлъ приниматься опять за ножъ и предпочелъ прижигать больное мѣсто ляписомъ; тогда Карлъ, взявъ изъ его рукъ инструментъ, самъ вырвалъ изъ раны, что было нужно. Во время этого скучнаго досуга король часто заставлялъ своего слугу, Гульмана, разсказывать ему саги о сѣверныхъ богатыряхъ и сказки изъ рыцарскаго быта.

Съ болѣзнию Карла сразу оказалось, что шведская армія, и безъ того уже ослабшая, лишена души, и скандинавскіе воины съ изумленіемъ убѣдились, что побѣжденные ими при Нарвѣ переросли ихъ си-

лой и военнымъ искусствомъ. Полтавская битва была крестинами поваго государства, окончательнымъ, безповоротнымъ торжествомъ надъ стариной. Какъ тяжелый сонъ, должны были показаться Карлу роковые часы, когда, въ дыму и подъ грохотомъ битвы, онъ былъ сверженъ съ высоты своего долгаго и непрерывнаго торжества и скипетръ съвера перешелъ въ руки его соперника... Пушечное ядро разбило носилки; носильщики были перебиты; короля посадили на лошадь; рана на ногѣ вскрылась, и окровавленнаго, изумленнаго Карла XII увлекли назадъ въ шведскій лагерь. Пока ему перевязывали рану, онъ узналъ объ участи своихъ товарищей—принца, Реншела и др.—«Въ плѣну, въ плѣну у русскихъ!» воскликнулъ онъ:—«тогда лучше умереть между турками. Впередъ!» И вечеромъ того-же дня остатки побѣдоноснаго нѣкогда войска двинулись изъ лагера по безконечной степи въ безвѣстную даль. Но Карлъ и его воины испили тогда чашу бѣдствій еще не до дна. Подъ его знаменами шло въ то же время еще 14000 человекъ, не считая запорожцевъ и кавалеріи Понятовскаго. Только на Днѣпрѣ, у Переволочны, сказались всѣ матеріальныя и нравственныя послѣдствія Полтавскаго пораженія: войско не было способно къ сопротивленію и сдалось безъ боя русскому авангарду. Карла съ трудомъ уговорили разстаться съ нимъ и переправиться черезъ Днѣпръ. Коляску его поставили на двѣ связанныя лодки, и въ полночь воды Днѣпра понесли послѣдняго варяжскаго конунга съ его дружиной. По дорогѣ, на р. Бугѣ, Карлъ потерялъ двѣ трети оставшихся у него воиновъ и прибылъ въ Бендеры съ 500 человекъ.

Но, не смотря на всѣ эти несчастія, бодрость и какая-то странная самоувѣренность не покидали его. Такъ, онъ писалъ сестрѣ своей: «Все шло хорошо. Только въ концѣ и благодаря странной случайности, произошло несчастіе: армія потерпѣла уронъ, который, я надѣюсь, скоро будетъ исправленъ». И ничто не могло сломить въ немъ этой бодрости, этого поистинѣ рыцарскаго духа: даже послѣ пятилѣтняго пребывания Карла XII въ Турціи,—гдѣ, какъ извѣстно, жизнь его текла такъ, что ничто не способствовало подъему его духа,—мы встрѣчаемъ неутомимаго витязя при его возвращеніи на родину сначала скачущимъ верхомъ съ однимъ провожатымъ по Трансильваніи, Венгріи, Австріи, и пр.; затѣмъ видимъ его выдерживающимъ осаду съ обычнымъ геройствомъ и лично участвующимъ, въ одеждѣ простаго солдата, во всѣхъ кровавыхъ схваткахъ у Стральзунда,—и изумляемся несокрушимости и неизмѣнному присутствію его духа. Здѣсь, въ Стральзундѣ, случилось, что бомба съ трескомъ упала на домъ, гдѣ секретарь Карла писалъ подъ его диктовку; отъ испуга онъ выронилъ перо.—«Что случилось?» спросилъ Карлъ:—«отчего вы не продолжаете писать?»—«Ахъ, ваше величество»,—замѣтилъ секретарь,—«бомба».—«Какое-же отношеніе имѣетъ бомба къ письму?»—возразилъ Карлъ,—«пишите дальше».—и продолжалъ диктовать. Когда ему пришлось оставить осажденный Стральзундъ, по шляпкамъ его началась пальба; но онъ все-таки уцѣлѣлъ, съ трудомъ выбрался сквозь ледъ въ открытое море, пересѣлъ на встрѣтившійся ему случайно старый, плохой корабль и, когда корабль въ дождливую ночь бросилъ якорь у шведскаго берега. Карлъ XII, какъ бѣдный викинъ, выброшенный бурей, долженъ былъ укрыться отъ проливнаго дождя подъ скалой и дожидаться утренняго

свѣта. Подобно многимъ викингамъ, исполнившимъ свою славою отдаленныя страны, Карлу пришлось окончить свою жизнь въ менѣе громкой борьбѣ съ соплеменниками, среди родныхъ скалъ и лѣсовъ. И эта борьба, конечно, была богата проявленіями личной отваги и равнодушія къ смерти. 30 ноября 1718 г. онъ стоялъ подъ непріятельскими пулями въ траншеѣ подъ Фредериксгалломъ, слѣдя за осадной работой солдатъ; чтобы лучше видѣть, онъ взобрался на брустверь и облокотился на него; луна освѣтила голову короля; внизу, въ траншеѣ, находилось нѣсколько офицеровъ, напрасно убѣждавшихъ Карла сойти съ опаснаго мѣста. Вдругъ раздался слабый, странный звукъ... Голова короля поникла, лѣвая рука спустилась и упала на рукоятку меча. На долю Карла XII выпало то, чего онъ желалъ вмѣстѣ съ столькими героями—его предками на поприсѣ воинской чести: онъ умеръ отъ непріятельской пули, пробившей лѣвый глазъ и вышедшей изъ праваго...

Замѣчательная, въ высшей степени оригинальная личность! Экспансивность, экстазъ, вдохновеніе — вотъ главные руководители всей военной дѣятельности Карла XII. Вездѣ, съ самой юности своей, онъ встрѣчалъ около себя родственныя природы: на медвѣжьей охотѣ и въ головорѣзныхъ забавахъ, и въ пылу битвы, и въ веселыхъ бесѣдахъ походной палатки,—ту-же беззапятную отвагу, ту-же свейскую «фурію» въ рукопашномъ бою, съ той-же страстью къ приключеніямъ и съ тѣмъ-же эпическимъ хвастовствомъ. Самымъ цѣльнымъ типомъ новаго викинга былъ самъ Карлъ XII. Вслѣдствіе того, что его натура до мелочей носила въ себѣ психическія и нравственныя черты истаго викингства, ему и пришлось стать въ такой разладъ съ вѣкомъ, который возбуждалъ и во многихъ современникахъ и во многихъ позднѣйшихъ историкахъ чувство презрительной антипатіи и комизма,—чувство, вызывавшее о королѣ мнѣніе, какъ о человѣкѣ только тщеславномъ. Но Карлъ былъ по натурѣ именно тѣмъ, чѣмъ казался: онъ представлялъ своей натурой исторически сложившійся національный типъ, только съ особенно рѣзкими очертаніями. Трагизмъ его заключается еще и въ томъ, что онъ былъ *последнимъ* викингомъ,—что представлялъ собою *самыяравнѣй* историческій типъ, сходявшій съ великой исторической сцены.

Сходилъ этотъ типъ со сцены потому, что на родинѣ исчезла необходимая для него почва, а *мазюга*—потому, что онъ былъ побѣжденъ мощною силой, послужившей ему надгробнымъ камнемъ. Этой силой была Россія, благодаря ея гениальному преобразователю, побѣдителю Карла XII. Съ ея преобразованіемъ восточная Европа стала устраниваться и исчезъ въ ней просторъ для викингства: Петръ былъ для Россіи тѣмъ солнечнымъ героемъ древнихъ мифологій, который строитъ города, вноситъ культуру и предъ мощнымъ духомъ котораго первобытныя, доисторическія силы отступаютъ во мракъ.

XXXIII. КАРЛЪ XII И ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, КАКЪ ПОЛКОВОДЦЫ.

(Изъ соч. Богдановича: «Замѣчательнѣйшіе походы Петра В. и Суворова».)

Вторженіе Карла XII, повидимому, угрожало большою опасностью нашему отечеству. Наполеонъ, разсматривая эти дѣйствія, полагаетъ, что король шведскій долженъ былъ продолжать движеніе къ Москвѣ, т. е. дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ онъ самъ въ войну 1812 года. Но если Наполеонъ, располагая силами почти всей Европы, не успѣлъ одержать верхъ надъ императоромъ Александромъ, то какимъ образомъ могъ вадѣяться на успѣхъ войны съ Петромъ Первымъ Карлъ XII, котораго силы и средства были несравненно менѣе Наполеоновыхъ? Безъ всякаго сомнѣнія, Россія, во времена Петра Перваго, далеко не равнялась силою Россіи временъ Александра Благословеннаго; но зато и средства Карла XII далеко уступали тѣмъ, которыя были въ распоряженіи Наполеона. Причины неудачъ Карла XII заключались: во-первыхъ, въ несоразмѣрности его силъ съ предположенною имъ цѣлю; если бы онъ ограничился обороною собственныхъ областей, то не подвергся бы неслыханнымъ бѣдствіямъ, въ которыя вовлекло его необдуманное нашествіе на Россію; во-вторыхъ, въ образѣ его дѣйствій, который былъ совершенно противоположенъ способу веденія войны, вообще принятому на западѣ Европы. Какъ полководцы западной Европы старались обезпечивать за собою, такъ сказать, каждый шагъ проходимого ими пространства занятіемъ крѣпостей и укрѣпленныхъ пунктовъ, такъ Карлъ XII избѣгалъ отдѣленія войскъ для занятія пунктовъ въ тылу своей арміи. Полководцы западной Европы продовольствовались свои войска исключительно изъ устраиваемыхъ за ними магазиновъ, — Карлъ XII возилъ за арміею продовольственные запасы, что избавляло его отъ необходимости сохранять сообщенія съ магазинами, но зато до чрезвычайности увеличивало его обозы и подвергало большой опасности его единственные средства къ продовольствованію войска. Полководцы западной Европы дѣйствовали медленно и теряли цѣльми кампаніи на занятіе незначительной области, или на овладѣніе одною крѣпостью, — король шведскій проходилъ значительныя пространства, но владѣлъ только лишь тѣмъ пунктомъ, на которомъ находился его лагерь. Такой образъ дѣйствій былъ въ особенности несообразенъ съ свойствами страны, въ которой должны были дѣйствовать шведы въ кампанію 1708 года, потому что, издержавъ запасы, находившіеся при арміи, трудно было пополнить ихъ въ странѣ скудной и опустошенной русскими войсками. Разсматривая дѣйствія великихъ полководцевъ всѣхъ временъ, видимъ, что они были истинно велики потому именно, что умѣли соображаться съ своими средствами и съ обстоятельствами, въ которыхъ находились. И потому, по всей справедливости, должно сознаться, что Карлъ XII, не обладавшій этимъ умѣньемъ, не можетъ равняться съ гениальными полководцами — Александромъ Македонскимъ, Юліемъ Цезаремъ, Густавомъ-Адольфомъ, Фридрихомъ Великимъ, Наполеономъ, ни съ противникомъ своимъ, Петромъ, который мастерски постигъ слабую сторону Карла и умѣлъ вполне воспользоваться его ошибками.

Но если Карлъ XII не можетъ считаться въ числѣ великихъ полководцевъ, если искусство достигать побѣдами цѣли войны было недоступно ему, то все-таки онъ долженъ занять мѣсто въ ряду людей необыкновенныхъ. Сама природа предназначила его къ благородному званію воина. Одаренный желѣзнымъ тѣлосложеніемъ, онъ соединялъ въ себѣ неустрашимость съ способностью переносить труды и лишения, пылкость характера и дѣятельность—съ постоянствомъ и силою воли. Онъ не былъ великимъ полководцемъ, можетъ быть, потому только, что искусство веденія войны, столь многосложное и трудное искусство, требуетъ пріуготовительныхъ свѣдѣній и опытности, которыхъ не доставало Карлу, начавшему командовать арміями съ семнадцатилѣтнаго возраста. И если соображенія его, мало обдуманна и не довольно основательна, не могутъ выдержать строгаго критическаго разбора, то многіе изъ его подвиговъ, по справедливости, внушаютъ удивленіе и всегда найдутъ сочувствіе въ сердцахъ истинныхъ воиновъ.

Петръ Первый, великій во всѣхъ дѣлахъ, во всѣхъ своихъ помыслахъ, былъ великъ и въ дѣлѣ ратномъ. Его образъ веденія войны былъ плодомъ собственныхъ соображеній геніальнаго полководца, опередившаго свой вѣкъ и умѣвшаго оцѣнить односторонность современныхъ понятій о военномъ искусствѣ. Въ то время, когда знаменитѣйшіе военачальники западной Европы, платя дань предрасудкамъ ихъ вѣка, дѣйствовали медленно, нерѣшительно, одерживали побѣды, не приносяшія никакихъ результатовъ, брали крѣпости для славы, а не для достиженія какой-либо цѣли и, дѣйствуя на основаніи постоянно принятыхъ правилъ, бесполезно теряли и время, и людей, и средства, бывшія въ ихъ распоряженіи,—Петръ Первый велъ войну, руководствуясь однимъ только правиломъ—«дѣйствовать сообразно со средствами и обстоятельствами». Этимъ правиломъ руководствовались и прежде Петра военные геніи — Александръ Македонскій, Юлій Цезарь, Густавъ-Адольфъ. Но Александръ, въ началѣ своего военнаго поприща, повелѣвалъ твердыми фалангами отца своего,—Цезарь начальствовалъ превосходными въ тактическомъ образованіи римскими легіонами; а Петръ самъ образовалъ вооруженныя силы нашей арміи. Онъ образовалъ Шереметьева, благоразумнаго, основательнаго военачальника, русскаго Тюренна, какъ называлъ его самъ Петръ; рѣшительнаго, дѣятельнаго Меншикова; Голицына, соединявшаго отвагу съ осторожностью; гладнокровнаго Рѣпина; хитраго въ ратномъ дѣлѣ Апраксина; превосходнаго кавалериста Баура и Брюса, искуснаго артиллериста и инженера, потомка фамиліи, царствовавшей въ Шотландіи, отличавшагося своими многосторонними знаніями. Онъ создалъ тѣ стройныя дружины, которыя впоследствии распространили славу русскаго имени отъ Торнео до Нови, отъ Арзерума до Парижа. Во всякой изъ побѣдъ, одержанныхъ нашими регулярными войсками, былъ участникомъ тотъ, чье имя каждый изъ насъ произносить съ умиленіемъ. Чтобы воздать должную дань хвалы дѣламъ Петра, достаточно представить ихъ вѣрный образъ... ихъ вѣрный образъ, запечатлѣнный въ душѣ каждого русскаго.

XXXIV. ПРУТСКИЙ ПОХОДЪ.

(Из «Публичныхъ лекцій о Петрѣ Великомъ», Соловьева.)

Полтавская побѣда вводила въ систему европейскихъ государствъ новое могущественное государство, и для Европы рождался вопросъ первой важности, какое мѣсто займетъ это новое государство, въ какихъ отношеніяхъ будетъ находиться къ другимъ государствамъ, какими началамъ слѣдовать въ своей политикѣ, чѣмъ руководствоваться въ дружбѣ и враждѣ. Одновременно съ великою сѣверною войною на сѣверо-востокѣ, въ западной Европѣ шла великая война за наслѣдство испанскаго престола, собственно направленная противъ властолюбивыхъ стремленій Франціи, ея короля Людовика XIV. Петръ очень хорошо понималъ выгоду этой западной войны для себя, ибо она не давала возможности важнѣйшимъ державамъ Европы выѣживаться въ сѣверную войну, мѣшать Россіи въ ея дѣлѣ, ибо онъ не могъ рассчитывать на сочувствіе этихъ державъ къ себѣ, особенно на сочувствіе Франціи; онъ прямо говорилъ, что надобно спѣшить окончаніемъ сѣверной войны прежде окончанія западной. Но Полтавская побѣда, сокрушеніе силъ Швеціи, жалкое бѣгство въ Турцію Карла XII, считавшагося до сихъ поръ непобѣдимымъ, все это было такъ многозначительно, такъ громко, что не могло не взволновать Европы, не смотря на то, что она еще была занята войною за Испанію.

Прежде всего, разумѣется, дѣло коснулось Турціи, единственнаго сосѣдняго государства, которое могло номѣшать Россіи въ ея торжествахъ, отвлечь ея силы. Карлъ XII послѣ Полтавы бѣжалъ въ ея предѣлы и употреблялъ всѣ старанія поднять Порту противъ Россіи, представляя, что если дать Петру время пользоваться несчастіемъ Швеціи, то отъ этого потерпитъ прежде всего Турція, которая поэтому обязана помочь Швеціи, дать ей поправиться, дать ей возможность сдерживать властолюбивые замыслы Россіи. Подобныя же внушенія и наставанія приходили въ Константинополь и отъ другой европейской державы, которая была всегда въ союзѣ съ Портою,—отъ Франціи. Франція издавна стремилась играть первенствующую роль въ Европѣ и особенно была близка къ достиженію своей цѣли во второй половинѣ XVII вѣка, при Людовикѣ XIV. Но сильный союзъ другихъ державъ, образовавшійся по поводу вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ, остановилъ эти стремленія французскаго короля. Тѣмъ болѣе теперь, при неудачѣ дѣла, Франція должна была заботливо слѣдить за европейскими отношеніями, обратить особенное вниманіе на новую силу, явившуюся на континентѣ: что эта сила, будетъ ли дружественна Франціи или умножитъ число враговъ ея, будетъ помѣхой ея стремленіямъ? Франція должна была рѣшить этотъ вопросъ во второмъ смыслѣ.

Россія—естественный врагъ Турціи; башкирецъ, который хочетъ вбутовать своихъ противъ Россіи, поднимаетъ знамя магометанства и отправляется въ Константинополь, гдѣ владычествуетъ естественный покровитель магометанъ; но во владѣніяхъ этого покровителя магометанства много христіанъ, которые давно уже ждутъ избавленія отъ

единовѣрной и единоплеменной Россіи, видятъ въ ея царѣ естественнаго покровителя восточныхъ христіанъ. Россіи, сила которой такъ явственно высказалась подъ Полтавою, легко будетъ одолѣть Турцію и тѣмъ нанести страшный ущербъ французскимъ интересамъ на Востокахъ, не говоря уже о томъ, что Турція издавна союзница Франціи, что Турція необходима для Франціи, какъ средство для отвлеченія силъ Австріи. По одинаково-враждебнымъ отношеніямъ къ Турціи, Россія должна быть естественною союзницею Австріи, — слѣдовательно, должна быть враждебна Франціи; сильная Россія естественно должна имѣть преобладающее вліяніе въ Польшѣ, не допускать здѣсь французскаго вліянія, и такимъ образомъ и съ этой стороны будетъ охранять австрійскіе интересы. Сокрушеніе шведскаго могущества подъ Полтавою и появленіе Россіи въ видѣ первенствующей на сѣверѣ державы было тяжелымъ ударомъ для Франціи; этотъ ударъ прибавился къ пораженіямъ войны за испанское наслѣдство. Дать Карлу XII средства оправиться и сдержать Россію посредствомъ вмѣшательства Турціи было необходимо для Франціи. Вслѣдствіе Полтавы и новаго могущества Россіи, восточный вопросъ принимаетъ новый видъ: Турція для собственной безопасности должна поддержать Швецію и не допустить Россію утвердить свое вліяніе въ Польшѣ. Изъ трехъ сосѣднихъ Россіи государствъ, — Швеціи, Польши и Турціи, — дѣлается цѣпь, которою западно-европейская политика будетъ съ тѣхъ поръ стараться сдерживать Россію, и Франція теперь при этомъ играетъ главную роль, начертываетъ программу дѣйствій противъ Россіи. Напуганная Турція объявила войну Россіи: съ крайнимъ огорченіемъ Петръ долженъ былъ отказаться отъ надежды скоро окончить шведскую войну, долженъ былъ остановить свои дѣйствія на сѣверѣ и перенести оружіе на югъ, тратить время и силы на войну, въ его глазахъ, теперь безцѣльную. Полтавскій побѣдитель долженъ былъ испытать немедленно же слѣдствія своего торжества, своего новаго значенія, — слѣдствія того движенія европейскихъ интересовъ, какое было возбуждено Полтавою; долженъ былъ ввести народъ свой въ борьбу, которою надобно было оплатить цивилизацію, взятую у Европы, участіе въ общей жизни Европы. Петру принадлежитъ починъ въ этой борьбѣ; его въ началѣ борьбы ждала жестокая неудача; но мы знаемъ, что неудача есть проба генія, знаемъ, какъ великій человѣкъ умѣлъ выдерживать неудачи, оставить примѣръ, которому долженъ подражать народъ, если хочетъ быть достойнымъ своего вождя, если хочетъ быть великимъ народомъ.

25-го февраля 1711 года въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя объявлено было народу о войнѣ съ турками. Мы уже говорили, какъ не нравилась Петру эта война; онъ находился въ мрачномъ расположеніи духа, печальныя предчувствія томили его; сюда присоединилась еще болѣзнь, застигшая его на дорогѣ, въ Луцкѣ. Въ одномъ письмѣ его отъ этого времени находимъ слова: «Намъ предстоитъ безвѣстный и токмо единому Богу свѣдомый путь». Въ другомъ — читаемъ: «Что удобнѣе гдѣ, то чините, ибо мнѣ, такъ отдаленному и почитай въ отчаяніи существу, къ тому жъ отъ болѣзни чуть ожилъ, невозможно рассуждать». Положеніе было крайне затруднительное; не говоря уже о томъ, что царь отвлеченъ отъ сѣверной войны, которую спѣшили кончить выгоднымъ миромъ до окончанія западной войны за

испанское наслѣдство, вести двѣ войны на сѣверѣ и югѣ съ такими небольшими средствами, какими тогда могла располагать Россія, и въ то время, когда народъ жаждалъ облегченія и отдыха, къ чему полтавская побѣда подавала такую большую надежду,—вести при такихъ условіяхъ двѣ войны было очень тяжело. Петръ не могъ сосредоточить большаго войска на югѣ, надежда на помощь союзника, короля польскаго Августа, была плохая; одна надежда на успѣхъ состояла въ поднятїи христіанскаго народонаселенія Турціи; сербскій полковникъ Милорадовичъ отправленъ былъ поднимать черногорцевъ и другихъ славянъ и писалъ объ успѣшномъ ходѣ дѣла; молдавскій господарь Кантемиръ поддавался Россіи. Но чтобы получить помощь отъ своихъ одновѣрцевъ и единоплеменниковъ, чтобы предупредить турокъ, нужно было спѣшить вступленіемъ во владѣнія Порты; отъ турецкихъ христіанъ получались безпрестанныя просьбы, чтобы царь шелъ какъ можно скорѣе; господа молдавскій и валахскій писали, что какъ скоро русскія войска вступятъ въ ихъ земли, то они сейчасъ же съ ними соединятся, а это подниметъ сербовъ и болгаръ. Петръ послалъ Шереметова къ Дунаю — нельзя ли предупредить турокъ и разорить мостъ. Но турки предупредили, перешли Дунай. Предстоялъ вопросъ—двигаться ли царю съ главнымъ войскомъ впередъ, или оставаться? На военномъ совѣтѣ было рѣшено идти впередъ, и Петръ пошелъ, тѣмъ болѣе, что Молдавія уже объявила себя за русскихъ, и остановиться значило отдать ее въ беззащитную жертву туркамъ. Слѣдствіемъ была встрѣча съ турками у Прута (9-го іюля): у турокъ было 200,000 войска, у русскихъ только около 40,000. Несмотря на то, напавшій непріятель былъ отбитъ съ жестокимъ урономъ. Но все же положеніе русскаго войска было отчаянное: оно было истомлено битвою и зноемъ, съѣстныхъ припасовъ оставалось очень немного, помощи ни откуда. Визирю предложены были мирныя условія и богатые подарки. Визирь принялъ предложеніе, потому что самъ находился въ затруднительномъ положеніи: янычары, испуганные отчаяннымъ сопротивленіемъ русскихъ, потерявши 7,000 своихъ, отказались возобновить нападеніе и кричали, чтобы визирь скорѣе заключилъ миръ; кромѣ того, получено было извѣстіе, что отправленный прежде царемъ отрядъ подъ начальствомъ генерала Ренне, взялъ Браиловъ. Главныя условія мира были: отдача туркамъ Азова, разореніе Таганрога и другихъ новопостроенныхъ съ русской стороны городовъ; невмѣшательство царя въ польскія дѣла. Русское войско, не знавшее, что дѣлалось въ турецкомъ лагерѣ, изумленное снисходительностью мирныхъ условій, съ великою радостью выступило изъ западни къ своимъ границамъ. Но съ какимъ чувствомъ велъ его царь? Онъ въ письмахъ къ своимъ утѣшалъ ихъ, что хотя миръ заключенъ и съ большою потерей, но зато все же война кончилась на югѣ и это дастъ возможность усиленно продолжать войну на сѣверѣ и скоро кончить ее выгоднымъ миромъ; но при этомъ онъ проводилъ безсонныя ночи, тѣмъ болѣе, что долго не могъ быть увѣренъ, состоится ли миръ съ турками. ибо Карлъ XII, крымскій ханъ, Франція, измѣнившіе Россіи казаки побуждали султана не мириться, особенно потому, что пунктъ о невмѣшательствѣ Россіи въ польскія дѣла подавалъ поводъ къ сильнымъ спорамъ: Петръ не могъ разорвать союза съ польскимъ королемъ Августомъ, не могъ не проводить своихъ войскъ черезъ польскія владѣнія.

Турецкіе министры прямо говорили англійскому послу, что имъ не такъ важна отдача Азова, какъ то, чтобы царь не вступался въ дѣла Польши, не вводилъ въ нее своихъ войскъ, ибо если дать ему въ томъ волю, то онъ легко сокрушитъ Швецію, и потомъ не только можетъ отобрать Азовъ, но черезъ Польшу опять вступить внутрь турецкихъ владѣній. Петръ не хотѣлъ возобновленія войны съ Турціею, хотя въ письмахъ къ своимъ признавался, что плакалъ, помышляя о необходимости отказаться отъ береговъ Азовскаго моря, что какъ бы не своею рукою писалъ указъ объ отдачѣ Азова и срытіи Таганрога. «Но разсудить надлежитъ,—писалъ онъ,—что съ двумя непріятелями такими не весьма отчаянно войну вести и упустить сію шведскую войну, которой конецъ уже близокъ является; сохрани, Боже, ежелибъ въ обѣихъ войнахъ пребывая, дождались французскаго мира (т. е. окончанія войны за испанское наслѣдство), тобъ вездѣ потеряли; правда, зѣло скорбно, но лучше изъ двухъ волъ легчайшее выбрать». Наконецъ, миръ съ турками былъ заключенъ въ 1713 году. Война, оконченная этимъ миромъ, имѣетъ то значеніе въ исторіи, что въ ней восточный вопросъ впервые сталъ славянскимъ вопросомъ: Петръ спѣшилъ къ Дунаю, чтобы помочь христіанскому народонаселенію Турціи и взаимно получить отъ него помощь. Черногорцы поднялись, но по отдаленности мѣста ихъ дѣйствій, не могли, разумѣется, оказать помощи русскому войску. Извѣстіе о заключеніи мира при Прутѣ прекратило черногорскую войну. Терпя постоянно большой недостатокъ въ деньгахъ, при громадныхъ издержкахъ, Петръ велѣлъ выдать Милорадовичу 500 червонныхъ для раздачи его сподвижникамъ. Въ 1715 году пріѣхалъ въ Россію черногорскій владыка Даниилъ и получилъ 10,000 рублей, полное архіерейское облаченіе, книги; начальныя черногорцы получили 160 медалей на 1,000 червонныхъ. Въ царской грамотѣ говорилось, что эти награды не по достоинству, не по заслугамъ, но больше дать нельзя, потому что война съ еретикомъ, королемъ шведскимъ, поглощаетъ всѣ доходы. Съ этихъ поръ начинается пріемъ славянъ и другихъ христіанъ восточнаго исповѣданія въ русскую службу. Такъ вступилъ въ русскую службу Милорадовичъ и сдѣланъ былъ гадацкимъ полковникомъ въ Малороссіи; кромѣ него вступили въ русскую службу другіе сербскіе, молдавскіе и валахскіе офицеры и рядовые, турецкіе и австрійскіе подданные. Ихъ размѣстили въ Бѣвской и Азовской губерніяхъ, полковникамъ дано по мѣстечку или по знатному селу, прочимъ офицерамъ по нѣскольку дворовъ, на хозяйственное обзаведеніе даны деньги и хлѣбъ; имъ дано право перезывать къ себѣ еще людей изъ своихъ народовъ и обѣщаны другія земли. Петръ такъ сознавалъ важность связи своего народа съ народами соплеменными, что счелъ своею обязанностью дѣлиться съ ними послѣднимъ кускомъ, какъ говорится. Сербскій архіепископъ Моисей Петровичъ пріѣхалъ въ Россію и привезъ отъ своего народа просьбу, въ которой сербы, величая Петра новымъ Птоломеемъ, умоляли прислать двоихъ учителей, латинскаго и славянскаго языковъ, также книгъ церковныхъ: «Будь намъ второй апостолъ, просвѣти и насъ, какъ просвѣтилъ своихъ людей, да не скажутъ враги наши: гдѣ ихъ Богъ?» Петръ велѣлъ отправить богослужебныхъ книгъ на 20 церквей, 400 букварей, сто грамматикъ. Отправлены были и учителя съ большимъ

по тогдашнему времени жалованьемъ; отправлены были русскіе учителя, когда сама Россія имѣла ихъ такъ мало...

XXXV. ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ СѢВЕРНОЙ ВОЙНЫ И НИШТАДТСКІЙ МІРЬ.

(Изъ соч. Костомарова: «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей». Выпускъ VI.)

По окончаніи военныхъ дѣйствій противъ турокъ, театръ Сѣверной войны нѣкоторое время сосредоточивался въ Помераніи и Финляндіи. Русскій царь дѣйствовалъ съ своими первоначальными союзниками, датскимъ и польскимъ королями, а король прусскій колебался между двумя враждебными сторонами, впрочемъ, стараясь показывать наиболѣе дружеское расположеніе къ царю. Шведское войско въ Помераніи и вообще на южномъ побережьи Балтійскаго моря состояло подъ главной командой генерала Штейнбока. Самъ царь лично предводительствовалъ противъ него своимъ войскомъ, 12 февраля 1713 года напалъ на шведовъ при Фредерикштадтѣ, нанесъ имъ пораженіе и взялъ этотъ городъ. Штейнбокъ двинулся въ Голштинію, которая находилась тогда во владѣніи несовершеннолѣтняго Карла Фридриха. Этотъ молодой герцогъ состоялъ подъ опекой своего дяди, любскаго епископа, который носилъ титулъ администратора голштинскаго герцогства. Штейнбокъ заключилъ съ этимъ администраторомъ договоръ, которымъ администраторъ давалъ право шведскому войску укрыться въ замкѣ Тоннингенѣ, а Штейнбокъ отъ имени своего короля обязывался вознаграждать герцога за всякія потери, которыя причинилъ бы Голштиніи датскій король, когда бы послѣдній открылъ военныя дѣйствія.

Послѣ отхода Штейнбока къ Тоннингену, Петръ поручилъ вести войну датскому королю, давъ ему въ помощь русскій отрядъ подъ командой Меншикова, а самъ намѣревался воевать противъ шведовъ въ Финляндіи. Возвращаясь въ Россію, Петръ захватилъ сначала къ ганноверскому курфюрсту, а потомъ къ молодому прусскому королю, только что вступившему на престолъ послѣ смерти своего отца. Петру не удалось втянуть въ Сѣверную войну прусскаго короля; послѣдній слѣдовалъ политикѣ своего родителя, увѣрялъ Петра въ дружбѣ къ нему, но не хотѣлъ явно становиться во вражду съ Швеціей и наблюдалъ, чтобы обстоятельства доставили ему случай извлечь пользу изъ этой войны безъ большихъ усилій съ его стороны. Вернувшись въ Петербургъ, царь лѣтомъ 1713 года съ 12,000 войска поплылъ къ берегамъ Финляндіи, присталъ къ Гельсингфорсу, прогналъ оттуда шведскаго генерала Любекера и поручилъ, вмѣсто себя, вице-адмиралу Апраксину продолжать войну въ Финляндіи. Въ концѣ августа русскіе овладѣли столицею Финляндіи Або, покинутою и шведскимъ войскомъ, и жителями, а въ октябрѣ того же года Апраксинъ и генералъ Голицынъ разбили шведскаго генерала Армфельда близъ Тамерфорса, и вся почти Финляндія очутилась въ рукахъ русскихъ.

Между тѣмъ, князь Меншиковъ, оставленный Петромъ на южномъ побережьи Балтійскаго моря съ русскимъ войскомъ въ помощь датскому королю, сошелся съ голштинскимъ министромъ Герцомъ, которому суждено было играть важную рольъ въ дипломатіи по вопросу объ окончаніи Сѣверной войны. Герцъ представилъ Меншикову проектъ о тѣсномъ союзѣ голштейнъ-готторпскаго дома съ Россією. Этотъ союзъ, по его предположенію, долженъ былъ утвердиться бракомъ молодого герцога съ царевною Анною, дочерью царя Петра. Вмѣстѣ съ тѣмъ Герцъ подалъ планъ склонить шведскихъ комендантовъ, начальствовавшихъ надъ городами Помераніи, отдать ихъ въ секвестръ прусскому королю и голштинскому администратору. Послѣдній планъ понравился Петру, потому что давалъ ему надежду втянуть прусскаго короля въ войну противъ Швеціи, чего давно уже хотѣлось русскому царю. Штейнбокъ сдался союзникамъ военноплѣннымъ въ Тонингенъ, а Меншиковъ принялся осаждать Штетинъ, гдѣ шведскимъ комендантомъ былъ генералъ Мейерфельдъ. Прусскій король охотно готовъ былъ овладѣть Штетиномъ подъ видомъ отдачи ему этого города въ секвестръ, по мысли, брошенной Герцомъ, но помогать явно Меншикову своею артиллерією онъ не рѣшался. 19-го сентября 1713 года Мейерфельдъ сдалъ Штетинъ, а Меншиковъ передалъ этотъ городъ, вмѣстѣ съ другими доставшимися городами, въ секвестръ прусскому королю и голштинскому администратору, какъ условлено было съ Герцомъ. Датскій король былъ очень недоволенъ этимъ, главное за то, что взятыя у шведовъ города отдавались подъ секвестръ не одному прусскому королю, а еще и голштинскому администратору; датскій же король считалъ голштинскій дворъ, по его родственной близости съ шведскимъ королемъ, на шведской сторонѣ. Но, если русскій царь рассчитывалъ на отдачу въ секвестръ померанскихъ городовъ Пруссіи, въ видахъ затянуть Пруссію въ войну противъ шведовъ, то явные и тайные враги Россіи рассчитывали на то же обстоятельство, чтобъ искутить прусскаго короля возможностью, помимо Россіи, прибрѣсти Померанію себѣ въ вѣчное владѣніе, и надѣялись вооружить его противъ Петра. Франція прямо подущала прусскаго короля противъ русскаго царя; Англія собственно имѣла въ виду то же, но дѣйствовала по наружности миролюбивѣе, предлагая посредничество для прекращенія Сѣверной войны. Герцъ, между тѣмъ, черезъ посредство другого голштинскаго министра, Бассевича, старался расположить царя Петра къ своимъ видамъ и предлагалъ, кромѣ брака молодого герцога съ царскою дочерью, еще доставить молодому герцогу шведскую корону по смерти Карла XII, а чтобъ расположить царя къ этой мысли, соглашался на важныя уступки Россіи отъ Швеціи. Ближайшая цѣль Герца была поскорѣе разсорить Петра съ датскимъ королемъ, съ которымъ, какъ онъ замѣчалъ, уже не ладилось у русскаго царя; но это намѣреніе никакъ не удавалось на первыхъ порахъ голштинскому дипломату. Царь, дѣйствительно, былъ очень недоволенъ датскимъ королемъ за медленные дѣйствія въ войнѣ, но не хотѣлъ съ нимъ рѣшительно ссориться, а грозилъ издалека Даніи для того только, чтобъ заставить ее помогать ему живѣе противъ шведовъ. Датскій король не двигался весь 1714 годъ, а прусскій думалъ только забирать подъ свою власть шведскіе города безъ войны. Такое желаніе заявлялъ и курфюрстъ ганно-

верскій, ставши по смерти королевы Анны англійскимъ королевъ: онъ возмимѣлъ притязаніе присвоить себѣ Бременъ и Верденъ. Такимъ образомъ, много было охотниковъ ловить въ мутной водѣ рыбу и дѣлать пріобрѣтенія на счетъ Швеціи, но вести войну со Швеціей приходилось одному Петру. И Петръ велъ ее всю весну и лѣто 1714 года. Генералъ, князь Голицынъ, снова разбилъ Арифельда, затѣмъ виборгскій губернаторъ, полковникъ Шуваловъ, въ іюнѣ покорилъ крѣпость Нишлотъ. Но самымъ блестящимъ дѣломъ русскихъ была морская побѣда при Гангудѣ, одержанная подъ начальствомъ самого Петра: тамъ шведы потеряли 936 человекъ убитыми, 577 плѣнными; шведскіе корабли со 116 пушками были взяты и привезены въ Ревель. Вслѣдъ за этой побѣдой, царь съ 16 тысячами войска присталъ къ Аландскимъ островамъ и овладѣлъ тамошними укрѣпленіями и портомъ; отсюда недалеко уже было до Стокгольма; въ шведской столицѣ распространился всеобщій страхъ: адмиралъ Ватрангъ готовился защищать входъ въ стокгольмскій портъ. Наступившая осень не дозволила Петру отвязаться съ сдѣлать на шведскую столицу нападеніе. Русскій царь возвратился въ Петербургъ, устроилъ себѣ торжественный въѣздъ, принималъ отъ своихъ сенаторовъ и иностранныхъ министровъ поздравленія съ побѣдами, получалъ чинъ вице-адмирала и пировалъ во дворцѣ Меншикова.

Между тѣмъ, въ ноябрѣ того же 1714 г., Карлъ XII, убѣжавшій изъ турецкихъ владѣній, явился въ Штральзундѣ, въ Помераніи. Явленіе Карла подогрѣло упавшій въ его отсутствіе духъ шведскаго войска, но вмѣстѣ съ тѣмъ не содѣйствовало ходу дѣлъ къ примиренію. Карлъ не хотѣлъ утверждать договора объ отдачѣ Штетина прусскому королю въ секвестръ, не хотѣлъ воздерживаться отъ враждебныхъ дѣйствій противъ датчанъ и саксонцевъ внутри нѣмецкой имперіи, не хотѣлъ признавать уступки Бремена ганноверскому курфюрсту; Карлъ, наконецъ, возбуждалъ смятеніе въ Германіи, впутывая въ союзъ съ собой ландграфа гессенъ-кассельскаго, котораго сынъ былъ женатъ на сестрѣ Карла XII, Ульрихъ-Элеонорѣ. Пруссскій король, уклонявшійся до сихъ поръ отъ войны, увидалъ, что не получалъ желаемыхъ пріобрѣтеній однимъ дипломатическимъ путемъ, безъ войны; онъ вступилъ тогда въ открытый союзъ противъ шведовъ и отправился съ войскомъ осаждать Штральзундъ, куда также прибылъ датскій король. Пруссскій король показывалъ видъ, что защищаетъ нейтральность нѣмецкой имперіи и всѣхъ принадлежащихъ ей владѣній; дѣло секвестраціи представлялъ такъ, какъ-будто онъ соглашался на нее единственно изъ желанія сохранить миръ въ нѣмецкой имперіи, а шведскаго короля выставялъ врагомъ всеобщаго мира, вносившимъ войну въ нѣдра имперіи. Въ заключеніе всего, прусскій король по этому дѣлу изъявлялъ согласіе безкорыстно подчиниться приговору, какой положить императоръ и соединенные чины имперіи. И Англія стала-было въ угрожающее положеніе къ Швеціи; она отправила свой флотъ въ Балтійское море, хотя съ порученіемъ охранять англійскіе купеческіе корабли, а не дѣйствовать враждебно противъ шведскаго флота.

Датскій и прусскій короли, приступивъ къ Штральзунду, добивались присылки русскаго войска; однако осада Штральзунда шла дѣломъ лѣто и осень 1715 года, а русское войско не подходило къ союв-

никамъ и стояло тогда въ Польшѣ подъ начальствомъ фельдмаршала Шереметева, готовое вступить въ дѣло для защиты польскаго короля Августа II противъ его подданныхъ.

12 декабря Штральзундъ сдался. Тогда Карлъ XII едва спасся въ маленькой лодкѣ съ 10 человекъ и убѣжалъ въ Карлскрону, гдѣ всю зиму занимался наборомъ свѣжихъ силъ для продолженія войны.

6 февраля 1716 года, Петръ отправился за границу вмѣстѣ съ Екатериною и, достигши Данцига, остановился тамъ до конца апрѣля. Здѣсь онъ получилъ пріятную вѣсть о сдачѣ Каэнбурга въ Финляндіи, послѣдняго города, находившагося еще въ этой странѣ въ рукахъ шведовъ. Въ Данцигѣ русскій царь совершилъ бракосочетаніе своей племянницы, Екатерины Іоанновны, съ мекленбургскимъ герцогомъ. Къ этой свадьбѣ прибылъ и польскій король, нѣкогда бывшій задушевленнымъ другомъ Петра, но со времени Альтранштадтскаго мира находившійся съ нимъ въ натянутыхъ отношеніяхъ. Петръ наружно помирился съ Августомъ; по случаю свадебныхъ торжествъ оба государя давали другъ другу пиршества; но уже прежней дружбы между ними не было, потому что не стало взаимной довѣрчивости.

Въ началѣ мая царь выѣхалъ изъ Данцига, повидался сначала съ прусскимъ королемъ въ Штетинѣ, съѣхался съ датскимъ въ Альтонѣ: тутъ между русскимъ и датскимъ государями было условлено сдѣлать высадку въ шведскую провинцію Шонію и тѣмъ принудить Карла XII выступить изъ принадлежавшей датской коронѣ Норвегіи, куда онъ тогда проникъ, приближаясь къ столицѣ этой страны, Христианіи. Мѣсто соединенія сухопутныхъ и морскихъ силъ обоихъ государей назначили въ Копенгагенѣ. Послѣ свиданія въ Альтонѣ, Петръ уѣхалъ въ Пирмонтъ лечиться тамошними водами, а къ іюлю явился въ Мекленбургѣ въ Ростокѣ, куда прибыло сорокъ пять русскихъ галеръ. Фельдмаршалъ Шереметевъ пришелъ изъ Польши съ восемью тысячами войска, еще вступило въ мекленбургскія владѣнія другое русское войско подъ начальствомъ генераловъ Репнина и Боура. Взявши подъ личную команду свой галерный флотъ, 17-го іюля царь прибылъ къ Копенгагену, встрѣченъ былъ на рейдѣ датскимъ королемъ и вмѣстѣ съ нимъ вступилъ въ его столицу. Черезъ нѣсколько дней туда же прибыла царица Екатерина. Въ ожиданіи приготовленій къ высадкѣ, Петръ пробылъ въ Копенгагенѣ три мѣсяца, почти каждый день катался по морю, осматривалъ берега Даніи и Швеціи, измѣривалъ глубину моря и чертилъ морскія карты. Это не препятствовало ему удѣлять время на посѣщенія академіи, учебныхъ заведеній и на бесѣду съ учеными людьми. Прибыла между тѣмъ англійская эскадра для взаимнаго дѣйствія съ Даніей. Все лѣто прошло понапрасну, къ большой досадѣ Петра. Мекленбургскій герцогъ, зять Петра, находился тогда во враждѣ съ дворянами своего государства; послѣдніе съѣхались въ Копенгагенѣ и возстановляли датскаго короля противъ Петра; они объясняли поступки русскаго царя хитростью, бросали подозрѣніе, что Петръ сносится со Швеціей. Уже датчане готовились нападать на русскія галеры; но до междоусобной войны у союзниковъ не дошло.

Зимой Петръ отправился въ Голландію, прожилъ нѣсколько времени въ Амстердамѣ, занялся тамъ осмотромъ всего, что относилось къ мореходству и торговлѣ, обозрѣвалъ съ любопытствомъ корабельную ма-

стерскую, адмиралтейство, запасные магазины остъ-индской компаніи и заведенія знатнѣйшихъ негоціантовъ. Изъ Амстердама, въ мартѣ, царь съ царицею прибылъ въ Гаагу, остановился въ помѣщеніи русскаго посла, князя Куракина; тамъ ему оказанъ былъ почетъ отъ представителей Соединенныхъ Нидерландскихъ Штатовъ, но тутъ же, въ началѣ апрѣля 1717 года, ему пришло неприятное извѣстіе. Въ Англіи открыли заговоръ, тайно руководимый голштинскимъ министромъ, бареномъ Гердомъ, и графомъ Гилленборгомъ, находившимся въ Лондонѣ въ качествѣ чрезвычайнаго посла шведскаго короля. Датскій дворъ прислалъ въ Англію письма Гилленборга, отысканныя на взятомъ въ Норвегін шведскомъ кораблѣ. Гилленборгъ былъ арестованъ въ Лондонѣ, захвачены были всѣ его бумаги и, по требованію англійскаго короля, голландскіе штаты арестовали находившагося въ Голландіи барона Герца и молодаго сына Гилленборгова. Бумаги ихъ были не только захвачены, но немедленно опубликованы: оказывалось, что у нихъ было тайное намѣреніе произвести въ Англіи возмущеніе, съ цѣлью низвергнуть ганновскую династію съ англійскаго престола и возвести претендента изъ дома Стюартовъ; Карлъ XII готовился сдѣлать высадку въ Англію съ 10,000 пѣхоты, 4,000 конницы и съ значительнымъ запасомъ артиллеріи. Изъ тѣхъ же бумагъ видно было, что заговорщики рассчитывали на русскаго царя и старались подѣйствовать на него черезъ его домашняго медика, шотландца Эрскина. Послѣдній, какъ доискались англичане, писалъ къ англійскому лорду Мару, что царь готовъ помириться съ шведскимъ королемъ и желаетъ помогать ему въ предпріятіи возвести претендента на престолъ. Петръ, узнавши о томъ, что говорить о немъ въ Англіи, приказалъ своему посланнику Веселовскому подать англійскому королю и напечатать отъ имени царя меморіалъ: въ немъ русскій государь оправдывался отъ вводимаго на него обвиненія, указывалъ на очевидную негѣпость такого вымысла, приводилъ, что Россіи не можетъ быть никакой выгоды вступить въ союзъ со шведскимъ королемъ противъ англійскаго, сообщалъ, что докторъ Эрскинъ, находясь 13 лѣтъ въ службѣ, не употреблялся ни къ какимъ государственнымъ совѣтамъ, а зналъ только свою спеціальность. Самъ Эрскинъ послалъ отъ себя англійскому правительству письменное оправданіе. Веселовскому отвѣчали на его меморіалъ, что довѣряютъ объясненію русскаго государя, однако требовали, чтобы царь вывелъ свои войска изъ Мекленбургскаго герцогства. Тѣмъ и пресѣклось это недоразумѣніе съ Англіей.

Въ началѣ апрѣля 1717 года, Петръ выѣхалъ изъ Гааги и отправился черезъ Брюссель и Гентъ во Францію.

Будучи въ Парижѣ, царь заключилъ дружественный договоръ съ Франціей, заключивши въ этотъ договоръ и прусскаго короля, и въ угоду Франціи далъ обѣщаніе вызвать свои войска изъ Мекленбурга, а 2-го августа (новаго стиля) пріѣхалъ въ Амстердамъ, гдѣ царица Екатерина съ нетерпѣніемъ ожидала его возврата.

Баронъ Герцъ освободился изъ-подъ ареста и въ Амстердамѣ началъ переговоры съ царемъ при посредствѣ Понятовскаго. Герцъ обѣщалъ, что шведскій король пошлетъ своихъ уполномоченныхъ въ Финляндію, а по заключеніи договора самъ пожелаетъ видѣться съ царемъ. И царь желалъ уже прекращенія войны съ Карломъ: война эта ста-

вила ему препятствіе къ занятіямъ внутренними дѣлами государства; Петръ объявилъ Герцу черезъ Куракина, что съѣздъ уполномоченныхъ долженъ начаться черезъ два или три мѣсяца на Аландскихъ островахъ; Герцъ съ этимъ отвѣтомъ уѣхалъ въ Швецію. По его убѣжденіямъ и Карлъ склонился къ мысли о мирѣ и союзѣ съ Россією. Шведскій король ненавидѣлъ и презиралъ остальныхъ своихъ враговъ; но Петра, какъ личность, онъ не могъ презирать, и потому съ нимъ однимъ способенъ былъ вступать въ переговоры, какъ равный съ равнымъ. Петръ имѣлъ причину быть также мало довольнымъ своими союзниками, датскимъ и польскимъ королями, и готовъ былъ предпочесть отдѣльный миръ съ давнимъ врагомъ вялому союзу съ союзниками, всегда способными измѣнить ему.

19-го сентября царь прибылъ въ Берлинъ; пробывши въ Берлинѣ три дня, царственная чета черезъ Данцигъ вернулась въ Петербургъ послѣ шестнадцати-мѣсячнаго путешествія за границую. Царь черезъ своихъ министровъ сообщилъ прусскому королю, что онъ намѣренъ сноситься съ Швеціей о мирѣ, но будетъ сохранять интересъ своего союзника, прусскаго короля, и не заключитъ миръ до тѣхъ поръ, пока Пруссія не получитъ Штетина съ округомъ.

Въ ноябрѣ Герцъ, возвратившійся изъ Швеціи, далъ знать въ Петербургъ, что Карлъ XII вышлетъ своихъ уполномоченныхъ, какъ скоро получитъ извѣстіе; что царскіе уполномоченные уже находятся въ Финляндіи. Петръ назначилъ отъ себя уполномоченными: генераль-фельдцейхмейстера Брюса и тайнаго совѣтника Остермана. Государь велѣлъ Брюсу объявить министрамъ союзниковъ—прусскому, польскому, ганноверскому и датскому, что, по предложенію шведскаго короля, царь съ своей стороны посылаетъ уполномоченныхъ, но не вступить въ окончательный договоръ безъ согласія съ союзниками.

Въ маѣ начались конференціи на одномъ изъ Аландскихъ острововъ. Россія требовала уступки Ингрія, Ливоніи, Эстляндіи, также города Выборга въ Финляндіи, остальное же великое княжество Финляндское до рѣки Кюмени уступала шведскому королю, предлагая между Швеціей и Россією свободу торговли и мореплаванія. Для своихъ союзниковъ царь ставилъ такія условія: оставить короля Августа въ полномъ обладаніи польскимъ престоломъ, а прусскому королю уступить Штетинъ съ его округомъ; Даніи и Англіи Петръ предоставлялъ только право приступить къ трактату, замѣчая, что датскій король долженъ возвратитъ всѣ завоеванія, доставшіяся ему въ послѣднее время отъ Швеціи и приобрѣсти въ иномъ мѣстѣ земли. Шведскіе уполномоченные требовали возвращенія всего завоеваннаго. Потомъ начали говорить объ эквивалентѣ, т. е. о вознагражденіи иными способами уступленнаго Швеціей Россіи. Остерманъ, по приказанію Петра, заявилъ, что Россія не можетъ давать никакого эквивалента изъ принадлежащихъ ей земель, но не откажетъ въ помощи Швеціи, если послѣдняя начнетъ искать себѣ эквивалента въ чужихъ земляхъ. Герцъ, оставивши конференцію, лѣтомъ въ 1718 году ѣздилъ въ Стокгольмъ для сношенія съ своимъ королемъ и, возвратившись на Аландскіе острова, сталъ податливѣе къ уступкамъ, но объявилъ о непрѣмномъ желаніи своего короля утвердить Станислава Лещинскаго на польскомъ престолѣ, а для вознагражденія Швеціи за уступаемыя Россіи земли Герцъ предполагалъ при-

соединить къ Швеціи мекленбургскія земли, давши мекленбургскому герцогу какое-нибудь иное владѣніе. Петръ готовъ былъ пожертвовать Августомъ, который въ своихъ прежнихъ отношеніяхъ къ своему союзнику показалъ достаточно вѣроломства. Въ сентябрѣ русскіе уполномоченные узнали, что въ Стокгольмѣ существуетъ сильная партія, удерживающая короля отъ уступокъ,—партія, чернившая Герца обвиненіями въ продажничествѣ во вредъ королевскимъ интересамъ. Герцъ, чтобы разсвѣять сомнѣнія противъ себя и доказать свою преданность Швеціи, просилъ Петра освободить плѣннаго шведскаго генерала Реншильда. Петръ согласился съ тѣмъ, чтобы шведы освободили двухъ плѣнныхъ русскихъ генераловъ—Головина и князя Трубецкаго. Остерманъ, человекъ хитрый, понималъ слабую сторону враговъ, съ которыми велъ переговоры, понималъ и всѣхъ сосѣдей, которыхъ дѣла соприкасались съ Сѣверной войной. «Король шведскій», писалъ онъ Петру, «человѣкъ, повидимому, не въ совершенномъ разумѣ; ему—лишь бы съ кѣмъ-нибудь драться. Швеція вся разворена, и народъ хочетъ мира. Королю придется съ войскомъ куда-нибудь выступить, чтобы на чужой счетъ его кормить; онъ собирается въ Норвегію. Ничто такъ не принудитъ Швецію къ миру, какъ разореніе, которое причинило бы русское войско около Стокгольма. Король шведскій, судя по его отвагѣ, долженъ быть скоро убитъ; дѣтей у него нѣтъ, престолъ сдѣлается спорнымъ между партіями двухъ германскихъ принцевъ: гессенъ-кассельскаго и голштинскаго; чья бы сторона ни одержала верхъ, она будетъ искать мира съ вашимъ величествомъ, потому что ни та, ни другая не захочетъ ради Лифляндіи или Эстляндіи потерять своихъ нѣмецкихъ владѣній».

Зимой Герцъ опять уѣхалъ въ Стокгольмъ; къ концу декабря ждали его возвращенія на Аландъ, но вмѣсто него прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что Карлъ XII, 30-го ноября, убитъ при осадѣ Фридрихсгаля въ Норвегіи. Предсказаніе Остермана сбылось: въ Швеціи тотчасъ же возникли двѣ партіи—одна желала дать престолъ младшей сестрѣ Карла XII, Ульрикѣ-Элеонорѣ, бывшей въ замужествѣ за гессенъ-кассельскимъ принцемъ; другая держалась молодого герцога голштинскаго. Первая взяла верхъ: Герцъ и его земляки голштинцы, въ послѣднее время получившіе сильное вліяніе на Карла XII, были арестованы. Но возникла еще и третья партія, дворянско-либеральная; она хотѣла воспользоваться неясностью правъ на престолъ и находила удобное время для ограниченія королевскаго самодержавія въ Швеціи. Эта партія готова была отдать престолъ тому, кто больше сдѣлаетъ уступокъ. Нерѣшительный и неопытный голштинскій герцогъ не воспользовался временемъ; тотчасъ послѣ смерти Карла XII, онъ могъ-бы привлечь на свою сторону войско и заставить провозгласить себя королемъ, но не сдѣлалъ этого. Тетка предупредила его; она дала сенату обѣщаніе ограничить королевскую власть и получила корону въ мартѣ 1719 года. Голштинскій герцогъ уѣхалъ изъ Швеціи. Либералы, ненавидѣвшіе Герца, какъ чужеземца, постарались погубить голштинскаго дипломата. Онъ былъ казненъ отрубленіемъ головы въ Стокгольмѣ.

Ульрика-Элеонора, однако, не отказалась продолжать переговоры съ царемъ и отправила новыхъ уполномоченныхъ. Шведскіе уполномоченные измѣнили тонъ и начали поугубивать русскихъ уполномоченныхъ возможностью приступить къ болѣе выгоднымъ для Швеціи соглаше-

ніямъ съ другими соперничающими державами. Но проникательный Остерманъ не поддакъ на эти запугиванія; онъ понималъ хорошо состояніе дѣлъ въ Швеціи. «Швеція», писалъ онъ царю, «дошла до такого состоянія, что ей болѣе всего необходимъ миръ и особенно съ царскимъ величествомъ, какъ сильнѣйшимъ непріателемъ; съ кѣмъ-бы другимъ шведы ни заключили мира—это не спасетъ ихъ отъ войны съ Россіей, а другія державы, войдя со шведами въ союзъ, при всемъ недоброжелательствѣ къ Россіи, не стануть проливать кровь своихъ подданныхъ и губить свою торговлю ради того, чтобы Швеція возвратилась была Лифляндія. Если-бы теперь царь нанесъ пуще раззореніе обнищавшей Швеціи, то этимъ-бы принудилъ шведское правительство къ миру». Остерманъ въ переговорахъ съ шведскими уполномоченными стоялъ твердо на уступкѣ Россіи Эстляндіи, Лифляндіи, Ингерманландіи, Выборга и части Карелии со включеніемъ крѣпости Кексгольма, соглашаясь со стороны Россіи заплатить въ продолженіе двухъ лѣтъ милліонъ рублей. Швеція между тѣмъ примирилась съ курфюрстомъ ганноверскимъ, уступивши ему Бременъ и Верденъ, пыталась склонить къ особому миру и прусскаго короля.

Такъ дотянулось до іюля 1719 года. Тогда, по настоянію Остермана, царь снарядилъ флотъ, подъ начальствомъ адмирала Апраксина, изъ 30 военныхъ кораблей, 130 галеръ и значительнаго числа малыхъ судовъ; онъ послалъ на немъ войско подъ начальствомъ генераль-маіора Ласси, для высадки въ Швецію. Между тѣмъ, въ Балтійское море вошла англійская эскадра, командуемая адмираломъ Норрисомъ, подъ видимымъ предлогомъ охранять англійскую торговлю, но на самомъ дѣлѣ, какъ справедливо подозрѣвалъ Петръ,—въ помощь Швеціи въ случаѣ нужды противъ Россіи. Петръ прямо написалъ объ этомъ Норрису, стывшему съ своею эскадрою на копенгагенскомъ рейдѣ. Англійскій адмиралъ въ своемъ отвѣтѣ русскому царю изъявлялъ удивленіе, что царь имѣетъ такіа подозрѣнія. Петръ остался при своемъ подозрѣніи, но не показалъ страха передъ англійскимъ королемъ, твердый въ намѣреніи принудить Швецію къ миру своими военными дѣйствіями. Петръ издалъ манифестъ, въ которомъ главною причиною войны Россіи со Швеціей выставлялось событіе въ Ригѣ, когда шведскій губернаторъ, графъ Дальбергъ, оскорбилъ русскаго царя, не допустивъ его осматривать городскія укрѣпленія. Петръ указалъ на свое миролюбіе, съ которымъ онъ въ послѣднее время согласился начать переговоры съ Карломъ XII, но жаловался, что, по смерти Карла XII, шведская корона не показываетъ прежней склонности къ миру, напротивъ, жаждетъ войны, нарочно предъявляетъ такіа требованія, на которыя Россія не можетъ согласиться, и въ то же время ищетъ враждебныхъ для Россіи союзовъ съ другими государствами; это обстоятельство побуждаетъ царя съ Божьей помощью внести войну въ сердце шведскаго королевства.

Война началась и велась очень опустошительнымъ образомъ. Русскіе плавали по шкерамъ вдоль шведскаго берега, нападали въ разныхъ мѣстахъ на города и селенія, не щадили ни государственный, ни частнаго достоянія, а болѣе всего старались раззорять шведскіе рудники и заводы, составлявшіе важнѣйшее богатство Швеціи. Такъ, на сѣверномъ берегу раззорили они Фурстенаръ и Ортугу, а 7-го августа 5,000 русскихъ напали на важнѣйшій шведскій заводъ въ Лоштѣ, захватили

тамъ 13,000 тоннъ жѣлѣза на свои суда, а всѣ заведенія и постройки уничтожили. На всѣхъ шведскихъ заводахъ русскіе находили такое множество жѣлѣза, что не въ силахъ были наполнить имъ свои суда и бросали въ море. Они истребляли повсюду хлѣбное зерно, убивали и угоняли скотъ и лошадей, уводили плѣнниковъ, перебили множество обезоруженнаго народа, не успѣвшаго спастись бѣгствомъ. Апраксинъ истребилъ шесть большихъ городовъ, болѣе сотни дворянскихъ усадебъ, 826 деревень, три мельницы и десять магазиновъ, разорилъ два мѣдныхъ и пять жѣлѣзныхъ заводовъ. Генералъ-маіоръ Ласси, съ своей стороны, сжегъ два города, двадцать одну владѣльческую усадьбу, 535 сель и деревень, сорокъ мельницъ, шестнадцать магазиновъ и девять жѣлѣзныхъ заводовъ, въ числѣ которыхъ были такіе богатые, что шведы предлагали 300,000 рейхсталеровъ за спасеніе отъ ихъ разоренія. Знаменитый мануфактурный городъ Норчепингъ преданъ былъ пламени самими жителями, лишь бы не достался неприятелю. Самому Стокгольму угрожала опасность: 27-го іюля казаки достигали до Вестергалинга, въ четырехъ миляхъ отъ столицы. Мужъ королевы выступалъ противъ русскихихъ, но не сдѣлалъ имъ никакого зла; они разоряли шведскіе берега налетомъ, появляясь и исчезая то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ.

Въ сентябрѣ прекратились нападенія; у шведовъ вся надежда была на англійскую помощь адмирала Норриса, но онъ, не имѣя повѣренія своего короля, не рѣшался начинать непріязненныхъ дѣйствій противъ русскихихъ.

Послѣ военной прогулки русскаго флота по шведскимъ берегамъ, царь послалъ въ Стокгольмъ подъ бѣлымъ флагомъ Остермана, надѣясь, что, испытавши разореніе, Швеція станетъ податливѣе. Шведская королева, ея супругъ и шведскіе аристократы показали тогда видъ раздраженія, говорили, что теперь, послѣ нанесенныхъ русскими опустошеній, миръ заключить трудно, чѣмъ прежде. Остерманъ этимъ не обманулся и сказалъ одному шведскому аристократу: «если у насъ съ вами будетъ война, то настоящая ваша форма правленія не долго простоятъ, и дѣло окончится народнымъ восстаніемъ». Его увѣряли, что весь народъ не хочетъ мира. «Сегодня не хочеть, завтра горячо захочеть»,—сказалъ Остерманъ:—«народъ непостоянень», Королева, подвигаемая дворянствомъ, разсерженнымъ на Россію, приказала Лиенстедту уѣхать съ Аландскихъ острововъ. Итакъ, конгрессъ былъ порванъ въ сентябрѣ 1719 года.

Послѣ прерванія аландскихъ трактатовъ, нѣсколько времени Англія своими дипломатическими интригами препятствовала примиренію Швеціи съ Россією. Она успѣла примирить со Швеціей прусскаго короля, гарантировавъ для него обладаніе Штетиномъ. Въ іюнѣ 1720 года, также по ходатайству Англіи, подписанъ былъ мирный договоръ Швеціи съ Данією. Опасеніе на счетъ согласія Петра съ планами Герца—нивергнуть короля Георга и возвести на его мѣсто претендента изъ дома Стюартовъ—заставило англійскаго короля смотрѣть на Петра, какъ на своего тайнаго врага. Въ 1720 году на балтійскихъ водахъ опять появился англійскій флотъ. Петръ не испугался этой эскадры и въ виду ея снова готовился разорять шведскіе берега.

Въ это время въ Швеціи Ульрика-Элеонора уступила престолъ своему супругу, герцогу гессенъ-кассельскому. Новый король прислалъ въ

Петербургъ своего адъютанта, Виртенберга, извѣстить о своемъ вступленіи на престолъ и изъявить надежду на будущій миръ и союзъ. Петръ показывалъ этому посланцу свое адмиралтейство и познакомилъ его со всѣми приготовлениями къ предполагаемому новому походу русскихъ на Швецію. Въ августѣ царь выслалъ эскадру подъ начальствомъ князя Голицына, который счастливо привелъ въ Петербургъ четыре шведскихъ фрегата, взятыхъ въ плѣнъ съ значительнымъ числомъ людей. Постоянный любитель всякихъ торжествъ, Петръ и по этому поводу устроилъ въ Петербургѣ праздникъ, одарилъ щедро участвовавшихъ въ войнѣ русскихъ моряковъ, и самому Голицыну далъ саблю, осыпанную брилліантами; потомъ царь отправилъ въ Стокгольмъ своего генералъ-адъютанта Румянцева съ предложеніемъ: размѣнять плѣнныхъ и заключить перемиріе на зимнее время. Шведскіе министры не сошлись въ этомъ съ Румянцевымъ, хотя и приняли его почтительно и радушно. Въ началѣ 1721 года явился въ Петербургъ французскій посланникъ Кампредонъ, бывшій до того времени посланникомъ въ Стокгольмѣ. Онъ привезъ въ Россію предложеніе посредничества Франціи между Россією и Швецією. Царь согласился. Французскій посредникъ сначала попытался было предлагать годичное перемиріе. Петръ сразу отвергъ это предложеніе, и сказалъ, что ни за что не отступить отъ прежнихъ требованій, заявленныхъ при переговорахъ на Аландскихъ островахъ, а потому, если Швеція искренно хочетъ мира, то можетъ, вмѣсто кратковременнаго перемирія, постановить съ Россією полный вѣчный миръ. Петръ понималъ, что перемиріе можетъ быть полезно для Швеціи и вредно для Россіи: шведы будутъ имѣть время поправиться, время сойтись съ союзниками и приготовиться къ новой войнѣ противъ Россіи. Упорство Петра повело къ тому, что французскій посредникъ отказался отъ мысли о перемирії; положено было прямо начать переговоры о мирѣ, но военныхъ дѣйствій во время этихъ переговоровъ не прекращать. Петръ, чтобы понудить шведовъ къ податливости, отправилъ генерала Ласси опустошить шведскіе берега Ботническаго залива. У русскихъ было до 5,000 регулярнаго войска и 360 казаковъ. Они взяли и сожгли шесть шведскихъ галеръ, 27 купеческихъ судовъ, гдѣ нашли значительный запасъ оружія, овладѣли оружейнымъ магазиномъ, разворили нѣсколько кузницъ и мельницъ, разграбили и сожгли четыре города, нѣсколько сотъ селеній и дворовъ.

Между тѣмъ, въ виду возобновленныхъ переговоровъ со Швеціей, голштинскій герцогъ, черезъ своего посланника Штомкена, хлопоталъ о томъ, чтобъ Россія при мирномъ договорѣ стояла за его наследственные права на шведскій престолъ. Петръ благосклонно отнесся къ домогательству голштинскаго герцога, пригласилъ его въ Петербургъ и принялъ очень радушно. Два обстоятельства: раззореніе, причиненное русскими на шведскихъ берегахъ, и покровительство, оказываемое голштинскому герцогу, какъ претенденту на шведскій престолъ, сдѣлали шведовъ уступчивѣе. 30-го августа 1721 года заключенъ былъ царскими послами окончательный Нипштадтскій мирный договоръ, прекратившій долготѣнью Сѣверную войну. Швеція уступила Россіи въ вѣчное владѣніе Лифляндію, Эстляндію, острова Эзелъ, Даго и Менъ, Ингерманландію, часть Кареліи и Выборгъ въ Финляндіи, а остальная Финляндія, завоеванная Россіей, возвращена была Швеціи. Съ своей

стороны, Россія выплачивала два милліона ефимковъ по срокамъ, обязывалась не вмѣшиваться въ домашнія дѣла шведскаго королевства и не помогать никому въ достиженіи наслѣдственныхъ правъ, вопреки волѣ чиновъ государства; всѣ военнопленные освобождались безъ выкупа, кромѣ добровольно принявшихъ въ Россіи православную вѣру. Трактатъ подписанъ былъ съ русской стороны Брюсомъ и Остерманомъ, а съ шведской—графомъ Лиліенстедтомъ и барономъ Стрелфельдомъ. Молодой герцогъ голштинскій долженъ былъ отказаться отъ надежды получить шведскую корону при пособіи Россіи. Находясь въ то время въ Петербургѣ, онъ долженъ былъ удовлетворяться доводами, сообщенными ему отъ имени царя Шафировымъ, о невозможности Петру далѣе вести это дѣло. Герцогъ долженъ былъ участвовать во всеобщемъ торжествѣ Россіи, показывая удовольствіе объ окончаніи пролитія крови—какъ русской, такъ и шведской.

22-го октября въ Петербургѣ въ соборной церкви св. Троицы отпраздновалось торжество мира, окончившаго долготѣною и тяжелую Сѣверную войну. Сначала прочитанъ былъ мирный трактатъ, потомъ архіепископъ псковскій изрекъ поученіе, вслѣдъ затѣмъ канцлеръ Головкинъ проговорилъ государю рѣчь, послѣ которой всѣ бывшіе тутъ сенаторы воскликнули:—«Вивать, вивать, Петръ Великій, отецъ отечества, императоръ Всероссійскій!» Обильная пальба изъ петербургской крѣпости, адмиралтейства, судовъ, стрѣльба изъ ружей, производимая 23 полками, все возвѣщало всеобщую радость. Петръ говорилъ:—«Зѣло желаю, чтобы нашъ весь народъ прямо узналъ, что Господь прошедшей войною и заключеніемъ мира намъ сдѣлалъ. Надлежитъ Бога всею крѣпостью благодарить; однако, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ стало, какъ съ монархіею греческою. Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибиткѣ общемъ, который намъ Богъ кладетъ передъ очами, какъ внутри, такъ и во внѣ, отчего облегченъ будетъ народъ». Торжественный праздничный обѣдъ устроенъ былъ въ зданіи сената; къ обѣду приглашенныхъ было до тысячи персонъ. По окончаніи стола былъ балъ, продолжавшійся до ночи, а ночью фейерверкъ, изображавшій храмъ Януса, изъ котораго появился богъ Янусъ съ лавровымъ вѣнкомъ и масличною вѣтвью; изъ крѣпости дана была тысяча выстрѣловъ, и вся Нева иллюминирована была потѣшными огнями. Царскій пиръ окончился въ три часа ночью «обношеніемъ всѣхъ гостей превзраднымъ токайскимъ». Для простаго народа устроены были два фонтана, изъ которыхъ лилось бѣлое и красное вино. Меншиковъ и два архіерея отъ имени сената и синода за всѣ попеченія и старанія о благополучіи государства, за то, что государь «изволилъ привести Всероссійское государство и народъ въ такую славу черезъ единое свое руководство», просили царя принять титулъ «Отца Отечества, Императора Всероссійскаго, Петра Великаго». Государь отрекался отъ этой чести и принялъ ее какъ бы по усиленному прошенію сенаторовъ. Вслѣдъ за тѣмъ отъ сената была установлена форма титула: «Божьей милостью, мы, Петръ Великій, императоръ и самодержецъ Всероссійскій», а въ челобитныхъ: «всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій императоръ, самодержецъ Всероссійскій, отецъ отечества, государь всемилостивѣйшій». Нѣсколько дней послѣ того продолжались веселыя празднества.

XXXVI. ВНѢШНІЯ РЕФОРМЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Изъ сочиненія Брикнера: «Иллюстрированная исторія Петра Великаго»).

По возвращеніи въ Россію, начинается новая эпоха царствованія Петра; съ этого времени онъ началъ управлять всѣми дѣлами самолично и сдѣлался душою всѣхъ предпріятій въ области внѣшней политики, всѣхъ реформъ внутри государства. Начался настоящій процессъ преобразованія Россіи, требовавшій со стороны народа значительныхъ жертвованій, но обѣщавшій ему великую будущность; началось переходное состояніе, сопряженное съ нарушеніемъ разныхъ правъ и интересовъ, съ уничтоженіемъ на долгое время прежняго покоя общества; отерялась широкая законодательная дѣятельность преобразователя, казавшаяся народу проявленіемъ деспотизма и произвольной причуды.

Нельзя отрицать, что все это было сопряжено съ чрезвычайно крутыми мѣрами, что переходъ отъ стараго къ новому былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ слишкомъ внезапенъ, что многія изъ мѣръ и распоряженій царя производятъ впечатлѣніе революціонныхъ дѣйствій. Петръ во всѣхъ отношеніяхъ бралъ на себя самую тяжелую отвѣтственность. Въ частностяхъ онъ, здѣсь и тамъ, могъ ошибаться, увлекаясь, ожидая слишкомъ быстро результатовъ преобразованій, не взвѣсивая мѣры тяжести многихъ нововведеній для народа. Въ главныхъ чертахъ, однако, его дѣятельность оказалась цѣлесообразною и плодотворною. Создавая новую Россію, Петръ не обращалъ вниманія на жалобы подданныхъ, не понимавшихъ смысла и значенія многихъ новшествъ, не постигавшихъ той цѣли, къ которой стремился государь, и жестоко страдавшихъ отъ чрезмѣрно-насилственной опеки царя-воспитателя. Самъ же онъ руководствовался во все время отчаянной борьбы противъ старины чувствомъ долга, давая и себѣ и народу отчетъ въ своей дѣятельности, объясняя весьма часто болѣе или менѣе подробно, необходимость коренной перемѣны.

Нѣтъ сомнѣнія, что начало преобразовательной дѣятельности Петра находилось въ самой тѣсной связи съ его путешествіемъ въ Западную Европу. Реформы начались непосредственно послѣ возвращенія его въ Россію. Въ Англіи, Голландіи и Германіи онъ могъ собрать богатый запасъ свѣдѣній, новыхъ мыслей, смѣлыхъ прожектовъ, примѣненіе которыхъ на практикѣ должно было составлять задачу Петра въ слѣдующее за путешествіемъ время. Мы видѣли, что многіе замѣчательные люди въ Европѣ, слѣдя за путешествіемъ Петра, не сомнѣвались въ томъ, что царь, тотчасъ же послѣ возвращенія въ Россію, приступитъ къ дѣлу преобразованія. Лейбницъ говорилъ, что Петръ, вопліи сознавая недостатки своего народа, непремѣнно постарается развить въ немъ новыя силы и способности и искоренить прежнее невѣжество и грубость нравовъ. Въ этомъ же смыслѣ выразился англичанинъ Крелль. «Путешествіе Петра, писалъ онъ, вызвано жаждою знанія, стремленіемъ къ образованію, желаніемъ развить народъ; совсѣмъ иначе, продолжаетъ онъ, смотрѣли на это предшественники Петра; они считали невѣжество подданныхъ краеугольнымъ камнемъ своей безусловной власти». «Отъ этого

путешествія, заключаетъ Брельгъ. Самые дальновидные люди ожидаютъ важныхъ результатовъ». Въ вышеупомянутой брошюрѣ Венделя, напечатанной въ 1698 году, по случаю пребывания Петра въ Дрезденѣ, сказано, что Петръ, безъ сомнѣнія, «станетъ продолжать дѣйствовать въ пользу просвѣщенія народа».

Однако, самыя обширныя и коренныя реформы Петра относятся не ко времени, непосредственно слѣдующему за его первымъ пребываніемъ въ Западной Европѣ. Хотя и можно удивляться тому, что Петръ даже въ первые годы Сѣверной войны могъ обращать столько вниманія на внутреннія дѣла, все-таки важнѣйшая дѣятельность его въ этомъ отношеніи началась лишь послѣ Полтавской битвы. обезмечившей существованіе Россіи, какъ великой державы, и давшей царю возможность и возможностью прежнего заняться земледѣльствомъ и администраціею, привести въ какую-нибудь систему тѣло реформы. Мѣры, принятія на-решъ выротолженіе первого десятилѣтія послѣ путешествія на западъ, оказываются некоторымъ образомъ безсистемными, отрывочными, произвольными, случайными, хотя въ нихъ вслѣдствіе желанія приурочиться къ западно-европейскимъ нравамъ и обычаямъ, выразить другимъ народамъ, наипримеръ, относительно нѣзвѣстной намъ календари и пр.

Вопросъ о необходимости перемены русскаго платья былъ поднятъ уже за нѣсколько десятилѣтій до относящихся къ этому предмету указовъ Петра; а именно, знаменитый «сердобитникъ», Фрѣдъ Крижанничъ, преподававшій вообще какую-нибудь систему преобразованій, говорить въ своихъ сочиненіяхъ о русскомъ платьѣ совершенно въ духѣ Петра. Онъ находитъ русскій «строй власякъ, браны и платья нерыскамы и нестройнымъ», «непригожымъ къ храбрости»: въ характерѣ русскаго платья онъ не находитъ «рысности и свободы», а «рыскавъ неволь»; наипримеръ, замѣчаетъ Крижанничъ, русскіе въ своемъ платьѣ подражаютъ «варварскимъ народамъ, татарамъ и туркамъ», нѣчего того, чтобы слѣдовать пригѣру «наилучшихъ европейцевъ»: затѣмъ онъ доказываетъ, что русское платье неудобно во всѣхъ отношеніяхъ, не отличается ни дешевизною, ни прочностью, ни красотой, что оно «ниглоту и распуству (т. е. распушенность, изнѣженность) женскую показываетъ» и проч. Въ русское платье нѣтъ кармановъ, — продолжаетъ онъ, — поэтому русскіе прачутъ платокъ въ шапкѣ, носки, бумагу и другія вещи въ сапогахъ; деньги берутъ въ ротъ. Къ тому же онъ находитъ, что русскіе обращаютъ слишкомъ большое вниманіе на драгоценными украшенія платья, замѣчая: «у нихъ народовъ бисеръ есть женскій строй, и оступлю (т. е. позорно) было бы нужу устроиться бисеромъ; а наши люди тѣмъ женскій строй безъ мѣры на клубокѣхъ и на козырѣхъ (т. е. на шапкахъ и воротничкахъ) оказываютъ». Затѣмъ онъ рассказываетъ, что гдѣ-то за границею онъ видѣлъ русскихъ пословъ, хлѣвшихъ на торжественную аудіенцію въ азиатскомъ платьѣ, и что при этомъ публика смотрѣла на русскихъ «не съ удивленіемъ, на насъ съ пожалованіемъ». Кто не вѣритъ, — говоритъ Крижанничъ далѣе, — въ какой мѣрѣ некрасивымъ должно показаться другимъ народамъ русское платье, тотъ можетъ убѣдиться въ этомъ чрезъ сравненіе портретовъ государей разныхъ народовъ съ портретами русскихъ царей. Или, сказано у Крижанничъ, нужно переменить платье, или же не нѣтъ никакихъ сношеній съ западною Европою. Дальнѣйшее отправленіе русскихъ пословъ за границу въ преж-

немъ костюмъ Крижаничъ считаетъ средствомъ лишиться уваженія другихъ народовъ. Онъ предлагаетъ, чтобы государь своимъ примѣромъ, одѣваясь не по прежнему, а слѣдя образцамъ западно-европейскихъ народовъ, подѣйствовалъ на своихъ подданныхъ, а далѣе, чтобы новое платье было введено и въ войскѣ. Такимъ путемъ, говоритъ онъ, Россія выразить свое желаніе и твердое намѣреніе отстать отъ прежней связи съ азіатскими народами, съ персіанами, турками и татарами, и применить къ французамъ, нѣмцамъ и другимъ европейскимъ народамъ; онъ сознавалъ, что придется упорно бороться съ предрасудками, съ вѣковыми привычками народа, но, говоритъ онъ: «кто скажетъ, что не слѣдуетъ нарушать старыхъ законовъ, тому мы отвѣчаемъ: старыхъ заблужденій не должно терпѣть».

Мы видѣли, что въ высшихъ слояхъ русскаго общества, въ продолженіе XVII вѣка, не разъ обнаруживалась склонность къ подражанію иноземцамъ: стригли бороды, носили польское платье и т. п. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ случилось, однажды, что протопопъ Аввакумъ не хотѣлъ благословить Матвѣя Шереметева, выбрившаго себѣ бороду. Тогда же князь Кольцовъ-Мосальскій лишился мѣста за то, что подрѣзалъ себѣ волосы. При Θεодорѣ Алексѣевичѣ господствовали инныя правила. Въ 1681 году, царь далъ указъ всему синклиту и всѣмъ дворянамъ и приказнымъ людямъ носить короткіе кафтаны вмѣсто прежнихъ длинныхъ охабней и однорядокъ; въ охабнѣ или однорядкѣ никто не смѣлъ являться не только во дворецъ, но и въ Кремль. Патріархъ Іоакимъ сталъ ратовать: «еллинскій, блудническій, гнусный обычай брадобритія, древне многоще возбраняемый, во днѣхъ царя Алексѣя Михайловича совершенно искорененный, паки нынѣ начаша губити образъ, отъ Бога мужу дарованный». Онъ отлучалъ отъ церкви не только тѣхъ, которые брили бороды, но и тѣхъ, которые съ брадобріицами общеніе имѣли. Преминикъ Іоакима, Адрианъ, издалъ также сильное посланіе прогивъ брадобритія, «еретическаго безобразія, уподобляющаго человѣка котамъ и псамъ»; патріархъ страшалъ русскихъ людей вопросомъ: «если они обрѣютъ бороды, то гдѣ станутъ на страшномъ судѣ—съ праведниками, украшенными брадою, или съ обрѣтыми еретиками?»

Не смотря на все это, Петръ еще до своего путешествія за границу иногда одѣвался въ нѣмецкое платье. Въ Англіи рассказывали, что онъ, въ началѣ 1694 года, явился въ иностранномъ костюмѣ къ матери и встрѣтился тамъ съ патріархомъ, который сдѣлалъ царю замѣчаніе; Петръ посовѣтовалъ Адриану, вмѣсто того, чтобы заботиться о портныхъ, пецись о дѣлахъ церкви. Шлейзингъ рассказываетъ, что царь очень часто ходилъ въ нѣмецкомъ платьѣ, «чего не дѣлалъ ни одинъ изъ прежнихъ государей, такъ какъ это считалось несогласнымъ съ ихъ религіею». Приглашая своихъ родственниковъ пріѣхать въ Россію, Лефортъ писалъ, весною 1693 года: «вы здѣсь найдете великодушнаго монарха, который покровительствуетъ иностранцамъ и постоянно одѣтъ à la française». На маневрахъ, въ 1694 году, «польскій король», Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, былъ въ нѣмецкомъ платьѣ.

По случаю аудіенціи Шереметева у польскаго короля, императора, папы и гросмейстера Мальтійскаго ордена, въ 1697 году, самъ бояринъ, какъ видно изъ картинъ, помѣщенныхъ въ его запискахъ о путешествіи,

носили западно-европейское платье и большой парикъ, между тѣмъ какъ его свита была одѣта во что-то среднее между нѣмецкою и русскою одеждою. Находясь за границею, Петръ большею частію являлся въ костюмѣ шкипера. При первой аудіенціи русскихъ пословъ у бранденбургскаго курфирста, въ Кенигсбергѣ, карлики, находившіеся въ свитѣ, были одѣты въ русское платье, при второй — они явились въ великолѣпномъ костюмѣ по западно-европейской модѣ. За границею рассказывали по время путешествія Петра, что царь намѣренъ, по возвращеніи въ Россію, ввести тамъ брадобритіе и ношеніе нѣмецкаго платья.

Иностранцы, проживавшіе въ то время въ Москвѣ, рассказываютъ, что, когда ожидали возвращенія царя, сановники были въ страшномъ волненіи. Вопрѣ собирались по два раза въ день для совѣщаній; въ ризницахъ приказахъ происходило что-то въ родѣ ревизій.

25-го августа, вечеромъ, царь прибылъ въ Москву и тогчасъ же отправился въ Преображенское. На другой день, рано утромъ, вельможи, царедворцы, люди знатные и незнатные явились въ Преображенскій дворецъ поклониться государю. Онъ ласково разговаривалъ съ разными лицами; между тѣмъ, къ нечисленному изумленію всѣхъ присутствующихъ, то тому, то другому собственною рукою обрѣзывалъ бороды, сначала онъ остригъ генералиссимуса Шейна, потомъ кесаря Ромодановскаго, послѣ того и прочихъ вельможъ, за исключеніемъ только двухъ, Стрѣльникова и Черкаскаго. Та же сцена повторилась дней черезъ пять, на пиру у Шейна. Пустей было множество. Нѣкоторые явились безъ бороды, но не мало было и бородачей. Среди всеобщаго веселья, царскій шутъ, съ ножницами въ рукахъ, хваталъ за бороду то того, то другого, и шутка смѣялся. Три дня спустя, на вечерѣ у Лефорта, гдѣ нескучно и весело проводили время и обыватели нѣмецкой свободы съ женою, кто не имѣлъ бородачей.

Долго ищутъ и до кафтаноу. По рассказу одного иностранца, Петръ, на пиру 1699 года, замѣтивъ, что у нѣкоторыхъ нѣтъ бороды, по тогдашнему обычаю, очень длинныя рукава, взялъ ножницы, остригъ рукава и сказалъ, что такое платье мѣшаетъ работать, что такими руками можно легко задѣть за что-нибудь, опроки-

нуть или даже казаться произвольной причудою, деспотическимъ произволомъ и минутной выдумкой; но все это имѣло глубокой смыслъ, и имѣло историческое значеніе. Намъ знаменитый историкъ, С. М. Соловьевъ, пишетъ: «измена о перемѣнѣ платья, мы должны замѣтить, что она была только историческое движеніе народовъ. Косившій, длинное, спальное платье. Какъ скоро чело-вѣкъ, на европейской почвѣ, начинаетъ вести болѣе дѣятельную жизнь, онъ приходитъ и перемѣна въ одеждѣ. Что дѣлаетъ нѣтъ длинное платье, когда ему нужно работать? То же самое дѣлаетъ европейское платье. То же самое дѣлаетъ европейское платье, усиленной дѣятельности; оно не имѣетъ длиннаго, вынесеннаго изъ Азіи, ступая на поприще европейской дѣятельности, и одѣтъ въ европейское платье, ибо въ томъ мажоръ народовъ принадлежать —

европейских или азиатских? и соответственно носить въ одеждѣ и знаменіе этой семьи».

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ о впечатлѣніи, произведенномъ такимъ образомъ дѣйствій царя на общество. Не сохранилось и точныхъ архивныхъ данныхъ о первыхъ административныхъ и законодательныхъ мѣрахъ, относившихся къ бородобрітію. Австрійскій дипломатъ, Плейеръ, доносилъ императору Леопольду о введеніи налога на бороды; можно было также, какъ сказано у Плейера, внесеніемъ капитала приобрести право носить бороду: сохранился мѣдный знакъ, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ усомъ и бороды, подъ словами: «деньги взяты», съ надписью на оборотѣ: «207 году». Изъ этого можно заключить, что уже въ концѣ 1698 или въ первой половинѣ 1699 года, установлена была бородовая пошлина для желавшихъ спасти свои бороды. Кто именно платилъ ее и какъ была велика она—неизвѣстно, потому что первоначальный указъ о бородовой пошлинѣ не найденъ; вѣроятно, онъ касался не всѣхъ и былъ повторенъ въ началѣ 1701 года, какъ видно изъ приведеннаго примѣчанія Плейера. Въ 1705 году, царь предоставилъ своимъ подданнымъ на выборъ—или отказаться отъ бороды, или платить за нее ежегодную пошлину: гостямъ и гостинной сотнѣ по 100 рублей; царедворцамъ, людямъ дворовымъ, городовымъ, приказнымъ и служилымъ людямъ всякаго чина, также торговымъ второй статьи—по 60 р.; третьей статьѣ, посадскимъ, людямъ боярскимъ, ямщикамъ, извозчикамъ и пр.—по 30. Съ крестьянъ, при въѣздѣ въ городъ или при выѣздѣ за городъ, вѣдно взыскивать у воротъ каждый разъ по 2 деньги. Заплатившимъ бородовую пошлину выдавались изъ земскаго приказа мѣдные знаки. Бородачи обязаны были носить знаки при себѣ и возобновлять ихъ ежегодно.

Нѣтъ сомнѣнія, что весьма многіе рѣшались платить эту высокую пошлину. Плейеръ замѣчаетъ, что эта пошлина составитъ очень порядочный доходъ, такъ какъ русскіе большею частью не захотятъ разстаться со своею бородою, и между ними есть даже такіе, которые скорѣе готовы отдать свою голову, нежели согласиться на бородобрітіе.

Что касается до введенія нѣмецкаго платья, то первый дошедшій до насъ указъ объ этомъ предметѣ относится къ 4-му января 1700 года: «боярамъ, и окольниковымъ, и думнымъ, и ближнимъ людямъ и стольникамъ и дворянамъ московскимъ, и дьякамъ, и жильцамъ, и всѣхъ чиновъ и пр. людямъ въ Москвѣ и въ городѣхъ, носить платья, венгерскіе кафтаны, верхніе—длиною по подвязку, а исподніе—короче верхнихъ, тѣмъ же подобіемъ». До масляницы каждый долженъ былъ позаботиться о заказѣ или покупкѣ такого платья. Лѣтомъ всѣ должны были носить нѣмецкое платье. И женщины высшихъ классовъ общества должны были участвовать въ этой перемѣнѣ. Плейеръ пишетъ, что сестры Петра тотчасъ же начали одѣваться въ иноземное платье.

Кажется, этотъ указъ не произвелъ желаннаго дѣйствія. Курбатовъ, въ мартѣ 1700 года, писалъ царю, что надобно возобновить указы о платьѣ, хотя и съ пристрастіемъ, потому что подданные ослабѣваютъ въ исполненіи и думаютъ, что все будетъ по прежнему. Указомъ 20-го августа 1700 года повелѣно: «для славы и красоты государства и воинскаго управленія, всѣхъ чиновъ людямъ, опричь духовнаго чина и церковныхъ причетниковъ, извозчиковъ и пахотныхъ крестьянъ, платье но-

сить венгерское и ильенное... чтобы было къ военному дѣлу пригодное; а носить венгерское беспрочно для того, что... узаконенъ былъ прежде сего; а ильенное носить декабря съ 1-го числа 1700; да и женаты и холосты носить платье венгерское и ильенное января съ 1-го числа 1701 года. чтобы онѣ были съ ними въ томъ платьѣ ровнѣе-жъ, а не ровнѣе». 26-го августа, прибиты были къ германскимъ воротамъ указы о платьѣ французскомъ и венгерскомъ, и для образца доставленъ чучель, т. е. образцы платья. Въ 1701 году, новымъ указомъ: «ослѣдствъ чинясь ладно носить платье ильенное, верхнее — савианское и французское, а нижнее — кизилан, и итали, и савога, и бавария, и итали — ильенное, и бѣлить на ильенскихъ сѣдлахъ; а военному платью всѣхъ чиновъ носить платье, и итали, и италуна, а италики босстрати, и итали, и бавария — ильенное-жъ; а русскаго платья отнюдь не носить и на русскаго сѣдлахъ не бѣлить. Съ одушевленіемъ брать военному въ воротахъ, съ ильенныхъ по 40 копѣекъ, съ военнаго по 2 рубль съ человека» и проч.

Высшее общество общества: имѣть, война, пришедше люди споро приехали къ военному платью. Масса народа увеличилась отъ участия въ этой буржуйкѣ. Мы указываемъ къ другимъ мѣстамъ на западной границѣ и раздѣленію въ толкѣ, вызванная ступени ирландіи брадбритан и вселенія ирландскаго платья.

Ирландіи въ XVII столѣтіи считали табакъ «богочестивою, проклятымъ обществомъ грѣшны». Однако, не смотря на это, употребленіе табаку, уже съ начала столѣтія XVII кѣмъ распространялось въ Россіи до такой степени, что по святости Свѣтлага, самые бѣдные люди полагали ему на исключенно выдѣлку. Царь Михаилъ Федоровичъ, подъ влияніемъ смуромой казни, запретилъ употребленіе табаку. Въ Указаніи царя Алексея Михайловича заповѣдъ о запрещеніи повторился. Но ограниченіе ирландскаго табаку не могла истощить ирландскаго страсти къ ирландскому табаку этого растенія. Ирландцы сообщаютъ намъ, какъ русскіе, ирландскіе захватываютъ табакъ въ ирландіи купцами. Въ то же самое время Адамъ Бруннингъ старался доказать, что ирландскій табакъ не имѣетъ свойства грѣшны. Запрещенію курить и имѣть табакъ отъ ирландцевъ «свѣтлымъ предпріятіемъ».

При Петрѣ начали ирландцы возмѣтны относительно этой буржуйки. Еще до отправки за границу, царь имѣлъ право табаку, ирландцы, ирландцы, ирландцы, ирландцы, ирландцы. Намъ съ спекуляціей, ирландцы на откупъ ирландскій табакъ.

Духовенство было крайне ирландцами габитъ ирландскаго отношеніемъ ирландскаго къ этому буржуйкѣ. Буржуйка, ирландцы, что ирландцы ирландцы ирландцы ирландцы ирландцы, ирландцы на откупъ ирландскій и ирландскій при этомъ 15,000 рублей. Однако, трудно повѣрить, чтобы Адамъ такъ открыто рѣшался ирландскаго табакъ въ строгого царя.

Еще во время пребыванія въ Гаагѣ, царь имѣлъ къ переговорамъ съ англійскими купцами, ирландскими желаніемъ ирландцы на откупъ торговлю табакомъ въ Россіи. Эти переговоры продолжались и въ бытность царя въ Лондонѣ. Во главѣ англійскаго общества, съ которыми ирландцы были заключены договоры о монополіи при ввозѣ табака въ Россію, находился маркизъ Кармартенъ. Сохранялось ирландцы, что англійскіе

купцамъ, изъявившимъ опасеніе, не будетъ ли патріархъ сопротивляться табачной продажѣ, Петръ сказалъ: «не опасайтесь, я далъ объ этомъ указъ, и постараюсь, чтобъ патріархъ въ табачныя дѣла не мѣшался: онъ при мнѣ блюститель только вѣры, а не таможенный надзиратель».

Россія не довольствовалась привозомъ табаку изъ-за границы. Еще при Петрѣ началось разведеніе и распространеніе культуры этого растенія.

Бъ довольно важнымъ нововведеніямъ принадлежала и перемѣна въ лѣтоисчисленіи. Въ ознаменованіе грядущаго перерожденія своего народа, Петръ хотѣлъ разграничить старое время отъ новаго рѣзкою чертою, и 20 декабря 1699 года повелѣлъ, по примѣру всѣхъ христіанскихъ народовъ, вести лѣтосчисленіе не отъ сотворенія міра, какъ было до сихъ поръ, а отъ Рождества Христова, и считать новый годъ не съ 1 сентября, а съ 1 января.

По разсказу Перри, Петръ, на возраженія русскихъ, что начало міра не могло случиться зимою, т. е. 1-го января, а непременно 1-го сентября, т. е. во время жатвы и собиранія плодовъ, смѣясь, сталъ объяснять, показывая глобусъ, что Россія составляетъ лишь часть земного шара, что въ другихъ странахъ въ январѣ бываетъ тепло, что при времясчисленіи нужно принять въ соображеніе високосные дни и пр. Замѣчаніе Перри, что царь, при введеніи новаго календаря, руководствовался желаніемъ «сообразоваться и въ этомъ отношеніи съ остальной Европой», подтверждается царскимъ указомъ, въ которомъ указано на другія европейскія страны, а именно на примѣръ православныхъ народовъ, какъ-то: валаховъ, молдаванъ, сербовъ, болгаръ, малороссіянъ и грековъ. «А въ знакъ того добраго начинанія и новаго столѣтняго вѣка», сказано далѣе въ указѣ, «въ царствующемъ градѣ Москвѣ, послѣ должнаго благодаренія къ Богу и молебнаго пѣнія въ церкви, и кому случится и въ дому своемъ, по большимъ и проѣзжимъ знатнымъ улицамъ, знатнымъ людямъ и у домовъ нарочитыхъ духовнаго и мірскаго чину, передъ вороты учинить нѣкоторыя украшенія отъ дровъ и вѣтвей сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ, противъ образцовъ, каковы сдѣланы на гостинѣ дворѣ и у нижней аптеки, или кому какъ удобнѣе и пристойнѣе, смотря по мѣсту и воротамъ, учинить возможно, а людямъ скуднымъ комуждо хотя по деревцу или вѣтви на вороты или надъ хороминою своею поставить и чтобъ то послѣло нынѣ, будущаго января къ 1-му числу» и пр. Затѣмъ, было предписано, какъ всѣ въ этотъ день должны поздравлять другъ друга «новымъ годомъ и столѣтнимъ вѣкомъ», какая должна быть стрѣльба изъ «пушечекъ и, буде у кого есть, и изъ мушкетовъ», иллюминація и пр.

Плейеръ разсказываетъ, какъ очевидецъ, объ этомъ празднествѣ. Пальба изъ 200 орудій, поставленныхъ на Красной площади, и изъ медкаго ружья по частнымъ дворамъ не умолкала цѣлую недѣлю. Ночью вездѣ горѣли огни и хлопали ракеты. Торжество заключилось 6-го января, въ день Богоявленія Господня, крестнымъ ходомъ на Иордань. Вопреки прежнему обычаю, царь не участвовалъ въ процессіи, а стоялъ въ офицерскому мундирѣ при своемъ полкѣ, выстроенномъ, вмѣстѣ съ другими полками, на Москвѣ-рѣкѣ. Всѣ солдаты были хорошо обмундированы и вооружены. Но красивѣе всѣхъ былъ царскій «лейбъ-регіментъ» (Преображенскій полкъ) въ темно-зеленыхъ кафтанахъ.

Всѣ эти мнѣнія доказывали, что въ самомъ началѣ XVII вѣка, «вѣка просвѣщенія», Россія, подражая другимъ народамъ въ дѣтосклонности, въ нравахъ и обычаяхъ, находилась на общей съ ними почвѣ культурнаго развитія. Характеръ державной власти государя, до тѣхъ поръ въ значительной степени духовный, наименованный нѣкоторыми образамъ роль жреца, калифа, мѣнялся совершенно. Прѣжние цари участвовали въ процессіяхъ, отчасти даже прислуживали патриархамъ. Петръ, въ офицерскомъ мундирѣ, былъ лишь скромнымъ зрителемъ духовнаго дѣйствія. Онъ, какъ представитель власти, служилъ государству. Во всемъ этомъ проявлялся процессъ секуляризаціи Россіи, заключался протестъ противъ византийскаго начала, господствовавшихъ до того въ жизни Московскаго государства.

XXXVII. ЗНАЧЕНІЕ ВНЕШНИХЪ РЕФОРМЪ ПЕТРА.

(Изъ «Публичныхъ чтеній о Петрѣ В.», Соловьева).

Петръ еще въ концѣ XVII вѣка приступилъ къ преобразованіямъ, которыя должны были имѣть воспитательное значеніе для общества. Преобразование, которое произошло тотчасъ по возвращеніи изъ-за границы и которое чаще, чѣмъ другія преобразованія, было предметомъ толковъ у современниковъ и потомковъ: это введеніе бородитія и перемѣны платья. У потомства толки были частые по самой простой причинѣ: дѣло близкое, доступное, легкое, не требующее обширнаго знанія исторіи преобразовательной эпохи. И люди, которые не входили въ подробности петровскихъ преобразованій, не задавали себѣ вопроса о ихъ значеніи или отзывались объ нихъ вообще съ сочувствіемъ, позволяли себѣ вопросы: но зачѣмъ Петръ велѣлъ бороды брить? что онъ ему помѣшалъ? зачѣмъ перемѣнилъ старое русское платье на иностранное? Историкъ не можетъ отдѣлаться отъ этого вопроса, указавши на его незначительность; не можетъ сказать: занимаясь изученіемъ такой громадной, важной дѣятельности, стоитъ-ли толковать о бородѣ и платьѣ? Стоитъ толковать, какъ стоитъ толковать о всѣхъ другихъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности, человѣческаго творчества. Одеждою человѣкъ дополняетъ свое существо, потребностямъ одежды отличается отъ другихъ животныхъ и тѣмъ прямо указываетъ на отношеніе одежды къ высшей, чисто человѣческой сторонѣ своей природы, въ одежду человѣкъ кладетъ свою мысль, въ одеждѣ отражается его внутренній, духовный строй. Говорятъ, человѣкъ, погруженный во внутренній, духовный міръ свой, занятый преимущественно его интересами, мало заботится объ одеждѣ; но эта малая заботливость также выражается въ одеждѣ, которая и тутъ не теряетъ своего значенія; одежда выражаетъ и не нравственное побужденіе человѣка въ пренебреженіи ею, какъ было замѣчено объ одномъ древнемъ философѣ, что чрезъ прорѣхи его веряшиловой одежды видѣется его тщеславіе: такимъ образомъ, одежда, назначенная для прикрытія тѣла, обнажаетъ сокровенное духа.

Отсюда понятно, почему вопросъ объ одеждѣ имѣлъ такое важное значеніе при переходѣ русскихъ людей изъ древней своей исторіи въ новую, почему съ него началось, можно сказать, это движеніе. Мы видимъ, что движеніе началось прежде Петра, до него русскіе люди стали работать новому началу, и перемѣна внутренняя необходимо должна была выразиться во внѣшнемъ—требовалось новое знамя, и этимъ знаменемъ прежде всего должно было служить измѣненіе наружности, измѣненіе одежды. Выставлялось новое знамя; одни шли подъ него; но другіе упирались; мы знаемъ, какъ при подобныхъ движеніяхъ въ народахъ проходитъ ровнь и страшная борьба, и если одни выставляютъ свое знамя, то другіе выставляютъ свое и съ ожесточеніемъ его отстаиваютъ и съ такимъ же ожесточеніемъ стремятся сорвать знамя противниковъ: не говоримъ уже о томъ, что въ обществахъ, подобныхъ древнему русскому, сильно обнаруживается извѣстное стремленіе къ идолопоклонству, т. е. смѣшеніе внутренняго съ внѣшнимъ, существеннаго съ несущественнымъ образа съ изображаемымъ, случайное, измѣняющееся представляется священнымъ, неприкосновеннымъ, стремленіе, которое такъ ясно выразилось въ расколичествѣ, старообрядчествѣ. Сто лѣтъ прежде описываемаго времени, на грани XVI и XVII вѣковъ, въ царствованіе Бориса Годунова, когда рѣшенъ былъ вопросъ о необходимости учиться у иностранцевъ, т. е. когда въ сознаніи народномъ дано было иностранцамъ преимущество, какъ учителямъ, начинается въ Москвѣ бритые бороды, и тутъ же начинаются противъ этого сильныя выходки ревнителей старины. Послѣ смутнаго времени и послѣ отдыха отъ него при царѣ Михаилѣ, вопросъ о необходимости сближенія съ западомъ поднимается снова, снова рѣшается также утвердительно, и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ усиливается брадобритіе, и также слышатся сильныя выходки противъ этого гнуснаго эллинскаго обычая, какъ выражались ревнители старины. Правительство колеблется, оно стремится къ новому и въ тоже время пугается выходокъ ревнителей старины противъ знамени новаго, и въ угоду имъ не только запрещаетъ брадобритіе, но отнимаетъ чины за подрѣзываніе волосъ. Но это гоненіе на короткіе волосы разумѣется только раздражало людей, стремившихся къ новому, заставляло ихъ относиться къ длинной бородѣ и старому длинному платью также враждебно, какъ ревнители старины относились къ гнусному эллинскому образу. Но ревнители старины не могли остановить роковое движеніе. Въ 1681 году царь Теодоръ Алексѣевичъ издалъ указъ всѣмъ вельможамъ, дворянамъ и приказнымъ людямъ носить короткіе кафтаны вмѣсто прежняго длиннаго платья (охабней и однорядокъ), въ которомъ никто не смѣлъ являться не только во дворецъ, но и въ Кремль. Длинное платье замѣняется короткимъ: здѣсь весь смыслъ дѣла. Тѣ, которые жалуются на смѣну русскаго народнаго платья иностраннымъ, не обращаютъ вниманія на то, что здѣсь произошла перемѣна стариннаго платья не на платье какого-нибудь отдѣльнаго чужого народа, но на обще-европейское въ различіе отъ обще-азиатскаго, къ которому принадлежала древнерусская одежда. Въ чемъ же состоитъ главное различіе обще-европейской отъ обще-азиатской одежды: въ первой господствуетъ узкость и короткость, во второй широта и длиннота. Что же это: случайность? или здѣсь выраженіе духа народовъ, духа ихъ дѣятельности, ихъ исторіи? Длинная и широкая одежда есть выраже-

нiе жизни свободной, но преимуществу домашней, отдживсенiя, сна; короткая и узкая одежда есть выраженiе бодрствованiя, выраженiе сильной дiятельности. Объясненiе сказанному представляет явленiя, бо- преставно совершающаея порода кавказских людей: что дiлать чело- вiкъ, носящiй длинную одежду, когда онъ хочет работать или идти вiшкомъ? онъ подбираетъ свою длинную одежду. Такоо самое сдiлало европейское челоуиство въ стремленiи къ той сильной работi, кото- рой оно такъ отличалось порода азиатскимъ челоуиствамъ, получило преобладанiе надъ нимъ: европейское челоуиство постоянно подбиро- ло свое платье, укорачивало, обрiщивало его и дошло до фрака, кото- рый называютъ безобразнымъ. Историкъ не станетъ спорить съ худож- никомъ относительно красоты или безобразiя; но его обязанность ука- зать на смыслъ явленiя. Широкая и длинная одежда должна была остаться въ Европi, какъ выраженiе особеннаго волнiя, свободнiя и торжественности въ противоположность будничной, рабочей жизни; она осталась одеждоо царя въ чрезвычайныхъ случаяхъ; она осталась оде- ждоо служителей алтара; она осталась одеждоо женщины, предста- вительницы жизни внутренней, домашней, т. е. чуждой той уличной хлопотливости и бiготни, которая вынала на далю мужчинамъ въ его преимущественно вiшней, общественной жизни. Раздiленiе занятiй между мужчиною и женщиною, это основное условiе развитiя общества, раздiленiе занятiй, которое, какъ вездi, такъ и здiсь служитъ самою крiвкой связью между раздiляющими занятiе и условiемъ успiха въ дiлi, — это раздiленiе занятiй естественно и необходимо выражается въ одеждi, и замiчено, что у народовъ, менiе развитыхъ, имъ видимъ и меньшее различiе въ мужской и женской одеждi.

Въ постановленiи царя Феодора Алексiевича о ношенiи короткой одежды высказалось стремленiе имiти азиатскiй покрой одежды на европейскiй. Укороченiе платья предвiщало укороченiе бороды. Напрас- но люди, ревностные не по разуму, усиливали свои выходы противъ брадобритiя, посредствомъ котораго, по ихъ мнiю, губили образъ, отъ Бога мужу дарованный; тщетно отлучали отъ церкви не только обрi- щенныхъ бороды, но и тiхъ, которые имiли обвиненiе съ брадобритiями, тщетно воили противъ еретическаго безобразiя, угодобляющаго чело- вiка котамъ и псамъ; тщетно стращали вопросомъ: если русские обрiютъ бороды, то гдi станутъ на страшномъ судi — съ праведниками ли, украшенными брадоо, или съ обритыми еретиками? Всi эти вы- ходки только вредили авторитету церкви, только усиливали раздраже- нiе въ противной сторонi, только увеличивали значенiе бороды, какъ знамени, и когда приверженцы новаго возьмутъ верхъ, то, разумется, они бросятся на враждебное знамя и сорвутъ его, выставятъ свое. И Петръ сорвалъ это знамя, когда возвратился изъ-за границы въ Москву въ страшномъ раздраженiи противъ людей, выставившихъ это знамя, какъ знамя православiя и народности, въ страшномъ раздраженiи про- тивъ стрiльцовъ.

Затiмъ послiдовали указы и о ношенiи европейскаго платья, указы, не могшiе очень поразить новизною послi указовъ царя Тео- дора. Въ концi 1699 года была объявлена другая новость: прика- зано вести лiтосчисленiе не отъ сотворенiя мира, какъ дiлалось до сихъ поръ, а отъ Рождества Христова, и новый годъ считать не

съ 1-го сентября, а съ 1-го января, ибо говорилъ указъ: «извѣстно великому государю, что не только во многихъ европейскихъ христіанскихъ странахъ, но и въ народахъ славянскихъ, которые съ восточною православною нашею церковью во всемъ согласны, какъ: Сербы, Далматы, Болгары, и самые великаго государя подданные Черкасы (малороссіане) и всѣ Греки, отъ которыхъ вѣра наша православная принята,—всѣ тѣ народы согласно лѣта счисляютъ отъ Рождества Христа восемь дней спустя». Преобразователь зналъ, съ кѣмъ и съ чѣмъ имѣеть дѣло, зналъ, какъ трудно сдвинуть народъ съ вѣковыхъ привычекъ даже и въ томъ случаѣ, когда христіанскому народу предлагалось вести лѣтосчисленіе отъ рождества начальника вѣры и спасенія; нужно было ослабить отталкивающій примѣръ нѣмцевъ, еретиковъ, и вотъ впервые предъ русскимъ народомъ выставляется примѣръ, авторитетъ народовъ близкихъ, родныхъ, примѣръ православныхъ славянъ. На границѣ двухъ вѣковъ, на границѣ древней и новой Россіи, раздался привѣтъ русскимъ людямъ къ единенію съ родными народами. Была и другая новость въ послѣдній годъ XVII вѣка: учрежденъ русскій «славный чинъ» св. апостола Андрея. Первымъ кавалеромъ былъ ближній бояринъ и воинскаго морскаго каравана (флота) генералъ-адмиралъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ.

XXXVIII. СЕНАТЬ, ЕГО СОСТАВЪ И КРУГЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

(Изъ «Лекцій по исторіи русскаго права», Сергіевича).

Сенать былъ учрежденъ въ 1711 году Петромъ и съ тѣхъ поръ существуетъ непрерывно до нашего времени, хотя роль и значеніе его очень колебались и измѣнялись съ теченіемъ времени. Сенать—названіе не русское; это можетъ навести на мысль, что и самое учрежденіе позаимствовано, особенно если вспомнить, что почти всѣ Петровскія учрежденія списаны съ иностранныхъ. Тѣмъ не менѣе, сенатомъ мы никому не обязаны. Заимствовано одно имя, и что касается существа дѣла, то это учрежденіе совершенно оригинальное, свое, русское, созданное Петромъ изъ боярскаго думы, на основаніи тѣхъ потребностей и нуждъ, которыя самъ Петръ испытывалъ въ дѣлѣ управленія государствомъ. Названіе взято изъ Швеціи. Шведскій сенать прежде именовался государственнымъ совѣтомъ, и только съ конца XVII в. онъ сталъ называться сенатомъ, въ то же время измѣнилось и значеніе его. Въ Швеціи государственный совѣтъ игралъ роль посредника между представителями народа и государемъ. Дѣятельность его состояла въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы государь дѣйствовалъ въ предѣлахъ закона. Государственный совѣтъ былъ обязательнымъ совѣтникомъ короля, хотя никакой законъ не обязывалъ его поступать согласно съ мнѣніемъ совѣта. Королямъ удавалось иногда въ значительной степени умалить значеніе государственнаго совѣта. Съ такимъ упадкомъ государственнаго совѣта встрѣчаемся при Карлѣ XI, который переименовалъ его въ королевскій

судить. При Карле XII отбыть королевские указы сталъ въ своемъ издѣльномъ должності и получать королевскія указы. Императоръ Карла XI и XII есть первое начало государственнаго совета, въ которомъ означено его право высказываться. Советъ учрежденъ только въ исключеніи съ гласъ прележниками, которые охотнѣе выносили указы выше въ императору Карла XII, нежели слушать Петра В. Основаніе Государств. совета есть вовсе не указы выносить, но оспаривать, въ которыхъ ему было право на обидчивостяхъ. Въ 1711 г. Петру предлагалось убраться изъ Петербурга въ другое мѣсто съ Шлиссельб. для того, чтобы въ его отсутствие происходило управленіе имъ само и при этомъ ему устроить советъ. Советъ возникъ только формально, въ случаѣ отсутствия императора, съ целью замѣнить его, чтобы ему было легче видѣть, что дѣлается въ мѣстахъ отсутствія, и вице-регентъ, своимъ назначеніемъ советны императора, или выходясь изъ его отсутствія. Государственный советъ сначала представлялъ прележниковъ. Заключеніемъ имъ изъ его состава, исключено, исключено убрание епископа, на что только имѣли право родства съ императоромъ прележниками.

Основаніе. Советъ сначала состоялъ исключительно изъ прележниковъ, но постепенно составился изъ прележниковъ, коллегій и канцелярій. Въ первоначальномъ составѣ канцелярій для секретарей были назначены въ коллегіи—прележники, которые образовали высшія и низшія прележники, которые состояли изъ канцелярій и гласъ же членовъ. Члены канцелярій были также связаны съ прележниками. Такимъ образомъ, канцелярій не было тогда. Советъ, какъ высшее учрежденіе, долженъ былъ контролировать дѣятельность коллегій, своимъ членомъ состоялъ, которые были представителями коллегій, приходилось контролировать указы епископа. Совету въ 1711 г. Петру предлагалось, чтобы секретарь не состояли членами коллегій, а исключенно, только, черезъ коллегіи: военны-судовенной, военной и иностранной. При этомъ оставался 1) разрядная канцелярія, которая въ 1710 была уже введена гласъ, перенесенная на советъ. Первоначально эта канцелярія введена канцелярскими секретарями въ мѣстахъ не было образованности епископа, какъ и думалъ. Советъ судить также въ первой канцелярши. Въ 1713 г. советъ былъ отмененъ по предложенію и неприятию изъ разсмотрѣнія неавторитетныхъ гласъ. Въ 1722 году при советѣ, для лучшей правительственной организации его службой канцелярскими, учреждена должностъ секретаря. Секретарь прележники, съ канцелярши, канцелярши и канцелярши совету. Советъ рѣшается 2) При советѣ была учреждена разрядная канцелярія. Въ Москвѣ существовала разрядная канцелярія, который вѣдалъ канцелярскую службу. Петру поручалось это учрежденіе въ составъ совета. Въ 1722 году онъ поручалъ канцелярскую канцелярскую службу—герольдмейстеру, который состоялъ при советѣ, канцелярши ему гласъ и былъ канцелярши его канцелярши. 3) При советѣ состояли канцелярши отъ каждой губерніи: не будучи членами совета, они доставляли ему нужныя справки. Для собиранія канцелярши канцелярши канцелярши въ свои губерніи. Письмоводство поручено канцелярши.

Историческое. По отношенію къ этому вопросу нужно различать советъ въ первое время его существованія, когда не были еще учреждены коллегіи, и советъ послѣ ихъ учрежденія. Въ первое время, советъ дѣлалъ все, съ учрежденіемъ же коллегій, многое изъ прележники

дѣятельности сената перешло къ нимъ. Первоначально въ рукахъ сената были—какъ вся правительственная дѣятельность, такъ и судъ. Сенату принадлежалъ не только надзоръ за дѣятельностью низшихъ учреждений, но и непосредственное управление. Въ 1711 году адмиралъ Апраксинъ просилъ у Петра денегъ на нужды флота, царь отвѣчалъ ему: «о деньгахъ изволь писать сенату, ибо все на нихъ положено»; когда сенатъ въ томъ же году представилъ Петру вѣдомость о доходахъ и расходахъ, то Петръ, хвали за присылку вѣдомости, прибавилъ: «но и лучше того старайтесь прибыль учинить, ибо нынѣ уже все у васъ въ рукахъ». Изъ этихъ заявленій видно, какъ самъ царь смотрѣлъ на вѣдомство сената. Сенатъ долженъ былъ заботиться о благосостояніи и безопасности государства: въ его рукахъ было войско, финансы, торговля, промышленность; онъ проводилъ дороги и каналы; учреждалъ почты; въ самомъ Петербургѣ заботился о благоустройствѣ; принималъ мѣры во время голода, болѣзней; до учрежденія духовной коллегіи завѣдывалъ даже духовными дѣлами. Въ указѣ сказано: «сенатъ собирается вмѣсто собственной Его Величества персоны». Сенатъ вѣдаетъ то, что вѣдалъ бы самъ государь: онъ двойникъ государя. Полководцы доносятъ ему о своихъ побѣдахъ, онъ ихъ награждаетъ. Адмиралъ Апраксинъ послалъ сенату донесеніе объ успѣшномъ отраженіи имъ турецкаго флота отъ Азова. Сенатъ опредѣлилъ выдать Апраксину похвальную грамоту. Сенатъ, какъ и прежняя государева дума, составляетъ совѣтъ государю по законодательнымъ вопросамъ, не имѣя, однако, законодательной власти.

Сенату было предписано составлять новыя правила по тѣмъ пунктамъ, по которымъ въ старыхъ законахъ вѣтъ надлежащихъ узаконеній, дѣлать объ этомъ государю доклады и представленія, а въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, издавать на свой страхъ постановленія, но представлять ихъ потомъ на одобреніе государя. Въ указѣ 1718 года сенатъ названъ высокоповѣреннымъ, которому довѣрено управление государствомъ.

По отношенію къ государю сенатъ былъ простымъ исполнителемъ его воли, а низшія учрежденія должны были подчиняться указамъ сената такъ же, какъ и указамъ самого государя. Въ основѣ подчиненія низшихъ мѣстъ сенату лежитъ то предположеніе, что сенатъ всегда дѣйствуетъ согласно съ законами, а потому, если низшее учрежденіе получало указъ сената, по его мнѣнію противный законамъ, оно должно было сдѣлать сенату о томъ представленіе. Если же сенатъ подтверждалъ свой прежній указъ, низшее мѣсто должно было исполнить его, но донести государю, а «сенатъ въ томъ отвѣтъ дать повиненъ», если государь дѣйствительно найдетъ, что предписаніе сената не согласно съ закономъ.

Порядокъ рѣшенія дѣлъ. Въ самомъ началѣ въ сенатѣ существовалъ старый московскій порядокъ рѣшенія дѣлъ—единогласное рѣшеніе. Въ этомъ опять сходство съ московскими порядками. Въ нашей литературѣ очень распространено мнѣніе, что въ сенатѣ этотъ старый порядокъ рѣшенія дѣлъ сохранился до смерти Петра; Петровскій доказалъ, что это мнѣніе не вѣрно. Въ 1714 г. введено рѣшеніе по большинству голосовъ. Всякій докладъ сенату Петръ предписалъ до рѣшенія представлять каждому члену сената, чтобы всѣ высказали свое мнѣніе для разъясненія вопроса. При рѣшеніи предписывалось собирать голоса,

начиная съ младшихъ членовъ. Такой порядокъ установленъ въ виду того, чтобы младшіе члены не стѣснялись мнѣніями старшихъ. Но въ указахъ и послѣ 1714 г. есть выраженія, наводившія нашихъ изслѣдователей на мысль, что и послѣ 1714 года дѣла рѣшались единогласно. Такъ въ нихъ говорится: «безъ согласія всего сената ничто же дѣлать не подобаеть, паче же рѣшить что возможно». Отсюда и выводили заключеніе, что и послѣ 1714 г. дѣла рѣшались единогласно. Петровскій доказалъ, что въ сенатѣ дѣла рѣшались по большинству голосовъ. Это ему легко было сдѣлать, имѣя подъ руками архивныя сенатскія бумаги, изъ которыхъ видно, что въ сенатѣ принимались тѣ рѣшенія, въ пользу которыхъ высказалось большинство. Выраженіе же: «безъ согласія всего сената ничто же дѣлать подобаеть, паче же что рѣшить возможно» — значитъ только, что Петръ требовалъ, чтобы къ рѣшенію дѣлъ приступали не прежде того, какъ всѣ сенаторы извѣстятся о дѣлѣ. Въ сенатѣ существовалъ такой порядокъ: если какой-нибудь членъ отсутствовалъ, то къ нему дѣло посылалось на домъ, чтобы онъ все-таки далъ свое мнѣніе. Мнѣнія должны были высказывать не только присутствующіе члены сената, но и отсутствующіе, за исключеніемъ находящихся въ дальнихъ отлучкахъ. Петръ мотивировалъ это постановленіе такимъ образомъ: «ибо симъ (т. е. изложеніемъ своего мнѣнія) всякого дурость явлена будетъ».

Итакъ, спорное выраженіе значитъ, что безъ освѣдомленія всѣхъ членовъ сената дѣло не могло рѣшаться.

Надзоръ. Петръ имѣлъ въ виду создать въ сенатѣ послушное себѣ орудіе, которое бы энергически дѣйствовало; съ этою цѣлью онъ надѣлилъ его обширнымъ кругомъ вѣдомства и значительною властью по отношенію къ низшимъ мѣстамъ. Естественно Петру было позаботиться и о томъ, чтобы сенатъ не выступалъ изъ его воли. Съ этою цѣлью была установлена энергическая система надзора за дѣятельностью сената. Сперва этотъ надзоръ былъ порученъ генераль-ревизору Зотову. Но дѣятельность его была малоуспѣшна. Зотовъ оставался въ этой должности не болѣе трехъ лѣтъ. Съ 1720 года надзоръ за дѣятельностью сената былъ присоединенъ къ обыкновеннымъ обязанностямъ оберъ-секретаря. Инструкція оберъ-секретарю подробно опредѣляетъ порядокъ теченія дѣлъ въ сенатѣ и возлагаетъ на оберъ-секретаря наблюденіе за его исполненіемъ. Дѣла должны слушаться по порядку вступленія; по каждому дѣлу сенаторы должны были совѣщаться не болѣе получаса; если же дѣло особенно важное, то въ теченіи трехъ часовъ; только въ крайнихъ случаяхъ можно было отложить рѣшеніе дѣла до другого дня. За этимъ долженъ былъ наблюдать оберъ-секретарь, предъ которымъ стояли песочные часы. Если сенаторы допускали какое-нибудь отступленіе отъ закона, то оберъ-секретарь долженъ былъ, покинувъ всѣ дѣла, немедленно донести государю. Весьма скоро этотъ новый способъ надзора оказался также недостигающимъ цѣли. Оберъ-секретарь находился въ довольно странномъ положеніи: онъ былъ подчиненъ сенату, а между тѣмъ долженъ былъ наблюдать за дѣйствіями сенаторовъ. Въ 1721 году для надзора за сенаторами были назначены штабъ-офицеры гвардіи; они дежурили помѣсячно. Имъ предоставлено было даже право арестовать непослушнаго сенатора и запереть его въ крѣпость. Эта крутая мѣра дѣйствовала не долго. Въ 1722 году Петръ учредилъ должность гене-

раль-прокурора. Генераль-прокурору предоставлено было право наблюдать за дѣятельностью сената, за порядкомъ рѣшенія и за тѣмъ, чтобы всѣ рѣшенія сената были согласны съ законами. Если онъ замѣчалъ какое-нибудь отступленіе отъ закона, то долженъ былъ сдѣлать представленіе сенату. Если сенатъ не слушалъ, онъ долженъ былъ остановить рѣшеніе и донести государю. Генераль-прокуроръ — начальникъ сенатской канцеляріи; чрезъ его руки поступаютъ въ сенатъ всѣ дѣла, кромѣ рекетмейстерской части. По указу 1722 года, выборъ генераль-прокурора былъ предоставленъ сенату; но въ дѣйствительности Петръ самъ назначалъ генераль-прокуроровъ, что болѣе было согласно съ сущностью дѣла. Сенатъ не очень любилъ это дополненіе къ его учрежденію. Когда при Аннѣ Іоанновнѣ рѣшено было возстановить сенатъ въ прежнемъ значеніи, то въ первомъ же засѣданіи возстановленнаго сената обсуждался вопросъ, быть ли должности генераль-прокурора или не быть? Сенатъ высказался противъ. Таковъ былъ сенатъ при Петрѣ Великомъ.

XXXIX. ПРОИСХОЖДЕНІЕ, РАЗВИТІЕ И ЗНАЧЕНІЕ СЕНАТА ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

(Изъ соч. Петровскаго: «О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго».)

Законъ развитія отъ простаго къ сложному, раздѣленія и специализаціи труда господствуетъ не только въ сферѣ экономической, но и государственной; этотъ законъ проявляется и въ исторіи государственнаго устройства и управленія каждой страны, въ томъ числѣ и нашей. Уже въ дружинѣ князей лежить зерно развитія органовъ государственной власти. Изъ старшихъ дружинниковъ, людей близкихъ къ князю, составлялась Княжеская Дума или Совѣтъ — зародышъ позднѣйшей Царской Думы. Царская Дума, учрежденіе которой приписывается Ивану Грозному, не есть то же самое, что княжеская, только получившая другое названіе. Нѣтъ, Царская Дума представляетъ совершенно новое, развившееся изъ прежней Думы, но отличное отъ нея явленіе. Тогда какъ Княжеская Дума составляла совершенно частный совѣтъ князя и не имѣла никакого соотношенія съ другими органами управленія, Царская Дума является учрежденіемъ постояннымъ, съ опредѣленнымъ составомъ и организаціей, состоящимъ въ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ верховной власти и къ прочимъ органамъ управленія.

Царская Дума совершенно подходила къ понятіямъ московскихъ царей, къ ихъ образу жизни посѣдиво-домовитому, къ ихъ дѣятельности медленной, неповоротливой. Но вотъ наступаетъ царствованіе Петра Великаго, и медленный ходъ нашей политической, экономической и общественной жизни понесся впередъ съ изумительной быстротой.

Думѣ при этой новой кипучей жизни оставалось одно изъ двухъ: или перестроиться соотвѣтственно новымъ потребностямъ, или уничтожиться и замѣниться другимъ учрежденіемъ, въ прежнемъ же своемъ видѣ она не могла остаться. Время Петра требовало постоянной, быстрой, энергической дѣятельности. Часто отлучаясь изъ столицы, Петръ издали могъ дѣлать только главные распо-

раженія, давать направленіе, а остальное долженъ былъ предоставить какому-либо лицу или учрежденію, которое бы пользовалось полнымъ его довѣріемъ, представляло бы во время его отсутствія его особу и власть, съ отчетомъ ему одному по его возвращеніи. Это лицо или учрежденіе должно имѣть въ своихъ рукахъ все высшее управленіе, отчасти законодательство и высшій судъ; къ нему, какъ къ центру, должны стекаться всѣ вопросы, требующіе разрѣшенія, часто немедленнаго. Петръ болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ нуждался въ помощникѣ, въ учрежденіи, которое бы сняло съ него часть заботъ и раздѣлило его труды.

Дума не могла стать требуемымъ помощникомъ Петру. Она отличалась двумя характеристическими признаками—отсутствіемъ самостоятельности и всякой инициативы, т. е. какъ разъ противоположностью тому, что требовалось при данныхъ обстоятельствахъ. Можно задать однако вопросъ: почему Петръ уничтожилъ Думу и предпочелъ замѣнить ее учрежденіемъ иностраннымъ, Сенатомъ, а не попытался примѣнить ее къ даннымъ обстоятельствамъ, надѣливъ болѣшими правами и сдѣлавъ способной къ дѣятельности болѣе энергичной и самостоятельной? Можно думать потому, что старое учрежденіе носило бы въ себѣ старыя преданія, воспоминанія и убѣжденія, шедшія въ разрѣзъ съ народившимися новыми. Дума—представитель старой Россіи, старой жизни; преобразовать ее—значило влить молодое вино въ старыя иѣхи; въ ней долго жило бы воспоминаніе о прошломъ, и если не явно, то тайно проглядывали бы старыя привычки и понятія. Боясь съ старымъ духомъ, желая какъ можно скорѣе вытѣснить его, Петръ не давалъ новымъ учрежденіямъ старыхъ названій, вѣроятно потому, что всякое историческое имя есть живое представленіе идеи, которая упорно носитъ въ себѣ воплощеніе связанной съ ней старины, напоминаетъ, поддерживаетъ старый духъ.

Но почему же Петръ не поручилъ управленія, вмѣсто учрежденія, кому-нибудь изъ своихъ довѣренныхъ любимцевъ и помощниковъ? Петръ не довѣрялъ лицамъ. Отличительная черта всѣхъ его правительственно-судебныхъ преобразованій есть именно желаніе замѣнить единичныя лица коллегіями. Это превосходство коллегій надъ единоличностью прекрасно изложено въ предисловіи къ Духовному Регламенту и раньше кратко изложено въ 1718 году при сравненіи старыхъ Приказовъ съ вновь учреждаемыми Коллегіями. Тамъ сказано: «...коллегія, т. е. собраніе многихъ персонъ, въ которыхъ президенты или предсѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старыя суды: дѣлали, что хотѣли; въ коллегіи же президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищевъ своихъ ничего учинить».

Если Петръ не желалъ вѣрить управленію одному лицу по недовѣрію къ единоличному началу, и если не могла быть его помощникомъ старая Дума, какъ отжившая свое время и неспособная удовлетворить потребностямъ новаго времени, то оставалось только одно: создать новое учрежденіе на новыхъ началахъ, приспособленное къ новой жизни, какииъ и является Сенатъ. Такъ сама исторія паталкивала на учрежденіе Сената, и происхожденіе его нельзя приписывать одной личной волѣ Преобразователя и какъ бы его капризу или непреодолимой страсти къ подражанію чужеземнымъ образцамъ. Многія изъ его преобразованій требовались самою жизнью, были потребностью тогдашней Россіи и за нихъ мы должны быть благодарны ему. Къ такимъ учрежденіямъ принадлежитъ и Сенатъ.

Совершенно справедливо осудивъ Думу на уничтоженіе, Петръ однако не сразу рѣшился на замѣну ея другимъ учрежденіемъ. Причина тому, конечно, неизбѣжно ничего выработаннаго, незнаніе, чѣмъ замѣнить. Но потребность поставить во главѣ управленія что-нибудь или кого-нибудь была вѣрнѣе настоящая, и потому Петръ приказалъ лицамъ, завѣдывавшимъ различными Приказами, съѣз-

жаться въ ближнюю Его Величества Канцелярію и заниматься дѣлами, касающимися всего государства по общему совѣту. Когда уничтожилась Дума и высшимъ мѣстомъ стала Ближняя Канцелярія — точно неизвѣстно. Въ 1700 году Дума еще существуетъ, а въ началѣ 1704 года Ближняя Канцелярія уже дѣйствовала съ характеромъ высшаго центрального учрежденія.

Петръ не былъ доволенъ Ближнею Канцеляріею, сѣзжающимися министрами; дѣла шли дурно: члены *консиліи* всѣ завалены своими дѣлами, часть разъѣзжаютъ то въ Петербургъ, то въ Воронежъ на верфь, то вызываемые самимъ государемъ для разсужденія по дѣламъ, лежащимъ на каждомъ изъ нихъ; министры по прежнему за всѣмъ обращаются къ Петру, не смотря на постоянныя напоминанія его, чтобъ они сами рѣшали и не обращались къ нему. Пора было прекратитъ временное положеніе, надо было дать государству дѣйствительное высшее центральное учрежденіе и въ немъ создать себѣ дѣятельнаго и могущественнаго помощника, а время наступало именно такое, какое наиболее побуждало къ тому: въ 1711 году Турція объявила войну Россіи; Петръ долженъ былъ готовиться въ далекой походъ на Прутъ; волей-неволей приходилось подумать о созданіи учрежденія прочнаго, организованнаго, энергичнаго, которое бы владѣло обширною властью и замѣняло его. Такъ Петръ нуждою, потребностью былъ приведенъ къ учрежденію Сената. 1711 года 22 февраля объявляется манифестъ о войнѣ съ Турціей и въ тотъ же день указъ объ учрежденіи Сената.

Хотя указъ объ учрежденіи начинается словами: «опредѣлили быть для отлучекъ нашихъ Правительствующій Сенатъ для управленія», чѣмъ ясно указывается какъ причина созданія этого учрежденія, такъ и то, что оно только временное, но тѣмъ не менѣе Сенатъ является, какъ прочное, организованное учрежденіе, и несравненно выше, чѣмъ прежняя Дума или консилія бояръ въ Ближней Канцеляріи. Составъ Сената точно означенъ: онъ состоитъ изъ девяти сенаторовъ, и уже нельзя, какъ это было у бояръ въ Ближней Канцеляріи, приглашать еще кого вздумаютъ, канцелярія находится подъ вѣдѣніемъ оберъ-секретаря, отвѣтственнаго передъ Сенатомъ, и раздѣляется на столы. Петръ сразу далъ Сенату все, что требуется отъ высшаго государственнаго учрежденія и что въ особенноти требовалось обстоятельствами того времени, и чего по преимуществу недоставало прежней Царской Думѣ, — онъ далъ ему большую самостоятельность въ дѣйствіяхъ, снабдилъ обширными полномочіями. Тогда же Петръ далъ Сенату инструкцію, чѣмъ онъ долженъ будетъ по преимуществу заняться. Всѣ пункты инструкціи можно сгруппировать около трехъ: 1) «Судъ имѣтъ не лицемерный и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія», судъ и надзоръ за правосудіемъ поставлены во главу дѣятельности Сената, потому что безъ этого невысказанно благосостояніе государства; 2) «Денежь, какъ возможно, собирать, понеже деньги суть артеріею войны», и наконецъ — 3) «Дворянъ собирать молодыхъ для запаса въ офицеры, а наипаче тѣхъ, которые крются, сыскать; такожъ тысячу человекъ людей боярскихъ грамотныхъ для того жь».

Въ этихъ трехъ пунктахъ опредѣлилъ Петръ задачу Сената, кругъ его вѣдомства; но, конечно, это было только указаніе на главнѣйшія задачи Сената, а вовсе не *точное* опредѣленіе круга его вѣдомства. Сюда не входятъ множество предметовъ, подлежащихъ его вѣдѣнію: ни слова не говорится о попеченіи, о благосостояніи и безопасности народа, о мѣрахъ противъ пожаровъ, разбоевъ, моровой язвы, противъ голода и т. д., а между тѣмъ все это было въ вѣдѣніи Сената. Давъ Сенату такія большія полномочія и власть, Петръ однако не забываетъ и объ отвѣтственности его. На Сенатъ можно жаловаться, и онъ отвѣтственъ, но только передъ однимъ государемъ. Петръ съ самаго начала учрежде-

ніа Сената постарался обставити его благопріятнымъ образомъ для выполненія своей задачи. Онъ не забылъ способа составленія приговоровъ. Всѣ сенаторы имѣють равные голоса, всѣ должны собственноручно подписывать приговоры (это было введено еще для бояръ въ Ближней Канцеляріи); рѣшаются дѣла единогласіемъ; несогласіе одного дѣлаетъ приговоръ недѣйствительнымъ, но несогласившійся обязанъ дать «протестацію за своею рукою на письмѣ», т. е. протестъ долженъ быть мотивированъ, а не быть слѣдствіемъ одного упорства, каприза.

Для лучшаго и удобнѣйшаго сношенія Сената съ губерніями учреждаются по два комиссара отъ каждой губерніи. Они принимаютъ отъ Сената указы, пересылають ихъ губернаторамъ и сообщаютъ Сенату о всѣхъ дѣлахъ своихъ губерній.

Сенатъ, какъ полномочный правитель государства, долженъ надзирать за всѣми дѣйствіями правительственныхъ органовъ, за исполненіемъ указовъ, за не-обкрадываніемъ казны и народа. Чтобы облегчить эту задачу Сената, Петръ учреждаетъ фискаловъ съ оберъ-фискаломъ во главѣ, состоящимъ при Сенатѣ и имѣющимъ цѣлую цѣпь подчиненныхъ собѣ фискаловъ въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ. Это глаза и уши Сената, которыми онъ все видитъ и слышитъ. Фискалы подчинены одному Сенату.

Наконецъ должно еще сказать о томъ, что Петръ, обращая постоянно вниманіе на войско и, конечно, требуя отъ Сената помощи въ военномъ дѣлѣ, въ самомъ же началѣ установленія Сената уничтожаетъ Разрядный Приказъ, а вмѣсто него учреждаетъ разрядный столъ при Сенатѣ, черезъ что передаетъ въ непосредственное вѣдѣніе послѣдняго главную силу тогдашняго войска—служилое сословіе.

Такъ организовался Сенатъ въ продолженіе марта мѣсяца 1711 года. Сенатъ — высшее судебное и высшее надзирающее учрежденіе и наконецъ Сенатъ—высшее административное учрежденіе. Административная власть Сената простиралась на всю огромную область, входящую въ сферу внутренней высшей администраціи государства: онъ вѣдалъ промышленность, торговлю, благоустройство, безопасность, финансы и военное дѣло. Административная власть его была такъ велика и такъ неопредѣленно поставлена самимъ Петромъ, что нерѣдко выходила изъ предѣловъ административной и переходила въ законодательную. Сенатъ собственною властью уничтожаетъ Приказы, восстанавливаетъ уничтоженные, создаетъ новыя учрежденія, передаетъ предметы вѣдомства одного въ вѣдѣніе другого учрежденія, накладываетъ подати, уменьшаетъ ихъ, объявляетъ новые наборы рекрутъ, лошадей и т. д.

Сенатъ оправдалъ надежды своего творца и развилъ изумительную, до того времени небывалую, дѣятельность: наборъ войска, его обмундированіе, вооруженіе, отправка, снабженіе провіантомъ, заготовка и отправка лѣсовъ для флота; поощреніе торговли, мануфактуръ, приведеніе въ порядокъ финансовъ и забота объ усиленіи денежныхъ средствъ, мѣры противъ пожаровъ, разбоевъ, моровой язвы, мѣры по успѣшной постройкѣ каналовъ, дорогъ, по безопасности границъ отъ разныхъ кочевыхъ народовъ и т. д.—все невозможно перечислить—все это не миновало его рукъ, такъ что во многихъ случаяхъ даже трудно сказать, гдѣ кончалась власть Сената и начиналась верховная власть монарха.

Конечно, потребность въ учрежденіи, подобномъ Сенату, чувствовалась раньше 1711 года и, безъ сомнѣнія, война съ Турціей дала только окончательный толчекъ къ учрежденію его, но замѣчательно, что до самаго указа объ установленіи Сената, мы не находимъ ни одного намека на желаніе учрежденія его, ни разу ни въ письмахъ, ни въ указахъ не употребляется слово Сенатъ. Нельзя

вѣрить внезапному созданію Сената, какъ нельзя вѣрить, чтобы только 22 февраля 1711 года вдругъ явилась потребность въ немъ, до тѣхъ поръ не существовавшая; но нельзя не пожалѣть, что исторія не оставила намъ никакихъ свѣдѣній относительно развитія идеи у Петра о созданіи этого учрежденія. Въ настоящее же время мы можемъ съ нѣкоторою вѣроятностью только догадываться, что шведскій Сенатъ послужилъ не образцомъ, потому что нашъ Сенатъ 1711 года и послѣдующихъ годовъ до 1718 по своему устройству не походитъ на шведскій, а по крайней мѣрѣ нѣкоторыми поводами и примѣрами къ учрежденію высшаго съ большими полномочіями учрежденія и, можетъ быть, даже къ названію подобнаго учрежденія Сенатомъ. Примѣромъ и поводомъ къ учрежденію у насъ Сената Швеція тѣмъ удобнѣе могла служить, что положеніе обѣихъ странъ имѣло нѣчто общее: Швеція находится въ подобномъ Россіи положеніи—длинная война и уже рѣшительное отсутствіе короля въ продолженіе болѣе чѣмъ десяти лѣтъ, а между тѣмъ дѣла идутъ недурно—всѣмъ управляетъ Сенатъ, ему за отсутствіемъ короля даны большія полномочія въ управленіи страной. Это-то сходство положеній обѣихъ странъ и потребность въ сильномъ правительственномъ учрежденіи, очень можетъ быть, привели Петра къ мысли учредить высшее съ огромными полномочіями учрежденіе и къ названію его тоже Сенатомъ. Кромѣ названія, общее между нашимъ и шведскимъ Сенатомъ—это чрезвычайно высокое положеніе ихъ, огромныя права, вызванныя одною и тою же потребностію замѣнить личность государей, въ одной странѣ (Швеціи) непрерывно отсутствовавшего съ 1700 по 1714 г., а въ другой (Россіи) очень часто отсутствовавшего изъ столицы; еще есть сходство, намекающее также на заимствованіе изъ Швеціи мысли объ учрежденіи Сената, это введеніе совершенно новаго института въ Россіи—фискаловъ, также существовавшихъ въ Швеціи, и гдѣ также, какъ и у насъ, глава ихъ состоитъ при Сенатѣ. Во всемъ остальномъ Сенатъ долженъ былъ быть и былъ приноровленъ къ тогдашнему состоянію Россіи.

Что же стало послѣ учрежденія Сената съ Влжнею Канцеляріей? Она сдѣлалась тѣмъ, что и была по своему существу—просто канцеляріей Петра, потерявъ значеніе высшаго правительственнаго учрежденія. Влжняя Канцелярія по отношенію къ Сенату стала въ подчиненное положеніе, подобно всѣмъ другимъ учрежденіямъ, и Сенатъ шлетъ въ нее указы, а она обращается къ нему съ *домесіями*, прося о томъ или другомъ дѣлѣ разрѣшенія.

Въ продолженіе царствованія Петра Великаго Сенатъ не оставался при одномъ и томъ же устройствѣ, данномъ ему первоначально. Во все царствованіе своего творца онъ постоянно развивается. Такъ въ 1714 году Петръ велитъ печатать и продавать наравнѣ съ именными и указы Сената, содержащіе въ себѣ не частныя распоряженія, а общія для всего государства постановленія, чѣмъ указамъ Сената придается сила законовъ. Въ томъ же году судебное значеніе Сената стало еще выше: запрещено было обращаться къ Петру съ жалобой на несправедливое рѣшеніе, не бивши челомъ въ учрежденныхъ инстанціяхъ, причѣмъ на Сенатъ можно жаловаться только тогда, когда въ немъ «рѣшенія не учинять». Къ сожалѣнію, не объяснено, какъ понимать это выраженіе «кому въ Сенатѣ рѣшенія не учинять». То ли, что самъ Сенатъ откажется рѣшить по-чему-либо, или когда онъ будетъ медлить и тянуть дѣло? Но во всякомъ случаѣ, когда онъ постановилъ рѣшеніе, то оно уже безапелляционно, хотя бы это рѣшеніе было и неправо. Это рѣшительно новостъ въ Россіи: прежде доступъ къ царю съ жалобой на какое угодно лицо и мѣсто былъ невозбраненъ.

Указомъ 1714 года 4 апрѣля повелѣвается вести протоколы по всѣмъ дѣламъ, что, конечно, нѣсколько замедляетъ дѣло, но за то заставляетъ каждого

сенатора тщательно обдумывать каждое изъ нихъ и относиться къ нему со всѣмъ вниманіемъ, запрещается посылать указы, что-либо рѣшающіе или вновь устанавлиющіе по словесному или и письменному приказавію одного изъ сенаторовъ за подписью одного секретаря или дьяка, что устраняло такое важное зло, какъ произволъ одного лица. Не даромъ Петръ за неисполненіе этого указа грозить дьякамъ и секретарямъ смертною казнію. Но самое важное въ этомъ указѣ— это введеніе рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ. Первыми указами установлено было рѣшеніе дѣлъ по единогласію, но это оказалось неудобнымъ.

Съ 1718 года совершается огромная реформа какъ въ областныхъ, такъ и въ центральныхъ учрежденіяхъ Россіи, и то и другое на шведскій образецъ. Въ губерніяхъ являются Надворные, Провинціальныя и Нижніе Суды, у воеводъ отнимается судебная власть, появляются подвѣдомыя Коллегіямъ камереры, комиссары, рекетмейстеры; въ столицѣ уничтожаются безпорядочные Приказы, и вмѣсто нихъ учреждаются Коллегіи съ систематическимъ распредѣленіемъ между ними различныхъ отраслей государственныхъ дѣлъ. Все это не могло не повести къ измѣненію въ положеніи Сената. Собирая подробныя свѣдѣнія о шведскихъ Коллегіяхъ и заставляя переводить ихъ регламенты на русскій языкъ, Петръ, конечно, интересовался и шведскимъ Сенатомъ. Съ устройствомъ центральныхъ и областныхъ учреждений на манеръ Швеціи, не оставалось никакого препятствія и къ переустройству Сената, болѣе подходящему къ шведскому, тѣмъ болѣе, что переустройство требовалось и многими неудобствами прежняго положенія Сената. Теперь стало возможно и нашъ Сенатъ составить изъ президентовъ Коллегій и поставить его въ прямую связь съ Коллегіями, какъ въ Швеціи. Такъ и было. Въ 1718 году является именной указъ о должности Сената, гдѣ говорится, что «Сенату надлежитъ состоять изъ президентовъ Коллегій». Далѣе этотъ же указъ опредѣляетъ отношеніе Сената къ областнымъ управителямъ, говоря, что губернаторы и ландсгевдинги должны обращаться къ Сенату только по дѣламъ неподвѣдомымъ ни одной изъ Коллегій «яко о началіи какой войны, мора, какого замѣшанія (бунта) или какихъ припадковъ». Потомъ говорится, что Сенатъ выбираетъ «въ чины вышніе баллотированіемъ, также чины сказываетъ и даетъ указы во всѣ государства». Относительно же судебного значенія—Сенатъ съ этого времени пересталъ составлять прямую судебную инстанцію и переносъ дѣла изъ Юстицъ-Коллегіи въ Сенатъ могъ быть только тогда, когда челобитную о томъ подпишетъ самъ государь; причѣмъ жалоба на рѣшеніе Сената запрещена подъ страхомъ смертной казни: «понеже тотъ вышній Сенатъ отъ его царскаго величества высокоповѣреннымъ есть и въ особахъ честныхъ и знатныхъ состоитъ, которымъ нетокмо челобитчиковы дѣла, но и правленіе государства повѣрено есть». Впрочемъ, это продолжалось только до 1720 года, до учрежденія должности генераль-рекетмейстера. Далѣе въ этомъ указѣ идутъ приказанія всѣмъ мѣстамъ по полученіи сенатскаго указа немедленно рапортовать Сенату какъ о томъ, что указъ полученъ, такъ и о томъ, что въ исполненіе его сдѣлано; также предписывается непремѣнно письменное отправленіе всѣхъ дѣлъ съ вѣдома всего Сената; усовѣщивается Сенатъ вести себя прилично, имѣть попеченіе о благѣ государства и хранить и исполнять указы государя. Этимъ же указомъ предписано было Сенату составить свою канцелярію по образцу коллежскихъ, что въ 1719 году и сдѣлано Сенатомъ.

Этимъ указомъ вносятся въ Сенатъ перемѣна въ личномъ составѣ, перемѣна въ отношеніяхъ къ другимъ учрежденіямъ, перемѣна въ судебномъ значеніи его, такъ какъ онъ пересталъ быть прямою судебною инстанціей, но это, какъ уже сказано, не надолго; измѣнилась канцелярія Сената, и вмѣсто прежнихъ дьяковъ

и подъячихъ, подъ начальствомъ оберъ-секретаря, явились секретари, нотариусы, актуариусы, регистраторы и т. д.

Всего лучше власть Сената и значеніе его высказывается въ 8 и 9 пунктахъ этого указа: «едино сказать, всегда Сенату подобаеъ имѣть о монаршеской и государственной пользѣ неусыпное попеченіе, доброе бы простираеть, а все, что вредно можетъ быть, всемѣрно отвращать», а также: «Сенатъ собирается вмѣсто присутствія его величества собственной персоны». Этою обязанностью доброе простираеть, а все вредное отвращать, власть его простирается такъ далеко, что она захватываетъ рѣшительно все, надзоръ за всѣмъ, происходящимъ въ государствѣ, и право посылать всюду указы, касающіеся рѣшительно всего.

Прежде всѣ и за всѣмъ обращались прямо къ Сенату, не зная никакихъ посредствующихъ инстанцій. Теперь указомъ 1718 года отношенія Сената къ областнымъ учрежденіямъ почти прекращаются; областные начальники должны обращаться, смотря по дѣлу, къ той или другой Коллегіи и только въ чрезвычайныхъ случаяхъ—войны, моровой язвы, бунта—могутъ и должны обращаться къ Сенату, такъ какъ это, дѣйствительно, случаи, требующіе мѣръ чрезвычайныхъ, на что имѣетъ власть одинъ Сенатъ. Избавившись отъ областныхъ учреждений, Сенатъ долженъ былъ стать въ прямыя и частыя сношенія только съ одними центральными учрежденіями—Коллегіями. По генеральному регламенту Коллегіи находятся подъ указами только государя и Сената; онѣ должны неотложно исполнять всѣ указы Сената, въ случаѣ же, если найдутъ что-либо въ сенатскомъ указѣ, противорѣчащее именнымъ, то докладываютъ о своемъ сомнѣніи Сенату, но если Сенатъ вновь подтверждаетъ свой указъ, то должны тотчасъ исполнить его и донести обо всемъ государю. При затруднительности дѣла, недостаткѣ закона, противорѣчіяхъ въ немъ, Коллегіи выставивъ всѣ основанія и обстоятельства дѣла, должны непременно приложить свое мнѣніе и представить въ докладъ Сенату. Если Коллегія усмотритъ что-либо новое и полезное государству, то доносить царю или Сенату. Сенатъ разрѣшаетъ временные отпуска чинамъ Коллегій. На мѣста выбывшихъ вице-президентовъ Сенатъ выбираетъ кандидатовъ, баллотируетъ ихъ и представляетъ на утвержденіе государю: совѣтниковъ и ассесоровъ утверждаетъ самъ, а прочихъ чиновниковъ выбираетъ Коллегія, а утверждаетъ Сенатъ. Такимъ образомъ, съ учрежденіемъ Коллегій у насъ водворилась система и въ дѣлахъ правительственно-административныхъ, и здѣсь явились инстанціи: низшія, областныя учрежденія должны обращаться къ Коллегіямъ, Коллегіи—къ Сенату. Теперь и Сенатъ получилъ болѣе правильное устройство и кругъ дѣйствія: оцъ сталъ для всѣхъ Коллегій высшею инстанціей, наблюдающею за ними и разрѣшающею ихъ недоразумѣнія, къ которой они обращаются, когда дѣло превышаетъ ихъ власть. Къ нему нельзя стало обращаться помимо Коллегій, какъ было прежде при Приказахъ, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ. Сенатъ былъ освобожденъ отъ заваливающихся его мелкихъ дѣлъ, чтобъ дать ему больше простора въ дѣлахъ высшихъ, государственныхъ.

Къ сожалѣнію, необходимый Сенату просторъ для высшихъ государственныхъ дѣлъ дался ему не скоро. Коллегіи, еще не привычныя къ новому своему дѣлу, безпрестанно тревожатъ Сенатъ пререканіями другъ съ другомъ о предѣлахъ и границахъ вѣдомства, безпрестанно спрашиваютъ указа у Сената о дѣлахъ, которыя нисколько не превышаютъ ихъ полномочій, и отвѣты на которыя имѣются въ указахъ очень ясныя; воеводы, губернаторы и другіе военные и гражданскіе чины по старой привычкѣ непрерывно обращаются за всѣмъ, помимо своихъ Коллегій, къ нему же.

Сенатъ толкуетъ, объясняетъ, сердится, грозитъ штрафами, если не переста-

нута къ нему обращаться не въ указанныхъ закономъ случаяхъ, и наконецъ прибѣгаетъ, дѣйствительно, къ штрафу.

Учрежденный на время Сенатъ, съ устройствомъ Коллегій, дѣлается учрежденіемъ постояннымъ. Его существованіе тѣсно связывается съ существованіемъ Коллегій и какъ Коллегіи были учрежденіями восточными, такъ и замыкающей и связующей ихъ Сенатъ долженъ сдѣлаться также восточнымъ.

Въ концѣ 1721 года и въ началѣ 1722 слѣдуетъ связь рядъ реформъ относительно Сената. Это время совпадаетъ съ временемъ окончанія шведской войны, вслѣдствіе чего Петру предоставляется больше времени самому заниматься дѣлами внутренними, больше жить въ столицѣ; теперь Петръ не нуждается больше въ чрезвычайномъ помощникѣ, и часть коллегочій, вызванныхъ прежними частыми отсутствіемъ Петра, должна была быть отнята у Сената, какъ восполняющая сущности его, какъ обыкновеннаго высшаго учрежденія, и должностная по самому государственному устройству Россіи, какъ неограниченной монархіи, принадлежать всецѣло верховной власти, — имъ говорится про прежнее право Сената издавать указы, что-либо вновь устанавливающія, т. е. про власть законодательную. 19-го ноября 1721 года на докладныхъ пунктахъ Синода Петръ собственноручно написалъ, что если «какое дѣло нововѣтъ о новомъ какомъ опредѣленіи генеральномъ, то не должно ни въ Синодѣ, ни въ Сенатѣ безъ подписанія нашей руки чинить». Это въ обыкновенное время. Но опять-таки въ случаяхъ чрезвычайныхъ, во время отсутствія его, какъ исключеніе изъ обыкновеннаго правила, Сенатъ вмѣстѣ съ Синодомъ могутъ издавать указы вновь что-нибудь устанавливающій. Въ 1722 году такіа чрезвычайная игра хита и позволено принимать, но запрещается Сенату указы о томъ печатать и утверждать «во тѣхъ мѣстахъ, пока отъ насъ оныя аннубованы, напечатаны и къ регламентамъ присовокупены будутъ». Но тотъ же самый указъ 17 апрѣля 1722 года предоставляетъ Сенату широкое участіе въ дѣлѣ законодательства чрезъ дозволеніе ему всегда, когда онъ найдетъ въ какомъ-либо законѣ темноту, противорѣчіе или наконецъ просто отсутствіе на что-либо закона, составлять проекты и приносить на разсмотрѣніе и утвержденіе государя. Такимъ образомъ, отъ Сената взято было только то, что принадлежало ему впрочемъ, и оставлено все то, что должно принадлежать постоянному высшему центральному учрежденію.

Наибольшія измѣненія послѣдовали въ 1722 году. Учреждая Сенатъ изъ президентовъ Коллегій, Петръ, конечно, имѣлъ въ виду составить высшее правительственное учрежденіе изъ людей специальныхъ, изъ администраторовъ, близко знакомыхъ со всѣми подробностями управленія. Но составъ Сената изъ президентовъ Коллегій не соответствовалъ одной изъ главныхъ его цѣлей — контролировать Коллегіи и рѣшать дѣла по апелляциямъ на нихъ. Указъ 1722 года января 12-го измѣняетъ составъ Сената. Въ Сенатѣ съ прежнею должностью президентовъ Коллегій сохранили свои мѣста только президенты: Иностранной, двухъ Военскихъ и Бергъ-Коллегій, прочія же Коллегіи получили другихъ президентовъ. Петръ сознается, что прежнее устройство неудобно и что «сіе сначала не осмотра учинено было» и выставляетъ двѣ причины этого неудобства: 1) что «правленіе сего государства, яко не распоряженнаго предъ симъ, непрестанныхъ трудовъ въ Сенатѣ требуетъ, а члены Сенатскіе, почитай всѣ, свои Коллегіи имѣютъ: того ради немогутъ онаго свѣсть»; 2) чтобы «смотрѣли надъ Коллегіями, яко свободные отъ нихъ; а нынѣ сами будучи во оныхъ, какъ могутъ сами себя судить». Президенты Коллегій Иностранной, Бергъ и двухъ Военскихъ — должны присутствовать только въ важныхъ случаяхъ и когда самъ государь присутствуетъ; но впрочемъ, въ томъ же году всѣмъ этимъ президентамъ (Военной, Адмиралтей-

ской, Иностранной и Бергъ-Коллегіи) снова вѣлѣно постоянно присутствовать въ Сенатѣ только двумя днями меньше, чѣмъ прочимъ «для малолюдства». Такимъ образомъ, нашъ Сенатъ снова отдалился отъ шведскаго.

Чтобъ сдѣлать строже надзоръ за всѣми финансовыми дѣлами, тѣмъ же указомъ Петръ уничтожаетъ Ревизионъ-Коллегію и передаетъ ея дѣла Сенату.

Наконецъ, тѣмъ же указомъ устанавливаются должности экзекутора, смотрящаго за своевременнымъ отправленіемъ и исполненіемъ указовъ Сената, герольд-мейстера, генераль-рекетмейстера и генераль-прокурора съ оберъ-прокуроромъ.

Герольдмейстеръ завѣдывалъ всѣмъ дворянствомъ Имперіи. Онъ давалъ удостоенія въ дворянскомъ достоинствѣ и снабжалъ дворянскіе роды гербами. Ему поручено вести списки всѣхъ гражданскихъ, придворныхъ и военныхъ чиновъ и ихъ дѣтей. Онъ же долженъ былъ наблюдать, чтобы дѣти дворянъ получали образованіе и не укрывались отъ службы. Онъ представляетъ Сенату требуемыхъ имъ кандидатовъ на должности и дѣлаетъ смотръ недорослямъ.

Генераль-рекетмейстеръ принимаетъ жалобы на Коллегіи, причеиъ если Коллегіи медлятъ рѣшеніемъ дѣлъ сверхъ положеннаго регламентомъ срока, то по-нуждаетъ ихъ къ скорѣйшему рѣшенію, а по жалобамъ на неправоое рѣшеніе переноситъ дѣла въ Сенатъ. Къ нему же обращались иностранцы, незнающіе нашихъ судебныхъ порядковъ, и онъ былъ ихъ ходатаемъ и оберегателемъ. Впослѣдствіи ему же было поручено ходатайство по жалобамъ на помѣщиковъ, не позволяющихъ на своихъ земляхъ отыскивать руду и строить заводы. Генераль-рекетмейстеръ, равно какъ и герольдмейстеръ имѣли свои конторы, составлявшія какъ бы части Сенатской канцеляріи.

Создавъ такое могущественное учрежденіе, какъ Сенатъ, Петръ не могъ оставить его дѣйствовать безъ надзора, а фискаловъ для этого было недостаточно; фискалъ не сидѣлъ въ присутствіи Сената. его надзоръ былъ тайный, онъ не предупреждалъ, а только каралъ преступленія. Недостатокъ надзора явнаго, предупреждающаго, чувствовался Петромъ давно,—тѣмъ болѣе, что, при системѣ каранія только совершившихся преступленій, не всякое преступленіе всплываетъ наружу. Кроме того, Сенатъ нуждался не въ одномъ предупрежденіи злоупотребленій, но и въ прекращеніи безпорядковъ, сильно вредившихъ быстрому и правильному ходу дѣлъ въ немъ; а между тѣмъ и злоупотребленія и безпорядки въ Сенатѣ по низкому нравственному уровню той эпохи и по непривычкѣ къ сдержанности, къ спокойному разсмотрѣнію дѣлъ, были довольно часты—не рѣдко въ немъ слышались ссоры, брань, чуть не драка. Петръ еще въ 1715 году дѣлаетъ первую попытку къ установленію прямаго надзора за Сенатомъ въ лицѣ генераль-ревизора Зотова; впослѣдствіи, въ 1720 году, эта обязанность переходитъ къ оберъ секретарю Сената, а въ 1721 году къ штабъ-офицерамъ гвардіи, поочередно помѣсячно дежурившимъ въ Сенатѣ, пока наконецъ въ 1722 году Петръ не остановился окончательно на прокуратурѣ, какъ на учрежденіи общемъ для всѣхъ коллегіальныхъ мѣстъ—Надворныхъ Судовъ и Коллегій, а не одного Сената. Во главѣ всей прокуратуры сталъ генераль-прокуроръ съ своимъ помощникомъ, оберъ-прокуроромъ. Генераль-прокуроръ обязанъ былъ всегда находиться въ Сенатѣ на самыхъ засѣданіяхъ и смотрѣть, чтобы всѣ дѣла докладывались правильно, по порядку, обсуждались сенаторами спокойно, безъ брани и шума, голоса подавались въ порядкѣ и записывались въ протоколъ, и рѣшенія были бы согласны съ законами; причеиъ, если нарушился порядокъ обсужденія, или дѣлалось постановленіе противное регламентамъ, уложенію и именнымъ указамъ, то онъ имѣлъ право прекратить засѣданіе, остановить исполненіе приговора и донести государю. Онъ же завѣдывалъ канцеляріей Сената. Въ его

руках сосредоточился надзоръ не только за Сенатою, но рѣшительно за всѣми учреждениями Имперіи чрезъ подчиненныхъ ему прокуроровъ и чрезъ фискаловъ, подчиненныхъ прокуратурѣ; это было око государево и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ, какъ выразился самъ Петръ, око не подлежащее даже суду Сената, а только одного императора, предъ нимъ однимъ отвѣтственное.

Такое могущественное учрежденіе, какъ генераль-прокуратура, столь тѣсно связанное съ монархіей, никому кромѣ его не подчиненное и предъ нимъ однимъ отвѣтственное, вооруженное властью останавливать сенатскіе указы, слѣдить за безпристрастіемъ сенаторовъ и дѣлать доношенія о томъ императору,—такое могущественное учрежденіе, казалось, могло бы унижить Сенатъ, сосредоточить въ своихъ рукахъ всю силу его, управлять имъ и распорядиться по своему произволу. Но, не смотря на то, что первымъ генераль-прокуроромъ назначена была даровитая и энергичная личность, именно Ягужинскій, Сенатъ не утратилъ въ своемъ величій и не потерпѣлъ ущерба въ своей власти. Онъ чрезъ учрежденіе зоркаго контроля внутри себя лишился только возможности дѣлать злоупотребленія изъ своей власти, или по крайней мѣрѣ стали они труднѣе; но за то онъ чрезъ генераль-прокурора сталъ, такъ сказать, въ непосредственную и постоянную связь съ монархіей, а чрезъ подчиненныхъ генераль-прокурору прокуроровъ и фискаловъ получилъ лучшія средства надзора за всѣми учреждениями и должностными лицами. Генераль-прокуроръ слился съ Сенатомъ, а не сталъ *надъ нимъ* и раздѣлялъ съ нимъ общую участь, падая и возвышаясь совмѣстно.

1722 годомъ, можно сказать, заканчивается развитіе Сената при Петрѣ Великомъ; далѣе идутъ нѣкоторые указы, касающіеся Сената, но особо важнаго значенія, вліяющаго на общее его положеніе, не имѣютъ, а касаются только нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей.

Тщательно обставляя и устривая Сенатъ, дѣлая его не по одному названію, но и на самомъ дѣлѣ Правительствующимъ, но въ то же время чрезъ надзоръ надъ нимъ самимъ въ лицѣ генераль-прокурора, отнимая у него средство къ злоупотребленію своею властью, Петръ создалъ въ немъ себѣ истиннаго помощника и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно могущественное, энергическое, самостоятельное, чисто-государственное учрежденіе, пріобрѣтшее себѣ любовь и уваженіе отъ современниковъ и потомства, по праву и съ честью замѣнившее собою прежнюю безсильную Царскую Думу. Не смотря на иностранное названіе и до нѣкоторой степени происхожденіе, Сенатъ сразу сроднился съ русской почвой и сталъ вполне національнымъ, русскимъ учрежденіемъ, пережившимъ не только своего основателя, но съ измѣненіями, требовавшимися временемъ и обстоятельствами, продолжающимъ жить до настоящаго времени.

ХЕ. УКАЗЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО НА ЗЕРЦАЛѢ.

1. *Указъ Ею Величества Императора и Самодержца Всероссийскаго.* Понеже ничто такъ ко управленію Государства нужно есть, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ; понеже все законы писать, когда ихъ не хранить, или ими играть, какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отъ части и еще есть, и зѣло тщатся всякія мины чинить подѣ фортецію

правды: того ради симъ указомъ, яко печатью всѣ уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзалъ инымъ образомъ всякія дѣла вершить и располагать не противъ регламентовъ, и не точію рѣшить, ниже въ докладъ выписывать то, что уже напечатано (какъ то въ 13 день сего мѣсяца въ Сенатѣ хотя и не хитростію при Насѣ учинилось, или подобную тому матерію, и требовать на то указа, и тѣмъ сочинить указъ на указъ, дабы въ мутной водѣ удобнѣе рыбу ловить, какъ то чинится нынѣ въ Помѣстномъ Приказѣ, толкуя нашъ указъ о наслѣдствѣ противнымъ образомъ), не отговариваяся въ томъ ничѣмъ, ниже толкуя инако. Буде же въ тѣхъ регламентахъ что покажется темно, или такое дѣло, что на оное яснаго рѣшенія не положено: такія дѣла не вершить, ниже опредѣлять, но приносить въ Сенатъ выписки о томъ; гдѣ повинны Сенатъ собрать всѣ Коллегіи и объ ономъ мыслить и толковать подъ присягою, однакожь не опредѣлять, но положи на примѣръ свое мнѣніе, объявлять Намъ, и когда опредѣлимъ и подпишемъ, тогда оное напечатать и приложить къ регламентамъ, и потомъ въ дѣйство по оному производить. Буде же когда отлучимся въ даль, а дѣло нужное, то учиня, какъ выше писано, и подписавъ всѣмъ чинить, но не печатать, ниже утверждать вовсе по тѣхъ мѣстъ, пока отъ Насѣ оной апробованъ, напечатанъ и къ регламентамъ присовокупленъ будетъ. Буде же кто сей нашъ указъ преступитъ подъ какою отговоркою ни есть, слѣдую правиламъ Гагариновымъ: тотъ, яко нарушитель правъ Государственныхъ и противникъ власти, казненъ будетъ смертію безъ всякія пощады, и чтобъ никто не надѣялся ни на какія свои заслуги, ежели въ сію вину впадетъ. И для того сей указъ напечатать внести въ регламентъ и публиковать; также по данному образцу въ Сенатъ, доски съ подножіемъ, на которую оной печатанной указъ наклеить, и всегда во всѣхъ мѣстахъ, начавъ отъ Сената, даже до послѣднихъ судныхъ мѣстъ имѣть на столѣ, яко зеркало предъ очми судящихъ. А гдѣ такого указа на столѣ не будетъ, то за всякую ту преступку сто рублей штрафа въ гошпиталь.

Сей ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указъ въ Сенатѣ подписанъ Собственною ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою такъ:

„ПЕТРЪ.“

Въ Преображенскомъ, въ 17-й день   Печатанъ въ Санктпетербургѣ при
Апрѣля 1722 года.   Сенатѣ, Генваря въ 22 день 1724 г.

2. *Указъ Ею Величества Императора и Самодержца Всероссийскаго.* Надлежитъ обрѣтающимся въ Сенатѣ, въ Синодѣ, Коллегіяхъ и Канцеляріяхъ и во всѣхъ судныхъ мѣстахъ всего Государства судьямъ и пришедшимъ предъ судъ чинно поступать, понеже судъ Божій есть: прокляты всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ. А ежели кто противно сему поступитъ и учинитъ какое безчинство, тотъ наказанъ будетъ по указу, данному въ 24 день Октября 1723 года, а именно:

Кто такое упрямство учинитъ противъ указовъ, какъ Шафировъ учинилъ въ Сенатѣ въ 31 день Октября 1722 года, такого объявля арестовать, которому не токмо вспомогать, какъ то учинили тогда въ Сенатѣ нѣкоторые изъ Членовъ Сенатскихъ, но должны Генералу-Прокурору или Оберъ-Прокурору или Прокурору въ томъ вспомогать. А буде

кто того не учинить или молчать будетъ, то оной равное осужденіе приметъ съ виновнымъ; а буде кто хотя такого упрямства и не покажетъ, а станетъ браниться, здорить, или кричать, того Генералу или Оберъ-Прокурору оговорить, чтобъ пересталъ; а буде не послушаетъ, то снявъ знакъ на то учиненной, положить предъ нимъ, и поставить ящикъ, въ которой долженъ, не вставая съ мѣста, положить за ту вину 10 рублей; а буде въ другой разъ то учинить, то втрое; буде въ третій разъ тоже учинить, то 100 рублей, да арестъ тюремный на три дни. А буде кто въ томъ крику избранить кого, то годъ того жалованья, кто избранить, по его рангу, изъ чего половина обидимому, а другую въ госпиталь. А буде кто болѣе трехъ разъ учинить, отнять чинъ, треть всего движимаго и недвижимаго; буде же кто дерзнетъ рукою, то казнить политическою смертію.

Равнымъ же образомъ имѣютъ наказаны быть доносители о дѣлахъ и челобитчики въ Сенатѣ и въ прочихъ судебныхъ мѣстахъ, ежели такую дерзость, какъ выше писано, учинять предъ судомъ.

Напротивъ того, всѣ правители судебныхъ мѣстъ должны съ челобитчиками и доносителями учтиво поступать, какъ о томъ въ 26 и 54 главахъ Генеральнаго Регламента о Коллегіяхъ ясно изображено, о поступкѣ съ Членами и служителями Президентамъ Коллегій. Буде же кто станетъ бранить, то денежнымъ штрафомъ на три мѣсяца обидимаго жалованья наказанъ будетъ, и предъ нимъ прощенія просить; а буде дерзнетъ рукою, то дать судъ по воинскимъ правамъ, какъ о томъ написано въ Морскомъ Уставѣ въ 5 книгѣ о штрафахъ въ 1-й главѣ въ 15 артикулѣ, ежели командиръ обрѣтающихся подъ своею командою безъ вины будетъ наказывать, или за свою вину дерзнетъ то чинить. А гдѣ Прокуроровъ нѣтъ, тамъ чинить по сему Членамъ тѣхъ судныхъ мѣстъ, гдѣ сіе случится.

Толкованіе. Сіе разумѣется о тѣхъ, которые въ рангахъ, а которые кромѣ ранговъ денежной штрафъ за бой, также и за брань надмѣрную для чести мѣста судебного по силѣ вины; также исключаются изъ сего тѣ, которые пытки уже достойны или наказанію.

ПЕТРЪ.

Въ Зимнемъ домѣ Генваря 21 дня. Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ 1724 года Генваря 27 дня.

3. *Указъ Ею Величества Императора и Самодержца Всероссийскаго.* Надлежитъ обрѣтающимся въ Сенатѣ, Синодѣ, Коллегіяхъ, Канцеляріяхъ и во всѣхъ судныхъ мѣстахъ всего Государства, вѣдать всѣ уставы Государственные и важность ихъ, яко первое и главное дѣло, понеже въ томъ зависить правое и незазорное управленіе всѣхъ дѣлъ, и каждому для содержанія чести своей и убѣжанія отъ впаденія невѣдніемъ въ погрѣшеніе, и въ наказаніе должно. И дабы впредь никто невѣдніемъ о Государственныхъ уставахъ не отговаривался (какъ учинилось отъ нѣкоторыхъ изъ Сената, въ прошломъ 1722 году въ 31 день Октября, въ Сенатѣ, въ дѣлѣ Шафирова, что невѣдніемъ про указъ Нашъ, который имъ тогда Оберъ-Прокуроръ читалъ, а они не вяжи и учинили противность въ Сенатѣ, которымъ не помогло-жь то невѣдніе, но штрафованы отнятіемъ чиновъ на время и арестомъ и

деньгами); и для того отъ нынѣ, ежели о какомъ указѣ гдѣ при какомъ дѣлѣ помянуто будетъ, а кто въ то время не возьметъ того указа смотрѣть и пренебрежетъ, а станетъ невѣдѣніемъ послѣ отговариваться, такихъ наказывать: въ первые—отнятіемъ чина на время и штрафу, годъ жалованья, въ другой рядъ—третью долю всего движимаго и недвижимаго имѣнія, въ третій разъ—лишеніемъ всего имѣнія и чина вовсе.

ПЕТРЪ.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ. 1724 года Генваря 27 дня.

XL. ПЕТРОВСКІЯ КОЛЛЕГІИ.

(Изъ соч. Сергѣевича: «Лекціи по исторіи русскаго права».)

Петръ Великій замѣнилъ приказы коллегіями. Это учрежденіе дѣликомъ заимствовано имъ изъ Швеціи. Прежде, чѣмъ приступить къ этой реформѣ, Петръ собиралъ справки о коллегіяхъ и знакомился съ лицами, знающими коллегіальное устройство. Для этого онъ выписывалъ изъ Австріи, изъ каждой коллегіи по одному человѣку, преимущественно изъ чеховъ и моравовъ, какъ лицъ славянскаго происхожденія въ томъ предположеніи, что они скорѣе познакомятся съ русскими языкомъ; приглашалъ шведовъ на русскую службу, а въ 1717 г. посылалъ русскихъ въ Кенигсбергъ для ознакомленія съ коллегіальными порядками. Наконецъ, былъ изданъ указъ, въ которомъ прямо было предписано составить всѣмъ коллегіямъ уставъ на основаніи шведскихъ законовъ.

Съ учрежденіемъ коллегій вводится не только болѣе правильности и порядка въ высшее управленіе, но и самыя задачи управленія расширяются. Въ распредѣленіе дѣлъ между коллегіями вносятся болѣе системы; возникаютъ такія отрасли управленія, о которыхъ прежде не было никакой заботы: морское дѣло, торговля, промышленность, горныя дѣла поручаются попеченію особыхъ коллегій. Всѣхъ коллегій Петромъ учреждено 12. Посольскій приказъ преобразился въ коллегію чужестранныхъ дѣлъ. Въмѣсто судебныхъ приказовъ учреждена Юстицъ-коллегія, которая завѣдывала какъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ судомъ; позднѣ вотчинныя дѣла были выдѣлены и поручены особой Вотчинной коллегіи. Въмѣсто многихъ приказовъ, вѣдавшихъ доходы, была учреждена одна коллегія—Камеръ-коллегія. Наблюденіе за всѣми расходами поручено Штатсъ-Канторъ-коллегіи; на ея обязанности лежало составленіе смѣтъ, штатовъ и т. д. Наблюденіе за исполненіемъ смѣтъ по расходамъ и доходамъ возложено на Ревизіонъ-коллегію, но скоро Петръ замѣтилъ, что Ревизіонъ-коллегія дѣлаетъ тоже, что долженъ дѣлать сенатъ, и она была упразднена. Въмѣсто массы военныхъ приказовъ учреждена одна Военная коллегія, которая и должна была вѣдать все, относящееся до сухопутныхъ войскъ. Вновь учреждены: 1) Адмиралтейская коллегія для завѣдыванія флотомъ; 2) Бергъ-коллегія,

она возбудилась о развитии горного дела. Петръ В. издавъ законъ съ тѣмъ же именемъ горнаго дѣла: онъ предоставлялъ каждому желающему эксплуатировать руду вездѣ, гдѣ онъ ее ни нашелъ, какъ на казенной, такъ и на частной землѣ. Относившей руду нигдѣ требовать отвода ему земли и постройки завода. На обязанности Бергъ-коллегии лежало отводъ земель желающимъ построить заводы, выписки изъ-за границы людей, искусство изъ горнаго дѣла, утѣснение на казенный счетъ заводовъ и т. д. Мануфактуръ-коллегии ей поручены были заботы о развитіи народной промышленности. Она должна была выписывать изъ-за границы искусство мастеровъ для ознакомленія русскихъ людей съ разными промышленными видами орудій для желающихъ заводить фабрики и заводы, приглашать изъ-за границы фабрикантовъ, давая имъ промышленность, но съ тѣмъ чтобы они обучали известное число русскихъ людей. 4. Бергъ-коллегии ей поручено было конченіе о торговлѣ (она должна была заботиться о развитіи внутренней и заграничной торговли и съ этою тѣмъ устранивъ внутри имперіи пути сухопутные и водные, строить, выкапывать каналы, поощрять русское купечество къ постройкѣ кораблей, утѣснять за границей консуловъ, составлять торговые трактаты и т. д.). Другая коллегія, именъ Святѣйшій Правительствующій Синодъ.

Но и при Петрѣ судъ и управленіе не были совершенно обособлены. Между коллегіями происходила в то время такая тѣмъ людями, которыхъ онъ издавалъ. Такіе суды учреждались, хотя и за исключеніемъ уголовнаго дѣла, Мануфактуръ-коллегии и другихъ. Каждая коллегія состояла изъ президента, президента коллежскихъ и ассессоровъ. Секретари докладывали дѣла изъ-за-за канцеляріи, состоявшей изъ архиваріуса, регистратора и писарей. По регламенту, члены коллегии должны были имѣть право въ моментъ представленнаго доклада, а затѣмъ уже присутствовали къ рѣшенію и составленію приговора. Въ Адмиралтействъ-коллегии представлялись еще генералъ-адмиралъ.

Устроены коллегии, Петръ В. казенными и в наблюдѣ. Система надзора была двоякая. 1) Система казеннаго надзора, который выразился учрежденіемъ генераль-прокурора и введѣніемъ ему прокуровъ. Эти лица были вращались въ присутственныхъ мѣстахъ и могли требовать для просмотра отсылались къ дѣлу бумаги. 2) Тайный надзоръ, который Петръ В. поручилъ фискаламъ. Каждая коллегія должна была имѣть своего фискала. Фискалы должны были тайно наблюдать за ходомъ дѣла, и если замѣчали какое-нибудь незаконное дѣйствіе, то должны были доносить и уличать виновныхъ передъ судомъ. Во главѣ фискаловъ стоялъ генераль-фискаль, который долженъ был наблюдать даже за сенаторомъ и за генераль-прокуроромъ. Фискаль получалъ половину штрафа, къ которому приговаривался тотъ, кто по долгу уличался въ противозаконное дѣйствіе. Само же фискалы, въ случаѣ неправильнаго доноса, не подвергались никакой ответственности. Такой порядокъ вещей далъ просторъ доносамъ и возбудилъ общіе противъ фискаловъ. Подите, на фискаловъ за неправильный доносъ налагался легкій штрафъ; если же доносъ былъ недобросовѣстенъ и едвали по злобѣ, фискаль подвергался тому же наказанію, какому подвергся бы обвиняемый, если бы доносъ былъ доказанъ. Въ члѣбничиковъ дѣла фискалы не имѣли права вмешиваться.

Коллегіи просуществовали до императора Александра I. Только нѣкоторыя изъ нихъ были закрыты при Екатеринѣ II. Эта екатерининская реформа была вызвана ея губернскими учреждениями и состояла въ томъ, что вмѣсто упраздненной Камеръ-коллегіи были учреждены въ губерніяхъ казенныя палаты, а вмѣсто Юстицъ-коллегіи—палаты уголовного и гражданского суда. Эти двѣ петровскія коллегіи были, такимъ образомъ, перенесены изъ центра въ губерніи; центральнымъ же учрежденіемъ, по этимъ предметамъ вѣдомства, остался одинъ сенатъ. Совершенно уничтожена была Мануфактуръ-коллегія; эту мѣру Екатерина мотивировала тѣмъ, что «собственная каждого польза есть лучшее побужденіе къ учрежденію заводовъ и фабрикъ».

Окончательная отиѣна коллегій послѣдовала въ царствование Александра I и состоитъ въ связи съ образованіемъ министерствъ, которыми были замѣнены петровскія коллегіи; нѣкоторыя же изъ нихъ были преобразованы въ департаменты министерствъ.

ХЛП. ВЗГЛЯДЪ ПЕТРА НА КОЛЛЕГИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО И ОТНОШЕНІЕ КОЛЛЕГІЙ КЪ СЕНАТУ И МѢСТНОМУ УПРАВЛЕНІЮ.

(Изъ соч. Градовскаго: «Высшая администрація и генералъ-прокуроры въ XVIII в.»)

Двѣ любимыя идеи Петра—раздѣленіе властей или скорѣе вѣдомствъ, и повсемѣстное проведеніе коллегіального начала не могли осуществиться въ провинціи; отдаленность провинцій заставляла сосредоточивать всю власть въ рукахъ губернаторовъ, а малолюдство, т. е. фактическое несуществованіе въ провинціи служилого сословія, не допускали мысли о коллегіяхъ, основанныхъ на выборѣ. Если законодатель хотѣлъ, во что бы то ни стало, осуществить свои идеи, ему приходилось пользоваться лишь тѣмъ, что у него было подъ руками. Служилое сословіе было все въ рукахъ сената т. е. центральной власти—надо было замѣнить выборныя должности должностями по избранію этой власти; дворянство наполняло собою столицы—слѣдовательно, произвести разграниченіе вѣдомствъ и создать строго-коллегіальное управленіе можно было только въ столицахъ, съ помощію центральныхъ учреждений. Когда теоретическая дѣятельность Петра коснулась этого вопроса, онъ принялся за него съ тою энергіею, которая вообще характеризуетъ его реформы. Во всѣхъ этихъ реформахъ видно глубокое убѣжденіе въ истинѣ защищаемой имъ теоріи. Почти при каждомъ удобномъ случаѣ Петръ I вооружается противъ самовластия и безконтрольности личнаго управленія, противъ этихъ судей, «которые дѣлали, что хотѣли, ибо излишнюю мочь имѣли». Въ самомъ военномъ уставѣ, гдѣ начало дисциплины положено въ основаніе всѣхъ правилъ, можно встрѣтить яркіе проблески недоувѣрія Петра къ уму и способностямъ одного человѣка *). Но каждому, кто захочетъ изучить мысли

*) Это мѣсто воинскаго устава (см. изд. 1716 г. II. С. 3. № 3006). Напр., онъ говоритъ о главнокомандующемъ: «Главныя и великія дѣла и всякія начинанія безъ консиліи генераловъ, собственнымъ своимъ изволеніемъ никогда чинити надлежитъ; но всегда съ совѣту, которой должны, какъ всѣ на совѣтѣ будущіе, такъ и глав-

лицахъ. Онъ искалъ ихъ повсюду. Въ 1715 г. генералу Вейде предписано вызывать въ Россію «ученыхъ и въ правовѣденіи искусныхъ людей для ютравленія въ коллегіяхъ дѣлъ». Въ слѣдующемъ году сенатъ распорядился о высылкѣ въ Кенигсбергъ подъячій для наученія нѣмецкому языку и практики въ коллегіяхъ. Въ томъ же году Петръ старался вызвать дѣльцовъ изъ Австріи для этой же цѣли. *) Наконецъ Петръ нашель возможность найти для коллегіи лицъ той націи, которой учрежденія послужили ему образцомъ. Трудно и, при настоящихъ средствахъ, даже невозможно прослѣдить, на сколько успѣшны были первыя попытки нашего правительства, т. е. согласились ли датчане и австрійцы явиться въ Россію, и научились ли чему-нибудь подъячіе въ Кенигсбергѣ; несомнѣнно только то, что шведы были послѣдніе иностранцы, призванные на нашу службу. Происходило ли это отъ того, что Петръ не довѣрялъ такого важнаго дѣла націи, съ которой находился въ войнѣ, но только до 1717 года не встрѣчается серьезнаго намѣренія поручить имъ учрежденіе русскихъ коллегій. Но съ 1718 г. Брюсу поручено приглашать военно-плѣнныхъ, обнадѣживъ ихъ, что они не будутъ употреблены въ военное дѣло. Въ слѣдующемъ году такое же порученіе дано князю Хованскому, съ повелѣніемъ немедленно доставить изъ губерній такихъ плѣнныхъ, которые занимали въ своемъ отечествѣ какія-нибудь должности. Изъ доношеній Брюса сенату видно, что государь въ это время твердо рѣшился учредить государственныя коллегіи. Къ концу 1717 года сдѣлано распоряженіе о выборѣ президентами будущихъ коллегій совѣтниковъ и ассесоровъ, и тогда же вышло положеніе о штатѣ и о времени открытія ихъ.

Члены будущихъ коллегій должны были заняться составленіемъ устава каждаго для своей коллегіи и подготовить открытіе ихъ къ 1719 г. На первоначальномъ планѣ коллегій видно, что Петръ не желалъ давать имъ того же характера, какой получили армія и флотъ. Онъ разграничилъ военную службу отъ гражданской и видѣлъ, что интересы одной совершенно не совпадаютъ съ интересами другой. Принужденный вести борьбу съ воинственными сосѣдями, онъ, конечно, нуждался въ средствахъ одинаковыхъ съ средствами враговъ. Флотъ и армія наиболѣе космополитическое учрежденіе въ томъ смыслѣ, что въ нихъ достоинство внѣшней организаціи, приѣмовъ, тактики преобладаютъ надъ всѣми другими условіями, а потому всякое улучшеніе, сдѣланное въ оружіи, въ построеніи рядовъ и т. п. необходимо перенимается другими державами, если онѣ не хотять уступить своимъ сосѣдямъ въ силѣ и значеніи. Какъ только система постоянныхъ войскъ образовалась во Франціи, какъ, слѣдовательно, явилась возможность военнаго искусства, это значеніе арміи стало ясно. Но иначе было съ государственными учрежденіями. Здѣсь одно государство заимствуетъ у другого только въ случаѣ крайней необходимости, а тѣмъ неохотнѣе наполняетъ оно ряды своего служилого сословія иностранцами. Они наполняли нашу армію со временъ Алексѣя Михайловича и толпами приходили подъ знамена Петра; въ концѣ XVII ст. старая русская система войска уже окончательно рушилась; войско перестало быть земскимъ ополченіемъ, основаннымъ на помѣстномъ элементѣ; оно потеряло уже историческую связь со старою Россіей; въ немъ высту-

---

*) № 2967 Им. д. резиденту Веселовскому: «по полученіи сего старайся, дабы сыскать тебѣ въ нашу службу изъ швейцаровъ или изъ иныхъ не гораздо высокихъ чиновъ изъ приказныхъ людей, которые бывали въ службѣ цесарской, изъ Бемчанъ, изъ Шленцевъ или изъ Бровцевъ, которые знаютъ по славянски, отъ всѣхъ коллегій, которыя есть у цесаря, кромѣ духовныхъ, по одному человѣку, и чтобъ они люди были добрые и могли тѣ дѣла (въ которыхъ коллегіяхъ они бывали) здѣсь основать».

пила уже на первый планъ дисциплина, экзерсиси, артикуль, новый уставъ о прохожденіи службы; война и для насъ начала становиться искусствомъ, подобнымъ шахматной игрѣ. Но такъ ли было въ службѣ гражданской, это былъ еще вопросъ, и вопросъ довольно серьезный, разрѣшенный Петромъ только подъ конецъ его царствованія, гораздо позднѣ учрежденія коллегій. Онъ видѣлъ необходимость сохранить въ нихъ національные элементы, а потому пускалъ въ новыя учрежденія иностранцевъ настолько, насколько это было нужно въ видахъ обученія русскихъ незнакомому для нихъ дѣлу. Лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли онъ признавалъ распределять высшія должности между русскими, а канцелярскія между иностранцами и русскими. Въ этой тактикѣ нельзя не усмотрѣть стараго русскаго начала, господствовавшего въ порядкѣ составленія приказовъ; и тамъ, и здѣсь правительство пополняло своими людьми только канцелярскія должности. Но теперь нарушена была гармонія, существовавшая въ старыхъ приказахъ между двумя составлявшими его элементами. Юридическое образованіе и административное искусство были одинаковы и у судей, и у приказныхъ—лишь изрѣдка канцелярія перевѣшивала значеніе судьи. Въ новыхъ учрежденіяхъ, напротивъ, все было основано на совершенствѣ формы, на бумажныхъ тонкостяхъ, на знаніи многочисленныхъ регламентовъ и указовъ, что давало неминуемый перевѣсъ канцелярскому элементу надъ членами коллегій. Какъ мы увидимъ ниже, Петръ постоянно смотрѣлъ на канцелярія и ея секретарей, какъ на естественныхъ блюстителей закона и возлагалъ на нихъ обязанность наставлять членовъ коллегіи во всевозможныхъ затрудненіяхъ. Но все-таки не съ этой стороны грозило Россіи окончательное подчиненіе иноземнымъ теоріямъ и владычество бюрократіи. Опасность заключалась въ самомъ составѣ членовъ коллегіи. Обстоятельства Россіи требовали усиленнаго состава арміи; туда должны были уйти всѣ силы служилого сословія. Петръ скупую рукою отпускаетъ для гражданскаго управленія служащихъ; указы постоянно подтверждаютъ, чтобы въ гражданскую службу брали не болѣе одной трети молодаго шляхетства, а остальное должно идти въ военную службу. Между тѣмъ, преобразовательные планы Петра требовали большаго числа рабочихъ рукъ. Какъ пополнить недостающее число? Правительство принуждено было прибѣгнуть къ средству, довольно знакомому всѣмъ государствамъ, по политическимъ обстоятельствамъ превращеннымъ въ военный станъ. Не имѣя достаточнаго количества людей для гражданскаго управленія, оно должно было пополнять недостающее число людьми, оказавшимися лишними въ военной службѣ. Для Россіи это обстоятельство имѣло двойное послѣдствіе: наполняя коллегіи людьми, взятыми непосредственно отъ военныхъ дѣлъ, правительство ставило ихъ въ зависимость отъ канцелярія, и зная ихъ неспособность, привыкло всего ожидать отъ писцовъ и секретарей, сносилось только съ ними, что въ результатѣ повело къ паденію коллегіальнаго начала. Затѣмъ, наполняя гражданскія должности военными, правительство давало службѣ людей неспособныхъ къ ней, но зато выросшихъ и закалившихся въ военныхъ понятіяхъ. Понятія эти, перенесенныя на гражданскія дѣла, должны были имѣть значительное вліяніе на нихъ, самая служба эта считалась естественнымъ дополненіемъ къ дѣятельности военнаго, какъ убѣжище его послѣ долговременныхъ трудовъ въ лагерѣ. Наконецъ, именно съ этой стороны началъ проникать въ нашу гражданскую службу иностранный элементъ, допущенный въ низшія должности самимъ законодателемъ въ небольшомъ числѣ; иностранцы ушли брать себѣ должности высшія, какъ награду за военную службу, исказивъ мысль законодателя, хотѣвшаго оставить гражданское управленіе въ рукахъ природныхъ русскихъ.

Во всякомъ случаѣ, учрежденіе коллегій указываетъ на тотъ фактъ, что мысль Петра была перенесена на центральныя учрежденія и что онъ навсегда покинулъ мысль провести начало раздѣленія властей и коллегіального устройства въ области, гдѣ не было къ тому ни средствъ, ни людей. Всѣ его усилія пошли на центральное устройство, и тѣмъ положено прочное начало всѣмъ послѣдующимъ реформамъ; съ этого времени главный интересъ администраціи сосредоточивается въ судьбѣ этихъ учреждений, и отъ ихъ равновѣсія и отношеній зависитъ все направленіе нашего государственнаго устройства.

Вновь учрежденныя коллегіи опирались на тѣ государственныя интересы, которые были на первомъ планѣ еще въ старой Россіи. Финансовыя вопросы, конечно, больше всего занимали правительство; для нихъ были учреждены четыре коллегіи—камеръ, ревизіонъ, статсъ-конторъ и бергъ-коллегія. Для военнаго дѣла двѣ: военная сухопутная и морская, или воинская и адмиралтейская коллегіи. Для иностранныхъ сношеній одна, и для суда одна коллегія. Наконецъ Петръ учредилъ двѣ коллегіи для такихъ цѣлей, которыя показывали уже его намѣреніе замѣнить государственною дѣятельностью самодѣятельность общества. Онъ видѣлъ, что торговая и промышленная дѣятельность составляютъ основу могущества многихъ иностранныхъ державъ, и рѣшился достигнуть того же, поставивъ торговцевъ и мануфактуристовъ подъ непосредственную опеку государства; интересы торговли были поручены коммерцъ, а фабрики мануфактуръ-коллегіи. Зато между коллегіями не встрѣчается одной, рекомендованной Петру еще Лейбницею, именно коллегіи полиціи. Полицейское дѣло лишь постепенно входило въ составъ государственныхъ учреждений и въ теченіе почти всего XVIII столѣтія не имѣло отдѣльнаго учрежденія, довольствуясь одною должностію генераль-полиціймейстера. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Петръ не заботился объ этомъ предметѣ; напротивъ, изъ всѣхъ государей XVIII столѣтія, кромѣ Екатерины II, онъ больше всѣхъ заботился о полицейскихъ вопросахъ. Но учреждать для этого отдѣльное установленіе онъ не считалъ необходимымъ; для важнѣйшихъ вопросовъ высшей полиціи у него были сначала Преображенскій приказъ, а послѣ тайная канцелярія, для прочихъ же полицейскихъ вопросовъ онъ считалъ совершенно достаточною дѣятельность губернаторовъ, воеводъ, земскихъ комиссаровъ и другихъ чиновниковъ провинціи.

Въ какомъ отношеніи должны были стать коллегіи къ мѣстному управленію съ одной и къ сенату—съ другой стороны? Этотъ вопросъ не былъ окончательно разрѣшенъ самимъ законодателемъ и былъ предоставленъ практикѣ и историческому ходу событій. Впрочемъ, уже съ самаго начала можно было опредѣлить нѣкоторыя послѣдствія того положенія коллегій, въ которое онѣ были поставлены, изъ круга ихъ вѣдомства и самой организаци. Прежде всего нельзя не замѣтить, что не всѣ коллегіи должны были одинаково относиться къ провинціямъ, хотя всѣмъ имъ дано право посылать указы губернаторамъ. Нѣкоторыя должны были вовсе извлечь извѣстныя дѣла изъ вѣдома губернскихъ властей, сосредоточивъ ихъ въ столицѣ; таковы, напр., коммерцъ и мануфактуръ-коллегіи—онѣ не имѣли инстанцій въ провинціяхъ и всѣ цѣлкомъ сосредоточивались въ столицѣ. Другія выработали себѣ порядокъ инстанцій съ совершенно-независимымъ кругомъ вѣдомства; онѣ имѣли инстанціи въ губерніяхъ, но инстанціи, независимыя отъ областного начальства, какъ напр. юстицъ-коллегія. По примѣру шведскаго уложенія, ей поручено созвать въ главнѣйшихъ городахъ, надворные суды, главные суды по губернскимъ городамъ и низшіе въ малыхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, губернаторамъ и другимъ мѣстнымъ властямъ строго воспрещено виѣшиваться въ дѣла юстиціи. Въ отношеніи къ третьимъ, областныя начальники стали посредую-

иции инстанціями по главному роду своей дѣятельности, какъ напр. въ отношеніи къ камеръ-коллегіи. Наконецъ, въ послѣдніе сосредоточились такіе дѣла, которыя давно были выдѣлены изъ областей, или рѣдко къ нимъ относились — это такъ-называемыя первыя государственныя коллегіи, играющія впоследствии такую видную роль въ борьбѣ съ властію сената.

Такимъ образомъ, для исторіи областного управленія выдѣляется значеніе камеръ и юстицъ-коллегіи. Черезъ нихъ центральное правительство главнымъ образомъ дѣйствовало на провинціи. Между ними двумя распределяется вся масса мѣстныхъ должностей. Такъ, ландраты и комиссары отданы въ вѣдѣніе камеръ, а ландрихтеры юстицъ-коллегіи. Затѣмъ все областное управленіе было отдано въ главное распоряженіе камеръ-коллегіи. Первенствующее значеніе этихъ коллегіи для областей видно также изъ того, что при нихъ только развивалась система фискаловъ со всѣми инстанціями, и всѣ фискальскія дѣла отданы въ вѣдѣніе одной юстицъ-коллегіи. Хотя генеральный регламентъ даетъ каждой коллегіи своего фискала, который долженъ всездѣ наблюдать за исполненіемъ ея указовъ и ограждать ея интересы, но ни одинъ изъ этихъ фискаловъ не имѣлъ такой лѣстницы подчиненныхъ фискаловъ, какую имѣлъ фискалъ юстицъ-коллегіи (государственный оберъ-фискалъ) и камеръ-коллегіи, въ лицѣ земскихъ фискаловъ. Должности фискаловъ при другихъ коллегіяхъ до того блѣдны и неважны, что законодатель, учредивъ ихъ, потомъ уже не обращаетъ на нихъ никакого вниманія. Причина эта понятна; фискальская должность дѣятельна и действительна только тогда, когда она построена на іерархическомъ началѣ, когда цѣль ихъ связывается въ низшей административной дѣлении страны и оканчивается у верховной власти; поэтому истинное значеніе должность эта могла получить только въ такихъ коллегіяхъ, которыми шли, такъ сказать, въ глубь страны, наковы были камеръ и юстицъ-коллегіи. Скоро выдѣлились онѣ особнякомъ отъ всѣхъ прочихъ коллегіи, выдѣляя вмѣстѣ съ собою финансовое и судебное вѣдомство, на которыхъ впоследствии главнымъ образомъ опиралась дѣятельность сената. Прочія коллегіи не имѣли инстанцій въ губерніи. Желая пользоваться помощью мѣстныхъ лицъ, они должны были опираться на тѣ учрежденія, которыя уже фактически находились въ распоряженіи другихъ коллегіи. Это совѣстное невѣзованіе одними и тѣми же агентами могло происходить на неравныхъ правахъ. Полнаго равенства, конечно, существовать не могло уже потому, что одна коллегія, по роду своихъ занятій, не нуждалась въ такихъ частыхъ сношеніяхъ съ провинціальными учрежденіями, какъ другія; оттого многія коллегіи прошли безъ всякаго слѣда для областей. Напротивъ, другія вѣдомства стремились занять верховное положеніе въ провинціи, опираясь на свое могущество въ столицѣ. Не задолго до учрежденія коллегіи, сенатъ долженъ былъ издать указъ, запретившій принимать воинскимъ начальникамъ жалобы по гражданскимъ дѣламъ. Но впоследствии само правительство поручаетъ надзоръ за губернаторами полковникамъ, опредѣленнымъ въ уѣзды для квартированія и продовольствія полковъ. Такъ начинаются уже неясныя отношенія, которыя должны были впоследствии привести къ важнымъ затрудненіямъ и столкновеніямъ. Кромѣ юстицъ и камеръ-коллегіи, всѣ остальные сосредоточиваютъ весь интересъ управленія въ столицѣ. Такая значительная масса верховныхъ мѣстъ, исключительно центрального управленія, не могла не отразиться на учрежденіи сената. До настоящаго времени онъ былъ единственнымъ средоточіемъ администраціи, финансоваго управленія, суда, а теперь ихъ явилось девять, при чемъ каждое получило право посылать указы, сноситься непосредственно съ государемъ черезъ своихъ президентовъ и, при неточности тогдашнихъ законовъ, довольно независимо управлять своимъ вѣдомствомъ. Сенатъ

должны были лишиться той доли непосредственного управления, которую они имели при прежней системѣ. Это было естественно. Ими установленія, каждое специально назначенное для известной части администраціи, естественно было брать эти дѣла изъ вѣдомства учрежденія, гдѣ они были смѣшаны безъ всякой системы и гдѣ, при малолюдствѣ членовъ и равнообразіи дѣлъ, государственные интересы терпѣли, быть можетъ, значительный ущербъ. Всѣ дѣла, производившіяся въ сенатѣ, были разосланы по вѣстямъ коллегіямъ по принадлежности, по крайней мѣрѣ относительно юстицъ-коллегіи сохранились по этому поводу значительныя подробности. Губернаторы поставлены въ зависимость отъ коллегій; имъ предоставлено даже право штрафовать ихъ, не сносаясь съ сенатомъ. Въ строгомъ смыслѣ коллегіями должно было заканчиваться каждое дѣло. Не говоря уже о коллегіяхъ, не знавшихъ инстанцій, въ самомъ судѣ, наиболѣе щекотливомъ вопросѣ Россіи, — вопросѣ, въ которомъ русскій человекъ не рѣшался оставаться, не дойдя до самого государя, — и здѣсь замѣтно стремленіе сдѣлать коллегію послѣднюю законною инстанціею, устранить отъ сената совершенно недущую къ нему судебную дѣятельность. Въ 1718 году право подавать въ сенатъ жалобы выставляется, какъ особая милость, при чемъ просьбы подаются вовсе не въ сенатъ, а сенатскому секретарю, и затѣмъ вовсе запрещены жалобы лично государю. Наиболѣе отразилось это намѣреніе въ учрежденіи речетмейстера. Еще до учрежденія этой должности, Петръ заботился уже объ облегченіи сената, заваленнаго просьбами. Въ 1720 году съ этою цѣлью къ сенату прикомандированъ былъ особый чиновникъ, «особа знатная», который долженъ былъ принимать жалобы, разсматривать, въ какой коллегіи какое дѣло производится, имѣть на томъ настояніе и только въ крайнемъ случаѣ докладывать сенату. «Знатная персона» впоследствии превращается въ генералъ-речетмейстера, котораго можно назвать отводомъ сенатскимъ отъ судебныхъ дѣлъ, и вообще отъ занятій, предоставленныхъ коллегіямъ, въ силу ихъ наказовъ и регламентовъ.

XLIII. ОБЛАСТНОЕ ДѢЛЕНИЕ 1708 ГОДА.

(Изъ соч. Мрачекъ-Дроздовскаго: «Областное управленіе Россіи XVIII вѣка».)

Древняя русская область развивалась исторически. Множество областныхъ единицъ существовали независимо другъ отъ друга, каждая имѣла свои органы для управленія. Это осложнило составъ центральной власти и при отсутствіи всякой опредѣленности, т. е. общаго начала въ смыслѣ правительственномъ, мѣшало разграниченію отдѣльныхъ вѣдомствъ и затрудняло сношенія центральной власти съ органами областного управленія. При подобныхъ условіяхъ невозможна была энергическая правительственная дѣятельность, необходимая для многосторонней реформы Петра В.: послѣдняя предполагала область не бытовую, а искусственную, учрежденную самимъ правительствомъ для его цѣлей, — область, съ которой сношенія центральной власти были бы наиболѣе облегчены, въ которой предписанія исполнялись бы быстрѣе, причемъ контроль надъ дѣйствіемъ областныхъ правителей и отвѣтственность послѣднихъ приняли бы болѣе широкіе размѣры, сдѣлались бы возможнѣе и строже.

Такова цѣль новаго областного дѣленія Петра В., измѣнившаго прежнюю бытовую область въ административную. Первую попытку раздѣленія Россіи на такія единицы должно отнести къ 1707 году, когда предписано было всѣ города, отстоящіе далѣе 100 верстъ отъ Москвы, для удобства управленія ими, росписать на слѣдующіе пять округовъ: къ Кіеву, Смоленску, Азову, Казани и Архангельску. Что же касается до городовъ въ 100 верстахъ отъ Москвы, то изъ нѣкоторыхъ узаконеній явствуетъ, что они были соединены въ административномъ отношеніи съ Москвой.

Какъ были распределены эти округа, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было указаній, рѣшить нельзя; что же касается до управленія въ нихъ, то мы, кажется, имѣемъ право предположить, что оно осталось прежнимъ, т. е. со времени общественныхъ реформъ 1699 года.

Имѣя характеръ предуготовительной, кратковременной мѣры, эти округа не были еще извѣстны подъ названіемъ губерній, хотя терминъ «губернія» встрѣчается еще раньше, а именно въ 1706 году, когда была образована Ингерманландская губернія, предупредившая, такимъ образомъ, всѣ остальные. Болѣе серьезная, какъ по сущности, такъ и по продолжительности, попытка принадлежитъ концу 1708 года: именнымъ указомъ 18 декабря этого года Россія раздѣлена была на восемь губерній, къ которымъ и росписаны всѣ города. Однимъ изъ основаній этого дѣленія послужила, какъ видно изъ текста указа, ббльшая или меньшая близость того или другого города отъ назначеннаго областного центра, т. е. губернскаго города, въ которомъ сосредоточено управленіе. Начала управленія областью, какъ административную единицу, обозначены довольно ясно въ актѣ учрежденія и послѣдующихъ указахъ: впрочемъ, развитіе этихъ началъ принадлежитъ позднѣйшей эпохѣ нашей исторіи, а здѣсь, такъ сказать, лишь положенъ краеугольный камень.

Обозначимъ эти начала въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Область, губернія—есть административная единица, состоящая изъ административнаго центра, губернскаго города, и подчиненныхъ ему, или приписанныхъ, городовъ.

2) Каждый городъ въ области имѣетъ свой районъ, по отношенію къ которому является частнымъ центромъ. Такой-же районъ имѣетъ и губернскій городъ: слѣдовательно, губернскій городъ, кромѣ значенія общаго для всей области центра, имѣетъ еще значеніе центра частнаго по отношенію къ своему спеціальному району (дѣленіе губерній на уѣзды).

3) Губернія снабжена однимъ главнымъ правителемъ, вѣдомство котораго распространяется на всю губернію и нѣсколькими второстепенными, изъ которыхъ каждый завѣдываетъ врученнымъ ему райономъ.

Вотъ тѣ три начала, которыя заключаются въ учрежденіи 1708 года, но они не составляютъ особенности нашихъ областныхъ учрежденій послѣдующаго времени вообще. Область, въ смыслѣ административной единицы, непремѣнно и вездѣ имѣетъ такой же характеръ, т. е. назначается какой-нибудь центръ, который и становится главой области; остальные же города запечатлѣваются характеромъ подчиненія, который и удерживаютъ, несмотря ни на какую долю самостоятельности, предоставленной имъ. Въ противномъ случаѣ нѣтъ и не можетъ быть того строгаго порядка, безъ котораго трудно достигнуть единообразія въ государственномъ управленіи. Чѣмъ болѣе государство получаетъ перевѣсъ надъ обществомъ и общественные интересы приносятся въ пользу общинъ, государственныхъ, тѣмъ сильнѣе централизація, и, съ этимъ вмѣстѣ, тѣмъ бо-

дѣе единообразіа въ управленіи, какъ высшемъ государственномъ, такъ и въ областномъ. Слѣдовательно, сказанное нами объ учрежденіи 1708 года относится ко всякому административному областному дѣленію, составляя его общій типъ, и отличаетъ административную область отъ бытовой. Съ другой стороны, эти начала не были совершенною новостью и въ русскомъ государственномъ управленіи: и прежде правительство учреждало время отъ времени административныя областныя единицы, стремясь къ уменьшенію пестроты бытового дѣленія. Разница въ томъ, что эти административныя единицы были чѣмъ-то внѣшнимъ по отношенію къ бытовому происхожденію области и, сливаясь съ послѣднею, утрачивали иногда свое значеніе. Такъ, Новгородскія пятинны или, въ другихъ областяхъ, трети и чети съ теченіемъ времени совершенно утратили значеніе административныхъ округовъ. Въ учрежденіяхъ же 1708 года эти начала сдѣлались руководящими и составляли плотъ и кровь новой, искусственной областной единицы; кромѣ того, къ нимъ здѣсь прииѣшиваются новыя начала, находящіеся пока въ зародышѣ, развитіе котораго принадлежитъ позднѣйшимъ преобразованіямъ, закончившимся, какъ извѣстно, въ главныхъ чертахъ въ 1775 году.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что учрежденіе 1708 года составляетъ какъ бы переходъ отъ допетровской областной администраціи, въ которой, главнымъ образомъ, сказывались бытовыя свойства области, къ той строго-административной эпохѣ жизни послѣдней, которая продолжается до сихъ поръ и носитъ названіе губернскаго управленія. Разсмотримъ теперь, какъ были приложены выставляемыя три начала къ областному дѣленію 1708 года, причѣмъ выяснится переходный характеръ всего учрежденія.

Указомъ 18 декабря Россія раздѣлена на слѣдующія восемь губерній: Московскую, Ингерманландскую, которая въ 1710 году была переименована въ Санктпетербургскую, Кіевскую, Смоленскую, Казанскую, Азовскую, Архангелогородскую и Сибирскую. Если обратимся къ самому акту учрежденія, то увидимъ, что это скорѣе программа, нежели учрежденіе: въ немъ только намѣчены областныя центры и перечислены города, росписанные къ нимъ; все остальное какъ бы предоставлено практикѣ и времени. Однимъ изъ основаній росписанія послужила близость городовъ отъ назначеннаго центра. Вслѣдствіе этого, города росписаны крайне неравномѣрно, а именно: въ Московской губерніи, включая Москву, 39 городовъ, изъ которыхъ ближайшій къ губернскому—Звенигородъ (40 верстъ), а самый дальній—Любимъ (339 верстъ); въ Ингерманландской, кромѣ Петербурга, Ямбурга и Копорья, 29 городовъ; въ Кіевской, включая и Кіевъ, 36; кромѣ этого, къ Кіевской губерніи причислены: а) изъ азовскаго округа, по большей близости къ Кіеву, нежели къ Азову—13 городовъ, изъ Смоленскаго округа—Трубчевскъ, Бѣлевъ и Болховъ, итого въ Кіевской губерніи 52 города; въ Смоленской 17 городовъ; въ Архангелогородской съ Архангелоскомъ 20, въ Казанской, включая Базань и пригороды, приписанные къ Казани, Астрахани и Уфѣ, городки, построенныя на дворцовыхъ земляхъ, и Пензу, приписанную изъ азовскаго округа, 71 городъ; въ Азовской виѣстѣ съ Азовомъ, саранскими и исарскими городками и приписанными изъ Кіевскаго округа, 52 города, наконецъ, въ Сибирской, включая Тобольскъ, который и прежде былъ областнымъ городомъ Сибири и въ 1708 г. сдѣланъ центромъ этой губерніи, 30 городовъ. Впрочемъ, начало близости не вездѣ послѣдовательно проведено: такъ, Бѣлевъ и Болховъ гораздо ближе къ Смоленску, нежели къ Кіеву. Для объясненія этого можно воспользоваться мнѣніемъ профессора Неволина, утверждавшаго, что основаніемъ для распредѣленія городовъ по губерніямъ служило сколько разстояніе

изъ отъ главныхъ городовъ, столько и существовавшая уже правительственная связь между ними.

Пространства различныхъ губерній были также крайне неравнообразны; для приѣра возьмемъ максимумъ и минимумъ дѣленія. Самая меньшая изъ всѣхъ губерній—Смоленская: пространство ея было немногимъ больше современнаго; самая же большая—Сибирская: она обнимала въ Азіи все пространство нынѣшней Сибири отъ Тобольской губерніи до Якутской области включительно, а въ Европѣ—Вятскую, Пермскую и Оренбургскую губерніи. Такое дѣленіе не могло быть удовлетворительнымъ и требовало позднѣйшихъ поправокъ; дѣйствительно, въ слѣдующіе годы встрѣчаются образованіе и выдѣленіе новыхъ областныхъ единицъ, но при этомъ вниманіе законодателя было обращено только на Европейскую Россію, Сибирская же губернія, самая обширная, оставлена была безъ измѣненій до 1719 года.

Приѣръ образованія новой областной единицы встрѣчается въ 1713 г., когда была образована новая Рижская губернія, въ составъ которой вошла Смоленская. Выдѣленіе новыхъ губерній изъ прежнихъ началось въ 1714 г. именнымъ указомъ отъ 26 января этого года: изъ района Казанской губерніи выдѣлена была Нижегородская. Эта новая губернія существовала до конца 1717 года, когда была снова соединена съ Казанской, а какъ бы на мѣсто ея, изъ послѣдней выдѣлена Астраханская съ слѣдующими городами: Симбирской, Самарой, Сызранью, Камышевъ, Саратовомъ, Петровскомъ, Царицынымъ и нѣкоторыми другими.

Кромѣ того, происходили частныя измѣненія въ видахъ частныхъ потребностей управленія, опредѣляемыя не закономъ, а, такъ сказать, административнымъ порядкомъ. Такъ, Касимовъ и Елатъма, приписанные по учрежденію 1708 г. къ Казанской губерніи, въ 1711 году находились въ одномъ управленіи съ Азовской губерніей. Кромѣ того, изъ одного подлиннаго сенатскаго дѣла 1713 года видно, что Орелъ, приписанный по учрежденію 1708 г. къ Киевской губерніи, въ этомъ году принадлежалъ Смоленской, а Одоевъ, тогда же приписанный къ Смоленской губерніи, отнесенъ къ Воронежской провинціи. Когда и по какому случаю были сдѣланы эти измѣненія, и долго ли они продолжали существовать, нигде не видно.

Существованіе уѣздовъ безспорно и, кромѣ того, фактически доказывается существованіемъ второстепенныхъ правителей и органовъ управленія. Областные центры, какъ объяснено выше, имѣли, подобно приписаннымъ городамъ, свои уѣзды. Достаточно для оправданія этой мысли привести слѣдующіе приѣры: первый изъ нихъ относится къ 1714 г., а именно—заключается въ указѣ 8 декабря, которымъ опредѣленъ порядокъ апелляціи по гражданскимъ дѣламъ: тамъ предписано вчинать искъ въ первой степени правителямъ городовъ, въ числѣ которыхъ упомянуты и губернаторы. Ясно, что губернаторы здѣсь упоминаются въ смыслѣ начальниковъ не губерній, а губернскихъ городовъ съ ихъ уѣздами. Второй приѣръ находится въ указѣ 8 февраля 1716 г., по силѣ котораго епархіальные начальники, духовные судьи и поповскіе старосты должны были подавать росписаніе лицъ, не бывавшихъ на исповѣди и у св. причастія въ губернскихъ городахъ—губернаторамъ, а въ уѣздахъ—ландратамъ: «а имъ, губернаторамъ и ландратамъ, на тѣхъ людей класть штрафы», т. е. губернаторы въ этомъ случаѣ налагаютъ штрафы на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и ландраты, уѣздные начальники.

Управленіе такимъ огромными областями, какими были нѣкоторыя губерніи 1708 г., не могло ограничиваться губернскимъ и уѣзднымъ; между губерніей и

уѣздомъ должно было стоять еще посредствующее дѣленіе, провинціальное. Какъ извѣстно, официальнымъ образомъ дѣленіе губерній на провинціи было учреждено въ 1719 г., но и въ описываемомъ періодѣ оно существовало. Такъ, въ 1711 и послѣдующихъ годахъ упоминается Ярославская провинція, принадлежавшая Петербургской губерніи; говорится, что въ ней было 7 городовъ, а въ одномъ изъ указовъ 1712 г. нѣкоторые изъ этихъ семи городовъ поименованы. Но указаніями на Ярославскую провинцію дѣло не ограничивается: есть указанія болѣе или менѣе подробныя и на другія провинціи. Изъ одного суднаго дѣла, производившагося въ Приказѣ Земскихъ Дѣлъ въ февралѣ 1712 года, мы узнаемъ о существованіи въ Московской губерніи Серпуховской провинціи, къ которой въ порядкѣ управленія принадлежалъ городъ Алексинъ. Въ другомъ актѣ, относящемся къ тому же времени, переименованы еще нѣкоторыя провинціи той же губерніи и другія. Въ февралѣ 1712 года для высылки въ сенатъ лишнихъ подьячихъ посланы служилые люди (царедворцы) въ Московскую, Казанскую и Азовскую губерніи; эти служилые люди были командированы по провинціямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя прямо поименованы. Оказывается, что въ Московской губерніи было, кромѣ названной выше, шесть провинцій: Владимірская, Ростовская, Звенигородская, Калужская, Костромская и Каширская, а въ остальныхъ двухъ губерніяхъ по двѣ, имена которыхъ не обозначены. Впрочемъ, изъ нѣкихъ источниковъ извѣстны имена двухъ провинцій Азовской губерніи: Воронежской, которая весьма часто упоминается въ подлинныхъ сенатскихъ дѣлахъ, образовавшейся еще въ 1708 году, и Тамбовской. Въ другомъ актѣ есть подробное указаніе на то, что въ Киевской губерніи было десять провинцій, а именно: Сѣвская, Бѣлгородская, Курская, Брянская, Карачевская, Бѣлевская, Орловская, Обоянская, Староскопская и Ливенская. Наконецъ, въ 1717 г. Нижегородская губернія была соединена съ Казанскою подъ однимъ управленіемъ. Ясно, что при такомъ условіи она не могла сохранить значенія губерніи: это было бы своего рода *status in statu*, а была включена въ Казанскую въ качествѣ провинціи. Смоленская вошла въ 1713 году въ округъ Рижской тоже въ качествѣ провинціи, а въ учрежденіи 1719 года даже официально названа этимъ именемъ. Указы того времени нерѣдко провинціи называютъ губерніями, что, при обычномъ въ то время смѣшеніи понятій, весьма естественно; такъ, въ подлинныхъ сенатскихъ дѣлахъ Воронежская провинція постоянно носитъ названіе губерніи.

Итакъ, дѣленіе на провинціи существовало до 1719 г. Образование этихъ посредствующихъ единицъ, по всей вѣроятности, происходило административнымъ порядкомъ, такъ какъ до 1719 года мы не встрѣчаемъ почти ни одного приказа, чтобы провинціи гдѣ-либо были учреждены закономъ, т. е. именнымъ указомъ, или хоть официальнымъ правительственнымъ распоряженіемъ, т. е. сенатскимъ указомъ, но, вѣроятно, при образованіи провинціи пользовались уже готовыми провинціальными единицами, т. е. провинціями 1699 г., учрежденными, какъ извѣстно, для торговыхъ цѣлей.

Въ концѣ 1710 года введено было новое областное дѣленіе, по значенію равное уѣзду: это такъ называемыя доли, изъ которыхъ каждая имѣла 5536 дворовъ обывателей. Это росписаніе губерній на доли имѣло преимущественно финансовое значеніе, но оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, внесло новыя начала и въ систему областного управленія вообще. Кромѣ того, было еще дѣленіе на разряды, или полки, напр. Бѣлгородскій, Новгородскій полки, и т. п. Это дѣленіе, очевидно, остатокъ древней Руси и имѣло специальный, военно-служебный характеръ. Впрочемъ, выше мы видѣли, что въ Киевской губерніи была Бѣлгородская провинція. Очень возможно, что древнее дѣленіе на полки совпадало съ новымъ на провинціи.

Таково было областное дѣленіе 1708 и слѣдующихъ годовъ (по 1719). Въ составѣ его встрѣчаются примѣры особаго дѣленія, въ основаніе котораго положены были не общія правительственныя соображенія, а частныя—по роду дѣла. Это—приписка нѣкоторыхъ городовъ ко флоту: доходы съ этихъ городовъ, главнымъ образомъ, употреблялись на кораблестроеніе, и съ нихъ по преимуществу набирались работники для верфей. Еще въ 1708 г. въ Азовской губерніи 24 города были приписаны къ Воронежской верфи и, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Воронежемъ составляли особую провинцію. Затѣмъ въ 1712 г. къ Адмиралтейству «для всякія корабельныя работы» были приписаны еще слѣдующіе города и волости: въ Петербургской губерніи Олонецъ, Каргополь, Бѣлоозеро, Устюжна Желѣзнопольская, въ Новгородскомъ уѣздѣ волость Сермакъсъ, въ Архангельской губерніи дворцовая волость Чаронда. Приписаніе городовъ и волостей къ флоту имѣло преимущественно значеніе для этого рода дѣла, но оно оказывало то же влияние на общій строй областного управленія.

Изъ всего сказаннаго выше ясно, что учрежденіе 1708 года было только программой административнаго областного раздѣленія Россіи. Во все время его существованія идуть частныя измѣненія, поправки и учрежденія, которыя совершенно то закономъ, то путемъ одной практики, пока, наконецъ, новыя областныя начала не выразились въ учрежденіи 1719 г., составляющемъ новый періодъ въ исторіи русскаго областного управленія.

Итакъ, учрежденіе 1708 года было только попыткой измѣнить бытовую область въ административную, переходомъ отъ областныхъ учрежденій XVII вѣка къ губернскому управленію, а неопредѣленность самой его реакціи показываетъ, что и самъ законодатель смотрѣлъ на него, какъ на попытку, и не придавалъ ему много значенія, кромѣ переходнаго.

Главными областными правителями были генералъ-губернаторы, губернаторы и вице-губернаторы; второстепенными же, т. е. управляющими извѣстною частью губерніи, уѣздомъ, долей или провинціей, подъ начальствомъ первыхъ,—оберъ-коменданты и коменданты, ландраты, вице-губернаторы, а иногда ландрихтеры.

Областныя учрежденія 1708 г. были не сразу введены въ дѣйствіе: новостъ дѣла требовала ознакомленія съ нимъ, и первые областные правители должны были цѣлый годъ присматриваться къ дѣламъ управленія. Для этого въ началѣ 1709 г. повелѣно было старымъ воеводамъ, а равно и бурмистрамъ, изготовить приходо-расходныя и иныя книги, которыя и передать новымъ губернаторамъ; равнымъ образомъ, имъ предписано было немедленно удовлетворять всякія требованія послѣднихъ, относящихся до ознакомленія съ порядкомъ дѣлопроизводства въ приказныхъ и земскихъ палатахъ и избахъ, и давать свѣдѣнія, затребованныя ими; та же обязанность возложена была и на московскіе приказы. Но въ продолженіе всего 1709 года областное управленіе оставалось на прежнихъ основаніяхъ, и новое учрежденіе было введено въ дѣйствіе только съ 1710 года.

XLIV. ХАРАКТЕРЪ ГУБЕРНСКАГО ДѢЛЕНІЯ ПЕТРА I.

(Изъ соч. Лохвицкаго: «Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія».)

Время Петра Великаго, измѣнившее такъ много въ нашей жизни, составляетъ эпоху и для провинціи. Но не всѣ преобразованія Петра

имѣютъ прогрессивный характеръ въ истинномъ смыслѣ слова. Чтобы понять значеніе произведеннаго имъ раздѣленія государства на губерніи, надобно разсмотрѣть его общій взглядъ на государство и въ частности на провинцію. Петръ Великій былъ полнымъ наслѣдникомъ древне-русскаго взгляда на народъ и землю,—даже онъ довелъ его до крайнихъ размѣровъ. Народъ и земля разсматривались имъ часто, какъ матеріалъ для созданія государства. Государство, имперія, ея флотъ, армія, учрежденія, школы—все это разсматривалось имъ, какъ нѣчто лежащее внѣ народа, которому народъ долженъ былъ служить. Всякое право личное, общественное, собственность—должны были замолкнуть. Вся страна была росписана на содержаніе государства, о ея собственныхъ внутреннихъ интересахъ не было и мысли. Всѣ главные законы Петра вытекли изъ этой идеи: престолонаслѣдіе, единонаслѣдіе, ревизія и окончательное прикрѣпленіе крестьянъ, измѣненія въ управленіи церковномъ, въ положеніи монастырей и архіерейскихъ домовъ, и проч. Петръ Великій, такимъ образомъ, только распространилъ древнее русское воззрѣніе: онъ все и всѣхъ подчинилъ работѣ, но за то и самъ былъ работникомъ на ряду съ другими и больше всѣхъ другихъ: Россія работала не на царя, а вмѣстѣ съ царемъ на государство, на его величіе и будущность. Россія, вдвинутая Петромъ Великимъ въ Европу и поставленная имъ въ чинъ европейскаго государства, должна была страшно работать, чтобы добыть себѣ матеріальныя и моральныя средства для новой государственной европейской жизни,—прошедшее давало ей ихъ слишкомъ мало. Въ дѣленіи государства на губерніи вполнѣ выразился взглядъ Петра Великаго на землю и народъ. Его губерніи имѣли чисто-податное значеніе, онѣ существовали не для себя, а только для государства; его губернаторы были снабжены полномочіемъ, правомъ жизни и смерти для извлеченія всѣхъ средствъ на содержаніе арміи и другихъ потребностей новаго государства. Только съ Екатерины II порядокъ перемѣняется радикально по принципу и весьма значительно на дѣлѣ. Появилась губернія, какъ нѣчто, имѣющее свою жизнь, свои интересы, свое управленіе, своихъ представителей.

Разсмотримъ губерніи Петра.

18-го декабря 1708 года изданъ былъ Петромъ Великимъ коротенькій указъ: «Великій Государь указомъ, по именному своему Великаго Государя указу, въ своемъ Великороссійскомъ государствѣ для всенародной пользы учинить 8 губерній и къ нимъ росписать города». Всѣхъ губерній было учреждено 8: Московская съ 39 уѣздами, Ингерманландская съ 29, Кіевская съ 56, Смоленская съ 17, Архангельская съ 20, Казанская съ 71, Азовская съ 77, Сибирская съ 30 городами.

Черезъ 11 лѣтъ (29-го мая 1719 г.) послѣдовала нѣкоторая рассортировка: губерній стало 10, именно прибавились Рижская (вновь-присоединенная), Астраханская и Нижегородская, а Смоленская уничтожена, какъ самостоятельная, раздѣлена между Рижской и Московской. При этомъ между губерніей и уѣздомъ явилось новое посредствующее раздѣленіе на провинціи, числомъ до 50. Екатерина II увеличила число губерній, Павелъ I сократилъ. Съ перваго разу насъ поражаетъ эта легкость введенія математическаго дѣленія. То, что въ другихъ странахъ стояло великихъ усилій, до чего многія государства при всѣхъ усиліяхъ не могли дойти — замѣна историческаго дѣленія другимъ; меха-

ническимъ,—то, что происходило въ Франціи 1789 года, какъ одинъ изъ неслучайныхъ переворотовъ революціи,—то у насъ совершилось безъ всякаго напряжения, безаѣтливо, какъ-будто дѣло шло о новомъ раздѣленіи города на кварталы. Но между двумя фактами только внѣшнее сходство. Разсмотримъ внимательно этотъ фактъ: онъ намъ пояснить многое въ политическую жизнь Россіи.

Истощенъ и даже незаинтересованъ механическаго раздѣленія Россіи произошла отъ того, что прежде наше дѣленіе не имѣло существеннаго внутренняго следствия съ западной жизнью.

Государство на Западѣ было отвлоченіемъ отъ провинцій—оно-мало по-малу концентрировало великія права провинцій и составило изъ нихъ сумму правъ государства. Остальныя права жили въ провинціи. У насъ не было ничего существенно-сходнаго, не было даже никакого земскаго органа провинціальной жизни,—жизнь провалялась, да и то скудно, въ волости, сословія, верхи. Въ этомъ смыслѣ страна наша давно не имѣла провинцій. Что могъ почувствовать житель Олонды, когда ему объявили, что его городъ и уѣздъ будетъ завѣсть не отъ Новгородскаго намѣстника, а отъ другого? Ровно ничего. У него былъ свой воевода, и куда будетъ вносить отчеты этотъ воевода, его это рѣшительно не могло интересовать. Итакъ, понятно, что страна не только не имѣла повода противиться новому раздѣленію, но и не могла его замѣтить. Далѣе, во Франціи, напр., уничтоженіе провинцій и замѣна ихъ механическимъ дѣленіемъ на департаменты имѣла значеніе и отиѣны вредныхъ препятствій національному единству, формъ аристократическихъ, и введенія новыхъ свободныхъ демократическихъ формъ управленія. У насъ ничего подобнаго не готѣло на допетровскомъ областномъ дѣленіи, и ничего подобнаго не пришло въ петровское дѣленіе. Страна была совершенно гладкая не только въ орографическомъ, но и въ социальномъ смыслѣ,—ее можно было дѣлить, какъ угодно.

Посмотримъ теперь, какими началомъ руководствовался Петръ Великій при раздѣленіи государства. При механическомъ дѣленіи государства, основаніемъ служатъ пространство и число народонаселенія: области должны быть равны по народонаселенію, всѣ установленія условливаются количествомъ людей и дѣль,—но и пространство играетъ не малую роль: малая скоро известная часть бѣдно населенна, законодатель жертвуетъ главнымъ началомъ и собираетъ въ самостоятельную административную часть меньшее число жителей, иначе для соблюденія равенства въ народонаселеніи ему пришлось бы сдѣлать нѣкоторыя области еще и поминиши, что администрація была бы затруднена. Въ петровскомъ дѣленіи мы видимъ три поразжающіе современнаго изслѣдователя недоразумѣнія: 1) въ губерніи чрезвычайно велики; напр., Сибирская губернія состояла не только изъ Сибирь, но еще имѣвшая Вятскую и Пермскую губерніи; Азовская губернія заключала въ себѣ нѣмнѣшнюю Воронежскую, нѣмнѣшнюю часть Харьковской, Орловской, Тамбовской, часть Рязанской, Тульской и Пензенской губерній,—крайними ея пунктами на югѣ были Воронежъ и Елецъ; Петербургская тянулась отъ границъ Финляндіи до Шпрингана, Куршлянда, Тюрин; возможна ли была административная работа громадныхъ частей, особенно, когда центры назначались на ихъ окраинахъ? 2) начало пространства не бралось въ расчетъ, и потому нѣкоторыя провинціи, что съ перваго разу кажется, что населе-

ніе было далеко неодинаково, напр., въ Петербургской губерніи показано 179,000 тяглыхъ дворовъ, а въ Сибирской 61,000, въ Казанской 97,000; но въ послѣднихъ было множество инородцевъ, не входившихъ въ подворное счисленіе; 3) если великая Россія не представляла никакихъ историческихъ данныхъ для провинціализма, то не надобно забывать, что въ это время въ составъ государства входила Малороссія, имѣвшая тогда не только рѣзкую социальную особенность, но и свои особенные законы, свое управленіе. Тоже самое слѣдуетъ сказать о Лифляндіи и Эстляндіи, которымъ подтверждены были ихъ мѣстные законы и права и официальное употребленіе нѣмецкаго языка. Казалось, что эти страны должны были составлять отдѣльныя единицы, но мы видимъ противное: Эстляндія входила въ составъ Петербургской губерніи, къ Киевской губерніи (Малороссіи) присоединены были Курская, большая часть Харьковской, часть Орловской, даже Тульской (Чернь), никогда не входившія въ составъ Украйны; къ Лифляндіи (Рижской губерніи) была присоединена коренная русская область—Смоленская. Итакъ, въ одной и той же губерніи были области совершенно разнохарактерныя, которыя соединить въ одно управленіе по нашимъ понятіямъ рѣшительно нельзя. Что это значить? Хотѣлъ ли Петръ германизировать Смоленскую область, или окаячить Тульскую? Подобной нелѣпости ему не приходило въ голову,—и если мы ставимъ этотъ вопросъ, то только потому, что подобнаго рода отчужденіе коренной русской территоріи и народности въ пользу чуждой, хотя и входящей въ составъ имперіи, случилось одинъ разъ (Выборгская губернія была присоединена къ Финляндіи).

Характеръ петровскихъ губерній былъ приписной, крѣпостной. Весь народъ былъ обреченъ на службу государству, все поглощалось идеей государства. Этотъ же служебный характеръ, характеръ повинности, ясенъ и на губернскомъ дѣленіи. Одной изъ главныхъ заботъ Петра было сдѣлать Россію морскою державою, создать сильный русскій флотъ. Идея великая. Безъ моря и морской силы не можетъ быть великой державы, потому что только чрезъ море она можетъ играть мировую роль, можетъ достать друга и врага на краю свѣта, чрезъ море она не можетъ быть изолирована отъ сношеній съ другими народами. И въ политическомъ, и въ промышленномъ, и въ военномъ, и въ нравственномъ отношеніи море—насушная потребность великаго народа. Для этой цѣли сдѣланы были безмѣрные жертвы. Изъ 10 губерній 5—Петербургская, Рижская, Архангельская, Азовская и Астраханская—представляютъ одинъ типъ: въ далекому приморскому пункту приписано множество областей съ тяглою цѣлю. Онѣ должны были, главнымъ образомъ, содержать 4 флота, подобно тому, какъ 25 городовъ съ уѣздами были приписаны специально къ корабельнымъ лѣсамъ. Другія губерніи имѣли также тяглый характеръ. Малороссія имѣла гетманское правленіе, но главные города ея—Кіевъ, Черниговъ, Полтава, Переяславль—заняты были русскими гарнизонами и находились въ военномъ отношеніи въ управленіи губернатора, а для содержанія войска приписаны были къ нему разныя великорусскія области. Казань при первомъ раздѣленіи соединена была съ Астраханью. Въ 1719 году Казанская губернія отдѣлилась отъ Астраханской, и образовалась еще особая—Нижегородская. Какъ кажется, расквартированіе войскъ было причиной образованія Нижегородской. При первомъ учрежденіи губерній большая часть

губернаторовъ были военные, кажется, командиры войскъ, расположенныхъ во вновь-образованныхъ губерніяхъ. Имъ велѣно было въ этихъ губерніяхъ «о денежныхъ сборахъ и о всякихъ дѣлахъ присматриваться и для доношенія ему, великому государю, о тѣхъ губерніяхъ готовымъ быть, гдѣ онъ, государь, укажетъ». Итакъ, система Петра была логически выдержана: крестьяне были закрѣплены окончательно для удобства держанія войска, они какъ бы, главнымъ образомъ, были приписаны къ полкамъ и уже для облегченія этой цѣли—къ помѣщикамъ; цѣлые города и области были приписаны къ корабельнымъ гѣсамъ, горнымъ заводамъ, и наконецъ губерніи—къ флотамъ, гаванямъ, корпусамъ, столицамъ.

Губернаторъ имѣлъ ту же инструкцію, что и провинціальныя воеводы,—онъ былъ смотрителемъ за ними. Петръ Великій любилъ вводить западныя учрежденія, но только безъ ихъ духа. Такъ, онъ желалъ, чтобы въ губерніяхъ были установленія, подобныя шведскимъ, которыя онъ засталъ въ Лифляндіи и Эстляндіи, именно ландраты, выборные изъ дворянъ (впрочемъ, по назначенію губернатора) должны были составлять при губернаторѣ «консиліумъ» съ коллегіальнымъ характеромъ, верховныя суды и другія учрежденія. Но все это осталось безъ послѣдствій, и Екатерина I и въ особенности Петръ II закрыли даже ихъ, и губернія осталась только аггломерацией провинцій, подъ почти-неограниченной властью губернатора.

Уѣздъ былъ единственной единицей, оставшейся неварушимой. Къ нему такъ привыкли, что законодатель не зачѣлъ было опредѣлять его границъ. При первомъ раздѣленіи на губерніи являются только уѣзды, при второмъ и провинціи. Къ большому городу было приписано по нѣскольку меньшихъ съ нихъ уѣздами: это составляло провинцію. Впрочемъ, бывало, что и одинъ городъ съ уѣздомъ (напр., Суздаль) составлялъ особую провинцію.

При этомъ провинціальномъ дѣленіи отчасти сохранены были существовавшія уже въ древней Россіи отношенія между многими городами и ихъ пригородами, напр., между Новгородомъ и Ладогой, Старой Руссой, Порховомъ, между Псковомъ и Изборскомъ, Гдовомъ, между Тверью и Торжкомъ, Старицей, и т. д. Иногда приписывались уѣзды, бывшіе прежде самостоятельными. Вводилось провинціальное дѣленіе, какъ потребность административная; впрочемъ, ему не придавалось также никакого жизненнаго значенія. Уѣзды были росписаны на провинціи въ сенатѣ, но тутъ же представлено было сибирскому губернатору, князю Черкасскому «для дальности въ той губерніи городовъ, раздѣлить тѣ города на три провинціи и быть въ нихъ вице-губернаторамъ подъ его губернаторскимъ вѣдѣніемъ; а кому быть вице-губернаторами, тѣхъ людей ему, губернатору, выбравъ, представить въ сенатѣ».

Едва ли можно считать провинцію за среднее административное дѣленіе въ современномъ смыслѣ слова. Кажется, что это было первоначальное дѣленіе, потому что уѣздъ не имѣлъ никакихъ прочныхъ установленій. Судебныя и финансовыя управленія были только въ провинціи. Указы Петра Великаго наполнены разными учрежденіями и губернскими, и провинціальными, и уѣздными, и городскими, и общинными; названія, составъ, кругъ дѣйствія—все нѣмецко-шведское. Мало того, шведскимъ постановленіямъ дана законная сила, шведскіе уставы были

переведены, и по нимъ велѣно дѣйствовать. Но изъ всѣхъ этихъ мѣстъ и лицъ только комиссары, сборщики податей, получили дѣйствительное, грозное, оставшееся на памяти народной, и вовсе не шведское, значеніе. Изъ другихъ учрежденій едва ли вездѣ были введены и надворные (провинціальныя) суды. Указы Петра сами наполнены недоразумѣніями и противорѣчіями по этому вопросу.

Въ указѣ министрамъ, 1711 г., выраженъ ясно этотъ характеръ губернскаго раздѣленія: «Пріѣхавъ къ Москвѣ раздѣлить по губерніямъ полки—первое въ арміи будущіе, потомъ въ гарнизонахъ по даннымъ табелямъ, потомъ флотъ, посольскую канцелярію и артиллерію, сіе все расположить изъ доходовъ, которые прошлаго года средніе положены на губерніи. А прочіе расходы сдѣлать изъ остаточныхъ доходовъ по разсмотрѣнію, и что могутъ сдѣлать, то сдѣлать.»

Въ томъ же году сдѣлано было распредѣленіе арміи по губерніямъ, полки были расположены по губерніямъ не въ нынѣшнемъ, а въ тогдашнемъ смыслѣ слова, т. е. опредѣлено было, сколько пѣхотныхъ (линейныхъ и гарнизонныхъ) и кавалерійскихъ полковъ должно содержать изъ доходовъ извѣстной губерніи, хотя бы извѣстные полки не были расположены въ ея районѣ. Такъ, Московская губернія содержала генеральный штабъ (91,000 руб.), 6 линейныхъ, 2 гвардейскихъ, 2 гарнизонныхъ пѣхотныхъ полка и 10 кавалерійскихъ; на Петербургскую назначено было 4 кавалерійскихъ и 22 пѣхотныхъ полка. Доходы ея были для этого недостаточны, поэтому дефицитъ въ 128,000 р. велѣно пополнить изъ остатковъ доходовъ Московской и Казанской губерній. Губернія доставляла въ полки, къ которымъ была приписана, деньги, провіантъ, аммуницію, рекрутъ. Отъ губерній были назначены комиссары, какъ посредники между полковыми командирами и губернаторами. Доставка и справка рекрутъ возложена была на губернаторовъ, подъ страхомъ смертной казни за нерадѣніе.

Еще прежде введенія раздѣленія государства на губерніи, именно въ 1699 году Петръ ввелъ раздѣленіе на провинціи. Эти первыя провинціи надобно отличать отъ послѣдующихъ, бывшихъ второстепеннымъ дѣленіемъ, тогда какъ, въ 1699 году, онѣ были первостепеннымъ. Смыслъ этого дѣленія былъ слѣдующій: царь выражаетъ желаніе, чтобъ наши купцы образовывали компаніи и вообще имѣли бы установленія, подобныя западной коммерціи, а такъ какъ элементовъ для подобныхъ установленийъ было очень мало въ отдѣльныхъ даже большихъ городахъ, то и опредѣлено—приписать къ Петербургу, Архангельску, Москвѣ и другимъ большимъ городамъ средніе и малые города, и этотъ районъ названъ провинціей, причемъ купечество всѣхъ городовъ провинціи составляло одно цѣлое для коммерческихъ учрежденій, надзора за торговлей и т. под. Итакъ, это не было дѣленіе государства административное, а только для одной специальной цѣли, подобно тому, какъ теперь существуетъ раздѣленіе для путей сообщенія, просвѣщенія. Въ губерніяхъ хотъ и преобладала одна специальная цѣль—военная, но именно вслѣдствіе поглощающаго значенія этой цѣли въ тогдашней жизни къ военному управленію само собою присоединились финансы и судъ, въ какомъ бы ни было жалкомъ видѣ, такъ что губернія и провинція вторичная (1719 года) были дѣленіемъ все-таки общимъ, вообще административнымъ въ обширномъ смыслѣ слова.

XIV. ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И СЕРВИЦИОЗНОЕ ПРЯМОЕ ИЛИ КОМПЛЕКСНОЕ

(Из трудов Императора Александра Николаевича «Учебное пособие для Императорской Академии Наук» и Императора Александра II.)

Проблема управления была поставлена с особенной остротой. Для того, чтобы управлять всей землей и людьми, необходимо было организовать себе систему с подразделениями на различные районы.

В 1719 г. все Русское государство было разделено на восемь губерний. Восточная часть страны принадлежала прежде к Московскому царству, а западная — к Польше. Губернии были созданы по образцу польских провинций. Каждая губерния была разделена на уезды, а уезды — на волости. В каждой губернии был назначен губернатор, который отвечал за управление всей губернией. Губернии были созданы в 1719 г. и с тех пор существовали до 1861 г. В 1719 г. число губерний было увеличено до десяти, распределение городов между ними изменилось, и каждая губерния разделилась на провинции; провинции городские уезды и волости административное значение. Но при отмене помещичьего землевладения в губерниях. Эти безразличные провинции объясняются недостатком у провинциальной администрации сведений, которые необходимы для провинциальной администрации. Об этом есть любопытное свидетельство в одной из записок Гаврилова. «Как было тяжело», говорит он, «сидеть в сенаторском и сплывать людей в губерниях было невозможно, — так же в Москве или в Петербурге, вестри не на порядок, не на выслу, города и провинции из себя были значительны, кто который могил, что не доказуется именами: Ярославль для богатого купца, Тверь для его собственника, из посадъ белых, прислалъ къ С.-Петербургу; Гагаринъ — Вятку и Пермь къ Сибирь и проч.» В губерниях были генерал-губернаторы и губернаторы. При них состояли вице-губернаторы, о значении которых довольно трудно составить понятие, но разное было поручено им дѣл. Общественно они были помощниками губернаторов, но иногда сами управляли цѣлою губерніею, и въ такомъ случаѣ носили этотъ титулъ только вслѣдствіе большого служебнаго значенія: такъ, Архангельское губернiею управлялъ, кажется, вице-губернаторъ, который дѣйствовалъ такъ совершенно самостоятельно. Иногда вице-губернаторы управляли некоторыми городами губерній; вслѣдствіи, по учрежденіи провинцій, они были иногда изъ начальниками. Вообще названія главныхъ лицъ въ губерніяхъ были очень разнородны. Намъ, начальнику Москвы въ 1711 году назывался «Московской губерній управитель и оберъ-кониссаръ», а въ 1712 г. носилъ титулъ губернатора. Съ 1711 г. губернаторы назначались по представленію сената, съ которыми были востояныя сношенія чрезъ особенныхъ кониссаровъ, присланныхъ изъ каждой губерніи въ сенатскую канцелярію.

Въ уѣздныхъ городахъ были оберъ-коменданты и коменданты. Изъ избранныхъ начальники губерній, «по своему разсмотрѣнію, годныхъ и умныхъ людей», а утверждалъ сенатъ. Кажется, сначала Петръ Великій былъ вообще намеренъ ввести военное управленіе во внутренней Россіи. Это можно заключить изъ того,

что въ его указахъ до 1713 г. не говорится о другихъ городскихъ начальникахъ, а позже, при введеніи ландратовъ, о прежнемъ управленіи было упомянуто, какъ объ отжившемъ. Но этотъ планъ не былъ исполненъ: рядомъ съ комендантами упоминаются городскіе начальники изъ царедворцовъ и дворянъ, подъ которыми, вѣроятно, разумѣлись прежніе воеводы.

Судъ принадлежалъ по-прежнему областнымъ и городскимъ начальникамъ, Единственное отличіе отъ стариннаго суда состояло въ томъ, что высшая областная инстанція сдѣлалась постоянной; не было уже такого городского судьи, который бы прямо зависѣлъ отъ центральныхъ учреждений.

Въ 1713 году въ областное управление было внесено коллегіальное начало. Велѣно было «учинить ландратовъ въ большихъ губерніяхъ по 12, въ среднихъ по 10, въ меньшихъ по 8». Ландраты составляли коллегію, при помощи которой начальники губерній рѣшали всякія дѣла. Всѣ дѣла рѣшались по большинству голосовъ, но губернаторъ имѣлъ два голоса. Ему не велѣно было вѣдать ландратовъ ни лично, ни по иному. О преступленіяхъ ихъ велѣно доносить въ сенатъ. При вице-губернаторахъ тоже находились ландраты, но ихъ было менѣе одною четвертью; при оберъ-комендантахъ ихъ было въ половину. Они назначались сенатомъ, по представленію комендантовъ. Черезъ два года ландратскому правленію было предоставлено еще болѣе участія въ областной администраціи. Въмѣсто прежнихъ военныхъ начальниковъ, оберъ-комендантовъ и комендантовъ, указомъ 28-го января 1715 г. велѣно въ тѣ города, гдѣ имѣтъ гарнизоны, назначать ландратовъ «по разсужденію губернаторскому». Каждому изъ нихъ подчиненъ округъ въ 5536 дворовъ, или болѣе, смотря по удобству. Городовое ихъ управленіе едва ли не было временнымъ порученіемъ, потому что изъ нихъ велѣно оставлять постоянно при губернаторахъ по два человека, съ переменою черезъ одинъ или два мѣсяца, а безъ нихъ дѣла ихъ вѣдать коммиссарамъ. По окончаніи года всѣ ландраты съѣзжались къ губернатору съ отчетами. Еще прежде этого указа, въ 1714 г., ландратовъ велѣно назначать по выбору дворянъ каждой губерніи или провинціи. Это управленіе также не вездѣ было введено, ибо въ 1719 г. въ губерніискихъ штатахъ встрѣчаются воеводы.

Въ то же время сдѣлана первая попытка отдѣлить судебную власть отъ административной. Указомъ 24-го апрѣля 1713 года было предписано: на каждую провинцію—(что разумѣлось подъ этими словами, рѣшить трудно, ибо раздѣленіе на провинціи введено позже)—выбрать по одному ландрихтеру, съ непосредственнымъ подчиненіемъ ландратскому правленію. Ландрихтеръ былъ собственно помощникъ губернатора по судебной части. Онъ не судилъ постоянно въ своей провинціи. Обыкновенная расправа была ввѣрена ландратамъ; но если кто изъ нихъ «впадалъ въ какое прегрѣшеніе», или въ губерніи было спорное дѣло о землѣ, то губернаторъ носылалъ ландрихтера для розыска и межеванія. Въ этомъ только и состояла его обязанность: судъ надъ ландратами принадлежалъ уже самимъ губернаторамъ, вмѣстѣ съ вице-губернаторами и ландратскими правленіями. Вскорѣ, кажется, однако было предложено дать ландрихтерамъ самостоятельное помѣщеніе. Въ 1718 году Петръ Великій хотѣлъ, по примѣру Швеціи, внести въ управленіе полное раздѣленіе властей. При этомъ въ каждой губерніи предполагалось учредить особенныхъ оберъ-ландрихтера и ландрихтера, изъ которыхъ первый долженъ (былъ, вѣроятно, составлять высшую инстанцію. Новый порядокъ велѣно было учредить съ 1720 г., а въ С.-Петербургской губерніи, въ видѣ опыта, уже съ іюля 1718 г. Но и это предположеніе врядъ-ли было исполнено, потому что въ штатахъ С.-Петербургской губерніи 1719 г. упоминается только объ одномъ ландрихтерѣ. О совершенной независимости этихъ судей отъ

областных начальниковъ, по крайней мѣрѣ низшихъ, можно заключить изъ того, что въ Табели о рангахъ 1722 г. оберъ-ландрихтеръ поставленъ въ одномъ классѣ съ воеводою. Судебная власть ландрихтеровъ и ландратовъ не была опредѣлена съ точностью. Въ 1719 г. было предписано, «чтобы они, кромя посредственныхъ дѣлъ въ назначенныхъ изъ городовъ не вершили, а описывались о важныхъ и многотрудныхъ и самыхъ спорныхъ дѣлахъ, особенно же о разбойныхъ «въ Юстицъ-Коллегіи, къ президенту съ товарищами». Нельзя не замѣтить, что въ этомъ указѣ не только отозвалась неопредѣленность выражений прежняго періода, но даже и старинный способъ опредѣленія воеводской судебной власти. Введеніе ландрихтеровъ было, кажется, вообще временною мѣрою, ибо вскорѣ послѣ того Петръ Великій задумалъ совершенно отдѣлать судебную часть отъ административной. Временный характеръ ландрихтеровъ объясняется также изъ различное положеніе въ разное время. Въ 1719 г. военный начальникъ С.-Петербурга былъ генералъ-губернаторъ князь Меншиковъ. Онъ командовалъ гарнизонами: петербургскихъ, котлинскихъ и шлиссельбургскихъ, но не имѣлъ никакой власти надъ уѣздами. Уѣзды этихъ городовъ состояли подъ начальствомъ особеннаго воеводы и съ нимъ ландрихтера. Тотъ и другой завѣдывали ими, кажется, на равныхъ правахъ. Иногда ландрихтеры завѣдывали денежными сборами. Когда именно они были уничтожены, съ точностію сказать трудно, — но едва ли не послѣ открытія надворныхъ судовъ.

Мысль о надворныхъ судахъ высказана Петромъ еще въ 1718 г., при учрежденіи коллегій. Она была естественна при коллегіальномъ началѣ въ центральномъ судоустройствѣ. Въ указѣ 22-го декабря было объявлено, что для правосуднаго рѣшенія челобитчиковыхъ дѣлъ вездѣ по губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ будутъ учреждены суды и судьи, а надъ ними высшій Надворный судъ въ знатныхъ губерніяхъ, подъ апелляціею Юстицъ-Коллегіи. Вскорѣ потомъ, указомъ 8-го января 1719 г., велѣно открыть надворные суды въ слѣдующихъ восьми городахъ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Курскѣ, Ярославлѣ, Воронежѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Смоленскѣ и Тобольскѣ. При этомъ распределеніи были приняты во вниманіе географическое разстояніе надворныхъ судовъ и населенность губерній. Это видно изъ того, что во многихъ главныхъ городахъ они не были открыты, и притомъ ихъ было не по ровному числу въ каждой губерніи. По всей вѣроятности, впрочемъ, это распределеніе было сдѣлано только на первый случай, потому что въ некоторыхъ губерніяхъ вовсе не было судовъ и гражданскія дѣла по-прежнему судились или административною властію или ландрихтерами. Въ 1720 г. областное судоустройство довершено учрежденіемъ трехъ судебныхъ инстанцій: высшую составлялъ надворный судъ, среднюю — провинціальный, а послѣднюю — нижній городской судъ. Провинціальные суды, кажется, не вездѣ были открыты. О составѣ нижняго городского суда мало извѣстій. Судя по тому, что послѣ упоминается о городскихъ судьяхъ, опредѣленныхъ отъ Юстицъ-Коллегіи, надобно думать, что коллегіальнаго устройства не было. Въ некоторыхъ указахъ говорится о высшихъ и низшихъ Надворныхъ судахъ, но едва ли подъ низшими не разумѣлись суды провинціальные. Изъ надворныхъ судовъ намъ извѣстенъ только составъ московскаго. Въ 1719 г. онъ состоялъ изъ трехъ полковниковъ, одного подполковника и двухъ царедворцевъ. Сначала, кажется, Петръ Великій былъ намѣренъ совершенно устранить надворные суды отъ вѣдательства областной администраціи. Но позже, въ 1722 г., по приговору сената, въ нихъ велѣно было присутствовать, въ качествѣ президентовъ, губернаторамъ и вице-губернаторамъ, за исключеніемъ, Петербурга и Москвы, гдѣ эти суды сохранили независимый характеръ. Подчине-

ніе надворныхъ судовъ областнымъ начальникамъ, вѣроятно, было вынуждено временными потребностями тогдашняго правительства. Къ тому же, зависимость надворныхъ судовъ отъ губернаторовъ не вездѣ встрѣчается и въ провинціяхъ: въ наказѣ астраханскому губернатору 1725 г. ему велѣно только смотрѣть за порядкомъ и справедливостію, не присутствуя въ судѣ и не вступаясь въ дѣла непосредственно.

О преобразованіяхъ Петра Великаго въ областномъ судоустройствѣ вообще надобно замѣтить, что они не извѣстны намъ во всѣхъ подробностяхъ, и полного сужденія о нихъ пронаести невозможно. Не только нѣтъ никакихъ указаній на дѣятельность новыхъ учреждений, но даже нельзя составить полного понятія о той системѣ, которая лежала въ ихъ основаніи. Извѣстія о нихъ разсѣяны въ отрывочныхъ указахъ, изъ которыхъ часто не видно, что было кореннымъ учрежденіемъ и что временною мѣрой. Инструкціи, которыя должны были получить надворные суды и многія другія части управленія, не дошли до насъ; въ запискахъ того времени не сохранился планъ задуманной администраціи. Поэтому можно только указать на общія начала. Въ этомъ отношеніи въ преобразованіяхъ замѣтны двѣ эпохи. Первую составляютъ ландраты и ландрихтеры, вторую—надворные суды. Сначала, повидимому, Петръ имѣлъ только намереніе внести коллегіальное начало въ областное управленіе, не отдѣляя отъ него судебной части. Такъ было при введеніи ландрихтеровъ. Своимъ положеніемъ при губернаторахъ они напоминали тѣхъ «дворянъ у судныхъ дѣлъ», которые въ старину находились при воеводахъ большихъ городовъ. Вообще въ эту эпоху всѣ новыя мѣры были въ сущности только улучшеніемъ стараго порядка. Въ ландратскомъ правленіи соединялись два начала, которыя правительство старалось ввести въ областное управленіе еще въ концѣ XVII вѣка. Ландраты были тѣже выборные воеводскіе товарищи, но отношенія ихъ къ губернаторамъ опредѣлены точно, и оттого администрація въ самомъ дѣлѣ получила коллегіальный характеръ. Во вторую эпоху Петръ Великій совершенно отдѣлилъ судебную власть отъ административной посредствомъ учрежденія сначала оберъ-ландрихтеровъ, а потомъ коллегіальныхъ судовъ. Но этому началу не скоро было суждено утвердиться на русской почвѣ.

Уже самъ Петръ Великій долженъ былъ измѣнить это управленіе. Въ 1722 г. провинціальныя и городовыя суды, опредѣленные отъ Юстицъ-Коллегіи, были отменены, всѣ судебныя дѣла переданы въ провинціяхъ воеводамъ, а «для скорого управленія и чтобъ въ дѣлахъ челобитчикамъ волокиты не было», при воеводахъ опредѣлены ассесоры изъ отставныхъ офицеровъ, или изъ дворянъ, по два человека. Въ отдаленныхъ уѣздныхъ городахъ, отстоявшихъ на 200 верстъ отъ провинціального, устроенъ былъ особый низшій судъ: воеводы посылали туда ассесоровъ, по одному человеку въ каждый городъ, и съ ними 2-хъ или 3-хъ подьячихъ. Судъ ихъ предоставленъ только до десяти или двадцати рублей. Дѣла выше этой суммы начинались прямо въ провинціальномъ судѣ. Съ этого времени судъ провинціального воеводы составлялъ первую обыкновенную инстанцію, и только по исключенію вторую,—слѣдовательно, всѣхъ областныхъ инстанцій было уже только двѣ, а не три. Причина, почему въ нѣкоторыхъ городахъ нужно было сохранить особенныхъ судей, заключается въ административной перемѣнѣ, совершившейся около этого времени. При первомъ преобразованіи областного управленія были учреждены особые начальники какъ для большихъ, такъ и для малыхъ городовъ: первыми были комменданты, вторыми оберъ-комменданты. Между ними не всегда существовали отношенія начальства и подчиненія, а потому и

не всегда была третья областная инстанция; но зато почти каждый городъ, за исключеніемъ развѣ незначительныхъ, имѣлъ свое особенное начальство.

При учрежденіи ландратовъ, губерніи были подраздѣлены на такіе немногочисленные участки (5536 дворовъ), что опять не было надобности учреждать особыхъ судей. Не такъ было при третьемъ преобразованіи губерній въ 1719 г. Въ это время провинціальныя воеводы завѣдывали одни всѣми городами своихъ провинцій, въ уѣздахъ не было особыхъ начальниковъ. Такъ, напримѣръ, вся Новгородская провинція, состоявшая изъ четырехъ городовъ и 26024 дворовъ, зависѣла отъ одного воеводы; также и Тверская, въ которой было шесть городовъ и 15464 двора. Разумѣется, провинціальному воеводѣ было трудно управиться на такомъ пространствѣ, но правительству не хотѣлось увеличить числа областныхъ судей. Въ 1719 г. Сибирская губернія была раздѣлена на три провинціи, подъ управленіемъ вице-губернаторовъ, и никакой другой низшей власти тамъ не было. При такомъ крупномъ раздѣленіи губерній естественна была потребность въ низшей судебной инстанціи. Отсюда—начала городовыя судьи, опредѣленные отъ Юстицъ-Коллеги, а потомъ ассессоры, назначенные отъ воеводъ. Въ учрежденіи послѣднихъ нельзя не замѣтить нѣкотораго отголоска прежнихъ административныхъ формъ: самая сумма, выше которой они не судили, напоминаетъ предѣлы судебной власти прежнихъ второстепенныхъ воеводъ. Городовыя ассессоры черезъ мѣсяцъ послѣ своего учрежденія замѣнены судебными комиссарами, которые судили до 50 рублей и состояли подъ начальствомъ воеводъ, но только въ томъ случаѣ, когда въ провинціи не было надворнаго суда. Кѣмъ назначались эти комиссары, не довольно ясно. Изъ сенатскаго указа 22-го сентября 1725 г. видно, что сначала они опредѣлялись самимъ сенатомъ по представленію герольдмейстера и требованію губернаторовъ и воеводъ. Въ этомъ году сенатъ велѣлъ герольдмейстеру назначать судебныхъ комиссаровъ безъ доклада. Изъ другого сенатскаго указа 1727 г. видно, напротивъ, что комиссары опредѣлялись мѣстными надворными судами.

Этимъ заключились реформы Петра Великаго въ областномъ судоустройствѣ. Сдѣлавъ необходимую уступку современному состоянію общества, онъ не рѣшился однако вполнѣ отступить отъ своихъ началъ и удержалъ между областными судебными инстанціями одну, совершенно отдѣльную отъ высшей административной. Препятствіе, о которое сокрушилось новое управленіе, вело свое происхожденіе изъ старыхъ понятій XVII вѣка. Это было кормленіе, и прежде имѣвшее всякимъ попыткамъ правительства устранить невыгоды личнаго произвола полновластныхъ чиновниковъ. Кормленіе не замедлило предъявить свои права на новыя должности, несмотря на ихъ государственный характеръ. Еще въ 1716 году Петръ Великій предписывалъ назначать въ ландраты по преимуществу армейскихъ офицеровъ, отставленныхъ за ранами, или по старости, и особенно бѣдныхъ, «ибо не безъ грѣха есть въ томъ, что такіе, которые служили много, тѣ забыты и скитаются, а которые нигдѣ не служили, тѣ многіе по прихотямъ губернаторскимъ въ губерніяхъ высканы чинами и получаютъ жалованіе довольное». Вѣроятно, для устраненія этихъ «губернаторскихъ прихотей» сенатъ долженъ былъ утверждать почти всѣхъ чиновниковъ. Но это не помогло; кормленіе проникло чрезъ всѣ преграды. Посошковъ рассказываетъ, что подъ конецъ царствованія Петра два дворянина, братья Чоглоковы, нигдѣ не бывши на службѣ, «какнигъ-то случаемъ добились въ судьи, и одинъ сидѣлъ на Устюжнѣ Желѣзной судьейю года съ три и больше, а другой братъ сидѣлъ въ Вышнемъ Волочкѣ, и сказывали о себѣ высоко, будто они по именному Его Императорскаго Величества указу въ судьи пожалованы. И того ради всякъ ихъ боялся, и на кого ни

нападутъ, всякъ имъ уступать, и передъ ними не смѣли никто и слова вымолвить». Прежній взглядъ сохранился даже въ техническомъ словѣ, которымъ обозначалась гражданская служба: Посошковъ говоритъ, что многіе дворяне живутъ у наживочныхъ дѣлъ. Естественно, что, при такихъ понятіяхъ служивыхъ людей, превратившихся въ чиновниковъ, новыя начала администраціи приносили иногда положительный вредъ вмѣсто пользы. Къ числу важнѣйшихъ неудобствъ принадлежали многочисленность областныхъ начальниковъ и различная ихъ зависимость. Каждая губернія была наполнена множествомъ служащихъ. Это было невыгодно и для правительства, которому, при тогдашнихъ его средствахъ, трудно было всѣмъ давать жалованье, и до крайности тягостно для народа. Столь же невыгодно было и то, что при раздѣленіи властей областные чиновники зависѣли отъ разныхъ вѣдомствъ, а потому и найти на нихъ скорую управу было довольно трудно. Губернатору, конечно, былъ предоставленъ надзоръ за всѣмъ, что происходило въ губерніи, но такъ какъ онъ долженъ былъ доносить о злоупотребленіяхъ сенату, то въ этомъ проходило не мало времени, и власть каждаго, даже мелкаго, чиновника почти не знала преграды. Въ 1727 г. князь Долгорукій доносилъ сенату, что судебные комиссары берутъ по дистриктамъ взятки, пытаютъ и бьютъ кнутомъ по розыскамъ противозаконно; одинъ изъ нихъ отпустилъ церковнаго вора, послѣ чего погорѣла церковь. Надворный судъ, которому обыватели приносили жалобы, не чинилъ резолюціи, и губернаторъ долженъ былъ нарушить законный порядокъ инстанцій и перенести слѣдствие въ свою канцелярію. Изъ этихъ свидѣтельствъ очевидно, что областныя учрежденія Петра не вынесли столкновенія съ жизнью, но, измѣняя ихъ сообразно требованіямъ вѣка, правительство могло однако сохранить то, что въ нихъ приходилось по времени, — однообразіе, относительную простоту формъ. Оно этого не сдѣлало. Въ политическихъ смутахъ, начавшихся послѣ кончины Петра Великаго, затерялась основная мысль его преобразованій и, дѣйствуя одними частными мѣрами, правительство до Екатерины II нечувствительно возвращалось къ преданіямъ XVII вѣка.

Окончательная отиѣна петровскихъ учрежденій началась уже при Екатеринѣ I. Прежде всего были уничтожены судебные комиссары. Поводомъ къ тому послужило самое стѣсненіе ихъ суда незначительною суммою. Вслѣдствіе этого въ провинціальный городъ стекалось такое множество дѣлъ, что не было никакой возможности разрѣшать ихъ въ скорости. Поэтому Верховный Тайный Совѣтъ велѣлъ въ 1726 году назначить особыхъ воеводъ во всѣхъ тѣхъ городахъ, гдѣ они бывали прежде, и предоставить имъ расправу во всѣхъ судебныхъ и розыскныхъ дѣлахъ, безъ всякаго ограниченія. Апелляція на нихъ поступала къ провинціальнымъ воеводамъ, а жалобы на послѣднихъ въ надворные суды.

Коренное преобразование введено указомъ 24-го февраля 1727 г. Всѣ отдѣльныя областныя вѣдомства были уничтожены, въ томъ числѣ и надворные суды. Судъ во всякихъ дѣлахъ, и даже между крестьянами привилегированныхъ вѣдомствъ, передавъ губернаторамъ и воеводамъ.

XVI. ПРЕОБРАЗОВАНІЕ ИТГОКЪ ВЪ ГОРОДСКАГО УПРАВЛЕНІЯ

Изъ соч. Гревинскаго: «Начала русской государственной истории», т. III: «Орденъ магистровъ ордена св. Юрдія».

Но одинъ служившій классъ былъ кредитивъ инициативы Петра. Реформы его напали широкое приключеніе и къ городскому сословію.

Петръ Великій брался за преобразование городского управления два раза: 1. въ 1699 году, въ посредствѣ учрежденія бурмистерскихъ палатъ въ Московской разуклѣ, и 2. въ 1721 году, регламентомъ главному магистрату. Между этими двумя иѣрами великая видѣть сходства. Хотя иѣтъ въ обонхъ случаяхъ одинакова, но исходная точка реформы и средства ея совершенно различны.

Учрежденіемъ бурмистерскихъ палатъ Петръ Великій вовсе не думалъ создавать такъ-называемаго городского самоуправленія. Иначе необходимо было бы предположить, что въ составѣ законодателя установилось понятіе о городскомъ обществѣ, въ руки котораго вѣрнется завѣдываніе истинными интересами чрезъ выборныхъ лицъ. Но такой идея въ названномъ учрежденіи нѣтъ. Законодательство о бурмистерскихъ палатахъ можетъ быть разсматриваемо, какъ продолженіе тѣхъ иѣръ, которыя предпринимались отчасти въ до-Петровской Россіи. Еще въ Новоторговомъ уставѣ высказывалось желаніе, чтобы всего государства купецкіе и промышленные люди были подчинены одному, пристойному приказу*, чтобы ихъ въ разныхъ приказахъ не вѣдать. Такимъ пристойнымъ приказомъ и явилась бурмистерская палата.

Въ Московское время городскіе обыватели жалуются на утѣсненія воеводъ и неудобства завѣдыванія городскими сборами въ разныхъ приказахъ. Правительство находитъ неудобнымъ и для своихъ собственныхъ интересовъ дѣятельность воеводъ и управление городами въ разныхъ иѣстахъ. Уже до Петра Великаго были приняты въ этомъ отношеніи нѣкоторыя иѣры. Между ними видное мѣсто занимаетъ указъ Θεодора Алексѣевича 1681 года объ установленіи стрѣлечкой подати. Мѣра эта — 1) привела къ нѣкоторому единообразію массу прежнихъ городскихъ сборовъ, замѣнивъ ихъ однимъ стрѣлечкимъ рублевымъ сборомъ; 2) новая подать легла исключительно на города и остатки черныхъ волостей; 3) раскладки, взиманіе и доставленіе стрѣлечкой подати въ казну предоставлялись выборнымъ людямъ. Но указъ 1681 г. не достигалъ своей цѣли, такъ какъ общіе недостатки приказной системы и общія условія воеводскаго управленія имъ не затрогивались.

Учрежденіе бурмистерскихъ палатъ исходитъ изъ обонхъ указанныхъ мотивовъ. Въ указѣ 1699 года, которымъ учреждены палаты, прямо сказано, что городскіе и купецкіе и промышленные люди всякими своими дѣлами и сборами вѣдаются въ разныхъ приказахъ и оттого имъ, купецкимъ и промышленнымъ людямъ, чинятся всякіе налоги и тягости, а государевы сборы остаются въ доимкѣ. Чтобы устранить эти безпорядки, велѣно было всѣмъ купецкимъ и промышленнымъ людямъ вѣдать судомъ и расправою и всякіе его, великаго Государя, сборы собирать выборнымъ бурмистрамъ. Это общее учрежденіе приня-

ло, такъ сказать, двоякую форму: а) въ Москвѣ была учреждена бурмистерская палата, вполнѣнствіи переименованная въ ратушу; б) въ городахъ учреждены земскія избы. Оба учрежденія состояли изъ выборныхъ бурмистровъ, и назначеніе ихъ было вездѣ одинаково.

Во первыхъ, они вѣдали судомъ и расправой всѣхъ купецкихъ людей во всемъ государствѣ; во вторыхъ, имъ ввѣрено было завѣдываніе равными сборами съ городовъ, подъ отвѣтственностью какъ выборныхъ людей, такъ и самой общины,—причемъ участіе воеводъ въ этихъ дѣлахъ устранялось.

Отсюда видно, что бурмистерская палата и земскія избы учреждены не для городского управленія. О городскомъ хозяйствѣ въ означенномъ законѣ нѣтъ ни слова. Можно даже предположить, что старія выборныя должности, вѣдавшія управленіе городовъ въ собственномъ смыслѣ, продолжали существовать и послѣ 1699 года. Онѣ вымерли и исчезли сами собой только подъ вліяніемъ послѣдующихъ реформъ. Указъ 1699 года изданъ специально для управленія купецкихъ и промышленныхъ людей, какъ сословія государственнаго, и для завѣдыванія равными казенными сборами, лежавшими на городахъ.

Если разсматриваемое учрежденіе не было установленіемъ самоуправления городского по самой цѣли своей, то не было таковымъ и по плану своего выполненія. Земскія избы дѣйствовали подъ прямымъ начальствомъ Московской ратуши. Последняя была центральнымъ учрежденіемъ, для городского сословія сдѣлалась тѣмъ пристойнымъ приказомъ, о которомъ говорилъ Новоторговый уставъ.

Такимъ образомъ, выборныя по своему происхожденію, Московская ратуша и земскія избы, обратились въ чисто-правительственныя учрежденія. Въ этомъ положеніи существованіе ихъ обуславливалось не отношеніями къ городской общинѣ, съ которой они были связаны, и не обявлялись даже отчетностью предъ избирателями, но тѣмъ, насколько удовлетворяли правительственнымъ интересамъ. Правительство же, какъ свидѣтельствуютъ акты того времени, имѣло полное основаніе быть недовольнымъ дѣятельностью означенныхъ учреждений. Выше мы указали, что въ средѣ городского сословія образовалось нѣчто подобное служилому классу. Изъ среды купеческаго и промышленнаго сословія лучшіе люди ставились къ разнымъ казеннымъ дѣламъ. Порядокъ этотъ не измѣнился съ учрежденіемъ бурмистерскихъ палатъ. Московская ратуша и земскія избы, состоявшія изъ тѣхъ же купцовъ и промышленниковъ, получали въ свое завѣдываніе казенные сборы; равныя казенныя регалии отдавались, кромѣ того, отдѣльнымъ лицамъ изъ среды купечества. Взглядъ купецкихъ людей на службу точно также не измѣнился: прежнія злоупотребленія продолжались. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ по учрежденіи бурмистерскихъ палатъ Петръ Великій увидѣлъ необходимость назначить въ Московскую ратушу и въ другіе важнѣйшіе города особыхъ надсмотрщиковъ. Ревизія бурмистерскихъ палатъ раскрыла страшное воровство. Какъ только Московская ратуша потеряла довѣріе въ глазахъ правительства, значеніе ея для земскихъ избы должно было постепенно утрачиваться. Послѣ учрежденія губерній она находится въ полномъ упадкѣ.

Попытка собрать торговое сословіе въ одно цѣлое и дать ему особое управленіе рушилась на первый разъ сама собою. Но къ концу

государственной нечестивости превращенный она возвращается къ мысли, какъ образъ и устранить съ разслабленнучи кривизну. Можно сказать, что мысль эта теперь вырывается быстрое развитие. следовательно и планъ реформы могъ быть изданный на быше широкихъ основаніяхъ. Къ этому времени Петръ выходящими съ традиціями учрежденіями западной Европы. Правда, эти институты выжили тогда къ упадку; охранились только въ нѣкоторыхъ формахъ привычного ихъ устройства; управление городское вышло на сильнѣйшій шагъ къ упадку, — но не вездѣ. Тѣ именно губерніи, которые послѣднее время обращались при его новой реформѣ — учрежденіи Остзейскаго края — представляли волну самостоятельности.

Свѣдѣнія къ новому преобразованію городского управления, Петръ Великій руководствовался важнѣйшимъ извѣщеніемъ, какое имѣло для государства торговля и выдѣлъ торговни и промышленниціи классъ. Поднять этотъ классъ — значило обогатить страну торговлей, а развитіе торговли означало богатство страны. Учрежденіе магистратовъ должно было удовлетворить эту цѣль.

Городские магистраты Остзейскаго провинціи, которые служили для Петра образцомъ при изданіи регламента городского магистрата 1721 года, имѣли уже основанное устройство. Все городское общество и все имущество городское отдавались, къ силу этого устройства, въ безконтрольное распоряженіе небольшого числа лицъ, именовавшихся себѣ „гражданами“. оставаясь однако, въ сторонѣ формы учрежденія, нельзя не сказать, что остзейскіе городские магистраты, во мнѣхъ своей, были гораздо выше тѣхъ устарѣвшихъ городскихъ, которые впоследствии вошла въ Россію Екатерина II. Изъ состава „гражданства“ остзейскихъ городовъ образовались магистраты, суды, различныя другія учрежденія, которые являлись дѣйствительно городской властью и властью чрезвычайно сильной. Магистраты, разныя фоксейскіе и всякія другіе суды и полицейскія учрежденія были здѣсь истиннымъ хозяйствомъ, и судъ, и полиція.

Рядомъ съ магистратами не было другого градскаго начальства. Они не терпѣли послѣ себя никакихъ востороннихъ элементовъ и въ широкое смыслѣ слова управляли городами.

Городскія учрежденія, которыя проектировалъ регламентъ главному магистрату, получали такія же широкія права. На магистраты возложено было судъ, вѣдѣніе о хозяйствѣ города, его благоустройство и полиція. Давая городамъ самостоятельную полицейскую власть, законъ давалъ становилъ городскую общину въ независимое положеніе отъ государственныя властей въ дѣлѣ заведенія собственными ите-
 Управляющіеся
 Управленію въ
 законодательства
 положилъ основаніе
 стверскую канцелярію
 въ Москвѣ. Но
 въ проминкахъ
 оно развивалось съ значительнымъ трудомъ. Оконча-

тельное раздѣленіе полиціи и городского общественнаго управленія относится ко времени Екатерины II.

Переносъ чужеземныя учрежденія на почву своего государства, Петръ Великій старался, по возможности, примѣнить ихъ къ условіямъ спеціально русской жизни. Регламентъ главному магистрату принимаетъ во вниманіе эти условія въ полной мѣрѣ. Въ этомъ отношеніи бросается въ глаза слѣдующій замѣчательный фактъ. Хотя идеи Петра касательно городского управленія, въ разсматриваемый періодъ реформы, измѣнились кореннымъ образомъ, но черты стараго порядка, и очень важныя, остались неприкосновенными и въ новомъ учрежденіи. Подобно Московской ратушѣ, главный магистратъ поставленъ надъ всѣми магистратами въ качествѣ главнаго начальства всѣхъ городовъ. Ему поручалось „разсыпанную хранину“ торгово-промышленнаго сословія „паки собрать,“ — мотивъ, которымъ вызвано было и учрежденіе бурмистерской палаты. Различіе состояло въ томъ, что власть главнаго магистрата раздѣлялась съ Коммерцъ-Коллегією, которой предписывалось „трудиться, чтобъ такое сокровище (купечество) утрачено не было.“ Это попеченіе о „сокровищѣ“ объясняется самымъ его положеніемъ въ тогдашнее время. Градское начальство, магистраты нуждались тогда въ защитѣ отъ мѣстныхъ правительственныхъ властей. Воеводы, комманданты, ассессоры, даже офицеры, какъ настоящіе служилые люди, относились съ презрѣніемъ къ выборнымъ членамъ магистратовъ, и результатомъ подобнаго отношенія былъ цѣлый рядъ самыхъ прискорбныхъ фактовъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ учрежденіе главнаго магистрата, какъ начальства и попечительства надъ городами, было весьма пригодно. Петръ Великій зналъ, конечно, что дѣлалъ, вводя это учрежденіе, и исторія его оправдала: именно на главный магистратъ и обратилась вся злоба тѣхъ лицъ, которыя находили выгоднымъ для себя уничтоженіе петровскихъ учрежденій.

Послѣ смерти Петра Великаго начались всевозможныя измѣненія въ его системѣ мѣстныхъ должностей. Трудно сказать, чѣмъ вызывались эти перемѣны. Мотивамъ, которые приведены въ указахъ, отмѣнявшихъ разныя постановленія Петра, едва ли можно вѣрить. Въ одномъ изъ указовъ 1727 года, находимъ, напр., слѣдующія соображенія, которыми уничтожены надворные суды. Въ царствованіе Петра Великаго, читаемъ въ указѣ, весьма размножены правители и канцеляріи; всѣ они „пропитанія своего хотятъ“ и потому народъ утѣсняють; отъ множества инстанцій происходитъ „волокита въ дѣлахъ“ и проч. На этомъ основаніи правительство обращается къ прежней системѣ, — поручаетъ судъ и расправу губернаторамъ и воеводамъ. Подобнымъ мотивамъ вѣрить довольно трудно по той причинѣ, что, съ отмѣной петровскихъ учрежденій, злоупотребленія и безпорядки не только не прекратились, но увеличились. Такъ, если воеводы и губернаторы получили въ свое завѣдываніе судъ и расправу, то, конечно, не перестали чрезъ это „хотѣть своего пропитанія.“ тѣмъ болѣе, что у нихъ отнято было жалованье. Вѣрнѣе остановиться на томъ предположеніи, что служилое сословіе, шляхетство, недружелюбно относилось къ тѣмъ формамъ, въ которыя хотѣлъ облечь его служебную дѣятельность Петръ Великій. Правила отчетности, отвѣтственность, дѣлопроизводство, надзоръ, — все это не могло нравиться служилому классу, воспитанному въ

смирненно никуда не выжились. Патриаркальство старого вошедскаго управления было ему болѣе по духу. Къ этой системѣ и возвратились, сколько могли, крестники великаго преобразователя.

Подъ вліяніемъ наступившей реакціи, мѣстныя установленія Петровской эпохи должны были рунуться одно за другимъ. Уничтожаются судобныя учрежденія Петра, надворные суды и комиссары. Мѣсто ихъ заняли воеводы съ ассессорами. Главнѣйшій магистратъ уничтоженъ и восстановленъ только въ царствованіе Елизаветы Петровны. Города опять поделали надъ управленіемъ губернаторовъ и воеводъ. Въ 1727 году приказъ губернаторамъ и воеводамъ былъ веродѣланъ, согласно коннотъ условіямъ ихъ должности. Губернаторы и воеводы явились не только главными, но единственными правителями мѣстности.

ХЕVII. УЧРЕЖДЕНІЕ КУРЬИСТЕРСКОЙ ПАЛАТЫ И ЗЕМСКИХЪ ИЗЪВЪ И ИХЪ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ.

(Изъ соч. Димитіева: «Устройство и управленіе городовъ Россіи», т. I.)

Въ началѣ царствованія Петра Великаго торговля и промышленность Россіи находилась въ томъ же самомъ состояніи, какъ и въ царствованіи отца и брата великаго преобразователя. Ни одно изъ замъ, притѣснительныхъ развитій этихъ могущественныхъ рычаговъ развитія общества и государства, не было устранено. Потребности общества не увеличались: оно не стало богаче; главнѣйшій элементъ массы населенія и генеральной Россіи вообще, а мѣстѣ и посадскихъ людей въ частности, остаются по-прежнему земледѣлю; хотъ сколько-нибудь споспыхъ путей сообщенія мѣтъ и теперь, и теперь эти дороги даже между такими городами, какъ Москва и Новгородъ, или дикою пустыней и находилась въ верооятнѣйшѣмъ природномъ состояніи. Онѣ по-прежнему не отличались и безопасностью, которой не было въ самой столицѣ, мѣстопробываніи будущаго преобразователя; разбойнѣ не бросались даже князья; коннотники обвиняются въ «смертнотъ убійствѣ» посадскихъ людей. Конкуренція иностранцевъ какъ въ торговлѣ, такъ и въ промышленности также сильна и непреодолима, какъ и въ XVII ст., вокалуи еще сильнѣе: общество, быстро нагнувшее во внѣшней обстановкѣ, сразу опередило едва зарождавшіяся производительныя силы русскаго промышленнаго населенія, и должно было обращаться за удовлетвореніемъ своихъ потребностей къ западнымъ ремесленникамъ и промышленникамъ. У русскихъ купцовъ не хватало силъ тягаться съ богатыми компаніями иностранцевъ; послѣдніе затирали первыхъ. Къ этому нужно прибавить еще «всякіе большіе убытки и разоренія» и въ тѣхъ саронныхъ промыслахъ, которыми занимался посадскій людъ, а эти убытки и разоренія «во всякихъ промыслахъ» дѣйствительно были не малые. Разоряли посадскихъ воеводы и приказные тѣхъ приказовъ, въ которыхъ вѣдались города ихъ податями и повинностями; разоряли ихъ своя же братья—всякаго рода выборные; разоряли ихъ поборы непосильные, тягло тяжелое; разоряли ихъ бѣглые съ посадовъ, «бѣльцы», врывавшіеся въ нихъ. Воеводы и приказные лежатъ страшнымъ гнетомъ на посадскихъ: «ѣтъ берутъ — не только деньгами, но и пирогами, и наливными, свѣчьми и

лопатами; берутъ сами, берутъ дочери и жены. Не меньшимъ, если еще не большимъ, гнетомъ ложились на посадскихъ и тѣ приказы, въ которыхъ вѣдались они разными податями и повинностями; приказные люди не одного приказа, а цѣлой массы ихъ, кормились около посадскихъ, причина ихъ, по сознанию самого правительства, «убытки не малые, волокаты сильныя». Не отставали отъ приказныхъ и свои мирскіе выборные: и они пользовались всякимъ случаемъ погрѣть руки въ карнавахъ своихъ избирателей, охраненіе интересовъ которыхъ было ихъ назначеніемъ. Понятно, что при такомъ отношеніи къ дѣлу администраціи сильные «лучшіе» изъ посадскихъ жали и тѣснили «среднихъ» и «молодыхъ», на сколько хватало ихъ силъ, на сколько имъ было выгодно это; въ раскладѣ податей богатые никогда не оставались въ накладѣ: они всегда изощрялись взыскать на «худшихъ» людей больше, чѣмъ на себя. Прибавимъ ко всему этому страшные подати и налоги, повинности, отбываемыя натурою — и станеть понятенъ тотъ застой, въ которомъ находились торговля и промышленность, то жалкое положеніе, въ которомъ обрѣтались посадскіе люди. Понятно станеть стремленіе этихъ людей, какъ и прежде, бѣжать съ посада, не отбывая податей, оставляя свои дворы пустыни, взыскивая свою подать на плечи оставшихся въ посадѣ.

При такомъ положеніи дѣлъ могло ли посадское торгово-промышленное населеніе дойти до сознанія единства общественныхъ нуждъ и потребностей? оно не могло идти дальше сознанія тяжести своего положенія, стремленія избавиться отъ него какими, такъ сказать, примитивными средствами, въ родѣ «разбрестись съ посада», чѣмъ они и гравятъ правительству неоднократно. Такимъ образомъ, и въ рукахъ Петра оказалась все та же безответная, пассивная масса посадскаго населенія, не сознающая ни своихъ общественныхъ, ни государственныхъ интересовъ; масса разрозненная, чуждая всякаго духа общенія, ожидающая всякаго облегченія только отъ правительства, обращающаяся къ нему со всякими невзгодами, даже съ пустыми мелочами. Этой пассивной массѣ пришлось теперь испытать многое въ рукахъ великаго, энергическаго экспериментатора, не останавливавшагося ни передъ какими средствами. Нужды и потребности государства выростають въ невѣроятныя размѣры. Война азовская, сооруженіе флота, затѣваемая война съ шведами, — требуютъ громадныя средства. Онѣ требуютъ на пряженія всѣхъ силъ народа: нужны люди, нужны деньги, и то и другое — на службу государству; интересы послѣдняго поглотили всякіе другіе интересы. Преобразователь видитъ одну цѣль: — создать могущественное государство со всѣми внѣшними признаками западно-европейскихъ государствъ. Къ этой цѣли направлены всѣ вообще преобразованія Петра, касающіяся какъ всей Руси вообще, такъ въ частности ея торгово-промышленнаго, но преимущественно, городского населенія. Всѣ эти мѣры и преобразованія ео ipso должны были идти въ духѣ мѣръ правительствъ XVII ст., съ тою только разницею, что мѣры Петра, въ силу самаго его характера, должны были отличаться большей опредѣленностью, послѣдовательностью, пожалуй суровой безпощадностью. Преобразователь шелъ по намѣченному его предшественниками пути твердо, неуклонно. Тяглыя сословія, почти организованныя въ XVII вѣкѣ, онъ организуетъ, закрѣпощаетъ окончательно. Каждое сословіе неукоснительно должно исполнять возложенную на него службу, отбывать подати и повинности. Служилое сословіе дворянъ, сельское крѣпостное населеніе, отбываютъ небывалую доселѣ воинскую повинность; торгово-промышленное населеніе должно давать государству денежныя средства; размѣры всего этого нужно усилить, но мѣръ усиленія нуждъ государства. Приступая къ усиленію платежей, приходилось задуматься: посадскіе «исхудали» и отъ прежнихъ; они не могли исправно вносить и ихъ. Стало быть, прежде чѣмъ

увеличивать повинности этого сословія, необходимо было озаботиться, чтобы въ прежнихъ сборахъ не чинилось недомокъ и большихъ недоборовъ. Какъ это сдѣлать? Царю, какъ и его предшественникамъ, казалось, что причина неисправности—«во всякихъ убыткахъ и разореніяхъ», наносимыхъ посадской мѣстной администраціей и московскими приказами, ему казалось, что съ устраненіемъ этого зла доходы увеличатся, онъ еще не понималъ, что необходимо еще возбудить самыя производительныя силы, увеличить платежныя средства посадскаго населенія. Сами посадскіе едва ли сознавали это: во всѣхъ своихъ челобитьяхъ они приписываютъ всѣ свои невзгоды злоупотребленіямъ воеводъ и выборныхъ, и только имъ однимъ.

Въ отвѣтъ на эти жалобы еще правительства XVII вѣка принимали всякаго рода мѣры, какъ частныя, такъ и общія: первыя состояли въ смѣнѣ и отставкѣ воеводъ, городовыхъ прикащиковъ, подъячихъ; замѣнѣ выборныхъ должностей приказными и наоборотъ; вторыя, т. е. болѣе общія, мѣры состояли въ стремленіи организовать торгово-промышленное населеніе городовъ въ особое тяглое сословіе, причѣмъ имѣлись въ виду лишь цѣли исключительно государственныя, притомъ по преимуществу финансовыя, мѣры, которыя, облегчая повидимому посадскихъ людей, принося имъ какъ-будто пользу, въ концѣ концовъ завѣрщивали ихъ въ мѣсту, тяглу и, такимъ образомъ, тормозили развитіе торговли и промышленности, а стало быть и города, налагая на то и другое крѣпкія пути.

Всѣ мѣры Петра относительно торгово-промышленнаго населенія носятъ этотъ же характеръ. До 1699 года, въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ его царствованія, до изданія указа о бурмистерской палатѣ, мѣры эти отрывочны, случайны: занятый азовскими походами, созданіемъ флота, поѣздкой за границу, царь не имѣлъ времени заняться, какъ бы онъ хотѣлъ, посадскимъ населеніемъ; приходилось ограничиваться отдѣльными мѣрами, не отличающимися отъ подобнаго же рода мѣръ его предшественниковъ ни болѣею опредѣленностью, ни систематичностью, ни вообще новизной въ какомъ-либо отношеніи. Недостаточность подобнаго рода мѣръ, даже для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя имѣются въ виду, преобразователемъ, какъ и его предшественниками, царь не могъ не сознавать. Эта недостаточность совнавалась еще гораздо раньше его. Знаменитый дѣятель временъ Алексѣя Михайловича, Ординъ-Нащokinъ, еще во второй половинѣ XVII столѣтія, сознавая несостоятельность колебательной политики правительства относительно посадскихъ торгово-промышленныхъ людей, политики замѣны началъ приказнаго и земскаго одного другимъ, политики отдѣльных мѣръ,—предлагалъ въ новоторговомъ уставѣ 1667 года одну общую мѣру, которая изъясляла бы все торгово-промышленное населеніе всѣхъ городовъ Руси изъ вѣдомства многихъ приказовъ съ ихъ безчисленными приказными, устранила бы вліяніе на нихъ воеводъ. Онъ предлагалъ мѣру, которая имѣла въ виду завершить дѣло цѣльныхъ полуктора столѣтій: окончательно слить торгово-промышленное населеніе всей Руси въ одно цѣлое, организовать изъ него единое тяглое сословіе, которое вѣдалось бы въ особомъ учрежденіи, независимомъ отъ мѣстнаго представителя администраціи—воеводы, достаточно сильнымъ для того, чтобы защищать посадскихъ отъ притѣсненій этого представителя. Эта мѣра состояла въ учрежденіи особаго, спеціальнаго приказа, исключительнымъ дѣломъ котораго было бы вѣдать купцовъ: «для многихъ волоките во всѣхъ приказахъ, купецкихъ людей пристойно вѣдать въ одномъ пристойномъ приказѣ»,—говоритъ Ординъ,—«гдѣ великій государь укажетъ своему боярину; этотъ бы приказъ былъ купецкихъ людямъ во всѣхъ порубежныхъ городахъ отъ иныхъ государствъ обороною, и во всѣхъ го-

родахъ отъ воеводскихъ налогъ былъ имъ защитою и управою. Въ томъ же одномъ приказѣ давать судъ и управу, если купецкіе люди будутъ бить челомъ на другихъ чиновъ людей». Но этотъ проэктъ остался лишь проэктомъ: авторъ опередилъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ свое время.

То, что предшественники Петра только сознавали и пытались осуществить, то Петръ осуществляетъ; то, что до него являлось въ формѣ попытокъ, далеко не всеобъемлющихъ и послѣдовательныхъ, то онъ осуществляетъ вполнѣ, создавая, дѣйствительно, совершенно особое учреждение, въ вѣдѣніи котораго должна быть сосредоточена «разсыпная» хранина всего торгово-промышленнаго сословія Россіи. Такое особое учреждение, «Пристойный Приказъ» Ордина-Нащокина, царь создаетъ въ своей бурмистерской палатѣ, учрежденіемъ которой, какъ мы увидимъ, онъ думаетъ достигнуть разомъ обѣихъ цѣлей, поставленныхъ его предшественниками: устранить мѣстныхъ приказныя власти отъ вмѣшательства въ дѣла посадскихъ общинъ, объединить все торгово-промышленное посадское населеніе Руси въ одно цѣлое, въ одинъ сословный организмъ. Обѣ эти цѣли ясно сознаются преобразователемъ, не менѣе ясно высказываются; къ достиженію ихъ онъ стремится. Другой вопросъ—достигъ ли онъ ихъ. Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ лишь болѣе или менѣе подробнымъ ознакомленіемъ съ самими указами объ учрежденіи бурмистерской палаты и земскихъ избъ.

30 января 1699 года были изданы сразу два указа, касающіеся посадскихъ людей Россіи: указъ объ учрежденіи бурмистерской палаты въ Москвѣ и указъ объ учрежденіи въ городахъ земскихъ избъ.

Указъ объ учрежденіи московской бурмистерской палаты начинается слѣдующими знаменательными словами, мотивирующими появленіе новаго установленія: «всѣ черныхъ сотенъ и слободъ посадскіе и купецкіе и промышленные люди купецкими и всякими расправными дѣлами и его, Великаго государя, окладными доходами вѣдомы въ разныхъ приказахъ; и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большіе убытки и разоренье, а его, Великаго государя, съ нихъ окладные многіе доходы учинились въ доимкѣ, а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ большіе недоборы»... почему и велѣно сказать посадскимъ, что отнынѣ они будутъ вѣдаться во всѣхъ своихъ дѣлахъ выборными бурмистрами. Въ этихъ немногихъ словахъ содержится въ высшей степени многое: въ нихъ высказаны и причины образованія бурмистерской палаты съ земскими избами, и ихъ компетенція, объемъ власти, какъ по отношенію къ дѣламъ, подлежащимъ ихъ вѣдѣнію, такъ и лицамъ; изъ нихъ можно вывести заключеніе объ отношеніи новыхъ установленій, какъ къ мѣстнымъ органамъ центральной власти—воеводамъ, такъ и къ самой этой власти; въ нихъ же выражается и тотъ взглядъ преобразователя, которымъ онъ мотивируется во всѣхъ своихъ реформахъ въ теченіе двадцати лѣтъ, взглядъ исключительно государственно-финансовый.

Истинною причиною установленія бурмистерской палаты и земскихъ избъ вовсе не было только то обстоятельство, что, вѣдаясь въ разныхъ приказахъ, посадскіе и торговые и промышленные люди терпятъ убытки и разореніе, а то, что, благодаря этимъ убыткамъ, нарушаются государственно-финансовые интересы: государевы окладные доходы учинились въ доимкѣ, въ пошлинахъ—недоборы. Эти доимки и недоборы, мотивировавшія дѣйствія правительствъ XVII в., служатъ единственнымъ мотивомъ мѣръ Петра въ данномъ случаѣ. Учрежденіе бурмистерской палаты и земскихъ избъ есть та радикальная мѣра противъ недоборовъ государственной прибыли, необходимость которой, какъ мы видѣли, сознавалась въ XVII ст., но которая не могла быть приведена въ исполненіе, вѣроятно только благодаря несостоятельности правительства того времени. Эти при-

чины въ то же время являются и цѣлью преобразованій; одні и тѣ же цѣли должны вызывать одинаковыя мѣры, средства къ ихъ достиженію. Дѣйствительно, бурмистерская палата Петра, по своей сущности—ничто иное, какъ тотъ пристойный приказъ, о которомъ помышлялъ замѣчательный новаторъ царствованія Алексѣя Михайловича; разница лишь въ формахъ, въ которыя вылилось содержаніе при Петрѣ и въ которыя оно должно было вылиться по мысли Ордина-Нащокина. Пристойный приказъ Петра основывается на началахъ сословно-выборныхъ, приказъ Ордина—на чисто-старыхъ началахъ, преобладавшихъ въ XVII ст., началахъ приказныхъ; это—приказъ, который государь «укажетъ своему боярину». Эта-то форма пристойнаго для посадскихъ людей приказа, форма сословно-выборная, притомъ коллегіальная, и составляетъ дѣло Петра, но и то лишь по отношенію къ самому приказу, бурмистерской палатѣ, вѣдающей посадское населеніе; вообще же въ выборномъ началѣ и предшественники Петра видѣли чуть ли не единственное средство противъ разоренія посадскихъ людей воеводами и приказными всякаго рода. Начало это въ XVII ст. прилагалось, хотя часто и въ обширныхъ размѣрахъ, но не такъ послѣдовательно, какъ это дѣлаетъ Петръ Великій; оно имѣло мѣсто лишь по отношенію къ общиннымъ, мѣстнымъ должностямъ и не проникло въ центральныя учрежденія, притомъ прилагалось только въ единоличной формѣ, а не въ коллегіальной.

Московская бурмистерская палата, по смыслу указа объ ея учрежденіи, должна была играть двойную роль: во-первыхъ,—роль того «пристойнаго приказа», который имѣлъ своимъ назначеніемъ вѣдать «всего московскаго государства посадскихъ и купецкихъ и промышленныхъ людей и черно-слободцовъ»; въ этой роли бурмистерская палата являлась, слѣдовательно, учрежденіемъ чисто-государственнымъ, центральнымъ, общимъ для городского населенія всей Россіи. Во вторыхъ, эта палата играетъ вѣстѣ съ тѣмъ и роль чисто-мѣстнаго, общинно-городскаго учрежденія, роль городской земской избы. Въ качествѣ учрежденія обще-государственнаго, центрального, бурмистерская палата замѣнила собою тѣ «равные приказы», въ которыхъ вѣдались посадскіе и торговые и промышленные люди до нея; поэтому объемъ ея вѣдѣнія опредѣлялся объемомъ вѣдѣнія и власти замѣненныхъ ею приказовъ: она вѣдала торгово-промышленное населеніе всего государства въ его «расправныхъ и челобитныхъ, и купецкихъ дѣлахъ»... и въ сборахъ доходовъ, но вѣдала не прямо, а, такъ сказать, посредственно—черезъ посредство городовыхъ земскихъ избы. Всѣ пошлины, государевы доходы и поборы, собираемые земскими должностными лицами, подчиненными земскимъ бурмистрамъ, шли въ земскія избы и уже отсюда—въ бурмистерскую палату; черезъ эту палату, или лучше, прямо изъ нея, за подписью и печатью президента и бурмистровъ, исходили всѣ указы Великаго Государя, касавшіеся торгово-промышленнаго населенія Россіи. Бурмистерская палата, или, выражаясь языкомъ наказа нижегородскимъ бурмистрамъ, ея президентъ и бурмистры во всемъ вѣдали земскихъ бурмистровъ, обязанныхъ передъ нею строгой отчетностью. Однимъ словомъ, бурмистерская палата, въ качествѣ государственнаго учрежденія, является учрежденіемъ, вѣдающимъ черезъ посредство мѣстныхъ избы все городское населеніе государства; это—обще-государственное сословное учрежденіе.

Какъ учрежденіе мѣстное, такъ сказать, общинно-городское, бурмистерская палата или ратуша (такъ стали называть ее съ 17 ноября 1599 года) была ничѣмъ инымъ, какъ земскою избыю города Москвы, вѣдавшею дѣла мѣстныхъ торгово-промышленныхъ и купецкихъ людей.

Земскія избы, по мысли законодателя, должны были замѣнить собою приказныя избы и воеводъ, состоявшихъ во главѣ этихъ избы; такимъ образомъ,

компетенціей этого мѣстнаго представителя центральной власти и его избы опредѣлялся объемъ вѣдомства земской городской избы. Въ указѣ отъ 30 января 1699 года объемъ власти земскихъ избъ опредѣляется слѣдующими словами: «мирскимъ выборнымъ людемъ въ земскихъ избахъ вѣдать всякихъ чиновъ торговыхъ и промышленныхъ людей во всякихъ мирскихъ расправныхъ и челобитныхъ дѣлахъ въ сборехъ». Этими словами указъ и ограничивается по отношенію къ данному вопросу; такъ что на основаніи его вовсе не легко опредѣлить власть земскихъ избъ и ихъ членовъ, земскихъ бурмистровъ. Но такое опредѣленіе легко сдѣлать на основаніи ряда указовъ, изданныхъ впоследствии въ поясненіе и дополненіе названнаго.

Объемъ власти земскихъ бурмистровъ по отношенію къ предметамъ, подлежащимъ этой власти, въ общихъ чертахъ опредѣляется, кромѣ только-что приведенныхъ словъ указа объ учрежденіи городскихъ земскихъ избъ, еще и тѣми причинами, тѣмъ зломъ, устранить которое преобразователь думалъ, учреждая палату и избы: онъ думалъ избавить торгово-промышленное населеніе московскаго государства отъ убытковъ и разоренья и тѣмъ устранить «домку въ его государевыхъ доходахъ» и всякіе недоборы. Отсюда само собой понятно, что главная задача земскихъ избъ—сборъ государственныхъ доходовъ, сборъ исправный, «съ пополненіемъ». Это общее опредѣленіе развивается слѣдующими законодательными актами и между ними—въ особенности навазомъ нижегородскимъ бурмистрамъ и отвѣтами на запросы московскихъ гостей и жителей города Воронежа. Въ отвѣтахъ на запросъ воронежцевъ, такъ же какъ и въ наказѣ нижегородскимъ бурмистрамъ, въ вѣдѣніе бурмистровъ земскихъ избъ передаются сборы таможенныхъ, кабацкихъ и всякихъ денежныхъ доходовъ; въ томъ же отвѣтѣ воронежцамъ законодатель выражаетъ «всякіе денежныя сборы», во избѣжаніе перечисленія, опредѣляетъ, говоря, что въ вѣдѣніе бурмистровъ переходятъ всѣ тѣ дѣла, которыя до сихъ поръ «были вѣдомы въ Приказѣ Большія Казны». Ознакомившись, въ чемъ вѣдалъ города приказъ большія казны, мы ознакомимся вмѣстѣ съ тѣмъ и съ объемомъ власти, которая передается теперь въ руки земскихъ бурмистровъ. Приказъ большія казны, кромѣ нѣкоторыхъ специальныхъ отраслей государственнаго хозяйства, какъ напр., горнаго и монетнаго дѣла, вѣдалъ, по выраженію Неволіна, гостей, гостинныя и суконныя сотни, и мастеровъ серебряныхъ дѣлъ въ Москвѣ, и торговыхъ людей многихъ городовъ ихъ тяглою, податями и другими поборами; въ немъ вѣдались, кромѣ того, въ силу указа 1680 года, московская таможня, мѣрная и мытная избы, городовыя таможни, кружечные дворы, кабаки, конскія площадки, торговыя бани, харчевни и харчевенные ряды, т. е., какъ поясняетъ самъ же Неволинъ, всѣ доходы, какіе могли поступать въ государственную казну отъ сихъ заведеній.

Изъ всего этого ясно видно, что самая важная по объему сторона дѣятельности земскихъ избъ и бурмистровъ—вовсе не носитъ характера мѣстной общинно-автономической дѣятельности и является дѣятельностью исключительно государственной; въ роли блюстителей за всѣми этими сборами земскіе бурмистры являлись ничѣмъ инымъ, какъ органами центральной, правительственной власти,—органами почти исключительно исполнительнаго характера, каковой носили всѣ сословно-выборныя должностныя лица XVII вѣка. Сущность остается та же самая, измѣнена лишь форма: названіе головъ замѣнено названіемъ бурмистровъ, заимствованнымъ изъ городского устройства остзейскаго края. Передавая всѣ эти сборы въ вѣдѣніе земскихъ избъ, какъ учрежденія сословно-выборнаго, государство вовсе не имѣло въ виду интересы и нужды общинно-городскіе, которыхъ оно не сознавало; ни даже сословные, съ ко-

торыми оно вѣдалось, по скольку это было въ интересахъ его самого; единственною, исключительною его цѣлью въ этомъ случаѣ и теперь, какъ раньше, было устранить «донки и нелоборы» государственныхъ доходовъ. Мотивами передачи всѣхъ этихъ сборовъ изъ рукъ приказныхъ въ руки земскія, выборныя, Петръ выставляетъ прямо то обстоятельство, что воеводы и приказные къ приноженію тѣхъ дѣлъ чинили нерадѣніе.

Такимъ образомъ, служба земскихъ бурмистровъ является по своей сущности ничѣмъ инымъ, какъ сословнымъ тяглою, обязанностью, и очень тяжелою обязанностью, за нерадивое исполненіе которой грозитъ «лишеніе животовъ», а подчасъ и «батоги нещадныя». Характеръ тягла этого — исключительно государственный, судя по роду дѣлъ, которыя, какъ мы видѣли, возлагаются на земскія избы: почти всѣ сборы, вѣдомые бурмистрами, не имѣютъ никакого отношенія къ городу, какъ совокупности общинъ и очень малое къ торгово-промышленному сословію. Дѣятельность по сборамъ всякаго рода пошлинъ и налоговъ не была, однако, исключительной и единственной дѣятельностью земскихъ бурмистровъ: на нихъ возлагались и обязанности, стоявшія въ болѣе близкомъ отношеніи къ сословной общинѣ; обязанности, по характеру своему, могущія, пожалуй, быть отнесенными къ категоріи сословно-общинныхъ правъ. Къ такимъ обязанностямъ я отношу обязанности—права раскладывать подати и налоги между отдѣльными членами сословныхъ общинъ и отдавать въ оброкъ всякія статьи съ торгу. Понятно, что въ качествѣ раскладчиковъ податей и повинностей земскіе выборные вообще и земскіе бурмистры, наблюдавшіе за этими раскладчиками въ особенности, являлись скорѣе простыми агентами центральной власти, чѣмъ органами общины.

Такими же агентами являлись земскіе бурмистры и во второмъ случаѣ—по отношенію къ праву отдавать всякія статьи въ оброкъ съ торгу, какъ выражается наказъ нижегородскимъ бурмистрамъ, или отдавать нѣкоторые сборы на откупъ, какъ напр., ледоволь и прорубное, и въ этомъ случаѣ они являлись не представителями сословно-городской общины, а государственной власти, и отдавали на откупъ оброчныя статьи не отъ лица общины, не пользовавшейся еще въ то время правомъ собственности надъ городскими землями и угодьями и не имѣвшей своей казны, своихъ капиталовъ: деньги съ откуповъ или отдачи оброчныхъ статей шли въ государственную же кассу приказа большого двorca или расходовались лишь по указу его, Великаго Государя. Иначе и быть не могло: всѣ подати и налоги были государственными, по своему назначенію, податями и налогами, шедшими на удовлетвореніе нуждъ и потребностей государства, а не данной общины. Отсюда становится совершенно понятнымъ, что земскія избы не могли расходовать собранныхъ ими суммъ по собственному усмотрѣнію: онѣ должны были выдавать изъ нихъ въ расходъ не иначе, какъ по указу его, Великаго Государя, изданному бурмистерской палатой (ратушей) за печатью президента и бурмистровъ; въ случаѣ нарушенія этого правила Государь грозитъ земскимъ бурмистрамъ взысканіемъ съ нихъ «безъ пощады» вдвойнѣ выданной ими суммы. Всѣ собранныя земскими избами суммы стекались въ московскую ратушу, которая могла расходовать ихъ на тѣхъ же основаніяхъ, а оставшіяся за расходомъ суммы должны были пересылаться въ приказъ большія казны. Такимъ образомъ, не только отдѣльныя сословныя общины не имѣли собственнаго капитала, которыми они могли бы распоряжаться на удовлетвореніе собственныхъ нуждъ: его не имѣло и цѣлое сословіе, центральное учрежденіе котораго, ратуша, какъ и мѣстныя земскія избы, являлось лишь органомъ, учрежденіемъ исключительно государственнымъ.

Земскія избы, замѣнивъ собою приказныя избы воеводъ, eo ipso должны были играть роль послѣднихъ, т. е. «агентовъ правительства, понуждавшихъ тяглоцовъ къ исправному отбыванію тягла». Земскіе бурмистры сами, непосредственно, не участвовали ни въ раскладкѣ податей и повинностей, ни въ сборѣ какъ ихъ, такъ и таможенныхъ, кабацкихъ и тому подобныхъ пошлинъ; все это они производятъ чрезъ земскихъ старостъ, таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ, замѣнявшихъ прежнихъ головъ и цѣловальниковъ. Дѣйствія этихъ выборныхъ были поставлены подъ ихъ непосредственный надзоръ. О земскихъ старостахъ и цѣловальникахъ на посадахъ за это время мы не имѣемъ почти никакихъ данныхъ, по которымъ можно было бы заключить объ ихъ обязанностяхъ и отношеніяхъ къ земскимъ избамъ. Однако, несомнѣнно, что эти представители земскаго начала существовали послѣ учрежденія земскихъ избъ и бурмистерской палаты—ратуши. Это были выборныя мирскія власти «для управленія земскими дѣлами», какъ выражается Чичеринъ, состоящими въ раскладкѣ податей и повинностей и ихъ сборѣ. Если принять во вниманіе отвѣтственность земскихъ бурмистровъ за «доинку» во всякаго рода сборахъ, ихъ право и даже обязанность вѣдывать въ выборы земскихъ должностныхъ лицъ, раскладку податей и повинностей, то едва ли можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ выводъ, что и земскіе старосты, «съ товарищи» стояли къ этимъ бурмистрамъ въ такихъ же точно отношеніяхъ, въ какихъ, мы видѣли, стояли къ нимъ таможенные и кабацкіе бурмистры, т. е. въ отношеніяхъ исполнительныхъ, подчиненныхъ агентовъ.

Въ чемъ состояли обязанности таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ, точно опредѣляется самымъ названіемъ этихъ должностныхъ лицъ: они были ничѣмъ инымъ, какъ земскими выборными, поставленными спеціально къ государеву дѣлу, не имѣющему никакого прямаго отношенія къ посадскимъ сословнымъ торгово-промышленнымъ общинамъ. Земскіе же старосты и цѣловальники хотя и вѣдали дѣла уже прямо, непосредственно касавшіяся общины, но все-таки дѣла эти лишь касались общины, оставаясь по существу все тѣми же государственными дѣлами. Такимъ образомъ, и въ качествѣ раскладчиковъ и сборщиковъ земскіе старосты и цѣловальники являлись опять-таки ничѣмъ инымъ, какъ низшими агентами правительственной власти, только вербуемыми изъ среды самихъ облагаемыхъ повинностями общинъ.

Изъ характера и рода дѣятельности новыхъ учрежденій, объема ихъ власти вытекаетъ, какъ необходимое заключеніе, слѣдующее: бурмистерская палата, вполнѣдствіи ратуша, въ качествѣ центрального учрежденія вѣдала не города, а лишь торгово-промышленное населеніе городовъ и притомъ главнымъ образомъ вѣдала его въ финансово-государственномъ отношеніи, если можно такъ выразиться, т. е. вѣдала его по отношенію въ раскладкѣ и сбору всякаго рода податей, повинностей и пошлинъ. Земскія городовыя избы, составленныя изъ земскихъ бурмистровъ, и подчиненные имъ земскіе старосты и цѣловальники, таможенные и кабацкіе бурмистры—мѣстныя учрежденія, вѣдавшія въ томъ же отношеніи, что и бурмистерская палата, торгово-промышленное населеніе даннаго посада; однимъ словомъ, весь этотъ механизмъ имѣетъ назначеніемъ вѣдать тяглое сословіе и притомъ, именно, по отношенію къ государственному тяглу этого сословія.

Едва прошло нѣсколько лѣтъ со времени учрежденія земскихъ избъ и бурмистерской палаты—ратуши, какъ оказалось, что преобразователь, не смотря на всю энергію свою, не достигъ поставленной цѣли—собрать воедино разсыпанную хранину торгово-промышленнаго сословія. Судьба установлений, имѣвшихъ цѣлью цементировать отдѣльные элементы этой хранины, постигшая ихъ еще при жизни

самого виновника ить учрежденія, какъ нельзя лучше служить доказательствомъ этого.

Возлагая на собираемую хранину однѣ обязанности, не снабжая ее никакими правами, преобразователь и не долженъ былъ ждать отъ своихъ реформъ ничего больше того, къ чему привели мѣры правительства XVII ст.; устраняя отъ вѣдѣнія посадскихъ воеводу съ приказной избой, преобразователь не замѣнялъ устраняемое чѣмъ-либо новымъ по существу. Земскія изьбы—учрежденіе, отличное отъ прежняго лишь по формѣ, по составу: онѣ—тѣ же приказныя изьбы, лишь выборныя; какъ приказныя, такъ и замѣнившія ихъ по отношенію къ посадскимъ и вообще къ торгово-промышленнымъ людямъ, земскія изьбы одинаково чужды интересамъ мѣстныхъ общинъ. Однакоже мало сознавали и тѣ и другія изъ нихъ и интересы самого государства, служба которому составляла ихъ назначеніе. Понятно, что цѣль законодателя—устранить недоборы государственныхъ доходовъ, а для этого изъбавить торгово-промышленное населеніе отъ разоренія правительственныхъ агентовъ, не могла быть достигнута уже благодаря одной этой причинѣ. Новыя учрежденія, появившіяся на свѣтъ не ради охраненія интересовъ общинъ, развитія и удовлетворенія ея потребностей и нуждъ, легли на эти общины лишь новымъ, очень тяжелымъ бременемъ; уже въ силу этого одного обстоятельства отъ бурмистровъ и вообще земскихъ выборныхъ нельзя было ждать чего-либо большаго, чѣмъ отъ приказныхъ; прибавимъ къ этому уровень нравственнаго состоянія всѣхъ слоевъ тогдашняго общества—и понятнымъ станетъ, почему Петръ Великій, по прошествіи очень короткаго времени послѣ учрежденія земскихъ изьбъ и ратуши, долженъ былъ убѣдиться въ неосостоятельности своихъ реформъ и постепенно отъ нихъ отказавшись, возвращаясь, хотя и временно, къ старому порядку вещей, отбирая у изьбъ и ратуши одно за другимъ дѣла, подлежащія, по первоначальному плану, ихъ вѣдѣнію.

Система отчетности и отвѣтственности земскихъ бурмистровъ, таможенныхъ и кабацкихъ, всякаго рода сборщиковъ, система достаточно сложная и едва-ли не слишкомъ суровая, гарантировала болѣе или менѣе лишь государству его доходы: она обезпечивала ему сборы пошлинъ, податей и всякаго рода денежныхъ повинностей; но эта система не касалась общинъ; она нисколько не охраняла ихъ отъ злоупотребленій земскихъ выборныхъ. Законодатель же, озабоченный исключительно исправнымъ поступленіемъ государственныхъ доходовъ, совершенно не обратилъ вниманія на эту сторону дѣла. Онъ слишкомъ понадѣялся на выборное начало; ему казалось достаточной гарантіей то обстоятельство, что земскія изьбы составлены изъ представителей самихъ торгово-промышленныхъ людей, что «пристойный приказъ» составленъ изъ тѣхъ же представителей; единственной мѣрой, благодаря этому, противъ злоупотребленій земскихъ и ратушскихъ бурмистровъ является смѣна ихъ «погодно». Но расчеты законодателя оказались ошибочными. Не прошло и года со дня появленія земскихъ изьбъ, какъ мы уже встрѣчаемся со старымъ зломъ, успѣвшимъ пробраться въ новыя учрежденія.

Въ одномъ городѣ земскіе старосты съ товарищами «отетавили» только-что выбранныхъ кабацкихъ и таможенныхъ бурмистровъ «за то, что имъ (земскимъ старостамъ съ товарищи) ничего не дали», и выбрали вмѣсто нихъ новыхъ бурмистровъ, съ которыхъ взяли за это по 120 руб. (сумма для того времени болѣе чѣмъ почтенная). Воруютъ и продаютъ интересы общинъ не только выборные ея, ея представители, но и самые члены: они не задумываются продавать свои голоса. Въ другомъ—головы торговыхъ людямъ даютъ «выписки» въ уплатѣ ими торговыхъ пошлинъ, а въ книги этой уплаты не заносятъ. Земскія власти берутъ не хуже приказныхъ,—берутъ при сборахъ, исполняя государству службу,

беруть при выборахъ, берутъ при раскладкѣ податей и повинностей. Воровство чинятъ всѣ: и головы, и цѣловальники, старосты, земскіе, бурмистры кабацкіе и таможенные; не отставали и земскіе съ ратушскими. Знаменитый прибыльщикъ Курбатовъ, лишь-только былъ сдѣланъ ратушскимъ инспекторомъ, какъ поторопился раскрыть и доказать всю несостоятельность земскихъ избъ и бурмистерской палаты, «къ прибавленію прибыли», ради котораго они собственно и были учреждены. Отчетность и отвѣтственность земскихъ бурмистровъ передъ ратушей, а самой ратуши передъ верховной властью, оставались мертвой буквой: «книги московскія таможи,—писалъ царю Курбатовъ въ 1705 году,—по сей годъ въ ратушу не взято и бурмистры не считаны и премногая есть доимка, также и питейныя прибыли. Отъ бурмистровъ премногія явились кражи Вашей казны; книги по сборамъ ведутся подложно «съ великимъ умноженіемъ»... «ей, ей, Государь,—говоритъ инспекторъ дальше,—превеликое чинится на Москвѣ и въ городахъ въ сборахъ воровство»; ратушскіе подьячіе оказались «превеликими ворами и берутъ премногія взятки». Годъ спустя Курбатовъ доноситъ царю, что «за градскими бурмистрами премногое воровство сыскано»: въ одномъ Ярославлѣ украдено съ 40000 рублей; а Псковичи, «во время точію Шведской войны», отличились на 90000 рублей. Не только выборныя должностныя лица отъ торгово-промышленныхъ общинъ, но и члены самыхъ этихъ общинъ, пользуясь скромнымъ правомъ раскладки податей и повинностей, продѣлывали не мало безобразій: въ 1706 году вѣдомо стало Государю, что едва не во всѣхъ городахъ «пожиточные» во всякаго рода сборахъ всячески угнетаютъ маломочныхъ, убогихъ, отчего многіе изъ послѣднихъ «вышли въ стороны городовъ». А между тѣмъ на «пожиточныхъ» государство и возлагало всѣ надежды: изъ нихъ вѣрно было избирать во всѣ государевы службы. Энергическій царь, чуть ли не единственный неутомимый и безкорыстный блюститель государства и его интересовъ, не останавливался ни передъ какими средствами въ борьбѣ съ этимъ зломъ: онъ грозилъ—и приводилъ угрозу въ исполненіе—смертнью казнью безъ всякой пощады, кнутомъ, Азовомъ и дальними городами, куда ссылалъ взяточниковъ; лишивъ ихъ предварительно «всѣхъ животовъ», прибѣгалъ онъ къ унижительнымъ, позорнымъ, по тогдашнимъ взглядамъ, наказаніямъ—«сказывали смерть, клали на плаху». Ничто не помогало: язва сидѣла слишкомъ глубоко, чтобъ ее можно было уничтожить такими мѣрами...

Не одни земцы свирѣпствовали въ собранной хранилѣ: дѣлали набѣги на нее и приказные люди. Воеводы не хотятъ разстаться съ своей прежней властью надъ торгово-промышленнымъ людомъ; они продолжаютъ вмѣшиваться въ дѣла посадскихъ, не слушаютъ государевыхъ указовъ, такъ часто напоминавшихъ имъ, чтобъ они ни въ чемъ посадскихъ людей не вѣдали, ни въ какія дѣла не вступались, и врываються въ хранину.

Убѣдившись вполне въ несостоятельности своей постройки и не имѣя времени обратиться къ созданію чего-либо новаго, законодатель, параллельно съ карательными мѣрами противъ нерадѣнія и воровства, начинаетъ постепенно разбирать хранину, вынимая связку за связкой, подпорку за подпоркой. Основная цѣль учрежденій—вѣдать все торгово-промышленное сословіе въ одномъ «пристойномъ» приказѣ—бурмистерской палатѣ—откидывается въ сторону, и хранина мало-по-малу разсыпается снова.

Съ земскихъ избъ и ратуши начинается постепенное сложеніе ихъ обязанностей по сбору податей и повинностей и отдача ихъ снова въ вѣдѣніе стараго приказнаго начала. У законодателя является мысль создать особое единоличное установленіе,—должность, занимающій которую находился бы, ради большей неза-

зависимости и самостоятельности, внѣ всякой зависимости отъ какого-либо мѣстнаго или центрального установленія и состоялъ бы въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ верховной властью; единственною обязанностью такого должностнаго лица предполагалось сдѣлать зоркій надзоръ за сборами государственныхъ доходовъ земскими выборными людьми и вообще охраненіе государственныхъ интересовъ. Мысль эту Петръ Великій осуществилъ не сразу: сначала было учреждено нѣсколько такихъ должностныхъ лицъ и притомъ надзору этихъ лицъ поручены были не одни земскіе бурмистры, а и воеводы съ ихъ izbami. Наконецъ, надзоръ этотъ простирался лишь на одну сторону дѣятельности земскихъ выборныхъ и привязныхъ людей. Лѣтомъ 1704 года, въ городахъ велѣно выбрать въ надсмотрщики «изо всякихъ чиновъ людей, въ знатности добрыхъ»; цѣлью этихъ надсмотрщиковъ полагалось лучшее въ дѣлахъ крѣпостныхъ усмотрѣніе. Законъ внѣнялъ этимъ новымъ должностнымъ лицамъ въ обязанность зорко слѣдить за ходомъ порученныхъ имъ дѣлъ у воеводъ и бурмистровъ и «объ ихъ нерадѣніи писать безбоязненно». Эта частная, какъ по отношенію къ району, подлежащему ей вѣдѣнію, такъ и объему дѣлъ, ей порученныхъ, должность была лишь первымъ шагомъ или, лучше, введеніемъ къ учрежденію общей, единой для всего московскаго государства, должности ратушскаго инспектора съ товарищи, — должности, вѣдѣнію которой, какъ показываетъ самое названіе ея, подлежало лишь торгово-промышленное населеніе государства или скорѣе административный механизмъ этого населенія. Должность эта учреждена въ началѣ 1705 г. и возложена на Алексѣя Курбатова. Цѣль и мотивы установленія этой должности высказаны законодателемъ въ сжатой формѣ въ самомъ указѣ о назначеніи Курбатова ратушскимъ инспекторомъ. Эта цѣль — «разсмотрѣть ратушу московскую со всѣми ея околичностями и города, которые можно, внѣстѣ съ Москвою также осматрѣть». При этомъ законодатель уполномочиваетъ инспектора, въ томъ случаѣ, если «кто явится въ какомъ воровствѣ, и на тѣ порочныхъ мѣста выбирать бурмистровъ немедленно иныхъ». Такія полномочія инспектору даются, однако, не столько въ видахъ собранія хранины, сколько въ видахъ возможности «прибавить прибыли», устранить нерадѣтелей и расхитителей этой прибыли, на что указываетъ уже самый фактъ назначенія на новую должность прибыльщика. За эту цѣль — увеличеніемъ доходовъ — пока скрывались всѣ остальные: государство все больше и больше нуждалось въ средствахъ — расходы его все росли и росли и требовали очень быстрого удовлетворенія. Заботиться о внутреннемъ переустройствѣ некогда. Законодатель употребляетъ энергическія мѣры: дѣятельности одного прибыльщика съ товарищи было недостаточно, чтобы искоренить общія «воровства», какъ недостаточно было и безчисленныхъ указовъ его, Великаго Государя. Царь обращается къ самому обществу, къ его совѣсти; его практическій умъ прекрасно понималъ, что обращаться къ гражданскому долгу болѣе чѣмъ излишне. Онъ поступилъ иначе: онъ обратился къ другому чувству своихъ подданныхъ, менѣе доблестному, но болѣе развитому въ нихъ — къ чувству корысти: онъ обѣщаетъ доносителямъ о воровствахъ земскихъ выборныхъ имуществомъ вознагражденіе; это съ одной стороны; съ другой — онъ грозить доносителямъ «чинить яко утайщикамъ». Ничто не помогало.

Потерявъ значеніе центрального учрежденія, пристойнаго приказа, вѣдавшего торгово-промышленное населеніе всего московскаго государства, Московская ратуша продолжаетъ существовать, вмѣстѣ съ ратушами другихъ городовъ, въ качествѣ мѣстнаго учрежденія. Какъ такія, чисто-мѣстныя учрежденія, на которыя возложена повинность всякаго рода сборовъ, ратуши вѣдаются или губернами или воеводами, и являются ничѣмъ инымъ, какъ простыми исполнитель-

ными органами, стоящими въ полной зависимости отъ названныхъ представителей мѣстной власти, которые вѣдаютъ города во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ ихъ вѣдали прежде приказы на Москвѣ, и стало быть и Московская ратуша. Прежде, чѣмъ окончательно раздѣлена была Россія на губерніи и введены губернаторы, города «всякимъ управленіемъ» вѣдались или коммандантами, или воеводами; финансовая сторона администраціи и зарождающаяся полицейская были въ ихъ рукахъ.

Торгово-промышленное населеніе, оказавшееся теперь въ рукахъ многочисленныхъ чиновниковъ и учреждений, разумѣется, не избавилось отъ разореній и убытковъ и не могло исправнѣе отправлять свои повинности, которыя притомъ день ото дня все увеличиваются и увеличиваются; это сословіе все больше и больше закрѣпощается службъ государственной, тяглу. Въ началѣ 1711 года открывается, такъ называемая, купецкая палата для завѣдыванія «денежнымъ дѣломъ»; въ палату эту сажаютъ все тѣхъ же торгово-промышленныхъ и посадскихъ людей по выбору; изъ нихъ же берутъ счетчиковъ на денежный дворъ въ Москвѣ; издается цѣлый рядъ указовъ, возлагающій все новыя и новыя обязанности на торгово-промышленное населеніе городовъ. Это обложеніе городского населенія все новыми службами безостановочно продолжается до 1718 года, когда правительство какъ-будто рѣшилось приостановиться въ этой политикѣ и повернуть на другой путь; оно находитъ средство, юта, какъ оказалось потомъ, и не совсѣмъ удачное, нѣсколько облегчить торгово-промышленное населеніе отъ его тяжелыхъ службъ, сложивъ съ него нѣкоторыя изъ нихъ и возложивъ ихъ на отставныхъ солдатъ. Такое положеніе дѣлъ не могло удовлетворить законодателя, онъ не могъ равнодушно смотрѣть на вновь-разсыпавшуюся хранину торгово-промышленнаго населенія, въ которомъ онъ видѣлъ одну изъ могущественныхъ силъ къ процвѣтанію государства. Онъ рѣшился опять приняться за собраніе этой хранины, за созиданіе ея.

ХЕУІІІ. ГОРОДОВЫЕ МАГИСТРАТЫ, ИХЪ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ И ОТНОШЕНІЯ ИХЪ КЪ САМОМУ ГОРОДУ.

(Изъ соч. Дитятина: «Устройство и управленіе городовъ Россіи».)

Въ іюнѣ 1718 года Петръ Великій, въ отвѣтъ на меморіаль иностранца Фика, поставилъ слѣдующую резолюцію: «магистратовъ градскихъ установить и добрыми регулы снабдить, учинивъ сіе на основаніи рижскаго и ревелскаго регламентовъ, по всѣмъ городамъ». Изъ словъ этой резолюціи видно, что законодатель, параллельно съ временными по отношенію къ городамъ мѣрами озабоченъ былъ изысканіемъ средствъ къ прочному устройству ихъ торгово-промышленнаго населенія. На этотъ разъ законодатель обращается уже къ Западной Европѣ, именно—къ Германіи; въ учрежденіяхъ этой страны онъ видитъ образецъ для городского устройства, какъ въ учрежденіяхъ Швеціи онъ видѣлъ идеаль общегосударственныхъ учреждений. Городское устройство западно-европейскихъ государствъ получило въ результатъ вѣковаго развитія ихъ торгово-промышленнаго населенія результатомъ вѣковой борьбы этого

населенія съ феодальными владѣльцами и отдѣльных элементовъ его между собою. Какъ результатъ такого развитія, такой борьбы, западно-европейскій городъ того времени выработалъ самобытную организацію, послужившую образцомъ для государственной организаціи.

Что же могъ заимствовать въ этомъ устройствѣ нашъ великій реформаторъ, откуда онъ могъ добыть активное, энергическое торгово-промышленное городское населеніе, отсутствіемъ котораго страдало его отечество? Допустимъ, что онъ не задумается создать это сословіе, но этимъ дѣломъ еще не кончается: нужно создать въ такомъ случаѣ самую общественно-городскую жизнь, общественно-городскіе интересы, независимые отъ интересовъ обще-государственныхъ.

Петра обыкновенно обвиняють въ томъ, что онъ перенесъ на русскую общественно-политическую почву учрежденія, выработанныя западно-европейской жизнью,—учрежденія, совершенно чуждыя русской почвѣ. Обвиненіе это справедливо лишь отчасти. Нужно знать, какъ онъ перенесъ эти учрежденія. Перенесъ ли онъ ихъ цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій и приспособленій если не къ отечественной почвѣ, то къ своимъ государственнымъ цѣлямъ, или же онъ сдѣлалъ эти приспособленія? Въ послѣднемъ случаѣ обвиненіе едва ли будетъ умѣстнымъ.

Петръ I, соблазненный сравнительнымъ благосостояніемъ западно-европейскаго города, его внѣшними порядкомъ и приличіемъ, рѣшается ввести эти порядокъ и приличіе и у себя, заставивъ заботиться о томъ и другомъ вновь-образованныя городскія учрежденія. Путемъ этихъ учрежденій онъ, повидимому, думаетъ поднять русскій городъ до степени благосостоянія западно-европейскаго, онъ задается даже цѣлью установить этимъ же путемъ «добрую» полицію, которая «непорядочное и непотребное житіе отгоняетъ... рождаетъ добрые порядки». Но эта цѣль трактуется лишь сколько, одними общими фразами, въ родѣ только-что приведенныхъ. На самомъ же дѣлѣ цѣлью и новыхъ городскихъ учрежденій, какъ и прежнихъ, являлось достиженіе интересовъ исключительно государственныхъ: они должны были «паки собрать» разсыпанную хранину торгово-промышленнаго населенія Россіи ради пользы государственной. Такою цѣлью обуславливается и самая организація новыхъ городскихъ учрежденій. Эта-то цѣль и была, между прочимъ, причиной, почему законодатель не могъ перенести цѣликомъ западно-европейскія городскія учрежденія съ ихъ сущностью. Онъ заимствовала лишь форму этихъ учрежденій, которую наполнилъ содержаніемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ содержаніемъ ея въ западно-европейскихъ городахъ. Петръ и въ данномъ случаѣ является ученикомъ, на сколько это было возможно, своего друга, великаго философа-математика XVIII ст., Лейбница; заимствуя формы, онъ комбинируетъ ихъ согласно идеѣ своего учителя-теоретика объ административномъ механизмѣ, какъ механизмѣ неодушевленномъ, механизмѣ часовъ. Отдѣльными частями этого механизма являются русскіе коренные элементы, выработанные общественно-политической жизнью Руси XVII ст. Цѣлью, достиженіе которой имѣетъ въ виду механизмъ, законодатель ставитъ далеко не тѣ цѣли, которыя имѣли въ виду западно-европейскія городскія учрежденія. Тщательно снявъ оболочку западныхъ городскихъ учрежденій Петръ I не трогаетъ зерна, лежащаго въ этой оболочкѣ; онъ подмѣняетъ его, вставляя свое, онъ прилаживаетъ эту оболочку

къ содержимому, издавна выработываемому русской политической жизнью, прилаживаетъ ее сообразно тѣмъ цѣлямъ и взглядамъ, которые онъ, законодатель, необходимо долженъ былъ имѣть на данный вопросъ. Иначе и быть не могло. Перенести на русскую почву западно-европейское городское устройство съ его сущностью, общинной автономіей, значило стать въ полное противорѣчіе со всѣмъ ходомъ исторіи русскаго общества того времени. Переносъ его цѣликомъ въ Россію, законодатель сталъ бы въ полное противорѣчіе со всею своею дѣятельностью, — дѣятельностью энергической, гигантскою, но не опередившею своего времени: великій преобразователь кончалъ дѣло своихъ предшественниковъ, онъ собиралъ великую политическую хранину — «государство». Эта и только эта цѣль — задача всей его дѣятельности; все приурочивалось къ ней. Если царственный работникъ и жаловался на всеобщую апатію русскаго народа вообще, если онъ и старался возбудить энергію въ его составныхъ элементахъ, то вовсе не въ смыслѣ автономіи; нѣтъ, онъ требовалъ этой энергіи отъ общества для государства; онъ требовалъ, чтобы все служило «къ наивышей государственной пользѣ». Ему нужна была не автономическая дѣятельность его подданныхъ, а наоборотъ, ему необходимо было, чтобы всѣ силы ихъ были закрѣпощены прямо или посредственно государству, но онъ хотѣлъ при этомъ почти невозможнаго — чтобы закабаленные работали энергически, работали, посвящая чуждому, въ ихъ глазахъ, имъ дѣлу чуть не всѣ свои силы. Этого онъ требовалъ и отъ городского торгово-промышленнаго сословія, и оно должно было нести свое тягло, работая надъ созданіемъ государства, какъ политическаго тѣла, какъ члена европейской международной семьи; и оно должно было служить этой цѣли людьми и деньгами. Независимые отъ государственныхъ общественные интересы и цѣли не имѣли въ глазахъ преобразователя почти никакой цѣны. Все это — диаметрально-противоположно духу и сущности западно-европейскихъ городскихъ учреждений, какъ они выработались исторіей.

Въ мартѣ 1719 года издается регламентъ коммерцъ-коллегій, въ которомъ уже идетъ рѣчь о магистратахъ городовъ, но о магистратахъ только еще предполагаемыхъ. Наконецъ въ февралѣ 1720 года именнымъ указомъ учрежденъ въ Петербургѣ главный магистратъ, оберъ-президентомъ котораго назначенъ князь бригадиръ Трубецкой, а его товарищемъ Исаевъ. Вновь открытому учрежденію поручается «вѣдать всѣхъ купецкихъ людей... и разсыпанную сію хранину паки собрать»; но оно бездѣйствуетъ, объ немъ, какъ говорится, ни слуху, ни духу. Почти годъ спустя изданъ именной указъ — «учинить форму правленія магистратскаго». Ничто не помогло. Главный магистратъ, вѣроятно, выработывалъ въ типичи «регулы» для городскихъ магистратовъ, не торопясь. Наконецъ законодатель вспомнилъ о главномъ магистратѣ и издалъ ему въ руководство регламентъ, но и это едва-ли помогло: по крайней мѣрѣ, ровно годъ спустя, мы встрѣчаемся со слѣдующимъ, по меньшей мѣрѣ, страннымъ указомъ царя оберъ-президенту главнаго магистрата: «понеже давно имѣется указъ и регламентъ и исправленіе дѣла, вамъ врученнаго, а именно о учиненіи перво магистрата правильнаго и цеховъ въ Петербургѣ въ примѣръ другимъ городамъ, а потомъ въ Москвѣ и тако въ прочихъ; но по се время никакого успѣху въ томъ не дѣлается».

Послѣднія слова ясно указываютъ на отсутствіе магистратовъ не только въ городахъ, но даже въ Москвѣ, воплѣ благоустроенныхъ, правильныхъ, какъ выражается царь. Царь энергически понуждаетъ главный магистратъ къ дѣятельности: «того ради,—продолжаетъ онъ въ томъ же указѣ,—симъ опредѣляемъ, что ежели въ Петербургѣ сихъ двухъ дѣлъ, т. е. магистрата и цеховъ, не учините въ пять мѣсяцевъ или въ полгода, то ты (кн. Трубецкой) и товарищъ твой Исаевъ будете въ работу каторжную посланы». Такія мѣры царь пускаетъ въ ходъ относительно главы учрежденія, которое было не только «яко начальство градское», какъ выражается регламентъ главному магистрату, но и яко начальство всей паки собранной «храмины російскаго купечества». Однако, эти энергическія мѣры мало подвинули дѣло: три мѣсяца спустя послѣ посула оберъ-президенту главнаго магистрата и его товарищу каторжной работы, дѣло, за неисполненіе котораго имъ сулилась такая перспектива, оставалось все въ томъ-же положеніи, по крайней мѣрѣ по отношенію къ цехамъ. Только три года спустя послѣ изданія регламента главному магистрату, именно въ концѣ 1724 года появилась на свѣтъ инструкция магистратамъ, въ которой прежде всего опредѣлено во всѣхъ городахъ учредить магистраты по образцу петербургскаго. Такъ что, лишь съ этого времени, конца 1724 года, болѣе или менѣе повсемѣстное установленіе магистратовъ можно считать окончательнымъ. Не только содержаніе заимствованныхъ учрежденій было измѣнено преобразователемъ,—измѣненія внесены въ самую форму ихъ. Каждый городъ Западной Европы слагался совершенно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, самостоятельно: его общественно-политическая жизнь выливалась въ тѣ или другія формы воплѣ независимо отъ остальныхъ городовъ; почти каждый изъ нихъ, такимъ образомъ, въ началѣ представлялъ собою самостоятельное, политически, тѣло—городъ, государство; а впоследствии времени, съ постепеннымъ развитіемъ верховной государственной власти, городъ обратился въ отдѣльную общину; іерархической связи, въ смыслѣ зависимыхъ отношеній этихъ общинъ одной отъ другой, не существовало, исключая развѣ тѣхъ, очень немногихъ, случаевъ, когда самая историческая жизнь двухъ городовъ установила между ними такую связь. Подобнаго рода положеніе городовъ, ихъ независимая организациа внутренняго управленія рѣзко противорѣчила всѣмъ цѣлямъ и стремленіямъ царя, который заимствовалъ магистратское устройство не ради удовлетворенія общественныхъ нуждъ городского населенія во всей его совокупности или только части его, а исключительно ради пользы и нужды самого государства. Цѣль новыхъ учрежденій лежала въ установленіи самой строгой зависимости разсыпанной храмины торгово-промышленнаго населенія отъ верховной власти: храмину царь стремится собрать «воедино», отдавъ ее въ исключительное вѣдомство одного центрального учрежденія, которое, въ свою очередь, легко можетъ быть поставлено въ полную зависимость отъ верховной власти. Магистратское устройство, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, должно было быть ничѣмъ инымъ, какъ государственно-административнымъ механизмомъ, имѣющимъ цѣлью управленіе опредѣленной частью населенія имперіи, ея торгово-промышленнымъ слоемъ; этотъ механизмъ долженъ былъ составлять только часть общаго государственнаго механизма и не могъ быть устроенъ, сравнительно съ по-

слѣднимъ, на иныхъ началахъ. Мысль Лейбница объ административныхъ часахъ, если можно такъ выразиться, должна была найти приложеніе и здѣсь. Управление городскимъ торгово-промышленнымъ населеніемъ должно было вылиться въ такой механизмъ, въ которомъ бы одна шестерня приводила въ движеніе другую, эта другая—третью и т. д., и наконецъ необходимо долженъ былъ существовать рычагъ, который, находясь подъ непосредственнымъ контролемъ верховной власти, входя въ составъ высшаго государственнаго механизма, давалъ бы толчекъ всѣмъ этимъ шестернямъ. Такимъ рычагомъ въ громадномъ часовомъ механизмѣ городского устройства долженъ былъ служить главный магистратъ въ Петербургѣ; городовые же магистраты или ратуши играли роль отдѣльных шестеренъ въ дѣломъ механизмѣ. Такимъ характеромъ обусловливалась роль какъ главнаго магистрата, такъ и cadaго изъ городовыхъ.

Еще въ февралѣ 1720 года открытъ былъ главный магистратъ; четыре года спустя, по городамъ открыты магистраты. Совершенно иныя условія общественно-экономической жизни городского населенія, отличныя отъ западно-европейскихъ, заставили законодателя внести измѣненія и въ форму cadaго отдѣльнаго магистрата—измѣненія, доведенныя до того, что во многихъ городахъ коллегіальное начало замѣнялось единоличнымъ. Понятно само собою, что и магистраты западно-европейскихъ городовъ не представляли собою точной копій однихъ съ другаго; внутренняя организація cadaго изъ нихъ, а въ особенности составъ, число членовъ, были различны, но это различіе обусловливалось исторически, ходомъ развитія различныхъ элементовъ городского населенія, и никакъ не зависѣла исключительно лишь отъ количества городского населенія. Въ Россіи законодатель долженъ былъ отыскать, придумать основанія для такого различія: ввести во всѣхъ городахъ магистраты съ одинаковымъ количествомъ членовъ, входящихъ въ ихъ составъ, было просто невозможно. Здѣсь магистратская организація не была продуктомъ развитія самого городского населенія, какъ на родинѣ ея, здѣсь ее давало городамъ правительство, какъ давало оно воеводу, комманданта и т. п., и притомъ давало, какъ тяжелую обувь государственнаго тягла: городъ долженъ былъ своими собственными наличными силами «снабдить магистратскіе чины угодными и искусными персоны», избранными притомъ изъ «первостатейныхъ и позиточныхъ гражданъ», которые могли бы и «президировать» въ немъ. Огромное большинство городовъ тогдашней Россіи было-бы не въ состояніи вынести на собственныхъ плечахъ болѣе или менѣе сложный составъ магистратуры. Необходимо было разнообразить этотъ составъ, смотря по благосостоянію городовъ: законодатель взялъ за исходный пунктъ дѣленія количество жителей cadaго города и на этомъ основаніи раздѣлилъ всѣ города тогдашней Россіи на пять разрядовъ. Наибольшее количество членовъ, входившихъ въ составъ магистрата, установлено для городовъ перваго разряда; магистраты этихъ городовъ предполагалось составить изъ четырехъ бурмистровъ и одного президента, стоявшаго во главѣ ихъ; города пятаго, послѣдняго разряда лишались совершенно коллегіальнаго учрежденія—въ нихъ магистратъ замѣнялся единоличною должностью бурмиистра. Главный магистратъ состоялъ изъ оберъ-президента и его товарища, и нѣсколькихъ членовъ—бурмистровъ и ратсгеровъ.

Города всѣхъ этихъ пяти разрядовъ не были взаимно связаны другъ отъ друга: Петръ и теперь не откънулся отъ крещенскаго начала. Учрежденіе и открытіе магистратовъ вѣрнѣе было главнымъ магистрату, который и разбивалъ города на районы на основаніи тѣхъ сѣдѣній, которыя онъ получалъ объ ихъ составѣ отъ губернаторовъ и воеводъ. Опредѣливъ составъ магистрата въ городѣ, главный магистратъ высылалъ губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ указы о выборѣ этого состава. Представители власти въ губерніи или провинціи, получивъ эти указы, собираютъ бургомистровъ и крѣпкихъ людей и «велятъ» имъ выбрать членовъ и крещенскаго магистрата изъ «добрыхъ, пожиточныхъ и умныхъ людей», изъ гостей, гостиницы отцовъ и гостинныхъ дѣтей. Изъ выбранныхъ (иногда совершалось проститъ большинствомъ голосовъ) «дѣльныхъ и лучшихъ въ куваческѣ», по шестно трѣхъ, отсылаютъ въ Петербургъ, въ главный магистратъ, на утвержденіе; адѣсь они, по рассмотрѣніи выборовъ, ихъ вѣрныя, получаютъ утвержденіе, о чемъ въ городской магистратъ высылается указъ. Такимъ образомъ, выборы магистратскихъ членовъ далеко не являютъ свободнымъ дѣломъ городскихъ сословныхъ общинъ; они не только рассматриваются и утверждаются главнымъ магистратомъ, оберъ-президентъ котораго вѣдѣтъ съ своими товарищами, занимая свои должности по назначенію отъ правительства, будучи слѣдовательно государственными чиновниками даже и по способу опредѣленія на службу, являютъ представителями, блюстителями «вольнаго государства»: эти выборы состоятъ и подъ сильнымъ вліяніемъ мѣстныхъ правительственныхъ агентовъ—губернаторовъ и воеводъ, которые вѣрнѣе ослѣпо горожанамъ выбирать членовъ магистрата. Законодатель не могъ иначе поступить, не отступивъ отъ своихъ вѣдомствъ, не измѣнивъ принципу всѣхъ своихъ реформъ по администраціи: главная цѣль учрежденія этихъ новыхъ сословно-выборныхъ коллегій—чисто-государственные интересы; служба въ нихъ—государственная повинность, тягло торгово-промышленнаго населенія, отъ котораго это послѣднее, разумѣется, готово избавиться всякими способами; предоставить отправленіе этого тягла собственному усмотрѣнію городскихъ сословныхъ общинъ со стороны законодателя значило бы совершенно отказать отъ достиженія своихъ цѣлей: торгово-промышленное населеніе, давно уже отправляя, «за выборами», государственныя повинности и службы, привыкло производить эти выборы такъ, что у дѣлъ болѣе или менѣе доходныхъ для исполнителя оказывались всегда люди «пожиточные», могшіе отдарить выборщиковъ, у дѣлъ же тяжелыхъ и малоходныхъ всегда стояли люди «худые», малопожиточные; въ томъ и другомъ случаѣ государственные интересы одинаково страдали. Вотъ причина установленія законодателямъ полной зависимости выборовъ въ магистраты отъ администраціи. Съ другой стороны не забудемъ, что главному магистрату при учрежденіи городскихъ предписывалось имѣть образцомъ магистраты западно-европейскихъ городовъ, и что состояніе самоуправленія въ городахъ Западной Европы въ XVII и XVIII столѣтіяхъ уже далеко не было тѣмъ, каковыя оно было въ періодъ среднихъ вѣковъ. Выборы членовъ въ городскіе совѣты подпадали все большому и большому вліянію правительственныхъ чиновниковъ, пока наконецъ во многихъ городахъ прямо не перешли въ ихъ руки. Въ такомъ состояніи находилось устройство гор-

манскихъ городовъ въ то время, когда Петръ рекомендовалъ своему главному магистрату имѣть его въ виду въ качествѣ образца и источника, изъ котораго онъ долженъ былъ черпать обѣими руками. Это обстоятельство, разумѣется, вліяло на организацію нашихъ магистратовъ и ихъ отношеніе къ правительству тѣмъ болѣе, что оно совершенно совпадало съ цѣлями и взглядами царя. Если выборы членовъ магистрата такъ мало свободны были *de iure*, нужно-ли говорить, насколько страдала свобода этихъ выборовъ, ихъ правильность, порядокъ *de facto*? стоитъ вспомнить тѣ ужасающіе размѣры, въ которыхъ проявлялся произволъ правительственныхъ агентовъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, стоитъ просмотрѣть жалобы посадскихъ на этотъ произволъ, чтобы вполне убѣдиться, что не только о свободѣ, но даже просто о какой-либо правильности, какомъ-нибудь порядкѣ при выборахъ не можетъ быть рѣчи.

Уже благодаря только такому способу избранія членовъ городского магистрата, послѣдній обращался почти исключительно въ учрежденіе правительственное; но еще рѣшительнѣе характеръ этотъ придавался ему срокомъ, продолжительностью службы этихъ членовъ. Члены земскихъ избъ бурмистерской палаты смѣнялись «погодно». Въ магистратскомъ устройствѣ этотъ срокъ не примѣняется; онъ оказался неподходящимъ: воровства и взяточничества земскихъ бурмистровъ многими приписывались, между прочимъ, ему; а главное, срокъ этотъ ставилъ выборнаго въ болѣе тѣсную связь съ обществомъ, избравшимъ его, дѣлалъ его болѣе зависимымъ отъ этого общества и, наоборотъ, ослаблялъ такую связь его съ правительственными органами, дѣлалъ сколько-нибудь возможнымъ большую или меньшую независимость его отъ этихъ органовъ; словомъ, срокъ этотъ мѣшалъ установиться той тѣсной связи земскихъ выборныхъ съ правительствомъ, къ которой послѣднее стремилось. Онъ былъ слишкомъ коротокъ для того, чтобы земскій бурмистръ могъ окончательнѣе забыть свою принадлежность къ обществу, его избравшему, и почувствовать себя вполне состоящимъ на государственной службѣ. Онъ не былъ всецѣло оторванъ отъ общества, его избравшаго. Учреждая магистраты, царь рѣшилъ обратить членовъ магистрата именно въ такихъ государственныхъ чиновниковъ, удалить ихъ навсегда изъ общества, ихъ избравшаго, сдѣлавъ ихъ чиновниками коронной службы, видѣвшими въ перспективѣ повышенія не только въ чинѣ, но и въ состояніи. Члены магистратовъ были пожизненными чиновниками; за «честное и безукоризненное» служеніе государству членъ магистрата могъ быть возведенъ «въ шляхетское достоинство». Такимъ образомъ, выборнымъ отъ торгово-промышленнаго сословія въ качествѣ награды общается полное удаленіе изъ этого сословія, на которое, понятно, и сами члены должны были смотрѣть, какъ на «подлое», какъ на среду, удалиться изъ которой—высшая награда. Непосредственныхъ цѣлей Петръ этимъ, быть можетъ, достигалъ: многіе, дѣйствительно, усердно и «честно» (по своему, разумѣется) служили государству. Но общество отъ этого, само собою понятно, только проигрывало: его интересы для такихъ честныхъ служаекъ были на самомъ заднемъ планѣ, если только они вообще имѣлись ими въ виду. Съ изданіемъ таблицы о рангахъ выборные члены магистратовъ стали считаться въ извѣстныхъ чинахъ и такимъ образомъ были введены, въ качествѣ составнаго звена, въ цѣпь

чужеземной иерархія, облекшись въ соответствующую чину мундиръ. Этотъ фактъ гораздо болѣе важенъ, чѣмъ можетъ показаться съ первого взгляда. Въ немъ вернётся причина многихъ явленій въ современной общественно-городской жизни. Эти постановленія болѣе или менѣе достигали одной цѣли великаго преобразователя—на «вольномъ государствѣ» привлекались многія силы; но они разрушали другую цѣль его—создать дѣятельное, богатое, развитое торговое и промышленное населеніе; набогѣе активные члены его выбывали изъ его строя, или *de iure*—обращаясь къ вылетѣтству, или *de facto*—становясь правительственными чиновниками, интереси которыхъ прямо противоположны интересамъ этого сословія.

Посмотримъ на *объемъ правъ* и на характеръ обязанностей, возложенныхъ на городское магистраты.

Тѣ права, которыми пользуется данное политическое учрежденіе, тѣ обязанности, которыя на него возложены, рельефнѣе всего очерчиваютъ характеръ самого учрежденія, его политическую роль въ государственномъ строѣ. Такъ, городскія учрежденія средне-вѣковой Европы представляють, по своей сущности, совершенно иной характеръ, чѣмъ тѣ-же учрежденія Западной Европы новаго времени. Это различіе обусловливается *содержаніемъ* правъ и обязанностей и ихъ взаимнымъ отношеніемъ. Ни одно учрежденіе или лицо не можетъ пользоваться лишь одними правами и не нести никакихъ обязанностей; каждому праву соответствуетъ опредѣленная обязанность, если только это право не перешло въ привилегію; наоборотъ, не всякой обязанности соответствуетъ право, какъ это слѣдовало бы логически; поэтому, какъ лица, такъ и учрежденія могутъ нести лишь обязанности, не пользуя никакими правами. Магистраты Петра Великаго относились къ категоріи учреждений послѣдняго рода. Ознакомясь ближе съ магистратами именно въ этомъ отношеніи, невольно поражаешься громаднымъ количествомъ возложенныхъ на нихъ обязанностей, вовсе не истекающихъ изъ потребностей общественно-городской жизни, не имѣющихъ съ ними никакой непосредственной связи, возложенныхъ на магистраты исключительно въ видахъ государственныхъ, правительственныхъ нуждъ, и микроскопической, если можно такъ выразиться, долей правъ; въ отношеніи послѣднихъ, какъ проявленію государственнаго начала, и выражается ярче всего назначеніе новыхъ учреждений: государственное начало подавляло общественное; за государственной стороной исчезла общественная: магистраты—учрежденія чисто административно-государственными по назначенію и общественными (если только это возможно) остаются лишь какъ выраженіе тягла торгово-промышленнаго населенія городовъ. Магистратъ является «главою и начальствомъ» города, вышедшимъ изъ среды торгово-промышленнаго населенія, но состоящимъ на службѣ государственной.

При этомъ, самый характеръ государственныхъ обязанностей магистратовъ по преимуществу финансовый; въ этомъ отношеніи магистраты мало ушли впередъ въ сравненіи съ земскими избами; какъ и эти послѣднія, магистраты являются почти исключительно учреждениями судебными и административно-финансовыми. На нихъ возложена обязанность наблюденія, какъ за раскладкою всякаго рода государственныхъ сборовъ и пошлинъ, такъ и за сборомъ ихъ; они должны были наблю-

дать и за правильнымъ отбытіемъ горожанами нѣкоторыхъ видовъ государственныхъ натуральныхъ повинностей. Кромѣ этого рода обязанностей, болѣе или менѣе касающихся городского населенія непосредственно, на магистраты, какъ и прежде на выборныхъ отъ торгово-промышленнаго сословія, возлагалась обязанность производить сборы, не имѣвшіе никакого прямаго отношенія къ городскому населенію—сборы, такъ сказать, обще-государственные, какъ, на примѣръ, таможенные и кабацкіе. Собирая подати и повинности, раскладывая ихъ, магистраты обязаны были сами заботиться и о «полнотѣ» посада,—такъ какъ отъ этого зависѣла равномерность раскладки—возвращая на нихъ бѣглыхъ, записывая въ сотни и слободы крестьянъ, содержащихъ купеческіе промыслы, а также имѣющихъ на посадѣ лавки и дома.

Кромѣ судебныхъ и финансовыхъ обязанностей, на магистраты имѣлось въ виду возложить и наблюденіе за внутреннимъ порядкомъ, благоустройствомъ въ городѣ. Я говорю—имѣлось въ виду—потому, что на самомъ дѣлѣ оно не было возложено по очень простой причинѣ: городская полиція внѣшняго благочинія города возложена была на особыя спеціальныя учрежденія и должности; то-же, что въ полицейскомъ правѣ принято называть полиціей благосостоянія, осталось на бумагѣ, какъ *ria desideria*.

Итакъ, обязанности магистратовъ, дѣйствительно, сложны, тяжелы и многочисленны; а если принять во вниманіе послѣднюю категорію ихъ—полицейскія обязанности, да не забывать, что на нихъ же лежало и отправленіе сословнаго суда, то невольно является мысль—какимъ образомъ общество, не сознавшее необходимости ни одной изъ возложенныхъ на него обязанностей, привлеченное къ исполненію ихъ правительствомъ, лишненное всякой энергіи, могло хотя сколько-нибудь удовлетворительно исполнять ихъ? Оно и не исполняло ихъ всѣхъ; завести всѣ эти госпитали, смиренныя дома, «малыя» (а царь требовалъ и большіе) школы собственнымъ тщаніемъ стало бы силъ развѣ у Москвы съ Петербургомъ; понятно, что все это оставалось на бумагѣ, какъ *ria desideria* энергическаго реформатора, не переходя за предѣлы болѣе или менѣе строгихъ указовъ и регламентовъ. Самая же полиція въ смыслѣ полиціи безопасности, развивалась другимъ путемъ, путемъ выдѣленія спеціально-полицейскихъ органовъ и учреждений. Благодаря этому, обязанности городовыхъ магистратовъ оставались по преимуществу все-таки административно-финансоваго характера. Обратимся къ тѣмъ правамъ, которыя предоставлены были магистратамъ; рассмотримъ тѣ предметы, которые подлежали, на основаніи этихъ правъ, свободному управленію магистратовъ, въ которыхъ отражалась скромная доза автономіи, предоставленной имъ. До сихъ поръ мы видѣли магистраты лишь въ качествѣ исполнительныхъ органовъ государственной власти, въ качествѣ учреждений государственныхъ; обратимся къ нимъ, какъ къ учрежденіямъ земскимъ не только по составу, но по характеру дѣятельности.

Оставляя въ сторонѣ неподлежащее здѣсь разсмотрѣнію судебное значеніе магистратовъ, мы встрѣтимся почти съ однимъ только правомъ магистратовъ, правомъ, придающимъ имъ нѣкоторое подобіе органовъ общиннаго самоуправленія. Это единственное право—право раскладки податей и повинностей. Правомъ этимъ магистраты пользова-

лись через старость и старшинъ «со всѣхъ гражданъ согласіемъ», въ случаѣ-жъ «усмотрѣнія», что нѣкоторые изъ горожанъ «пожитками пополнились и нѣкоторые уменьлись», магистратъ тѣмъ же путемъ могъ произвести переокладку для установленія равномѣрности.

Это все, въ чемъ могло проявиться самоуправленіе городского населенія, согласіе «всѣхъ гражданъ» котораго требуется въ этомъ случаѣ закономъ. Эта оговорка въ высшей степени странная вещь. Во всей инструкціи нѣтъ ни одного слова, ее поясняющаго; мы не знаемъ, какимъ образомъ проявлялось это «согласіе гражданъ»; какое оно имѣло значеніе: было ли оно абсолютно необходимымъ условіемъ дѣйствительности дѣйствій и распоряженій раскладчиковъ и магистратовъ, или же голоса гражданъ имѣли лишь совѣщательное значеніе и могли быть не приняты во вниманіе? По отсутствію всякихъ подробностей можно заключить, что важнаго значенія этому вопросу не придавалось и самое выраженіе—«съ согласія всѣхъ гражданъ»—попало въ инструкцію магистратамъ, благодаря не совсѣмъ послѣдовательнымъ заимствованіямъ изъ «образца». Регламентъ главному магистрату дѣлаетъ эти заимствованія нѣсколько тщательнѣе и точнѣе. Въ немъ при опредѣленіи состава магистратовъ говорится, что магистратъ «для совѣта» долженъ приглашать «изъ первостатейныхъ людей и изъ среднихъ—добрыхъ и умныхъ». Здѣсь вопросъ поставленъ совершенно ясно: во-первыхъ, магистратъ обязывается приглашать гражданъ, т. е. созывать ихъ въ извѣстныхъ важныхъ случаяхъ, степень важности которыхъ предоставляется на полное усмотрѣніе его самого, благодаря чему, самое призваніе этихъ гражданъ зависитъ совершенно отъ усмотрѣнія магистрата; во-вторыхъ, граждане призываются «для совѣта» только, т. е. они пользуются лишь совѣщательнымъ, а не рѣшительнымъ голосомъ: отъ усмотрѣнія магистрата зависитъ принять во вниманіе или нѣтъ полученный имъ совѣтъ; въ-третьихъ, граждане призываются лишь изъ первостатейныхъ и среднихъ людей; причемъ степень «стейности», если можно такъ выразиться, зависитъ опять-таки отъ собственнаго усмотрѣнія того же самого магистрата. Изъ этого опредѣленія ясно видно, какую скромную роль играло общество въ управленіи городомъ посредствомъ магистратовъ. Но и эта скромная доля участія общества дана ему, видимо, подъ влияніемъ западно-европейскихъ образцовъ.

Участіе общества въ раскладкѣ тѣхъ податей и повинностей, которыя возлагаются на него государствомъ, есть самая низшая степень автономіи, если только признавать такое участіе автономіей. О самоуправленіи общества можно говорить лишь тогда, когда оно, сознавая свои потребности и интересы, можетъ удовлетворять ихъ изъ своихъ средствъ, пользуясь для этого правомъ самообложенія налогами, правомъ самостоятельнаго расходованія собранныхъ суммъ. Никакого намека на это право магистраты не получили. Законодатель не удовольствовался простымъ игнорированіемъ этого вопроса, чего, въ виду развитія общественно-политическаго сознанія тогдашняго общества, было бы совершенно достаточно: онъ счелъ за нужное категорически высказаться въ смыслѣ запрещенія всякой попытки со стороны горожанъ къ фактическому приобрѣтенію подобнаго права. Одинъ изъ пунктовъ инструкціи магистратамъ специально посвященъ этому вопросу: здѣсь прямо говорится, что безъ указовъ «никакого расположенія на гражданъ не рас-

кладывать и не собирать, подъ опасеніемъ взысканія штрафа по его императорскаго величества указу». Понятно само собою, что магистраты, не пользуясь правомъ облаженія горожанъ налогами, не имѣли и права самостоятельнаго расходованія суммъ, такъ какъ суммъ не было: то, что они собирали, было не общественною, а государственною собственностью, распоряженіе которою было исключительнымъ правомъ правительства, пользовавшагося этимъ правомъ или непосредственно, на свои собственные нужды, или черезъ посредство магистратовъ, если затраты производились на городское управленіе или хозяйство. Во всякомъ отдѣльномъ случаѣ такихъ расходованій городовымъ магистратомъ государственныхъ суммъ, послѣдній производилъ ихъ не иначе, какъ по спеціальному указу. Спеціальными указами обуславливалась вся дѣятельность городскихъ магистратовъ; все, что на нихъ возлагалось, возлагалось лишь, какъ на простые исполнительные органы высшаго центрального учрежденія главнаго магистрата. Ихъ роль была не больше, какъ роль отдѣльныхъ колесъ въ цѣломъ административномъ механизмѣ—колесъ, приходящихъ въ дѣйствіе, лишь когда данъ толчокъ сверху, когда дѣйствуетъ рычагъ, приводящій въ движеніе весь механизмъ. Обо всемъ, что выходитъ за предѣлы простой исполнительности, городской магистратъ долженъ былъ, прежде чѣмъ предпринять что-либо, донести главному магистрату, откуда и ждать указа,—все равно, касается ли дѣло «непорядочнаго расположенія» сборовъ, идетъ ли рѣчь объ устройствѣ ярмарокъ и торговь «въ пристойныхъ мѣстахъ», школь или вообще о какого-либо рода улучшеніяхъ. Получая магистратъ требованіе изъ какого-либо высшаго государственнаго учрежденія или вообще отъ правительственнаго органа, онъ не можетъ отвѣчать на него ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ безъ сношенія съ тѣмъ же главнымъ магистратомъ. Такимъ образомъ, недостаточность законодательныхъ опредѣленій предоставлено пополнять главному магистрату, который и является въ этомъ случаѣ какъ бы законодательнымъ учрежденіемъ. Являясь въ такой роли, онъ, разумѣется, долженъ былъ предварительно изучить нужды и потребности каждаго отдѣльнаго города; только при этомъ условіи онъ могъ надлежаще слѣдить за ходомъ всего магистратскаго механизма и направлять его дѣйствія. Онъ долженъ былъ знать всѣ дѣйствія опекаемаго имъ городского магистрата до мельчайшихъ подробностей. Вотъ почему каждый магистратъ долженъ высылать въ главный магистратъ ежегодные отчеты о своихъ дѣйствіяхъ и представлять свои мнѣнія и соображенія о какого-либо рода улучшеніяхъ; къ нему шли всѣ, выражаясь нынѣшнимъ языкомъ, «частныя» жалобы на дѣйствія магистратовъ. Только на основаніи невозможно-подробныхъ свѣдѣній какъ о состояніи общества даннаго города, такъ и дѣйствіяхъ его магистрата, и можно было сколько-нибудь добросовѣстно исполнять возложенную на главный магистратъ обязанность «сочинять регулы и уставы» для городскихъ магистратовъ, суживать или расширять кругъ ихъ дѣйствій, дѣлать ту или иную перестановку въ частяхъ механизма. Поэтому законодатель не ограничился тѣмъ только, что обязалъ городские магистраты присылать свѣдѣнія въ Петербургъ, онъ вмѣнилъ въ обязанность губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ высылать въ тотъ же главный магистратъ всѣ свѣдѣнія относительно городовъ и ихъ населенія, начиная съ опи-

санія мѣстоположенія и кончая составомъ населенія. Петръ Великій не рѣшился, однако, предоставить главному магистрату дѣйствовать совершенно самостоятельно на основаніи всѣхъ данныхъ, собранныхъ изъ такихъ различныхъ источниковъ; онъ зналъ, что не слишкомъ разборчиво составленныя «регулы», имѣющія цѣлью улучшение городского управленія, могутъ, наоборотъ, дать въ результатѣ «противныя и вредительныя дѣйства»; могутъ привести «городъ и гражданство въ тщетныя убытки и разореніе», и тѣмъ нанести вредъ государству. Къ какому же средству обращается царь для избѣжанія такихъ вредныхъ результатовъ преобразованій?

Это средство слѣдовало искать или въ самомъ обществѣ, которому грозили „тщетныя убытки и разореніе, или въ учрежденіяхъ, имѣющихъ своимъ назначеніемъ блюсти интересы государства, которому регулы и уставы рисковали нанести вредъ, или, наконецъ, обратиться къ обѣимъ, имѣющимъ пострадать сторонамъ, если бы законодатель хотѣлъ сохранить одинаково интересы ихъ обѣихъ. Боязнь вреда государству подѣйствовала на него сильнѣе: интересы общества были забыты, и въ учрежденіи надзора надъ главнымъ магистратомъ и судѣиствію ему интересы государства играли исключительную роль. Совѣтуя главному магистрату въ томъ случаѣ, когда онъ найдетъ, что нѣкоторымъ „установкамъ и регуламъ въ городѣ быть не прилично“ и вѣдываетъ сдѣлать измѣненія, „осторожнымъ быть“,—царь предписываетъ ему, кромѣ того, „совѣтовать съ коллегіями“, т. е. учрежденіями государственными; совѣщаніе съ первостатейными гражданами, рекомендованное городовымъ магистратамъ, въ этомъ случаѣ забывается: интересы гражданъ отступаютъ передъ интересами государства.

Надзоръ правительствующаго сената надъ главнымъ магистратомъ былъ совершенно однороденъ съ надзоромъ его надъ остальными всякаго рода государственными учрежденіями. Сюда присылались изъ городскихъ магистратовъ копіи со всѣхъ указовъ, издаваемыхъ главнымъ магистратомъ, сюда шли „на апробацію“ всѣ „регулы и уставы“, составляемые главнымъ магистратомъ въ руководство городовымъ. Такимъ образомъ, какъ законодательное учрежденіе относительно торгово-промышленнаго населенія, главный магистратъ являлся не болѣе, какъ особой законодательной инстанціей, въ которой будущій законъ достигалъ опредѣленной стадіи развитія. Въ качествѣ такого то учрежденія главный магистратъ и долженъ былъ съ коллегіями совѣтовать, которыя въ этомъ случаѣ, вѣроятно, являлись лишь съ совѣщательнымъ голосомъ. Какъ административное учрежденіе, главный магистратъ подлежалъ прокурорскому надзору, наравнѣ съ коллегіями.

Въ какомъ отношеніи стояло магистратское управленіе къ городу вообще, а каждый отдѣльный городской магистратъ или ратуша къ тому городу, въ которомъ она состояла? Вопросъ, повидимому, странный, даже едва-ли возможный въ виду точныхъ, опредѣленныхъ словъ регламента: „магистратъ—яко начальство города“, или градское начальство. Сомнѣнія нѣтъ, магистратъ—учрежденіе, управляющее городомъ, стоящее во главѣ города, представитель его; иначе словъ этихъ понимать, кажется, нельзя. Тѣмъ не менѣе, вопросъ не только не излишній, но положительно необходимый. Въ томъ же регламентѣ мы встрѣчаемся съ опредѣленіемъ магистрата, „яко главы всего гражданства, къ ко-

тому, по опредѣленію седьмой главы регламента, ни шляхетство, ни духовенство съ церковными людьми, ни иностранцы—не относятся. Отсюда оказывается, что городской магистратъ уже не есть „начальство“ цѣлаго города, всего его населенія, а лишь его части.

Приступая къ новой организаціи городского устройства, законодатель не могъ, въ силу историческаго хода вещей, отрѣшиться отъ общественнаго строя, установившагося вѣками, подъ вліяніемъ политики закрѣпощенія всѣхъ слоевъ населенія государственными интересамъ, государственному тяглу. Онъ едва-ли бы былъ въ состояніи отрѣшиться отъ этой политики даже въ томъ случаѣ, еслибы совналъ необходимость измѣнить ее: государственныя нужды росли; онѣ заслоняли собою все другое; всѣ мѣры, всѣ средства, всѣ силы народа должны были дѣйствовать исключительно въ одномъ направленіи: создавать государство; силы торгово-промышленнаго населенія городовъ должны были быть направленными туда же. Магистратское устройство—средство организовать это сословіе въ видахъ этой цѣли. Цѣлью учрежденія главы о магистрата законодатель выставляетъ, чтобы „равсыпанную сію храмину (торгово-промышленное населеніе) паки собралъ“. Это выраженіе прямо указываетъ, что давняя задача, къ рѣшенію которой приступлено было еще въ XVII столѣтіи, рѣшается и теперь, и притомъ рѣшается въ виду все тѣхъ-же цѣлей: „смотреть и доносить въ сенатъ о тягости и неравномѣрности поборовъ и разореніи градскихъ обывателей...“ и заботиться о пользахъ государственныхъ. Главный магистратъ достигалъ этихъ цѣлей черезъ городовые магистраты, организація которыхъ и обуславливалась исключительно ими. Служа административнымъ средствомъ къ достиженію государственныхъ цѣлей, магистраты были ничѣмъ инымъ, какъ повинностью торгово-промышленнаго населенія городовъ, почему въ составъ и должны были входить выборные лишь изъ этого сословія; такимъ образомъ, цѣлью магистратскаго устройства обуславливался самый составъ магистратовъ; ею же обуславливался какъ объемъ, такъ и характеръ обязанностей, возложенныхъ на эти учрежденія. Мы видѣли, что обязанности эти состояли почти исключительно въ сборѣ и раскладкѣ податей и повинностей, касающихся прямо или косвенно того-же торгово-промышленнаго класса. Раскладка податей и повинностей касалась исключительно только торгово-промышленнаго населенія городовъ. Сборъ могли касаться и другихъ сословій, какъ объектовъ обложенія (напр. соляной, табачный, винный), но производились, какъ государственная повинность, исключительно, какъ мы видѣли, выборными отъ торгово-промышленнаго населенія. Однимъ словомъ, магистратъ—учрежденіе чисто-сословное, какъ по составу, такъ и по характеру обязанностей, на него возложенныхъ, т. е. учрежденіе, которое вѣдаетъ никакъ не цѣлый городъ, не есть по отношенію къ послѣднему „глава“ или „начальство“; это—„глава“ и „начальство“ только части города, притомъ едва ли въ территориальномъ смыслѣ, а скорѣе исключительно въ смыслѣ, если можно такъ выразиться, этнографическомъ: это—„глава“ и „начальство“ части, хотя и самой большой, городского населенія. Все содержаніе инструкціи, изданной въ 1724 г. въ руководство городскимъ магистратамъ, какъ нельзя лучше подтверждаетъ все, только что сказанное.

Такими, исключительно сословными, а никакъ не городскими, въ смыслѣ учреждений, представляющихъ собою цѣлый городъ, учреждениями и должны были сложиться магистраты въ рукахъ законодателя согласно историческому ходу развитія русскаго общества и планамъ и цѣлямъ императора, еслибъ онъ послѣдовательно провелъ эти планы, не уклоняясь въ сторону, не увлекаясь плохо-сознанными цѣлями, интересами совершенно-иного рода, еслибъ онъ не старался поддерживать въ своихъ преобразованияхъ „образца иныхъ государствъ“. Этому старанію и только ему одному обязаны магистраты тѣмъ, что ихъ пожаловали въ чинъ „главы и начальства градскаго“.

Въ городахъ Германіи въ эпоху наибольшаго развитія цеховъ, городской магистратъ, дѣйствительно, былъ главой и начальствомъ города, такъ какъ вся власть, касающаяся цѣлаго города была въ его рукахъ; онъ былъ составляемъ изъ среды политически не только преобладающаго, но прямо господствующаго класса: чтобы пользоваться политическими правами, необходимо было принадлежать къ составу того или иного цеха; городское устройство этого времени было сословно-городскимъ устройствомъ: власть представителей извѣстнаго сословія была властью надъ всѣмъ городомъ какъ въ территориальномъ отношеніи, такъ и по отношенію къ населенію. Въ XVII и XVIII ст. городской магистратъ германскаго города измѣнилъ свой характеръ лишь по отношенію къ своему содержанію, къ объему правъ, который былъ въ это время сильно уменьшенъ; но по составу своему, по принадлежности къ извѣстному слою населенія онъ остался все тѣмъ же: его члены выходили все изъ того же, экономически господствующаго, торгово-промышленнаго слоя населенія; сильно урѣзанная общинная, мѣстная власть осталась все въ тѣхъ-же рукахъ.

Петръ Великій хотѣлъ это состояніе городского устройства Германіи перенести на русскую почву, забывъ, что для этого пришлось бы измѣнить весь общественно-политическій строй почвы. Попытка сдѣлать изъ торгово-промышленнаго населенія „начальство, главу города“ совершенно не удалась, какъ попытка соединить несоединимое. Самый слабый намекъ на самоуправленіе, автономію города немислимъ въ обществѣ закрѣпощенномъ, тягло государственномъ, въ обществѣ, каждая отдѣльная часть котораго крѣпка определенной государственной службѣ, государственной обязанности. Самая мысль о главенствѣ одной такой части городского населенія надъ другой—результатъ не совсѣмъ разборчиваго заимствованія изъ „образцовъ“, результатъ совершеннаго незнанія исторіи развитія этихъ образцовъ, полнаго непониманія ихъ. Петръ хотѣлъ возвести русскій городъ на степень развитія западно-европейскаго, онъ хотѣлъ создать богатое и развитое торгово-промышленное населеніе; но онъ думалъ при этомъ, что и то и другое можетъ быть достигнуто безъ уклоненій съ той дороги, по которой шла до него общественно-политическая жизнь Россіи; онъ думалъ достигнуть желаемаго, не отрѣшаясь отъ вѣковой политики закрѣпощенія государству всѣхъ слоевъ его населенія. Законодатель былъ убѣжденъ, что достаточно его могучей энергіи, чтобы заимствованныя имъ формы заполнить содержаніемъ; ему казалось, что достаточно заимствовать изъ Европы вѣками сложившуюся организацію городского общества, его дѣленіе на классы; раздѣлить на эти классы однообраз-

ное по своему составу тяглое русское торгово-промышленное население, чтобы это население обратилось въ развитое, разнообразное по своему составу, общество. Внѣшнія формы городской административной машины неизбежно должны были повлечь за собою и внѣшнюю организацію перерабатываемаго этой машиной общества. Цеховая организація городского населенія Германіи перенесена въ Россію,—перенесена въ томъ ея состояніи, въ какомъ она находилась въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст., т. е. въ томъ состояніи, въ которомъ она представляла собою ужъ явленіе отжившее, тормозившее дальнѣйшее развитіе общества,—явленіе, вредъ котораго сознавали уже многіе умы того времени. Результатъ, притомъ уже отжившій свое время, Петръ принялъ за причину. Появляются цехи и гильдіи.

XXIX. ТАВЕЛЬ О РАНГАХЪ И ЕЯ ВЛІЯНІЕ.

(Изъ соч. Славутинскаго-Романовскаго: «О дворянствѣ въ Россіи».)

До Петра Великаго или, лучше сказать, до преобразовательной его дѣятельности въ началѣ XVIII вѣка, у насъ не существовало дворянства, въ смыслѣ отдѣльнаго сословія—общественной группы, члены которой связаны сознаниемъ единства общесловнаго интереса, надѣлены особыми правами въ отличіе отъ другихъ общественныхъ классовъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что въ общественномъ строѣ до-петровской Руси существовало полное фактическое равенство между членами общества. Равенства не было, но не было и привилегированнаго сословія. Были только царскіе чиновные люди. Они образовались изъ прежнихъ дружинъ княжескихъ, изъ потомства медиатизированныхъ князей Рюриковичей (кн. Одоевскіе, Горчаковы, Барятинскіе и др.) и пришлыхъ Гедиминовичей (Голицыны, Куракины, Трубецкіе и др.). Царскіе чиновные люди въ XVI и XVII столѣтіяхъ были надѣлены землями, сдѣланы помѣщиками, владѣльцами крѣпостныхъ крестьянъ. На нихъ положена была общая повинность—обязательная служба государству, но честь каждаго изъ нихъ была различна и коренилась не въ принадлежности къ одному и тому же сословію, но въ породѣ, въ отчествѣ. Поэтому, несмотря на общность повинности—обязательной службы государству, на общность интереса—владѣнія крѣпостными крестьянами, царскіе чиновные люди не составляли одинаго сословія, но существовали въ своемъ чиновномъ раздробленіи: бояринъ не имѣлъ ничего общаго съ окольнічимъ, а тѣмъ болѣе съ меньшими чинами, окольнічій съ думнымъ дворяниномъ, дворянинъ съ сыномъ боярскимъ и т. д.

Собирая повсюду разсыпанныя хранины и составляя изъ нихъ общественныя группы, Петръ Великій собираетъ въ одно цѣлое и царскихъ чиновныхъ людей. По отношенію къ нимъ онъ дѣлалъ то же самое, что и по отношенію къ городскимъ обывателямъ—купцамъ и ремесленникамъ. Сложивъ общественную группу, онъ давалъ ей иноземную организацію, укрепивалъ ее иноземнымъ терминомъ. Такъ, город-

скіе обыватели раздѣлились на гильдіи, ремесленники на цunftы. Для наименованія возникающаго новаго сословія не нашлось русскаго слова для гильдій, цunftовъ, ибо не существовало самыхъ понятій, словомъ этимъ выражаемыхъ.

Сословіе, образованное Петромъ Великимъ изъ царскихъ чиновныхъ людей, названо польско-нѣмецкимъ словомъ, заимствованнымъ родственнымъ намъ племенемъ изъ Германіи—шляхетствомъ. Такъ и называется нашъ высшій классъ въ первую половину XVIII вѣка. Названіе цѣлаго сословія дворянствомъ устанавливается уже во второй половинѣ XVIII столѣтія, преимущественно послѣ манифеста 1762 г. и комисіи 1767 г., и освящается жалованной дворянству грамотой. Это послѣднее наименованіе во всякомъ случаѣ болѣе подходило къ историческимъ особенностямъ въ образованіи нашего дворянства. Западно-европейскіе термины: nobility, noblesse, Adel, шляхетство—указываютъ совершенно на другой источникъ высшаго класса—породу, кровь. Отечественный же терминъ—дворянство, дворянинъ, прекрасно резюмируетъ прошлую исторію нашего высшаго класса: оно образовалось изъ дворян, придворныхъ чиновъ княжескихъ и царскихъ. Въ Московскомъ періодѣ дворянчизъ означалъ чинъ и притомъ низшій. Для чести боярина или околыничаго была бы „потерка“, еслибъ ихъ назвали дворянами. Между прочимъ, можетъ быть, и потому Петръ Великій позаимствовалъ польско-нѣмецкое слово для наименованія цѣлаго сословія, въ ряды котораго вошли и высокіе чины. И уже впоследствии, когда изгладилось изъ памяти, что дворянство означало одну изъ невысокихъ чиновныхъ степеней, это слово возрождается, распространяясь на все сословіе.

Старые чины продолжаютъ существовать не только во все продолженіе царствованія Петра Великаго, но и при первыхъ его преемникахъ—почти-что до второй половины прошлаго столѣтія. Табель о рангахъ этихъ чиновъ не упразднила, не переименовала ихъ въ новые классы, а оставила ихъ доживать свой вѣкъ.

Дѣло понятное! Табель о рангахъ построена была на совершенно новыхъ началахъ іерархическаго повышенія чиновниковъ—яа началахъ служебной годности, а повышеніе царскихъ чиновныхъ людей до Петра, даже по уничтоженіи мѣстничества, главнымъ образомъ основывалось на породѣ.

Но еще до изданія табели, Петръ Великій прекращаетъ возведеніе въ прежніе чины: въ 1695 г. повелѣно въ стольники, въ стряпчие и дворяне не возводитъ. Пожалованіе честию боярства Петра Апраксина въ 1709 г., возведеніе въ околыничіе Юшкава въ 1711 г.—послѣдніе примѣры пожалованія старыхъ чиновъ. Царь самъ проходилъ чины—но не боярина, не околыничаго, а сержанта, бомбардира и капитана; другъ царя А. Д. Меншиковъ, подобно другимъ птенцамъ Петра Великаго, также не подымался по лѣстницѣ старыхъ чиновъ, а получалъ чины новые, европейскіе. Эти новые чины начинаютъ входить въ употребленіе еще до табели о рангахъ. Мы говоримъ не о военныхъ чинахъ—генерала, бригадира, оберъ-офицерскихъ, которые появляются съ первыхъ лѣтъ прошлаго столѣтія, но о чинахъ, приуроченныхъ табелью къ должностямъ гражданскимъ. Послѣ Полтавы князь Гр. Долгорукій жалуется чиномъ тайнаго дѣйствительнаго совѣтника, бояр.

Мусинъ-Пушкинъ—тайнаго совѣтника. Высшія сословія уже начинаютъ поддаваться обаянію новыхъ чиновъ и иноземныхъ титуловъ—уже начинается зарождається то настроеніе общества, которое одинъ иностраннй наблюдатель такъ хорошо обрисовалъ словами: „въ Россіи нѣтъ джентльменовъ, но есть майоры, капитаны, ассессоры и регистраторы.“ Петръ Мат. Апраксинъ, пожалованный въ 1709 г. чстью боярства, просилъ государя въ 1715 г. о „наданіи“ ему графства и чина тайнаго совѣтника. Впрочемъ, наряду съ увлеченіемъ новинкой, мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ представителяхъ высшаго класса стойкую привязанность къ традиціи, привязанность къ старому чину, нежелаіе промѣнять его на новый: Вас. Фед. Салтыковъ оставался въ чинѣ стольника до 1730 г., предпочитая его чинамъ, установленнымъ Петромъ Великимъ.

Итакъ, старые чины не были официально отмиѣнены никакимъ указомъ; по крайней мѣрѣ, такового мы въ памятникахъ не встрѣчаемъ. Они начинаютъ вымирать сами собою, параллельно съ зарожденіемъ и развитіемъ новыхъ. Окончательное же упраздненіе ихъ находится въ связи съ уничтоженіемъ разряда, вѣдашаго прежнихъ чиновныхъ людей, и учрежденіемъ въ 1711 г. сената, который уполномоченъ былъ сказывать новые чины. Какіе же были эти чины и чѣмъ они отличались отъ прежнихъ? Для разрѣшенія этого вопроса—нѣсколько словъ о мѣстничествѣ.

Въ допетровской Россіи опредѣленіе къ должностямъ обуславливалось породой лица. Отъ породы зависѣло занятіе того или другого мѣста, должности. Отсюда и мѣстничество. Оно глубоко было укоренено въ нравы нашего служилаго класса, и господствовало не только въ высшихъ сферахъ, но и въ низшихъ: мѣстничались не только люди ближніе, породистые—бояре, околыничіе, но и люди новые, низшихъ чиновъ—дворяне, дѣти боярскіе. Случалось, что послѣдніе были челомъ государю, что съ такимъ-де служить не вмѣстно, что ему-де и послѣдній дворянинъ въ версту. Несмотря на отсутствіе сословной замкнутости, городовые дворяне и дѣти боярскіе иногда неохотно впускали въ свою среду чловѣка низшей породы.

Правда, и во время мѣстничества иногда случалось, что выдвигались впередъ люди незнатной породы, но милые царю—особенно въ царствованіе Алексѣя Михайловича: Ртищевъ, Ординъ-Нащокинъ, Матвѣевъ дьячій сынъ, достигшій боярства. Но это только случалось, и во всякомъ случаѣ было явленіемъ рѣдкимъ, нарушающимъ исконные порядки, оскорбляющимъ знатную породу. Думцы царя, столбы государства, выходили большею частью изъ однихъ и тѣхъ же фамилій,—это постоянно были Воротынскіе, Мстиславскіе, Голицыны и т. п. Даже по уничтоженіи мѣстничества, въ концѣ XVII вѣка, когда нельзя было явно мѣстничаться, служилые люди уклонялись отъ невмѣстныхъ по ихъ расчетамъ назначеній. „Мѣстничество было уничтожено“,—говоритъ кн. Щербатовъ,—„но порядокъ не заведенъ, ибо въ бояре и околыничіе производились по прежнему, по знатности родовъ, а не по заслугамъ, яко свидѣтельствуя многія родословныя, что изъ стольниковъ жаловали прямо въ бояре, и многіе младые люди великіе чины имѣли, яко кн. Ив. Юр. Трубецкой (послѣдній бояринъ) менѣе 20 лѣтъ бояриномъ былъ, а симъ и поручались важнѣйшія дѣла государства“.

Петръ Великій, напротивъ, бралъ для себя людей, не считаясь ни съ ихъ породою, ни даже съ національностью—бралъ единственно за ихъ служебную годность. И кого мы только не найдемъ между его птенцами? Какъ миенческія дружины нашихъ князей—витязей рекрутировались силачами и богатырями всѣхъ званій и странъ—и колбягами, и варягами, и Алешками Поповичами,—такъ и дружина Петра Великаго заключала въ своихъ рядахъ силачей и богатырей умственной силы и энергии изъ всѣхъ званій и народностей. Не говоря о знаменитомъ пирожникѣ, Александрѣ Меншиковѣ, правой рукѣ великаго преобразователя, большая часть птенцовъ Петра Великаго были люди не породы, но таланта: бар. Шафировъ—происхожденіемъ еврей, гр. Ягужинскій, первый генералъ-прокуроръ—сынъ кистера лютеранской церкви, гр. Девіеръ, первый генералъ-полиціймейстеръ—португальскій мальчишка, прислуживавшій на одномъ купеческомъ кораблѣ, и мн. др. Еще въ 1719 г. изданъ указъ о пресѣченіи мѣстничества и о порядкѣ старшинства между членами коллегій, „понеже за мѣста между совѣтниками коллегій предусматривалось быть неудовольствію, и отъ того и въ дѣлахъ бессовестно и многія разности.“ Указъ повелѣваетъ членамъ коллегій обращаться другъ съ другомъ со всякимъ согласіемъ и надлежащимъ почтеніемъ, а не сваромъ и укоривненнымъ словомъ, „понеже именными Его Великаго Государя указы прежде бывшей мѣсто и случай древнихъ несовмѣстностей весьма пресѣчены и до конца искоренены и старыя разряды вѣчно оставлены, а вмѣсто того славное безмѣстіе и прочность полезная на дѣла согласная... учреждена,“ поэтому порядокъ старшинства между членами коллегій долженъ опредѣляться временемъ назначенія каждаго изъ нихъ сенатомъ.

Окончательно же упразднить вліяніе на государственную службу породы, водворить начало годности лица и дать возможность каждому даровитому человѣку выдвинуться впередъ, каковы бы ни были его родъ и племя, Петру Великому удалось посредствомъ табели о рангахъ всѣхъ чиновъ, обнародованной 24 янв. 1722 г.

Въ настоящее время эта табель о рангахъ представляется анахронизмомъ, учрежденіемъ, отжившимъ свое время, но при своемъ появленіи она внесла новыя животворныя начала въ нашъ государственный строй. По духу своему она была поистинѣ демократическою: лѣстница въ 14 ступенекъ отдѣляла каждаго плебея отъ первыхъ сановниковъ государства, и ничто не возбраняло каждому даровитому человѣку, перешагнувъ эти ступеньки, добраться до первыхъ степеней въ государствѣ; она широко открыла двери, чрезъ которыя посредствомъ чина, «подлне» члены общества могли облагородиться, и войти въ ряды шляхетства. Слѣдствіемъ этого было то, что къ шляхетству постоянно приливали новыя силы изъ народа, и оно не могло, при всемъ своемъ стремленіи, замкнуться въ особую касту. Притомъ, дальнѣйшее законодательство о чиновнопроизводствѣ, какъ увидимъ ниже, уклонилось отъ первоначальной идеи табели о рангахъ. По идеѣ табели, ранги, т. е. чины, означали самыя мѣста, т. е. должности, помимо которыхъ они не имѣли никакого значенія, какъ внѣшніе почетные титулы. Такимъ образомъ, рангъ обуславливался должностію. Впослѣдствіи чины начинаютъ имѣть самостоятельное значеніе внѣшнихъ почетныхъ титуловъ, независимо отъ должностей: должность начинаетъ обуславливаться ран-

гомъ. Кромѣ того, воплнѣ демократическій характеръ табели нарушился тѣмъ, что для производства въ нѣкоторые чины для дворянства установлены сокращенные сроки. Во всякомъ случаѣ, влияніе табели на судьбы нашего дворянства огромно. Есть предположеніе, что ввести табель о рангахъ Петру Великому посоветовалъ Лейбницъ, его постоянный совѣтникъ, по мысли котораго были образованы у насъ и коллегии. Въ окончательной редакціи памятника принимали участіе сенаторы Головкинъ и Брюсъ, генераль-маіоры Матюшкинъ и Дмитріевъ-Мамоновъ. Первые же проекты ея писаны его собственною рукою, по образцамъ имѣвшимся у него въ переводѣ росписаній чиновъ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ. Табель о рангахъ подписана Петромъ Великимъ въ 1721 г., съ примѣчаніемъ: „сіе не публиковать и не печатать до сентября, дабы еще осмортѣться.“ Выѣстъ съ табелью въ сенатъ были посланы росписанія чиновъ французскихъ, прусскихъ, шведскихъ и датскихъ. Она разсматривалась въ сенатѣ, въ коллегіяхъ военной и адмиралтействѣ, и здѣсь предложены были измѣненія, касавшіяся помѣщенія разныхъ должностей въ высшіе ранги, на основаніи помянутыхъ иностранныхъ росписаній.

Табель о рангахъ легла краеугольнымъ камнемъ нашей государственной службы; влияніе ея на послѣдующія судьбы нашего государства неисчислимо. Какъ ни старалось послѣ нея наше шляхетство замкнуться въ отдѣльное сословіе, какъ ни обособлялось отъ народа, какъ ни усвоивало изящный жаргонъ с.-жерменскаго фобурга,—бюрократическое начало табели побывало аристократическое начало, такъ непослѣдствительно прививаемое къ нашему шляхетству правительствомъ и съ такою жадностію усвоиваемое высшими классами. Табель о рангахъ водворила въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ перевѣсъ чина надъ породой, обусловила чиномъ внѣшніе знаки почестей и отличій. Въ законодательствѣ Петра рѣдко-рѣдко прорывается уваженіе къ знатной породѣ, которая опредѣляла бы внѣшнее положеніе человѣка въ обществѣ. Напротивъ, еще до табели о рангахъ, въ 1712 г., Петръ повелѣлъ «сказать всему шляхетству, чтобы каждый дворянинъ во всякихъ случаяхъ (какой бы фамиліи ни былъ) почесть и первое мѣсто давалъ каждому оберъ-офицеру, и службу почитать и писаться токмо офицерамъ, а шляхетству (которые не въ офицерахъ) только то писать, куда развѣ посланы будутъ; а ежели кто противъ сего не почититъ офицера, положить штрафъ, третъ его жалованья». Табель окончательно опредѣляетъ социальное преимущество чина предъ породой: мѣста при богослуженіяхъ и придворныхъ церемоніалахъ обусловливаются рангами, а кто займетъ мѣсто выше своего ранга, или уступитъ его лицу ниже рангомъ, тотъ платитъ штрафъ—2 мѣсяца жалованья. Рангъ мужей распространяется на ихъ женъ; дѣвицы, которыхъ отцы выше рангомъ, преимуществуютъ предъ дамами, которыхъ мужья ниже рангомъ. Рангомъ опредѣляется нарядъ, экипажъ, число служителей.

Этого рода постановленія о рангахъ подтверждались и въ послѣдующія царствованія.

Табель о рангахъ обусловила рангами знаки внѣшнихъ отличій; она же породила и чиновный *point d'honneur*; въ оскорбленіи начинаютъ видѣть обиду не лицу, не сословію, но чину. Въ 1692 г. кн. Ромодановскій жаловался царямъ на Шеина, что онъ-де назвалъ князя

малогороднымъ человѣкомъ, худымъ князюшкой. Въ 1722 г. Гр. Оед. Долгорукій жаловался Петру на Ромодановскаго за «учиненный афронть характеру дѣйствительнаго тайнаго совѣтника», а членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ Степановъ—на подканцлера Шафирова: «я о моей персонѣ не говорю, только характеръ канцеляріи совѣтника не допускаеть не токмо побой, но и брани терпѣть».

Бюрократическое начало табели о рангахъ побивало аристократическое начало, развивавшееся въ шляхетствѣ; чинъ одолѣлъ породу. Этому не могли не замѣтить иностранцы, посѣщавшіе Россію. Шлецеръ въ своихъ письмахъ изъ Россіи говоритъ: «un gentilhomme n'est rien ici». Но зтотъ перевѣсъ бюрократическаго начала надъ аристократическимъ, чина надъ породой—былъ только въ принципѣ.

По принципѣ, конечно, Фуксъ, поварь императрицы Елизаветы Петровны, возведенный ею въ чинъ бригадира, или придворный карла Лука Честихинъ, котораго Екатерина I пожаловала въ майоры, или полковникъ Захаръ Зотовъ, бывший сначала камердинеромъ у Потемкина, а потомъ у Екатерины II, могли пользоваться большими виѣшними знаками отличія, чѣмъ кн. Голицыны или Куракины, если только послѣдніе нигдѣ не служили и не имѣли никакого чина. Но фактически шляхетство большей частью старалось занять, и дѣйствительно занимало, важнѣйшія должности въ государствѣ, имѣло первые чины, получаемые иногда при самомъ рожденіи. Отсюда только погоня шляхетства за чинами, на которую такъ жаловался кн. Щербатовъ: «разрушенное мѣстничество и незамѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ истребило мысли благородной гордости въ дворянахъ; ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги, и выслуги; итакъ, каждый сталъ, добиваться чиновъ, а не всякому удается прямыя заслуги учинить, то, за недостаткомъ заслугъ, стали стараться выслуживаться всякими образами, льстя и угождая государю и вельможамъ...» Шляхетство старалось удержатъ за собою почву, схвативъ чинъ и получивъ должность, надѣляющіе социальными преимуществами. Но если почва ускользала, если крупный чинъ доставался плебею, шляхетство передъ нимъ рабѣствовало. Это хорошо подтверждается отношеніемъ шляхетства къ Меншикову, Разумовскому и др. любимцамъ фортуны. «Упала древняя гордость дворянская»,—говоритъ кн. Щербатовъ, чуткій къ достоинству и чести своего сословія,—«видя себя управляема мужемъ, хотя достойнымъ, но изъ подлости происшедшимъ (Меншиковымъ), а мѣсто ея—рабѣство къ сему вельможѣ, могущему все».

Табель о рангахъ тѣмъ въ особенности побивала аристократическій принципъ шляхетства, что не давала ему замкнуться въ недоступную касту, но широко открыла доступъ въ это сословіе всѣмъ другимъ общественнымъ классамъ. Вѣрная нашимъ исконнымъ традиціямъ, она установила способы пріобрѣтенія дворянства чинами. Раздѣливъ чины по вѣдомствамъ на воинскіе (сухопутные, гвардейскіе, артиллерійскіе и морскіе) и статскіе и установивъ 14 ранговъ или классовъ этихъ чиновъ, табель узаконила, что дослужившійся до перваго оберъ-офицерскаго чина не изъ дворянъ по службѣ военной, вмѣстѣ съ дѣтьми его, рожденными по производствѣ въ чинъ—дворянинъ, и если у него не родится дѣтей по полученіи чина, а будутъ прежде рожденные, то отцу дозволяется просить о пожалованіи дворянства одному изъ нихъ.

Что касается чиновъ статскихъ и придворныхъ, то табель о рангахъ устанавливаетъ, что получившіе 8 первыхъ ранговъ по этимъ вѣдомствамъ, со всѣми своими законными дѣтьми, «въ вѣчныя времена лучшему старшему дворянству во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ равно почтены быть имѣютъ, хотя бы они и низкой породы были».

Такъ установился главнѣйшій способъ пріобрѣтенія лучшаго старшаго дворянства съ потомствомъ, которое поэтому въ законодательствѣ получило названіе потомственнаго, а въ общежитіи—столбоваго. Оберъ-офицерскій чинъ по военной службѣ и колл. ассессора по гражданской, давалъ права этого потомственнаго, столбоваго дворянства. Что касается прочихъ чиновъ, то о нихъ въ табели о рангахъ постановлено: «прочіе же чины, какъ гражданскіе, такъ и придворные, которые въ рангахъ не изъ дворянъ, оныхъ дѣти не суть дворяне».

Табель о рангахъ, такимъ образомъ, широко раскрыла дверь, чрезъ которую члены всѣхъ общественныхъ классовъ, при посредствѣ чина, могли входить въ шляхетство. Всѣ фейдрихи и констапели, а послѣдствіи прапорщики и мичманы и др. оберъ-офицерскіе чины съ ихъ потомствомъ, всѣ коллежскіе ассессоры съ ихъ потомствомъ сдѣлались потомственными дворянами; всѣ гражданскіе чины низшихъ 6 классовъ сдѣлались личными дворянами. Дворянство почти слилось съ офицерствомъ и бюрократіей. А вслѣдствіе постоянно возрастающей численности военныхъ силъ, число оберъ-офицеровъ постоянно увеличивалось; вслѣдствіе же развившейся системы административной централизаціи и опеки, число гражданскихъ чиновниковъ и выходящихъ изъ ряда ихъ коллежскихъ ассессоровъ также умножилось. Отсюда чрезвычайное размноженіе дворянства, а вслѣдствіе его размноженія, при системѣ дробленія наслѣдствъ, крайнее обѣднѣніе. Къ рюриковичамъ по происхожденію, въ богачамъ по состоянію, къ потомкамъ столбовъ государства, думцевъ великихъ князей и царей московскихъ, присоединились плебеи по крови, бѣдняки по состоянію, потомки совѣтниковъ губернскихъ правленій, пѣхотныхъ прапорщиковъ или кавалерійскихъ корнетовъ и составляли съ ними одну общественную группу, между правами и преимуществами членовъ которой не было никакой разницы по закону. Чистая аристократическая кровь болѣе и болѣе разбавлялась кровью крестьянской, мѣщанской и поповской; процентъ дворянства *de la vieille souche* въ цѣломъ сословіи болѣе и болѣе уменьшался.

Установивъ пріобрѣтеніе дворянства чиномъ, табель о рангахъ опредѣлила и другой способъ пріобрѣтенія его—пожалованіе монархомъ. Пожалованіе дворянства, помимо службы, до Петра Великаго не существовало; «изъ посадскихъ людей, и изъ поповыхъ, и изъ крестьянскихъ дѣтей, и изъ боярскихъ людей, дворянство не дается никому». Вовведеніе Минина, за его неоцѣненные услуги отечеству, въ чинъ думнаго дворянина едва ли не единственный примѣръ пожалованія до Петра, да иначе и быть не могло, такъ какъ дворянство было не сословіемъ, а чиномъ. Примѣненіе § 16 табели о рангахъ впервые случилось при Екатеринѣ I, которая въ 1726 г. пожаловала дипломъ на потомственное дворянство Акинфію Никитичу Демидову. Изъ этого диплома видно, что еще Петръ Великій намѣревался возвести въ дворянство родъ Демидовыхъ, но знаменитый основатель этого рода, Никита Де-

мидовичъ Демидовъ, изъ тульскихъ крестьянъ, отклонилъ это пожалованіе.

Установивъ способы приобрѣтенія дворянства, табель о рангахъ узаконила гербы. Мы говоримъ—узаконила, потому что до тѣхъ поръ не встрѣчаемъ никакого постановленія объ этомъ, хотя гербы начинаютъ прививаться къ нашимъ высшимъ классамъ еще въ XVII ст. На развитіе этихъ геральдическихъ претензій нашего дворянства вліяли иноземные образцы—въ особенности примѣръ рыцарства остзейскаго и шляхетства малороссійскаго, къ которому любовь къ геральдикѣ перешла изъ Польши. Народной же исторической почвы для дворянской геральдики у насъ не было, такъ какъ у насъ не было ничего подобнаго рыцарству западно-европейскому. Дворянство наше въ этомъ случаѣ только подражало аристократіи иноземной, а правительство, желавшее придать высшимъ классамъ иноземную форму, сочиняло и раздавало гербы. Что до Петра Великаго не было въ нравахъ нашего высшаго сословія употребленіе геральдическихъ эмблемъ, объ этомъ сохранилось прямое свидѣтельство Котошихина: «а грамотъ и гербовъ на дворянства ихъ (возводимыхъ въ чины) и на боярства никому не даетъ (царь), потому что гербовъ никакому человѣку изложить не могутъ... также и у старыхъ родовъ князей и бояръ, и у новыхъ, истинныхъ своихъ печатей нѣтъ, да не токмо у князей и бояръ и иныхъ чиновъ, но и у всякаго чину людей московскаго государства гербовъ не бываетъ, а когда случится кому къ какимъ письмамъ, и посламъ къ посольскимъ дѣламъ прикладывать печати, и они прикладываютъ у кого какая печать прилучилась, а не породная»... Въ восточной Россіи, такимъ образомъ, высшіе классы не вѣдали геральдики, не имѣли породныхъ печатей; малороссійское же шляхетство, какъ видно изъ грамотъ XVI ст., получало отъ польской короны клейноты и гербы шляхетскіе. А вліяніе малороссійской шляхетской интеллигенціи на высшіе классы восточной Россіи въ XVII ст. весьма усиливается: Симеонъ Полоцкій, пропитанный польскими шляхетскими идеями, обучаетъ Феодора Алексѣевича; ополяченные малорусскіе шляхтичи обучаютъ дѣтей русскихъ вельможъ конца XVII ст. И какъ ни различались по духу своему царскіе чиновные люди русскіе отъ шляхетства малороссійскаго и польскаго, какъ ни дивился, напримѣръ, варшавскій резидентъ XVII ст. Тяпкинъ, что въ Польшѣ «что жбанъ, то панъ»—вліяніе шляхетскихъ возрѣвій Польши начинаетъ проникать въ среду высшихъ служивыхъ людей—холоповъ царя московскаго. Кн. Голицынъ, кievскій губернаторъ начала XVIII ст., уже имѣетъ гербъ, воспѣваемый кievскимъ пѣнтой въ виршахъ «на старожитный клейнодъ сіятельныхъ князей Голицыныхъ», подобно тому, какъ тѣ же поэты въ виршахъ воспѣвали и гербъ Мазеи и три стрѣлы подъ дворянскою короною въ гербѣ Скоропадскаго. Въ началѣ XVIII в. употребленіе гербовъ дворянствомъ развивается уже до того, что нѣкоторые своевольно изобрѣтали себѣ гербы, а иные употребляли даже гербы коронованныхъ государей и знатнѣйшихъ аристократическихъ фамилій. Въ теченіе XVIII в. страсть къ геральдикѣ еще болѣе укореняется въ русскомъ дворянствѣ, и сатирическіе журналы поднимаютъ ее на смѣхъ. Необходимо было законодательству обратить вниманіе на эту развившуюся страсть дворянства къ геральдикѣ и регулировать употребленіе гербовъ.

На это обратила вниманіе табель о рангахъ. Она поручила герольд-мейстеру давать дипломы и гербы всѣмъ, дослужившимся до оберъ-офицерства какъ изъ дворянъ, такъ и не дворянъ, а не бывшимъ въ военной службѣ, которые могли доказать свое столѣтнее служилое достоинство.

Въ гербовникѣ мы встрѣчаемся съ дворянствомъ титулованнымъ. Откуда произошло оно? До Петра Великаго существовалъ одинъ титулъ княжескій. Онъ принадлежалъ рюриковичамъ, потомкамъ князей великихъ и удѣльныхъ (Одоевскіе, Горчаковы, Долгоруковы, Вяземскіе, Волконскіе, Рѣпнины, Щербатовы и т. д.) Гедиминовичамъ, потомкамъ великихъ князей литовскихъ (Хованскіе, Голицыны, Куракины, Трубецкіе и т. д.), князьямъ азіатскимъ, потомкамъ царей грузинскихъ, татарскихъ и горскихъ (Багратіоны, Имеретинскіе, Мещерскіе, Урусовы, Юсуповы и т. д.). Многие изъ этихъ князей захудали еще задолго до Петра Великаго. Когда Иванъ Грозный селилъ въ 1550 г. близъ Москвы дѣтей боярскихъ, раздавая имъ земли въ помѣстья, тогда по московскому списку записалось въ дѣти боярскіе 1500 человекъ, въ числѣ которыхъ довольно много было и изъ княжескихъ фамилій. Такимъ образомъ, тогда какъ нѣкоторыя княжескія фамиліи спустились до нижнихъ чиновъ, между знатнѣйшими фамиліями, изъ которыхъ преимущественно выходили бояре, мы встрѣчаемъ фамиліи не титулованныя: Морозовы, Шереметевы, Салтыковы, которыя были чиновнѣе даже такихъ знатныхъ княжескихъ фамилій, какъ Куракины, Долгоруковы, Ромодановскіе, Волконскіе и т. д.

Такимъ образомъ, если до Петра Великаго существовалъ какой-нибудь титулъ, то онъ былъ породный и вовсе не обусловливалъ положенія лицъ на лѣстницѣ служебной іерархіи: московская политика, напротивъ, состояла въ привиженіи Рюриковичей и Гедиминовичей. Пожалованіе же титуломъ отъ монарха не водилось. И дѣло понятное: какъ было создавать новыя титулованныя фамиліи, когда приходилось вести такую борьбу со старыми княжескими фамиліями, подчасъ припоминавшими, что онѣ когда-то были вольными и царю московскому не подданными? Но для Петра Великаго времена этой борьбы были сѣдой стариною; притомъ, какъ было Россіи, во всемъ старавшейся уподобиться Европѣ, не имѣть своихъ графовъ, своихъ бароновъ? И вотъ Петръ Великій, въ 1713 г., поручаетъ Гюйсену написать проектъ: о способахъ пожалованія графскаго, баронскаго и дворянскаго достоинствъ и о формѣ относящихся къ нимъ документовъ, а между прочимъ еще прежде начинаетъ жаловать иноземные титулы. Петру Великому слѣдуютъ всѣ его преемники.

Подъ 1694 г. мы встрѣчаемъ графа Мусина-Пушкина. По другимъ свѣдѣніямъ, первымъ русскимъ графомъ, да и то возведеннымъ въ это достоинство императоромъ германско-римскимъ Леопольдомъ I, въ 1701 г., былъ бояринъ Фед. Алек. Головинъ, бывший впоследствии президентомъ коллегіи иностранной, а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ и первымъ андреевскимъ кавалеромъ, получившимъ этотъ орденъ въ самый день его основанія. Затѣмъ въ графы Римской имперіи былъ возведенъ Гаврило Ив. Головинъ, кажется, въ 1702 г. Первые иноземные титулы русское дворянство начало получать отъ иноземныхъ же монарховъ. Но скоро Петръ Великій самъ началъ возводить въ титулъ графа: перваго зна-

менитаго Б. Переметева—въ 1706 г., затѣмъ Головинъ и Головкинъ—графы священной Римской имперіи, сдѣланы графами русскими, за ними слѣдуетъ Зотовъ—въ 1710 г., Апраксинъ—въ 1710 и 1722 г., Толстой—въ 1724 г. Впослѣдствіи, въ каждое новое царствованіе создаются и новыя графы. Княжескій титулъ былъ породнымъ титуломъ многихъ нашихъ дворянскихъ фамилій. Кн. Меншиковъ первый былъ возведенъ въ княжеское достоинство монархомъ: въ 1705 г. онъ былъ сдѣланъ княземъ Римской имперіи, а въ 1706 г. Петръ Великій возвелъ его въ свѣтлѣйшіе князья ижорскіе.

Займствовавъ иновѣрные титулы, мы займствовали и предикатъ ихъ, *Durcherlaucht*, *Erlaucht*, *Altesse*, *Excellence*. Пожалованные княжескими и графскими титулами съ Петра Великаго начали именоваться сіятельствомъ, свѣтлостію. Это было перенесено и на тѣ фамиліи, которыя имѣли породный княжескій титулъ, но которыя до Петра такъ не именовались. Свѣтлость (*Durcherlaucht*) сравнительно съ сіятельствомъ (*Erlaucht*) наименованіе болѣе почетное и специально дается монархомъ нѣкоторымъ княжескимъ фамиліямъ, которыя поэтому называются свѣтлѣйшими. Породныя княжескія фамиліи, а изъ пожалованныхъ Кочубей и Васильчиковъ—сіятельныя (*Erlaucht*), большая же часть пожалованныхъ, напримѣръ: Меншиковы, Салтыковы, Чернышевы, Воронцовы и т. д.—свѣтлѣйшія (*Durcherlaucht*).

Предикатомъ титулъ барона (вольный господинъ, по Котошихину:—отчего бы не боярина?), въ который также началъ возводить Петръ Великій, не пользуется. Наши первые бароны были Шафировъ въ 1710 г., и именитый человекъ Александръ Строгоновъ, которому въ 1722 г. было объявлено въ сенатѣ, что онъ пожалованъ барономъ, затѣмъ появляются бароны и въ послѣдующія царствованія. Титулъ этотъ мало уважался нашей аристократіей и большей частью жаловался финансовымъ и промышленнымъ именитостямъ иностраннаго происхожденія.

Мы прослѣдили различныя способы пріобрѣтенія дворянства. Различіе способовъ пріобрѣтенія обуславливало и фактическое различіе разрядовъ, на которые распадалось сословіе. Между этими разрядами не существовало никакихъ отличій юридическихъ, а, напротивъ, общность правъ и обязанностей распространялась по закону на все сословіе и на каждого его члена въ отдѣльности. Законъ не освящалъ особенностей разрядовъ дворянства, на которые оно расчленялось фактически. Царскими чиновными людьми до Петра Великаго, ихъ служебнымъ распорядкомъ завѣдывалъ разрядъ. Одновременно съ образованіемъ шляхетствъ, разрядъ былъ уничтоженъ, а вмѣсто него при сенатѣ учрежденъ разрядный столъ; съ окончательнымъ преобразованіемъ сената, немного раньше изданія таблицы о рангахъ, при немъ появляется должность герольдмейстера. Въ эту должность назначенъ былъ Колычевъ, который и прежде завѣдывалъ дѣлами дворянскими и служебными. При герольдмейстерѣ образуется цѣлое присутственное мѣсто—герольдмейстерская контора, съ отдѣленіемъ въ Москвѣ, а перваго герольдмейстера Колычева скоро смѣнилъ Плещеевъ. Для дворянства герольдмейстеръ пріобрѣлъ такое же значеніе, какое для царскихъ чиновныхъ людей имѣлъ разрядъ.

Одна изъ важнѣйшихъ обязанностей герольдмейстера, по инструкціи

1722 г., состояла въ томъ, чтобы знать наличную численность дворянства, разрѣшать сомнѣнія въ дворянскомъ достоинствѣ лица, завѣдывать нарядами и распредѣленіемъ дворянъ на службу.

Мы видѣли, что между царскими чиновными людьми до Петра не было сознанія единства интереса, связывающаго ихъ въ одну общественную группу, образующаго изъ нихъ замкнутое сословіе, обособленное отъ народа.

Петръ Великій, собирая повсюду разсыпанныя хранины, стягивая купцовъ и ремесленниковъ въ города, росписывая ихъ на гильдіи и цунфты, сдѣлалъ то же самое и относительно чиновныхъ людей. Бояръ, окольныхъ, думныхъ дворянъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, между которыми были и гедиминоичи и юриковичи, а послѣ замѣны старыхъ чиновъ новыми—всѣ чины военные и морскіе, гражданскіе отъ коллежскаго ассессора—онъ собралъ въ одну общественную группу, образовалъ сословіе—шляхетство, наложивъ на него обязанность службы въ полкахъ и канцеляріяхъ и обученія. Увлеченный образцами запада, онъ старался поднять новое сословіе до феодальной аристократіи, перенявъ у нея основной ея институтъ—майоратъ, дабы фамиліи—потомство прапорщиковъ и надворныхъ совѣтниковъ—не упали, но въ своей ясности непоколебимы были чрезъ славные и великіе дома. Но феодальное учрежденіе къ нашему дворянству не пришло, да и не могло прититься вслѣдствіе кореннаго отличія нашего дворянства отъ аристократіи западно-европейской. Но другія черты послѣдней начали развиваться въ дворянствѣ.

Самымъ качествомъ своего тягла, своихъ обязанностей къ государству, шляхетство было отличено отъ народа. Народъ тянулъ черную работу, шляхетство—служило и училось. Народъ сдѣланъ ревизскими душами, обложенными подушной податью и рекрутчиной. Для шляхетства, пожалуй, тоже были своего рода ревизскія сказки—герольдмейстерскіе списки; но этимъ спискамъ оно платило не подушную подать, но наряжалось на службу, распредѣлялось по полкамъ и канцеляріямъ, отдавалось въ школы. Чрезъ службу шляхетство дѣлалось благороднымъ, чрезъ обученіе—образованнымъ. Отличенное отъ народа качествомъ тягла, свободою отъ подушной подати и рекрутства, благородствомъ и обученіемъ, шляхетство начинаетъ отличаться и вѣншимъ видомъ—нѣмецкимъ платьемъ, бритою бородою, а впоследствии и языкомъ—нѣмецкимъ же и преимущественно французскимъ.

Въ поставленномъ, такимъ образомъ, новомъ сословіи начинается мало-по-малу развиваться сознаніе общесословнаго единства, сословной чести. Волинскій на предложеніе Салтыкова донести о бригадирѣ Козловѣ, распускавшемъ въ Казани разные слухи о московской перемѣнѣ въ 1730 г., отвѣчаетъ: „а чтобы мнѣ доносить и завязываться съ бездѣльниками, извольте отечески по совѣсти разсудить, сколь то не токмо мнѣ, но и послѣднему дворянину прилично и честно дѣлать.“

Дворянство внутри себя раздвоилось на аристократію и дворянство рядовое—среднее мелкое. Но это были его внутреннія отношенія. Въ отношеніяхъ же къ народу, къ недворянскимъ общественнымъ классамъ, оно сплочивалось и замыкалось въ отдѣльную общественную группу, противопоставившую себя народу, въ группу людей благородныхъ.

До Петра Великаго наши высшіе классы не были, да и не могли

быть благородными: только царское семейство было благороднымъ (хорошо-рожденнымъ), а всѣ остальные члены общества были прирожденными холопами царя—Васьками, Ивашками, Алешками и т. д. Съ Петра Великаго царское семейство начинаетъ принимать другіе титулы, а шляхетство, по примѣру иноземному, начинаетъ именоваться благороднымъ. Яковъ Влад. Брюсъ въ 1706 г. писалъ изъ Москвы директору московской типографіи, Василю Кипріянову: „Г. Кипріяновъ! Ежели въ какой твоей печати имя государя царевича (Алексія Петровича) помянетца, то тебѣ не надлежитъ писать великаго государя царевича благороднымъ, понеже во иныхъ странахъ всякой шляхтичъ знатной пишется благороднымъ, а надлежитъ писать Е. Ц. Высокость.“ Первое официальное наименованіе сословія благороднымъ произошло въ 1721 г., когда измѣнены титулы членовъ императорской фамиліи, и ихъ стали называть вмѣсто благородныхъ благовѣрными: „понеже титуловаться благородствомъ ихъ высочествамъ по нѣвѣстному употребленію низко, ибо благородство и шляхетству дается.“ Благороднымъ, высокоблагороднымъ—Wohlgeboren, Hochwohlgeboren называется остзейское рыцарство въ договорныхъ пунктахъ 1710 г. Малороссійское же шляхетство еще прежде называется польскими королями благороднымъ: король Янъ Казиміръ въ 1649 г. называетъ Богдана Бутовича благороднымъ. Табелъ о рангахъ дѣлаетъ всѣхъ худо-рожденныхъ хорошо-рожденными, если только они заслужатъ чинъ: право титуловаться благородіемъ получаютъ всѣ оберъ-офицеры. Имѣющіе штабъ-офицерскіе чины считаются весьма хорошо-рожденными и получаютъ титулъ высокоблагородія. Послѣ этого присвоенія благородства чину, оно начинаетъ присвоиваться всѣмъ корпусомъ шляхетства. Дворяне сдѣлались благородными, остальной народъ подлымъ.

Но благородные, одѣтые Петромъ въ нѣмецкій кафтанъ, обрившіе по его указу бороды и отдѣлившіеся такимъ образомъ и вѣдшимъ видомъ своимъ отъ народа, болѣе и болѣе проникаются западно-европейской, феодальной точкой зрѣнія на него, какъ на людей другой, низшей породы, черной кости, грязной крови. Такая точка зрѣнія нашего дворянства несомнѣнно развивалась подъ влияніемъ иноземщины. Еще неотразимѣе вліяніе нѣмецко-дворянскихъ воззрѣній, проводникомъ которыхъ явилось у насъ высокоблагородное рыцарство остзейское, подобно тому какъ шляхетная Польша аристократизировала малороссійскую старшину. Наплывъ нѣмцевъ въ государственную службу былъ также силенъ въ началѣ XVIII вѣка, какъ и наплывъ аристократической легитимистской эмиграціи изъ Франціи въ концѣ его. Ряды высшихъ чиновъ военныхъ и гражданскихъ были замѣнены множествомъ нѣмцевъ. Въ 1717 г. была переведена съ нѣмецкаго языка весьма поучительная книжка „Юности честное зерцало или показаніе къ житіюскому обхожденію.“ Книжка имѣла много изданій. Она поучала русскаго шляхетство видѣть въ слугахъ не людей, но существъ другой породы, чѣмъ ихъ господа: „нѣтъ того мерзостнѣе, какъ убогой слуга.“ Сообразно такой школѣ, слагаются и воззрѣнія шляхетства на прочіе классы общества. Коновъ Зотовъ пишетъ изъ Франціи Петру въ 1715 г.: „подлый не думаетъ болѣ, какъ бы чрево свое наполнить.“

При такомъ раздвоеніи общества на людей благородныхъ и подлыхъ, при воззрѣніи на послѣднихъ, какъ на служебныхъ тварей—дру-

гой плоти, кости и крови, понятно стремление шляхетства усвоить употребление иноземнаго языка, на которомъ не говорятъ подлые люди, стремление воспитывать дѣтей въ благородныхъ учебныхъ заведеніяхъ, доступъ въ которыя закрытъ для не-дворянъ.

Де-ла-Невилъ, пріѣзжавшій въ Россію въ концѣ XVII ст., указываетъ на кн. Вас. Лук. Долгорукова, какъ на единственнаго русскаго, говорившаго по-французски въ 1689 г. Въ началѣ XVI в. Петръ Великій приневоливалъ шляхетство къ изученію иностранныхъ языковъ и обученію имъ дѣтей. „Юности честное зерцало“ поучало, что „младые шляхетскіе отроки должны всегда между собою говорить иностранными языками, дабы можно было ихъ отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать, дабы можно было имъ говорить такъ, чтобы слуги ихъ не понимали.“ Шляхетство начинаетъ входить во вкусъ иностранныхъ языковъ. По словамъ Берхольца, молодой Головинъ, сынъ канцлера, очень хорошо говорилъ по-французски, по-англійски и на др. языкахъ. Изъ записокъ Неплюева видно, что кн. Салтыкова такъ хорошо владѣла французскимъ языкомъ, что въ 1727 г. по-французски отвѣчала на привѣтствіе посланника.

Изученіе иностранныхъ языковъ явилось великимъ орудіемъ просвѣщенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и проводникомъ феодальныхъ сословныхъ возврѣній и способствовало разединенію общественныхъ классовъ.

І. ЧИНОПРОИЗВОДСТВО ВЪ ЭПОХУ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Изъ соч. Евреимова: «Гражданское чиновничество въ Россіи», приложение къ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1887 годъ).

Первоначально Петръ Великій при производствѣ въ чины слѣдовалъ системѣ своихъ предшественниковъ, при чемъ бывали случаи, что чины жаловались не исключительно за личныя заслуги, но также во вниманіе къ службѣ родственниковъ. Такъ, по именному царскому указу двинскій воевода въ 1698 году, стольникъ Андр. Арт. Матвѣевъ, за службу отца его, боярина Арт. Серг. Матвѣева, пожалованъ въ окольничіе. Съ отдѣленіемъ гражданскихъ должностей отъ военныхъ, прежніе чины продолжали жаловаться царемъ только лицамъ, занимавшимъ гражданскія должности, и это продолжалось до введенія табели о рангахъ 1722 года. Такъ, мы видимъ, что въ 1711 году, въ бытность царя въ Эльбингѣ, пожалованъ изъ стольниковъ въ окольничіе Алексѣй Александровичъ Юшковъ; въ числѣ лицъ, подписавшихъ приговоръ о смертной казни царевичу Алексѣю, встрѣчаемъ подписи бояръ Алексѣя Салтыкова и Петра Бугурлина. Со введеніемъ табели о рангахъ древніе чины уничтожены, однако нѣкоторые изъ пожалованныхъ въ такіе чины до того времени; удерживали прежнія званія, по крайней мѣрѣ, извѣстно, что князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой носилъ до своей смерти въ 1750 году званіе боярина. Переходимъ къ самой табели. Мысль объ измѣненіи дѣйствовавшей системы чиновничества возникла у Петра Великаго одновременно съ примѣненіемъ къ Россіи западно-европей-

скихъ правительственныхъ учреждений. Заимствуя для Россіи вмѣстѣ съ заграничными учреждениями и самыя названія какъ учреждений, такъ и входящихъ въ оныя должностей, преобразователь не могъ при этомъ не остановить вниманія и на существовавшее тамъ особое, установленное закономъ, соотношеніе между разными должностями не только одного и того-же вѣдомства, но и другихъ вѣдомствъ, съ присвоеніемъ каждой должности извѣстнаго ранга съ извѣстными правами. Зародившаяся мысль выразилась первоначально, какъ это обыкновенно случается, въ частныхъ распоряженіяхъ. Сперва эти распоряженія касались отдѣльныхъ случаевъ, преимущественно при приѣмахъ при дворѣ, при общественныхъ собраніяхъ и при особыхъ торжественныхъ случаяхъ въ частномъ быту (крестинахъ, бракосочетаніи). Въ 1712 году эти распоряженія распространяются на все дворянство, по отношенію собственно къ военному сословію. Этимъ указомъ повелѣно: сказать всему шляхетству, чтобы каждый дворянинъ во всякихъ случаяхъ, какой бы фамиліи ни былъ, почеть и первое мѣсто (если самъ не имѣлъ военнаго чина) давалъ каждому оберъ-офицеру. Это постановленіе ясно уже указывало на желаніе законодателя установить на этомъ началѣ, въ видѣ общей мѣры, все государственное управленіе,—установить ранги по всѣмъ вѣдомствамъ. На сей конецъ собраны были дѣйствовавшія, по этому предмету, въ то время законоположенія въ Швеціи, Франціи, Пруссіи, Даніи, Англии, а также въ Польскомъ королевствѣ и венеціанской республикѣ. Изъ этихъ законоположеній, переведенныхъ на русскій языкъ, въ основаніе проэктированной для Россіи таблицы о рангахъ, приняты постановленія первыхъ пяти державъ, въ самой-же системѣ приняты во вниманіе преимущественно постановленія датскія и въ особенности прусскія, какъ наиболѣе опредѣленныя и обнимавшія предметъ во всей ихъ совокупности, тогда какъ подобнаго систематическаго положенія въ Швеціи, Франціи, Англии не было. Изъ датскихъ законоположеній приняты въ соображеніе постановленія, изданныя 11 февраля 1699 года и 11 февраля 1717 года. По обимъ этимъ постановленіямъ всѣ должности подраздѣлены на девять ранговъ (разрядовъ), но каждый изъ этихъ ранговъ подраздѣляется еще на нѣсколько отдѣльныхъ степеней, должностей, при чемъ показаны особо и женскіе ранги, каковыхъ было 23.

Изъ прусскихъ законовъ приняты въ соображеніе также два постановленія, изданныя—первое въ 1705 и второе въ 1713 году. Въ первомъ изъ этихъ указовъ, при которомъ приложено росписаніе должностей по классамъ, изъяснено, что это росписаніе издано «для упрежденія всякихъ помѣшательствъ и ссоръ о степени между (королевскихъ) служителей, при чемъ (служащіе) должны быть почитаемы не по какому либо расположеніямъ, но токмо по чинамъ, которыхъ они имѣютъ достоинство». Приложенное къ этому указу росписаніе отличается чрезвычайнымъ обиліемъ, имѣя до 130 названій, что, впрочемъ, происходило оттого, что въ немъ перечислены въ извѣстной градаціи всѣ должности, начиная отъ высшихъ до самыхъ низшихъ, при чемъ вошли въ общее росписаніе и всѣ военные чины и духовныя. Росписаніе 1713 года значительно сокращено противъ предшествовавшаго; въ него не вошли многія мелкія канцелярскія должности, а равно и должности и чины духовныя, и самое росписаніе имѣетъ только 47 наименованій. Всѣ собранные матеріалы препровождены были въ кабинетъ 13 декабря 1719 года. Изъ

этихъ матеріаловъ составлены были подробный сводъ и сравнительная таблица правительственныхъ должностей и чиновъ французскихъ, датскихъ, английскихъ, шведскихъ и прусскихъ. Въѣсть съ тѣмъ по высочайшему повелѣнію были также составлены: показаніе древнихъ російскихъ чиновъ гражданскихъ и придворныхъ съ изъясненіемъ каждаго и перечень всѣхъ вновь-учрежденныхъ должностей, — и запислѣя работа. Сначала приступлено было къ переименованію московскихъ придворныхъ должностей въ соотвѣтствующія иностранныя. Затѣмъ началось проектированіе табели о рангахъ. Такъ какъ въ то время изъ воинскихъ чиновъ наибольшее число было по сухопутнымъ войскамъ и составляло 13, то примѣнительно къ этому и всѣ должности, по общему гражданскому вѣдомству и по придворному, раздѣлены на 13 разрядовъ, при чемъ каждый разрядъ заключалъ въ себѣ нѣсколько должностей. Вѣроятно, самая цифра 13 признавалась неудобною, такъ что самая табель явилась уже съ 14 разрядами, но изъ этихъ разрядовъ къ XI разряду отнесена только одна должность и то лишь по одному вѣдомству—морскому, именно корабельныхъ секретарей, взаменъ чего въ послѣднемъ разрядѣ, XIV, ни чина, ни должности по морскому вѣдомству вовсе не показано, такъ что въ дѣйствительности сохранялись тѣ же 13 ранговъ. Кто-же составилъ табель о рангахъ? Историкъ Соловьевъ говоритъ, что въ январѣ 1722 года двое сенаторовъ, Головкинъ и Брюсъ, и двое генераль-майоровъ, Матюшкинъ и Дмитріевъ-Мамоновъ, сочинили табель о рангахъ. Но если принять лишь во вниманіе, что табель была закончена значительно ранѣе указаннаго Соловьевымъ времени, то ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться съ его мнѣніемъ. Есть другое и болѣе вѣроятное предположеніе, что первоначальное начертаніе табели, въ самомъ, впрочемъ, краткомъ и не полномъ видѣ, принадлежитъ перу графа Остермана. Но кто бы ни былъ составителемъ проекта табели о рангахъ, несомнѣнно, однако, то, что въ составленіи этой табели непосредственное и самое живое, дѣятельное участіе принималъ лично Петръ Великій. Въ кабинетныхъ дѣлахъ Петра Великаго имѣются писанные начерно первые проекты по этому предмету и эти проекты писаны собственноручно Петромъ. Но и по составленіи табели и переписки проекта набѣло, табель исправлялась и дополнялась также собственноручно Петромъ. Почти одновременно съ табелью о рангахъ составлялись и особые пункты для руководства при введеніи табели. И въ сочиненіи этихъ пунктовъ видны также непосредственныя указанія государя, при чемъ нѣкоторые пункты писаны собственноручно-же великимъ преобразователемъ. Составленная затѣмъ табель о рангахъ была подписана Петромъ въ Петербургѣ 1 февраля 1721 года съ такимъ примѣчаніемъ: «Сіе не публиковать и не печатать до сентября мѣсяца, дабы еще осмотрѣться, ежели что переимѣнить, прибавить или убавить, о чемъ надлежитъ въ сенатѣ, во время сей отсрочки думать: такъ-ли быть всѣмъ чинамъ или которые переимѣнить и какъ? И свое мнѣніе къ сентябрю изготавить, а особливо о тѣхъ чинахъ, статскихъ и дворовыхъ, которые отъ ранга генераль-майора и ниже, также и о ихъ жалованьѣ, кому какое надлежитъ, противъ ли ранга служивыхъ, которые съ кѣмъ въ одномъ классѣ, или меньше, или инымъ больше, такожь свое мнѣніе на письмѣ изготавить». Въ сенатѣ табель о рангахъ разсматривалась съ формальной лишь стороны; дѣлалось сравненіе проектированныхъ ранговъ должностей

съ соответственными рангами таковыхъ должностей въ иностранныхъ государствахъ, и на основаніи этого сравненія полагалось повысить ту и иную должность въ рангѣ. А въ заключеніе сенатъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы и лицамъ, сохранявшимъ прежніе званія и чины, опредѣлить, по ихъ животу, противъ другихъ ранги, «ибо въ Россіи изъ тѣхъ чиновъ нынѣ опредѣлены и впредь опредѣляемы быть имѣютъ въ губернаторы, въ вице-губернаторы, въ воеводы (всѣ сіи должности не вошли въ ранги) и ежели ранги имъ будутъ не опредѣлены, то отъ подчиненныхъ имъ будетъ не безъ противностей». Это послѣднее ходатайство весьма знаменательно, ибо указываетъ на взгляды птенцовъ Петра на прежній государственный строй.

По разсмотрѣніи настоящаго мнѣнія сената нѣкоторые изъ предложеній сената приняты были во вниманіе; многія же оставлены были безъ уваженія, въ томъ числѣ и ходатайство о присвоеніи древнимъ чинамъ извѣстнаго ранга, и затѣмъ, по исправленіи табели, послѣдовало въ Преображенскомъ, 24 января 1722 года, высочайшее утвержденіе, за собственноручнымъ подписаніемъ императора: «табелъ о рангахъ всѣхъ чиновъ воинскихъ, статскихъ и придворныхъ, которые въ которомъ классѣ чины; и которые въ одномъ классѣ, тѣ имѣютъ по старшинству времени вступленія въ чинъ между собою, однакожь воинскіе выше прочихъ, хотябъ и старѣе, кто въ томъ классѣ пожалованъ былъ» и «ко учрежденной вышеобъявленной табели ранговъ, прилагаются сіи пункты, каковымъ образомъ со оными рангами каждому поступать надлежитъ».

При расположеніи равныхъ должностей по рангамъ принята была въ соображеніе преимущественно датская система, а въ изложеніи пунктовъ слѣдовали законоположеніямъ какъ датскимъ, такъ и въ особенности прусскимъ. Соответственно симъ законоположеніямъ и по пунктамъ устанавливалось строгое почитаніе высшаго ранга низшимъ, а «кто выше ранга будетъ себѣ почести требовать, или самъ возьметъ выше даннаго ему ранга», тотъ подвергался за каждый случай въ штрафъ— «вычету двухмѣсячнаго жалованья, а съ служащаго безъ жалованья берется такой штрафъ, какъ жалованье тѣхъ чиновъ, которые съ нимъ равнаго ранга и дѣйствительно жалованье получаютъ; равный-же штрафъ и тому слѣдуетъ, кто кому ниже своего ранга мѣсто уступить, и чего надлежало фискаламъ прилежно смотрѣть, дабы тѣмъ охоту подать въ службѣ и онымъ честь, а не нахамъ и туеядцамъ получать». Этотъ штрафъ распространялся и на женскій полъ, подведенный также подъ ранги, соответственно занимаемой ими придворной должности, а буде таковой не имѣютъ, то по рангамъ, присвоеннымъ ихъ мужьямъ и отцамъ. Почитаніе лицъ по рангамъ, не касаясь лишь нѣкоторыхъ «оказій», когда нѣкоторые, «яко добрые друзья и сосѣди съѣдутся въ публичныхъ ассамблеяхъ» (особенно поощрявшихся Петромъ), распространялось на остальные публичныя оказіи. Такъ, кромѣ дворцовыхъ церемоній и при аудіенціи пословъ, такое почитаніе должно быть выражаемо при торжественныхъ столахъ, въ чиновныхъ сѣздахъ, при бракахъ, при крещеніяхъ, погребеніяхъ и даже въ церквахъ при службѣ Божіей. Каждому рангу присвоивался также и извѣстный костюмъ, упряжь и одежда для прислуги, и хотя о семъ лишь милостиво напоминалось, тѣмъ не менѣе,

какъ видно изъ заключительныхъ словъ пунетовъ, всё по онимъ должны были поступать и штрафованія и вѣдшаго наказанія остерегаться.

Подобныя правила о почитаніи по рангамъ существовали, какъ выше указано, въ Даніи и въ особенности въ Пруссіи, но тамъ извѣстные почести и даже титулы присвоены были извѣстной должности, такъ что съ оставленіемъ такой должности лица не пользовались уже такими почестями, а тѣмъ менѣе высшими правами состоянія противъ тѣхъ, какія они до того имѣли, за исключеніемъ случаевъ, когда такія права были особенно пожалованы королемъ. Совершенно обратно поступилъ Петръ Великій. Желая возвысить гражданское вѣдомство, а съ другой стороны предоставить преимущества только тѣмъ лицамъ (не взирая на права ихъ состоянія), которыя оказали лично сами, а не ихъ предки, заслуги предъ престоломъ и отечествомъ, Петръ предоставляетъ лицамъ, по занимаемой или занимавшейся ими должности (за немногими лишь исключеніями), извѣстныя права состоянія, если эти лица до того высшихъ правъ не имѣли, съ распространеніемъ таковыхъ правъ и на ихъ потомство. Но подобное соединеніе особыхъ преимуществъ съ должностью представляло на первыхъ же порахъ большія неудобства. Извѣстна та строгая и вполнѣ необходимая при повышеніи постепенность, которая соблюдается въ военной службѣ, но чѣмъ войско малочисленнѣе, тѣмъ труднѣе достигать и высшихъ ранговыхъ почестей и высшихъ правъ состоянія. Между тѣмъ, по значительному количеству гражданскихъ должностей, а вслѣдствіе сего и болѣе частаго открытія вакансій, и по самому характеру этихъ самыхъ должностей, требующихъ извѣстныхъ познаній и способностей, лица даровитыя могли быстро подвигаться по іерархической служебной лѣстницѣ и, начавъ одновременно службу съ лицами, поступившими въ войска, должны были повышаться въ рангахъ и пользоваться особенными преимуществами несравненно скорѣе, чѣмъ ихъ военные сверстники, и даже скорѣе служащихъ значительно долѣе ихъ въ войскахъ. Подобное явленіе не могло входить въ предположенія Петра, ставившаго военную службу во всѣхъ отношеніяхъ выше гражданской, а между тѣмъ бывали случаи, когда представлялось совершенно необходимымъ и лицамъ, мало еще служащимъ, дать повышеніе въ должностяхъ. При этомъ естественно возникалъ вопросъ, какъ поступать съ подобными лицами въ данномъ случаѣ, слѣдуетъ-ли давать имъ преимущества, рангу должности присвоенной. На этотъ вопросъ въ пунктахъ къ табели находимъ положительное разрѣшеніе. «Было бы оскорбительно воинскимъ людямъ, которые во многія лѣта и какою жестокою службою (чинъ) получили, а увидятъ безъ заслуги себѣ равнаго или выше; того ради, кто въ который рангъ и возведенъ будетъ, то ему рангъ заслуживать лѣтами, какъ слѣдуетъ»... Изъ этого постановленія вытекаютъ два слѣдующія новыя правила по гражданской службѣ, а именно: первое, что для повышенія въ должности должны быть установлены особенные сроки выслуги, и второе (весьма важное), что не всегда по должности слѣдовало предоставлять и всѣ права, присвоенныя ей рангу и, такимъ образомъ, рангъ какъ бы отдѣлялся отъ должности. Что касается до перваго правила, то оно вполнѣ было согласно со всѣми распоряженіями Петра и съ духомъ самого законоположенія; напротивъ, второе вовсе не соотвѣтствовало видамъ императора. Признавая, что «нужда необходимая» потребовала временно предоставить высшія долж-

ности (чины) некоторымъ дворянамъ, неудовлетворявшимъ законнымъ требованіямъ къ занятію таковыхъ должностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ принятію вышеупомянутой противъ такихъ лицъ мѣры (лишеніе ихъ права пользоваться ранговыми преимуществами, по должности присвоенными),—Петръ, для устранения этого на будущее время постановляетъ за основаніе слѣдующія правила, а именно: занятіе должностей въ строгой постепенности, начиная съ самой низшей должности, причемъ назначать въ должности непременно изъ служащихъ того-же учрежденія, гдѣ открылась вакансія («дабы впредь на вакансіи не со стороны хватать»), а чтобы не было недостатка въ подготовленныхъ къ занятію должности лицахъ, предписывается имѣть въ каждой коллегіи извѣстное число молодыхъ людей изъ дворянъ (коллегіи юнкеровъ), получившихъ специальное научное образованіе (въ учрежденной при сенатѣ школѣ). Эти-то лица, по приобрѣтеніи практическихъ свѣдѣній въ дѣлопроизводствѣ, и предназначались къ занятію на открывающіяся вакансіи, а впоследствии имъ только однимъ отерывался доступъ и къ самымъ высшимъ должностямъ («кромѣ сего пути никто въ высшій градусъ и до министерскаго чина произведенъ быть не можетъ»). Изъ этихъ-же постановленій ясно видно, что для занятія высшихъ должностей Петръ предназначалъ, какъ общее правило, единственно дворянъ, а учрежденіемъ при высшихъ учрежденіяхъ (коллегіяхъ) коллегіи юнкеровъ также изъ дворянъ преграждался почти совершенно доступъ въ высшія учрежденія лицъ, не принадлежащихъ къ дворянству, и потому, если такія лица и могли достигать должности 8 класса и выше и воспользоваться высшими правами состоянія, то подобныя случаи могли быть рѣдки, какъ исключеніе, въ виду полученнаго ими высшаго образованія или особыхъ заслугъ, такъ что и въ этомъ отношеніи табель о рангахъ, слѣдующая мысли законодателя, не могла бы существенно вліять на размноженіе у насъ дворянскаго сословія.

Возвышая гражданскую службу посредствомъ табели о рангахъ, Петръ, въ видахъ вѣдшаго поощренія къ службѣ и дабы вкоренить еще болѣе нравственный элементъ въ служащихъ, не отказался и отъ принятой въ московскомъ государствѣ системы награжденія служащихъ особенными знаками отличія, особенными званіями. Къ этимъ отличіямъ, специально присвоеннымъ служащимъ по гражданскимъ управленіямъ, относилось и награжденіе ихъ гражданскими чинами. Такихъ чиновъ установлено было Петромъ весьма немного; такъ, первоначально явилось только два гражданскихъ чина, заимствованные изъ датскаго и прусскаго королевствъ, именно: чины дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и тайнаго совѣтника; впоследствии же указомъ 7 мая 1724 г. къ этимъ чинамъ присоединены еще два чина — дѣйствительнаго статскаго совѣтника и статскаго совѣтника. Награжденіе чинами Петръ Великій считалъ за особую высшую царскую милость, жалующую служащимъ по гражданскому вѣдомству лишь за особня, выдающіяся изъ ряда, заслуги престолу и отечеству. При такомъ взглядѣ Петръ награждалъ чинами очень рѣдко и преимущественно лицъ занимающихъ высшія должности, дающія дѣйствительную возможность оказывать заслуги, достойныя особаго царскаго вниманія. Могли быть оказаны подобныя заслуги и лицами, не занимавшими высшихъ должностей, но такія заслуги должны быть столь выдающимися, выходящими

изъ ряда, что самая заслуга выдвигала подобныя лица изъ общаго уровня на высшее положеніе, высшее мѣсто. Согласно такому воззрѣнію, учрежденнымъ Петромъ чинамъ должны были быть предоставлены и особенныя отличія и притомъ отличія весьма значительныя, какъ выражающія знакъ особаго царскаго вниманія, и мы видимъ, что чинамъ даются по табели высшіе ранги, а именно: дѣйствительному тайному совѣтнику II, тайному совѣтнику—сперва IV, а потомъ III, затѣмъ, чинамъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и статскаго совѣтника, учрежденнымъ по изданіи уже табели о рангахъ въ 1724 году, «учинены» ранги первому IV, а послѣднему V. Историкъ Соловьевъ, указывая, что табель о рангахъ составляетъ, по отношенію къ гражданскому вѣдомству, лишь подведенеіе должностей подъ разряды или классы, упоминаетъ о чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и находитъ, что это не былъ чинъ въ нашемъ значеніи слова, но что дѣйствительные тайные совѣтники на самомъ дѣлѣ были членами тайнаго совѣта, собиравшагося обыкновенно для обсужденія важныхъ, преимущественно иностранныхъ дѣлъ. При этомъ историкъ ссылается на рассказы современниковъ, что, когда Петръ хотѣлъ возвести въ дѣйствительные тайные совѣтники графа Брюса, то послѣдній самъ отказался отъ этой чести, представивъ, что хотя онъ и вѣрный подданный, но иновѣрецъ. Противъ этого предположенія достаточно замѣтить, что тайный совѣтъ при Петрѣ не былъ официально утвержденъ и признанъ, почему и самая должность тайнаго совѣтника не могла стать гласною и войти въ табель о рангахъ, но если и допустить означенное предположеніе, то откуда-же затѣмъ явились, кромѣ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, еще особые тайные совѣтники и какое было различіе между тою и другою должностью? Не касаясь затѣмъ чиновъ послѣдующихъ, учрежденныхъ по изданіи уже табели о рангахъ и подраздѣленныхъ, по примѣру тайныхъ совѣтниковъ, также на два разряда, на дѣйствительныхъ и просто статскихъ совѣтниковъ, и въ которымъ еще менѣе можетъ относиться предположеніе Соловьева, такъ какъ самаго наименованія государственнаго совѣта, въ числѣ Петровыхъ учреждений какъ тайныхъ, такъ и официально признанныхъ, вовсе уже не существовало,—и останавливаясь вновь на самой табели, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, что къ III разряду (рангу) отнесены по табели кавалеры ордена св. Андрея Первозваннаго, а ужъ этотъ орденъ никакъ не можетъ быть причисленъ къ должностямъ. Впрочемъ, въ подтвержденіе того, что упомянутые совѣтники составляли не должности, а особые чины, въ смыслѣ почетнаго званія, мы имѣемъ положительныя на то данныя. Въ представленной Петру выпискѣ изъ постановленій иностранныхъ государствъ о существовавшихъ тамъ въ то время разныхъ должностяхъ, коснувшись должности совѣтниковъ и указавъ всю пользу отъ нихъ для службы, вмѣстѣ съ тѣмъ добавлено: «многжды князья и государи за учиненныя услуги такими титулами—рангами и честнымъ именемъ, яко совѣтникомъ награждаютъ». Извѣстно также, что внесенные въ табель о рангахъ дѣйствительные и тайные совѣтники составляли въ то время почетные титулы въ нѣкоторыхъ государствахъ (Даніи, Пруссіи),—описание ранговъ которыхъ представлено было Петру,—да и самъ государь, задолго еще до утвержденія табели, награждалъ нѣрѣдко упомянутыми званіями. Кромѣ того, въ томъ же описаніи ранговъ въ ино-

странныхъ государствахъ, показаны чины военные и морскіе, чины гражданскіе, должности по военному, придворному и гражданскому вѣдомству и ордена,—и каждому изъ наименованій данъ извѣстный рангъ и опредѣлено соотвѣтствіе его къ другимъ. Точно та же самая система принята и въ нашей табели о рангахъ и, согласно сему, табелью подведены подъ извѣстные классы четыре собственно категоріи служебныхъ отличій, а именно: во-первыхъ—чины военные, во-вторыхъ—гражданскія должности (по общегражданской службѣ, придворной, военного и морскаго вѣдомства), въ-третьихъ—чины гражданскіе и въ-четвертыхъ—ордена; и всѣ эти категоріи, по приложеннымъ къ табели о рангахъ «пунктамъ», носятъ одно общее наименованіе чина, но выраженіе «чинъ» въ московскомъ государствѣ и при Петрѣ Великомъ имѣло не вполне то значеніе, подъ которымъ оно стало пониматься въ послѣдующее время. Въ московскомъ государствѣ независимо отъ чиновъ, какъ почетныхъ званій, всѣ разряды лицъ, несшихъ какія-либо повинности, обязанности по отношенію къ государству, назывались также «чинами». Въ этомъ смыслѣ и крестьяне составляли «чинъ». Въ этомъ-же смыслѣ и всѣ должности по государственному управленію, какъ налагавшія на занимавшихъ ихъ особенныя повинности, назывались также «чинами». Съ другой-же стороны и удостоившіеся особенныхъ знаковъ вниманія царя, получившіе почетныя наименованія чины не освобождались отъ царской службы и несли также тяготу, повинность, должность, продолжавшуюся всю жизнь до изнеможенія, истощенія силъ. Вся же разница между чиновными и нечиновными служилыми людьми заключалась въ томъ, что первые сохраняли жалованное имъ званіе и по оставленіи порученной имъ должности, тогда какъ остальные служилые люди по оставленіи должности именовались лишь тѣми разрядами служилыхъ людей, къ которымъ они по происхожденію принадлежали и на которые налагались также извѣстныя государственныя повинности. Но и эти категоріи служилыхъ нечиновныхъ людей по тѣмъ-же причинамъ именовались также чинами. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что въ представленной царю, по его повелѣнію, вѣдомости «древнихъ російскихъ чиновъ съ изъясненіемъ каждаго чина» вошли не одни собственно чины, но и разныя должности и разныя разряды служилыхъ людей. По тѣмъ же самымъ причинамъ приходилось по необходимости по установившемуся обычаю относить къ совершенно разнымъ чинамъ (въ значеніи уже почетнаго званія) одинаковыя обязанности (для бояръ и окольныхъ), а съ другой стороны, соединяя въ силу одинаковости названій и чинъ и должность въ одно наименованіе (какъ, напримѣръ, стольники и страпчіе, какъ придворныя должности, жалуемыя исключительно дворянамъ и, какъ особые чины, жалуемыя перѣдко и лицамъ неблагороднымъ), присвоивать имъ обязанности, весьма мало имѣющія между собою какое-либо соотношеніе, связь. Не смотря на такое широкое значеніе чина, между всѣми служилыми людьми установлена была особая градація, соединенная съ извѣстными внѣшними отличіями, оказаніе почтенія низшимъ чиномъ высшему. Каждому чину, въ значеніе почетнаго званія, каждой должности, каждому разряду служащихъ указано было особенное мѣсто и опредѣлено было взаимное между ними отношеніе. Но такое соотношеніе степеней ихъ не было опредѣлено строго-юридически закономъ, а основывалось исключительно

на бывшихъ примѣрахъ, по старинѣ, ускользавшей иногда изъ общественнаго сознанія и требовавшей, для разрѣшенія возникавшихъ дѣлъ, наведенія справокъ о подобныхъ случаяхъ въ архивныхъ дѣлахъ приказовъ. Табелъ о рангахъ, заимствованная по своей внѣшней системѣ и наименованію разныхъ чиновъ и должностей изъ иностранныхъ образцовъ, собственно по своему содержанію основной мысли не отличалась рѣзко отъ системы московской, вслѣдствіе чего и наименованію чина, въ его обширномъ значеніи, придавалось то же самое понятіе, какое чинъ имѣлъ и въ прежнее время. Затѣмъ, существенное отличіе Петровскаго законодательнаго акта отъ московской системы заключалось въ томъ, что табелю о рангахъ каждому разряду служащихъ, по отношенію къ другимъ разрядамъ, придано было извѣстное значеніе, дано мѣсто на основаніи уже точныхъ, установленныхъ закономъ, положительныхъ правилъ, съ большею лишь строгостью чиновочитанія и съ распространеніемъ такого почитанія на большее число случаевъ, сравнительно съ московскими порядками.

Табелъ о рангахъ разсмотрѣна нами съ особенною подробностью, въ виду того, что этотъ актъ преобразовательной дѣятельности Петра служить, какъ выше замѣчено, основаніемъ всей дѣйствующей и нынѣ системы гражданскаго чиновпроизводства, при чемъ отъ извѣстнаго взгляда на эту табель въ ту или иную эпоху устанавливалось и извѣстное направление по чиновпроизводству.

LI. ОВѢ ОВЯЗАННОСТЯХЪ СЛУЖБЫ ПЛЯХЕТСКОЙ.

(Изъ «Духовной» Василія Никитича Татищева).

1. Въ службѣ государю и государству долженъ ты быть вѣренъ и прилеженъ во всякомъ положенномъ на тебя дѣлѣ; такъ о пользѣ общей, какъ о своей собственной, прилежать и государю, яко отъ Бога поставленной надъ тобою власти, честь и повиновеніе отдавать, яко и Господь самъ учитъ: «воздаждь Богу божіе, а царю цареву»; апостоль Павелъ повелѣваетъ—влаstemъ повиноватися такъ за очи, какъ въ очи, равно какъ самому Богу; Петръ же и то изъясняетъ, еже раби должны повиноватися влаstemъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ. По сему, если случится на тебя гнѣвъ государевъ, не злобствуй на него, но разсуждай, что сіе по твоей винѣ или по неповинному оклеветанію отъ кого терпишь и приеми со благодареніемъ, яко отъ Бога посланное наказаніе.

Главное же повиновеніе собственно въ томъ состоитъ, что ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся и ни на что самъ не называйся, если хочешь быть въ благополучіи; яко тотъ же Павелъ поучаетъ рабовъ: «въ онъже и звани бысте, во единомъ тѣмъ и благодарни бывайте», и хотя сіи слова апостольскія всякому безъ сумнѣнія принять за законъ непоколебимый должно, ибо словеса ихъ слова Христовы суть, яко самъ рекъ: «слушай васъ, мене слушаетъ»,

затѣмъ многіе въ законснѣніе и негодность приходятъ; для того въ военную службу вступать есть лучшее время отъ 18 до 25 лѣтъ.

Вступая въ службу, хотя храбрость есть наилучшая воиню похвала, но неразумная запальчивость есть самая глупость и не меньше робости, какъ себѣ, такъ и отечеству, вреда приносить, и для того нужно весьма того остерегаться, чтобъ какъ свой животъ, такъ и пользу отечеству сохранить и никогда нагло не вырваться, а паче хранить, чтобъ подвластныхъ твоею опрометчивостію не погубить; противно же тому робость есть тягчайшій солдату порокъ и поношеніе, и для того елико возможно надлежитъ посредство хранить, чтобъ впредь не вырваться и назадъ не оставаться; затѣмъ прилежать отъ начальниковъ почтеніемъ и послушаніемъ, а отъ подвластныхъ ласкою и разсужденіемъ, а паче объ нихъ попеченіемъ, любовь пріобрѣсти, что тебѣ главнымъ благополучіемъ быть можетъ. Затѣмъ твердо Предтечевы слова въ памяти имѣй, который, яко учитель покаянія, всѣхъ на то призывая, получалъ прилежати молитвѣ и постомъ смирати тѣло, но вопросившимъ воинямъ, оное яко трудное и неспособное оставя, рекъ: «никого же обидите, ни оклеветайте и довольни будите своими оброки».

3. Другая служба шляхетская—есть гражданство. Вѣчно достойныя памяти Его Императорское Величество, Петръ Великій, видя, что въ гражданствѣ искуснаго шляхетства, за отлученіемъ въ воинство, не доставало, а изъ подлости и убожества опредѣленные безсовѣстно государство разоряли, четыре весьма изрядныя и государству полезныя учрежденія сдѣлалъ, яко въ коллегіяхъ для обученія гражданскимъ дѣламъ, а для обученія иностраннымъ при всѣхъ россійскихъ министрахъ, быть изъ шляхетства юнкерамъ; другое: въ секретари кромѣ шляхетства не производить; третье: чтобъ въ услуги гражданскія, какъ въ резиденціи, такъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, шляхетству достойныхъ избирать и по большинству голосовъ опредѣлять; четвертое: всѣхъ, довольно въ войскѣ послужившихъ, или для слабостей немогущихъ, повелѣлъ, отставляя, въ гражданство опредѣлять и служащихъ въ зиму въ дома для исправленія ихъ вотчинъ и домовъ отпущать, что хотя съ пользою государственною весьма согласовало, но какъ Его Величество, по волѣ Всевышняго Творца, вскорѣ потомъ (прежде нежели тѣ, якоже другія весьма полезныя учрежденія, частію зачаты, но во употребленіи утверждены не были и частію неначаты остались) отъ временнаго въ вѣчное царство переселился, такъ скоро безсовѣстные, сребролюбивые для коварнаго самолюбства или незнанія, презрѣвъ отечества своего пользу, разными случаями перво скрытно, а во время малолѣтнаго государя и нагло, всѣ тѣ благія учрежденія уничтожили и начатыя дѣла разорили, что уже и по вступленіи на престолъ Ея Императорскаго Величества, нынѣ счастливо царствующей государыни, возобновлять стало не безтрудно и такъ остается, доколѣ либо разсужденіе и поступки Петра Великаго тѣмъ двери къ коварствамъ затворять. И сіе тебѣ токмо впредь для памяти написалъ; нынѣ же, какъ видимъ, шляхетство опредѣлено всѣмъ отъ младенчества быть въ школахъ и потомъ служить въ войскѣ, доколѣ въ войнѣ за старостію, дряхlostію или пьянствомъ неспособенъ явится, или какимъ случаемъ чрезъ пріятелей добьется; таковыхъ въ услугу гражданскую опредѣляютъ; и можетъ ли сіе полезно быть—сего я не разумѣю и разсуждать не могу; но понеже всякъ безспорно ска-

затѣ можеть, что гражданская услуга въ государствѣ есть главная, ибо безъ добраго и порядочнаго внутренняго правленія ничто въ добромъ порядкѣ содержимо быти не можеть и въ ономъ гораздо болѣе памяти, смысла и разсужденія, нежели въ воинствѣ, потребно; для того необходимо нужно всякому градоправителю законы и 'состояніе своего государства обстоятельно знать и разукѣть, изъ чего можеть польза и впередъ приключиться; что не въ краткомъ времени и не въ старости или въ болѣзняхъ сыскивать должно; и для того, хотя ты въ военную службу опредѣлишься, всегда тебѣ должно въ памяти имѣть, чтобы тебѣ, когда въ гражданство опредѣлишься, знать, какъ о чемъ разсуждать, а особливо у старыхъ разсужденія прилежно слушать, что тебѣ довольно въ память вкорениться можеть.

По вступленіи въ дѣло, наипаче всего храни правосудіе во всѣхъ дѣлахъ, не лѣтяся никакой собственной пользою, помня то, что хотящіе обогатиться впадаютъ въ бѣды и напасти, и что несправедное созданіе прахъ есть; и подлинно онымъ хотя не малое время возвеселишься, но совѣстью всегда будешь мучиться и оное богатство весьма непрочно; наипаче въ дѣлахъ государственныхъ ущербъ казней какими бы ты образомъ вѣдѣніемъ ни учинилъ, конечно невидимо болѣе тебѣ вреда приключится; для того прилежно того хранися, а хотя за трудъ и добротство отъ приносящаго взять ни предъ Богомъ, ни предъ государемъ, не погрѣшу, яко письмо святое учить: служай олтарю отъ олтаря пѣтается—обаче и то мнѣ въ памяти, что мзда и мудрыхъ очи ослѣпляетъ, да не безъизвѣстно же и то, что нѣкоторые безсовѣстные судіи нѣкогда указы о лихоимствѣ на всѣ мздоимства наклоняють, токмо они тѣмъ болѣе сами, нежели мзду взявшіе, душу свою губять, ибо лихоимство показуеть, яко неправо взятое, а мзда дѣлающему по должности, яко и письмо святое повелѣваетъ: «дѣлающему отдаждь мзду безъ умаленія» и «достойнъ дѣлатель мзды своей». Мнѣ случилось въ отвѣтъ противъ доноса Никиты Демидова, въ 722 году, на вопросъ о взяткахъ привести апостольское слово: «дѣлающему мзда не по благодати, но по долгу»—и оное было дѣло въ верховномъ судѣ, на которое Его Императорское Величество самъ изволилъ отъ меня изъясненія спросить; на что я ему сверхъ объявленнаго доносилъ: въ началѣ судія долженъ смотрѣть на состояніе дѣла; если я, и ничего не взявъ, а противъ закона сдѣлаю—повиненъ наказанію, а если изъ мзды, то къ законопреступленію присовокупится лихоимство и долженъ сугубаго наказанія; когда же право и порядочно сдѣлаю и отъ праваго возблагодареніе приму, ничѣмъ осужденъ быть не могу; другое: если мзду за трудъ пресѣчь и только мздоимство судить, то, конечно, болѣе вреда государству и разоренія подданнымъ послѣдуетъ; тако я долженъ за получаемое жалованье сидѣть только до полудня, въ которое мнѣ, конечно, времени на рѣшеніе всѣхъ нужныхъ просьбъ не достанеть, а послѣ обѣда трудиться моею должности имѣть; другое: когда я вижу дѣло въ сумнительствѣ, то я, никогда внятно его изслѣдовать и о истинѣ приложить причины не имѣя, буду день ото дня откладывать, а челобитчикъ принужденъ съ великимъ убыткомъ волочиться и всего лишиться; третье: дѣла въ канцеляріяхъ должны рѣшаться по регестрамъ порядкомъ, и случается то, что нѣсколько дѣлъ весьма ненужныхъ впереди, а послѣднему по регестру такая нужда, что если ему дни два рѣшеніе

продолжится, то можетъ нѣсколько тысячъ убытка понести, что купечеству нерѣдко случается; и тако отъ праваго порядка можетъ болѣе вреда быть; а если я вижу, что мой трудъ не туне будетъ, то я не только послѣ обѣда, и ночью потружуся, для того карты, собакъ, обѣды или прочія увеселенія оставляю и, не смотря на регистеръ, нужнѣйшее прежде ненужнаго рѣшу, чѣмъ какъ себѣ, такъ и просителямъ, пользу принесу и за мзду взятую отъ Бога и Вашего Величества по правдѣ сужденъ быть не могу. На что Его Величество изволилъ сказать: сіе все правда и для совѣстныхъ людей невинно; токмо не безъ опасности безсовѣстнымъ позволить, чтобъ подъ тѣмъ добротнымъ принужденнаго не было. На что я донесъ, еже лучше виннаго и безсовѣстнаго закономъ помиловать, нежели многихъ невинныхъ онымъ отяготить.

Сіе тебѣ довольно показываетъ, чтобъ ты прилежалъ наипаче всего о правосудіи, а притомъ еще храниться гордости, что у нѣкоторыхъ людей и лицо челобитчикамъ въ честь показывается, не токмо ему бѣднаго человѣка выслушать терпѣливо и дать ему добрый совѣтъ, или наставленіе и помощь; для чего у меня никогда, хотя бы на постели лежалъ, двери не затворялись и ни о комъ холопи не докладывали, но всякъ самъ о себѣ докладчикъ былъ и хотя многократно за бездѣльями и въ неудобныя времена прихаживали, но я не оскорблялся, ибо часто то случалось, что многимъ въ краткости нужно было помощь подать и великій вредъ отворотить; третье: весьма хранись предстателей и совѣтниковъ твоихъ, чтобъ тебя лестно въ напасть неправосудія не привели, какъ то мнѣ часто случалось видѣть, что жены, холопи или вѣтрившіеся пріатели судами торговали и, когда онъ въ отвѣтъ или судъ впалъ, то оныя лесцы ему насмѣхались.

Наипаче всего хранися секретарей и подьячихъ, подчиненныхъ тебѣ, и никогда съ ними крайней дружбы не имѣй, особливо чрезъ нихъ ничего не дѣлай и ихъ ни о чемъ не проси, чтобъ на тебя узды не положили; ихъ совѣты хотя слушай, но не всегда оныя тотчасъ исполняй, дабы тебѣ ихъ слова не были закономъ и для того хотя нѣкогда видишь, что онъ дѣльно говорить, оставь въ молчаніи и спроси другихъ постороннихъ, или тоже самое токмо инымъ порядкомъ сдѣлай, или вели что пополнить, да пристойное, чтобъ не думали, что ты ничего отъ себя не умѣешь сдѣлать.

Наилучшій же способъ тому, кто дѣла разобратъ по законамъ не можетъ, соперниковъ къ миру склонять и посредствовать; если не склонятся, то неоднова людей искусныхъ въ законахъ въ совѣтъ призвать; токмо того храниться, чтобъ въ оныхъ не былъ кто склоненъ къ которому судящемуся и для того непотребно имена объявлять, если дѣло не всѣмъ извѣстное.

Великая есть опасность въ дѣлахъ гражданскихъ, если товарищъ безсовѣстный, сребролюбивый и коварный, или дуракъ, котораго другіе могутъ на многія тебѣ противности навести и для того тебѣ своихъ сосѣдителей главныхъ, или подчиненныхъ, довольно надобно сначала искусить и состояніе ихъ совѣсти познать, чтобы ты впредь не легко могъ обмануть быть; однакожь, съ главными во вражду явную вступать и на нихъ протестовать, или въ вышнемъ судѣ жаловаться, елико возможно удерживайся и подчиненныхъ сначала увѣщаваніями и разговоры прилежи отъ беспорядковъ удержать, потомъ словесно наединѣ,

или была бесстыднъ. при людяхъ и съ угрозою большого наказания, старшей, а жаловаться не имѣющаго не быть прилична.

4. Присланные указы должны бы были въ началѣ вѣрны. для того что нынѣ уже извѣстно что присланные провозили другое—что въ сіи чины вѣривутся люди неискренніе и бѣдные, для того, чтобъ ихъ употребленіи могли какому великому предвѣдѣнію третью—тобъ они по близости къ лицу императорскому болѣе другихъ власти и награжденія чинами и милостіями получали они жъ къ представителству и оскорбленію или оскверненію императору дворянскою способъ, а за то, какъ отъ людей такъ и за страсъ впрочемъ у людей живуть. Но Петръ Великій, вступивъ величайшимъ единственно дѣлами своимъ показавъ, сей чинъ предвѣдѣнію ни во что нечелъ и въ ранахъ ихъ не только на языкѣ, но и востана ежели вѣривутъ, и у него еще востана въ прервѣніи бѣли, а лучше сказать, что какому не было, но для лица тогда канцлерскій чинъ генераль-адъютантъ востана, а дѣлаючи за востанъ и канцлеръ-интервалъ служилъ: нѣтъ же чина рангана, жалованствъ и другихъ преимуществъ востановленъ, что въ сіиной волѣ монархической состоитъ и какъ до того не касается, только а, вкрая на ихъ строгитное житіе и обходженіе, востана бы тобъ оного нечелъ не совѣтовалъ, востана тутъ дѣланіе, востанство, достъ, знанствъ и нечелъ егда не востанъ ли добродѣтели предвѣдѣнію, а нѣкоторые уничтожествомъ нѣтъ свое благополучіе предвѣдѣнію, не смотря на то, что губа востанннхъ, сами востанъ судномъ востанннхъ востанннхъ; но сіе не мнѣ, тобъ генералью и они сіе зладѣніе за добродѣтели востанннхъ, во суть нѣкоторые того востанства суміе зладѣнъ и если не сильнн, то хотя востанннхъ предвѣдѣнію не востанннхъ, однако отъ другихъ терннхъ востанннхъ принуждени бываннхъ; и для того, кромѣ востанннхъ монархическаго, нѣкакъ сего чина не мнѣ и нѣкакнн тутъ благополучнн не достанн; если же въ то призванъ буденн, востаннн о томъ, тобъ представнн себя государю востанннхъ и востанннхъ работъ, то востанннхъ—добрымъ другомъ, а страждущннхъ—востанннхъ и заступннхъ и. если добро сдѣлать не востанннхъ, то во малой нѣрѣ востанннхъ привѣтливостъ и сожалѣніе о нихъ.

III. ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ—ВОЕННЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬ.

(Изъ соч. Гобровскаго: «Военное право въ Россіи при Петрѣ В.», часть 2-я).

Въ постановленіяхъ Петра I, которыя относятся къ періоду войны съ 1706 по 1712 г., отъ снѣжня арміи въ Гроднѣ до завоеванія Лифляндіи, виденъ полководецъ, знающій цѣну и времени, и точности и быстротѣ, виденъ самостоятельный законодатель, хорошо знакомый съ состояніемъ военно-уголовныхъ законовъ на западѣ, виденъ строгій судья, который не дастъ пощады виновнымъ, безъ различія ихъ чиновъ, но который, вмѣстѣ съ тѣмъ, умѣетъ быть снисходительнымъ, помня заслуги подсудимаго, оказанныя государству. Строго карая виновныхъ,

Петръ Великій заботится и о хорошемъ содержаніи, и о довольствіи войскъ; здѣсь его предусмотрительность, какъ бережливаго хозяина, доходитъ до мелочей. Устраивая денежное и кормовое довольствіе войскъ на новыхъ основаніяхъ, онъ заботится, чтобы опредѣленное отъ казны доходило въ исправности и во время къ войскамъ, и безъ всякаго милосердія преслѣдуетъ злоупотребленія. Виновные предаются военному суду, который обязанъ въ своемъ постановленіи опредѣлить способъ возврата всякой казенной вещи, пришедшей въ негодность, или испорченной, или потерянной отъ небрежности солдата, или же отъ дурнаго за нимъ надзора офицера. На солдатъ своихъ офицеры должны смотрѣть такъ, какъ родители смотрятъ на своихъ дѣтей; поэтому они обязаны съ отцовскою попечительностью заботиться о нуждахъ солдата: какъ дѣти повинуются своимъ родителямъ безъ сопротивленія, такъ и солдаты должны быть послушны офицерамъ и всю надежду полагать на нихъ, подобно тому, какъ дѣти полагаются на отцовъ своихъ, которые ихъ содержатъ, воспитываютъ, кормятъ и удовлетворяютъ всѣ ихъ нужды. Эти мудрыя правила Петра Великаго, высказанныя уже послѣ изданія Устава Воинскаго, не получили надлежащаго развитія въ быту русскаго войска; напротивъ, подобно тому, какъ было на Западѣ, особенно въ Пруссіи, въ отношеніяхъ между офицерами и солдатами легла цѣлая бездна.

Петръ Великій, до 17-ти лѣтъ, былъ пылкимъ, любознательнымъ юношею, много уже испытавшимъ и много видѣвшимъ около себя; въ немъ рано пробудилось стремленіе къ самообразованію, которое, по самой обстановкѣ его первоначальныхъ занятій и упражненій, приняло чисто-практическое направленіе. Отъ скромнымъ занятій потѣхами и постройкою укрѣпленій, отъ упражненій въ караульной службѣ, въ качествѣ часоваго, Петръ I постепенно переходитъ къ другимъ работамъ практическаго свойства: изучаетъ кораблестроеніе, знакомится со службою въ строю, съ обязанностями капрала, офицера. Настоящая же практическая военная школа для Петра I начинается съ 17-ти лѣтнаго возраста, послѣ его женитьбы, послѣ сближенія его съ Гордономъ и особенно съ Лефортомъ. Послѣдній становится на нѣкоторое время его руководителемъ. На плацу и на маневрахъ Петръ получаетъ сознательное представленіе о совокупномъ дѣйствіи войскъ, изучаетъ правила прицѣльной стрѣльбы. Подъ Азовомъ въ немъ развиваются высшія познанія о способѣ веденія войны. Рядомъ съ развитіемъ понятія о военномъ дѣлѣ, въ Петрѣ, вслѣдствіе общенія въ Нѣмецкой слободѣ со свѣдущими политиками, финансистами, купцами, расширяется кругозоръ познаній о государствѣ, о политическихъ отношеніяхъ, о финансахъ, о торговлѣ, и т. п. Здѣсь же, въ слободѣ, приковывается сочувствіе Петра къ скромной обстановкѣ семейной жизни расчетливыхъ, экономныхъ иностранцевъ. Но всего пріобрѣтеннаго путемъ самообразованія еще слишкомъ мало для Петра. Онъ самъ это чувствуетъ, видитъ, сознаетъ, и его увлекаютъ въ Европу не столько заманчивые рассказы Лефорта о превосходствѣ иноземныхъ порядковъ, о превосходствѣ цивилизаціи, сколько собственное его убѣжденіе, что русскому человѣку даны такія же руки, глаза и способности, тѣ же нравственныя начала, какъ и людямъ другихъ націй, которымъ все это дано для развитія ума, для самоусовершенствованія. «Почему же мы не должны

нѣтъ», — говоритъ царь боярѣмъ, востаня къ дѣтей въ науку, — сумѣ развитій? почему же ни только не достойны науки, облагораживающей всѣхъ прочихъ людей? Нѣтъ, у насъ такой же умъ, ни можемъ также учиться, какъ и другіе.»

Первое путешествіе Петра въ Европу было нѣтъ съ тѣмъ и средствомъ для дальнѣйшаго образованія его любознательнаго, пытливаго ума. Въ Голландіи, Англіи, въ Вѣнѣ, Петръ I развивается въ гиганта, способнаго своимъ оранинмъ взглядомъ проникнуть во всѣ сферы знаній, во всѣ отрасли управленія; во фактахъ и явленіяхъ быстро постигать причины, а изъ ряда причинъ изъяснить слѣдствія и быстро переходить къ принятію мѣръ рѣшительныхъ, безповоротныхъ. Громадному уму Петра соответствуетъ и въ высокой степени развитая воля, для которой нѣтъ препятствій, если задуманное клонится ко благу отечества.

Великій человекъ вырастаетъ въ глазахъ современниковъ во мѣръ развитія препятствій на пути его дѣятельности. Такимъ именно видимъ мы 27-лѣтняго Петра по возвращеніи его изъ-за границы. Жестокое наказаніе постигаетъ стрѣльцовъ, стремившихся нѣтъ съ другими злоумышленниками косътъ скуту въ государствѣ; 16 другихъ полковъ раскастрированы, какъ войско ни къ чему негодное; стрѣльцы обращены въ посадскихъ, значительная часть солдатъ обращена къ хлѣбопашеству; тѣ и другіе въ такомъ состояніи болѣе полезны для государства, чѣмъ съ оружіемъ, которое они носятъ или не достойны, или не могутъ. Петръ I предпочитаетъ нѣтъ небольшую, но хорошо устроенную армію; ему нужны офицеры образованные, солдаты знающіе свое дѣло и способные повиноваться. Съ 1699 г. уже задуманъ нѣтъ планъ преобразованій всей военной системы и тѣсно съ нимъ связаннаго административнаго устройства и финансоваго управленія государства. Началомъ выполненія громаднаго плана слѣдуетъ признать устройство войска. Преобразование войска и великая Сѣверная война должны были развитъ въ Петрѣ еще двѣ сферы познаній: военнаго законодательства и военнаго искусства. Мы знаемъ Петра Великаго, какъ полководца. Но Петръ былъ также и русскимъ военнымъ законодателемъ. Онъ отдѣлилъ войско отъ народонаселенія не только наружно — посредствомъ строя, вооруженія и одежды, т. е. объективно, но внутреннимъ образомъ, субъективно; его постоянное войско, въ цѣломъ составѣ, есть самостоятельное состояніе людей съ призваніемъ къ военному ремеслу, къ военному дѣлу, къ военному искусству, къ военной наукѣ. Военное состояніе, какъ и каждое состояніе въ государствѣ — духовное, гражданское, должно нѣтъ свою особенную военно-законодательную систему — «военное право.» Этимъ правомъ опредѣляются особенности войскаго быта, права и обязанности военно-служащихъ по отношенію къ государству, отношенія ихъ къ прочимъ сословіямъ въ государствѣ, отвѣтственность ихъ за нарушенія воинскихъ служебныхъ обязанностей и т. д. Сначала Петръ I знакомится съ военно-уголовными законами западной Европы посредствомъ переводовъ на русскій языкъ разнаго рода «военныхъ правъ» — нѣмецкаго, голландскаго, датскаго, саксонскаго, англійскаго, французскаго; надо думать, что Петръ ознакомился также и съ военнымъ кодексомъ Людовика XIV, который изданъ въ 1709 году. О признаніи Петромъ недостаточности русскихъ

военно-уголовныхъ законовъ не можетъ быть сомнѣнія, если вспомнимъ о данныхъ имъ самимъ задачахъ Вейде, Брюссу, Виніусу и проч. Несомнѣнно, что послѣ Полтавы (при Переволочнѣ) въ 1709 году и при сдачѣ Выборга въ 1710 г. въ его руки попали шведскій генераль-аудиторъ Штеръ и болѣе двадцати аудиторовъ; послѣ составленія штатовъ и устройства части комиссаріатской, и установленія рациональнаго способа продовольствія войскъ, согласно регламенту кригсъ-комиссаріату, послѣ созданія правительствующаго сената, когда обречена была на сломку вся приказная система и уже намѣченъ былъ планъ коллегій, Петръ I находилъ въ военномъ устройствѣ все подготовленнымъ настолько, чтобы ввести единство въ военныхъ законахъ и порядокахъ въ отправленіи правосудія, чѣмъ собственно только и могло завершиться устройство «военнаго быта» въ государствѣ. Временные законы, выходяшіе при разныхъ условіяхъ, должны были уступить мѣсто военнымъ законамъ «постояннымъ», которые обработаны людьми знающими, протвержены въ собраніи сенаторовъ и рассмотрѣны и одобрены Петромъ съ тѣми измѣненіями и дополненіями, какія онъ находилъ нужнымъ сдѣлать. И онъ могъ самостоятельно дѣлать эти улучшенія. Для флота онъ еще въ 1710 году «выправилъ морскія права»; тоже сдѣлалъ и съ «Артикуломъ Воинскимъ», чему доказательствомъ служитъ сохранившаяся рукопись съ поправками и помѣтками Государя; «выправивъ» слога, а нѣкоторыя мѣста и по существу, царь отдавалъ въ печать.

Въ 1715 году, 25 апрѣля, вышелъ изъ с.-петербургской типографіи «Артикуль Воинскій купно съ процессомъ», на русскомъ языкѣ: рукопись съ собственноручными поправками Петра I хранится въ витринѣ главнаго штаба; 16 ноября того же 1715 г., изъ той же типографіи вышло второе изданіе «Артикула», но безъ процесса, на русскомъ и нѣмецкомъ (Krieges Articulu) языкахъ.

Въ томъ же 1715 году шла усиленная работа въ сенатѣ надъ обработкою «Устава Воинскаго о должности генераловъ, фельд-маршаловъ, и всего генералитета, и протчихъ чиновъ, которые при войскѣ подлежатъ бытъ и о иныхъ воинскихъ дѣлахъ и поведеніяхъ, что каждому чинитъ должно». Этотъ именно «Уставъ Воинскій», составляющій въ позднѣйшихъ изданіяхъ первую часть «Устава Воинскаго», весной 1716 года посланъ изъ сената къ царю въ Гданскъ (Данцигъ), гдѣ утверждень имъ 30 марта 1716 года и обнародованъ при собственноручномъ царскомъ манифестѣ. Подлинная рукопись «Устава», на одномъ русскомъ языкѣ, хранится въ библиотекѣ главнаго штаба. Но какъ въ то время въ русской службѣ значительная часть офицеровъ и начальниковъ состояла изъ иноземцевъ, поэтому «Уставъ Воинскій» былъ немедленно переведенъ на нѣмецкій языкъ и напечатанъ въ С.-Петербургѣ.

Въ экземплярѣ, изданномъ 15 мая 1717 года на обоихъ языкахъ, четныя (лѣвыя) страницы на русскомъ, нечетныя (правыя)—на нѣмецкомъ. Всѣ три части «Устава Воинскаго» отпечатаны вмѣстѣ на одномъ русскомъ языкѣ въ одной книгѣ, въ первый разъ, можетъ быть, въ 1716 году. Въ 1719 году вышло второе изданіе—одно на русскомъ языкѣ, другое—на русскомъ и нѣмецкомъ. Въ виду рукописныхъ оригиналовъ, хранящихся въ главномъ штабѣ, о существованіи которыхъ иностранцы, пишущіе о законахъ Петра Великаго, не подозреваютъ, «Артикуль Воинскій» никакъ нельзя считать простымъ переводомъ съ

какого-то нѣмецкаго артикула, нигдѣ не существующаго, напротивъ, это была работа многихъ лѣтъ, надъ которой пришлось думать самому Петру I и его сотрудникамъ.

Оттого-то «Артикулъ Воинскій» представляется кодексомъ, впитавшимъ въ себя юридическія нормы не только шведскаго оригинала, но и датскаго, голландскаго и бранденбургскаго кодексовъ, и мысли (толкованія) нѣмецкихъ комментаторовъ, а также и французскаго воинскаго кодекса Людовика XIV.

Итакъ, законы, служившіе матеріаломъ для «Устава Воинскаго» во всѣхъ его трехъ частяхъ, переводимые сначала на русскій языкъ, дополнялись оригинальными статьями, а затѣмъ весь матеріалъ получалъ систематическую обработку по указаніямъ Петра I, имъ прочитывался, исправлялся и поступалъ въ печать. И несмотря на то, что главнымъ матеріаломъ служило военное законодательство различныхъ европейскихъ государствъ, «Уставъ Воинскій» въ каждой части представляется оригинальнымъ, а не копіей законовъ одного какого-либо государства. Это вполне выясняется изъ сличенія текста русскихъ законовъ съ текстомъ законовъ всей Европы въ началѣ XVIII вѣка.

ЛIII. УЧРЕЖДЕНІЕ РЕГУЛЯРНЫХЪ ВОЙСЕКЪ И УСТРОЙСТВО ИХЪ СОДЕРЖАНІЯ.

(Изъ соч. Бобровскаго: «Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ», часть 2-я).

Спустя годъ послѣ «собора», уничтожившаго мѣстничество, въ селѣ Преображенскомъ явились потѣшныя бомбардиры, сотоварищи одиннадцатилѣтняго Петра. Съ присоединеніемъ къ нимъ стрѣльцовъ Сухарова и солдатъ 2-го выборнаго (расположеннаго на Бутиркахъ) полка, въ 1687 году устроены были два полка, Преображенскій и Семеновскій, и при нихъ два отдѣленія бомбардировъ, по 50 человекъ въ каждомъ. Въ солдаты шли теперь не одни обдѣнвшіе и безпомѣстные дворяне и дѣти боярскіе, но и дѣти богатыхъ московскихъ вельможъ. Такою, говорить, было начало постояннаго войска въ Россіи. Но въ этомъ смыслѣ постоянное войско образовано было еще Іоанномъ Грознымъ. Постояннымъ войскомъ были стрѣлцкіе московскіе полки и стрѣлцкіе приказы въ другихъ городахъ, да два выборныхъ московскихъ полка, составившихъ родъ гвардіи. Къ выборнымъ, въ 1687 году, приписаны Преображенскій и Семеновскій полки съ бомбардирами; на капитанами и офицерами во всѣхъ четырехъ полкахъ были иностранцы. Эти четыре полка были единственно надежнымъ войскомъ въ послѣднее десятилетіе XVII столѣтія. Но опять-таки и не здѣсь начало образованія регулярнаго войска. Много труда положено на обученіе этихъ полковъ, составившихъ въ сложности 140 ротъ. Въ 1687 году (послѣ Бюста), командиромъ Преображенскаго полка, назначеннаго подъ именемъ Бутирскаго, ввелъ въ полку регулярный воинскій порядокъ и производилъ тщательное обу-

ченіе солдатъ и офицеровъ на Бутыркахъ, сообразно новѣйшимъ усовершенствованіямъ тактики. Въ занятіяхъ солдатъ на учебномъ плацу юный Петръ I принималъ дѣятельное участіе съ 1689 года. Въ отношеніи образованія солдатъ, кромѣ Гордона, особенную услугу Петру I оказалъ генераль и адмиралъ Францъ Лефорть, который, въ 1692 году, былъ назначенъ командиромъ 1-го выборнаго полка, а съ этою должностію соединялось главное начальство надъ четырьмя полками. Лефорть настаивалъ на необходимости постоянныхъ упражненій въ строю офицеровъ и солдатъ. Разбросанное размѣщеніе офицеровъ и солдатъ по всему городу препятствовало стремленію Лефорта къ утвержденію дисциплины. Въ одномъ изъ писемъ къ своему брату въ Женеву, по поводу своего назначенія начальникомъ 16000 чел. пѣхоты, въ 1692 году, онъ, между прочимъ, пишетъ: «Пока солдаты не будутъ имѣть постоянныхъ начальниковъ и будутъ жить разбросанными по всему городу, до тѣхъ поръ нельзя будетъ въ моемъ полку утвердить ни внутреннего порядка, ни дисциплины». И весной 1693 г., за рѣкою Яузомъ, напротивъ Лефортовскаго дома и сада, примыкавшихъ къ Сокольницкой рощѣ и селу Преображенскому, была уже выстроена слобода въ 500 домовъ (гдѣ нынѣ Лефортовская часть) и въ ней находился домикъ (la maison de plaisance), въ которомъ Петръ I проводилъ по нѣскольکو часовъ сряду, слѣдя за производствомъ строеваго обученія солдатъ и офицеровъ. «Такъ какъ его величество большой любитель (amateur) солдатъ, то онъ здѣсь часто проводитъ время, чтобы видѣть, какъ я произвожу обученіе». Не довольствуясь ученіемъ на плацу, въ чемъ солдаты Лефортова полка «сдѣлали большіе успѣхи», Петръ производилъ маневры. Маневры производились и равѣе, но теперъ они принимали обширные размѣры. Маневры 1694 года подъ Кожуховымъ записаны въ исторію, какъ небывалое явленіе. Съ одной стороны, подъ начальствомъ Ромодановскаго, находились полки, вновь обученные (вѣроятно, по новому уставу, а не по старому), полки—Лефортовъ, Гордона, Преображенскій, Семеновскій, пять ротъ кавалеріи, 1 рота выборныхъ солдатъ, артиллерія — изъ 6 фальконетовъ, 6 малыхъ и 1 большой мортиръ, саперы и инженеры; а съ другой стороны, подъ командою Бутурлина, дѣйствовали старья войска — стрѣльцы и солдаты. Новообученное и новоустроенное войско ничѣмъ не обнаружало еще своего превосходства надъ старымъ въ азовскихъ походахъ. По возвращеніи изъ своего путешествія по Европѣ, Петръ I, на первомъ же ученіи, 27 августа, которое онъ произвелъ на третій день, замѣтилъ, что имъ недостаетъ многого, чтобы можно было ихъ назвать настоящими воинами. Вотъ что записалъ Корбъ въ своемъ «дневникѣ»: 6 сентября (27 авг.) 1698 года, царь сдѣлалъ ученье своимъ полкамъ и убѣдился, что многого еще недостаетъ этимъ толпамъ, чтобы можно было ихъ назвать воинами. Онъ лично показывалъ, какъ нужно дѣлать движенія и обороты наклоненіемъ своего тѣла, какую нестройныя толпы должны имѣть выправку».

Послѣ поголовнаго суроваго наказанія четырехъ стрѣлецкихъ полковъ, слѣдующими мѣрами обнаружена рѣшимость Петра I къ образованію «настоящаго», по его собственному выраженію, *регулярнаго войска*. Осенью 1699 года, т. е. спустя годъ послѣ возвращенія государя изъ Вѣны, 16 московскихъ полковъ были раскассированы («скасованы»), съ

назначеніемъ стрѣльцовъ съ женами и дѣтьми въ посадскихъ, 24000 солдатъ Бѣлгородскаго полка обращены въ землепашцевъ, съ обязанностью платить подати, по рублю съ каждаго двора, генералу Головину, бригадиру Вейде и подполковнику князю Рѣпинну поручено сформировать *три дивизіи*, по 9 полковъ въ каждой, изъ *даточныхъ людей* всего Московскаго государства, изъ *охочихъ* людей и боярскихъ *слугъ* города Москвы. Этотъ наборъ многіе писатели, слѣдуя историкѣ Устрялову, считаютъ небывалою новостью. Фонъ-Штейнъ въ нѣмецкой «Исторіи русскаго войска» утверждаетъ, что такой способъ комплектованія войска навсегда утвердился въ Россіи. Но здѣсь очевидное недоразумѣніе. Этотъ наборъ произведенъ былъ на старыхъ основаніяхъ, по одному съ опредѣленнаго числа дворовъ, причежъ допущены были и охотники—«охочіе люди», «волонтеры». Новостью было то, что новобранцевъ, въ теченіе декабря 1699 и января 1700 г., приводили въ село Преображенское, гдѣ самъ Петръ I, со спискомъ въ рукахъ, опредѣлялъ годность каждаго новобранца къ военной службѣ и дѣлалъ самъ распредѣленіе по полкамъ.

Первые усердные сотрудники Петра I и, можемъ сказать, первые его серьезные руководители въ обученіи войскъ, не дожили до *начатыхъ* реформъ арміи въ 1699 году. Оба заслуженные генерала умерли въ 1699 году: Лефортъ въ мартѣ, Гордонъ въ декабрѣ, и обомъ были оказаны высокія почести въ присутствіи самого государя. Но Петръ съ дѣтства привыкъ находить нужныхъ ему помощниковъ. Адамъ Адамовичъ Вейде составилъ, въ 1698 году, «Воинскій Уставъ» по нѣмецкимъ имперскимъ законамъ, въ которомъ опредѣлены должности всѣхъ чиновъ и званій въ арміи и даны правила («артикулы») для строеваго ученія. Артамонъ Артамоновичу Головину опредѣлено было заняться обученіемъ фронтному ученію офицеровъ и солдатъ по «артикуламъ». Эти воинскіе артикулы коротки: а) «мушкетъ на плечо», б) «мушкетъ передъ себя», и в) «мушкетъ на караулъ» и т. д. Далѣе «съ багинетомъ», «вынимай багинетъ», «прикладывай къ дулу», «примыкай»; далѣе «стрѣльбѣ плутонами»: здвоить плутонами (поправка рукою царя) шеренги и, здвоя, раздѣлить на 8 плутоновъ или частей, и велѣтъ первой шеренгѣ припасть на колѣни, а двумъ заднимъ приступить къ ней, такъ, чтобы возможно было стрѣлять и другъ друга не повредить. Эти-то «воинскіе артикулы» Головинъ посылалъ къ Петру въ Воронежъ на утвержденіе. «Посылаю статьи о чинахъ пѣхотнаго строя, что кому довлѣетъ знать. Изволь посмотреть и, гдѣ не такъ, исправить».

Командирами 27 пѣхотныхъ и 2 драгунскихъ полковъ были назначены исключительно иноземцы, изъ числа командовавшихъ полками солдатскаго строя; въ должности офицеровъ опредѣлены иноземные офицеры, бывшіе въ распоряженіи иноземнаго приказа, частью же и русскіе изъ двухъ выборныхъ, Преображенскаго и Семеновскаго полковъ Строй полковъ, обмундированіе, вооруженіе и снаряженіе солдата, равно продовольствіе войскъ даны во всѣхъ отношеніяхъ по нѣмецкому образцу. И тогда же, какъ выше сказано, положено начало устройству комиссаріатской и провіантской частей, съ назначеніемъ въ новыя должности князя Якова Долгорукова и окольниковаго Языкова.

Дѣло устройства регулярной пѣхоты, начатое съ такимъ успѣхомъ

въ январѣ 1700 года было разстроено войною съ Карломъ XII. Въ снабженіи войска продовольствіемъ оставались прежнія основанія.

Въ три мѣсяца невозможно было обучить солдатъ, тѣмъ болѣе, что многіе офицеры не охотно относились къ своимъ обязанностямъ, были «гуляки великіе, и въ строю многожды были тростью биты» (письмо Головина). «Трудовъ на офицеровъ много положено, и при всемъ томъ иные за мушкетъ не умѣютъ приняться». Имѣя противниками опытныхъ въ бояхъ шведовъ, нельзя было рассчитывать на удачный исходъ войны, тѣмъ болѣе, что къ 45000 арміи Петра находилось болѣе 10000 помѣстной конницы и свыше 7000 рейтарской конницы, изъ которыхъ, однако, ни на ту, ни на другую, какъ оказалось, нельзя было положиться.

Гуммертъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ Петра I, командовавшій прежде полкомъ, передался шведамъ; но изъ Нарвы онъ завелъ сношенія съ царемъ и, послѣ неудачной осады, писалъ къ нему слѣдующее: «Когда прямое учрежденіе и ученіе между солдатами учинено не будетъ, невозможно во вѣкъ войну совершенно вести, понеже сіе болѣе къ своему собственному погубленію, нежели къ непріятельскому убытку учинено будетъ. Вашего Величества сила есть неописанна, егдабъ право и къ пользѣ только бы употреблена была, такоужъ и люди добрые, како возможно въ свѣтѣ найти; но лучшаго нѣтъ, а именно: прямого порядка и ученія».

На сторонѣ Карла XII, который явился подъ Нарву съ 8500 человекъ войска, было превосходство въ искусствѣ и опытности солдатъ и офицеровъ. Въ пылу первой неудачи дисциплина въ русскихъ войскахъ исчезла; въ страшномъ озлобленіи солдаты бросились на своихъ офицеровъ-иноземцевъ и начали бить ихъ. Видя это, главнокомандующій Дюк-де-Круа закричалъ: «Пусть самъ чортъ дерется съ такими солдатами»—бросился бѣжать съ другими иностранцами и отдался въ плѣнъ шведамъ. Отъ нарвскаго пораженія уцѣлѣла только половина арміи, а именно 23000 человекъ, которые отступили въ «конфузіи». Вся новоустроенная артиллерія была потеряна, въ плѣнъ попали всѣ начальники и многіе офицеры.

Много труда было положено Петромъ на образованіе пѣхоты: «нынѣшняя пѣхота наипаче прежней пѣхоты тщаніемъ и раченіемъ великаго государя многократно лутше изучена суть всякому шереножному строю и скорообращательному бою. И та вышерѣченная прежнія пѣхоты похвала, по нашему простому разумѣнію, малая похвала»,—пишетъ Иванъ Посошковъ въ своей запискѣ. Хвалить пѣхоты нельзя, потому что она плохо вооружена и солдаты не умѣютъ стрѣлять: «Преображенскіе и Семеновскіе солдаты что выстрѣлили зарядовъ по 20 и больше, а убитыхъ шведовъ мало явилось».

Самъ Петръ I оправдываетъ неудачу молодымъ составомъ арміи: «одинъ только старшій полкъ Лефортовскій былъ; два полка гвардіи только были на двухъ атакахъ у Азова, полевыхъ боевъ, а наипаче съ регулярными войсками, никогда не видѣли. Прочіе-жъ полки, кромѣ нѣкоторыхъ полковниковъ, какъ офицеры, такъ и рядовые, самые были рекруты».

«Все это дѣло»,—записано въ «Дневникѣ» Петра, — «было яко младенческое играніе, а искусства ниже вида».

Полное вооруженіе арміи, въ которой были не одни рекруты, но и старое войско—помѣстная конница и рейтары—удвоило энергію Петра I. Негодность конницы побудила его немедленно сформировать, въ 1701 г., 10 драгунскихъ полковъ, каждый въ 1,000 человекъ (кромѣ 2-хъ, сформированныхъ въ 1700 г.). Новые полки были посланы въ Псковъ и вошли въ составъ арміи фельдмаршала, Бориса Шереметева. Въ солдаты, до 1705 года, вообще вступали даточные люди и вольница. Драгунскіе же полки формировались изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ полковой службы и изъ рейтаръ, и люди обязаны были служить на собственный счетъ. Гарнизонные полки составлялись частью изъ городовыхъ стрельцовъ, частью же изъ поселенныхъ драгуновъ и солдатъ.

На пятый годъ Сѣверной войны, военные и политическія обстоятельства вынудили Петра I къ рѣшительнымъ мѣрамъ по устройству регулярной арміи, согласно плану, начертанному еще въ 1699 году.

Ранѣе этого плана не удалось привести въ исполненіе, вслѣдствіе пораженія войскъ подъ Нарвою, гдѣ наголову были уничтожены только-что сформированные регулярные полки пѣхоты. Несмотря на нѣкоторые успѣхи, достигнутые въ 1704 г. въ Ингерманландіи и въ части Лифляндіи, русская армія была далеко не устроенною, и по своему состоянію не представлялась надежною для наступательныхъ дѣйствій. Послѣ Нарвы, болѣе чѣмъ когда-либо прежде, Петръ I чувствовалъ необходимость усиленнаго призыва на русскую службу иностранныхъ генераловъ и офицеровъ, искусныхъ и опытныхъ въ боевомъ дѣлѣ.

Съ состояніемъ русскихъ войскъ, въ началѣ 1705 года, отчасти знакомятъ насъ донесенія англійскаго посла Ч. Витворта, прибывшаго въ Москву въ февралѣ 1705 г., съ специальнымъ порученіемъ для устройства дѣлъ торговыхъ Свѣдѣній, имъ собранныхъ изъ вѣрныхъ источниковъ, въ соединеніи съ письмами Паткуля, Огильви, Меньшикова, Головина и самого Петра I, изданными Устряловымъ и Голицынымъ, дають возможность установить послѣдовательность событій въ одинъ изъ важнѣйшихъ періодовъ Сѣверной войны.

Къ указаніямъ Витворта нужно прибавить слѣдующее: 1) въ арміи не было устроено высшаго полевого управленія: ни штаба при главнокомандующемъ, ни полковыхъ штабовъ; 2) недостатокъ въ офицерахъ былъ такъ великъ, что въ нѣкоторыхъ полкахъ на лицо находилось не болѣе 5-ти офицеровъ, бывшіе же на лицо русскіе офицеры оказывались ни къ чему не годными: они не знали порядка службы, ничего не понимали, и въ полкахъ распоряжались сами солдаты; 3) продовольственная часть не была устроена: солдаты носили на себѣ хлѣбъ и бросали его отъ изнеможенія; 4) войска отягощены были множествомъ телѣгъ, которыя затрудняли движеніе арміи и могли служить къ пагубѣ ея. «Русскіе лагери бывають очень пространны, вслѣдствіе закона, которымъ на каждые 6 пѣхотинцевъ полагается повозка, лошадь и слуга, ненужныя въ день боя и сильно мѣшающіе передвиженіямъ».

Видимъ, что въ началѣ Сѣверной войны въ способахъ управленія арміи, въ комплектованіи различныхъ родовъ войскъ и въ ихъ содержаніи господствовали прежніе порядки помѣстнаго права. Въ командованіи войсками не было ни согласія, ни единства. Несмотря на напряженіе экономическихъ силъ страны, Петръ I въ это время не въ силахъ былъ содержать болѣе ста тысячъ войска, со включеніемъ гарнизоновъ.

На необходимость лучшаго устройства и порядка въ управленіи арміей и въ способахъ ея комплектованія, вооруженія, продовольствія и т. п., кромѣ собственнаго сознанія Петра I, вынесеннаго имъ изъ опытовъ первыхъ кампаній Сѣверной войны, настойчиво указывали Паткуль съ 1702 года и Огильви съ 1704 г.

Вслѣдствіе неустройства войскъ и недостатка въ опытныхъ начальникахъ и офицерахъ, дисциплина была вообще неудовлетворительна. Въ одномъ изъ своихъ писемъ (1704 г.) Августъ II, король польскій, жаловался Петру I на грабежи, безчинство и самоуправство русскихъ солдатъ въ Лифляндіи. О грабежахъ солдатъ, особенно драгунъ и казаковъ, неоднократно упоминаютъ Паткуль, Огильви, Алларъ и Витвортъ. Англійскій посолъ въ своихъ донесеніяхъ часто останавливается на этомъ предметѣ. Доказательствомъ, что русскія войска еще не отвыкли отъ грабежей, можетъ служить разсказъ о взятіи штурмомъ города Нарвы, 9 августа 1704 года.

Изыскивая всевозможные способы для увеличенія денежныхъ средствъ государства, чтобы устроить правильное снабженіе арміи, особенно продовольствіемъ, Петръ I, съ начала 1705 года, энергически принялся за устройство арміи по плану фельдмаршалъ-лейтенанта Огильви. Этотъ опытный генераль, поступивъ на русскую службу въ 1704 году, принялъ начальство надъ русскою арміею, дѣйствовавшюю подъ Нарвой, и осенью того же года представилъ Петру свои соображенія, какъ лучше устроить шестидесяти-тысячную армію, расположенную на зимнихъ квартирахъ въ Литвѣ и Лифляндіи, чтобы имѣть возможность перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Чтобы предпринять наступательныя дѣйствія противъ Карла XII, согласно съ договоромъ между Петромъ I и королемъ польскимъ Августомъ II, Огильви признавалъ необходимымъ: 1) усилить пѣхотные и конные полки, такъ, чтобы по числу людей они равнялись непріятельскимъ: въ драгунахъ имѣть по 12 ротъ, по 100 чел. въ каждой, въ пѣхотныхъ—по 150 человекъ; конные полки должны быть въ шести-эскадронномъ составѣ (12 ротъ), пѣхотные—въ двухъ-баталіонномъ—по 600 человекъ на баталіонъ; 2) пѣхотѣ раздать ружья одинаковаго калибра; недостатокъ въ мундирахъ, боковомъ (холодномъ) ружьѣ, сумахъ и проч. немедленно исправить; 3) учредить полевую артиллерію съ искусными офицерами; завести понтоны; 4) все изготovitъ къ будущему марту; 5) испорченную при осадѣ Нарвы артиллерію перелить; 6) отставить при войскѣ чрезмѣрное количество походныхъ телѣгъ, которыя затрудняютъ движеніе арміи и могутъ служить къ пагубѣ ея; 7) призвать искуснѣйшихъ офицеровъ: множество неспособныхъ, какой бы націи ни были, уволить; 8) наконецъ, довѣрить главную команду одному лицу.» Въ мартѣ 1705 г. Огильви представилъ царю, при письмѣ: «Начертаніе и порядокъ въ арміи по инземческому обычаю.»

Предложенія Огильви были приняты, но не во всѣхъ частяхъ. Онъ не былъ назначенъ главнокомандующимъ, недостатокъ въ офицерахъ не былъ устраненъ, часть продовольственная оставалась неустроенною, а, между тѣмъ, войска обременены были большими обозами.

Главный штабъ дѣйствующей арміи, въ числѣ 40000 пѣхоты и 20000 конницы, съ 3000 пушекъ и мортиръ, составляли: генераль-фельдмаршалъ-лейтенантъ Огильви и генераль-фельдмаршалъ Шереметевъ, генераль отъ инфантеріи князь Рѣпинъ, генераль отъ кавалеріи принцъ Але-

кавалеръ, полковъ. Меньшиковъ съ 25 полковъ для генералъ-лейтенанта, по-
томъ генералъ-майоромъ бригады: въ кавалеріи для генералъ-лейте-
нанта, старше генералъ-майора: при артиллеріи генералъ Брокъ; четыре
генералъ-лейтенанта: генералъ-квартирмейстеръ съ двумя оберъ-квартир-
мейстерами: генералъ-адъютантъ съ двумя вице-адъютантами: оберъ-камен-
щиковъ штабъ-капитанъ штабъ-капитанъ съ помощникомъ 24 чинами;
два полковника штабъ-капитанъ, два полковника поручикомъ съ двумя по-
мощниками: артиллеръ съ двумя вице-адъютантами: генералъ-фельдшеръ.
Полки различныя въ кавалерійскихъ системахъ изъ числа полкового штаба
и военныя люди: въ штабъ капитанъ полковъ, капитанъ, полковникъ, под-
полковникъ, майоръ, квартирмейстеръ, секретарь, священникъ, адъю-
тантъ, фельдшеръ съ 4 вице-адъютантами и прочими: военныя люди въ
ротатахъ казачьи: капитаны, поручики, прапорщики, сержанты (въ кавалеріи
кавалестры, волонтеры, фурьеры, ротные писаря, канцеры,
субретены, барабанщики, денщики и различныя въ кавалеріи еще си-
дельники и кушеры).

Въ основаніи устройства и состава арміи приняты французскій бое-
вой порядокъ (*ordre de bataille*). въ то время упрочившіяся въ западной
Европѣ. Пѣхота располагалась въ двѣ линіи, по бригадамъ (по 5 или 6
полковъ въ бригадѣ) каждой линіей командовалъ генералъ-лейтенантъ,
а каждой бригадой—генералъ-майоръ; конница располагалась по фла-
гантъ пѣхоты въ каждой линіи; каждое крыло конницы было надъ коман-
дой генералъ-лейтенанта, каждая линія (изъ 4 полковъ) надъ командою
генералъ-майора.

Въ началѣ 1705 года установленъ наборъ рекрутъ: нѣмцы съ тѣмъ
сдѣлали новый призывъ на русскую службу иностранныхъ генераловъ
и офицеровъ, преимущественно изъ Саксоніи. Въ началѣ лѣта 1705 года
укомплектованная армія, въ числѣ до 60,000 чел., сосредоточена въ
Полоцкѣ, гдѣ и представлялась Петру I въ такомъ блестящемъ видѣ,
по словамъ иностранныхъ офицеровъ, прѣехавшихъ въ Москву, что «не
было лучшей арміи ни въ одной нѣмецкой землѣ». Но эти отзывы, какъ
сейчасъ увидимъ, несомнѣнъ вѣрны, преувеличены. На армію, пред-
ставлявшуюся Петру I водѣ Полоцкомъ, возлагались большія надежды;
почти всѣми полками пѣхоты и драгунъ командовали иностранцы, а болѣе
значительными частями арміи—иностранцы генералы, помидному, на-
бранные въ Саксонію.

Петръ I, руководствуясь своими соображеніями или, можетъ быть,
обычаемъ, существовавшимъ на западѣ, назначилъ двухъ главныхъ на-
чальниковъ—одного надъ пѣхотою, а другого надъ конницею. Огильви
былъ назначенъ начальникомъ пѣхоты, а начальникомъ драгунъ, по-
слѣ сосредоточенія арміи въ Гроднѣ, князь Меньшиковъ. И это двое-
властіе вело къ большому безпорядку и пререканіямъ. Шереметеву
пришлось послать съ отдѣльною частью арміи сначала въ Кур-
ляндію, а потомъ въ Астрахань, для усмиренія новаго бунта, затѣян-
наго стрельцами.

Недостатокъ въ генералахъ и офицерахъ не былъ устраненъ: «Безъ
учрежденія войска»,— писалъ Огильви Меньшикову,—«на такомъ основа-
ніи, какъ я предложилъ, безъ полученія такихъ генераловъ противъ
устроинной непріятельской силы невозможно весьма добро надѣяться».

Нѣсколько позже, фельдмаршалъ просилъ самого царя о приглашеніи

генераловъ изъ нѣмецкой земли, «безъ чего здѣшними немногими генералами, изъ числа которыхъ немного искусныхъ, невозможно управлять войскомъ, тѣмъ менѣе противостать непріятелю». Но и тѣ немногіе иноземные генералы, которые поступили на службу, встрѣчая недружелюбный пріемъ со стороны Меншикова, Головина, Рѣпина и другихъ сотрудниковъ (министровъ) Петра I, одинъ за другимъ оставляли русскую службу; бросить службу, до истечения трехъ лѣтъ, и Огильви. Онъ не могъ переносить непрерывныхъ оскорбленій и даже затрудненій въ своихъ распоряженіяхъ, особенно со стороны Меншикова. Однимъ словомъ—въ началѣ 1708 года, въ самую критическую минуту, когда Карлъ XII приступилъ къ исполненію своего замысла, чтобы нанести Петру I рѣшительный ударъ, въ русской арміи не осталось ни одного изъ опытныхъ иностранныхъ генераловъ; русскіе же старшіе генералы, вытѣснивъ нѣмцевъ, ссорились между собою и другъ другу дѣлали непріятности. Эти обстоятельства напоминаютъ старое зло—мѣстничество, борьбу между военачальниками изъ-за старшинства, отчего въ XVI и XVII ст. происходило столько неудачъ и пораженій.

Самъ Петръ I, повидимому, не рѣшился принять на себя главное начальство надъ арміей, не смотря на то, что къ этому склонялъ его неоднократно Огильви. «Царь, находясь при своей арміи, до сихъ поръ никогда не являлся ея начальникомъ; онъ состоитъ только капитаномъ бомбардирской роты, и несетъ всѣ обязанности этого званія, а молодой царевичъ, сынъ его, числится солдатомъ въ гвардейскомъ Преображенскомъ полку. Это, вѣроятно, дѣлается, съ цѣлью подать примѣръ высшему дворянству, чтобы и оно трудомъ домогалось знакомства съ военнымъ дѣломъ, не воображая, какъ, повидимому, воображало себѣ прежде, что можно родиться полководцемъ, какъ родились дворяниномъ или княземъ».

Особенно вредно отражалось на военныхъ операціяхъ вмѣшательство въ дѣла арміи князя Меншикова, который положительно не давалъ покоя Огильви, а впоследствии и Шереметеву. Петру I, очевидно, необходимо былъ Меншиковъ: онъ ему вѣрилъ, надѣялся на его способности и посылалъ его повсюду, гдѣ не могъ самъ лично присутствовать. Оттого, въ періодъ войнъ съ 1705 по 1708 годъ, столь знаменательный дѣлами по устройству регулярнаго войска, мы видимъ Александра Даниловича, или принца Александра, летающимъ по театру военныхъ дѣйствій, подобно коршуну, который постоянно ищетъ какой-либо жертвы. Меншикову, однако, многое представлялось въ розовомъ цвѣтѣ. Такъ, въ цыдулѣ 2-й, приложенной къ письму къ царю изъ Гродно, 3 января 1706 года, когда получено было извѣстіе о наступленіи короля шведскаго со всѣмъ войскомъ къ Гродно, Меншиковъ писалъ: «Изволь, Государь, какъ сестру свою, такъ и прочихъ обнадежить, чтобы онѣ не печалились: понеже мы здѣсь никакой страсти не имѣемъ и пребываемъ всегда въ веселіи». Не было весело, однако, Огильви, который не зналъ, чѣмъ кормить солдатъ и какъ заставить русскихъ начальниковъ исполнять его приказанія. Огильви не могъ сносить оскорбленій Меншикова, который ни во что не ставилъ фельдмаршала и даже велѣлъ ограбить торговаго человѣка, которому тотъ поручилъ отвезти свояченицѣ своей разныя купленные въ Кіевѣ вещи. «Люби честь паче живота, я прошу и требую сатисфакціи»; не знаемъ, получилъ ли удовлетвореніе Огильви, но въ

... и т. д. ...

Землеустройство ...

Всё это до войны ...

Драгуны были ...

Драгуны и землеметельцы ...

опредѣлено было незначительное жалованье. Драгуны строились въ три шеренги и были вооружены палашами, фузеями, пистолетами и топорами. Въ 1705 году драгунскихъ полковъ было только 16; черезъ годъ это число почти удвоено. Наскоро сформированная кавалерія была въ плохомъ состояніи. Главнымъ начальникомъ драгунъ, съ лѣта 1705 года, былъ князь Меншиковъ. Еще въ началѣ 1706 г. Огильви жаловался Петру I на безчинства, совершенныя драгунами въ окрестностяхъ Гродно. Можетъ быть, это обстоятельство побудило Петра I предписать Меншикову о составленіи для драгунъ особаго военно-уголовнаго устава.

Напольная (полевая) или походная артиллерія дѣлилась на полковую и главную; первая состояла изъ 3-хъ фунтовыхъ пушекъ, которыхъ полагалось по двѣ на баталіонъ, въ каждомъ же драгунскомъ полку придано было по одной гаубицѣ; главную артиллерію составляли: бомбардирская рота (4 пушки шестифунтовыхъ и шесть мортиръ) и артиллерійскій полкъ, который дѣлился на 6 канонирскихъ ротъ; въ составъ артиллерійскаго полка входили минерная, понтонная и инженерная роты. Артиллерія вообще была въ хорошемъ состояніи по тому времени, солдаты имѣли навыкъ для дѣйствія изъ орудій. Главнымъ ея недостаткомъ была малая подвижность. Сначала кампанія артиллерія, какъ и вообще всѣ тяжести, перевозилась по старому обычаю на лошадакъ, поставляемыхъ земствомъ; въ 1705 г. съ каждыхъ 170 дворовъ велѣно собрать по двѣ лошади и по проводнику, а съ отдаленныхъ мѣстъ брать деньги. Кромѣ того, для службы въ артиллеріи ставились даточные; такъ, 20 января 1705 г. для походной артиллеріи велѣно ваять даточныхъ съ 20 дворовъ по человѣку, въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ. Но въ томъ же 1705 году значительная часть подводчиковъ разбѣжалась, что дало Петру I основаніе обратить эту натуральную повинность земства въ денежную и образовать подводчиковъ для полковъ и артиллеріи изъ набираемыхъ рекрутъ. Такъ разрѣшилъ государь важный вопросъ, и это рѣшеніе непосредственно повліяло на подвижность артиллеріи и приспособленіе въ послѣдствіи русскихъ войскъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Перевозка тяжестей на театрѣ военныхъ дѣйствій производилась на вольнонаемныхъ подводахъ. Сборомъ денегъ на наемъ подводъ подъ артиллерійскіе припасы завѣдывалъ ямской приказъ.

Главнѣйшіе недостатки, отъ которыхъ погибали нерѣдко цѣлыя арміи въ XVII столѣтіи, отсутствіе правильной системы продовольствія войскъ и злоупотребленія, а также беспорядочность въ способахъ снабженія, оставались въ силѣ и въ первые годы Сѣверной войны. Послѣдствіемъ беспорядковъ и злоупотребленій были побѣги, весьма распространенные въ русской арміи въ кампаніяхъ 1704—1708 г., и грабежи, въ которыхъ принимали участіе даже офицеры. Въ войскахъ, расположенныхъ въ Литвѣ, злоупотребленія поддерживались, между прочимъ, ежемѣсячнымъ сборомъ пяти ефимковъ съ cadaго двора въ пользу русскихъ войскъ; русскіе генералы сборъ этотъ взимали въ 1705 году, какъ сборъ на фуражъ и провіантъ.

Военные историки причину неудачъ ищутъ иногда не тамъ, гдѣ слѣдуетъ: случается, что пораженіе войскъ они приписываютъ неисполненію какой-нибудь стратегической комбинаціи; между тѣмъ, причина неудачи произошла отъ деморализаціи солдатъ и офицеровъ, вслѣдствіе допущенныхъ беспорядковъ и неустройства войскъ. Деморализаціей войскъ

противника полководец обыкновенно и пользуется, не прибѣгая ни къ какимъ хитростямъ. Любопытный въ этомъ отношеніи фактъ представляетъ намъ судьба русскаго вспомогательнаго корпуса, посланнаго въ числѣ десяти тысячъ пѣхоты и пяти тысячъ казаковъ въ іюнѣ 1704 г., для содѣйствія польскому королю Августу II въ Саксоніи (согласно Варшавскому договору 1 октября 1703 г.). Вслѣдствіе безпорядочнаго продовольствія войскъ на пути изъ Кіева въ Сокаль, въ два или три мѣсяца, разбѣжалось по пути болѣе одной трети солдатъ и казаковъ, и въ Сокаль Августу II представилось на смотру не болѣе 6—7 тысячъ пѣхоты и 3000 казаковъ. Августу понравились солдаты, особенно стрѣльцы (собранные изъ упраздненныхъ въ 1698 г., четырехъ стрѣльныхъ полковъ). Офицеры, напротивъ, не знали порядка службы, ничего не понимали иди, по выраженію Паткуля, «были ни къ чему не годны». Оружіе не было исправно. Въ нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія своего въ Саксоніи полки окончательно разстроились. Московскія деньги, доселѣ неизвѣстныя въ Саксоніи, принимались обывателями за польскіи нарицательнаго ихъ достоинства, отчего офицеры и солдаты терпѣли огромную потерю. При самомъ незначительномъ жалованіи, офицеры ничего не могли получать съ родины. Солдаты были безъ одежды и обуви, почти нагіе, положеніе ихъ производило непріятное впечатлѣніе въ нѣмецкихъ офицерахъ, пріѣзжавшихъ нарочно посмотреть на московскія войска, какъ на диво, еще невиданное въ Германіи. Въ артиллеріи не было ни офицеровъ, ни лафетовъ, ни упражн. Въ довершеніе всего, въ этомъ русскомъ отрядѣ не было учреждено ни генеральнаго, ни полковаго штаба. Паткуль просилъ денегъ, безъ чего войско непременно должно погибнуть, писалъ къ Меншикову и Головину, говоря, «что ему стыдно командовать безмундирными и почти голыми людьми, къ безславію имени Царскаго Величества».

Каждый годъ дѣлались наборы, среднимъ числомъ до 30000 человекъ, и каждый годъ убывала значительная часть людей, вслѣдствіе безпорядочнаго веденія хозяйства въ войскахъ и неустройства продовольственной части.

Съ 1705 по 1709 г. собрано было 175000 рекрутъ, но изъ этого числа погибло отъ неурядицы, бѣжало и убыло въ дѣлахъ не менѣе $\frac{1}{3}$. Много рекрутъ погибло, не достигнувъ мѣста назначенія. И это крупное зло не удавалось устранить Петру I никакими строгостями.

Безпорядки въ содержаніи войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій не уменьшались и въ началѣ 1708 года. «Путешественники не нахвалятся любезностью князя (Меншикова), и не находятъ словъ для описанія безпорядочнаго состоянія войскъ, грабачихъ, сожигающихъ магазины, бѣгущихъ отъ небольшого отряда шведовъ и валлаховъ, съ поспѣшностью разбитой арміи». Это извѣстіе оканчивается сообщеніемъ о полной деморализаціи драгунъ, которые бѣгутъ отъ непріятеля, не заботясь поддуться его къ себѣ хотя бы на столько, чтобы убѣдиться въ его силѣ и положеніи. «И никогда отступленіе не велось такъ поспѣшно, какъ отступленіе русскихъ». Таково было отступленіе арміи Петра I отъ Двины и Шѣмана къ Днѣпру, въ началѣ 1708 года, когда для того, чтобы лишить непріятеля средствъ, на военномъ совѣтѣ, по предложенію Шереметева, рѣшено было опустошать всю страну на пути отступленія, «чтобы заморить непріятеля».

Капитальнымъ зломъ въ арміи, какъ видимъ, было отсутствіе системы въ снабженіи русскихъ войскъ продовольствіемъ. Относительно корма солдатамъ до сихъ поръ руководствовались, повидимому, закономъ 18 февраля 1705 года, на основаніи котораго опредѣлено было давать хлѣбнаго жалованья нижнимъ чинамъ, бывшимъ на службѣ, въ мѣсяцъ по полуосминѣ муки и по малому четверику крупъ. Несмотря на значительную контрибуцію деньгами въ Литвѣ и на заготовленіе большихъ запасовъ хлѣба въ Смоленскѣ и Могилевѣ, войска терпѣли постоянно отъ недостатка въ продовольствіи: «солдаты несутъ на себѣ хлѣбъ и бросаютъ его отъ изнеможенія; для отвращенія сего надобно учредить корцусъ хлѣбниковъ до 600 человекъ». (Такъ писалъ Алларъ въ сентябрѣ 1706 года изъ Смоленска). Но этого было мало. До перехода Карла XII черезъ р. Вислу, когда русская армія временно оставалась въ бездѣйствіи, занимая зимнія квартиры въ Бѣлоруссіи, Петръ I рѣшился перейти къ болѣе рациональной системѣ довольствія войскъ. Съ этою цѣлю, по его приказанію, кн. Меншиковъ прибылъ въ Минскъ, 15 декабря 1707 года, для совѣщанія съ фельдмаршаломъ Шереметевымъ и съ царскими министрами. «Они распредѣлили снабженіе зимнихъ квартиръ провіантомъ по числу людей и лошадей, по системѣ, принятой для императорской арміи». Между тѣмъ, Петръ I, находясь въ Москвѣ и будучи озабоченъ заготовкою денегъ и исправнымъ снабженіемъ своихъ войскъ жалованьемъ и кормомъ, долженъ былъ вникнуть въ балансъ доходовъ и расходовъ, для чего потребовалъ отчета отъ всѣхъ управленій и, найдя, что несмотря на удвоеніе налоговъ за послѣдніе годы, доходы замѣтно уменьшились, назначилъ комиссію, которой поручилъ изслѣдовать причины такого уменьшенія и доложить ему о нихъ.

Здѣсь собственно и заключается завязка дальнѣйшихъ, рѣшительныхъ преобразованій государственнаго устройства, начало котораго было положено: учрежденіемъ сената въ февралѣ, образованіемъ военнаго комиссарства въ іюнѣ и начертаніемъ регламента крѣгсъ-коммиссаріату, въ декабрѣ 1711 года. Оказывается, что болѣе правильную систему довольствія войскъ Петру I удалось устроить не ранѣе, какъ спустя два года послѣ Полтавской побѣды, и что ближайшимъ основаніемъ къ установленію штатовъ для арміи 1711 года и для артиллеріи 1712 г. послужили собранныя въ 1707, 1708 и 1710 годахъ свѣдѣнія о получаемыхъ доходахъ. Находясь въ Петербургѣ, Петръ I въ январѣ 1711 года приказалъ министрамъ ближней канцеляріи, по пріѣздѣ ихъ въ Москву, привести въ исполненіе планъ довольствія войскъ по даннымъ табелямъ, которыя и были утверждены государемъ 19 февраля 1711 года, а черезъ три дня, 22 февраля 1711 г., вмѣстѣ съ объявленіемъ манифеста о войнѣ съ турками, данъ именной указъ объ учрежденіи правительствующаго сената и объ упраздненіи разряднаго приказа.

Высшее административное управленіе войсками раздѣлено между правительствующимъ сенатомъ, генераль-крѣгсъ-коммиссаромъ и генераль-фельдцехъ-мейстеромъ, весь контроль расходовъ на армію и флотъ сосредоточенъ въ ближней канцеляріи. Для производства же снабженія войскъ продовольствіемъ, обмундированіемъ и припасами, въ томъ же 1711 году, во-первыхъ—учреждено «коммиссарство при войскахъ» 31 іюня, и во-вторыхъ—данъ «регламентъ крѣгсъ-коммиссаріату» 10 декабря.

Такъ положены были Петромъ I основанія устройства системы про-

довольствія войскъ на тѣхъ же общихъ началахъ, какія установились въ цесарскихъ земляхъ, а здѣсь руководствовались французскими ордонансами, причемъ, какъ уже извѣстно, генераль-кригсъ-коммиссару подчиненъ введенный въ томъ же году институтъ «аудиторовъ», какъ представителей органовъ военно-судебной власти въ войскахъ, а равно «фискалы», учрежденные еще ранѣе.

Дѣйствующую или полевую армию составляли: пѣхоту—2 гвардейскихъ, 52 пѣхотныхъ полка; кавалерію—34 драгунскихъ полка и генеральный эскадронъ графа Шереметева; артиллерію—1 бомбардирская рота, 6 канонирскихъ ротъ, 1 минерная рота, 25 инженеровъ, 36 понтонеровъ и 6 петардистовъ. По границамъ же и внутри государства, въ 8 губерніяхъ, расположены были гарнизонные полки: 2 драгунскихъ (въ Воронежѣ и Казани) и 40 пѣхотныхъ. Образование сихъ послѣднихъ было начато въ 1702 году частью изъ бывшихъ полковъ «солдатскаго строя», частью же изъ стрѣльцовъ. Всего, со включеніемъ артиллеріи (по штату 1712 года), числилось въ войскахъ до 175000 человекъ, 10000 обозныхъ и до 43000 кавалерійскихъ лошадей. На содержаніе всѣхъ войскъ, т. е. гвардіи, артиллеріи, арміи и гарнизоновъ, опредѣлялось, по штатамъ 1711 года, въ сложности до четырехъ милліоновъ рублей ежегодно.

Деньги на жалованье пѣхотѣ и конницѣ собирали со всего народонаселенія; съ этою цѣлью къ каждой изъ 8 губерній было приписано опредѣленное число полковъ пѣхоты и конницы, губернія раздѣлены на доли, по 5536 дворовъ въ каждой долѣ.

Артиллерія имѣла особое самостоятельное управленіе—артиллерійскую канцелярію и артиллерійскій приказъ, во главѣ котораго былъ фельдцейхмейстеръ Брюссъ; на содержаніе 3326 артиллеристовъ и инженеровъ полагалось 209928 рублей, каковыя деньги назначены изъ сбора податей съ купцовъ и государевыхъ крестьянъ. Матеріальная и техническая части артиллеріи улучшены и приведены къ однообразію. Офицеры поставлены однимъ чиномъ (на одинъ градусъ) выше армейскихъ. На продовольствіе войскъ поступали продукты отъ жителей частью въ натурѣ, частью же деньгами, и эти издержки народонаселенія принимались въ зачетъ ихъ податей. Всѣмъ чинамъ арміи назначенъ опредѣленный окладъ порціоновъ и раціоновъ. Солдаты получали порціоны и фуражъ въ натурѣ, офицеры же—деньгами; по расчету стоимости опредѣленнаго числа порціоновъ и раціоновъ приняты въ основаніе оклады имперскихъ войскъ.

Обезпечивъ войска содержаніемъ—жалованьемъ и кормомъ, установивъ опредѣленный порядокъ (по губерніямъ) въ распредѣленіи денегъ на жалованье войскамъ, устройвъ продовольствіе и снабженіе ихъ порохомъ и огнестрѣльными припасами, положивъ основаніе нѣкоторымъ школамъ для образованія изъ русскихъ нужныхъ государству практиковъ-специалистовъ и намѣтивъ объединеніе высшаго центрального военнаго управленія въ военной коллегіи (уже проектированной),—Петръ Великій закончилъ въ 1716 году первоначальное устройство сухопутныхъ вооруженныхъ силъ государства обнаруженіемъ своего знаменитаго «Устава Воинскаго», который составленъ по иностраннымъ матеріаламъ, при его непосредственномъ участіи и притомъ не вдругъ, а постепенно.

LIV. ИЗЪ ВОИНСКАГО УСТАВА.

Божьею милостью, мы, Петръ Первый, Царь и Самодержецъ всеросійскій и проч. и проч.

Всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ блаженной и вѣчной памяти достойный родитель нашъ учредилъ регулярное войско въ 1647 г. Въ то-же время изданъ былъ воинскій уставъ, которымъ войско наше приведено было въ хорошее состояніе. Довозательствомъ тому служатъ славныя дѣла въ Польшѣ. Благодаря такому только состоянію войска, была покорена почти вся Польша, а вмѣстѣ съ тѣмъ возможно было веденіе войны со Швеціею.

При усиливавшемся вліяніи свѣта науки военное дѣло, однакоже, не только не улучшалось, но приходило въ состояніе чуть-ли не худшее. Войско наше не могло стать въ ровень съ войсками не только цивилизованныхъ странъ, но и странъ дикихъ, силу которыхъ сломить весьма легко. Свѣжа память, какъ недавно еще войска наши не сумѣли противостать врагу, (не говоря о Чигиринѣ и Крымскихъ походахъ), какъ въ войнѣ съ Турками, такъ и позже въ битвѣ при Нарвѣ.—Условія измѣнились вполнѣ, когда войско приведено было въ надлежащее состояніе. Оно при помощи Божьей совершило великія дѣла и показало громаднѣйшій успѣхъ въ столкновеніи съ славнымъ и цивилизованнымъ народомъ; а это, какъ понятно каждому, произошло единственно благодаря хорошей дисциплинѣ, заведенной въ немъ.—Очевидно, все недисциплинированное и дикое достойно осмѣянія, и понятно, что отъ обычаевъ дикарей ничего путнаго ожидать нельзя.

Въ виду указаннаго, мы сочли за благо издать воинскій уставъ, опредѣляющій обязанности каждаго чина. Никто не въ правѣ отказываться невѣдѣніемъ того, что усиліями нашими составлено.

Въ издаваемомъ уставѣ излагается вкратцѣ все существенное, имѣющее отношеніе къ волонтерамъ, къ артиллеріи, къ кордерезерву, къ бригадѣ, къ корволанту, къ арміи, къ генераламъ и къ штабу при нихъ, къ комиссаріату, къ коммендантамъ. Здѣсь указывается, какими мѣрами и средствами слѣдуетъ и можно охранять интересы монарха, и говорится обо всемъ, весьма существенномъ для жизни войска.

ГЛАВА 49.

О поединкахъ и начинаніи ссоры.

1. Всѣ штабъ-и оберъ-офицеры кавалеріи и инфантеріи и вообще всѣ военные чины должны пребывать въ любви, мирѣ и согласіи. Каждый чинъ обязанъ относиться съ должнымъ уваженіемъ къ другому. Подчиненные обязаны повиноваться начальствующимъ, младшіе—старшимъ. За нарушеніе этихъ правилъ виновный подвергается наказанію сообразно со степенью проступка содѣяннаго.

2. Всякій, потерпѣвшій обиду словомъ или дѣломъ, обязанъ довести объ этомъ до свѣдѣнія военнаго суда и искать удовлетворенія. Искъ со стороны потерпѣвшаго долженъ быть принимаемъ и удовлетвореніе должно быть воздано сообразно содѣянной обидѣ.—Виновный подвер-

гается строгому наказанію: или аресту, или увольненію (исключенію?) отъ службы, или тѣлесному наказанію; или онъ наказивается вычетомъ жалованья на извѣстное время. Такъ, напр., за оскорбленіе словомъ *шелмой* и т. п. виновный подвергается заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ, а по освобожденіи онъ обязанъ, на колѣняхъ стоя, просить прощенія у потерпѣвшаго. Если виновный—офицеръ, то онъ лишается, сверхъ сего, жалованья на все время нахождения въ заключеніи.

3. Виновный въ нанесеніи ударовъ рукой подвергается трехмѣсячному заключенію и лишается жалованья на шесть мѣсяцевъ. Сверхъ сего, виновный обязанъ, по освобожденіи, просить на колѣняхъ прощенія и быть готовымъ принять оскорбленіе равное тому, какое нанесено было имъ; или онъ лишается чина временно, или навсегда, смотря по тяжести вины.

4. Виновный въ нанесеніи ударовъ палкою обязанъ просить прощенія въ ожиданіи полученія удара-же; лишается жалованья на годъ, или исключается со службы; а иностранецъ изгоняется безъ паспорта.

5. Виновный въ выраженіи (даже заочномъ) угрозъ нанести побой обязанъ просить прощенія и лишается жалованья на три мѣсяца.

6. Въ виду того, что скорое рѣшеніе суда можетъ служить средствомъ предупрежденія множества проступковъ и преступленій, предписывается судьямъ, особенно предсѣдателю суда и губернатору, вершить дѣла въ теченіе трехъ или четырехъ недѣль; въ срокъ, не превышающій шести недѣль, дѣло должно быть рѣшено во что-бы ни стало подъ страхомъ наказанія—вычета изъ жалованія на время, равное просроченному.

7. Штрафныя деньги, получаемыя отъ замедленія рѣшеній, какъ и прочія штрафныя деньги, поступаютъ въ пользу гошпиталя.

8. Потерпѣвшій, виновный въ недонесеніи объ оскорбленіи, подвергается такому-же наказанію, какъ и обидчикъ, если не состоялось предварительно примиренія.

9. Какого-бы рода ни было оскорбленіе чести, оно умалено быть не можетъ и снисхожденія не заслуживаетъ, а потому наказано должно быть. Тотъ, кто дѣлаетъ упреки оскорбленному въ томъ, что оскорбленіе было нанесено, подвергается такому-же наказанію, что обидчикъ.

10. Всякій военный чинъ, бывшій свидѣтелемъ оскорбленія словомъ или дѣломъ, или узнавши о нанесеніи оскорбленія какимъ-либо путемъ, обязанъ довести о случившемся до свѣдѣнія военнаго суда. Въ противномъ случаѣ, онъ подвергается наказанію наравнѣ съ обидчикомъ. Во избѣжаніе самоуправства и саморасправы, всякій долженъ быть увѣренъ, что найдеть удовлетвореніе каждый разъ и что попустительства быть не должно.

11. Виновный въ нарушеніи закона и вызывающій за оскорбленіе на поединокъ не только не найдеть удовлетворенія, но лишается чиновъ и званія и сверхъ того подвергается штрафу, смотря по степени виновности, въ размѣрѣ десятой, шестой или третьей части всего имущества.

12. Такому-же наказанію подвергается и тотъ, кто принимаетъ вызовъ на поединокъ. Представляющій письменный вызовъ суду не подвергается наказанію; но если о вызовѣ дойдетъ до свѣдѣнія суда помимо вызваннаго, то послѣдній подвергается наказанію наравнѣ съ вызвавшимъ.

13. Такому-же наказанію подвергается и тотъ, кто передаетъ (доставляетъ) вызовъ; равнымъ образомъ, и секунданты или свидѣтели и тѣ, кои о предстоящемъ поединкѣ были извѣщены и не увѣдомили о томъ своевременно, кому слѣдуетъ. Ежели передатчикомъ вызова былъ слуга, а послѣдній узналъ о содержаніи письма, то онъ наказывается шпицрутенами.

14. Ежели оба противника сошлись на поединокъ и успѣли обнажить шпаги, то они подвергаются смертной казни вмѣстѣ съ секундантами, хотя смерти или пораненія одного изъ противниковъ и не послѣдовало. Имущество ихъ конфискуется. Но если поединокъ остановленъ не постороннею силою, а самими противниками, то они подвергаются только большому штрафу, по усмотрѣнію суда.

15. Ежели отъ состоявшагося поединка послѣдуетъ смерть или пораненіе, то виновные подвергаются смертной казни черезъ повѣшеніе, какъ убитые, такъ и живые.

16. Виновный не избѣгаетъ наказанія и въ томъ случаѣ, если поединокъ происходилъ внѣ лагера или крѣпости, въ другомъ мѣстѣ, даже въ другомъ государствѣ.

17. Дабы никто не отговаривался невѣдѣніемъ закона, мы повелѣваемъ это уложеніе оповѣстить по гарнизонамъ и лагерямъ, по всѣмъ губерніямъ; прибить въ различныхъ мѣстахъ и дать каждому полковнику.

ГЛАВА 50.

О военномъ совѣтѣ и о судѣ, нетерпящемъ отлагательства.

1. Военные совѣты и суды учреждаются двоякаго рода: высшіе и низшіе. Высшему совѣту подлежатъ рѣшенія дѣлъ большей важности или такихъ, которыя касаются полевыхъ. Высшій судъ учреждается надъ генералами и надъ офицерами штаба. Въ этомъ судѣ засѣдаютъ генералы, бригадиры, иногда и полковники. Дѣла меньшей важности или дѣла, имѣющія отношеніе къ данному полку, рѣшаются въ низшемъ совѣтѣ, а низшему суду подсудны дѣла, касающіяся проступковъ и преступленій оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Судъ этотъ производится обыкновенно въ крѣпости у губернатора или комманданта, а во время войны у полковника полка. Представителемъ суда назначается полковникъ, или подполковникъ, или майоръ; а въ качествѣ остальныхъ членовъ суда назначаются два капитана, два поручика, два прапорщика, два сержанта, два карпорала (капрала); сверхъ того, два или четыре рядовыхъ. Въ качествѣ ассесора назначается аудиторъ. Предсѣдатель занимаетъ первое мѣсто, а прочіе офицеры садятся по чинамъ. Аудиторъ садится на послѣднемъ мѣстѣ, а иногда по лѣвую сторону предсѣдателя, чтобы удобнѣе слѣдить за бумагами. Унтеръ-офицеры и рядовые должны стоять.

2. Когда подсудимый будетъ введенъ, аудиторъ снимаетъ съ него допросъ, по окончаніи котораго его удаляютъ. Затѣмъ отбираются голоса, начиная съ младшаго. Большинствомъ голосовъ произносится приговоръ. Всѣ ассесоры, призванные къ суду черезъ полкового адъютанта, должны трезвыми являться рано. Не потворствуя и не увлекаясь пристрастіемъ въ чью-либо пользу, они должны говорить сухую правду по

своей совѣсти, какъ передъ Богомъ. Какъ генералы, такъ и офицеры должны судить справедливо, нелицемѣрно и нелицепріятно, каждаго, какого бы званія и положенія ни былъ подсудимый. Судьями не можетъ быть допускаемо уменьшеніе вины подъ страхомъ такого наказанія, которое должно было-бы быть примѣнено къ подсудимому. Каждое преступленіе подводится подъ соотвѣтствующій параграфъ уложенія о наказаніяхъ. Никто не подвергается наказанію безъ суда и надлежащаго предписанія.

Всѣ рѣшенія суда, вершаемыя надъ штабъ-и оберъ-офицерами, управляются ежегодно въ военный коллегіумъ, гдѣ дѣламъ ведется реестръ.

3. Осужденный за преступленіе къ смертной казни выводится передъ полкомъ, въ присутствіи котораго по адъютантской командѣ карпораль отбираетъ у преступника ружье и снимаетъ мундиръ, а затѣмъ передается въ руки палача для приведенія приговора въ исполненіе.

Предсѣдатель суда долженъ имѣть на столѣ обнаженную шпагу и бѣлый посохъ (символь невинности и кары за преступленіе). Если приговоръ къ смертной казни состоялся, то надѣваютъ на преступника кандалы въ то время, когда приговоръ будетъ закрѣпляться подписями.

4. Неприятій отлагательства судъ производится надъ тѣмъ, кто во время похода совершитъ преднамеренное преступленіе противъ воинскихъ постановленій. Уличенный на мѣстѣ преступления преступникъ безъ всякихъ допросовъ и формальностей судейскихъ подвергается (послѣ исповѣди священника) смертной казни черезъ разстрѣляніе или повѣшеніе.

5. Въ виду того, что всякое рѣшеніе справедливѣе бываетъ вслѣдствіе обсужденія его многими, мы повелѣваемъ, чтобы среди генералитета, а равнымъ образомъ въ полкахъ дѣла рѣшались по предварительному совѣщанію; чтобы ничего не было упущено, что можетъ служить для пользы дѣла.

LV. СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ О ФЛОТѢ РОССІЙСКОМЪ И О ПОВѢДѢ ГАЛЕРЕАМИ РОССІЙСКИМИ НАДЪ КОРАБЛЯМИ ШВЕДСКИМИ, ІУЛІА 27 ДНЯ ПОЛУЧЕННОЙ.

(Проповѣдано въ царствующемъ Санктпетербургѣ при присутствіи Царскаго Пресвятлаго Величества и осело снисклита. Селтемерія 8 дня 1720 г.).

Продолжаетъ Богъ радости твоя, о Россіе! и данная тебѣ благополучія новыми и новыми благополучіи дополняетъ. Тотъ годъ прошелъ безъ вѣкторіи твоея, въ который не понудилъ тебя непріятель обнажить оружія. Аки бы рещи: тогда намъ жатва не была, когда они не сѣяли. Не вспоминая прежнихъ, въ прошломъ году, когда крыемое долго сосѣдъ нашихъ немирлоубіе явѣ откровенно стало, кія плоды пожалъ мечъ россійскій, видѣли мы съ радостію, видѣли они съ великимъ своимъ плачемъ и стenanіемъ. Лѣто нынѣшнее было, повидимому, въ нечаяніи новыхъ славы прибылей, понеже корабельный флотъ смотрѣ-

нїемъ политическимъ удержанъ изъ гавани не выходилъ, и се надъ чаянїя прилетаетъ къ намъ, 6-го дня Іюня, вѣсть радостная счастливаго нашихъ воевъ дѣйствїя съ немалою непрїателя утратою. Еще же вѣдомость тая, почитай говорити не перестала, и се летитъ другая и гласитъ намъ викторїю, въ 26 день Іулія полученную. Се уже предъ очима нашими и плоды ея доволнїи, взятїи фрегаты и воинство и аммуниція, честный и богатый плѣвъ. Продолжаетъ воинстину и умножаетъ Богъ радости твоя, о Россїи!...

Какъ же умолкнемъ тако обрадованнїи? какъ умолчимъ о семъ? Развѣ были бы добра нашего не любители, и добра того подателю Богу неблагодарни. Но что предложимъ, что скажемъ нынѣ, дабы слово было и сему благополучїю прилично, и намъ не бесполезно? Два усмотрѣваю, бесѣды и разсужденїя достойная: первое—милостивое къ намъ Божїе смотрѣнїе, таковыхъ водныхъ викторїй виновное, т. е., что благовременнѣ подвинулъ Богъ державнѣйшаго Государа нашего по устроенїю морскаго флота: второе,—присмотрѣтиса собственно лицу викторїи сей. Въ первыхъ, яко собственное было Божїе смотрѣнїе, когда воспламенися цареву сердце къ воднымъ судамъ, тоже и ко устроенїю флота великаго, явѣ показуется отсюду, яко охота тая въ сердцѣ его ридилась отъ малаго случая, отъ обрѣтенїя нѣкоего ботика обетшалаго, о чемъ пространнѣе любопытный увидитъ въ предисловіи морскаго регламента. Не слышалъ монархъ въ младости своей пространныхъ о морскомъ плаванїи повѣстей, не наводилъ его ко охотѣ сей никто ученїемъ, совѣтомъ, предложенїемъ многихъ нуждъ: хотя бы и такъ было, и то было бы не безъ смотрѣнїя Божїа, безъ него-же ничто-же бываетъ: но было бы то смотрѣнїе обычное. А что безъ таковыхъ явныхъ причинъ и поводовъ дѣтса, еже мы нарицаемъ случаемъ, то дѣтса собственнымъ и чрезъобычайнымъ Вышняго смотрѣнїемъ. Что мы бо нарицаемъ случаемъ, случай намъ есть, понеже безъ нашего намѣренїя и чаянїя стается, но у Бога не случаю есть, безъ его же воли и опредѣленїя ниже малая птица падаетъ.... Аще же тако о Божїи смотрѣнїи мудрствовать должествуемъ и въ случаяхъ всякаго человѣка, колыми паче въ случаяхъ царемъ бываемыхъ на нихъ бо состоянїе всего отечества виситъ, и смотрѣнїе Божїе сердца ихъ управляющее, есть общее ко всему народу смотрѣнїе. Того ради и собственно о нихъ глаголетъ Премудрый: *сердце цареву въ руки Божїей*. И отъ сего извѣстно, что случай оный найденнаго ботика былъ по собственному Божїю смотрѣнїю. И зри, какъ премудрый Богъ, который являетъ силу свою въ малыхъ и не сущихъ вещехъ, и здѣ подобнѣ сотворилъ....

(Далѣ проповѣдникъ указываетъ на то, что Божїй промыселъ явно сказывается въ томъ, что Петръ заботился о заведенїи флота, когда еще въ немъ явной надобности не видѣлось).

«Удивило себе еще Божїе смотрѣнїе,—продолжаетъ проповѣдникъ—подавъ сердцу Монаршему неусыпное тѣчанїе и благословя дѣло сіе дивнымъ благополѣшествомъ, такъ, что и люта, и еще тогда намъ тяжкая война не могла сдѣлати препятїа, и воевано, и строено подобнѣ, какъ о Іудеяхъ, Іерусалимъ по возвращенїи Вавилонскомъ созидающихъ пишетя: *единою рукою своею творяху дѣло, а друною держяху мечъ*».

Но се паче всего дивнѣйшее есть: возбужденный къ дѣлу сему монархъ недоволенъ прилежнымъ своимъ попеченїемъ и тѣчанїемъ, не-

доволенъ ученіемъ подданныхъ своихъ, самъ корабельной Архітектурѣ, еще и то мало, самъ Архітектуры тося древодѣлію учиться потщался, отложивъ весь покой, воспріавъ трудную и не безобѣдную peregrinacію. Образъ, въ свѣтѣ еще не слыханный! А гдѣ ужъ они Римскіи Квинтіи и Фабриккіи, которымъ удивляются історики, что, бывше на время Діхтаторы, не возгнушались паки трудиться въ земледѣліи? Помрачилъ славу ихъ Петръ, который купно и скипетръ, и мечъ, и древодѣльная орудія носить, не уродъ тѣломъ, дивенъ дѣломъ, многоручный нарещиса достоинъ.

Кто всего сего смотрѣнію Божию не воспишетъ, тотъ смотрѣнію быти не довѣряетъ.

Мы же, познавшіе съ предложеннаго разсужденія, яко нарочитое и собственное къ дѣлу сему было смотрѣніе Божіе, еще посмотримъ, какъ тое смотрѣніе милостивое есть къ роду Россійскому, а сіе познаемъ съ превеликія пользы, которую отечеству нашему флотъ морской поааетъ.

Суесловіе есть, естляи не безуміе нѣкіихъ стіхотворцевъ, которіи такъ плаванія воднаго ненавидятъ, что и первыхъ того изобрѣтателей проклинаютъ. Обычно господа они вымысли своя нарицаютъ нѣкіимъ восхищеніемъ, или восторгомъ, да часто имъ въ восторгахъ своихъ недоброе свитса. Охудаютъ навигацію, да плодовъ ея не отмечаютъ. Подобитъ они же страховъ воинскихъ, правительскихъ попеченій и судебныхъ трудовъ не любятъ, и вельми похваляютъ покой житія сельскаго, а не разсуждаютъ того, что покой сей безъ воинскихъ, правительскихъ и судебныхъ непокоевъ быти не можетъ.

Противное намъ показуетъ самый здравый разумъ, созданія Божія разсуждающій.

Да разсудитъ всякъ, къ чему толь пространная поля водная, моря и безмѣрный океанъ создалъ Богъ? къ питію ли? довѣли ли бы на сіе рѣки и источники, а не толикое водъ мпожество, большую часть земноводнаго сего круга объемшее, еще же и питію человѣческому весьма неугодное. Сія того вина есть (яко премудръ разсуждаетъ Василій Великій въ своемъ Шестодневіи), что премудрый міра Создатель, промышляя человѣкомъ взаимное друголюбіе, не благоволилъ всѣмъ странамъ земнымъ всякія плоды житія нашему потребныя произносить; ибо тогда сіи жители на оныхъ, а оны на сихъ ниже посмотрѣли бы, единъ отъ другаго помощи не требуа. Раздѣлилъ убо Творецъ земная своя блага различнымъ странамъ по части, дабы такъ едина отъ другой требуа взаимнаго пособія, лучше въ любовный союзъ сопрягати ся могли. Но понеже невозможно было людемъ имѣть коммуникацію земнымъ путемъ отъ конецъ до конецъ міра сего, того ради великій промыселъ Божій пролялъ промежъ селенія человѣческая водное естество, взаимному всѣхъ странъ сообществу послужити могущее. А отъ сего видимъ, какая и колкая флота морскаго нужда, видимъ, что всякъ сего не любощій, не любить добра своего, и Божию о добрѣ нашемъ промыслу не благодаренъ есть. Но обще о ползѣ флота много бы глаголати, но не нужно, яко всякому благоразсудному извѣстно есть. Мы точію ввратцѣ разсудимъ, какъ собственно Россійскому государству нужный и полезный есть морскій флотъ. А въ первыхъ, понеже не къ единому морю прилежитъ предѣлами своими сіа монархія, то каекъ не безчестно ей не имѣть флота? Не сыщемъ ни единой въ свѣтѣ деревни, которая, надъ

рѣкою или озеромъ положена, не имѣла бы лодокъ: а толь славной и сильной монархіи, полуденныя и полунощныя моря обдержажей, не имѣтъ бы кораблей? хотя бы ни единой къ тому не было нужды, однако же было бы то безчестно и укорительно. Стоимъ надъ водою и смотримъ, какъ гости къ намъ приходятъ и отходятъ, а сами того не умѣемъ. Слово въ слово такъ, какъ въ стихотворскихъ фабулахъ нѣкій Танталъ стоитъ въ водѣ, да жаждеть. И потому и наше море не наше. Но смотримъ, какъ то и поморіе наше? развѣ было бы наше по милости заморскихъ сосѣдъ, до ихъ соизволенія.

Что бо, когда благословилъ Богъ Россіи сія своя поморскія страны возвратити себѣ и другія вновь завладѣти, что было бы, аще бы не было готоваго флота? какъ бы мѣста сія удержати? какъ жить, и отъ нападенія непріятельскаго опасатися, не токмо что оборонитися?

Земный непріятельскій приходъ издали слышанъ и несворъ, есть время приготовиться и предварить его. Не такъ морской: не летаютъ предъ нимъ голосныя вѣсти, не слышатся шумы, не видно дыма и праха: въ который часъ увидиша, въ тотъ же и надѣйся пришествія его. Есть ли бы къ намъ добріи гости, не предвозвѣстятъ о себѣ, моремъ ѣхали, — узрѣвши ихъ, немощно бы уготовить трапезу (пріемъ) для нихъ. Какъ же на такъ нечаянно и скоро нападающаго непріятели мощно устроить подобающую оборону? едина конфузія, единъ ужасъ, трепеть и мятежъ. А хотя бы кто и предвозвѣстилъ о походѣ его, то какъ же еще знать, на который онъ берегъ выйдетъ, на который городъ нападетъ? Какъ многіи поморскіи города, не весма флота не имѣвши, но не имѣвши флота довольно, погибли, разоренны, не отъ сильнаго супостата, но отъ пиратовъ, то есть морскихъ разбойниковъ, полны суть исторіи. А есть ли же иногда морской непріятель и не получить своего желанія, однакожъ, настрашавъ и поругався, отступаетъ безъ урону своего, не отлагая злобы, но храня, яко неотмщенную на иное время. Приходящаго его не начнешя, отходящаго нельзя догонять. Кратко рещи: поморію, флотомъ невооруженному, такъ трудное дѣло съ морскимъ непріателемъ, яко трудно связанному человѣку драться съ свободнымъ, или какъ трудно земнымъ при рѣкѣ Нилѣ животнымъ обходиться съ крокодилами.

Такъ же то трудное было бы тебѣ, о Россіе, на поморіи твоемъ съ непріателемъ обхождение, аще не бы милостивый промыслъ Божій предварилъ тебе благословеніемъ благостнымъ и не возбудилъ бы въ тебѣ тщательнаго (тщательнаго) духа ко устройству флота и ко обученію морскаго плаванія. Не былъ бы укрощенъ на лучшее, но толко раздраженъ на горшее супостатъ твой. Объяла и завладѣла рука твоя сіе толь славное и великое поморіе, яко возмездіе и обильный плодъ всѣхъ войны сея трудовъ и изживеній. Но возмогла ли бы и удержать надолго единою земною силою?—великое сумнительство. Есть ли же бы не могла, что слѣдовало? испразднилася бы слава толикихъ викторій; не меньшая бо слава есть удержать завоеванное, нежели завоевать, давная есть пословица. Отродилася бы непріателю сила: паки бы было ему съ Ливоніи, Ингрии, Корелии, Финляндіи множество и воинства, и имѣнія, и хлѣба; паки бы походы его и нападенія на твоя внутренняя. Нынѣ же что? наготствуешь, скудѣешь и гладъ терпѣть. И вмѣсто того, чтобы на предѣлы наши нападалъ, своихъ видитъ разореніе; и вмѣсто того, чтобы

имѣлъ намъ страшенъ быти, чуждое себѣ заступленіе купуетъ, хотя и не велики щастливымъ торгомъ. Видиши, о Россіе, пользу флота твоего: но только бо готова и силна тебѣ отъ нападенія непріятельскаго оборона, которой бы не имѣли еси не имущи флота, по вышепредложенному разсужденію, но и наступательная на онаго сила велика, и викторіи не трудны...

Посмотримъ на прекрасное лице нынѣшнія викторіи; она бо вся доселѣ описанная къ флоту морскому нужды и вся тогожде флота пользы явно показуетъ.

Чему бы Россія не могла и вѣрити, аще бы въ корабельной войнѣ не была искусна, то нынѣ сама сдѣлала; славна всегда водная викторія, хотя равныя обѣихъ сторонъ силы. Аще бо гдѣ, тутъ наипаче военное дѣйствіе Марсовымъ жребіемъ нарицати подобаеъ. Не какъ коня, такъ и корабль удобно управити; а вѣтръ и море, яко непостоянные элементы, тако не надежны помощники: кому помогутъ и кому сопротивятся, неизвѣстно. Въ таковомъ убо неизвѣстїи, сумнительствѣ, бѣдствїи, получить викторію необычная воистину слава есть.

Но прочія морскія викторіи, противъ нынѣшней Россійской, мощно нареци общія и обычныя. Въ прочїихъ равныя сражаются силы, а тутъ галеры съ кораблями; прочимъ помогаетъ, а тутъ мѣшаетъ вѣтръ. Сїи двѣ трудности толикую побѣды важность показываютъ, что и сказати трудно.

Галерамъ наступати на корабли, которїи оныхъ не стрѣльбою огненною, но единымъ нашествіемъ не побѣдiti, но въ щепы разбити могутъ,—обычное ли дѣло? Въ таковомъ силъ неравенствѣ дерзнути на бой дивно, вступити въ бой предивно, а побѣдiti и удивленіе побѣждаетъ. Что бо сему обращемъ подобное? Есть повѣсть Еллинская, что Геркулесъ въ челюсть Кита великаго вскочилъ съ мечемъ и, три дни утробу его разорая, умертвилъ его. Было бы се вѣкторіи нашей подобное, да есть фабула, знатно изъ історїи пророка Іоны сплетенная. Есть повѣсть въ книгахъ Маккавейскихъ, что Елеазаръ подъ военнаго непріятельскаго воинства на себѣ носящаго слона подскочилъ со оружіемъ, и убилъ его. Было бы и се побѣдѣ нынѣшней подобное, да Елеазаръ тотъ и самъ, паденіемъ звѣря угнѣтенъ, умре, побѣдилъ и побѣжденъ. Мощно бы уподобити сіе человѣческому надъ звѣрьми превосходству; понеже человекъ, которому естество не дало великой силы, да скудость тую умомъ наградило, земныхъ и водныхъ звѣрей, величиною и силою безъ мѣры его превосходящихъ, побѣждаетъ, да и се неподобно, ибо воинству Россійскому дѣло было не со звѣрьми, а людей тѣхъ кораблями наступающихъ галерами побѣдило. Ничто же прочее остается, точію удивлятися, никакого же подобія не вида, не обрѣтая.

Но придаетъ удивленія то еще, что великую акція трудность вѣтръ дѣлалъ. На тишинѣ водной галерамъ единымъ нападати на корабли стоящія, и то не легко; есть бо подобное атакованію крѣпкихъ фортецъ; а галерамъ съ кораблями сражаться въ погоду, кажется и чаянію противное. Тотъ же вѣтръ, который кораблю ко обращенію его служитъ, галерамъ мѣшаетъ. Нельзя не сказать, слышателие, что сїя вѣкторіи сталась отъ собственнаго Божїа смотренія: и большую здѣ видимъ милость Господню, нежели гдѣ провиденція вѣтры на помощь послала. Помогли тучи Марку Антонину на нѣмцевъ, пособили вѣтры Θεодосїи

на Евгенія; послужила буря Елисаветѣ Британской на іспановъ; но онымъ (и аще нѣнѣ нѣщии подобнии суть) пособствовало смотреніе (Божіе) ко отраженію токмо непріятели, а не ко умноженію славы...

Инако и лучше нынѣ Россійское на морѣ воинство благословилъ Богъ. Не хотѣлъ, дабы воздухъ дѣлился съ нами славою вѣкторіи, но и вопреки умножилъ вѣтромъ трудность къ морскому бою, дабы умножилася слава побѣдителямъ: послужилъ и намъ вѣтръ, да противствомъ своимъ послужилъ къ славѣ, а не къ побѣдѣ. И понеже противился побѣдѣ нашей, того ради явственно показалъ славу нашу, такъ, что вѣкторія нынѣшняя можетъ таковымъ надписаніемъ украшена быти: *Непріятель и вѣтръ побѣжденъ есть.*

Такъ продолжаетъ радости твоя, такъ славы твоя умножаетъ Богъ, о Россіи! Прославимъ убо прославившаго насъ, благодаримъ обрадовавшему насъ: его дѣло есть флотъ Россійскій, его благословеніе есть толика сила и толики плоды флота Россійскаго. Онъ смотреніемъ своимъ навелъ очи монаршія на презрѣнный ботикъ, Онъ царское сердце зажегъ на архитектурѣ корабельной; Онъ, предопредѣляя Россіи возвращеніе своихъ и полученіе новыхъ приморскихъ странъ, предварилъ ю благословеніемъ своимъ, сильну же и дѣйственну на морѣ сотворилъ, вооруживъ флотомъ и толикими ущедривъ побѣдами. Благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако! Буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка!

...Затѣмъ проповѣдникъ призываетъ Божіе благословеніе на царя и воздаетъ хвалу отъ имени Россіи: «что презрѣнна прежде и поругана всѣми, нынѣ славна и страшна всѣмъ есть, на морѣ и землѣ побѣждаетъ. Торжествуй и радуйся толико благословенъ сый Богомъ: радуйся Богу, помощнику твоему». Затѣмъ призывается къ радости народъ, воздается похвала воинамъ и заканчивается слѣдующей молитвой:

О, премилостивый Господи и Боже нашъ, отъ Его же вседароватныя десницы толикая приемлемъ благодѣянія, запечатлѣй милостію твоею данныя намъ дары твоя, подаждь добротѣ нашей силу, многолѣтны сохрани благовѣрнѣйшаго государя нашего Царя, вѣрнаго министра Твоего Петра Перваго, и его благовѣрнѣйшую Царицу Государыню Екатерину Алексіевну, Царство ихъ недвижимое, воинство непобѣдимое сотвори, все отечество наше благосостояніемъ и миромъ благослови, воззри и на супостаты наша, и по толикой, немиролюбимъ ихъ, изліянной крови, пріяти уже въ чувство и мира возжелати повели. Аминь.

LVI. ЦЕХИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Изъ соч. Дитятина: «Устройство и управление городовъ Россіи», т. I.)

Цеховая организація, вводимая Петромъ Великимъ, составляетъ, если можно такъ выразиться, лишь часть своего дѣлаго—организація городского населенія вообще, почему и въ ней преобладаютъ государственно-административныя интересы надъ частно-общественными: цехи

вводятся, въ сущности, не столько ради интересовъ промышленности и ея представителей, сколько ради интересовъ административныхъ.

И въ XVIII столѣтїи, наканунѣ введенія цеховъ и магистратскаго устройства городовъ, организація торгово-промышленнаго городского населенія едва-ли чѣмъ отличалась отъ организаціи его въ XVII столѣтїи: самая торговля и промышленность въ началѣ царствованія Петра недалеко ушли; да и впослѣдствїи великій преобразователь прилагать свои заботы лишь къ крупной, оптовой торговлѣ и къ заводской, мануфактурной промышленности, основывая торговныя компанїи, поощряя учрежденіе фабрикъ, заводовъ; мелкая промышленность, промышленность ремесленная, предоставлена была самой себѣ. Изъ торгово-промышленнаго населенія городовъ, только высшіе слои его, или скорѣе, наиболѣе выдающіеся отдѣльные члены его, бывшіе въ составѣ брать на себя болѣе или менѣе обширныя торговныя и промышленныя предпрїятія, получали отъ царя всякаго рода льготы и привиллегїи, выдѣлявшія ихъ изъ общей массы городского населенія; организація этого послѣдняго оставалась все той же, какой она была и въ XVII ст. Все торгово-промышленное населеніе городовъ и посадовъ по-прежнему дѣлилось на сотни и слободы. Дѣленіе это не было дѣленіемъ юридическимъ: сотня или слобода не представляла собою юридической единицы, пользовавшейся какими-либо правами или привилегїями; они были ничѣмъ инымъ, какъ единицами, сложившимися фактически; основаніемъ дѣленія первоначально служило просто число домовъ или душъ, такъ что это были единицы количественныя, какъ сотни, или географическія, какъ слободы; къ этому основанію впослѣдствїи присоединилась подкладка качественности: сотни стали называться гостинными, суконными по роду занятій составлявшихъ ихъ членовъ. Отличіе и этихъ сотенъ было исключительно фактическое—большій или меньшій достатокъ въ сравненїи съ остальнымъ населеніемъ; но съ тѣхъ поръ, какъ правительство стало возлагать на гостей гостиную и суконную сотни разнаго рода «службы», эти общины стали отличаться отъ остальныхъ уже и юридически, неся нѣкоторыя государственныя службы и пользуясь за это нѣкоторыми льготами. Организація бурмистерской палаты или ратуши и земскихъ избъ стояла, какъ мы видѣли, въ тѣсной связи съ этимъ дѣленіемъ городского населенія: представители въ избы избирались отъ каждой сотни и слободы. Всякаго рода повинности и оклады «верстались» по сотнямъ и слободамъ.

Все, сказанное до сихъ поръ о городѣ XVIII столѣтїя вообще, ясно указываетъ, что о политическихъ правахъ населенія нашего города не можетъ быть и рѣчи; можно говорить лишь о его тяглѣ, о государственныхъ службахъ, на него возложенныхъ. Службы эти, это тягло, какъ мы знаемъ, было отлично отъ тѣхъ службъ и того тягла, которое несли другіе классы населенія; чтобы нести именно это тягло, нужно было входить въ составъ городского населенія, къ которому принадлежалъ каждый, не входившій въ составъ сельскаго-крѣпостнаго населенія или служилаго сословія и владѣвшій, въ районѣ города или посада, недвижимою собственностью—домомъ, дворомъ, который до 1719 года, года введенія «подушнаго оклада», служить податной единицей городского населенія. Такимъ образомъ, основаніемъ принадлежности къ городскому населенію служилъ не промыселъ, а владѣніе соб-

ственностью, которая долгое время принималась за основаніе при обложениі податями и всякаго рода повинностями. Этимъ обстоятельствомъ и объясняются всѣ мѣры правительства въ XVII и XVIII ст. направленные къ тому, чтобы не допускать перехода городского двора въ руки члена служилаго сословія или крестьянина, такъ какъ въ случаѣ такого перехода дворъ, оставаясь въ районѣ города или посада, обьялся, т. е. переставалъ нести городское тягло. Занятіе какимъ-либо промысломъ не составляло необходимаго условія принадлежности къ городскому сословію, въ составъ котораго входили не одни торговцы или промышленники, но и тѣ изъ свободныхъ и не служилыхъ людей, которые, владѣя въ городѣ или на посадѣ домомъ, занимались земледѣліемъ. Съ другой стороны, занятіе промысломъ вообще не составляло исключительнаго права городского населенія; такое право принадлежало ему лишь относительно торговли и промысла въ самомъ городѣ или посадѣ; почему занятіе торговлей или промысломъ въ посадѣ или городѣ со стороны крестьянина или служилаго человѣка было бы ущербомъ для торгово-промышленнаго населенія этого города или посада, нарушеніемъ его права, такъ какъ крестьянинъ, промышляя въ городѣ или посадѣ, не могъ бы быть привлеченъ къ городскому тяглу, какъ несущій уже другое, свое собственное тягло. Отсюда правительству оставалось одно изъ двухъ: или совершенно запрещать представителямъ этихъ сословій владѣть въ городѣ недвижимою собственностью и заниматься въ немъ торговлей или какимъ-нибудь промысломъ, или же, допустивъ то и другое, обязать ихъ нести двойное тягло: одно—по своей принадлежности къ опредѣленному сословію, другое—по занятію ремесломъ. Въ теченіе почти всего XVII столѣтія въ правительствѣ преобладала политика перваго рода; въ XVIII столѣтіи перевѣсъ былъ на сторонѣ политики втораго рода. Въ томъ и другомъ случаѣ, условіемъ принадлежности къ составу городского населенія было владѣніе недвижимою собственностью въ городѣ или посадѣ и занятіе промысломъ. Съ введеніемъ подушной подати въ городахъ и посадахъ дѣло нѣсколько измѣняется: тяглой, податной единицей теперь является уже не дворъ, а душа, т. е. собственность замѣняется лицомъ, почему съ этого времени достаточно платить въ городъ подушную подать и заниматься ремесломъ, чтобы входить въ составъ городского населенія и стать въ вѣдѣніе городскихъ сословныхъ учрежденій. Сотни и слободы теперь составляются уже не изъ дворовъ, а изъ душъ; дворъ и промыселъ, въ смыслѣ основанія принадлежности къ городскому тяглу, смѣняются душой и промысломъ. Правительство заботится теперь уже не столько о томъ, чтобы посадскіе дворы не стояли «въ пустѣ», сколько о томъ, чтобы число посадскихъ было возможно полнѣй. Владѣть недвижимою собственностью на посадѣ: дворомъ, лавкой, амбаромъ или вообще какимъ-либо торгово-промышленнымъ заведеніемъ—и теперь еще никто, кромѣ посадскаго, промышленнаго или торговаго человѣка не можетъ: всякій владѣющій на посадѣ домомъ, лавкой и т. п., долженъ быть «написанъ въ посадъ». Но теперь можетъ быть «написанъ въ посадъ» и тотъ, кто не владѣетъ ни тѣмъ, ни другимъ, а лишь занимается какимъ-либо промысломъ и платитъ подушное. Это послѣднее начало сдѣлалось исключительнымъ основаніемъ принадлежности къ сословному городскому населенію лишь со времени введенія магистратовъ

Вводя новыя сословно-городскія учрежденія, Петръ Великій дѣлитъ все населеніе города на двѣ группы, изъ которыхъ одна вѣдается этими учрежденіями, другая не имѣетъ къ нимъ никакого отношенія. Первую группу онъ назвалъ «регулярными» гражданами, къ которымъ онъ относитъ всѣхъ болѣе или менѣе «знатныхъ» торговцевъ и промышленниковъ всякаго рода, не исключая даже и представителей труда интеллектуальнаго, въ родѣ докторовъ и лѣкарей, къ нимъ же относитъ онъ и живописцевъ. Ко второй группѣ, къ группѣ гражданъ нерегулярныхъ, по регламенту относились всѣ, имѣющіе жительство въ городѣ, но не принадлежащіе ни къ одному изъ перечисленныхъ въ VII главѣ регламента видовъ гражданъ регулярныхъ и входящіе или въ составъ дворянства (шляхетства), или духовенства, или иностранцевъ, живущихъ въ Россіи «ради торговли и рукодѣлія», или же, наконецъ, относящіеся къ категории «подлыхъ» людей (обрутающихся въ наймахъ и чернорабочихъ), которые нигдѣ между знатными и регулярными гражданами не считаются. Такимъ образомъ, законодатель прочно устанавливаетъ сословное различіе между отдѣльными классами городского населенія, вся совокупность котораго составляетъ собою понятіе горожанъ, городскихъ обывателей, въ обширномъ смыслѣ этихъ словъ, какъ совокупность всѣхъ, имѣющихъ своимъ мѣстопробываніемъ городъ и посадь, т. е. понятіе горожанъ, въ обширномъ смыслѣ слова, есть понятіе чисто-географическое, территоріальное. Этому понятію горожанина, въ широкомъ смыслѣ, законодатель противопоставляетъ понятіе горожанина, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, понятіе горожанина регулярнаго, занимающагося извѣстнымъ промысломъ, несущаго извѣстное тягло, подчиненнаго вѣдѣнію извѣстныхъ сословно-городскихъ учрежденій,—однимъ словомъ, горожанинъ или гражданинъ въ тѣсномъ смыслѣ не есть просто обыватель города, но членъ сословія, составляющаго часть городского населенія. вмѣстѣ съ такимъ суженіемъ понятія горожанина, сужилось и самое понятіе города; теперь городомъ на официальномъ языкѣ называется не опредѣленный пунктъ съ его населеніемъ вообще, а, какъ выражается Невольинъ, общество людей торгово-промышленнаго сословія, принадлежащихъ къ извѣстному мѣсту, и самое то мѣсто, къ которому они считаются принадлежащими. На гражданахъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и сосредоточивается вся законодательная дѣятельность Петра, касающаяся городского устройства и горожанъ.

Горожане въ тѣсномъ смыслѣ, регулярные граждане, распадаются, въ свою очередь, еще на нѣсколько группъ, на основаніи ихъ личнаго достоинства или, скорѣе, того, промысла, которымъ они занимаются. Прежде всего, всѣ регулярные граждане дѣлятся на двѣ гильдіи: къ первой относятся всѣ крупныя, знатныя торговцы, доктора съ аптекарями, шкипера, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера и живописцы; ко второй—всѣ мелочныя торговцы и ремесленники; послѣдніе независимо отъ того, что входили въ составъ гильдіи, подраздѣлялись еще на отдѣльныя общества уже на основаніи однородности мастерства: «каждое художество или ремесло», говоритъ регламентъ главному магистрату, «свои особые цунфты или собранія ремесленныхъ людей имѣетъ». Гильдіи и цехи получили свою особую внутреннюю организацію, скопированную съ цеховой организаціи германскихъ городовъ. Каждая гильдія имѣла своихъ выборныхъ представителей—старшинъ и

старость съ товарищами. Эти выборные должны были, по выраженію законодателя, попеченіе и стараніе имѣть обо всемъ, что до пользы гражданъ касается. Являясь органами внутренняго управленія гильдій, выборные старшины со старостами стоятъ, по мысли законодателя, въ тѣсной связи съ городскимъ магистратскимъ управленіемъ: все, что касалось гражданской пользы, городской магистратъ долженъ былъ, по инструкціи, обсуждать со старостами и старшинами гильдій, которые, такимъ образомъ, составляли нѣчто въ родѣ совѣта при магистратѣ, конечно только съ совѣщательнымъ голосомъ. Этимъ мѣстомъ инструкціи городовымъ магистратамъ и исчерпываются всѣ опредѣленія объ организаціи гильдій. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній ни о томъ, какъ избирались ея представители, ни о томъ, на сколько времени они избирались. Гораздо больше останавливается законодатель на организаціи цеховъ. Слишкомъ неопредѣленные постановленія объ этомъ предметѣ регламента главному магистрату скоро были разъяснены и дополнены специальнымъ указомъ о цехахъ, за которымъ слѣдовалъ рядъ указовъ, рѣшающихъ отдѣльные вопросы по этому предмету. Въ результатѣ получилась слѣдующая организація городской ремесленной промышленности при Петрѣ Великомъ.

Каждый цехъ имѣетъ свои цеховыя собранія, своихъ представителей,—старшинъ или альдермановъ, число которыхъ зависѣло отъ «величества города и числа художниковъ» (ремесленниковъ) цеха. Трудно сказать, были ли старшины, по смыслу опредѣленія регламента, выборными должностями; въ регламентѣ просто говорится, что «каждое ремесло свои дунфты имѣетъ, а надъ оными—альдермановъ». Со времени указа 1722 года альдерманы были несомнѣнно избирательными должностями, избираемыми самими цехами изъ собственной среды; при этомъ, однако, ни регламентъ, ни впоследствии изданные указы ничего не говорятъ о срокѣ, на который избирались эти цеховыя должностныя лица. Они избирались, понятно, изъ среды полноправныхъ членовъ цеха—мастеровъ. Обязанности альдермановъ не были исключительно только, такъ сказать, ремесленными обязанностями. Они не только вели цеховую книгу, записывали въ нее всѣхъ ремесленниковъ своего цеха, не только смотрѣли за тѣмъ, «дабы всякій свое рукодѣлье дѣлалъ добрыми мастерствами»,—но они вмѣстѣ съ тѣмъ были и административными органами правительства, его агентами, раскладывая государственныя подати и повинности и собирая ихъ. Въ томъ случаѣ, когда старшина по отношенію къ своимъ обязанностямъ «въ добрыхъ поступкахъ явится», онъ можетъ быть, какъ бы въ награду за свое поведеніе, избранъ не только въ члены ратуши, но и въ бургомистры.

Каждый цехъ составляется изъ членовъ двухъ категорій: членовъ полноправныхъ и неполноправныхъ; къ первымъ принадлежатъ всѣ мастера цеха, т. е. ремесленники, имѣющіе право заниматься даннымъ ремесломъ совершенно самостоятельно и имѣть своихъ подмастерьевъ и учениковъ, которые составляютъ вторую категорію членовъ цеха, членовъ неполноправныхъ. Всѣ постановленія о переходѣ членовъ второй категоріи, учениковъ и подмастерьевъ, въ первую—мастера, ограничиваются двумя только мѣстами указа, изданнаго въ апрѣлѣ 1722 года. Одно изъ нихъ говоритъ, что ученики должны находиться въ обученіи у мастера ни какъ не менѣе семи лѣтъ; только по прошествіи этого

срока они получаютъ отъ мастера письменное удостовѣреніе въ знаніи своего ремесла. Можетъ ли такой, кончившій свой курсъ, ученикъ поступить прямо въ мастера, на основаніи только полученнаго имъ отъ бывшаго ховяина свидѣтельства, или же, какъ въ западно-европейскихъ цехахъ, долженъ непременно сначала пройти въ теченіе опредѣленнаго періода времени, степень подмастерья, — вопросъ остается открытымъ; нужно-ли, наконецъ, какое-либо испытаніе въ искусствѣ, знаніи ремесла для подмастерья, желающаго вступить въ цехъ въ качествѣ самостоятельнаго ховяина-мастера, точно также отвѣтитъ положительно нельзя, такъ какъ второе мѣсто названнаго указа, мѣсто болѣе или менѣе касающееся даннаго вопроса, говоритъ вообще, что званіе мастера можно получить лишь послѣ успѣшнаго испытанія, которое, по выраженію указа, обыкновенно производится, «какъ въ чужихъ краяхъ». О взаимныхъ отношеніяхъ учениковъ, подмастерьевъ и мастеровъ другъ къ другу ни регламентъ, ни спеціальныя указы о цехахъ ничего не говорятъ: они опредѣлялись, вѣроятно, или путемъ обычая, или тоже «какъ въ чужихъ краяхъ».

Займствуя «въ чужихъ краяхъ» цеховую организацію, царь не дѣлаетъ этого однако, какъ говорится, зажурия глаза: въ копіи во многихъ отношеніяхъ трудно узнать оригиналь. Копируя болѣе или менѣе точно оригиналь «чужихъ краевъ» относительно самаго производства ремесла, Петръ Великій значительно отстываетъ отъ этого оригинала, по отношенію къ составу ремесленниковъ, членовъ цеха. Копія далеко не представляетъ собою того замкнуто-подпольнаго характера относительно этого состава, какой носятъ цехи Германіи даже въ XVIII ст., несмотря на борьбу съ этимъ ихъ характеромъ представителей просвѣщеннаго абсолютизма. Петръ Великій переносилъ къ намъ цехи во всякомъ случаѣ, между прочимъ, и съ тою цѣлью, чтобы вызвать движеніе въ ремесленной промышленности, поощрить ея развитіе, привлечь къ занятію ею возможно большее количество рукъ и силъ, а никакъ не устранять ихъ: нашъ ремесленникъ не могъ, подобно западно-европейскому, жаловаться на конкуренцію, бояться ея: какъ бы ни были малы потребности общества—рукъ, удовлетворяющихъ имъ, было еще меньше. Вотъ почему Петръ, какое бы онъ ни придавалъ значеніе цехамъ Германіи, не могъ перенести на русскую почву ихъ статутныхъ постановленій, направленныхъ къ ограниченію доступа въ составъ цеха новыхъ членовъ; онъ не могъ придать вводимымъ имъ учрежденіямъ характера замкнутой наследственности, строгой монополіи. Ко всему этому, онъ не могъ не видѣть, что и въ западно-европейскомъ цехѣ эта замкнутость, монополія, терпѣлась лишь какъ зло, на борьбу съ которымъ у государства не доставало силъ, къ ограниченію которой, однако, направлялись всѣ имѣющіяся силы. Понятно само собою, что Петръ Великій смотрѣлъ на значеніе цеховъ не глазами цеховыхъ ремесленниковъ XVIII ст., видѣвшихъ въ нихъ средство удовлетворить своимъ собственнымъ, личнымъ интересамъ, а глазами правительствъ, видѣвшихъ въ нихъ средство къ развитію промышленности. Вотъ почему нашъ великій преобразователь могъ перенести статутныя цеховыя постановленія о полицейскомъ надзорѣ за производствомъ ремеслъ, ошибочно считая ихъ, вмѣстѣ съ западно-европейскими представителями просвѣщеннаго абсолютизма, за очень дѣйствительное средство къ по-

определенію развитія промышленности, и не могъ сдѣлать того же самаго относительно постановленій, направленныхъ къ развитію въ цехахъ духа монополій. Если мы не встрѣчаемъ въ цеховыхъ учрежденіяхъ, введенныхъ Петромъ, полной свободы относительно вступленія въ цехъ его полноправнымъ членомъ, то это вызывалось совершенно иными причинами, не имѣющими ничего общаго съ цеховой организаціей. Такою причиною ограниченія свободы вступленія въ составъ цеха является тягло—государственный характеръ всего русскаго населенія.

Указъ 1722 года выставляетъ, какъ основное положеніе, что въ цехи, «вѣчно или временно», записываются «ремесленники всякихъ художествъ»—все равно, принадлежатъ ли они къ русскимъ подданнымъ или нѣтъ; при этомъ русскіе подданные, вступающіе въ цехъ, могутъ быть людьми «всякихъ чиновъ», не исключая и владѣльческихъ крестьянъ, которые, однако, должны для этого представить старшинѣ цеха отпускныя письма отъ помѣщиковъ или прикащиковъ; причѣмъ послѣдніе вписываются въ цехи, при условіи согласія своихъ помѣщиковъ, только въ томъ случаѣ, если они работаютъ не на однихъ своихъ владѣльцевъ, но и на сторону, т. е. на продажу. Принимаются въ цехи и «оставные драгуны, солдаты, матросы», если занимаются какимъ-либо ремесломъ. Такимъ образомъ, единственнымъ препятствіемъ для вступленія въ цехъ была принадлежность къ какому-либо тяглому сословію: крестьянинъ, напр., не могъ вполнѣ свободно вступить въ цехъ, такъ какъ съ момента поступленія въ него онъ «дѣлался» регулярнымъ гражданиномъ, входилъ въ составъ сословія, несшаго свое тягло и тѣмъ самымъ переставалъ быть членомъ крестьянской крѣпостной общины, чѣмъ нарушалъ интересы своего владѣльца, согласіе котораго на такой переходъ, поэтому, необходимо. По этой же причинѣ не могли уже вовсе вступать въ цехи служилые люди: это повело бы за собою нарушеніе государственныхъ интересовъ. Тѣ же самыя мѣры принимались и вообще относительно поступленія въ «регулярные граждане», въ составъ которыхъ могли входить всякихъ чиновъ люди, исключая служилыхъ, жившихъ въ городахъ; этого чина люди не могли записываться на посадѣ и заниматься какою бы то ни было отраслью промышленности; всякаго рода владѣльческіе крестьяне могли быть «написаны въ посадѣ» и заниматься всякаго рода промыслами при условіи несенія двойного тягла: помѣщичьяго и посадскаго. Относительно же всякаго рода разночинцевъ, инструкція, изданная въ 1724 году въ руководство городовымъ магистратамъ, при приѣмѣ ихъ въ посады, предписываетъ руководиться постановленіями Уложенія 1649 года и изданныхъ послѣ него указовъ. Это послѣднее постановленіе идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ новымъ направленіемъ, которое высказывается въ началѣ XVIII столѣтія, послѣ изданія 1719 года указа о ревизіи и введеніи подушной подати, и согласно съ которымъ для того, чтобы принадлежать къ сословію посадскихъ торгово-промышленныхъ людей, достаточно заниматься какимъ-либо промысломъ и платить подушное; владѣніе же недвижимой собственностью перестало быть *conditio sine qua non* принадлежности къ сословію посадскихъ. Въ параллель только приведенному опредѣленію мы имѣемъ указъ отъ 1723 года, которымъ «пришлымъ изъ-за рубежа людямъ разныхъ мастерствъ», живущимъ даже «въ чужихъ дворахъ», дозволяется записываться въ цехи, и стало

быть, входить въ составъ регулярныхъ гражданъ и числиться «для платежа подушныхъ денегъ» вмѣстѣ съ другими посадскими. Такія противорѣчія, соединенія, повидимому, совершенно несоединимыхъ постановленій совершенно понятны въ лихорадочной законодательной дѣятельности Петра Великаго.

Переходъ изъ регулярныхъ гражданъ въ какое-либо другое сословіе, напр., въ крестьяне или такъ-называемые закладчики, былъ невозможенъ и опять въ видахъ все тѣхъ же государственныхъ интересовъ: переходя въ крестьяне, регулярный гражданинъ ео ipso переставалъ нести посадское государственное тягло.

Цехи, введенные Петромъ, не пользовались правомъ принудительнаго присоединенія къ цеху всякаго горожанина, занимающагося ремесломъ: указъ 1722 года, говоря о записываніи въ цехи «ремесленниковъ всякихъ художествъ», категорически прибавляетъ — «а въ неволю не принуждать»; слѣдовательно, ремесленникъ могъ заниматься ремесломъ и не входя въ составъ цеха. Такіе ремесленники, какъ определено было не больше, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ изданія упомянутаго указа, могли свободно заниматься своимъ ремесломъ, но только не для продажи. Нужно ли говорить, что и въ этой формѣ цехи никакъ не могли послужить къ развитію ремесленной промышленности; они, наоборотъ, тормозили ее, но тормозили во всякомъ случаѣ менѣе, чѣмъ отжившіе свое время западно-европейскіе цехи; во первыхъ, какъ мы видѣли, регламентація законодательная касается лишь способовъ производства ремесленныхъ работъ; а во вторыхъ, и въ этой формѣ цехи едва ли существовали въ огромномъ большинствѣ тогдашнихъ городовъ. Они могли существовать въ Петербургѣ, въ Москвѣ, гдѣ и въ то время пришлый, иностранный ремесленно-промышленный элементъ былъ достаточно развитъ, и гдѣ самія потребности были разнообразнѣе и сложнѣе, а потому могли вызвать по каждому ремеслу достаточное количество ремесленниковъ для того, чтобы они могли составить цехъ. Едва ли можно сказать это объ остальныхъ городахъ того времени; общественная жизнь которыхъ едва ли была на столько сложна, чтобы по каждому существующему въ городѣ ремеслу могло существовать количество мастеровъ, достаточное для образованія цеха. Наконецъ, прибавимъ ко всему этому еще и то обстоятельство, что даже тамъ, гдѣ цехи дѣйствительно были учреждены, они мало измѣняли de facto положеніе дѣлъ: можно смѣло думать, что полицейская сторона цеховыхъ постановленій оставалась болѣе или менѣе мертвой буквой, обратившись въ пустую формальность, которая давала лишь возможность всякаго рода злоупотребленіямъ, напр., при клейменіи ремесленныхъ работъ цеховымъ альдерманомъ, обратившимъ эту сторону своей должности въ доходную статью для себя. Но цеховая организація, какъ уже было замѣчено, имѣла другую сторону—государственно-административную: она стояла въ тѣсной связи съ городскимъ финансово-тяглымъ устройствомъ вообще: цеховые альдерманы и старосты со своими товарищами были вмѣстѣ съ тѣмъ и государственно-административные органы, и при этомъ послѣдняя сторона въ ихъ дѣятельности едва ли не преобладала надъ первой.

Такимъ образомъ, Петръ Великій, вводя магистратское городское устройство, вводитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и новую организацію самого город-

скаго торгово-промышленнаго населенія, не затруднившись установить такія группы въ этомъ населеніи, которыхъ, за исключеніемъ развѣ какого-либо единичнаго представителя, въ дѣйствительности и несуществовало. Но вся эта система, стоившая преобразователю не малыхъ трудовъ и заботъ, рушилась вмѣстѣ съ его смертью.

LVII. ПОЛОЖЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ ВО ВРЕМЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Изъ соч. Бяляева: «Крестьяне на Руси»).

Значеніе крестьянъ по закону, во время Петра Великаго. Съ первой ревизіи 1719 года начинается новая жизнь крестьянъ: всѣ лишенія прежнихъ правъ, мало-по-малу вошедшія въ жизнь и частью утвержденныя или признанныя законами послѣ 1675 года, теперь окончательно утверждены ревизіею и на послѣдующее время. Съ тѣмъ вмѣстѣ открытъ путь къ дальнѣйшему развитію правъ владѣльческихъ и стѣсненію правъ крестьянскихъ. Ревизія послужила исходною точкою для развитія новыхъ взглядовъ на государственное значеніе крестьянъ, при которыхъ прежнее ихъ значеніе все болѣе и болѣе забывалось и терялось изъ виду. Ревизія прежде всего зачислила крестьянъ въ одинъ разрядъ съ задворными, дѣловыми и дворовыми людьми. По указу, состоявшемуся еще 26 ноября 1718 года, предписано для ревизіи: «1-ое, взять сказки у всѣхъ (дать на годъ сроку), чтобъ правдивыя принесли, сколько у кого въ которой деревнѣ душъ мужескаго пола; 2-ое, росписать на сколько душъ солдатъ рядовой». И потомъ, указомъ, отъ 22 января 1719 года, о самой ревизіи опредѣлено, что подъ именемъ всѣхъ душъ мужескаго пола въ деревнѣ—должно считать какъ крестьянъ и бобылей, такъ задворныхъ и дѣловыхъ людей, которые устроены пашнею, т. е. какъ людей прикѣпленныхъ только къ землѣ, такъ наемниковъ и крѣпостныхъ людей, полныхъ холоповъ, лишь бы владѣлецъ отвелъ имъ землю.

Указъ, отъ 22 января 1719 года, повидимому, еще отдѣляетъ холоповъ и вообще дворовыхъ людей отъ крестьянъ; онъ повелѣваетъ подавать сказки только о крестьянахъ, бобыляхъ, задворныхъ и дѣловыхъ людяхъ, которые устроены пашнею. Это, повидимому, только мѣра, подобная прежнимъ, противъ владѣльческихъ злоупотребленій, противъ незаконнаго и въ послѣднее время широко развившагося у владѣльцевъ обычая, писать крестьянъ подъ именемъ задворныхъ и дѣловыхъ людей, устроенныхъ пашнею, и такимъ образомъ укрывать ихъ отъ платежа казенныхъ податей и отправленія разныхъ повинностей, лежавшихъ на крестьянствѣ. И дѣйствительно, указъ сей такъ и былъ понятъ тогдашними землевладѣльцами, и они стали подавать сказки только о крестьянахъ и, можетъ быть, о дѣловыхъ людяхъ, устроенныхъ пашнею. Но правительство, узнавши объ этомъ, не замедлило высказать прямо и ясно, что указъ, отъ 22 января 1719 года, не есть старая мѣра, а совершенно новое постановленіе, не исключющее изъ народной переписки и дворовыхъ людей, полныхъ холопей. Государь въ указѣ, отъ 5 февраля

1720 года, написали: «слышу я, что въ нынѣшнихъ переписяхъ пишутъ только однихъ крестьянъ, а людей дворовыхъ и прочихъ не пишутъ, въ чемъ можетъ быть такая же утайка, какъ и во дворахъ бывала. Того ради подтвердите указомъ, чтобъ всѣхъ помѣшчичи писали своихъ подданныхъ, какого они званія ни есть, также и причетниковъ церковныхъ, кромѣ поповъ и дьяконовъ, которымъ особливую роспись также подать надлежитъ, и всѣмъ имъ дайте сроку на полгода».

Такимъ образомъ, по объясненію, выраженному въ послѣднемъ указѣ, старый порядокъ отвергнуть окончательно; всѣ подданные владѣльцевъ, безъ различія наименованій и степеней крѣпости, занесены въ одинъ разрядъ крѣпостныхъ людей, или владѣльческихъ подданныхъ; а потому крестьяне и бобыли сравнились съ задворными и дѣловыми людьми, съ кабальными и полными холопами. Государство отказалось признавать различіе между сими классами, опасаясь, какъ сказано въ указѣ, «чтобъ не было утайки, какъ и въ городѣхъ бывало», т. е., чтобы владѣльцы не укрывали крестьянъ отъ платежа податей, перечисляя ихъ въ дворовые, или въ дѣловые, или въ задворные люди, какъ это дѣлалось прежде, опираясь на различныя степени принадлежности людей владѣльцамъ. Государство этими указами какъ бы объявило, что не хочетъ и знать степени зависимости тѣхъ или другихъ людей отъ владѣльца; для его цѣлей достаточно, чтобы люди сии, такъ или иначе, принадлежали владѣльцу. Ибо, какъ самъ владѣлецъ, по тогдашнимъ законамъ, всю жизнь долженъ былъ служить государству, почему онъ и служилый человекъ, и дворянинъ, такъ точно и всѣ подданные служилаго человека, безъ различія, должны служить государству такъ или иначе, т. е. лично службою или платежемъ податей, какъ понадобится по обстоятельствамъ.

Первая ревизія, съ одной стороны, объявила доселѣ небывалое на Руси отрицаніе всякаго исключительнаго права собственности на людей, и всѣхъ людей, живущихъ въ Россіи (разумѣется, за исключеніемъ иностранцевъ), признало государевыми людьми, отъ стараго до послѣдняго младенца; по первой ревизіи и рабъ, полный холопъ по закону, пересталъ быть, въ высшихъ соображеніяхъ правительства, исключительною собственностью своего господина, ревизія и его зачислила въ народную перепись, помѣстила въ числѣ людей, служащихъ государству; слѣдовательно, и рабъ, прежняя безгласная собственность господина, получилъ, нѣкоторымъ образомъ, значеніе лица, члена того общества, которое составляетъ русское государство: онъ сдѣлался слугою того же государства, которому служить и его господинъ. Конечно, и въ прежнее время дворовые люди, холопы, требовались иногда на государственную службу; они или отправлялись вооруженные вмѣстѣ съ своими господами въ военные походы, или изъ нихъ набирались особые воинскіе отряды. Но таковыя требованія, въ прежнее время, были только частными мѣрами, и холопъ, возвращаясь изъ похода, попрежнему оставался собственностью господина; по прежнимъ законамъ холопъ, бывшій въ походѣ, получалъ свободу только въ такомъ случаѣ, ежели онъ, попавшись въ плѣнъ, успѣетъ убѣжать и воротиться на родину. Первая же ревизія является общимъ государственнымъ закономъ, а не частною мѣрою; послѣ первой ревизіи уже не нужно было издавать особыхъ указовъ для рекрутскаго набора изъ холопей или для сбора съ нихъ

податей: послѣ первой ревизіи обыкновенно уже издавался одинъ общій указъ о рекрутскомъ наборѣ со всѣхъ податныхъ людей.

Съ другой стороны, первая ревизія, отринувъ различіе между холопомъ и между крестьяниномъ и кабалнымъ слугою, не составлявшимъ прежде исключительной собственности господъ, тѣмъ самымъ сравняла ихъ съ полными холопами и вполне утвердила всѣ притязанія господской власти надъ прежними полусвободными людьми. Какъ скоро законъ распространилъ притязанія государства на прежнюю исключительную собственность частныхъ лицъ, то тѣмъ самымъ далъ средство частнымъ лицамъ развить свою власть и надъ тѣмъ, надъ чѣмъ они прежде не имѣли полной власти, тѣмъ болѣе, что это уже было подготовлено предшествовавшимъ временемъ. Дѣло ревизіи, повидимому, состояло только въ томъ, чтобы обезпечить сборъ податей; но какъ подати по прежней системѣ нельзя было брать съ рабовъ, какъ не имѣвшихъ по закону никакой собственности и даже составлявшихъ исключительную собственность господъ, то по необходимости подати были переложены съ земли на души. А такимъ образомъ сборъ податей непосредственно легъ на самихъ владѣльцевъ; въ исправности платежа передъ правительствомъ стали отвѣчать уже не сами плательщики, а ихъ господа, ибо съ дворовыхъ людей, съ полныхъ холоповъ, не имѣвшихъ закономъ признанной собственности, взять было нечего, за нихъ должны были платить ихъ владѣльцы. Но такъ какъ и крестьяне по ревизіи, мало-по-малу, вошли въ одинъ разрядъ съ рабами, то господа стали платить и за нихъ, разумѣется, взыскавши съ нихъ же казенныя подати, и за рабовъ, съ которыхъ нечего было взять.

Въ обязанности владѣльцевъ платить подати за крестьянъ и рабовъ заключалось, повидимому, только перемѣщеніе отвѣтственности съ крестьянъ на владѣльцевъ; но за сямъ перемѣщеніемъ скрывалось страшное разобщеніе крестьянина съ государствомъ, между нимъ и государствомъ сталъ господинъ, и такимъ образомъ крестьянинъ сдѣлался отвѣтственнымъ только передъ господиномъ: съ него спали государственныя непосредственныя обязанности, а съ тѣмъ вмѣстѣ онъ утратилъ и всѣ права, какъ членъ государства, ибо въ его положеніи, подготовленномъ прежнимъ временемъ, права безъ обязанностей были невозможны. Владѣлецъ совершенно заслонилъ крестьянина отъ государства: онъ исправно платилъ правительству подати по числу душъ, состоящихъ за нимъ по ревизіи, выставлялъ по пропорціи душъ слѣдующихъ съ него рекрутовъ; слѣдовательно, передъ правительствомъ онъ былъ исправенъ по своему имѣнію, а что скрывалось за этою исправностью, объ этомъ знали одни крестьяне. Они платили подушныя подати и за себя, и за дворовыхъ людей, и за тѣхъ крестьянъ, которыхъ владѣлецъ продалъ на съюзъ; ибо съ подушною податью — крестьяне окончательно перестали быть крѣпкими землѣ, а сдѣлались крѣпостными своихъ господъ. Земля уже вышла изъ виду у государства, государство по ревизіи знало только, сколько душъ въ извѣстномъ имѣніи, а сколько за крестьянами было земли, объ этомъ, мало-по-малу, позабыли и спрашивать, ибо подати шли съ душъ, а не съ земли. Поэтому владѣлецъ могъ нарѣзывать землю крестьянамъ по своему произволу, могъ даже всю землю взять подъ свою запашку, а крестьянъ кормить и одѣвать изъ своего кармана; если бы который крестьянинъ не захо-

тѣмъ этого, то онъ могъ, домашнимъ образомъ, заковать въ цѣпи, посадить въ колодку, наказывать кошками и чѣмъ угодно, а ежели отъ рукъ отбился—продать на свозъ или поставить въ рекруты при первомъ наборѣ. Контролировать господскія распоряженія не было законной возможности. Можно было видѣть владѣльческія злоупотребленія со стороны, можно было дѣйствовать противъ нихъ нравственно, но юридически для владѣльцевъ всегда было готово прикрытіе: владѣлецъ былъ исправенъ предъ государствомъ,—онъ, какъ откупщикъ, аккуратно выплачивалъ лежавшую на его имѣніи откупную сумму. Само правительство, несмотря на желаніе, кажется, не имѣло средствъ къ пресѣченію владѣльческихъ злоупотребленій. На это, нѣкоторымъ образомъ, намекаетъ указъ, отъ 15 апрѣля 1721 года: въ этомъ указѣ государь, признавая всю безнравственность продажи врознь крестьянъ, дѣловыхъ и дворовыхъ людей, «кто похочетъ купить, какъ скотовъ», тѣмъ не менѣе сомнѣвается въ возможности прекратить такую продажу, и хотя предписываетъ: «оную продажу людямъ пресѣчь», но въ то же время оговаривается: «а ежели невозможно будетъ того вовсе пресѣчь, то хотя бы по нуждѣ продавали цѣлыми фамиліями, или семьями, а не врознь».

Но первая ревизія дала только новое направленіе, новый взглядъ на значеніе крестьянъ, для дальнѣйшаго же развитія этого новаго направленія, для полного его приложенія къ жизни, нужно было время и удобныя къ тому обстоятельства. Само правительство, въ продолженіе всего царствованія Петра Великаго, еще колебалось въ полнѣйшемъ развитіи началъ, порожденныхъ первою ревизією; оно преимущественно преслѣдовало ближайшую цѣль, требовавшуюся обстоятельствами, чтобы всѣ служили государству такъ или иначе. Еще въ XVI вѣкѣ московское правительство заботилось, чтобы земля изъ службы не выходила, и для этого предпринимало неудачныя попытки объ отобраніи вотчинъ у духовенства; а въ XVII столѣтіи, мало-по-малу, почти всѣ вотчины служилыхъ людей потеряли значеніе полной, частной собственности и почти сравнялись съ помѣстьями, такъ что владѣльцы должны были нести военную службу и съ вотчинъ такъ же, какъ несли ее съ помѣстьевъ; за неявку на службу владѣльцевъ, вотчины (за исключеніемъ куплей) такъ же или отбирались на государя, или отдавались родственникамъ, какъ и помѣстья.

Этому правилу, завѣщанному старой московской администраціей, постоянно слѣдовалъ и Петръ Великій. Поэтому, когда онъ закрѣпилъ крестьянъ за владѣльцами ревизією, то, вслѣдъ же за тѣмъ, съ большею строгостью, старался прикрѣпить и владѣльцевъ къ государственной службѣ (собственно военной). Хотя дворяне и въ прежнее, до петровскаго время считались постоянно служилыми людьми и дѣйствительно несли очередную службу, однако же прежняя и петровская служба далеко не походили другъ на друга. Тогда служилый человекъ, дворянинъ, являлся на службу или по очереди на полгода, или по вызову правительства на извѣстный походъ, и потомъ отправлялся домой или до новой очереди, или до новаго вызова; теперь же служба дворянина сравнялась съ службою рекрута, взятаго изъ крестьянъ: онъ такъ же, какъ и рекрутъ, поступалъ на службу солдатомъ и только службою достигалъ чиновъ. Самыя взысканія за неявку на службу прежде ограничивались или перечисленіемъ въ низшій разрядъ, или уменьшеніемъ по-

мѣстнаго оклада; при Петрѣ же, послѣ первой ревизіи, неявка дворянина на службу считалась преступленіемъ, равнымъ измѣнѣ, и наказывалась или смертію, или лишеніемъ честнаго имени, шельмованіемъ.

Такимъ образомъ, Петръ Великій, первую ревизію прикрѣпивши крестьянъ къ владѣльцамъ, тѣмъ самымъ прикрѣпилъ и владѣльцевъ къ государственной службѣ. Обширныя права владѣльцевъ надъ крестьянами въ петровское время рѣшительно условливались службою владѣльцевъ государству; владѣлецъ, уклоняясь отъ службы, тѣмъ самымъ уже лишался своихъ владѣльческихъ правъ, и его имѣніе, движимое и недвижимое, покупное и выслуженное или родовое — отбиралось на государя. Конечно, и въ петровское время много дворянъ, богатыхъ владѣльцевъ, уклонялось отъ военной службы, какъ свидѣтельствуемъ Поспшковъ, писавшій въ 1724 году; онъ, представивши нѣсколько примѣровъ уклоненій отъ службы, говоритъ: «А и нынѣ, если посмотрѣть, многое множество у дѣлъ такихъ брызгалъ, что могъ бы одинъ пятерыхъ непріятелей гнать, а онъ, добившись къ какому дѣлу наживочному, да живетъ себѣ, да наживаетъ пожитки; а убогіе дворяне служатъ и съ службы мало сѣзжаютъ; нини лѣтъ по 20 и по 30 служатъ, а богатые лѣтъ пять или шесть послужатъ, да и промышляютъ, какъ бы отъ службы отбыть, да добиться къ дѣламъ и, добившись къ дѣламъ, вѣкъ свой и проживаютъ». Но таковыя уклоненія дѣлались мимо закона, а по закону дворянинъ постоянно долженъ былъ состоять въ службѣ и только службою могъ удерживать за собою владѣльческія права.

Но и постоянная служба владѣльцевъ въ петровское время еще не совсѣмъ обезпечивала права владѣльцевъ на крестьянъ и дворовыхъ людей; съ крѣпостныхъ людей еще не была снята Петромъ же допущенная свобода поступать въ военную службу, не спрашивая на это согласія своихъ господъ. Петръ Великій, постоянно нуждаясь въ служилыхъ людяхъ для укомплектованія войскъ, и послѣ первой ревизіи не переставалъ принимать въ службу охотниковъ и изъ крѣпостныхъ людей. Такъ, указомъ, отъ 7-го марта 1721 года, свобода поступать въ службу была предоставлена всѣмъ крѣпостнымъ людямъ, выключая тѣхъ, которые господами своими были выучены матросскому дѣлу для плаванія своего въ С.-Петербургѣ. Очевидно, законодатель и крѣпостныхъ людей считалъ членами государства, а службу ихъ господамъ — государственною службою, только посредственною, т. е. крѣпостной человѣкъ, служа господину, тѣмъ самымъ служилъ государству; но государство считало себя въ правѣ принять и непосредственную его службу, ежели онъ самъ желалъ этого.

Основные начала первой ревизіи въ петровское время далеко еще не были развиты; администрація и общество еще колебались между старымъ и новымъ порядкомъ, и самъ Петръ Великій еще не твердо шелъ по пути, имъ избранному, и не могъ окончательно отрѣшиться отъ стараго порядка, такъ выгоднаго для владѣльцевъ. Онъ то смѣшивалъ дворовыхъ людей съ крестьянами, то раздѣлялъ сіи два разряда, то предписывалъ раскладку подушной подати производить только между крестьянами, задворными и дѣловыми людьми, устроенными пашнею, то распространялъ эту раскладку на всѣхъ живущихъ по деревнямъ, какого бы кто чина ни былъ, и на конюховъ, и на псарей и т. п.; то предписывалъ всѣхъ служащихъ, какъ крестьянъ, положить въ поборъ;

но это колебаніе, поддерживаемое всѣмъ тогдашнимъ русскимъ обществомъ, нисколько не препятствовало ему постоянно преслѣдовать, такъ или иначе, одну главную мысль, — чтобы въ государствѣ не было избылхъ гулящихъ людей, чтобы каждый несъ свою службу государству, — для этой мысли онъ ничѣмъ не пренебрегалъ и одинаково пользовался и старымъ и новымъ порядкомъ, лишь бы вѣрнѣе достигнуть своей главной цѣли.

Мысль, — чтобы не было избылхъ гулящихъ людей и чтобы всѣ состояли въ той или другой службѣ, — до того была сильна въ Петрѣ Великомъ, что онъ указомъ, отъ 1-го іюня 1722 года, прямо и ясно повелѣлъ, чтобы въ государствѣ не было болѣе такъ-называемыхъ вольныхъ государевыхъ гулящихъ людей, чтобы эта, въ прежнее время и по прежнимъ законамъ огромная масса народа, шатавшаяся изъ одного края Россіи въ другой, не приписанная и жившая вольнымъ трудомъ по найму, шла или въ военную службу, или въ услуженіе къ владѣльцамъ, въ холопы. Въ указѣ сказано: «дворовыхъ людей, которые отъ кого отпущены были на волю по отпускнымъ, и которые послѣ кого кабальные люди остались, и подлежатъ быть свободны; тѣхъ, при настоящей переписи тѣмъ людямъ, у кого такіе есть, велѣть писать особо. А которые на волѣ живутъ, тѣмъ самимъ явиться къ переписи, и переписчикамъ пересмотрѣть. И которые изъ нихъ по осмотру въ службу будутъ годны, тѣхъ писать въ солдаты и отсылать въ военную коллегію; а которые въ службу негодны, тѣмъ давать свободныя письма, что они въ солдаты негодны, токмо при томъ объявлять имъ указомъ съ запискою, чтобы никто изъ нихъ въ гулящихъ не были, а опредѣлялись бы въ другія службы, или къ кому въ дворовое служеніе, а безъ службъ бы никто не шатались, понеже отъ такихъ умножаются воровства, а ежели кто таковыхъ впредь гдѣ поймаетъ, и оные посланы будутъ въ галерную работу». Такимъ образомъ, какъ прямо сказано въ указѣ, прежніе законы о вольныхъ государевыхъ людяхъ и кабальныхъ холопахъ были отмѣнены. Вольныхъ государевыхъ людей новый законъ уже болѣе не признавалъ; они должны были идти или въ солдаты, а ежели въ военную службу не годятся, то искать другихъ службъ или поступать въ холопы къ частнымъ лицамъ, но уже не въ кабальные, какъ бывало прежде, а въ полные, ибо по указу и кабальные, бывшіе на лицо и по прежнимъ законамъ по смерти господъ имѣвшіе право на получение свободы, теперь потеряли это право; они уже не могли оставаться безъ службы, или въ противномъ случаѣ ссылались, какъ праздношатающіеся, на галерную работу. Слѣдовательно, первая ревизія ещене успѣла всѣхъ вольныхъ государевыхъ людей включить въ перепись и обложить поголовною податью или зачислить въ службу, и только настоящій указъ обратилъ на это вниманіе; но, очевидно, и настоящимъ указомъ положено только начало отмѣненію вольныхъ государевыхъ людей и кабальныхъ холопей, ибо мы съ тѣми и другими еще встрѣтимся и по смерти Петра Великаго.

Отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ по закону. Отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ и послѣ первой ревизіи, во все царствованіе Петра Великаго, по закону во многомъ отзывались еще стариною и не показывали совершеннаго уничтоженія личности крестьянъ. Такъ, во-первыхъ, владѣльческимъ крестьянамъ былъ еще открытъ свободный путь къ

разнымъ и не крестьянскимъ промысламъ: они могли торговать и имѣть разные заводы, и по этимъ промысламъ состоятъ въ посадскомъ тягѣ, только съ обязанностью платить своему владѣльцу оброкъ наравнѣ съ прочими крестьянами. Объ этомъ ясно свидѣтельствуется указъ, отъ 27-го сентября 1723 года; въ указѣ сказано: «чи крестьяне торгуютъ въ лавкахъ и отъѣзжими торгами, и въ домахъ имѣютъ кожевенные и другіе промыслы, и тѣ у посадскихъ людей промыслы отымаютъ; и тѣхъ всѣхъ взяты въ посады; а которые крестьяне не похотятъ въ посады, и имъ никакими торгами не торговать, ни промысловъ никакихъ не держать, и въ лавкахъ не сидѣть, и жить имъ за помѣщиками.... А записываться въ посадъ крестьянамъ, какъ въ указѣ отъ 24-го ноября 208 году о томъ упомянуто, вольно, чи бъ ни были, только осмигри-венныя подушныя деньги, также и подати помѣщику обыкновенныхъ крестьянъ, а не по богатству платить, они и ихъ потомки повинны давать тѣмъ, чи они были; записываться тѣмъ, которые будутъ имѣть торгъ съ 500 руб. и выше». Здѣсь права крестьянина прямо основываются на старомъ указѣ 1699 года, и крестьяне далеко еще не составляютъ полной собственности своихъ господъ: законъ обезпечиваетъ господину только постоянный доходъ отъ крестьянина и его потомства, и притому доходъ не по богатству его, а наравнѣ съ другими крестьянами; личность же крестьянина законъ защищаетъ; крестьянинъ, при исправномъ платежѣ опредѣленнаго дохода владѣльцу, по общинной раскладкѣ, и заплативши казенныя подушныя подати, свободенъ распоряжаться своимъ трудомъ и по своимъ промысламъ имѣть право, не спросясь владѣльца, записаться въ посадъ и нести посадское тягло по своему промыслу. Конечно, такового крестьянина владѣлецъ уже не могъ ни продать, ни заложить, ни вытребовать къ себѣ для работъ; посадское тягло защищало его отъ всѣхъ притязаній владѣльца, лишь бы онъ исправно платилъ владѣльцу положенный оброкъ. Государство принимаетъ подъ особое свое покровительство того, кто больше платитъ податей, и высшій платежъ посадскій, не уничтожая низшаго платежа крестьянскаго, тѣмъ не менѣе уничтожаетъ право собственности владѣльца на такового плательщика, оставляя за владѣльцемъ только право на постоянный опредѣленный оброкъ.

Во-вторыхъ, владѣльческіе крестьяне, и не записываясь въ посадъ, еще по старому не теряли правъ личности; по закону они могли еще вступать (и, дѣйствительно, вступали) въ разные подряды съ казною и частными лицами отъ своего имени. Только для удостовѣренія въ ихъ состоятельности требовалось представить свидѣтельство или отъ управителей, или отъ самихъ владѣльцевъ; но такое свидѣтельство, очевидно, еще не означало дозволенія владѣльца на вступленіе крестьянина въ подрядъ: казна еще не находила нужнымъ требовать такового дозволенія, по закону крестьянинъ еще считался гражданскимъ лицомъ и могъ вступать въ подряды отъ своего имени и безъ дозволенія владѣльца, — она только нуждалась въ удостовѣреніи, что крестьянинъ имѣетъ достаточный капиталъ для принятія подряда.

Въ-третьихъ, самое владѣніе крестьянъ землею въ петровское время до нѣкоторой степени не отзывалось старымъ порядкомъ, хотя этотъ порядокъ вслѣдствіе развитія уже терялъ свой прежній смыслъ. Законъ, по старому, необходимымъ условіемъ крестьянства еще признавалъ землю

и именно въ опредѣленномъ размѣрѣ. Такъ, правительство, отбирая въ казну утаенныхъ по ревизіи владѣльческихъ крестьянъ, съ тѣмъ вмѣстѣ отбирало у владѣльца и слѣдующую на утаенныхъ крестьянъ долю земли.

Въ-четвертыхъ, наконецъ, по всему вѣроятію, владѣльцы по закону ще не имѣли права суда надъ своими крестьянами и крѣпостными юдьми. Право это, какъ дальнѣйшее послѣдствіе, вытекавшее изъ ревизіи, еще не успѣло выработаться при Петрѣ Великомъ, хотя на практикѣ въ жизни существовало и прежде. Такимъ образомъ, и послѣ ревизіи за крестьянами, по закону, еще осталось много старыхъ правъ, есогласныхъ съ тѣми началами ревизіи, которые развились впослѣдствіи; но въ то же время было и важное нововведеніе, согласное съ основными началами ревизіи,—это утвержденіе разряда заводскихъ крестьянъ. Постоянно преслѣдуя одну главную цѣль, согласную съ началами ревизіи,—чтобы всѣ состояли на службѣ государству, гдѣ служба потребуется по соображеніямъ правительства,—Петръ Великій, считая заведеніе и распространеніе заводовъ и фабрикъ службою государству, находя по тогдашнимъ обстоятельствамъ для этой цѣли сподручнымъ невольный трудъ, не замедлилъ открыть новый разрядъ крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ фабрикамъ и заводамъ. Указомъ, отъ 18-го января 1721 года, онъ разрѣшилъ шляхетству и купечеству покупать деревни къ заводамъ и фабрикамъ. Это новое прикрѣпленіе не къ землѣ и не къ лицу, а къ заводу или фабрикѣ, стѣснительное и для владѣльцевъ, еще стѣснительнѣе было для крестьянъ. Въ деревняхъ землевладѣльческихъ крестьяне занимались земледѣліемъ и на себя и на господина, жили своимъ хозяйствомъ и, за уплатою оброковъ или за отправленіемъ владѣльческихъ работъ, могли добывать на себя и заниматься разными промыслами, которые считали болѣе прибыльными. Напротивъ того, заводскіе крестьяне или фабричные уже лишились права выбора промысловъ; они по самому закону должны были непремѣнно работать на фабрикахъ и заводахъ, ихъ хозяйство уже зависѣло отъ завода или фабрики, къ которымъ они были приписаны; они были собственно работниками, рабами завода или фабрики, самъ хозяинъ не могъ дать имъ другаго назначенія, назначеніе ихъ уже было опредѣлено закономъ. Конечно, это новое рабство свободныхъ или полусвободныхъ людей могло явиться не раньше, какъ въ то время, когда и въ земледѣльческихъ деревняхъ крестьяне болѣе или менѣе обратились въ рабовъ. Законъ только утвердилъ то, что уже фактически было допущено жизнью, т. е. призналъ законность факта, узаконивъ другой тягчайшій фактъ новаго рабства. Но какъ бы то ни было, рабство заводское или фабричное было гораздо тяжелѣе земледѣльческаго и тѣмъ болѣе, что въ первое время не было издано никакихъ правилъ объ отношеніяхъ крестьянъ къ заводамъ и ихъ владѣльцамъ: правила сіи были изданы гораздо позднѣе, уже долго спустя по смерти Петра Великаго; слѣдовательно, крестьяне были предоставлены въ полное распоряженіе заводскихъ хозяевъ, какъ обязательныя рабочія силы для производства заводскихъ работъ.

Отношеніе крестьянъ къ землевладѣльцамъ на практикѣ, въ жизни. Хотя первая ревизія, измѣнившая, по своимъ началамъ, значеніе крестьянъ по закону, въ петровское время еще не получила полного развитія и примѣненія къ дѣлу, тѣмъ не менѣе на практикѣ, въ жизни, далеко

уже развила произволь владѣльцевъ. Мы уже видѣли, что владѣльцы продавали крестьянъ въ розницу, раздробляя семейства, отдѣльно отцовъ отъ дѣтей и т. п., какъ прямо сказано въ указѣ Петра Великаго: «продаютъ людей, какъ скотовъ, въ рознь». Но еще нагляднѣе представляетъ развитіе владѣльческаго произвола современникъ Петра, крестьянинъ Иванъ Посошковъ. Онъ въ своемъ сочиненіи «О скудости и богатствѣ», написанномъ въ 1724 году, говоритъ: «Помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобноносимая; ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ рабочую пору не даютъ крестьянамъ своимъ единого дня, еже бы ему на себя что сработать. И тако пахатную и сѣнокосную пору всю и теряютъ у нихъ. Или что положено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ отъ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянъ въ нищету пригоняютъ, и тоторый крестьянинъ станетъ мало посылтѣ быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ; и многіе дворяне говорятъ: крестьянину не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола; и тако творя, царство пустошатъ, понеже такъ ихъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ. Отъ таковыя нужды дома свои оставляютъ и бѣгутъ инне въ Понизовыя мѣста, инне жъ и во Украинныя, а инне и въ зарубежныя; тако чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ». Конечно, широкій произволь владѣльцевъ надъ крестьянами не былъ прямымъ порожденіемъ первой ревизіи: онъ былъ сильно подготовленъ предшествовавшимъ временемъ; какъ мы уже видѣли, владѣльцы и прежде не очень стѣснялись въ своихъ распоряженіяхъ крестьянами; тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что ревизія много способствовала развитію владѣльческаго произвола, ибо она, по началамъ своимъ, отрицала прежнія права крестьянъ. Владѣльческій произволь при ея помощи развился бы еще сильнѣе, ежели бы его не сдерживала желѣзная воля Петра *); этому лучшимъ доказательствомъ служить непомѣрно-нбыстрое развитіе произвола въ послѣдующее время.

Впрочемъ, порядокъ отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ, представленный Посошковымъ, безъ сомнѣнія достовѣренъ, но только въ частности, а не вообще.

Въ самыхъ указахъ правительства мы видимъ, что доходы помѣщиковъ съ крестьянъ имѣли до нѣкоторой степени опредѣленный размѣръ; такъ, въ указахъ, отъ 4 и 13 апрѣля 1723 года, сказано: «на Украинцовъ сверхъ осми-гривеннаго сбора положить еще по четыре гривны съ души, вмѣсто того, что прочіе крестьяне плататъ дворцовые во дворецъ, синодальнаго вѣдѣнія въ синодъ, помѣщиковы своимъ помѣщикамъ».

Многіе акты показываютъ, что послѣ первой ревизіи, въ продолженіе царствованія Петра Великаго, хотя и были значительныя злоупотребленія владѣльцевъ, и многіе крестьяне отъ того терпѣли крайнее разореніе, но тѣмъ не менѣе общій уровень владѣльческихъ доходовъ съ крестьянъ былъ почти въ половину менѣе подушной подати въ казну;

---

*) Петръ Великій въ наказѣ воеводамъ 1719 года предписывалъ помѣщикамъ, разоряющихъ крестьянъ, лишать управленія своими деревнями и деревни ихъ отдавать въ управленіе родственникамъ, а ихъ довольствовать опредѣленными доходами.

особенно таковою легкостію пользовались крестьяне дворцовые и синодальнаго вѣдомства, въ управленіи которыми было болѣе порядка и отчетности.

Такимъ образомъ, первая ревизія, хотя внесла въ русскую администрацію и законодательство новыя начала, небывалыя прежде въ Россіи и сильно измѣнившія значеніе владѣльческихъ крестьянъ,—однако всѣ сіи начала въ царствованіе Петра Великаго далеко еще не имѣли полнаго развитія. Старый порядокъ, старое значеніе крестьянъ еще были очень сильны; ни администрація, ни общество не могли еще отъ нихъ отвыкнуть; самъ Петръ Великій въ этомъ дѣлѣ поступалъ весьма осторожно и не пренебрегалъ старымъ порядкомъ, не имѣя возможности вполнѣ замѣнить его новымъ безъ опутительныхъ неудобствъ въ администраціи. Да и вообще государственныя и бытовыя реформы Петра такъ были обширны и разнообразны, что онъ, по необходимости, развитіе многихъ началъ, внесенныхъ имъ въ русскую жизнь, долженъ былъ предоставить послѣдующему времени. Первая ревизія, поровнявши дворовыхъ людей съ крестьянами и отнявши у владѣльцевъ право исключительной собственности на тѣхъ и другихъ, не успѣла уничтожить въ конецъ стараго порядка и старыхъ понятій о значеніи крестьянства; въ обществѣ даже было убѣжденіе, что крестьяне принадлежатъ владѣльцамъ только временно, что право владѣнія на крестьянъ только условливается службою владѣльцевъ. Такъ, петровскій современникъ, крестьянинъ Иванъ Посошковъ, пишетъ: «крестьянамъ помѣщики не вѣковыя владѣльцы, того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ владѣтель россійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно. И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорать; но надлежитъ ихъ царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне были крестьянами прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство—богатство царственное».

Для самихъ крестьянъ существенное измѣненіе въ ихъ бытѣ и значеніи, порожденное первою ревизіею, еще было не замѣтно: они, во все продолженіе царствованія Петра, еще думали, что пользуются прежними правами, и всѣ притязанія господской власти считали старыми злоупотребленіями. Дѣйствительно, по формѣ послѣднія походила на прежніе обычаи владѣльцевъ, хотя въ сущности истекали изъ новыхъ началъ и имѣли уже опору въ законѣ. Такъ, на примѣръ, продажа крестьянъ безъ земли производилась и прежде, вслѣдствіе извѣстнаго указа 1675 года; то же должно сказать о переводѣ крестьянъ въ дворовые люди; участіе владѣльцевъ въ платежѣ крестьянами разныхъ казенныхъ податей также не было новостью, ибо владѣльцы и до первой ревизіи, какъ уже было извѣстно, принимали сильное участіе въ этомъ дѣлѣ и имѣли для того особыхъ стряпчихъ, хотя законъ въ то время и не обязывалъ ихъ къ этому; не новостью также было вмѣшательство владѣльцевъ въ крестьянскій судъ и расправу, да притомъ ревизія на это прямо и не указывала—права владѣльцевъ, относительно суда надъ крестьянами, вытекали изъ ревизіи только какъ дальнѣйшія послѣдствія; самыя работы крестьянъ на владѣльцевъ, а также разные владѣльческіе оброки еще не всегда и не вездѣ разнились отъ прежнихъ работъ и оброковъ, да и по закону крестьяне не были еще лишены права искать суда на владѣльческія притѣсненія.

Самое положеніе полныхъ холоповъ и кабалныхъ слугъ, существенно прямо и рѣзко измѣненное первою ревизіею, еще не ясно сознавалось тѣми самыми людьми, до которыхъ оно болѣе всего касалось; холопы, по прежнему состоя въ полномъ распоряженіи своихъ господъ, вѣроятно, еще и не замѣчали, что по ревизіи они сдѣлались членами русскаго общества, что за нихъ уже платится подушная подать. Кабалные слуги, вслѣдствіе ревизіи потерявшіе право на свободу по смерти господъ, конечно, прежде другихъ должны были замѣтить всю невыгоду своего новаго положенія; но и ихъ положеніе въ самомъ законѣ такъ еще было неясно и такъ соприкасалось съ старыми обычаями, что и они, по всему вѣроятію, считали еще себя кабалными слугами, а не полными холопами, да и самый законъ окончательно, кажется, не рѣшилъ ихъ участи, ибо и по смерти Петра мы еще встрѣтимъ указы, касающіеся кабалныхъ слугъ.

Введенная первою ревизіею перемѣна отношеній между владѣльцами и ихъ подданными разныхъ разрядовъ въ царствованіе Петра Великаго еще не сознавалась ясно ни тою, ни другою стороною; вся тяжесть этой перемѣны и постепенное ея развитіе проявились уже при ближайшихъ Петровыхъ преемникахъ.

LVII. ОТНОШЕНІЯ ПЕТРА КЪ ПАТРИАРХАМЪ, ОТМѢНА ПАТРИАРШЕСТВА И УЧРЕЖДЕНІЕ СИНОДА.

(Изъ «Руководства къ русской церковной исторіи» Знаменскаго.)

Всѣ протесты противъ реформы раздавались во имя вѣры и съ сильнымъ участіемъ въ нихъ духовныхъ лицъ; это обстоятельство не могло не отозваться весьма дурно на положеніи главы всего духовенства—патриарха. Еще до времени своего единодержавія, при жизни матери, Петръ уже далеко разошелся съ п. Іоакимомъ. Къ этому времени относится грубая насмѣшка Петра надъ патриаршествомъ, выразившаяся въ учрежденіи «всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора», во главѣ котораго былъ поставленъ пьяный Никита Зотовъ, бывший учитель царя, съ титуломъ Іоанникита, патриарха презбургскаго, аузскаго и всего Кокуя; членамъ компаніи розданы въ этомъ соборѣ различныя должности—эклезіарховъ, дьяконовъ и проч., самъ царь принялъ на себя должность протодьякона. Преемникъ Іоакима, Адрианъ, сначала-было рѣзко высказался въ старомъ духѣ противъ иноземныхъ обычаевъ и нововведеній, но скоро долженъ былъ замолчать; въ послѣднее время онъ даже вовсе уѣхалъ изъ Москвы и жилъ безучастно въ своемъ любимомъ Перервинскомъ монастырѣ, такъ что въ народѣ говорили: «вакой онъ патриархъ? живетъ изъ куска, бережетъ мантию да клубука бѣлаго, затѣмъ и не обличаетъ». Патриархъ не мѣшалъ реформамъ; но Петру этого было мало, ему нужно было, чтобы патриархъ ему содѣйствовалъ; безучастное положеніе главы церкви было тѣмъ же отрицаніемъ новыхъ порядковъ, только безмолвнымъ. Чѣмъ больше разгоралась борьба реформы съ противодей-

ствіями, тѣмъ положеніе патріарха дѣлалось хуже, а отношенія къ нему царя подозрительнѣе. По случаю небольшого замедленія въ постриженіи царицы Евдокіи, Петръ такъ опалился на Адріана, что тотъ испугался и поспѣшилъ отвести отъ себя бѣду, сославшись на архимандрита и 4-хъ священниковъ; ихъ немедленно отвезли въ Преображенское. Очень понятно, что значила та встрѣча, какую царь сдѣлалъ патріарху, когда послѣдній вспомнилъ старинный обычай печалованія и передъ стрѣльцами явился къ Петру съ образомъ Богоматери ходатайствовать за стрѣльцовъ. «Зачѣмъ эта икона?—закричалъ гнѣвный царь:—развѣ твое дѣло приходитъ сюда? Поставь образъ на свое мѣсто. Быть можетъ, я побольше тебя почитаю Бога и Его Пречистую Матерь. Я исполняю свой долгъ, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него злоумышляющихъ». Петръ видѣлъ въ патріархѣ живое нравственное средоточіе всѣхъ недовольныхъ; для подтвержденія такого взгляда, среди тогдашнихъ обстоятельствъ, ему вовсе не нужно было какихъ нибудь особенныхъ фактовъ въ поведеніи Адріана; достаточно было и того, что Адріанъ высказывался въ духѣ недовольныхъ прежде; теперь онъ замолчалъ, но онъ могъ заговорить опять, и притомъ въ такое время, когда противодѣйствіе патріарха было всего болѣе опасно, могло надѣлать еще больше хлопотъ, чѣмъ во времена п. Никона. Несмотря на то, что Адріанъ вовсе былъ непохожъ на Никона, грозная тѣнь этого властительнаго патріарха была постоянно въ глазахъ Петра. Въ октябрѣ 1700 г. патріархъ скончался, и возникъ трудный вопросъ о назначеніи ему преемника. Гдѣ было найти человѣка, сочувствующаго реформамъ, когда между духовными лицами трудно было выбрать даже такого патріарха, который давалъ бы право надѣяться даже на одно только безмолвіе съ своей стороны. Петръ рѣшился повременить избраніемъ патріарха. Управление церковію на время поручено было *мѣстоблюстителю патріаршаго престола*, рязанскому митрополиту Стефану Яворскому. Съ этого времени идетъ непрерывный рядъ перемѣнъ въ іерархическомъ строѣ русской церкви.

Отношеніе Петра къ великорусскому духовенству.

Прежде всего всѣ важныя іерархическія посты стали замѣщаться малороссійскими учеными, которыхъ такъ еще недавно преслѣдовали въ Москвѣ при послѣднихъ патріархахъ. Великорусскимъ духовенствомъ Петръ былъ недоволенъ; оно не имѣло нужнаго для цѣлей реформы образованія и постоянно попадалось въ числѣ недовольныхъ. Попадались не одни священники и монахи, но даже архіереи, напр. Исаія нижегородскій, который видѣлъ въ шведской войнѣ наказаніе Божіе за новыя порядки, и Игнатій тамбовскій, который давалъ деньги книгописцу Талицкому и плакалъ при чтеніи его фанатическихъ тетрадей, гдѣ доказывалось, что Петръ антихристъ. Большая часть іерарховъ подражала безмолвію п. Адріана, и только очень немногіе выражали свое сочувствіе Петру. Первымъ великорусскимъ архіереемъ изъ юго-западныхъ ученыхъ былъ Стефанъ Яворскій. Онъ родился въ 1658 г. въ Галиціи отъ русскаго шляхетскаго семейства, учился сначала въ кievской коллегіи, потомъ въ польскихъ школахъ у іезуитовъ, гдѣ, какъ и всѣ русскіе ученики, долженъ былъ отречься отъ православія; въ 1689 году въ Кіевѣ опять присоединился къ православію, постригся въ монашество и опредѣленъ на службу при кievской коллегіи. Въ 1700 году

м. Варлаамъ Ясинскій послалъ его въ Москву съ просьбой къ патриарху о посвященіи его на переяславльскую епископію, но Петръ, замѣтивъ его проповѣдническій талантъ, пожелалъ имѣть его поближе къ Москвѣ и указалъ поставить его прямо въ митрополита рязанскаго. По старой подозрительности къ юго-западнымъ ученымъ, Яворскаго встрѣтили въ Москвѣ очень недружелюбно, называли еретикомъ, обливанникомъ, ляшенкомъ, и толковали, что онъ купилъ себѣ архіерейство за 3000 червонцевъ; поэтому онъ очень упорно отказывался отъ великорусской кафедры и принялъ посвященіе уже по непреклонному желанію самого царя. Къ концу года молодой митрополитъ, имѣвшій всего 42 года отъ роду, сдѣланъ былъ мѣстоблюстителемъ патриаршаго престола. Найдя умнаго и образованнаго архипастыря, Петръ былъ очень милостивъ къ нему, давалъ ему значительныя награды, послѣ лишенія сана Игнатія тамбовскаго далъ Стефану и тамбовскую епархію.

Вслѣдъ за Яворскимъ на великорусскихъ кафедрахъ стали являться и другіе архіереи—малороссы. Послѣ смерти Игнатія тобольскаго (1701) вызванъ на его мѣсто въ митрополиты батуринскій игуменъ, св. Димитрій Туптало. На тобольскую епархію, отъ которой отказался Димитрій, избранъ былъ тоже малороссъ, Филоевъ Лещинскій. Въ 1707 г. открыта епархія иркутская, и первымъ епископомъ ея сдѣланъ тоже воспитанникъ кievской коллегіи, Варлаамъ Коссовскій. Съ востока отъ п. Досиеня опять послышались обличенія противъ малороссовъ. Въ 1702 г. онъ прислалъ къ царю посланіе, въ которомъ просилъ его не ставить на іерархическія должности ни грековъ, ни сербовъ, ни черкасъ (малороссовъ), а ставить однихъ природныхъ москвитянь, «аще и немудріи суть». Но Петръ уже не обращалъ вниманія на представленія патриарха, потому что разница между дѣятельностью кievскихъ питомцевъ и великорусскихъ іерарховъ была слишкомъ очевидна и далеко не въ пользу послѣднихъ. Въ то время, какъ пріѣзжіе архіереи заводили школы, боролись съ расколомъ, обращали инородцевъ, помогали царю въ реформахъ, старая іерархія, воспитанная среди старой немногочисленной жизни, гдѣ важнѣйшимъ вопросомъ былъ только вопросъ объ обрядовомъ благолѣпнн и церковной дисциплинѣ, не нашла въ себѣ ни подготовки, ни силъ къ новой обширной дѣятельности, какая теперь требовалась отъ нея новыми задачами реформы. Разумѣется, она вовсе не сознавала своей несостоятельности и сильно была обижена, видя, какъ всѣ важнѣйшія порученія и милости правительства помимо ея идутъ къ архіереямъ черкасамъ, которые притомъ же были все люди молодые и новые. Затаенное неудовольствіе противъ черкасъ по временамъ изливалось въ дружескихъ письмахъ даже такихъ почтенныхъ святителей, какъ новгородскій митрополитъ Іовъ.

Дѣло царевича Алексѣя.

Люди недовольные преобразованиями, какъ извѣстно, всю надежду полагали въ будущемъ, когда долженъ былъ воцариться царевичъ Алексѣй, воспитанный въ старомъ духѣ. На него же возлагало свои надежды и недовольное новыми порядками духовенство. Благочестивый царевичъ постоянно былъ окруженъ духовными лицами стариннаго направленія и самъ высказывалъ большое нерасположеніе къ наѣзжимъ черкасамъ. Особенно сильное вліаніе на него имѣлъ его духовникъ, Яковъ Игнатьевъ, человекъ энергичный, съ сильнымъ

характеромъ, бывшій для царевича тѣмъ же, чѣмъ былъ Никонъ для царя Алексѣя; царевичъ далъ ему клятвенный обѣтъ чтить его, какъ ангела Божія и судію дѣлъ своихъ, и во всемъ покоряться его волѣ. Будучи однимъ изъ злѣйшихъ враговъ Петра, Игнатъевъ употребилъ все свое вліаніе на царевича, чтобы внушить ему ненависть ко всѣмъ дѣламъ и самой личности отца, напоминалъ Алексѣю о судьбѣ его несчастной матери Евдокіи, указывалъ на счастливую Екатерину, на которой царь женился вторымъ бракомъ, порицалъ распоряженія и реформы Петра, какъ противныя православію, и т. д. Царевичъ всего болѣе рассчитывалъ на расположеніе духовенства, въ которомъ былъ совершенно увѣренъ, и говорилъ своимъ приближеннымъ: «Когда будетъ мнѣ время безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ; тогда меня и нехотя владѣтелемъ учинятъ». Къ нему былъ привязанъ самъ мѣстоблюститель Стефанъ, который начиналъ уже замѣтно скучать въ напрасномъ ожиданіи патриаршаго сана и понемногу сближался съ недовольной великорусской партіей духовенства. Въ 1712 г. онъ говорилъ проповѣдь на день Алексѣя человѣка Божія, тезоименитство царевича, и не утерпѣлъ, чтобы не сдѣлать въ ней очень прозрачныхъ намековъ на поведеніе царя, неодобрительно коснулся въ ней недавняго учрежденія въ Россіи фискаловъ, пустился въ обличенія противъ оставляющихъ своихъ женъ, не хранящихъ постовъ и обидящихъ церковь, и обращаясь къ лицу царевича, называлъ его единою надеждою Россіи. Петру донесли объ этой проповѣди, и онъ совсѣмъ запретилъ Стефану говорить проповѣди. Съ этого времени друзья царевича считали мѣстоблюстителя своимъ. Царевна Марья Алексѣевна, державшаяся старини, говорила Алексѣю, что м. Стефанъ склоненъ къ нему и не благо принялъ бракъ царя съ Екатериною, отъ котораго могли быть другіе наследники престола, кромѣ его. Несмотря на то, что царевичъ рѣдко сносился съ мѣстоблюстителемъ, Петръ сильно подозрѣвалъ послѣдняго въ соучастничествѣ съ своимъ сыномъ. Когда царевичъ скрылся отъ отца за границу (1718 г.), царь однажды спросилъ Яворскаго, чтѣ онъ объ этомъ думаетъ. — «Думаю, отвѣчалъ уклончивый малороссъ, что онъ хочетъ поучиться за границей». Царь быстро взглянулъ на него и сказалъ: — «Если ты говоришь это въ утѣшеніе мнѣ, то хорошо; иначе слова твои — Мазепины рѣчи». Яворскій даже захворалъ отъ этого слова. Изъ-за границы Алексѣй писалъ письма къ довѣреннымъ лицамъ, Якову Игнатъеву, архіереямъ Досіею Ростовскому, Игнатію Смоль крутицкому и Юсафу Кроковскому кievскому. Когда его схватили и привезли изъ-за границы въ Москву, онъ выдалъ всѣхъ своихъ сторонниковъ и между прочимъ сильно повредилъ духовенству, поставивъ главною причиною своей вражды съ отцомъ «бесѣды съ попами и чернцами». Смерть Алексѣя была для царя самой тяжелой жертвой во имя реформы; раздраженіе его во время розысковъ по дѣлу царевича напоминало страшное время стрѣльцоваго розыска. Понятно, какъ онъ долженъ былъ отнестись къ виновникамъ всего этого дѣла, на которыхъ указалъ ему самъ царевичъ. «Когда бы не монахиня (Евдокія) и не монахи, говорилъ онъ, — не дерзнулъ бы Алексѣй на такое неслыханное зло. Многому злу корень старцы и попы; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ, а я съ тысячами».

Дѣло царицы Евдокіи.

Въ одно время съ дѣломъ царевича шло не менѣе тяжелое дѣло о его матери. По розыскамъ оказалось, что она не переставала считать себя царицей; свое невольное постриженіе считала недействительнымъ, ходила въ мірскомъ платьѣ и мечтала снова быть на престолѣ. Въ сочувствіи къ ней и ея сыну снова попало множество духовныхъ лицъ, которые поминали ее царицей при богослуженіи и воздавали ей царскія почести; попались монахины Покровской обители, монахи окрестныхъ монастырей, духовникъ ея, ключарь суздальскаго собора Ѳеодоръ Пустынный, архимандритъ Досіеѣй (сдѣлавшійся потомъ ростовскимъ архіереѣмъ) и крутицкій митрополитъ Игнатій. Ѳеодоръ Пустынный, Досіеѣй и еще какой-то иродивый Михайло Босой, прочили ей скорую смерть царя и вмѣстѣ съ тѣмъ скорую перемѣну ея участи, ссылаясь при этомъ на свои видѣнія и гласы отъ образовъ. Когда она пенила Досіеѣю за то, что пророчества въ назначенное время не сбывались, онъ увѣрялъ, что это случилось за грѣхи ея отца, и бралъ отъ нея многіе дары и деньги, чтобы молиться объ ея отцѣ; черезъ годъ увѣрялъ, что видѣлъ ея отца выпущеннымъ изъ ада до пояса, еще черезъ годъ,—что онъ уже только по колѣно въ аду, и т. д. Послѣ розыска Евдокія была заточена въ ладожскій монастырь. Сторонники ея и ея сына подверглись жестокимъ казнямъ и ссылкамъ. Казнены Яковъ Игнатѣевъ и Ѳеодоръ Пустынный. Досіеѣя ростовскаго тоже приговорили къ смертной казни. «Только я одинъ попался,—говорилъ онъ на соборѣ предъ архіереями, снимавшими съ него санъ. Посмотрите, и у всѣхъ что на умѣ; извольте пустить уши и въ народъ, что въ народъ говорятъ». Онъ былъ колесованъ. Менѣе другихъ виновный, м. Игнатій назначенъ къ переводу изъ Крутицъ въ Иркутскъ, но отпросился по старости на покой въ Нилову пустынь. Иоасафъ Кроковскій вызванъ изъ Кіева къ допросу, но скоропостижно скончался въ дорогѣ.

Вопросъ о патриаршествѣ.

Оба слѣдствія имѣли рѣшительное вліяніе на отношенія Петра къ духовенству. Оказывалось, что и малороссійскіе іерархи не всѣ могутъ раздѣлять его идеи. Воспитанные на латинской мудрости, кіевскіе ученые въ своихъ понятіяхъ о правахъ духовенства и отношеніи между церковной и государственной жизнью невольно увлеклись клерикальнымъ духомъ латинства, тогда какъ понятія объ этихъ предметахъ самого Петра во многомъ носили отгѣнокъ протестантскій. Съ своей государственной точки зрѣнія онъ терпѣть не могъ папства и всего, что его напоминало, и еще во время перваго своего путешествія по Европѣ съ сочувствіемъ выслушивалъ совѣты Вильгельма Оранскаго организовать русскую церковь на подобіе англиканской, объявивъ ея главою самого себя. Въ 1712 г. въ Виттенбергѣ онъ сазалъ передъ статуей Лютера:—«сей мужъ подлинно заслужилъ это; онъ на папу и на все его воинство столь мужественно наступалъ для величайшей пользы своего государя и многихъ князей, которые были поумнѣ прочихъ». Свою ненависть къ папству онъ выразилъ въ шутовской пародіи на папу и конклавъ, устроивъ свою коллегію кардиналовъ, съ княземъ папой во главѣ, изъ самыхъ горькихъ пьяницъ и выставивъ ее на грубую народную потѣху. Но этотъ же князь-папа, когда было нужно, превращался еще въ аюзскаго и кокуйскаго патриарха. Въ то

время, какъ Яворскій и другіе іерархи ждали возстановленія патріаршества, оно сближалось въ головѣ Петра съ папствомъ. Въ 1714 г. онъ уже ясно высказалъ свою мысль о замѣнѣ единоличнаго церковнаго управленія соборнымъ. Въ 1715 г. онъ праздновалъ извѣстную свадьбу яузскаго патріарха Зотова, — шумный анти-патріаршій праздникъ, съ маскарадомъ, публичными процессіями и колокольнымъ звономъ на всѣхъ московскихъ колокольняхъ. Вопросъ объ уничтоженіи патріаршества былъ рѣшенъ. Въ 1718 г., когда были учреждены вмѣсто патріаршества приказы коллегіи, вышелъ указъ учредить и духовную коллегію. Яворскій, вмѣсто патріаршества, назначался только въ президенты этой коллегіи; но и въ этомъ скромномъ званіи ему предстояло быть только номинальнымъ правителемъ церкви: дѣйствительное вліяніе на церковную администрацію должны были получить другія лица, болѣе соотвѣтствовавшія видамъ Петра. Въ 1718 г. Теофанъ поставленъ былъ епископомъ псковскимъ и съ этого времени сдѣлался правою рукою Петра во всѣхъ его послѣдующихъ церковныхъ реформахъ. Въ то время, какъ мѣстоблюститель вмѣстѣ съ великорусскими іерархами сѣтовалъ объ уничтоженіи патріаршества, Теофанъ по порученію царя писалъ регламентъ для духовной коллегіи.

Открытіе синода.

Въ 1720 году духовный регламентъ былъ уже готовъ, а 1721 г. 14 февраля послѣдовало торжественное открытіе духовной коллегіи, получившей наименованіе святѣйшаго правительствующаго синода. Въ 1723 г. учрежденіе синода было подтверждено и восточными патріархами, которые въ грамотѣ своей называли его своимъ братомъ и признавали за нимъ власть, равную патріаршей. Причины новой формы церковнаго управленія были указаны въ регламентѣ, гдѣ говорилось, что коллегіальное правленіе, въ сравненіи съ одноличнымъ, съ одной стороны можетъ безпристрастнѣе и скорѣе рѣшать дѣла, менѣе можетъ стѣсняться боязнію предъ сильными лицами и, какъ соборное, имѣетъ болѣе авторитета, а съ другой стороны представляется менѣе опаснымъ для государства, ибо «простой народъ не знаетъ, какъ различается власть духовная отъ самодержавной, и, удивляемый славой и честію верховнаго пастыря церкви, помышляетъ, что этотъ правитель есть второй государь самодержцу равносильный, или и больше его, и что духовный чинъ есть другое лучшее государство, и если случится между патріархомъ и царемъ разногласіе, то скорѣе пристанутъ къ сторонѣ перваго, мечтая, что побораютъ по самому Богѣ». Въ доказательство указано на византійскую исторію и папское властолюбіе. «Да не вспомнаться, сказано въ заключеніе, подобныя и у насъ бывшія замашки». Президентъ же коллегіи не имѣетъ на себѣ никакой, народъ удивляющей, не имѣетъ и особенной силы, такъ какъ его голосъ въ коллегіи равенъ съ голосами всѣхъ остальныхъ членовъ; и въ случаѣ суда надъ нимъ не нужно созывать вселенскаго собора и обращаться на сторону, такъ какъ онъ подлежитъ суду самой же коллегіи. Синодъ явился учрежденіемъ правительственнымъ, чрезъ которое *внѣшнее* управленіе церковію вдвигалось въ составъ общей государственной администраціи; члены его давали присягу считать государя своимъ «крайнимъ судіею» и наблюдать всѣ государственныя интересы.

Составъ св. синода.

Св. синодъ состоялъ изъ президента (Стефанъ Яворскій), двоихъ вице-президентовъ (Теодосій и Теофанъ), четырехъ совѣтниковъ и четырехъ ассесоровъ. Въ числѣ членовъ его были представители всѣхъ классовъ духовенства — административнаго (архіереи), подчиненнаго чернаго (настоятели монастырей) и бѣлаго (городскіе протопопы); для большей свободы голоса всѣхъ членовъ синода положено, чтобы настоятели и протопопы не выбирались въ синодъ въ одно время съ своими архіереями. Всѣхъ сильнѣе между членами синода были Теодосій и Теофанъ. Яворскій сохранялъ между ними только номинальное первенство и никакъ не могъ помириться съ новою формою церковнаго управленія; въ послѣднее время онъ совершенно примкнулъ къ архіереямъ великоруссамъ и заодно съ ними сѣтовалъ о невозвратно минувшихъ временахъ патріаршества. Другаго президента въ синодъ послѣ смерти Яворскаго (1722) Петръ уже не назначалъ. На открывшуюся синодальную вакансію назначенъ былъ новымъ членомъ Теофилактъ Лопатинскій, вскорѣ посвященный епископомъ въ Тверь. Между вліятельными членами іерархіи это былъ теперь единственный кievлянинъ, къ которому дружелюбно относились великорусскіе архіереи, одна изъ самыхъ чистыхъ и свѣтлыхъ личностей своего времени. Старшимъ между всѣми членами синода послѣ Стефана осталася Теодосій Яворскій, носившій званіе перваго синодальнаго вице-президента. Пользуясь довѣріемъ царя и будучи у него почти домашнимъ человѣкомъ, онъ до того развилъ свое вліяніе, что ему во всемъ старался уступать даже Теофанъ Прокоповичъ, неизмѣримо превосходившій его умомъ и широтой своей дѣятельности по церковнымъ дѣламъ. Все нерасположеніе къ черкасамъ сосредоточилось поэтому главнымъ образомъ на Теодосіи. Своимъ недуховнымъ поведеніемъ онъ еще болѣе усиливалъ общее негодованіе великорусской іерархіи; онъ жилъ на широкую ногу, какъ знатный вельможа, заводилъ у себя роскошные столы, въ 1724 г. въ подражаніе царю устроилъ въ Москвѣ даже ассамблеи, на которыя должны были собираться всѣ духовные сановники Москвы поочередно то у того, то у другаго. По своему безпокойному и властолюбивому характеру онъ, однако, ненадолго могъ удержаться на своей высотѣ. Недовольный тѣмъ, что послѣ Стефана не былъ назначенъ президентомъ, потомъ урѣзываніемъ архіерейскихъ доходовъ духовными штатами, онъ сдѣлался рѣзко, началъ высказывать негодованіе на обидѣніе и порабощеніе церкви свѣтскою властью, вспоминалъ м. Филиппа, бранилъ царя и подъ конецъ царствованія Петра окончателно потерялъ довѣріе и любовь государя; къ этому присоединилось еще опасное слѣдствіе о расхищеніи имъ церковныхъ вещей въ своей епархіи. Вскорѣ послѣдовавшая кончина Петра (въ началѣ 1725 г.) была поэтому очень счастливымъ событіемъ для Теодосія, которое спасало его отъ серьезной опасности.

Положеніе синода въ составъ администраціи.

По своимъ правамъ св. синодъ былъ во всемъ сравненъ съ сенатомъ и на ряду съ послѣднимъ непосредственно подчиненъ государю; въ отсутствіи государя ихъ совокупныя рѣшенія получали силу рѣшеній верховной власти. Какъ и сенатъ, синодъ получилъ власть въ предѣлахъ своего вѣдомства издавать новые законы и пополнять ими свой регламентъ, признанный основнымъ закономъ церковнаго управленія. Въ дѣлахъ, касающихся вѣдом-

ства церковнаго и государственнаго вмѣстѣ, синодъ долженъ былъ имѣть конференціи съ сенатомъ. Представителемъ духовной власти государя, какъ крайняго суди духовной коллегіи, въ синодѣ явился *оберъ-прокуроръ*; указомъ Петра велѣно было «въ синодъ выбрать изъ офицеровъ добраго человѣка, кто бы имѣлъ смѣлость и могъ управление дѣла синодскаго знать, и быть ему оберъ-прокуроромъ». Оберъ-прокуроръ, названный въ одномъ указѣ «окомъ государя и страпчимъ по дѣламъ государственнымъ», долженъ былъ наблюдать за рѣшеніями въ синодѣ, незаконныя рѣшенія останавливать и доносить о нихъ государю. Ему были подчинены прокуроры духовныхъ приказовъ и духовные *фискалы*, — чиновники, разсылавшіеся для надзора за духовнымъ управленіемъ по городамъ, монастырямъ и заказамъ. При синодѣ организовалось цѣлое фискальное управленіе въ формѣ инквизиторскаго приказа, во главѣ котораго стоялъ просто-инквизиторъ; ему были подчинены провинціаль-инквизиторы, или фискалы.

Въ области духовнаго управленія синодъ получилъ «силу и власть патриаршескую или, по выраженію регламента, едва ли не большую, понеже соборъ». Ему поручено смотрѣть за чистотою вѣры, искоренять суевѣрія и расколы, свидѣтельствовать чудотворныя мощи, иконы, сказанія о святыхъ, разсматривать духовныя сочиненія, наблюдать за церковнымъ управленіемъ, избирать епископовъ и духовныхъ властей, разрѣшать ихъ недоумѣнія, судить ихъ по жалобамъ, наблюдать за поведеніемъ духовенства и мирянъ, рѣшать дѣла о бракахъ и разводахъ, наблюдать за строеніемъ церквей и монастырей, заботиться о религіозномъ просвѣщеніи и о матеріальныхъ средствахъ церкви. Св. синодъ наследовалъ и епархіальную власть патриарха въ его епархіи. Такъ какъ члены синода жили большею частію въ Петербургѣ, то въ Москвѣ съ 1722 г. устроено было особое отдѣленіе синода—*дикастерія* или *консисторія*, управлявшаяся архіепископомъ крутицкимъ съ нѣсколькими московскими архимандритами.

LVIII. О ДУХОВНОМЪ РЕГЛАМЕНТѢ.

(Изъ соч. П. Морозова: «*Феофанъ Прокоповичъ*», какъ писателю).

«А для лучшаго впредь управленія, мнится, быть надобно духовной коллегіи», — писалъ Петръ Великій въ отвѣтъ на представленія Стефана Яворскаго о церковныхъ дѣлахъ, въ концѣ 1718 года. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ осуществленіи этой мысли и въ борьбѣ за ея поддержаніе, которую можно назвать своего рода «культурною борьбой», — пришлось быть Феофану, которому царь поручилъ написать для будущей коллегіи подробный уставъ, или по-тогдашнему «регламентъ». По свидѣтельству Феофана (въ письмѣ къ Марковичу, отъ 10-го мая 1720 года), этотъ трудъ былъ имъ оконченъ въ началѣ 1720 года и представленъ царю, который приказалъ прочесть «регламентъ» въ своемъ присутствіи и, «перемѣнивъ кое-что немногое и прибавивъ отъ себя,

весьма одобрить»; потомъ приказалъ прочесть въ сенатѣ, гдѣ присутствовали сенаторы, шесть епископовъ (въ томъ числѣ и Ѳеофанъ) и три архимандрита (въ томъ числѣ—Ѳеодосій Яновскій). Читано было дважды, въ теченіе двухъ дней, и еще прибавлено нѣсколько новыхъ замѣчаній; потомъ приложили руки, «съ одной стороны—епископы и архимандриты, съ другой—сенаторы; въ заключеніе подписалъ самъ государь. Затѣмъ одинъ экземпляръ этого акта отправленъ въ Москву и другія мѣста, для подписи неприсутствовавшимъ епископамъ и главнѣйшимъ архимандритамъ. Ко дню открытія духовной коллегіи, 14-го февраля 1721 года, регламентъ былъ уже, конечно, подписанъ всѣми, кому слѣдовало, и окончательно утвержденъ; но напечатанъ онъ былъ только семь мѣсяцевъ спустя—16-го сентября.

Въ манифестѣ объ учрежденіи духовной коллегіи, 25-го января 1725 года (конечно, и этотъ манифестъ вышелъ изъ-подъ пера Ѳеофана), «вины» преобразования церковной администраціи изложены такимъ образомъ: «посмотря на духовный чинъ и вида въ немъ многія нестроенія и великую въ дѣлахъ его скудость, не суетный на совѣсти нашей возымѣли мы страхъ, да не явимся неблагодарны Вышнему, аще толикая отъ него получивъ благопоспѣшества во исправленіи какъ воинскаго, такъ и гражданскаго чина, пренебрежемъ исправленіе и чина духовнаго. И когда нелицемѣрный онъ судія воспроситъ отъ насъ отвѣта о толикомъ намъ отъ него врученномъ приставленіи, да не будемъ безответны. Того ради, образомъ прежнихъ, какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ благочестивыхъ царей, воспріявъ попеченіе о исправленіи чина духовнаго, а не вида лучшаго къ тому способу, паче соборнаго правительства, понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ, къ тому-жъ не наслѣдственная власть, того ради вѣще небрегутъ, уставляемъ духовную коллегію, то есть, духовное соборное правительство», и т. д.

Къ манифесту приложена форма присяги для членовъ духовной коллегіи; въ ней, между прочимъ, читается: «Исповѣдую же съ клятвою крайняго судію духовныя сея коллегіи быти самого всероссійскаго монарха, государя нашего всемилостивѣйшаго»; а затѣмъ прибавлены слѣдующія замѣчательныя слова: «Блянуса и еще всевидящимъ Богомъ, что вся сія, мною нынѣ обѣщаваемая, не инако толкую во умѣ моемъ, яко провѣщаваю устнами моими, но въ той силѣ и разумѣ, яковую силу и разумъ написанныя здѣ слова чтущимъ и слышащимъ являютъ». Эта оговорка, предусматривающая возможность такъ-называемой «*reservatio mentalis*», конечно, включена въ формулу присяги Ѳеофаномъ, въ укоръ Стефану Яворскому и другимъ представителямъ старо-церковной партіи за ихъ расположеніе къ католическимъ и, «слѣдовательно», иезуитскимъ идеямъ. Изъ этого можно видѣть, что Ѳеофанъ не упустилъ ни малѣйшаго повода сдѣлать или сказать своимъ противникамъ что-либо непріятное. Здѣсь, въ актѣ законодательномъ, онъ говоритъ отъ лица верховной власти, вслѣдствіе чего его нападки на противниковъ приобрѣтаютъ особенную силу и значеніе. Какъ въ этомъ отношеніи, такъ и вообще для исторіи нравовъ петровской эпохи, регламентъ представляетъ очень много любопытнаго; говоря свободно и независимо, онъ не стѣсняется въ выраженіяхъ, и потому многіе параграфы устава представляютъ язвительную сатиру на нравы современнаго автору ду-

ховенства. Мы не имѣемъ надобности подробно разсматривать каждый пунктъ духовнаго регламента, потому что это уже раньше насъ сдѣлано другими, и притомъ съ различныхъ точекъ зрѣнія; мы обратимъ вниманіе только на тѣ стороны этого произведенія, въ которыхъ отразился характеръ Теофана, какъ писателя и какъ представителя опредѣленнаго направленія, другими словами—мы рассмотримъ регламентъ, какъ памятникъ литературный.

Духовный регламентъ раздѣленъ на три части: первая заключаетъ въ себѣ опредѣленіе духовной коллегии, какъ учрежденія государственнаго, и тѣ соображенія, въ силу которыхъ было признано необходимымъ поставить церковное управленіе въ одинаковыя условія съ управленіемъ гражданскимъ и военнымъ; во второй части говорится о томъ, какія именно дѣла подлежатъ вѣдѣнію коллегии; въ третьей опредѣляется «должность, дѣйство и сила» ея членовъ.

Самую мысль объ учрежденіи духовной коллегии по образу всѣхъ прочихъ коллегій можно, въ извѣстномъ смыслѣ, назвать лютеранскою. Въ глазахъ Петра Великаго патріархъ, въ политическомъ отношеніи, почти отождествлялся съ папою, и сторонники независимаго отъ свѣтской власти церковнаго управленія представлялись людьми, исполненными «папешскаго духа»; съ другой стороны, отвергавшая авторитетъ римскаго первосвященника церковь лютеранская управлялась коллегиально и была составною частью общаго государственнаго механизма. Такимъ образомъ, Петръ, отказываясь признавать независимое положеніе церкви въ государствѣ и отвергая авторитетъ патріарха, естественно, воспользовался для практическаго осуществленія этой идеи готовою формою, которая была уже выработана аналогичными обстоятельствами на Западѣ. Доказательства, приводимыя въ регламентѣ въ пользу преобразования церковной администраціи, представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и критику прежняго порядка вещей—критику, полную весьма прозрачныхъ личныхъ намековъ на представителей и защитниковъ старины. Сказавъ, что «извѣстнѣе всыскуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицомъ», что «коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣеть къ правосудію и не такъ, какъ единоличный правитель, гнѣва сильныхъ боится», что «въ соборномъ правительствѣ есть нѣкая школа правленія», и т. п.,—регламентъ замѣчаетъ, что «коллегіумъ не есть нѣкая факція, тайнымъ на интересъ свой союзомъ сложившаяся» (а такою именно представлялась Петру старо-церковная партія); «еще же и се важное есть»,—говорится далѣе—«что въ единомъ правленіи часто бываетъ дѣлъ продолженіе и остановка, за случающимися правителю не необходимыми нуждами, и за недугомъ и болѣзнію... Но се наипаче полезно, что въ коллегіумѣ таковымъ не обрѣтается мѣсто пристрастію, коварству, лихоимному суду». Эти замѣчанія, повидимому, совершенно общія, пріобрѣтаютъ особенный смыслъ, если припомнить, что мѣстоблюститель патріаршаго престола, Стефанъ Яворскій, часто жаловался царю на свои нужды и немощи, и что авторъ «лютеранскаго пашквиля» на «Камень Вѣры», обращаясь къ тому же Стефану, укоряетъ его въ неправосудіи и лихоимствѣ, восклицая: «Утроба твоя крови и сребролюбія и ненависти исполнена». Далѣе мы встрѣтимъ намеки гораздо болѣе ясныя: «Велико и сіе», говоритъ Регламентъ,—«что отъ соборнаго правленія не опасатися отечеству мятежей и смущенія, яковыя проис-

ходить отъ одинаго собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народъ не вѣдаетъ, како разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но великою высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковой правитель есть то второй государь, самодержцу равносильный, или и больши его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство. И се самъ собою народъ тако уметьвати обьялъ. Что же, егда еще и плевельныя властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся и сухому хврастію огонь подложить? Тако простыя сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря въ коемъ-либо дѣлѣ смотреть. И когда услышится нѣкая между оными распра, вси духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ, и за него поборствовать и бунтоватися дерзаютъ и льстятъ себѣ окаянныя, что они по самоу Бозѣ поборствуютъ, и руки своя не оскверняютъ, но освящаютъ, аще бы и на кровопролитіе устремится. Таковому же въ народѣ мнѣнію вельми ради и не простые, но коварныя челоуѣцы; ти бо, на государя своего враждующе, егда увидятъ ссору государя съ пастыремъ, похищаютъ то за добрый случай злобѣ своей, и подъ видомъ церковной ревности не сумнются подносить руки на Христа Господня; и къ тому-жъ беззаконію, яко къ дѣлу Божию, подвизаютъ простой народъ. Что-жъ, когда еще и самъ пастырь, таковымъ о себѣ надменъ мнѣніемъ, спастъ не похочеть? Изрещи трудно, великое отсюду бѣдствіе бываетъ! И не вымысли то: далъ бы Богъ, чтобы о семъ домышлятися токмо можно было; но самоу вещь не единожды во многихъ государствахъ сіе показалося». Легко понять, какія именно событія имѣеть въ виду это разсужденіе. Приведа нѣсколько примѣровъ изъ исторіи, авторъ еще поясняетъ свою мысль восклицаніемъ: «Да не воспоманутся подобныя и у насъ бывшія замахи!» Выше, разбирая слово Теофана «о власти и чести царской», мы имѣли случай замѣтить, что «замахи» духовенства вообще составляли одну изъ самыхъ любимыхъ темъ этого писателя. Оставаясь всегда вѣрнымъ своимъ основнымъ убѣжденіямъ, Теофанъ и при концѣ своей дѣятельности, въ царствованіе Анны, высказывалъ объ этомъ предметѣ тѣ же самыя взгляды и съ такою же рѣзкостью, какъ дѣлалъ это при Петрѣ. Мнѣніе Ивана IV, приведенное нами выше, что «нѣтъ царства, которое не разорилось бы, будучи въ обладаніи поповъ», — повторяется и въ регламентѣ, только съ большею опредѣленностью: «вникнуть только въ исторію Константинопольскую ниже Юстиниановыхъ временъ—и много того покажется. Да и папа не инымъ способомъ толико превозмогъ, точию государство Римское полма пресѣче и себѣ великую честь похити, но иныя государства едва не до крайняго разоренія не единожды потрясе».

Во второй части регламента, какъ уже сказано, опредѣляются дѣла, подлежащія вѣдѣнію духовной коллегіи. Дѣла эти могутъ быть или общія, касающіяся не только духовенства, но и всѣхъ прочихъ сословій, или частныя дѣла—одного духовнаго чина. Общія обязанности коллегіи заключаются въ искорененіи разнаго рода «неправостей»; все, что можетъ быть названо суевѣріемъ, «сіе есть лишнее, ко спасенію непотребное, на интересъ только свой отъ лицемѣровъ вышемышленное, а простой народъ прелщающее, и аки снѣжныя заметы правымъ истины путемъ итти возбраняющее,—все то къ досмотру (коллегіи) прилагается,

яко зло общее». Регламентъ, указывая примѣры такихъ «неправностей», вмѣняетъ коллегіи въ обязанность: «Разыскать вновь сложенные и слагаемые акаѣсты и иныя службы и молебны, которые наипаче въ наши времена въ Малой Россіи сложены суть: суть ли оная сложенія—писанію священному согласная. Смотрѣть исторіи святыхъ, не суть ли нѣкія отъ нихъ ложно вымышленныя, сказующія, чего не было, или и христіанскому православному ученію противныя, или бездѣльныя и смѣху достойныя повѣсти.. Духовному правительству не подобаетъ вымысловъ таковыхъ терпѣть и вмѣсто здоровой духовной пищи отраву людямъ представлять, наипаче когда простой народъ не можетъ между деснымъ и шумимъ разсуждать, но что-либо видитъ въ книгѣ написанное, того крѣпко и упрямо держится». Далѣе, «могутъ обрѣстися нѣкія церемоніи непотребныя, или и вредныя», на примѣръ, поклоненіе пятницъ; ихъ также слѣдуетъ искоренить. «О мощахъ святыхъ, гдѣ какія явятся сумнительныя, разыскивать; смотрѣть же, нѣсть ли и у насъ таковаго бездѣлія?» Тоже говорится и о чудотворныхъ иконахъ и о прочемъ.

Далѣе ставится вопросъ: «Есть ли у насъ довольно ко исправленію христіанскому ученію?» и по этому поводу объясняется, въ чемъ должно состоять настоящее и исключительное назначеніе духовенства. Представители церкви, по опредѣленію регламента, должны быть людьми учительными: «понеже немногіе умѣютъ честь книги, и отъ книжныхъ немногіе могутъ вся собрать отъ писанія, еже суть нужнѣйшая ко спасенію; того ради требуютъ руководства совершеннѣйшихъ мужей. Того бо ради пастырскій чинъ отъ Бога уставленъ». Главнымъ средствомъ для развитія въ народѣ религіозно-нравственныхъ понятій регламентъ признаетъ церковную проповѣдь: «А понеже мало есть, противно толикаго Россійскія церкви многонародія, таковыхъ пресвитерей, которые бы наизусть могли проповѣдать догматы и законы св. писанія, то всеконечная нужда есть имѣти нѣкія краткія и простыя челоуѣкомъ уразумительныя и ясныя книжицы, въ которыхъ заключится все, что къ народному наставленію довольно есть; и тыя книжицы прочитывать по частямъ, въ недѣльные и праздничные дни, въ церкви предъ народомъ». Для этой цѣли рекомендуется «сочинить три книжицы меньшія—задача, выполнение которой взялъ на себя самъ Теофанъ, одновременно съ составленіемъ регламента.

Опредѣляя «частныя» дѣла и обязанности духовенства, регламентъ прежде всего предписываетъ подробныя правила для епископовъ, при чемъ отчасти повторяется то, что уже было высказано въ прежнихъ постановленіяхъ. Епископъ долженъ «смотрѣть о монахахъ, дабы не волочились безпутно, дабы лишнихъ безлюдныхъ церквей не строено, дабы иконамъ святымъ ложныхъ чудесъ не вымышлено; такожь о кликушахъ, о тѣлесахъ мертвыхъ несвидѣтельствованныхъ, и прочихъ всего того добръ наблюдать». Затѣмъ, онъ долженъ «вѣдать мѣру чести своея и не высоко о ней мыслить», ибо законодатель имѣетъ въ виду «укротити оную вельми жестокую епископовъ славу, чтобъ оныхъ подъ руки, донелѣже здравы суть, не вожено, и въ землю бы овымъ подручная братія не кланялись. И оныя поклонницы—добавляетъ регламентъ—самохотно и нахально стелются на землю, да лукаво: чтобъ такъ неистовство и воровство свое покрыть». Далѣе отъ епископа требуется, чтобъ онъ «не былъ дерзокъ и скоръ, но долготерпѣливъ и разсудителенъ

во употребленіи власти своей осязательной, то-есть, во отлученіи и ана-емѣ»; слѣдуетъ изложеніе длинной процедуры съ различными наставленіями, которыхъ епископъ долженъ держаться въ подобныхъ случаяхъ, и которыя, въ концѣ концовъ, сводятся, все-таки, къ тому, что безъ разрѣшенія коллегіи онъ ничего не можетъ сдѣлать. Въ этомъ требованіи и въ крайне тщательномъ и подробномъ опредѣленіи правилъ церковнаго увѣщанія и отлученія, слѣдуетъ, кажется, видѣть намекъ на излишнее усердіе Стефана Яворскаго въ дѣлѣ «московскихъ еретиковъ» (1713 года), вызвавшее неудовольствіе царя. Наконецъ, регламентъ предписываетъ даже и такія правила, чрезвычайно характерныя въ законодательномъ актѣ какъ по своему содержанію, такъ и по формѣ: «Если епископъ похочетъ звать къ себѣ гостей, то весь бы тотъ трактamentъ своею казною отправлялъ, а не налагалъ бы побору на священство или на монастыри». Отправляясь для осмотра своей епархіи, епископъ долженъ «крѣпко заповѣдать служителямъ своимъ, чтобъ въ посѣщаемыхъ городахъ и монастыряхъ благочинно и трезво пребывали, и не творили бы соблазна; наипаче же не домогались бы у монаховъ и у поповъ кушанья, и питья, и конскаго корму лишняго; колыми паче не дерзали бы грабить... Ибо слуги архіерейскіе обычнѣ бывають лавомыя скотины, и гдѣ видять власть своего владыки, тамъ съ великою гордостію и безстудіемъ, какъ татаре, на похищеніе устремляются».

Нельзя отрицать, что все это, какъ и многое другое въ духовномъ регламентѣ,—черты, живьемъ схваченныя изъ современной ему дѣйствительности. Стоитъ только посмотреть, напримѣръ, хотя бы записки Добрынина, относящіяся ко временамъ, гораздо болѣе позднимъ, чтобъ убѣдиться, съ одной стороны, въ справедливости сатирическихъ укоровъ регламента, а съ другой—въ той непреложной истинѣ, что одними предписаніями закона нравы не измѣняются. .

Эту истину сознавалъ, конечно, и авторъ духовнаго регламента, помѣщая вслѣдъ за статьей объ обязанностяхъ епископовъ пространныя правила о «домахъ училищныхъ», учителяхъ, ученикахъ и церковныхъ проповѣдникахъ. «Извѣстно есть всему міру»—сказано въ предисловіи къ этимъ правиламъ—«каковая скудость и немощь была воинства російскаго, когда оно не имѣло правильного себѣ ученія, и какъ несравненно умножилась сила его, когда державнѣйшій нашъ монархъ обучилъ оно изрядными регулами... Тожъ разумѣть надобно и о управленіи церкви: когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкви поведенію и нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суетвѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересамъ». Слѣдуютъ доказательства пользы просвѣщенія: «Дурно многіе говорятъ, что ученіе виновное есть ересей: ибо кромѣ древнихъ, отъ гордаго глупства, а не отъ ученія бѣсновавшихся еретиковъ... наши русскіе расколники не отъ грубости ли и невѣжества толь жестоко возбѣсовались?.. И есть ли посмотримъ чрезъ исторіи, аки чрезъ зрительныя трубки, на мимошедшіе вѣка, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ.. И аще бы ученіе церкви или государству было вредное, то не учились бы сами лучшія христіанстіи особы, и запрещали бы инымъ учиться: а то видимъ, что учились вси древніи наши учителя не токмо св. Писанія, но и внѣшней философіи. И кромѣ многихъ иныхъ, славнѣйшіе столпы церковныя поборствуютъ и о внѣшнемъ ученіи... Убо уче-

ніе доброе и основательное есть всякой пользы, какъ отечества, такъ и церкви, аки корень и сѣмя и основаніе»...

Въ этихъ словахъ слышится голосъ Максима Грека, которому, въ свое время, приходилось доказывать, что грамматика не заключаетъ въ себѣ ничего еретическаго. Голосъ этотъ исходитъ теперь отъ самой верховной власти, которая нашла необходимымъ привлечь науку на службу государству; во все продолженіе петровскаго царствованія всевозможныя доказательства полезности и необходимости «добраго ученія» повторяются и въ законодательныхъ актахъ, и въ церковной проповѣди, и въ предисловіяхъ къ учебнымъ книгамъ, вмѣстѣ съ выраженіемъ восторженнаго удивленія къ наукѣ и ея «насадителю», который, по словамъ «Разсужденія какіе законныя причины» и проч., «сочинилъ изъ Россіи самую метафизическую или претвореніе». — «Въ самомъ дѣлѣ», — говоритъ авторъ «Разсужденія», — «хотя прежде сего кромѣ російскаго языка книги чтанія и писма никто изъ Російскаго народа не умѣлъ, и болѣе то въ зазоръ, нежели за искусство почитано, но нынѣ видимъ и самого его величество нѣмецкимъ языкомъ глаголющаго, и нѣсколько тысячей подданныхъ его російскаго народа, мужеска и женска полу, искусныхъ разныхъ европейскихъ языковъ, якоже латинскаго, греческаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, англійскаго и галанскаго, и таково притомъ обхожденія, что не постыдно могутъ равняться со всѣми другими европейскими народами, какъ въ томъ, такъ и въ другихъ многихъ поведеніяхъ. И вмѣсто того, что кромѣ церковныхъ книгъ, почитай, никакихъ другихъ въ Россіи не печатывано, нынѣ многіе не токмо на чужестранныхъ языкахъ, но и на славено-россійскомъ, тщаніемъ и повелѣніемъ его величества, напечатаны, и еще печати предаются».

Такимъ образомъ, за наукой впервые было признано право гражданства; — но несмотря на то, что это признаніе было выражено и обосновано законодательствомъ, несмотря на то, что наука имѣла такихъ горячихъ поклонниковъ, какъ Теофанъ Прокоповичъ, старое убѣжденіе въ пагубности «мѣтвій» и боязнь «зайтися въ книгахъ и изступитъ ума», въ продолженіе многихъ вѣковъ внушавшаяся народу учительными людьми, имѣли своимъ послѣдствиемъ явленіе, котораго не знаетъ въ такой мѣрѣ ни одна европейская литература: болѣе сотни лѣтъ понадобилось на то, чтобы повторять, при всякомъ удобномъ случаѣ, общія соображенія, высказанныя въ защиту науки регламентомъ, и внушать читающей публикѣ самыя элементарныя понятія о пользѣ наукъ вообще или какой-либо науки въ частности. Громадное большинство рѣчей, произнесенныхъ профессорами Московскаго университета въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія, имѣетъ предметомъ именно такія элементарныя разъясненія. Съ одной стороны — развитіе положительнаго идеала просвѣщеннаго общества, съ другой — отрицательное, обличительно-критическое отношеніе къ остаткамъ старины: вотъ, что составляетъ содержаніе главнѣйшихъ произведеній нашей литературы, начиная съ Петра Великаго и Теофана Прокоповича и — скажемъ это, не опасаясь упрёка въ преувеличеніи — до настоящаго времени. Какъ одинъ изъ первыхъ и главныхъ дѣятелей въ процессѣ секуляризаціи русскаго общества и литературы, освобожденія русской мысли отъ связывавшихъ ее, въ теченіе долгаго времени, традиціонно-церковныхъ путъ, Теофанъ является родоначальникомъ отрицательнаго направленія въ нашей литературѣ, представите-

лемъ критики и обличенія во имя рационализма, которымъ, въ большей или меньшей степени, проникнуты всѣ главные его произведенія, и въ особенности—регламентъ, актъ, опредѣляющій новое положеніе церкви въ государствѣ и представляющій, такимъ образомъ, рѣшеніе самаго важнаго вопроса того времени. Клеймя старинную московскую обрядность и буквализмъ названіемъ невѣжества и суевѣрія и выставляя членовъ стараго «учительнаго» сословія людьми, старающимися умышленно держать народъ въ невѣжествѣ для своекорыстныхъ цѣлей,—**Феофанъ** единственное избавленіе отъ этого зла видитъ въ «добромъ ученіи»; только необходимо, говорить онъ,—чтобъ это ученіе было на самомъ дѣлѣ «доброе» и основательное: «ибо есть ученіе, которое и имени того недостойно есть; а обаче отъ людей хотя и умныхъ, но того несвѣдущихъ, судится быть за прямое ученіе». Далѣе слѣдуетъ пространное разсужденіе о ложной учености и о мнимо-ученыхъ, напоминающее, по содержанію своему, **Феофановъ** курсъ богословія и «Разговоръ гражданина съ селяниномъ да дьячкомъ».

«Обычно вопрошаютъ мнози: въ которыхъ шлолахъ былъ онсика? и когда услышать, что былъ онъ въ реторикѣ, въ философіи и въ богословіи, за единыя тѣя имена высоко ставать человекѣа, въ чемъ часто погрѣшаютъ. Ибо и отъ добрыхъ учителей не вси добръ учатся, ово за тупость ума, ово за лѣность свою; кольми паче, когда и учитель будетъ въ дѣлѣ своемъ мало, или и ниже мало искусенъ... Привидѣннаго и мечтательнаго ученія вкусившія человекѣцы глупѣйшія бывають отъ неученыхъ. Ибо весьма темни суще, мнять себя быти современныхъ, и помышляя, что все, что-либо знать мощно, познали, не хотять, ниже думаютъ честь книги и больше учитися; когда, вопреки, прямымъ ученіемъ просвѣщенный человекѣкъ никогда сытости не имѣеть въ познаніи своемъ, но не перестанетъ никогдаже учитися, хотя бы онъ и Маусалевъ вѣкъ пережилъ. Се же вельми вредно, что именованные неосновательные мудрецы не только не полезны, но и вельми вредны суть и дружеству (обществу), и отечеству, и церкви, предъ властями надъ мѣру смиряются, но лукаво, чтобъ такъ украсть милость ихъ и пролѣзть на степень честный. Равнаго чина людей ненавидеть, и есть ли кто во ученіи похваляемъ есть, того всячески тшатся предъ народомъ и у властей обнести и охулити». Въ этихъ послѣднихъ словахъ, конечно, заключается намекъ на **Стефана Яворскаго** и на его доносъ съ обвиненіемъ **Феофана** въ неправославіи;—поэтому то **Прокоповичъ** и не преминулъ прибавить, что неосновательные мудрецы «къ бунтамъ склонны, воспріемля надежды высокія» (конечно, надежду на патриаршество). Заключая характеристику мнимо-ученыхъ людей, **Феофанъ** говоритъ, что «когда они богословствуютъ, нельзя имъ не еретичествовать: за невѣжествомъ бо своимъ удобъ проговорятся, а мнѣнія своего изрыченнаго перемѣнить отнюдь не хотять, чтобъ не показать себя, что не все знаютъ. А мудріи мужіе сіе между собою утвердили пословіе: мудраго человекѣа свойства есть отмѣнять мнѣніе».

Это разсужденіе объ ученіи «добромъ» и мнимомъ служить вступленіемъ къ проекту академіи и семинаріи:—сіе предложить судилося за благо, что если царское величество похощетъ основать академію, разсуждало бы духовное коллегіумъ, каковыхъ исперва учителей опредѣлитъ и каковый образъ ученія показать онымъ, дабы не вотще пошло госу-

дарское издвигеніе и вмѣсто чайной пользы не была бы тѣща, смѣла достойная».

Правила для предполагаемыхъ учебныхъ заведеній составлены чрезвычайно подробно и касаются не только программъ и плана преподаванія, но и образа жизни, занятій и даже размеченій учащихся. Новая академическая программа, сравнительно съ программами старыхъ академій—Кіевской и Московской, имѣетъ характеръ преимущественно свѣтскій; въ составъ ея входятъ слѣдующіе предметы: 1) грамматика, купно съ географіей и исторіей; 2) арифметика и геометрія; 3) логика и диалектика (и едино то двоименное ученіе); 4) риторика (купно или раздѣльно съ стихотворнымъ ученіемъ); 5) политика краткая Пuffендорфова (аще она потребна судится быть, и можетъ та присовокупитися къ диалектикѣ). На изученіе каждаго изъ этихъ предметовъ полагается годъ. Въницомъ курса поставлено богословіе, на изученіе котораго назначено два года. При этомъ преподавателю внушается, «чтобъ учено главные догматы вѣры нашей, и законъ Божій: чель-бы учитель богословскій св. писаніе, и учился бы правилъ, какъ прамую истую знать силу и толкъ писаній; и вся бы догматы укрѣплялъ свидѣтельствомъ писаній. Долженъ убо учитель богословскій не по чужимъ сказкамъ, но по своему вѣдѣнію учить и иногда, избравъ собственное время, показать въ книгахъ и ученикамъ своимъ, чтобъ они извѣстны сами были, а не сумнились бы, правду ли говорятъ или лжеть учитель ихъ». Припомнимъ, что такого именно метода держался и самъ Теофанъ въ своемъ преподаваніи богословія. О церковномъ преданіи въ его учебномъ планѣ не сказано ни слова, что впоследствии подало поводъ къ ожесточеннымъ нападкамъ на его мнѣнія со стороны его противниковъ: «онъ вѣруеть», писалъ Маркелъ Родышевскій,—«яко едино токмо св. писаніе, еже есть ветхій и новыи завѣтъ, полезно намъ ко спасенію; и святыхъ де отецъ писаніе имѣеть въ себѣ многія неправости», и т. д.

Вообще о преподаваніи всѣхъ предметовъ замѣчено, что учителямъ слѣдуетъ приказать, «чтобы они исперва сказывали ученикамъ своимъ вкратцѣ, но ясно, какая сила есть настоящаго ученія—грамматики, напримѣръ, риторики, логики и пр., и чего хошетъ достигнути чрезъ сіе или оное ученіе, чтобъ ученики видѣли берегъ, къ которому плывуть, и лучшую бы охоту возимѣли, познавали-бы повседневную прибыль свою, такожъ и недостатки».

Наконецъ, при школахъ должна быть достаточно полная бібліотека: «ибо безъ бібліотеки, какъ безъ души академія».

За этимъ разсужденіемъ о программѣ и способѣ преподаванія въ академіи слѣдуетъ разсужденіе объ ученикахъ. Конечно, регламентъ имѣеть въ виду учебное заведеніе закрытое—такую же бурсу, какія уже существовали въ то время въ Кіевѣ и Москвѣ. Мотивы, обусловившіе эту форму учебныхъ заведеній въ Россіи, понятны: съ одной стороны, это была форма традиціонная, перешедшая въ южную Русь изъ сосѣдней Польши; съ другой стороны, по новости этого дѣла у насъ, считалось необходимымъ сдѣлать обученіе въ школѣ строго-обязательнымъ, потому что иначе, пожалуй, никто не захотѣлъ бы посылать въ школу своихъ дѣтей. Исходя изъ такихъ соображеній, регламентъ предполагаетъ обратить академію, и особенно находящуюся при ней низшее училище, или семинарію, въ своего рода монастырь и держать въ нихъ уче-

никовъ въ строгомъ заключеніи и подѣ строгимъ надзоромъ, чтобы не разбѣжались. Планъ семинарскаго общежитія излагается со всѣми подробностями, напимѣръ: «во всякой избѣ имать быть префектъ, или надсмотрщикъ, человекъ хотя неученый, обаче честнаго житія, только бѣ не вельми свирѣпый и не меланхоликъ... Онъ имѣетъ власть наказать себѣ подчиненныхъ, но малыхъ—розгой, а среднихъ и большихъ—словомъ угрожительнымъ... Ректоръ, верховная власть всѣхъ, всякимъ по разсужденію наказаніемъ наказывать можетъ». Учениковъ, въ первые три года ихъ пребыванія въ заведеніи, предписывается не отпускать никуда, а потомъ позволить выходить, но не больше, какъ два раза въ годъ, и то только на недѣлю и въ сопровожденіи особаго надзирателя. Авторъ устава и самъ сознаетъ, что «таковое младыхъ человекъ житіе кажется бити стужительное и заключеніе плѣнническому подобное»; но полагаетъ, что прожившему въ этомъ заключеніи годъ «весьма сладко будетъ», и предлагаетъ «во врачеванію скуки нѣкоторыя регулы»: ежедневную прогулку, время отъ времени—прѣздку въ Петербургъ и на острова, во время обѣда—чтеніе «ово исторій воинскихъ, ово церковныхъ; акціи, диспуты, комедіи, риторскія экзерциціи («что зѣло полезно во наставленію и резолюціи, сіе есть частаѣ смѣлости»), «гласъ мусинійскихъ инструментовъ» и пр.

Таковъ былъ, по понятіямъ Теофана Прокоповича, идеаль учебнаго заведенія. Воспитанникъ іезуитской коллегіи и ректоръ кievской бурсы, конечно, не могъ отрѣшиться отъ педагогическихъ понятій, господствовавшихъ въ его время, хотя, можетъ быть, и сознавалъ нѣкоторые ихъ недостатки; подѣ влияніемъ ли царя, искавшаго и цѣнившаго въ наукѣ только непосредственно приносимую ею пользу, или по собственному побужденію, онъ старался усилить въ школѣ свѣтскій элементъ и сдѣлать ее, по возможности, не исключительно сословною; на практикѣ же вышло, какъ увидимъ ниже, совсѣмъ иное,—и самъ Теофанъ, разумѣется, былъ въ этомъ виноватъ всего менѣе. Обстоятельства скоро сложились такъ, что учебныя заведенія, предположенныя регламентомъ, обратились въ спеціальныя школы для духовенства, и Теофану пришлось измѣнить свое первоначальное мнѣніе: «мой совѣтъ», писалъ онъ, ходатайствуя объ открытіи семинаріи, — «не принимать мальчиковъ свыше 10 лѣтъ, потому что въ такомъ возрастѣ дѣти еще не очень обучились злонравію, а если и обучились, то не окрѣпли обычаемъ, и такихъ не трудно отучить; также бунтовать и бѣжать прочь не могутъ еще. Академіи великой и свободной дѣлать еще не совѣтую; когда Богъ благословитъ отроцескій домъ сей, тогда отъ числа наученныхъ въ немъ явятся изрядные учителя, которые возмогутъ и великую академію учить и управлять».

Упомянемъ еще мнѣніе Теофана объ иностранныхъ учителяхъ: «Не какихъ-нибудь, но изрядныхъ и свидѣтельствованныхъ учителей надобно, которыхъ призвать бы изъ академіи иноземныхъ, со свидѣтельствомъ знатныхъ школьныхъ и гражданскихъ властей. Не надобно опасаться, что они дѣтей нашихъ совратятъ къ своей богословіи, потому что можно имъ артикулами опредѣлить, чему они должны учить, и надсматривать, не преподають ли чего, нашему исповѣданію противнаго. Пусть преподають они только ученія ввѣшнія—языки, философію, юриспруденцію, исторію и пр., а не богословскіе догматы... Если не опасаются господна русскіе посылать дѣтей своихъ въ академіи иностранныя, то для

чего бы опасаться у насъ?» Достаточно сравнить это мнѣніе съ тѣмъ, что было сказано объ иностранцахъ за 35 лѣтъ передъ тѣмъ въ проектѣ академіи Симеона Полоцкаго, чтобы во-очію убѣдиться, какое громадное разстояніе отдѣляетъ Теофана отъ воспитателя старшаго брата Петра Великаго; а между тѣмъ, Симеонъ по своимъ понатіямъ, стоялъ несравненно выше своихъ московскихъ предшественниковъ.

Предположенія Теофана объ академіи и семинаріи при жизни его не осуществились. Но въ регламентѣ, вслѣдъ за этими проектами, находится еще требованіе, чтобы каждый епископъ имѣлъ при своемъ домѣ школу «для дѣтей священническихъ, или и прочихъ, въ надежду священства опредѣленныхъ, понеже»,—прибавляетъ регламентъ,—«и сіе весьма ко исправленію церкви полезно. А въ школѣ той былъ бы учитель умный и честный, который бы дѣтей училъ не только чисто, ясно и точно въ книгахъ честь (что хотя нужно, обаче еще не довольное дѣло), но училъ бы честь и разумѣть... Но дабы не было роптанія родителей ученическихъ за великій оныхъ коштъ на учителя онаго и на покупаніе книгъ, таже и на пропитаніе сыновъ своихъ, далече отъ дому своего учащихся,—подобаетъ, чтобъ ученики и кормлены, и учены были туне и на готовыхъ книгахъ епископскихъ». Эти школы, обученіе въ которыхъ для дѣтей духовнаго званія было обязательно, развились впоследствии въ духовныя семинаріи. Самъ Теофанъ очень заботился о своей школѣ и составилъ для нея подробныя правила, съ росписаніемъ, что ученики должны дѣлать въ каждый часъ дня. Въ этомъ уставѣ, по справедливому замѣчанію г. Чистовича, отзывается нѣсколько іезуитскимъ духомъ; особеннаго вниманія заслуживаетъ требованіе самаго строгаго надзора за учениками; имъ запрещается даже посылать куда-либо письма, не показавъ ихъ прежде директору; «таже и кому откуду, хотя отъ родителей, письма присланы будутъ, не распечатывать и не читать, но нераспечатанныя подавать директору, и когда онъ, распечатавъ и прочитавъ, отдастъ, тогда читать можно». Дальше этого въ надзорѣ было трудно идти; оставалось развѣ совсѣмъ запретить ученикамъ всякія сношенія съ тѣмъ, что находилось за стѣнами семинаріи. Какъ черту правовъ, отмѣтимъ еще особенную заботливость Теофана о томъ, чтобы «дѣти» не держали у себя водки и до-пьяна не напивались...

ЛХ. ИЗЪ ДУХОВНАГО РЕГЛАМЕНТА.

Божією милостію Мы, Петръ Первый, царь и самодержецъ Всероссійскій и пр. и пр. и пр. Между многими попеченіями о исправленіи нашего народа и прочихъ подданныхъ намъ Государствъ по долгу Богомъ данной намъ власти, посмотрѣвъ и на духовный чинъ и вида въ немъ много нестроенія и великую скудость результатовъ его дѣятельности возымѣли мы по нашей совѣсти страхъ, да не явимся неблаго-

дарными предъ Вышнимъ, если, получивъ отъ Него такое благопоспѣшеніе въ исправленіи чиновъ Воинскаго и Гражданскаго, пренебрежемъ исправленіемъ чина Духовнаго, и да не будемъ безотвѣтными предъ этимъ нелицемѣрнымъ Судіемъ, когда Онъ спроситъ насъ объ этомъ врученномъ отъ Него намъ учрежденіи. Посему, принявъ на себя попеченіе о исправленіи Духовнаго чина, по примѣру бывшихъ какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ завѣтѣ царей, и не видя лучшаго способа, какъ Соборнаго управленія, (потому что въ одномъ лицѣ,—т. е. единоличное управленіе—не безъ страсти бываетъ, да къ тому же и духовная власть не наслѣдственна, и потому къ ней относятся черезчуръ небрежно). Мы учреждаемъ Духовную коллегію, то есть Духовное Соборное Правительство, которое имѣетъ управлять, по слѣдующему здѣсь Регламенту, всякія духовныя дѣла во Всероссийской церкви. И повелѣваемъ всѣмъ вѣрноподаннымъ нашимъ всякаго чина, духовныхъ и мірскихъ, почитать его за важное и сильное правительство и обращаться къ нему съ просьбами о конечной управѣ, рѣшеніи и вершеніи духовныхъ дѣлъ, и довольствоваться его рѣшеніями (судомъ его опредѣленнымъ) и слушать его указовъ во всемъ, наравнѣ съ прочими коллегіями, подъ страхомъ великаго наказанія за противленіе и ослушаніе. Сія коллегія должна впредъ дополнять свой регламентъ новыми правилами, какія потребуются возможными случаями въ разныхъ дѣлахъ; однако же дѣлать сіе Духовная коллегія должна не безъ Нашего соизволенія. Опредѣляемъ же быть въ сей Духовной коллегіи нижепоименованнымъ членамъ: одному президенту, двоимъ вице-президентамъ, четыремъ совѣтникамъ, четыремъ ассесорамъ. А понеже въ первой части въ 7 и 8 пунктахъ (регламента) упомянуто, что президентъ имѣетъ подлежать суду своей братіи, т. е. той же коллегіи, того ради опредѣляемъ и голосъ ему имѣть одинъ, равный съ прочими. Имѣютъ же всѣ члены сей коллегіи, при вступленіи въ свое дѣло, учинить присягу или обѣщаніе предъ святымъ Евангеліемъ по приложенной формѣ присяги. Подъ тѣмъ подписано Царскаго Величества собственною рукою Петра. Въ Петербургѣ въ 25 день Января 1721 года.

Регламентъ, или уставъ Духовныя коллегіи, по которому она должна опредѣлить свои обязанности и обязанности всѣхъ духовныхъ чиновъ и свѣтскихъ лицъ, на сколько послѣдніе подлежатъ духовному управленію и по которому она должна поступать при веденіи (при отправленіи) своихъ дѣлъ. Раздѣляется сей регламентъ на три части, по числу трехъ духовныхъ обязанностей, вѣдѣнія достойныхъ и требующихъ управленія, а именно: 1) описаніе и причины учрежденія такого управленія, 2) дѣла, подлежащія сему управленію, и 3) обязанность, дѣйствіе и полномочіе самихъ правителей. Основаніе управленія, т. е. Законъ Божій, находящійся въ священномъ писаніи, и каноны или соборныя правила святыхъ отцовъ и гражданскіе уставы, согласно слову Божию, требуютъ для себя отдѣльной книги и здѣсь не помѣщаются.

О школахъ.

Дѣло епископовъ. § 9. Очень важно и полезно для церковнаго исправленія, чтобы всякій епископъ имѣлъ у себя или въ домѣ или при домѣ школу для священническихъ дѣтей и для другихъ, которые желаютъ

быть священниками. И въ школѣ той былъ бы учитель умный и честный, который бы училъ не только чисто, ясно и точно читать книги (что хотя и необходимо, но еще не достаточно), но читать и понимать, и, если можно, то заставилъ бы и наизусть выучить двѣ вышеупомянутыя книги: одну о догматахъ вѣры, а другую о должностяхъ всякихъ чиновъ, тогда, когда эти книжицы будутъ изданы. Если ученикъ будетъ крайне тупъ или, хотя и остроуменъ, да развращенъ и упрямъ и непобѣдимо лѣнивъ, такого по достаточномъ испытаніи увольнять изъ школы, лишивъ его возможности полученія священническаго чина.

§ 10. Только такихъ учениковъ, обученныхъ въ архіерейской школѣ, и ставить въ священники (когда съ Божіею помощію ихъ окажется достаточно). Если кто-нибудь изъ нихъ выберетъ для себя монашество, тѣхъ ставить въ игумены и архимандриты, исключая того случая, если обнаружится какая-нибудь вина ученика, не позволяющая ему получить этотъ санъ. Если же епископъ, миновавъ ученаго, поставитъ въ священники или въ монашескій санъ человѣка, неученаго въ этой школѣ, безъ достаточной причины, то онъ, епископъ, подлежитъ наказанію по опредѣленію Духовнаго collegіума.

§ 11. Для того, чтобы не было роптанія со стороны родителей учениковъ изъ-за денежныхъ большихъ издержекъ на учителей и на покупку книгъ и на содержаніе своихъ дѣтей, учащихся вдалекѣ отъ своего дома, слѣдуетъ кормить и учить учениковъ даромъ по книгамъ, доставляемымъ отъ епископа. А чтобы возможно было сдѣлать это, предлагается слѣдующее: брать съ знатнѣйшихъ въ епархіи монастырей всякаго хлѣба двадцатую долю, да и съ земель церковныхъ, гдѣ онѣ есть, брать всякаго же хлѣба тридцатую долю; и, насколько человѣкъ хватить этого хлѣба для пропитанія и для другихъ нуждъ (кромѣ одежды), такое число учениковъ и установить съ потребными служителями. А самого учителя или учителей епископъ долженъ кормить и, кромѣ того, довольствоваться денежною ругою (приходскимъ сборомъ) изъ архіерейской казны, по опредѣленію Духовнаго collegіума, согласно мѣстнымъ условіямъ.

Домы училищныя

и въ нихъ учителя и ученики, также и церковные проповѣдники.

Извѣстно всему міру, какова была скудость и немощь русскаго войска, когда оно не было правильно обучено и какъ несравненно умножилась его сила и сверхъ ожиданія стала велика и грозна, когда Державнѣйшій нашъ Монархъ, Его Императорское Величество Петръ Первый, обучилъ его на основаніи хорошихъ правилъ. Тоже надо разумѣть и о архитектурѣ, и о врачествѣ, и о государственномъ правленіи, и о всѣхъ прочихъ дѣлахъ. Особенно надо помнить это относительно церковнаго управленія: когда нѣтъ свѣта ученія, невозможно быть и доброму веденію дѣлъ церкви, нельзя не быть нестроенію и многимъ достойнымъ смѣха суевѣріямъ и раздорамъ, и пребезумнымъ ересямъ. Многие дурно говорятъ, что ученіе есть виновникъ ересей,—ибо, кромѣ древнихъ, бѣсновавшихся не отъ ученія, а отъ глупости еретиковъ: валентиновъ, манихеевъ, катаровъ, ехантовъ, донатистовъ и прочихъ, которыхъ дурность описываютъ Иринея, Епифанія, Августина, Феодорита и другіе,—

не отъ грубости-ли невѣжества бѣснутся толь жестоко наши русскіе раскольники? Хотя бываютъ ересіархи, какъ Арій, Несторій и нѣкоторые другіе, и изъ ученыхъ, но ересь въ нихъ родилась не отъ ученія, но отъ скуднаго пониманія священныхъ писаній, а возрасла и укрѣпилась отъ злобы и гордости, которая не допустила ихъ переимѣнить дурное ихъ мнѣніе, уже и по познаніи истины, противъ ихъ совѣсти. Хотя они и могли сочинять, благодаря наукѣ, софизмы, т. е. коварныя доказательства своихъ мнѣній, но если бы кто приписывалъ это злоупотребленіе наукѣ, то такой человѣкъ долженъ бы былъ говорить, что медицина виновата, если врачъ отравитъ кого-нибудь, или что виновата тактика, если солдатъ коварно и сильно грабитъ кого-нибудь. Если мы посредствомъ исторіи, какъ посредствомъ зрительной трубы, взглянемъ на прошедшія времена, то мы увидимъ все дурное во времена необразованности, а не въ вѣкъ просвѣщенія. Епископы не спѣсивились такъ до 400-го года, какъ возгордились они впоследствии, особенно Константинопольскій и Римскій: ибо тогда было ученіе, а потомъ ослабѣло. Если бы науки были вредны церкви или государству, то не учились бы лучшіе христіане и другимъ запрещали бы учиться, а между тѣмъ мы видимъ, что всѣ наши древніе учителя изучали не только священное писаніе, но и мірскую философію; кромѣ многихъ другихъ за внѣшнюю (мірскую) науку стоятъ славнѣйшіе столпы Церкви: Василій Великій въ своемъ словѣ къ учащимся юношамъ. Златоустый въ книгахъ о монашествѣ, Григорій Богословъ въ своихъ словахъ на Юліана Отступника. Можно было бы поговорить и больше, если бы рѣчь шла только объ этомъ, но ясно, что хорошее, основательное ученіе есть корень, сѣмя и основаніе всякой пользы и для отечества и для церкви. Однако надо строго наблюдать, чтобы это ученіе было хорошее и основательное. Есть вѣдь и другое ученіе, которое недостойно этого имени, и все же считается людьми умными, но несвѣдущими за настоящую науку. Обыкновенно, многіе спрашиваютъ, въ какой школѣ былъ такой-то? и когда услышать, что былъ въ классахъ риторики, философіи или богословія, то за одни эти названія высоко ставятъ этого человѣка и часто въ этомъ ошибаются: и у хорошихъ учителей не всѣ учащіеся хороши—одни изъ-за глупости, другіе по лѣности, а про малоискуснаго или вовсе неискуснаго учителя и говорить нечего. Надо помнить, что съ 500 до 1400 годовъ, т. е. девятьсотъ лѣтъ, почитай, всѣ ученія въ Европѣ были весьма недостаточны и слабы, такъ что у самыхъ лучшихъ авторовъ, писавшихъ въ эти времена, мы замѣчаемъ большое остроуміе, но большаго просвѣщенія не видимъ. Съ 1400-хъ годовъ начали появляться любознательные, а потому и лучшіе учителя, и академіи стали гораздо выше по наукамъ, чѣмъ во времена Августовъ (т. е. римскихъ императоровъ); но многія училища остались въ прежней тинѣ: у нихъ были только названія риторики, философіи и прочихъ наукъ, а на дѣлѣ ничего не было. Причины тому различны, и здѣсь, по краткости, не разбираются. Люди, вкусившіе такого, такъ сказать, фантастическаго, мечтательнаго ученія, бываютъ еще глупѣе неученыхъ. Будучи сами людьми темными, они воображаютъ себя совершенствомъ и, думая, что знаютъ все, что доступно знанію, не хотятъ, даже и не подумаютъ читать книги и еще учиться; между тѣмъ, человѣкъ просвѣщенный настоящимъ ученіемъ никогда не насыщается и не перестаетъ учиться, хотя бы

вательно составлена латинская грамматика, что можно надѣяться, что острый ученикъ въ одинъ годъ изучитъ латинскій языкъ, между тѣмъ какъ у насъ мало кто и въ пять-шесть лѣтъ научится латини, что видно изъ того, что студентъ, вышедшій изъ класса философіи (шестаго) или богословія (седьмаго), не можетъ переводить средняго латинскаго стиля. Итакъ, избравъ, какъ сказано, лучшихъ авторовъ по грамматикѣ, риторикѣ, и другимъ наукамъ, отдать въ академію и приказать, чтобъ учили въ школахъ именно по этимъ, а не по другимъ руководствамъ; 7) по богословію, собственно, приказать изучать главные догматы нашей вѣры и Законъ Божій. Учитель богословія читалъ бы священное писаніе и училъ правиламъ, какъ узнавать прямую истую силу и толкъ писанія (герменевтику) и укрѣплялъ бы всѣ догматы свидѣтельствомъ писаній; а для помощи въ этомъ дѣлѣ, читалъ бы прилежно книги святыхъ отцовъ, да такихъ, которые подробно писали о догматахъ противъ ересей вслѣдствіе споровъ, возникшихъ въ церкви; ибо извѣстны древніе учителя, писавшіе собственно о догматахъ, тотъ объ одномъ, другой о другомъ; таковы: о тайнѣ Троицы—Григорій Назіанзинъ—въ пяти словахъ своихъ богословскихъ, Августинь—въ книгахъ о Троицѣ и о Божествѣ Сына Божія и, кромѣ нихъ: Афанасій Великій—въ пяти книгахъ на аріанъ; о Божествѣ Св. Духа—Василій Великій въ пяти книгахъ на Евномія; о въостаси Христовой—Кириллъ Александрійскій на Несторія; о двоицѣ естествъ въ Христѣ довольно одно посланіе Леона папы римскаго къ Флавіану, патриарху цареградскому; о грѣхѣ первородномъ и о благодати Божіей—Августинь во многихъ книгахъ на пелагіанъ, и проч. Также очень полезны дѣянія и пренія вселенскихъ и помѣстныхъ синодовъ. При такихъ учителяхъ, толкователяхъ священнаго писанія—не тщетно будетъ и ученіе богословское. Хотя учитель богословія и можетъ искать себѣ помощи въ сочиненіяхъ новѣйшихъ иновѣрныхъ учителей, но долженъ не учиться у нихъ и не полагаться на ихъ рѣчи, но только принимать ихъ методъ, какъ и какіе доводы они берутъ отъ древнихъ учителей церкви. Особенно не примать на вѣру ихъ доводовъ въ догматахъ, въ которыхъ они, иновѣрцы, съ нами согласны, но разсматрѣть, есть ли такой же текстъ въ писаніи или въ отеческихъ книгахъ, и то ли значеніе имѣютъ эти слова, въ какомъ они ихъ принимаютъ. Очень часто лгутъ эти господа и приводятъ небывалыя свидѣтельства, а часто и истинное толкуютъ по своему. Приведемъ примѣръ: слова Господа къ Петру: «Азъ молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя!» сказанное персонально о Петрѣ, только о немъ лично—латины относятъ къ своему папѣ и выводятъ изъ того, что папа, хотя бы и хотѣлъ, не можетъ погрѣшнить въ вѣрѣ. Итакъ, учитель богословія долженъ учить не по чужимъ рѣчамъ, а по собственнымъ знаніямъ и иногда, выбравъ свободное время, показать книги и ученикамъ своимъ, чтобы они сами видѣли и не сомнѣвались бы, правду ли говорить, или лгутъ ихъ учитель. Здѣсь кстати, сообразно только-что данному совѣту, упомянуть и о томъ, что при школахъ слѣдуетъ быть достаточной библіотекѣ. Академія безъ библіотеки—все равно, какъ безъ души. Достаточную библіотеку можно купить за двѣ тысячи рублей. Библіотека должна быть доступна учителямъ ежедневно во всѣ часы, лишь бы не разбирали книгъ по кельямъ, а читали бы въ самой библіотечной конторѣ. Ученикамъ же и прочимъ охотникамъ отворять библіотеку въ

назначенные дни и часы. И ходили бы въ бібліотеку знающіе языки въ особенные дни и часы по обязанности, а въ иные—по волѣ, въ свободное опредѣленное время. Спрашивалъ бы всякаго ученика его учитель, какого автора онъ читаетъ и что прочелъ, и что списалъ, и если чего не понималъ, то бы и объяснилъ ему. Это очень полезно, и скоро превращаетъ человѣка, прежде бывшаго грубыхъ обычаевъ, въ совершенно иного. 9) Обращаясь къ школьному учению, кажется весьма возможнымъ преподавать заразъ въ одинъ часъ и урокъ двѣ или три науки вдругъ. Напримѣръ, уча грамматикѣ, учитель можетъ вмѣстѣ съ нею учить и географіи и исторіи: такъ какъ по грамматическимъ правиламъ нужно дѣлать и упражненія (экзерциціи), т. е. обучать и переводить съ роднаго на чужой языкъ и, обратно, съ чужаго на родной, то можно велѣть ученикамъ переводить по частямъ географію или исторію внѣшнюю (свѣтскую), или церковную, или для перемѣны и то, и другое. Но такъ какъ учить исторію безъ географическихъ знаній все равно, что ходить по улицамъ съ завязанными глазами, того ради дается здравый совѣтъ: годъ, опредѣленный для изученія грамматики, раздѣлать на двѣ части, и первое полугодіе учить грамматикѣ съ географіей. При этомъ опредѣлить особенный день въ недѣлю, въ который учитель будетъ показывать на картѣ небесные и земные круги, и міровое устройство (ціркулы планисферія и универсальную ситуацію міра); а еще бы лучше дѣлать эти указанія на глобусъ и такъ обучать студентовъ, чтобъ могли пальцемъ показать, если кто спроситъ ихъ, гдѣ Азія, гдѣ Африка, гдѣ Европа и къ которой сторонѣ подъ нами лежитъ Америка, также подробно и о государствахъ, гдѣ Египеть, гдѣ Китай (Хина), гдѣ Португалія и проч. А въ другое полугодіе давать для упражненія въ переводахъ всеобщую (универсальную) краткую исторію: только бы былъ авторъ чистаго латинскаго языка, какъ напр. Юстинъ историкъ, а послѣ можно будетъ выбрать и другихъ. Это очень полезно: ученики возымѣютъ большую охоту къ учению, если невеселое обученіе языку будетъ растворено интереснымъ изученіемъ міра и происходившихъ въ мірѣ событій и скоро исчезнетъ и ихъ грубость, да еще на берегу, отплывая въ море ученія, найдутъ не мало дорогихъ товаровъ. 10) Слѣдующая программа ученія кажется удовлетворительной: а) грамматика съ географіей и исторіей; б) ариметика и геометрія; в) логика или діалектика—одна двоименная наука; г) риторика вмѣстѣ или отдѣльно съ стихотворнымъ ученіемъ; д) физика, съ присовокупленіемъ краткой метафизики; е) политика краткая по Пуффендорфу (если она сочтется потребной, а то можетъ быть присоединена къ діалектикѣ); ж) богословіе; первые шесть предметовъ возьмутъ по году, а богословіе—два года. Хотя и всякое ученіе пространно, кромѣ діалектическаго и грамматическаго, но въ школахъ надо преподавать (трактовать) сокращенно и только главнѣйшія части. Впослѣдствіи, получившіи доброе начало и самъ усовершенствуется долгимъ чтеніемъ и практикою. Для языковъ греческаго и еврейскаго, если будутъ учителя, можно назначить особое время между другими занятіями. Ректора и префекта выбрать изъ прилежныхъ людей, которыхъ труды и ученіе уже пользуются извѣстностью. Духовный коллегіумъ укажетъ имъ быть тщательными въ своемъ дѣлѣ подъ угрозой отдачи ихъ самихъ подъ судъ Духовнаго коллегіума, если учебныя занятія пойдутъ не чинно и безуспѣшно. Они,

посему, должны смотрѣть, ходять ли учителя въ школу и такъ ли учать, какъ слѣдуетъ. Ректоръ съ префектомъ обязаны посѣтить въ недѣлю двѣ школы, а на другую недѣлю—другія двѣ, и такъ и прочія кругомъ (послѣдовательно). Они обязаны, когда придуть въ школы и учитель будетъ учить при нихъ, слушать коть полчаса и испытывать учениковъ вопросами; знаютъ ли они уже то, что должно имъ знать.

12) Если кто-нибудь изъ учителей окажется неисполняющимъ академическаго устава и непокорнымъ ректорскимъ наставленіямъ, о такомъ ректоръ заявляетъ въ духовный коллегіумъ, и такого, по произведеніи слѣдствія, отставляютъ отъ должности или наказываютъ сообразно обстоятельствамъ.

13) Можно назначить и фискаловъ, которые бы смотрѣли, все ли порядочно въ академіи.

14) Объ ученикахъ предлагается слѣдующее. Всѣ протопопы и богатѣйшіе и иные священники должны присылать своихъ дѣтей въ академію. Можно тоже приказать и городскимъ лучшимъ приказнымъ людямъ; о дворянахъ же будетъ определено собственною волею Императорскаго Величества. Приходящимъ ученикамъ быть въ академіи до окончанія всего курса и ректору не отпускать изъ школы учениковъ безъ вѣдома Духовнаго коллегіума. А если бы ректоръ, или префектъ, или иной кто отпустилъ ученика тайно за взятку, такому преступнику опредѣлить жестокое наказаніе.

16) Всѣмъ повсюду да будетъ извѣстно, что неученый не можетъ занять степени духовной или гражданской чести раньше и выше ученаго изъ академіи и ею засвидѣтельствованнаго. Налагается великій штрафъ на тѣ власти, которыя бы поступили иначе.

17) Испытать память и остроу ума новопришедшаго ученика и, если окажется весьма тупъ, не принимать въ академію: лѣта потеряетъ, а ничему не научится, да еще возымѣетъ о себѣ мнѣніе, что онъ мудрый, и нѣтъ хуже таковыхъ бездѣльниковъ. А чтобы кто-нибудь не притворялся глупымъ, желая быть отпущеннымъ домой, какъ нѣкоторые придумываютъ тѣлесныя немощи для избавленія отъ солдатства, назначить такимъ цѣлый годъ для испытанія ихъ умственныхъ способностей, и умный учитель можетъ придумать такіе способы узнать ученика, какихъ тотъ узнать и перехитрить его не можетъ.

18) Если окажется дѣтина непобѣдимой злобы, свирѣпый, скорый до драки, клеветникъ, непокорный, и если будетъ невозможно исправить его впродолженіе года ни увѣщаніями, ни жестокими наказаніями, такого, хотя бы и остраго ума, выслать изъ академіи, чтобы не давать меча бѣшеному.

19) Мѣсто академіи не въ городѣ, но въ сторонѣ, на веселомъ мѣстѣ, пригодное, гдѣ нѣтъ народнаго шума, не бываетъ никакихъ особыхъ случаевъ (окказій), которые обыкновенно мѣшаютъ ученію, бросаются въ глаза, развлекаютъ мысли молодыхъ людей и мѣшаютъ прилежно заниматься.

20) Академія не должна хвалиться и даже вовсе не обращать вниманія на то, что въ ней много учениковъ—это суетно. Она должна смотрѣть, много ли въ ней умныхъ и хорошихъ учениковъ, ожидая отъ нихъ будущей пользы, и заботиться, какъ бы они остались такими до конца.

21) Отнюдь не потребно и напрасно принимать на поденныя деньги государевы всякихъ, какіе ни придуть, студентовъ. Многіе приходятъ, иные и неспособные по природѣ, только для жалованья, принужденные нищетою. Другіе являются и способные, поживуть при академіи, сколько хотятъ, и уходятъ, когда и куда хотятъ. Что-жъ съ того добра? только напрасный убытокъ. При-

нимать студентовъ съ разсмотрѣніемъ ихъ умственныхъ качествъ и требовать отъ нихъ записи на себя, что они пробудутъ въ академіи до конца ученія и, если они не исполнять, исключая крайней необходимости, своего обѣщанія, то подвергнутся великому штрафу. И можно будетъ такихъ по окончаніи курса представлять (презентовать) Императорскому Величеству и опредѣлять ихъ, по указу Его Величества, къ разнымъ дѣламъ. 22) Но что важнѣе всего и, почитай, одно необходимо и полезно—быть при академіи или вначалѣ и безъ академіи—семинаріуму для ученія и воспитанія дѣтей, въ родѣ тѣхъ учреждений, какихъ не мало вымыслено въ иноземныхъ странахъ. Здѣсь далѣе и представленъ нѣкій образецъ такого заведенія.

Правила семинаріи.

I. Построить домъ, по образцу монастыря. Пространство его, и жилье, и всякіе припасы къ пропитанію и одѣянію и прочимъ нуждамъ должны быть сообразны числу дѣтей-учениковъ. Число будетъ опредѣлено по волѣ Императорскаго Величества: 50, или 70, или больше, также и число потребныхъ управителей и служителей.

II. Въ дому томъ будутъ жить и дѣти, и юноши уже взрослые, по восьми или по девяти человѣкъ въ одной избѣ, но съ такимъ расположеніемъ: большіе въ одной, средніе въ другой, малые въ третьей избѣ.

III. Всякому опредѣлять мѣсто при стѣнѣ, вмѣсто собственной комнаты, гдѣ станеть его кровать,—складная, чтобъ днемъ не видно было постели (логовища), также и шкафъ для книжекъ, и инныя вещицы и стуликъ для сидѣнья.

IV. Во всякой избѣ (сколько ихъ будетъ) долженъ быть префектъ, или надсмотрщикъ, человѣкъ хотя неученный, но честной, приличной жизни, толковый, не весьма свирѣпый и не меланхоликъ, лѣтами—отъ тридцати до пятидесяти лѣтъ. А дѣло его слѣдующее: смотрѣть, чтобъ между семинаристами (такъ называются воспитываемые въ томъ домѣ) не было ссоръ, драки, сквернословія и всякаго иного безчинія, и чтобъ всякій въ назначенное время исполнилъ свои обязанности. А всякій бы семинаристъ не выходилъ изъ своей избы безъ его благословенія, и то объявляя всякій разъ причину, куда и зачѣмъ онъ выходитъ.

V. Въ томъ домѣ слѣдуетъ быть хотя тремъ ученымъ людямъ, монахамъ или свѣтскимъ. Изъ нихъ одинъ будетъ ректоръ, правитель всего дома, а два экзаменаторы, т. е. *розшички*, какъ кто учится, лѣнливо или прилежно.

VI. Во всякой избѣ префектъ имѣеть власть наказывать подчиненныхъ ему за проступки: малыхъ—розгами; а среднихъ и большихъ—словеснымъ выговоромъ (словомъ угрозытельнымъ). На неисправляющихся онъ жалуется ректору.

VII. Также и экзаменаторы поступаютъ за лѣность въ ученіи съ малыми, средними и большими учениками, и доносятъ ректору.

VIII. Ректоръ—верховная власть для всѣхъ—и можетъ, по своему разсужденію, наказывать какимъ угодно наказаніемъ. Но онъ не увольняетъ безъ вѣдома духовнаго коллегіума тѣхъ, кто остается непреклоннымъ къ исправленію.

IX. Опредѣлить время всякимъ занятіямъ и отдыху семинариста— когда ложиться спать, когда вставать, молиться, учиться, идти въ столовую, гулять и проч. Всѣ эти часы означать звономъ колокольчика, и всѣ семинаристы, какъ солдаты по барабанному бою, такъ они по звону колокольчика должны приниматься за дѣло, которое назначено на извѣстный часъ.

X. Семинаристовъ не отпускать изъ семинаріума въ городъ или куда бы то ни было, къ своимъ въ гости, пока семинаристъ не привыкнетъ къ семинаріуму и не ощутитъ извѣстной пользы своего воспитанія. Именно, не отпускать нигуда до истеченія трехъ лѣтъ по поступленіи въ семинаріумъ. Но и на четвертый годъ позволяется идти въ гости къ родителямъ или родственникамъ не болѣе двухъ разъ въ годъ, и то на небольшое разстояніе такъ, чтобъ прошло не болѣе семи дней отъ ухода до возвращенія ученика въ семинарскій домъ.

XI. Когда семинаристъ такимъ образомъ отпущенъ будетъ въ гости, то послать съ нимъ почтеннаго человѣка, какъ надзирателя или наблюдателя, который былъ бы при немъ вездѣ и всегда, и при всякихъ случаяхъ и, по возвращеніи, давалъ бы отчетъ (репортъ) ректору о случившемся. Если же тотъ посланный надзиратель, потворствуя ученику, утаитъ что-нибудь дурное, такого плута бить гораздо. Узнать это можно изъ того, что возвратившійся семинаристъ не можетъ не показать въ себѣ какой-нибудь перемѣны прежнихъ нравовъ и наклонностей.

XII. Когда какіе-нибудь сродники придутъ въ семинаріумъ посѣтить своего родственника, тѣхъ гостей, съ вѣдома ректора, ввести въ столовую, или другую общую избу, или въ садъ, и тамъ имъ и разговаривать съ ихъ родственникомъ. Можно и угостить ихъ умѣренно (потрактовать мѣрно) кушаніемъ и питіемъ, въ присутствіи ректора или одного экзаменатора, смотря по лицу.

XIII. Такое житіе молодыхъ людей можетъ показаться тягостнымъ и похожимъ на заключеніе въ плѣну, но кто попробуетъ такъ жить хоть одинъ годъ, тому будетъ это житіе очень сладко. Къ уничтоженію скуки полезны слѣдующія правила:

XIV. Принимать въ семинаріумъ только малолѣтнихъ отъ десяти до пятнадцати лѣтъ, а выше того возраста только по просьбѣ почтенныхъ лицъ, свидѣтельствующихъ, что мальчикъ и въ родительскомъ домѣ жилъ въ страхѣ и добромъ смотрѣніи.

XV. Опредѣлить ежедневно два часа на гулянье семинаристамъ; именно—послѣ обѣда и ужина, и чтобъ тогда никому не только не учиться, но даже и книги не держать въ рукахъ. Гулянье должно быть съ приличными играми, способствующими развитію тѣла (тѣлодвижными), лѣтомъ въ саду, зимою въ своей же избѣ. Это и для здоровья полезно и скуку отгоняетъ. Еще лучше выбирать такія игры, которыя съ потѣхою даютъ и полезныя свѣдѣнія, напримѣръ: плаваніе на регулярныхъ судахъ, геометрическія съемки (размѣры), строеніе регулярныхъ крѣпостей и пр.

XVI. Можно одинъ или два раза въ мѣсяцъ, особенно лѣтомъ, проѣхаться на острова, на поля, на веселія мѣста, къ загороднымъ дворамъ Государевымъ, и хоть разъ въ годъ въ Санктъ-питербурхъ.

XVII. Въ столовой (во время обѣда, ужина или завтрака) должно быть чтеніе или воисскихъ, или церковныхъ исторій. Въ началѣ же великаго мѣсяца, чрезъ два-три дня, пусть читаются повѣсти о свѣточахъ науки, о церковныхъ великихъ учителяхъ, также о древнихъ и современныхъ философахъ, астрономахъ, разворахъ, историкахъ и проч. Слушаніе такихъ книгъ и приятно, и побуждаетъ другихъ подражать этимъ мудрымъ людямъ.

XVIII. Можно еще дважды или и больше устраивать какія-нибудь представленія (акціи), диспуты, комедіи, риторическія упражненія. Это зѣло полезно и для обученія, и для развлеченія, т. е. необходимой слабости, которая требуется и при проповѣди слова Божія и при носольскомъ дѣлѣ. Дѣлать такія представленія въ веселую перемену.

XIX. Можно установить особенныя выгоды для хорошо и старательно учащихся.

XX. Хорошо бы, чтобъ въ большіе праздники была музыка (гласъ музыкальскихъ инструментовъ) за столомъ семинаристовъ, — и это не трудно стоить только нанять сначала мастера, а отъ него научившіся любители-семинаристы должны даромъ научить и другихъ на свое мѣсто. Эти семь правилъ служатъ къ усовершенію учащихся.

XXI. Слѣдуетъ быть въ семинаріумѣ строгимъ, какъкъ доктору, а школа семинаріума должна быть въ академіи, близъ семинаріума. А если и школа, и учителя будутъ въ семинаріумѣ, то и академія и семинаріумъ будутъ одно и то же мѣсто. Для остальныхъ учениковъ, которые не захотятъ жить въ семинаріумѣ, можно построить жилище по близости и отдавать въ наемъ студентамъ.

XXII. Правила для учителей, учении и учениковъ, описаннымъ выше при описаніи устройства академіи, должны и зѣль соблюдать.

XXIII. Бѣдные (убогіе) семинаристы будутъ получать беззачетно, по милости Императорскаго Величества, — пропитаніе, одѣжаніе и все прочее. Другіе же, дѣти богатыхъ людей, должны платить за столъ и одѣжаніе, а зѣль быть другой, разъ навсегда опредѣленной.

XXIV. Когда семинаристъ войдетъ въ совершенный разумъ и достигнетъ высшихъ наукъ, то онъ долженъ въ семинарской церкви, въ присутствіи прочей своей братіи, принести присягу въ томъ, что онъ будетъ вѣренъ Императорскому Величеству и Его наслѣднику и готовъ служить тамъ, куда онъ годенъ и куда будетъ позванъ Государевимъ указомъ.

XXV. Окончившихъ курсъ семинаріума ректоръ не отпускаетъ, пока не найдетъ о томъ Духовный коллегіумъ, а коллегіумъ представитъ ихъ Императорскому Величеству и потомъ дастъ имъ отпускъ (абшить) со свидѣтельствомъ объ ихъ познаніяхъ.

XXVI. Тѣмъ семинаристамъ, которые, по окончаніи курса, окажутся способнѣйшими къ духовнымъ дѣламъ, быть на очереди къ занятію нижнихъ степеней духовной власти преимущественно предъ прочими, хотя бы и равными имъ по познаніямъ, но не воспитанными въ семинаріи, исключая тѣхъ, кои окажутся съ какими-нибудь важными пороками, да и то оказавшимися съ такими недостатками не по клеветѣ. А на завистниковъ и клеветниковъ опредѣлить жестокое наказаніе.

Вотъ пока все о семинаріи. Можно впредь будетъ и больше придумать или взять примѣръ (информацию) съ иноземныхъ лучшихъ семинаріевъ и отъ таковаго воспитанія и обученія воистину можно надѣяться получить великую пользу отечеству.

ЛХ. ТЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ.

(Изъ соч. Н. Чистовича: «Теофанъ Прокоповичъ и его время»).

Теофанъ родился въ Кіевѣ 8 іюня 1681 года и при крещеніи названъ Елеазаромъ. Отецъ его былъ кіевскимъ купцомъ или просто торговымъ человекомъ (mercator) и умеръ вскорѣ послѣ рожденія своего сына. Мать, оставшаяся въ крайней нищетѣ, бѣдствовала вмѣстѣ съ сыномъ и также вскорѣ скончалась. Елеазара взялъ на воспитаніе родной его дядя, намѣстникъ кіевобратскаго монастыря и ректоръ кіевской академіи,—Теофанъ Прокоповичъ. Дядя записалъ Елеазара въ академію, гдѣ онъ обучался грамотѣ и латинскому языку. Но послѣдовавшая въ 1692 году смерть дяди въ другой разъ осиротила Елеазара. Добрая судьба послала ему благодѣтеля въ одномъ кіевскомъ гражданинѣ (urbis civis, nobilis homo), съ помощью котораго онъ продолжалъ посѣщать школу до 1698 года. Елеазаръ былъ лучшимъ ученикомъ въ школѣ. Съ богатыми дарованіями, съ живымъ и острымъ умомъ, съ отличной памятью въ немъ соединялась прекрасная наружность, живой и привлекательный взглядъ и звонкій голосъ. За это послѣднее преимущество онъ избранъ былъ въ регенты пѣвческаго хора.

Знакомымъ съ состояніемъ кіевской академіи въ концѣ XVII вѣка извѣстно, что она, при своемъ схоластическомъ направленіи, не могла дать многого своимъ воспитанникамъ. Однакожь въ ней были наставники, способные возбудить любовь къ наукѣ и образованію въ своихъ слушателяхъ. Со времени Петра Могилы въ ней вѣяло свѣжимъ духомъ. Нѣкоторые наставники посѣщали польскіе университеты. Борьба съ католиками и іезуитами вносила въ сухую схоластическую науку живой элементъ, безъ сомнѣнія благотворно дѣйствовавшей на образованіе.

Елеазаръ усвоилъ себѣ лучшее, что могъ найти въ академіи—любовь къ образованію; но такъ какъ его любознательность не находила тамъ себѣ полного удовлетворенія, то онъ, по окончаніи философскаго курса, вслѣдъ за другими лучшими воспитанниками академіи, отправился для продолженія своего образованія за рубежь—въ польскія училища.

Прокоповичъ обучался краснорѣчію, поэзіи, философіи и изучалъ римскія древности, какъ христіанскія, такъ и языческія. Впослѣдствіи онъ отзывался съ большою похвалою объ іезуитѣ, начальникѣ коллегіи, отдавая справедливость какъ прекраснымъ свойствамъ его ума, такъ и его благодѣяніямъ. Этотъ отецъ полюбилъ его за веселость нрава, живость и игривость ума и взялъ къ себѣ жить, отличая его особеннымъ довѣріемъ. Любопытно, что онъ находилъ въ молодомъ Прокоповичѣ по

вѣшности и уму сходство съ папою Урбаномъ VIII. Сверхъ общихъ уроковъ, онъ занимался съ нимъ приватно, лаская его съ отеческою любовію, и открылъ ему доступъ какъ въ ватиканскую, такъ и въ другія городскія бібліотеки. Но почтенный отецъ безуспѣшно старался вовлечь его въ общество іезуитовъ, воспитателей юношества въ іезуитскихъ семинаріяхъ, или склонить къ принятію какой-либо другой духовной должности. Прокоповичъ выслушалъ полный курсъ аристотелевской философіи и схоластическаго богословія и полную систему такъ называемыхъ у іезуитовъ *casuum conscientiae*. Послѣднихъ онъ не одобрялъ. Съ большою охотою онъ изучалъ творенія отцовъ восточной и западной церкви и классическихъ писателей, которыя всѣ имѣлъ неиспорченными (*geminos, non castratos*). Онъ изучалъ въ краснорѣчій— Демосфена, Цицерона и Квинтиліана; въ героическій поэзіи—Виргилія, въ элегической—Овидія, въ сатирахъ—Ювенала; въ одахъ—Горація и Катулла, въ эпиграммахъ—Марціала; въ исторіи—Ливія, Светонія, Саллюстія, Тацита; изъ новыхъ—Бембо, Содалета, Аонія, Палеарія, Латина-Латиніума и другихъ. Теофанъ говорилъ впоследствии, что вышеупомянутый отецъ совѣтовалъ ему, какими писателями прилежнѣе заниматься, и изъ нихъ почерпать противодіе противъ пустыхъ знаній. Занимаясь этими сочиненіями денно и нощю, онъ отказывался нерѣдко отъ пищи, и до такой степени превратилъ ихъ въ свою плоть и кровь, что, казалось, овладѣлъ ихъ гениемъ. Слыша въ Римѣ изъ устъ папы Иннокентія XII публичныя проклятія на лютеранъ, кальвинистовъ и прочихъ схизматиковъ, подъ которыми разумѣются русскіе, непринявшіе униі, онъ тайно смѣялся надъ ними, какъ надъ пустымъ громомъ. А впоследствии, говоритъ его біографъ, онъ открыто объявилъ ихъ незаконными и, по праву возмездія, въ Москвѣ и Петербургѣ, въ Великій постъ, часто громилъ анаеемою противниковъ греческой церкви. Онъ говорилъ, что нигдѣ нѣтъ столько сомнѣвающихся въ истинѣ христіанской религіи, какъ въ Италіи. Между тѣмъ онъ внимательно осматривалъ древній и новый Римъ, священныя и свѣтскіе памятники новаго и прежняго времени; изучалъ форму папскаго управленія въ церковныхъ, гражданскихъ и военныхъ дѣлахъ и тонко примѣчалъ, что происходило при избраніи новаго папы Климента XI.

Вышедши изъ Вѣчнаго города, онъ посѣтилъ Латеранскій дворецъ, откуда опять прошелъ чрезъ Бонону и прочіе, на пути лежащіе, города. Но такъ какъ австрійскія и французскія войска (по случаю войны за Испанское наслѣдство) сдѣлали дороги небезопасными, то онъ принужденъ былъ проходить окольными путями, испытывая, особенно въ зимнее время, разныя лишенія, оставаясь безъ пищи и сна; но все это онъ переносилъ безропотно съ бодростію духа и тѣла. Прошедши чрезъ Сень-Готардъ, онъ прибылъ къ гризонамъ въ Регію и швейцарцамъ, познакомился съ извѣстными въ наукѣ мужами и повсюду, какъ у католиковъ, такъ и не-католиковъ, находилъ радушный пріемъ, привлекая къ себѣ своею умною, гуманною рѣчью, знаніемъ иностранныхъ языковъ, и особенно своимъ образованіемъ, и такъ плѣнялъ всѣхъ, что они, всячески его одаривши, отпускали отъ себя съ сожалѣніемъ.

Но м. Евгенийъ, сказавши о постриженіи его въ Почаевской лаврѣ, говоритъ, что въ 1705 году онъ только переимѣнилъ имя, назвавшись, въ честь покойнаго дяди, Теофаномъ.

Въ бытность учителемъ поэзіи, Теофанъ составилъ пштку и написалъ трагикомедію—«Владиміръ», представленную академистами 3-го іюля 1705 года. Эта послѣдняя замѣчательна какъ по выбору сюжета изъ русской исторіи, вмѣсто іудейской или греческой, такъ по художественнымъ достоинствамъ и, наконецъ, по той смѣлости образа мыслей, которая возвышаетъ его надъ общимъ уровнемъ идей того времени.

Въ 1706 г. Теофанъ перешелъ на классъ реторики и составилъ учебникъ реторики на латинскомъ языкѣ. Насмотрѣвшись на іезуитское воспитаніе и іезуитское проповѣдничество въ Польшѣ и за границей, Теофанъ въ своей реторикѣ съ особенною энергіей высказывается, при каждомъ случаѣ, противъ католическихъ богословскихъ авторитетовъ и іезуитскаго проповѣдничества: «не приводи мнѣ свидѣтельство ни Оми Аквината, ни Скотта, ни другихъ нечестивой секты людей; ибо ими не подтвердишь своего предмета, но осквернишь и рѣчь и слухъ вѣрнаго народа и священнаго собранія». Теофанъ совѣтуетъ оратору выбирать предметы для церковной кафедрѣ изъ житій св. людей, особенно тѣхъ, коихъ произвела Россія, «чтобъ узнали, наконецъ, пустыя, благоговѣющіе только передъ своими баснями, враги наши, что безплодны доблестію наше отечество и наша вѣра, и чтобы перестали, наконецъ, укорять насъ въ скудости святыни».

Замѣчательно у Теофана изображеніе іезуитовъ: «великій Павелъ давно уже сказалъ намъ, что какъ темный ангелъ, такъ и его слуги, обыкновенно одѣваются въ свѣтъ; въ самомъ дѣлѣ, это самое поддѣльное богатѣе латинскихъ монаховъ служить для меня главнѣйшимъ доказательствомъ ихъ нечестія. Посмотрите на тѣлодвиженія, поступъ, положеніе лица и тѣла ихъ: что увидите искреннаго, неподдѣльнаго, неизысканнаго? Одни представляются намъ сокровищницами кротости и любви; другихъ увидишь облеченными суровостію болѣе, чѣмъ катовскою. Первые изъ нихъ, большею частію совершенно напрасно называющіе себя друзьями Иисуса, показываютъ видъ, будто они пребываютъ въ любви Божіей;—они всецѣло созданы для приобрѣтенія благосклонности: являютъ въ общество въ черной, но изящной одеждѣ, отличаются бѣлизною кожи,—красавцы съ головы до ногъ: тихо принимаютъ веселый видъ, придаютъ лицу пріятное выраженіе, складываютъ губы по женски, поднимаютъ и опускаютъ брови, мастерски потупляютъ глаза, пріятно и часто улыбаются. А сколько мастерства въ томъ, что они имѣютъ обыкновеніе, какъ нѣкоторые протевъ, почти въ одно и тоже время измѣнять свое лицо для выраженія самыхъ противоположныхъ душевныхъ движеній. Сейчасъ ты слышалъ его, веселаго и забавнаго; но если попадетъ въ рѣчи одно словечко, сколько-нибудь печальнаго содержанія, вотъ онъ и вздыхаетъ, и стонетъ, и слезки капаютъ, и все это дѣлаетъ онъ съ такою нѣжностію и пріятностію, какую можно видѣть въ молоденькихъ дѣвушкахъ. Таковы-то почти всѣ свойства этого ордена; и я подозреваю, что лучшіе учителя у нихъ тѣ, которые обучаютъ искусству кокетничать. Но часто я не могъ удержаться отъ смѣха при видѣ многихъ іезуитовъ, которымъ вовсе было не къ лицу представлять собою Купидоновъ или Венеръ. Когда они выходятъ на рынокъ и прогуливаются по городу, то несутся такимъ расчитаннымъ шагомъ, что, кажется, не идутъ, а танцуютъ. Если встрѣтятся съ кѣмъ-нибудь знакомымъ, который поддакъ ихъ вліанію, тотчасъ оба (ибо

они почти всегда прогуливаются вдвоемъ) самымъ веселымъ образомъ начинаютъ разговаривать между собою; затѣмъ старшій, т. е. главный начальникъ чужаго спасенія, склонивши тихо голову на плечи и улыбаясь, говорить, пожимая руку встрѣтившагося знакома: въ какомъ состоянїи вашъ внутреннїй человѣкъ? Я увѣренъ, что онъ здравствуетъ какъ нельзя лучше. Затѣмъ сообщаетъ радостнѣйшее извѣстїе, что въ Индїи нѣкоторый могущественнѣйшїй царь, со всѣмъ своимъ народомъ, сколько ни есть его, приведенъ иезуитами къ вѣрѣ во Христа. Всегда неожиданно, а часто и неблаговременно, приходятъ въ тотъ домъ, гдѣ знаютъ преданную ихъ ордену госпожу. Тамъ, послѣ прїятныхъ взаимныхъ привѣтствїй, забавляютъ женщинъ многими благочестивыми шутками, хвалятъ управленїе дома, удивляются картинамъ и, увидѣвши Христа, пригвожденнаго ко кресту, вздыхаютъ съ деликатнымъ сожалѣнїемъ, и движенїемъ рѣсницъ показываютъ, что они уже готовы расплакаться, но тотчасъ отворачиваются отъ чужихъ глазъ, какъ будто для того, чтобы скрыть свои слезы. Часто, если есть маленькія дѣти, иезуиты, тихо лаская ихъ, дарятъ имъ небольшїя иконы, или привѣшиваютъ къ шеѣ мѣдъ съ изображенїемъ Игнатїя (Лойолы), но самый благопрїятный случай выпадаетъ имъ, если они слышатъ, что какая-нибудь больная женщина лежитъ въ постели; и если больная, поддавшись ихъ льстивымъ внушенїямъ, откажетъ имъ или часть наслѣдства, или большїя деньги, тогда иезуиты значительно увеличиваютъ обѣщанное большою вѣчною блаженство и, кромѣ того, подарятъ ей четки, какъ вѣрнѣйшїй залогъ спасенїя. Впрочемъ, чтобы не оставить безъ вниманїя и бѣдныхъ, скорымъ шагомъ обходятъ и тѣ дома, въ которыхъ жаренымъ не пахнетъ. Но такъ какъ не всѣмъ нравится эта благочестивая сентиментальность, то есть другой родъ обманщиковъ, которые, какъ-будто родившись отъ древнихъ Сабинянъ, кажутся весьма суровыми; смѣются надъ всѣми приличїями свѣта и попираютъ ихъ, — немые, грязные, съ наморщеннымъ челомъ, съ синими зубами, необрѣзанными ногтями, съ пренебреженїемъ ко всякому убранству. Весьма приличнымъ считаютъ для священнаго оратора, если онъ, во время проповѣди, непристойно разводитъ мѣшками (рукавами), пугаетъ всѣхъ суровымъ взглядомъ, кулаками и пятами бьетъ и чуть не ломаетъ каедрю. Однако, ничего не можетъ быть обжорливѣе и пьянственнѣе людей этого рода».

Въ 1706 г. 4 іюля прибылъ въ Кїевъ государь для основанїя Печерской крѣпости. На другой день Теофанъ сказалъ, въ его присутствїи, проповѣдь, которая обратила на него вниманїе государя. И точно, это была рѣчь, давно неслыханная на церковной каедрѣ. Въ одушевленномъ словѣ проповѣдникъ выразилъ свои чувства по случаю радости о прибытїи юнаго, а между тѣмъ уже славнаго, государя. Тутъ нѣтъ ни отвлеченныхъ и сухихъ разсужденїй, ни школьныхъ приступовъ и аргументацій, ни утомительной длинноты періодовъ: это — стройная, одушевленная и блестящая рѣчь проповѣдника, оставившаго позади себя схоластическую реторику.

Въ слѣдующемъ 1707 году Теофанъ опредѣленъ префектомъ и учителемъ философіи, которую преподавалъ два года; а сверхъ того преподавалъ физику, ариметику и геометрію, которыя до того времени не преподавались въ академіи. Но скромныя занятїя учителя не наполняли его души. Его честолюбивый духъ порывался къ болѣе широкой и

открытой дѣятельности. Онъ принималъ живое участіе въ тогдашнемъ военномъ и политическомъ движеніи въ Малой Россіи и, хорошо знаи мѣстность и главныхъ дѣйствующихъ лицъ, имѣлъ случай оказать услугу правительству. Послѣ полтавской побѣды, когда государь возвращался чрезъ Кіевъ, Теофанъ сказалъ, въ его присутствіи, въ Софійскомъ соборѣ всенародный на эту побѣду панегирикъ, который тогда же былъ напечатанъ въ кіевопечерской типографіи на русскомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ. Въ декабрѣ того же года, въ церкви кіевобратскаго училищнаго монастыря, онъ сказалъ похвальное слово князю Меншикову и просилъ его покровительства для академіи.

Въ 1711 году, во время турецкаго похода, государь вспомнилъ о Прокоповичѣ и приказалъ ему быть къ себѣ въ лагерь. Теофанъ явился и, слѣдуя за государемъ 27 іюня, въ воспоминаніе полтавской побѣды, говорилъ проповѣдь въ Яссахъ,—столицѣ только-что принявшаго русское подданство молдавскаго княжества.

Онъ видѣлъ пораженіе русскихъ на берегу Прута и, по поводу несчастнаго сраженія, написалъ стихотвореніе, въ которомъ выразилъ надежду, что съ прутскимъ пораженіемъ еще не кончился расчетъ русскихъ съ мусульманами.

По возвращеніи въ Кіевъ, Теофанъ опредѣленъ, по желанію Петра I, игуменомъ кіевобратскаго монастыря, ректоромъ академіи и профессоромъ богословія. Послѣднюю должность онъ проходилъ, по замѣчанію его біографовъ, съ такой славой, каковой не имѣлъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Заслуга Теофана состоитъ въ томъ, что онъ оставилъ прежній схоластическій методъ изученія и преподаванія богословія и ввелъ новый, выработанный протестантскою богословскою наукою.

Въ 1715 году Государь приказалъ Прокоповичу пріѣхать въ С.-Петербургъ. Теофанъ и всѣ въ Кіевѣ сочли это знакомъ скорого посвященія его въ епископы.

До пріѣзда государева (а государь возвратился черезъ годъ послѣ пріѣзда Теофана въ Петербургъ), Теофанъ занимался сказываніемъ проповѣдей, которыя тотчасъ-же печатались и пересылались къ государю. Теофанъ былъ въ нихъ больше публицистомъ, нежели церковнымъ ораторомъ, болѣе рассказывалъ и разъяснялъ, съ правительственной точки зрѣнія, политическія дѣла, нежели поучалъ истинамъ вѣры и правиламъ частной добродѣтели.

Вниманіе къ нему Меншикова, который, за отсутствіемъ государя, правилъ дѣлами государства, и слава его проповѣдей обратили на него всеобщее вниманіе.

Государь возвратился въ С.-Петербургъ 10-го октября 1717 года. Первая встрѣча его съ Теофаномъ была совершенно въ пользу Прокоповича. По порученію Меншикова онъ приготовилъ къ пріѣзду государя три поздравительныя рѣчи—одну отъ лица двухлѣтняго царевича Петра Петровича, другую—отъ лица царевнъ Анны и Елисаветы, третью—отъ лица всего народа. Когда государь вошелъ въ комнату дѣтей, то изъ помянутыхъ рѣчей первую произнесъ предъ нимъ Петzen-Kind Меншиковъ, вторую—старшая царевна Анна Петровна, третью—самъ Теофанъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ воскресенье 16-го октября, онъ сказалъ государю въ Троицкомъ соборѣ отъ лица всего народа поздравительное слово, а 24-го октября, въ день именинъ царицы, сказалъ въ

честь ея похвальное слово изъ словъ «Пѣсни пѣсней»: «крѣпка яко смерть любви». Государь нашель въ Теофанѣ такого человѣка, какой ему нуженъ былъ для исполненія его предприятий въ дѣлѣ церковнаго управленія и народнаго образованія.

За нѣсколько времени передъ тѣмъ скончался псковскій митрополитъ Іосифъ. Государь рѣшился назначить на его мѣсто Теофана. Это назначеніе, судя по всѣмъ обстоятельствамъ, сдѣлано было и огласилось, хотя и не было объявлено официально, въ началѣ 1718 года.

Въ промежутокъ времени между его назначеніемъ и посвященіемъ, Теофанъ произнесъ въ вербное воскресенье замѣчательную проповѣдь о власти и чести царской, въ которой видны очень ясны намеки на положеніе дѣлъ и современныя лица. Судя по этимъ намекамъ, можно догадываться, что государь уже открылъ ему свои планы объ устройствѣ духовнаго чина и что, разсуждая съ нимъ объ этомъ предметѣ, онъ, вѣроятно, дѣлалъ свои замѣчанія о главныхъ лицахъ тогдашняго духовнаго правительства.

Говоря о противникахъ царской власти въ древнее и настоящее время, Теофанъ съ особеннымъ удареніемъ останавливается на современныхъ противникахъ. «Суть нѣщны (и даль бы Богъ, дабы не были многіи) или тайнымъ бѣсомъ льстиміи, или меланхолією помрачаемы, которыи такового нѣкоего въ мысли своей имѣють урода, что все имъ грѣшно и скверно мнится быти, что либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно, и правильно, и небогопротивно; напри мѣръ, лучше радуются вѣдомостями скорбными, нежели добрыми; самаго счастья не любятъ, и не вѣмъ како то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочихъ такъ: аще кого видятъ здрава и въ добромъ поведеніи, то конечно не святъ; хотѣли бы всѣмъ человѣкомъ быти злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, неблагополучнымъ, и развѣ въ такомъ состояніи любили бы ихъ. Таковыхъ Еллини древніи нарицали мисантропи, сіи есть, человѣконенавидцы. И есть давная и дивная повѣсть о нѣкоемъ такомъ Тимонѣ именовъ, жителѣ Аѳинейскомъ: той толико болѣзноваль сею страстью и, ненавида добраго поведенія въ людяхъ, толь жадно желалъ злключенія отечеству своему, что послѣдже сшелъ съ ума, и таковой обморокъ и мечтаніе возымѣлъ, аки бы ему подлинно нѣкто донесъ, будто аѳинейи вси хотятъ вѣшатися; тотъ часъ же радъ и веселъ въ народъ, и таковую возгласилъ проповѣдь: мужіе, рече, аѳинейстїи, есть у мене въ вертоградѣ древо великое, и много крѣпкихъ вѣтвей на немъ, да, для потребнаго на мѣстѣ томъ зданія, срубить хошу скоро же; молю васъ, идите вѣшайтеса, ибо долго ждать не могу. Не обрѣтаются ли и нынѣ таковіи? Аще и не въ таковой мѣрѣ, обаче суть тако злобныи и понурыи».

Намекъ слишкомъ ясный. Государь не любилъ Стефана Яворскаго за то, что тотъ косо смотрѣлъ не на одно только его разгулье, но и на всѣ его нововведенія. На сторонѣ Стефана было много лицъ духовныхъ и свѣтскихъ.

«Помыслить бо кто,—продолжаетъ проповѣдникъ,—и многіи мыслятъ, что не вси весьма людїе симъ долженствомъ обязаны суть, но нѣкии выключаются, именно же священство и монашество. Се тернъ, или паче репци, жало, но жало се змїино есть, папешскїй се духъ, но не вѣмъ, какъ то досягающїи и касающїися насъ; священство бо иное

дѣло, иной чинъ есть въ народѣ, а не иное государство». Опять намекъ и слишкомъ прозрачный на неподсудность церкви государству и на тѣ обстоятельства, которыми сопровождалось уничтоженіе патріаршества и учрежденіе коллегіальнаго духовнаго правленія. Ясно, что въ ту пору, когда Теофанъ говорилъ свою проповѣдь, идея Синода и коллегіальнаго духовнаго правленія, а вмѣстѣ съ этимъ введенія церкви въ общую систему коллегіальнаго управленія уже переходила изъ области предположеній въ область фактовъ.

ЛХІ. ВЗГЛЯДЪ НА ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА.

(Изъ соч. Чистовича: «Теофанъ Прокоповичъ»)

Что за странная судьба выпала на долю Теофана повсюду возбуждать непріязнь противъ себя? Сдѣлавшись профессоромъ въ Кіевѣ, онъ тотчасъ же подвергся непріятностямъ отъ своихъ товарищей, которые не давали ему покоя ни дома, ни въ обществѣ. Непріятности продолжались и послѣ того, какъ онъ сдѣлался ректоромъ академіи. Государь приглашаетъ его въ С.-Петербургъ къ посвященію въ епископа: только-что огласилось намѣреніе государя, какъ противъ Теофана поднялась чуть не вся Москва съ патріаршимъ мѣстоблюстителемъ во главѣ и заявила протестъ противъ посвященія его въ епископа. Первое печатное сочиненіе его, Букварь, встрѣчено было въ обществѣ очень враждебно. Ту же судьбу имѣли и всѣ его другія сочиненія. Друзья его дѣлались его врагами. Люди, которыхъ онъ ласкалъ и которымъ покровительствовалъ, при первомъ случаѣ становились въ ряды его недоброжелателей и выдавали его правительству своими доносами, или роняли его въ обществѣ, бросая тѣнь на каждый его поступокъ, черня каждый шагъ его жизни.

Что это за беспокойный характеръ, который всѣхъ отталкивалъ отъ себя, всѣмъ былъ непріятенъ, всѣхъ вооружалъ противъ себя? Нѣтъ сомнѣнія, что причиною раздраженія, которое Теофанъ возбуждалъ противъ себя, была разность его принциповъ съ принципами или привычнымъ строемъ жизни большинства людей, съ которыми онъ сталкивался. Но самая эта разность въ принципахъ обуславливалась особымъ селадомъ его ума и всѣмъ ходомъ его образованія, которые создали изъ него особый типъ и придали ему характеръ, съ которымъ онъ является въ исторіи.

Внѣшнимъ поводомъ для большинства недоброжелателей Теофановыхъ къ неудовольствію противъ него были тѣ нововведенія, въ которыхъ онъ былъ главною дѣйствующею причиною и которыя стали наперекоръ старому привычному теченію жизни.

Самымъ важнымъ изъ нихъ была замѣна патріаршества синодомъ. Не Теофанъ принадлежитъ это нововведеніе, но онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ осуществленіи идеи государя—организовалъ синодъ и составилъ для него уставъ. Съ канонической точки зрѣнія

патріаршая и синодальная формы церковнаго правленія равно законны; но на сторонѣ народа и духовенства была вѣковая привычка къ индивидуальному управленію въ церкви. Казалось, что съ уничтоженіемъ патріаршества церковь теряла свое достоинство и лишалась представителя. Званіе патріарха давало особый видъ всему іерархическому строю. Подъ главнымъ начальствомъ патріарха, составъ высшей іерархіи образованъ былъ изъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ: при равенствѣ епископскаго достоинства, каждое званіе имѣло свою особую іерархическую постановку, свой кругъ правъ и свои вышнія отличія. Теперь же эти отношенія измѣнились. Составъ синода образованъ былъ изъ лицъ всѣхъ степеней іерархіи. Былъ случай, что въ него введено было лицо, неимѣвшее никакой церковной степени (Феофиль Кроликъ ужъ въ званіи синодальнаго чина посвященъ былъ въ іеродіакона и іеромонаха). Званіе митрополита оставлено только за тѣми, кто уже имѣлъ его. Общія коллегіальныя начала государственнаго правленія примѣнены были сполна и къ синоду. Какъ коллегія, онъ имѣлъ своего президента, вице-президентовъ, совѣтниковъ, ассесоровъ, оберъ-секретаря и проч. Все это было, по меньшей мѣрѣ, непривычно для глаза, привыкшаго къ прежнимъ формамъ управленія. Въ частности уничтоженіе патріаршескаго званія неприятно было для монашествующихъ, изъ среды которыхъ избирался патріархъ. Какъ патріаршеское званіе давало почетъ всему монашескому сословію, такъ уничтоженіе его лишило цѣлое сословіе этого почета; а для епископовъ казалось оскорбительнымъ, что въ составъ синода назначены члены и низшихъ степеней іерархіи, до сихъ поръ служебно къ нимъ относившіеся. Далѣе неизвѣстно, было ли въ самомъ дѣлѣ намѣреніе посадить въ синодъ и лютеранскихъ пасторовъ и сдѣлать его высшею административною инстанціею какъ для православной русской церкви, такъ и для находящихся въ Россіи неправославныхъ христіанскихъ исповѣданій (на что намекаетъ Арсеній Маціевичъ въ «Возраженіи на Молотоку»); но то вѣрно, что при Петрѣ, въ первое время синода, вѣднію его подлежали лютеранскія церкви въ Россіи и ихъ пасторы.

Сочиненный Феофаномъ и, послѣ прочтенія въ совмѣстномъ собраніи высшаго духовенства и сената, утвержденный государемъ уставъ духовной коллегіи подъ названіемъ «Духовнаго Регламента», затрогивалъ самыя чувствительныя и больныя стороны въ жизни народа и духовенства. Свидѣтельствованіе мощей, житія святыхъ, чудеса, акаѳистовъ, запрещеніе вновь строить церкви безъ разрѣшенія синода, закрытіе часовень, запрещеніе хожденій по домамъ съ иконами—все это должно было тяжело дѣйствовать на народное чувство и на духовенство. Архіереямъ не могло не показаться обиднымъ, что ихъ заставляли поурочно читать книгу правилъ. Нововведенія эти сами по себѣ тяжелы были для народа и духовенства и раздражали ихъ противъ Феофана, котораго вмѣстѣ съ Θεодосіемъ считали главнымъ виновникомъ этихъ нововведеній. Но Феофанъ увеличивалъ это раздраженіе тѣмъ, что относился къ прежнимъ формамъ церковной жизни съ несдерживаемою ироніею, съ какимъ-то враждебнымъ чувствомъ, и выражалъ свое неудовольствіе ими при каждомъ случаѣ.

Значительная доля недовольных принадлежала монашествующимъ, которые, сверхъ общихъ распоряженій, раздражены были указомъ 30 января 1724 года. Этимъ указомъ монастыри отдавались подъ богадѣльни и училища, обращались въ воспитательные дома для зазорныхъ младенцевъ и въ инвалидные дома для призравнїа старыхъ и увѣчныхъ солдатъ. Недовольные этими нововведенїями взвели на Теофана обвиненїе въ лютеранствѣ и старались повсюду выставить его лютераниномъ, а образъ его дѣйствїй—сворачиванїемъ русской церкви въ лютеранство. Но самое строгое разсмотрѣнїе его сочиненїй не откроетъ въ нихъ ничего, противнаго православной церкви.

Разсматривая обвинительные пункты Маркелла Родышевскаго, съ обвиненїемъ Теофана въ неправославіи, и отвѣты на нихъ Теофана, легко видѣть, что въ образѣ мыслей Теофана нѣтъ ничего противнаго церкви, несогласнаго съ ея ученїемъ. Но онъ отдѣлялъ предметы и вопросы науки и исторической критики отъ строго опредѣленнаго ученїа церкви, и не хотѣлъ освящать именемъ православїа различныхъ обычаевъ частїю индифферентныхъ, частїю противныхъ церкви, какихъ было много въ до-петровской Руси. Вотъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденїе нашихъ словъ. Маркеллъ доносилъ на Теофана, что онъ не признаетъ подлинности апостольскихъ правилъ: «тѣ правила, которыя называются апостольскїа—не ихъ». Теофанъ отвѣчаетъ: «правила апостольскїа прїемлю за апостольское ученїе, но не по соглашенїю, т. е. въ правилахъ оныхъ ученїе апостольское, но словесъ составъ или сочиненїе не отъ апостола сдѣлано: что вси вѣдаютъ, которые не Маркелловымъ образомъ о дѣлѣ богословскомъ обучаются». «Святыхъ отецъ книгу Дїонисїа ареопагита называлъ неправильною и говорилъ, что и многїа-де книги изданы подъ именемъ Василїа Великаго и Златоустаго и прочихъ ложныя». «Трудно», отвѣчаетъ Теофанъ, «или паче невозможно слѣпому разсуждать о краскахъ и цвѣтахъ. О Дїонисїевой книгѣ издревле у церковныхъ учителей бывало пренїе. Пренїе-же есть не о ученїи, въ оной книгѣ написанномъ, но о творцѣ книги,—ареопагитскїй-ли или иной Дїонисїй сочинилъ книгу оную. И одни се, а другїе то говорятъ безъ разбора вѣры и любви, понеже не подлежитъ до вѣры артикуловъ». «Чудесамъ святыхъ, напечатаннымъ въ книгахъ, не вѣрять и говорить: мнѣ-де книгамъ критика вѣрять не вѣдить». «Говорю и не я одинъ, отвѣчаетъ Теофанъ, «что лицемѣры иногда притворяютъ св. иконамъ чудеса, о чемъ многїа обличенїа суть и недавно на судѣ синодальномъ явилось. И архїереи, поставляемые обѣщанїемъ клятвеннымъ, одоужаютъ себя смотрѣть, дабы иконамъ святымъ ложныхъ чудесъ не притворяли». Обширная ученость давала ему опоры, которыхъ не имѣли его противники. Не подлежитъ никакому сомнѣнїю, что Теофанъ по богословской учености и исторической критикѣ стоялъ едва ли не выше всѣхъ современныхъ ему русскихъ богослововъ.

Могутъ возразить, что Теофанъ высказывалъ свои настоящїя убѣжденїа при разныхъ случаяхъ въ разговорахъ съ разными лицами, которыя и подали поводъ противникамъ обвинять его въ лютеранствѣ; но былъ столько уменъ, что умѣлъ замаскировать эти убѣжденїа, когда, по доносу Маркелла, позвали его къ отвѣту. Конечно, могло быть и такъ, но могло быть и не такъ. Когда кого обвиняютъ въ недостаткѣ или неправильности убѣжденїй на какой-нибудь счетъ, и когда обвинитель

каждый из сторон, это обвинение так или именно так думает, как онъ думаетъ, а долгѣе творить, то оно думаетъ совсѣмъ не такъ и, крайнѣ остроумно выраженнаго своихъ убѣжденій, указываетъ въ подтвержденіе своихъ словъ на всѣхъ явные и всѣхъ извѣстные факты: то кому нѣтъ какъ зрѣть: Безпристрастіе должно расположить скорѣе въ пользу обвиняемаго, нежели въ пользу доносчика и обвинителя. Стоитъ прочесть включенное иррациональнѣе завѣски Теофана; чтобы убѣдиться въ искренности его изреченій и чистотѣ его убѣжденій. А если еще открывается, что побужденія у доносчика были не соображенія чести и что его юнымъ викаріемъ не жъ ревности о мѣрѣ и благѣ церкви, а нѣтъ упомянуты предать обвиняемаго лицу, — то во безпристрастномъ судѣ она лишалась всей своей силы.

Но то, что мы рассматривали до сихъ поръ, касается только своей стороны реформъ, возбужденныхъ въ царствѣ и глумительскій неудовольствіе противъ Теофана и связанныхъ съ разными сторонами протеста противъ этихъ реформъ и противъ глумленія дѣлами въ нихъ—Теофана. Но есть еще другая сторона въ этомъ дѣлѣ имени—образъ дѣятельнѣе Теофана въ отношеніи къ своимъ противникамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Теофанъ выказалъ здѣсь много тонкихъ сторонъ своего характера. Но чтобы судить объ этомъ безпристрастно, нужно идти въ виду тѣ обстоятельства, въ которыхъ Теофанъ выказалъ во все время своей жизни—иногда смерти Петра I. Онъ одинъ выносилъ на своихъ плечахъ медвѣдья Петра въ русскую верховнѣе преобразованія. Нѣдѣство, что нѣтъ угрожала самая печальная судьба. Оберегая себя, Теофанъ оберегалъ и себя съ тѣмъ обще-веровное дѣло. Въ чести его мало сказать, что при противныхъ обстоятельствахъ онъ не передалъ своихъ убѣжденій. При Екатеринѣ, Петрѣ II и Аннѣ онъ весь тотъ же, что былъ и при Петрѣ I. Конечно, нельзя нравственно осуждать его постоянныхъ апеллиръ къ Тайной канцеляріи: во ему оставалось выбирать одно изъ двухъ—или погибнуть гдѣ-нибудь въ Олонецкѣ, Соловкахъ, такъ же, какъ погибли тамъ Феодосій, Георгій Дашковъ и другіе, или—обороняться тѣмъ же оружіемъ, какими пользовались противъ него его противники. Конечно, неохвальное дѣло залучивать государиню бунтани и революціями и держать въ страхѣ, слѣдовательно подъ своею властью, министровъ: во мало пріятнаго и похвально ролины и судьбы съ своими противниками. И нельзя не признать, что только властью такимъ обширнымъ, гибкимъ и изворотливымъ умомъ, каковъ укъ Теофана, онъ не только самъ уцѣлѣлъ и сохранилъ свое положеніе во время тѣхъ постоянныхъ смуть, какія волновали государство и церковь въ первой половинѣ прошлаго вѣка, когда погибли Меншиковы, Долгоруковы, Голицины, Остерманы и многое множество другихъ лицъ, во и оберегалъ дѣла Петра отъ постоянно грозившаго ему уничтоженія.

Нѣтъ сомнѣнія, что другое время дало-бы иное направленіе тому великому дару, какой имѣлъ Теофанъ. При болѣе высокомъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе спокойномъ состояніи общества, вмѣсто того, чтобы растрачивать время на процессы въ Тайной канцеляріи, онъ употребилъ бы его на пользу церкви, болѣе сообразно съ образомъ христіанскаго пастыря. Но, какъ сынъ своего вѣка, онъ несетъ на себѣ и его бремя. При чтеніи процессовъ Теофана съ разными лицами, съ неудержимой силой бьетъ въ глаза хаотическое состояніе тогдашняго

общества, въ которомъ бродятъ разнородныя, никѣмъ не направляемыя, элементы, и которое открывало полный просторъ для игры неудерживаемыхъ страстей, честолюбій, интригъ. На церковныхъ дѣлахъ вполне отразилось это неустроенное состояніе тогдашняго общества. И тамъ, и здѣсь подняться съ самыхъ низкихъ ступеней общества до самыхъ высшихъ и также скоро упасть съ высоты, какъ легко было подняться на нее—въ ту пору дѣло самое обыкновенное, хотя въ то же время самое неестественное, которое свидѣтельствуетъ о неустроенномъ состояніи общества. Теофанъ, лучше, чѣмъ кто-нибудь, понималъ духъ своего времени и пользовался имъ съ искусствомъ, въ которомъ ему не было равнаго. Поэтому и вѣрная историческая оцѣнка его дѣятельности можетъ быть сдѣлана только въ виду состоянія тогдашняго общества и при томъ съ точки зрѣнія на него, какъ на государственнаго дѣятеля, хотя ближайшею сферою его были церковныя дѣла.

ЛХП. СТЕФАНЪ ЯВОРСКІЙ.

(Изъ сочиненій Ю. О. Самарина; томъ V).

Въ 1700 году Стефанъ Яворскій, пользовавшійся въ южной Россіи славою ученаго и проповѣдника, отправленъ былъ для какихъ-то дѣлъ кіевскимъ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ въ Москву. Въ это самое время скончался фельдмаршалъ, бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шейнъ. Царь, желая воздать особенную честь усопшему, велѣлъ устроить великолѣпныя похороны и произнести надгробное слово. Стали искать проповѣдника, и кто то упомянулъ въ присутствіи царя о недавно пріѣхавшемъ въ Москву игуменѣ Стефанѣ. Его призвали и поручили сказать надгробное слово. Не смотря на то, что недоставало къ приготовленію ни времени, ни удобнаго мѣста, какъ замѣчаетъ биографъ Стефана, слово его имѣло полный успѣхъ. Петръ Великій, искавшій вокругъ себя людей даровитыхъ, не велѣлъ Стефану возвращаться къ себѣ въ Кіевъ и удержалъ его въ Москвѣ. Черезъ нѣсколько времени упразднилась рязанская каеэдра, и Петръ указалъ патріарху Адріану посвятить Стефана Яворскаго прямо въ митрополита рязанскаго и муромскаго. Долго и со слезами Стефанъ отклонялся отъ неожиданной чести и, можетъ быть, предчувствуя, какое бремя хотѣли возложить на него, упрашивалъ царя отпустить его въ любимый Кіевъ; наконецъ онъ покорился и былъ посвященъ апрѣля 7-го дня Трифиліемъ, митрополитомъ сарскимъ и подонскимъ. Престарѣлый Адріанъ, мучимый болѣзнію, не могъ посвятить своего будущаго преемника.

Въ томъ же году умеръ послѣдній патріархъ, и Петръ, вѣроятно уже рѣшившійся отмѣнить патріаршество, не созывалъ епископовъ на новое избраніе, а самъ поручилъ управленіе патріаршими дѣлами Стефану Яворскому.

Въ 1702 году онъ уже является на верховной каеэдрѣ Россіи, съ титуломъ патріаршаго администратора, экзарха, викарія, блюстителя

патріаршаго престола и, вѣроятно, съ тайною надеждою со временемъ быть патріархомъ.

Въ тяжелое время Стефанъ Яворскій принялъ въ руки кормило Церкви. Внутри ея расколъ, озлобленный гоневіемъ, свирѣпствовалъ въ простомъ народѣ и въ монашествѣ. Невѣдомые и незримые проповѣдники бросали повсюду грозныя предсказанія и возбуждали къ страданію и мученической смерти за гинувшее, по ихъ словамъ, православіе. Противъ этой толпы изувѣровъ, безумно уцѣпившихся за вѣшнюю форму, за пустыя преданія нашей старины, Стефану предстояло защищать реформу, новое время.

Съ другой стороны, вмѣстѣ съ иностраннымъ просвѣщеніемъ, проникли въ Россію протестантскія мнѣнія и нашли послѣдователей въ городахъ, между ремесленниками и въ высшихъ сословіяхъ. Тамъ слышались насмѣшливыя укоризны на все старое, не шадившія и вѣры православной. Вторая, не менѣ трудная обязанность ожидала верховнаго пастыря: постоять за священныя преданія Церкви и обуздать протестантскій порывъ.

Наконецъ, внѣ Церкви, въ сферѣ государства началось уже великое дѣло преобразованія, и не трудно было угадать, что едва ли оно остановится у предѣловъ Церкви. Нѣсколько новыхъ узаконеній, касавшихся древнихъ правъ духовенства, нѣсколько рѣзкихъ словъ, брошенныхъ вскользь юнымъ монархомъ противъ власти духовной, противъ опальной старины, давали предугадывать въ немъ замыслы, еще не высказанные, но обдуманые и, по всей вѣроятности, не безопасные для Церкви. Боязнь и неизвѣстность того, что таилось въ мысли Петра, и что вскорѣ должно было открыться, сильно тревожило ревнителей православія. Страшная борьба предстояла избранному представителю Церкви съ желѣзною волею Государя.

Въ этихъ обстоятельствахъ открывалось XVIII столѣтіе. Вся Россія распадалась на двѣ партіи: на партію старины и на партію обновленія. Та и другая имѣла свои крайности. Стефанъ Яворскій присталъ къ первой партіи. Его воспитаніе, понятія, почерпнутыя имъ изъ Западныхъ училищъ, его званіе и высокій санъ, который дѣлалъ его прямымъ наслѣдникомъ патріарховъ и возлагалъ на него обязанность стоять за права духовенства, наконецъ сознаніе опасности, угрожающей Церкви со стороны противной партіи, и, вѣроятно, также его личный характеръ, складъ ума—опредѣлили его и дали ему то значеніе, которому онъ оставался постоянно вѣренъ. Вся его жизнь была борьбою съ расколомъ, т. е. съ крайностью той партіи, которой лучшую сторону онъ представлялъ, борьбою съ протестантизмомъ, какъ доктриною, и робкимъ противодѣйствіемъ, а подъ конецъ безмолвнымъ протестомъ противъ дѣлъ Петровыхъ, являвшихъ въ себѣ протестантское начало.

Немедленно по смерти Адріана Петръ Великій ограничилъ судебную власть патріарха, отдавъ подъ разныя вѣдомства многія дѣла, прежде ему исключительно подлежавшія.

Именнымъ указомъ 1700 г. декабря 16 отмѣненъ Патріаршій Разрядъ, и всѣ дѣла и приводы по челобитію во всякихъ искахъ мірскихъ и духовныхъ людей отосланы въ тѣ Приказы, въ которыхъ которые чины распрравою вѣдомы. Дѣла по духовнымъ и по раднымъ и по инымъ вѣрностямъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ отосланы въ Помѣстный

Приказъ. Дѣла духовныя о расколахъ, ересяхъ, противностяхъ церкви Божіей оставлены въ Патріаршемъ Приказѣ и поручены Стефану Яворскому. Въ слѣдующемъ 1701 году, сентября 26, отнесены сюда и челобитныя всякихъ чиновъ людей на монаховъ, поповъ и дьяконовъ во всякихъ искахъ.

Въ 1701 г., января 24, именнымъ указомъ всѣ дѣла, принадлежавшія до Патріаршаго Разряда (завѣдываніе домашними доходами патріарха, архіереевъ и монастырей, челобитныя въ дѣлахъ и искахъ на патріаршихъ и архіерейскихъ домовыхъ и иноческаго и священническаго чина и церковнаго причета людей и на монастырскихъ стряпчихъ, крестьянъ и т. д.)—отнесены въ Монастырскій Приказъ и поручены боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину и дьяку Ефиму Зотову.

Въ то же время воспослѣдовало нѣсколько замѣчательныхъ указовъ о монашествахъ и о монастыряхъ.

Января 31: «Монахи въ кельяхъ никавовыхъ писемъ писать власти не имѣютъ, чернилъ и бумаги въ кельяхъ имѣти да не будутъ, но въ трапезѣ опредѣленное мѣсто для писанія будетъ, и пр.». Поводомъ къ принатію этой мѣры были подметныя возмутительныя письма, рассылаемыя изъ монастырей.

Декабря 30-го объявленъ Монастырскому Приказу именной указъ: «Въ монастыри монахамъ и монахинямъ давать опредѣленное число денегъ и хлѣба въ общежительство ихъ, а вотчинами ихъ и никакими угодьями не владѣть, не ради разоренія монастырей, но лучшаго ради исполненія монашескаго обѣщанія, понеже древніе монахи сами себѣ трудолюбными руками своими пишу промышляли и общежительно живяше, и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали; нынѣшніе же монахи не токмо нищихъ не питаше отъ трудовъ своихъ, но сами чуждые труды поядоша, и начальныя монахи во многія роскоши впадоша, а подначальныхъ монаховъ въ нужную пишу введоша, и вотчинъ же ради, свары и смертныя убивства, и неправыя обиды многы творяша. И сея ради вины, указалъ Великій Государъ равное дааніе учинити яко начальнымъ, тако и подначальнымъ монахамъ, по 10 рублевъ денегъ, по 10 четвертей хлѣба, и дрова въ довольность ихъ; а собирати съ вотчинъ ихъ всякіе доходы въ Монастырской Приказъ, на вышеупомянутыя монахамъ дачи». Приняты были мѣры для распредѣленія денежнаго жалованья между монастырями поровну, а остальные доходы велѣно употреблять на содержаніе богадѣленъ. Та же мѣра была распространена и на имѣнія блага духовенства, какъ видно изъ указовъ 1701 г. января 31, 1702 г. февраля 27 и іюня 24.

Все вообще управленіе церковными имѣніями, суды и сборы отданы подъ вѣдомство Монастырскаго Приказа исключительно. Такимъ образомъ совершилось то дѣло, къ которому первый приложилъ руку Іоаннъ III и послѣ него стремились почти всѣ его преемники. Управленіе имѣніями и связанныя съ нимъ тяжбы и заботы, которыя были одною изъ главныхъ, если не самою главною причиною нравственнаго упадка монашества, были сняты съ духовенства. Перепись вотчинъ патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ, предписанная еще прежде, продолжалась.

Итакъ, Стефану Яворскому были поручены только дѣла духовныя.

Въ важныхъ случаяхъ ему велѣно было ничего не рѣшать, не доложить Монарху. Кромѣ того, три статьи поручены были его особенному попеченію: устройство училищъ изъ доходовъ дома патріаршаго, бдительный надзоръ за вновь поставленными, священниками «дабы ненаученныхъ по малой мѣрѣ катихизиса и десяти заповѣдей не поставлять». Объ этомъ изданъ былъ въ 1708 г., января 15, особенный указъ слѣдующаго содержанія: «Поповымъ и дьяконовымъ дѣтямъ учиться въ школахъ греческой и латинскихъ, а которые въ тѣхъ школахъ учиться не похотятъ, и ихъ въ попы и во дьяконы, на отцовы мѣста, и никуда посвящать и въ подъячіе и въ иные ни въ какіе чины, кромѣ служилаго чина, принимать не велѣно»; этотъ указъ былъ часто повторяемъ. Наконецъ—проповѣдь слова Божія идолопоклонникамъ и раскольникамъ.

Таковъ былъ кругъ дѣйствій, опредѣленный Стефану.

Первый годъ его управленія открылся важнымъ дѣломъ, ересью Талицкаго.

Между раскольниками распространилось мнѣніе, что наступаетъ конецъ міру, что антихристъ уже явился въ лицѣ Государя, что Москва—Вавилонъ, а жители ея—вавилоняне, слуги антихристовы. Это предсказаніе, порожденное всеобщимъ ожиданіемъ чего-то великаго, новаго, было основано на нелѣпомъ исчисленіи седмиць Даниловыхъ и на нѣкоторыхъ приспособленіяхъ текстовъ изъ Апокалипсиса къ тогдашнему времени. Оно сильно волновало простой народъ.

Ожиданіе кончины міра часто встрѣчается въ исторіи передъ великими переворотами, измѣняющими строй жизни народа или всего человечества, въ переходныя эпохи отъ одного періода къ другому. Понятно, что оно могло возникнуть въ Россіи, въ началѣ XVIII вѣка, особенно между раскольниками. Сродно бываетъ человѣку, когда въ глазахъ его прошедшее замыкается, и путь, которымъ онъ шелъ, теряется изъ виду, отчаяваться въ будущемъ и переходъ жизни изъ одного фазиса въ другой принимать за конецъ всякаго бытія. Таково неизбежное заблужденіе тѣхъ, которыхъ взглядъ ограниченъ тѣснымъ кругомъ ихъ современности. Родившись въ извѣстную эпоху, они до того сродняются съ ея частнымъ характеромъ, съ ея обычаями, убѣжденіями и предразсудками, что другой порядокъ кажется имъ невозможнымъ. Временное получаетъ для нихъ значеніе вѣчнаго, и когда, слѣдуя необходимому закону развитія, это временное перестаетъ вмѣщать въ себя духъ жизни, отчаяніе становится ихъ удѣломъ.

Въ этомъ отношеніи мнѣніе о кончинѣ міра между нашими раскольниками было явленіемъ необходимымъ. Явился въ Москвѣ нѣкто Талицкій, фанатикъ, какихъ въ то время было много, и началъ открыто пророчествовать, не пада въ своихъ проповѣдяхъ самого царя. О Талицкомъ сохранились слѣдующія извѣстія въ синодальскомъ указѣ 1722 г. мая 17-го: «Воръ Талицкій объявилъ при исповѣди духовному своему отцу свое злѣйшее намѣреніе, а именно: написалъ письма, которыя хотѣлъ вездѣ подметывать къ возмущенію, ставя себя то за истину и не отлагая онаго, и не каяся, и священникъ, хотя ему въ томъ и прегиль, однако же причастилъ Святыхъ Тайнъ и не донесъ, гдѣ надлежитъ, чая грѣхомъ быти то доношеніе; а тотъ воръ пошелъ съ тѣмъ намѣреніемъ оное дѣлать».

Его схватили; начался судъ. Стефанъ Яворскій обличалъ его въ присутствіи самого Петра, который также принялъ участіе въ преніи и помогъ Стефану кстати приведенными текстами изъ священнаго писанія. Талицкій былъ осужденъ на сожженіе.

Въ пастырскомъ увѣщаніи, изданномъ отъ Синода въ 1722 году, января 27-го, разсказаны обстоятельства этой казни: «Ученію Талицкаго послѣдовалъ нѣкто икольникъ Иванъ Савинъ, и въ томъ со удивленіемъ, какія муки терпѣлъ, не внимая никакого себѣ отъ духовныхъ наставленія, за которое злодѣяніе и на смерть осужденъ, что все вышепомянутый Савинъ съ радостію принималъ. Но когда, во время казни, копченіемъ творимой, Талицкій, не стерпя того, покался и снятъ былъ съ онаго, то видя, оный Савинъ спросилъ караульщикова, для чего онаго сняли; отъ которыхъ увѣдалъ, что повинился; тогда просилъ и о себѣ, котораго также сняли, и желалъ видѣть Талицкаго, и когда допущенъ, спросилъ его, впрямъ ли онъ повинился и для чего. Тогда Талицкій все подробно сказалъ, что все то ложь, чему училъ. О, въ какую горестъ пришель тотъ Савинъ, и съ какими слезами раскаявался, и пенялъ на Талицкаго, для чего въ такую бѣду его привелъ и что онъ ни для чего, только вмѣняя то за истину, страдать радъ былъ!»

Неизвѣстно, до какой степени участвовалъ Стефанъ Яворскій своею властью въ этой ужасной пыткѣ (ибо, очевидно, это была пытка, а не казнь); но нельзя забыть, что такого рода поступки съ еретиками онъ оправдывалъ въ «Камнѣ вѣры».

По случаю ереси Талицкаго, Стефанъ Яворскій написалъ книгу подъ названіемъ: «Знаменія пришествія Антихрестова и кончины вѣка,» замѣштанную имъ изъ книги испанскаго богослова Мальвенды объ Антихрестѣ. Она была издана въ первый разъ въ 1703 году, но, какъ кажется, не достигла своей цѣли и распространенія ложныхъ предсказаній не пресѣкла.

Слѣдующіе годы протекли для церкви довольно мирно. Война съ Швеціею исключительно занимала Петра Великаго и отвлекала его вниманіе отъ дѣлъ церковныхъ. Стефанъ управлялъ двумя вѣренными ему епархіями, рязанскою и тамбовскою, и въ праздники и торжественные дни говорилъ проповѣди.

Въ 1713 году открылась въ Москвѣ лютеранская и кальвинская ересь. Ея быстрое распространеніе и дерзость зачинщиковъ требовали скорого и дѣйствительнаго противодѣйствія. Стефанъ Яворскій, понимая, какой вредъ могъ произойти, если откроется и въ простомъ народѣ сочувствіе къ тѣмъ самымъ мыслямъ, которыя имѣли уже сильныхъ представителей между приближенными монарха, если протестанское начало проложить себѣ эти двѣ дороги, отложилъ всякое челоуѣкоугодіе, всякій страхъ, и мужественно обличалъ еретиковъ.

Въ «Камнѣ вѣры», написанномъ по этому случаю, онъ трогательно предостерегалъ свою паству отъ соблазнительныхъ проповѣдей иностранцевъ, умоляя ихъ не внимать этимъ непризваннымъ учителямъ и крѣпко держаться за преданіе православной Церкви. Книга Стефана Яворскаго была по тому времени мужественнымъ поступкомъ. Полный чистой ревностью къ православію и высочимъ сознаніемъ своего призванія, онъ подалъ смѣлый голосъ противъ мнѣнія, бывшаго въ силѣ, и которому благоволилъ самъ Царь. Это была лучшая, высокая минута въ его жизни.

ЛХІІІ. МОНАСТЫРСКІЙ ПРИКАЗЪ.

(Изъ соч. Горчакова: «Монастырскій Приказъ». Опытъ историко-юридическаго изслѣдованія).

Монастырскій Приказъ, въ видѣ особаго, самостоятельнаго государственнаго учрежденія, основанъ Соборнымъ Уложеніемъ Царя Алексѣя Михайловича въ 1649-мъ году. Приказъ этотъ представляетъ весьма замѣтное явленіе въ исторіи русскаго права и государства. Судьба его, подобно участи многихъ другихъ приказовъ, государственныхъ учрежденій Россіи XVII в., была весьма переменчива. Монастырскій Приказъ три раза открывался и три раза закрывался; переходилъ изъ одного вѣдомства въ другое: бывалъ и административно-церковнымъ учрежденіемъ и государственнымъ; являлся и высшею инстанціею въ дѣлахъ, ему подвѣдомственныхъ, и среднею, то имѣлъ значеніе, силу, власть и права вышшаго самостоятельнаго государственнаго учрежденія, центрального по своему вѣдомству для всей Россіи, то подчиненно соединялся съ другими учрежденіями, отъ которыхъ единственно и получалъ свое значеніе и безъ которыхъ не имѣлъ никакой силы; то стоялъ выше нѣсколькихъ приказовъ, ему подчиненныхъ (каковы: Богадѣленный, Патріаршіе, Дворцовый и Казенный), то становился съ нѣкоторыми изъ нихъ наравнѣ.—Кругъ его дѣятельности разнообразился въ разные времена, но всегда былъ очень обширный по географическому пространству и по количеству лицъ, ему подвѣдомственныхъ. По предметамъ своего вѣдомства Монастырскій Приказъ былъ и судебнымъ учрежденіемъ, и административнымъ, и финансовымъ, и даже специально назначался для реформаторской дѣятельности въ отношеніи къ нѣкоторымъ сторонамъ русской Церкви; но ни въ одинъ періодъ своего существованія онъ не былъ исключительно посвященъ какому либо одному роду дѣлъ—судебныхъ, административныхъ и т. п. Онъ всегда сосредоточивалъ въ себѣ разнообразіе предметовъ по отношенію къ извѣстнымъ классамъ русскаго народа. Случалось, что Монастырскій Приказъ въ ходѣ историческихъ событій совсѣмъ исчезалъ изъ ряда государственныхъ учрежденій и повидимому навсегда; но чрезъ нѣсколько времени онъ снова является и дѣйствуетъ съ очень замѣтною силою въ государствѣ. Въ многократныхъ переменѣхъ Монастырскій Приказъ дѣйствуетъ съ своимъ именемъ; но въ 1724 году онъ переименовывается въ учрежденіе съ другимъ названіемъ, которое тоже не разъ измѣнялось,—оставаясь въ существѣ тѣмъ же учрежденіемъ и служа одному и тому же дѣлу, которое въ ходѣ историческаго развитія принимаетъ разные виды своего положенія, соотвѣтственные тому или другому времени.

Измѣнчивость судьбы Монастырскаго Приказа объясняется тѣмъ, что на его исторіи сильно отразились двѣ важнѣйшія преобразовательныя эпохи государственнаго строя и права русскаго: эпоха Уложенія 1649 г. и петровская. Преобразовательныя эпохи всегда производятъ замѣтныя переменѣ въ такихъ государственныхъ учрежденіяхъ, чрезъ которыя осуществляются важныя государственныя цѣли. Поэтому характеръ и стремленія эпохи Уложенія и петровскихъ реформъ весьма ясно открываются въ переменѣхъ Приказа. Въ уясненіи этихъ переменъ заключается историческій интересъ, возбуждаемый въ любителяхъ отечественной исторіи, права и государства такими великими явленіями, каковы Уложеніе и петровскія реформы.

Несмотря на переживчивость судьбы Монастырскаго Приказа, онъ не былъ въ нашей исторіи явленіемъ случайнымъ и безслѣдно исчезнувшимъ, подобно многимъ приказамъ. Его вызывала исторія народа и государства. Онъ былъ явленіемъ историческимъ въ строго-научномъ значеніи слова. Съ каждою порежнѣю его судьбы, дѣло, для котораго онъ существовало, принимало новый фазисъ своего развитія, такъ или иначе подвигалось впередъ и, слѣдовательно, развивалось органически, какъ истинно-правовое государственное явленіе, хотя оно не получило чрезъ него своего окончательнаго рѣшенія.

На долю Монастырскаго Приказа выпало развитіе весьма важныхъ и сложныхъ вопросовъ въ исторіи русскаго права и государства. Это, во-первыхъ, вопросъ о гражданской подсудности духовенства, или, иначе, о подсудности духовенства и лицъ, ему подвластныхъ по владѣльческимъ и служебнымъ отношеніямъ, въ дѣлахъ гражданскихъ, — и, во-вторыхъ, вопросъ объ отчужденіи церковныхъ вотчинъ изъ-подъ власти церкви для передачи ихъ государству.

Ходъ развитія этихъ вопросовъ въ Россіи находится въ нераздѣльной связи съ исторіею Монастырскаго Приказа. Исторія его и состоитъ собственно въ историческомъ развитіи означенныхъ вопросовъ. Оба эти вопроса въ исторіи Приказа то идутъ вмѣстѣ, переплетаются, смѣшиваются до нераздѣльности, то раздѣляются.

Уложение Царя Алексѣя Михайловича составляетъ эпоху въ развитіи русскаго законодательства и понятій о государствѣ и различныхъ частяхъ права. Въ немъ ясно обнаруживается сознание необходимости единаго цѣльнаго государственнаго законодательства для всей Россіи не для цѣлей отдѣльныхъ лицъ или сословій, но для пользы и блага московскаго государства и всего Россійскаго царства. Уложение стремится установить «равный судъ и расправу» для всѣхъ лицъ всякихъ чиновъ. Судебно-гражданскія привилегированныя права разныхъ сословій, въ особенности духовенства, имъ или совсѣмъ уничтожаются, или ослабляются. Оно вводитъ единство основанія и общность порядка въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Вліяніе правительства вездѣ усиливается противъ прежняго. Является крѣпкая централизація съ упрощеннымъ іерархическимъ устройствомъ и подчиненностью высшимъ инстанціямъ низшихъ. Наконецъ достигаютъ опредѣленности начала подсудности. Но нельзя сказать, чтобы Уложение строго и послѣдовательно до конца проводило свои основныя начала. Законодательство страны не могло вдругъ измѣнить весь свой прежній характеръ. Оно, вводя новыя общія основанія для всего государства, оставляетъ еще слѣды прежнихъ привилегій; потому въ Уложеніи являются ограниченія тѣхъ же основаній, которыя оно устанавливаетъ, какъ общія для всего государства. Отсюда — въ законоположеніяхъ Уложенія недомолвки, неопредѣленности, противорѣчія и какая-то двойственность въ началахъ. Общій характеръ Уложенія отражается и на вопросѣ о подсудности духовенства и лицъ ему подвластныхъ по дѣламъ гражданскимъ. Такъ какъ этотъ вопросъ Уложеніемъ порученъ новоучрежденному судебному мѣсту, Монастырскому Приказу, то и въ законахъ, опредѣляющихъ вѣдомство этого Приказа и установленныхъ вмѣстѣ съ нимъ новыхъ судей для лицъ, состоявшихъ доселѣ подъ вѣдѣніемъ церковнаго суда, замѣчается раздвоенность, имѣвшая свои историческія послѣдствія. Характеръ подсудности, вѣренной Монастырскому Приказу и въ то-же время новымъ судьямъ для духовенства, ясно открывается изъ разсмотрѣнія предметовъ вѣдѣнія ихъ.

Предметъ вѣдомства Монастырскаго Приказа по Уложенію — «судъ во всякихъ истцовыхъ искѣхъ» на митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, ихъ приказныхъ и дворовыхъ людей, дѣтей боярскихъ и крестьянъ ихъ, на мона-

Всего в 1874 году в России было 1,5 миллиона крестьян, живших в помещичьих хозяйствах. Они составляли 50% всего населения страны. Помещики владели землей, которую крестьяне обрабатывали. Помещики получали за это плату, а крестьяне работали на земле бесплатно. Помещики также имели право ссылать крестьян в Сибирь и на каторгу. Крестьяне не могли свободно покинуть помещичье хозяйство. Помещики также имели право продавать землю и крестьян. Помещики также имели право дарить землю и крестьян. Помещики также имели право завещать землю и крестьян. Помещики также имели право наследовать землю и крестьян. Помещики также имели право продавать, дарить, завещать и наследовать землю и крестьян.

Крестьяне несли тяжелую нагрузку. Они работали на земле помещиков и отдавали им часть урожая. Помещики также имели право ссылать крестьян в Сибирь и на каторгу. Крестьяне не могли свободно покинуть помещичье хозяйство. Помещики также имели право продавать землю и крестьян. Помещики также имели право дарить землю и крестьян. Помещики также имели право завещать землю и крестьян. Помещики также имели право наследовать землю и крестьян. Помещики также имели право продавать, дарить, завещать и наследовать землю и крестьян.

В 1861 году в России произошло крестьянское реформы. Крестьяне получили свободу. Они могли свободно покинуть помещичье хозяйство. Помещики также получили право собственности на землю. Крестьяне получили право собственности на землю. Крестьяне получили право собственности на землю. Крестьяне получили право собственности на землю. Крестьяне получили право собственности на землю.

В 1861 году в России произошло крестьянское реформы. Крестьяне получили свободу. Они могли свободно покинуть помещичье хозяйство. Помещики также получили право собственности на землю. Крестьяне получили право собственности на землю. Крестьяне получили право собственности на землю. Крестьяне получили право собственности на землю. Крестьяне получили право собственности на землю.

1) Упразднен крестьянство перед судом Монастырского Приказа без разлучения

всѣ церковныя учрежденія, за малымъ исключеніемъ,—привилегированныя и не привилегированныя. По Уложенію все духовное вѣдомство и подвластные имъ люди соединяются въ одно общее цѣлое въ судебно-гражданскомъ отношеніи предъ государствомъ.

Такимъ образомъ, въ учрежденіи Монастырскаго Приказа осуществлена мысль о подсудности духовенства и подвластныхъ ему лицъ въ дѣлахъ гражданскихъ государственной судебно-гражданской власти. Приказъ поставляется высшимъ, центральнымъ, общимъ судебнымъ мѣстомъ для всей Россіи. Но указаны въ Уложеніи и низшія инстанціи для гражданскихъ дѣлъ духовенства. По отношенію къ суду въ этихъ дѣлахъ въ низшихъ инстанціяхъ проходитъ тотъ же новый принципъ подсудности, который осуществленъ и въ учрежденіи Монастырскаго Приказа, т. е. принципъ подсудности духовенства и зависящихъ отъ него лицъ гражданской судебной власти. Неопредѣленность положенія Приказа высказывается въ неопредѣленности круга его дѣятельности. По Уложенію онъ является исключительно судебнымъ учрежденіемъ.

Но въ исторіи онъ оказывается и финансовымъ, отчасти административнымъ и даже полицейскимъ учрежденіемъ по отношенію къ предметамъ чисто-церковнымъ. Онъ предписывалъ грамотами отправленіе государственныхъ нарядовъ, повинностей и платежей въ церковныхъ вотчинахъ и указывалъ отдавать ему отчетность въ исполненіи грамотъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Монастырскій Приказъ, по историческимъ преданіямъ, имѣлъ право на финансовую государственную дѣятельность въ церковныхъ вотчинахъ. До его учрежденія требованія о государственныхъ повинностяхъ въ церковныя вотчины шли изъ Приказа Большаго Дворца; Монастырскій Приказъ унаследовалъ въ этомъ отношеніи его права. Вѣроятно, на такомъ же историческомъ преданіи Монастырскій Приказъ основывалъ и свои административно-полицейскія права и обязанности по отношенію къ церковнымъ дѣламъ. Черезъ него шли грамоты царя къ церковнымъ властямъ о припискѣ однихъ монастырей къ другимъ и о составленіи описей и переписныхъ книгъ церковнымъ имуществомъ. Ему же присылались и исполнительные по такимъ грамотамъ документы отъ подлежащихъ лицъ. О полицейской части Приказа свидѣлствуютъ слѣдующіе факты: въ 1650 году велѣно было воеводамъ жестоко наказывать и посылать въ монастыри на покаяніе не оказывающихъ благоговѣнія къ Св. Тайнамъ. Въ 1660 году отъ Монастырскаго Приказа новгородскимъ воеводамъ предписано было смотрѣть, чтобы священники пасли Церковь Божію и внушали христіанамъ ходить на исповѣдь въ посты. Если же кто не ходилъ къ исповѣди, о тѣхъ велѣно брать у священниковъ именныя списки и присылать ихъ въ Монастырскій Приказъ, гдѣ и присуждались наказанія какъ не причастившимся, такъ духовнымъ отцамъ, которые не заботились объ обращеніи паствы на путь истины, или скрывали не покаившихся и не причастившихся. Московскіе государи поручали иногда государственнымъ чиновникамъ наблюденіе за священниками и мірянами въ дѣлахъ церковныхъ, по только въ церквахъ ружныхъ и состоящихъ на жалованьѣ государей. По всей вѣроятности, Монастырскій Приказъ принялъ изъ Приказа Большаго Дворца всѣ дѣла, касавшіяся церковныхъ властей и учреждений, и, пользуясь неопредѣленностью законовъ въ кругѣ своей дѣятельности, простеръ свою власть безъ различія на всю русскую церковь. Во всякомъ случаѣ, смѣшеніе разныхъ родовъ дѣятельности въ отправленіяхъ Приказа на практикѣ, законодательное усвоеніе ему одной только судебно-гражданской власти безъ указанія на другія его права, вѣшательство его въ дѣла чисто-церковныя, не указанное закономъ, и вообще неопредѣленность круга его

дѣтельности могли повести Приказъ къ дѣйствию, не согласныя съ законами Церкви и возбудить ревность духовныхъ лицъ, готовыхъ охранять неприкосновенность существующихъ духовно-гражданскихъ правъ церкви.

Конечно, неопредѣленность законовъ Уложенія о судѣ надъ духовенствомъ и ему подвластными лицами и о Монастырскомъ Приказѣ произошла отъ составителей Уложенія. Къ сожалѣнію, процессъ образованія статей Уложенія о Монастырскомъ Приказѣ и всего вообще Уложенія весьма мало обследованъ.

Но какія бы то ни было процессы ни сложились установленія Уложенія о судѣ надъ духовенствомъ и подвластными ему лицами, въ нихъ проведена мысль о государственной подсудности духовенства въ дѣлахъ гражданскихъ. Эта мысль, по понятіямъ тогдашняго духовенства, была противна достоинству церкви и каноническимъ правиламъ. Такія понятія вѣками сложились, утвердились и получили юридически-каноническій характеръ, измѣненіе котораго считалось противнымъ правамъ и канонамъ Церкви. Историческія отношенія церковной жизни къ гражданской и государственной въ древней Россіи были такъ тѣсно связаны, что понятія о раздѣльности и отличіи этихъ отношеній по предметамъ не могли выясниться въ XVII в. Лица духовныя безусловно должны принадлежать Церкви, слѣдовательно и суду ея,—вотъ воззрѣнія духовенства древней Россіи. Дѣла чисто-церковныя и отношенія гражданской жизни такъ переплелись между собою, что вѣншательство мірскихъ людей въ послѣднія необходимо отзывались на первый. Поэтому въ продолженіе всей исторіи древней Россіи въ духовенствѣ развивалась и утверждалась мысль о самостоятельности и независимости его отъ мірскаго суда.

Черезъ 23 года послѣ закрытія, въ 1677 году, Монастырскій Приказъ снова открылся съ многосторонними правами уполномочія, дарованными ему Петромъ. Главная дѣтельность возобновленнаго Приказа обращена была къ вопросу о переводѣ церковныхъ вотчинъ и доходовъ въ завѣдываніе государства. Эта была главная его дѣтельность, но не исключительная, подобно тому, какъ въ эпоху Уложенія онъ былъ по преимуществу судебнымъ учрежденіемъ, но не исключительно завѣдывалъ судебною властію. Чтобы объяснить исторически происхожденіе, права и дѣтельность петровскаго Монастырскаго Приказа, считаемъ необходимымъ предварительно указать предшествующія возстановленію его явленія въ исторіи русскаго права и государства, которыя подготовили его возстановленіе и его новую дѣтельность и которыя объясняютъ широкія права, ему данныя, и безграничную распорядительность, на которую онъ былъ уполномоченъ государствомъ.

Въ XVI и особенно въ XVII вѣкѣ Московское государство, какъ говорено было, во всѣхъ сторонахъ своей жизни и дѣтельности стремилось къ самососредоточенію, къ собранію и усиленію своихъ силъ и правъ. Такое стремленіе его обнаруживалось и въ отношеніяхъ его къ церкви. Здѣсь оно проявлялось въ безчисленныхъ фактахъ, касалось многихъ сторонъ и отношеній, поддерживалось разнообразными цѣлями—и нравственными, и финансовыми, и судебно-гражданскими, и политическими въ тѣсномъ значеніи слова; подходило къ ограниченію гражданскихъ и государственныхъ преимуществъ и правъ церковныхъ учреждений съ различныхъ пунктовъ, различными путями и съ разныхъ сторонъ. Мы видѣли, какъ государство сосредоточило-было въ своемъ вѣдѣствѣ судебно-гражданскія привилегированныя права церковныхъ учреждений и выразило такое сосредоточеніе черезъ учрежденіе Монастырскаго Приказа. Къ той же цѣли самососредоточенія государство стремилось и въ другихъ отношеніяхъ къ церкви. Вслѣдствіе того накопились въ теченіе двухъ столѣтій множество явленій, въ которыхъ

обнаружилось это стремление. Нѣкоторые изъ нихъ были формулированы законодательствомъ; другія же, и большая часть ихъ, представлялись, какъ отдѣльные факты, временныя распоряженія, случаи, вызванные временными государственными нуждами. Короче,—цѣль государства къ сосредоточенію ясно выражалась въ общей внутренней его политикѣ, но общихъ и окончательныхъ средствъ къ достиженію ея оно не формулировало до XVIII столѣтія.

Такое отношеніе государства къ церкви ясно замѣчается при изслѣдованіи общаго политическаго развитія государства и состоянія государственнаго значенія церкви. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что русская церковь до начала XVIII столѣтія имѣла громадное юридическо-политическое значеніе въ жизни русскаго народа и государства. Наука, къ сожалѣнію, еще не разобрала и не выяснила основаній, причинъ юридической силы и политической твердости правъ такого значенія. Развитие земства въ наше время заставитъ ее заняться этимъ дѣломъ. Теперь же ей извѣстно за несомнѣнное только то, что вліяніе церкви въ Россіи на государственную жизнь достигло высшей степени силы и развитія въ XVII ст. при Алексѣѣ Михайловичѣ. Но его же время отозвалось и стремленіями къ ограниченію и значенія духовенства въ государственныхъ дѣлахъ. Употреблены были государствомъ и организованныя средства къ передачѣ государству правъ, принадлежавшихъ долгое время русской церкви. Монастырскій Приказъ XVII стол. былъ, можно сказать, специальнымъ учрежденіемъ для указанной цѣли государства, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ судебно-гражданскимъ правамъ церкви.

Но организованныя средства въ то время не всѣ оказались достаточно сильными для цѣли. Монастырскій Приказъ, по Уложенію основанный, палъ. Мысль же, по которой онъ былъ вызванъ въ ряду государственныхъ учреждений, не замерла виждѣ съ нимъ. Съ пробужденіемъ государственныхъ силъ она могла снова воскреснуть. Историческія явленія, породившія ее, не изжились и не исчезли, они всѣ были на лицо. При Петрѣ русское государство явилось необыкновенною силою. Сильнѣе его не было ничего тогда въ русскомъ народѣ. Предъ нимъ затихло и земство, съ которымъ тѣсно была связана церковь. Такимъ образомъ, по самому ходу общей исторической жизни Россіи, нужно было ожидать, что при Петрѣ, необычайно энергическомъ государѣ и самодержцѣ, откроется новое государственное учрежденіе и употребятся особыя спеціальныя средства для установленія новыхъ отношеній государства къ церкви.—Представимъ послѣ общаго замѣчанія и частныя явленія въ разныхъ сторонахъ государственной жизни, подготовлявшія въ XVI и XVII вѣкахъ петровскій Монастырскій Приказъ.

Развитіе русскаго государства въ XVI и XVII вв., между прочимъ, обнаруживалось въ томъ, что государство стягивало въ свою собственность поземельныя владѣнія на правахъ безусловнаго распоряженія ими. Въ XVI в. Московскій государь распоряжался, какъ полный собственникъ, только въ дворцовыхъ имѣніяхъ, которыя принадлежали ему, какъ вотчина и дѣдина. Съ происхожденіемъ и развитіемъ служилого сословія, какъ сословія государственнаго, стали являться и размножаться помѣстья, жалуемыя государемъ служилымъ людямъ въ содержаніе за государственную службу. Въ помѣстья отдавались по большей части такъ-называемыя черныя волости,—земли, которыя принадлежали общинамъ и состояли во владѣніи ихъ подъ государственною защитою. Черезъ отдачу черныхъ земель въ помѣстья, государство обнаруживало притязанія на право распоряженія общинными землями. Вслѣдствіе этой отдачи происходило уменьшеніе черныхъ волостей и обращеніе ихъ въ государственныя земли изъ владѣній общинныхъ. Во второй половинѣ XVII в. государство замѣтно вытѣсняло самостоятельность

общинныхъ черныхъ волостей тѣмъ, что оно стало уравнивать ихъ въ управленіи и въ другихъ отношеніяхъ съ дворянскими землями. Прежде было больше черныхъ волостей, чѣмъ дворянскихъ. Въ половинѣ XVII в. въ черныхъ волостяхъ было не болѣе 20.000 дворянскихъ, а въ дворянскихъ считалось уже 30,000. При томъ и въ оставшіяся черныя волости государство назначало для управленія своихъ приказниковъ, точно такъ же какъ и въ дворянскія села. Высшее заведываніе черныхъ волостей сосредоточено было наравнѣ съ дворянскими въ Приказѣ Большаго Двора. Крестьяне, владѣвшіе черными землями, совершенно сближаются съ дворянскими съ половины XVII в. Въ указѣ 1679 г. о стрѣлцкой подати черныя волости совершенно сравнены съ дворянскими имѣніями. Въ концѣ XVII вѣка государство въслѣдствіе политики своей въ означенномъ управленіи дѣйствовало какъ въ земляхъ и владѣніяхъ дворянскихъ, такъ и въ черныхъ волостяхъ, на правахъ собственника. Помѣщичьи земли признавали надъ собою полную власть государства. Но земли и крестьяне церковныхъ учрежденій не были уравнены съ дворянскими и помѣщичьими во всѣхъ отношеніяхъ къ государству. Между тѣмъ, политика государства по отношенію къ нимъ выражала ту же самую мысль, которою она руководилась и въ отношеніи къ чернымъ волостямъ. Мы уже знаемъ, что государство сосредоточивало свое вѣдѣніе монастырскими и вообще церковными землями въ томъ же Приказѣ Большаго Двора, въ которомъ совершалось и обращеніе черныхъ волостей въ дворянскія имѣнія, — а потомъ и въ Монастырскомъ Приказѣ, изъ котораго опять, по его уничтоженіи, передано въ прежнее мѣсто. По ходу событий и политики государства, всѣ церковныя вотчины должны были ожидать участи уравненія ихъ съ судьбою черныхъ волостей.

Нѣкоторая часть церковной поземельной собственности политикою и законодательствомъ государства еще въ XVII вѣкѣ привлечена уже къ суммѣ поземельной собственности самого государства. Извѣстно, что духовныя власти и учрежденія до половины XVII вѣка владѣли, какъ полною собственностію, цѣлыми слободами и городскими посадами, которые населялись не землевладѣльцами, а ремесленниками. Слободчики и посадскіе люди, подвластные церковнымъ властямъ и учрежденіямъ, пользовались подъ покровительствомъ своихъ владѣльцевъ привилегіями, присвоенными владѣльцамъ, не платили никакихъ податей по своимъ промысламъ, какъ другіе независимые слободчики и посадскіе, и такимъ образомъ наносили ущербъ беззащитнымъ городскимъ обывателямъ, которые обложены были разными налогами и повинностями въ пользу казны и городовъ. Положеніе привилегированныхъ слободчиковъ и посадскихъ было поэтому очень невыгодно для государства и другихъ сословій и вызвало жалобы горожанъ и посадскихъ, а со стороны правительства — особые постановленія въ Уложеніи 1649 года. По уложенію, всѣ наличныя слободы, принадлежавшія церковнымъ учрежденіямъ и властямъ, переданы «безлѣтно и безповоротно» государю. На будущее же время запрещалось духовенству заводить слободы и посады, а живущимъ въ посадахъ записываться въ закладчики за духовенство. Такимъ образомъ, путемъ законодательства значительная часть лицъ и владѣній, принадлежавшихъ духовенству, перешло въ полную собственность государства. Слѣдовательно, въ законодательствѣ XVII в. проведена была уже мысль, что государство можетъ обращать въ свою собственность принадлежавшія церковнымъ властямъ и учрежденіямъ поземельныя и населенныя имѣнія. Этой мысли правительство предполагало дать болѣе широкое развитіе съ теченіемъ времени. Что государство обнаруживало въ отношеніи къ поземельной собственности церковныхъ учрежденій, тоже самое сказывалось и въ отношеніи къ разнообразнымъ привилегіямъ, которыми церковныя учрежденія пользовались въ государствѣ. Мы говоримъ здѣсь о финансовыхъ привилегіяхъ

духовенства, а о судебно-гражданских привилегіях рѣчь была выше. Разнообразныя финансовыя привилегіи церковныхъ учреждений выродилися, какъ естественное явленіе, изъ удѣльной системы русскаго государства. Но государство стало сознавать невыгоды ихъ, когда оно стало сосредоточиваться въ одно общее цѣлое. Оно сначала и при томъ нѣсколько разъ приостанавливало дѣйствіе «тархановъ», на время государственныхъ нуждъ, «пока земля поустроится». Такъ было, напримѣръ, въ 1585 г. и особенно часто во времена Алексѣя Михайловича. Потомъ государство рѣшительно высказывалось противъ привилегій. Нѣкоторыя привилегіи были вовсе уничтожены, а всѣ вообще были ограничиваемы. Ограниченія эти постоянно выражались послѣ Уложенія въ жалованныхъ грамотахъ, подтверждаемыхъ уже по новымъ законамъ, сложившимся послѣ выдачи ихъ. Образовалась особая формула, выражающая ограниченія. Она гласила: «велѣлъ о всемъ ходитъ, какъ въ сей жалованной грамотѣ написано, буде въ чемъ по новому указу не переѣнилось», или «велѣлъ ходитъ по тому, какъ въ грамотѣ написано, опричь новаго нашего указу». Всѣ эти ограниченія вели дѣло къ тому, чтобы привилегіямъ наступилъ конецъ. Уничтоженія ихъ надобно было ожидать для финансовыхъ цѣлей государства. Петръ рѣшился окончательно уничтожить привилегіи церковныхъ учреждений и обратилъ ихъ въ пользу государства. Въ 1699 году онъ повелѣлъ взымать печатныя пошлины со всѣхъ безъ исключенія монастырей, которые пользовались свободомъ отъ нихъ. Въ 1700 же году было предписано: «тарханы, съ кого пошлинъ не имано, всѣ отставить и брать пошлины всякаго чину со всѣхъ по Торговому Уставу и по новоуказаннымъ статьямъ равныя, для того, что по Его Великаго Государя указу, каковъ состоялся въ Печатномъ Приказѣ, печатныя пошлины велѣно имать со всякихъ чиновъ людей равныя, а съ кого напередъ сего не имано, и то отставлено, потому что, по прежнимъ указамъ всякіе тарханы отставлены». Такимъ образомъ, Петромъ всѣ финансовыя привилегіи, которыми пользовались до него церковныя учрежденія, отмѣнены и обращены въ пользу государства.

Петръ держался убѣжденія, что государь можетъ и имѣетъ право воспользоваться церковными имуществами, по крайней мѣрѣ избыткомъ доходовъ съ нихъ, для пользы государственной. Но управленіемъ этихъ имуществъ завѣдывала церковь. Петру представлялось, что для государственной пользы лучше подчинить управленіе церковными имуществами правительству государственному, чѣмъ оставлять ихъ въ вѣдѣніи церкви. Явленій въ исторіи и законодательствѣ, подготовившихъ передачу ихъ отъ церкви государству, накопилось много. Государственныхъ нуждъ въ концѣ XVII вѣка, которыя могли бы покрыться доходами съ церковныхъ имуществъ, было очень довольно. Однѣ войны, которыхъ, по словамъ Петра, «артерія—деньги», требовали много расходовъ; для покрытія же ихъ въ казнѣ денегъ было недостаточно. При стеченіи такихъ обстоятельствъ стоило Петру воспользоваться удобнымъ случаемъ объявить, что государство само будетъ управлять церковными имуществами, выдавая церковнымъ учреждениямъ необходимыя средства для содержанія, и всѣ церковныя имѣнія должны перейти въ собственность и распоряженіе государства. Петръ и ждалъ удобнаго случая. Въ 1700-мъ году 15 окт. умеръ патріархъ Адрианъ. Это былъ послѣдній патріархъ русской церкви. Смерть патріарха была моментомъ, съ котораго Петръ I приступилъ къ выполненію предложенной имъ реформы въ состояніи церковныхъ имуществъ.

По случаю смерти патріарха Адриана въ 1700 году Курбатовъ, знаменитый петровскій «прибыльщикъ», изобрѣтатель гербовой бумаги въ Россіи, оберегатель государственной казны, надсмотрщикъ, «какъ бы учинить прибытокъ государ-

стивной казни», писал «великому государю Царю и великому князю Петру Алексіевичу, всея Россіи самодержцу»: «большому патриарху трудно было смотрѣть за всѣмъ; отъ чего происходили безпорядки по духовному управленію... Избраніемъ патриарха думавъ поправить. Определеніе изъ сличенной чести можно вернуть хорошему архіереевъ съ иными учеными монахами. Для кадра же за всѣмъ и для сбора дошовоу казны надобно неарестованно назначить челоука надежнаго: тать большіе безпорядки. Необходимо распорядиться монастырскими и архіерейскими кнѣзьями, учредить особый распорядокъ приказъ для сбора и хранения казны, которая теперь пожительно владѣется... Изъ ирскихъ для спотубаи за казны и для сбора ея отъиъ поручи Иванъ Алексіевичъ Мусинъ-Пушкинъ и стальной Дитрій Протасъевъ». — Января 24 для 1701 года изданъ кнѣжной указъ, въ которомъ вѣдѣвалось: «Домъ святѣйшаго патриарха, и домъ-къ архіерейскіе, и монастырскіе дѣла вѣдать боярину Ивану Алексіевичу Мусину-Пушкину, а съ нимъ у тѣхъ дѣлъ быть дяку Ефиму Зотову, и сидѣть на Патриаршѣ дворѣ въ наметкахъ гдѣ былъ Патриаршій Разрядъ, и писать Монастырскіе Приказы, а въ Приказѣ Большаго Двора монастырскіе дѣла не вѣдать и прежнія дѣла отослать въ тотъ же Приказъ». Изъ составленія этого кнѣжного указа съ кнѣжонъ приближенка Курбатова можно видѣть, что Петръ давно уже нацѣривался взять отъ церковныхъ учрежденій управленіе ить имуществомъ въ вѣдѣніе государства и что Курбатовъ указалъ Государю удобный моментъ для предвѣдѣнной передачи. Тать восстановленъ былъ Монастырскій Приказъ въ 1701-нъ году.

За первымъ указомъ объ его восстановленіи скоро послѣдовалъ рядъ именныхъ указовъ, которыми предписывалась ему дѣятельность. Съ каждымъ указомъ права его возрастали, сила увеличилась, дѣятельность усложнялась, предметы вѣдомства умножались; наконецъ въ общій итогъ Монастырскій Приказъ является такія учрежденія, въ которыхъ сложилось страшное разнообразіе дѣлъ, какого не было ни въ одномъ современномъ ему государственномъ учрежденіи. По видному, предметъ его занятій составляли дѣла во всѣхъ возможныхъ въ государствѣ отношеніяхъ. Приказъ, восстановленный въ 1701-нъ году, снова закрылся въ 1720-нъ, а въ слѣдующемъ 1721-нъ году еще разъ былъ восстановленъ и прожилъ до конца 1724-го года, когда онъ навсегда окончилъ свое существованіе съ своимъ именемъ.

По положенію своему въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій петровскій Монастырскій Приказъ 1701-го года являлся высшимъ центральнымъ для всей Россіи по особому вѣдомству учрежденіемъ, специально посвященнымъ въ общій итогъ его дѣятельности образовательнымъ дѣламъ Петра по отношенію къ церкви. Онъ равенъ былъ всѣмъ прочимъ приказамъ и представляетъ одно изъ иинѣйшихъ по времени произведеній приказной системы устройства государственныхъ учрежденій. Изъ прочихъ приказовъ онъ получалъ палаты, равно какъ и ить «иисывался памятки, и былъ совершенно независимъ отъ нихъ. Онъ стоялъ отдѣльно, «особно», самостоятельно, какъ и всякій другой приказъ. Съ учрежденіемъ сената, какъ высшаго правительственнаго мѣста, въ которомъ сосредоточивалось все высшее государственное управление, Монастырскій Приказъ въ 1711-нъ году былъ подчиненъ ему наравнѣ съ другими приказами, какъ низшее его учрежденіе. Отъ сената исходили въ Приказъ указы, а изъ Приказа восходили въ сенатъ доношенія. Сенатъ былъ высшимъ контрольнымъ учрежденіемъ въ финансовыхъ дѣлахъ приказа; поэтому изъ него представлялись въ сенатъ мѣсячныя, третныя и годовыя вѣдомости о сборахъ, повинностяхъ и расходахъ его вѣдомства. Въ пререканіяхъ своихъ съ другими государственными

учреждениям по предметам своей дѣятельности Приказъ прибѣгалъ къ сенату, какъ высшему суди, который рѣшалъ вопросы о компетенціи. Въ судебныхъ случаяхъ по духовнымъ дѣламъ особой важности бояринъ Монастырскаго Приказа имѣлъ участіе въ засѣданіяхъ сенаторовъ, вмѣстѣ съ блюстителемъ патриаршаго престола. Финансовую отчетность Приказъ представлялъ впрочемъ не только въ сенатъ, но и въ Ближнюю Канцелярію Государя. Только контроль, произведенный отъ времени до времени въ Канцеляріи по особымъ порученіямъ Государя, былъ мѣрою чрезвычайною и временною, и не только по отношенію къ вѣдомству Приказа, но и другихъ.—Съ проведеніемъ длинной цѣпи должностей фискаловъ во всѣ государственныя сферы, и вѣдомство Монастырскаго Приказа подлежало также надзору ихъ: въ самомъ Приказѣ былъ особый фискаль, значеніе котораго здѣсь, впрочемъ, не было замѣтно.—Новое областное устройство Россіи, начатое Петромъ въ 1707-мъ году, — образованіе губерній, провинцій, ландратовъ, комендантствъ и оберъ-комендантствъ, — имѣло вліяніе въ разныя времена на положеніе мѣстныхъ управителей вѣдомства Приказа. Дѣло въ томъ, что петровское областное устройство, по существу своему, по ходу развитія формъ государственныхъ учреждений въ первой четверти XVII вѣка, наконецъ по мысли, цѣляхъ и планамъ преобразователя, подавало по многимъ мѣстамъ законные поводы областнымъ правителямъ вмѣшиваться въ вѣдомство Приказа. Но вѣдомство Приказа стремилось охранить себя отъ вмѣшательства въ его сферу провинціальныхъ общихъ государственныхъ учреждений и силилось остаться особо, независимо отъ областныхъ правителей. Ему невозможно было, по ходу развитія областныхъ учреждений, рѣшительно отстранить себя отъ всякихъ связей съ ними: въ отправленіи нѣкоторыхъ общихъ государственныхъ податей и повинностей вѣдомство Приказа не избѣжало посредства провинціальныхъ учреждений между собою и высшими государственными учреждениями; даже оно платило повсегодныя подати на ландратовъ, приказныхъ и на губернскаіа канцеляріи. При всемъ томъ Монастырскій Приказъ умѣлъ до времени отстоять особенность или отдѣльность своего вѣдомства и неподчиненность его областнымъ учреждениямъ какъ въ личномъ своемъ составѣ, такъ и въ лицѣ своихъ мѣстныхъ чиновниковъ. По его заботливости приказы обязаны были посылать свои требованія въ вѣдомство Приказа особо отъ общихъ провинціальныхъ учреждений. Мѣстные чиновники Приказа, безъ послушныхъ отъ него указовъ, не обязывались выполнять и не выполняли требованій ни приказовъ, ни областныхъ властей. Воеводамъ и ландратамъ запрещался даже вѣздъ въ отчины Приказа. Губернаторы же обязаны были исполнять указы Приказа, не имѣли правъ сами по себѣ входить въ распоряженія его вѣдомствъ. Если Монастырскому Приказу удалось до поры отстоять независимость своего вѣдомства отъ областныхъ общихъ учреждений, провинціальныхъ и губернскихъ, то онъ и самъ и все его вѣдомство педъ его управленіемъ не устояли предъ коллегіями. — Планъ коллегіальнаго устройства петровскихъ государственныхъ учреждений окончательно созрѣлъ въ 1718-мъ году. Въ этомъ году коллегіи уже были сформированы, предметы ихъ вѣдомства разграничены и опредѣлены; для каждой коллегіи назначенъ былъ извѣстный родъ предметовъ, отъ которыхъ они получали свои названія на иностранныхъ языкахъ; личный составъ ихъ былъ готовъ; они приготовлялись къ вступленію въ отправленіе своихъ обязанностей; изъ нихъ и изъ сената разослана по всѣмъ приказамъ указы — быть послушными требованіямъ и указамъ коллегій.

Совершенное же открытіе ихъ назначено было въ 1720-мъ году. По дѣламъ Цекрви учрежденъ былъ св. Синодъ. Для финансовой части устроились двѣ коллегіи: Камеръ-Коллегія, которая имѣла завѣдывать всѣми государственными до-

вданы во всей Россіи, и Штатсъ-Коллегіи, назначеніе которой было слѣдить за всѣми государственными расходами. Въ 1718-мъ году разсланы были во всѣ губерніи и приказаны сенатскіе указы о доставленіи въ Штатсъ-Коллегію вѣдомостей о количествахъ всѣхъ казенныхъ сборовъ, доходовъ и расходовъ по всѣмъ статьямъ, съ запрещеніемъ расходовать безъ ея указовъ. Въ 1719-мъ году законоуказано было, чтобы ни одно учрежденіе не дѣйствовало въ сборахъ недоимокъ и водатей безъ указовъ Камеръ-Коллегіи. Та и другая коллегіи получили свои регламенты, въ которыхъ ясно указывается общегосударственное значеніе ихъ по дѣламъ финансовымъ. Въ частности Монастырскому Приказу, «къ боярину князю Петру Ивановичу Прозоровскому, въ 1718 и 1719-мъ годахъ изъ Штатсъ-Коллегіи посланы были указы многіе» о томъ, чтобы были присланы къ ней изъ Приказа «безъ всякаго потчанія» вѣдомости и водинныя книги о приходахъ и расходахъ въ его вѣдѣніи, чтобы изъ него отправлялись платежи по указамъ ея и чтобы онъ «присылалъ о томъ въ Штатсъ-Коллегію репортъ немедленно». Для судебныхъ дѣлъ учреждена была Юстицъ-Коллегія, тоже какъ обще государственное учрежденіе. Итакъ, по новому коллегіальному устройству государственныхъ учреждений, части финансовая, судебная и духовныхъ дѣлъ отъ Приказа должны отдѣлиться и вступить по роду ихъ въ особыя спеціальныя учрежденія. Но эти части составили главный предметъ зачатій Приказа, а остальные затѣмъ предметы его вѣдѣнія, какъ тѣсно соединенныя съ первыми, не требовали особаго самостоятельнаго учрежденія. Слѣдовательно, закрытіе Монастырскаго Приказа, съ открытіемъ дѣйствій коллегій, должно было послѣдовать неминуемо. Дѣйствительно, «августа въ 17 день 1720 года Великій Государь указалъ, по именному своему Царскаго Величества, указу, изъ приказовъ тѣхъ, которые были подъ вѣдѣніемъ боярина князя Петра Ивановича Прозоровскаго Монастырскому Приказу не быть, и Монастырскаго и Казеннаго Патриарша и Приказу большія казны всякихъ настоящихъ и доимочныхъ сборовъ дѣла разобрать и описать отослать съ дьяками и подъячними, которые при тѣхъ дѣлахъ были, подъ вѣдѣніе Камеръ-Коллегіи, кому по указу изъ оной коллегіи принять будетъ опредѣлено; а государственныя вещи, которыя обрѣтаются въ его государевой казнѣ и въ мастерской палатѣ и въ патриаршемъ Казенномъ Приказѣ, отдать въ сохраненіе въ Штатсъ-Коллегію и чтобы оная ихъ принять указала; а челобитчиковъ судебныхъ и гражданскія изъ помянутыхъ приказовъ дѣла съ дьяками и подъячними, у тѣхъ дѣлъ будущими (sic), отослать въ Юстицъ-Коллегію. О чемъ въ Камеръ и Штатсъ-Коллегіи и въ Юстицъ-Коллегіи, также и для вѣдома въ Монастырскаго Приказъ указы изъ сената посланы». Требованія указа были выполнены безъ замедленія. Камеръ-Коллегія приняла всѣ книги и дѣла Приказа, предписала своимъ областнымъ чиновникамъ-камерирамъ и комиссарамъ вступать въ сборы съ вотчинъ Приказа и ввела всѣ вотчины его въ общее счисленіе государства. Штатсъ-Коллегія отправила особаго чиновника принять въ свое вѣдѣніе всѣ сокровища Приказа, взятыя имъ въ свою очередь отъ церковныхъ учреждений. «Сент. 23 д. 1720 г. по требованію указами изъ канцелярій земскихъ дѣлъ челобитчиковъ судебныхъ и гражданскія, вершенныя и не вершенныя дѣла, съ которыхъ вершенныхъ дѣлъ довелось взять и пошланы въ Монастырскаго Приказъ многое число, изъ Монастырскаго Приказа съ Подъячнимъ съ Михайломъ Аристовымъ съ товарищи, которые у тѣхъ дѣлъ были, и по тѣмъ дѣламъ колодники отосланы въ помянутую земскую канцелярію». Такимъ образомъ, введеніе коллегій, какъ общихъ государственныхъ учреждений, устроенныхъ на распредѣленія государственныхъ дѣлъ по ихъ существу, уничтожило петровскій Монастырскій При-

казъ 1701 года. Но онъ скоро снова явился, только при другихъ отношеніяхъ и въ другомъ видѣ по своему личному составу.

Монастырскій Приказъ, принимая въ свое вѣдѣніе и управленіе вотчины церковныхъ учрежденій, какъ учрежденіе государственное, имѣлъ назначеніе устроить и обезпечить содержаніе тѣхъ церковныхъ учрежденій, отъ которыхъ переходили къ нему имущества. Посмотримъ, какъ онъ выполнитъ свое назначеніе съ этой стороны.

Петръ имѣлъ рѣшительное и неотложное намѣреніе произвести реформы въ положеніи монастырей въ государствѣ и обществѣ и возстановитъ строгую иноческую жизнь въ монастыряхъ. Монастырскій Приказъ предназначался быть исполнителемъ и орудіемъ преобразовательныхъ цѣлей Петра относительно монастырей, какъ церковныхъ учрежденій.

При самомъ учрежденіи Приказа, ему вѣнено было въ обязанность составить общую Ружную книгу, которою предполагалось опредѣлять штатъ монастырей въ Россіи и при этомъ законы государства о дальнѣйшемъ развитіи ихъ въ Россіи. Въ цѣляхъ востановленія штата монастырей, быть можетъ, Приказъ нѣкоторые монастыри уничтожалъ, другіе переименовывалъ въ приходскія церкви, передѣляя монастырскіе приходы и т. п. Но штата монастырей всей Россіи Приказъ не установилъ. Онъ явился уже въ 1724 году при содѣйствіи государству въ этомъ случаѣ со стороны церковной власти, безъ которой дѣятельность государственнаго учрежденія по отношенію къ монастырямъ не имѣла успѣха.

Въ личномъ составѣ каждаго монастыря предполагалось также ввести штатъ, при установленіи котораго должны были явиться государственные законы, опредѣляющіе условія поступленія въ монахи. Извѣстно, что многіе поступали въ монастыри до Петра болѣе для удобствъ жизни и для избѣжанія государственныхъ и общественныхъ повинностей, чѣмъ съ цѣлями добросовѣстно нравственными. Этотъ безпорядокъ и послѣдствія его Петръ и хотѣлъ уничтожить. Въ противодѣйствіе ему Петръ велѣлъ въ 1701 году Монастырскому Приказу выслать изъ всѣхъ монастырей дьяковъ, влирошанъ, келейниковъ, монашескихъ родственниковъ—бѣльцовъ, и не допускать ихъ въ монастыри на будущее время. Въ послѣдующее время это повелѣніе было повторено съ угрозою, что бѣльцы, остающіеся въ монастыряхъ, будутъ отправляемы навсегда въ ссылку или заточеніе. Въ 1701 же году Монастырскій Приказъ обязанъ былъ переписать наличныхъ монаховъ и монахинь въ каждомъ монастырѣ, оставить въ каждомъ изъ нихъ только то число, какое найдено во время переписи, запретить строго переходъ ихъ изъ одного монастыря въ другой и постепенно готовить опредѣленный штатъ и количество монаховъ каждаго монастыря. Кромѣ монаховъ, не велѣно держать въ монастыряхъ никого по распоряженію монастырскихъ властей. Дозволено лишь Монастырскому Приказу оставить самое малое число слугъ и служебниковъ, безъ которыхъ невозможно обойтись, и то не во всѣхъ монастыряхъ; позволялось только настоятелямъ и келарямъ имѣть келейниковъ изъ престарѣлыхъ бѣльцовъ. Въ женскихъ монастыряхъ запрещалось жить родственницамъ монахинь, и если онѣ оказывались, то велѣно выдать ихъ замужъ по ихъ желанію или постричь по достиженіи 40 лѣтъ. Съ теченіемъ времени число монаховъ, найденное во время переписки, уменьшалось, постриженіе вновь или вовсе не допускалось, или только съ особеннаго разрѣшенія Монастырскаго Приказа, вмѣсто убылыхъ монаховъ посылались въ монастыри больные и нищіе, даже умалишенные и осужденные въ каторгу, — но неспособные къ работѣ. Послѣ 1715 года въ замѣнъ убылыхъ монаховъ пошѣщались отставные военные чины, неимѣющіе средствъ къ прокормленію. Скоро затѣмъ вошло въ законъ, что увѣчныя

и большие военные чины стали пользоваться содержаніемъ отъ монастырей. Для приведенія въ дѣйствіе этого закона велѣно было довести число монаховъ въ каждомъ монастырѣ до такой нормы, по которой бы, за покрытіемъ самыхъ необходимыхъ расходовъ на содержаніе монаховъ, оставался избытокъ отъ монастырскихъ доходовъ для благотворительныхъ цѣлей. Въ разные времена Монастырскій Приказъ въ разныхъ монастыряхъ ограничилъ количество монаховъ опредѣленнымъ числомъ. По мѣрѣ уменьшенія этого количества, помѣщались въ монастырь военные чины. Но окончательнаго штата въ каждомъ монастырѣ не установилъ Приказъ и твердыхъ основаній для опредѣленія его не выработалъ. Самыя намѣренія Петра, мысль его согласить содержаніе отставныхъ военныхъ чиновъ съ штатомъ монастырей Приказъ не организовалъ въ опредѣленные формы для выполненія. Со времени подчиненія Приказа Св. Синоду выработались правила, по которымъ отставные военные чины пользовались отъ монастырей содержаніемъ. Время, впрочемъ, показало, что самая мысль возложить на церковь или частіе — на монастыри содержаніе людей, служившихъ государству и въ этой службѣ истратившихъ всѣ свои силы, должна быть оставлена.

Въ кругъ дѣятельности Монастырскаго Приказа при устройствѣ штатовъ въ каждомъ монастырѣ входила забота о томъ, чтобы совершилось преобразование въ самой жизни монастырей. Петръ хотѣлъ ввести общежительство во всѣхъ монастыряхъ и дать такое направленіе монастырской русской жизни, при которомъ бы монастыри, при строгой иноческой жизни монаховъ, служили благотворительнымъ и нравственнымъ цѣлямъ. Эти намѣренія Петра, по его мысли, Монастырскій Приказъ долженъ былъ выполнить. Для руководства при проведеніи преобразовательныхъ намѣреній относительно этого предмета, Приказъ получилъ нѣсколько частныхъ указаній преобразователя. Отнятіе вотчинъ у монастырей было средствомъ къ возстановленію иноческой жизни въ монастыряхъ, — «лучшаго ради исполненія монашескаго житія». По мысли Петра, монахи должны были пропитывать себя своими руками, содержать убогихъ и нищихъ и ходить за больными. Въ этомъ смыслѣ онъ писалъ при учрежденіи Приказа Мусину-Пушкину. Приказъ долженъ былъ наблюдать, чтобы монахи не выходили изъ монастырей безъ отпускныхъ отъ настоятелей, не скитались по Москвѣ, въ кельяхъ своихъ отнюдь не держали бумаги, чернилъ и перьевъ и ничего не писали бы одни, а если нужно было имъ писать, то не иначе, какъ въ общей трапезѣ и въ присутствіи настоятелей, и т. п. Петръ запретилъ жить въ монастыряхъ постороннимъ, напр. — армянамъ, какъ торговымъ людямъ и др. Въ видахъ устройства монастырской жизни Приказъ назначалъ, избиралъ и утверждалъ настоятелей монастырей; при назначеніи ихъ поручалъ стольникамъ или вѣдомцамъ, въ предѣлахъ вѣдѣнія которыхъ монастыри находились, вводить вновь назначенныхъ въ управленіе, переводилъ монаховъ изъ одного монастыря въ другой, или разсылалъ монаховъ изъ одного монастыря по многимъ другимъ въ наказаніе или для другихъ цѣлей; наконецъ судебная и дисциплинарная власть надъ монахами присвоилась Приказу. Самъ преобразователь впоследствии убѣдился, что перестроить иноческую жизнь въ монастыряхъ невозможно одними государственными распоряженіями безъ содѣйствія церкви. Монастырскій же Приказъ, по видимому, и не выработалъ опредѣленнаго плана, не выяснилъ себѣ намѣреній Петра и не предпринялъ организованныхъ средствъ къ проведенію ихъ въ практикѣ. Поэтому Петръ обратился съ 1715 года къ церковнымъ средствамъ для преобразованій въ монашеской жизни. Въ 1716 году установлено, чтобы архіереи въ клятвенномъ обѣщаніи при посвященіи своемъ давали присягу, что они будутъ

содержать монаховъ по уставамъ и правиламъ и не будутъ давать имъ скитаться изъ монастыря въ монастырь.

Съ учрежденіемъ Синода, при дѣятельномъ содѣйствіи Теофана Прокоповича, намѣренія Петра объ устройствѣ иноческой жизни въ русскихъ монастыряхъ выразились ясно и опредѣленно и получили въ Духовномъ Регламентѣ и нѣкоторыхъ указахъ, специально посвященныхъ этому предмету, юридико-литературныя формы и историко-каноническія основанія, но не дѣйствительное осуществленіе жизни.

Занимаясь устройствомъ монастырской жизни, Монастырскій Приказъ долженъ былъ установить штатное содержаніе монастырей. Первоначально въ 1701 году Приказу велѣно было давать всѣмъ вообще монахамъ по 10 руб. денегъ и 10 четвертей хлѣба въ годъ на человѣка изъ доходовъ съ имѣній, принадлежавшихъ монастырямъ. Это была «указная дача». Но если бы доходовъ съ вотчинъ и имѣній какого-либо монастыря получалось такъ мало, что ихъ «не доставало въ указную дачу»,—на прокормленіе наличныхъ монаховъ и на покрытие издержекъ для поддержанія монастыря, то дозволено было оставить за такимъ монастыремъ и вотчины. Слѣдовательно, маловотчинные монастыри скоро получили назадъ отъ Приказа свои вотчины «на прокормленіе». Тѣмъ же маловотчиннымъ и бѣднымъ монастырямъ, которые получали до времени Монастырскаго Приказа «государеву ругу» изъ Приказа Большаго Дворца, назначалось изъ Монастырскаго хлѣбное и денежное жалованіе, «безъ чего по самой нуждѣ быть не возможно». Такимъ образомъ, бѣдные монастыри оставлены Приказомъ на прежнемъ положеніи, исключая уничтоженныхъ, соединенныхъ и превращенныхъ въ приходскія церкви. Что касается до содержанія такихъ монастырей, доходы которыхъ превышали «указную дачу» монахамъ, то предполагено было составить для нихъ «Общую ружную книгу». Составленіе ея замедлилось. До времени ея составленія Приказъ обязанъ былъ выдавать монахамъ указную дачу. Но Приказъ или вовсе не высылалъ монастырямъ опредѣленной дачи, или уменьшалъ ее на половину. Расходовъ и требованій государственныхъ было такъ много отъ Приказа, что онъ выдачу указной дачи монахамъ считалъ дѣломъ далеко не важнымъ. Вслѣдствіе этого монастыри горько жаловались на свою долю: «церкви Возжіи разваливались», «въ нихъ течь», «монастырскія строенія обветшали», «кормиться монахамъ не чѣмъ»,—такъ описывали они свою судьбу въ теченіе перваго десятилѣтія Приказа. Наконецъ Монастырскій Приказъ въ 1710 году составилъ вмѣсто предполагаемой «Общей Ружной книги» таблицъ опредѣленнымъ монастырямъ, т. е. такимъ, которые получили опредѣленный штатъ и содержаніе. Такихъ монастырей по таблицѣ въ патриаршей области было 52, а въ епархіяхъ мужскихъ 28.

Содержаніе епархіальныхъ архіереевъ и властей, а равно и Влостителя патриаршаго престола съ Духовнымъ Приказомъ возложено было также на попеченіе Монастырскаго Приказа.

Въ тѣсной связи съ содержаніемъ монастырей и епархіальныхъ властей находилось завѣдываніе въ Монастырскомъ Приказѣ строительною частію въ церковныхъ учрежденіяхъ. Эта часть не была основана на постоянныхъ законахъ во всѣхъ отношеніяхъ, хотя государство давно уже стремилось къ подчиненію ея своему контролю.

Не только отчетность по строительной части церковныхъ учреждений была во власти Приказа, но на его обязанностяхъ лежала выдача средствъ къ поддержанію строеній въ тѣхъ монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ, вотчины которыхъ находились въ полномъ его распоряженіи. Выдача денегъ для такихъ случаевъ зависѣла вполне отъ усмотрѣнія Приказа.

Въ архивѣ Приказа есть множество дѣлъ по поводу челобитій о постройкахъ. Но Приказъ былъ очень не щедрымъ въ расходахъ на этотъ предметъ. Монастырскія власти съ 1708 года стали жаловаться, что монастырскія зданія и церкви ветшаютъ и разрушаются, собственными средствами поддержать ихъ они не могутъ, все приходитъ «въ великое разрушеніе и оскуднѣніе». Жалобы эти и были, между прочимъ, причиною возвращенія въ управленіе и завѣдываніе вотчинъ въ монастыри.

Монастырскій Приказъ имѣлъ нѣкоторое попеченіе и объ устройствѣ приходскихъ церквей и ихъ причтовъ. На нихъ лежали заботы и распоряженія о содержаніи такихъ церквей и ихъ причтовъ, поддержка которыхъ требовалась по государственнымъ расчетамъ, напр., по покореніи Азова руга и содержаніе тамъ церквей выдавались изъ доходовъ Приказа. Черезъ него предписывалось заводить при сельскихъ и городскихъ приходскихъ церквяхъ воспитательныя дома для дѣтей незаконнорожденныхъ.

Монастырскій Приказъ завѣдывалъ школами относительно ихъ содержанія, отчасти организаціи и суда. Въ его вѣдѣніи были не только церковныя, существующія при патриархахъ школы (Законоспаская, Кіевская и др.), но и вновь заводимыя при Петрѣ,—напр. 4 нѣмецкія школы. Кромя того, Приказъ обязанъ былъ побуждать епархіальныя власти заводить школы, на обзаведеніе и поддержаніе которыхъ отъ него должны были высылаться деньги изъ доходовъ съ вотчинъ.

Монастырскому Приказу вмѣнено было въ обязанность слѣдить, чтобы дѣти духовныхъ лицъ поступали въ греческія и латинскія школы, чтобы неучившихся въ этихъ школахъ не посвящали въ священники и діаконы, и чтобы они не принимались и въ другіе чины, кромя военной службы. Вообще усиленіе учебной части и школъ было въ числѣ обязанностей Приказа. Поэтому въ Приказѣ принимались для опредѣленія въ школы дѣти дворянъ, а равно изъ Приказа отправлялись дѣти духовенства для обученія въ другія учрежденія.

Типографія, какъ учрежденіе для развитія просвѣщенія находилась также въ вѣдѣніи Монастырскаго Приказа по всѣмъ отношеніямъ. Это—та типографія, которая заведена при Іоаннѣ IV въ 1553 г. и которая находилась вмѣстѣ съ школами въ завѣдываніи патриарховъ.

Въ кругъ дѣятельности Приказа входили полицейско-благотворительныя дѣла, для которыхъ назначена была часть доходовъ съ вотчинъ церковныхъ. Въ 1678 г. отдана была на попеченіе патриарха московская богадѣльня, вмѣщавшая въ себѣ 412 человекъ и содержавшаяся до этого времени изъ Приказа Большаго Дворца. Патриархъ назначилъ присылать къ нему ежегодно на содержаніе богадѣльни изъ всѣхъ епархій по гривнѣ или по 3 алт. 2 д. съ каждой церкви. Общая сумма выходила значительная. Эта сумма поступала въ вѣдѣніе Патриаршаго Казеннаго Приказа, который управлялъ и самою богадѣльнею. Въ 1701 г. сент. 15 д. по именному указу за подписью Мусина-Пушкина велѣно было осмотрѣть и разобратъ людей, призирающихся въ этой богадѣльнѣ.

Престарѣлымъ, дряхлымъ и больнымъ указано было давать жалованье изъ доходовъ Монастырскаго Приказа, а здоровыхъ и способныхъ къ труду предписано было выслать изъ нея. Въ связи съ этимъ возложено было на Приказъ порученіе—уничтожить бродячее нищенство въ Москвѣ. Бродячихъ нищихъ, которые не могли по уважительнымъ причинамъ себя пропитать, Приказъ имѣлъ призирать, а мнимыхъ нищихъ—наказывать. Съ 1706 г. отдавались на попеченіе Приказа жены взятыхъ изъ архіерейскихъ домовъ и монастырей въ солдаты, а впоследствии и вообще всѣ солдатскія жены, не имѣвшія средствъ къ пропитанію,

и отставные солдаты, увѣчные, престарѣлые и больные. Для призрѣнія дѣйствительно нищихъ вѣнено въ обязанность Приказу строить новыя богадѣльни, мужскія и женскія. Организациа и управленіе богадѣленъ возложены на его попеченіе. Во исполненіе воли Государя учрежденъ былъ, подъ начальствомъ Монастырскаго Приказа, особый Богадѣленный Приказъ.

Кромѣ устройства богадѣленъ, собственными распоряженіями Приказъ обязывалъ монастыри, которымъ возвращалъ вотчины, заводить богадѣльни и подъ этия условіемъ оставлялъ за ними особыя преимущества въ распоряженіяхъ. Равно Приказъ предписывалъ заводить и поддерживать богадѣльни при архіерейскихъ домахъ и приходскихъ церквахъ, особенно въ вотчинахъ патріаршихъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ.

Какъ полицейско-благотворительное учрежденіе, госпиталь въ Москвѣ состоялъ также въ вѣдѣніи Монастырскаго Приказа относительно своего содержанія. Къ нему приписано было нѣсколько вотчинъ изъ церковныхъ учрежденій.

Въ видахъ полицейско-благотворительныхъ велѣно Приказу помѣщать въ монастыряхъ умалишенныхъ и людей осужденныхъ на вѣчную каторгу, но неспособныхъ къ ней. Послѣдніе назначались въ монастыряхъ на работы, при которыхъ они находились въ кандалахъ,—такъ дѣлалось по указу Государя и по распоряженіямъ Приказа.

Особенно же внимательной попечительности Монастырскаго Приказа на счетъ монастырскихъ доходовъ поручались отъ правительства отставные военные чины. По окончаніи войнъ оказалось безъ призрѣнія и пособій очень много разныхъ военныхъ чиновъ—старыхъ, раненыхъ, больныхъ, которые своими трудами не могли себя пропитывать, имѣній не имѣли, но заслугами отечеству и государству приобрѣли несомнѣнное право на пожизненное содержаніе отъ государства. Россія до временъ Петра не имѣла никакихъ государственныхъ учрежденій для помѣщенія такихъ лицъ. Потому еще до Петра отставные стрѣльцы «за ихъ увѣче, старость и службы» отправлялись на содержаніе въ монастыри. Здѣсь имъ давали денежное жалованье.—къ XVII в. (въ 1680 г.) по 1 р. 30 алт. на человѣка,—и хлѣбное—по четвертику толкна, гороху, крупѣ и т. п. При Петрѣ же, во всѣхъ государственныхъ нуждахъ, въ которыхъ затруднялись изысканіемъ средствъ для удовлетворенія имъ, онъ обращался, какъ замѣтно, къ церковнымъ учрежденіямъ. И относительно пристроенія отставныхъ военныхъ чиновъ онъ воспользовался монастырями и ихъ богатствами. Государство обратило особенное вниманіе на церковныя средства собственно для пользы отставныхъ военныхъ чиновъ около 1715 г. Оно распорядилось первоначально употребить для этой цѣли такъ называемыя вѣчныя деньги. На счетъ ихъ лечились гвардейскіе, армейскіе и гарнизонные драгуны, солдаты и рекруты, равно и содержались во время болѣзни. Но этихъ денегъ оказалось недостаточно для содержанія всѣхъ нуждающихся въ призрѣніи военныхъ чиновъ. При томъ не было помѣщеній для нихъ. Потому и велѣно было отправлять отставныхъ въ монастыри на ихъ содержаніе. Размѣщеніе по монастырямъ находилось во власти Приказа. Приказъ не обнаружилъ въ этой дѣятельности какихъ-либо правилъ. Отсюда происходило, что въ нѣкоторыхъ монастыряхъ скоплялось значительное число отставныхъ воинскихъ чиновъ, а монастыри не находили средствъ содержать ихъ. Между тѣмъ, къ 20-мъ годамъ столѣтія число нуждающихся въ призрѣніи и требующихъ его отъ государства было довольно велико. Сенату вѣнено было въ обязанность распорядиться судьбою ихъ. Сенатъ и прежде 19-го года отправлялъ ихъ чрезъ Приказъ въ монастыри. Въ этомъ же году постановлено было закономъ: отставныхъ отсылать въ монастыри на прокормленіе и жалованье имъ давать изъ монастырскихъ доходовъ.

Законъ этотъ нѣсколько разъ издавался въ формѣ сенатскихъ опредѣленій и именныхъ указовъ. Сенатскимъ опредѣленіемъ 1719 г. положено было выдавать отъ монастырей жалованья отставнымъ военнымъ чинамъ столько, сколько получали жалованья гарнизонные чины тѣхъ губерній, въ которыхъ помѣщались монастыри, содержавшіе отставныхъ. Именнымъ указомъ 1721 года предписывалось относительно отставныхъ престарѣлыхъ, увѣчныхъ и раненыхъ воиновъ, чтобы монастыри давали имъ денежное и хлѣбное жалованье, — рядовымъ противъ чернецовъ, офицерамъ и унтеръ-офицерамъ по полторы порціи, оберъ и штабъ-офицерамъ противъ воинскаго регламента. Для вѣрнѣйшаго помѣщенія и обезпеченія ихъ запрещено было вновь постригать монаховъ; недостающее до штатнаго числа ихъ количество монастырскихъ обитателей велѣно было пополнять отставными чинами, на которыхъ и должно было идти опредѣленное на монаховъ жалованье; если же въ которыхъ монастыряхъ нельзя было удовлетворить присланныхъ чиновъ и такимъ образомъ, то приказано было у наличныхъ монаховъ изъ опредѣленныхъ имъ денегъ и хлѣбныхъ дачъ убавить по нѣкоторой части «усмотрительно», уравнивая при этомъ, чтобы и монахамъ и тѣмъ отставнымъ денежное и хлѣбное жалованье въ дачѣ было равное. Эти узаконенія установлены Св. Синодомъ виѣстѣ съ Сенатомъ. Но чтобы они получили въ практикѣ всю свою силу, Государь повелѣлъ представить себѣ вѣдомости о наличномъ количествѣ монаховъ во всѣхъ монастыряхъ. Въ монастыри отправлялись отставные — и женатые и холостые. Холостые обязаны были непремѣнно жить въ монастыряхъ, а женатые при монастыряхъ. Если же кто хотѣлъ жить вдали отъ монастырей и въ своихъ домахъ, тѣмъ не выдавалось монастырское жалованье. Способные къ труду обявлялись заниматься дѣлами по порученію монастырскихъ властей. Желающіе могли и постригаться.

Петровский Монастырскій Приказъ былъ, между прочимъ и судебнымъ учрежденіемъ для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ для всѣхъ лицъ своего вѣдомства. Кругъ его судебного вѣдомства указываетъ, что между имъ и Приказомъ Монастырскимъ XVII в. есть тѣсная связь и что петровский Приказъ есть продолженіе приказа по Уложенію. Судебному вѣдѣнію Приказа XVIII в. прежде всего передана была та часть, которая съ давнихъ поръ вѣдалась въ Приказѣ Большаго Дворца, изъ котораго выдѣлился Монастырскій Приказъ Алексѣя Михайловича и который, по уничтоженіи Монастырскаго въ 1677 году, опять вступилъ въ прежній кругъ судебной дѣятельности. Въ указѣ о возстановленіи Монастырскаго Приказа почти буквально словами Уложенія опредѣляется судебный кругъ, въ которомъ должна вращаться дѣятельность возстановленнаго учрежденія. — Но съ теченіемъ времени судебныя права его въ новомъ періодѣ существованія получили весьма широкіе размѣры, хотя судебная дѣятельность его и не имѣла такихъ шумныхъ послѣдствій, какими сопровождалась такая дѣятельность его въ первомъ періодѣ. Она была совершенно заслонена другими сторонами Приказа, въ которыхъ замѣтнѣе несравненно выражалось значеніе его для своего времени. Самое значеніе судебныхъ правъ, данныхъ Петромъ Приказу, въ исторіи его выражается только въ томъ, что стремленія государства русскаго въ XVII в. чрезъ учрежденіе Монастырскаго Приказа, какъ судебного учрежденія подчинить своей власти не только судебно-гражданскія, но и другія преимущественныя права церкви, подтверждаются теперь самымъ очевиднымъ образомъ. Подчиненіе государству судебно-гражданскихъ правъ церковныхъ учреждений во времена Уложенія было только ступенью къ дальнѣйшему ограниченію другихъ гражданскихъ правъ ихъ. Дѣятельность петровскаго Приказа, завладѣвшаго всѣми илѣбными ихъ, какъ нельзя болѣе доказываетъ это. Вотъ почему су-

дебная власть его, въ періодъ съ 1700 до 1720 г., не подвергалась ни малѣйшему нареканию, хотя она сильнѣе высказывалась сравнительно съ временемъ прежнимъ. Самъ Приказъ даже очень мало обращалъ и вниманія на эту сторону своей дѣятельности. Главное же вниманіе его сосредоточено было около вопроса о правахъ вотчинныхъ, принадлежавшихъ церковнымъ учрежденіямъ: онъ распоряжался богатствами ихъ на правахъ полного собственника, представляя въ себѣ права государства. Есть, впрочемъ, нѣкоторыя особенности въ судебныхъ правахъ петровскаго Приказа сравнительно съ временемъ Уложенія, какъ относительно гражданскихъ дѣлъ, такъ и уголовныхъ. Монастырскому Приказу и въ гражданскихъ и въ уголовныхъ дѣлахъ были подсудны: всѣ вообще лица его вѣдомства; въ частности: духовныя, безъ всякаго исключенія,—всѣ служилые люди въ приказахъ, подчиненныхъ ему, при аріерейскихъ каеэдрахъ и монастыряхъ (стряпчіе, дьяки и пр.) всѣ крестьяне его вѣдомства, учителя и ученики славяно-греко-латинскихъ школъ, нищіе, богадѣленные и содержащіеся на счетъ Приказа. При восстановленіи Приказа, ему указана судебно-гражданская дѣятельность въ искахъ всѣхъ постороннихъ для Приказа людей, на духовенствѣ и людяхъ, подвѣдомственныхъ Приказу. Духовенству же и всѣмъ подвѣдомственнымъ Приказу указано искать въ мѣстахъ, которымъ подсудны отвѣтчики. Такое распредѣленіе подсудности совершенно сходно съ законами Уложенія о томъ же предметѣ. Въ Уложеніи было исключеніе для патриаршей области. Теперь же, если и возникаетъ нѣкоторая вѣроатность такого исключенія для этой области по смыслу закона, то отношенія Монастырскаго Приказа къ патриаршинѣ Казенному и Дворовому ему подчиненнымъ, удаляютъ всякое сомнѣніе о независимой отъ него подсудности патриаршей области, которою завѣдывали эти приказы. Во всякомъ случаѣ въ 1706 г. яснымъ образомъ опредѣленъ кругъ судебного вѣдомства Приказа во всѣхъ церковныхъ вотчинахъ. Всѣ подвѣдомственные ему лица стали съ этого времени подсудны ему не только въ искахъ на нихъ, но и въ отвѣтахъ на иски противъ нихъ.

Приказъ былъ высшею и послѣднею инстанціею въ гражданскихъ дѣлахъ, въ предѣлахъ своего вѣдомства; среднюю составляли стольники и вѣдомцы, завѣдывавшіе цѣлыми областями и уѣздами въ провинціяхъ, низшую—вотчинные вѣдомцы и прикащики. Слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что непосредственная гражданско-судебная дѣятельность собственно Приказа была весьма не широка. Очень мало обращались къ нему за рѣшеніемъ гражданскихъ дѣлъ. Было подано ему нѣсколько (весьма небольшое количество) жалобъ на духовныхъ лицъ о неправильномъ владѣніи ими чужою землею, или со стороны духовныхъ лицъ о томъ же предметѣ. Есть въ архивѣ Приказа чуть-ли не единственное дѣло о подтвержденіи договорной записи о продажѣ,—такъ какъ контракты (напр. по найму) крестьянъ монастырскихъ скрѣплялись имъ. Самъ онъ производилъ отдачу вотчинъ на аренду и въ оброки, продажу ихъ и т. п. Но другихъ гражданскихъ дѣлъ мы не видѣли. О гражданскомъ судопроизводствѣ, бывшемъ въ Приказѣ, ничего не можемъ сказать, потому что дѣятельность Приказа не доставила матеріаловъ для сужденій объ этомъ предметѣ. Вообще, судебно-гражданская дѣятельность Приказа вовсе незамѣтна въ нылу его обширной дѣятельности по другимъ отношеніямъ. Скажемъ болѣе,—гражданская жизнь, въ вѣдомствѣ Приказа была убита имъ.

Несравненно замѣтнѣе противъ нея уголовно-судебная дѣятельность Приказа. Она была и богата и имѣла свои особенности. Здѣсь болѣе всего обращаетъ на себя наше вниманіе судопроизводство по отношенію къ духовнымъ лицамъ. Въ случаѣ открытаго или тайнаго доноса на духовное лицо, или отправлялись

нарочные чиновники Приказа для производства слѣдствія, или призывались сами обвиняемые въ Приказъ для допроса. Обвиняемаго сажали въ тюрьму при Приказѣ на цѣпь или въ ножные желѣза. Какъ при слѣдствіи, такъ и при допросѣ отбирались показанія отъ обвиняемаго и записывались. Допрашиваемый подписывалъ показанія по окончаніи допроса. При отобраніи показаній допускались пытки, удары кнутомъ; число ударовъ иногда опредѣлялось судьей и весьма часто записывалось въ документы при дѣлахъ. По окончаніи допроса, если духовное лицо не подвергается за преступленіе лишенію сана, налагалось наказаніе по Уложенію и новоуказаннымъ статьямъ. Если же преступникъ долженъ былъ быть подвергнутъ лишенію сана, то онъ изъ Приказа вмѣстѣ съ указомъ отправляемъ былъ подъ арестомъ въ патриаршіи Духовный Приказъ (въ провинціяхъ къ епархіальнымъ архіереямъ) для «обнаженія священства» или монашества. На церковномъ судѣ дѣлался иногда допросъ преступнику; послѣ допроса, а весьма часто и безъ допроса, «обнажали» его священства или монашества. «Обнаженный монахъ или попъ» возвращаемъ былъ при указѣ о обнаженіи въ Монастырскій Приказъ «къ розыску». Въ Приказѣ состоящіе подъ судомъ находились подъ карауломъ въ ножныхъ желѣзахъ и назывались колодниками. Розыскъ состоялъ въ томъ же, въ чемъ и допросъ, но въ судопроизводствѣ отличался по времени. Удары при розыскѣ повторялись «допрошенному и обнаженному». Послѣ розыска налагалось наказаніе по Уложенію и новоуказаннымъ статьямъ. Въ Монастырскій Приказъ нерѣдко присылали духовныхъ лицъ и изъ Преображенскаго Приказа для допроса и обнаженія, послѣ чего обвиняемые снова отправлялись въ Преображенскій, гдѣ и наказывались. Относительно рода преступленій всего чаще встрѣчались дѣла о побѣгѣ крестьянъ, о растратѣ денежной казны и монастырскаго имущества, о воровствѣ и убійствѣ, и по обвиненіямъ, подлежащимъ суду Преображенскаго Приказа. Для слѣдствій, по преступленіямъ въ вѣдомствѣ Приказа, посылались особые чиновники изъ Приказа.

Монастырскій Приказъ имѣлъ въ своей власти и дисциплинарный судъ. Въ этомъ отношеніи ему подчинены были: бродячіе нищіе въ Москвѣ, монахи, безъ разрѣшенія монастырскихъ властей переходящіе отъ одного мѣста къ другому, или монастырскія власти, недавшія полной отчетности въ употребленіи монастырскихъ денегъ, дающіе милостыню бродячимъ въ Москвѣ нищимъ, священники—за невыполненіе предписаній и указовъ Приказа и ландраты во взяткахъ съ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ. Относительно ландратовъ въ означенномъ случаѣ Приказъ производилъ слѣдствія и постановлялъ рѣшенія. Относительно священниковъ, неисполнявшихъ предписаній Приказа, указы грозили такими наказаніями, которыя далеко превышали мѣру дисциплинарныхъ взысканій: имъ грозили лишеніемъ сана, ссылкой и т. п.

Монастырскій Приказъ имѣлъ отношеніе и къ дѣламъ чисто-церковнымъ. Онъ извѣщалъ церковныя власти о царскихъ распоряженіяхъ относительно дней поминованія членовъ царскаго дома; чрезъ него отъ царя повелѣвалось явиться архіереямъ въ Москву на чреду служенія; онъ передавалъ церковнымъ властямъ царскія разрѣшенія—о крещеніи иновѣрцевъ, желающихъ принять христіанскую вѣру, о принятіи въ монастыри и о постриженіи. Приказъ извѣщался о смерти епархіальныхъ архіереевъ вмѣстѣ съ патриаршимъ Духовнымъ Приказомъ, и по этимъ случаямъ назначалъ издержки на погребеніе умершихъ и лицъ для описи имѣній послѣ нихъ, и получалъ эти описи къ своему вѣдѣнію. Вообще Монастырскій Приказъ былъ посредникомъ между царемъ и церковными учрежденіями. Съ учрежденія Св. Синода обязанности его по такому посредничеству не могли за нимъ сохраниться.

Несравненно долѣе сохранилась за Монастырскимъ Приказомъ, чѣмъ всѣ до-
селѣ исчисленные нами его права, самая обширная его дѣятельность — финан-
совая, въ виду которой онъ главнымъ образомъ и возстановленъ былъ при Петрѣ
и которая предоставлена была ему при самомъ его возстановленіи. Финансовая
дѣятельность его была въ высшей степени многосторонняя, сложная и, можно
сказать, запутанная: въ немъ совершались почти безчисленные финансовыя от-
правления; въ немъ производилось столько разнообразныхъ сборовъ и налоговъ,
сколько не было ни въ одномъ изъ современныхъ ему учреждений. Это зависѣло
отъ многихъ причинъ: отъ разнообразія лицъ, ему подвѣдомственныхъ, государ-
ственныхъ требованій и состоянія подчиненныхъ ему учреждений. Но при недо-
статочности научной разработки исторіи финансовъ въ Россіи, по причинѣ слож-
ности дѣятельности Приказа, многообразія и измѣнчивости отношеній его къ раз-
нымъ государственнымъ учреждениямъ, разнохарактерности финансовыхъ его отпра-
вленій, неразвитости способовъ налоговъ, взиманія податей и отправления повин-
ностей въ XVII и XVIII вѣкахъ и наконецъ, по причинѣ отрывочности и не-
полноты, при всемъ множествѣ матеріаловъ для этого предмета, находящихся у
насъ подъ руками, — по всѣмъ этимъ причинамъ весьма трудно представить дѣя-
тельность Приказа по финансовой части въ желаемой полнотѣ и отчетливости.

Въ вѣдомствѣ Монастырскаго приказа отправлялись общегосударственныя по-
дати и повинности, одинаковыя съ другими податными вѣдомствами, и особенныя,
производившіяся только въ немъ одномъ.

Выше было сказано, что онъ былъ закрытъ въ 1720 году, когда коллегіи,
новыя государственныя учрежденія, открыли свои дѣйствія, Приказъ Монастыр-
скій, какъ учрежденіе, принадлежавшее къ системѣ старыхъ, не могъ устоять
предъ новыми учрежденіями. Но историческія обстоятельства снова возстановили
его, хотя и не на долгое время.

Къ 1720-му году созрѣлъ планъ учрежденія и устройства «Духовной кол-
легіи», Св. Правительствующаго Синода для всей русской церкви. Въ началѣ
1720 г. окончательно составленъ «Духовный Регламентъ» преосвященнымъ Тео-
фаномъ Прокоповичемъ; 11-го февраля того же года онъ слушанъ, исправленъ
лично Его Величествомъ, 23 числа того же мѣсяца читанъ въ Сенатѣ и «подпи-
санъ собственною Его Величества рукою и прилучившихся тогда Санктпетербургъ
духовныхъ и свѣтскихъ персонъ руками». Члены, назначенные въ личный составъ
Св. Синода, вызваны въ Петербургъ въ декабрѣ того же года и занимались при-
готовленіемъ къ открытію Св. Синода. Окончательное открытіе его совершилось
14 февраля 1721 года. Послѣ молебна въ Троицкомъ Соборѣ въ этотъ день
Его Царское Величество присутствовалъ въ Синодѣ. Ему поднесенъ былъ синод-
скій докладъ о разныхъ предметахъ. Между прочими докладными пунктами Св.
Синодъ испрашиваетъ разрѣшеніе: «патріарши, архіерейскія и монастырскія вот-
чины сборами и правленіемъ, которыя вѣдомы были въ Монастырскомъ Приказѣ,
въ одной Духовной коллегіи вѣдать ли?—того ради, что оныя отъ гражданскихъ
управителей пришли въ скудость и пустоту; а Духовная коллегія присягою обя-
залася какъ въ вѣрности, такъ и въ исканіи интереса царскаго величества, про-
тивъ прочихъ коллегій не меньше. А въ Регламентѣ Духовномъ положено, что
такое правленіе надлежитъ до Духовной коллегіи». «И на оный пунктъ Его
Величество всеимпостивѣишимъ подписаніемъ собственныя своея высокія руки
резолуцію изволилъ такъ: быть по сему». Такимъ образомъ, «по именному цар-
скаго Величества указу» въ самый день открытія Св. Синода «повелѣно: па-
тріаршія, архіерейскія и монастырскія вотчины, которыя вѣдомы были въ Мо-
настырскомъ Приказѣ, сборами и правленіемъ вѣдать въ одномъ Духовномъ Си-

подъ». Св. Синодъ сообщил о монаршей волѣ вѣдѣніемъ въ Сенатъ. Сенатскій указъ объявилъ во исполненія ея: «патріаршія, архіерейскія и монастырскія вотчины сборами и правленіемъ вѣдать въ Синодѣ, и съ тѣхъ вотчинъ какъ доимочные съ тѣхъ годовъ, какъ Его Царское Величества указы повелѣваютъ, такъ и повсягодно табельные и сверхъ того по распоряженіямъ изъ Сената и изъ камеръ-коллегіи всякіе моложенные сборы, чрезъ посланныхъ изъ Духовнаго Синода собирая, отсылать въ камеру и штатсъ-конторъ-коллегію». Но св. Синодъ, какъ высшее церковно-правительственное учрежденіе, нашелъ неудобнымъ вѣдать вотчины безъ особаго, подчиненнаго ему, учрежденія. Онъ предпринялъ мѣры къ установленію его, съ разрѣшенія Государя. Государь, вскорѣ по открытіи Св. Синода, отправился въ Ригу. Св. Синодъ отправилъ нарочно туда своего переводчика Розенблюта съ докладными пунктами Его Величеству и поручилъ ему представить ихъ Государю чрезъ кабинетъ-секретаря Макарова. Въ докладныхъ пунктахъ Синодъ, между прочимъ, проситъ Государя, чтобы повелѣно было опредѣлить въ Монастырскій Приказъ для «вотчиннаго управленія» Василія Ершова или полковника Плещеева. Судью Монастырскаго Приказа опредѣленъ Ершовъ. Такъ возобновленъ былъ Св. Синодомъ съ разрѣшенія Государя въ 1721-мъ году Монастырскій Приказъ съ судьей во главѣ.

Но возобновленный во второй разъ Монастырскій приказъ явился во многихъ отношеніяхъ весьма отличнымъ отъ Приказа 1701 года. Это было уже не высшее, государственное, самостоятельное и ни отъ кого, кромѣ Государя, независимое учрежденіе, но учрежденіе церковно-государственное, второстепенное, состоящее въ совершенномъ подчиненіи Св. Синоду, которому онъ обязанъ своимъ возобновленіемъ, въ зависимости отъ высшихъ государственныхъ учреждений—сената, камеръ-коллегіи и штатсъ-конторъ-коллегіи и въ многообразныхъ отношеніяхъ къ епархіальнымъ и общегосударственнымъ областнымъ учрежденіямъ и особымъ церковнымъ вѣдомствамъ. Онъ предназначенъ былъ центральнымъ, общимъ для всей Россіи, высшимъ для своего вѣдомства учрежденіемъ, подъ зависимоію Св. Синода; но ему пришлось съ усиліями и съ трудомъ установить свои отношенія къ членамъ Синода въ отдѣльности, къ бывшимъ патріаршимъ, теперь синодальнымъ Дворцовому и Казенному приказамъ, къ епархіальнымъ архіереямъ и монастырскимъ властямъ. Находясь подъ двойною зависимоію высшихъ церковнаго и нѣсколькихъ государственныхъ учреждений, онъ испыталъ на своей судьбѣ выгоды пререкавіи между этими учрежденіями. Все его вѣдомство подвергалось этому испытанію и въ провинціяхъ. Поэтому судьба Монастырскаго Приказа 1721 г. весьма богата разными событіями, отношеніями, столкновеніями и перемѣнами, хотя онъ дѣйствовалъ не долго, менѣе 4-хъ лѣтъ. Но и такое непродолжительное существованіе его не безслѣдно въ исторіи. Его возобновленіе и дѣятельность тѣсно связаны съ образованіемъ круга дѣятельности и правъ Св. Синода въ дѣлахъ вотчинныхъ. Его непродолжительное существованіе установило управленіе церковными вотчинами почти на полстолѣтіе и удерживало ихъ въ это время по большей части въ вѣдѣніи Синода. На постепенныхъ перемѣнахъ Приказа ясно можно видѣть, какъ приказы преобразовались въ коллегіи, какъ прежняя приказная система государственныхъ учреждений сдѣлалась новою, коллегіальною. Повидимому, приказъ еще разъ вызванъ былъ къ жизни и дѣятельности, какъ-будто для того, чтобы измѣниться въ своемъ устройствѣ, въ своихъ отношеніяхъ, въ своей дѣятельности по отношенію къ своему вѣдомству, и потомъ, переименовавшись въ другое учрежденіе, исчезнуть на всегда изъ исторіи.

ЛXIV. ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКАГО РАСКОЛА И РЕФОРМЫ ПЕТРА В.

(Изъ публичныхъ лекцій профессора Суворова: «О происхожденіи и развитіи русскаго раскола»).

Рѣшительно неправиленъ тотъ взглядъ, будто церковный расколъ въ Россіи есть дѣло Петра Великаго, и что не кто-либо другой раньше его—не Никонъ, не соборъ 1667 г., а именно Петръ своими реформами произвелъ церковный расколъ въ Россіи. Съ этимъ мнѣніемъ согласиться невозможно, даже если бы оно высказывалось самими раскольниками. Реформы Петра Великаго, дѣйствительно, глубоко затронули весь строй русской жизни. Нѣтъ ничего удивительнаго, если при упорной приверженности русскихъ къ старинѣ явилась масса недовольныхъ царемъ-реформаторомъ: могли быть даже бунты въ разныхъ мѣстахъ широкаго русскаго государства, какъ и вообще возможны бунты при крутомъ, неподготовленномъ введеніи реформъ. Тѣмъ не менѣе, религиознаго знамени, подъ которое могли бы стать всѣ недовольные элементы, не существовало бы, если бы раньше не возникъ расколъ, какъ секта религиозная. А въ этомъ именно религиозномъ знамени все дѣло и заключается. Отстаиваніе этого знамени передается отъ одного поколѣнія къ другому, какъ нѣчто священное, какъ священный религиозный долгъ, который, можетъ быть, дурно понять, но всегда глубоко прочувствованъ. Реформы Петра находили себѣ противодѣйствіе, сопротивленіе не въ расколѣ только, а и въ представителяхъ официальной православіи, которые во всѣхъ пунктахъ, не подвергнутыхъ соборному осужденію 1667 г., оставались столь же упорными приверженцами старины, какъ раскольники въ пунктахъ, осужденныхъ этимъ соборомъ. Недаромъ потребовался цѣлый рядъ архіереевъ-малороссовъ для того, чтобы сдѣлалось возможнымъ проведеніе петровскихъ реформъ. Расколъ былъ и остался чисто-великорусскимъ явленіемъ; но и упорная приверженность къ старинѣ вообще отличала великороссовъ только, а не малороссовъ, которые уже давнымъ-давно испытали на себѣ дѣйствіе началъ западной цивилизаціи. Можно сказать, что иногда упорство именно официально-православныхъ вызывало со стороны Петра такіа мѣры, которыя всего болѣзненнѣе отражались на расколѣ и увеличивали число его послѣдователей. Стоглавый соборъ нѣкогда осудилъ брадобритіе, какъ ересь, подъ страхомъ церковнаго проклятiа. Этотъ пунктъ былъ не затронутъ соборомъ 1667 г., и вотъ мы видимъ, что къ брадобритію относятся одинаково и протопопъ Аввакумъ и современникъ Петра— послѣдній московскій патріархъ— Адрианъ. Аввакумъ отказался благословить подошедшаго къ нему сына боярина Шереметева на томъ основаніи, что Шереметевъ явился къ нему въ «блудносомнѣ образѣ», т. е. выбритымъ. Но и патріархъ Адрианъ заклиналъ православныхъ, подъ страхомъ церковнаго отлученiа, убѣгать брадобритiа,

этого «еретическаго безобразія, уподобляющаго человѣка котамъ и псамъ и уничтожающаго въ человѣкѣ образъ Божій». Борода была символомъ не раскола, а вообще русской старины. Вернувшись изъ-за границы по случаю стрѣльцоваго бунта, Петръ принялся рѣзать бороды, какъ ненавистный ему символъ коснѣнія въ старинѣ и сопротивленія всякой реформѣ, и своюю крутостью немало усилилъ вражду и ожесточеніе любителей старины. Исполнители указовъ Петра о бритьѣ бородъ и о замѣнѣ русскаго платья европейскимъ съ своей стороны дѣлали все, чтобы негодованіе любителей старины довести до высшей степени раздраженія. Напримѣръ, при разслѣдованіи дѣла объ астраханскомъ (1705 г.) бунтѣ оказалось, что воевода не далъ срока для замѣны русскаго платья европейскимъ, по своей корысти посылалъ своихъ подчиненныхъ въ праздничные и воскресные дни къ церквамъ и по большимъ улицамъ, «и у мужеска и у женска пола русское платье обрѣзывали не по подобію, обнажая предъ народомъ, и усы и бороды, ругаючи, обрѣзывали съ мясомъ». Подобными мѣрами поддерживалось раздраженіе не раскола только, а народа вообще противъ насильственно навязываемыхъ реформъ, и не всякій противникъ реформъ непременно былъ раскольникъ. Но само собою разумѣется, что расколъ, со времени Петра, сталъ насчитывать гораздо больше «антихристовыхъ новшествъ» въ никоніанствѣ, какъ онъ называлъ православіе, чѣмъ онъ это прежде дѣлалъ. Въ библии значится, что антихристъ измѣнитъ времена: Петръ I перенесъ празднованіе новаго года съ 1-го сентября на 1-е января, въ честь языческаго бога Януса; онъ же прекратилъ лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра и заимствовалъ изъ латынской ереси лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова. Въ священныхъ книгахъ написано, что антихристъ будетъ требовать денегъ и податей съ мертвыхъ: это сдѣлалъ и Петръ своей ревизіей; антихристъ-же только могъ установить подушную подать—подать не съ земли, а съ души, безсмертнаго дыханія Божія. Апокалипсическій звѣрь долженъ имѣть рога: эти рога суть два титула—царь и императоръ, принятые на себя Петромъ. Въ титулѣ «императоръ» раскольники даже нашли то мистическое число 666, которое принадлежитъ апокалипсическому звѣрю, читая этотъ титулъ безъ буквы м: «ператоръ». Съ благочестивымъ ужасомъ любители старины отворачивались отъ тѣхъ, кто «носомъ табакъ пьетъ»; за употребленіе этого зелья при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ рѣзали носы, а при Петрѣ, конечно, не было за это никакихъ преслѣдованій. О табакѣ говорили: «корень горести, выпры прозаябай, иже пакость творить и тѣло оскверняетъ». Съ неменьшимъ ужасомъ любители старины поздиѣ смотрѣли и на другія невиданныя доселѣ растенія, именно потому, что они казались новшествомъ,—на чай, кофе, картофель: О чаѣ говорили: «кто чай пьетъ, тотъ долженъ отчаяться въ спасеніи»; противъ кофе писалось, что «кто пьетъ кофе, въ сердцѣ того будетъ ковъ»; «трава, зовомая картовь», называлась у раскольниковъ «похотью антихристовой», такъ какъ она отъ Рима будто-бы начало имѣетъ. Въ раскольничьей литературѣ доказывается даже, что плодъ, которымъ змѣй соблазнилъ Еву и погубилъ Адама, былъ картофель. Нерасположеніе переносилось даже на каменную мостовую, потому что она выдумана уже въ антихристово время. Тѣмъ болѣе, разумѣется, паспортъ долженъ былъ казаться печатью антихриста: паспортъ стѣснялъ

странствованіе и удаленіе въ пустыню для спасенія души. Суровыя мѣры противъ нищенства и противъ бродяжничества точно также не отвѣчали старинному русскому нравственному идеалу, который если и включалъ въ себя любовь къ ближнему, то, главнымъ образомъ, въ формѣ довольно-беспорядочной раздачи такъ-называемой «мелочи» нищимъ и странникамъ. И вотъ не съ ироніей только, а и съ ожесточеніемъ русскій человѣкъ, не понимая ничего изъ всего того, что дѣлалось передъ его глазами, такимъ образомъ представлялъ себѣ правительственную политику: «табакъ ѳури, водку пей, бороду брѣй, нищихъ бей—и попадешъ въ царствіе нѣмецкое».

Но какъ бы ни увеличилось число антихристовыхъ, по раскольническому взгляду, новшествъ въ православномъ строѣ русской жизни, какъ бы ни увеличилась даже масса послѣдователей раскола,—не слѣдуетъ забывать, что недовольные позднѣйшими реформами становились подъ то же знамя, которое уже держали въ своихъ рукахъ раскольники. Знамя это уже высоко развѣвалось въ воздухъ и манило къ себѣ всѣхъ любителей старины, не осиливавшихъ своей головой смысла совершаемыхъ преобразованій.

Недовольные дѣйствіями царя-реформатора уже видѣли это притягательное знамя, понимали, что на знамени этомъ написано какъ-разъ противоположное тому, что затѣвалось правительствомъ, написаны пріятныя слова: «русская старина», да еще и не простая, а церковная, и шли толпами подъ это высоко-развѣвавшееся знамя. Всѣ реформы Петра Великаго, не касавшіяся церковной обрядности, никогда не произвели бы раскола, какъ бы ни были онѣ радикальны. Могли быть недовольные, могли быть даже бунтовщики; но въ концѣ концовъ масса народа свыкалась бы съ новымъ порядкомъ жизни. Вѣдь и раскольники сами большею частію свыкаются же съ разными «богомерзкими травами», служившими для нихъ въ началѣ предметомъ благочестиваго ужаса и отвращенія, свыкаются и съ европейскимъ костюмомъ. Или—самое большое—остаться, уцѣлѣть въ массѣ народной могли бы разныя старинныя возрѣнія и обычаи, какъ и теперь въ массѣ православнаго населенія можно найти не мало обычаевъ, вполне гармонирующихъ съ раскольничьимъ міровозрѣніемъ. Поэтому не иначе, какъ съ большою осторожностію, нужно относиться къ разнымъ взглядамъ на расколъ, которые можно найти въ литературѣ. Говорить, напр., что расколъ, въ своемъ происхожденіи, явился какъ протестъ земства противъ поглощенія его правъ центральной властію и что затѣмъ этотъ протестъ принималъ въ данную эпоху тотъ характеръ, который обуславливается слабыми сторонами въ государственномъ управленіи: въ эпоху религиозныхъ гоненій онъ имѣлъ религиозный отгѣнокъ; при Петрѣ I, при политическихъ гоненіяхъ, имѣлъ отгѣнокъ политической; при Екатеринѣ II, по прекращеніи гоненій, но при ненормальномъ социальномъ положеніи народа, принялъ отгѣнокъ социально-экономическій. Можно, пожалуй, и еще какъ-нибудь иначе взглянуть на расколъ; но понять его сущность можно, только отбѣшившись отъ всѣхъ историческихъ усложненій, которыя, по обстоятельствамъ времени, приводили и видоизмѣняли характеръ этого явленія. Но позднѣе привходящія историческія усложненія, которыя даютъ пищу занявшемуся огню, составляютъ объясненіе, служатъ причиной для этого

огня. Сильный вѣтеръ раздуваетъ пожаръ, но причина пожара не въ вѣтрѣ. Не царь-реформаторъ и не тѣ, кто послѣ него устанавливали разные стѣснительные для народной жизни порядки, были виновниками раскола, а патріархъ-новаторъ и тѣ, кто, не поддерживавъ его лично, вполне поддерживали его эллинофильскія симпатіи.

ЛХV. СОСТОЯНІЕ РАСКОЛА ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ И ЗНАЧЕНІЕ ЕГО ВЪ ИСТОРИИ РАСКОЛА.

(Изъ соч. «Братья Андрей и Семенъ Денисовы», Николая Барсова).

Новое направленіе государственной жизни со вступленіемъ на престолъ Петра Великаго не могло остаться безъ вліянія и на ходъ церковныхъ дѣлъ: вступленіе Петра Великаго въ самостоятельное управленіе государствомъ составляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ въ исторіи раскола.

Отъ вопроса церковнаго, которымъ такъ много занимались въ предидущія царствованія и правительство, и общество, и весь міръ русскій, Петръ устремился на путь внутреннихъ государственныхъ и гражданскихъ преобразованій и воинственныхъ предпріятій вѣшнихъ; сюда-же, къ этимъ преобразованіямъ и предпріятіямъ Петра, отвлечено было вниманіе всего общества русскаго, которое волей-неволей должно было показывать къ нимъ сочувствіе, подчиняться имъ, принимать въ нихъ дѣятельное участіе своими трудами и достояніемъ. На долю раскола осталась, такимъ образомъ, далеко уже не та степень правительственнаго вниманія и общественнаго участія, какая удѣлялась ему дотолѣ: о немъ не забыли, но не имѣли возможности, досуга заниматься имъ, заботиться нарочито объ его искорененіи. Были еще другія обстоятельства, которыя имѣли вліяніе на характеръ отношеній Петра къ расколу въ первой половинѣ его царствованія. Въ самомъ началѣ своего царствованія Петръ объѣхалъ Европу и посѣтилъ большую часть европейскихъ государствъ. Воспитанный иновѣрцемъ и, вслѣдствіе этого, естественно расположенный къ вѣротерпимости, Петръ за-границей наслушался, сверхъ того, протестантскихъ понятій о свободѣ совѣсти. Въ Германіи, затѣмъ, онъ видѣлъ иной родъ отношеній государей къ представителямъ религій, нежели какой существовалъ до того времени въ землѣ русской: этотъ новый родъ отношеній власти гражданской къ представителямъ церкви пришелся ему, какъ нельзя болѣе, по душѣ; для его деспотической природы невыносимо было то дѣтски-покорное отношеніе, въ какомъ находились его предшественники къ патріарху, котораго всегда называли не иначе, какъ святѣйшій патріархъ, отецъ нашъ. Такимъ образомъ, возвратившись домой, Петръ вывезъ изъ-за-границы между прочимъ и новыя понятія объ отношеніи церкви къ государству, понятія, вслѣдствіе которыхъ церковныя дѣла утрачивали тотъ характеръ государственнаго значенія, какой имѣли дотолѣ въ Россіи до-петров-

ской, и нравственное вліаніе духовной власти на правительство гражданское ослабло. Петръ не былъ человѣкомъ невѣрующимъ, какъ хотѣтъ думать у насъ нѣкоторые; напротивъ, мы видимъ, что, готовясь къ своимъ труднымъ предпріятіямъ, онъ искренно молитъ Бога о помощи и всегда столь-же искренно благодаритъ его за свои побѣды,— въ этомъ отношеніи это была русская душа. Но весь преданный своимъ преобразовательнымъ стремленіямъ, Петръ Великій и въ пастыряхъ церкви, которые, какъ онъ зналъ, имѣли такое сильное вліаніе на народъ, хотѣлъ видѣть больше исполнителей своей державной воли, проповѣдниковъ правды воли монаршей, нежели независимыхъ служителей дѣла Божія, пастырей духовныхъ. Поэтому Петръ, говоря вообще, не любилъ духовенства, въ которомъ видѣлъ ревностнаго поборника старинныхъ, неконныхъ началъ русской жизни и со стороны котораго всегда опасался противодѣйствія своимъ преобразовательнымъ стремленіямъ. Свое нерасположеніе къ духовенству Петръ, сознательно или бессознательно, выражалъ и въ невниманіи къ тому дѣлу, которое составляло главную заботу церкви—къ искорененію раскола,—по крайней мѣрѣ до того времени, пока не сталъ подозрѣвать, что въ расколѣ есть нѣчто, кромѣ разностей богослужебныхъ, есть элементы враждебныя и государству.

Все это было причиною того, что до самаго того времени, какъ возникло дѣло о несчастномъ царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, въ дѣятельности Петра не замѣчается стремленія преслѣдовать расколъ гражданскими мѣрами: повидимому, Петръ предоставилъ въ это время расколъ духовному попеченію пастырей церкви.

Знаменитыя двѣнадцать статей царевны Софіи противъ раскольниковъ, отличавшіяся такою необычайною строгостію къ послѣдователямъ «древняго благочестія» *), оставались дѣйствующими законами до того времени, когда Петръ положилъ раскольниковъ подъ двойной подушный окладъ; но онѣ перестали имѣть практическое приложеніе едва ли не съ той самой поры, какъ заключена была въ монастырь царевна Софія, — лишь только повѣло въ Россіи новымъ духомъ **). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что во все это время пастыри церкви, въ своей дѣятельности противъ раскола, лишены были того содѣйствія гражданской власти, которое оказывали ей предшественники Петра, ревнуя по Господѣ Божѣ и оберегаячи мать свою, святую церковь. Наконецъ въ 1714 году, узнавъ отъ преосв. Питирима, какъ велико число раскольниковъ въ Россіи, Петръ, руководимый расчетами государственной экономіи, пришелъ къ мысли обратить расколъ въ статью государственнаго дохода и положилъ всѣхъ раскольниковъ подъ двойной подушный окладъ, открыто объявляя, чтобы раскольники приходили записываться безъ всякаго сомнѣнія и страха, не внимая нѣкоторыхъ пустошному совѣту. Такимъ образомъ, Петръ прямо, *de jure*, призналъ открытое существованіе раскола.

---

*) Этими постановленіями предписывалось, между прочимъ, казнить смертію расколуучителей, хотя бы они и покались.

**) Нѣкоторые частные случаи фанатическаго преслѣдованія раскольниковъ въ началѣ Петрова царствованія были больше дѣломъ личнаго усердія областныхъ властей, нежели слѣдствіемъ какого-либо возбужденія со стороны высшаго правительства.

Слѣдствіе новаго направленія правительства обнаружилось весьма скоро въ жизни раскола. Съ одной стороны, это признаніе за раскольниками права на открытое существованіе было причиною того, что въ теченіе весьма небольшого промежутка времени (приблизительно отъ 1689 до 1714 г.) все, что было раскольниковскаго въ Россіи, что дотогѣ пряталось и таклось, теперь обозначилось ясно и мало-по-малу стало выдѣляться изъ общаго строя жизни, обособляться среди шумныхъ событий того времени, незаметно группируясь на окраинахъ, въ пустыняхъ и дѣсахъ, куда уже давно сбѣгались гонимые ревнители «древняго благочестія». Съ другой стороны, новаторскія стремленія Петра, столь ненавистныя большинству его подданныхъ, десноязыкъ, съ какими относились онъ къ самымъ заветнымъ вѣрованіямъ народа, весьма много содѣйствовали умноженію числа раскольниковъ: здѣсь беретъ свое начало проповѣдь Талицкаго и Левина, которые хотя сами не принадлежали ни къ одной изъ раскольниковскихъ общинъ и не отдѣлялись отъ церкви, тѣмъ не менѣе однимъ своимъ тетрадками, другой своею проповѣдью не одного изъ православныхъ заставили бѣжать въ скиты поморскіе и кержевскіе отъ антихриста, «иже есть Петръ первый».

Еще замѣчательнѣе пережѣна во внутренней жизни раскола, совершившаяся отчасти подѣ влияніемъ новыхъ отношеній правительства къ расколу и новаго направленія государственной и общественной жизни въ Россіи, отчасти же совершенно независимо отъ этого обстоятельства. Съ этого собственно времени, какъ намъ кажется, начинается внутренняя самостоятельная жизнь раскола. Во все предшествующее время, около пятидесяти лѣтъ, начиная съ тѣхъ поръ, какъ раздался первый голосъ противъ Никоновыхъ преобразованій, расколъ жилъ почти-исключительно внѣшнею жизнью—борьбою, домогательствами соединиться съ церковію на тѣхъ условіяхъ, какія онъ находилъ законными и единственно справедливыми. Считая свое дѣло правымъ, вожди раскола долго не могли примириться съ тою мыслию, чтобы благочестивый и благодушный царь Алексѣй Михайловичъ не хотѣлъ заступиться за древнее благочестіе: онъ обмануть, оболыщенъ духовными властями, говорили расколоучители,—нужно только раскрыть предъ нимъ истину, и истина восторжествуетъ. И вотъ мы видимъ цѣлый рядъ писемъ и челобитныхъ къ царю Алексѣю Михайловичу, а послѣ и къ его преемникамъ,—писемъ, въ которыхъ раскрывается эта раскольниковская мысль. Изъ круга своихъ специальныхъ знаній бывшіе справщики печатнаго двора набрали значительное число аргументовъ, казавшихся имъ довольно сильными для того, чтобы подѣйствовать на царя, склонить его къ поведенію, сообразному съ ихъ намѣреніями. Общій смыслъ ихъ тотъ, что Царь долженъ Никоновы нововведенія упразднить и древнее благочестіе установить. Избалованные прежнимъ своимъ значеніемъ при патриархѣ Іосифѣ, общимъ почетомъ, какой оказывали тогда въ Москвѣ этому цвѣту тогдашняго блага духовенства, и милостивымъ вниманіемъ самого царя, первые расколоучители продолжали считать себя высшими, призванными блюстителями мнимой чистоты церковнаго ученія и законности церковныхъ порядковъ. Такъ какъ они до конца своей жизни болѣею частью не теряли надежды возобладать церковію, то имъ и на мысль не приходило составить изъ себя и изъ своихъ послѣдователей какое-либо особое отъ церкви общество и устанавливать какіе-либо свои догматы:

своимъ обществомъ они считали церковь, своимъ дѣломъ—дѣло всей церкви, изъ которой имъ нужно было удалить новолюбца Никона и подражавшихъ ему его преемниковъ. Въ 1682 г. расколочитель Сергій хотя и говорилъ московскимъ раскольникамъ-бунтовщикамъ: «мнѣ мнится, братія, необратно сотворися паденіе архіереевъ нашихъ, понеже застарѣли въ нихъ ереси и злоба велія возрасте», — но не совѣтовалъ имъ бѣжать изъ Москвы въ пустыню, а вслѣдъ затѣмъ прибавлялъ: «обаче подвигнемся со усердіемъ; писано бо есть: проповѣди ради благочестія да будетъ ти брань». Не о томъ они хлопотали, чтобы имъ лично и ихъ послѣдователямъ дозволено было свободно содержать старое благочестіе: они требовали, чтобы, отмѣнивъ постановленія московскаго собора 1666—1667 гг., отрехшись отъ всего, что сдѣлано было въ церкви Никономъ, царь для всего государства, для всѣхъ своихъ подданныхъ усвоилъ и узаконилъ то новѣйшее пониманіе вѣры и законовъ церковныхъ, какое имѣли они сами. Для древней, до-петровской Руси незнакомо было, а потому и немисливо совмѣстное существованіе въ одной странѣ у одного народа двухъ исповѣданій, и какъ православная церковь того времени не могла простить отступленіе отъ нечуждымъ членамъ одной русской семьи, хотя безпрекословно допустила свободное пребываніе въ самой Москвѣ иноувѣрцевъ-иностранцевъ, такъ и расколъ не могъ тогда допустить существованіе «никоніанства» наравнѣ съ собою. «Аще не ты по Господѣ Бозѣ, — пишетъ Аввакумъ къ царю Θεодору Алексѣевичу, — кто намъ поможетъ? А что, царь-государь, какъ-бы ты далъ мнѣ волю, а бы ихъ (никоніанъ), что Илія пророкъ, всѣхъ перепласталъ въ единъ день, — не осквернилъ бы рукъ своихъ, но и освятилъ—чаю. Перво бы Никона-собаку разсѣкъ на-четверо, а потомъ бы и никоніанъ». Такъ говорилъ Аввакумъ не задолго уже до своей смерти, когда, свикшись съ своими страданіями и подъ влияніемъ мысли о близкой смерти, онъ, повидимому, былъ настроенъ болѣе миролюбиво, чѣмъ когда-либо, хотя въ то же время больше, чѣмъ когда-либо, былъ убѣжденъ въ истинѣ своего ученія.

То, чего не удалось достигнуть челобитными, думали получить силой, посредствомъ возстаній и бунтовъ и чрезъ участіе въ гражданскихъ смутахъ. «Въ лѣто 7190, маія въ 15 день, поупущеніемъ св. Бога, во градѣ Москвѣ сотворися смятеніе великое... возсташа воинствіи людіе... По ономъ же смятеніи бысть между ними усердное совѣтованіе о древнемъ благочестіи, еже бы сіе паки въ російцѣмъ государствѣ возобновити и въ прежнее состояніе привести». Рѣшили, что лучшее средство для этого собраться, по возможности, всѣмъ исповѣдникамъ древняго благочестія и ударить челомъ великимъ государямъ. «Пріидохъ сімо милости просити старой православной вѣрѣ», — говоритъ Никита въ грановитой палатѣ. Какой же милости? Чтобы не преслѣдовали этой старой вѣры, чтобы позволили имъ свободно содержать свое ученіе? Нѣтъ, патріархъ Іоакимъ прямо сказалъ имъ, что мы за крестъ и молитву не мучимъ и не жжемъ, но за то, «яко насъ еретиками называютъ и св. церкви не повинуются, сожигаемъ, «а креститися, кто како хочеть, двѣма персты или трема, или всею рукой — сіе все едино, токмо бы знаменіе креста на себѣ вообразити, — мы о томъ не истязуемъ». Тоже подтвердила царевна Софія и епископъ нижегородскій. «Пріидохомъ милости просити», — продолжаетъ Никита, «чтобы пове-

лѣли великіе государи патріарху и прочимъ архіееремъ паки въ церкви пріяти старопечатныя книги и чтобы по нимъ вся службы и прочая вся по прежнимъ благочестивымъ обычаемъ исправили, а новины бы отложили».

Долговременнымъ тяжелымъ опытомъ убѣдился расколъ, что ни челобитными, ни бунтами ему ничего не добиться, что церковь не возвратится на тотъ путь, на который хотѣли поставить ее расколоучители. Казни, которыя были отвѣтомъ на апелляціи и протесты раскольниковъ, отрезвили расколъ, дали ему понять истинный ходъ дѣла: спасая свою жизнь, раскольники бѣгутъ въ пустыни и лѣса...

Тогда расколъ въ свою очередь оторкся отъ «церкви великороссійской». Онъ пересталъ заниматься частностями Никонова дѣла и окончательно установилъ свой общій взглядъ на него. Отрывочные голоса о наступленіи царства антихристова, изрѣдка раздававшіеся дотолѣ, въ устахъ нѣкоторыхъ расколоучителей, теперь сдѣлались общимъ жизненнымъ ученіемъ огромнаго большинства раскольниковъ, главнымъ исходнымъ пунктомъ ученія безпоповщины. Дотолѣ не покидала расколъ надежда восстановить себя въ качествѣ церкви и притомъ единой господствующей церкви; пока расколъ въ лицѣ своихъ вождей находилъ лучшихъ для своихъ цѣлей со всею, свойственною простотѣ, откровенностію, искренностію и даже запальчивостію протестовать и бороться:—въ Москвѣ сосредоточивалась жизнь раскола, этою апелляціею и борьбой заняты были всѣ его силы. Правда, и въ это время, чѣмъ дальше, тѣмъ больше скоплялось раскольниковъ въ лѣсахъ и пустыняхъ; но это пребываніе въ лѣсу было или простымъ укрывательствомъ отъ полицейскихъ преслѣдованій, или сурово-аскетическимъ притовженіемъ къ ожидаемой ими, вслѣдъ за пришествіемъ антихриста, кончинѣ міра, страхъ быть открытыми полиціей не давалъ имъ опомниться, собраться силами, чтобы соединиться въ «общее житіе»... Теперь, потерявъ всякую надежду на побѣду, на успѣхъ своихъ домогательствъ въ отношеніи къ церкви, расколъ созналъ потребность жизни самобытной. Вступленіе Петра Великаго въ самостоятельное управленіе государствомъ по истинѣ было эпохою въ жизни раскола: въ то самое время, какъ расколъ почувствовалъ со всею силой внутреннюю необходимость жизни самобытной, Петръ, давъ новое направленіе государственной жизни, новый исходъ государственной силѣ, открылъ ему внѣшнюю, физическую возможность заняться самимъ собою. И вотъ мы видимъ, что теперь слагаются многочисленныя раскольническія общины съ извѣстной, довольно сильною и крѣпкою организаціей, которыя живутъ своею собственною замкнутою жизнію, по своимъ началамъ и порядкамъ.

Какіе же эти порядки и начала самобытной внутренней жизни раскола? И прежде всего,—какія у раскола были данныя для того, чтобы начать жизнь самобытную? Отрекаясь съ ожесточеніемъ отъ руководства церкви, чуждаясь и гражданскаго правительства за его солидарность въ дѣлахъ вѣри съ правительствомъ церковнымъ и за помощь, какую оно оказывало послѣднему въ дѣйствіяхъ противъ раскола, отрываясь отъ общенія съ передовыми образованными классами страны и замыкаясь въ себя, эти массы простолюдиновъ въ такомъ ли были состояніи, чтобы не нуждаться ни въ какой опекѣ и руководствѣ со стороны? Время ли было простолюдину русскому начать самобытную духовную жизнь? Отвѣтъ понятенъ самъ собою. Но нужно еще сказать, что никогда не были такъ

слабы духовныя силы раскола, какъ теперь. Первые расколоучители—главнѣйшіе, наиболѣе представительные вожди раскола, для которыхъ его дѣло было личнымъ, кровнымъ дѣломъ, которые заражали всѣхъ своимъ вдохновеніемъ и энтузіазмомъ,—эти люди давно уже сошли со сцены. Ими исчерпанъ былъ тотъ небольшой запасъ мелочныхъ и, болѣею частію, несправедливыхъ обвиненій на православную церковь, какія могли они набрать изъ круга своихъ специальныхъ знаній—для оправданія своей, неожиданной для нихъ самихъ, оппозиціи. Но кромѣ того, что всѣ эти обвиненія были достаточно опровергнуты со стороны церкви въ «Жезлѣ правленія» и въ «Увѣтѣ духовномъ», теперь, когда борьба прекращалась, этотъ родъ сочиненій (въ родѣ челобитной Лазаря или Савватія) утрачивалъ свое значеніе: теперь мало было отрицать Никонovy новшества, а нужно было выяснять себѣ, отчасти вновь строить свое положительное ученіе. Ученіе первыхъ расколоучителей было старообрядчество въ строгомъ смыслѣ: но обряды богослужебныя сами по себѣ, а особенно при раскольничьемъ пониманіи ихъ, безъ проникновенія въ ихъ внутренний смыслъ и духъ, не составляютъ еще собственно ученія, не дають отвѣта на тѣ вопросы теоретическаго свойства, какіе естественно и неизбѣжно возникаютъ въ умѣ даже простодушнаго невѣжды.

Пока расколъ не отторгся еще отъ церкви, а только препирался съ нею, онъ находилъ рѣшеніе этихъ вопросовъ въ общехристіанскомъ церковномъ ученіи, которое наравнѣ съ церковію содержали первые расколоучители, не имѣвшіе вообще намѣренія заниматься чѣмъ-либо, кромѣ усмотрѣнныхъ ими новшествъ въ новопечатныхъ богослужебныхъ книгахъ. Теперь, когда расколъ окончательно отдѣлился отъ церкви, когда не было уже у него ученыхъ вождей перваго времени, раскольники должны были начать жить своимъ умомъ, въ самихъ себѣ должны были искать рѣшенія вопросовъ, возникавшихъ внѣ всякой непосредственной связи съ исправленіями Никона. Какъ же строилъ расколъ свое ученіе? Изъ какихъ данныхъ сложилось оно? Кое-что могъ, конечно, извлечь расколъ изъ «твореній» первыхъ расколоучителей, хотя они и немного сдѣлали для раскола въ этомъ отношеніи. Безконтрольное, совершенно произвольное обращеніе съ дѣлами церковными, при слабомъ патріархѣ Іосифѣ, не пріучило первыхъ расколоучителей къ сдержанности и скромной умѣренности въ богословствованіи; ихъ невѣжественная вѣра въ собственную мудрость и непогрѣшимость не научила ихъ уважительно обходиться съ ученіемъ религиознымъ. Страстно и необузданно предаваясь «свободному мышленію», они договаривались до самыхъ вопіющихъ несообразностей. Протопопъ Аввакумъ, этотъ «замѣчательный русскій богословъ», какъ называютъ его новѣйшіе изслѣдователи раскола, и дѣйствительно самый ученый изъ расколоучителей перваго, до-петровскаго, періода, заговорилъ о томъ, что «св. Троица сидитъ на трехъ престолахъ, а Христосъ особъ,—не спрятавшись сидятъ три цара небесныя». Никита, бывший священникомъ «многое число лѣтъ», свещ. хлѣбу на проскомитіи поклонялся, какъ тѣлу Христову. А когда не стало этихъ вождей раскола, то дѣло пошло еще хуже. Расколъ могъ бы почерпнуть себѣ многое изъ древне-русской, дониконовской церковной жизни и письменности. Но невѣжество мѣшало ему воспользоваться этимъ нескуднымъ источникомъ; между тѣмъ, выступали въ дѣло мотивы

другого свойства—строгость къ народоучительству новыхъ вождей раскола, руководимыхъ или однимъ желаніемъ поставить какъ можно больше преградъ между никоніанствомъ и мнимымъ древнимъ благочестіемъ, или дать какъ можно большій просторъ сдерживаемому доголѣ производству и другимъ худшимъ инстинктамъ человѣческой природы. Все это имѣло своимъ слѣдствіемъ появленіе тѣхъ безобразныхъ ученій, какія стали проповѣдываться въ Брынскихъ лѣсахъ и въ другихъ мѣстахъ мужиками и бабами, съ которыми знакомятъ насъ св. Димитрій Ростовскій въ «Рознскѣ» и Игнатій, митр. сибирскій въ своемъ третьемъ посланіи,—которыя, не смотря на всю гнусность и нелѣпость, находили, однако, себѣ многочисленныхъ послѣдователей. Расколъ, видимо, потерялъ свою почву, потому что въ такомъ благословствованіи, очевидно, не было и тѣни дрявнаго благочестія, во имя котораго возсталъ расколъ,—и обнаруживалъ рѣшительную неспособность имѣть какую-либо духовную, церковную жизнь внѣ общенія съ церковію. Доколѣ расколъ былъ протестомъ, оппозиціей—не болѣе, опъ имѣлъ, конечно, вѣкоторый смыслъ и значеніе въ общемъ ходѣ жизни церковной, по крайней мѣрѣ могъ быть оправданъ, извиненъ. Теперь же, становясь внѣ церковнаго общенія, онъ былъ не только преступленіемъ противъ церкви, но и самоубійствомъ духовнымъ.

При такомъ положеніи дѣла, какая судьба предстояла расколу? «Затеклаете во многомъ мудрованіи своемъ, писалъ Аввакумъ еще къ современникамъ ему раскольникамъ, и уже другъ друга гнушаетесь... Глушцы! что черви капустные пропадете». Повидимому, если когда должно было исполниться это пророчество, такъ это именно теперь, когда въ расколѣ было, по справедливому выраженію Теофилакта Лопатинскаго, «что мужикъ—то вѣра, что баба—то уставъ». Расколъ, повидимому, долженъ былъ исчезнуть если не отъ виѣшнихъ гоненій, то отъ собственнаго внутренняго безсилія. Въ самомъ дѣлѣ, сознавая указанное положеніе дѣла, какой здравомыслящій христіанинъ, которому дорого дорогое вѣчное спасеніе, не отрекся бы повидимому отъ раскола, какъ бы ни казались уважительны его претензіи! Но эти несчастныя массы, конечно, не отреклись отъ раскола; напротивъ, подъ влияніемъ тѣхъ жестокихъ преслѣдованій, какимъ ихъ подвергали, онѣ ожесточались все болѣе и болѣе. Тѣ мотивы, которые произвели расколъ въ началѣ, глубоко залегли въ русскую жизнь и не переставали дѣйствовать во все время. Затѣмъ привзошли въ расколъ новые элементы, чуждые первоначальному его характеру: когда утвердилась въ расколѣ мысль объ антихристѣ, за нее ухватилось съ жаромъ всякое недовольство, ища въ ней оправданія своему противленію. Наконецъ, въ пылу фанатизма, поддерживаемаго недавними преслѣдованіями, раскольникамъ не до того было, чтобы осмысливать свои вѣрованія; да и въ болѣе спокойномъ состояніи, при ихъ невѣжествѣ, имъ трудно было понять, что ихъ религиозное чувство, болѣею частію искреннее и глубокое, питается такою незатѣйливою и недостойною пищей. Таковъ былъ ходъ предшествующей исторіи, такова была сила вещей. Расколъ рѣшился жить самостоятельно, независимо, на тѣ наличныя силы, какія нашлись у него въ данный моментъ. Расколъ не задумывался надъ своимъ положеніемъ, не выбиралъ; онъ съ перваго раза, какъ только открылась возможность, съ радостію устремился на тотъ путь, какой передъ нимъ открывался. А благодаря тѣмъ

отношеніямъ, въ какія сталъ сначала къ расколу Петръ, предъ нимъ открывался довольно широкій путь: расколъ всего меньше способенъ былъ познать истину теперь, когда его поддерживаетъ не только сознаваемое, энтузиастическое вѣрованіе, что въ церкви царствуетъ антихристъ, но и бессознательно-почувствованное благо жизни свободной, на всей своей волѣ, внѣ всякаго контроля и авторитета.

Какъ гоненія возбуждали въ нихъ мистическую экзальтацію, влекли за собою самосожженія и другіе виды самоубійства; такъ теперь прекращеніе гоненій и ослабленіе правительственнаго надзора, со вступленіемъ на престолъ Петра Великаго, неизбѣжно повлекло за собою деморализацію. Удалившись въ лѣса, каждый находилъ здѣсь удовлетвореніе своимъ личнымъ потребностямъ. Многие увлекались здѣсь мнимымъ подвижничествомъ, предавались различнымъ суровымъ подвигамъ, приводили въ изумленіе свою братію необычайностію своихъ мнимо-аскетическихъ затѣй *). По недостатку разумной христіанской цѣли, внѣ церковнаго благословенія и просвѣщеннаго руководства пастырскаго, эти подвиги, конечно, не имѣли нравственнаго значенія. Эти лже-монахи утрировали и профанировали примѣръ древнихъ святыхъ подвижниковъ, которыхъ изучали въ прологахъ и четыхъ-минеяхъ: усвоивъ до нѣкоторой степени ихъ внѣшность, они оставались чуждыми ихъ духу. Другіе стремились удовлетворить потребности свободнаго мышленія, занялись богословствованіемъ и произвели на свѣтъ тѣ странныя ученія, о которыхъ упоминалось выше. Кто имѣлъ страсть къ народоучительству, тотъ оставлялъ на время свои подвиги въ лѣсу, выходилъ въ села и деревни съ проповѣдію о старой вѣрѣ. Не широко было содержаніе ихъ проповѣди, — всего двуперстное сложеніе, да чтеніе молитвы: «Господи, Ісусе Христе Сыне Божій», а не «Боже нашъ», тѣмъ не менѣе они находили себѣ вездѣ приѣмъ и почетъ и слѣпое довѣріе. То, что было худшаго въ древнерусской церковной жизни—это узкое, исключительно-обрядовое пониманіе вѣры, было лучшимъ въ жизни раскола.

Нужно было радоваться, если эти отшельники въ лѣсахъ предавались пустосвятству, или мирнымъ сельскимъ занятіямъ: «пахали землю кочерюгами и сѣяли рожь подъ гарью».

Большую же частію выступали въ дѣло худшіе инстинкты: раскольники говорили, что живутъ по святоотеческимъ уставамъ,—а въ сущности правилами ихъ жизни были тѣ выработанныя ихъ досужимъ смысломъ аксіомы, въ которыхъ содержатся или казуистическое оправданіе грѣха, или прямое внушеніе преступленія: «не согрѣшишь—не покаешься, не покаешься—не спасешься»; или: «хоть семерыхъ дѣтей роди, только замужъ не ходи». Наконецъ, эти постцы отреклись отъ законнаго руководства властей гражданскихъ и церковныхъ и, нуждаясь, между тѣмъ, для удовлетворенія своихъ недалекихъ потребностей въ извѣстномъ внѣшнемъ устройствѣ своего быта, неизбѣжно подпадали деспотизму какого-либо узурпатора, который, возвышаясь надъ толпою

---

*) Въ исторіи Выговской пустыни безчисленное множество подобныхъ примѣровъ. Инокъ Виталій, напр., переходя постоянно съ мѣста на мѣсто, носилъ за плечами «чурку деревянную, сырую», другой—въ то время, какъ топилась печь въ избѣ и вся изба наполнялась дымомъ, нарочито поднимался къ потолку, чтобы дымъ, собравшійся тамъ въ большомъ количествѣ, сильнѣе жгъ ему глаза, и пр.

сходились изъ всѣхъ концовъ Россіи, а послѣ стрѣльцкихъ казней бѣжало изъ Москвы много стрѣльцовъ и ихъ женъ. 3) Въ лѣсистой мѣстности Черниговской губерніи, извѣстной подъ именемъ Стародубья, также образовались раскольническія поселенія. Поселенія эти состояли изъ слободъ, наполненныхъ бѣжавшими раскольниками. Начало этихъ поселеній относится еще къ царствованію Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича. Царевна Софья приказала возвратить бѣглыхъ людей на родину. Раскольники разбѣжались; но многіе для болѣе безопасности перешли польскую границу и поселились на островѣ Вѣткѣ, находящемся на р. Сожѣ, и принадлежатъ пану Халецкому, который радъ былъ новымъ насельникамъ, платившимъ хорошій оброкъ. И здѣсь характеръ жизни былъ не монастырскій, а мірской; раскольники жили слободами. Близъ Вѣтки образовались еще три большія слободы.

Означенныя раскольническія населенія служили главными центрами, къ которымъ примыкали разбросанные по разнымъ мѣстамъ раскольники. Здѣсь выработывался такой или иной строй жизни раскольниковъ, возникали и рѣшались такъ или иначе разнаго рода вопросы, которые и послужили причиною раздѣленія раскола на частныя секты.

Первою и главною причиною раздѣленія раскола на частныя секты было то, что раскольники послѣ осужденія ихъ церквію на соборѣ 1667 года остались безъ епископовъ; а посему некому было поддерживать преемственное существованіе церковной іерархіи, освящать миро и священникамъ давать право на совершеніе богослуженія и тайнодѣйствій; ибо безъ повелѣнія мѣстнаго епископа пресвитеры ничего не могутъ творить. Священниковъ и послѣ собора 1667 г. оставалось еще не мало, и хотя нѣкоторые и были лишены сана, но къ нимъ продолжали обращаться. Такъ, Аввакумъ былъ духовнымъ отцомъ Аврамія, боярина Морозова причащавшая изъ рукъ попа Іова Львовскаго и постриглась отъ священноинока Досифея. Псковскій воевода Хованскій держалъ при своемъ домѣ моленную, въ которой отправляли богослуженіе разные пришлые попы. По мѣрѣ того, какъ главные расколоучители были удаляемы изъ Москвы въ ссылку, а иные изъ священниковъ бѣжали съ толпами послѣдователей въ Стародубье, или на Донъ, недостатокъ въ священныхъ лицахъ сталъ чувствоваться сильнѣе и сильнѣе. Этотъ недостатокъ сталъ замѣтенъ еще при жизни расколоучителей.

Въ 1681 году Аввакумъ писалъ царю Ѳеодору: «патріарси изнемогоша, святители падоша, и все священство еле живо». Выразивъ прямое и рѣшительное сознаніе, что міру безъ поповъ быть нельзя, Аввакумъ, вынужденный обстоятельствами, давалъ слѣдующія наставленія своимъ послѣдователямъ относительно исповѣди и причащенія, «Исповѣдуйте согрѣшенія другъ другу по апостолу», или: «кайся предъ Господомъ Богомъ!» «Причаститися безъ попа можно святымъ комканіемъ», т. е. запаснымъ Агнцемъ, который и заповѣдывалъ держать при себѣ; «а ребенка причащай мірянинъ, Богъ благословитъ». Но самый запасной Агнецъ возможенъ только при существованіи священства.

Поэтому, опираясь на мысли, что міру безъ поповъ быть нельзя, Аввакумъ приходилъ и къ другой мысли,—къ мысли о возможности прибѣгать къ попамъ новаго рукоположенія, если бы кто изъ таковыхъ полюбилъ старину. Но эта послѣдняя мысль встрѣтила сильный протестъ со стороны другихъ расколоучителей. Дьяконъ Ѳеодоръ писалъ:

«а которые попы отъ Никона отступника ставлены, и отъ нивоніанъ паче же отъ егда совершенно православіе все отринута, то православнымъ христіаномъ не подабаеть отъ нихъ нынѣ благословенія пріимати, ни службы, аще и по старому служить».

Такимъ образомъ, еще при жизни первыхъ расколоучителей предъ лицомъ мнимыхъ старовѣровъ сталъ грозный вопросъ относительно недостатка церковной іерархіи, и первые расколоучители не дали на него яснаго и опредѣленнаго рѣшенія, оставивъ его открытымъ для будущихъ поколѣній. Строгій указъ царевны Софьи, которымъ безусловно воспрещалось содержание раскола, увеличилъ бѣгство раскольниковъ изъ Москвы на окраины государства. Прежній вопросъ объ іерархіи выдвинулся со всею своею силою и долженъ былъ непременно такъ или иначе быть рѣшенъ. Рѣшеніе его прежде всего было практическое, и сущность его подготавливалась предшествовавшими мѣстными обстоятельствами. Сѣверъ Россіи—малонаселенный, въ высшей степени дурными путями сообщенія, съ крайнею малочисленною церковью, которая часто оставалась при томъ безъ священниковъ, представлялъ удобную почву для развитія безпоповщинской практики и для выработки ученія о возможности устроить свое спасеніе и помимо іерархическихъ лицъ. Къ тому же не мало содѣйствовало и то обстоятельство, что главнѣйшими пропагандистами раскола были тамъ простые монахи Соловецкаго монастыря и затѣмъ главными заправителями—лица, не имѣвшія іерархическихъ степеней. Въ образовавшемся въ концѣ 17 столѣтія выговскомъ обществѣ религіозная практика имѣла ту особенность, что всѣ церковныя службы были отправляемы мірянами, а количество таинствъ ограничено тѣми, которыя, какъ думали, въ случаяхъ нужды, могутъ быть совершаемы также и лицами неосвященными. Такимъ образомъ избранные наставники исправляли крещеніе переходящихъ въ ихъ общество,—принимая переходящихъ изъ православной церкви именно этимъ чиномъ, т. е. посредствомъ перекрещиванія,—принимали къ себѣ на исповѣдь, а затѣмъ совершали чины постриженія въ монашество, погребенія умершихъ и тѣ церковныя службы, которыя не требуютъ необходимаго присутствія священника, т. е. утрени, часы, вечерни и прочія дневныя богослуженія; изъ случайныхъ—молебны, панихиды. При этомъ опускали все то, что положено произносить священнику, или діакону; напр. возгласы, эктени и т. п. Службы начинались возглагошеніемъ: «За молитвы св. отецъ нашихъ» и проч. Выговская пустыня не можетъ быть рассматри- ваема только какъ отдѣльный пунктъ среди раскола; къ ней примыкали множество мірскихъ раскольниковъ, которые исправляли духовныя нужды у выговскихъ наставниковъ; на нее, какъ на представительницу церковной практики, смотрѣли другіе скиты, разсѣянные по сѣверной и сѣверозападной окраинамъ государства; влияние ея простиралось далеко и за эти предѣлы.

Въ 1720 году посланный на Выгъ іеромонахъ Неофитъ вызвалъ выговцевъ на объясненія и защищенія ихъ церковной практики, и «Поморскіе отвѣты» представляютъ намъ въ первый разъ подставную, своеобразную безпоповщинскую доктрину. Нисколько не думая отвергать въ принципѣ надлежащее значеніе церковной іерархіи и становиться такимъ образомъ на протестанскую точку зрѣнія, составители «Поморскихъ отвѣтовъ», обосновали свое ученіе на исключительныхъ случаяхъ, заим-

становившихъ нѣтъ древней первобытной таинственности и выяснили, что и въ древней первобытной церкви вера оставалась безъ иерархій. стало быть во-первыхъ безъ священнослужителей системы священства. Они какъ бы забыли о томъ, что крещенные крестами древности относились лишь къ частнымъ персонамъ, а нѣтъ необходимости говорить о возможности безсмысленности словнаго состоянія веры вселенной. Объяснить такими образомъ—хотя и не глупо. — возможность безъ иерархическаго системнаго составителя «Поморскихъ отвѣтовъ» нашли въ нѣкоторыхъ книгахъ, что всѣ таинства по отношенію нѣкъ важности для спасенія раздѣляются на «служиво-потребныя» и просто «потребныя»: къ первымъ относятся: крещеніе, покаяніе и причащеніе, къ послѣднимъ—остальные. Ясно, что въ означенномъ дѣлѣ значеніе таинствъ берется не по отношенію къ церкви вообще, гдѣ всѣ таинствъ составляютъ волюю необходимость, а по отношенію къ частнымъ членамъ церкви, которые могутъ нѣкоторыхъ таинствъ и не быть участниками, напр., священства, брака, и вотому къ объясненію и зашифрованію церковнаго устройства, изъятаго въ нѣкоторыхъ, приложено быть не можетъ. Но составители «Поморскихъ отвѣтовъ» вывели отсюда то заключеніе, что въ церкви во нуждѣ могутъ и не быть четыре таинствъ; миропомазаніе, бракъ, священство и елѣозмазаніе. Что же касается трехъ таинствъ «потребно нужныхъ во спасеніе», т. е. крещенія, покаянія и причащенія, то были подставлены основанія, заключающіяся въ при-мѣрахъ и свидѣтельствахъ, что вера дѣл, во нуждѣ, можетъ совершать мирянинъ. Относительно же причащенія съ одной стороны доказывалась возможность причащаться завѣсными дарами безъ участія священнаго лица, а съ другой—довольствоваться, во нуждѣ, однимъ огве-пальнымъ желаніемъ причащенія, или, что тоже, причащеніемъ духовнымъ. Послѣднее ученіе сдѣлалось впоследствии единственно господствующимъ, такъ то доказывалась необходимость для спасенія уже не трехъ, только двухъ таинствъ—крещенія и исповѣди, совершаемыхъ лицами, не имѣющими священнаго сана.

Такими образомъ составители «Поморскихъ отвѣтовъ» всѣ свои по-ложенія обосновывали на нуждѣ и на частныхъ исключительныхъ слу-чаяхъ мѣстныхъ церквей. Но такъ какъ понятіе мѣстной случайности не можетъ служить твердымъ доказательствомъ всеобщаго безъ священно-словнаго состоянія, подставлено было ученіе о конечномъ истребленіи антихристовъ священства и Христовой жертвы; и такимъ образомъ безъ священнословнаго состоянія возведено было въ догматъ. Но такъ какъ этотъ догматъ находить себѣ слишкомъ очевидныя противорѣчія въ божественныхъ безусловныхъ обѣтованіяхъ о неодолимости церкви, вѣч-номъ существованіи въ ней священныхъ чиновъ и вѣчномъ же прино-шеніи безкровной Христовой жертвы, то учителя безпоповства стали го-ворить, что священство и жертва имѣютъ значеніе не таинственное толь-ко, но и духовное, нравственное, по которому каждый христіанинъ есть уже священникъ Юга вышнато, и что это священство согласно божест-веннымъ обѣтованіямъ и пребудетъ вѣчно.

Въ такомъ видѣ явилось съ одной стороны разрѣшеніе вопроса объ іерархія: церковь можетъ, и даже должна въ послѣднее, антихристово время существовать безъ священныхъ лицъ и безъ тѣхъ таинствъ, кото-рыя могутъ быть совершаемы безъ всякихъ исключеній только лицомъ свя-щеннымъ; совершеніе же двухъ таинствъ—крещенія и исповѣди—можетъ

быть по нуждѣ усвоено и миряину, а равно и совершеніе разныхъ церковныхъ чинопослѣдованій. По смыслу такого ученія держащихся онаго называютъ беспоповцами, а по способу принятія въ свое общество не иначе какъ посредствомъ перекрещиванія ихъ называютъ перекрещенцами.

Ученіе объ антихристѣ у беспоповцевъ получило свое особенное опредѣленіе и развитіе, несогласное съ церковнымъ ученіемъ. По ихъ ученію антихристъ послѣдней не есть опредѣленное лицо, а духъ и направленіе, господствующее въ православной церкви и обществѣ; антихристъ не чувственный, а мысленный. Отсюда всѣ свидѣтельства книжныя, въ коихъ говорится о его рожденіи и царствованіи, беспоповцы стараются толковать аллегорически. Рожденіе его нельзя представлять въ чувственномъ видѣ, это—духовное рожденіе отъ діавола, грѣха, отъ духовнаго Вавилона, т. е. грѣховнаго міра; равнымъ образомъ, и царство его есть царство духовное, и жида—народъ имѣющій возлюбить его, суть не кто другой, какъ нечестивые люди. Кратковременное продолженіе его царствованія, опредѣляемое $3\frac{1}{2}$ годами, возведено въ періодъ времени неопредѣленный и продолжительный. Самые признаки его царствованія получаютъ своеобразный смыслъ: чудеса, какія онъ долженъ совершить, суть чудеса духовныя, заключающіяся въ омраченіи людей лжеученіемъ: «будетъ тогда не гладъ хлѣба, но гладъ слышанія слова Божія»; ученіе антихриста—вслѣдствіе особенной хитрости его, заключается въ незначительномъ, повидимому, искаженіи писанія; церковь будетъ имѣть и Св. Писаніе, и таинства, и богослуженіе, но все это превращенно. Отсюда, и печать антихриста заключается не въ одномъ какомъ-либо опредѣленномъ предметѣ, а во многихъ: въ имени Іисусъ, въ троеперстномъ сложеніи, въ таинствахъ крещенія и миропомазанія. Илія и Енохъ суть они—«ревнители благочестія», или просто законы, обличающіе антихриста. Все это ученіе совершенно произвольно, но оно твердо держится всѣми беспоповцами. Въ то время, какъ одна часть раскольниковъ-старообрядцевъ стала беспоповцами, другая часть вопросъ объ іерархіи рѣшила иначе, и опять не безъ вліянія предшествовавшихъ этому рѣшенію внѣшнихъ обстоятельствъ.

Рѣшеніе это принадлежитъ прежде всего и болѣе всего тѣмъ раскольникамъ, которые поселились въ Стародубѣ, а потомъ удалились на Вѣтку. Во главѣ означенныхъ раскольническихъ общинъ стояли попы: прежде всего—бѣжавшій изъ Москвы попъ Козьма, за нимъ Стефанъ, оба стараго рукоположенія, за ними черныи попъ крещенія стараго, но о рукоположеніи его было сомнѣніе, и наконецъ черныи же попъ Θεодосій, рукоположенный моск. патриархомъ Іоасафомъ I, предшественникомъ Іосифа. Означенные попы исправляли всѣ духовныя нужды старообрядцевъ: сначала, впрочемъ, по неимѣнію церкви не совершали литургій, но еще при попѣ Іоасафѣ была заложена церковь, освященная Θεодосіемъ.

Образовавшіяся въ такомъ видѣ общины не представляли еще какого-либо отдѣльнаго согласія въ расколѣ; онѣ дѣйствовали въ духѣ первыхъ его вождей: приходящихъ отъ православной церкви перекрещивали, ново-рукоположенныхъ священниковъ отнюдь не принимали, такъ что сомнительное посвященіе Іоасафа навлекло на него много непріятностей и прозвище Асапа; отъ этого то и беспоповщинскій писатель XVIII в. Иванъ

... (The text is extremely faint and largely illegible due to low contrast and scan quality. It appears to be a dense block of text, likely a chapter or section heading, but the specific words are not discernible.)

... (Continuation of the faint text from the previous block, also illegible due to the same quality issues.)

главою; значить, у поповцевъ собственной главы нѣтъ, а есть только глава чужая (епископы еретическіе). Это похоже на то, какъ если бы кто къ обезглавленному тѣлу сталъ приставлять чужую голову. «Какъ можетъ чуждая глава иному труду жизнь подати?»

Создавъ доктрину о возможности заимствоваться бѣглыми отъ православной церкви священниками, послѣдователи бѣглопоповщинской секты, въ силу послѣдовательности, должны были измѣнить нѣкоторые пункты ученія, въ сравненіи не только съ поповцами, но и первыми вождями раскола. По кореннымъ церковнымъ законамъ тѣ еретики, отъ коихъ не принято крещеніе, не могутъ быть принимаемы и съ прежнею хиротонією, и на оборотъ: если принимать извѣстныхъ еретиковъ въ прежнихъ церковныхъ чинахъ, то нивакъ уже нельзя повторять надъ ними крещеніе. Въ силу этого бѣглопоповцы должны были оставить еще первыми расколоучителями положенное правило о перекрещиваніи переходящихъ изъ православной церкви, которое во всей силѣ удержали безпоповцы. Дѣйствительно, хотя на первыхъ порахъ и было нѣсколько случаевъ перекрещиванія приходящихъ поповъ, изъ которыхъ одного погрузили съ загнутыми вверхъ рукавами, чтобъ благодать священства не улетѣла, а другихъ только обводили вокругъ кувсина; но вскорѣ этотъ способъ принятія былъ совершенно оставленъ и замѣненъ другими. За тѣмъ, такъ какъ принятіе священныхъ лицъ, получившихъ хиротонію въ церкви антихристовой, было бы совершенно неплюстію, то поповцы должны были измѣнить и самый взглядъ на православную церковь, какъ на царство антихриста; въ этомъ они опять разошлись не только съ безпоповцами, но и съ первыми учителями раскола.

Такимъ образомъ, поповцы, разрѣшивъ показаннымъ образомъ вопросъ объ іерархіи, сдѣлали шагъ назадъ въ сравненіи съ первыми расколоучителями и заняли среднее положеніе между безпоповщиною и православной церковію. Ясно, что и это положеніе не соответствуетъ устройству древней благочестивой церкви, и послѣдователи онаго не могутъ въ строгомъ смыслѣ именоваться старовѣрами.

Будучи несостоятельною сама по себѣ, система безпоповщинскаго ученія не могла быть вполне удовлетворительною и законченною и въ глазахъ послѣдователей оной. Напротивъ, она породила новые неизбежные вопросы, и тѣмъ давала поводъ къ раздѣленію самой безпоповщины на частныя секты. Кромѣ того, общій, присущій расколу обрядовѣрный характеръ велъ къ тому же раздѣленію по обрядовымъ вопросамъ.

Въ 1696 году за сѣверозападной польской границей образовались два общезитія—мужское и женское. Во главѣ этихъ общезитій стоялъ нѣкто Θεодосій Васильевъ, бывшій дьячекъ изъ Новгородской губерніи. Появленіе общины, конечно, не есть само по себѣ образованіе новой секты; но дѣло въ томъ, что между общиною Θεодосія и метрополією безпоповщины—Выгомъ на первыхъ же порахъ обнаружались нѣкоторыя разности.

Хотя община Θεодосія была устроена также на монастырскихъ началахъ, но, несмотря на это, Θεодосій училъ о возможности допущенія и жизни семейной для такъ называемыхъ староженовъ, т. е. для тѣхъ, которые были вѣнчаны въ православной церкви до перехода въ расколъ; на Выгѣ, напротивъ, требовали положительнаго развода. По поводу этого вопроса возникла оживленная переписка между Андреемъ Денисовымъ и Θεодосіемъ Васильевымъ,—переписка, на этотъ разъ не приведшая,

впрочемъ, къ рѣшительному разрыву. Другимъ отличіемъ служило то, что Θεодосій при перекрещиваніи позволялъ себѣ одѣвать поручи. Выговцы заирали его въ этомъ, и онъ скоро отказался отъ этого обычая.

Разрывъ между Θεодосіемъ и выговцами произошелъ изъ-за вопроса о томъ, какъ должно писать титулу на крестѣ Спасителя. Въ общинѣ Θεодосія употребляли буквальную титулу: *I. H. C. I.*; на Выгѣ, напротивъ, писали: *I. Xp. Царь Славы*. Какъ скоро разность эта стала извѣстна, ревнители «древняго благочестія» наговорили другъ другу колкостей: «Намъ нашъ Исъ Назарянинъ не надобенъ», — говорили поморцы; «это — насмѣшка Пилата, это — выдумки папистовъ и тонкій духъ арианства, именующій Христа простымъ человѣкомъ». Съ своей стороны и еодосѣвцы обзывали поморцевъ крестоборцами и іудеями. Дѣло кончилось тѣмъ, что Θεодосій послѣ одного изъ своихъ посѣщеній Выговской пустыни отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ, сказавъ: «не буди намъ сообщенія ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ». Такъ совершилось раздробленіе безпоповщины на двѣ секты: поморскую или Даниловскую — по мѣстожительству и лицу основателя Выговской пустыни, и Еодосѣвскую — тоже по лицу основателя. Впрочемъ, эти споры, имѣя значеніе историческое, потеряли уже смыслъ современный, такъ какъ въ концѣ XVIII столѣтія (1791 г.) они были улажены: поморцы остались побѣдителями и еодосѣвцы приняли надписаніе *I. Xp. Ц. Сл.* Только новгородскіе еодосѣвцы остались вѣрны завѣщанію своего первоучителя и выдѣлились въ особую секту, извѣстную подъ именемъ титуловщины.

Но въ то время, когда между поморцами и еодосѣвцами окончились почти-столѣтніе споры о титулѣ, разгорѣлся уже другой вопросъ, гораздо болѣе важный, чѣмъ вопросъ о титулѣ, какъ въ догматическомъ отношеніи, такъ и въ практическомъ, житейскомъ, — вопросъ о бракѣ. Этотъ вопросъ окончательно и непримиримо раздѣлилъ обѣ секты и послужилъ для нихъ первымъ и самымъ существеннымъ отличіемъ другъ отъ друга. Вслѣдствіе недостатка въ священникахъ вопросъ о бракѣ возникалъ еще при первыхъ расколоучителяхъ. «Аще кто не имать іереевъ, писалъ Аввакумъ, — да живетъ просто». Затѣмъ, въ системѣ безпоповщинскаго ученія бракъ отнесенъ къ таинствамъ втораго рода, «во спасеніе» не потребно нужнымъ, безъ которыхъ, по нуждѣ, можно обходиться. Такимъ образомъ, у безпоповцевъ утвердилось всеобщее безбрачіе, по немѣнно законныхъ совершителей брака. Основатель секты еодосѣвской принималъ лишь старопоженившихся безъ развода, чѣмъ расходился съ поморцами. Но по смерти Θεодосія наставники еодосѣвства не только примирились съ ними, но и превзошли ихъ своею строгостію по отношенію къ брачнымъ. Политичные вожди поморской секты допускали еще частныя исключенія изъ общаго правила, и иногда принимали въ свою секту лицъ, повѣнчавшихся въ православной церкви и послѣ уклоненія въ расколъ; — случаи, возможные для тогдашняго времени. Еодосѣвцы не допускали подобныхъ исключеній, и требованіе безбрачія проводили со всею строгостію. Между тѣмъ послѣдствія всеобщаго обязательства дѣвства скоро принесли горькіе плоды. Современные старообрядческіе писатели жаловались на рѣзкія уклоненія отъ нравственной чистоты своихъ единовѣрцевъ: «цѣломудріе, замѣчали они, увядаетъ, а скверное житіе цвѣтаетъ». Въ самой Выговской пустынѣ, по замѣчанію историка оной, умножились беззаконія, о коихъ и писать срамно. У еодосѣвцевъ было еще

хуже. По свидѣтельству одного еодосѣвца, все согласіе было исполнено блуда и сквернодѣянія. Начальники Выговской пустыни принимали разныя предупредительныя и карательныя мѣры противъ нецѣломудрія; но мѣры эти были безуспѣшны. Такимъ образомъ, вопросъ о введеніи въ безпоповщинѣ брачной жизни сталъ вопросомъ необходимости. Въ видахъ его разрѣшенія поморецъ Вышатинъ путешествовалъ на востокъ отыскивать православное священство, гдѣ и умеръ, не достигнувъ цѣли. Нѣсколько лѣтъ спустя, молодой и энергичный еодосѣвецъ, стародубскій крестьянинъ Иванъ Алексѣевъ, выступилъ съ рѣзкими обличеніями мнимаго дѣвства и сталъ учить не только о необходимости, но и возможности брачной жизни въ безпоповщинѣ.

По ученію Ивана Алексѣева, безпоповцы, по нуждѣ, могутъ обращаться за совершеніемъ брака въ церковь «великороссійскую», на томъ основаніи, что еретическое, даже нехристіанское заключеніе браковъ церковію было признаваемо, т. е. на томъ же самомъ основаніи, по которому и Θεодосій принималъ староженовъ безъ развода. Свое ученіе Иванъ Алексѣевъ проводилъ сперва устно, а потомъ изложилъ въ обширномъ сочиненіи «О тайнѣ брака». Такимъ образомъ, онъ открылъ входъ въ среду безпоповцевъ не только староженамъ, но и такъ-называемымъ новоженамъ, т. е. открылъ возможность вступать въ бракъ по переходѣ въ безпоповщинскій расколъ. Хотя основанія Ивана Алексѣева представляли очень много слабыхъ сторонъ, хотя ясно было, что онъ вводитъ «новшество», несогласное съ началами безпоповщины и съ ея отношеніями къ православной церкви; но нравственная цѣль, которую онъ преслѣдовалъ, доставила ему очень много сочувствующихъ — особенно въ средѣ молодежи. Въ 1757 г. около Алексѣева сгруппировалось уже цѣлое общество, извѣстное подъ именемъ «новоженовъ», которые стали прилагать къ дѣлу его ученіе. Въ составъ этого общества входили и еодосѣвцы и поморцы.

ЛХУІ. ЗНАЧЕНІЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ БРАТЬЕВЪ ДЕНИСОВЫХЪ ВЪ ИСТОРИИ РАСКОЛА.

(Изъ соч. Барсова «Братья Андрей и Семень Денисовы»).

Братья Денисовы, выступивъ на сцену въ такую пору, когда расколъ переживалъ свою критическую эпоху, когда, съ одной стороны, предъ нимъ открывался соблазнъ жизни самобытной—въ смыслѣ и духовномъ и матеріальномъ, а съ другой стороны,—при недостаткѣ въ жизни раскола всякаго религіознаго и церковнаго благолѣпія, начало было пробуждаться безсознательное чувство неудовлетворенности и внутренняго противорѣчія,—они явились какъ бы для того, чтобы своими талантами, своею чудовищною энергіей помочь бѣдѣ, поправить дѣло раскола. Пресв. Макарій совершенно справедливо замѣчаетъ, что «никого столько не сдѣлалъ для раскола, какъ два брата Андрей и Семень Денисовы, князья Мышетскіе». Что жъ это были за люди, и что сдѣлали они для раскола? Представимъ въ общихъ чертахъ характеръ и значеніе этихъ

людей, насколько можемъ это сдѣлать послѣ внимательнаго изученія ихъ сочиненій и жизни.

1) Расколоучители перваго періода, до-петровскаго, выступая съ своимъ протестомъ, не имѣли никакихъ заднихъ мыслей и стороннихъ побужденій, кромѣ развѣ мелочнаго самолюбія и личнаго раздраженія противъ патр. Никона; большею же частію ими руководило непосредственное убѣжденіе въ правотѣ раскольническаго ученія; они зывали къ народу, потому что искренно, большею частію, вѣрили, что съ глубокимъ аллилуія, съ хожденіемъ посолонь и тому подобными «догматами» соединено неразрывно вѣчное спасеніе. У нихъ одна забота—утверждать и распространять свое ученіе, успѣхъ котораго былъ для нихъ дѣломъ личной чести; что потомъ дѣлалось съ людьми, которые, внимая ихъ проповѣди, раздѣляли съ ними ненависть къ Нивону и никонианству, то выходило изъ круга ихъ непосредственныхъ намѣреній; самъ Аввакумъ, проповѣдь котораго обнимала сравнительно болѣе широкій кругъ предметовъ, договорился лишь до частныхъ отношеній раскольниковъ къ православнымъ въ обществѣ. Въ Андрей Денисовъ, въ первомъ изъ вождей раскола, мы замѣчаемъ заднія мысли болѣе крупнаго размѣра,—мысли, которыя выходятъ изъ круга узкихъ мелочныхъ интересовъ личныхъ. Тоже нужно сказать и о братѣ его Семенѣ, котораго вообще все значеніе состоитъ въ томъ, что онъ, обладая не меньшими талантами, какъ и Андрей, хорошо понялъ и усвоилъ себѣ его планы и цѣли и, подражая ему во всемъ, имѣлъ такой же успѣхъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Оба брата воспитались и провели большую часть своей жизни въ Выговскихъ лѣсахъ и не имѣли никакихъ лично-непріязненныхъ отношеній къ кому-либо изъ правительственныхъ лицъ, подъ вліяніемъ которыхъ они могли бы раздражаться и ожесточаться такъ, какъ раздражался въ свое время Аввакумъ. Андрей Денисовъ обладалъ глубокимъ пониманіемъ раскола и современныхъ ему потребностей раскольнической общины: этимъ объясняется та необыкновенная энергія, какую обнаружилъ Андрей и какая имѣла своимъ слѣдствіемъ то двѣтущее состояніе, въ какомъ оставилъ онъ расколъ послѣ себя.

2) Какія же эти заднія мысли? Что значить это необычайное служеніе расколу всѣми силами своего существа со стороны человѣка даровитаго, умнаго, даже ученаго? Ничего нѣтъ труднѣе, какъ произносить судъ о внутреннихъ побужденіяхъ, движущихъ дѣйствіями человѣка. Здѣсь, конечно, прежде всего имѣла значеніе естественная потребность дѣятельности, какую свойственно испытывать всякому человѣку, сколько нибудь возвышающемуся надъ обыкновеннымъ уровнемъ. Поставленный рожденіемъ и ходомъ вещей въ извѣстной средѣ, онъ не въ силахъ былъ отрѣшиться отъ ея интересовъ и свою энергію посвятилъ именно этимъ интересамъ. Андрей былъ человѣкъ по своему ученый, умный, съ извѣстнымъ практическимъ тактомъ; но онъ не былъ тѣмъ, что называется — человѣкъ образованный, просвѣщенный: онъ, поэтому, не могъ понять узкости и мелочности многоаго въ расколѣ. Какъ же понималъ Андрей интересы раскола? Во всѣхъ его дѣйствіяхъ видна одна главная забота, одно стремленіе: обособить, всѣми правдами и неправдами, раскольническую общину, видѣлить ее изъ среды православнаго міра, обезопасить, укрыть ее отъ всякихъ сношеній и связей, которыя могли бы повести къ сближенію, а затѣмъ, можетъ быть, и къ примиренію съ ни-

коніанами, «оградить церковь отъ враговъ ея» — какъ весьма удачно выражается П. Любопытный. Но для чего нужно было ему обособить раскольническую общину? Для того, чтобы самому властвовать надъ нею? Въ біографіяхъ Андрея и въ исторіи Выговской пустыни, дѣйствительно, проглядываетъ этотъ мотивъ довольно замѣтно. И конечно, распоряжаться по произволу тысячами, а можетъ-быть и милліонами простодушныхъ энтузіастовъ, владѣть безотвѣтно ихъ душами и тѣлами — имѣло бы свою прелесть и для человѣка болѣе нравственнаго и развитаго, нежели какимъ былъ Андрей Денисовъ. Но едва-ли можно думать, что это былъ единственный мотивъ, двигавшій Андреемъ. Во-первыхъ, Андрей распоряжался раскольническою общиною, какъ мы увидимъ, не безотвѣтно и не деспотически, затѣмъ — дѣло управленія «выговскимъ пустынножительствомъ» сопряжено было для него со многими трудами и скорбями; для того, чтобы переносить ихъ, нужно было имѣть много любви къ своему дѣлу. Необычайная энергія, какою отличался Андрей, свойственна только людямъ болѣе или менѣе убѣжденнымъ. Этой энергіи вполне отвѣчаетъ и тотъ энтузіазмъ, какой пробудилъ къ себѣ Андрей въ раскольнической массѣ, во всемъ раскольничьемъ мірѣ. Кажется, что Андреемъ не руководила наивная вѣра въ обыкновенные раскольнические догматы, обыкновенный фанатизмъ раскольнической толпы. Конечно, по образу понятій о вещахъ, каковой высказываетъ Андрей въ своихъ сочиненіяхъ, онъ былъ настоящій раскольникъ, т. е. онъ стоялъ, повидимому, на той степени религіознаго пониманія, какая доселѣ составляетъ отличіе раскола, — это крайній консерватизмъ въ вопросахъ церковныхъ, въ быту общественномъ и гражданскомъ; онъ придавалъ такое же догматическое значеніе обрядовой сторонѣ вѣры, какъ и вся прочая его братія, слѣпо признавалъ безусловную истинность всего, что существовало въ церкви до Николая, также былъ глухъ и нѣмъ ко всему, что говорилось церковію. Но эти понятія о вещахъ не возвышались въ немъ до степени живаго убѣжденія, задушевной думы. Андрей Денисовъ не обладалъ теплымъ религіознымъ чувствомъ, при которомъ человѣкъ бываетъ особенно чутокъ къ истинѣ религіозной, по временамъ предается весь религіозной думѣ, которая бываетъ для него источникомъ чувствъ и самыхъ высокихъ, сладостныхъ и мучительныхъ страданій душевныхъ, какъ это было, на примѣръ, съ Лютеромъ. Нѣтъ, Андрей относился къ истинѣ религіозной холоднымъ умомъ, такъ сказать, схоластически. Онъ усердно занимался богословствованіемъ, но не потому, чтобы въ этомъ настояла внутренняя потребность для него лично, а изъ побужденій чисто-внѣшнихъ; эти ученые труды нужны были ему для того, чтобы обезопасить свою общину отъ внѣшняго внѣшательства, отдѣлаться отъ запросовъ власти церковной и гражданской. Если бы расколъ остался безотвѣтенъ предъ этими запросами, онъ потерялъ бы всякій законный поводъ къ своему отщепенству: расколъ долженъ былъ бы тогда или соединиться съ церковію, какъ это сдѣлали поповцы послѣ неудачныхъ преній съ Питиримомъ, или же подвергнуться преслѣдованію гражданскаго правительства, которое въ этомъ случаѣ получало благовидное основаніе видѣть въ раскольникахъ не столько церковныхъ отщепенцевъ, людей, отдѣлившихся отъ церкви по различію сознательнаго религіознаго вѣрованія, сколько враговъ порядка общественнаго, противниковъ власти гражданской, тогда открывался бы просторъ разнымъ принудительнымъ

мѣрамъ въ отношеніи къ расколу, со стороны правительства, въ родѣ тѣхъ, какими дѣйствовали противъ раскола предшественники Петра. Таково было происхожденіе знаменитыхъ «Поморскихъ отвѣтовъ». «Сіе отвѣтное разглагольствіе писахомъ съ древлецерковными доводи, съ святоотеческими свидѣтельствами,—говоритъ Андрей Неофиту въ предисловіи,—дабы ваше учительство, усмотрѣвъ насъ во святоотеческихъ уставѣхъ крѣпцѣ и несумнительнѣ пребывающихъ, оставили насъ неволнуемы и необидимы, но отеческими утробами милостиво ущедряемы». Въ этомъ случаѣ Андрей весьма охотно дѣлалъ употребленіе изъ своихъ схоластическихъ способностей, радъ былъ дать работу мысли цѣпкой и изворотливой. Очень можетъ быть даже, что Андрей вовсе не вѣрилъ во многія изъ тѣхъ мелочей, которыя доказывалъ и изъ-за которыхъ препирался. Такимъ образомъ, мы не думаемъ, чтобы главнымъ источникомъ энергіи Андрея была какая-либо простодушная вѣра въ раскольническіе догматы... Умъ Андрея былъ болѣе практическаго свойства: онъ охотно занимался богословскими преніями, но еще охотнѣе, еще съ болѣею энергіею онъ трудился, когда нужно было рѣшить какую-нибудь трудную практическую задачу, какъ на примѣръ, выдти изъ затруднительнаго положенія. Андрей не столько былъ занятъ ученіемъ раскола, сколько его внѣшнею судьбой. Ученіе раскола было для него преданіемъ, готовымъ даннымъ; что же касается внѣшней судьбы раскола, то здѣсь каждую минуту расколъ, такъ сказать, вопіялъ къ нему о помощи; постоянно и чутко ему нужно было прислушиваться, откуда дуетъ вѣтеръ, не грозитъ ли отсюда опасность и предостраждать ее; въ этомъ случаѣ Андрей былъ для раскола человѣкъ незамѣнимый. Бѣдственная судьба исповѣдниковъ «древняго благочестія» поражала его въ дѣтствѣ; надъ нею задумывался Андрей въ болѣе зрѣлыя лѣта, она же и до конца жизни постоянно давала работу его головѣ и его сердцу. Въ заботахъ объ улучшеніи внѣшней судьбы раскола Андрей поставлялъ свое призваніе, въ нихъ находилъ онъ наслажденіе независимо отъ помысловъ властолюбія и предавался этимъ заботамъ съ увлеченіемъ, со страстію. «Яко смовку обрѣтохомъ въ пустыни Израїля, или яко зерно едино или второе зрѣло въ безгоднѣхъ гроздѣ,—говоритъ Андрей о первомъ времени своего пребыванія въ пустынѣ Выговской:—бѣ бо тогда стадо Христово въ сѣхъ поморскихъ пустыняхъ аки въ нощи бурнѣй и темнѣй, въ гонительныхъ волненіяхъ и отъ безчисленныхъ людей въ обуреваніихъ, по пустынямъ, страдалъчески, безъ чина и насты». При видѣ этого разсѣяннаго стада, въ немъ естественно было явиться желанію — собрать его и заняться его судьбой. Итакъ, вотъ, что возбуждаетъ фанатизмъ и энергію Андрея главнымъ образомъ: внѣшняя бѣдственная судьба раскола. Раскольнику, а особенно раскольнику тѣхъ временъ, слишкомъ трудно было бы, если бы даже онъ и захотѣлъ отрѣшиться отъ пристрастій и предубѣжденій противъ церкви православной. Затѣмъ Андрей шелъ обыкновеннымъ путемъ всѣхъ отрицателей: случайныя явленія въ русской церкви принялъ за общій законъ ея жизни, частное обнаруженіе, внѣшнюю форму—за существенное и пришелъ такимъ образомъ къ убѣжденію, что благо его общины—въ разрывѣ съ церковію и государствомъ, въ уединеніи и самобытномъ существованіи, каково бы ни было это существованіе.

Съ этой точки зрѣнія яснымъ представляется для насъ поведеніе и

характеръ дѣйствій Андрея. Онъ видѣлъ, что единственное средство обособить его общину отъ православныхъ — раскольникство, что какъ въ глазахъ народа только религіозный фанатизмъ можетъ быть достаточно сильнымъ побужденіемъ выдѣлиться изъ общаго гражданскаго порядка, бросить села и деревни и бѣжать въ пустыню, обособиться отъ міра, въ которомъ царитъ антихристъ, такъ и въ глазахъ правительства гражданскаго и церковнаго, религіозное разногласіе можетъ служить достаточно благовиднымъ оправданіемъ отдѣленія со стороны раскола отъ церкви и общества: и вотъ онъ защищаетъ раскольникство всѣми силами, стараясь доказать, что не въ своихъ, но «древлепреданныхъ уставѣхъ» пребываемъ... Но новины, какія затѣхомъ, не догматы своемысленныя нововнесокомъ, не за своевольная преданія утверждаемъ: но готовая, древлеправославная церковь преданія содержимъ, по готовымъ священнымъ книгамъ Богу службу приносимъ... Приобщенія нынѣшніи россійскія церкви опасаемся, не церковныхъ собраній гнушающесе, не священныя саны отиѣтающе, не тайнодѣйствъ церковныхъ ненавидаще, — но подѣ древлецерковныя запрещенія да не подпадемъ, съ новоположенными клятвами и порицаніями на древлецерковныя содержанія согласитися ужасаемъ... Сего ради нѣсмь расколоторцы». Въ этомъ состоитъ первое и главное значеніе «Поморскихъ отвѣтовъ»; какъ ни велико это сочиненіе по объему, но въ немъ далеко не все сказано изъ дѣйствительныхъ вѣрованій Андрея и его паствы; многое скрадывается, ради бѣльшей благовидности. Андрей идеализируетъ расколъ, изображаетъ его въ такомъ видѣ, въ какомъ желалъ бы видѣть его самъ, или, лучше сказать, въ какомъ видѣ расколъ долженъ былъ представлятиса, по намѣренію Андрея, въ глазахъ правительства. Подобнымъ образомъ и проповѣди Андрея, имѣютъ цѣлю не столько разсѣять умственное невѣжество его паствы и дать имъ сколько-нибудь ясное пониманіе тѣхъ вѣрованій, за которыя боролся расколъ; Андрей главнымъ образомъ борется противъ нравственныхъ настроеній паствы, которыя могли бы навлечь на Выговскую общину преслѣдованіе правительства, которое терпѣло ея существованіе въ томъ единственно убѣжденіи, что въ Выговскомъ общезительствѣ все обстоитъ благополучно. Далѣе: когда эти простые люди, спасаясь отъ преслѣдованій полиціи, очутились въ пустынѣ, — они вообразили себя пустынниками, аскетами. Но привыкли вести жизнь семейную, они, конечно, оказались вовсе неспособными къ жизни аскетической. Андрей не могъ не видѣть этого; но, преслѣдуя свою цѣль — обособить свою общину отъ міра никоніанскаго, онъ не счелъ нужнымъ разочаровывать ихъ, выводить ихъ изъ заблужденія, чтобы, съ одной стороны — не отнять отъ нихъ того, что заставляло ихъ любить свое уединенное положеніе, а съ другой — чтобы сдѣлать ихъ жизнь, хотя по внѣшности, благовидною; онъ предоставилъ имъ пустосвятствовать, сколько имъ угодно; устроилъ даже жизнь ихъ на подобіе монастырской. Такой утилитарный взглядъ на дѣло, конечно, достоинъ осужденія: этимъ Андрей закрѣплялъ за расколомъ то фарисейство, то безнравственное раздвоеніе внутренняго и внѣшняго, какое доселѣ характеризуетъ расколъ. Но нужно сказать, что какъ ни широкъ былъ взглядъ Андрея въ этомъ случаѣ, многого труда стоило ему соблюдать и ту внѣшнюю благовидность, какую онъ считалъ необходимою. Потворствуя иногда разврату въ своей общинѣ, онъ уступалъ необходимости,

уступать не безъ борьбы, какъ это видно изъ его проповѣдей, которыя всѣ почти посвящены увѣщаніямъ и обличеніямъ, хотя довольно вербшительнымъ и осторожнымъ, потому что его власть въ общинѣ не была настолько сильна, чтобъ онъ могъ ригористически вести себя въ отношеніи къ своей паствѣ; онъ видѣлъ невозможность передѣлать всю общину по извѣстной теоретической мѣрѣ, искоренить вдругъ то, что было въ натурѣ раскольника.

3) Что же именно сдѣлалъ Андрей для раскола? Въ описанное нами время, вождю раскола предстояло выполнить двѣ задачи: собрать воедино это расточенное стадо, организовать его въ благоустроенную общину, привести въ порядокъ его внѣшній бытъ, обезпечить, по возможности, его гражданское положеніе, спокойныя и независимыя отношенія къ правительству гражданскому и церковному, дать раскольнической общинѣ свое хозяйство, свой внутренній бытъ; и во-вторыхъ — привести въ порядокъ ученіе раскола, поставить снова расколъ на его первоначальную почву, отъ которой отторглись первые расколуучители въ жару фанатизма и ожесточенія, формулировать раскольническія вѣрованія, дать имъ опредѣленный, по возможности систематическій, видъ, подыскать для нихъ quasi-научныя основанія, чтобы свое отчужденіе отъ церкви и общества православнаго расколу можно было оправдывать своими вѣрованіями, замаскировать дѣйствительные мотивы этого отчужденія; наконецъ, для раскольнической общины рѣшить накопившіеся вопросы, возникшіе изъ новаго, отчужденнаго положенія ея. Андрей сумѣлъ выполнить какъ ту, такъ и другую задачу. Организуя раскольническую общину, онъ далъ ей благовидное устройство, не стѣсняя въ то же время серьезно инстинктовъ, порывовъ своеволія и разнузданности нравственной. Удовлетворяя второй потребности, Андрей далъ имъ такое богословіе, которое стояло гораздо выше пониманія раскольнической толпы и которое надолго обезопасило и укрыло поморцевъ со стороны правительства. Петръ Великій былъ вполне удовлетворенъ «Поморскими отвѣтами».

Совершенно понятенъ тотъ необыкновенный энтузіазмъ, съ какимъ относятся къ Андрею Денисову раскольники всѣхъ временъ, для изображенія котораго бессильною оказывается незатѣйливая риторика его биографовъ и панегиристовъ. Нѣтъ похвалы, которою бы они его не превознесли. По мнѣнію современныхъ намъ раскольниковъ, заслуги Андрея для христіанства и церкви могутъ быть сравнены только съ заслугами св. князя Владиміра равноапостольнаго. Такъ, угличскій купецъ Выжиловъ показывалъ о себѣ на допросѣ, что онъ — «христіанскія вѣры, которая была принята княземъ Владиміромъ при крещеніи и согласно 106 отвѣтамъ, даннымъ іеромонаху Неофиту княземъ Мышетскимъ при Петрѣ I». Вообще братья Денисовы не только подняли упавшее дѣло раскола, но и сообщили ему ту силу, самоувѣренность и самодовольство, которыя такъ долго служили и доселѣ служатъ источникомъ его несокрушимаго упорства.

ЛХVІІІ. ОТНОШЕНІЕ ПЕТРА І КЪ РАСКОЛУ.

(Изъ статьи Елеонскаго: «О состояніи раскола при Петрѣ І». — «Христ. Чтеніе» за 1864 г., ч. ІІІ).

Внимательно всматриваясь въ отношенія Петра къ раскольникамъ, мы неизбежно встрѣчаемся съ фактами двухъ родовъ, повидимому совершенно не согласныхъ между собой. Съ одной стороны, государь въ своихъ правительственныхъ распоряженіяхъ и въ частныхъ столкновеніяхъ съ сектантами какъ-будто проводитъ начала вѣротерпимости: подъ условіемъ вѣрнаго исполненія государственныхъ повинностей, возложенныхъ на раскольниковъ, онъ позволяетъ имъ жить спокойно въ своихъ пустыняхъ и свободно отправлять богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ, позволяетъ поселяться новымъ пришельцамъ въ раскольническихъ скитахъ, приказываетъ отводить имъ земли и давать льготу для поселенія. Раскольники Выговской пустыни отправляютъ къ государю своихъ посланныхъ съ письмами и съ гостинцами, съ живыми и стрѣленными оленями... «и авляхуса и письма подаваху и императорское величество все у нихъ милостиво и весело принимаше и письма ихъ вслухъ всѣмъ читаше». Мало того, государь не внималъ даже клеветамъ, какъ говорятъ раскольники, являвшимся на нихъ отъ различныхъ лицъ, т. е. не обращалъ вниманія на доносы, дѣлаемые на выговскихъ раскольниковъ, и въ указахъ, которые мы увидимъ ниже, защищалъ даже выговскихъ раскольниковъ отъ различныхъ притѣсненій въ ихъ религіозной жизни и промышленной дѣятельности, запрещая чинить имъ обиды подъ опасеніемъ жестокаго истязанія.

Но наряду съ этими и другими благопріятными для раскольниковъ распоряженіями Петра І-го являются факты другаго рода, показывающіе совершенно противоположныя отношенія Петра къ раскольникамъ. Здѣсь онъ является самымъ строгимъ и послѣдовательнымъ преслѣдователемъ раскольниковъ, старающимся подавить и ослабить ихъ строгими гражданскими мѣрами. Здѣсь мы видимъ продолжавшіеся во все царствованіе Петра сыски раскольниковъ военными командами, аресты, пытки и даже смертныя казни расколуучителей (каковы, наприм., казнь Θεодосія и дьякона Александра). Какъ согласить явленія этого рода съ указанными нами выше?

Недоумѣніе возрастаетъ еще больше и можетъ представиться даже неразрѣшимымъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что тотъ же государь, не давшій раскольникамъ никакихъ гражданскихъ правъ и казнившій расколуучителей, защищалъ православныхъ христіанъ отъ фанатизма польскаго правительства, повелѣвалъ православнымъ архіереамъ «съ противными Церкви святой съ разумомъ, правильно и кротостію поступать по Апостолу Павлу, яко рабу Господню не подобаетъ сваритися, но тиху быти по всѣмъ учительну, незлобиву», а особенно, — если обратимъ вниманіе на то, что Петръ І-й въ отношеніи ко всѣмъ другимъ разномыслящимъ съ православною Церковію (католикамъ, протестантамъ и др.) признавалъ полнѣйшую свободу совѣсти, давая всѣмъ

вызываемымъ имъ изъ Западной Европы иностранцамъ самую полную свободу вѣроисповѣданія. Дружелюбно и милостиво принимая всѣхъ иностранцевъ въ русскую службу, онъ такъ объявляетъ въ манифестѣ 1702 г. апрѣля 16-го: «понеже здѣсь въ столицѣ нашей уже введено свободное отправленіе богослуженія всѣхъ другихъ, хотя съ нашею Церковію несогласныхъ христіанскихъ сектъ; того ради и оное симъ вновь подтверждается такимъ образомъ, что мы по дарованной намъ отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пецись о блаженствѣ души своей. Итакъ, мы крѣпко станемъ того смотрѣть, чтобы по прежнему обычаю никто какъ въ своемъ публичномъ, такъ и частномъ отправленіи богослуженія обезпоеенъ не былъ, но при ономъ содержанъ и противу всякаго помѣшательства защищенъ былъ. Буде же случится, что въ какомъ либо мѣстѣ нашего государства или при нашихъ арміяхъ и гарнизонахъ не будетъ настоящаго духовнаго чину проповѣдника или церкви, то каждому позволено будетъ не токмо въ домѣ своемъ самому и съ домашними своими службу Господу Богу совершать, но и принимать къ себѣ тѣхъ, которые пожелають у него собираться для того, чтобы отправлять богослуженіе».

Какъ согласить все это съ различными стѣсненіями и часто даже очень крутыми мѣрами противъ раскольниковъ, бывшими при Петрѣ? Какое было общее начало, которымъ руководствовался въ своихъ, повидимому, совершенно противорѣчивыхъ отношеніяхъ къ раскольникамъ этотъ государь, недопускавшій никогда непослѣдовательности въ своей дѣятельности? Съ какой точки зрѣнія смотрѣлъ онъ на расколъ и раскольниковъ? Противъ чего направлялись преслѣдованія—противъ ли церковнаго раскола собственно, или противъ чего-либо другаго?

Точка зрѣнія на расколъ прежняго, до-петровскаго правительства была исключительно-религіозная, церковная. Подвергая раскольниковъ гражданскому суду, государство временъ Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича дѣйствовало такъ не въ своихъ собственно-государственныхъ интересахъ. Ихъ тогда почти еще не касался расколъ. Государство, дѣйствуя своими гражданскими мѣрами противъ раскольниковъ, дѣйствовало единственно для блага Церкви православной. Оно смотрѣло на нихъ съ религіозной точки зрѣнія, какъ на людей заблуждавшихся, и старалось возвратитъ ихъ къ Церкви. Великая цѣль, къ которой стремился Петръ I въ теченіе всей своей жизни, была благо государства. Ему онъ посвятилъ всѣ силы своей мощной природы и его блага, его выгодамъ подчинялъ всѣ другія свои стремленія. Съ государственной пользой онъ соображалъ и исключительно къ ней направлялъ всѣ свои дѣйствія и реформы даже и въ церковномъ управленіи. Съ этой же государственной точки зрѣнія смотрѣлъ онъ и на дѣла раскольниковъ. Какъ государственный человѣкъ, Петръ прежде всего смотрѣлъ на то, могутъ ли раскольники быть полезными членами государства, и какъ скоро видѣлъ, что церковный расколъ не мѣшаетъ нѣкоторымъ изъ нихъ быть честными и дѣятельными гражданами, оставлялъ ихъ въ покоѣ. Такъ, рассказываетъ Голиковъ, государь былъ разъ на биржѣ и здѣсь, увидѣвши между русскими и иностранными купцами калужскихъ купцовъ въ раскольническомъ нарядѣ, спросилъ: «каковы купцы изъ раскольниковъ, честны ли и прилежны ли и можно ли имъ въ торгу вѣ-

ритель?» Получивши на это утвердительный отвѣтъ отъ одного изъ таможенныхъ начальниковъ, Петръ сказалъ: «если они подлинно таковы, то по мнѣ пусть вѣруютъ, чему хотятъ, и носятъ свой возырь». Съ этой точки зрѣнія станоятся намъ совершенно понятными неодинаковыя отношенія Петра I-го къ раскольникамъ.

Выговское общезитіе было самой благоустроенной раскольнической общиной. Раскольническаго фанатизма въ немъ не проявлялось. Все враждебное къ новому порядку вещей и къ государю здѣсь такъ было искусно замаскировано при ловкости Денисовыхъ и ихъ агентовъ, что подъ маскою самыхъ миролюбивыхъ и заискивающихъ отношеній къ государю слишкомъ трудно было замѣтить что-либо неприязненное. Они со всѣмъ наружнымъ радушіемъ исполняли самыя прихоти двора: отправляли особенныя партіи къ морю и на Канинъ носъ для поимки оленей и въ огромномъ количествѣ представляли ихъ ко двору при самыхъ почетельнѣйшихъ челобитьяхъ. А въ своей практической жизни выговскіе раскольники являлись людьми самыми дѣятельными: вели въ обширныхъ размѣрахъ земледѣшество, торговлю, у нихъ были свои суда, пристани, мельницы, заводы и т. п.; а такими хотѣлъ видѣть Петръ и всѣхъ своихъ подданныхъ. Мало того — они непосредственно приносили государству пользу, исправно работая на повѣнецкихъ желѣзныхъ заводахъ. Какъ ни тяжело было Выговской пустыни «быти подъ игомъ работы его императорскаго величества», по сознанию Ивана Филищова, но выговскіе раскольники умѣли скрыть свои настоящія антипатіи и съ 1705 г. безъ остановки (какъ говорится въ сенатскомъ указѣ) прискивали и подымали желѣзную руду для повѣнецкихъ заводовъ, а съ 1714 г. ломали известъ, и этою рудою и известью тѣ заводы содержалась безъ остановки. Государь зналъ о всемъ этомъ, и вотъ причина снисходительныхъ и даже благосклонныхъ отношеній его къ выговцамъ. Въ томъ же самомъ указѣ, которымъ приказывалось быть имъ «послушными въ работѣхъ повѣнецкимъ заводомъ и чинить имъ всякое вспоможеніе по возможности своей», предоставлялась имъ за это слѣдующая льгота: «и за то императорское величество даетъ имъ свободу жити въ той Выговской пустынѣ и по старопечатнымъ книгамъ службы свои отправляти». вмѣстѣ съ этимъ они освобождены были отъ всѣхъ другихъ государственныхъ повинностей, столь тяжелыхъ для всѣхъ другихъ и такъ удобно замѣненныхъ для нихъ заводскими работами, которыя они чрезвычайно легко могли исправлять, имѣя у себя множество рабочихъ рукъ. Эти два узаконенія были чрезвычайно важны для выговцевъ, которые де жге избавлялись такимъ образомъ отъ всякихъ, всегда опасныхъ для раскольниковъ, столкновеній съ различными властями. Къ нимъ никто не имѣлъ теперь права заглядывать въ скиты. Въ томъ же 1705 году, въ которомъ они были причислены къ петровскимъ заводамъ, имъ по указу Великаго Государя дано было собственное выборное начальство для того, чтобы «во всякихъ расправныхъ дѣлахъ съ докладу начальныхъ людей вѣдать имъ Тихону и Никифору (имена выборныхъ) ихъ выгорѣцкихъ и всѣхъ новоселенныхъ жителей». Въ инструкціи, данной этимъ выборнымъ, повелѣвалось принимать всѣхъ новоприходящихъ въ подначальную имъ общину, записывать ихъ поименно и отводить имъ земли для поселенія. Имъ приказывалось — далѣе — «отъ постороннихъ всякихъ людей тѣхъ всѣхъ новопоселенныхъ жителей оберегать и въ

обиду никому не давать, и буде кто безъ указу прїѣдетъ, имъ какія кто безчинія чинить станетъ и тѣхъ имать и присылать на заводы». За исправныя работы на заводахъ и усердное прискиваніе для нихъ рудъ обѣщались выгорѣвцамъ жителямъ «и отъ Вышняго воздаяніа и отъ великаго государя милости, и какіе имъ выгорѣвцамъ жителямъ еще для распространенія въ прибавку надобны земли и угодыя и оныя довольности и то по доношеніи, что можно, дано будетъ». Еще важнѣе въ этой инструкціи пунктъ 11-й, изъ котораго видно, что и это выборное начальство не должно было вмѣшиваться въ дѣла общежительныхъ раскольниковъ, и которымъ приказывалось дѣйствовать въ отношеніи къ нимъ съ «повелѣнія» начальныхъ ихъ людей (т. е. настоятелей Выговскихъ скитовъ) и запрещалось чѣмъ-либо оскорблять общежительныхъ раскольниковъ: «и которые живутъ въ общежительствѣ и о тѣхъ имѣтъ имъ старостѣ и выборному отъ начальныхъ надъ ними всякую вѣдомость. И на работы буде отъ нихъ почему доведется быть и то имѣтъ съ ихъ же повелѣнія, а самимъ отнюдь дерзновенія никакого надъ общежительными не чинить».

Но какъ ни спокойны были выговцы въ своихъ скитахъ, какъ ни защищены были, по сознанію ихъ самихъ, «отъ разоренія и обидъ въ вѣрѣ и моленіи ихъ по старопечатнымъ книгамъ», какъ «ни умиловивлены они были ради царскія милости и заводскихъ работъ отъ градоначальствующихъ», все-таки случалось и имъ испытывать нѣкоторыя стѣсненія. Защищенные въ стѣнахъ своихъ скитовъ, они не были безопасны внѣ ихъ. Такъ, въ 1709 г., какъ писали выговцы, «града ради посланныхъ отъ нихъ покупать въ каргопольскомъ уѣздѣ заащикъ архіерейскій архимандритъ Іосифъ съ подъячимъ и попами и приставами бивше безъ милости деньги и запасы сиротскіе поотняли», а въ 1713 г. отправленъ былъ выговцами въ Новгородъ Семень Денисовъ для совершения купчей крѣпости на Чаженскую землю и для полученія позволенія переѣхать имъ на эту землю и устроить на ней монастырь; но въ Новгородѣ онъ былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму. Спустя годъ послѣ этого (въ 1715 г.) на выговцевъ сказано было однимъ бѣглецомъ страшное: слово и дѣло. Изъ Преображенскаго приказа прислано было приказаніе начальнику заводовъ представить къ розыску Даниила Викулова и нѣкоторыхъ другихъ, которымъ составленъ былъ реестръ. Въ такихъ случаяхъ выговцы прямо обращались къ государю съ жалобами на притѣсненія особенно отъ духовныхъ властей, и при помощи различныхъ покровительствовавшихъ имъ лицъ, которыхъ они умѣли находить между самими довѣренными лицами государя, достигали полнаго успѣха.

Итакъ, благосклонно относился Петръ не только къ однимъ выговцамъ, но и къ нѣкоторымъ другимъ раскольникамъ. Такъ, стародубскіе раскольники оказали ему довольно значительную услугу въ самое критическое для него время сѣверной войны. При помощи Мазепы, шведы все глубже и глубже врѣзались въ Малороссію и приблизились уже къ предѣламъ стародубскимъ. Въ это то время «слобожане сіи — какъ говоритъ Іоанновъ, — собравшись, первый опытъ вѣрности отечеству показали». Безоружные мужики въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непріятеля атаковали, нѣсколько сотенъ побили и, живыхъ захватав, въ Стародубъ къ самому государю, тогда бывшему тамо, плѣнниками привели». Понятно,

какъ приятно это было Петру, и онъ тогда же приказалъ полковнику Бергольскому переписать всѣхъ раскольниковъ и утвердилъ ихъ за собою «съ тѣмъ, чтобы впредь оними никто не могъ владѣть». «Сія первая перепись тѣмъ щастіемъ слобожанъ наградила, что они промыслами своими, торгами и художествами и нынѣ въ купеческомъ состояніи безпренятственно пользуются. Тогда бѣглецы, каковаго званія ни были, всемилостивѣйше прощены, а земли, на которыхъ они безъ позволенія у пановъ поселились, въ штрафъ тѣхъ вѣчно и потомственно во владѣніе слобожанамъ отведены и утверждены». Такъ благосклонно относился Петръ къ раскольникамъ, какъ скоро они оказывались безвредными и даже полезными его подданными.

Но мы уже видѣли, что раскольники не всѣ были таковы. Между ними много было фанатиковъ, открыто возстававшихъ противъ новыхъ гражданскихъ порядковъ, обнаруживавшихъ самую непримиримую ненависть къ государю, называвшихъ его антихристомъ и даже покушавшихся на его жизнь. Ихъ являлось тогда очень много; ими постоянно были наполнены тюрьмы Преображенскаго Приказа, и всѣ эти лица, — были ли они собственно церковными раскольниками или нѣтъ, — причислялись, при тогдашней слутанности понятій, къ раскольникамъ. Естественно, что подъ вліяніемъ неоднократнаго заявленія ими въ Преображенскомъ Приказѣ на вискъ, подъ ударами кнутовъ, сильныхъ антипатій къ новой имперіи и особенно ея главѣ, составлялся у Петра I-го самый невыгодный для раскольниковъ взглядъ на нихъ, какъ на людей, не только бесполезныхъ по своей приверженности къ старинѣ, но и чрезвычайно вредныхъ для государства по производимымъ ими безпорядкамъ въ жизни гражданской (побѣгамъ въ лѣса и раскольническіе скиты, уклоненію отъ податей, рекрутства и т. п.) и по ненависти къ государю. И чѣмъ болѣе съ теченіемъ времени накоплялось подобныхъ фактовъ, которые всѣ зналъ, конечно, государь, вникавшій самъ во все, тѣмъ тверже образовывалось въ немъ предубѣжденіе противъ раскольниковъ и тѣмъ естественно становились строже мѣры противъ нихъ, пока, наконецъ, раскольничьи дѣла не были причислены Сенатомъ 1 іюня 1724 года къ злодѣйственнымъ, «понеже, говорится въ этомъ указѣ, раскольническая прелесть, упрямства наполненная, правотѣрю противна и злодѣйственна есть». Такимъ образомъ, слово «раскольникъ», стало въ то время синонимическимъ съ словами: человекъ никуда не годный и положительно вредный.

Такимъ образомъ, та же чисто-гражданская точка зрѣнія на раскольниковъ, привлекая къ нѣкоторымъ изъ нихъ милостивое снисхожденіе государя, побуждала его дѣйствовать противъ другихъ строгими гражданскими мѣрами. И понятно, что всего строже и круче онѣ были противъ политико-религіозныхъ фанатиковъ, разсказовъ о трагической судьбѣ которыхъ такъ много въ двухъ томахъ «Раскольничьихъ дѣлъ XVІІІ стол.». Участь ихъ была одинакова: виска, кнутъ и послѣ этого или (въ случаѣ ложнаго доноса) выпускъ изъ бѣдностей (такъ назывались тюрьмы Преображенскаго Приказа) совсѣмъ изломаннаго человека, — или висѣлица, колесованіе, копченіе и т. п. Слишкомъ тяжелы были мученія этихъ людей, но они обрекались на нихъ вовсе не за церковный расколъ, а за оскорбленіе Величества, за различные неблагопріятные отзывы, — иногда очень странные, — о лицѣ государя и его дѣйствіяхъ. Церковный

расколъ сталъ здѣсь далеко на задвѣтъ ивнѣ; его касались въ допросахъ между прочимъ, и въ случаѣ уверста къ переноснѣ расколѣ отсылали для убѣжденія въ дурномнѣ класнкѣ. Утверже неосомнѣненне перенн увеличивало только нѣсколько тяжесть наказанія. Количество, между этими лицами и даже всего чаще были и перенные раскольники, но были также и не перенные отщепенцы, какъ видно изъ приписокъ Талицагу, Алексея Даниаича и другнхъ обвиненныхъ нѣстѣ съ ними лицъ; и участь тѣхъ и другнхъ была совершенно одинакова. Главное, что было предметомъ розысковъ Роговавскаго, Унжкова и Толстаго, за что водиливали воздудннхъ на нску, о чемъ спрашивали они похъ многочисленными ударами кнута, — это были дѣйствія и слова часто самыя мелочныя, въ которыхъ обнаруживалось какое-нибудь неудовольствне государемъ и новыми порядками, слова сказанныя гдѣ-нибудь въ лѣсу, на дорогѣ, въ откровенной бесѣдѣ и т. п. Строго говоря, исторія этихъ лицъ и относится не къ исторнн раскола, а къ исторнн наказаній за государственныя преступленія. Но собственныя страданія этихъ лицъ не искували еще всей тяжести ихъ внн. Эти лица, между которыми встрѣчались и дѣйствительные раскольники, ннѣли огромное влияние на судьбу всѣхъ своихъ собратнй. Они-то ивннво, во влнску ннннн, и вооружили Петра противъ раскольниковъ и побудили его принять противъ нихъ стѣснительныя мѣры.

Въ отношенн къ расколу Петръ I держался совершенно другнхъ правилъ, чѣмъ каковыя слѣдовали въ воздннннее время. Петръ не скрывалъ раскольниковъ, не держалъ ихъ въ какой то таинственной неизвестности. Смотря на нихъ, какъ на людей злонамѣренныхъ, вредныхъ для государства, онъ прежде всего обезмечивалъ себя отъ нихъ посредствомъ ляноста ихъ. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ раскольники всегда и вездѣ были на виду, чтобы при первомъ взглядѣ на нихъ можно было вѣрно угадать, что это за лица, «ибо отъ ляннхъ раскольниковъ, — какъ говорится въ Духовномъ Регламентѣ, — нанастн бннстнся не надобно». Для этого онъ нарядилъ ихъ въ особенное, самое старинное платье, какого ннкто уже не носилъ. Въ 1722 году онъ указалъ, чтобы раскольники никакого иного платья не носили, какъ самое старое, а ивннво: зинунъ съ стоячимъ клееннымъ козыремъ, ферази и однорядку съ лежачимъ ожерельемъ. Но этимъ не удовольствовался изобрѣтательный государственный юморъ Петра. Кромѣ верхняго платья, онъ отличилъ раскольниковъ еще особенными козырями изъ краснаго сукна, чтобы они не смѣшнвались съ бородачами, а потомъ, въ 1724 году кромѣ этого еще — особыми иѣдными знаками, которые должны были носить раскольники на верхнемъ своемъ платьѣ, какъ постоянную выѣску своего сектаторства. И подобнымъ образомъ наряжалъ онъ не раскольниковъ только, но и раскольницъ. Этимъ же указомъ повелѣвалось послѣднимъ носить старинныя опашни и шапки съ рогами. Средство, повиднмому, прекрасное. Раскольники самымъ наружнымъ, уродливымъ своимъ видомъ преданы были посмѣваню. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же уродливый наружный видъ постоянно напоминалъ имъ объ униженн, въ какомъ они находились, и возбуждалъ въ нихъ естественно горькня чувствованія, еще болѣе ожесточавшя ихъ противъ Церкви православной, и это тѣмъ болѣе, что исполненне этихъ юмористическихъ выходовъ Петра поручаемо было Св. Синоду, который долженъ былъ заниматься разсылкою образцоваго

плата для раскольниковъ и бородачей, которое предлагаемо было «на взираніе всѣмъ не скрытно» въ Приказѣ Церковныхъ Дѣлъ. Далѣе — постепенно утверждаясь во взглядѣ на раскольниковъ, какъ на людей вредныхъ, «радующихся государственному несчастію», Петръ лишилъ ихъ возможности занимать какія либо государственныя должности, «даже, какъ сказано въ Духовномъ Регламентѣ, до послѣдняго начала и управленія, чтобы не вооружать намъ на насъ же лютыхъ непріятелей и государству и государю зло мыслящихъ». Отсюда рядъ указовъ, частію не потерявшихъ своей силы еще и доселѣ, которыми запрещалось давать раскольникамъ какую либо правительственную должность. Раскольникамъ не позволено быть даже свидѣтелями въ судебныхъ дѣлахъ, кромѣ дѣлъ, случавшихся между раскольниками же. Имъ доступенъ былъ одинъ только выборъ въ старосты и сборщики штрафовъ съ раскольниковъ.

Но, стараясь обезопасить государство отъ раскольниковъ, Петръ въ то же время вовсе не считалъ полезнымъ для государства дѣйствовать противъ нихъ прежними чрезвычайно-строгими гражданскими мѣрами и возбуждать фанатизмъ въ сектантахъ. Онъ дозволялъ раскольникамъ спокойно оставаться при своихъ вѣрованіяхъ, но только подъ условіемъ взноса двойныхъ податей противъ надлежащаго. Такъ, въ 1714 г. онъ указалъ переписать раскольниковъ и обложить ихъ двойнымъ окладомъ податей; въ 1716 году и послѣдующихъ годахъ онъ снова подтвердилъ этотъ указъ. Указомъ 14 марта 1720 года предписывалось всѣмъ раскольникамъ «безъ всякаго сомнѣнія и страха» записываться въ Приказѣ Церковныхъ Дѣлъ, «а ежели кто, вѣдая сей указъ, за расколъ въ платежѣ двойнаго оклада къ запискѣ не явится, а въ томъ отъ кого изболоченъ будетъ, и тому преслушнику учинено будетъ жестокое гражданское наказаніе и управленъ будетъ», — мѣра, удержавшая силу закона до 1782 года и очень понятная съ той точки зрѣнія, съ каковой смотрѣлъ Петръ на раскольниковъ. Двойнымъ окладомъ съ нихъ государство вознаграждало для себя потерю другихъ услугъ себѣ, въ которыхъ отказано было раскольникамъ, и въ этомъ отношеніи очень послѣдовательно было со стороны Петра обратить очень значительный въ общей сложности сборъ двойнаго оклада въ доходъ государства и поручить его сенату, какъ и сдѣлалъ онъ въ 1724 году. Но пригодна-ли была эта мѣра, какъ средство обращенія раскольниковъ къ Церкви? Совѣтуя Петру Великому непременно постановить, чтобы ежегодно собираемъ былъ штрафъ съ неисповѣдывавшихся и двойной окладъ съ раскольниковъ, преосв. Питиримъ прибавлялъ: «и мы подъ тѣсноту штрафовъ и окладовъ писаніемъ удобнѣе къ Церкви присоединяти будемъ». Вотъ какъ описываетъ слѣдствія положенія выговцевъ въ двойной окладъ Иванъ Филипповъ. «И отъ того времени (1726 г.) Выговскую пустыню отрѣшиша заводскихъ работъ, наложиша двойные подушныя деньги, также и женскій полъ переписаша и наложиша и на нихъ платежъ и начаша платити по вся годы съ радостію окупая древлецерковное благочестіе». И что-же? Ослабѣла ли отъ этого Выговская пустынь? Не только не оскудѣла, но еще умножилась, по свидѣтельству Филиппова. «Отъ сипевныя-же благословенныя вины умножишеса братство обѣихъ обитателей; и странныхъ и нищихъ умножишеса, кояко умножашеса, толико и отъ Вышняго промысла всякое изобилство во обѣихъ обителѣхъ умножашеса и распространяшеса отъ пашенъ»... И понятно, отчего это. Всѣ бѣдныя расколь-

ниви, съ которыхъ требовали двойной окладъ, разсѣянные по деревнямъ и лѣсамъ, устремились теперь въ раскольническіе скиты и увеличили естественно ихъ силу, давая имъ новыя рабочія руки. И такъ было не въ одной только Выговской пустынѣ, но и у другихъ раскольниковъ. Изъ донесенія позднѣйшаго времени мы узнаемъ, что въ стародубскія слободы переселялись и записывались многіе и такіе, которые вовсе не были раскольниками. Такъ, управлявшій этими слободами доносилъ, что въ его время (около 1760 г.) эти слободскіе раскольники «россійскихъ бѣглыхъ солдатъ, драгунъ и другаго всякаго званія людей и крестьянъ цѣлыми семьями проводятъ потаеннымъ образомъ за границу въ Польшу и, живши тамъ малое время, они возвращаются къ границѣ для опредѣленія въ раскольническія слободы, называемыя раскольниками, которые де никогда раскольниками не бывали»... Онъ же доносилъ, что въ этихъ слободахъ живутъ изъ разныхъ городовъ бѣгле богатые купцы, называя себя раскольниками-же, укрываются отъ положенныхъ на нихъ податей и рекрутскихъ наборовъ, а подушныхъ платятъ по 72 (двойной окладъ съ раскольниковъ-крестьянъ). Такимъ образомъ и вслѣдствіе этого обстоятельства росли главные центры тогдашняго раскола, производившіе тогда огромное вліяніе на всѣхъ своихъ собратій.

Но если не слишкомъ тяжело было платить двойныя подати зажиточнымъ раскольникамъ и богатымъ раскольничьимъ скитамъ, то нельзя этого, конечно, сказать о бѣдныхъ раскольникахъ. Естественно, что нашлось много такихъ, которые не могли платить этихъ податей, но въ то же время не хотѣли отстать отъ раскола. Для такихъ раскольниковъ до поры до времени одинъ былъ выходъ — укрываться отъ переписи. У многихъ было и другое побужденіе къ тому же.

При извѣстныхъ уже взглядахъ раскольниковъ на Петра, очень естественно могла распространиться мысль, что платить государю податъ за расколъ, значить служить антихристу, и что мѣдные знаки, которые должны были носить записные раскольники, есть печать антихрестова. И вотъ явились многіе фанатики изъ раскольниковъ, которые не хотѣли записываться въ расколъ. Противъ этихъ-то собственно незаписныхъ раскольниковъ и направлены были строгія мѣры (сылки и аресты раскольниковъ военными командами). Но онѣ нисколько не касались записныхъ раскольниковъ. Если случайно и схватывали ихъ, то снова отпускали, увѣрившись въ записи въ расколъ. Такъ, напримѣръ, схваченъ былъ въ нижегородской епархіи старецъ Авраміи, но «г. Ржевскій велѣлъ, учина наказаніе, отослать по прежнему въ Керженецъ для того, что тотъ старецъ Авраміи въ окладныхъ книгахъ записанъ и окладъ платилъ».

Укрывательство въ расколѣ было величайшимъ преступленіемъ. За него положено было такое же наказаніе, какъ за сопротивленіе власти. «А господъ, скрывавшихъ въ своихъ имѣніяхъ раскольниковъ, въ случаѣ несогласія объявить послѣднихъ, позволено было даже епископамъ предавать анаемѣ. Великій государственный организаторъ не терпѣлъ такихъ безпорядковъ и точно такъ же, какъ для поимки простыхъ бѣглыхъ, усколъ завшихъ изъ машины устроимаго имъ государственнаго органа, отправляемы были сыщики по всему государству, точно также и для поимки тайныхъ, незаписныхъ раскольниковъ приказано было отправлять воинскія команды. Съ переходомъ всѣхъ сборовъ съ раскольниковъ

въ вѣдѣніе Св. Синода, ему же, естественно, приходилось заниматься и разсылкою этихъ воинскихъ командъ противъ незаписныхъ раскольниковъ. Для этого въ вѣдѣніи Св. Синода находилось нѣсколько офицеровъ съ партіями солдатъ и, какъ скоро открывались новые раскольники, они тотчасъ же отправляемы были для переписи ихъ. Такъ, въ 1721 г. Ѳеоданъ, архіепископъ новгородскій, ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ объ опредѣленіи такой особы, которая могла бы заниматься переписью раскольниковъ въ Новгородской губерніи и сборомъ съ нихъ двойнаго оклада и штрафныхъ денегъ,—и Св. Синодъ «опредѣлилъ къ означеннымъ дѣламъ поручика Ивана Коптѣлова для сыску и переписи раскольниковъ» съ особенной инструкціей, въ которой наказывалось ему «сыскивать съ прилежно-тщательнымъ радѣніемъ и переписать всѣхъ безъ утайки и тѣ двойнаго оклада деньги повсегодно собирать съ нихъ сполна и на ослушникахъ править безъ понаровки». Въ томъ же 1721 г. іюля 12-го, вслѣдствіе донесенія архимандрита Антонія, привезано было Ржевскому, нижегородскому вице-губернатору, сыскивать муромскихъ раскольниковъ и отсылать для допросовъ и взятія съ нихъ штрафныхъ денегъ въ Москву въ Приказъ Церковныхъ Дѣлъ, «а оставшіяся отъ нихъ ихъ раскольническія жилища разорять до основанія, дабы и слѣдъ того мѣста не былъ знаемъ». Въ 1722 году «для вспоможенія іеромонаху Рѣшилову въ сыску стародубскихъ раскольниковъ требованъ былъ изъ сената изъ офицеровъ человекъ добрый».

Въ 1723 году слѣдвали извѣстными раскольники въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, вѣроятно вслѣдствіе донесенія Леонида, архіепископа сарскаго, и Св. Синодъ положилъ отправить указъ въ Военную Коллегію, чтобы отсюда немедленно присланъ былъ вѣрный офицеръ съ капральствомъ вооруженныхъ солдатъ». Секретарь военной коллегіи почему-то не хотѣлъ исполнить этого предписанія, и синодскій указъ довольно долго оставался не исполненнымъ; вслѣдствіе этого положено было снова «требовать оберъ-офицера въ содержаніи вѣрности и въ надлежащей отправѣ извѣстнаго и капральства вооруженныхъ драгунъ немедленно».

Это же вмѣнено было въ непремѣнную обязанность и всѣмъ губернаторамъ, которые должны были «чинить духовнымъ приставникамъ по дѣламъ раскола всякое вспоможеніе со всеусердотщательнымъ радѣніемъ». Таковъ былъ порядокъ дѣлъ въ отысканіи раскольниковъ, продолжавшійся до 1762 года, въ которомъ манифестомъ 22 сентября положено было содержащихся подъ карауломъ по раскольническимъ дѣламъ всѣхъ освободить и прекратить самыя слѣдствія; а въ слѣдующемъ (1763) году, 15 декабря закрыта была и самая раскольничья контора, и раскольниковъ съ этого времени положено было вѣдать въ общемъ судилищѣ.

Присмотримъ внимательнѣе къ этому грустному порядку дѣлъ, такъ долго продолжавшемуся (около 60-ти лѣтъ), и посмотримъ на происшедшія изъ него слѣдствія. Прежде всего — кого именно должны были забирать посылаемые офицеры съ командами? Какъ могли они открывать раскольниковъ?

Первымъ средствомъ для этого служило перстосложеніе для крестнаго знаменія. Во времена Петра I-го и долго еще спустя послѣ него, къ раскольникамъ причислялись всѣ, несогласные съ православною Церковію касательно перстосложенія; и странно—даже и тѣ изъ нихъ, которые во всемъ другомъ повиновались православной Церкви и принимали

отъ нея всѣ таинства. «Которые хотя святѣй церкви и повинуются, — говорится во II пунктѣ распоряженій по обращенію раскольниковъ (изд. 15 марта 1722 г.) и всѣ церковныя таинства приѣмлютъ, а крестъ на себѣ изображаютъ двѣма персты, а не троеперстнымъ сложеніемъ: тѣхъ, кои съ противнымъ мудрованіемъ и которые хотя и по невѣжеству и отъ упорства то творятъ, обоихъ писать въ расколъ, не взирая ни на что». Это же правило подтверждено было снова въ 1724 году (21-го октября) въ указѣ тобольскому митрополиту Антовию и удерживало всю свою силу до 5-го сентября 1763 года, въ которомъ Св. Синодъ съ Сенатомъ на конференціи бывшей о раскольникахъ, опредѣлили: не признавать раскольниками и не отлучать отъ входа церковнаго и отъ таинства крестящихся двоеперстнымъ сложеніемъ и приѣмлющихъ отъ православныхъ священниковъ таинства, «въ такомъ надѣяніи, что они, будучи неотлучены отъ правовѣрныхъ, совершенно православную нашу вѣру познаютъ»...

Понятно само собою, сколько своихъ чадъ должна была лишаться Церковь при такомъ строгомъ взглядѣ на двоеперстное сложеніе, которымъ и до сихъ поръ еще крестятся слышеюмъ, многие, особенно изъ православныхъ простолюдиновъ. Но, «не взирая ни на что», — какъ говорится въ приведенномъ нами указѣ, ихъ причисляли тогда къ расколу, отлучали отъ церкви, и они мало-по-малу, обращаясь съ раскольниками, къ которымъ были причислены, и сами естественно отпадали отъ Церкви. Впрочемъ, это былъ не единственный признакъ къ открытію раскольниковъ. 29-го октября 1722 года Св. Синодъ нашелъ, что единственнымъ способомъ къ узнанію раскольниковъ представляется присяга и потому опредѣлялъ: «приводить къ присягѣ всѣхъ, всякаго званія обывателей, а которые къ той присягѣ не пойдутъ, таковыхъ записывать подъ двойной окладъ», — средство уже болѣе надежное.

Легко представить, какое дѣйствіе производили эти команды на раскольниковъ. Самымъ естественнымъ слѣдствіемъ ихъ было то, что раскольники оставляли или только на время или на всегда мѣста своего жительства. И вотъ начались побѣги раскольническіе, разбѣяшіе еще болѣе плевелы раскола. Такъ, вслѣдствіе усиленныхъ поисковъ преосвященнаго Питирима и вице-губернатора Ржевскаго, одни изъ верженскихъ раскольниковъ убѣжали въ поморскіе и порубежныя скиты, другіе, какъ доносилъ въ 1790 году самъ Питиримъ, — «за Усту и на Мстіарь» — смежныя съ Нижегородской губерніей, третьи устремились большими массами въ Сибирь, такъ что преосвященный Питиримъ и Ржевскій совѣтовали Государю не ссылать болѣе раскольниковъ въ Сибирь, потому что здѣсь ихъ много можетъ сосредоточиться такъ, что можно опасаться вредныхъ послѣдствій отъ раздраженныхъ свопищъ раскольниковъ. Военные поиски доводили до того раскольниковъ, что они иногда забывали народную ненависть и отвращеніе къ татарамъ и поступали къ нимъ въ услуженіе, скрываясь, какъ доносилъ Сильвестръ, казанскій архіепископъ, «отъ изысканія». Такимъ образомъ эти гражданскія мѣры противъ раскольниковъ, уменьшая ихъ количественно въ одномъ мѣстѣ, увеличивали въ другомъ и передвигали расколъ, съ выигрышемъ, очевидно для послѣдняго, изъ одной мѣстности въ другую, въ которой раскольники дѣйствовали съ большею ревностью и вліяніемъ, какъ страдальцы за вѣру. Но эти ссылки производили болѣе печальное слѣдствіе:

раскольники фанатическіе при появленіи сыщиковъ предавались самоожженію, какъ это видно изъ донесенія Исецкой канцеляріи.

Но, конечно, не всѣ раскольники успѣвали скрываться; нѣкоторыхъ изъ нихъ отыскивали и, заковавъ въ ручные и ножные кандалы, отправляли къ мѣстному начальству. При этомъ, конечно, не обходилось безъ злоупотребленій со стороны сыщиковъ. Иногда сборщики за расколъ наѣзжали съ солдатами на селенія, въ которыхъ не было уже болѣе раскольниковъ, или забирали по оговорамъ вовсе не раскольниковъ. Предусмотрительный государь самъ предвидѣлъ это и потому онъ на представленіе Св. Синода о томъ, «дабы посылаемымъ отъ духовнаго правительства и отъ раскольныхъ дѣлъ людямъ въ выимкѣ раскольническихъ учителей чинено было безпрепятственное послушаніе имъ и не требовалися бѣ свѣтскими послушныя отъ командировъ ихъ указы», сдѣлалъ такое рѣшеніе: «дабы для какой страсти духовныя приставники не затѣвали на кого напрасно; того для повипенъ духовный приставникъ, взявъ такова, ни мало державъ, привести къ свѣтскому начальнику для освидѣтельствованія. И будетъ увидѣти (послѣдній), что раскольникъ, отдать духовному приставнику». Несмотря на эти предосторожности, все-таки случалось и такъ, что забирали людей не зараженныхъ расколомъ и подвергали ихъ всѣмъ безпокойствамъ арестантовъ.

Но вотъ нѣкоторые раскольники пойманы и представлены въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ къ мѣсту назначенія. Послѣ допросовъ ихъ отправляли къ духовному начальству для увѣщанія. Легко понять, могли ли эти увѣщанія сколько-нибудь благотворно дѣйствовать на раскольниковъ, которыхъ приводили къ увѣщателямъ въ кандалахъ? Могли ли они, при всей своей истинности, проникнуть въ души людей, ожесточенныхъ бѣдствіями? При этомъ нужно сказать и то, что нѣкоторые увѣщатели, наскучивъ разглагольствіями съ упорными раскольниками, прибѣгали къ угрозамъ. Вслѣдствіе этого пастырскія увѣщанія арестантамъ раскольникамъ рѣдко достигали на самомъ дѣлѣ своихъ добрыхъ цѣлей, и слишкомъ многіе изъ сыскиваемыхъ раскольниковъ оставались упорными въ своихъ заблужденіяхъ, не смотря на предстоящую имъ за это тяжелую участь. Такіе обыкновенно рассылались по крѣпкимъ монастырямъ, на посмертное въ нихъ заключеніе.

Дѣйствуя особенно-строгими мѣрами противъ потаенныхъ незаписныхъ раскольниковъ, изъ которыхъ мірянъ, въ случаѣ необращенія ихъ къ Церкви, ссылали на каторгу, а монашествующихъ въ монастыри, государь употреблялъ и средства, которыя должны были предохранять православныхъ отъ зараженія ихъ расколомъ. Въ 1716 году изданъ былъ царскій указъ, чтобы всѣ сыны православной Церкви у отцевъ своихъ духовныхъ исповѣдывались повсегодно, а съ неисповѣдававшихся положено было брать штрафъ «противъ дохода ихъ втрое, а потомъ имъ ту исповѣдь исполнять же». Черезъ годъ этотъ именной указъ подтвержденъ былъ съ новою силою и съ прибавленіемъ еще такого рода: «дабы всѣ люди въ господскіе праздники и въ воскресные дни ходили въ Церковь Божию къ вечерни и по вся годы исповѣдались». Съ неисповѣдававшихся положено было: съ разночинцевъ и посадскихъ людей въ первый разъ брать по рублю, во второй — по два и т. д.; съ поселянъ — въ первый по 10 денегъ, а другой — по гривнѣ, а третій — по пяти алтынѣ. А съ тѣхъ, которые отказывались платить этотъ штрафъ, велѣно было «пра-

вить деньги неослабно, а которые съ права не платитъ не будутъ, и таковыхъ его императорскаго величества указу мужеска послать на галеру, а женска кола на прядильный дворъ». Предписаніе, повидному, самое хорошее: неуклонное хожденіе въ церковь и приобщеніе Св. Тайнъ, конечно, суть самыя дѣйствительныя средства для предотвращенія уклоненій отъ Церкви. Но къ какиимъ иногда страшнымъ слѣдствіямъ приводили и эти гражданскія мѣры, видно изъ слѣдующаго случая. Въ 1724 году была захвачена одна незаписная раскольникъ и «обращаема отъ раскола». Она, какъ доносили Антоній, митрополитъ тобольскій, «въ причащеніи Св. Тайнъ, по пріятіи во устахъ удержала и, смѣшивъ, изблевала». И это страшное поруганіе величайшей святости бывало не разъ, какъ видно изъ словъ писателя исторіи Выговской пустыни.

Мы рассмотрѣли всѣ главнѣйшія мѣры Петра I-го противъ раскольниковъ и, думаемъ, нѣсколько уяснили точку зрѣнія на нихъ Петра I-го. Въ расколъ этого времени былъ силенъ элементъ противогосударственный и въ нѣкоторыхъ людяхъ онъ обнаруживался опасными и вредными явленіями. Для государства были вредны эти люди, относившіеся съ такими антипатіями къ новому порядку вещей, и оно (естественно) считало нужнымъ строго дѣйствовать противъ нихъ.

LXIX. О СОСТОЯНІИ РУССКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

(Изъ сочин. Пекарскаго «Наука и литература при Петрѣ В.»).

Въ исторіи русскаго просвѣщенія XVII и XVIII столѣтій два событія останавливаютъ, въ особенности, вниманіе изслѣдователя: это—заведеніе академій въ Кіевѣ Петромъ Могилою и заботы Петра Великаго о распространеніи знаній въ Россіи. Оба эти событія—одно въ началѣ XVII, другое въ первые годы XVIII вѣка имѣли такое огромное вліяніе на послѣдующій ходъ русскаго просвѣщенія, что въ нихъ находится зародышъ и начало всего, происходившаго въ нашей исторіи наукъ и литературы, и здѣсь надобно искать разгадки многому, что существовало и держалось у насъ долгое время послѣ.

Избравъ для изслѣдованія умственное движеніе въ русской жизни петровскихъ временъ, мы, по необходимости, должны ограничиться немногими только замѣчаніями о предшествовавшей эпохѣ,—эпохѣ не менѣе любопытной и богатой самыми разнообразными явленіями. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Петръ Могила, учреждая академію въ Кіевѣ, взялъ въ образецъ польскія училища и ввелъ порядокъ, даже до нѣкоторой степени направленіе, существовавшіе въ тогдашней Польшѣ. Здѣсь духовенство постоянно и крѣпко держало въ своихъ рукахъ всѣ средства къ образованію и располагало ими по собственному усмотрѣнію. Это обстоятельство имѣло слѣдствіемъ то, что средневѣковая схоластика оставалась въ Польшѣ долѣе, нежели въ остальной Европѣ. Въ первой просвѣщеніе было средствомъ къ возвышенію и

просвѣтанію привилегированнаго сословія, отчего мало обращалось вниманія на дальѣйшее совершенствованіе знаній. Напротивъ, въ другихъ европейскихъ государствахъ, особенно послѣ реформаціи, наука шла впередъ, и не для поддержанія какого-нибудь одного сословія, не въ видахъ усиленія преимуществъ только избранныхъ лицъ, но на пользу всѣмъ и каждому, кто только хотѣлъ обратиться къ ней. Отсюда—разница въ просвѣщеніи Польша отъ просвѣщенія другихъ странъ Европы.

Появленіе въ Кіевѣ академіи, какъ оплота противъ римско-католической пропаганды, имѣло сильное вліяніе на характеръ просвѣщенія, распространившагося въ Малороссіи. Тамошніе ученые, занявъ орудіе у враговъ своихъ, не могли не дѣйствовать въ духѣ полемики, какъ единственнаго средства къ защищенію противу нападокъ. Здѣсь и надобно искать причину подражанія не польской народной, но скорѣе іезуитской литературѣ, которая, къ сожалѣнію, такъ долго тяготѣла на нашихъ братьяхъ—полякахъ. Всѣ малороссійскіе ученые, какъ только по своимъ знаніямъ и способностямъ выходили изъ ряду обыкновенныхъ тружениковъ, растрчивали свои дарованія на полемику, или на такія произведенія, въ которыхъ съ избыткомъ разбрасывались цвѣты утонченнаго школьнаго риторства. Полемическое направленіе и рабское усвоеніе всѣхъ приемовъ школьной польской учености сдѣлали то, что въ Малороссіи образовался какой-то особый родъ литературы, имѣвшей мало общаго съ народомъ, и потому обреченный застою. Но при всемъ томъ не должно упускать изъ вида, что малороссійская ученость имѣла свою хорошую сторону: именно, съ помощью ея, въ Кіевѣ исчезла тупая ненависть ко всему иностранному, которую старались систематически поддерживать въ Москвѣ.

Не прошло и 40 лѣтъ, какъ кіевскіе ученые являюся въ Москву. И это было весьма кстати для просвѣщенія въ Россіи, но не во-время для нихъ лично. Въ ту пору невѣжество доходило тамъ до того, что ни одной книги не могли напечатать, не надѣлавъ тьмы ошибокъ, не по вредивъ самаго простаго смысла текста, а въ заключеніе не попросивъ смиренно отпущенія ошибокъ. Но послѣднее было только на бумагѣ...

Наконецъ отъ грековъ, наѣзжавшихъ въ Россію за подаями, на Востокъ узнали, что въ Малороссіи были такіе люди, которые осмѣливались учиться за границею, и вотъ по этому случаю въ 1686 году іерусалимскій патріархъ Досіеи писалъ къ царю: «нынѣ въ той странѣ, глаголемой казакская земля, суть иѣци, иже въ Римѣ и Польшѣ отъ латинцовъ научени, и бяху архимандрити, игумени, и прочитають неподобная мудрованія въ монастырехъ... довольно бо есть православная вѣра ко спасенію, и не подобаетъ вѣрнымъ прельщатися чрезъ философію и суетную прелесть... исповѣдуемъ быти казаковъ православныхъ, обаче многіе растлѣнные имѣють нравы, ихъ же не подобаетъ учитися тамошнимъ православнымъ»...

Впрочемъ, и безъ этого посланія малороссійскимъ ученымъ не везло тогда въ Москвѣ. Къ дѣлу о просвѣщеніи примѣшались тамъ мелкія интриги, личные расчеты; ученые греки Лихуды, заклятые враги всего, что напоминало имъ Западъ, болѣе русскихъ, способствовали умноженію недовѣрія къ пришельцамъ изъ Кіева. Патріархъ Іоакимъ, видѣвшій на дѣлѣ вредъ отъ неправильныхъ толковъ и уклоненія отъ чистоты православія, полагалъ, что причиною тому были иноземцы. Иначе, впрочемъ,

и думать было трудно, такъ какъ не открытъ еще былъ путь, слѣду которому можно было оставаться православными и въ то же время не гнаться за званіемъ. Обычными полюбителями другихъ вѣрословѣданій.

Какъ неблагожелательно смотрѣли на живущихъ въ тѣ времена, можно судить по слѣдующимъ отзывамъ изъ лѣтисванія, гдѣ преподаны слова царя Ивану и Петру, чтобы не держать иностранцевъ въ русской службѣ: «православныя христиане, по чину и обычаю церковному, воздаютъ Богу: а они святыхъ еретиковъ и свои вероки для всланиють и христианскаго поленія гнушаются. Христиане, пречистую Дѣву Богородицу Марію чествующе, воззвонки о помощи просить и всѣхъ святыхъ; еретики же, будучи начальниками въ полкахъ, ругаются тому, и по предестини изъ худъ износятъ: христиане носятъ еретики же никогда: нѣтъ, по глазу авостольскому, Богъ чрево... Паки вспоминаю, еже бы вновьрпомъ еретиковъ костеловъ римскихъ, кировъ нѣмецкихъ, татаранъ мечетовъ въ своемъ государствѣ и обладаиіи всеюшество не давати строити нигдѣ: новыхъ латинскихъ и иностранныхъ обычаевъ и въ платье перемѣнъ не вводити, ибо тѣмъ нѣсть благочестіе христианскаго царства во удобствіи имати пространяться и вѣра во Господа Бога возрасти день отъ дне... Здѣ чего и не бывало, и то еретиковъ повелѣно, что своихъ еретическихъ проклятыхъ соборныхъ молбичныхъ храминъ построили, въ которыхъ благочестивыхъ людей злобѣ клевету и лають, и вѣру укоряють, и иконамъ святыхъ помирають»...

Послѣ такихъ мнѣній объ европейцахъ, удивительно ли, что въ Россіи XVII вѣка, несмотря на нѣкоторые исключенія и замѣтную охоту въ большинствѣ къ чтенію (чему доказательствомъ служить разнородное рукописныхъ сборниковъ самаго разнохарактернаго содержанія), тотъ классъ людей, который имѣлъ значеніе и силу, смотрѣлъ на знаніе, какъ на еретичество, какъ на нѣчто, несомѣстное съ православіемъ: «братіе, не высокоумствуйте, учили въ тѣ времена, но во смиреніи пребывайте, по сему же и прочая разумѣвайте. Аще кто ти речеть: вѣси ли всю философію? И ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ (!) астрономъ не читалъ, ни съ мудрыми философы не бывахъ—учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ».

Въ этихъ словахъ,—столь, повидимому, смиренныхъ,—слышится презрѣніе къ наукѣ. Сохранилось свидѣтельство Курбскаго, сочувствовашаго просвѣщенію (онъ жилъ въ польской Руси), и подтверждашаго, что сейчасъ приведенное правоученіе имѣло приверженцевъ въ тогдашней Россіи: «Бога ради, не потекаемъ безумнымъ, паче же лукавымъ, мнѣщимся быти учителями, паче же прелестникомъ: яко самъ азъ отъ нихъ слышахъ, еще будучи въ оной русской землѣ подъ державою московскаго царя; глаголють бо они, прельщаючи юношѣ тщаливыхъ, къ науцѣмъ хотящихъ навикати писанія, понеже въ оной землѣ еще многіе обрѣтаются, пекущися о своемъ спасеніи, и съ прещеніемъ заповѣдываютъ имъ, глаголюще: не читайте книгъ многихъ, и указуютъ на тѣхъ, кто ума изступилъ; и онъ сица (этотъ) во книгахъ зашелся, а онъ сица въ ересь вналъ. О бѣда! отчего бѣси бѣгаются и исчезаютъ, и чимъ еретицы обличаются, а нѣкоторые исправляются—сіе они оружіе отъемлютъ и сіе врачество смертоноснымъ ядомъ нарицають!»

Въ 1690 г., большая часть книгъ, изданныхъ или написанныхъ въ Малороссіи, подверглась опалѣ въ Москвѣ; способнѣйшіе изъ представителей кievской учености объявлены подозрительными; Медвѣдевъ, талантливый ученикъ Полоцкаго, былъ замѣшанъ въ государственныя смуты, и предъ смертною казнью ему напомнили, что онъ прельщался «кievскими новотворными книгами»... Казалось, что вліяніе Кіева окончательно подавлено, но не долго продолжалась реакція: какъ только Петръ рѣшился сблизить Россію съ Европою, для чего между иными средствами избралъ и просвѣщеніе, такъ тотчасъ же кievскіе ученые начали играть важную роль въ дѣлѣ образованія. И это было явленіемъ совершенно понятнымъ, если не забывать, что въ Малороссіи, съ учрежденіемъ кievской академіи, было болѣе подготовки къ воспріятію европейской цивилизаціи, нежели въ остальной Россіи, и тамъ уже исчезло то недовѣріе къ наукамъ, которое изъ разныхъ, чисто личныхъ видовъ, поддерживалось въ Москвѣ до Петра. Царю, желавшему во что бы то ни стало видѣть въ Россіи и школы, и ученыхъ, имѣть и переводы извѣстныхъ сочиненій и первоначальные учебники, нужны были помощники, а ими могли быть на первый разъ только тѣ изъ русскихъ, которые чему-нибудь учились и что-нибудь знали. Должно замѣтить при этомъ, что направленіе и образъ мыслей кievскихъ ученыхъ не согласовались съ направленіемъ и образомъ мыслей Петра: его намѣренія и цѣль состояли въ практическомъ примѣненіи на русской почвѣ началъ, выработанныхъ современною наукою въ государствахъ, преимущественно протестантскихъ, къ чему, разумѣется, кievскіе ученые были мало способны по самому свойству и складу своего образованія (между ними, въ этомъ отношеніи, Теофанъ Прокоповичъ былъ единственнымъ, но тѣмъ не менѣе блестящимъ исключеніемъ). Но, при недостаткѣ въ людяхъ, и кievяне оказались весьма полезными, и въ началѣ XVIII вѣка они являются по части народнаго просвѣщенія въ Россіи главнѣйшими дѣятелями: всѣ важнѣйшіе переводы съ древнихъ языковъ, всѣ замѣчательные трактаты о догматахъ вѣры, всѣ проповѣди, большая часть стихотворныхъ произведеній (лишенныхъ, должно сознаться, всякихъ достоинствъ) на прославленіе побѣдъ и знатныхъ, театральныя пьесы—все это писалось учеными малороссами, или подъ ихъ непосредственнымъ надзоромъ. Кромѣ того, при усиленіи типографской дѣятельности въ Москвѣ и Петербургѣ, перепечатано не мало такихъ произведеній, которыя прежде ходили по рукамъ въ рукописяхъ и носили на себѣ несомнѣнные слѣды малоросійскаго происхожденія.

Знакомство Россіи съ науками европейскими изъ первыхъ рукъ началось при Петрѣ и чрезъ посредство русскихъ, учившихся за границей; но краткость времени, новостъ дѣла и сила прежнихъ обычаевъ и мнѣній сдѣлали то, что плоды личныхъ заботъ и усилій царя стали явственными только въ позднѣйшія времена. Въ началѣ XVIII вѣка, лица, успѣвшія побывать за границей и узнать на-скоро кое-что, употреблялись по болѣе части для переводовъ разныхъ сочиненій, преимущественно касавшихся математики, мореходства, языкознанія. Ни одинъ изъ этихъ переводчиковъ не извѣстенъ самостоятельнымъ какимъ-нибудь трудомъ и не оставилъ по себѣ памяти въ исторіи ни одной науки,—лучшее доказательство тому, что можно легко задерживать и затруднять ходъ просвѣщенія (чему и въ нашей исторіи есть примѣры); но не въ

силах воля, даже и не знающая себя предѣловъ, одного человѣка создать цивилизацію по своему только хотѣнію.

Такимъ образомъ, при Петрѣ русское образованіе слагалось изъ двухъ стихій—киевской учености, перенесенной изъ Польши, и европейскаго просвѣщенія, заимствованнаго изъ Голландіи, Германіи, отчасти Англій, Франціи и даже Италіи. Киевская ученость имѣла перевѣсъ, потому что имѣла за собой право давности; европейское же образованіе, вслѣдствіе причинъ историческихъ, усвоивалось съ трудомъ и, за исключеніемъ самого царя, да двухъ или трехъ изъ его приближенныхъ, не имѣло въ Россіи замѣчательныхъ представителей.

ЛХХ. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ПЕТРА В. СЪ ЛЕЙБНИЦЕМЪ.

(Изъ соч. проф. Герве «Лейбницъ и его отвѣты»).

Съ начала XVIII вѣка европейская исторія получаетъ для насъ совершенно новое значеніе. Россія становится европейскою державою, принимаетъ участіе въ дѣлахъ западныхъ государствъ и своимъ вліяніемъ видоизмѣняетъ ихъ отношенія. Чѣмъ болѣе будутъ развиваться матеріальныя и нравственныя силы Россіи, тѣмъ значительнѣе будетъ ея вліяніе, тѣмъ болѣе жизнь русскаго народа будетъ сливаться съ жизнью западно-европейскаго человѣчества. Вслѣдствіе этого особенный интересъ получаетъ въ нашихъ глазахъ первая встрѣча между Россіей и западною Европой. Во внутренней жизни Россіи это столкновеніе произвело такой переворотъ, что съ него начинается новый періодъ русской исторіи. На западную Европу встрѣча съ Россіей произвела, конечно, менѣе сильное впечатлѣніе,—тѣмъ болѣе, что вниманіе тогдашняго европейскаго общества было отвлечено страшною войною, которая могла повлечь за собою самыя существенныя результаты. Тѣмъ не менѣе, переворотъ, готовившійся на востокѣ, не ускользнулъ отъ вниманія передовыхъ людей. Впечатлѣніе, произведенное на западнаго человѣка появленіемъ новаго восточнаго государства, особенно ярко отразилось на Лейбницѣ, который съ такимъ живымъ участіемъ слѣдилъ за всѣмъ, что совершалось вокругъ него, и съ такимъ сочувствіемъ привѣтствовалъ все, что обѣщало содѣйствовать прогрессу и общимъ интересамъ человѣка. Поэтому мысли и надежды, возбужденныя въ Лейбницѣ дѣятельностью великаго преобразователя Россіи, и многочисленные проекты, составленные воспримчивымъ гениемъ западнаго философа для водворенія наукъ въ Россіи, не только получаютъ значеніе для его біографіи, но составляютъ интересный памятникъ той эпохи, когда на Россію перестали смотрѣть какъ на страну, представлявшую только матеріалъ для любознательныхъ путешественниковъ, и начали сознавать ея права и предчувствовать ея призваніе.

Лейбницъ, съ свойственною ему проникательностью, точно опредѣлилъ будущее значеніе Россіи. Ей предстояли, по его мнѣнію, двѣ задачи: изгнать турокъ изъ Европы и цивилизовать Востокъ. «Ей суж-

дено сдѣлаться»—воскликала онъ—«посредствующимъ звеномъ между двумя мірами, западнымъ и восточнымъ». Но еще прежде, чѣмъ изумительные успѣхи молодого царя могли возбудить въ Лейбницѣ подобныя надежды, онъ интересовался Россіей и собиралъ о ней всевозможныя свѣдѣнія. Его вниманіе сосредоточивалось по преимуществу на двухъ вопросахъ. Онъ старался получить изъ Россіи какъ можно больше матеріала для филологическихъ и этнографическихъ соображеній. Онъ зналъ, что вопросъ о родствѣ языковъ и происхожденіи народовъ не можетъ быть разрѣшенъ, пока не будетъ изслѣдовано громадное степное пространство, которое тянется отъ Карпатскихъ горъ мимо Каспійскаго моря къ Аральскому и къ границамъ Китая. Чтобъ удовлетворить своей любознательности, Лейбницъ заводилъ переписку со всѣми лингвистами, которые занимались языками восточной Европы и Азии, и особенно съ тѣми, которые имѣли связи въ Польшѣ и въ Россіи. Съ этою цѣлью онъ разспрашивалъ путешественниковъ и дипломатовъ и входилъ въ сношенія съ голландскими и шведскими учеными, съ римскими и польскими іезуитами.

Не въ меньшей степени занимала Лейбница надежда, что невѣдомая, обширная Россія откроетъ, наконецъ, доступъ къ себѣ европейской цивилизаціи. Въ этомъ отношеніи онъ сопоставлялъ Россію съ Китаемъ и Абиссиніей. Сношенія европейцевъ съ Китаемъ никогда еще не были такъ живы, какъ въ концѣ XVII вѣка, благодаря усиліямъ и ловкости іезуитовъ, которые сумѣли возбудить интересъ богдыхана и китайскихъ министровъ къ математическимъ наукамъ и этимъ средствомъ заискать ихъ расположеніе. Мы видѣли, какого высокаго мнѣнія были европейцы объ образованности Китайцевъ, и какихъ плодовъ Лейбницъ ожидалъ отъ взаимодѣйствія китайской и европейской цивилизацій. Почти также преувеличено было мнѣніе европейцевъ того времени о значеніи и могуществѣ абиссинскаго царя. Лейбницъ вполне раздѣлялъ надежды своего друга Лудольфа, что посредствомъ миссіонеровъ и посольствъ отъ европейскихъ государей къ негушу можно было бы пробудить къ новой жизни древнюю цивилизацію христіанской Абиссиніи, въ союзѣ съ нею положить конецъ владычеству султана и распространить цивилизацію по всему громадному пространству африканскаго материка.

Въ своей перепискѣ Лейбницъ начинаетъ часто упоминать о Россіи въ шестьсотъ-девяностыхъ годахъ. Съ этого времени она привлекаетъ все больше и больше его вниманіе, какъ видно изъ его писемъ къ Витзену, Лудольфу и Спарвенфельду.

«Я не знаю»,—начинаетъ Лейбницъ свою записку,—«какую лучшую цѣль можетъ поставить себѣ великій государь, какъ не благоустройство своей страны и не воздѣлываніе до совершенства вертограда (plantation), который Богъ ему вѣбрилъ. Великій царь Русскихъ обнаруживаетъ необыкновенную возвышенность своего ума и свою геройскую энергію не только въ воинскихъ дѣлахъ, но и въ управленіи страной, составляя и приводя въ исполненіе планы, о которыхъ не смѣлъ и думать ни одинъ изъ его предшественниковъ. Онъ даже идетъ далѣе, чѣмъ требуютъ нужды его собственной страны, и не довольствуясь тѣмъ, что вводитъ у своихъ народовъ нужныя улучшенія, думаетъ еще о всеобщемъ благѣ христіанскаго міра, возбуждая другіе народы противъ

общаго врага самым торжественным посольством и поддержавшая ихъ съ большинствомъ успѣло съедини значительными силами. Это тѣмъ болѣе важно, что въ этомъ настоятельная нужда, и что безъ этого внимательства нами дѣла въ Венгрии вѣроятно, приняли бы дурной оборотъ. А потому мы должны молить Бога, чтобъ Онъ сохранилъ этого великаго государя, который еще влѣдетъ въ лучшей порѣ жизни, для окончанія того, что онъ такъ славно началъ. Неожиданный результатъ выборовъ въ Польшѣ, воздаетъ намъ большія надежды, что Богъ предположитъ смирить турокъ и изгнать магическое, но крайней мѣрѣ, изъ Европы».

«Нельзя не видѣть необыкновеннаго совпаденія обстоятельствъ или, вѣрнѣе, воли Провидѣнія въ томъ, что въ то же самое время у трехъ самыхъ могущественныхъ государей на сѣверѣ, на востоцѣ и на югѣ явились одинаковыми и въ высшей степени зачѣтательными намѣренія; ибо мы узнали, что кромя царя Петра Алексѣевича, верховнаго государя Русскихъ и почти всего сѣвера, Канга-Аманжада ханъ, властитель Китая и Татарии самой восточной, а также Язюкь-Аджалъ-Саубеть, царь Абиссинии, покорившій много варварскихъ сосѣдей, всѣ задумали планы, которые далеко превосходятъ планы ихъ предковъ. Мы знаемъ это какъ по новымъ извѣстиямъ изъ Китая, гдѣ христіанство допущено и даже поддерживается императорскими указами, такъ и отъ посольства абиссинскаго, отправленнаго въ Батанію въ 1692 году. Русскій царь и владѣтель Абиссиніи—оба христіане и оба сосѣди и враги турокъ, хотя и очень отдалены другъ отъ друга. А царь и императоръ китайскій—сосѣди и оба чрезвычайно склонны къ тому, чтобы привлечь въ свою страну науки, искусства, и особенно, чтобы принять въ ней цивилизованные нравы нашей Европы: въ этомъ отношеніи они могутъ протянуть другъ другу руку и взаимно обижать другъ друга».

«Я намѣренъ говорить теперъ только о томъ, что можетъ послужить этому намѣренію, оставляя въ сторонѣ то, что относится къ устройству государства, къ войнѣ, къ торговлѣ и къ мореплаванію, хотя на самомъ дѣлѣ ничто не можетъ быть такъ важно въ этомъ отношеніи, какъ наука и художества. Для того, чтобы перенести ихъ и въ Россію сообразно съ намѣреніемъ царя, было бы полезно предоставить заботу объ этомъ извѣстнымъ лицамъ и поручить имъ составить общій проектъ, который имѣлъ бы слѣдующія два основанія: привлечь въ Россію все, что ни есть лучшаго у иностранцевъ какъ относительно умныхъ и свѣдущихъ людей, такъ и относительно вещей рѣдкихъ и полезныхъ; во-вторыхъ—совершенствовать у себя въ отечествѣ людей, страну и все, что съ этимъ въ связи. Людей можно развивать, заставляя ихъ путешествовать и обучая ихъ дома. Страну же можно совершенствовать, точно изучая все, что въ ней есть и чего нѣтъ, и стараясь дополнить то, чего ей не достаетъ».

«Итакъ, вотъ нѣсколько статей, которыя заключаютъ въ себѣ все, что необходимо сдѣлать: 1) основать центральное учрежденіе для наукъ и художествъ; 2) привлечь способныхъ иностранцевъ; 3) выписать изъ-за границы такія вещи, которыя стоятъ этого; 4) посылать подданныхъ путешествовать, принявъ надлежащія предосторожности; 5) просвѣщать народъ у себя; 6) составить точное описаніе страны, чтобъ узнать ея нужды, и 7) доставить ей то, чего ей недостаетъ».

Одна записка Лейбница кончается на этомъ, въ другой онъ входитъ въ подробности по поводу каждой изъ статей.

Центральное учрежденіе требуетъ для своего осуществленія общаго провкта, способныхъ людей и достаточной суммы денегъ. О людяхъ, необходимыхъ для исполненія, Лейбницъ говоритъ, что они должны быть очень свѣдущи, благородны, безкорыстны; они должны болѣе искать славы, чѣмъ прибыли, быть усердны и дѣятельны, имѣть большой кругъ знакомства и вести обширную переписку. Количество денежныхъ средствъ Лейбницъ предоставляетъ на волю царя, но замѣчаетъ при этомъ, что нужно поспѣшить началомъ, и время всего дороже на свѣтѣ и не можетъ быть куплено слишкомъ большою цѣною. По поводу второй статьи Лейбницъ замѣчаетъ, что необходимо отмѣнить или измѣнить законы, «которые пугаютъ иностранцевъ, особенно законъ, воспреещающій имъ свободный прѣздъ и выѣздъ». Лейбницъ требуетъ для иностранцевъ особыхъ привилегій и совѣтуетъ завести въ нѣсколькихъ мѣстахъ колоніи изъ нихъ. Подъ третью статью Лейбницъ подводитъ библиотеки, книжныя лавки и печатни, кабинеты рѣдкостей, ботаническіе сады и звѣринцы, запасные магазины всякаго рода матеріаловъ и мастерскія всякаго рода ремесль. Онъ подробно объясняетъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ рѣдкостями природы и искусства, и совѣтуетъ разводить животныхъ и растенія, которыя способны къ акклиматизаціи. Въ четвертой статьѣ Лейбницъ разсматриваетъ различныя цѣли и способы путешествій и совѣтуетъ принимать надлежащія мѣры, чтобы путешествующіе привозили съ собою только хорошіе обычаи другихъ странъ безъ примѣси дурныхъ, чтобъ они не заражались идеями, несогласными съ благочестіемъ и съ повиновеніемъ государю. Пятая статья касается преподаванія.

«Просвѣщеніе народа у себя»—говоритъ по этому случаю Лейбницъ—«требуетъ учрежденія низшихъ и высшихъ школъ, какъ для изученія наукъ и художествъ, такъ и для тѣлесныхъ упражненій. Для этого необходимо сдѣлать выборъ хорошихъ преподавателей, которые умѣли бы вести дѣтей и юношество не только путемъ науки, но и добродѣтели. Нужно начертать для нихъ инструкціи, составить особенныя книги для нихъ и для ихъ учениковъ, достать учебники и всѣ нужныя орудія. Тѣмъ дѣтямъ, которымъ хотятъ дать ученое образованіе (*sçavants*), слѣдуетъ (*il sera bon*) преподавать исторію, математику и языки, преимущественно еврейскій, латинскій, греческій и нѣмецкій, особенно же латинскій».

Послѣднія слова Лейбница доказываютъ, что онъ считалъ для Россіи, какъ и для остальной Европы, латинскій языкъ главнымъ основаніемъ высшаго образованія. Слово *sçavants* (ученые) не должно смущать насъ. Если бы Лейбницъ разумѣлъ подъ этимъ ученыхъ, исключительно занимающихся наукой, онъ бы сказалъ *des sçavants* или *des érudits*. Говоря здѣсь вообще о преподаваніи, Лейбницъ подъ словомъ *sçavants* разумѣетъ тѣхъ, которые должны были воспитываться въ высшихъ школахъ и университетахъ, въ противоположность ремесленникамъ, которымъ необходимо только первоначальное образованіе. Все это разумѣется само собою, и мы не остановились бы на этомъ мѣстѣ, если бы въ одномъ журналѣ, въ замѣткѣ о нашей біографіи Лейбница, не былъ недавно возбужденъ вопросъ, какую систему образованія Лейбницъ совѣ-

товаль ввести въ Россіи, классическую или реальную. Ставить такой вопросъ значить переносить въ прошедшее понятія настоящаго. Если разумѣть подъ реализмомъ требованіе отъ старой системы воспитанія разумныхъ уступокъ въ пользу новаго времени, то Лейбницъ былъ реалистомъ. Намъ извѣстно, какими недостатками страдала латинская школа и университетское образованіе въ XVII вѣкѣ, и какъ сильно Лейбницъ желалъ не только изученія математики, естественныхъ наукъ и техническихъ знаній въ университетахъ и ученыхъ обществахъ, но и вліянія этихъ знаній на практическую жизнь и педагогику. Мы будемъ еще имѣть случай говорить о томъ, какъ поѣтому Лейбницъ совѣтовалъ обращать вниманіе на математику и ввести во вновь-учреждаемыхъ въ Россіи школахъ всякаго рода тѣлесныя упражненія, даже упражненія въ ремеслахъ, напримѣръ—токарномъ, землемѣрствѣ и сельскомъ хозяйствѣ. Точно также онъ совѣтовалъ сдѣлать въ университетѣ изученіе математики обязательнымъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ, поощрять занятія механикой и архитектурой и открыть въ каждомъ университетѣ особую кафедру сельскаго хозяйства для желающихъ. Но ему не могло прійти въ голову изгнать латинскій языкъ изъ системы высшаго образованія. Относительно же Россіи Лейбницъ желалъ, чтобъ она усвоила себѣ европейское образованіе, а поѣтому естественно долженъ былъ желать, чтобы въ русскія высшія школы былъ введенъ латинскій языкъ.

Чтобы познакомиться съ состояніемъ страны, Лейбницъ совѣтуетъ составлять карты, записывать особенности нарѣчій и обычаи, изслѣдовать промыслы, опредѣляя то, что страна производитъ и что она могла бы производить. Между средствами, предложенными Лейбницомъ для точнаго географическаго описанія страны, нашего вниманія особенно заслуживаютъ два совѣта: во-первыхъ—производить наблюденіе надъ уклоненіемъ магнитной стрѣлки, и во-вторыхъ—изслѣдовать берега восточной Азіи и узнать, соединяется ли Азія съ Америкой въ одинъ материкъ, или же онѣ раздѣлены проливомъ.

«Богъ, какъ зиждитель всякаго порядка, управляетъ всѣмъ своею невидимою десницею мудро и законно. Боги этого міра, представляющіе образчикъ Божьяго могущества, должны устроить свое правленіе по образу небесной державы, если хотятъ за свои большіе труды наслаждаться процвѣтаніемъ своего государства. Ваше царское величество, какъ кажется, совершенно убѣждены въ справедливости этихъ словъ; ибо ваше похвальное рвеніе дать высшимъ областямъ хорошее устройство извѣстно всему свѣту, и Европа съ изумленіемъ взираетъ на плоды этого великаго подвига. Это зрѣлище вдохновляетъ многія сердца и вселяетъ въ нихъ желаніе содѣйствовать всѣмъ, что они считаютъ полезнымъ для такаго святаго дѣла. Я откровенно признаюсь, что нахожусь въ числѣ тѣхъ, которые исполнены рвенія способствовать по своимъ силамъ къ благоденствію вашей царской державы. Поѣтому я надѣюсь, что это всеподданнѣйшее предложеніе, заключающееся въ моей запискѣ, будетъ принято вашимъ величествомъ сообразно съ вашею милостью, извѣстною всему свѣту, не какъ смѣлое, достойное наказанія предпріятіе, а какъ выраженіе моего желанія видѣть государство вашего царскаго величества въ цвѣтущемъ состояніи. Въ этой надеждѣ подаю эти листы съ глубочайшимъ почтеніемъ и полнѣйшимъ уваженіемъ, всеподданнѣйше желая, чтобы Господь съ своей выси благословилъ великія намѣренія вашего

царскаго величества и еще долго сохранилъ вашу священную особу въ здоровьи и бодрости для благоденствія вашей державы».

Послѣ этого вступленія Лейбницъ переходитъ прямо къ вопросу о коллегіяхъ: «Опытъ достаточно доказалъ, что государство можно привести въ цвѣтущее состояніе только посредствомъ учрежденія хорошихъ коллегій, ибо какъ въ часахъ одно колесо приводится въ движеніе другимъ, такъ и въ великой государственной машинѣ одна коллегія должна приводить въ движеніе другую, и если все устроено съ точною соразмѣрностью и гармоніей, то стрѣлка жизни непременно будетъ показывать странѣ счастливые часы. Но какъ по различію часовъ, одни требуютъ большаго, другіе меньшаго количества колесъ, такъ бываютъ различны и государства, а потому никакъ нельзя установить для всѣхъ опредѣленнаго числа коллегій.

«Въ державѣ вашего царскаго величества можно было бы для начала довольствоваться слѣдующими девятью коллегіями, какъ главными колесами въ государственной машинѣ: 1) штатсъ-коллегія, 2) военная коллегія, 3) финансовая коллегія, 4) полицейская коллегія, 5) юстицъ-коллегія, 6) коммерцъ-коллегія, 7) коллегія для религіозныхъ дѣлъ, 8) ревизіонная коллегія и 9) ученая коллегія.

«Каждая изъ этихъ коллегій требуетъ особеннаго описанія относительно того, какія лица необходимы для коллегіи, въ чемъ должна заключаться ихъ обязанность, и какую пользу окажетъ коллегія вашему величеству и вашей державѣ.

«Я хочу описать теперь по этой методѣ только послѣднюю, то есть—ученую коллегію. Если это описаніе заслужитъ всемілостивѣйшаго одобренія вашего величества, я готовъ потомъ составить инструкцію для устройства остальныхъ коллегій, исключая штатсъ-и военной коллегій. Что касается до свойства тѣхъ лицъ, которыя могутъ быть членами ученой коллегіи, то они должны знать свой предметъ основательно, а не поверхностно. Полуневѣжды (Stümper) не могутъ принести пользы странѣ. Каждый изъ членовъ-архитекторовъ, медикъ, химикъ, механикъ, историкъ и пр.,—всѣ они должны знать свое дѣло въ такомъ совершенствѣ, какое только возможно въ ихъ время. Обязанности ихъ должны заключаться въ слѣдующемъ: 1) изложить свою науку по лучшей методѣ и постоянно развивать ее, чтобъ извлекать изъ нея новыя свѣдѣнія; 2) подвергать экзамену тѣхъ, которые годны для путешествія за границу, и указывать вашему величеству, къ чему каждый болѣе способенъ. Польза, которую принесетъ такая коллегія, будетъ слѣдующая: 1) невѣжество мало-по-малу исчезнетъ въ странѣ; 2) въ извѣстныхъ случаяхъ можно будетъ испрашивать совѣта ученой коллегіи; 3) собраніе такихъ замѣчательныхъ людей будетъ привлекать иностранцевъ; 4) посланные за границу юноши возвратятся съ большою пользою, что послужитъ къ уменьшенію расходовъ вашего величества; 5) ваше величество будете имѣть со временемъ изъ вашего собственнаго народа и по всѣмъ предметамъ такихъ же отличныхъ ученыхъ, и даже лучшихъ, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ».

Лейбницъ, коснувшись устройства ученой коллегіи, которую онъ представлялъ себѣ въ родѣ академіи съ административною властью и главнымъ надзоромъ за народнымъ просвѣщеніемъ, переходитъ затѣмъ къ устройству университета. Для хорошаго обученія и воспитанія юно-

шества необходимо устроить университетъ. Для этого нужно: 1) большое зданіе, въ которомъ профессора или преподаватели могли бы удобно помѣщаться, 2) хорошая бібліотека и 3) типографія. Затѣмъ слѣдуетъ обзоръ предметовъ, входящихъ въ университетское преподаваніе, по слѣдующей системѣ: «Преподаваніе юношеству заключается въ познаваніи Творца и твореній. Для истиннаго познаванія ихъ необходимо откровеніе Божіе въ Священномъ Писаніи. Отсюда: 1) богословіе, заключающееся не въ бесполезныхъ спорахъ и преніяхъ о внѣшнихъ обрядахъ, но въ искренней любви къ Богу и къ ближнему. Творенія могутъ быть чисто-духовныя, духовно-тѣлесныя и тѣлесныя; первая изучаетъ— 2) пневматика. Духовно-тѣлесныя творенія или человѣка можно изучать двоякимъ образомъ: съ точки зрѣнія своего я и другихъ людей. Въ себѣ я могу изучать душу и тѣло. Душа проявляется главнымъ образомъ въ двухъ силахъ, въ умѣ и волѣ. Что такое умъ, какіе его недостатки, какъ ихъ исправлять, какъ изслѣдовать истину и передавать ее другимъ—этому учить 3) логика. Какъ исправлять волю и ея дурныя склонности, этому учить 4) этика. Познавать свое тѣло и средства для его сохраненія учить 5) медицина. Что касается до другихъ людей, то они могутъ быть умершіе и живые. Знакомство съ умершими и съ тѣмъ, что они были въ жизни, составляетъ предметъ 6) исторіи. Знакомство съ живущими, чтобы воздавать каждому свое и вести себя благоразумно относительно ихъ составляетъ предметъ 7) естественнаго и политическаго права. Тѣлесныя творенія могутъ быть или надо мною—съ ними знакомить 8) астрономія,—или же около меня, ими занимаются: 9) географія, 10) архитектура, напримѣръ, строеніями, кораблями, крѣпостями; для ихъ измѣренія необходимы: 11) геометрія; основаніе же геометріи составляетъ ариметика, а для того, чтобы пользоваться всѣми удобствами на сушѣ и на водѣ, необходима 12) механика. На землѣ, въ водѣ и въ воздухѣ водятся разныя творенія; ихъ свойства показываетъ 13) физика, а составныя части показываетъ 14) химія. Для того, чтобы человѣкъ не утомился отъ постояннаго труда ему необходима для отдыха 15) музыка; а если человѣкъ желаетъ передать другимъ то, чему онъ выучился, ему нужны 16) языки. Такое громадное предпріятіе, безъ сомнѣнія, потребуетъ большихъ расходовъ. Но какъ найти источники для нихъ, не уменьшая доходовъ вашего величества и не обременяя вашихъ подданныхъ, я готовъ указать, если будетъ на то воля вашего величества. Если бы ваше величество соизволило поручить это дѣло опытному и благоразумному директору, то можно было бы надѣяться, что при благословеніи Божьемъ въ нѣсколько лѣтъ окажется такая польза, какую невозможно здѣсь и описать».

Если желаніе Лейбница видѣть въ числѣ коллегій, которымъ имѣлось въ виду вручить управленіе новой Россіей, также особенную коллегію для завѣдыванія народнымъ просвѣщеніемъ и не исполнилось, то, однако, совѣты его въ этомъ отношеніи не остались безъ плодовъ, и можно съ увѣренностью предположить, что Пирмонтское свиданіе не осталось безъ вліянія на рѣшеніе Петра учредить еще въ свое царствованіе академію наукъ въ Петербургѣ.

БХХІ. УЧРЕЖДЕНІЕ ПЕТРОМЪ В. АКАДЕМІИ НАУКЪ

(Изъ соч. Пекарскаго: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В.»).

Извѣстно, что уставъ Академіи Наукъ въ Петербургѣ былъ утвержденъ Петромъ Великимъ въ январѣ 1724 г.; онъ помѣщенъ въ Полномъ Собраніи Законовъ. Въ кабинетныхъ бумагахъ государя сохранились двѣ бумаги, очевидно, написанныя до составленія устава и любопытныя въ томъ отношеніи, что могутъ служить объясненіемъ тѣхъ предположеній, съ которыми основывалось у насъ наше высшее ученое учрежденіе. Первая изъ этихъ бумагъ безъ года, съ краткимъ обозначеніемъ, что она «руки Петра Алексѣева Курбатова»:

«Въ установленіи академіи подобаеъ слѣдующіе пункты примѣчать:

I. Сумма, которая надобна къ установленію и содержанію академіи, такая да будетъ, чтобъ Е. И. В. казнѣ убытку не было-бъ, ниже бы государству какова отягощенія принесла. Та сумма пребываетъ непоколебимо при академіи и се да будетъ за фундаментъ высокой Е. И. В. милости академіи, дабы никто не дерзалъ оную сумму подъ какимъ бы видомъ ни было на инныя вещи издержать.

II. Мѣсто, идеже установлена будетъ академія, было бы такое, чтобъ былъ тамъ здравый воздухъ и добрая вода, и положеніе того мѣста было бы удобно, чтобъ отъ всѣхъ странъ можно было надежно придти, такожде и съѣстное бы было въ довольности.

III. Строенію подобаеъ быть тако учреждenu, дабы принадлежаще къ академіи люди свободно могли тамо жить и имѣло бы то строеніе привилію (привилегію) или увольненіе, да никто дерзнетъ тамо какое усильство учинить, но егда кто въ какое прегрѣшеніе тамо впадетъ, то опредѣленные отъ Е. И. В. на управленіе академіи персоны его судили бы и обвиняли. И тако, дабы академія прямо подъ Е. И. В. властію, а ни подъ какою-бы коллегіею была.

IV. Персоны къ управленію академіи да будутъ слѣдующія: 1) президентъ, 2) вице-президенты, 3) инспекторъ.

V. Управленіе вышеупомянутыхъ персонъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1. Оная сумма денегъ обрѣтается подъ управленіемъ вышеупомянутыхъ персонъ и тратятъ онѣ тѣ деньги, гдѣ нужда будетъ. 2. Президентъ и вице-президенты стараются о наукахъ, а инспекторъ управляетъ домостроительство. 3. Держать они по вся недѣли конференцію съ учителями для познанія, которые ученики прилежно и которые лѣниво учатся, какая въ чемъ скудость учинилась, и какъ оную исправить? И что въ такой конференціи учинено, надобно въ протоколъ записать и по вся мѣсяцы о томъ экстрактъ президенту подавать, дабы онъ всегда могъ, егда Е. И. В. о состояніи академіи изволить спросить, о томъ всеняжайше отвѣтъ дать. 4. Вице-президенты смотрятъ прилежно надъ профессорами, вѣрно-ли они свою службу исправляютъ. 5. Испытуютъ они юныхъ сердца и склонности, къ чему охоту имѣютъ и потому учреждаютъ они имъ и ученія. 6. Такожде смотрятъ они, чтобы во всей академіи единъ образъ былъ языку и ученію.

VI. Студенты могутъ быть разнаго чину, но надобно слѣдующія вещи между ими хранить: 1. Надо ученикамъ, или студентамъ объявить, что ученіе ихъ не яко бы они тѣмъ обременены были силою, но почитали бы они сіе за милость Е. И. В., и того ради не всякаго надобно къ сему допускать, но кто къ сему склонность будетъ имѣть. 2. Надобно онымъ уреченные годы въ академіи пребыть. 3. И когда они свои ученія окончили, надобно президенту и вице-президентамъ старатися, дабы они иностранныя земли съ пользою увидѣли, и даютъ они имъ инструкціи, какъ имъ содержать себя на пути, и добрую рекомендацію къ ученымъ людямъ, а паче всего не надобно допускать, чтобъ они въ иностранныя земли поѣхали, а языку того, куда поѣдутъ, не знали-бъ, ибо чрезъ сіе (знаніе языка) въ той землѣ въ 4 недѣли больше можно познать, нежели кто незнающій того языка въ нѣсколькихъ (sic) лѣта.

VII. Прибыль, которая изъ сей академіи будетъ, есть слѣдующая: 1. Что Е. И. В. изъ своихъ поданныхъ ученые люди получить. 2. По сему иноземцы будутъ приѣзжать въ академію и деньги свои здѣ въ землѣ тратить. 3. Оныя, которые поѣдутъ въ иностранныя земли, меньше денегъ будутъ тратить, понеже они больше въ одинъ годъ научатся, нежели иной въ десять лѣтъ.

Сіе токмо генерально предложено, но если Е. И. В. милостиво повелитъ, то можно пространнѣе и подробнѣе описать и что больше еще надобно усмотрѣть съ предложеніемъ (какимъ образомъ оную сумму получить) Е. И. В., токмо чтобъ надежно было, что оная сумма токмо на академическое иждивеніе будетъ употребляема.

Вторая бумага помѣщена рядомъ съ указомъ о переводчикахъ, состоявшимся 23 января 1724 г. Она также безъ обозначенія года, помѣчена лишь январемъ: «сообщено изъ сената».

«Въ установленной академіи будутъ обучаться студенты во всякихъ наукахъ, кромѣ богословія, юриспруденціи собственно таковой, и такъ до перваго степеня членовъ надлежащіе студенты, смотря по ихъ натуральному наклоненію, будутъ обученіе имѣть (отъ) учителей: 1) Ариметикѣ; 2) Геометріи; 3) Астрономіи; 4) Географіи; 5) Навигации; 6) Механикѣ; 7) Оптикѣ; 8) Архитектурѣ гражданской и воинской; 9) Физикѣ, теоретикѣ и экспериментальной; 10) Институтіи методической, анатомической и хирургической; 11) Химіи; 12) Исторіи натуральной; 13) Языкамъ, именно: латинскому, греческому, французскому и итальянскому; 14) Реторикѣ и ораторіи; 15) Исторіи древней и нынѣшней; 16) Логикѣ; 17) Метафизикѣ; 18) Этикѣ; 19) Политикѣ; 20) Юсъ публикѣ натуръ и народовъ»...

ЛХХІІ. УЧРЕЖДЕНІЕ ПЕТРОМЪ В. КУНСТКАМЕРЫ.

(изъ соч. Пекарскаго «Наука и литература при Петръ В.»).

Еще въ первое путешествіе свое по Европѣ Петръ приобрѣлъ нѣсколько экземпляровъ птицъ, рыбъ и насѣкомыхъ (раньше присылались въ Петербургъ собранія Рюйша и Вуттера). Составившееся такимъ образомъ собраніе, вмѣстѣ съ уродами и анатомическими препаратами московской большой аптеки, помѣщалось сначала въ Москвѣ, а потомъ перевезено въ Петербургъ въ лѣтній дворецъ. Въ 1714 г. царь присылалъ на корабль изъ Копенгагена «всякіе раритеты», которые принять и сохранять поручено было Шумахеру. Послѣдній по этому случаю просилъ князя Меншикова «отвести двѣ каморки, гдѣ оныя вещи убрать и къ нимъ для береженья крѣпкаго вина 40 ведръ, понеже тѣ вещи безъ вина состоятъ не могутъ».

Во второе заграничное путешествіе, именно въ 1716 г., царь сдѣлалъ нѣсколько серьезныхъ приобретеній для своего собранія: въ Данцигѣ онъ купилъ у доктора Готвальда коллекцію минераловъ, раковинъ и рѣдкихъ камней, а въ Амстердамѣ приобрѣлъ за 15 т. голландскихъ флориновъ у аптекаря Себы извѣстное въ свое время собраніе животныхъ, рыбъ, змѣй и насѣкомыхъ, сохранявшихся въ спиртѣ.

Тогда же и тамъ же старикъ Рюйшъ являлся засвидѣтельствовать царю свое почтеніе. Тотъ принялъ его ласково и, пожавъ ему руку, сказалъ: «Вы еще мой старинный наставникъ». Послѣ разныхъ переговоровъ въ 1717 г. Петръ купилъ знаменитый анатомическій кабинетъ этого ученаго за 50 т. флориновъ.

Возвратясь въ Петербургъ изъ заграничнаго путешествія, Петръ посѣтилъ свое собраніе рѣдкостей, называвшееся тогда кунстъ-камерою, и привезъ туда полученную имъ въ Копенгагенѣ половину окаменѣлаго хлѣба, котораго другая половина осталась тамъ, и родъ деревянной обуви, которую носили лапландцы. Взамѣнъ ихъ царь просилъ хранить въ копѣнгагенскомъ музеѣ русскія лапти.

13 февраля 1718 г. состоялся любопытный указъ о доставленіи въ кунстъ-камеру со всѣхъ концовъ Россіи уродовъ, рѣдкостей и пр.

«Понеже извѣстно есть, что какъ въ человѣческой породѣ, такъ въ звѣрской и птичьей случается, что рождаются монстры, т. е. уроды, которые всегда во всѣхъ государствахъ собираются для диковинки, чего для передъ нѣсколькими лѣтами уже указъ сказавъ, чтобъ такіе приносили, общія платежъ за оныя, которыхъ нѣсколько уже и принесено, а именно: два младенца—каждый о двухъ головахъ, два—которые срослись тѣлами. Однакожь въ такомъ великомъ государствѣ можетъ болѣе быть, но таятъ невѣжды, чая, что такіе уроды рождаются отъ дѣйства дьявольскаго, чему быть невозможно, ибо единъ Творецъ всея твари Богъ, а не дьяволъ, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ; но отъ поврежденія внутренняго, также отъ страха и мнѣнія матерняго во время бремени, какъ тому есть многіе примѣры: чего испужается мать, такіе знаки на дитяти бывають; также, когда ушибется или больна будетъ, и проч.

Того ради накі сей указъ подновляется, дабы конечно такіе, какъ чело­вѣчи, такъ скотскіе, звѣриные и птичьи уроды, приносили въ каж­домъ городѣ къ комендантамъ своимъ, и имъ за то будетъ давана плата, а именно: за чело­вѣческую по 10 р., за скотскую и звѣриную по 5, а за птичью по 3 р.—за мертвыхъ. А за живыя: за чело­вѣческую по 100 р., за скотскую и звѣриную по 15 р., за птичью по 7 р. А ежели очень чудное, то дадутъ и болѣе; буде же съ малою отмѣною передъ обыкновеннымъ, то меньше. Еще же и сіе прилагается: что ежели у нарочитыхъ родятся, и для стыда не захотятъ принести, и на то такой способъ: чтобъ тѣ неповинны были сказывать—че? Но принявъ, деньги тотчасъ давъ, отпустить. А ежели кто противъ сего будетъ таить, на такихъ возвѣщать; а кто обличенъ будетъ, на томъ штрафу брать въде­сятеро противъ платежа за оныя, и тѣ деньги отдавать извѣтчикамъ. Также, ежели кто найдетъ въ землѣ, или въ водѣ какія старыя вещи, а именно: каменя необыкновенные, кости чело­вѣческія или скотскія, рыбы или птичьи, не такія, какія у насъ нынѣ есть, или и такія, да зѣло велики или малы предъ обыкновеннымъ; также, какія старыя надписи на каменяхъ, желѣзъ или мѣди, или какое старое, необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зѣло старо и необыкновенно—также бы приносили, за что будетъ довольная дача, смотря по вещи, понеже, не выдавъ, положить нельзя цѣны. Вышерѣченные уроды, какъ чело­вѣчи, такъ и животныхъ, когда умрутъ, класть въ спирты; буде же того нѣтъ, то въ двойное, а по нуждѣ и въ простое вино и закрыть крѣпко, дабы не испортилось; за которое вино заплачено будетъ изъ аптеки особливо».

Въ мартѣ 1719 г. Блюментрость въ докладѣ о разныхъ нуждахъ кунсть-камеры добавляетъ: «окромѣ того, надобно корреспонденцію имѣть въ чужіе край съ учеными людьми, также книги покупать, которыя въ разныхъ государствахъ вновь выдаются и на оныя надобно будетъ та­коже нѣсколько денегъ по разсужденію».

Во время похода въ Персію Петръ не забывалъ своей кунсть-камеры и 22 декабря 1722 г. посылалъ изъ Астрахани слѣдующее собственно­ручное письмо къ оберъ-директору надъ строеніями въ Петербургѣ У. Я. Синявину: «Господинъ директоръ. Кунштъ-камеръ камнемъ отдѣ­лать, чаю, и покрыть. А шкафы на вещи не починованы дѣлать, того для, по полученіи сего, призови Шумахера, которому кабинетъ врученъ, чтобъ тебѣ далъ роспись и показалъ мѣста, гдѣ что дѣлать, и по оному дѣлай немедленно, дабы въ будущее лѣто оной кунштъ-камеръ видѣть готовымъ. Петръ. Изъ Астрахани въ 22 день октября 1722 г.».

Изъ того же похода кабинетъ-секретарь Макаровъ, будучи въ Дер­бенѣ, писалъ, что царь «указалъ отослать въ кунштъ-камеръ для куріозите» деревянное блюдо съ серебрянымъ ключомъ города Дербента и одно изъ мѣдныхъ ядеръ, которыми стрѣляли въ русскихъ козылбаши. Чтобъ угодить царю, частныя лица начали дѣлать разныя приношенія въ кунсть-камеру. Обычай отсылать въ кунсть-камеру все достопримѣ­чательное, или считавшееся таковымъ, существовалъ и послѣ Петра.

Берхгольцъ, при осмотрѣ кунсть-камеры, видѣлъ тамъ нѣсколько живыхъ уродовъ. Изъ денежныхъ отчетовъ ея 1719—23 годовъ видно, что тамъ выходило «на монструмовъ живыхъ»: Якова, Степана и Оому по рублю въ мѣсяцъ на каждого...

Изъ разсказовъ Шумахера Штелину видно, что Петръ В. часто посѣщалъ кунсть-камеру и разъ даже давалъ тамъ торжественную аудіенцію послу римскаго императора, несмотря на представленіе нашего вице-канцлера, что это было бы лучше сдѣлать во дворцѣ. Извѣстно, что царь былъ врагъ всякихъ придворныхъ этикетовъ, а потому отвѣтъ его, передаваемый Штелинымъ, заслуживаетъ нѣкотораго вѣроятія: «пуская посолъ сюда придетъ; для него все равно, гдѣ бы я ни принялъ его въ первый разъ. Вѣдь онъ ко мнѣ присланъ, а не въ тотъ или другой домъ. Если онъ имѣетъ, что сказать мнѣ, то можетъ сказать, гдѣ бы я ни былъ». Однажды Петру совѣтовалъ Ягужинскій наложить плату за посѣщеніе кунсть-камеры; но царь замѣтилъ, что тогда никто не будетъ посѣщать ее, и потому, напротивъ, опредѣлилъ особенную сумму для угощенія посѣтителей. Шумахеру, сверхъ жалованья, отпускалось на то 400 рублей. Штелинъ и при Аннѣ Иоанновнѣ былъ часто свидѣтелемъ подобныхъ угощеній въ кунсть-камерѣ.

ЛХХІІІ. УЧРЕЖДЕНІЕ БИБЛІОТЕКИ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(Изъ соч. Пекарскаго «Наука и литература при Петрѣ В.»).

Нынѣшняя бібліотека при академіи наукъ въ Петербургѣ замѣчательна тѣмъ, что это самое первое въ Россіи книгохранилище, которое сдѣлалось (съ 25 октября 1728 г.) доступнымъ для общественнаго пользованія. Появленіе въ Петербургѣ и распространеніе этой бібліотеки въ первые годы ея существованія было дѣломъ случая: во время занятія нашими войсками, въ началѣ XVIII ст., городовъ въ остзейскихъ провинціяхъ отбирали необходимыя тамъ книги (въ Митавѣ, напримѣръ, такимъ способомъ приобрѣтено до 2,500 томовъ сочиненій, по большей части философскихъ и богословскихъ) и пересылали ихъ въ Петербургъ. Они складывались здѣсь во дворцѣ въ Лѣтнемъ саду, и потомъ, къ нимъ присоединены привезенныя изъ Москвы сочиненія по части химіи и медицины, которыми до того времени, вѣроятно, пользовалась Московская аптека.

Съ 1718 г. Петербургская бібліотека значительно стала увеличиваться поступавшими въ нее разными частными собраніями. Принадлежавшее царевичу Алексѣю, сыну Петра, замѣчательно по своему прежнему владѣльцу. Изъ всѣхъ извѣстій о царевичѣ можно легко замѣтить, что въ немъ, какъ обожателѣ Россіи до-петровской, сильно отражалось направленіе старинной нашей грамотности, выразившееся въ исключительномъ стремленіи къ религіознымъ вопросамъ, къ предметамъ, касающимся вѣры. Гюссенъ о пятнадцатилѣтнемъ Алексѣѣ писалъ уже, что онъ изъ благочестія и по собственному побужденію прочиталъ пять разъ славянскую біблію и одинъ разъ на нѣмецкомъ языкѣ, также прилежно занимался твореніями св. отцовъ и пр. Это направленіе отразилось и въ выборѣ иностранныхъ книгъ бібліотеки царевича: она вся заключалась въ 265 томахъ, изъ которыхъ самое малое число относится до

что Е. И. В. съ Швеціею войну начать имѣлъ, которыхъ книгъ цѣновщики русскіе и иностранцы цѣнить не умѣють... и, по Е. И. В. указу, высшій судъ приказали: вышписанныя книги отослать къ тебѣ, понеже бібліотека имѣется въ твоемъ вѣдѣніи; и которыя изъ оныхъ книгъ потребны будутъ къ бібліотекѣ, и тѣ отдать по оцѣнкѣ, а прочія возвращать къ отписнымъ Шафирову пожиткамъ»...

Шафировское собраніе было послѣднимъ при Петрѣ В. приобрѣтеніемъ Петербургской бібліотеки.

LXXIV. ВЗГЛЯДЪ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НА ОТНОШЕНІЕ ЕГО КЪ ОБЩЕМУ ОБРАЗОВАНІЮ ВЪ ПЕТРОВСКІЮ ЭПОХУ.

(Изъ соч. Владимірскаго-Буданова: «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в.»).

Личный взглядъ Петра на цѣль образованія выраженъ имъ еще въ концѣ XVII в., по возвращеніи его изъ перваго путешествія по Европѣ, въ извѣстномъ разговорѣ его съ патриархомъ Адрианомъ. Въ немъ Петръ признаетъ, что «евангельское ученіе и свѣтъ его сіе есть знаніе Божеское человекамъ паче всего въ жизни сей надобно»; намъ нѣтъ надобности подозрѣвать въ этихъ словахъ неискренность, уступку, полагать, что Петръ говорилъ это только потому, что разговаривалъ съ патриархомъ; по его системѣ духовное образованіе для извѣстнаго класса общества было столь же необходимо, какъ другія профессиональныя формы для другихъ классовъ. Это именно и выражаетъ Петръ въ слѣдующихъ словахъ: «и изъ школы бы во всякій потребности люди благоразумно учаса, происходили въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовать, знати строеніе и докторское врачевское искусство». Т. е. образованіе, въ глазахъ Петра явилось не въ своемъ существенномъ единствѣ, а въ частныхъ профессиональныхъ формахъ своихъ, какъ образованіе духовное, юридическое, военное, художественное (архитектура) и медицинское.

Эту мысль Петръ дѣлилъ со многими прогрессивными умами того времени. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить взглядъ Петра со взглядами всѣхъ тѣхъ прожектеровъ, которые вначалѣ XVIII в. подавали русскому правительству массу соображеній о развитіи образованія на Руси. По самой сущности дѣла, составители прожектовъ болшею частію принадлежали не къ русской народности, а къ образованнымъ людямъ или востока (Греціи и южной Руси), или запада (Германіи). Понятіе о цѣли образованія у первыхъ существенно рознится отъ понятія о томъ же у вторыхъ. Первые, сохраняя болѣе живыя преданія о необходимости общаго образованія, придаютъ ему однако характеръ исключительно религіозный и тѣмъ, помимо воли своей, вмѣсто общаго образованія, рекомендуютъ спеціально духовное. Такъ одинъ изъ нихъ, рекомендуя для школы греческій языкъ, какъ «главу прочихъ языковъ», тѣмъ обличаетъ свое греческое происхожденіе, или по крайней мѣрѣ принадлежность къ греческой церкви; по его мнѣнію, цѣль образованія есть «прославленіе Св. Троицы». Распределеніе классовъ и составъ наукъ, рекомендуемые имъ, тѣ самыя, которые приняты были въ южно-русскихъ среднихъ школахъ со времени преобразованія Петра Могилы и которые

усвоены были въ семинаріяхъ великорусскихъ. Такимъ образомъ этотъ проэктъ, подъ именемъ общаго образованія, опредѣляетъ одну изъ профессиональныхъ формъ его, которая и была усвоена законодательствомъ и практикою; слѣдовательно напрасно говорятъ, что «этотъ проэктъ не имѣлъ въ петровскія времена никакого примѣненія». Ко времени образованія коллегіи начинается рядъ другихъ проэктвъ, въ которыхъ уже понятіе о единой сущности образованія совершенно теряется. Одинъ безыменный составитель проэкта опредѣляетъ цѣль образованія слѣдующимъ образомъ: «къ коллегіямъ, яко же къ прочимъ гражданскимъ и военнымъ чинамъ, многихъ искусныхъ и ученыхъ людей требуется, и монарху великому полезнѣйше есть, егда изъ своихъ природныхъ подданныхъ всѣ такіа достойныя персоны имѣть можетъ»... Конечно, для дѣйствія государственной машины рѣшительно все равно, къ какой національности принадлежать орудія, приводящія ее въ движеніе, но составителю проэкта казалось выгоднѣе имѣть ихъ изъ природныхъ подданныхъ, между прочимъ именно вслѣдствіе относительной дешевизны этихъ послѣднихъ. Для такой цѣли и только для этой составитель проэкта рекомендуетъ установить академію для шляхетной юности, — академію, «въ которыхъ юность не токмо всѣмъ разнымъ языкамъ и экзерциціямъ, но и всѣмъ прочимъ ученіямъ, яко фортификаціи, архитектуры, навигаціи и инымъ подобнымъ ученіямъ выучиться могутъ». Такимъ образомъ, если первый проэктъ указываетъ одну форму профессиональнаго образованія, именно образованіе духовное, второй указываетъ другую, именно образованіе дворянское, преимущественно военное. Впрочемъ, у составителя этого послѣдняго проэкта было нѣкоторое понятіе о разчлененіи профессиональнаго образованія: «на такихъ академіяхъ, говорить онъ, можно каждому понятность и склоненіе испытывать, и всякъ въ послѣдованіи по своему склоненію научелъ быть можетъ, еже въ чужихъ земляхъ большей части юности улается. А вышеупомянутымъ обычаемъ изъ юности ко всякимъ санамъ, чинамъ и службамъ искусныя персоны учинены быть могутъ».

Другой такой же секретъ, какъ въ малое время російскихъ молодыхъ людей въ совершенство поставить чрезъ обученіе и воспитаніе, имѣлъ особенный успѣхъ. Совершенство о которомъ здѣсь говорится, состоитъ въ томъ, чтобы царь могъ наполнять всѣ гражданскіе и воинскіе чины въ коллегіяхъ, губерніяхъ, судахъ, канцеляріяхъ, магистратахъ и проч. «своими природными подданными и могъ получить собственной своей земли изъ дѣтей искусными купеческихъ людей художниковъ, ремесленниковъ, шкиперовъ и матрозовъ». Проэктъ этотъ представленъ царю тѣмъ самымъ Генрихомъ Фикомъ, который впоследствии такъ жестоко заплатился за свою страсть къ проэктамъ, 11 іюля 1718 г.; Петру, вѣроятно, понравилась въ немъ полнота, обнимающая собою большую часть профессій, именно государственно-служебныхъ и экономическихъ. При этомъ однако нельзя не замѣтить, что этотъ третій проэктъ опредѣляетъ преимущественно лишь одну третью профессію, именно профессію гражданской службы (экономическая, какъ увидимъ, въ понятіяхъ людей начала XVIII в. тѣсно сливалась съ этою послѣднею). Именно такой смыслъ приданъ проэкту самимъ Петромъ, который написалъ на немъ: «сдѣлать академію, а нынѣ прійскать изъ русскихъ кто ученъ и къ тому склонность имѣетъ, также начать переводить книги юриспруденціи и прочія кто (вѣроятно: какія можетъ); сіе учинить сего году начало». Въ мысляхъ Петра Академія прежде всего носила приказно-юридическій характеръ.

Итакъ, три проэктора рекомендуютъ, подъ видомъ общаго образованія, отдѣльныя профессиональныя формы его; и ни одинъ изъ нихъ не возвысился до указанія на другую высшую цѣль образованія, на то значеніе его, которое такъ твердо выразилъ XVII вѣкъ въ терминахъ: «людность» и «шудрость».

До какой степени въ глазахъ этихъ просвѣтителей Россіи человѣческое образованіе было ничтожно предъ другими задачами государства, это самымъ ценнымъ образомъ высказалъ Vockerodt, составившій въ 1738 г. свой очеркъ Россіи при Петрѣ В. Сказавъ, что Петръ извлекъ свое духовенство изъ такого невѣжества, которое превосходило невѣжество европейскаго духовенства въ самые темные вѣка папства, авторъ въ заключеніе спрашиваетъ: «политично ли поступилъ въ этомъ случаѣ Петръ?» И отвѣчаетъ, что неполитично: образованное духовенство противопоставило ему въ его другихъ реформахъ гораздо болѣе сильную оппозицію, чѣмъ какую онъ могъ бы встрѣтить въ невѣжественномъ клирѣ. Намъ конечно занимаетъ здѣсь не историческая неправда объ оппозиціи Петру со стороны образованнаго имъ духовенства, а дикая мысль о вредѣ образованія для кого бы то ни было.

Изъ всей этой толпы изобрѣтателей секретовъ какъ выучить русскій народъ цивилизаціи въ нѣсколько уроковъ, блестящее исключеніе составляетъ величайшій умъ той эпохи—Лейбницъ; его понятіе объ образованіи, рекомендованное имъ Петру, столь же отличается отъ мнѣній представленныхъ выше, и впоследствии усвоенныхъ у насъ, на сколько «воинскія экзерциціи» разнятся отъ изученій философіи, несмотря на то, что и Лейбницъ платилъ нѣкоторую дань обоготворенію государства, распространенному въ ту эпоху. Въ запискѣ о распространеніи наукъ въ Россіи, относящейся къ декабрю 1808 г., онъ опредѣляетъ свое участіе къ распространенію просвѣщенія въ Россіи желаніемъ «содѣйствовать сколько нибудь общему благу и усовершенствованію людей, а также славы Божіей».—Въ ней цѣль образованія опредѣляется такъ: «истинную цѣль науки составляетъ блаженство людей, т. е. состояніе постояннаго удовольствія, на сколько это возможно для человѣка...; средство, съ помощію котораго можно повести людей на этотъ путь добродѣтели и счастья, заключается въ хорошемъ воспитаніи юношества. Посредствомъ воспитанія можно даже у животныхъ дѣлать чудеса, тѣмъ болѣе у людей, которые получили отъ Господа безсмертную душу и созданы по Его образу и подобію. Юношество можно такъ вести, чтобы вселить въ него любовь къ добродѣтели и охоту къ наукѣ; между тѣмъ взрослыхъ, которые не получили такого воспитанія, нужно сдерживать страхомъ наказанія. Какія средства ведутъ къ этой цѣли? или иначе: какую организацію образованію въ Россіи хотѣлъ бы придать Лейбницъ? Подробный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Лейбницъ въ запискѣ, которую относятъ къ 1716 г., поданной имъ царю.

Раздѣляя образованіе на низшее, среднее и высшее, Лейбницъ даетъ характеръ общаго образованія лишь первому, приписывая второму спеціальнй характеръ, а третьимъ считаетъ ученую разработку науки. Въ учрежденіяхъ для образованія первому соотвѣтствуетъ школа, второму университетъ, третьему академія наукъ.—Его школа однако не есть школа элементарная; не отъ азбуки переходитъ онъ къ спеціальному образованію; его школы (которыя онъ рекомендуетъ учредить при монастыряхъ) суть гимназіи. Удивительно только то, что онъ для таковаго широкаго образованія назначаетъ весьма короткій срокъ: дѣти, предназначенныя къ ремесламъ и торговлѣ, обучаются въ школахъ до 12 или 14 лѣтняго возраста, а готовящіяся къ высшимъ профессіямъ до 18 лѣтняго возраста. Этимъ прежде всего отличается схема Лейбница отъ усвоенной и практикованной тогда въ Россіи. Образованіе заключается: въ нравственномъ воспитаніи, изученіи языковъ и приобрѣтеніи реальныхъ знаній (Künste). Оставляя пока въ сторонѣ воспитательное значеніе школъ, мы встрѣчаемся съ интереснымъ въ высшей степени распредѣленіемъ матеріала, образуящего собственно умъ: языки русскій, латинскій, нѣмецкій, греческій, французскій (или итальянскій) и еврейскій распредѣляются

такъ: для дѣтей, которыхъ будущая профессія есть ремесло (и вѣроятно земледѣльческій трудъ), образованіе должно ограничиться русскимъ языкомъ; для готовящихся къ торговой профессіи—латинскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, для предназначенныхъ къ свѣтскимъ т. н. «ученымъ» профессіямъ образованіе должно заканчиваться греческимъ и французскимъ языкомъ; для готовящихся къ духовной дѣятельности, сверхъ всѣхъ прочихъ, необходимъ еврейскій языкъ. Ни отъ кого не скроется, что такимъ образомъ Лейбницъ вводитъ въ общее образованіе элементъ профессиональный; создавая одну школу для общаго образованія всѣхъ и одну схему образованія для этой школы, онъ находитъ возможнымъ предназначить учащихъся для разныхъ профессій уже на этой ступени образованія. Здѣсь именно Лейбницъ платитъ дань своему вѣку. Эта же наклонность къ раннему введенію въ образованіе профессиональныхъ началъ замѣчается и въ составѣ наукъ и искусствъ, изъ которыхъ слагается реальный элементъ образованія; эти науки и искусства слѣдующія: «католицизмъ, основанія логики, музыка, арифметика, рисованіе, ручныя работы (какъ напр., токарное искусство и рѣзьба), геометрія, главные основанія ховаяства, фехтованіе, верховая ѣзда, смотря по свойствамъ и наклонностямъ каждаго». Но распредѣленіе этихъ знаній для каждаго ученика, очевидно, опредѣляется не склонностями, а будущею профессіею (не имъ избранною); такъ, указанныя ремесла предназначаются для будущихъ ремесленниковъ, фехтованіе и верховая ѣзда для будущихъ офицеровъ и т. д. Общими предметами для всѣхъ вѣроятно остаются законъ Божій и математика.

За то Лейбницъ въ спеціальное образованіе вводитъ элементъ общій.—Спеціальное образованіе дѣлится у него на два существенныхъ вида: одинъ для военной службы, другой для гражданской и духовной. Для готовящихся къ первой практической школою должны служить гарнизоны и гавани; для готовящихся ко вторымъ учреждаются *Ritteracademien* (терминъ, которымъ Лейбницъ обнаружилъ, что онъ предназначаетъ ихъ только для высшаго сословія); здѣсь то, предъ факультетскими занятіями, каждый долженъ «посвятить нѣкоторое время общему образованію», именно изученію математики и механики. Факультеты, проектируемые имъ суть: богословскій, юридическій и учительскій (педагогическій). Въ частности юридическій факультетъ долженъ заключать два отдѣленія: собственно юридическое (гдѣ изучается юстиція практически) и политическое для готовящихся къ высшимъ должностямъ администраціи; здѣсь изучается государственное право и всеобщая исторія.

Наконецъ, образованіе на своей высшей ступени (въ академіяхъ) достигаетъ снова характера общности. Это высшій идеальный образъ науки, изъ котораго для школьнаго обученія берутся лишь частныя, отрывочныя средства. Однако школьное обученіе должно имѣть въ виду эту идеальную цѣль, потому что въ ней выражается то возможное совершенство человѣческаго развитія, къ которому въ концѣ концовъ должно стремиться образованіе юношества. «Молодежь должна учиться познавать Творца и твореніе», а потому преподается богословіе, результаты котораго проявляются въ достиженіи истинной любви къ Богу и ближнему, существа духовныя составляютъ предметъ пневматики; человѣческій разумъ (*Verstand*) есть предметъ логики; исправленіе наклонностей воли есть предметъ этики; науки, посвященные изученію человѣческаго тѣла, суть медицина и хирургія. Познаніе о другихъ людяхъ и законахъ отношеній къ нимъ сообщается въ исторіи и правѣ естественномъ и государственномъ. Наконецъ, къ общему образованію Лейбницъ присоединяетъ науки естественныя, которыя разумѣетъ подъ двумя формами: географія и астрономія. Уже затѣмъ Лейбницъ указываетъ науки при-
----- (между которыми, къ удивленію, онъ помѣщаетъ математику, а именно

геометрію и арифметику), механику, физику и химию и для отдохновенія музыку. На изученіе языковъ онъ смотрѣлъ только, какъ на средство приобрѣтенія и распространенія знаній. Несмотря на видимыя недостатки этой схемы наукъ самой въ себѣ и въ особенности въ приложеніи ея къ Россіи, проэктъ Лейбница безконечно выше другихъ тѣмъ, что указываетъ въ образованіи совѣтъ другую цѣль, или правильнѣе, видитъ цѣль въ самомъ образованіи, а не подчиняетъ его другимъ цѣлямъ.

Лейбницъ представлялъ эту систему наукъ именно въ виду интересовъ Россіи; несомнѣнно, что на Россію онъ смотрѣлъ, какъ на *tabula rasa*; онъ хотѣлъ и считалъ возможнымъ испытать на ней примѣнимость высшихъ представлений о человѣческой цивилизаціи; но онъ зналъ также, что для Россіи того времени, для обновленія ея въ экономическомъ и политическомъ отношеніи, были крайне необходимы профессиональныя знанія. Однако, именно для Россіи того времени насущною потребностью онъ считалъ «улучшеніе нравовъ и большую кротость» народа и средствомъ для этого признавалъ воспитаніе и обученіе. Пекарскій старается доказать, что мысли Лейбница не имѣли почти никакого практическаго значенія для Россіи въ эпоху реформы ея; кажется, что это совершенно излишне, потому что взглядъ нашего законодательства того времени на сущность и цѣль образованія и взглядъ Лейбница на тотъ же предметъ находятся на двухъ противоположныхъ полюсахъ. И мудрено ли, что правительство того времени въ числѣ своихъ основныхъ задачъ не считало распространенія образованія, если писатель нашего времени рѣшается сказать, что «просвѣщеніе, если говорить откровенно, было бы *излишнею тягостью* при томъ положеніи, въ какомъ находилась Россія въ старину». До такой жалкой крайности можетъ дойти никому не нужное желаніе защищать дѣятельность нашего правительства начала XVIII в.; авторъ «исторіи просвѣщенія» стужѣлъ найти такое положеніе, въ которомъ бы «просвѣщеніе было излишнею тягостью», и одною этою фразою доказалъ, что нашему современному образованію еще долго не приблизиться къ цѣли, указанной Лейбницемъ около 200 лѣтъ назадъ.

Въ этихъ словахъ, звучащихъ такъ странно, есть однако сторона истины, а именно: въ пол. XVIII в. народное образованіе не включено въ составъ задачъ государственнаго управленія, какъ самостоятельная часть его. Крайнее развитіе полицейскаго характера государства, характеризующее новый вѣкъ, когда государство становится себя источникомъ и цѣлью всякой человѣческой дѣятельности, вовсе не благопріятствовало развитію и укрѣпленію высказаннаго принципа. Государство не призвано служить интересамъ личности человѣка, а вся личность, со всюю совокупностью моральныхъ силъ, есть покорный слуга государства.

Уже съ самаго перваго года XVIII в. русское законодательство начинаетъ высказывать, что оно не признаетъ никакой другой цѣли въ образованіи, кромѣ значенія пригодности его для той или другой профессіи; говоря точнѣе, *образованіе вовсе не ставилось цѣлью законодательной и административной дѣятельности государства*: государство заботится о томъ, чтобы военная, гражданская и духовная служба отправлялась наилучшимъ образомъ; оно заботится объ обученіи, а не объ образованіи; ремеслу можно обучать, но не образовывать на немъ человѣка; образованіе умственныхъ силъ человѣка и, необходимое послѣдствіе его, образованіе воли (воспитаніе) не было въ виду у государства той эпохи. Все, что мы называемъ узаконеніями объ образованіи, въ точномъ смыслѣ составляетъ узаконенія о государственной службѣ. Понятія службы и образованія смѣшиваются; вотъ почему намъ приходилось и придется

говорить не разъ о такихъ мѣрахъ, которыя не имѣютъ, повидному, ничего общаго съ народнымъ образованіемъ.

Правительство, выдавая въ началѣ 1700 года Тессингу привилегію на торговлю въ Россіи книгами, учебными пособиями и картинами, опредѣляетъ, что книги эти должны быть «математическія, архитектурныя и всякія по военной части», и что содержаніе этихъ книгъ должно служить «къ наивышней похвалѣ російскому царствію межъ европейскими монархи... и ко обученію всякихъ художествъ и вѣдѣнію». Цѣль, къ которой стремилось законодательство Петра и его ближайшихъ преемниковъ въ своемъ отношеніи къ народному образованію, выражается въ слѣдующихъ началахъ: «чтобъ вся, яже попу или дякону надобно знать, изучились» (какъ сказано въ резолюціи на прошеніе Тобольскаго митрополита Филофея); «учить подъячихъ ихъ дѣлу» (ук. 1721 г., ноября 10). Самое отчетливое уясненіе цѣли образованія даютъ намъ Петръ и Теофанъ Прокоповичъ въ духовномъ регламентѣ; здѣсь законодатель, начиная рѣчь о пользѣ образованія, пишетъ: «Извѣстно есть всему міру, каковая скудость и немощь была воинства російскаго, когда оно не имѣло правильнаго себѣ *ученія* и какъ несравненно умножилась его сила и надъ чаяніе велика и страшна стала, когда державный нашъ монархъ его величество Петръ I обучилъ же изрядными регулами. Тожь разумѣть и о архитектурѣ, и о врачествѣ, и о политическомъ правительствѣ и о всѣхъ прочихъ дѣлахъ. И наипаче тоежь разумѣть о управленіи церкви, когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкви поведенію».

Актъ учрежденія кадетскаго корпуса съ одной стороны подтверждаетъ, что такова именно была цѣль петровскихъ законовъ о народномъ образованіи, съ другой стороны свидѣтельствуетъ, что правительство и при Аннѣ продолжало руководиться тѣмъ же взглядомъ. Сказавъ, что Петръ сдѣлалъ для дворянъ гвардію школою и тѣмъ поднжалъ военное образованіе и искусство, актъ продолжаетъ:

«Такожь и въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ (т. е. въ высшей и низшей гражданской службѣ) не меньше старанія прилагать изволилъ посылкою для обученія въ чужіи краи и потомъ (въ) государствѣ указомъ опредѣлялъ во всѣхъ коллегіяхъ изъ шляхетства быть коллегіи юнкерамъ, дабы изъ нихъ, по примѣру другихъ европейскихкихъ государствъ чрезъ секретарство до высшихъ градусовъ производить могли, и напоследокъ академію наукъ учредилъ». Затѣмъ, переходя къ изложенію цѣли, для которой учреждается кадетскій корпусъ, законодатель такъ излагаетъ эту цѣль: «Хотя воинское дѣло понынѣ еще въ настоящемъ порядкѣ содержится, однакожь, дабы таковое славное и государству зело потребное дѣло наивышше въ искусствѣ производилось, весьма нужно, дабы шляхетство отъ *младыгъ лѣтъ* къ воинскому дѣлу въ теоріи обучены, а потомъ и въ практику годны были, того ради указали мы учредить корпусъ кадетовъ» и т. д.

Но государство не есть такой нравственный институтъ, который можетъ рассчитывать на постоянное самоотверженіе подданныхъ; опредѣляя службу себѣ цѣлію образованія частныхъ лицъ, оно должно было вызвать къ жизни какой-либо личный стимулъ, указать личную пользу въ образованіи для гражданъ. Это не трудно было сдѣлать при сословномъ характерѣ образованія: если въ сословіи наследственно передаются права на общественную дѣятельность, то въ немъ государственная цѣль дѣятельности сливается съ частною. Всякій долженъ учиться для себя, чтобы не имнстать къ нисней профессіи, въ нисшее сословіе. Эта личная цѣль постоянно и указывается законодательствомъ. Такъ, ученикамъ оно указываетъ «къ наукѣ такъ склоняться, дабы случай, (который)

по ея императорскаго величества высочайшей милости ииѣють доброму научиться, не упушдали, ибо чрезъ то неточію ея императорскаго величества службы впредь ими исправлены да будутъ, но и они собственное свое благополучіе впредь получить». Такъ, поощряя учиться военно-служилыхъ людей, законодатель съ укоромъ замѣчаетъ, что они не хотятъ учиться, несмотря на то, «что мы по высокоматерному своему милосердію, желая имъ всякаго добра, повелѣли учредить школы» и дать жалованье немущимъ, «чтобъ всѣ малолѣтныя служилыхъ отцовъ дѣти, имѣя надежное пропитаніе, обучились, кто къ какимъ наукамъ привлонность имѣть будетъ, дабы со временемъ не токмо государству полезны быть, но и сами себѣ чрезъ тѣ науки довольное пропитаніе сыскать могли».

Не трудно понять, что эта личная цѣль есть цѣль внѣшняя, т. е. цѣль, которую ставятъ себѣ человѣкъ, какъ членъ семьи, общества, государства или, наконецъ, какъ существо матеріальное. Эта цѣль есть «пропитаніе», кусокъ хлѣба въ болѣе или менѣе обширныхъ размѣрахъ этого понятія. Она лежитъ въ самомъ существѣ профессиональнаго образованія, назначеннаго къ служенію внѣшнимъ интересамъ человѣка и общества (духовная профессія какъ профессія, а не исповѣдничество, есть также дѣятельность внѣшняя, служебная). То, что можетъ указать чедовѣку въ его профессіи высшую общечеловѣческую цѣль, повести его при исполненіи профессіи далѣе «добычи», дается не профессиональнымъ образованіемъ, а общимъ. За утратою понятія объ этомъ послѣднемъ *все* образованіе должно было принять ремесленно-служебный характеръ.

Итакъ, въ образованіи правительство видитъ одни интересы службы, а частныя лица—одни интересы матеріальной выгоды.

Хотя наклонность къ системѣ исключительно-профессиональнаго образованія замѣчается въ нашемъ законодательствѣ дѣйствительно съ первыхъ годовъ XVIII в., но къ окончательной выработкѣ этого понятія и системы развитія его въ обществѣ законодательство пришло не вдругъ. До 1720 года петровское правительство еще колеблется между общимъ и профессиональнымъ образованіемъ; въ самыхъ первыхъ годахъ XVIII в. стоятъ нерѣшительно одна противъ другой три формы общаго образованія: 1) форма, основанная на изученіи классическихъ языковъ (которая утвердилась въ Московской академіи), 2) форма, основанная на изученіи математики (которая усвоена исключительно Сухаревой башнею) и 3) форма, основанная на изученіи новыхъ языковъ и наукъ (которая представляема была «разноязычными школами»). Когда послѣдняя отпала, какъ непригодная ни къ какому роду службы, то двѣ первыя—классическое и математическое образованіе—соперничаютъ между собою, причемъ всякое представленіе объ общемъ образованіи утратилось и эти двѣ господствовавшія формы его приурочены къ двумъ главнѣйшимъ группамъ общества, превратились въ образованіе духовное и свѣтское и, наконецъ, каждое изъ нихъ разбилось на мелкія группы по профессіямъ, сословіямъ и классамъ.

Такъ утвердилась эта господствующая и характерная система того времени; здѣсь однако мы должны отмѣтить тѣ комбинаціи, въ которыя невольно вступило профессиональное образованіе съ общимъ, уничтожить которое вполне не могла профессиональная система ради собственного существованія: нельзя же учиться фортификаціи, не зная грамоты. Комбинаціи эти слѣдующія. Профессиональное образованіе или совершенно исключаетъ общее, если конкуренція этого послѣдняго вредна для перваго, или допускаетъ предварительно одно элементарное образованіе (при низшихъ профессіяхъ), или наконецъ обращаетъ общее образованіе въ приготовительное къ профессиональному (при высшихъ профессіяхъ).

Первый способъ отношеній къ общему образованію представляетъ, напр., уза-

коняніе 1735 г. о горныхъ школахъ. В. Н. Татищевъ представляетъ кабинетъ-министрамъ, между прочимъ, слѣдующее: «обывательскихъ дѣтей отъ 6 до 12 л. въ школахъ обучать охотниковъ, а въ неволю не принуждать». Побужденіемъ къ такой странной мѣрѣ, идущей въ разрѣзъ съ общему системѣ принужденія, служитъ слѣдующее соображеніе: «понеже такого возраста (дѣти) многія заводскія работы исправляютъ и при добычѣ мѣдныхъ рудъ носятъ руду на пожеги и въ прочихъ легкихъ работахъ и у *мастеровъ* въ *наукахъ* бывають, и послѣ отцевъ заводское дѣло на себѣ приѣмлютъ; а ежели такого возраста работныхъ людей дѣти отлучены будутъ въ школы, и отъ того впредь заводовъ размножать будетъ некъмъ». Такимъ образомъ, здѣсь профессія легче можетъ быть изучена практикою, а всякое образованіе, даже элементарное (для котораго назначается самая ранняя молодость) вредитъ профессіи. Кабинетъ согласился съ мнѣніемъ Татищева.

Гораздо болѣе важное приложеніе того же начала мы видѣли въ отношеніи къ классу городскихъ обывателей, которые, ради занятій за прилавкомъ, уволены были отъ элементарнаго образованія. Наконецъ еще болѣе важное и особенно пагубное прижѣненіе это начало нашло въ крестьянскомъ населеніи, котораго профессія вовсе не требуетъ никакого образованія и потому «крестьянскихъ дѣтей въ школы принимать не велѣно».

Но такъ какъ лишь весьма грубыя, ремесленные профессіи могутъ обойтись безъ грамотности, то большая часть видовъ профессиональнаго образованія допускала, а потомъ и требовала предварительнаго элементарнаго образованія. Первоначально это образованіе сообщалось въ самыхъ специальныхъ школахъ, при которыхъ и полагались первоначально особыя низшіе классы, обыкновенно называемые тогда «россійскими школами». Здѣсь безъ измѣненія продолжалась старая допетровская система элементарнаго обученія: «чтеніе шло общепринятымъ освещеннымъ древностію порядкомъ; оно начиналось азбукою, продолжалось часословомъ и псалтыремъ и оканчивалось гражданскою печатью».

Впослѣдствіи, приблизительно съ царствованія Анны, признано было удобнѣйшимъ возложить элементарное образованіе на попеченіе и обязанность семьи. Возрастъ всякаго человѣка, призваннаго къ общественной профессіи (крошъ самыхъ низшихъ профессій) и общественному образованію, распределенъ былъ на слѣдующія эпохи: 1) отъ рожденія до 7 л. (младенчество),—періодъ, на который государство не заявляетъ никакихъ притязаній: оно въ первый разъ свидѣтельствуетъ гражданъ въ 7 лѣтъ. 2) Отъ 7 до 12 лѣтъ есть время, назначенное для пріобрѣтенія элементарнаго образованія въ семействахъ: «чтобы они (дѣти) при томъ другомъ смотрѣ, по послѣдней мѣрѣ уже дѣйствительно и совершенно грамотѣ читать и чисто писать обучены были.

Въ духовномъ сословіи срокъ, съ котораго наступалъ періодъ элементарнаго образованія, и которымъ оканчивался онъ, не былъ строго и повсемѣстно опредѣленъ. Уже послѣ духовнаго регламента, въ 1723 г., синодъ опредѣлялъ собирать въ школы всѣхъ дѣтей отъ 7 до 18 лѣтъ; но 7-лѣтніе являлись только на смотръ и потомъ отпускались домой для обученія грамотѣ. И въ этомъ сословіи по постановленіямъ 30-хъ и 40-хъ годовъ XVIII в., ученики, представленные въ первый разъ на смотръ, должны быть обучены грамотѣ. Если смотръ захватилъ ихъ безграмотными, то родителямъ и родственникамъ ихъ назначается (за подпискою) срокъ, къ которому они должны обучить дѣтей грамотѣ и вновь представить ихъ, подъ угрозою штрафа до 10 руб. въ случаѣ неисполненія (т. е., если дѣти опять останутся безграмотными). Несмотря на эти угрозы, элементарное домашнее обученіе шло плохо: на смотръ являлось много неграмотныхъ, или притворявшихся неграмотными. Срокъ окончанія элементарнаго образованія опредѣлялся практикою

довольно однообразно; напр., въ Псковской епархіи требовалось, чтобы поступившія въ семинарію дѣти были не менѣе 12 лѣтъ. Еще въ 1740 г., по поводу судьбы лицъ, откупившихся отъ военной службы и обязанныхъ, по указу кабинета пріобрѣсти специальное духовное образованіе для занятія должностей по церковной службѣ, кабинетъ предписывалъ синоду «имѣть довольное разсужденіе о томъ, «отъ какихъ лѣтъ такого (полнаго духовнаго) обученія взыскивать, а прочихъ отъ дальнѣйшихъ наукъ освободить надлежитъ, и положиа тому указные годы, надлежащее опредѣленіе учинить». Наконецъ регламентъ новгородской семинаріи 1740 г. опредѣлилъ набирать въ семинарію такихъ, «которые уже обучены читать и писать въ русскомъ языкѣ, а именно отъ 10 до 11 лѣтъ». Въ другомъ мѣстѣ того же регламента 12-лѣтній возрастъ признается крайнимъ предѣломъ элементарнаго образованія: до сего времени, говоритъ регламентъ, содержали при семинаріи такихъ учениковъ, которые читать и писать по русски не обучены; всѣхъ такихъ отдать родителямъ ихъ, «чтобы они своихъ дѣтей до возраста ихъ въ 12 л. всему тому конечно обучили» и представили въ семинарію для обученія прочимъ наукамъ.

Хотя государство предоставило элементарное образованіе семьѣ и само непосредственно не участвовало въ заботахъ о немъ, но по временамъ сознавало необходимость регулировать домашнее элементарное обученіе. Такъ, въ 1722 г. Θεодосій, архіепископъ новгородскій, предложилъ синоду слѣдующее: «въ С.-Петербургѣ люди духовнаго и мірскаго чиновъ обучаютъ дѣтей С.-Петербургскихъ жителей словесной грамотѣ, которая въ дѣтскомъ возрастѣ требуетъ отъ учащаго весьма правильно граматичнаго отъ фундамента къ чтенію и письму наученіемъ вкорененія. А они, учащіе, всѣ ли таковаго находятся искусства, о томъ святѣйшему правительствующему синоду неизвѣстно. Чего ради надлежитъ быть имъ подъ присмотромъ и вѣдѣніемъ учителя, обрѣтающагося при троицкомъ александровскомъ монастырѣ Иродіона Тихонова». Синодъ приказалъ приходскимъ священникамъ съискать всѣхъ такихъ учителей и объявить имъ, что они должны явиться на экзаменъ къ Тихонову; явились архіерейскіе пѣвчіе, дьячки, дѣти ихъ и дворовые служители. Экзаменаторъ, запретивъ преподаваніе неспособнымъ, остальнымъ далъ инструкцію, какъ слѣдуетъ обучать дѣтей чтенію и письму.

Въ томъ же регламентѣ новгородской семинаріи предписывается учреждать элементарныя школы по уѣздамъ специально для дѣтей духовенства. Эта обязанность возлагается на начальство семинаріи, чтобы отцы не отговаривались, что школъ нѣтъ и они учителей съискать не могутъ; въ школахъ должна преподаваться русская грамотность; въ учителя избираются такіе священники и причетники, «которые въ праволагланіи и правописаніи знаютъ силу»; плата учителямъ назначается примѣнительно къ тому, что платили до сего времени ученики учителямъ, разумѣется, въ приходскихъ школахъ.

3) Возрастъ отъ 12 до 16 лѣтъ (или 15) назначается на пріобрѣтеніе *приготовительнаго* образованія. Это тотъ добавокъ къ элементарному образованію, который обязанъ былъ своимъ существованіемъ Петру и который онъ хотѣлъ сдѣлать обязательнымъ для всего населенія въ цыфирныхъ школахъ. Законодательство разсматривало эту форму образованія, какъ элементарную, хотя она заключаетъ въ себѣ существенные признаки specialнаго образованія. Теперь она сдѣлалась для большей части высшихъ профессій приготовительною. Неизмѣнною основою приготовительнаго образованія ариметика и геометрія оставались до царствованія Екатерины II-й, «чтобъ оныя (недоросли) всеконечно до другаго смотря... ариметикѣ и геометріи со основаніемъ обучены были». Но кромѣ этой основы оно заключало въ себѣ обязательно законъ Божій и обязательно ино-

странные языки. Знание «артикуловъ нашей православной католической вѣры греческаго исповѣданія признано «само собою» разумѣющимися должнымъ и нужнѣйшимъ» знаніемъ. Но въ дѣйствительности это знаніе, какъ видно, вовсе не разумѣлось само собою.

Въ составѣ приготовительнаго образованія это единственный предметъ, обнаруживающій всѣ свойства общаго образованія; въ изученіи его не предвидѣлось никакой сторонней цѣли; цѣль его для всѣхъ равнозначительная—«христіанскую должность и догматы православныя наша вѣры узнать и въ томъ бы право поступать».

Что касается до изученія иностранныхъ языковъ (которые, какъ мы упоминали уже, обозначаются обыкновенно среднее общее образованіе), то оно предоставлено было свободному произволу родителей высшихъ сословій. Они обязаны были обучить арифметику и геометрію «съ крѣпкимъ обязательствомъ»; объ иностранныхъ же языкахъ говорится, что имъ «по своему изволу учить стануть». Здѣсь разумѣются новые иностранные языки, которые въ духовномъ сословіи замѣнялись классическими, и преимущественно латинскимъ. Съ лучшей организаціею общественныхъ школъ (именно съ основаніемъ сухопутнаго корпуса), иностранные языки сдѣлались въ нихъ обязательною частью приготовительнаго образованія, но только какъ средство пріобрѣтенія профессиональныхъ знаній, въ виду крайняго недостатка учителей изъ русскихъ: «если такихъ учителей, говорятъ уставъ кадетскаго корпуса, которые-бы російскому языку искусны, достаточное число найти не можно, то во всѣхъ классахъ надлежитъ сначала обучать иностраннымъ языкамъ французскимъ и нѣмецкимъ, понеже молодые люди скорѣе оные языки, изъ которыхъ имъ науки разумѣть, перенимать могутъ, нежели учителя въ надлежащемъ совершенствѣ имъ по російски о наукахъ толковать». Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что для профессионально-военнаго и юридическаго образованія приготовительное образованіе получаетъ иной отбѣнокъ, чѣмъ для духовнаго: тамъ существенно подготовляющимъ предметамъ служатъ математика, здѣсь классическіе языки. Нельзя не сознаться, что это весьма сообразно съ сущностью дѣла.

Но изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что общаго образованія въ строгомъ смыслѣ ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ. Два предмета, всегда считавшіеся могущественными и единственными факторами общаго образованія, разъединены; общеобразовательная сила ихъ была парализована односторонностью и той и другой формы образованія. Что такая система не въ состояніи была замѣнить общее образованіе, это наиболѣе опредѣляется служебною ролью, назначенною для общеобразовательныхъ предметовъ въ отношеніи къ будущему специальному образованію.

Такимъ образомъ, профессиональное образованіе не предупреждалось общимъ. Каждый съ отроческихъ лѣтъ наклонялся къ той или другой внѣшней цѣли образованія. А это и было виною того, что ремесло оставалось ремесломъ; къ нему не приводило значеніе человѣческой образованности; хотя профессиональное и общее образованіе составляютъ формы одного и того же образованія, но первое безъ втораго совершенно теряетъ значеніе образованія и дѣлается ремесломъ. Отторженное отъ общаго профессиональное образованіе получило тотъ отталкивающій характеръ, который наша литература нерѣдко приписываетъ ошибочно самому профессиональному образованію.

Только въ самомъ концѣ описываемаго времени послышались въ нашемъ законодательствѣ отдѣльныя и робкія мнѣнія, что до извѣстнаго срока всѣ должны учиться одинаково, не готовясь еще ни къ какой службѣ. Представителемъ такихъ мнѣній въ законодательныхъ сферахъ едва-ли не нужно признать одного Ив. Ив. Шувалова.

ЛХХV. ШКОЛА МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ и НАВИГАЦЕИХЪ НАУКЪ.

(Изъ „Очерка русской морской истории“, Веселово).

При первыхъ попыткахъ къ кораблестроенію и военныхъ дѣйствіяхъ при осадѣ Азова, Петръ встрѣтилъ недостатокъ въ свѣдущихъ людяхъ по всѣмъ частямъ. Гдѣ только требовалось какое-нибудь специальное знаніе, тамъ дѣло не могло обойтись безъ иностранцевъ, которыхъ приходилось выписывать издалека, за большіи деньги, и при этомъ нерѣдко ошибаться въ выборѣ. Обстоятельства требовали образованія русскихъ дѣятелей по возможности въ большемъ числѣ и въ скорѣйшее время. Для достиженія этой цѣли Петръ почти одновременно съ отправленіемъ молодыхъ людей въ ученіе за границу приступилъ къ основанію въ Москвѣ школы.

Въ первое заграничное путешествіе государя, въ 1698 году, ему рекомендовали для будущаго училища хорошаго преподавателя математики и морскихъ наукъ, профессора эбердинскаго университета Генриха Фарварсона (Henry Wargwarson), который, по приглашенію царя, и согласился переѣхать въ Россію. Вмѣстѣ съ Фарварсономъ для обученія собственно морскимъ или, по-тогдашнему, « навигацкимъ » наукамъ были вызваны учителя: Степанъ Гвунъ (Stephen Guyn) и Грызъ (Richard Gries).

1701 года апрѣля 14-го послѣдовалъ указъ объ учрежденіи въ Москвѣ школы «математическихъ и навигацкихъ, т. е. мореходныхъ хитроостно искусствоу ученія». Школѣ приказано состоять въ вѣдѣніи оружейной палаты, у боярина Ѳ. А. Головина «съ товарищи», и въ ученіе набирать «добровольно хотящихъ, иныхъ же паче и со принужденіемъ».

Для помѣщенія школы сначала назначили мастерскія палаты полотнянаго двора, въ Кадашевѣ (въ Замоскворѣчьи), но по неудобству и отдаленности этого мѣста отъ центра города, по просьбѣ учителей, государь, въ іюнѣ того же 1701 года, приказалъ отдать подъ школу Срѣтенскую и Сухареву башню «со всѣмъ палатнымъ строеніемъ и землею подъ дворъ».

По странной случайности, башня эта, какъ говоритъ преданіе, съ самаго ея построенія, начавшагося въ 1692 году, имѣла морской характеръ. Первоначально, Петръ хотѣлъ придать ей видъ корабля съ мачтою: восточная сторона должна была представлять носъ, а западная— корму. Впослѣдствіи эта мысль оставлена, и башня получила настоящую свою, весьма оригинальную наружность. Въ третьемъ ярусѣ Сухаревой башни были классныя комнаты, школы и такъ-называемый «рапирный» залъ, гдѣ школьники учились фехтованію.

Въ школѣ проходили ариметику, геометрію, тригонометрію плоскую и сферическую, навигацію, морскую астрономію, и сообщались краткія свѣдѣнія о географіи, преимущественно математической. Для необходимаго подготовленія учениковъ къ слушанію этого курса при школѣ было два начальныхъ класса, носившіе названія «русской школы», въ кото-

рой учили читать и писать, и «цифирной школы», гдѣ обучали счету и началамъ ариѳметики. Навигація и астрономія подраздѣлялись на нѣсколько отдѣленій: навигація плоская (плаваніе по плоской картѣ), навигація меркаторская (плаваніе по картѣ меркаторской), навигація круглая (плаваніе по дугѣ большаго круга), дiурналь (веденіе журнала и счисленіе пути корабля). Подъ именемъ «географіи» преподавались начальныя понятія географіи математической и въ самомъ краткомъ объемѣ общее обозрѣніе всѣхъ частей свѣта. Кромѣ этихъ наукъ, нѣкоторые изъ школьниковъ учились фехтованію («рапирной наукѣ»), за что имъ и давалось большее противъ другихъ жалованье.

Ученики проходили послѣдовательно науки и разныя части ихъ, отъ ариѳметики до географіи включительно. Определеннаго времени для экзамена и переводовъ, а также и для выпусковъ, не было; переводили изъ одного отдѣленія въ другое или, какъ тогда выражались: «изъ одной науки въ другую», по мѣрѣ выучки; при переходахъ, по степени наукъ, возвышалось и жалованье или «кормовыя деньги». Выпускали изъ школы по мѣрѣ готовности къ дѣлу и по требованію разныхъ вѣдомствъ, а очипщавшіяся ваканціи немедленно замѣщались вновь-принятыми учениками.

Судя по тѣснотѣ помѣщенія и малому числу учителей, должно полагать, что отдѣльныхъ классныхъ комнатъ, кромѣ цифирной и русской школы, было не болѣе числа учителей, т. е. три или четыре.

Навигацкая школа, находившаяся первоначально въ вѣдѣніи Оружейной палаты у Ѳ. А. Головина, по кончинѣ его, указомъ 1706 года 15 декабря передана въ завѣдываніе приказа морскаго флота, а потомъ въ іюнѣ 1712 года—въ вѣдѣніе московской адмиралтейской конторы. Такимъ образомъ, послѣ Головина высшій надзоръ надъ школою имѣлъ Ѳ. М. Апраксинъ.

Посредствующимъ лицомъ между высшимъ начальствомъ и учителями, или, вѣрнѣе, ближайшимъ и дѣйствительнымъ начальникомъ школы, былъ сначала дьякъ оружейной палаты Курбатовъ, а впоследствии комиссаръ московской адмиралтейской конторы Бѣляевъ. Черезъ нихъ шла официальная переписка, касающаяся школы, и отпускались деньги на ея содержаніе. Но нерѣдко учителя обращались и непосредственно къ главнымъ начальникамъ.

Андрей Даниловичъ Фарварсонъ или, какъ онъ подписывался по-русски, Фархварсонъ, Гвнынъ и Грейсъ пріѣхали въ Москву осенью 1699 года. Кромѣ ихъ, учителемъ въ школѣ былъ Леонтій Магницкій, авторъ извѣстной русской ариѳметики, по отзывамъ начальства, человекъ настолько свѣдущій въ математикѣ, что могъ преподавать курсъ до навигаціи; но на самомъ дѣлѣ онъ преподавалъ и эту науку, вѣроятно, подъ руководствомъ Фарварсона.

Въ указѣ объ основаніи школы высшій окладъ кормовыхъ денегъ ученикамъ положенъ 5 алтынъ въ день; въ дѣйствительности же, какъ видно изъ списковъ 1705 года, ученики получали отъ 4 денегъ до 3 алт. 2 ден., т. е. отъ двухъ до десяти копѣекъ. Количество «кормовыхъ денегъ» зависѣло отъ усмотрѣнія учителей и назначалось по наукамъ и средствамъ ученика. Бѣднѣйшимъ изъ нихъ, кромѣ выдачи этихъ денегъ, шли на казенный счетъ платье.

Въ 1705 году у Фарварсона съ Гвыномъ (Грейса уже не было: онъ

былъ какимъ-то образомъ убитъ на улицѣ) окончили навигацію 30 человекъ, а у Магницкаго 34 человекъ. Всего въ то время въ школѣ находилось 198 человекъ, въ томъ числѣ: 2 князя, 36 дворянъ, 43 дѣтей священниковъ и причетниковъ и 117—разныхъ сословій, какъ-то: людей боярскихъ, посадскихъ, солдатскихъ, приказныхъ и стрѣльцкихъ дѣтей. Изъ числа учениковъ окончили навигацію 64, проходили ее 51, учили тригонометрію 27, геометрію 43 и ариметіку 13. Судя по этимъ числамъ и обращая вниманіе на новость дѣла и неприготовленность вновь поступающихъ въ ученіе, нельзя не согласиться, что въ первые годы существованія школы занятія въ ней шли довольно успѣшно.

Первоначально велѣно было принимать въ школу изъ «недорослей дворянскихъ дѣтей и дьячихъ и подъячихъ, изъ домовъ боярскихъ и изъ другихъ чиновъ, кто пожелаетъ, изъ недорослей-же, лѣтъ отъ 12 до 17». Но какъ въ указныя лѣта изъ боярскихъ домовъ являлось мало, то 1710 года января 7 приказано принимать отъ 12 и до 20 лѣтъ и давать ученикамъ кормовыхъ денегъ въ день отъ 6 денегъ до 4 алтынъ, кромѣ тѣхъ, у которыхъ есть достаточное число крестьянъ. По окончаніи курса ученику обѣщалось, что онъ «не только денежнымъ удовольствованъ будетъ немалымъ жалованьемъ, но улучшить пріять и честь противъ мѣры дѣла своего».

Въ октябрѣ 1710 года число учениковъ дошло до 421. Въ 1711 году марта 15 разрѣшено принимать въ школу до 500 человекъ; но на дѣлѣ учениковъ было болѣе. Штатное число имѣло только значеніе для получавшихъ кормовыя деньги; дѣтей-же достаточныхъ дворянъ, не нуждавшихся въ жалованьи, могло быть неограниченное число. Охотниковъ поступить въ школу, конечно, являлось болѣе изъ простаго класса; дворянскимъ дѣтямъ тяжело было мѣнять домашнее барство на грубую жизнь школы и изъ привилегированныхъ властителей своихъ сверстниковъ дѣлаться ихъ товарищами, поступить въ руки ненавистныхъ иностранцевъ, а потомъ на вѣчную службу.

Малое число явившихся дворянъ заставило въ іюлѣ 1714 года повторить указъ 1710 года, а въ томъ же и въ слѣдующемъ году всѣхъ дворянскихъ недорослей, не явившихся къ государю на смотръ, велѣно было назначить на урочные годы въ каторжную работу и къ битью свай. Послѣ перваго указа въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ въ школу записались 111 человекъ (изъ нихъ дворянскихъ дѣтей 41), а съ дѣтьми гвардейскихъ солдатъ было записано 250 человекъ.

Уклоненіе дворянъ усилило строгія мѣры противъ ослушниковъ царскаго приказа. Въ городахъ и большихъ селахъ выставляли списки неявившихся на смотръ; доносителю, указавшему укрывающагося отъ смотра, обѣщалось имѣніе виновнаго, и доносящій о такомъ бѣглецѣ имѣлъ право явиться прямо къ царю, что прежде допускалось только въ доносахъ о дѣлахъ государственныхъ и о неправомъ рѣшеніи суда.

За побѣгъ изъ школы недорослямъ обѣщалась смертная казнь, а родственникамъ ихъ за ходатайство «объ отбывательствѣ отъ школы»—каторжныя работы.

На содержаніе школы отпускались деньги съ монетнаго двора и взыскиваемыя съ царедворцевъ, не желавшихъ отправляться въ ученіе за море или на службу. На всѣ расходы по школѣ съ основанія ея по

ноябрь 1703 года израсходовано 8,341 руб. 4 алт., не включая сюда 4,385 руб. 19 алт. 1 деньги, употребленных собственно на строение.

Въ 1711 году, когда сборъ денегъ отошелъ въ вѣдѣніе сената, отпускъ суммъ на содержаніе школы замедлился въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, такъ что многіе ученики, не имѣя возможности содержать себя, разбѣжались. Зимой 1714 года ученики, не получая пять мѣсяцевъ кормовыхъ денегъ, по словамъ официального донесенія, «не только проѣли кафтаны, но истинно, босыми ногами ходя, просятъ милостины у оконъ».

Выведенный изъ терпѣнія комиссаръ Бѣляевъ рѣшился написать къ Апраксину слѣдующій ультиматумъ: «ежели школъ быть, то потребны на содержаніе ея деньги, а буде даваться не будутъ, то истинно лучше распустить, понеже отъ нищенства и глада являются отъ школяровъ многія плутости». Это представленіе подѣйствовало, и объ отпускѣ денегъ для навигацкой школы послѣдовало распоряженіе. Сумма, назначенная сенатомъ для отдачи въ адмиралтейскій приказъ, на содержаніе навигацкой школы и посланныхъ за море, простиралась до 22,495 руб. Деньги эти вѣчно отпускать по-прежнему съ денежныхъ дворовъ.

Трое учителей-англичанъ получали сначала всѣ вмѣстѣ окладнаго жалованья 550 рублей въ годъ, не считая денегъ, выдаваемыхъ по ихъ требованіямъ на разныя предметы, какъ-то: на одежду, столъ, лошадей, ихъ кормъ и сбрую, и проч. Такихъ денегъ со времени приѣзда англичанъ по 1704 годъ израсходовано около 1,370 рублей. Но съ того времени имъ назначено выдавать, кромѣ жалованья, на всѣ расходы, безъ означенія предметовъ, въ годъ на всѣхъ 100 рублей. Сверхъ того, съ Фарварсономъ, при поступленіи его на службу, сдѣлано было особенное условіе, по которому ему за cadaго ученика, кончавшаго удовлетворительно курсъ, обѣщано выдавать по 50 фунтовъ стерлинговъ,—сумма весьма значительная, равняющаяся двумъстамъ тогдашнихъ рублей; но этихъ денегъ Фарварсонъ, несмотря на многія самыя настоятельныя просьбы, никогда не могъ получить. Магницкій вначалѣ, кажется, не имѣлъ опредѣленнаго жалованья, потому что въ 1702 году онъ получалъ жалованья всего 20 рублей, 1 алт., 4 деньги, а въ 1703 году, 90 рублей, 1 алт., 4 деньги. Впослѣдствіи, въ 1710 году (апрѣля 20), когда Фарварсону было назначено жалованье 600 рублей, Гвину — 300 рублей, и Магницкій сталъ получать 150 рублей. Между тѣмъ, онъ трудился болѣе англичанъ, потому что, кромѣ преподаванія, наблюдалъ еще за поведеніемъ учениковъ. По отзыву дьяка Курбатова, англичане хотя учили и хорошо, только истинно дѣльнымъ былъ одинъ Фарварсонъ; а другіе два (Гвинъ и Грейсъ) «хотя и навигаторы написаны, только и до Леонтія (Магницкаго) наукою не дошли». «Временемъ,—пишетъ Курбатовъ,—англичане и загуляются, или по своему обыкновенію по часту и долго проспять»; Магницкій же всегда въ классъ являлся во время.

Кромѣ учителей, при школѣ въ 1702 году былъ переводчикъ «еллино-греческаго и латинскаго діалектовъ», котораго, впрочемъ, въ спискахъ слѣдующихъ годовъ уже не видно. При школьной канцеляріи состоялъ одинъ писецъ и 4 сторожа.

Съ первыхъ годовъ существованія школы раздавались ученикамъ подъ ихъ росписки слѣдующія книги и учебныя пособія: ариѳметика,

въротно Магницкаго, изданные для школы логарионы, аспидныя доски, «каменные перья» (грифели) и карандаши; изъ инструментовъ — шкалы (линейки съ различными дѣленіями) планныя и гантирскія, радіусы (градштокѣ), секторы и квадранты (три послѣднихъ инструмента служили для измѣренія высоты свѣтилъ); ноктурналы — инструменты для опредѣленія времени по наблюденіямъ звѣздъ Малой и Большой Медвѣдицы; «книги морскихъ хартинъ» (морскіе атласы), готовальни съ мѣдными инструментами, циркули простые и треножные, циркули «хартинные» (употреблявшіеся при картахъ). Часть этихъ инструментовъ выписывалась изъ-за границы, а другіе дѣлались въ своей мастерской при школѣ.

По выходѣ учениковъ изъ школы всѣ розданныя имъ книги и инструменты отбирались. Въ 1713 году «на покупке инструментовъ и школьныхъ всякія починки» начали вычитать небольшой процентъ изъ жалованья шеольниковъ.

Изъ учениковъ навигацкой школы нѣкоторые жили въ самой школѣ, другіе — на частныхъ квартирахъ. За поведеніемъ ихъ смотрѣлъ Магницкій, и въ 1711 году (мая 6) велѣно было въ помощь ему выбрать изъ учениковъ «десятскихъ, добрыхъ людей, и всякому смотрѣть въ своемъ десяткѣ, или отдѣленіи, чтобы школьники не пьянствовали и отъ школы самовольно не отлучались, дракъ ни съ кѣмъ и обидъ никому ни въ чемъ не чинили».

Наказанія, употреблявшіяся въ школѣ, соответствовали грубости тогдашнихъ нравовъ. Такъ, напр., за большіе проступки учениковъ наказывали на школьномъ дворѣ плетью; на достаточныхъ дворянъ за прогульные дни, или за такъ-называемыя нѣты, положена была (указомъ 1707 года, февраля 28) страшная пеня: за первый прогульный день 5 рублей, за второй — 10 рублей, за третій и всѣ слѣдующіе — 15 рублей. Такихъ денегъ, въ продолженіе пяти мѣсяцевъ 1707 года, набралось 8,545 рублей. Для взысканія штрафныхъ денегъ, несмотря ни на какія отговорки, брали у виновныхъ людей и били ихъ на правожѣ, а у кого не было крѣпостныхъ, били самихъ господъ, куда они не выплачивали штрафа.

Въ навигацкой школѣ, наполненной преимущественно дѣтми низшихъ сословій, были однако-же ученики и знатныхъ фамилій, какъ напр.: князя Волконскіе, Долгорукіе, Прозоровскіе, Хованскіе, Борятинскіе и др., Шереметевы, Собакины, Дмитріевы - Мамоновы и проч.; многіе изъ нихъ встрѣчаются въ штрафномъ спискѣ.

Навигацкая школа въ продолженіе первыхъ пятнадцати лѣтъ своего существованія принесла большую пользу не только флоту, но и другимъ вѣдомствамъ, въ которыя поступали ея воспитанники, мало-помалу вытѣснявшіе иностранцевъ. Въ указѣ 1710 года сказано, что «школа оная не только потребна къ единому мореходству и инженерству, но и артиллеріи и гражданству». И, дѣйствительно, ученики школы требовались и посылались всюду, гдѣ нужны были свѣдущіе люди. Кончившіе навигацію отправлялись для науки «за море», назначались для практики на нашъ флотъ, отсылались для «ученья бомбардирскому дѣлу, къ инженерной наукѣ (для которой въ 1711 году уже готовы были 170 человекъ), кондукторами къ генераль-квартирмейстеру, къ архитектурнымъ дѣламъ, и проч. Такимъ образомъ, первые русскіе

моряки, гидрографы и топографы, известные подъ именемъ геодезистовъ, инженеры, артиллеристы и вообще многіе сотрудники Петра по разнымъ частямъ, были воспитанники навигацкой школы. Изъ нихъ же назначались учителя въ школы, учреждаемыя въ губерніяхъ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ.

Учителя школы, кромѣ преподаванія наукъ и сочиненія руководствъ, исполняли, въ случаѣ нужды, и другія обязанности. Вообще, къ ихъ содѣйствію обращались по самымъ разнороднымъ предметамъ: учителямъ школы поручалось разсматриваніе близкихъ къ ихъ специальности книгъ; въ 1709 году царь приказалъ имъ прислать въ Воронежъ трубы для наблюденія затменія солнца, вычислить время затменія и сдѣлать рисунокъ, какъ оно будетъ видимо. Это нужно было Петру для предупрежденія публикаціями суевѣрныхъ толковъ въ народѣ, явившихся обыкновенно по поводу затменій. Иногда учителямъ поручались и не кабинетныя работы, такъ, наприм., они посылались съ учениками положить линію дороги отъ Москвы въ Петербургъ.

ЛХХVI. МОРСКАЯ АКАДЕМІЯ.

(Изъ «Очерка русской Морской исторіи», Веселого).

Спустя пятнадцать лѣтъ по основаніи навигацкой школы государь вздумалъ перенести морское училище поближе къ морю, въ свой «парадись», какъ онъ называлъ въ шутку Петербургъ. Въ августѣ 1715 года приказано было перевезти сюда изъ Москвы всѣхъ учителей и учениковъ навигацкой школы къ 1-му октябрю. Но какъ учащихся было до 600 человекъ и большая часть изъ нихъ по бѣдности должны были перевозиться на счетъ казны, то комисарь московской адмиралтейской (школы) конторы, Никифоровъ, представляя невозможность исполнить указъ въ такой короткій срокъ, спрашивалъ Апраксина: не удобнѣе ли будетъ низшіе классы оставить въ Москвѣ, а въ Петербургъ перевести одни высшіе? Предложеніе Никифорова, кромѣ облегченія перевозки, представляло еще и ту важную выгоду, что въ Москвѣ было готовое помѣщеніе, приспособленное къ школьнымъ потребностямъ и небогатымъ людямъ изъ большей части Россіи, въ Москву было ѣхать ближе и дешевле, нежели въ Петербургъ; наконецъ, въ близости моря для низшихъ классовъ не было никакой необходимости. Дѣльное мнѣніе Никифорова измѣнило первоначальное распоряженіе о перевозкѣ всѣхъ учениковъ въ Петербургъ. 1715 года октября 1-го состоялся указъ объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ Морской Академіи и вышла полная инструкция ученія и содержанія въ ней учениковъ, которыхъ комплектъ положенъ 300 человекъ, а въ московской школѣ велѣно содержать 500 человекъ. Изъ учителей въ Петербургъ переведены Фарварсонъ и Гвинеъ и, въ помощь имъ, назначено восемь навигаторовъ. Въ Москвѣ оставленъ Магницкій съ нѣсколькими помощниками, выбранными изъ лучшихъ учениковъ, окончившихъ курсъ, и велѣно учить только ариметикѣ и геометріи.

Московская школа осталась по-прежнему въ вѣдѣніи московской адмиралтейской конторы, а академію повелѣно «вѣдать военной морскаго флота канцеляріи», а для ближайшаго надзора назначался особый директоръ. Жалованье ученикамъ академіи назначалось не по днямъ, но по мѣсяцамъ и также по степени познаній. Самое низшее было одинъ рубль, высшее—три рубля, съ вычетомъ на мундиръ «съ рубля по полу-полтинѣ». Въ академію старались выбирать преимущественно дворянъ, имѣющихъ нѣкоторое состояніе; а московская школа предоставлена была исключительно для другихъ сословій, но и въ нее принимались также бѣдные дворяне, имѣвшіе не болѣе 10-ти дворовъ.

Въ числѣ документовъ, сохраняемыхъ въ залѣ засѣданій Адмиралтействъ-Совѣта, находится слѣдующій собственноручный указъ государя о предметахъ ученія въ морской академіи: Дѣтей учить: 1) Ариметикѣ; 2) Геометріи; 3) Фехтъ или приему ружья; 4) Артиллеріи; 5) Навигаци; 6) Фортификаціи; 7) Географіи; 8) Знанію членовъ корабельнаго гола и такелажа; 9) Рисованію; 10) На произволеніе танцамъ для постуры (т. е. для позитуры). Этотъ указъ писанъ 1715 года сентября 9-го. Въ немъ подъ рубрикою навигаціи разумѣется и морская астрономія.

Къ числу предметовъ, преподаваемыхъ въ академіи, послѣ прибавлена еще геодезія, для изученія которой исключительно назначалось 30 учениковъ. Впослѣдствіи въ адмиралтейскомъ регламентѣ этотъ списокъ наукъ болѣе разъясненъ и велѣно учить: артиллеріи, навигаціи и фортификаціи, шанцамъ и ретранжаментамъ (т. е. полевой фортификаціи), географіи и воинскимъ обученіямъ съ мушкетами—совершенно, а фортификаціи и апрошамъ (т. е. долговременной фортификаціи), также и корабельнымъ членамъ,—чтобъ только знали, что для чего дѣлается, и, наконецъ, рисованью и на рапирахъ, сколько возможно.

Морскую академію помѣстили въ домъ бывшаго Кикина, который вначалѣ отдѣляли на скорую руку, и пристроили къ нему нѣсколько мазанокъ; окончательно-же достраивали его лѣтомъ 1718 года. Мѣсто, выбранное для академіи, вполне соответствовало назначенію воспитанниковъ: Кикина домъ находился «на набережной» Невы, на мѣстѣ пынѣшняго Зимняго дворца, именно на углу, обращенномъ къ адмиралтейству и главному штабу. Въ то время вся часть Петербурга между Невой и Фонтанкою по справедливости называлась «Адмиралтейскимъ островомъ» и, дѣйствительно, почти вся была занята адмиралтейскими строениями и домами лицъ, принадлежащихъ къ морскому вѣдомству.

Желая устроить свою морскую академію по образцу французскихъ морскихъ училищъ, основанныхъ при Людовикѣ XIV въ Марселѣ, Тулонѣ и Брестѣ, государь назначилъ директоромъ француза, барона Сентъ-Илера, который, благодаря своимъ связямъ за границею, вѣроятно, былъ рекомендованъ царю съ отличной стороны. При новомъ своемъ назначеніи Сентъ-Илеръ вовсе не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ: на словахъ онъ обѣщаль много, на дѣлѣ не исполнилъ ничего. Любимымъ занятіемъ его было составленіе разнообразныхъ проектовъ; такъ, кромѣ проекта объ устройствѣ морской академіи, онъ предлагалъ свои мысли о составленіи морскаго регламента. Всѣ его предложенія показывали полное незнаніе страны и народа, нисколько не согласовались съ тогдашними обстоятельствами и средствами и ясно выражали нескрываемую алчность къ деньгамъ. На одномъ изъ подобныхъ проектовъ государь,

уже, вѣроятно, выведенный изъ терпѣнія, написалъ: «чтобъ подлинно объявилъ, хочеть-ли онъ свое дѣло дѣлать безъ хитростныхъ вышесписанныхъ запросовъ? и буде будетъ, чтобъ дѣлалъ, буде нѣтъ, то чтобы отдалъ взятое жалованье и выѣхалъ изъ сей земли». Къ этому нужно прибавить, что Сентъ-Илеръ былъ самаго неуживчиваго характера и тотчасъ по принятіи начальства надъ академіей завелъ ссору съ Фарварсономъ, доходившую до Апраксина. Одно изъ лицъ, имѣвшихъ съ нимъ служебныя сношенія, относится объ немъ слѣдующимъ образомъ: «Воистину такого злонравнаго и пакостнаго человѣка отъ жизни моея нигдѣ не видѣлъ, и никому съ нимъ ужиться невозможно отнюдь».

Конечно, подобная личность не могла удержаться во главѣ новаго училища, и 1716 года января 31-го главное начальство надъ академіей и московской школой поручено было графу Андрею Артамоновичу Матвѣеву. Это былъ сынъ извѣстнаго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, образованный человѣкъ, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ государя и, по отзыву современниковъ, «мужъ въ разумѣ и дѣлахъ достохвальный». Онъ служилъ по дипломатической части, бывалъ уполномоченнымъ въ Голландію, Францію, Англію и Австрію, гдѣ получилъ и графское достоинство. Назначеніе подобнаго человѣка для управления морскими школами показываетъ, какую важность придавалъ государь этимъ учебнымъ заведеніямъ. Въ февралѣ 1717 года, когда велѣно было Сентъ-Илера «для его прихотей, отпустить», школами и академіей сталъ завѣдывать одинъ Матвѣевъ.

Въ 1719 году января 3-го, по назначеніи Матвѣева сенаторомъ и президентомъ юстиць-коллегіи, начальство надъ академіей и школами перешло къ полковнику и бомбардиръ-капитану Григорію Григорьеву Скорнякову-Писареву, человѣку также весьма умному и получившему образованіе за границею. Писаревъ хорошо зналъ математику и за четыре года до назначенія своего начальникомъ школъ преподавалъ въ академіи артиллерію, а впослѣдствіи напечаталъ книгу по части механики, подъ заглавіемъ: «Практика художества статистическаго или механическаго».

Но несмотря на свои научныя свѣдѣнія, Скорняковъ-Писаревъ, имѣвшій много другихъ занятій, кажется, не обращалъ на ввѣренныя ему учебныя заведенія большаго вниманія и ограничивался составленіемъ строгихъ инструкцій, мало заботясь о дѣйствительныхъ нуждахъ подчиненныхъ ему училищъ.

Въ 1722 году вмѣсто Скорнякова-Писарева велѣно управлять академіей и морскими школами: московскою и бывшими въ нѣкоторыхъ губерніяхъ адмиралтейскими — капитану Александру Львовичу Нарышкину, и въ товарищи ему назначень родной братъ его лейтенантъ (поручикъ) Иванъ Нарышкинъ. Новый директоръ былъ человѣкъ молодой (28 лѣтъ), отлично образованный, любимецъ и даже родственникъ государя. Нарышкинъ за границею изучалъ морское дѣло и, возвратясь послѣ долговременнаго отсутствія въ Россію, часто находился при государѣ, который иначе не называлъ его, какъ «Львовичемъ».

Нарышкинъ горячо принялся за ввѣренное ему управленіе морскими училищами и много сдѣлалъ полезнаго для юной академіи; при сдѣлѣ училищъ Писаревымъ въ Петербургѣ оказалось болѣе 100 учениковъ сверхъ штата, а въ Москвѣ недоставало около 80. Много было неизле-

чимо больныхъ и 116 человекъ въ бѣгахъ. Нарышкинъ привелъ все это въ порядокъ; хлопоталъ, на основаніи адмиралтейскаго регламента, о прискиваніи недостававшихъ учителей; требовалъ переводчика иностранныхъ книгъ и даже лекаря, котораго не было при академіи. При Нарышкинѣ ученики ходили въ походъ на эскадрѣ; а для изученія корабельной архитектуры онъ, также на основаніи регламента, заставилъ сдѣлать модель корабля и поставилъ ее въ академіи. Кажется, при немъ-же была при морской академіи заведена типографія. Нарышкинъ началъ обучать воспитанниковъ ружейной пальбѣ съ порохомъ и вытребовалъ для этого, какую могъ съискать въ магазинахъ, аммуницію. Онъ не велѣлъ принимать въ школу безграмотныхъ, запретилъ ученикамъ жениться ранѣе 25 лѣтъ, строго смотрѣлъ, чтобы учителя не брали взятокъ, и проч.

Въ классахъ академіи математическимъ и морскимъ наукамъ учили профессора Фарварсонъ и Гвинъ, также учителя, подмастерья и навигаторы, вышедшіе изъ воспитанниковъ навигацкой школы. Для другихъ предметовъ, если не находилось своихъ учителей, приглашали и постороннихъ лицъ.

Для обученія фронту и вообще для начальства надъ воспитанниками, съ самаго основанія академіи, прикомандировали къ ней гвардіи поручика Бестужева и, въ помощь ему, гвардіи-же прапорщика Кафтырева и двухъ сержантовъ Семеновскаго полка.

Хозяйственною частію въ петербургской академіи и въ московской школѣ завѣдывали комиссары. Въ Москвѣ комиссаръ былъ настоящимъ начальникомъ школы, а въ Петербургѣ управлялъ директоръ, за отсутствіемъ его—помощникъ директора, а если и его не было, то начальство переходило къ Бестужеву, Кафтыреву и комиссару; но никогда къ учителямъ. Иванъ Нарышкинъ нерѣдко подписывалъ и бумаги вмѣстѣ съ братомъ.

Въ морской академіи, также какъ и въ навигацкой школѣ до 1715 года, проходились преимущественно математическія и морскія науки. Къ первымъ принадлежала ариѳметика, начала алгебры, геометрія и плоская и сферическая тригонометрія; ко вторымъ—навигація, морская астрономія и геодезія или, точнѣе, морская съемка. Преподаваніе ариѳметики находилось въ рукахъ Магницкаго, и онъ проходилъ ее, держась составленной имъ книги, которая, по своему не всегда ясному изложенію, чудовищной техникѣ и большому объему, должна была для большинства учениковъ представлять весьма тяжелый трудъ. Не легко было, совершенно неприготовленнымъ къ ученю юношамъ понимать или даже заучивать изъ ариѳметики Магницкаго наизусть опредѣленія, въ родѣ слѣдующихъ: «ариѳметика или числительница есть художество честное, независимое и всѣмъ удобопонятное, многополезнѣйшее и многохвалнѣйшее, отъ древнѣйшихъ-же и новѣйшихъ, въ разныя времена явившихся, изряднѣйшихъ ариѳметиковъ, изобрѣтенная и изложенная». Или: «Радиксъ есть число яковыя либо четвербочныя и равномѣрныя фигуры или вещи единъ бокъ содержащіе. И того ради радиксъ или корень именуется, зане отъ него вся пропорціи всея алгебры начинаются и рождаются». Въ книгѣ различныя степени назывались: вторая квадратъ или зензусъ, третья—кубусъ или кубикъ, четвертая—биквадратъ или зензизензусъ, восьмая—трикватратъ или зензизензезусъ и пр.

Въ этой ариметикѣ, кромѣ дѣйствій надъ числами цѣлыми, дробными и именованными, изложены были различныя правила: тройное, товарищества и пр., прогрессіи, извлеченіе квадратныхъ и кубическихъ корней и начала алгебры. Въ концѣ книги находились нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся къ навигаціи и астрономіи; но въ академіи послѣдніе два предмета проходились по запискамъ Фарварсона, совершенно въ другомъ видѣ.

Изъ геометріи и тригонометріи давались ученикамъ только отрывочныя свѣдѣнія, заключавшія въ себѣ теоремы, необходимыя для рѣшенія задачъ изъ морскихъ наукъ. Навигація и астрономія проходились въ формѣ рѣшенія различныхъ задачъ, встрѣчающихся на практикѣ. Въ навигаціи изучалось почти все то, что проходится и теперь (разумѣется въ болѣе трудной формѣ), за исключеніемъ предметовъ, не бывшихъ въ то время извѣстными. Въ астрономіи же рѣшались задачи суточныхъ явленій свѣтилъ, опредѣлялась широта мѣста по меридіональной высотѣ солнца, склоненіе компаса, время прилива и отлива моря и т. п. При рѣшеніи навигаціонныхъ и астрономическихъ задачъ употребляли логарифмы и нѣкоторыя изъ морскихъ таблицъ. Подъ названіемъ географіи проходили «краткое и соборное изъясненіе о земноводномъ глобусѣ», состоявшее въ описаніи положенія точекъ и круговъ, воображаемыхъ на земной поверхности, а также объяснялись явленія свѣтилъ для жителей поясовъ жаркаго, умѣреннаго и холоднаго, и т. п., собственно же изъ географіи сообщалось ученикамъ самое краткое обзорнѣе всѣхъ частей свѣта. Наконецъ, къ числу географическихъ задачъ причислялось опредѣленіе разстоянія между двумя точками на землѣ, которыхъ широты и долготы извѣстны, и нѣкоторыя другія.

Преподаваніе корабельной архитектуры и фортификаціи ограничивалось названіями болѣе необходимыхъ предметовъ и краткими практическими указаніями. Ученики геодезическаго класса, кромѣ математическихъ и морскихъ наукъ, проходимыхъ ими въ академіи, знакомились съ существовавшими тогда простѣйшими способами съемки и промѣра и болѣе другихъ учениковъ практиковались съ употребляемыми при съемкѣ инструментами.

По сохранившимся запискамъ учениковъ надо полагать, что всѣ теоремы, относящіяся къ математическимъ и морскимъ наукамъ, проходились безъ доказательствъ, и учащіеся должны были довольствоваться заучиваніемъ наизусть различныхъ научныхъ истинъ и прилагать ихъ къ бездоказательному же рѣшенію практическихъ задачъ. Своеобразной успѣшности такого преподаванія много пособляло усиленное развитіе памяти и, въ сущности, весьма небольшой объемъ курса. Трудно повѣрить, что подобный порядокъ могъ сохраняться въ морской академіи во все время ея существованія, т. е., цѣлое полу столѣтіе. Объясненіе этого обстоятельства надо искать въ глубокой рутинѣ, подъ влияніемъ которой трудились учителя и ученики. При основаніи навигацкой школы требованіе скорѣйшаго обученія по необходимости заставляло ограничиться такимъ «бездоказательнымъ» преподаваніемъ; а потомъ оно вошло въ привычку, сдѣлалось обычнымъ явленіемъ и впоследствии до того укоренилось, что даже лучшимъ изъ учениковъ не приходило на мысль доискиваться разумныхъ причинъ, почему извѣстная теорема сложилась такъ, а не иначе. Все слышанное въ классѣ принималось

за несомнѣнную истину, вовсе не нуждающуюся въ доказательствѣ, и преподаватели заботились только о томъ, чтобы учащіеся знали, какъ что дѣлается, и не думали о разъясненіи почему? Со стороны преподавателей видно, однакоже, нѣкоторое стремленіе пополнить до известной степени недостатокъ теоріи множествомъ и разнообразіемъ частныхъ примѣровъ, представляющихъ всевозможные случаи, особенно относительно задачъ, которыя скорѣе другихъ могли встрѣтиться на практикѣ. Къ этому необходимо прибавить, что ученики академіи, проходившіе морскія науки, лѣтомъ назначались для практики на флотъ.

Для содержанія морской академіи, изъ суммы, назначенной въ 1714 году вообще на школы, велѣно было отпускать половину, т. е. 11,229 р. Впослѣдствіи же, въ 1719 году, для (морской) московской школы оставлено только 5,600 р., а остальные 19,579 р. употреблялись на академію.

Но эти деньги отпускались до того неисправно, что по недостатку средствъ, осенью 1717 г., комнаты верхняго этажа академіи стояли недостроенныя безъ печей и «42 ученика не ходили въ ученье, затѣмъ что стали наги и босы». Къ предстоявшей зимѣ не на что было исправить печей и даже купить дровъ, и директоръ академіи Матвѣевъ опасался, чтобы не пришлось прекратить и ученья. «Во истину не могу самъ описать, какія несносныя доуки несутъ отъ тѣхъ бѣдныхъ и нужныхъ (нуждающихся) людей,—писалъ онъ въ кабинетъ-секретарю Маварову,—которые безотступно у меня просятъ денегъ, и уже весьма наги и босы». Въ этомъ же 1717 году, когда нѣсколькимъ ученикамъ изъ бѣднѣйшихъ дворянъ, въ наказаніе за неявку въ ученіе, велѣно было пять лѣтъ не давать жалованья, то многіе изъ нихъ, повуда не получили помилованія, ходили по міру.

Кромѣ первыхъ годовъ существованія академіи, относительно недостатка средствъ, были особенно тяжелы три послѣдніе года царствованія Петра. При посѣщеніи классовъ академіи, 10-го іюня 1724 года, государь замѣтилъ въ числѣ учениковъ нѣкоторыхъ очень худо одѣтыхъ, и на вопросъ о причинѣ, ему доложили, что жалованье выдается съ недоимками, да и то не деньгами, а товарами. По слѣдствію, которое велѣно было произвести, оказалось, что 85 учениковъ «за бѣсотою и неимѣніемъ пропитанія» не ходили въ школу въ продолженіе трехъ, четырехъ и даже пяти мѣсяцевъ; а изъ нихъ 55 человекъ объявили, что они «кормились вольною работою». Послѣ этого коллегія приказала немедленно выдать жалованье всѣмъ недостаточнымъ ученикамъ.

Морская академія, или академія морской гвардіи, сколько можно судить по данной для нея «инструкціи», была уже не простая школа, а настоящее военно-учебное заведеніе. Въ ней предполагалось соблюдать правильное распредѣленіе учебныхъ занятій и полный военный порядокъ, съ сохраненіемъ строгой дисциплины. Воспитанники раздѣлялись на шесть отдѣленій или «бригадъ», въ каждой по 50 человекъ. Надъ ними начальствовалъ офицеръ, назначаемый изъ гвардейскихъ полковъ, и называвшійся «командиромъ морской гвардіи». Въ помощь ему назначались, также изъ гвардіи, одинъ или два офицера, два сержанта и нѣсколько хорошихъ старыхъ солдатъ, исполнявшихъ должность дядекъ. Общее завѣдываніе академіею, по всѣмъ частямъ, имѣлъ директоръ.

Воспитанники должны были, сколько дозволяло помѣщеніе, жить въ

зданіи академіи. Ежедневныя занятія ихъ располагались слѣдующимъ образомъ: осенью и зимою въ 7-мъ часу, а весною и лѣтомъ въ 6-мъ, всѣ ученики, послѣ завтрака, собирались въ залъ для молитвы. По окончаніи ея расходились по классамъ и садились по своимъ мѣстамъ «со всякимъ почтеніемъ и всевозможною учтивостію, безъ всякой конфузій, не досадуя другъ другу».

Въ классахъ приказано было «никакого крику, ни шуму не чинить», и особенно не проводить время въ разговорахъ. Для наблюденія за порядкомъ государь приказалъ во всякомъ классѣ быть по одному дядькѣ, и имѣть «хлыстъ въ рукахъ; а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ хлыстомъ бить, не смотря какой-бы ученикъ фамилии ни былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, кто поманить», т. е. кто будетъ потворствовать.

Воспитанники или, какъ ихъ называли въ бумагахъ, «морская гвардія», имѣли ружья, и въ академіи содержался постоянный караулъ изъ офицера и 18 учениковъ, по 3 изъ каждой бригады. Они стояли на часахъ у воротъ, въ залахъ, при денежной комнатѣ, у часоваго колокола и т. п.

Преподаватели должны были являться къ своимъ занятіямъ во-время, и обучать морскую гвардію «всему, что къ ихъ чину принадлежитъ, со всякимъ прилежаніемъ и лучшимъ разумнѣйшимъ образомъ». Строго предписано было: «ничего не брать съ учениковъ, ни прямымъ, ниже постороннимъ образомъ, подъ штрафомъ вчетверо оное возвратить», и ежели кто изъ учителей замѣчался двукратно виновнымъ во взяткахъ, то подвергался тѣлесному наказанію. Но недостаточность средствъ для содержанія академіи обрацала данную первоначально инструкцію въ мертвую букву, и въ дѣйствительности морская академія походила на тѣ бурсы, которыя существовали въ иныхъ мѣстахъ Россіи лѣтъ за двадцать до настоящаго времени.

По недостатку помѣщенія многіе ученики жили въ частныхъ домахъ. По пріѣздѣ изъ Москвы, учениковъ размѣстили по квартирамъ гвардейскихъ солдатъ, бывшихъ въ то время въ походѣ. Впослѣдствіи, въ 1722 году ученикамъ отводилось 68 квартиръ, въ дальнихъ частяхъ города, въ бѣдныхъ домищахъ матросовъ, мастеровыхъ и т. п. Несмотря на это, въ академіи все-таки соблюдались нѣкоторыя военныя правила, необходимыя для сохраненія порядка. Такъ, напр., въ опредѣленное время били «тапту» (зорю), рундъ повѣрялъ часовыхъ, и ночью дозоръ обходилъ по дворамъ и вокругъ зданія. Это дѣлалось не для одной формы, но и по необходимости: строгость была нужна для удержанія тогдашнихъ юношей; многіе изъ нихъ не отличались трезвостью, и сосѣди академіи знали, что замки и запоры мало охраняютъ ихъ съѣстные припасы, дрова и проч. Все это было въ современныхъ нравахъ, которымъ соотвѣтствовали и наказанія: «сѣкли по два дня нещадно батогами, или, по молодости лѣтъ, вмѣсто кнута наказывали кошками»; за значительныя проступки гоняли шпипцутенами сквозь строй, и послѣ такихъ наказаній оставляли «по прежнему въ ученіи».

При отпускахъ учениковъ брались подписки, что въ случаѣ неявки въ срокъ виновный будетъ посланъ въ каторжную работу, а за побѣгъ подвергнется смертной казни. Но такія угрозы никогда не приводились въ исполненіе и были не болѣе, какъ канцелярская формальность.

Несмотря на довольно печальное положеніе морской академіи относительно средствъ содержанія, общественное ея значеніе было настолько высоко, что, по свидѣтельству одного иностранца (Вебера), бывшего тогда въ Петербургѣ, во всемъ пространномъ російскомъ государствѣ не было ни одной знатной фамилии, которая-бы не представила-бы въ академію сына или ближайшаго родственника». Дѣйствительно, для всякаго лица, извѣстнаго государю, лучшимъ средствомъ обратить на себя его милостивое вниманіе было отдать сына въ морскую службу. Къ этому нельзя не прибавить, что на самомъ дѣлѣ тяжелая школа морской академіи выработала много прекрасныхъ морскихъ офицеровъ и даже нѣсколько замѣчательныхъ людей своего времени. Адмиралы: гидрографъ Нагаевъ, побѣдитель турокъ, *Θ. Θ. Ушаковъ*, Семенъ Ивановичъ Мордвиновъ, сопутникъ Беринга ученый морякъ Алексѣй Ильичъ Чириковъ были воспитанниками морской академіи.

ЛХVII. ЦЫФИРНЫЯ ШКОЛЫ.

(Изъ соч. Владимірскаго-Буданова: «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII-го вѣка».)

Извѣстно, что реформаторская дѣятельность Петра по всѣмъ сферамъ государственной жизни первоначально направлялась на улучшеніе существовавшихъ до него учрежденій. Ясный переворотъ къ новаторству замѣчается лишь со втораго десятилѣтія XVIII-го вѣка. Разница двухъ этихъ эпохъ въ законодательной и правительственной дѣятельности Петра еще не оцѣнена по достоинству. Тѣмъ болѣе жаль, что мѣры Петра по народному образованію, о которыхъ упоминаетъ митрополитъ Іовъ, совершенно не могутъ быть уяснены по недостатку историческихъ свѣдѣній.

Со втораго десятилѣтія правительство совершенно отказалось отъ старой системы приходскихъ школъ и, между прочимъ, отъ своихъ собственныхъ дѣйствій, направленныхъ къ развитію ихъ. Оно рѣшилось создать новую систему народныхъ школъ для распространенія совершенно новаго элементарнаго образованія; это—школы цыфирныя, а образованіе — математическое.

Правительство составило себѣ совершенно особенное понятіе объ элементарномъ образованіи, не имѣющее никакой связи съ господствовавшими прежде понятіями о немъ. И, дѣйствительно, ученіе въ цыфирныхъ школахъ (судя по рязанской, составъ ученія которой, благодаря отчету синода въ верховный тайный совѣтъ 1727 года, намъ извѣстенъ) состояло въ слѣдующемъ: учили нумераціи, субстракціи, мультипликаціи, дивизіи, тройному, десятичному дробямъ, изъ геометріи—циркульнымъ пріемамъ, тригонометріи плоской, тангенсамъ.

Въ первомъ пунктѣ интересной инструкціи, данной 9-го декабря 1721 года учителю Павлову, отпавленному въ Переяславль Рязанскій, стоитъ слѣдующее:

«Въхать тебѣ въ Переславль Рязанскій и, по указу Его Императорскаго Величества 714 и 716 годовъ, учить тебѣ дьячихъ, подьяческихъ, поповыхъ и прочаго церковнаго чину, архіерейскаго дому и монастырскихъ слугъ дѣтей ихъ, по высылкѣ отъ воеводы, отъ 10 лѣтъ до 15, а посадскихъ и прочихъ чиновъ дѣтей же, которые сами похотятъ, кромѣ дворянскихъ дѣтей, а дворянскихъ дѣтей отнюдь не принимать, ариметики, а именно: нумераціи, аддиціи, субстракціи, мультипликаціи, дивизиі, тройныхъ правилъ и тройныхъ детрательныхъ какъ безъ долей, такъ и съ долями и десятичнаго счету и дѣленія, радіусу квадрата и радіусу куба; а которой ученикъ вышеозначенную науку обучить, тѣхъ учить геометріи, а именно: прежде истолкованію геометріи и циркульныхъ приемовъ, потомъ—тригонометріи плоской, плегометріи и штирометріи».

Судя по этой оригинальной специальности образованія, повидимому, никакъ нельзя считать его элементарнымъ, которое по существу своему не должно быть специальнымъ. Къ этому предположенію можетъ привести и слѣдующее соображеніе: если въ цифирныхъ школахъ начинали прямо съ математики, то слѣдуетъ предположить, что въ нихъ поступали уже грамотные, слѣдовательно, образованіе цифирныхъ школъ шло за элементарнымъ, а не само было элементарнымъ. Но другія свойства этого образованія, особенно его общеобязательность, рѣшительно не позволяютъ причислить его къ разряду профессиональныхъ знаній. Далѣе, такъ какъ въ ариметическія школы должны были поступать всѣ дѣти 10—14-лѣтнаго возраста, то никакъ нельзя предположить, что въ нихъ поступали всѣ грамотные; въ классахъ, называемыхъ по имени частей ариметики, рядомъ съ ариметикою преподавалась и грамотность, т. е. чтеніе и письмо. Въ монастырскихъ школахъ для вышнихъ Петръ предписалъ въ 1724 году «обучать, сверхъ вѣры и заповѣдей Божіихъ, цифири и геометріи». «Во всѣ вновь учреждаемыя школы учителей брали изъ навигацкой школы, и они вездѣ, *кромѣ чтенія и письма*, учили ариметикѣ и геометріи». Въ цифирной и русскихъ школахъ при самой Сухаревой башнѣ учили читать, писать и считать. Итакъ, мы должны признать это образованіе элементарнымъ.

Какимъ же образомъ законодатель могъ придти къ странной мысли создать народное образованіе на изученіи цифири и нѣкоторой части геометріи? Почему онъ полагалъ, что весь народъ долженъ учиться тангенсамъ и употребленію циркуля и именно только этимъ предметамъ? Цифирныя школы иначе называются навигацкими не потому только, что состояли въ завѣдываніи адмиралтействъ-коллегіи. Самое это подчиненіе ихъ морскому вѣдомству можетъ быть изъяснено не иначе, какъ тѣмъ, что законодатель и элементарному образованію придавалъ ту же цѣль, какую преслѣдовала морская академія. Если самъ законодатель, при его страсти къ мореходству, считалъ знанія, необходимыя для навигаторовъ, знаніями, имѣющими самый высокій интересъ, то и весь народъ во всемъ его культурно-историческомъ значеніи не могъ имѣть другой болѣе возвышенной цѣли; всѣ должны быть мореплавателями или, по крайней мѣрѣ, готовыми къ тому.

Это стремленіе основать все народное образованіе на такой узкой специальности можетъ показаться весьма дикимъ, а потому и наше предположеніе мало-вѣроятнымъ. Не вѣрнѣе-ли предположить, что законода-

тель признавалъ математику наиболѣе общеобразовательнымъ предметомъ? Но другія подобныя же мѣры царствованія Петра Великаго повидимому оправдываютъ первое предположеніе. Въ началѣ XVIII-го вѣка (1701—1715 года), то есть, до времени открытія цифирныхъ школъ, открывались во многихъ городахъ адмиралтейскія (навигационныя въ полномъ смыслѣ) школы. Изъ записокъ Неплюева и Мордвинова видно, что такія школы были до 1715 года—въ Нарвѣ, Ревелѣ, въ Вел. Новгородѣ. Въ Нарвѣ учителемъ былъ навигаторъ Митрофанъ Михайловичъ, сынъ Кашинцовъ. Въ Новгородѣ обучали начальнымъ основаніямъ математики. Подобная же школа была основана Петромъ въ Воронежѣ въ 1703 году, когда Петръ посѣтилъ этотъ городъ. «На первый разъ набрано было 90 человекъ молодыхъ драгунъ, которымъ преподавалась грамота и сверхъ того ариеметика. Въ приходо-расходныхъ книгахъ 1710 года, хранящихся въ воронежскомъ архивѣ, есть указаніе на то, кто былъ первымъ воронежскимъ педагогомъ, «словескаго ученія мастеромъ», и сколько онъ получалъ жалованья. Таковымъ былъ нѣкто Семень Мининъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и переплетчикомъ книгъ для адмиралтейскаго приказа; между его учениками упоминается нѣкто Феодоръ Феодоровъ и двое его товарищей, которые всѣ получали въ годъ кормоваго жалованья 14 рублей».

Окончательное утвержденіе математическо-навигационной системы образованія, какъ общеобязательной для всѣхъ, относится, какъ извѣстно, къ 1714—1716 гг.

Образованіе въ указанномъ составѣ и размѣрахъ объявлено обязательнымъ. Карательныя мѣры, придуманныя какъ законодателемъ, такъ и практикою того времени, для огражденія обязательности образованія, направлены были прежде всего на дѣтей, а не на родителей. Этотъ весьма нераціональный способъ дѣйствія ясно показываетъ, что правительство имѣло въ виду не свою обязанность надзирать за исполненіемъ родителями ихъ долга въ отношеніи къ дѣтямъ, а только свою государственную потребность въ людяхъ, знающихъ начатки геометріи.

Мѣра, придуманная первымъ узаконеніемъ о цифирныхъ школахъ (1714 г.), повидимому придумана весьма остроумно: кто не усвоитъ вполне элементарнаго образованія въ объемѣ, назначенномъ правительствомъ, тотъ не получаетъ свидѣтельства отъ учителя, а безъ такого свидѣтельства не позволено жениться. ¹⁾ Личный интересъ, который раздражаетъ здѣсь законодатель, повидимому, самый общій и самый чувствительный. Но мѣра эта поражена двумя существенными пороками: а) исполненіе угрозы ведетъ къ нарушенію другаго государственнаго интереса, который въ государствахъ XVIII в. считался весьма существеннымъ, именно умноженія народонаселенія. Очевидно, что государство само должно было не настаивать строго на исполненіи этого неразумнаго постановленія и тѣмъ парализовать обязательность обученія. Если въ первые 10 л. существованія цифирныхъ школъ во всѣхъ ихъ перебывало 1389 чел., а выучено 91 чел., то можно ли думать, что остальная масса населенія можетъ быть лишена брака? И что дѣйстви-

¹⁾ Какъ ту науку тѣ ученики выучатъ совершенно и въ то время давать имъ свидѣтельствоваанныя письма за своею рукою..., а безъ такихъ свидѣтельствоваанныхъ писемъ жениться имъ не допускать и вѣчныхъ памятей не давать.

только было бы въ жизни случаи съ государством? Очевидно, что всё, а не один 92 составляетъ проблематично вытекающее право учиться. Выписка указовъ 1714 г. 6. Эти указы не составляютъ возмощенія школьной обязанности не посѣщеніе школы, а дѣйствительное усвоеніе требующихъ знаний «ту науку научить совершеннѣе». Государство никогда не можетъ потребовать этого вопроса вселенскій и всколотин.

Что угроза недоученія въ браки или дѣйствительна, это доказываютъ жалобы учителей на отсутствіе учениковъ жалоба, начинавшаяся вскорѣ по вступленіи учителей на работу. Поэтому указъ 1719 г. присоединяетъ къ прежнимъ карательнымъ штрафамъ административными, — рекомендуетъ губернаторамъ (указъ данъ боярину Салтыкову) въ тѣ школы определять (дѣтей, не упуская времени «всѣхъ высылать ихъ безъ потчанія»). Какъ реально исполняли это тогдашняя администрація, доказываютъ прошенія посадскихъ людей 1720 г.: «держать изъ нихъ многихъ въ тюрьмахъ и за карауломъ». Такъ, гдѣ дѣти не были скрыты или не успѣли бѣжать, административными властями схватывали и вели ихъ въ городъ, «таскали». Способъ набора, практиковавшийся тогда во всѣхъ случаяхъ, слѣдующій: родители представляли своихъ дѣтей подлежащей власти для разбора; власть распределяла ихъ, смотря по ихъ возрасту и собственному усмотрѣнію. Разборъ для опредѣленія въ цифирныя школы производили воеводы, каждый въ своей провинціи.

Принудительность образованія была одною изъ причинъ неуспѣха цифирныхъ школъ и дѣйствительно: «случалось, что дѣти, силою забравши въ эти школы, разбѣгались отъ нихъ, какъ это случилось въ Воронежѣ».

Мы сказали, что характеръ элементарныхъ школъ въ цифирныхъ можно замѣчать потому, что они предназначены для всѣхъ гражданъ. И дѣйствительно, въ первыхъ узаконеніяхъ о нихъ правительство не дѣлаетъ исключеній ни для кого относительно обязанности посѣщать ихъ, кромѣ однодворцевъ: по узаконенію 28 февр. 1714 г. ей подлежали дѣти дворянскія и приказнаго чина дьяческія и подьяческіе отъ 10 до 15 лѣтъ «опричь однодворцевъ». По узаконенію 28 дек. 1715 г. «молодые ребята изъ всякихъ чиновъ людей». Почему сдѣлано исключеніе въ пользу однодворцевъ? Потому конечно, что однодворцы были лица, составлявшія народное поголовное ополченіе. Если ихъ держать въ школахъ до 15 лѣтъ, то некогда имъ готовиться къ своей постоянной профессіи и отцалъ ихъ не кѣмъ замѣнить себя въ случаѣ общаго движенія ополченія. Что это такъ, доказывается параллельною мѣрою 1736 г.: въ Петербургъ къ герольдмейстеру для записи въ школы должны являться «всѣхъ служилыхъ людей дѣти отъ 7 лѣтъ и выше, кромѣ однодворческихъ, которые ландмилицію содержатъ».

Но такъ какъ въ подобныхъ же условіяхъ находилось и дворянство, то законодатель счелъ необходимымъ вскорѣ исключить и его изъ общей обязанности посѣщать элементарныя школы. Указъ 18 янв. 1716 г., повторяя распоряженіе двухъ первыхъ указовъ, уже прибавляетъ «кромѣ дворянскихъ дѣтей»; и это было весьма резонно, потому что въ то же время дѣйствовала строгая специальная система обязательнаго обученія дворянъ въ специальныхъ школахъ. Въ приведенномъ выше 1-мъ пунктѣ инструкціи учителю Павлову сказано: «а дворянскихъ дѣтей отнюдь не принимать».

Такимъ образомъ подлежащими обязанности посѣщать элементарныя школы уже съ 1716 г. остались одни низшіе классы. Но такъ какъ эти классы въ первоначальныхъ узаконеніяхъ не были перечислены порознь, то отсюда возникало сомнѣніе, какіе именно изъ нихъ подлежатъ ей; лица, завѣдывавшія школами, этимъ объясняли неуслѣхъ ихъ. Въ 1719 г. полковникъ Скорняковъ-Писаревъ доносилъ, что только въ одной ярославской есть ученики; въ то же время навигаторы новгородской и ярославской школъ просили разъяснить, кто именно подлежитъ обязанности посѣщать школу: «Въ вышеписанныхъ-де цар-го в-ва указахъ помянутой наукѣ, oprичъ дьяческихъ и подьяческихъ дѣтей, другихъ всякаго чина людей о дѣтахъ порознь не означено. И дабы о высылкѣ ихъ въ провинціи въ подтвердительныхъ указахъ чины дьячихъ приказныхъ посадскихъ церковниковъ, монастырскихъ и прочихъ чиновъ написать именно, чтобы никто въ томъ не отговаривался».

Сенатъ 6 ноября 1719 г. именно такъ и приказалъ.

Послѣ этого сдѣлалось несомнѣннымъ, что цифирныя школы должны быть посѣщаемы, между прочимъ, посадскими людьми. Администрація тотчасъ приняла рѣшительныя мѣры къ исполненію этого узаконенія; но вотъ въ 1720 г. явилось челобитье въ сенатѣ отъ посадскихъ людей, а именно отъ Каргопольцовъ, Устюжанъ, Вологжанъ, Калужанъ и другихъ городовъ «что де въ помянутыя школы принуждаютъ ихъ высылкою дѣтей ихъ изъ Каргополя въ Новгородъ, а съ Устюга на Вологду, а изъ Калуги къ Москвѣ и въ томъ держать изъ нихъ многихъ въ тюрьмахъ и за карауломъ».

Что въ общей жалобѣ 1720 года участвовали не одни перечисленные здѣсь города, а и многіе другіе,—это доказывается подлиннымъ прошеніемъ посадскихъ гор. Шуи, отысканнымъ г. Борисовымъ въ архивѣ бывшей городской ратуши. На основаніи этого прошенія и словъ именнаго указа 13-го апрѣля 1720 года, мы можемъ съ несомнѣнностію опредѣлить причины, возбудившія этотъ коллективный адресъ городовъ. Прежде всего, изъ словъ самого правительства ясно, что причина этого не заключалась въ мрачномъ отвращеніи отъ образованія, какъ иногда рѣшается этотъ вопросъ съ плеча въ нашей литературѣ; весьма основательныя причины заключаются: а) въ томъ, что округи школъ были непомерно велики: дѣтей нужно вести изъ Устюга въ Вологду, изъ Калуги—въ Москву, и т. п.; б) въ срокѣ ученія, по мнѣнію гражданъ, слишкомъ длинномъ, хотя повидимому онъ былъ сокращенъ впоследствии сравнительно съ срокомъ, назначеннымъ въ 1714 году (по крайней мѣрѣ, прошеніе шуянъ говоритъ о 13-ти-лѣтнемъ возрастѣ, какъ предѣлѣ элементарнаго обученія). Но и этотъ срокъ посадскіе находятъ тяжелымъ, потому что въ эти лѣта дѣти ихъ сидятъ уже въ рядахъ за лавками, или находятся въ отъѣздѣ съ отцами; в) разумѣется, это не причина для того, чтобы спѣшить слишкомъ окончаніемъ элементарнаго образованія. Общій принципъ и педагогика и администраціи образованія требуютъ, чтобы начало профессіи не мѣшало окончанію образованія. Но дѣло въ томъ, что профессія эта въ нѣкоторомъ смыслѣ обязательная, государственно-служебная: отцы, по государевымъ указамъ, должны быть у сборовъ таможенныхъ, кабацкихъ и въ другихъ многихъ службахъ. Кто же, при отъѣздѣ отцовъ на эту службу, замѣнитъ ихъ дома въ торговлѣ? Будетъ одно изъ двухъ: остановится торговля и, слѣдовательно, умень-

шатся государственные доходы, или потерпеть вредъ служба, то есть, опять казна понесеть убытокъ; г) наконецъ, самая основательная причина это та, что обязательной наукѣ (т. е., цыфри и пѣвоторой части геометріи) обучаются многіе сами собою безъ принужденія. Посадскіе люди не могли съ добросовѣстностью утверждать, что они всѣ обучаются требуемымъ знаніямъ, потому что ариметика преподавалась не во всѣхъ приходскихъ школахъ, а геометрія, разумѣется, нигдѣ; но другія элементарныя знанія (грамотность) жители посадовъ несомнѣнно приобрѣтали по требованію своей профессіи. Свидѣтельства о грамотности чело- битчиковъ шуянъ въ XVII-мъ вѣкѣ, приводимыя г. Борисовымъ, подтверждаютъ это. Правительство признало основательными доводы коллективныхъ прошеній городовъ. Вслѣдствіе этихъ жалобъ, по указу царя, въ Сенатѣ опредѣлено:

«Посадскихъ людей, хотя въ посланномъ указѣ ноября 6-го дня 1719 году объ нихъ и именовано, однако-жъ къ той наукѣ высылаю ихъ въ неволю не понуждать и въ томъ отцамъ ихъ и свойственникамъ убытковъ и утѣсненія не чинить (какъ нынѣ челобитьемъ своимъ о томъ являють), потому что дѣти ихъ въ такіе лѣта приходять въ купеческое состояніе и чтобъ отъ того, какъ въ торгахъ и въ промыслахъ ихъ, такъ и въ сборѣ съ нихъ таможенныхъ и всякихъ государевыхъ податей не было поврежденія, а принимать въ ученіе изъ посадскихъ дѣтей такихъ, которые сами собою къ той наукѣ охоту возымѣютъ, да и кромѣ ихъ противъ именнаго его величества государя указу въ такомъ ученіи, которые возмутся у другихъ чиновъ людей, обратятся учениковъ будетъ довольное число».

Расчетъ правительства, высказанный въ послѣдней фразѣ приведеннаго сейчасъ указа, тотчасъ-же оказался невѣрнымъ. Кто, за отчисленіемъ дворянъ, однодворцевъ и посадскихъ, остался подлежащимъ школьной повинности? Дѣти священниковъ, церковниковъ, монастырскихъ слугъ, дьяковъ и подъячихъ.

Когда въ началѣ слѣдующаго года былъ изданъ духовный регламентъ, то въ силу его предписаній духовное вѣдомство обязывалось имѣть свои школы, а дѣти священниковъ и причетниковъ обязывались учиться въ этихъ школахъ. Итакъ, главный контингентъ посѣтителей цыфирныхъ школъ отливалъ отъ нихъ. Изъ 1,389 учениковъ, бывшихъ въ цыфирныхъ школахъ до 1722 года, 93 было вышучено за окончаніемъ курса, а *всѣ остальные*, дѣти людей, подлежащихъ вѣдомству синода, бѣжали. Такое повальное бѣгство объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что отцы или просто почуяли временную свободу, когда по духовному регламенту дѣтямъ ихъ слѣдовало учиться въ архіерейскихъ школахъ, а такихъ еще не было, или дѣйствительно должны были вести дѣтей въ архіерейскія школы, гдѣ онѣ были уже открыты. Адмиралтейская коллегія не разъ въ 1721 году требовала высылки ихъ въ цыфирныя школы, но синодъ, указами—іюня 22-го 1721 года и августа 17-го 1721 года, далъ знать, что «церковниковы и приказныхъ чиновъ людей дѣти потребны ко учреждаемой отъ правительствующаго синода семинаріи и при архіерейскихъ домахъ школамъ». Синодъ объявилъ даже, что въ архіерейскихъ домахъ и въ монастыряхъ школъ отводить не велѣно.

Но въ такомъ неопредѣленномъ положеніи дѣла оставаться не могли;

въ 1721 году ноября 19-го святѣйшій синодъ, между прочимъ, докладывалъ государю: «о поповскихъ и причетническихъ дѣтахъ, по прежнимъ указамъ, въ ариѳметическія школы и къ прочимъ *свѣтскимъ* наукамъ спрашиваемыхъ требуется опредѣленіе, дабы имъ отъ оныхъ быть свободнымъ, понеже по духовному регламенту опредѣлено такихъ церковническихъ дѣтей учить въ архіерейскихъ школахъ». Царь рѣшилъ: «быть такъ».

Въ силу этой резолюціи въ слѣдующемъ 1722 году сенатъ приказалъ: дѣтей *дѣйствительно служащихъ* поповъ и церковныхъ причетниковъ, годныхъ въ школу, по духовному регламенту учить въ архіерейскихъ школахъ, а въ ариѳметическія школы и къ прочимъ свѣтскимъ наукамъ не спрашивать. Это опредѣленіе сената не было, однако, простымъ исполненіемъ высочайшей воли, но истолковывало ее: дѣти не всѣхъ духовныхъ лицъ подлежатъ обязанности учиться въ архіерейскихъ, а не ариѳметическихъ школахъ, но только дѣйствительно служащихъ. Это было однимъ изъ результатовъ ряда переворотовъ, совершенныхъ первою ревизіею, и потомъ повторялось не разъ впоследствии.

Повтореніе высочайшаго повелѣнія 1721 г. почти черезъ годъ сенатомъ было вызвано тѣмъ, что администрація продолжала еще повсюду исполнять законодательныя повелѣнія 1714 и 1716 гг., и мы увидимъ, что для администраціи поистинѣ было трудно помирить эти узаконенія съ узаконеніями 1720 и 1721 гг. Св. синодъ 1722 г. 31 мая съ своей стороны счелъ нужнымъ подтвердить указанное выше распоряженіе сената.

«Хотя прежними въ 1714, 1716 и 1720 годахъ состоявшимися Его Императорскаго Величества указы, до уставленія св. синода, въ ариѳметическія школы для ученія цифири и геометріи были они (дѣти лицъ духовнаго званія) и опредѣлены; но потомъ духовнымъ регламентомъ въ архіерейскихъ школахъ учиться одолжены. Апрѣля 4 числа нынѣшняго 1722 г. собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ утверждено такое сенатское мнѣніе, что служащихъ у церквей дѣйствительно протопоповъ, поповъ и діаконовъ изъ дѣтей, которыя отъ подушнаго овлада уволены, учить въ школахъ и производить на убыль мѣста въ попы и во діаконы. Объявить коемуждо архіерею во всей своей епархіи церковникамъ указами, дабы они знали, что дѣти ихъ отъ вышеозначенныхъ ариѳметическихъ школъ и прочихъ свѣтскихъ наукъ свободны учинены».

Чтобы парализовать необходимость посѣщенія ариѳметическихъ школъ, синодъ за благо нашелъ ввести въ архіерейскихъ школахъ преподаваніе «какъ ариѳметики, такъ нужнѣйшей части геометріи, дабы они обѣихъ вышеозначенныхъ и церкви и гражданству потребныхъ наукъ были искусны и тѣмъ оба опредѣленія, т. е. и прежде состоявшіеся объ ариѳметическомъ и геометрическомъ ученіи Его Императорскаго Величества указы и изложенное потомъ о свойственной наукѣ (т. е. профессиональной духовной) синодальное установленіе исполнили-бъ».

Но такимъ образомъ далеко не примираются противорѣчія требованій 10-хъ и 20-хъ годовъ: ариѳметическія школы существуютъ отдѣльно отъ архіерейскихъ и должны имѣть учениковъ; воеводы и губернаторы ревностно смотрять, чтобы учителя даромъ жалованья не брали. Но откуда же взять учениковъ? И вотъ цифирные учителя или навигаторы, а равно и администрація продолжаетъ «*маскать*» въ свои школы дѣтей

церковническихъ. Въ началѣ 1722 г. до синода дошло свѣдѣніе, что это насиліе совершаетъ костромской воевода Стрешневъ, который «велѣлъ духовнымъ и монастырскимъ служителямъ представитъ къ нему въ канцелярію своихъ дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, для смотра и разбора, не взирая и не отговариваясь св. пр. синодомъ. Протекторъ школы и типографій, архимандритъ Гавріиль, представилъ въ синодъ копію съ предписанія, даннаго Стрешневымъ. Св. синодъ опредѣлилъ послать при вѣдѣніи въ сенатъ копію съ указа, объявленнаго во всенародное извѣстіе Стрешневымъ (въ которомъ онъ «ващшую достойную св. прав. синода честь: *святѣйшество* не написалъ») и потребовать отъ сената посылки къ Стрешневу и другимъ воеводамъ указовъ о томъ, чтобы они въ гражданскія школы дѣтей духовныхъ и не имали. Въ мартѣ 1722 г. архимандритъ Гавріиль донесъ св. синоду, что синодскій духовный приказъ въ Костромѣ получилъ 21-го февраля изъ костромской воеводской канцеляріи указъ о высылкѣ «безъ замедленія» священно и церковно-служительскихъ дѣтей въ науку къ прибывшему въ Кострому учителю Семену Прокпину, который учениковъ себѣ на канцеляріи воеводскаго правленія требуетъ неотступно. Гавріиль представилъ св. синоду при доношеніи и копію съ указа воеводской канцеляріи, объясняя, что безъ повелѣнія синода не смѣетъ сдѣлать распоряженія объ отсылкѣ требуемыхъ дѣтей къ Прокпину. «Въ концѣ года повторилось то же въ Переяславлѣ Залѣйскомъ».

«722 года октября 3 дня въ присланномъ указѣ Переяславля Залѣйскаго изъ канцеляріи воеводскаго правленія на синодальной десятильничъ дворы (?) написано, чтобъ для обученія цыфри и нѣкоторой части геометріи дьячихъ и подъяческихъ и церковниковыхъ и монастырскихъ слугъ дѣтямъ учителю Якову Степанову отвезть, гдѣ надлежитъ, школу, также де Переяславской десятины всѣхъ церквей поповъ и дьяконовъ и всякаго церковнаго причта людей, въ поставкѣ дѣтей ихъ ради обученія во оную школу таскають непрестанно...»

Это доношеніе заставило снова св. синодъ повторить:

«Въ синодальной области и въ епархіяхъ принуждаемыхъ къ *навигацкимъ* наукамъ поповыхъ, дьяконовыхъ и причетническихъ дѣтей какъ губернаторамъ и воеводамъ, такъ и посланнымъ въ губерніи и провинціи навигацкихъ наукъ учителямъ силою не принуждать и синодальнымъ управителямъ не отдавать, также и оныхъ церковниковъ, въ поставкѣ тѣхъ своихъ дѣтей во оныя навигацкія школы къ свѣтскимъ командамъ, тѣмъ командирамъ отнюдь не имать, и духовнымъ управителямъ въ томъ ихъ оберегать... А что помянутой свѣтской команды учитель церковническихъ дѣтей къ цыфирному ученію принуждаетъ и отъ того *священному чину не малую наноситъ обиду*... требовать надлежащей сатисфакціи»...

Потомъ не разъ повторяется та же борьба въ разныхъ провинціяхъ: «такъ Іоаникій, митрополитъ коломенскій и каширскій, на требованіе губернской канцеляріи о побужденіи подчиненныхъ ему духовныхъ къ высылкѣ своихъ дѣтей въ арифметическую московскую школу, отвѣтилъ, что «безъ послушнаго Великаго Государя указа изъ св. прав. духовнаго синода вышписанныхъ поповыхъ и дьяконовыхъ и церковничьихъ дѣтей въ помянутое школьное ученіе высылать онъ не хотѣлъ». Изъ Переяславля-Залѣйскаго также доносили синоду, что священно и церковно-

служители этой епархіи, безъ послушныхъ указовъ изъ св. синода, также уклоняются отъ исполненія царскихъ указовъ о высылкѣ дѣтей въ арифметическія школы. Изъ Смоленска было получено подобное же доношеніе.

Итакъ, борьба между духовнымъ и свѣтскимъ начальствомъ за право образовывать духовное юношество дошло до «требованія надлежащей сатисфакціи». Были же для этого весьма основательныя причины, но прежде, чѣмъ мы дойдемъ до окончательнаго указанія этихъ причинъ, здѣсь отмѣтимъ слѣдующій небезынтересный фактъ: синодъ въ вышеприведенномъ указѣ постоянно обходитъ то ограниченіе, которое было постановлено въ сенатскихъ указахъ апрѣля 4 и октября 8 относительно лицъ, освобождаемыхъ отъ посѣщенія цыфирныхъ школъ; онъ не упоминаетъ о дѣтяхъ такихъ церковниковъ, которые оставались по ревизіи заштатными и подлежали записи въ подушный окладъ. Не слѣдовало ли этимъ послѣднимъ подчиняться требованію навигаторовъ? Этотъ вопросъ вызоветъ въ послѣдствіи новыя затрудненія и новыя узаконенія, рѣшающія ихъ. Но общій отвѣтъ на него и вмѣстѣ причина того, что синодъ не упоминаетъ о дѣтяхъ заштатныхъ церковниковъ есть то, что всякій, записанный въ подушный окладъ, не обязанъ былъ посѣщать школы.

Далѣе административная борьба элементарнаго образованія съ профессиональнымъ питалась неполнотою узаконенія 19 ноября 1721 г. и сенат. у. 8 ноября 1722 г. Эти узаконенія говорятъ объ освобожденіи отъ цыфирныхъ школъ дѣтей поповъ и причетниковъ. Между тѣмъ, «синодская команда» состояла не изъ нихъ только, а вмѣстѣ изъ многочисленнаго класса свѣтскихъ лицъ, состоявшаго изъ дьяковъ и подъячихъ въ разныхъ церковныхъ приказахъ и изъ монастырскихъ слугъ. Послѣдніе были поименованы прямо въ сенатскомъ указѣ 6 ноября 1719 г., какъ подлежащіе ученію въ цыфирныхъ школахъ, но узаконенія 1721 и 1722 гг. объ нихъ не упомянули вовсе; что же касается до дьяковъ и подъячихъ синодской команды, то объ нихъ нигдѣ не было упомянуто. Нужно было вновь возбудить и этотъ вопросъ въ законодательномъ порядкѣ. Когда однажды, въ 1723 г., Петръ присутствовалъ въ адмиралтейской коллегіи, то эта послѣдняя представила ему на разсужденіе упомянутый вопросъ; Петръ велѣлъ рѣшить его въ сенатѣ. Рѣшеніе этого вопроса, въ связи съ другими о цыфирныхъ школахъ, повело-было, наконецъ, къ совершенному измѣненію организаціи цыфирныхъ школъ, къ образованію изъ нихъ опять общихъ для всѣхъ сословій элементарныхъ школъ подѣ вѣдомствомъ духовенства.

Именно въ 1723 г. мая 2-го адмиралтейская коллегія доносила сенату, что государь велѣлъ рѣшить въ сенатѣ между прочимъ: «дѣтей приказнаго чина и монастырскихъ для обученія цыфири и нѣкоторой части геометріи при тѣхъ школахъ имѣть, или въ семинаріи и въ архіерейскихъ школахъ обучать». Рѣшеніе этого вопроса стояло въ тѣснѣйшей связи съ отвѣтомъ на другой, тогда же предложенный вопросъ: не соединить ли цыфирныя школы съ архіерейскими? Въ послѣдствіи вопросъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. При этомъ кругъ лицъ, подлежащихъ обученію въ архіерейско-цыфирныхъ школахъ, вновь расширился, или, точнѣе, архіерейскія школы могли сдѣлаться опять общими элементарными училищами. Пока эта мѣра примѣнялась къ одной новгородской цыфирной школѣ; при этомъ сенатъ прибавилъ: «а въ ученіи

ученикамъ въ той цыфирной школѣ быть изъ такихъ чиновъ, которымъ по прежнимъ Его Императорскаго Величества указамъ обучаться велѣно», т. е. въ этой школѣ соединяются дьяческія, подъяческія, церковническія дѣти и дѣти лицъ, подчиненныхъ церкви, но не носящихъ духовнаго званія—дѣти монастырскихъ слугъ и проч.. Кромѣ того, въ тѣхъ же элементарныхъ школахъ предполагалось давать образованіе и такимъ классамъ, которые освобождены отъ обязательнаго опредѣленія дѣтей въ школы, съ обязанностью замѣнять его домашнимъ обученіемъ.

«А для словеснаго и письменнаго правильнаго обученія свѣтскихъ всякихъ чиновъ людямъ, которые такихъ учителей у себя не имѣютъ, дѣтей своихъ обучать у тѣхъ архіерейскихъ учителей, чтобы таковое правильное обученіе умножалось, токмо бѣ въ обученіи отъ учителей для какой страсти продолженій не происходило, о томъ надлежитъ изъ правительствующаго синода въ тѣ школы подтвердить Е. И. В. указами».

Эта боязнъ правительства, чтобы дѣти слишкомъ долго не заучились въ школахъ, объясняется весьма просто: служилые люди въ 15 или 20 лѣтъ должны служить; имъ некогда долго возиться съ образованіемъ; «особливо, хотя-бъ они и сами желали, возраста ихъ болѣе какъ до 15 лѣтъ не держали, а выше тѣхъ лѣтъ отнюдь не принимали, дабы подѣ иманемъ той науки отъ смотровъ и опредѣленія въ службу не укрывались». Лишь въ этомъ смыслѣ нужно разумѣть слова указа, «что обрѣтающихся въ Новгородской епархіи свѣтскихъ людей, а иманно: шляхетныхъ и приказныхъ и купеческихъ и прочихъ чиновъ дѣтей во ученію отдавать въ оныя жъ (архіерейскія) школы».

Ни профессиональное назначеніе архіерейскихъ школъ («въ надежду священства»), ни направленіе свѣтскаго образованія (для службы) не дозволяли выполнить предполагаемую и лишь отчасти осуществленную здѣсь реформу цыфирныхъ школъ. Мы увидимъ, что Петръ отказывается тѣмъ архіереямъ, которые просятъ о дозволеніи принимать въ архіерейскія школы дворянскихъ дѣтей.

И дѣйствительно, всѣ школы, кромѣ одной новгородской, удержали свою отдѣльность. Однако ученики этихъ школъ набирались по-прежнему (уже противозаконно) изъ дѣтей лицъ духовнаго вѣдомства: «какъ ученики, такъ и школы едва не всѣ духовнаго жъ правительства; токмо изъ оныхъ приказнаго чина гражданскаго правленія и оныхъ недовольное число... За неимѣніемъ приказнаго чина и за отбытіемъ изъ ариметическихъ школъ церковничьихъ дѣтей изъ многихъ провинцій по-прежнему въ академію (морскую) учителя прибыли, а нынѣ въ другихъ провинціяхъ въ тѣхъ школахъ учениковъ обрѣтается малое число, въ которыхъ и учителямъ быть не у чего». Такъ писала адмиралтейская коллегія въ 1726 г. о причинахъ упадка ариметическихъ школъ. И нынѣ ни малѣйшаго основанія подозрѣвать за указанными здѣсь причинами другія, скрытыя.

За освобожденіемъ отъ цыфирныхъ школъ дѣтей однодворческихъ, шляхетскихъ, посадскихъ и духовныхъ, остается единственный классъ лицъ, подлежащій имъ,—это дѣти дьяковъ и подъячихъ. Но и этотъ классъ былъ призванъ законодательными мѣрами Петра къ образованію изъ себя отдѣльнаго сословія. Петръ, сознавая необходимость специальной подготовки для гражданскихъ чиновниковъ, принималъ для этого и специальныя мѣры; почти одновременно съ изданіемъ духовнаго рег-

ламенты учреждены и школы для подъячихъ, назначенныя для подготовки къ низшимъ сферамъ гражданской службы. Не смотря на все это, сословіе гражданскихъ чиновниковъ, дѣйствительно, представляло собою классъ лицъ, никуда еще не прикомандированный въ новой сословной организаціи общества; и дѣйствительно, впослѣдствіи классъ подъячихъ не составилъ изъ себя отдѣльнаго сословія. Вотъ почему и при существованіи подъяческихъ школъ, дѣти подъячихъ составляли единственный скудный контингентъ ихъ.

Въ послѣднихъ узаконеніяхъ о цифирныхъ школахъ постоянно говорится, что онѣ предназначаются для «дьячихъ, подъячихъ и прочихъ» (послѣднее «и проч.» повторяется лишь по старой привычѣ, потому что правительству хорошо уже было извѣстно, что подъ этимъ «и проч.» не разумѣется никто).

Бѣдственное существованіе цифирныхъ школъ поддерживалось еще около 20 лѣтъ (послѣ освобожденія отъ нихъ дѣтей духовныхъ лицъ) дѣтьми тѣхъ изъ шляхетскаго сословія, которымъ, по ихъ большей состоятельности, было позволено (съ 1737 г.) добровольно обучать дѣтей дома до извѣстнаго срока. Нѣкоторые изъ нихъ предпочитали посылать дѣтей для элементарнаго образованія въ цифирныя школы. Да кое-кто изъ солдатъ успѣвалъ помѣстить сюда дѣтей, невѣдомо какъ ускользнувшихъ отъ записи въ гарнизонныя школы.

Не скрывается ли подъ миѳическимъ «и проч.» та громадная масса народа, для которой преимущественно устраивается элементарная школа? И гдѣ она, эта масса? Почему мы ни разу не встрѣчались съ нею при этомъ кропотливомъ разборѣ, кому гдѣ учиться: гдѣ дьяческимъ, гдѣ церковниковымъ дѣтямъ? Объ ней-то, этой массѣ, на которой созидалась вся работа пигмеевъ, забыли. Ни законодатель не прибавилъ ни разу: «и крестьянскихъ дѣтей»; ни услужливая практика не тащила дѣтей этой многомилліонной массы въ города въ школу. Конечно, подобная истинно-нелѣпая мысль не могла придти никому въ голову. Какъ собрать со всей губерніи, которая равнялась, по крайней мѣрѣ, 5 нынѣшнимъ, всѣхъ крестьянскихъ дѣтей 10—15 лѣтнаго возраста въ одинъ губернскій городъ?

Но кромѣ этой резонной причины, доказывающей наиболѣе несостоятельность новой системѣ, была и другая причина этого страннаго забвенія сельскихъ классовъ. По новой системѣ XVIII в., сельскіе классы не должны получать общественнаго образованія. Существованіе этой роковой мысли, къ сожалѣнію, можно доказать съ несомнѣнною очевидностью. Не одна совокупность узаконеній объ элементарныхъ школахъ своимъ согласнымъ молчаніемъ о крестьянскихъ дѣтяхъ наводитъ на это подозрѣніе. Не всегда можно было обходить ихъ молчаніемъ. Другіе виды низшихъ школъ: школы для нищихъ и гарнизонныя школы, смѣнившія собою цифирныя, уже имѣють въ виду крестьянскихъ дѣтей. Въ первыхъ, повидимому, опять выступила старая обязанность общества воспитывать всѣхъ лишенныхъ семьи, и потому онѣ именно должны быть открыты для всѣхъ, требующихъ призрѣнія. Но по указу 25 іюля 1729 года только *воинныя* нищія дѣти отсылаются въ коллегію экономіи для призрѣнія и образованія. Если бѣглый помѣщичій мальчикъ или дѣвочка будетъ пойманъ въ Петербургѣ, а помѣщика его въ Петербургѣ нѣтъ, то это дитя лишь на время сношенія съ помѣщикомъ отдается

въ школу, а потомъ тотчасъ, по заявленіи помѣщикомъ желанія взять его обратно, оно берется изъ школы; при этомъ помѣщикъ даже возвращаетъ правительству деньги, истраченные на содержаніе его въ школѣ; правительство считаетъ этихъ дѣтей людьми сторонняго для себя вѣдомства. Въ гарнизонныя школы отнюдь не велѣно брать дѣтей, положенныхъ въ подушный окладъ. Объявивъ помѣщичьихъ крестьянъ *людьми* (холопами въ прежнемъ смыслѣ), правительство было послѣдовательно, не вмѣшиваясь совершенно во внутреннія дѣла помѣщиковъ и крестьянъ. Но оно столь же мало заботилось объ образованіи собственныхъ (дворцовыхъ и государственныхъ крестьянъ); только инородцы некрещенные и новокрещенные, по особому государственно-церковному интересу ихъ образованія, были счастливыѣ.

Вотъ истинная причина неудачи новой системы элементарнаго образованія: некого учить въ элементарныхъ школахъ. При исключительной профессиональной системѣ образованія элементарному, общему нѣтъ мѣста.

Но это не есть единственная причина упадка школъ. Хотя указъ 1720 года апрѣля 30 заявилъ желаніе, чтобы «ученики для училища дома свои имѣли по близости, а не въ дальнемъ разстояніи», но это было лишь желаніе, неисполнимость котораго, конечно, предвидѣло само правительство; школы должны быть заведены въ архіерейскихъ домахъ, которыхъ всѣхъ въ эпоху Петра было немного, и только тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, въ «знатныхъ монастыряхъ». Послѣднее истолковать очень трудно; если бы въ каждомъ монастырѣ была заведена школа, то, конечно, училищные округа могли быть не чрезмѣрно велики. Но сенатъ не могъ серьезно заявить этого требованія; онъ зналъ, что учителей послано во всякую губернію лишь по 2 человѣка.

Во все время существованія цифирныхъ школъ изъ морскихъ академій, московской и с.-петербургской, было отправлено въ провинціи 47 учителей, изъ нихъ 18 возвратились вскорѣ, за неимѣніемъ въ школѣ дѣтей тѣхъ чиновъ, какіе указаны въ узаконеніяхъ 1714 и 1716 гг. Въ губерніяхъ и провинціяхъ осталось 29 человѣкъ.

По статистикѣ Кирилова, данныя второй, какъ извѣстно, относятся къ 1727 г., къ этому году число цифирныхъ школъ упало съ 29 до 24 или 23; къ 1744 г. оно понизилось до 8.

Число учениковъ въ этихъ школахъ въ 20 годахъ приблизительно можетъ быть опредѣлено по донесеніямъ Скорнякова-Писарева и адмиралтейской коллегіи. Въ 1719 г. Скорняковъ-Писаревъ, управлавшій школами С.-Петербургской губерніи (псковскою, новгородскою и ярославскою), доносилъ, что только въ одной ярославской было 26 человѣкъ изъ однихъ церковниковъ, въ прочихъ вовсе не было учениковъ. Въ томъ же году навигаторы московской и вологодской школъ доносили, что въ ихъ школахъ тоже вовсе не было учениковъ.

Въ 1721 г. Скорняковъ-Писаревъ, завѣдывавшій въ это время уже всѣми цифирными школами въ государствѣ, доносилъ сенату:

«Писали-де къ нему изъ московской школы учителя, что по присылѣ прошлыхъ и 1720 годовъ изъ губернской канцеляріи во ученіи ихъ обрѣтается учениковъ всякихъ чиновъ людей 70 человѣкъ, а *другихъ провинцій изъ городовъ* къ нимъ учениковъ никого не прислано, а въ иныхъ губерніяхъ и въ провинціяхъ же обрѣтается учениковъ малое число».

Въ 1726 г. адмиралтейская коллегія въ своемъ донесеніи сенату (съ предположеніемъ отдать цифирныя школы подъ вѣдомство синода) между прочимъ, пишетъ: «Изъ губерніи и провинціи рапортами объявили, что въ тѣхъ школахъ сначала было учениковъ въ присылкѣ по 722 годѣ 1,389, изъ того числа выучено 93 человекъ, а затѣмъ оставшіеся едва не всѣ синодальной команды бѣжали» (т. е. остальные были по происхожденію подвѣдомы синоду и всѣ бѣжали).

Въ началѣ 40-хъ годовъ, когда уже въ трехъ мѣстахъ цифирныя школы соединены были съ гарнизонными, по рапортамъ учителей въ адмиралтейскую коллегію и по донесенію этой послѣдней въ сенатъ, учениковъ въ этихъ трехъ школахъ было: въ *смоленской* (гарнизонной): изъ шляхетства 5, служилыхъ чиновъ (низшихъ) 72, подъяческихъ дѣтей 1; итого 79. Въ *казанской* (гарнизонной): офицерскихъ и солдатскихъ дѣтей 484. Въ *новгородской* (цифирной): солдатскихъ (на жаловань) 54, архіерейскихъ 2; итого 56. Всего въ трехъ школахъ 619 человекъ.

Между тѣмъ, въ остальныхъ пяти цифирныхъ школахъ, сохранившихъ свою отдѣльность, тогда же было всего въ пяти школахъ 91 человекъ. Такимъ образомъ, въ 40-хъ годахъ всѣхъ цифирныхъ школъ было уже только 5, а съ присоединеніемъ къ нимъ трехъ смѣшанныхъ—8.

Присланные въ Москву въ 1716 году два учителя для московской цифирной школы въ 1726 году имѣли только 10 человекъ учениковъ и потому въ этомъ году были отосланы въ канцелярію московскаго гарнизона для ученія драгунскихъ и солдатскихъ дѣтей, вмѣстѣ съ ихъ прежними учениками цифирной школы. Въ 1744 году у нихъ уже вовсе не было въ ученіи дьяческихъ и подъяческихъ дѣтей.

Въ 1744 г. 17 марта галицкая провинціальная канцелярія доносила правительствующему сенату, что бывшій въ галицкой провинціи цифирной школы учитель Григорій Корсаковъ, «за малоимѣніемъ учениковъ, съ 1734 года (т. е. 10 лѣтъ) почти былъ праздно и для указаго опредѣленія присланъ въ Москву въ правительствующій сенатъ».

Постепенное уменьшеніе числа учениковъ въ цифирныхъ школахъ можетъ быть опредѣлено на слѣдующемъ примѣрѣ переславско-рязанской школы: 7 мая 1722 г. (при основаніи школы) въ нее собрано было 65 учениковъ. Въ 1727 г., по вѣдомости, представленной въ синодъ, въ ней училось уже только 32 человекъ. Изъ 96 человекъ, перебивавшихъ въ ней съ 1722 г., обучено 4, выпущено въ канцеляристы 2, умерло 2, отданъ въ солдаты 1, а 59 «отлучились отъ арифметической школы самовольно». По рапорту же учителя Павлова, приведенному выше, въ томъ же 1727 г. у него училось только 15 чел. Не трудно рѣшить, чему надо вѣрить: официальной ли вѣдомости, поданной отдаленному начальству, или рапорту, поданному мѣстному воеводѣ.

Такъ разрушилась въ цифирныхъ школахъ первая черта элементарнаго образованія—его всеобщность.

Принудительное образованіе должно быть бесплатнымъ: законеніе 1714 г. говоритъ, что «съ учениковъ имъ (учителямъ) себѣ отнюдь ничего не имать». Содержаніе школы распределяется между церковью и государствомъ такимъ образомъ: помѣщеніе для школы, разумѣется, со всѣми ея классными принадлежностями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и помѣще-

ніе для учителя отводится духовенствомъ въ архіерейскихъ домахъ и въ «знатныхъ монастыряхъ». Въ этомъ смыслѣ даны были указы еще въ 1714 г. Стефану, митрополиту рязанскому, а отъ него разосланы предписанія по всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ. Мы видѣли, что съ изданіемъ духовнаго регламента и съ освобожденіемъ дѣтей духовенства отъ обязанности посѣщать цифирныя школы, духовное вѣдомство уже не признавало за собой обязанности давать имъ помѣщеніе. Однако мы видимъ также, что канцеляріи воеводскаго правленія продолжаютъ требовать помѣщенія для школы у духовнаго вѣдомства, какъ именно требовала воеводская канцелярія Переславля-Залѣсскаго: «учителю Якову Степанову отвести, гдѣ надлежитъ, школу»; и требованія эти были законны, потому что объ этомъ прямо не выражено ни въ высочайшемъ повелѣніи 1721 г., ни въ сенатскомъ указѣ 1722 г.; напротивъ, въ указѣ 30 апрѣля 1720 г. именно упомянуто объ удержаніи прежней обязанности «опредѣлять школы въ архіерейскихъ домахъ, а гдѣ архіерейскихъ домовъ нѣтъ, въ монастыряхъ». Думать надобно, что помѣщеніе для учителей и школъ продолжали отводить въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ до самаго соединенія цифирныхъ школъ съ гарнизонными. Хотя иногда приказывается учителямъ «квартиры себѣ и ученикамъ требовать отъ воеводы», но въ дѣйствительности эти-же самые учителя получали квартиру въ монастыряхъ, а воевода долженъ былъ лишь нести съ духовнымъ начальствомъ.

Государство съ своей стороны даетъ содержаніе школѣ и учителямъ. Въ 3-мъ пунктѣ инструкціи переславскому учителю стоитъ: «сторожей, кому топить школы и для караулу школъ, по 3 человекъ солдатъ и въ школу бумаги, свѣчи и дрова, а именно въ ноябрѣ, въ декабрѣ, въ генварѣ, въ февралѣ мѣсяцахъ на день по 10 свѣчъ, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней, бумаги въ годъ по три стопы... требовать отъ воеводы». Скорняковъ-Писаревъ въ своемъ письмѣ къ воеводѣ рязанскому прибавляетъ къ этому: «для обученія тѣхъ учениковъ извольте купить досокъ учебныхъ каменныхъ (т. е. аспидныхъ) и прочаго инструменту, который къ тому дѣлу принадлежить по объявленію онаго учителя числомъ, сколько учениковъ въ учении обрѣтаться будетъ; понеже безъ того инструменту учениковъ обучать невозможно». По смерти учителя Павлова въ числѣ школьнаго имущества оказалось 9 логаріемъ, 9 скалъ, 39 циркулей, шесть перьевъ мѣдныхъ.

Что касается до содержанія учителей, то они въ цифирныхъ школахъ получаютъ уже опредѣленное *жалованье*, чѣмъ эти школы предупредили народныя школы Западной Европы. Это жалованье стоитъ въ «кормовыхъ книгахъ» по 3 алтына и 2 деньга на день, т. е. по 36 руб. въ годъ (содержаніе по тому времени не малое) изъ нештатныхъ губернскихъ сборовъ; но при постоянномъ стремленіи всѣхъ вѣдомствъ сбѣтъ съ своихъ рукъ цифирныя школы, это жалованье выдавалось весьма неаккуратно и иногда нѣсколько лѣтъ сряду не выдавалось. Кромѣ этого жалованья, учитель могъ получать съ ученика деньги только одинъ разъ при окончательномъ выпускѣ ученика изъ школы, именно по 1 руб. съ человекъ. Мѣра весьма странная, при очевидномъ стремленіи правительства сдѣлать учение даровымъ и обязательнымъ; при выпускѣ учитель выдаетъ ученику столь важное свидѣтельство, на

которомъ основывается вся обязательность обученія, — тутъ-то ему позволено брать деньги съ ученика.

Государство проявляло свое участіе въ элементарныхъ школахъ и другимъ, еще болѣе значительнымъ, способомъ: приготовленіемъ и выборомъ учителей. Въ 1714 г. предположено было взять учителей изъ математическихъ школъ московскихъ, т. е. отъ Сухаревой башни. Но указъ 1715 г. назначаетъ ихъ изъ морской академіи: «взять изъ школы господина адмирала». А такъ какъ въ дѣйствительности учителя были отправлены лишь въ 1716 г., то ихъ взяли изъ обоихъ морскихъ училищъ, петербургскаго и московскаго, какъ объ этомъ именно упоминается въ указѣ 26-го октября 1744 г. Въ учителя могли быть посланы люди, изучившіе географію и геометрію. Думать надобно, что учителями въ цыфирныя школы были отправлены не самые лучшіе ученики морскихъ академій, потому что ихъ ближайшая задача — приготовленіе офицеровъ морской службы, конечно, болѣе озабочивала начальство, чѣмъ вліяніе академіи на народное образованіе. Но не подлежитъ сомнѣнію, что эти учителя были несомнѣнно выше по своей образованности прежнихъ учителей приходскихъ школъ, зато первые неизмѣримо уступали вторымъ по своей численности.

Незначительность числа цыфирныхъ школъ объясняется ближайшимъ образомъ недостаткомъ учителей. Лишь по недостатку приготовленныхъ лицъ правительство рѣшилось послать только по два человѣка на губернію. Такъ возвышеніе уровня образованія сокращаетъ объемъ его распространенія; здѣсь нагляднымъ образомъ объясняется тотъ роковой законъ обратно-пропорціональнаго отношенія между содержаніемъ образованія и его объемомъ. Всѣ блага предначертанія правительства начала XVIII вѣка должны были развиться объ одно это препятствіе, которое такъ легко обходили приходскія народныя школы.

При новой системѣ, т. е. системѣ профессиональнаго образованія, трудно было ожидать, что для управленія общимъ народнымъ образованіемъ (и въ томъ числѣ элементарнымъ) устроено будетъ какое-либо вѣдомство народнаго просвѣщенія. То обстоятельство, что въ цыфирныя школы ученики посланы изъ морскихъ академій, и подразумеваемая цѣль учрежденія ихъ естественно отдавали ихъ подъ вліяніе морской академіи и потомъ адмиралтейской коллегіи. Но такъ какъ эти школы должны помѣщаться и устраиваться въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ подпадали подъ надзоръ духовенства. Уплата жалованья учителямъ изъ губернскихъ доходовъ привлекала къ управленію ими губернаторовъ и воеводъ. Наконецъ, всеобщность обязательнаго обученія въ цыфирныхъ школахъ дѣлала недостаточными для управленія всѣ эти вѣдомства. Мы видѣли уже, что синодъ и адмиралтейская коллегія спорятъ между собою по поводу того, — подлежатъ-ли отдачи въ эти школы дѣти духовенства. Поэтому въ управленіи ими должно было принять непосредственное участіе центральное правительство — сенатъ.

До 1720 г. школы, дѣйствительно, находились подъ такимъ разнообразнымъ управленіемъ.

При первоначальномъ учрежденіи ихъ, законодатель не опредѣлилъ вѣдомства, которому онѣ подчиняются. Пришлось непосредственно управлять ими сенату. Управленіе школами каждой губерніи, въ зависимости

отъ сената, возложено было или на губернаторовъ, или на особия специально назначенныя лица; такъ, для Петербургской губерніи былъ назначенъ Скорняковъ-Писаревъ еще до своего директорства въ морской академіи. Неизвѣстно, былъ-ли онъ назначенъ непосредственно сенатомъ. только и онъ прямо относился къ сенату съ своими представленіями;

Извѣстно, что при устройствѣ коллегій не было предназначено специальной коллегіи для вѣдомства народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ, сенатъ желаетъ себя избавить отъ непосредственнаго управленія всѣми подробностями въ провинціяхъ, и вотъ указомъ 1720 г., апрѣля 30-го, завѣдываніе элементарными школами вообще поручено *адмиралтейской коллегіи*.

Вскорѣ начинается печальная борьба разныхъ вѣдомствъ, причѣмъ каждое старается освободить себя отъ цифирныхъ школъ, начинавшихъ приходить въ упадокъ.

Эта борьба есть точное указаніе на то, что при господствѣ профессиональнаго образованія элементарному нѣтъ мѣста; разные вѣдомства перебрасываются имъ, какъ мячикомъ, до тѣхъ поръ, пока правительство не примкнуло его къ военному вѣдомству, т. е., правильнѣе, пока совершенно не покончило съ нимъ.

ЛХХVІІІ. МѢРЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДЛЯ ВВЕДЕНІЯ ВЪ РОССИИ ТЕХНИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

(Изъ соч. Соколовскаго: «Петръ В., какъ воспитатель и учитель народа»).

Послѣ заботъ о распространеніи знаній по военному искусству и морскому дѣлу Петръ особенно старался распространить, посредствомъ обученія, знанія, необходимыя для добывающей, обрабатывающей и передаточной промышленности. Учителями въ этомъ случаѣ были преимущественно иностранцы, призываемые въ Россію умножать промышленное дѣло вообще и обучать при этомъ русскихъ. Однако, въ послѣдніе годы царствованія Петра стало оказываться, что «иноземцы мастера, будучи на фабрикахъ и отживъ сроки, отъѣзжаютъ въ отечество, а по себѣ учениковъ безъ совершенства науки ихъ оставляютъ», такъ что велѣно было прежде всего свидѣтельствовать вывезенныхъ мастеровъ, знаютъ-ли они свое дѣло, а потомъ, ежели окажутся искусными, «со всѣми мастерами, которые употреблены будутъ въ какую-нибудь фабрику и мануфактуру, договориться, чтобъ они изъ російскихъ учениковъ при себѣ имѣли и мастерству своему обучали, поставя за то цѣну награжденіи и время, во сколько выучить».

Въ ученики могли поступать, главнымъ образомъ, свободные люди всякихъ чиновъ людей. Крѣпостныхъ же людей старались не иначе допускать, какъ только съ отпусковой отъ помѣщика, а бѣглыхъ сначала совѣмъ запрещали принимать, какъ заводчикамъ, фабрикантамъ, такъ и мастерамъ. Съ 1722 года замѣтно колебаніе правительства относительно допущенія бѣглыхъ крестьянъ на заводы. Указомъ 18-го іюля

1722 года разрѣшено было, до возвращенія государя изъ похода, не отдавать бѣглыхъ помѣщикамъ. Этотъ указъ не былъ отмѣненъ, и въ указѣ слѣдующаго года (Демидову) также не запрещалось держать учениковъ изъ бѣглыхъ. Исключеніе составляли бѣглые солдаты. Въ маѣ 1724 года встрѣчаемъ противорѣчащее предъидущимъ распоряженіе сената: «какъ на заводы, такъ и въ приписныя къ нимъ слободы бѣглыхъ не принимать». Петръ не довольствовался добровольно-поступающими учениками: онъ издавалъ указы, требовавшіе чего-то въ родѣ небольшихъ наборовъ для обученія какому-нибудь мастерству.

Такъ, въ 1711 году «государь указалъ прислать изъ церковниковъ и изъ служекъ монастырскихъ и изъ дѣтей ихъ 100 человекъ, которые были бы лѣтъ по 15-ти или 20-ти, и умѣющихъ писать», чтобъ роздать въ ученики къ мастерамъ по разнымъ дѣламъ.

Потомъ велѣно было адмиралтейской коллегіи опредѣлять сиротъ послѣ умершихъ офицеровъ для обученія, по рассмотрѣніи ея, грамотъ и въ мастерство, «кто куда пристойны». Кромѣ этихъ мѣръ, касающихся поступленія учениковъ, дальше придется встрѣтиться и съ частными распоряженіями подобнаго рода.

Для обученія не было устроено особенныхъ школъ, гдѣ-бы преподавались теоретическія или даже просто техническія научныя и практическія свѣдѣнія, кромѣ школъ въ Екатеринбургѣ и въ адмиралтействѣ. Учили же большею частію при самомъ отправленіи дѣла, безъ учебниковъ и, очень возможно, безъ строгой системы и порядка. «Выписывая и вызывая иностранныхъ мастеровъ изъ-за границы, — говоритъ Афанасьевъ, — Петръ въ то-же время посылалъ своихъ подданныхъ въ чужіе края учиться мануфактурамъ и ремесламъ. Такія послыки начинаются съ перваго его путешествія по Европѣ (1698 г.). Въ 1700 году онъ заставилъ многихъ мѣщанъ послать своихъ дѣтей на казенный счетъ въ Амстердамъ, Лондонъ, Тулонъ, Брестъ и др. извѣстные города, назначивъ, чему именно каждый долженъ учиться. Съ этого времени отправка молодыхъ русскихъ за границу продолжалась непрерывно, но извѣстія объ этомъ неполны и отрывочны.

Именнымъ указомъ 3-го декабря 1723 года велѣно было мануфактуръ-коллегіи «для вкорененія мануфактуръ и фабрикъ и для искусства художества посылать въ чужіе края изъ молодыхъ людей такихъ, которые къ такому обученію склонны, и для того ихъ снабдить, что фамиліи ихъ даны будутъ нѣкоторыя привилегіи по рассмотрѣнію ихъ науки, они-жъ награждены будутъ для тамошняго ихъ пропитанія жалованьемъ».

Чтобы вполне представить, каковаго рода промышленнымъ знаніемъ и въ какихъ размѣрахъ началось обученіе при Петрѣ, нужно припомнить то большое число фабрикъ, заводовъ и ремеслъ, которое возникло по инициативѣ государя, число мастеровъ разнаго рода, выписанныхъ и работавшихъ въ Россіи. Самое основаніе промышленнаго заведенія, мастерской, даетъ право предполагать, что рабочимъ ихъ придется обучаться тому или другому, мастерамъ придется сообщать свѣдѣнія, не дожидаясь объ этомъ указовъ свыше. Подробнымъ свѣдѣніямъ объ обученіи повсюду трудно было сохраниться; факты-же, почерпнутые изъ законодательства, не раскроютъ всѣхъ, но только главнѣйшія стремленія и усилія Петра въ дѣлѣ обученія народа промышленности.

Желая развить горное дѣло въ Россіи, Петръ старался научить свой народъ добывать руды и обдѣлывать добытое.

Въ 1710 году въ жалованной грамотѣ греку Левандіану ставится ему въ заслугу то, что онъ на основанныхъ имъ серебряныхъ заводахъ въ Нерчинскѣ «выучилъ тамошнихъ жителей нѣсколько человекъ тому мастерству». Въ 1711 году говорится о русскихъ ученикахъ руднаго дѣла, — всѣхъ ихъ велѣно было послать въ сибирскую губернію: тамъ по сыску явились серебряныя и желѣзныя руды. Ученикамъ шло жалованье.

Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія сохранились объ ученіи на мѣдныхъ и желѣзныхъ заводахъ.

Извѣстно, что Петръ всегда принималъ близко къ сердцу все, способствовавшее развитію у насъ горнаго дѣла. Самыми дѣятельными помощниками въ этомъ случаѣ явились Татищевъ и Геннингъ, или Геннинъ; особенно много они сдѣлали для сибирскихъ заводовъ — можно сказать, создали ихъ.

Что касается до обученія горному дѣлу на заводахъ, то прежде всего уважемъ на интересный въ этомъ отношеніи, хотя и неподтверждаемый, вѣстаетъ, другими свѣдѣтельствами, отрывокъ одного извѣстія, полученнаго Веберомъ изъ Петербурга. Онъ приводитъ его въ своихъ запискахъ: «въ настоящее время (1718 г.) царь повелѣлъ уже устроить въ своей резиденціи, въ Петербургѣ, небольшой горный заводъ съ двумя плавильными печами, серебро и мѣдно-обжигательныя печи, бродильный и сереброочистительный горны для того, чтобы съ одной стороны показать русскимъ операциі, какимъ образомъ разрабатываются извлеченныя рудокопомъ изъ шахты руды и россыпи, а съ другой — чтобы нѣкоторымъ образомъ практически обучить и приохотить особенно способныхъ русскихъ людей къ плавленію металловъ и вообще къ горнозаводскому дѣлу». Для той же цѣли во время пребыванія въ 1719 году на петровскихъ заводахъ Петръ велѣлъ набрать 300 человекъ въ науку къ оружейному дѣлу и къ прочимъ (здѣсь плавилъ желѣзо, лили пушки и др. орудія). Въ продолженіе года успѣли опредѣлить только 62 человека, назначивъ имъ ученичье жалованье, какъ прежде было ихъ братья. На этихъ заводахъ за ходомъ дѣла часто наблюдалъ самъ царь.

Татищеву было поручено завѣдываніе сибирскими заводами только въ 1720 году. Съ нимъ, кромѣ нѣсколькихъ мастеровъ, отправились еще 4 ученика артиллерійской московской школы и двое рудныхъ учениковъ съ олонецкихъ заводовъ. Вскорѣ по приѣздѣ обнаружился недостатокъ въ знаніяхъ, недостатокъ въ мастерахъ и людяхъ грамотныхъ. И вотъ, «лѣтомъ 1721 года, съ разрѣшенія бергъ-коллегии, учреждены были имъ школы въ Кунгурѣ и въ Утусскомъ заводѣ, въ которыя собраны умѣющія грамотѣ дѣти подъячихъ и церковнослужителей, а въ утусскую школу поступили, кромѣ того, многіе сыновья мастеровъ, рабочихъ и солдатъ. Въ этихъ школахъ назначено было обучать ариметикѣ, геометріи и прочимъ горнымъ дѣламъ. Главною цѣлью ученія было приготовленіе къ службѣ горной... Татищевъ просилъ учителей у сибирскаго губернатора, но получилъ въ отвѣтъ, что «для обученія ариметики и геометріи въ Тобольскѣ умѣющихъ нынѣ нѣтъ». Поэтому онъ поручилъ обучать въ этихъ школахъ изъ-за должности шихтмейстерамъ (рудничнымъ смотрителямъ) изъ артиллерійскихъ школьниковъ... Учащимся въ школахъ сиротамъ и дѣтямъ бѣдныхъ родителей Татищевъ

съ Блеромъ 24-го декабря 1721 года опредѣлили каждому по полтора пуда въ мѣсяцъ ржаной муки и по рублю въ годъ на платье; а тѣмъ, у которыхъ отцы зажиточные, либо, находясь при церквахъ или въ службѣ заводской, получаютъ болѣе 10-ти рублей въ годъ, ничего отъ казны не выдавать, пока не начнутъ учить тройнаго правила: тогда и имъ выдавать то же содержаніе, какое назначено сиротамъ. Кромѣ учениковъ, взятыхъ въ школу для приготовленія къ горной службѣ (Татищевъ) велѣлъ принимать и постороннихъ желающихъ, «имая себѣ за трудъ отъ родителей по возможности ихъ, а отъ немущихъ ничего не требовать». Въ одной изъ школъ въ августѣ 1721 года было 29 учениковъ, и двое изъ нихъ учили уже тройное правило, а въ другой—къ началу 1722 года—двадцать семь.

Мѣсто Татищева, отозваннаго въ концѣ 1721 года въ Москву, занялъ Геннингъ, знатокъ горнаго дѣла. Инструкціей, данной ему, предписывалось обратить вниманіе на литье пушекъ, дѣлать укладъ, сталь, жестъ, досчатое и вровельное желѣзо, устроить машины для рѣзанья желѣза и для проволочнаго дѣла, «и вторые похотятъ тому всему партикулярныхъ заводовъ учиться и такихъ учить». Къ сожалѣнію, болѣе извѣстны факты объ его неутомимой дѣятельности вообще по умноженію и исправленію заводовъ, а не его заботы объ обученіи русскихъ. Извѣстно, напримѣръ, что на мѣдноплавильнѣ Кунгурскаго уѣзда онъ надѣялся съ плавкой металла начать обученіе русскихъ людей, далъ Демидову плавильнаго мастера для очищенія мѣди и обученія его людей и хотѣлъ послать къ нему горнаго ученика для указанія, какъ вести штольны и шахты. Имъ же была выстроена и школа въ Екатеринбургѣ, гдѣ стали обучать горнымъ наукамъ. Во время же управленія Геннинга, при посредствѣ Татищева, состоялся указъ объ устройствѣ фабрики, гдѣ-бы обучали крестьянъ дѣлать складные и столовые ножи, ножницы, бритвы и т. п. желѣзные издѣлія. Всѣ эти свѣдѣнія, такъ заботливо распространяемыя Петромъ, Татищевымъ и Геннингомъ, носили характеръ элементарныхъ. Но ими не удовольствовался Татищевъ. Въ сентябрѣ 1724 года онъ сдѣлалъ слѣдующее предложеніе въ своей вѣдомости о сибирскихъ заводахъ: «потребно послать въ Швецію молодыхъ людей для обученія, чтобъ они могли онымъ великимъ и древнимъ строеніямъ и множеству разныхъ рудъ въ дѣйствѣ примѣниться, дабы съ таковымъ основательнымъ ученіемъ достойную мзду государству воздать могли». Эта мысль нашла энергическую поддержку въ Петрѣ. Поручивъ русскому посланнику Бестужеву добиться позволенія у шведскаго сената на помѣщеніе русскихъ учениковъ, онъ скоро отправлялъ съ Татищевымъ 22 ученика адмиралтейской и артиллерійской школъ. Татищеву удалось все устроить уже послѣ смерти Петра.

Въ 1712 году велѣно было губернаторамъ выучить около 300 кузнецовъ и столяровъ дѣлать ружья. Въ случаѣ же недостатка ружейныхъ мастеровъ по губерніямъ, велѣно выслать такое же число на тульскіе оружейные заводы, снабдивъ деньгами, провіантомъ и одеждой на дорогу. Указомъ слѣдующаго года опредѣлено, по скольку именно на человѣка,— по 10 алтынъ, по полуосьминѣ, по мундиру сермяжному и по шубѣ. Этотъ же указъ говоритъ, что отъ посланныхъ на тульскіе заводы иные бѣжали съ дороги, или съ заводу.

Въ 1717 году велѣно было компаніи Томилина, братьевъ Рюминыхъ

съ товарищами, устроить игольный заводъ «и русскихъ людей тому игольному мастерству обучать, а во ученье брать въ Москвѣ и въ Рязани изъ бѣдныхъ и малолѣтнихъ, которые ходятъ по улицамъ и просятъ милостыни, и тѣмъ ученикамъ быть при томъ дѣлѣ до совершеннаго возраста, а провіантомъ и платьемъ содержать ихъ компанейщикамъ на своемъ коштѣ». Въ 1722 году компанія извѣщала, что мастеровъ и учениковъ съ 40 человекъ могутъ иглы дѣлать сами, и новымъ указомъ подтверждено: «россійскій народъ обучать во всемъ противъ заморскаго дѣла иглъ».

Кромѣ упомянутыхъ заводовъ и фабрикъ, учились обработкѣ металловъ и на другихъ.

Впрочемъ, не на однихъ фабрикахъ и заводахъ хотѣли учить русскихъ. Такъ, въ 1715 году Петръ велѣлъ сыскать изъ шведовъ кузнецовъ добрыхъ, взять во всякую губернію по 2 человека и велѣтъ имъ учить кузнечному дѣлу русскихъ, въ которой губерніи сколько содержать можно. При типографіяхъ учили гравировальному художеству, пунсонному и словолитному дѣлу.

Въ извѣстіяхъ Пекарскаго о типографіяхъ XVIII столѣтія упоминаются нѣсколько русскихъ, обучавшихся у Шюнебека, «грыдорованнаго дѣла мастера» Пикарда и Никитина. Въ основанной по именному указу въ 1711 году петербургской типографіи для обученія російскаго народа типографскому дѣлу, по словамъ директора этой типографіи Аврамова, «пунсонному и словолитному дѣлу изъ русскихъ людей пунсоны дѣлаютъ и литеры отливать обучились мастерствомъ не хуже иноземцевъ, а грыдоровальныхъ дѣлъ мастера и живописецъ здѣсь же въ дѣлахъ тѣхъ, а наипаче въ рисованіи наилучшую науку получили, изъ которыхъ Алексѣй Ростовцевъ не токмо грыдоровальному мастерству, но и небеснымъ и земнымъ глобусамъ обучился, которые при домѣ его и. в. въ своихъ мастерствахъ чужестранными мастерами достойными быть засвидѣтельствованы». По словамъ Голицева, велѣно было въ 1719 году Скорнякову-Писареву отправить въ Москву для обученія гравированью двухъ геодезистовъ.

Добыванію и обработкѣ металловъ русскіе учились и за границей. Въ 1711 году упоминается рудныхъ дѣлъ мастеръ Зубковъ, который «былъ того руднаго дѣла въ Саксоніи во ученьи». Впослѣдствіи было поручено Татищеву взять изъ школъ молодыхъ людей и роздать въ Швецію для наученію горному дѣлу, и онъ, дѣйствительно, роздалъ 16 русскихъ учениковъ на разные шведскіе заводы. Въ бытность въ Амстердамѣ Неплюевъ встрѣтилъ русскихъ, учившихся мѣдному ремеслу. По словамъ Соловьева, отъ 1722—24 гг., возвращались домой учившіеся въ Англіи, Голландіи и Франціи русскіе мастеровые; между ними мастеровъ замочнаго и мѣднаго дѣла 4, мѣднаго литейнаго дѣла 2, грыдоровальнаго одинъ. Давъ имъ вспоможеніе на первое обзаведеніе, объявили, чтобы они учили русскихъ учениковъ.

Петръ заботился обучать русскихъ и обработкѣ минераловъ. Въ 1724 году, въ письмѣ къ Куравину о томъ, чтобы онъ отыскалъ мастера, умѣющаго выдувать круги стеклянные прямо и чисто, съ подмастерьемъ, Петръ предполагаетъ поставить такому мастеру однимъ изъ условій то, «чтобъ онъ и русскихъ выучилъ». «Немедленно по возвращеніи изъ путешествія, Петръ послалъ нѣсколько молодыхъ людей изъ мѣщанъ въ

Голландію для изученія каменнаго мастерства и лучшаго способа обжигать кирпичъ, и выписалъ изъ Голландіи каменщиковъ и кирпичниковъ въ Петербургъ, которымъ отдалъ на обученіе русскихъ». «Въ 1700 г. онъ велѣлъ сибирскимъ воеводамъ отдавать въ обученіе по 2—3 человекъ тобольскимъ кирпичникамъ и каменщикамъ. Такъ какъ петербургскимъ и московскимъ жителямъ въ извѣстныхъ случаяхъ велѣно было крыть строенія только гонтомъ и черепицей, а петербургскіе гонтовныя заводы не удовлетворяли требованіямъ, то велѣно было помѣщикамъ ближнихъ уѣздовъ присылать на гонтовныя заводы своихъ крестьянъ и людей для обученія, которое можно окончить въ день или два. Для обученія же москвичей велѣно было послать въ Москву изъ «малоросійцевъ, да изъ Смоленска по 3 человекъ съ пристойными инструментами; и сдѣлавъ нѣсколько гонтинъ и инструментовъ, чѣмъ оны дѣлать, для образца.. разослать по всѣмъ градскимъ воротамъ. Буде же кто похочетъ тому обучать людей и крестьянъ, и таковыхъ велѣтъ обучать онымъ же мастерамъ безъ денежной платы».

Петръ Великій заботился обучить русскихъ улучшеннымъ способамъ добыванія и обработки продуктовъ растительнаго царства.

Петромъ была сдѣлана попытка научить крестьянина снимать хлѣбъ болѣе лучшимъ способомъ, чѣмъ переданное отъ пращѣдовъ житиво серпомъ. «Понеже въ здѣшнихъ краяхъ, говорится въ именномъ указѣ Голицыну, въ Курляндіи, Лифляндіи и въ Пруссакъ у мужиковъ обычай есть, что вмѣсто серповъ, хлѣбъ снимать малыми косами съ граблями, что предъ нашими серпами гораздо скорѣе и выгоднѣе, что средній работникъ за 10 человекъ сработаетъ, того для сыскавъ такихъ людей изъ здѣшнихъ мужиковъ по нѣсколькѣ человекъ для обученія, послали мы отсель въ наши хлѣбородныя города съ такими косами и граблями, съ нарочными посланными офицерами». При этомъ Петръ писалъ къ подпоручику Болотову: «принять тебѣ здѣшнихъ мужиковъ 9 человекъ и вѣхать съ ними въ Тамбовъ съ послѣднимъ, дабы можно было съ ними послѣтъ къ тому времени, какъ начинають первой хлѣбъ снимать и, будучи, дорогою ихъ беречь, дабы не разбѣжались».

Желая умноженія пеньковыхъ и льняныхъ промысловъ, Петръ велѣлъ: «гдѣ тому дѣлу необыкновенны, какъ ленъ и пеньку учреждать, дабы обучали крестьянъ». Такъ какъ при бравованіи льну и пеньки оказалась нужда для Петербурга въ бунтныхъ вазальщикахъ, то велѣно было выслать изъ близкихъ деревень 5 мастеровъ, живущихъ безъ дѣла для обученія другихъ. Въ провинціяхъ же учить чистить пеньку и вязать бунты поручалось промышленникамъ, скупающимъ пеньку, пока уѣздные и градскіе люди то въ обычай себѣ не примуть.

Стремясь на основаніи «Духовнаго регламента» ввести въ женскіе монастыри руководѣля, правительство старалось обучить незнакомыхъ съ послѣдними монахинь и готовящихся къ постриженію. Въ этомъ отношеніи замѣчательенъ синодскій указъ 11 сентября 1722 г. Руководѣля, которымъ должно было обучать, раздѣлены этимъ указомъ на: 1) честныя (почетныя?), какъ: щитье, визанье и т. п., и 2) прядильное мастерство, «нынѣшнее», болѣе удобное сравнительно съ прежнимъ. Одному изъ первыхъ, по свободному выбору, велѣно было обучать монахинь, происходящихъ отъ благородныхъ и честныхъ родителей, прядильному же мастерству монахинь изъ простонародья и тѣхъ же благородныхъ, кото-

рыя не хотять или не могутъ заниматься честнымъ руководѣлемъ. Монастыри были обязаны обучать всѣхъ въ 2 или 3 мѣсяца со времени полученія указа. Учитъ прядильному мастерству посылались мастерицы изъ села Покровскаго (гдѣ была фабрика для пряжи льна). Въ 1724 г. велѣно было дѣвочекъ сиротъ и подкидышей обучать въ монастыряхъ грамотѣ, а также пражѣ, шитью, плетенью кружевъ и для этого выписать изъ Брандін сиротъ, наученныхъ въ монастыряхъ. Въ меморіи Петра, относящейся къ этому указу, добавлено: «также хотя бѣ по одному монастырю, чтобъ и языки при томъ». Такимъ образомъ, Петромъ были сдѣланы попытки, хотя и слабыя, ввести образованіе и въ среду женщинъ.

Русскихъ еще учили при Петрѣ на заводахъ и фабрикахъ ткать полотна, скатерти, салфетки, тики, при чемъ ученикамъ платилось жалованье. Голиковъ упоминаетъ про учениковъ на парусной фабрикѣ Тиммермана. Петръ отправилъ въ Голландію Короткина для обученія бумажному (писчей бумаги) мастерству, и въ 1710 году, по его возвращеніи на основанную бумажную фабрику и мельницу, отдано ему нѣсколько молодыхъ людей въ ученики.

Петръ стремился научить русскихъ разнымъ родамъ строительнаго искусства. Неплюевъ упоминаетъ про русскихъ, учившихся въ Амстердамѣ столярному ремеслу. Для обученія строенія мазанокъ Петръ велѣлъ выставить въ Москвѣ нѣсколько образцовъ во всякомъ лѣсномъ саду. Въ одномъ указѣ 1712 г. упоминаются ученики при архитекторахъ. Неплюевъ говоритъ, что въ 1716 году посланы были во Францію для обученія архитектурѣ 4 человека. Въ 1723 г. велѣно было двухъ архитектурныхъ учениковъ, находившихся въ Римѣ, взять въ Петербургъ и опять послать вмѣсто нихъ столько же въ Италію, а отъ 1724 года уцѣлѣлъ указъ, данный русскому агенту фонъ-деръ-Бургу относительно 4-хъ учащихся въ Голландіи и Брабандіи наукѣ архитектурной. Петръ велѣлъ ему надзирать, «чтобъ они выучили манеръ голландской архитектуры, а особливо фундаменты, которые нужны здѣсь, ибо равную ситуацію имѣютъ для низости воды и тонкости стѣнъ, къ тому бы обучились строенію огородовъ, какъ ихъ размѣривать и украшать, таковъ бы и слюзному дѣлу обучались, которое здѣсь зѣло нужно, и чтобъ они сему послѣднему паче первыхъ учились. И для того, гдѣ такая работа въ Голландіи случится, туда ихъ и послай для практики». Съ обученіемъ архитектурѣ шло обученіе и тѣсно связанному съ ней инженерному искусству и механикѣ. Такъ, въ 1715 г. царь писалъ: «Суворова и Туваркова отправить въ Марданъ (у Соловьева въ Мардинъ), гдѣ новый каналъ дѣлаютъ, который изъ Океана въ Медитеранское море проведенъ и въ прочія мѣста, гдѣ дѣлаютъ каналы, доки, гавани и старне починивають и чистять; чтобъ они могли присмотрѣться къ машинамъ и прочему, и могли-бъ у тѣхъ фабрикъ учиться». Неплюевъ упоминаетъ о 4-хъ русскихъ, учившихся въ Амстердамѣ эзипажеству и механикѣ. О Нартовѣ, посланномъ усовершенствовать свои знанія за границу, въ отзывѣ президента французской академіи говорится, что онъ «при изученіи учинилъ великіе успѣхи въ механикѣ, наипаче же въ оной части, которая касается до токарнаго станка», говорится о «чистотѣ, исправности и сублитности» его токарныхъ издѣлій. Нартовъ впоследствии (1723 г.) былъ сдѣланъ главнымъ токаремъ.

Но гораздо болѣе Петръ заботился обучить русскихъ кораблестроенію и судостроенію. Обученіе кораблестроенію началось очень рано. Такъ, отъ 1692 г. сохранилось письмо 16 мостильщиковъ (плотниковъ) корабельнаго дѣла, обученныхъ самимъ государемъ-плотникомъ, при участіи и руководствѣ котораго они строили нѣсколько судовъ и первый военный корабль. Большая часть изъ 30 волонтеровъ великаго посольства была отдана въ Голландію учиться—кто корабельному дѣлу, кто мачтовому, ботову, парусному, кто дѣлать блоки. Въ болѣе обширныхъ размѣрахъ пошло дѣло обученія съ учрежденіемъ адмиралтейства, гдѣ должно было работать 1000 человекъ изъ рекрутъ и матросовъ, кромѣ гардемариновъ. Здѣсь должно было быть по 3 человѣка учениковъ у мастеровъ корабельныхъ, галерныхъ, ластовыхъ судовъ, камельныхъ, мачтовыхъ, ботовыхъ, шлюпочныхъ, машинныхъ, парусныхъ, весельныхъ, блоковыхъ. Въ адмиралтействѣ же учили и нѣкоторымъ другимъ ремесламъ, болѣе или менѣе касающимся кораблестроенія. Котельники, паяльники, слесари, ложники, рѣзчики, компасники, оконнишныя, фонарные, печники, трубочисты, прядильщики, парусные швецы, конопатчики, пильщики, столяры, товари, свѣчники должны были имѣть при себѣ учениковъ. При комиссарѣ надъ лѣсами, на обязанности котораго лежалъ осмотръ и правильная выдача доставляемаго лѣса и отчетность, были также ученики. Кромѣ того, у cadaго мастера всякаго мастерства должны были быть по 2 подмастерья. «Всѣ, какъ корабельные, такъ и прочихъ художествъ мастера должны учениковъ данныхъ имъ со всякимъ прилежаніемъ учить, не скрывая ничего, понеже за то имъ опредѣлено награжденіе. И которые ученики тщательно будутъ приниматься или нѣтъ, о томъ мастерамъ подавать вѣдомости оберъ-сарваеру», подѣ въ дѣлѣ котораго находились всѣ мастера. Замѣчательно распоряженіе, которымъ не велѣно было мастеровыхъ людей переводить отъ одного мастерства къ другому, — это дѣлалось затѣмъ, чтобы «лучше въ своемъ художествѣ обихли». Для дѣтей плотниковъ и прочихъ мастеровыхъ людей адмиралтейства велѣно было устроить школу и обучать грамотѣ, цифири и «платъ-геометрію», чтобы потомъ могли добрыми мастеровыми быть. Для распространенія въ Россіи вмѣсто староманерныхъ судовъ—новыхъ: ботовъ разной величины, еверсовъ, гальотовъ и др., Петръ не только запрещалъ строить прежнія суда, но и посылалъ въ разныя мѣста Россіи офицеровъ, мастеровыхъ, подмастерьевъ и учениковъ изъ адмиралтейства, чтобы обучать этому дѣлу. Посланные большою частію строили въ разныхъ мѣстахъ образцовыя суда, по которымъ окрестные жители сами могли бы учиться новому судостроенію. Такъ, упоминаются образцовыя суда на Ладогѣ, Вышнемъ Волочкѣ, въ Твери, Дѣдиновѣ московской губ., въ Нижнемъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1719 г. велѣно было подмастерью корабельнаго дѣла Сурмину ѣхать въ ярославскій и романовскій уѣзды съ приказаніемъ дѣлать романовки по новому образцу, какой сдѣланъ въ Петербургѣ плотниками-крестьянами ярославскаго уѣзда, и объявить по пріѣздѣ имена послѣднихъ, чтобы судозозяева могли нанимать ихъ, а другіе учиться отъ этихъ плотниковъ. Указъ 11 янв. 1723 г. говоритъ, что на Олонцѣ промышленники уже изучены въ судовомъ строеніи, а ученика корабельнаго дѣла Илью Нѣмцева, бывшаго тамъ, нужно перемѣстить въ низовые города, гдѣ одному

Шпаку трудно находиться въ разныхъ мѣстахъ у судостроенія. Посылались въ мѣста судостроенія конопатчики учить крѣпко конопатить новоманерныя суда.

Наконецъ, Петръ Великій заботился научить русскихъ добыванію и обработкѣ нѣкоторыхъ продуктовъ животнаго царства.

Такъ, въ завезенную отъ Персіи провинцію Гялянъ, богатую тутовыми садами, Петръ послалъ молодыхъ людей изъ астраханцевъ и кизлярцевъ учиться шелководству. Въ 1718 г. позволено было армянину Сафару Васильеву на заводимый имъ заводъ для дѣланія шелку-сырцу нанимать въ ученики всякихъ чиновъ людей, кромѣ солдатъ и матросовъ, съ платежемъ за труды достойной платы. Изъ донесенія его (въ указѣ 20-го мая 1726 г.) видно, что «къ обученію въ работу у него наняты городскіе обыватели армяны, тезики и черкасы, а также и кочевые татары 10 кибитокъ... тѣ ученики и работники оному шелковому дѣлу являются заобычайны».

По предложенію Кассиса (1724 г.)—выписать италіанскихъ мастеровъ, какъ не только очень искусныхъ въ уходѣ за шелковичными червями, въ приготовленіи шелка и въ выдѣлѣхъ разнаго рода шелковыхъ матерій, но и могущихъ научить всему этому русскихъ безъ большихъ издержекъ, Петръ поручилъ ему доставить въ Россію такихъ «мастеровъ шелковыхъ, которые около червей ходятъ и шелкъ строить по италіански умѣютъ», также бархатныхъ и легкихъ парчей мастеровъ и отправить въ Италію «русскихъ ребятъ для ученя; но ежели скорѣе поймутъ, нежели опредѣленный срокъ ученикамъ, то-бы ихъ, освидѣтельствовавъ, прислать, хотя-бъ на то и особливое иждивеніе употребить». Больше вниманія Петръ обращалъ на обученіе фабричному производству шелковыхъ матерій. На основанную въ Петербургѣ фабрику, гдѣ приготовлялись позументы, тесьмы, шнуры, Петръ отдалъ иноземцамъ въ ученіе русскихъ молодыхъ людей изъ бѣдныхъ новгородскихъ дворянъ и мѣщанъ. Онъ нерѣдко посѣщалъ эту первоначальную фабрику и слѣдилъ за успѣхами учениковъ. Старшіе изъ нихъ должны были каждую субботу послѣ обѣда являться во дворецъ съ образчиками своей работы, и государь разспрашивалъ ихъ о занятіяхъ. Объ основанной въ 1714 г. по повелѣнію Петра «для народнаго обученія» шелковой фабрикѣ Милютина, научившагося самоучкой ткать шелковыя матеріи, послѣдній въ 1717 г. доносилъ, что онъ нанялъ мастера армянина для чистки пряжи и крашенія шелковъ съ платой 300 рублей, да сверхъ того поилъ и кормилъ, «а за тоѣ плату училъ на моемъ же харчѣ учениковъ 6 человекъ и изъ того числа годныхъ обучилось 4 человека...» Нанялъ (еще) «мастера гамбургца на 3 года, и платы ему плачу по 330 рублей на годъ... и общалъ оный мастеръ выучить 15 человекъ русскихъ людей ленты и позументы ткать, гладкіе и фигурные узоры набирать и рисовать, чему онъ самъ умѣетъ; а вышеупомянутые ученики и работники всѣ на моемъ хлѣбѣ, также и на одежду даю имъ плату и набираю учениковъ изъ убогихъ людей, и держу съ записями, а за записи плачу пошлны и же своими деньгами; въ томъ числѣ есть ученики добрые, а иные и злые: не хотятъ учиться и добрыми людьми быть, бѣгаютъ, покина мастерство и противъ записей не держатся». При основаніи шелковой фабрики Шафировымъ и Толстымъ (1718 г.),

было дано имъ право свободнаго найма въ ученики всякихъ чиновъ людей, кромѣ солдатъ и матросовъ.

Упоминаются мастеръ и ученики воскобѣлительнаго завода.

Въ концѣ одного именнаго указа прибавлено: «мастера послать, дабы выучить солить треску».

Нуждаясь въ хорошей шерсти для суконныхъ фабрикъ, правительство нашло нужнымъ научить русскихъ болѣе правильнымъ приемамъ овцеводства, а для этого составило и объявило «регулы, какъ содержать овецъ по шленскому обыкновенію». Нѣкоторые великороссійскіе помѣщики, слѣдуя этимъ правиламъ, начали получать шерсть, которая стала цѣниться вчетверо дороже противъ прежней. Впослѣдствіи тоже самое было еще разъ подтверждено малороссіянамъ особымъ манифестомъ, обнадеживавшимъ ихъ милостію: «а мастеровъ, которые будутъ каждого наставлять въ содержаніи по тѣмъ регуламъ овецъ и надсматривать, велѣли мы содержать на нашемъ жалованьи». Около этого времени (1724 г.) Петръ хотѣлъ «послать Румянцеву на Украинѣ ордеръ... чтобы высылалъ своихъ людей для изученія ходить за овцами и баранами, такожъ чтобъ они научились стричь и порядочно выдѣлывать шерсть». Въ томъ-же году состоялся именной указъ: «въ Шлезію для достовѣрнаго усмотрѣнія и обученія россійскаго народа, какъ тамъ овецъ въ лѣтнее и зимнее время содержать и довольствуютъ и стригутъ и шерсть въ дѣло употребляютъ, послать изъ мануфактуръ-коллегіи комиссаровъ майора Кологриваго и къ нему придать и дворянъ и молодыхъ двухъ человекъ и съ ними изъ русскихъ овчаровъ, которые къ тому уже позаобычайные, сколько человекъ пристойно...»; ихъ оставить тамъ года на два.

Еще въ 1705 г. упоминаются ученики суконнаго дѣла; ихъ вмѣстѣ съ мастерами и работниками поручено было вѣдать судомъ и расправою Менщикову и не велѣно было брать съ нихъ никакихъ податей, кромѣ двороваго тягла. При заведеніи одной изъ суконныхъ фабрикъ въ 1719 году велѣно было Петромъ «смотрѣть на крѣпко... дабы россійскій народъ оной фабрики обучались съ прилежаніемъ». Такъ какъ оказалось, что «нѣкоторые изъ россійскаго народа трудолюбивые и тщательные ко оной фабрикѣ шерсть прясть и ткать научились, а красить и лощить, и гладить, и тискать, суконъ простригать и ворсить еще необыкновенны: для того всѣхъ тѣхъ мастерствъ договариваясь съ мастерами, обучать изъ россійскаго народа безкрытно, дабы въ Россіи такого мастерства изъ россійскихъ людей было довольное число; а которыхъ мастеровъ при томъ суконномъ дѣлѣ нынѣ нѣтъ, и такихъ оной компаніи изъ иноземцевъ добраго мастерства и принадлежащія инструменты выписывать самимъ». Требования правительства основывались и на томъ, что оно дало этой компаніи 30,000 р. заемобразно съ правомъ уплачивать этотъ долгъ приготовленными на фабрикѣ сукнами.

Были также ученики на шпалерной фабрикѣ. Желая ввести въ Россію улучшенные способы кожевеннаго производства, Петръ старался обучить имъ русскихъ промышленниковъ: «понеже юфть,—говорится въ указѣ 1715 года,—которая употребляется на обувь, весьма негодна есть къ ношенію, ибо дѣлается съ дегтемъ, и когда мокроты хватить, расплывается и вода проходитъ: того ради оную надлежитъ дѣлать съ ворванымъ саломъ и инымъ порядкомъ, чего ради посланы изъ Ревеля ма-

стеры къ Москвѣ для обученія того дѣла, для чего повелѣвается всѣмъ вышеписаннымъ промышленникамъ во всемъ государствѣ, дабы отъ каждаго города по нѣскольку человекъ ѣхали въ Москву и обучались; сему обученію дается срокъ два года». Невыучившимся запрещено подъ угрозой ссылки въ каторгу готовить юфть по прежнему.

Въ 1718 году подтвержденъ этотъ указъ черезъ промышленниковъ, которые «учились» уже дѣлать кожи съ ворваннымъ саломъ. Въ 1717 г. состоялся указъ о высылкѣ изъ городовъ, гдѣ есть кожевенные заводы, по два и больше мастеровыхъ людей «къ кожевному обученію».

Въ 1719 г. велѣно было послать иноземцевъ-мастеровъ юфтянаго дѣла для обученія русскихъ людей въ Кіевскую и Азовскую губерніи, по 2 человекъ. На учрежденномъ въ Казани заводѣ пумповыхъ кожъ, по донесенію Кудрявцева (1720 г.), «англичанинъ пумповыхъ кожъ мастеръ Умфри учениковъ, повидимому, учить прилежно и ученики сказываютъ, что они въ чемъ отъ нихъ не скрывается...» Наконецъ, Петръ посылалъ въ Англію молодыхъ людей учиться выдѣлкѣ кожъ.

Отношенія, въ какія былъ поставленъ закономъ промышленный ученикъ къ людямъ, завѣдывавшимъ его обученіемъ,—къ мастерамъ, фабрикантамъ и заводчикамъ—во многихъ случаяхъ сходны съ отношеніями, въ какія былъ поставленъ по закону тогдашній работникъ къ капиталисту, но отъ введенія новаго элемента обученія эти отношенія въ пѣеоторыхъ случаяхъ стали различаться.

Такъ, завѣдывавшіе обученіемъ должны были желать вознагражденія за свои труды и заботы, и законъ позаботился объ этомъ. Хотя по указамъ отъ ученика не требовалось денежной платы за ученье, а напротивъ, правительство и частныя лица безденежно предлагали свои услуги желающимъ учиться, платили жалованье мастеровымъ-учителямъ, даже часто давали харчи, одежду, «достойную плату», «ученичье жалованье»; но зато за свои услуги и затраты правительство и частныя лица, фабриканты, заводчики и мастеровые, по закону, вознаграждались трудомъ обучаемого и пользовались сообщенными знаніями не только во время самаго ученья, но и послѣ,—ученикъ долженъ былъ «заживать урочные годы». Обыкновенный срокъ былъ 7 лѣтъ, но иногда къ этому сроку прибавлялась еще трехлѣтняя обязательная работа въ качествѣ подмастерья. Сначала въ отдѣльныхъ указахъ, потомъ въ общемъ постановленіи, регламентѣ мануфактуръ-коллегіи, Петръ старался установить подобнаго рода вознагражденіе за обученіе, старался прикрѣпить учениковъ къ обучившимъ ихъ, предписывалъ наказаніе ученикамъ, бѣжавшимъ до срока, и назначилъ сторублевый штрафъ съ лицъ, умышленно переманивавшихъ къ себѣ на работу, а съ принявшаго неумышленно—обыкновенный штрафъ за бѣглаго. Послѣ наказанія пойманнаго ученика обратно отдавали на заводъ или фабрику По окончаніи ученья мастеръ, какъ дѣлалось въ чужихъ краяхъ, давалъ свидѣтельственное письмо о томъ, что ученикъ совершенно выучился; не то послѣдній не признавался за мастера. Въ концѣ 1723 г. законъ озаботился о промышленномъ ученикѣ, когда регламентомъ мануфактуръ-коллегіи предписано было ей «всякое попеченіе имѣть о ученикахъ», «смотреть за компанейщиками, чтобы не было препятствій обученію отъ нужды или недовольства ученикамъ и мастерамъ», и чтобы ихъ «порядочно содержали». Мануфактуръ же коллегіи поручено было и экзаменовать учениковъ.

Протестъ противъ невыгодныхъ, тяжелыхъ условій своего положенія ученики могли высказывать тѣмъ, что бѣжали съ фабрикъ, отъ мастеровъ. Если имъ приходилось попадать въ подобныя отношенія за границей, гдѣ для русскихъ было больше свободы въ дѣйствіяхъ, то ремесленные ученики не хотѣли ни у мастеровъ быть, ни у контрактовъ или записей ружь прикладывать.

Приучая русскихъ къ новому для нихъ торговому пути, морю, Петръ вмѣстѣ хотѣлъ познакомить съ практикой самаго торговаго дѣла въ томъ видѣ, какъ оно велось за границей. Коммерцъ-коллегіи именнымъ указомъ отъ 8 ноября 1723 года велѣно было «посылать въ чужіе края торговыхъ людей дѣтей, чтобъ никогда меньше 15 человекъ въ чужихъ краяхъ не было, и когда которые обучатся, брать назадъ, а на ихъ мѣсто новыхъ, а обученнымъ велѣтъ здѣсь обучать (понеже всѣхъ посылать невозможно); чего ради брать изъ всѣхъ знатныхъ городовъ, дабы вездѣ сіе велось; а въ Ригу и Ревель человекъ 20 и роздать капиталистамъ сіе обое число изъ посадскихъ; къ томужъ коллегіи трудъ имѣтъ обучать коммерціи опредѣленныхъ изъ дворянскихъ дѣтей».

ЛХХІХ. ОТЕЧЕСКОЕ ПОУЧЕНІЕ.

(Изъ сочиненій Посошкова).

Въ прошедшемъ 1708 году высокою державною властію Великаго нашего Россійскаго Государя Монарха посланъ ты, любезный и точію мой единый сыне и наслѣдникъ, во Уропскія страны, ради обученія; въ какихъ дѣлахъ и наукахъ, о томъ повелѣніемъ Самодержца и милостивѣйшаго нашего Великаго Государя еще прежде твоего отпуску тебѣ сказано. Обаче азъ яко союзомъ естественнаго родительскаго сожалѣнія зря тя, яко суца плоть отъ плоти и кровь отъ крови моя, еще въ лѣтѣхъ юныхъ, кромѣ обученія приличныхъ наукъ, и яко бы еще браздины бумаги, на ней же ничто не писано, хочу отъ могущихъ случиться тебѣ лукавыхъ прелестей и подлоговъ непристойныхъ тя предварити, яко да всякое зло отвратиши, и во благихъ поучитися потщитися. Ты, мой возжелѣнно любезный сыне и чадо! на время вижу я отъ очей моихъ тя отлучна, о спасеніи жъ твоемъ временномъ, пачежъ вѣчнымъ имѣя попеченіе, сія послѣдующія поучительныя главизны въ пользу души твоея, тоже и для временныя твоея славы написахъ, и посылаю тебѣ, яко да такою же любовію, ею же ты единого чада возлюбихъ, отца и мать свою покорною сыновнею любовію насъ учествуеши. И, сыне мой! егда отъ сердца происшедшія вѣрныя завѣщанія почасту будеши прочитати, потщитися по нихъ ходити, да тѣмъ своимъ благочестивымъ теченіемъ шествуеши ко Владыцѣ и Создателю своему Господу Богу, потомъ и Державнѣйшему нашему премилостивому Царю и Государю, также и намъ, родителямъ твоимъ, угодная сотвориши, себѣ же сокровища паче всѣхъ тлѣнныхъ и привременныхъ богатствъ приобращаеши.

Представляю ти должность твою, юже долженствуеши поминати вся дни временныя твоея жизни, како и на что Господь Богъ ты изъ ничтожества въ человѣкахъ бытна сотвори, украси ты по душѣ твоей умна, словесна, безсмертна. Подобіе Божіе въ человѣческой душѣ се суть, правда, любовь, милосердіе, незлобіе, кротость, чистота, душевныя добродѣтели. Аще ли же сего подобна человѣкъ не будетъ имѣти, приметъ подобіе врага Божія.

Азъ родитель твой тебѣ дахъ точію тѣло, а не душу, ея же сотворитель есть Господь, иже отецъ духовъ нарицается; сотворенна же есть на небесѣхъ, идѣже и отечество наше, отнюду же по безсмертію души вси человѣцы начало имѣють; на земли же есмь странницы и временныя пришельцы: тѣло бо землено есть, а человѣкъ несть тѣло, но душа въ тѣлѣ.

(По семь слѣдовали многіе тексты изъ Священнаго писанія для утвержденія въ православной вѣрѣ и для убѣжденія юнаго странствователя во временныхъ и вѣчныхъ выгодахъ, которыя сопряжены съ послѣдованіемъ добродѣтели, и въ несчастіяхъ, неразлучныхъ съ безпорочною жизнію).

Представляю ти, о сыне мой любезный! путь жизни и благодати, таже и путь смерти, исполненный всякихъ золь; но завѣщая, повелѣваю ти избрати путь благій, и бѣгати пути погибели.

Къ сему долженъ еси выну въ памяти блюсти, какое ти подобаетъ имѣти почитаніе къ милостивѣйшему нашему Великому Государю, Царю и Монарху, его же прирожденный еси рабъ; и его Государскою повелительною властію нынѣшняя послыка тебѣ сотворится не во оскорбленіе или какою тебѣ тягость, но да обучишися въ такихъ наукахъ обученіямъ, въ которыхъ тебѣ упражняться долѣетъ, да во грядущія лѣта, аще воля Божія восхоцетъ, и благодатію жизнь его продлится, достойна себѣ сотвориши ему Великому Государю нашему, въ какихъ себѣ услугахъ ты изволить употребити. Понеже великая есть и трудная преграда между вѣденіемъ и невѣденіемъ, сего ради дражайшее время твоихъ юныхъ лѣтъ попеченіемъ родительскимъ ти совѣтую ни единого часа во тщетныхъ и непотребныхъ дѣлахъ или играхъ туне погубляти, разсуждая, яко ни что же драгоцѣннѣе есть времени, его же часть, день и часть, къ тому во вѣки не возвратится, и тѣмъ временемъ не точію вся красная мира сего получимъ, но и грядущую блаженнѣйшую вѣчность вѣрою и благими дѣлами достигаемъ. Того ради всякій день и часъ, не съ надсаднымъ утружденіемъ, но, по возможности, чинно и благоговѣйно въ наукахъ провождати да потщитишися. Скорѣйшаго же ради и удобнаго полученія наукъ, совѣтую ти Нѣмецкой, или наипаче чистой Французской языкъ учити, и въ началѣ въ томъ языкѣ, его же изберешь, учити ариметику, аже всѣмъ математическимъ наукамъ дверь и основаніе есть; потомъ сокращенную Математику, аже въ себѣ содержитъ Геометрію, Архитектуру и Фортификацію, еже вѣдѣніе земнаго глобуса, таже искусство земныхъ и морскихъ чертежей; компаса, теченіе солнца и знамяныхъ звѣздъ, не ради того, дабы ты сотворити инженеромъ, или корабельникомъ, но егда изволеніемъ Самодержавнѣйшаго Монарха нашего по случаю къ такимъ дѣламъ будешь приставленъ, егда по нуждѣ тебѣ востребуется то; инъ иноземецъ Инженеръ въ случаѣ укрѣпленія коего града или мѣста, или во obleжаніи непріятельской

крѣпости тотъ дѣла свои учнетъ исправлять, или въ вѣдѣніе науки, или недостатка ради твердога искусства, или какого ради пристрастія, не право учнетъ къ шкодѣ или поврежденію цѣлости Великаго Государя градовъ или дѣлъ творить; тогда ты самъ, вѣденіемъ тѣхъ наукъ исполненъ, и окомъ ума своего и наукъ искусствомъ возможешь познати правду, или лукаво тотъ иноземець поступаетъ, и тѣмъ примешь отъ Великаго Государя и Монарха своего похвалу, отъ братіи жъ своихъ честь, а такіе иноземцы, не право учиня, къ тебѣ будутъ имѣти страхъ.

Не возбраняю тебя между упражненіемъ въ наукахъ, ради обновленія въ тебѣ жизненныхъ духовъ, и честныя рекреаціи имѣти въ бесѣдахъ своихъ товарищей отъ лицъ благоцѣльныхъ, честныхъ; овогда же въ комедіяхъ, операхъ, кавалерскихъ обученіяхъ, какъ со шпагою и пистолетомъ владати, на конѣ благочинно и твердо сидѣть, съ коня различнымъ ружьемъ владѣть, и въ протчихъ подобныхъ тѣмъ честнымъ и похвальныхъ обученіяхъ забаву имѣть.

Да будутъ же тебѣ въ текущемъ времени всѣ 24 часа на различныя послѣдующія потребности еще раздѣлены; употребляй оныя часы каждаго дня отъ утра и до вечера по сему предписанію.

Во утріе отъ сна пробудясь, ознамени лице свое святымъ крестомъ, и абіе возставъ, облачися, умой руце и лице свое. На се тебѣ 1 часъ.

Ставь на молитву, во еже тебѣ бесѣдовать съ Царемъ небеснымъ и Господемъ Богомъ, отъ него же всякія благодати Духомъ Святымъ изливаются, со вниманіемъ глаголи обычныя утреннія молитвы. На семъ тебѣ повелѣваю изнуритися 1 часъ.

Языку, его же избереши учитися, и грамматическія его правила, на се 2 часа.

Въ наукахъ другихъ обучатися даже до полудни, 3 часа.

Ожидая стола, погуляй, и на прочія честныя забавы 1 часъ.

Ясти не больше 1 часъ.

Потомъ паки погуляй, да не отяготятся духи чрезмѣрными ученія трудами, 2 часа.

Паки по полудни въ языкѣ или въ наукѣ учитися 3 часа.

Въ вечеру паки ясти, за столомъ сидѣть не больше 1 часъ.

На вечернія молитвы 1 часъ.

Спати, мню, долѣетъ, аще не 7, то небольшое часовъ 8.

Всего имѣется всѣхъ часовъ 24.

Но во дни воскресныя и торжествъ, по уставу православныя Церкви, егда наукъ ученія не бываетъ, повелѣваю въ тѣ дни, яко Господу Богу посвященные, въ вечеру вечерню, поутру вставъ, по обычныхъ утреннихъ молитвахъ, слушати полунощницу и прочую церковную службу; потомъ часъ обучатися во чтеніи святаго письма и кафиземъ, дабы ти твердо основатися въ артикулѣхъ святаго Восточнаго вѣры, воеже не пріяти тебѣ иностранныхъ тамо много различныхъ вѣръ. Некако вредительныя признанныя, но zelo полезныя прочитай правоучительныя книги, приличествующія юнымъ отрокамъ, Царя и Пророка Соломона книги притчей, премудрости, Еклезіаста, то же и книги Иисуса Сирахова. Паче же внимай писанное въ третьей тоя книгѣ главизнѣ, и въ тѣхъ всѣхъ многую пользу, наставляющу тя на истинный и правый путь Христіанскаго жительства, обращай.—Еще же обучатися и прочитати полезныя и правоучительныя Восточныя Церкви святыхъ учителей сладостныя

словеса.—Прочія же тщетныя глумительныя упражненія, наипаче пиянства тебѣ удалитися твердо завѣщаю, и сію страсть, яко врага, ведуща на путь широкій пагубы, весьма бѣгай: ибо сіе пристрастіе яко душевная смерть есть, и въ коего человѣка сія страсть внидеть, въ томъ никакимъ наукамъ, ниже ученію благому вселитися не можно.—Еще долженъ еси, наипаче въ тѣ праздничныя дни, памятовати о нищихъ, имъ же въ нарочной ковчезецъ нѣчто отложи, и по времени какова плѣнника, или инаго убогаго, голодомъ или наготою страждуща, не взирая, какова той породы и вѣры, произволеніемъ благимъ милостину подаждь, и всяко потщися тѣ освященные дни въ дѣлѣхъ благихъ, Господу Богу угодныхъ, проводить. Къ тому храни себе, во еже какими непристойными или грѣховными забавы оныя святые дни не осквернити, и за то гнѣвъ Божій на ся навести.

Не забывай благодати къ себѣ Божіей. Возри вспять и размысли, какое великое пространство морскихъ путей, разбіенія, запаленія и отъ разбойникъ невредна и цѣла ты Господь ангелы своими святыми сохрани, въ Голландію приведи, и паки коликой его всеможной сохранительной благодати еще себѣ и впредь требуеши, дондеже по многихъ дняхъ возвращенія твоего возможеши во отчину свою притти и насъ родителей и сродниковъ своихъ видѣти. И сей благодати, развѣ единого точію Всесильнаго Господа Бога, его же недреманное око непрестанно зреть на человѣческія дѣла и начинанія,—никто отъ смертныхъ человѣкъ тебѣ подати никакоже можетъ. Во вседневномъ же твоёмъ обхожденіи съ людьми повелѣваю ко всѣмъ быть учтиву, ласкову и уклонну, смотря по человѣку, смотря обаче, да ни малыхъ знаковъ киченія, ниже неприличныхъ высокостей покажешь.

Егда въ службу себѣ случится тебѣ принять какова человѣка ради ученія азыка, гораздо оберегайся и остерегайся, чтобъ тебя чѣмъ прельстивъ и подмѣта, не обокрали, и того для, кромѣ при тебѣ Рускихъ сущихъ, кои съ тобою отпущены, никакой бы иноземецъ о деньгахъ, при тебѣ обрѣтавшихся, не вѣдалъ. И тѣмъ деньгамъ приходъ и расходъ у себя вели записывать.

Въ денежной раздачѣ поступай такъ посредственно, чтобъ не была чрезмѣрная и непотребная издержка, дабы въ случаѣ замѣшканія отъ меня, или какимъ препинаніемъ до тебе не дойдутъ деньги, не постигла-бъ тебя, будучи въ чужихъ дальнихъ странахъ, кая денежная нужда. А хотя изобиліе денежное у тебя явится, держи расходъ свой такимъ поведеніемъ, дабы не въ жестокою скупость тебѣ склонитися; но аще можно, и съ людьми на мѣсяць въ одномъ мѣстѣ живучи, тебѣ пробить по 100 ефимковъ, или гулденъ по 150 голландскихъ; и тѣмъ бы по нынѣшнимъ дорогимъ векселямъ мнѣ было свосно и благопріемно, для того что сто ефимковъ нашими русскими деньгами 90 рублей, и того въ годъ будетъ больше 1,000 рублей.

А тѣ 100 ефимковъ въ мѣсяць расположить въ сичевой расходъ:

На пицу общей честной столъ въ полдень за 3 человѣка, по 15, а въ вечеру—по 10 стиверовъ; итого имѣется въ день 75 стиверовъ, въ мѣсяць 2287.

На питье для гостей, иногда случающихся, въ мѣсяць стиверовъ 390.

На одежды, шляпы, перуки, чулки, башмаки, рукавицы, бѣлье и прочія мелочи всѣмъ на мѣсяць по 50 гулденъ, всѣмъ 600.

За іюнныя различныя при рекреаціи честныя забавы имѣется всего стиверовъ 5000, или гульденовъ 150, то есть 100 ефимковъ добрыхъ.

И въ семь усмотря по времени, можно въ иномъ убавить, а въ иномъ прибавить, на иные расходы нужные: на покупку книгъ, инструментовъ и инныя потребности держать оставляется, что по сей смѣтѣ удовольствія. Треть человѣкомъ тѣми 100 ефимками на мѣсяцъ, а на весь годъ 1,200 ефимками жити мочно.

Сей же предѣлъ азъ полагаю не ради обрѣзаннаго твоего расходу, но да научишия посреди преизобильства имѣти правила честнаго удержанія, еже тебѣ будучи господиномъ, дома научитися, какъ въ семь поступати. Да приходъ твой всегда больше расходу съ остаткомъ, безъ трудныхъ и безчестныхъ долговъ, какъ многимъ случается, будетъ сравненъ; аще же и прилучится приходу въ высшее состояніе, и честно и всѣмъ удивительно прострѣшься. Паче же внемли, аще ти можно, отъ преизлишнаго расходу твоего и ненужнаго сберегися: тогда ти подастся способъ нѣчто убогимъ подати; тогда просвѣтитя свѣтъ твой и дивенъ будещи иноземцамъ, и великую милость Господню къ себѣ привлечеши, еже ты не точію во временномъ житіи, но во грядущей вѣчности не изреченнымъ воздаяніемъ нескончаемыхъ благъ срящеть.

И аще въ себѣ, много тебѣ предписанныхъ, правилъ каждое съ достойнымъ вниманіемъ, при житіи воздержномъ и чистомъ, честію вся исправляти потщисися, тогда великое себѣ сокровище, его же никто отъ смертныхъ человѣкъ, ниже кая стихія отъ тебѣ отлучити возможно, но присно даже до самыя кончины твоя вѣрно и неотлучно съ тобою пребудеть.

Сія собранныя сокровища ти будутъ твердыя оружія, ими же можешъ себѣ отъ всѣхъ лукавыхъ, видимыхъ и невидимыхъ стрѣлъ, невредна сохранити.

Сими благими науками всю естественну грубость отлучиши; ибо натуральный человѣкъ, произшедшій отъ отца и матери, въ міръ сей ничто же имать. И къ тому да подасть Господь Богъ тебѣ, моему прелюбезному чаду, духъ премудрости, духъ разума, духъ совѣта, духъ вѣденія и страха Божія, еже азъ отецъ твой и мати и вси сродники твои тебѣ отъ всего сердца своего пріяти желаемъ, и Господа Бога молимъ, да въ приобрѣтенныхъ ти вболишия наукахъ и нравахъ благочестивыхъ, въ радость и веселіе наше, яко древле въ чистотѣ преславный отрокъ Іосифъ, въ старости отца своего Іакова зря, возвеселися, сего же и мы да сподобимся. Аминь.

ЛХХХ. О ПОЛЬЗѢ НАУКЪ.

(Изъ «Духовной» Василія Никитича Татищева).

1) Главнѣйшее есть вѣра, въ которой ты хотя часть разговорами посторонне отъ меня наставляванъ, но надлежитъ отъ самой юности даже до старости въ законѣ Божіи поучаться день и ночь, и ревностно

о томъ прилежать, дабы познать волю Творца своего, зане оное просвѣтитъ умъ твой, наставитъ тя на путь правый—есть единый свѣтъ стезямъ нашимъ и премудрость дражайшая паче золота, и серебра, и каменія драгоцѣнна; ей же ничто достойно есть. Давидъ говоритъ: «аще бы не законъ твой поученіе мое былъ, тогда убо погиблъ быхъ». Къ которому нужно тебѣ со вниманіемъ читать письмо святое, то-есть Библию и катихисмъ, а къ тому книги учителей церковныхъ, между которыми у меня Златоустаго главное мѣсто имѣеть, Василія Великаго Григорія Назіанзина, Аванасія Великаго и Теофилакта Болгарскаго; такожь печатныя въ наше время: Истолкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ, которыми за катихисмъ, а малый Букварь или Юности честное зерцало за лучшее правоученіе служить могутъ; и сіи всѣ безъ изъятія читать и силу ихъ познать полезно; прологи и житія святыхъ въ Минейхъ Четыхъ надобно читать такому, кто довольно въ письмѣ святомъ искусялся и могъ бы довольно разсудить, ибо хотя въ нихъ многія гисторіи въ истинѣ бытія оскудѣвають и неразумному соблазнъ къ сумнительству отъ всѣхъ въ нихъ положенныхъ подать могутъ, однакожь тѣмъ не огорчайся, но разумѣй, что все оное къ благоугодному наставленію предписано и тѣмъ подражать дѣламъ ихъ благимъ.

Потомъ, когда довольно въ законѣ своемъ научишься, нужно тебѣ и несогласныя нашей восточной церкви книги, яко люторскія, калвинскія и палезскія читать, для того что мы, съ ними всегдашнее обхожденіе имѣя, часто въ разговоры, до вѣры принадлежащія, входимъ и, если ты подлинно ихъ основаній и толковъ не знаешь, то легко обмануться и соблазниться можешь; особливо папистовъ, яко весьма въ томъ коварныхъ, ихъ духовныхъ остерегаться и невѣдующему довольно закона съ ними въ такіе разговоры вступать небезопасно для того, что они въ нѣкоихъ церковныхъ признаніяхъ и во многихъ наружныхъ или чиновныхъ обстоятельствахъ, особливо о призываніи святыхъ, поклоненіи иконамъ и постахъ, кажутся весьма къ нашему исповѣданію близки, которыми невѣдущіе закона Божія легко обманываются; на главнѣйшихъ же—такъ далеко, что едва можемъ ли ихъ за христіанъ, а никогда каѳоликами (какъ они хотятъ именованы быть) почитать и тѣмъ ихъ называть.

Если бы ты сколько довольно въ вѣрѣ не научился, или читаніемъ книгъ разума о вѣрѣ пріобрѣлъ и подлинно нѣкоторыя погрѣшности и неисправы, или излишки въ своей церкви быть возмнилъ; никогда явно ни для какого тѣлеснаго благополучія отъ своей церкви не отставай и вѣры не перемѣняй, ибо никто безъ нарушенія чести того учинить не можетъ; ниже въ жестокія или упрямія пренія съ единовѣрными вдавайся, опасаясь, чтобъ у людей злого мнѣнія о себѣ не подать, а отъ неразумныхъ можешь и претерпѣть, въ чемъ я тебѣ себя въ примѣръ представляю; я хотя о Богѣ и правости божественнаго закона никогда сумнѣнія не имѣлъ, ниже о томъ единою въ разговоръ или преніе вступалъ, но потому что я нѣкогда о избыткахъ, законами человѣческими въ тягость положенныхъ, говаривалъ, отъ несмысленныхъ и безразсудныхъ, невѣдущихъ закона Божія, токмо человѣческіе уставы противу заповѣданія Христова чтущихъ, не токмо за еретика, но и за безбожника почитанъ и не мало невиннаго поношенія и бѣдъ претерпѣлъ; токмо дондесъ благодатію Божіею и великодушіемъ, презрѣвъ такіа

клеветы и злославіе ихъ терпѣливостію преодолялъ, лицемѣрными поступками и фарисейскимъ ученіемъ не послѣдовалъ; тако и тебѣ совѣту со всевозможнымъ прилежаніемъ отъ того охраняться и сіе есть главное въ твоей жизни.

2) Весьма жъ нужно тебѣ поучаться и о свѣтскихъ наукахъ, въ которыхъ нужнѣйшее—право и складно писать, затѣмъ арифметику и геометрію и хотя малую часть инженерства, что тебѣ необходимо нужно; для извѣстія о состояніи государства нашего—гисторію русскую, которую ты хотя не въ совершенномъ порядкѣ, однакожъ довольною въ моихъ письмахъ найдешь и ко оной примѣчанія и дополнки, изъ чужестранныхъ книгъ выписанныя на разныхъ бумагахъ, если охота будетъ, можешь въ порядокъ собрать и какъ себѣ, такъ и всему отечеству въ пользу употребить; географію русской, которую всему шляхетству русскому знать нужно, ея никто не сочинилъ и я хотя много о томъ трудился, но докончатъ не надѣюсь, ибо того безъ помощи государя никакъ сдѣлать не можно; однакожъ ты изъ сочиненнаго мною распорядка можешь довольно ея пользу познать.

Необходимо нужно есть знать законы гражданскіе и воинскіе своего отечества и для того конечно во младости надобно тебѣ уложеніе и артикулы воинскіе, сухопутные и морскіе неоднова, а нѣкогда и печатные указы прочитатъ, дабы, какъ скоро къ какому дѣлу опредѣлишься, могъ силу надлежащихъ къ тому законовъ разумѣть; наипаче же объ ономъ, по причинѣ собственныхъ своихъ и постороннихъ дѣлъ, съ искусными людьми разговаривать и порядкамъ, якоже и толкованію законовъ (не меньше же и коварства ябедническія познавать, а не дѣлать) научиться, что тебѣ къ немалому счастью послужить.

ЛХХХІ. ИЗЪ «РАЗГОВОРА О ПОЛЬЗѢ НАУКЪ И УЧИЛИЩЪ» ТАТИЩЕВА.

Вопросъ. Мой государь! я, видя ваши поступки съ вашимъ сномъ, котораго вы хотя одного имѣете, но не пожалѣли въ такъ молодыхъ лѣтахъ отъ себя отлучить и въ чужестранныя училища послать, прихожу въ недоумѣніе, какую бы вы изъ того пользу имѣть чаяли: ибо, по моему мнѣнію, въ дѣтяхъ намъ наибольшая есть польза, когда ихъ въ очахъ имѣемъ, по нашей волѣ содержимъ, наставляемъ и ими веселимся; противно же тому отлуча онаго и не всегда вѣдая о состояніи его, а паче о благополучіи сумнѣваясь, въ страхѣ и печали пребывать и онаго ищемаго увеселенія добровольно лишиться нужно.

Отвѣтъ. Любезный мой друже! вы мнѣ положили вопросъ, видится, противъ вашего благоразумія, и что вы о увеселеніи отъ дѣтей полагаете, оное токмо видимое, а не истинное; истинное бо увеселеніе въ дѣтяхъ есть разумъ и способность къ приобрѣтенію добра, а отвращенію зла: разумъ-же безъ наученія и способность безъ привычки или искусства приобрѣтена быть не можетъ; итакъ, чтобъ разуменъ былъ,

надобно ему прежде учиться; если же того съ младенчества не приобрѣтеть, то онъ, въ природной злости и невѣжествѣ остався, буйствомъ и порядками всегдашнюю печаль и страхъ вѣчной гибели, противно же тому, во младенчествѣ малымъ отлученіемъ опечала, разумомъ науки вѣчное увеселеніе привоситъ будетъ.

Вопросъ. Ваше, государь мой, разсужденіе изрядно, токмо мнѣ сумнительно, чтобъ подлинно благополучіе человѣка въ наукѣ состояло: ибо приклады видимъ довольные, что неученные въ великомъ благополучіи, богатствѣ и славѣ, а ученые въ убожествѣ и презрѣніи находятяся.

Отвѣтъ. Вы повидимому истину сказали, и намъ такъ всегда со стороны кажется, что кто въ богатствѣ и славѣ живетъ, тотъ въ совершенномъ благополучіи живетъ, токмо въ томъ весьма ошибаемся: ибо ежелибъ на ихъ внутреннее состояніе посмотрѣли, тобъ конечно иначе разсуждали и суще нашли бы, что оные отъ недостатка разума всегда тѣмъ, что они есть и что имѣютъ, недовольны, но всегда большаго, чести или увеселенія или богатства, желая, а довольно нивогда получить могуще, непрестанно совѣстію мучаясь въ безпокойствѣ пребываютъ; противно же тому разумный человѣкъ, не взирая на другихъ объ немъ мнѣнія, самъ всѣмъ доволенъ и совѣстію спокоенъ, а когда оное приобрѣлъ, то ему равно какъ бы онъ всея земли владѣтель былъ.

Вопросъ. Сіе хотя правда, что благоразумный человѣкъ и въ убожествѣ доволенъ, нежели глупый въ богатствѣ и чести, но я васъ прошу прежде мнѣ сказать: что есть наука?

Отвѣтъ. Наука главная есть, чтобъ человѣкъ могъ себя познать.

Вопросъ. Сія отвѣдь приводитъ меня въ недоумѣніе, ибо не мню, чтобъ человѣкъ, какъ бы оной глупъ ни былъ, да себя не зналъ.

Отвѣтъ. Правду вы сказали, что онъ можетъ имя свое знать и чувствами внѣшнее, а не внутреннее познавать,—да сіе недовольно.

Вопросъ. Что есть внутреннее знаніе?

Отвѣтъ. Я не хочу васъ отягощать знаніемъ свойства и состоянія человѣка, что онъ состоитъ изъ вѣчнаго и временнаго, т. е. души и тѣла, и въ чемъ силъ оныхъ разность находится; но кратко скажу: еже знати, что добро и зло (Бытія, гл. 3, ст. 5), т. е., что ему полезно и нужно, и что вредно и непотребно.

Вопросъ. Вашъ отвѣтъ не то же ли значить, что Адаму діаволь черезъ змію сказалъ: когда съѣсте отъ древа заповѣднаго, то познаете добро и зло, но понеже тѣмъ познаніемъ Адамъ погрѣшилъ, то конечно и намъ ко спасенію быть не можетъ.

Отвѣтъ. Здѣсь не слова, не разность состоянія и слѣдствія разумѣть должно. Адамъ бо отъ Бога созданъ совершенъ и всего добра преисполненъ, а злу не причастенъ, и для того ему зла знати было не нужно и не можно; но діаволь, закрывая обманъ, упомянулъ добро, а прельстя его открылъ ему едино зло, которое и намъ за его преступленіе или поврежденіемъ природы «пріискренне стало; намъ же надлежитъ прилежать», чтобъ мы, зная разницу добра и зла, первое приобрѣсти, а другое избѣгать могли, и сіе именуемъ премудрость, чрезъ что познаваемъ всемогущество и власть Божію, а наше несовершенство, какъ то насъ Соломонъ учитъ (Притчи, гл. 2, ст. 6; Еклез., гл. 7, ст. 13): еже премудрость даетъ животь, т. е. вѣчный, и есть истинный оубъ ко избавленію грѣха, обихъ же сихъ есть начало познаніе Бога

Вопросъ. Я не знаю, кому вѣрить: апостолъ Павелъ говорить, что премудростію не разуме міръ Бога (1 Кор., гл. 4, ст. 27), а ты сказываешь, что премудростію познать Бога?

Отвѣтъ. Павелъ не о той премудрости говорить, о которой Соломонъ: той бо ясно толкуеть, что мудрованіе тѣлесное ни на что полезно, а мудрованіе духовное на все полезно (Римл., гл. 8, ст. 6), зане, тѣмъ собственное наше добро или благо познавъ, можемъ благополучны быть, «яко тоже Павелъ изъясняетъ, глаголя: хощу васъ мудрымъ убо быти во благое (гл. 16, ст. 19)», и хотя бы о пользѣ міромудрія могъ обстоятельнѣе изъяснить, но за краткость времени оставляю.

Вопросъ. Я еще хочу васъ спросить, что я отъ многихъ духовныхъ и богобоязненныхъ людей слыхалъ, еже науки челоувѣку вредительны и пагубны суть; они сказываютъ, что многіе, отъ науки заблудя, Бога отстали, многія ереси произнесли и своимъ злымъ сладкорѣчіемъ и толками множество людей погубили; къ томуужъ показываютъ они отъ письма святаго, что премудрость и философія за зло почитаема, а особливо представляютъ слова Христовы, что скрылъ Богъ тайнство вѣры отъ премудрыхъ и разумныхъ, а открылъ то младенцомъ, т. е. неученымъ: апостолъ Павелъ показываетъ написаніе, что Богъ хощетъ погубить премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергнуть, еже премудростію не разумѣ міръ Бога, и въ другихъ мѣстехъ болѣе, а особливо о философіи сказуеть: блюдитесь, да не кто васъ будетъ прельщать философіею и пр., буйство же или простоту онъ на многихъ мѣстехъ похваляетъ; акожде многіе святые отцы философію вредительною вѣры имануютъ и учиться запрещаютъ.

Отвѣтъ. Что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, ученики и апостолы, и по нихъ святіи отцы противу премудрости и философіи говорили, оное намъ довольно извѣстно, но надобно разумѣть, о какой премудрости и философіи они говорятъ, а не просто за слова хвататься; напимѣръ, объяденіе, пьянство и т. под. жестоко запрещено, зане все оное себѣ самому вредительно и губительно; пища же и вина питье съ разумомъ, не токмо не запрещено, но и допущено и закономъ Божиимъ намъ яко нужное и полезное опредѣлено и похвалено; если токмо оное съ мѣрностію къ славѣ Божіей и предписанной въ естествѣ пользы безъ избыточества употребляемъ, равномѣрно сему нужно въ любомудріи или философіи разницу разумѣть, и къ познанію Бога, акоже и къ пользѣ челоувѣка нужная философія не грѣшна, толико отвращающая отъ Бога вредительна и губительна и суще если кто философію языческую въ томъ намѣреніи учить, чтобъ истинное письмо святое въ сумнѣніе и въ невѣроятность привести, или читая неразумнѣе явные отъ святаго письма доказательства оставя, будетъ языческой вѣрить, что тварь самобытна, душа изъ тѣла въ тѣло переходитъ, или душа челоувѣческая отъ души міра участіе есть и по смерти туда возвратится, чимъ воскресеніе отрѣшается, и пр. т. под. Такому воистину философія погубель, да сіе не въ философіи, но въ собственномъ состояніи сущая причина, какъ то многіе читая письмо святое въ разныя погубельныя мнѣнія впадаютъ, о разности же полезной и о вредѣ языческой философіи апостолъ Іаковъ во главѣ 3-й описуеть, а въ новой благодати Господь самъ обѣщаетъ намъ премудрость и разумъ; Богъ же благодать свою и премудрость подаетъ не всякому безъ посредства: посредство же есть ученіе и настав-

леніе искусныхъ и благоразумныхъ людей. Если же бы кто вѣрилъ безъ посредства вѣру и премудрость всякому получать, вѣрилъ бы безразсудно, ибо сіе токмо тогда Богъ изъяснилъ, а потомъ и самъ Господь посредство апостольскимъ ученіемъ и наставленіе всѣхъ употребилъ, святіи же отцы, которыхъ мы наибольшими учителями по апостолѣхъ почитаемъ и отъ нихъ неопѣвннную пользу спасенія приобрѣли, всѣ другихъ языковъ и многіе философіи научены были, а особливо святыи апостоль Павелъ видимо, что языческую философію училъ или по малой мѣрѣ книги читалъ, зане въ его посланіяхъ многія изъ философскихъ книгъ доказательства истины правоученія, наставленія и причины писаны; по немъ же Діонисій Ареопагитъ, Игнатій Богоносець, Іустинъ мученикъ, Аѳиногоръ, Теофиль Антіохійскій, Татіанъ и другіе, которые самихъ апостолъ вѣру пріяли, довольно философіи учены были. А заступающіе оную учить суть или самыя невѣжды и невѣдущіе въ чемъ истинная философія состоитъ, или злоковарные нѣкоторые церковнослужители, и для утвержденія ихъ богопротивной власти и приобрѣтенія богатствъ вымыслили, чтобы народъ былъ неученый и ни о коей истинѣ разсуждать имущій, но слѣпо бы и раболѣпно ихъ разсказамъ и повелѣніямъ вѣрили, наиболѣе же всѣхъ архіепископы римскіе въ томъ себя показали и большой трудъ къ приведенію и содержанію народовъ въ темнотѣ и суевѣрїи прилагали, для котораго они не постыдились противу точныхъ Христовыхъ словъ, еже письмо святое, въ которомъ мы уповаемъ животь вѣчный приобрѣсти, не токмо читать, но испытывать, т. е. толковать повелѣлъ; папы оное читать запретили и еще тяжчае того толковали, якобы читающіе оную въ умѣ повреждались, которое самъ ты можешь разсудить, колико съ правымъ божественнымъ ученіемъ сходно. Однакожь онымъ епископамъ римскимъ сіе довольно удалось, ибо они чрезъ то такую власть возымѣли, что чрезъ слѣпое народа къ нимъ послушаніе государей съ престола свергали, поданныхъ отъ рабства и послушанія присяги ихъ разрѣшали, не токмо рабовъ противу государя, но дѣтей противъ родителей и государей своихъ воевать принуждали, цесарю на шею ногою становились или у дверей босо и безъ одежды просить прощенія принуждали, какъ то читаемъ о цесаряхъ Фридрихѣ Барбаросѣ и Гендрихѣ, какіе же чрезъ то великіе богатства себѣ приобрѣли, то едва вѣрить возможно. Да и у насъ патріархи такую же власть надъ государи искать не оставили, какъ то Никонъ съ великимъ вредомъ государства началъ было, за которое судомъ духовнымъ чина лишень и въ заточеніе сосланъ, и хотя по смерти царя Алексѣя Михайловича собесѣдникъ его Симеонъ Полоцкій, учитель царя Теодора Алексѣевича, привелъ государя на то, чтобы Никона паки взять на престолъ и именовать папою, Іоакима же патріарха оставить при томъ же титулѣ, и еще вмѣсто митрополитовъ трехъ патріарховъ прибавить; но все оное противъ ихъ труда смерть Никонова пресѣкла, а Петръ Великій путь къ тому уставомъ церковнымъ и учрежденіемъ Синода заперъ.

Что же точно ереси и еретиковъ принадлежитъ, то вамъ объявляю, что ересь слово греческое, по-русски значить расколъ, или разорваніе въ какомъ-либо согласіи, еретиковъ-же можемъ двояко разумѣть и суще дни глупые и неразсудные или ничего о сущей вѣрѣ разумѣющіе, иша кого благоразсудно о вѣрѣ толкующаго, а суевѣрїе отвергающаго,

и за то что оной не согласно съ его глупымъ мнѣніемъ, несмотря что оное сходно со основательнымъ ученіемъ и истиною, тотчасъ еретикомъ и еще безбожникомъ имануютъ и, отъ злости присовокупя лжи, другимъ равнымъ себѣ клеветуютъ, а если сила ихъ не оскудѣваетъ, то проклинать, мучить и умертвить противъ Закона Божія не стыдятся, какъ я выше вамъ о древнихъ идолопоклонникахъ и папахъ сказалъ. Другіе-же суще ересіархи и зловѣрія производители, сіе правда, что сущій простакъ произвести неспособенъ, но надобно, чтобы былъ ученой, а по малой мѣрѣ читатель книгъ и довольно острореченъ, коваренъ и въ изъясненію наружнаго благочестія или лицемѣрства способенъ, дабы могъ то свое злонамѣреніе другимъ внятно и вѣроотно представить и хотя неправыми, но наклоняемыми и за волосы натягаемыми доводи людямъ суевѣрнымъ растолковать, а истинное ученіе въ оное разумнѣе или сумнительство превратить и, оное въ мыслѣхъ суевѣрныхъ неукъ утвердя, ими овладеть, простой же и неученый, но паче суевѣрный народъ, принявъ за истину, вѣрять и послѣдуютъ какъ то о многихъ древнихъ еретическихъ начальникахъ въ гисторіи и церковной и свѣтской обрѣтаемъ.

У насъ нѣкоторый выбранный изъ плутовъ плуть распопа Аввакумъ новую ересь иманующихся старовѣровъ, а паче пустовѣровъ произнесъ и простой народъ въ погибель привелъ, потомъ изъ сего же единъ плуть древнюю ересь, взогрѣвъ, безпоповщиною именовалъ и закономъ Божиимъ бракъ повелѣнный за грѣхъ и сквернодѣяніе поставилъ и паки недавно произнесенная и вскорѣ искорененная богомерзкая ересь христовщины вамъ свидѣтельствуеть, что не токмо отъ истиннаго философа, ниже отъ благоразумнаго человѣка произнесены и приняты быть могли, но всѣ плутами начаты, а въ невѣждахъ разсѣяны, ибо благоразумный легко можетъ видѣть, что всѣ сіи никоего основанія изъ письма святаго не имѣютъ, и всѣ прѣнны ихъ большею частію до вѣры не принадлежатъ, токмо оныя единымъ закоснѣніемъ въ сердцахъ ихъ толико замерзли, что за оное якобы за истинную правду умирать готовы. Того ради вѣчно достойныя памяти Его Императорское Величество Петръ Великій во всѣхъ епархіяхъ повелѣлъ училища устроить и на оное яко Богу и человѣкомъ полезное, бесплодно погибаемые доходы монастырей употребить, въ чемъ и преосвященные архіереи толико должностно и вѣрностно свою изъявили, что (какъ слышу отъ нѣкоторыхъ) всѣ свои излишніе доходы (которые прежде на роскошь и обогащеніе родственниковъ, свойственниковъ, противъ ихъ обѣщанія и присяги, употребляли) на училища и обученіе убогихъ младенцевъ употребляютъ и многихъ уже обучили: хотя мнѣ того видѣть не случилось, однакожъ, взирая на ихъ должность и любовь къ Богу и ближнему, вѣрю, что правда есть или быть можетъ.

Вопросъ. Я о семъ, яко до церкви принадлежащемъ, оставляю далѣе вопрошать, но слышу, что свѣтскіе и люди въ гражданствѣ искусные толкуютъ, якобы въ государствѣ чѣмъ наредъ простае, тѣмъ покорнѣе и къ правленію способнѣе, а отъ бунтовъ и сметеній безопаснѣе, и для того науки распространять за полезно не почитаютъ.

Отвѣтъ. Я вѣрю, что вы то слышали, да не вѣрю, чтобы отъ благоразумнаго политика, или вѣрнаго отечеству сына, на паче мно отъ неразумнаго или махіавелическими плевелы насѣяннаго сердца произ-

несено; благоразудный же политикъ всегда сущею истиною утвердить можетъ, что науки государству болѣе пользы, нежели буйство и невѣжество принести могутъ. Я вамъ прежде говорилъ, колико науки полезны, а незнаніе или глупость какъ самому себѣ, такъ малому и великому обществу вредительно и бѣдно. Ты разсуди самъ, что по природѣ всякій человѣкъ, каковъ бы ни былъ, желаетъ: 1) умнѣ другихъ быть и чтобы отъ другихъ почтеніе и любовь имѣть; 2) какъ всякому необходимо помощь другихъ нужна, такъ онъ тѣхъ помощниковъ, яко жену, друзей и совѣтниковъ ищетъ умныхъ и къ принесенію пользы ему способныхъ; зане сіи не въ состояніи всѣмъ намъ потребныя услуги приносить, того ради прилежить человѣкъ, если можно умныхъ, вѣрныхъ и способныхъ служителей имѣть, понеже на умнаго друга болѣе можетъ надѣяться, что онъ ему въ незнаніи добрый совѣтъ и помощь подастъ, а служитель умный все повелѣнное и желаемое съ лучшимъ разсужденіемъ и успѣхомъ, нежели глупый произведетъ и совершитъ. а въ случаѣ и совѣтъ или помощь подать способенъ; но въ ономъ наипервѣ собственный разумъ долженъ преимуществовать, дабы какъ о другѣ и помощникѣ, такъ и о рабѣ могъ по состоянію каждаго разсудить, какая отъ кого польза быть можетъ, и потому онаго употребляетъ, яко иной способенъ на разсужденіе, другой къ оборонѣ, инъ-же къ трудамъ и работамъ.

Разумный человѣкъ чрезъ науки и искусство отъ вкоренившихся въ его умъ примѣровъ удобнѣйшую понятность, твердѣйшую память, острѣйшій смыслъ и безпогрѣшное сужденіе пріобрѣтаетъ, а чрезъ то всякое благополучіе пріобрѣсти, а вредительное отвратить способенъ есть; онъ совѣты и представленія испытуетъ и по обстоятельству вещей поемлетъ, прежнія же дѣянія и случаи отъ памяти взявъ, съ настоящимъ уподобляетъ и, все благоразсудя, опредѣляетъ, неправильнымъ и впредь вредительнымъ не прельщается, безстрашныхъ обстоятельствъ не боится и, на отвращеніе страха мужественно поступая, отрѣываетъ и побѣждаетъ, въ радости и счастіи не превозносится и оному не вѣритъ, а въ несчастьи не ослабѣваетъ, бѣды же и горести великодушіемъ преодолеваетъ и, своимъ довольствуясь, чужаго не ищетъ; противно же тому невѣдѣніе всякимъ неправильнымъ совѣтамъ и предлогамъ прельщаяся вѣритъ, но вскорѣ узнаваетъ, что обманъ есть; онъ сущаго страха не боится, а гдѣ вѣсть страха—трепещетъ, въ печали и радости не умѣренъ, въ счастіи и несчастьи непостояненъ и во всемъ, вмѣсто пользы, наноситъ себѣ вредъ,—и ся есть разница между ученымъ и не ученымъ.

И хотя сіе о единственномъ человѣкѣ говорено, но по сему можешь и о цѣлыхъ народахъ или государствахъ разсуждать, особливо если хочешь обстоятельно знать, прочитай гисторіи древнихъ временъ, увидишь многихъ народовъ и государствъ примѣры, что отъ недостатка благоразумнаго разсужденія разорились и погибли, которыхъ память токмо на бумагѣ осталась; да почто о другихъ читать? довольно своего государства горестъ вспомнить, что послѣ Владиміра Втораго отъ неразумія князей и потомъ по смерти царя Феодора Иоанновича до воцаренія царя Михаила Феодоровича произошло, что едва имя Россійское въ конецъ не погибло; что же касается до бунтовъ, то вы сами можете сказать, что никогда никакъ бунтъ отъ благоразумныхъ людей начинанія не имѣлъ, но, равномѣрно ересамъ, отъ коварныхъ плутовъ съ прикрытіемъ

лицемѣрнаго благочестія начинается, которой между подлостью разсѣвъ, производятъ, какъ то у насъ довольно прикладовъ имѣемъ, что рѣдко когда шляхтичъ въ такую мерзость вмѣшался, но болѣе подлость яко Болотниковъ и Боловня холопи, Заруцкой и Разинъ козаки, а потомъ стрѣльцы и чернь всѣ изъ самой подлости и невѣжества. Если же генерально о государствахъ сказать, то видимъ, что турецкой народъ предъ всѣми въ наукахъ оскудѣваетъ, но въ бунтахъ преизобилуетъ, въ Европѣ же, гдѣ науки процвѣтаютъ, тамо бунты неизвѣстны; сего ради многіе благоразумные государи неусыпно о распространеніи наукъ прилежали, какъ то: видимъ во Франціи Генрикъ IV и Лудовикъ XIV, въ Англіи—Генрикъ VIII и Елизавета, въ Испаніи—Карль I, въ Швеци—Густавъ и Крестина, въ Россіи—Петръ Великій, если не всѣхъ оныхъ превосходить.

Вопросъ. Хотя вы на вопросъ мой пространно мнѣ о безопасности отъ наукъ показали, но сіе видится принадлежить токмо до знатныхъ или шляхетства, мой же вопросъ былъ о подлости.

Отвѣтъ. Мой государь, прошу мнѣ оную вину, что я не внятно выразумѣлъ, отпустить, ибо подлинно то разумѣлъ о шляхетствѣ, а понеже шляхетство въ государствахъ почитается за природное войско, которыхъ должность отъ самаго возраста до старости государю и государству, не щадя здравія и живота своего, служить, за которое они всѣмъ протчимъ станамъ предпочтены и владѣніями земскими, т. е. вотчинами награждены, чего купечество и крестьянству, якоже и протчимъ нешляхетнымъ имѣть, почитай въ всѣхъ Европейскихъ государствахъ, доднесъ запрещено, а если кто по случаю нешляхетный вотчины получить, таковыя сверхъ положенныхъ на шляхетскіе вотчины податей повинны нѣкоторую часть отъ ихъ доходовъ въ казну государственную платить, доколѣ они совершенно въ тотъ станъ отъ высшей власти введены и жалованною грамотою утверждены будутъ. Сей политическій вымысль есть весьма изрядный, чтобы болѣе въ войскѣ служить охотниковъ и способныхъ воеводъ, якоже и совѣтниковъ и градоправителей искусныхъ было, и для того я примѣръ о совѣтникахъ и служителяхъ употребилъ, а теперь скажу объ оныхъ подлыхъ.

Хотя противу неприятелей государство защищать и оборонять напредъ сего должность была общая всего народа и всѣ совокупно на войны ходили, но потомъ, какъ гражданство, купечество и земледѣльство за нужное и полезное въ государствѣ пріято, тогда оныхъ въ покоѣ оставя, особныхъ людей ко оборонѣ и защищенію государства опредѣлили; но сіи были двоякіе: одни должны были наследственно къ войнѣ пребывать и для того индѣ всадники или конница, у насъ же дворяне, яко придворные войны, у поляковъ шляхта отъ шляха или путь именованы, зане всегда въ походы должны быть готовы, другіе подлые, яко казаки и пр. и сіи болѣе пѣхотное, но не наследственно; дѣти бо ихъ могли иное пропитаніе искать, какъ то отъ гисторей другихъ государствъ и нашихъ видимъ, и для того о умноженіи сего полезнаго стана государи прилежно старались, какъ то царь Алексѣй Михайловичъ нѣсколько тысячъ гусаръ, рейтаръ и копейщиковъ, «собранныхъ перво изъ крестьянствъ и убожества», по прекращеніи польской войны, деревнями пожаловалъ и «въ дворянство причелъ», отъ того въ крымскомъ походѣ 1689 одного шляхетства болѣе 50,000 счислялось; въ началѣ же швед-

свой войны близъ двадцати полковъ драгунскихъ изъ дворянства набрано и во всей пѣхотѣ офицерствомъ наполнено было, затѣмъ великая часть въ услугахъ гражданскихъ употреблялась, а изъ служителей дворовыхъ пѣхота была устроена, но чрезъ оную и другіе такъ тяжкіе и долготѣніе войны такъ шляхетства умалилось, что вездѣ сталъ недостатокъ являться, и для того нужда позвала изъ крестьянства въ солдаты, матрозы, и другіе подлые службы брать. А какъ многократно случается, что на благоразсудности одного солдата пѣлой арміи благополучіе или безопасность зависитъ, отъ глупости великой вредъ можетъ произойти, и для того нужно, «чтобы солдаты были благоразсудные, тако же нужно» есть, чтобы всякій солдатъ о томъ мыслилъ и прилежалъ, чтобы въ оберъ и штабъ-офицеры дослужиться, для котораго ему необходимо нужно всѣ свои поступки благоразсудны и порядочны имѣть и во исполненіи должности прилежно и бодру быть, изъ чего не токмо ему собственно, но и государству польза происходитъ, а понеже неумѣющему грамотѣ къ полученію онаго пути пресѣченъ, слѣдственно же желаніе и снисканіе онаго пресѣкается и отъ него желаемая польза не благонадежна. Да ежелибъ такой нашелся, что токмо писать и читать наученъ былъ и въ нижнихъ чинахъ бывъ за страхъ наказанія благонравіемъ себя къ произвожденію удостоилъ; но вышедъ изъ-подъ палки и не разумѣя, что изъ противныхъ благонравію поступковъ собственный ему вредъ и бѣда происходитъ, весьма инаго и непотребнаго состоянія явится, каковыхъ мы прикладовъ съ немалою досадою довольно видимъ, если-бы же и того не было, но не имѣя другихъ полезныхъ наукъ, за недостаткомъ искуснѣйшихъ или по старшинству до полковничества произошелъ, то какой пользы отъ него надѣяться или нужную команду, гдѣ болѣе на разсужденіи нежели на инструкціи зависитъ, поручить ему безъ опасности возможно, но паче мнѣ, что такой и капитаномъ не безъ опасности быть можетъ, ибо по его чину судъ и расправа на немъ зависитъ и многократно въ партіяхъ, заставахъ и посылкахъ не малое по его благоразсудномъ поступкѣ зависитъ. Да еще болѣе вредъ отъ неученія народа, что наши духовные или церковно-служители, которыхъ по закону Божію должность въ томъ состоитъ, чтобы невѣдущихъ закону Божію поучали и наставляли, съ горестію видимъ, что у насъ столько мало ученыхъ, что едва между 1000 одинъ сыщется, чтобы законъ Божій и гражданскій самъ зналъ и подлomu народу оное внятнѣмъ поученіемъ внушить и растолковать могъ, что убійство, грабленіе, ненависть, прелюбодѣйство, пѣанство, обжорство и т. п. не токмо по закону Божію смертельный грѣхъ, но и по природѣ самому вредительно и губительно, ибо безъ отмщенія или наказанія никогда переходитъ, законъ же гражданскій по обличенію на тѣлѣ или смертію казнить; но они, оставя оную внутреннихъ добродѣтелей нужду, человѣческимъ преданіямъ и внѣшнимъ благочестіямъ поучаютъ, отъ сего у насъ такъ множество коварныхъ и душевредныхъ ябедъ въ судахъ, лихоимствъ и неправдъ, разбоевъ, убійствъ, грабленій и пр. происходитъ, что намъ иногда, на благонравіе другихъ взирая, стыдно о себѣ и своихъ говорить, да еще того горше, что такіе неучи и невѣдущіе закона Божія оныхъ тяжкихъ злодѣяній и въ грѣхъ не ставятъ, а если и признаетъ за грѣхъ, то онъ въ довольное умилостивленіе Бога поставяетъ, когда свѣчу иконѣ поставитъ, икону серебромъ обложитъ, не мясо, но рыбу ѣстъ и на покаяніи попу за разрѣ-

шеніе гривну дастъ, то уже думаетъ, что ему грѣхъ оный отпущенъ, и впредь въ той же надеждѣ на дальшее поступаетъ. Противно же тому видимъ, какъ въ другихъ наукахъ цвѣтущихъ государствахъ таковыхъ злочестій весьма рѣдко слышатся, почему надѣясь, что оное лживое разглашеніе отвержешь, а о наученіи и самой подлости со мною согласишься.

Вопросъ. Я хотя васъ сначала спрашивалъ, что наука есть, на которое вы сказали, что знать добро и зло; но по многомъ разговорѣ отъ того отдалились; того ради прошу, чтобъ мнѣ обстоятельно сказали, чего человѣку учиться нужно?

Отвѣтъ. Я вамъ прежде сказалъ, что нужно человѣку о томъ прилежать, чтобъ въ совершенство притти и оное сохранить пребываніе, елико по естеству возможно продолжить удовольствіе, а потомъ и покойность приобрѣсти, по которымъ и науки суть разныхъ свойствъ и качествъ, и хотя всѣ ихъ подробну толковать «весьма пространно и въ великую книгу умѣстити не можно»: однако-жъ я вамъ кратко скажу: «въ началѣ науки раздѣляются у философовъ по объявленнымъ свойствамъ сугубо»: душевное Богословія и тѣлесное философія. По первому къ совершенству, а наипаче нужно прилежно стараться, чтобъ память, смыслъ и сужденіе въ доброй порядоѣ привести и сохранить. Другое внѣшнее, какъ вамъ прежде сказалъ, еже душа съ тѣломъ толико связана, что отъ поврежденія тѣлесныхъ членовъ повреждаются и силы ума, того ради нужно и о внѣшнихъ прилежать, дабы ни одинъ членъ изъ надлежащаго природнаго состоянія не выступилъ или не повредился, а посему и пр. разумѣть можно.

Другое же раздѣленіе есть моральное, которое различествуетъ въ качествахъ, яко: 1) нужныя, 2) полезныя, 3) пегольскія или увеселяющія, 4) любопытныя или тщетныя, 5) вредительныя; но при томъ нѣкоторыя и по стану или состоянію человѣка могутъ быть нужны или полезны.

Вопросъ. Которыя науки нужны?

Отвѣтъ. Какъ человѣкъ изъ двухъ разныхъ свойствъ, т. е. души и тѣла, состоитъ, такъ его и науки по свойствамъ оныхъ раздѣляются, но понеже тѣлесныя наипервѣе начинаются, того ради о сихъ прежде скажу, а оными заключу.

Тѣлесныя науки, по вышеобъявленному, нужны къ совершенству: 1) реченіе, которымъ мы предъ прочими животными преимуществовать не пщуемъ; въ недостатѣ бо реченія ни совершенъ, ни доволенъ, слѣдственно спокоенъ человѣкъ быть не можетъ.

2) Къ пребыванію нужно учиться, чѣмъ бы плоть свою и свой родъ содержать и сохранить, для котораго по природѣ намъ нужно, какъ прежде сказалъ, о имѣніи и пищѣ, одеждѣ и жилищѣ спокойномъ прилежать, оныя добрыми и правильными способами приобрѣтать, а приобрѣтенное съ добрымъ порядкомъ употреблять и хранить, дабы въ случаѣ нечаяннаго недостатка нужды не терпѣть, и сіе именуется домоводство, грече: *экономія*.

3) «Прежде вамъ изъяснилъ», что пища и питіе непотребная или и лучшее, да надмѣрно употребляемо наноситъ намъ болѣзни, а изъ того происходитъ прекращеніе пребыванія или смерть и, хотя не знающіе силы часто больного прилежать пищею укѣпить, но тѣмъ многократно убиваютъ. И для того намъ нужно прилежать о знаніи

качествъ и употребленій количествъ брашенъ, дабы мы могли здравіе, слѣдовательно пребываніе или жизнь продолжить, а по утраченіи здравіе возвратити, которая наука именуется врачество или медицина.

4) Къ спокойности тѣлесной и душевной нужно человѣку со младости обучиться, чтобъ могъ себя отъ враждующихъ и нападствующихъ сохранить и обидѣть себя не допустить, но понеже человѣкъ по естеству на зло склоненъ и часто своими непростойными поступки и обидами другихъ на отмщеніе себѣ возбуждаетъ, слѣдственно самъ себѣ бѣды и пакости наноситъ. Того ради нужно самому перво научиться себя такъ содержать, чтобъ никому досады, не токмо обиды не учинить, и въ томъ крайне прилежать, о чемъ «въ правилахъ закона естественнаго» довольно показано, и сіе называется нравоученіе: «оборона же и мщеніе правильное по закону намъ не возбраняется»; но зане мы живемъ подъ закономъ и собственныя обороны или отмщенія для общаго спокойства запрещены и обидителямъ наказанія, а обиженнымъ награжденія предписаны; того ради должно намъ не токмо законы божественныя яко естественны, библически, церковный и гражданскій своего отечества знать, но и силу законодавца внятно и благоразсудно разумѣть и по онымъ поступать. Сія наука именуется законоученіе, а къ тому еще, наипаче же шляхетству, нужно обучаться оружіемъ себя, яко шпагою, пистолетомъ и пр. оборонять, зане сей станъ особливо для обороны отечества и отвращенія общаго вреда устроенъ.

5) Что до души принадлежитъ, то хотя такъ бы надлежало думать, что она, яко духъ никоего обученія не требуетъ, какъ прежде говорено; однакожь надобно о томъ трудиться, чтобы члены, чрезъ которые она силы свои изъявляетъ и движенія производитъ, «чрезъ частое къ порядочному движенію и привычѣ въ дѣйство приводитъ», чтобъ отъ вѣвъ представленныя правильно поять, твердо въ памяти содержать, подобности и слѣдствія смысломъ изображать и правильно судить, на что особливая наука логика съ пользою устроена.

6) И послѣднее нужно человѣку о спокойности души паче всего прилежать, дабы въ жизни непотребными и вредительными отъ необузданной воли попеченіями не отягощать, а паче бы о будущемъ и вѣчномъ, нежели о настоящемъ и тѣнномъ совершенствѣ, пребываніи «и угобжени» прилежать; но сіе не можетъ совершенно быть прежде, какъ человѣкъ, яко тварь познаетъ Творца и Господа, которое всякому по природѣ возможно, если токмо внятно помыслить. Что же свойствъ или обстоятельствъ Божіихъ касается, то нашъ умъ не въ состояніи о томъ внятно разумѣть, да и нужды нѣтъ, ибо довольно, что я знаю и вѣрю его быть всѣхъ вещей Творца и Господа, и вѣрить, что Онъ единъ вѣчный и безлѣтннй, всемилостивый и всевѣдущій и всюду присутственный, все что есть отъ Него и въ Его волѣ состоитъ; безъ воли же Его ничто сотвориться можетъ, но къ тому нужно намъ волю Его знать, которая въ Его Божественныхъ законахъ предписана, и прилежать елико возможно оное исполнить, а запрещеннаго имъ, хотя намъ по неразумности иногда водится пріятное, но по учиненіи вредительное и губительное, онаго воздержаться и бѣжать; и сіе ученіе именуется богословія. Сія науки, яко душевно, тако и тѣлесно весьма намъ нужны, ибо отъ неискущества или незнанія въ нихъ заключающагося пользы и вреда благополучными быть и спокойности приобрѣсти не можемъ.

Вопросъ. Которыя науки полезныя?

Отвѣтъ. Полезныя тѣ, которыя до способности ко общей и собственной пользѣ принадлежать и суть многочисленныя: между всѣми полезными науками письмо есть первое, чрезъ которое мы прошедшее знаемъ и въ памяти хранимъ, съ далеко отстоящими, такъ какъ присудственно говоримъ и еще иногда лучше, нежели языкомъ мнѣніе наше изобразить можемъ; и хотя въ мѣрѣ можно сказать, что едва сотая часть письма умѣющихъ сыскаться можетъ ли и много не знающихъ въ болшемъ благополучіи, а грамотѣ умѣющіе въ погибели находятся, для котораго и пословица лежитъ: грамотѣ гораздъ, не умѣетъ ли пропасть; но сіе не отъ грамоты, но отъ злодѣянія приключается. Письмо же всякаго стана и возраста людямъ есть полезно, когда токмо правильнымъ порядкомъ и съ добрымъ намѣреніемъ употребляемо; но при томъ надобно и о томъ прилежать: порядочно и внятно говорить и писать, для того полезно учить и своего языка грамматику. 2) Еще же челоувѣку, обрѣтающемуся въ гражданской услугѣ, а наипаче въ чинахъ высшихъ, якоже и въ церковнослуженіи быть надежду имѣющему полезно, а иногда и нужно знать краснорѣчіе, которое въ томъ состоить, чтобъ по обстоятельству случая рѣчь свою учредить, яко иногда кратко и внятно, иногда пространно, иногда темно, и на разныя мнѣнія примѣнять удобное, иногда разными похвалами, иногда хуленіями исполнить и къ тому прикладами украсить, что особливо статскимъ, придворнымъ и въ иностранныхъ дѣлахъ, а церковнымъ въ поученіяхъ и въ сочиненіи книгъ полезно и нужно бываетъ. И сія именуется русски: витійство, грече: риторика. 3) Инородные языки, дабы мы другихъ не токмо сообщныхъ съ нами подданствомъ внутрь Россіи, но и пограничныхъ или имѣющихъ съ нами торги и войны народовъ разумѣть и имѣ наше мнѣніе объявить могли: но сіе полезно тогда токмо, когда правильно употребляемо; безразсудное же употребленіе, т. е. примѣшиваніе иноязычныхъ словъ въ свой языкъ вредительно, какъ то видимъ многихъ наибольшю частію неразумныхъ и неученыхъ отъ хвастовства и не разсудности не токмо въ разговорахъ, но въ письмахъ весьма нужныхъ странныя слова употребляютъ, да къ тому не въ той силѣ и разумѣ или неправильно, а для чего, того сами сказать не умѣютъ, кромѣ хвастанья, что умѣютъ чужое слово выговорить; а что изъ того вреда происходитъ, того они разсудить не могутъ. 4) Полезно челоувѣку учиться счисленію, и хотя простое счисленіе младенцы купно съ языкомъ отъ воспитателей пріемлютъ и отъ употребленія съ одного до милліона счислить могутъ, но сіе всякому не довольно, а надлежитъ знать исчисленіе разныхъ вещей по ихъ качествамъ, мѣрою и вѣсомъ, которое гречески обще маематика именуется. А понеже въ ней весьма много разныхъ обстоятельствъ заключено, того ради каждая часть особое званіе, но болѣе гречески отъ древности сохраняютъ и хотя все подробну сказать и каждой свойство времени описать недостаетъ; но скажу вамъ токмо о главныхъ той частяхъ, яко ареометика или счисленіе, геометрія или землемѣріе, механика—хитродвижность, архитектура—строительство. И сія всякаго званія людямъ полезныя; слѣдующія же тоя части, яко перспектива, оптика или видѣніе, акустика—слышаніе, астрономія—звѣздосчисленіе, нѣкоторымъ людямъ учить полезно. 5) Весьма полезно въ знатныхъ услугахъ быть чающему учить не токмо отечества своего, но

и другихъ государствъ: дѣянiя и лѣтописи или гисторiя и хронографiя; генеалогiя или родословіе владѣтелей, въ которыхъ находятса случаи счастья и несчастья съ причинами, еже намъ къ наставленiю и предосторожности въ нашихъ предпрiятiяхъ и поступкахъ пользуют; землеописание или географiя показуетъ не токмо положенiе мѣстъ, дабы въ случаѣ войны и другихъ приключенiй знать всѣ онаго во укрѣпленiяхъ и проходахъ способности и невозможности, при томъ нравы людей, природное состоянiе воздуха и земли, довольство плодовъ и богатство, избыточество и недостатки во всякихъ вещахъ, наипаче же собственнаго отечества, потомъ пограничныхъ, съ которыми часто нѣкоторыя дѣла; яко надежду къ помощи и опасность отъ ихъ нападенiя имѣемъ, весьма обстоятельно знать, дабы въ государственномъ правленiи и совѣтахъ, будучи о всемъ со благоразумiемъ, а не яко слѣпой о краскахъ разсуждать могъ. 6) Хотя всѣ врачейъ скажутъ, что человекъ, проживъ 40 лѣтъ, искуся о болѣзняхъ и довольное разсужденiе имѣя, можетъ самъ для себя врачъ быть, но къ тому полезно знать ботанику или знанiе силы растений, такожъ анатомiю или разчлененiе, чрезъ чтобъ совершенно познать внутреннихъ тѣла своего частей положенiе и движенiя причины; но сія наука, хотя всякому полезны, однакожь болѣе принадлежать тѣмъ, которые особливо себя во врачество управляютъ. 7) Весьма же полезно знать свойство вещей по естеству, что изъ чего состоитъ, по которому разсуждать можно, что изъ того происходитъ и приключается; а чрезъ то многiя будущiя обстоятельства разсудить «и себя отъ вреда предостерегать» удобно; сія наука грече зовется—физика, русски—естествоиспытанiе, а къ тому химiя или раздѣленiе внутреннее вещей принадлежитъ.

Вопросъ. Какiя науки щегольскiя разумѣются?

Отвѣтъ. Оныхъ наукъ есть число не малое, но я вамъ токмо нѣкоторыя упомяну, яко: 1) стихотворство или поэзія, 2) музыка, русски—скроморошество, 3) танцованiе или плясанiе, 4) волтежированiе или на лошади садиться, 5) знаменованiе и живопись, которыя по случаю могутъ полезны и нужны быть, яко танцованiе не токмо плясанiю, но болѣе прстойности какъ стоять, итти, поклониться, поворотиться учить и наставляеть; знаменованiе же во всѣхъ ремеслахъ есть нужно.

Вопросъ. Какiя науки любопытныя и тщетныя?

Отвѣтъ. Сiя суть такiя науки, которыя ни настоящей, ни будущей пользы въ себѣ не имѣютъ, но большею частiю и въ истинѣ оскудѣваютъ, яко: 1) астрологiя—звѣздопрѣвѣщанiе, которымъ хотять предбудущая, отъ стоянiя планетъ и звѣздъ, познавать. Изъ сея науки календаристы о погодахъ нативитеты или отъ рожденiя людей имъ предбудущiя припадки и случаи хотять знать; 2) физиогномiя или лицезнанiе, что по сочиненiю лица и морщинамъ; 3) хиромантiя—рукознанiе, что по чертамъ или морщинамъ рукъ жизнь и случай человека разумѣть тщатса, отъ древнихъ азчыескихъ баснословей остався. И хотя сiя ни физическаго, ни магемагическаго основанiя не имѣютъ и у людей ученыхъ въ презрѣнiи и совершенномъ уничтоженiи суть, однакожь много такихъ суевѣрныхъ, паче людей меланхоличныхъ (которые отъ природы сребролюбивы, страхами исполнены) не малое число находятъ, что не токмо сами себя тѣмъ, но и другихъ неблагоразсудныхъ обманываютъ и въ безпутныя страхи и надежды приводятъ; сверхъ же того оное Бо-

жескому и моральному ученію противно: ибо если бы мы совершенно всё приключенія, предписанныя и неизбѣжныя разумѣли, тобъ не имѣли нужды жить по закону. Къ сему же 4) есть наука алхимія или дѣланіе золота, которая мною не лучше оныхъ выше объявленныхъ, ибо хотя чрезъ прилежащихъ въ оной нечаянно многія пользы обрѣтены, но большая часть отъ оныхъ разораются и до днесь еще, кромѣ баснословій, ничего не обрѣтено.

Вопросъ. Какія науки вредными быть мнишь?

Отвѣтъ. Сіи глупѣе преждереченныхъ, иже зовутся волхвованіе, ворожбы или колдунство, и суть разныхъ качествъ. У древнихъ на многи роды раздѣлялись, яко: 1) некромантія—чрезъ мертвыхъ провѣщаніе; 2) аеромантія—воздуховѣщаніе; 3) пиромантія—огневѣщаніе; 4) гидромантія—водовѣщаніе; 5) геомантія—землевѣщаніе и пр. множайшая, «а наипаче у язычниковъ оракули или Божеское предсказаніе извѣстны были, но болѣе въ обманахъ духовныхъ и суевѣрствъ и пребывающихъ просвѣщенія состояли (sic!)». Но я сіи оставляю, а упоминаю токмо о извѣстныхъ у насъ. Первое есть провѣщаніе, что изъ сновидѣній, встрѣчи, полеты и крики птицъ, бѣганія звѣрей, счастье и несчастье хотять разумѣть. Второе зовется просто ворожба, что нѣкоторые плуты вымыслили чрезъ раскладываніе бобовъ или костей, пунктированіе на бумагѣ, литья воска или олова, и пр., хотять о далекомъ и предбудущемъ сказывать. Третье—заговоры и привороты глупае того, о которомъ мнятъ, яко бы изъ заклинанія произошло, а заклинанія обрѣтеніе Іосифъ Влایی приписуетъ Соломону. Но я мню, что нѣкоторые великіе плуты или безумные меланхолики вымыслили что-либо словами дѣлать, напримѣръ: теченіе крови или болѣзнь унимать, отъ стрѣльбы или другаго оружія заговорить, любовь или ненависть между двѣма особами произвестъ, что хотя никакъ человѣку учинить невозможно, токмо довольно отъ гисторей извѣстно, въ какія бѣды отъ такого безумія впадали, и не токмо имѣніе или здравіе, но и жизнь съ поношеніемъ погубили. Всего глупѣе черноколдунство, чрезъ которое мнятъ что-либо чрезъ діавола дѣлать: сія наука у древнихъ за великое таинство почиталась и вѣрили многіе истинному быть дѣйству, и хотя не весьма въ давныхъ лѣтахъ въ Германіи, а паче во Швеціи такихъ людей множество находилось, что не токмо въ такихъ колдунствахъ отъ другихъ оговариваны, но сами на себя яко сущую истину затѣвали и померли, но потомъ довольно доказано, что иное ничто болѣе, какъ ума поврежденіе и необузданная злость есть; что многіе ученые физическо и богословско доказали, еже человѣкъ чрезъ діавола ничего учинить не можетъ. И какъ за оную казнить перестали, а ученіемъ исправляютъ, то и такихъ людей умалилось; гдѣ же ученіе распространяется и священники прилежнѣе о томъ народу толкуютъ, тамо весьма уже не слышно.

И хотя сіи науки зломудрія ничего совершеннаго въ себѣ не имѣютъ и по разсужденію многихъ философовъ смертію ихъ, яко умоизступленныхъ, казнить не безгрѣшно, но за то, что остава полезное, въ безпутствѣ время тратять и другихъ обманываютъ, тѣлесное наказаніе неизбѣжно понести должны. Не безприлично же сему дурачеству вымыселъ кликуновъ и кликушъ, которые сказываютъ въ себѣ быть діавола, что сами себѣ отъ злости, когда инымъ образомъ досадить не могутъ, яко бабы не любя мужа, свекровь и проч. оное притворяютъ. Иногда же

въ томъ притворѣ невинно на кого-либо клеветуютъ и не смысленныхъ въ злобу производятъ; иные же, по наученію сребролюбивыхъ церковниковъ такіе притворы чинятъ, дабы чрезъ изгнаніе того нове чудо явить и отъ людей суевѣрныхъ деньги выманивать; котораго зла въ Россіи весьма было расплодилось и повсюду въ церквахъ, а особливо въ праздники, при службѣ Божіей мерзкіе крики и ломаніе тѣла произносили. Но вѣчно достойная памяти Его Императорское Величество Петръ Великій жестокими на тѣлѣ наказаніи всѣхъ оныхъ бѣсовъ повыгналъ такъ, что нынѣ почитай уже не слышно, а особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ благоразсудной начальникъ случится.

ЛXXXII. ЮНОСТИ ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО,

или показаніе въ житейскому обхожденію. Собранное отъ разныхъ авторовъ; напечатана повелѣніемъ Царскаго Величества въ Санктъ-Петербуржѣ. Дѣта Господня 1719 г., іуліа 5 дня *).

Въ первыхъ наипаче всего должны дѣти отца и мать въ великой чести содержать. И когда отъ родителей что имъ приказано бываетъ, всегда плячу въ рукахъ держать, и предъ ними не vzdъвать, и возлѣ ихъ не садитися, и прежде оныхъ не засѣдять, при нихъ въ окно всѣмъ тѣломъ не выглядывать, но все потаеннымъ образомъ съ великимъ почтеніемъ, не съ ними врьдъ, но немного уступя позади оныхъ къ сторонѣ стоять, подобно яко пажъ нѣкоторый или слуга. Въ домѣ нічего своимъ иманемъ не поведѣвать, но иманемъ отца или матери, отъ челядінцевъ просительнымъ образомъ требовать, развѣ что у кого особливия слуги, которыя самому ему подвержены бываютъ для того, что обычаю служители и челядінцы не двумъ господамъ и госпожамъ, но токмо одному господину охотно служатъ. А окромѣ того, часто происходятъ ссоры и великія между ими бываютъ отъ того мятежи въ домѣ, такъ, что сами не опознаютъ, что кому дѣлать надлежитъ.

2. Дѣти не имѣютъ безъ иманнаго приказу родительскаго нікого бранити, или поносительными словами порекать. А ежели то надобно, и оное они должны учинити вѣжливо и учтиво.

3. У родителей рѣчей перебивать не надлежитъ, и ніже прекословить, и другіхъ сверстниковъ въ рѣчи не впадать, но ожидать, пока они выговорятъ. Часто одного дѣла не повторять, на столѣ, на скамью, или на

---

*) Книга представляетъ два отдѣла: 1-й (1—29 стр.) и 2-ой (30—88). Въ первомъ отдѣлѣ слѣдующія статьи: 1) Изображеніе древнихъ и новыхъ славенскихъ и рукописныхъ (1—6 стр.) 2) Слоги двописменніи, от согласныхъ начинаеміи (7—8). 3) Слоги триписменніи (8—12). 4) Нравоученіе отъ священнаго писанія по алфавиту избранная (12—23). 5) Число церковное и арифметическое. 6) Ино показаніе великаго счисленія. 7) Объявленіе числа школьнаго. За этимъ отдѣломъ слѣдуетъ 3-ой (Юности честное зеркало).

что ино не опіратся, и не быть подобнымъ мужіку, котори на солнцѣ валяется, но стоять должны прямо.

4. Безъ спросу не говоріть, а когда и говоріть имъ случітся, то должны они благопріятно, а не крикомъ и ніже съ сердца, или съ задору говоріть, не якобы сумазброды. Но все, что имъ говоріть, имѣть быть правда истінная, не прибавляя и не убавляя ни чего. Нужду свою благообразно въ пріятныхъ и учтївыхъ словахъ предлагать, подобно, якобы имъ съ такимъ иностраннымъ высокімъ лицемъ говоріть случілось, да бы они въ томъ тако и обыкли.

5. Не прілічно имъ руками или ногами по столу вездѣ колобродить, но смірно ѣсти. А вїлками и ножікомъ по торѣлкамъ, по скатерти или по блюду не чергїть, не колоть и не стучать, но должны тіхо и смірно, прямо, а не избоченаясь сидѣть.

6. Когда родїтели, или кто другїи ихъ спросять, то должны они къ нимъ отзыватца и отвѣчать тотъ часъ, какъ голосъ послышать. И потомъ сказать: что изволїте, государь батюшко, или государыня матушка, или: что мнѣ прїкажете, государь; а не такъ, что, чего, што, какъ ты говорішь, чего хочешъ. И не дерзостно отвѣчать: Да, такъ, і ніже вдругъ на отвязъ молвїть: нѣтъ; но сказать: такъ, мой государь, слышу, государь: я выразумѣль, государь, учїню такъ, какъ вы, государь, прїказали. А не смѣхомъ дѣлать, якобы ихъ презїрая и не слушаю ихъ повелѣнїи и словъ. Но исправно примѣчать все, что имъ говорено бываетъ. А многажды назадъ не бѣгать и прежняго паки вдругорадъ не спрашївать.

7. Когда имъ говоріть съ людьми, то должно имъ благочїнно, учтїво, вѣжливо, разумно, а не много говоріть, потомъ слушать, и другїихъ рѣчи не перебивать, но дать все выговоріть и потомъ мнѣніе свое, что достойно, предъявїть. Ежели случітся дѣло и рѣчь печальная, то надлежитъ при такіхъ быть печалну и имѣть сожалѣнїе, въ радостномъ случае быть радостну и являть себе весела съ веселыми.

8. Съ духовными должны дѣти вездѣ благочїнно, постоянно, учтїво и вѣжливо говоріть, а глупости нікакои не предъявлять. Но о духовныхъ вѣщахъ и о чинѣ ихъ, или духовные вопросы предлагать.

9. Нікто себя самъ много не хвали и не унічіжай и не срамоти и ніже дѣла своего возвелїчивая, разшїряи болѣ, нежели какъ оное въ подлїнномъ дѣствїѣ состоїтъ, и нікогда роду своего и прозванїа безъ нужды не возвышаю, ибо такъ чїняютъ люди всегда такіа, которыя не въдавнїѣ токмо прославлїсь. А особливо въ той землѣ, гдѣ кто знакомъ, весма не надлежитъ того дѣлать, но ождать, пока со стороны другїи похвалятъ.

10. Съ своїми или съ посторонними служїтели гораздо не сообщайся. Но ежели оные прїлѣжны, такіхъ слугъ люби, а не во всемъ имъ вѣрь, для того, что они грубы и невѣжи (неразсудлїви) будучи, незнають держать мѣры. Но хотятъ при случаѣ выше своего господина вознестїся, а отшедши прочъ, на весь свѣтъ разглашаютъ, что имъ повѣрено было. Того ради смотри прїлѣжно, когда что хочешъ о другїихъ говоріть опасаїся, чтобъ при томъ слугъ и служанокъ не было. А имянъ не упоминаю, но обїяками говори, чтобъ дознатца было не можно, потому что такіа люди много прїложїтъ и прибавїтъ искусны.

11. Всегда недруговъ заочно, когда они не слышатъ, хвали, а въ

присутствіи ихъ, почтаи, и въ нуждѣ ихъ, имъ служи, также и о умершихъ никакого зла не говори.

12. Всегда время пробавляи въ дѣлахъ благочестныхъ, а празденъ и безъ дѣла отнюдь не бывай, ибо отъ того случается, что нѣкоторые живутъ лѣнливо, не бодро, а разумъ ихъ затмится и иступится, потомъ изътого добра никакова ожидать можно, кромѣ дряхлова тѣла и червоточины, которое съ лѣности тучно бываетъ.

13. Младый отрокъ долженъ быть бодръ, трудолюбивъ, прилѣженъ и безпокоенъ, подобно какъ въ часахъ маетникъ, для того, что бодрый господинъ ободряетъ и слугъ: подобно яко бодрый и рѣзвый конь учинаетъ сѣдока прилѣжна и осторожна, потому можно отъ части смотря на прилѣжность и бодрость или радѣніе слугъ признать, како правленіе котораго господина состоитъ и содержится; ибо не напрасно пословица говоритъ: каковъ игумень, такова и братія.

15. Имѣть отрокъ наипаче всѣхъ человекъ прилѣжать, какъ бы себя могъ учинить благочестна и добродѣтелна; ибо не славная его фамілія, и не высокой родъ приводитъ его въ шляхетство, но благочестныя и достохвалныя его поступки. Понеже благочестіе есть похвала юности и счастье благополучное, и красота въ старости. Того ради оной имѣть по правдѣ тому подражать. То бо есть истинное избавленіе отъ убожества, и прямая подпора и постоянная столпъ богатству.

16. Имѣть прямыи (суціи) благочестивыи кавалеръ быть смиренъ, привѣтливъ и учтивъ. Ибо гордость мало добра содѣваетъ (приноситъ) и кто сихъ трехъ добродѣтелей не имѣть, оны не можетъ превзойти и ниже между другими просіять, яко свѣтило въ темномъ мѣстѣ или каморѣ. Понеже что выше чіномъ, то ниже смиреніемъ быть должно. Для того и три оныя добродѣтели: привѣтливость, смиреніе и учтливость украшаютъ не мало шляхетскую славу. А понеже искони старыя честныя люди оное сохраняли, того ради и юныя имѣютъ оному подражать.

17. Младый человекъ всегда имѣть съ благочестными и добродѣтельными людьми обходитися, отъ которыхъ бы онъ добру поучитца могъ. Также и съ такими людьми, которые честное имя и непорочное житіе имѣютъ. А отъ такихъ, которые легкомысленно и злостно живутъ, бѣгать, яко бы отъ яду или лютого мору. Благочестныя люди имѣютъ отъ юныхъ почтены, превознесены и возлюблены быть. А отъ злоименитыхъ должны юныя остерегатися и отъ нихъ бѣгать. Ибо токмо скажи, съ кѣмъ ты обходился, то можно признать, какое счастье тебѣ впредь будетъ.

18. Младый шляхтичъ или дворянинъ, ежели въ еберціи (въ обученіи) своей совершенъ, а наипаче въ языкахъ, въ конной ѣздѣ, танцованіи, въ шпашной битвѣ, и можетъ доброй разговоръ учинитъ, къ тому жъ красноглазливъ и въ книгахъ наученъ,—оныи можетъ съ такими досуги, прямымъ придворнымъ человекомъ быть.

ЛХХХІІІ. ИЗЪ АРИОМЕТИКИ МАГНИЦКАГО *).

Ариометика практика или дѣятелная.

Что есть ариометика?

Ариометика или числительница есть искусство честное, независтное и всѣмъ удобоползательное, многополезнѣйшее и многохвалнѣйшее, отъ древнѣйшихъ же и новѣйшихъ, въ разная времена являвшихся, изряднѣйшихъ ариометиковъ избобрѣтенное и изложенное.

Какогуба есть ариометика практика? Есть сугуба.

1. Ариометика политика, или гражданская.
2. Ариометика логистика, не ко гражданству токмо, но и къ движению небесныхъ круговъ принадлежащая.

Книга первая ариометики.

Что есть ариометика политика?

Есть численіе, сочиненное въ толикомъ удобномъ образѣ: яко кійждо можетъ исчислити всякое исчисленіе, великое и малое, въ продажахъ и купляхъ, въ мѣрахъ же и вѣсахъ, и во всякой цѣнѣ, и во всякихъ деньгахъ, во вся царства всего міра.

На како много раздѣляется ариометика политика?

Раздѣляется на пять частей.

1. О числахъ цѣлыхъ.
2. О числахъ ломаныхъ, или съ долями.
3. О правилахъ подобныхъ, въ трехъ, въ пяти и въ семи перепеняхъ.
4. О правилахъ фальшивыхъ, еже есть гадательныхъ.
5. О правилахъ радикаловъ квадратныхъ и кубическихъ, къ геометрии принадлежащихъ.

Часть первая о числахъ цѣлыхъ.

Како много сѣя часть имѣетъ въ себѣ предѣлений?

Имѣетъ предѣлений пять: счисленіе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе.

Предѣленіе первое. Нумерацию, или счисленіе.

Что есть нумерация?

---

*) Полное заглавіе составленнаго Магницкимъ руководства слѣдующее: «Ариометика, сирѣчь наука числительная. Съ разныхъ діалектовъ на славенскій языкъ преведенная, и во едино собрана, и на двѣ книги раздѣлена. Нынѣ же повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго Государя нашего Царя и великаго Князя Петра Алексіевича всея великія и малыя и былыя росіи самодержца: При благороднѣйшемъ великомъ Государѣ нашемъ Царевичѣ, и великомъ Князѣ Алексіи Петровичѣ, въ богоспасаемомъ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ типографскимъ тисненіемъ ради обученія мудролюбивыхъ російскихъ отроковъ, и всякаго чина и возраста людей на свѣтъ произведена, первое въ лѣто отъ сотворенія міра 7211, отъ рождества же по плоту Бога слова 1703, индикта 11, мѣсяца январіа».

Нумераціо есть счисленіе еже совершенно вся числа рѣчию именовати, яже въ десяти знаменованіяхъ, или изображеніяхъ содержатся, и изображаются сице: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 0. Изъ нихъ же девять знаменователны суть; послѣднее же 0 (еже цифрою, или ничемъ именуется), егда убо едино стоитъ, тогда само о себѣ ничтоже значить; егда же коему оныхъ знаменованій приложено будетъ, тогда умножаетъ въ десятеро, якоже предложено есть ниже сего.

Предѣленіе второе. Аддиціо, или сложеніе.

Что есть аддиціо?

Аддиціо или сложеніе есть дву или многихъ числъ во едино собраніе, или во единъ перечень совоушленіе.

Предѣленіе третіе. Субтракціо или вычитаніе.

Что есть субтракціо?

Субтракціо, или вычитаніе есть, имже малое число изъ болшаго вычитаемъ, и излишнее объявляемъ.

Яко егда случится тебѣ сицевъ перечень 57 вычитати изъ 89, и оставшее объявити, и ты постави меншіи перечень подъ большій сице 89, прочертивъ же подъ ними черту, якоже есть $\begin{array}{r} 89 \\ 57 \\ \hline \end{array}$, и начни вычитать отъ правыя руки, умствуя 7 изъ 9 останется 2, еже постави противъ 7 подъ чертою $\begin{array}{r} 89 \\ 57 \\ \hline 2 \end{array}$, потомъ паки умствуй 5 изъ 8 и останется 3, и ты тое

постави противъ 5 подъ чертою же $\begin{array}{r} 89 \\ 57 \\ \hline 32 \end{array}$ и объявится излишнее бол-

шаго перечня предъ меншимъ подъ чертою.

(Далѣ идетъ рядъ, какъ и послѣ каждаго опредѣленія, примѣровъ).

Предѣленіе четвертое.

Мультипликаціо, еже есть умноженіе.

Что есть умноженіе?

Умноженіе есть, имже что въ числахъ умножаемъ, или великимъ вещемъ по множеству иныхъ вещей раздаемъ, и количество ихъ числомъ показуемъ. Но ко умноженію потребно есть послѣдующую таблицу толь твердо въ памяти имѣти, яко да коеждо число съ коимждо умноживъ, безъ всякаго медленія рѣчию сказати, или написати, якоже 2жды 2 есть 4, или 2жды 3 есть 6, и прочая.

Предѣленіе пятое.

Дивизио, еже есть дѣленіе.

Что есть дѣленіе?

Дѣленіе есть имже болшее число, или перечень на равныя части меншимъ раздѣляемъ, отъ нихъ же едину числомъ показуемъ.

Въ первыхъ лѣпо есть знати, яко болшіи убо перечень, егоже хо-

щемъ дѣлѣти, нарицается множество или дѣлимый, а другій, имже дѣлимъ, есть дѣлитель; третій же, отъ тѣхъ дву произшедшій за черту, именуется частный, или вѣтусь.

Часть вторая о числахъ ломаныхъ, или съ долями.

Что есть число ломаное?

Число ломаное ничтоже ино есть, токмо часть вещи, числомъ объявленная, сирѣчь полтина есть половина рубля, а пишется сиче $\frac{1}{2}$ рубля, или $\frac{1}{4}$, или пятая часть $\frac{1}{5}$, или двѣ пятны части $\frac{2}{5}$ и всякыя вещи яковая либо часть объявлена числомъ: то есть ломаное число.

Число убо цѣлое содержитъ предѣлений пять, сие же семь; ихъ же нарицанія сичеваая суть: численіе, премѣненіе, сокращеніе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе.

Книга аріѳметики вторая.

Сія книга раздѣляется на три части.

Ихже первая есть о чинѣ аріѳметики алгебраика реченныя и аріѳметики логистики чрезъ градусы и минуты дѣйствующыя.

Вторая часть, о еже чрезъ аріѳметику геометрическая дѣйствовать въ колесѣхъ и углахъ.

Третія о надлежащихъ къ мореплаванію надлежать и глебуса земнаго къ размѣренію.

LXXXIV. КОСМОГРАФІЯ ПЕТРОВСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

(Изъ статьи А. О. Кони: «Космографія Петровскихъ Временъ», «Историч. Вѣстникъ», ноябрь 1887 г.).

Въ 1719 г. въ Москвѣ напечатанъ былъ на русскомъ языкѣ переводъ книги, нынѣ чрезвычайно рѣдкой и мало извѣстной, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «*Земноводнаго круга краткое описаніе изъ стѣря и новыя географіи по вопросамъ и отвѣтамъ чрезъ Язана Гибнера собранное и на нѣмецкомъ діалектѣ въ Лейпцигѣ напечатано, а нынѣ повѣтънемъ великаю Государя, Царя и Великаю князя Петра I-ю, всероссійскаю Императора, при наслѣдственномъ благороднѣйшемъ Государѣ Царевичѣ Петрѣ Петровичѣ—на російскомъ напечатано въ Москвѣ. Лѣта Господня 1719, въ апрѣль мѣсяцѣ*».

Книга эта представляетъ большой шагъ впередъ отъ тѣхъ космографическихъ и политико-географическихъ понятій, которыя были распространены въ нашемъ обществѣ до конца XVII столѣтія и находили себѣ выраженіе не только въ рукописныхъ хронографахъ, но и въ печатныхъ сочиненіяхъ, говорившихъ о Меркаторѣ и о «космографіи, сирѣчь размѣрной всея земли». Тамъ трактовалось о «Мазическомъ царствѣ дѣвичьемъ», — жительницы котораго сходятся съ «Еюіонами съ году на годъ: мужской полъ отдають Еюіонамъ въ ихъ землю, а женскій полъ оставляють», — о великанахъ съ пѣсьими головами, о змѣяхъ, у кото-

рыхъ «лицо дѣвическое, до пула человѣкъ, а отъ пула хоботъ змѣевъ, крылаты, а зовомы василиски»;—«о людяхъ Астромовехъ, кои живутъ въ индѣйской землѣ, сами мохнаты, безъ обонихъ губъ, а питаются отъ древа и коренія пахнучаго и отъ яблोकъ лѣсныхъ, а не ѣдятъ, не пьютъ, только нюхаютъ, и покажѣтъ у нихъ тѣ запахи есть, по та мѣста и живутъ»,—и «о людяхъ Монокуляхъ обѣ одной ногѣ, а коли солнце печетъ, и они могутъ покрытися ногою, какъ лапою», и т. п.

Въ этого рода сочиненіяхъ описанію сосѣдей нашихъ съ запада отводилось меньше мѣста, чѣмъ фантастическому описанію «дивныхъ людей», да и характеристики этихъ сосѣдей отличались большею краткостью. Такъ, французы оказывались «зѣло храбры, но невѣрны и въ обѣтахъ своихъ не крѣпки, а пьютъ много»;—жители королевства агленскаго — нѣмцы купеческіе и богатые, воинскихъ людей у нихъ мало, а сами мудры и дохтуроваты, а пьютъ много», и т. п.

«Описаніе земноводнаго круга» отпечатано на прекрасной, плотной бумагѣ, красивымъ, четкимъ шрифтомъ и представляетъ собою большой томъ in quarto, съ пятью гравюрами на мѣди. Первая изображаетъ Атланта, держащаго на раменахъ своихъ міръ; по борту ея надпись: «несу всѣхъ носящо, старъ сый толь тяжкое бремя, се зрящъ всякъ учися—не трать всеу время». Вторая съ надписью «европы описаніе» изображаетъ женщину въ царскомъ одѣяніи. По борту написано: «сія трехъ частей и мудрости парича, въ силѣ какъ въ звѣздахъ дѣвница». Гравюра «описаніе Азіи», изображающая торговцевъ въ восточномъ одѣяніи, окружена надписью: «Сія сіяла въ силѣ своей славна, но днесъ, при лучшихъ не столь стала явна», «Африки описаніе»—съ изображеніемъ негровъ, слоновъ, львовъ—сопровождается надписью: «Аще и подъ солнцемъ, но черна есть тѣломъ, паче же грубымъ и гнуснымъ своимъ дѣломъ». Наконецъ, послѣдняя гравюра, съ фигурой пары инковъ, бобрами, черепахами и змѣями, предшествуя описанію Америки, повѣствуетъ, «что пользуетъ симъ множество богатства, егда не имутъ мудрости изрядства».

Въ книгѣ 426 страницъ. Она раздѣляется на «предъ-уготовление на географію» и на отдѣлы, называемые: ландкарта европейская, азіатская, африканская, американская и о незнаемыхъ земляхъ. Каждая ландкарта содержитъ описаніе всѣхъ странъ, входящихъ въ соотвѣтствующую часть свѣта. Въ концѣ книги помѣщена глава «о глобусѣ», содержащая главныя основанія математической географіи. По вопросу о вращеніи земли эта послѣдняя глава высказывается очень осторожно. «Солнце причиняетъ день, и понеже на свѣтѣ день и ночь мѣняются, того ради безъ сомнѣнія изъ того слѣдуетъ, что либо солнце съ фирментомъ, т. е. съ твердію небесною, или земля движутся. Ежели по человѣческому уму разсуждать, то, кажется имовѣрнѣе, что солнце стоитъ, а земля движется, ибо и т. д. И сей аргументъ защищаль и содержаль Ниволай Коперникъ, духовный человѣкъ въ Фрауенбургѣ въ прусахъ, что и нынѣ многіе приемятъ и онъ послѣдуютъ. Между тѣмъ, понеже именно въ священной библии написано, что солнце течетъ въ кругъ, а земля недвижима стоитъ, того ради святому писанію больше въ томъ вѣрить надлежитъ, нежели человѣческому мнѣнію. Сей же аргументъ особливо славный дацкій математикъ Тихо Браге хранилъ, чему и до нынѣ всѣ согласуются, которые святому писанію не охотно прекословятъ. Мы

(глаголетъ авторъ книги сея) согласуемъ мнѣнію Тихонскому и вѣримъ, что земля недвижима стоитъ, а противъ того весь фирмантъ непрестанно около земли обращается).

Изложеніе физической географіи стремится въ книгѣ къ большой образности. Напримѣръ, на вопросъ—какъ раздѣляется Италія?—дается отвѣтъ, что лучше при фигурѣ сапога остаться, а сапогъ раздѣляется на три части: верхняя—гдѣ отворотъ, средняя—голенища, и нижняя—ступень.

Яганъ Гибнеръ, авторъ этого «Земноводнаго круга» особенно интересуется нравами и свойствами жителей разныхъ странъ, а также ихъ учрежденіями. Описывая послѣднія, онъ старается, однако, отказываться отъ области «политики», «исторіи» и «генеологіи», но тѣмъ не менѣе, часто обращается къ историческимъ фактамъ, давая имъ живое и своеобразное освѣщеніе. Точный и оригинальный языкъ автора въ переводѣ приобрѣлъ особую образность и силу, свойственныя, несмотря на заимствованіе чужихъ словъ, языку Петровскаго времени. Характеристичны отдѣльныхъ народовъ, причемъ, конечно, наибольшее мѣсто отводится Европѣ, нерѣдко поразительны по своей вѣрности и умѣнью сочетать и выставить рельефно отличительныя свойства народнаго характера. Мѣткіе и рѣшительные приговоры чрезъ сто семьдесятъ лѣтъ не утрачиваютъ своего значенія и примѣнимости въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и въ настоящее время.

Вотъ какъ, напримѣръ, рисуетъ авторъ французовъ въ отвѣтъ на вопросъ о томъ, «какія жители обрѣтаются во Франціи?» «Сіи жители въ ученіи зѣло любопытны, въ экзерциціяхъ послѣшны, въ войнѣ высокоумны, храбры и скоропостижны, къ чужестраннымъ учтивы и вѣжливы, въ платьѣ перемѣнны и замысловаты, въ языкѣ своемъ искусны и благопріятны, королю своему вѣрны и во всѣхъ дѣлахъ скорую имѣютъ резолюцію». Если отбросить стертую рукою исторіи «вѣрность своему королю» и не поставитъ на счетъ храбрости французовъ ихъ поражений въ 1870—71 гг., отнеся ихъ, по всей справедливости, къ бездарнымъ «высокумнымъ» военачальникамъ и «скоропостижнымъ» политикамъ, имѣвшимъ слишкомъ «скорую резолюцію»,—то предъ нами будетъ живое изображеніе современныхъ французовъ со всѣми ихъ отличительными свойствами. Къ другимъ двумъ романскимъ націямъ «Описаніе земноводнаго круга» относится съ большею критикою. Отвѣтъ на вопросъ о «состояніи жителей гишпанскихъ» указываетъ, что «у оныхъ хвалятъ остроуміе ихъ и постоянство, а противъ того, хулятъ ихъ гордость и лѣнннство», что «особый языкъ ихъ съ латинскимъ во многомъ сходенъ и такимъ образомъ кажется, что оный отъ латинскаго родился» и что, наконецъ, «прѣзжія люди и иностранныя корчмами зѣло недовольны». Отмѣчено враждебное отношеніе испанцевъ къ французамъ: «между гишпанцами и французами природная ли или обыкшая антипатія состоитъ—о томъ еще и понынѣ диспутуется». Но что стоитъ внѣ спора—это экономическое истощеніе страны и ея малая населенность. «Гишпанія въ протчемъ гораздо столько жителей не имѣетъ, сколькобъ оная обнять могла, а причины ктому отчасти за воздухомъ (...сія земля гораздо жарчае, нежели Германія,—говорится въ другомъ мѣстѣ...), а отчасти за невременною любовію; также и ради безвѣрнаго множества духовныхъ, ради изгнанія мароновъ и для жестокой инквизиціи и для

многихъ оттуда переведенцевъ быть являются»... Къ малой населенности Испаніи авторъ возвращается и говоря о Франціи, въ которой «примѣчается въ лошадяхъ скудость; для того говоритца, ежелибъ въ Гишпаніи столько людей родилось, какъ во Франціи, а во Франціи столькобъ лошадей, какъ въ Гишпаніи, то бы обоямъ королевствамъ нужды не было».

Вѣрными чертами намѣчаются, такимъ образомъ, тѣ язвы, которыя разѣли организмъ богатой и когда-то вполне культурной страны и отодвинули ее на задній планъ исторической сцены. Политическая мудрость и благородная терпимость звучать въ этомъ перечисленіи причинъ паденія Испаніи и звучать въ то время, когда эти свойства вовсе еще не сдѣлались достояніемъ здраваго государственнаго управления. Достаточно припомнить, что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ произошло среди народа «имѣющаго скорую резолюцію» по поводу отмѣны Нантскаго эдикта въ 1685 году, когда «разослалъ король драгунъ своихъ гугенотовъ отъ вѣры ихъ обратитъ въ католицкую, чего ради нѣкоторые отреклись вѣры, дабы избѣять мученія, нѣкоторые же до смерти замучились, а многіи, оставя имѣнія свое и пожитки, поѣхали въ швейцары, въ голандію и англію, кромѣ тѣхъ кои въ севенскихъ горахъ пребываютъ и нѣсколько лѣтъ кальвинскую вѣру противъ королевскихъ войскъ шпатою обороняли, однакожъ мало имъ въ томъ удачи было». Авторъ книги, какъ мы увидимъ ниже, еще разъ возвращается къ вопросу о религіозной терпимости, говоря объ Испаніи. «Гишпанцы и французы служатъ мѣриломъ для оцѣнки итальянцевъ. Не можно лучше итальянскаго права описать, кромѣ что когда говорится: что у нихъ есть темпераментъ или природа между гишпанскою гордостью и французскою безпечальностью или веселостью». Разсаднику искусствъ и наукъ, озаренному свѣтомъ Возрожденія, отдается справедливость: «итальянская нація достойна похвалы, ибо они суть остроумны, понеже они въ музыкѣ, и въ архитектурномъ и въ живописномъ и въ протчихъ художествахъ и мудрыхъ искусствахъ предъ другими народами не мало превосходятъ». Но несимпатичныя свойства народа, пустившаго, между прочимъ, въ свѣтъ поговорку «*la vendetta é una meta ché e bisogna mangiare a freddo*» (мщеніе—кушанье, которое надо ѣсть холоднымъ), не ускользаютъ отъ автора. «Имъ (т. е. итальянцамъ) приписуется, говоритъ онъ, ревнованіе невѣдомо, либо за хулу или яко благочестіе, также и превеликое неприступное злопамятство». Забота о положеніи путешественниковъ сказывается и при описаніи Италіи, гдѣ «прежде всего отъ бандитовъ или разбойниковъ, а особливо внизу въ Неаполи зѣло опасно пріѣзжимъ бывало, однакожъ нынѣ оныя гораздо успокоены и утолены». Но особо лестнымъ мнѣніемъ Ягана Гибнера, а быть можетъ, и русскаго переводчика, украсившаго подлинный текстъ добродетельными прибавками (подобно тому, какъ съ очевидностью измѣненъ и сокращенъ, примѣнительно ко взглядамъ русскихъ читателей, текстъ отвѣтовъ о Россіи) пользуется излюбленная Петромъ Голландія. «Ремесло жителей оной есть купечество, которое въ Голландіи такъ возвысилось и весьма имовѣрно, что во всемъ свѣтѣ только кораблей не обрѣтается, сколько въ семъ маломъ государствѣ находится. И кто вѣдаетъ, что народъ оной зѣло правдивъ, простосердеченъ, трудолюбивъ, терпѣливъ, береженъ и саможелателенъ, тотъ не удивляется, что они въ

купечествѣ всѣхъ другихъ народовъ превосходить. Но при томъ необходимомъ купечествѣ не покидаетъ оныя и книжнаго ученія, которое у нихъ такъ въ землѣ той распространилось, что они многія иныя земли въ томъ посрамить могутъ». Эта характеристика получаетъ особую цѣну при сравненіи голландцевъ съ португальцами, «кои большое прилежаніе имѣютъ къ купечеству и торговлю во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта въ добромъ имѣютъ состояніи, — но также склонны ко всѣмъ добродѣтелямъ и порокамъ, которые съ симъ ремесломъ слѣдуютъ, а особливо учение тамо велми уничтожено, а во время мира можетъ быть и воинскую храбрость весьма позабыли».

Не менѣе голландцевъ нравится автору и населеніе Граубинденской земли (Граубюнденъ), гдѣ «зачинается рѣка Ренъ» и гдѣ «жители живутъ зѣло единодушно, мало знаютъ о излишнихъ роскошахъ и прихотяхъ и однимъ словомъ являются, якобы изъ стараго свѣта остались», — причемъ къ ихъ союзу относится и достопамятный городъ Семпахъ, «понеже тамо въ 1386 году достались естрейхерцамъ отъ швейцаръ немилостивые побой». Англіи посвящено въ «Земноводномъ кругѣ» много отвѣтовъ, въ которыхъ, по отношенію къ Ирландіи высказывается взглядъ, доннынъ раздѣляемый большинствомъ «благонамѣренныхъ» англичанъ, видящихъ въ великодушныхъ и мудрыхъ предложеніяхъ Гладстона чуть не проповѣдь полнаго государственнаго разложенія Британіи. «О жителяхъ Ирландіи мало добраго пишутъ, говорить Гибнеръ, — кромѣ того, что они къ работѣ лѣнны, къ тому же худыя и упрямыя люди, и понеже англичане усмотрѣли, что невозможно закоснѣлаго въ нихъ нрава премѣнить и исправить, того ради многихъ переведенцевъ изъ Англіи туда на житье отправили, а противъ того многими тысящами ірландцевъ другимъ potentатамъ поступились».

Самый краткій и жестокой отзывъ дается о небольшомъ государствѣ на юго-восточной границѣ Азіи и Европы, причемъ говорится, что земля въ немъ сама по себѣ весьма хороша, но жители «не гораздо добры, ибо хотя они больше въ христіанской вѣрѣ признаются, однако толь плохіе имѣютъ обычаи, что обыкновенно нѣкоторые дѣти отъ отца воровать научаются».

Сѣверъ Европы, Россія и внѣевропейскія страны описываются въ «Земноводномъ кругѣ» значительно короче западной Европы. Жители Давіи характеризуются какъ «учинившіеся толь искусны, что ни въ мирныхъ, ни въ военныхъ художествахъ другимъ европейцамъ не уступаютъ», а жители Норвегіи, какъ такіе «кои во всѣхъ своихъ дѣлахъ, поступкахъ и порядкахъ съ датчанами не сходны». Швеція соприкасается съ Россією чрезъ Лапландъ, сирѣчь Лаппія Швецика, гдѣ жители «зѣло дикія и суровыя и варварскія люди», причемъ «ради великія пустоты и не многихъ жителей завелись въ Лапландіи и ожились многія дикія звѣри, между которыми особливо елени знакомиты суть». Жители ближайшей къ російскимъ границамъ Финляндіи могутъ «гораздо снести стужу и иную тягость въ работѣ, того ради оныя угодны въ войнѣ бывають». Недалеко отъ Финляндіи, въ Игерманландіи, лежащей «между синусомъ финскимъ и Ладожскимъ озеромъ», находится и «Санктъ-Петербуркъ, крѣпость и купеческій городъ, который нынѣ царствующій монархъ Петръ Первый построилъ и отъ часу оный возрастаетъ и прибавляется, и въ красотѣ и силѣ своей процвѣтаетъ». Хотя Москва и

признается въ «Земноводномъ кругѣ» начальнымъ городомъ всей земли и столицей царскою и патриарха греческаго, но о «красотѣ и силѣ» ея ничего не говорится, а упоминается лишь, что городъ состоитъ «во многихъ тысячахъ домовъ, которая токмо изъ дерева и глины весьма бѣдно склеены, отъ чего и убытокъ великъ бываетъ, ежели когда нѣсколько тысячъ домовъ згорить». Въ этомъ приниженіи Москвы видна угодливая рука переводчика. Ему же, конечно, принадлежитъ и заявленіе, что въ Россіи «жители прежде сего не гораздо были искусны, но нынѣ царствующій государь Петръ Первый трудится, дабы оныя ѣздили въ инны страны и другимъ европейскимъ обычаямъ подражали и, обучаяся, навывкали». Съ разныхъ сторонъ русская земля окружена татарами, причѣмъ, хотя русскія границы «отъ самыхъ тѣхъ варварскихъ народовъ вполдлинно неразмѣрены, но новѣйшія географы разсуждаютъ, что крайнія границы русскія весьма не такъ далеке отдалены отъ Хины, нежели какъ оныя въ обычныхъ ландкартахъ означены бывають». «Описаніе Земноводнаго круга» перечисляетъ до 12 татарскихъ племенъ, живущихъ подъ разными наименованіями на русскихъ границахъ и, между прочимъ, «около рѣки Танаи, гдѣ живали древле храбрныя жены амазоны», и даже въ Украинѣ, недалеко отъ Кіева.. «толь далеко распространилась и разбѣлалась сія гадина».. Государству Хинскому, по предположеніямъ географовъ сопредѣльному съ Россією, посвящено довольно подробно описаніе. «Оная земля не можетъ довольно описана быть ради своего плодосіи и богатства въ золотѣ и каменіяхъ драгоцѣнныхъ. Прежде сего былъ въ той землѣ особливой государь, которой хинской цесарь назывался. Но въ 1630 году напали татары съ такою силою, что сіе неподобное государство подъ власть свою привели, и такимъ образомъ нынѣ нарочитая часть тартаріи и государство хинское одному владѣтелю подвержены, которой хинской царь и татарской ханъ вмѣстѣ называется. Новыя описанія повѣствуютъ, что сей царь между великою стѣною и тартарию на 100 миль землю весьма опустошить повелѣлъ, дабы никакое животное не могло тамо питатися и можетъ быть для того, чтобы ево другія татары иногда такимъ же образомъ въ Хинѣ не посѣтили, какъ онъ самъ учинилъ».

Африка полна «незнаемыхъ земель» и «неудобопаматныхъ королевствъ», а также разныхъ звѣрей, какъ-то долгихъ обезьянъ, драконовъ, т. е. зміевъ великихъ, львовъ, слоновъ и «струсовъ», коихъ и имъ подобныхъ такое множество при рѣкахъ находится, что никто не можетъ безопасно проѣхать. Жители тамошніе «суть всюду дикія и необходимыя люди; выше къ Медитеранскому морю еще оныя отчасти бѣлае, а которыя пониже тамо живутъ—оныя суть чернообразны; которыя живутъ въ верху, признаются въ махOMETанской вѣрѣ, но и христіане между нихъ находятъ, но оны больше христіанское имя носятъ, нежели дѣла отправляютъ; тѣже, которые къ западу при еіюпскомъ морѣ живутъ, городовъ не имѣють и никакого короля не знаютъ, но токмо скитаются вездѣ въ оной землѣ и не многимъ лутче звѣрей, а наипаче, что оныя человѣческое мясо жрутъ; въ землѣ своей называютъ они готентотевъ, а говорить языкомъ, подобно какъ у насъ куры кричатъ». Христіанскую вѣру исповѣдуютъ также цесарь и жители Муринской земли или Габесивни, но только «оная вѣра отъ европейской во многихъ вещахъ не сходна». Король этого государства «отъ африканъ

именуетца великой негуць; прежде сего въ простомъ народѣ назывался онъ священникъ Іоаннъ или Жанъ, но нынѣ отъ такого безумнаго имени отвыкли, ибо подлиннѣе о томъ увѣдомлены».

Судьбы туземцевъ Америки даютъ поводъ автору очертить въ отвѣтѣ на вопросъ—кому принадлежить Америка?—безчеловѣчную и близорукую политику испанцевъ послѣ открытія этой части свѣта. «Доколѣ земля сія отъ европейцевъ не найдена была, имѣла она въ разныхъ мѣстахъ особливыхъ своихъ королей. Но какъ гишпанцы сперва тамо прибыли, стали оны умышлять, какъ бы жителей тѣхъ искоренить и оную землю себѣ въ собственное владѣніе привлечь, что съ немалымъ свирѣпствомъ учинено. А папа, хотя свою учтивость и податливость оказать, подарилъ всю оную землю гишпанцамъ. Но языческія короли въ Америкѣ не мало тому смѣялись, что папа раздаетъ королевства чужія». «Земля она не подобна другимъ, а наипаче богата золотомъ и серебромъ—(говоря въ другомъ мѣстѣ о Калифорніи, авторъ, впрочемъ, высказываетъ мысль, что «мало тамъ каково прибитку ожидать (!) того ради о ней мало мы освѣдомы»), такъ что гишпанцы многія корабельныя флоты, нагружены серебромъ, оттолъ получали; ежелибъ они съ людьми тоя земли пріятнѣе поступили, то неисчетное-бъ богатство получили, но понеже они многіе миллионы людей немилосерднымъ образомъ погубили, того ради сами жители многія рудокопныя заводы разорили. Жители оныя были острога ума, что можно признать изъ многихъ ихъ искусныхъ вымысловъ»...

Въ заключеніе надо замѣтить, что авторъ относится съ большою осторожностью ко всѣмъ «празднымъ и нарочитымъ вымысламъ» и тщательно опровергаетъ въ своей книгѣ различныя легенды, связанныя съ тою или другою мѣстностью, или приписываемыя ей чудесныя свойства.

ЛXXXV. ОТРЫВКИ ИЗЪ КНИГИ: «ЗЕМНОВОДНАГО КРУГА КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ».

Предъуготовленіе на географію, по вопросамъ и отвѣтамъ предложенное.

Вопросъ. I. Что въ каждой ландкартѣ примѣчать должно?

Отвѣтъ. Три вещи твердо помнить надобно:

1. Како раздѣляется небо;
2. Како ландкарта положена быть имѣеть;
3. Како лице обратить.

II. Како раздѣляется небо?

1: На подобіе камары (или горницы) четвероугольныя потребно четыре страны небесныя разсуждать. По латинѣ сія страны или края называются пляги, или кардинесъ мунди.

- 1: Гдѣ солнце восходитъ, называется востокъ, латински—оріенсъ.

- 2: Гдѣ солнце заходитъ, называется западъ, латински—окцидентъ.
- 3: Гдѣ солнце днемъ о двенадцати часахъ стоитъ, называется полдень, латински—меридиесъ.
- 4: Что между западомъ и востокомъ напротивъ полудня, оное называется полуночь, латински—осцентрио.

Корабелники тѣ страны инако называютъ, что пригнѣчать должно:

- 1: Къ востоку называютъ по германскому остень.
- 2: Къ западу называютъ вестень.
- 3: Къ полудню зюнденъ.
- 4: Къ полуночи норденъ.

И потому четыре главные раздѣляются вѣтры, которыми латинскими языкомъ называются вѣтри кардиналесъ.

- 1: Ость вѣндъ, что отъ востока вѣтръ приходитъ, но латинѣ зверусъ или субсоланусъ.
- 2: Вестъ вѣндъ, что отъ запада приходитъ, но латинѣ—зефирусъ или фафониусъ.
- 3: Зюндъ вѣндъ, отъ полудни приходитъ, но латинѣ—нотусъ или аустеръ.
- 4: Нордъ вѣндъ, отъ полуночи приходитъ, но латинѣ—бореасъ или аквилю.

III. Како ландкарта положена быть имѣть?

1: Оную такъ положить, чтобъ положеніе ландкарты съ помянутыми четырьмя раздѣленіями небесными сходно было.

2: На многихъ ландкартахъ написаны по сторонамъ слова: ориентъ, окцидентъ, меридиесъ, септентрио. И не можетъ легче быть, кромѣ, что карту такъ положить, чтобы помянутыя четыре слова съ четырьмя сторонами свѣта сходны были.

3: А ежели сін слова выпущены, то хотя на ландкартѣ компасъ съ магнетною иглою написанъ, и тогда токмо можно карту такъ положить, чтобъ конецъ магнетной иглы къ сѣверу указывалъ, то исправно будетъ.

IV. Како же лице обратить?

1: Многіе учителя, повѣся ландкарту на стѣну, приступаютъ ко оной такъ, какъ свѣтъ лутче изъ окончинъ приходитъ.

2: А кто много учениковъ, а мало ландкартъ имѣть, и мѣста пространнаго нѣтъ, тамо и инако учинить не можетъ.

3: Между тѣмъ размышляя, что чрезъ то все положеніе земель премѣнится, и вниманіе мысли помѣшается, и тако все неудобно будетъ.

4: Того ради наилучше будетъ, когда ландкарта на столъ положится, а ученики лицомъ къ сѣверу всегда обращены бывають, понеже такимъ образомъ имѣемъ

Въ лицѣ сѣверъ	На задѣ полдень
На правой сторонѣ восходъ	На лѣвой западъ.

5: А буде иныя особливныя карты и неисправны, яко генеральная карта нидерманская: однакожь лутче слова иногда превратить, нежели чужія мѣста обращены будутъ.

1. Каковъ является свѣтъ?

1: Свѣтъ есть кругль, яко шарь. И тако мыслить себѣ должно, что и подъ нами живутъ люди, которыя ногами въ верхъ обрапцаются [гречески же нарицаются антиподы].

2: На картѣ кажется, яко бы шарь по поламъ разрѣзанъ, и обѣ части (или половины) вмѣстѣ лежать.

2. Что въ сей ландкартѣ примѣчается?

Зѣло бы много было примѣчать, однако болшая часть оставляется, пока къ деревянному придемъ глобусу, нынѣ же въ началѣ примѣчуются двѣ части:

1: Раздѣленіе всего земнаго круга.

2: Нѣкоторыя географическія слова, которыя въ разныхъ мѣстахъ въ ландкартахъ обрѣтаются.

3. Како весь земной кругъ раздѣляется?

Троякое раздѣленіе имѣеть:

1: Первое ученыя люди учинили, оно называется математическое раздѣленіе по латинѣ—дивизио обрисъ математика.

2: Второе отъ натуры учинилось, оно называется натуральное раздѣленіе, по латинѣ— дивизио обрисъ физика.

3: Третіе потентаты на свѣтѣ учинили, оно называется политическое раздѣленіе, по латинѣ—дивизио обрисъ политика.

4. Како ученые люди свѣтъ раздѣлили?

1: Оныя въ мысли около всего земнаго круга многія циркули и линей обвели.

2: И по правдѣ въ мысли, понеже на земли самой такихъ линей не обрѣтаются, но оныя токмо во умѣ состоять.

3: Всѣ сперва примѣчены быть не могутъ, того ради токмо нѣкоторыя изъ нихъ познать должно, безъ которыхъ въ послѣдующихъ главахъ обойтица не можно. Протчее же отлагается до главы о употребленіи глобуса.

5. Сколко того для о математическомъ раздѣленіи знать надлежить?

1: Около всего земнаго круга въ длину проведены кривыя линей, и оныя какъ въ верху такъ и въ низу въ мѣстѣ во единъ пунктъ сходятца, и гдѣ оныя соидутца, оной пунктъ или точка называется полюсь. Которыхъ суть два.

2: Одинъ къ полуноци или сѣверу, оной же въ ландкартѣ является въ верху, и называется полюсь арктикусь, а по немецки нордъ поль.

3: Другой къ полудню или къ югу, а въ ландкартѣ оной въ низу, и называется полюсь антарктикусь, по немецки зюдеръ поль.

4: Въ срединѣ сквозъ свѣтъ проходитъ прямая линеа, оная отъ ученыхъ экваторъ или линеа равноощная, а отъ корабелщиковъ просто линеа называется.

5: На сей линей много малыхъ местечекъ размѣчено, которыя на-

зываются градусами, и каждой градусъ содержитъ на земли 15 немецкихъ миль.

• 6: И понеже кругомъ всего свѣта 360 такихъ градусовъ, что учинить 5400 немецкихъ миль, того ради сія есть величина всего свѣта въ округлости.

7: Оныя же градусъ раздѣляется потомъ въ 60 минутъ, и того для одна минута придетъ на четверть мили, а 4 минуты учиняютъ цѣлую немецкую милю.

8: Такія минуты обычайно на спеціальныхъ или особыхъ картахъ объявлены, и того для градусовъ съ минутами перемѣнять не надобно.

6. Какое раздѣленіе натура учинила?

1: Понеже Богъ единожды при сотвореніи свѣта повелѣлъ, да соберется вода, аже есть подъ небесемъ, въ собраніе едино, и да явится суша, того ради натура и до сего часа при томъ раздѣленіи осталась.

2: И тако въ нынѣшнее время весь свѣтъ состоитъ въ землѣ и въ водѣ, которое около всего земнаго круга чуднымъ образомъ смѣшано.

7. Како раздѣляется земля?

1: Земли лежатъ вездѣ разсѣяны, и хотя въ нынѣшнемъ времени корабельное плаваніе такъ въ совершенство пришло, что мы изъ зѣло дальнихъ мѣстъ подлинную вѣдомость получить можемъ, однако обрѣтаютца индѣ цѣлыя провинціи, которыя отъ части для стужи, а отъ части для свирѣпыхъ жителей еще ни отъ кого осмотрѣны быть могутъ.

2: А понежѣ въ сихъ послѣднихъ временахъ великія земли найдены, о которыхъ на предѣ сего не вѣдомо было: того ради можно вѣрить, что и нынѣ еще многія земли обрѣтаются, которыхъ понинѣ еще не видали.

3: И такимъ образомъ находятца вѣдомыя и не вѣдомыя земли.

8. Которыя суть вѣдомыя земли?

1: Оныя суть четыре большія части свѣта, которыя натура сама смѣшаніемъ водъ раздѣлила.

Европа, въ которой мы живемъ, лежитъ къ сѣверу, и оная есть меньшая часть.

Азія лежитъ къ востоку, и оная есть большая часть.

Африка къ полудню, она же и жарчайшая.

Америка къ западу есть богатѣйшая страна.

2: Первые три части, а имено: европа, азія, африка, изъ древнихъ временъ знаемы были, того ради оныя купно называются старои свѣтъ.

3: Америка же токмо предѣ 100 годами обрѣтена, того ради обычайно новой свѣтъ называется.

11. Какое раздѣленіе потентаты учинили?

1: Всѣмъ свѣтомъ никогда одинъ не владѣлъ, но многія области во ономъ раздѣлялися: того ради имѣемъ нынѣ цесарства, царства, коро-

левства, курфирства, княженія, герцогства, марграфства, ландграфства, бургграфства, графства, владѣтельства, архіепископства, епископства, игуменства, пробскія владѣнія, и прочая.

2: И въ семь политическомъ раздѣленіи обычаино границы субтелными, и едва межъ собою не связанными точками означены, которыя потомъ красками раздѣвлены бывають, дабы оныя наилутче и внятнѣе примѣчались.

3: Однако сіе раздѣленіе на всемъ земномъ кругѣ не является, но оныя имѣють въ послѣдующихъ главахъ на разныхъ ландкартахъ со временемъ показаны бытъ.

О ландкартѣ европейской.

1. Какія границы имѣеть Европа?

Европа едва не вся водою окружена, токмо по-зади ко азіи землю смежна; границы за подлинно еще не поставлены, однако разпространяють многіе географы сію часть свѣта до рѣки оби, которая отъ сѣвера, и даже до рѣки волги, которая послѣди къ югу, и такимъ образомъ на ландкартѣ внизъ течеть.

2. Како раздѣляется Европа?

Наилучше можно раздѣленіе примѣтити, когда европу, яко сѣдѣющую дѣвицу, размышлять кто станетъ.

1: Фантанъ, есть Португаль. 2: Лице то Испанія. 3: Груды то Франція. 4: Лѣвая рука, то англія, шкочія и ірландія. 5: Правая рука, италія. 6: Подъ лѣвою рукою лежитъ Нидерландія. 7: Подъ правою рукою лежать швейцеры. 8: Къ тѣлу надлежать: цесарія, полга, и венгеры. 9: Колѣни, то данія, норвегія и швеція. 10: Одежда до ногъ есть московское государство. 11: Позади же еще останутца европейскія турки и греческая земля. 12: Острова около европы всегда къ ближнимъ землямъ причитаются.

О ландкартѣ гишпанской.

1. Что на сей картѣ является?

Все королевство гишпанское, по латинѣ гіспанія, по-француски эспань, которое много иныхъ королевствъ и провинцій въ себѣ содержитъ, которыя всѣ на сей картѣ такъ явственнo означены, что шпеціальной карты не потребно будетъ.

2. Какое положеніе мѣста испанія имѣеть?

1: Отъ германіи лежитъ оная къ западу, и понеже отъ италіанцовъ также лежитъ. Того ради латинскія стихотворцы назвали оную гесперія, можетъ бытъ отъ звѣзды вечернія, которая латински гесперусъ называется.

2: А когда греческія авторы имя гесперія употребляютъ, то они

чрезъ то італію разумѣвають, ибо оная отъ греческой земли также къ западу лежитъ.

3: А сама въ себѣ съ провинціями вдоль и поперегъ такое положеніе имѣетъ, что вся земля еще отъ старыхъ географовъ разпростертой телячей кожѣ уподоблена была.

3. Какія границы іспанія имѣетъ?

Въ верху и внизу, то есть къ сѣверу и къ югу окружена водою, а по лѣвую сторону и по правую, то есть къ западу и востоку, смежна съ другими государствомъ.

6. Какова сосѣда имѣетъ гишпанія по лѣвую сторону?

Сосѣдемъ есть король португалской, которой 1703 вступя въ аліанцію съ высокими союзники противъ гишпаніи, вездѣ тую обезпечить можетъ, а противъ того для пограничныхъ горъ, и португалскихъ своихъ крѣпостей мало опасатся имѣетъ.

7. Какова сосѣда имѣетъ гишпанія по правую сторону?

1: Тамо есть король французской, и хотя сія оба королевства, а имянно французское и гишпанское яко бы каменною стѣною натура разлучила, то есть пиринейскими горами, которыя отъ одного моря до другаго продолжаются, и для непрестанного свѣга съ великою трудностію проходими бывають.

2: Однако, когда въ прежнемъ времени гишпанцы съ французами между собою такъ озлоблены были, что являлось аки бы природная ненависть между оними обѣими народами вкоренилась: Того ради въ то время Французы иногда со всею армеею чрезъ оныя горы переходили.

3: Нынѣ же та злоба между обѣими націями окончается ли. Понеже французской принцъ на гишпанской престолъ вступилъ, то въ предъ объявится, между тѣмъ еще въ 1660 году, послѣ пиринейскаго мира за твердо поставлено было, чтобъ славной горѣ капо де креиць, лат.: промонторіумъ круцись, границѣ быть.

28. Какова состоянія жители гишпанскія?

1: Хвалятъ у оныхъ остроуміе ихъ, и постоянство, а противъ того хулятъ гордость ихъ, лѣнливство: а особливо проѣзжія люди и иностранныя гишпанскими корчмами зѣло не довольны.

2: Оныя имѣютъ особон свой языкъ, съ латинскимъ во многомъ сходень, и такимъ образомъ кажется, что оны отъ латинскаго родилса.

3: Что между гишпанцами и французами природная ли или обыкшая антипатія состоятъ; о томъ еще по нынѣ диспутуются.

4: Въ протчемъ гишпанія гораздо столко жителей не имѣетъ, сколько бѣ оная обнять могла, а причины ктому отъ части за воздухомъ, а отъ части за невременною любовію: Также и ради безмѣрнаго множества духовныхъ, ради изгнанія марановъ, и для жестокой инквизиціи, и для многихъ оттуду переведенцовъ быть являються.

29. Какая вѣра въ гишпаніи?

1: Всѣ сряду имѣють римскую католицкую вѣру, за 200 лѣтъ было тамо и жидовъ и срацивъ много. Но единожды въ лѣто 1492, а вторично въ лѣто 1610, оныя миліонами выгнаты оттоль.

2: Не за долго предъ реформаціею, и духовной судъ, по гишпански инквизиціонъ называется, отъ Фердинанда католика въ ішпаніи зачался, отъ котораго щастливо, или болше несчастливо препона учинилась, что свѣтъ евангельскія истинны никогда въ гишпаніи просіяты могъ.

30. Кому всѣ сія земли надлежать?

1: Прежде сего подъ властію единого короля были, ktorои въ королевствахъ вице королеи, а въ другихъ провинціяхъ губернаторовъ своихъ имѣлъ, и оныхъ обычаино по вся три года перемѣнялъ, а нынѣ споруются оба дома аустрійской и анжуской о сей великой монархіи, и въ нынѣшнемъ 1711-мъ году анжуская партія гораздо перетягала.

2: Обстоятельства о соединеніи толь многихъ земель касаются къ гисторіи, собственное обстоятельство правительства въ политикѣ обрѣтается, а вѣдѣніе о королевскомъ домѣ надлежитъ въ генеалогію.

О ландкартѣ італіанской.

1. Какое положеніе имѣеть італія?

Италія есть узкая да долая часть земли, которая на медитеранское море простирается. И въ ландкартѣ на подобіе сапога является.

Въ верху касается германіи, къ швейцаріи и къ Франціи, а около вездѣ окружена водою.

Вода, которая около італіи обрѣтается въ верху, называется дичу-стиское море, понеже геневская страна, гдѣ море сіе идетъ, прежде сего лигурия имяновалась.

А которая въ низу окружилась, называется море тосканское, или ширенское, понеже та страна, гдѣ сіе море касается, и которая нынѣ тоскана слыветъ, прежде сего ширенія называлась.

Вода, которая надъ італіею подобно великому морю, и называется обычаино голфо ди венеція, или море адриатическое. Понеже въ верху недалече отъ венеціи лежитъ городъ адриа, ktorои прежде сего такъ славенъ былъ, что и море оное отъ того прозваніе себѣ получило.

3. Коль велика можетъ быть італія?

Въ длину отъ швейцаръ даже до низу учинить около 200 немецкихъ миль. А ширина различна есть, въ верху учинить 140 миль. А въ низу на нѣкоторыхъ мѣстахъ на силу 30 или 40 немецкихъ миль.

4. Какое состояніе італіанская земля имѣеть?

Въ верху, гдѣ швейцаріи и Франціи касается, тамо суть превеликія

горы, которыя генерално алпы, или швейцарскія горы называются, а по латинѣ алпесъ.

Потомъ зачинается отъ алповъ алпенская гора, лат: монсъ алпеніусъ, и продолжается сквозь всю италію.

Въ протчемъ италія есть преизрядная земля во всемъ свѣтѣ. И ради неподобнаго и многаго своего плодоносія въ винахъ, и въ протчихъ сладостяхъ по правдѣ рай сего свѣта называется токмо хлѣба гораздо столько неродится, нежели какъ жители удовольствованы быть могутъ. Однако недостатокъ оной исправляютъ, и привозятъ, какъ изъ цолши, такъ и изъ африки хлѣба довольно.

5. Какова состоянія суть жители оныя?

Италіанская нація достойна похвалы, что они суть остроумны. По-неже они въ музыкѣ и въ архитектурномъ и живописномъ художествахъ, и въ протчихъ мудрыхъ искусствахъ предъ другими народы не мало превосходятъ.

При томъ приписуетца имъ ревнованіе не вѣдомо, либо за хулу, или яко благочестіе также и превеликое непристужное злопамятство.

Прежде сего отъ бандитовъ или разбойниковъ въ италіи, а особливо въ низу въ неаполи зѣло опасно пріѣзжимъ бывало, однакожъ нынѣ оныя гораздо успокоены и утолены.

Въ протчемъ не можно лучше италіанскаго нрава описать, кромѣ что когда говоритца. Что у нихъ есть темпераментъ или природа между гишпанскою гордостію и французскою безпечалностію, или веселостію.

6. Какая вѣра есть во италіи?

Вездѣ тамо есть римская католицкая вѣра. И къ тому удостоена земля сія, что глава римскаго католицкаго сонмища, и зовомой викаріи, или намѣстникъ христовъ—непремѣнно тамо резиденцію свою имѣетъ.

Однако, не смотря на то ни гдѣ столько легкомысленныхъ и безчинныхъ въ римской католицкой вѣрѣ поступокъ не бываетъ, какъ въ самой италіи.

Удивительножъ и сіе, что въ самомъ римѣ жида вѣру свою отправлять могутъ, а реформатамъ того не позволено.

Въ долинахъ между алпейскихъ горъ хороняся живали, прежде сего нѣкоторыя имянуемая валдензы, которыя гораздо сходны къ реформацкой вѣрѣ. Но потомъ хотя немилостиво оныхъ изъгоняли. Однако не великая частица и до нынѣ оныхъ тамъ осталась.

7. Кто владѣетъ въ италіи?

Во время христова рождества имѣлъ городъ римъ не токмо надъ италією, но и едва не всѣмъ свѣтомъ владычествовать и повелѣвать.

И такимъ образомъ была италія тогда началнѣйшая провинція римскаго государства. Потомъ пришли въ 5-мъ, 6-мъ, 7-мъ, и въ 8-мъ сѣлахъ готы, гуны, герулы, лонгобарды, и протчія варварскія народы

во італію, которыя опустоша все учинили тѣмъ западному римскому государству жалостной конецъ.

Но когда послѣ того времени сія изрядная земля помощію немецкихъ цесарей отъ оныхъ невѣжливыхъ гостей освободилась, зачались тамъ со временемъ разныя королевства, герцогства и волныя республики.

Въ первыхъ папа свою часть имѣеть, потомъ имѣеть цесарь своихъ удѣльныхъ начальниковъ, такъ же король гишпанской имѣеть тамъ свою порцію, или долю.

Въ прочемъ многія обрѣтаются самовластныя князи, и республики, о которыхъ ниже сего вскорѣ объявлено будетъ.

8. Како раздѣляется італія?

Лутче при фигурѣ сапога остатся, а сапогъ раздѣляется въ три части.

1: Верхняя часть—гдѣ отвороты.

2: Средняя часть—голенища.

3: Нижняя часть—ступень такимъ образомъ раздѣляемъ и італію въ три части.

I: Верхняя часть італіи около рѣки Поа.

II: Средняя часть італіи около рѣкъ арна и тибера.

III: Нижняя часть італіи весьма въ низу, а понеже около італіи многія острова обрѣтаются, того ради еще прилагается.

ЛХХХVI. ПОЛОЖЕНІЕ НАРОДА ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ И ПОСОШКОВЪ.

(Изъ соч. Водовозова: «Очерки изъ русской исторіи XVIII-го вѣка»).

Преобразованія, начатыя Петромъ, стоили большихъ жертвъ народу. Эти жертвы ложились на всѣ сословія, но всего болѣе на крестьянъ. Отъ сельскихъ общинъ, во-первыхъ, постоянно требовали рабочихъ, которые нужны были при постройкѣ многочисленныхъ укрѣпленій на границѣ и въ Петербургѣ, въ губерніяхъ Азовской, Кіевской, Воронежской,—при постоянномъ, усиленномъ судостроеніи близъ Воронежа, въ Московской губерніи, гдѣ приготавливали суда для сплава казенныхъ запасовъ, въ Архангельскѣ, въ Олонцѣ, въ Петербургѣ. Въ Казанской губерніи поселяли плотниковъ и пильщиковъ, чтобы готовить запасы для флота. Многочисленные плотники, каменщики и всякіе другіе ремесленники были собираемы со всей Россіи для поселенія въ Петербургъ. Въ продолженіи многихъ лѣтъ въ Петербургъ высылали до 40000 рабочихъ ежегодно; при этомъ взыскивали съ народа деньги на ихъ содержаніе. Обыкновенно брали по одному рабочему съ извѣстнаго числа дворовъ; но отъ дурнаго содержанія, отъ различныхъ притѣсненій, отъ непривычки къ новымъ, труднымъ работамъ, многіе изъ нихъ разбѣгались или умирали, и общины должны были постоянно возобновлять недостающее число. Число бѣглыхъ наконецъ такъ увеличилось,

Русск. хрѣт., III.

что царь нашелъ болѣе удобнымъ, вмѣсто обязательной высылки рабочихъ, обложить общины извѣстною податью, а работы производить по найму, черезъ подрядчиковъ.

Другою повинностью была рекрутчина. По причинѣ постоянныхъ войнъ и трудныхъ походовъ, при Петрѣ особенно часто происходили рекрутскіе наборы. Брали съ 50 и даже съ 20 дворовъ по рекруту; на ихъ содержаніе собирали деньги съ помѣщиковъ, общинъ и торговыхъ людей. При громадномъ количествѣ бѣглыхъ и умирающихъ, и здѣсь приходилось пополнять постоянный недочетъ въ арміи.

Царь изобрѣталъ все новые способы для увеличенія войска. Бѣжавшіе отъ помѣщиковъ не выдавались, если шли въ солдаты; принимали воровъ и бездомныхъ бродягъ; брали въ рекруты изъ дворовыхъ и работниковъ, служившихъ у купцовъ, изъ дѣтей духовенства, изъ ямщиковъ, изъ приказныхъ и подъячихъ. Для флота выбирали матросовъ изъ людей, которые въ сѣверномъ краѣ занимались промыслами на морѣ и на озерахъ. Громадная издержка на флотъ и сухопутное войско требовали все новыхъ налоговъ. Царь особенно награждалъ людей, умѣвшихъ увеличить казенные доходы. Придумывали для этого всевозможные способы. Для просьбъ; для всякихъ дѣлъ съ казною, стали продавать клейменую (гербовую) бумагу; обложили пошлинами и всякія записи, договоры, условія, сдѣлки.

Казна получала значительныя деньги, продавая отъ себя вино, соль, табакъ. Многіе предметы промысловъ и торговли отдавались на откупъ. Такъ, отдавались съ торговъ рыбныя ловли, постоянныя дворы, торговныя пристани, мельницы, мосты, перевозки, пчельники, бани. Если же и дозволяли этимъ дѣломъ промышлять каждому, то не иначе, какъ съ уплатою пошлинъ. Въ Москвѣ устроены были заставы, гдѣ брали со всякаго воза небольшую пошлину. Мастеровые, плотники, каменьщики, хлѣбники платили по двѣ гривны. Налогъ на бороды состоялъ въ слѣдующемъ: со служилыхъ, торговыхъ и посадскихъ брали по 60 руб. въ годъ, съ богатыхъ купцовъ — по 100 руб., съ боярскихъ людей и ямщиковъ — 30 руб., съ крестьянъ — по 2 деньги лишь при каждомъ вѣздѣ и выѣздѣ изъ города. Царь придумалъ и подать на дубовые гробы, которые продавались четверо дороже противъ обыкновенной цѣны. Были и разныя мелкія повинности. Такъ, каждый пріѣзжавшій въ Москву крестьянинъ долженъ былъ привезти съ собою и сложить у заставы три камня для мостовыхъ и построекъ. На болѣе богатыхъ купцахъ и помѣщикахъ лежала особая повинность — строиться въ Петербургѣ. Сначала они обязаны были строить себѣ дома на Петербургской и по лѣвому берегу Невы (по нынѣшней Милліонной), а потомъ на Васильевскомъ островѣ. Строишіе должны заготовлять и извѣстное количество кирпичей. Кромѣ всего этого своимъ чередомъ шла съ дворовъ обыкновенная подать на содержаніе войска и другія государственныя нужды. Эту подать взимали по старымъ переписнымъ книгамъ, въ которыхъ значились дворы, уже давно не существовавшіе. Помѣщикъ долженъ былъ иногда платить за 100 дворовъ, когда у него было ихъ менѣе 50. Взыскивая деньги съ крестьянъ, онъ доводилъ ихъ до совершеннаго разоренія, и они у него разбѣгались. Послѣ этого и самъ онъ спасался бѣгствомъ, боясь ответственности за невысланныя деньги. Напротивъ, богатые помѣщики укрывали настоящее число дворовъ и платили меньше. Тогда Петръ прива-

заять сдѣлать новую перепись народа и завести метрическія книги. Къ концу царствованія, послѣ сдѣланной ревизіи, онъ приказалъ брать, вмѣсто прежней подворной, подушную подать: съ каждой ревизской души по 80 копейекъ. Купцы, не участвуя въ рекрутской повинности, вносили, кромѣ другихъ податей, по 100 руб. за каждого рекрута, котораго, по расчету, пришлось бы имъ поставить. Новые порядки не поправили дѣла: помѣщики укрывали число людей, какъ прежде дворы; изъ того, что чиновники собирали съ народа, и третьей части не попадало въ казну. Недоимки все болѣе возрастали: обыкновенно казна получала не болѣе половины того, что предполагала получить по росписи доходовъ. Кто не могъ заплатить, отработывалъ свой долгъ въ Петербургѣ или въ другомъ мѣстѣ. Все это давало поводъ враждебнымъ Петру людямъ толковать: «Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ напустилъ этого царя на царство, мы и свѣтлыхъ дней не видали: все рубли да полтины, да подводы. Это міроудъ—весь міръ переѣлъ, переводить добрыя головы, а на него, кутилку, и переводу нѣтъ». А одинъ попъ, искажая новый титулъ государя, объяснялъ: «Имперетеръ, потому что людей перетеръ».

Но какъ ни тягостны были всѣ указанная нами повинности, большая часть изъ нихъ устанавливалась временно и при томъ для возвышенія государства, для распространенія науки. Гдѣ возможно, Петръ облегчалъ эти тяготы, прощая недоимки за многіе годы. Конечно, нѣкоторыя изъ придуманныхъ имъ податей и повинностей могли быть очень стѣснительными и вредными для промышленности и торговли; но надо помнить, что въ то время еще не знали другихъ средствъ получать деньги, какъ, напримѣръ, нынѣ, путемъ кредита. Надо удивляться, какъ могъ Петръ сдѣлать такъ много, имѣя съ государства доходу около 3 милл. рублей, а въ послѣдній годъ царствованія лишь 10 милліоновъ рублей на тогдашнія деньги. Важнѣе то обстоятельство, что исполнители воли Петра страшно злоупотребляли своею властію, и съ этимъ стариннымъ зломъ царю было трудно бороться. Раскрывались такія дѣла. Рабочихъ и рекрутовъ, при пересылкѣ, держали въ кандалахъ, по острогамъ, часто безъ обуви и безъ пищи. Присвоивали себѣ назначенныя на нихъ кормовыя и пересылочныя деньги, и, гдѣ нужно было везти ихъ на подводахъ, гнали ихъ пѣшими. Тоже видимъ при сборѣ податей, при воинскихъ постояхъ. Различныя власти имѣли свой судъ, свои канцеляріи, своихъ служителей, и всѣ думали о наживѣ, укрывая грабителей, вымогая, что можно было взять, всякимъ обманомъ. Петру не разъ приходилось издавать такіе указы: «Извѣстно учинилось, что возрастаютъ на всенародную тягость великія неправды и грабительства, и тѣмъ многихъ чиновъ люди, а особенно крестьяне, приходятъ въ раззореніе и бѣдность... то, чтобы не дерзали никакихъ казенныхъ посуловъ и съ народа собираемыхъ денегъ брать торгомъ, подрядами и прочими вымыслами. Кто это сдѣлаеть, будетъ весьма жестоко на тѣлѣ наказанъ, всего имѣнія лишентъ, шельмованъ и смертью казненъ».

Понятно, что при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ число бѣглыхъ должно было увеличиваться, хотя многіе бѣжали въ скиты и отъ грѣха, какой видѣли во всякой новизнѣ, многіе скрывались и отъ обычной русскому человѣку лѣни. Такъ однажды изъ Москвы и изъ другихъ

мѣсть бѣжало до 20000 человекѣ рекрутѣ и рабочиѣхъ. Кромѣ раскольниковѣ, бѣглецы находили пріютѣ въ Польшѣ, или у малороссійскихѣ и донскихѣ казаковѣ; не рѣдко они собирались въ большія разбойничьи шайки въ 200 и болѣе человекѣхъ и свирѣпствовали около Москвы, въ петербургской губерніи (гдѣ однажды собралась шайка въ 9000 человекѣхъ), на псковской границѣ и на всемѣхъ пространствахъ отъ Пскова до Ярославля. Они нападали на усадьбы, жгли и грабили безъ пощады. Такѣ, въ названныхъ нами мѣстахъ разорено около 100000 дворовѣхъ. Бѣглыхъ жестоко наказывали, ссылали на каторгу, обѣщали имѣ прощениѣ, если возвратятся: все это мало помогало. Однако, внутри Россіи дѣло ограничивалось разбоями: здѣсь хотя и недостаточно было войска, чтобы изловить всѣхъ разбойниковѣхъ, но довольно, чтобы не допустить народѣ до возмущенія. Не то происходило на окраинахъ, въ Астрахани и на Дону. Въ Астрахани началась смута въ 1705-мѣ году вслѣдствіе толковѣхъ завѣжныхъ купцовѣхъ и стрѣльцовѣхъ. Говорили, что въ Казани по дворамъ безчинствуютъ нѣмцы, оскорбляя женщинѣхъ, что этихъ нѣмцевъ нашьютъ и въ Астрахань, и выдадутъ за нихъ всѣхъ астраханскихѣхъ дѣвицѣхъ. Въ испугѣ астраханцы въ одинѣ день сыграли сто свадебѣхъ. Они пугались также *кумирскихѣхъ боговѣхъ*, какіе заводятъ нѣмцы и подражавшіе имѣ русскіе. Велѣно разыскать, что это за кумирскіе боги, и оказалось, что это болваны, на которыхъ расправляютъ и сохраняютъ парики для сбереженія. Но главнымъ виновникомъ зла былъ воевода Ржевскій. Вводя новые обычаи, онѣ жестоко притѣснялъ и оскорблялъ народѣхъ. Обрѣзывали полы платьѣхъ тѣмѣхъ, кто входилъ въ церковь въ старинной одеждѣ; вырывали пщипцами бороды съ мясомѣхъ. Астраханцы жаловались: «Съ насѣ берутъ по рублю банныя деньги, съ погребовѣхъ со всякой сажени по гривнѣ, завели причальныя и отвальныя пошлины. Привези хворосту въ лодкѣхъ хоть на шесть денегѣхъ, а привальнаго заплати гривну». Народѣхъ, наконецъ, не вынесъ: ночью ворвался въ кремль и убилъ Ржевскаго вмѣстѣ съ нѣсколькими нѣмцами. Подѣ руководствомъ ярославскаго купца Носова, астраханцы устроили у себя казацкое управленіе; къ нимѣ присоединились жители Чернаго и Краснаго Яра на Волгѣхъ. Петръ послалъ противъ нихъ Шереметьева съ войскомѣхъ. Этотѣ осадилъ Астрахань и вступилъ въ переговоры съ мятежниками, обѣщавъ имѣ прощениѣ, если покорятся. Одинѣ изъ приближенныхъ царя писалъ по этому случаю: «довольно я съ ними толковалъ; всѣ кажутся вѣрны и мужики добрые; а намѣхъ лучшіе воры немного вѣрятъ, только и въ насѣхъ не безъ воровѣхъ бывало». Астраханцы упорствовали, пока Шереметьевъ не началъ стрѣлять въ городѣхъ ядрами. Тутѣ они покорились, и болѣе 350-ти человекѣхъ изъ нихъ казнены или погибли въ тюрьмахъ. Другое возмущеніе, на Дону, произошло въ 1707-мѣ году. Уже давно въ сѣверной части Донской области, по рѣкамѣхъ Медвѣдицѣхъ, Хопру, Донцу селились бѣглецы изъ московскаго государства. При Петрѣхъ эти поселки стали особенно людными. Жители ихъ называли себя казаками, подчинялись казацкому управленію въ Черкасахъ, но отличались отъ болѣе зажиточныхъ и знатныхъ казаковѣхъ тѣмѣхъ, что всегда готовы были враждовать съ Москвою. Въ 1707 году Петръ отправилъ на Донъ Юрія Долгорукаго разыскивать въ этихъ городкахъ бѣглыхъ. Казацкіе старшины приняли его съ честью и дали ему провожатыхъ; но когда Долгорукій началъ свое дѣло, атаманъ съ одной станицы на Донцѣхъ, Кондра-

тій Булавинъ, напалъ на него и убилъ его, истребивши весь его отрядъ. Булавинъ сталъ возмущать населенные бѣглыми городки и задумалъ, привлекая на свою сторону все казацкое войско, взять Азовъ и Таганрогъ, идти на Воронежъ, а потомъ и на Москву. Дѣло началось для него неудачно. Войсковой атаманъ Максимовъ разбилъ его шайку и перевѣшалъ его сообщниковъ. Булавинъ бѣжалъ въ Запорожье, и на слѣдующій годъ явился съ новою дружиной. Теперь удалось ему поднять все населеніе мелкихъ городковъ; повсюду разсылалъ онъ грамоты, призывая народъ идти за вѣру противъ князей, бояръ и нѣмцевъ. Скоро собрались огромныя шайки подъ начальствомъ разныхъ сообщниковъ Булавина, каковы были: Хохлачъ, Голый, Рваный. Они распространяли и въ сосѣднихъ мѣстахъ Россіи такія воззванія: «Вы, голутьба, идите со всѣхъ городковъ, конные, пѣшіе, босые и нагіе! Будутъ вамъ кони и оружіе, и платье, и денежное жалованье. Мы стоимъ за правую вѣру». Булавинъ скоро одолѣлъ Максимова и взялъ Черкасы. Собравшіеся казаки теперь избрали его своимъ атаманомъ, а Максимовъ, по приговору ихъ, былъ обезглавленъ. Но успѣхи новаго атамана продолжались не долго. Царь выслалъ противъ него Василія Долгорукаго, брата убитаго Юрія, и велѣлъ безъ пощады жечь и истреблять всѣ поселенія булавинцевъ, а ихъ самихъ вѣшать, колесовать, четвертовать и проч. Царскія войска вездѣ безъ труда разбивали нестройныя казачьи толпы; попытка Булавина взять Азовъ тоже не удалась. Видя, что дѣла идутъ плохо, казаки скоро отъ него отступились и уже рѣшили выдать его Долгорукому. Булавинъ встрѣтилъ съ оружіемъ посланныхъ противъ него людей, но не въ силахъ былъ имъ противиться и застрѣлился изъ пистолета. Волненіе еще продолжалось въ сѣверныхъ частяхъ Донской области, такъ какъ жители тутъ не ждали себѣ никакой пощады. Долге другихъ сопротивляется Голый, но и его шайка, наконецъ, совершенно истреблена. Одинъ изъ атамановъ, Некрасовъ, съ 2000 казаковъ, бѣжалъ на Кубань, подъ покровительство крымскаго хана. Къ нему спасались и другіе казаки. Число *некрасовцевъ* впоследствии очень увеличилось. Они жили на Кубани, пока, въ царствованіе Екатерины II, не былъ завоеванъ Крымъ и все побережье Чернаго моря. Тогда они переселились въ Турцію.

Рядомъ съ этими неурядицами мы встрѣчаемъ и примѣры, что наука, которую вводилъ Петръ, была разумно принята и усвоена людьми изъ народа. Чтобы она принесла для народа свои плоды, приходилось ждать еще долго, тѣмъ болѣе, что объ образованіи низшихъ классовъ и вовсе не думали. Но постройка судовъ, распространеніе фабрикъ, сближеніе съ иностранцами, — все это не могло не возбуждать народный умъ, и болѣе смысленные люди уже во время Петра выступаютъ замѣчательными самоучками. Таковъ былъ Посошковъ, «убогій мірянинъ села Покровскаго». Научившись грамотѣ, онъ своимъ находчивымъ, изобрѣтательнымъ умомъ сталъ извѣстенъ сначала нѣкоторымъ изъ знатныхъ лицъ, а потомъ и царю, который поручилъ ему дѣлать «огнестрѣльные рогатки», на которыхъ класть бы ружья, чтобы стрѣлять залпомъ. Посошковъ пускался въ разные промыслы, имѣлъ подъ конецъ жизни своей винный заводъ, земли близъ Новгорода и могъ уже давать до 1000 рублей на образованіе сына, котораго отправилъ за границу. Онъ писалъ разныя сочиненія; но особенно извѣстенъ своею книгою:

«О скудости и богатствѣ», которую представилъ царю не задолго передъ его смертью. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Петра, Посошкова, неизвѣстно за что, заключили въ Петропавловскую крѣпость. Здѣсь онъ и умеръ въ 1726-мъ году. Посошковъ не учился никакимъ наукамъ, но съ необыкновенной смѣтливостью перенималъ все, что видѣлъ. Онъ становится послѣдователемъ, ревностнымъ ученикомъ Петра. Въ своей книгѣ «О скудости и богатствѣ» онъ повторяетъ многое, что мы находимъ въ царскихъ распоряженіяхъ и указахъ. Онъ предлагаетъ улучшения, подаетъ совѣты, какъ это дѣлалось по вызову Петра и другими. Самое названіе книги показываетъ, что Посошковъ имѣлъ въ виду заботы царя о томъ, чтобы увеличить богатство, а съ нимъ и доходы государства. Онъ мѣстами и объясняетъ, какъ лучше и вѣрнѣе собирать доходы, какъ въ томъ или другомъ случаѣ уменьшить издержки. Во многомъ, что онъ предлагаетъ, видны и неудачныя измышленія совѣтника-самоучки; по грубости вѣка, въ который онъ жилъ, онъ стоитъ за жестокія истязанія, за пытки и казни, за преслѣдованіе раскольниковъ.

Но все это не мѣшаетъ Посошкову высказать и свой самобытный умъ, свой взглядъ на вещи: онъ смотритъ на преобразованія такъ, какъ могъ бы смотрѣть на нихъ смышленный человѣкъ изъ народа и обращаетъ особенное вниманіе на тѣ стороны, которыя касались *внутреннихъ умчшеній*, установленія *правды*, какой напрасно искалъ царь въ окружавшихъ его людяхъ. Въ искренности Посошкова нельзя сомнѣваться. «Я уже съ юности былъ такимъ, говоритъ онъ, что лучше мнѣ на себѣ понести какую пакость, чѣмъ умолчать, видя что-нибудь неполезное»: Смыслъ книги Посошкова заключается въ объясненіи самаго слова: «богатство». «Не то царственное богатство,—говоритъ онъ,—что въ казны собрано много добра; и не то, что приближенные царя ходятъ въ златотканной одеждѣ, а то царственное богатство, чтобы весь народъ, по мѣрѣ возможности, былъ богатъ, да чтобы позаботиться о невещественномъ богатствѣ, объ истинной правдѣ». Такъ онъ и выискиваетъ средства утвердить правду, разбирая въ какомъ положеніи находятся всѣ сословія. Отъ духовенства онъ требуетъ, чтобы оно училось. «Грамота,—говоритъ Посошковъ,—дѣло великое и прочное». Надо позаботиться о бѣдныхъ сельскихъ попахъ, которые часто служатъ въ лаптяхъ, въ бѣлой или сѣрой, сермяжной одеждѣ: питаться бы имъ десятиною, отъ церкви, а не отъ работы; или руководля. Войско тоже живетъ въ нуждѣ: солдату идетъ 30 алтынъ въ мѣсяцъ, а за вычетами онъ не получаетъ и 10 алтынъ. Отъ того побѣги и воровство. На квартирахъ солдаты и офицеры чинятъ обиды, такъ что многіе и домамъ своимъ не рады. Войско бы уменьшить, а лучше позаботиться о хорошихъ стрѣлкахъ, назначивъ за искусную стрѣльбу награду. Вотъ, у насъ вѣра и правая, а въ судахъ хуже, чѣмъ у бусурманъ. Приязные люди только свою тягость исчисляють, а людская ни во что: волочатъ со всякою отповѣдью въ городъ, а прямого дѣла и на алтынъ нѣтъ; посадать въ тюрьму, такъ держать лѣтъ по пяти, по шести и больше, не вершая дѣла: правый подчасъ такъ и умираетъ безъ суда, а разбойники убѣгаютъ. Подтвердить бы судьямъ подъ страхомъ жестокой кары, чтобы берегли людей отъ убытку, вершили дѣло въ извѣстный срокъ, да слушали его умомъ, а не ушами только, да нужно бы постановить и новыя законы. Чтобы составить новое

уложеніе, избрать всякихъ чиновъ людей, которые не высокоумны, а разумны и правдолюбивы, и изъ крестьянъ, что въ сотскихъ и старостахъ бывали». «Я видѣлъ и въ мордвѣ разумныхъ людей,—говоритъ Посошковъ,—то какъ имъ не быть въ крестьянствѣ». Новосочиненный уставъ освидѣтельствовать всѣмъ народомъ, самымъ вольнымъ голосомъ, «написать его совершеннымъ народо-совѣтѣмъ, чтобы каждый самъ себя выстеречь». Царю не такъ полезны постъ и молитва, какъ правосудіе. А у насъ неправда сильно вкоренилась и застарѣла, и намъ то весьма зазорно, что бусурмане чинять судъ праведный.

Въ дворянствѣ не выполняютъ законъ о недоросляхъ, не идутъ на службу: наложить на себя юродство или тяжкую болѣзнь, его отпустить, а онъ пріѣдетъ домой и «рыкаетъ какъ левъ», разоряетъ своихъ сосѣдей! Убогіе изъ дворянъ по 30 лѣтъ служатъ, а богатый 5, 6 лѣтъ послужить, да и помышляетъ, какъ бы занять спокойное мѣстечко. Пособниковъ у великаго монарха, по его желанію, не много: онъ на гору если самъ-десять и тянетъ, а подъ гору миллионы тянутъ,—то какъ его дѣло споро будетъ, Лежебоковъ шадить нечего. Сбирать бы на службу и здоровыхъ нищихъ: такихъ наберется на Руси тысячъ 20, 30 и больше, съѣдать даромъ тысячъ 50, 60 четвертей хлѣба: если положить на человѣка рублей по 6 въ годъ, то вотъ уже 200,000 рублей пропадаетъ. А сколько отъ нерадѣнія судейскаго сидятъ по тюрьмамъ; ѣдятъ хлѣбъ, ничего не дѣлая! Да у насъ въ поборахъ за гривну душу изъ человѣка хотятъ вытянуть, а гдѣ многія тысячи погибаютъ напрасно, нимало не смотря. Въ купечествѣ надо смотрѣть, чтобы не обмѣривали, не обвѣшивали, не продавали плохіе товары за хорошіе. Нынѣ дворяне и знатные люди вступаютъ въ торги, не платя пошлины; если ужъ хотятъ торговать, пусть бы записывались въ купцы. Иноземцы тоже набиваютъ на все тройную цѣну, потому что имъ радѣютъ бояре: сунуть они сильному человѣку подарокъ въ 100 руб., а выторгуютъ на полмилліона. Нужно бы намъ заводить свои промыслы, чтобы обходиться безъ иноземныхъ товаровъ. Нашихъ правителей разсужденіе не здоровое, когда русскаго человѣка ни во что не ставятъ: даютъ ему по 5 коп. на день, а иноземцевъ часто не за дѣло награждаютъ.

Жизнь крестьянъ у насъ скудная отъ лѣности, отъ неразсмотрѣнія властей, отъ помѣщичьяго насилія. Помѣщики налагаютъ страшное бремя: въ рабочую пору не дадутъ и единого дня на себя поработать,—стригутъ, какъ овцу, до горла. Отъ того многіе бѣгутъ въ низовые города и на Украйну. Помѣщики не берегутъ крестьянъ, потому что не вѣковые имъ владѣльцы; прямой ихъ владѣтель Россійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно. Посошковъ писалъ это, конечно, слыша что-нибудь о намѣреніи Петра ослабить власть помѣщиковъ. Желая свободы крестьянамъ, онъ говоритъ и противъ подушнаго исчисленія: «Отъ счисленія душевнаго не чаю быть проку, понеже душа вещь неосязаемая и цѣны не имущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя»—и онъ даетъ совѣтъ, какъ расчислить крестьянскіе дворы. Крестьянскому двору положить разсмотрѣніе не по дымамъ избнѣмъ, а по владѣнью земли и по засѣву хлѣба, на цѣлый дворъ высѣять въ годъ ржи четыре четверти. Вообще о крестьянскихъ тягостяхъ Посошковъ замѣчаетъ: «Въ сборѣ царскаго интереса покушаются съ одного вола двѣ шкуры сорвать, а не могутъ и одной цѣлой кожи снять и, сколько ни силятся,

только доскутья сдирають». Наконецъ онъ желаетъ, чтобы крестьянскія дѣти также учились грамотѣ. Вотъ главныя мысли, изложенныя въ сочиненіи Посошкова.

ЛХХХVII. ПОСОШКОВЪ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

(Изъ соч. Брикнера: «Посошковъ».)

Посошковъ можетъ считаться въ нѣкоторомъ смыслѣ представителемъ литературы просвѣщенія XVIII вѣка. Онъ заслуживаетъ нѣкоторымъ образомъ названіе энциклопедиста, потому что его сочиненія затрoгиваютъ множество наукъ, мѣстами заключаютъ въ себѣ столь же любопытныя обобщенія и тезисы, какъ и сочиненія знаменитыхъ публицистовъ запада. Исходною точкою для Руссо и для Монтескье, какъ и для Посошкова, служатъ основныя понятія о человеколюбіи, о правдѣ и о нравственности вообще. Обсуждая вопросы законодательства, администраціи, школы, церкви, народнаго хозяйства, общественной нравственности и т. д., онъ соединяетъ понятія объ общихъ началахъ съ техническимъ знаніемъ дѣла. Не будучи литераторомъ, онъ можетъ быть названъ публицистомъ; не бывши философомъ, онъ былъ столь опытенъ въ дѣлахъ общегитія, что имѣлъ бы нѣкоторымъ образомъ право повторить изреченіе: «Nihil humani a me alienum esse rito». Его начитанность ограничивалась знакомствомъ со Священнымъ Писаніемъ и нѣкоторыми произведеніями духовной литературы, но дѣла, приключенія обыденной жизни, путешествія въ различныя области Россіи, отношенія къ различнымъ сословіямъ и къ органамъ правительства служили ему полезною школою. Главнымъ наставникомъ его былъ Петръ Великій, который, подобно Посошкову, былъ самоучкою, котораго, такъ же какъ Посошкова, воспитывала жизнь, и который, какъ и крестьянинъ села Покровскаго, былъ горячимъ патриотомъ, предпримчивымъ и смѣлымъ преобразователемъ и подчасъ краснорѣчивымъ проповѣдникомъ. Оба любили не только учить, но и учиться. Оба сознавали необходимость крутыхъ реформъ. Оба предлагали сильныя мѣры, для испъленія язвъ въ общественномъ организмѣ Россіи. А между тѣмъ Петръ и Посошковъ едва знали другъ друга лично. Извѣстно, что сначала между ними существовали кое-какія официальныя сношенія; но попытки Посошкова сблизиться съ Петромъ въ послѣднее время жизни обоихъ не увѣнчались успѣхомъ. Вѣроятно, Петръ и не подозрѣвалъ, что въ скромномъ крестьянинѣ онъ имѣлъ равностнаго сотрудника въ дѣлѣ реформы, что «низирѣйшій и всенижайшій рабчичинъ» во всю свою жизнь трудился на пользу Россіи и государя, и принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые «самъ-десять съ монархомъ тянули на гору».

Другіе публицисты XVIII вѣка, богатые теоріями и предлагавшіе важныя реформы, находили гораздо болѣе легкіе способы обращать на себя вниманіе публики и правительства. Нѣкоторые изъ нихъ даже занимали высокія мѣста въ обществѣ или въ государствѣ. Тюрго былъ министромъ, Адамъ Смитъ имѣлъ прямое и сильное вліяніе на законодательство не только Англіи, но и другихъ государствъ. Они, разумѣется, гораздо лучше Посошкова были приготовлены къ практической политической дѣятельности; да и почва, на которой они дѣйствовали, была лучше приготовлена для приведенія въ исполненіе широкихъ преобразовательныхъ мыслей и смѣлыхъ проектовъ реформы. Хотя однако Посош-

ковъ образованіемъ, начитанностью, опытною въ политическихъ дѣлахъ далеко уступаетъ корифеямъ западно-европейской литературы просвѣщенія, многія высказанныя имъ мысли и соображенія, многія общія положенія и выводы отличаются тою ясностью и мѣткостью, которыя встрѣчаются въ знаменитѣйшихъ произведеніяхъ публицистики въ западной Европѣ.

Разумѣется, во многихъ отношеніяхъ Посошковъ оказывается отсталымъ сторонникомъ старины, ограниченнымъ борцомъ за предрассудки и суевѣріе; чаще однако онъ является смѣлымъ прогрессистомъ, радикальнымъ преобразователемъ, мѣстами даже, по крайней мѣрѣ по тогдашнимъ понятіямъ, отчаяннымъ проводникомъ новыхъ революціонныхъ идей. Въ этомъ отношеніи онъ походитъ и на самого Петра, и на всю эпоху Петра, соединявшихъ въ себѣ въ странной смѣси старое и новое, кнутъ и пытку XVII столѣтія и либерализмъ XIX вѣка, грубость нравовъ прежнихъ временъ и утонченность послѣдняго времени, восточный деспотизмъ, отчасти даже китаизмъ до-Петровской Россіи и зачатки коренныхъ реформъ прошлаго царствованія. Такъ и Посошковъ, съ одной стороны, отстаиваетъ самые сложные приемы полиціи и бюрократіи, а съ другой — является ревностнымъ поборникомъ свободы личности. Въ одно и то же время онъ, находясь подъ непосредственнымъ влияніемъ «Домостроя», ратуетъ противъ новыхъ идей въ области педагогика и религіи, признаетъ результаты новаго просвѣщенія и требуетъ коренныхъ измѣненій относительно быта духовенства. Въ глазахъ нѣкоторыхъ онъ могъ казаться слишкомъ ревностнымъ защитникомъ казенныхъ интересовъ; другіе съ удивленіемъ могли прислушиваться къ его предложеніямъ устроить что-то въ родѣ законодательнаго собранія. Съ одной стороны, Посошковъ, хотя и самъ крестьянинъ, осуждаетъ рѣзко испорченность крестьянскаго сословія и можетъ казаться противникомъ крестьянской реформы; съ другой — онъ за полтора ста лѣтъ до этой реформы предлагаетъ важныя мѣры для улучшенія быта крестьянъ. Съ одной стороны, ему и въ голову не приходитъ, что пытка есть бессмысленное, варварское и нисколько не цѣлесообразное учрежденіе, а съ другой — онъ относительно судопроизводства высказываетъ понятія, достойныя создателей закона «*Nabeas corpus*».

Нѣтъ основанія видѣть во всемъ этомъ противорѣчіе, отсутствіе послѣдовательности или логичности мыслей. Онъ былъ произведеніемъ этой эпохи; сильная, упорная борьба противоположныхъ мнѣній должна была и въ умныхъ, просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ людяхъ, любившихъ отечество и стремившихся къ истинѣ, породить такую смѣсь различныхъ мнѣній. Въ этомъ отношеніи по многимъ вопросамъ Посошковъ далеко предупредилъ своихъ современниковъ, въ отношеніи къ другимъ онъ раздѣляя всецѣло понятія и убѣжденія большинства послѣднихъ. Увлекаться слишкомъ далеко, выдумывать утопіи было для него невозможно уже потому, что онъ и по своему образованію, и по своему общественному положенію, былъ чуждъ всякому доктринерству и схематизму. Практика воспитывала его. Вся его литературная дѣятельность имѣла лишь однѣ практическія цѣли.

ЛХХХVІІІ. ВЗГЛЯДЪ ПОСОШКОВА НА НАРОДНОЕ БОГАТСТВО.

(Изъ соч. Брикнера: «Посошковъ»).

Въ «Домостроѣ» говорилось исключительно о частномъ хозяйствѣ. Понятія о солидарности экономическихъ интересовъ всѣхъ согражданъ въ «Домостроѣ» нигдѣ не встрѣчаются. Посошковъ, напротивъ того, хорошо понимаетъ, что матеріальное обезпеченіе каждаго отдѣльнаго лица обусловливается главнымъ образомъ экономическимъ благосостояніемъ цѣлаго общественнаго организма. Онъ уже говоритъ объ отношеніи частнаго богатства къ народному. У него замѣчается теплое сочувствіе къ общественнымъ интересамъ. Такія мысли проглядываютъ уже въ «Въ отеческомъ завѣщаніи». Въ главѣ «О земледѣльствѣ» сказано: «Возложь надежду свою на Бога, иди въ земледѣльную работу; и аще цѣну велику или малу возмешь, работай всею правдою безъ лѣности и безъ лукавства не день къ вечеру гони, но дѣло къ концу приволи и какую работу работати не будешь, работай не такъ, каковъ обычай имуть поденщики, но работай такъ, какъ ты можешь про себя работать, и за такую твою усердную работу господнъ твой, у него же ты будешь работати аще и ничего при твоей братьи излишняго тебѣ не дастъ, обаче и впрядь такожде работай, какъ самъ себѣ, и за тую твою нелицемѣрную работу Богъ тебѣ воздастъ и на семь свѣтѣ и на ономъ. То себѣ вѣждь, сыне мой, аще и до поту поработаеши, отъ того не умрешь, но еще и здравѣе будешь, понеже и суровая пища сладка тебѣ будетъ».

Хотя тутъ преобладаютъ религіозныя соображенія, а съ другой стороны, также замѣтенъ нѣкоторый коммерческій расчетъ («Богъ тебѣ воздастъ на семь свѣтѣ»), тутъ, по крайней мѣрѣ, встрѣчается высокое понятіе о добросовѣстности работника, о трудѣ вообще.

Извѣстно, какъ во время крѣпостнаго права «лицемѣрный» трудъ дорого обходился народу, въ какой мѣрѣ барщина тормазила развитіе народнаго богатства; извѣстно, какъ и въ настоящее время при поденной платѣ рабочимъ производительность ограничивается потерей времени, нерадѣніемъ рабочихъ. Посошковъ лучше многихъ современниковъ умѣлъ цѣнить экономическое значеніе времени, хотя и не зналъ англійской поговорки «time is money». Александръ Гумбольдтъ, по случаю изобрѣтенія стенографіи, замѣтилъ однажды, что время есть капиталъ, цѣна котораго возвышается по мѣрѣ возвышенія цивилизаціи. На низкихъ степеняхъ культуры время не цѣнится вовсе: на востокѣ торговцы, продавая ничтожные предметы, теряютъ много времени, ожидая по нѣскольку часовъ болѣе выгоднаго момента для продажи; разносчики самыхъ ничтожныхъ по цѣнѣ товаровъ не принимаютъ въ расчетъ потерю празднаго времени. Негры обыкновенно не знаютъ числа прожитыхъ ими годовъ; въ Турціи почти вовсе нѣтъ часовъ, тогда какъ въ Англіи, на примѣръ, гдѣ умѣютъ цѣнить время, даже въ скромныхъ сословіяхъ, мальчики весьма часто носятъ карманные часы. Чѣмъ менѣе въ Россіи умѣли цѣнить время, тѣмъ просвѣщеннѣе оказываются на этотъ счетъ взгляды гуманнаго и бережливаго Посошкова. Въ «Отеческомъ завѣщаніи» онъ пишетъ въ главѣ «О суждествѣ» слѣдующее наставленіе, и для нашего времени очень полезное: «А въ праздничную пору, аще придуть къ тебѣ приказные люди, или и посторонніе, поклонъ отдать ради праздника, то ты, поклонъ и поздравленіе приавъ, и самъ ихъ поздравь, и тоя же

минуты и отпусти ихъ, чтобы у тебя въ домѣ и четверти часа не медлили, но шли бы, куда кому нужно. Сего бо много бываетъ, что придетъ на часъ только поклонъ отдать, а тотъ господинъ не речетъ ихъ, дабы они шли, кому куда нужно; то еще и великую нужду имѣютъ, а пойтить не смѣютъ, и тако часъ другой простоятъ напрасно. У многихъ господъ повичай такой бываетъ, еще кто придетъ поклониться, да пойдетъ въ иное мѣсто также поклониться, и за то гнѣваются, и того ради поклонники стоять, яко связаны. И отъ такового излишняго стоянія тѣмъ людямъ чинитѣца пакость великая, а у кого стоять, тому грѣхъ не малой». Гораздо опредѣленнѣе говорить Посошковъ объ экономическомъ вредѣ траты времени въ сочиненіи «О скудости и богатствѣ», въ которомъ съ негодованіемъ жалуется на невниманіе чиновниковъ и судей къ интересамъ народа. Въ главѣ «О правосудіи» сказано: «Не велико, кажется, что изъ города въ уѣзды посылаютъ солдатъ по дворянъ и по иныхъ всякихъ чиновъ людей и дѣла прямого еще и на алтынъ нѣтъ, а по кого пошлютъ, то самое легкое дѣло, что рубли два-три убытку сдѣлаютъ, а иному рублевъ и десять учинять убытку, и тѣмъ людей Божіихъ весьма убытчатъ. Хотя малая какая справка привязная, то не хотять подождать до иного времени, но какъ сдумаютъ, такъ и посылаютъ безсрочно: и того отнюдь не чинять, чтобъ послать о томъ же взять писменное вѣденіе, или о чемъ надлежитъ взять на письмѣ отповѣдь; но только то у приказныхъ людей вытвержено, что поволоки со всякою отповѣдью въ городъ. И еще кто живетъ отъ города въ верстахъ во стѣ другошъ, то и путь рубли по два-три убытку будетъ; а въ распутную пору, то будетъ рублевъ и пять-шесть истраты. А кто сотъ въ пяти-шести случится, то и съ десятию рублями врядъ изнаться. А приказные люди людскихъ убытковъ не изчисляють, а людская—ни во что. А если въ дѣловую пору при- шлютъ, то и безъ хлѣба сдѣлаютъ; и отъ таковыхъ посылокъ велими много людей пакости чинится, а судьи о семъ попеченія нималаго не имѣютъ, чтобъ имъ людей государевыхъ въ чемъ поберечь, и до убытка какого не допустить. А кто хоцетъ прямо Его Императорскому Величеству порадѣть, то людей его паче себя надлежитъ беречь, чтобъ въ убожество не приходили и того ради ни малаго бы убытку имъ не учинили. Всякому судѣ надобно недреманно смотрѣть за всѣми непрестанно, то и смекать, какъ бы правду прямую учинить, и чтобъ никого не озлобить и не разорить. Истинно не имѣютъ нималаго попеченія, чтобы въ чемъ людей отъ убытку поберечь!»

Затѣмъ слѣдуютъ жалобы на неудобный способъ контроля надъ цѣловальниками, которыхъ для этой цѣли принуждаютъ издалека пріѣзжать въ Петербургъ, проживать тамъ по нѣскольку недѣль и понапрасну тратить время и деньги на такое пребываніе въ столицѣ. Предложивъ иной способъ контроля такихъ финансовыхъ чиновниковъ, принадлежавшихъ обыкновенно къ купеческому сословию, Посошковъ продолжаетъ: «Въ нѣмецкихъ земляхъ велими людей берегутъ, а наибаче купецкихъ людей; и того ради у нихъ купеческіе люди и богаты зѣло. А наши судьи нимало людей не берегутъ, и тѣмъ небреженіемъ все царство въ скудость приводятъ, ибо въ коемъ царствѣ люди богаты, то и царство то богато; въ коемъ царствѣ люди будутъ убоги, то царству тому не можно слыть богатому. Я сего не могу знать, что то у нашихъ людей за разумъ, что ничего въ прокъ государству не прочать, только прочать имѣніе себѣ, и то на часъ, а государству такъ они прочать, что ни за что многія тысячи рублей теряютъ. Буде по какой причинѣ возьмутъ пожитки чьи на государя, то взявъ властно что въ огонь бросать, ибо взявъ ихъ, положить въ палату, да держать въ заперти годъ или больше, да стануть цѣнить; то коя шуба соболья была рублевъ сотъ въ пять,

... ..

... ..

... ..

не метать, но весь тотъ припасъ шель бы въ дѣло». Въ «Донесеніи боярину Головину» Посошковъ еще подробнѣе опредѣляетъ плату воинамъ, сообразно съ умѣніемъ стрѣлять. Онъ предлагаетъ «учинить жалованье умѣющимъ солдатамъ разное. Кон умѣтъ будутъ съ руки стрѣлять по шапкѣ стоящей и никогда не грѣшнить, и такому, чаю, что можно бѣ по рублю или по два при прежнемъ жалованьи прибавить. А кой по шапкѣ жѣ будетъ бить, не на одномъ мѣстѣ стоящей, но подвижной, и никогда жѣ не грѣшнить, и такому и предъ тѣмъ прибавка жѣ бы учинить: а кой по малой цѣли, якобъ по яйцу, будетъ бить безоблыжно, и тому наипаче вышнее жалованье учинить, а кой удалецъ будетъ такой, что въ малую цѣль въ подвижную будетъ бить безизмѣнно, и такому и гораздо доведется лишнее дать, чтобъ на то зря, другъ предъ другомъ ратовали и въ наученіи подвизались».

Къ этимъ же соображеніямъ о рабочей платѣ, соотвѣтствующей не извѣстному количеству времени, а самымъ результатамъ труда, количеству и качеству труда, можно отнести и вышеприведенное замѣчаніе въ «Отеческомъ завѣщаніи», въ которомъ «укрушецъ хлѣба» равняется тремъ поклонамъ, полущка—шести поклонамъ, денежка—двѣнадцати поклонамъ и т. д.

Особенно подробно и мѣтко о выгодахъ урочной работы Посошковъ говоритъ во главѣ «О царскомъ интересѣ», объясняя, какимъ образомъ должно быть устроено кораблестроеніе. Тамъ сказано: «И аще бы и то исправить сицевымъ порядкомъ: выбрать къ тѣмъ дѣламъ правителей добрыхъ, кои бы не алтынники были, и приказать имъ осмотрѣть разумно и смѣтить, колико на коей работѣ тримѣсячные работники въ бытность свою сдѣлали, и новопришедшимъ работникамъ ту работу изъяснить, и неколикую часть къ тому приложить по дѣлу смотря, и сказать имъ такъ: аще толикое число сдѣлаете хотя въ одинъ мѣсяцъ, то и отпущены съ тримѣсячные работы будете. И сдѣлавъ урокъ хотя на государеву же работу наймутся, хотя по мірскимъ работамъ будутъ наниматься, а буде не похотятъ наниматься, то шли бы въ дома свои. И тѣмъ управителямъ сказать указъ за жестокими штрафомъ и съ наказаніемъ, чтобы аще и въ одинъ мѣсяцъ ту трехмѣсячную работу отработаютъ, то ничего бы съ нихъ не брали, и не волоча ихъ ни дня, и отпускъ бы имъ чинили. И аще такъ уставицца, то крѣпко можно надѣяться, что многіе будутъ трехмѣсячную работу въ одинъ мѣсяцъ обрабатывать. И кон работники урокъ свой обработаютъ хотя скоряя мѣсяца, а отпуска имъ давать трехмѣсячные, потому что они трехмѣсячную свою работу сработали. А если въ отпускѣ трехмѣсячныя работы не написать, то откуда они посланы, станутъ на нихъ данныхъ денегъ спрашивать назадъ. И буде и не всѣ коего города работники, но отберутся артелью, трехмѣсячную уроченную имъ работу отдѣлаютъ, то тое артель и отпустили бы безъ задержанія; и на то смотря будутъ и другіе работники поспѣшать. А кон не похотятъ уроками дѣлать, и тѣ пусть всѣ три мѣсяца работаютъ; и аще тако устроицца, всякія дѣла поспѣшнѣе будутъ отправляться. А буде впроки тако устроить, то всѣмъ работникамъ охотнѣе будетъ на работу ходить, и дѣла будутъ отправляться поспѣшнѣе; потому что, отдѣлавъ свой урокъ, будутъ хотя на той же работѣ изъ найму работать. И не токмо въ однихъ черныхъ работахъ надлежитъ учинить, но и въ художныхъ дѣлахъ, какъ въ русскихъ, такъ и въ иноземцахъ, такожде надобно учинить, чтобы всякая работа давать имъ уроками же. А мѣсячное имъ жалованье надлежитъ отставить и давать по задѣлю коегождо ихъ, то всякія дѣла скоряе будутъ дѣлаться». Въ подтвержденіе правильности такого общаго взгляда Посошковъ приводитъ частный случай въ оружейной палатѣ при сидѣннѣ Алексѣя Александровича Курбатова.

Мы полагаемъ, что столь явное различіе между подвигами и утомленіемъ труженъ, столь явное указаніе на выгоды послѣднихъ и для государства, и для народа, и для частнаго хозяйства въ началѣ XVII вѣка могло считаться удивительнымъ не только въ Россіи, но и на западѣ. *Экономисты* лишь довольно поздно стали указывать на выгоды восточной плоти, хотя на краткіе дни *казались*. въ казны нѣтъ выгоды. такое распределеніе работъ и сколько лишняго времени убавится на напрасно обдумываніи *подвиги* или *восточной* работѣ. Не даромъ англійскіе ученые были того мнѣнія, что развитіе благосостоянія Англій значительное доле обуславливалось *проблѣ* *каменны* восточной плоти.

Вероятно, и самъ Петръ зналъ, что во многихъ случаяхъ урочная работа идетъ успешнѣе. Такъ, капритуръ, съ одинакимъ писаль въ случаю постройки канала: «Принять солдатъ для строенія канала и раздѣлить эту работу поурочно и сказать, которые скорѣе свой урокъ отдѣлають, тѣ немедленно и отпустятъ... дабы они лучше работали и не бѣжали».

И Посошковъ, и Петръ желали болѣе успешнаго, болѣе быстрого, болѣе усерднаго и ревностнаго труда въ Россіи. Въ главѣ «о правосудіи», въ сочиненіи «О скудости и богатствѣ», Посошковъ замѣчаетъ: «А сего всѣмъ правителью наче собранія смотрити, чтобы ничто нигдѣ даромъ не провадало, и никакіе бѣ люди даромъ хлѣба не ѣли, но вси бы трудились и плоть приносили». Петръ для достиженія этой цѣли надѣлся на регламентацію, на строгій надзоръ, на полицейскія шеры. Совершенно также и Посошковъ предлагалъ усилить дѣятельность чиновниковъ, надзирателей. Но, во мнѣнію Посошкова, именно эти люди сами недостаточно трудились, относились къ своимъ обязанностямъ съ нерадѣніемъ и не заботились о благѣ государства, не ухитъ дѣлать государственныи и казенныи интересъ. Онъ пишетъ: «Вси бо люди и управители нарядаются Царскому Величеству радѣтели и слугани вѣрными наричутъ себя, а если здравымъ окомъ посмотриши на нихъ, то всѣ ихъ радѣнія вопреки явятся прямому радѣтелю: не то, что чего собраннаго береги, но и не собраннаго смотрити, чтобы ничто нигдѣ не тратилось, и дней бы своихъ никто даромъ не терялъ. И всякія собранныя вещи не токмо въ царскіихъ сокровищахъ, но и во всехъ мѣрѣ за богатыми и за убогими приважно смотрѣть, чтобы ничего нигдѣ не тратили; то такой человекъ прямой будетъ царственному богатству собиратель. И всякому правителю во своей провинціи или канцеляріи, аще кто восхоцетъ Государю своему порадыти, не надобно ему много пить и въ промладу жить, и по лѣсамъ зайцовъ ловить, но о томъ все свое попеченіе имѣть, како бы скорѣе дѣло вершить; и чтобы въ приказѣ и въ тюрьмѣ лишнихъ дней не сидѣли и хлѣба бы напрасно безъ работы не ѣли, но всѣ бы были у дѣла своихъ; кои по винѣ достойны смерти, то тѣхъ не для чего томить, даромъ хлѣбъ въ нихъ тратить, но надлежитъ ихъ вершить..... А кои люди подлежатъ какого наказанія; то таковыхъ не надлежитъ и дня одного въ тюрьмѣ или приказѣ держать, чтобы онъ дней своихъ даромъ не терялъ; и коихъ надлежитъ послать на рудокопныя дѣла и на нныя черныя работы, то и тѣхъ долго держать не для чегожъ, но замятнать вѣчнымъ или временнымъ пятномъ, отсылать ихъ кои куды надлежитъ не мотчавъ, чтобы они даромъ хлѣба не ѣли».

LXXXIX. ЗАВОТЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ОВЪ УЛУЧШЕНІИ ХОЗЯЙСТВЕННАГО ВЫТА.

(Изъ соч. Брикнера: «Исторія Петра Великаго»).

«Деньги суть артерією войны», сказано въ письмѣ Петра къ Сенату. Для рѣшенія многосложныхъ политическихъ задачъ царь нуждался въ весьма значительныхъ матеріальныхъ средствахъ. Особенно же постоянныя войны, содержаніе войска и флота требовали громадныхъ суммъ.

Къ сожалѣнію, данныя о размѣрахъ бюджета, о доходахъ и расходахъ государства и о состояніи флота и войска за это время весьма скудны. Мы узнаемъ, что въ концѣ царствованія Петра регулярная армія состояла изъ 210,000 чел., флотъ изъ 48 линейныхъ кораблей и 800 другихъ судовъ съ экипажемъ въ 28,000 чел. Въ 1710 году государь велѣлъ въ первый разъ сличить приходъ съ расходомъ: оказалось, что, при общемъ доходѣ около 3 милліоновъ рублей, безъ малаго половина этой суммы употреблялась на содержаніе войска, а полмилліона рублей на расходы по содержанію флота. Тутъ Петръ не щадилъ ни денегъ, ни людей. Условіемъ внутренняго преобразованія былъ успѣхъ въ области внѣшней политики. Цѣль была достигнута. Войско и флотъ находились въ такомъ состояніи, что могли внушить другимъ державамъ высокое понятіе о значеніи силъ и средствъ Россіи.

Были и другіе расходы, до того времени не имѣвшіе столь значительныхъ размѣровъ. Болѣе тѣсныя сношенія съ западною Европою требовали содержанія резидентовъ при иностранныхъ дворахъ. За то для содержанія своего двора Петръ не нуждался въ большихъ суммахъ. Между тѣмъ какъ въ концѣ царствованія его государственные доходы достигали суммы 10 милліоновъ р., содержаніе двора, какъ разсказывали современники, стоило не болѣе 50,000 р.

Для покрытія государственныхъ расходовъ нужно было думать о новыхъ источникахъ доходовъ. Усложненіе финансовой системы, изобрѣтеніе новыхъ средствъ для доставленія казнѣ необходимыхъ денежныхъ суммъ, во многихъ случаяхъ поврежденіе экономическихъ интересовъ посредствомъ чрезмѣрной строгости при взиманіи налоговъ, обусловливаемой недостаточнымъ пониманіемъ общественно-хозяйственнаго организма — все это было характеристическою чертою въ исторіи государственнаго хозяйства при Петрѣ.

Петръ самъ не столько заботился прямо о финансовомъ управленіи, сколько предоставлялъ себѣ рѣшеніе задачъ хозяйственной полиціи. Въ безчисленныхъ указахъ мы находимъ его личныя воззрѣнія на этотъ предметъ. И въ области производства и потребленія, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, Петръ хотѣлъ быть наставникомъ своего народа. Онъ училъ подданныхъ, какъ должно работать, онъ желалъ развитъ народное богатство. Во многихъ отрасляхъ технологіи онъ былъ экспертомъ, и поэтому считалъ себя въ правѣ предписывать всѣмъ и каждому, какъ должно дѣйствовать въ качествѣ купца, ремесленника или земледѣльца. Въ одномъ изъ его указовъ сказано: «нашъ народъ яко дѣти,

Faint, illegible text at the top of the page, possibly a header or introductory paragraph.

Second block of faint, illegible text, continuing the document's content.

Third block of faint, illegible text, appearing as several lines of a list or detailed notes.

Fourth block of faint, illegible text, possibly a concluding paragraph or a specific section.

A single line of faint, illegible text at the bottom of the page.

дѣлать узкія полотна, приказывало дѣлать широкія «противъ приготовляемыхъ въ другихъ европейскихъ государствахъ», потому что «широкія полотна болѣе расходятся». Точно также правительство заботилось о сбереженіи лѣсовъ, предписывало старостамъ и приказчикамъ наблюдать, чтобы мельницы въ селеніяхъ отъ вешней и дождевой воды не были повреждены; приучало дровосѣковъ къ распилкѣ дровъ и строго приказывало, «чтобы работные люди изучались въ два года пилованью дровъ», запрещало, подѣ страхомъ наказанія каторгою и конфискованія имущества, торговать «скобами и гвоздями, употребляемыми на подбивку сапоговъ и башмаковъ мужскихъ и женскихъ», учреждало почтовые сообщенія, учило публику, какъ дѣлать кровли, какъ строить дороги, отовсюду старалосі собирать данныя о цѣнахъ разнымъ товарамъ, заботилось объ ученіи дѣтей ариметикѣ, вводило новые способы собиранія хлѣба и пр. Едва ли мы ошибаемся, приписывая значительную долю такихъ мѣръ, распоряженій, наказовъ личному влиянію государя, постоянно имѣвшаго въ виду соглашеніе интересовъ внѣшней политики съ стремленіемъ развить народное богатство. Для всѣхъ современниковъ и участвовавшихъ въ управленіи государствомъ и для прочихъ подданныхъ Петра эта дѣятельность царя-наставника не могла не быть нѣкоторымъ образомъ политико-экономическою школою.

Не даромъ Петръ былъ названъ «первымъ лѣсоводомъ въ Россіи». До него не было издано никакого общаго постановленія о лѣсахъ. Правительство о лѣсномъ хозяйствѣ не заботилось. Петру былъ нуженъ лѣсъ для кораблестроенія, лѣсъ извѣстныхъ породъ, самыхъ крупныхъ размѣровъ и совершенно здоровый. Деревья, представлявшія такія качества, не могли встрѣчаться часто, даже и при тогдашнемъ изобиліи лѣсовъ. Вотъ почему Петръ обратилъ строгое вниманіе на охраненіе корабельнаго лѣса. Было запрещено рубить заповѣдныя лѣса, годныя на корабельное строеніе, подѣ страхомъ смертной казни, «безъ всякія пощады, кто-бъ ни былъ». Такихъ указовъ множество. Иногда они прибывались къ столбамъ въ деревняхъ, читались въ церквахъ «приходскимъ людямъ, чтобъ въ томъ невѣдѣніемъ никто не отговаривался». Изъ нѣкоторыхъ грамотъ видно, что строгія наказанія были часто приводимы въ исполненіе. Такъ какъ заповѣдныя лѣса не были ничѣмъ обозначены въ натурѣ, и потому народъ не могъ знать, гдѣ дозволено и гдѣ не дозволено рубить, то Петръ велѣлъ (въ 1720 г.) по Невѣ и Финскому заливу, отмѣривъ отъ береговъ указныя разстоянія, провести межи въ три сажени шириной и построить на нихъ для страха чрезъ каждыя пять верстѣ по висѣлицѣ. Въ Петербургѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Гостиннаго двора, была большая березовая роща, и въ ней Петръ строго воспретилъ всякую рубку; несмотря на то, жители Петербурга, въ томъ числѣ и чиновные, начали рубить въ ней. Петръ велѣлъ десятого изъ чиновныхъ повѣситъ, а всѣхъ остальныхъ наказать кнутомъ. Екатерина упросила Петра не наказывать никого смертию, и наказаніе было смягчено: вмѣсто смерти пошли въ дѣло кнуты, шпицрутены, каторга. Несмотря на всю строгость, эти указы нарушались довольно часто. Для государственныхъ цѣлей, впрочемъ, Петръ не щадилъ лѣсовъ. Постройка молдовъ въ Ревелѣ и Балтійскомъ портѣ, къ тому же не имѣвшая вовсе успѣха, нанесла страшный ущербъ лѣсамъ прибалтійскаго края. Зато Петромъ были приняты мѣры для того, чтобы въ

многихъ стать безъ работы новаго года. Затѣвывается учрежденія и казенныя мастерскія для обработки мѣди, что отъ посылки безденежнаго рубля не только мѣди только цвѣта, но и мѣди безденежнаго рублю. Такъ какъ, было приказано тотчасъ начать изъ штаточнаго рублю, а именно изъ рублю, въ началѣ 1702 г. Въ учрежденіи и въ началѣ работы началъ генералъ-полковникъ Шереметьевъ, такъ какъ учрежденіе таково было запрещено изъ казеннаго рублю начать исполненіе рублю. Въ учрежденіи «сильвер-факторствъ» учреждаются приказъ, именуемая «сильвер-факторство» учреждаются приказъ, именуемая «сильвер-факторство».

Приказомъ главнаго приказнаго Шереметьева. Петръ учреждаетъ учрежденія фабричныя и заводскія, и началъ исполнять росло казеннаго мастера. Для учрежденія заводскихъ работъ учреждены три или другой учрежденія промышленности или заводскихъ, главнаго приказнаго Шереметьева на казенныя работы, и въ началѣ 1702 г. а именно за необходимость учрежденія заводскихъ работъ иностранцамъ изъ рублю или другой рублю. Учрежденіемъ учрежденіемъ, что Петръ приказалъ мастеровъ изъ Швейцарии или промышленной промышленности изъ той гильды, чтобы не имѣть случайно денегъ за работу и изъ рублю учрежденіемъ. или это отъ учрежденія казеннаго приказнаго Шереметьева изъ рублю. или рублю, что приказъ казеннаго приказнаго Шереметьева изъ рублю денегъ».

Во Петра Россія получала пушки и оружіе вообще учрежденіемъ учрежденіемъ изъ за границы. При немъ учреждены были заводские заводы на которыхъ дѣлали пушки, ружья, гранаты и пр. также заводские заводы, иностранные мастера должны были учить русскихъ, чтобы можно было дѣлать пушки послѣдними. Съ древнихъ временъ, которые можно было дѣлать въ Россіи, занималась высокая промышленность. Въ дальнія страны, напр. въ Испанію, были отправлены русскіе корабли съ разными русскими товарами: въ Тулонъ, Лиона, и прочіе городахъ были учреждены консулы. Заключение торговыхъ договоровъ между Россіей и другими державами, постройка Петербурга и укрѣпленія для укрѣпленія гудъ главной части вѣншей торговли, иже отъ учрежденія колоній на островахъ вѣншей Азии и на островѣ Мадагаскаръ. — все это показываетъ въ себя доказательства, что Петръ обращалъ особенное вниманіе на торговлю, что отъ дѣла занимался частностями этой отрасли промышленности и раздѣлять главныя заботы — заводско-промышленной промышленности. Въ 1705 году отъ съ радостью сообщили Меншикову, что успѣлъ сдѣлать себя «въ праздникъ» кафтаны изъ русского сукна. При учрежденіи Бергъ-Коллегіи Петръ заботился: «наше российское государство предъ многими иными землями превозобладуетъ и погрѣбными металлами и металлами благополучно есть, который до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія искани, нате же не такъ употреблены были, какъ принадлежитъ, такъ что многая польза и прибытокъ, который бы намъ и подданныхъ нашихъ изъ оного произойти могъ, пренебрежены» и пр.

Странно Петра развить торговлю и промышленность лишь отчасти иными успѣхъ. Многія отрасли экономической дѣятельности народа, несмотря на всѣ усилія правительства, не только при Петрѣ, но и гораздо позже еще оставались мало развитыми.

Главныя мѣры, принятыя Петромъ для воощренія торговли, оказались сопряженными со многими неудобствами и вызвали жалобы со стороны

купцовъ. Къ тому же послѣдніе страдали весьма часто отъ произвола приезныхъ людей, хотя Петръ и твердилъ во многихъ указахъ, что нужно щадить торговый классъ ради пользы государства. Не всегда иностранцы были довольны распоряженіями Петра. Когда, вскорѣ послѣ возвращенія изъ западной Европы, въ 1696 году, царь приказалъ: «купецкимъ людямъ торговать также, какъ торгуютъ иныхъ государствъ торговые люди, «Компаніями», голландцы испугались, ожидая, что эта мѣра будетъ содѣйствовать быстрому развитію самостоятельной торговли русскихъ. Вскорѣ, однако, голландскій резидентъ могъ извѣстить своихъ соотечественниковъ о томъ, что нѣтъ повода къ опасеніямъ: «что касается торговли компаніями, то это дѣло пало само собою: русскіе не знаютъ, какъ приняться за такое сложное и трудное дѣло». Желая направить движеніе внѣшней торговли къ Балтійскому морю, Петръ требовалъ, чтобы товары отправлялись не какъ прежде, къ Архангельску, а къ Петербургу. Противъ этихъ распоряженій начали сильно хлопотать купцы голландскіе, которые издавна устроились въ Архангельскѣ и вовсе не желали развитія русской торговли на Балтійскомъ морѣ. Особенно Меншиковъ былъ сторонникомъ мѣръ въ пользу Петербурга, между тѣмъ какъ другіе сановники, по рассказамъ современниковъ, старались всѣми мѣрами отклонить царя отъ распоряженій, имѣвшихъ цѣлью дать направленіе внѣшней торговли чрезъ Петербургъ.

Въ 1722 году къ Петербургу пришло 116 иностранныхъ кораблей; въ 1724 году ихъ было уже 240.

Старанія Петра пріучить русскихъ къ занятію внѣшнею торговлею оставались тщетными. За исключеніемъ одного предпріимчиваго и способнаго купца, Соловьева, нѣсколько лѣтъ весьма удачно занимавшагося въ Амстердамѣ торговлею въ большихъ размѣрахъ, другіе русскіе купцы не обладали для подобныхъ операцій ни опытностію, ни знаніемъ дѣла, ни средствами. Въ 1722 году Бестужевъ писалъ изъ Стокгольма, что туда пріѣхали изъ Ревеля въ Або русскіе купцы съ мелочью, привезли немного полотна, ложки деревянныя, орѣхи каленые, продаютъ на саяхъ и нѣкоторые на улицѣ кашу варятъ у моста, гдѣ корабли пристають. Узнавши объ этомъ, Бестужевъ запретилъ имъ продавать орѣхи и ложки, и чтобы впредь съ такою бездѣлицею въ Стокгольмъ не ѣздили и кашу на улицѣ не варили, а наняли себѣ домъ и тамъ свою нужду исправляли. Бестужевъ писалъ, что шведы насмѣхаются надъ этими купцами.

Подражая во многихъ отношеніяхъ западной Европѣ, Петръ старался о введеніи цеховаго устройства. Въ «Регламентѣ или уставѣ главнаго магистрата» сказано: должно «каждое ремесло имѣть свои особливныя цумфты (цехи) или собранія ремесленныхъ людей, и надъ оными алдермановъ (или старшинъ) и свои книги, въ которыхъ регулы, или уставы, права и привилегіи ремесленныхъ людей содержаны». Мануфактуръ-коллегіи было поручено составить такіе уставы. Все это было начато, «понеже всякое каждаго города изобиліе при Божіей помощи и доброй полиціи, въ началѣ отъ корабельнаго морскаго хода, таково отъ свободнаго и безобиднаго во всемъ купечествѣ и искуснаго руководѣнія, собственную свою имѣетъ силу и умножительное дѣйство». Приведеніе въ исполненіе проекта о цехахъ встрѣтило разныя затрудненія. Петръ строго требовалъ ускоренія этого дѣла.

ными холопами и вполне утвердила все притязания господской власти над прежними полусвободными людьми. Подати были переложены с земли на души; сборъ податей непосредственно легъ на самихъ владельцев; въ исправности платежа стали уже отвѣчать не сами владельцы, а ихъ господа. Такимъ образомъ усиливалась власть господа надъ крестьянами. Новымъ видомъ крѣпостнаго права были «заводскіе» крестьяне, приписанные къ фабрикамъ. Такихъ рабочихъ было очень много, и этотъ видъ зависимости не даромъ казался народу особенно тягостнымъ. Въ сравненіи съ гибельными дѣйствіями такихъ общихъ постановленій, нѣкоторые указы противъ «разорителей» крестьянъ не имѣли значенія. Въ принципѣ, однако, Петръ заступался за крестьянъ. Въ указѣ отъ 15-го апрѣля 1721 года, государь, признавая всю безнравственность продажи врозь крестьянъ, говоритъ слѣдующее: «обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ и дѣловыхъ и дворовыхъ людей мелкое шлѣхетство продаетъ врознь, кто похочетъ купить, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей, отъ отца или отъ матери, дочь и сына помѣщикъ продаетъ, отчего не малый вопль бываетъ, и его царское величество указалъ оную продажу людямъ пресѣчь». Но правительство сомнѣвалось въ возможности проведенія этой мѣры, и потому, тотчасъ послѣ приказанія «пресѣчь оную продажу», оговаривается: «а ежели невозможно того будетъ вовсе пресѣчь, то бы хотя по нуждѣ и продавать цѣлыми фамиліями или семьями, а не порознь». Очевидно все это было лишь предположеніемъ, а не дѣйствительнымъ распоряженіемъ, ибо въ заключеніе сказано: «и о томъ бы при сочиненіи нынѣшняго уложенія изъяснить, какъ высокоправительствующіе господа сенаторы заблагоразсудятъ».

По разсказу одного современника-иностранца, кто-то совѣтовалъ Петру освободить крестьянъ, но царь замѣтилъ, что такимъ народомъ можно управлять лишь съ крайнею строгостью. Изъ сочиненія современника Петра, Посошкова, мы знаемъ, что «крестьянинъ села Покровскаго» всецѣло раздѣлялъ въ этомъ отношеніи воззрѣнія государя.

За то Петръ въ совсѣмъ иномъ отношеніи оказалъ существенную пользу земледѣлю въ Россіи — постройкою каналовъ. Мы видѣли, что уже въ 1698 году въ проектѣ Френсиса-Ли говорилось о возможности подобнаго «усовершенствованія природы». Уже до этого начались работы для прорытія канала, соединявшаго Волгу съ Дономъ. Сначала англичанинъ Бэли, затѣмъ нѣмецъ Бракель, наконецъ, извѣстный Джонъ Перри руководили этою работою, обращавшею на себя вниманіе западной Европы. Между бумагами Лейбница былъ найденъ подробный планъ мѣстности между Иловлею и Камышенкою, притоками Волги и Дона. Однако, эти работы не повели къ желанной цѣли, и сооруженіе этого канала не состоялось.

Послѣ zaloженія Петербурга, явилось желаніе соединить эту новую гавань водными путями съ разными областями Россіи. Самолично Петръ участвовалъ въ топографическихъ изслѣдованіяхъ близъ Вышняго Волочка для постройки извѣстнаго канала, которая была окончена въ 1711 году. При этомъ отличился особенною дѣятельностью Михаилъ Сердюковъ. Еще въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка старейшій крестьянинъ, которому было 120 лѣтъ отъ роду, помнилъ, что самъ видѣлъ Петра и Сердюкова при занятіи дѣломъ постройки этого канала. Изъ писемъ

[The text in this section is extremely faint and illegible, appearing as a series of horizontal lines.]

THE [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[The text in this section is extremely faint and illegible, appearing as a series of horizontal lines.]

удовольствіе учинило, что могли прежде видѣть, съ кѣмъ на вѣкъ должны совокупиться, и что лица жениховъ ихъ и мужей уже непокрыты стали колючими бородами. А съ другой стороны—пріятно было молодымъ и незаматерѣлымъ въ древнихъ обычаяхъ людямъ вольное обхожденіе съ женскимъ поломъ, и что могутъ напередъ видѣть и познать своихъ невѣстъ, на которыхъ прежде, повѣря взору родителей ихъ, женивались. Страсть любовная, до того почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать, и первое утвержденіе сей перемѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло. А сіе самое и учинило, что жены, до того нечувствующія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножать ее пристойными одѣянiями и болѣе предковъ своихъ распростерли роскошь въ украшеніи. О, коль желаніе быть пріятной дѣйствуетъ надъ чувствами женъ! Я отъ вѣрныхъ людей слыхалъ, что тогда въ Москвѣ была одна только уборщица для волосовъ женщинъ, и ежели къ какому празднику когда должны были младыя женщины убираться, тогда случилось, что она за трои сутки нѣкоторыхъ убирала, и онѣ принуждены были до дня выѣзда сидя спать, чтобы убору не испортить. Можетъ быть сему не повѣрять нынѣ, но я паки подтверждаю, что я сіе отъ толь вѣрныхъ людей слышалъ, что въ семъ сомнѣваться не должно. Если страсть быть пріятной такое дѣйствіе надъ женами производила, не могла она не имѣть дѣйствія и надъ мужчинами, хотящими имъ угоднымъ быть, то тоже тщаніе украшеній ту же роскошь рождало. И уже престали довольствоваться однимъ или двумя длинными платьями, но многія съ галунами, съ шитьемъ и съ подеспанами дѣлать начали.

Колико самъ государь ни держался древней простоты нравовъ въ своей одеждѣ, такъ что кромѣ простыхъ кафтановъ и мундировъ никогда богатыхъ не нашивалъ, и токмо для коронаціи императрицы Екатерины Алексѣевны, своей супруги, сдѣлалъ голубой гродетуровой кафтанъ съ серебрянымъ шитьемъ; да, всказываютъ, еще у него былъ другой кафтанъ, дикій, съ золотымъ шитьемъ,—не знаю, для какого знатнаго же случая сдѣланный. Прочее все было такъ просто, что и бѣднѣйшій человекъ нынѣ того носить не станетъ, какъ видно по оставшимъ его одеждамъ, которыя хранятся въ куншт-камерѣ при императорской академіи наукъ. Манжетъ онъ не любилъ и не нашивалъ, яко свидѣтельствуя его портреты; богатыхъ экипажей не имѣлъ, но обыкновенно ѣзжалъ въ городъ въ одноколѣ, а въ дальнемъ пути въ качалѣ. Множества служителей и придворныхъ у него не было, но были у него деньщики, и даже караулу, окромѣ какъ полковника гвардіи, не имѣлъ. Однако при такой собственно особѣ его простотѣ, хотѣлъ онъ, чтобы подданные его нѣкоторое великолѣпіе имѣли. Я думаю, что сей великій государь, который ничего безъ дальновидности не дѣлалъ, имѣлъ себѣ въ предметъ, чтобы великолѣпіемъ и роскошiю подданныхъ побудить торговлю, фабрики и ремесла, бывъ увѣренъ, что при жизни его излишнее великолѣпіе и сластолюбіе не утвердитъ престола своего при царскомъ дворѣ. И тако мы находимъ, что онъ побуждалъ нѣкоторое великолѣпіе въ платьяхъ, какъ видимъ мы, что во время торжественнаго входу, послѣ взятія Азовскаго, генераль-адмиралъ Лефортъ шелъ въ красномъ кафтанѣ съ галунами по швамъ и другіе генералы также богатые кафтаны имѣли, ибо тогда генералы мундировъ не нашивали.

Симъ знатнымъ людямъ и низшіе подражая, уже во многихъ домахъ открытые столы сіи завелися, и столы не такіе, какъ были старинные, то есть, что токмо произведенія домостройства своего употреблялись, но уже старались чужестранными приправами придать вкусъ добротѣ мясъ и рыбѣ. И, конечно, въ такомъ народѣ, въ коемъ страннопримство сочиняло всегда отличную добродѣтель, не трудно было вестись въ обычай таковыхъ открытыхъ столовъ употребленіе; что соединяясь и съ собственнымъ удовольствіемъ общества и съ лутчимъ вкусомъ кушанья противу стариннаго, самымъ удовольствіемъ утверждалось.

Не непріятель былъ Петръ Великій честному обществу, но хотѣлъ, чтобъ оно беззубыточно каждому было. Онъ учредилъ ассамблеи, на которыя въ назначенные дни множество собиралось. Но симъ ассамблеямъ предписалъ печатными листами правила, что должно на столъ поставлять, и какъ принимать пріѣзжихъ, симъ упреждая и излишнюю роскошь и тягость высшихъ себѣ принимать; ибо общество не въ обжираніи и опиваніи состоитъ и не можетъ оно быть пріятно, гдѣ нѣтъ равенности. Самъ часто государь присутствовалъ въ сихъ ассамблеяхъ и строго наблюдалъ, чтобы предписанное исполнялось.

Но слабы были сіи преграды, когда вкусъ, естественное сластолюбіе и роскошь стараются поставленную преграду разрушить, и гдѣ неравность чиновъ и надежда получить что отъ вельможъ истребляютъ равенность. Съ присутствіемъ государевымъ учиненныя имъ предписанія сохранялись въ ассамблеяхъ, но въ простомъ житіѣ роскошь и униженіе утверждали свои корни.

И подлинно мы видимъ, что тогда зачали уже многіе дома упадать и упадающіе ожидать отъ милости государственной и отъ защищенія вельможъ своего подкрѣпленія. Изъ первыхъ знатныхъ домовъ мнѣ случалось слышать о упавшемъ домѣ князя Ивана Васильевича Одоевскаго, котораго домъ былъ на Тверской, тотъ самый, который послѣ сего былъ Василія Ѳеодоровича Салтыкова, потомъ Строгонова, а нынѣ за княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Голицынымъ состоитъ, въ приходѣ у Спаса. Сей князь Одоевскій неумѣреннымъ своимъ сластолюбіемъ такъ разорился, что, продавъ всѣ деревни, оставилъ себѣ токмо нѣкоторое число служителей, которые были музыканты, и сіи, ходя въ разныя мѣста играть и получая плату, тѣмъ остальное время жизни его содержали. Воистину, при древней простотѣ нравовъ, музыканты не нашли бы довольно въ упражненіи своемъ прибыли, чтобы и себя и господина своего содержать.

Я сказалъ о семъ князѣ Одоевскомъ, яко о разорившемся человѣкѣ; но и многіе другіе, если не въ разореніе отъ сей перемѣны жизни пришли, то, по крайности, чувствовали немалую нужду. Дабы умолчать о прочихъ, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, фельдмаршалъ, именитый своими дѣлами, обогащенный милостію монаршею, принужденъ, однако былъ впередъ государево жалованье забирать, и съ долгомъ симъ скончался, яко свидѣтельствуеетъ самая его духовная. И послѣ смерти жена его подавала письмо государю, что она отъ исковъ и другихъ убытковъ пришла въ разореніе.

Перемѣнившійся такимъ образомъ родъ жизни, вначалѣ первосановниковъ государства, а въ подражанія ихъ и другихъ дворянъ и расходы достигши до такой степени, что стали доходы превозвышать, начали

дети семейства принадлежали к мещанам и к разночинцам, а не к дворянам, богатым и именитым. Прочитав и увидев как он считался тем же в крайней мере, он более привык, что дети семейства не государя или принадлежали к царю или принадлежали к царю. Но он не считал к себе мещанской или к разночинцам. Он считал себя мещанином: принадлежал он таинству не принадлежал к таинству индустриаль. Любимый государя и его жена и окружавшие все с любовью государя. Он принадлежал работе-исполнению, государственному делу, своему имени и именинному делу государя.

Грубая правда таинственная, но истинная ее суть была и существом капризности. Тут же произошла заблуждение, привычка истинная, обаяние государя и прочее. В котором есть два слова: искусство и искусство в смысле величайшей таинственности. Не жальши ей человек от остроумного человека и от государя, прочее и окружившие в крайности, считали самым делом есть таинство: оно таинство, как и считали, что если есть таинство его офицера, было с ним по заслугам. Выходило свое таинство к государю, таинство, что есть по великому случаю таинство не могу удержать. Удивился он, государя ему говорил, что не могу не видеть, ни выдержать его ему не выдерживать, чтобы от хотеть, не разбирая случая, не могу удержать, но требуется много так, чтобы в случае нужды или опасности его особи, что не видеть быт не следил с великим таинством, он же рассуждал, был изобретать свое дело. Офицер, или таинство выдержать свое таинство, зачать свои таинства, что он с таинством учить великий часть, когда таинство будет государя. Остроумный человек не отбавлять, взял его руку, зачать волновать к горячей судьбе и зачать его дело: от был офицер зачать отбавлять выдержать руку. Тогда ее отбавлять, считал ему государя, что когда от великой боли обаяния война выдержать не могу, не во нужды, но во велик государя, то как от той недро обаяния с радостью и все что свое был нужен изобретать? Другой случай, случившийся не нова, доказательство, как любил государя истину. Захарь Давыдович Мемуков, близкий соратник во флоте, прежде 1719 года, любимый государем, был первый русский, в котором от довольно знания в мореплаваннии немочь, и первый, который командовал уже фрегатами, был на единственном ярмарке с государем в Бронитате и находившие несколько выдержать, стали различать о дѣлах государя, о оказывавшихся слабостью его здоровья и о наследнике, какого оставаться, друг заглаживать. Удивился государя, воле которого от судил, о текущих его словах, любивство спрашивал причину оных. Мемуков отбавлял, «что от различал, что кто, где они судят, градь столичный, близь построивший, флоть заведенный, множество русских, вломивших в мореплаватели, самый от, служивший во флоте и окупавший его ильности, — суть дѣлныя руки его; то, взирая на сие и пригляда, что здоровье его государя и благодѣтеля ослабывает, не могу от слез удержаться, прилагаю притом простую рѣчь: — «на кого ты вазь оставил?» Отбавлял отбавлял государя: — «у меня есть наследник», — разумна царевича Алексея Петровича. На сие Мемуков съ-нына и неосторожно сказал: — «ох! вѣдь от глупь, все разстронь».

При государѣ сказать такъ о его наслѣдникѣ, и сіе не тайно, но предъ множествомъ предсѣдающихъ! Что жъ сдѣлалъ государь? Почувствовалъ онъ вдругъ дерзость, грубость и истину и удовольствовался, усмѣхнувшись, ударить его въ голову, съ приложеніемъ: — «дуракъ, сего въ бесѣдѣ не говорятъ».

Но не взирая на таковое любленіе истины, ни на отвращеніе его отъ лести, не могъ государь вкрадывающійся сей ядъ искоренить. Большая часть окружающихъ его ни въ чемъ не смѣли ему противурѣчить, но паче лестили, хвала все сдѣланное имъ и не противурѣча его изволеніямъ, а иные и угождая страстямъ его. Хотя онъ знатнымъ образомъ никогда обмануть и не былъ, однако князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ никогда не нашелъ въ супротивленіяхъ своихъ государю въ сенатѣ себѣ помощниковъ. И тщетно онъ суровыми и справедливыми своими предложеніями два опредѣленія, подписанныя государемъ, отмѣнилъ,—о привозѣ на перемѣнныхъ лошадяхъ провіанту въ Петербургъ на армию и о набраніи посохи на содержаніи народномъ для дѣланія Ладожскаго канала; въ обоихъ сихъ случаяхъ, ни въ другихъ, никто соучастникомъ его твердости и справедливости быть не хотѣлъ. Единный самъ государь терпѣлъ его грубыя, но справедливыя предложенія, и хотя съ стѣсненіемъ сердца, преодолая себя, на оныя соглашался. Я слышалъ отъ очевидныхъ свидѣтелей, и Василій Никитичъ Татищевъ въ исторіи своей сіе вмѣстилъ, что бывши государь въ Кронштатѣ, въ единомъ пиршествѣ, окружающіе его вельможи начали превозносить его хвалами, говоря, что онъ болѣе отца своего. Между таковыхъ похвальныхъ воплей единный кн. Я. Ѳ. Долгоруковъ въ молчаніи пребывалъ. Примѣтя сіе, государь требовалъ его мнѣнія. Сей остроумный и твердый мужъ не могъ вдругъ отвѣтствовать на такой вопросъ, гдѣ состояло сужденіе между царствующаго государя и его отца, обоихъ отличныхъ ихъ качествами. Взявъ нѣсколько времени подумать, сказалъ слѣдующее: исчислилъ онъ все подробно, что Петръ Великій сдѣлалъ для пользы отечества, исчислилъ его труды и подвиги и наконецъ сказалъ, коль великъ онъ есть во владѣнкахъ земныхъ; но, продолжая, говорилъ: «всѣ сіи труды, всѣ сіи установленія не утверждаютъ еще внутренняго спокойствія государства и безопасность гражданскую въ жизни и въ имѣніяхъ; отецъ же твой, говорилъ, при тихости нравовъ, начиналъ многое, но паче всего, что онъ сдѣлалъ уложеніе, которое нынѣ, по перемѣнѣ обычаевъ, перемѣны требуетъ. Когда окончишь ты всѣ свои подвиги благими узаконеніями, тогда справедливо можно сказать, что весьма превзошелъ твоего отца». Государь возчувствовалъ всю справедливость его глаголовъ и согласіемъ своимъ мнѣніе его утвердилъ.

Чего же ради никто другой ни въ бесѣдахъ, ни въ сенатѣ и нигдѣ и индѣ таковой правды не говорилъ, какъ сей, безсмертія достойный, князь Долгоруковъ? Того ради, что они болѣе желали приобрести милость государскую, нежели, говоря правду, его почтеніе. Желали чиновъ, и имѣній, ибо въ самомъ дѣлѣ не видно, чтобы любимецъ его кн. Меншиковъ когда ему строгую правду представлялъ; чтобы Гаврила Ивановичъ Головкинъ, государственный канцлеръ, отвратилъ его отъ переписки съ Гилембургомъ, съ Герцомъ и съ аглинскими и шотланскими сообщниками претендента; но Остерманъ, бывший тогда въ маломъ чинѣ и написавшій требуемое письмо, несовѣстность сего поступка предста-

вилъ; чтобы Иванъ Мусинъ-Пушкинъ его отъ какого дѣла удержалъ; чтобы адмиралъ Апраксинъ, имѣющій толикую повѣренность, что вопреки сказалъ государю, но всѣ токмо согласіе свое изъявляли и выпускали вкorenиться лести и рабству для собственныхъ своихъ прибытковъ, чему и самъ государь и князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ противоборствовали. А съ другой стороны духовный чинъ, который его не любилъ за отнятіе своей власти, гремѣлъ въ храмахъ божіихъ его панегириками. Между сими Прокоповичъ, который изъ духовенства, хотя нелюбви къ государю не имѣлъ, но былъ совершенно ослѣпленъ честолюбіемъ, яко въ другія царствованія ясно оказалъ, выпрениій сей гласъ на хвалы государевы вознесъ. Достоянъ онъ былъ многихъ похвалъ, но желательно было бы, чтобы онъ не отъ лести происходилъ, а похвалы Прокоповича, сего непостриженного монаха, сего честолюбиваго архіерея, жертвующаго законъ изволеніямъ Вирона, сего, иже не устыдился быть судьей Тайной Канцеляріи, бывъ архипастыремъ церкви божіей, были лестны, яко свидѣтельствуеетъ его собственное сочиненіе. «Правда воли монаршей».

Сказалъ я, что сластолюбіе и роскошь могли такое дѣйствіе въ сердцахъ произвести; но были еще и другія причины, происходящія отъ самыхъ учрежденій, которыя твердость и добровравіе искоренили. Разрушенное мѣстничество (вредное впрочемъ службѣ и государству) и незамѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ, истребило мысли благородной гордости во дворянѣхъ; ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги; и тако каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удастся прямыя заслуги учинить, то за недостаткомъ заслугъ стали стараться выслуживаться, всякими образами лстя и угождая государю и вельможамъ; а при Петрѣ Великомъ введенная регулярная служба, въ которую вмѣстѣ съ холопами ихъ писали на одной степени ихъ господъ въ солдаты и сіи первые по выслугамъ, пристойнымъ ихъ роду людямъ, дохода до офицерскихъ чиновъ, учинялися начальниками господъ своихъ и бивали ихъ палками. Роды дворянскіе стали раздѣлены по службѣ такъ, что иной однородцевъ своихъ и вѣкъ не увидитъ. То могли ли остаться добродѣтель и твердость въ тѣхъ, которые съ юности своей отъ палии своихъ начальниковъ дрожали? которые инако, какъ подслугами почтенія не могли приобрѣсти, и бывъ каждый безъ всякой опоры отъ своихъ однородцевъ, безъ соединенія и защиты, оставался единъ, могущій преданъ быть въ руки сильнаго?

Похвально есть, что Петръ Великій хотѣлъ истребить суевѣріи въ законѣ, ибо, въ самомъ дѣлѣ, не почтеніе есть Богу и закону суевѣріе, но паче руганіе; ибо приписывать Богу неприличныя ему дѣянія—сіе есть богохулить. Въ Россіи бороду образомъ божіимъ почитали и за грѣхъ считали ее брить, а чрезъ сіе впадали въ ересь антроморфитовъ. Чудеса, безъ нужды учиненныя, явленныя образы, рѣдко доказанныя, повсюду прославляли, привлекали суевѣрное богомоліе, и дѣлали доходы развратнымъ священнослужителямъ. Все сіе Петръ Великій тщился отвратить: указами повелѣлъ брить бороды, а духовнымъ регламентомъ положилъ преграду ложнымъ чудесамъ и явленіямъ, равно какъ и не благопристойнымъ сборамъ при поставленныхъ на распутіяхъ образахъ. Зная, что законъ Божій есть къ сохраненію рода человѣческаго, а не къ истребленію его безъ нужды, благословеніемъ отъ Синода и отъ вселенскихъ патріарховъ учинилъ позволено ѣсть мясо въ посты въ нуждѣ,

а паче въ морской службѣ, гдѣ и безъ рыбы довольно люди къ скорбяти подвержены, повелѣвая самохотно жертвующихъ жизнию своею таковымъ воздержаніемъ, во время приключившихся имъ болѣзнямъ, въ воду кидать. Все сіе очень хорошо, окромѣ что послѣднее нѣсколько сурово.

Но когда онъ сіе учинилъ? тогда, когда народъ еще былъ непросвѣщенъ; и тако, отнимая суевѣріе у непросвѣщенного народа, онъ самую вѣру къ божественному закону отнималъ. И можно сказать, что сіе дѣйствіе Петра Великаго можно примѣнить къ дѣйствію неискуснаго садовника, который у слабого дерева отрѣзываетъ водяныя, пожирающія его сокъ, вѣтви. Если бы оно было корнемъ сильно, то сіе обрѣзыванье учинило ему произвести хорошія и плодovitыя вѣтви; но какъ оно слабо и больно, то урѣзаніе сихъ вѣтвей, которыя чрезъ способъ листьевъ своихъ, получающихъ внѣшнюю влагу, питали слабое дерево, — отнявъ ее, новыхъ плодovitыхъ вѣтвей не произвело, ниже сокомъ раны затянуло, и тутъ сдѣлались дупла, грозящіе погибелью дереву. Такъ урѣзаніе суевѣрій и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело: уменьшилось суевѣріе, но уменьшилась и вѣра; исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь къ Богу и къ святому Его закону; а нравы, за недостаткомъ другого просвѣщенія, исправляемыя вѣрою, потерявъ сію подпору, въ развратъ стали приходять.

Со всѣмъ почтеніемъ, которое я къ сему великому въ монархахъ и великому въ челоуѣкахъ въ сердцѣ своемъ сохраняю, со всѣмъ чувствіемъ моимъ, что самая польза государственная требовала, чтобы онъ имѣлъ, окромѣ царевича Алексѣя Петровича, законныхъ дѣтей преемниками его престола, — не могу я удержаться, чтобы не охулить разводъ его съ первою его супругою, рожденной Лопухиной, и второй бракъ, по постриженіи первой супруги, съ плѣнницею Екатериною Алексѣвною; ибо примѣръ сей нарушеніе таинства супружества, ненаружимаго въ своемъ существѣ, показалъ, что безъ наказанія можно его нарушать. Пусть монархъ имѣлъ къ тому сильныя причины, которыхъ однако я не вижу, окромѣ склонности его къ Монсовымъ, и сопротивленіе жены его новымъ установленіямъ; но подражатели его имѣли ли государственныя причины подобное дѣлать? Павелъ Ивановичъ Егужинской, постригши первую свою жену и жениась на другой, рожденной Головкиной, имѣлъ ли государственныя причины стараться сохранять себѣ потомство, въ нарушеніе божественныхъ законовъ? Многие и другіе сему подражали, и не токмо изъ вельможъ, но и изъ малочиновныхъ людей, яко князь Борисъ Солнцевъ-Засекинъ сіе учинилъ.

И тако, хотя Россія, чрезъ труды и попеченія сего государя, приобрѣла знаемость въ Европѣ и вѣсь въ дѣлахъ; войска ея стали порядочнымъ образомъ учреждены, и флота Бѣлое и Балтійское море покрыли, коими силами побѣдила давныхъ своихъ непріятелей и прежнихъ побѣдителей, поляковъ и шведовъ, приобрѣли знатныя области и морскія пристанища, науки и художества, и ремесла въ ней стали процвѣтать, торговля начала ея обогащать, и преобразовались россияне изъ бородатыхъ въ гладкіе, изъ долгополыхъ — въ короткополые, стали общительнѣе и позорища благодѣтельныхъ извѣстны имъ учинились, но тогда же искренняя привязанность къ вѣрѣ стала исчезать, таинства стали впадать въ презрѣніе, твердость уменьшилась, уступая мѣсто

нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбие положили основаніе своей власти, а симъ побуждено и корыстолюбіе, къ нарушенію законовъ и ко вреду гражданъ, начало проникать въ судебныя мѣста.

Таково есть состояніе, въ которомъ (не взирая на всѣ преграды, которыя собственною своею особою и своимъ примѣромъ полагалъ Петръ Великій для отвращенія отъ пороковъ) въ разсужденіи нравовъ осталася Россія по смерти сего великаго государя.

ХОІ. АССАМБЛЕИ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

(Изъ соч. Карновича: «Историческіе разсказы и бытовые очерки»).

Указъ Петра Великаго объ «ассамблеяхъ», на которыя, по повелѣнію царя, начали съѣзжаться и сходиться люди «всякихъ чиновъ» обоего пола, произвелъ коренной переломъ и въ домашней и въ общественной жизни нашихъ предковъ и послужилъ первымъ шагомъ къ тому, чтобы и у насъ женщины заняли въ обществѣ то положеніе, какое онѣ занимали въ западной Европѣ. Прежнія ихъ затворничество и отчужденность были уничтожены царскою безграничною властью, и нарушеніе въ этомъ отношеніи старинныхъ обычаевъ вызвало среди русскихъ сдержанный ропотъ, такъ какъ никто не смѣлъ явно ослушаться государева повелѣнія.

Ассамблеи, введенныя Петромъ Великимъ, принадлежали къ разряду зимнихъ увеселеній. Онѣ были учреждены на первый разъ въ Петербургѣ, и о времени ихъ открытія объявлялось съ барабаннымъ боемъ на площадяхъ и перекресткахъ. Ассамблеи распредѣлялись между чиновными лицами, жившими въ Петербургѣ, безъ соблюденія, впрочемъ, какой-либо очереди. Самъ государь назначалъ, въ чьемъ домѣ должно было быть первой ассамблей, а затѣмъ дальнѣйшее назначеніе ассамблей зависѣло въ Петербургѣ отъ генераль-полицеймейстера, а когда онѣ были заведены въ Москвѣ, то тамъ назначались комендантомъ. Прежде, чѣмъ гости расходились на одной ассамблеѣ, имъ объявлялось, гдѣ будетъ слѣдующая. Несмотря на то, у кого бы ни происходила ассамблея, — хотя бы у самого царя, — входъ на нее былъ доступенъ каждому прилично одѣтому человѣку, за исключеніемъ слугъ и крестьянъ. Вслѣдствіе этого на ассамблеи собирались: чиновныя особы всѣхъ ранговъ, приказныя, корабельные мастера и иностранныя матросы. Каждый могъ являться съ женою и домочадцами. Петръ приглашалъ на ассамблеи и духовныхъ лицъ. Первымъ условіемъ ассамблеи государь постановилъ отсутствіе всякаго стѣсненія и принужденности. Такъ, ни хозяинъ, ни хозяйка не должны были встрѣчать нивого изъ гостей, даже самого государя или государыню и членовъ ихъ семейства. Въ комнатахъ, назначенной для танцевъ, или въ сосѣдней съ нею, должны были быть приготовлены: табакъ, трубки и лучинки для ихъ закуриванія. Здѣсь же стояли столы для игры въ шахматы и шашки, но карточная игра на ассамблеяхъ не допускалась. Главнымъ увеселеніемъ на ассамблеяхъ полагались танцы; посредствомъ ихъ должны были сближаться молодые люди и дѣвицы, знакомиться дамы съ мужчинами, а потому въ глазахъ русскихъ старого

покрыя танцы казались сперва увеселеніемъ крайне безнравственнымъ: мужья ревновали своихъ женъ въ кавалерамъ, а отцы и матери смотрѣли на танцы, какъ на явный соблазнъ для своихъ дочерей. Впрочемъ, и помимо этого дамы и кавалеры дичились другъ друга, не завязывали между собою разговоры и тотчасъ послѣ каждаго танца расходились въ разныя стороны. По словамъ одного изъ современниковъ, на ассамблеяхъ «всѣ сидѣли, какъ нѣмые, и только смотрѣли другъ на друга». Вообще, если бы на первыхъ порахъ самъ Петръ не присматривалъ за ассамблеями и не распоряжался на нихъ своею государскою властью, то онѣ, по всей вѣроятности, не вошли бы въ обычай.

На ассамблеѣхъ хозяинъ или хозяйка, или кто-нибудь изъ домашнихъ открывали танцы. Послѣ чего одна или двѣ пары могли танцовать менуэтъ, англесъ или польскій. При менуэтѣ соблюдалось, однако, правило, чтобы этотъ танецъ могъ начинать не каждый, а только тотъ кавалеръ и та дама, которые первые протанцовали его. Они сами выбирали, кого хотѣли, продолжать танцы. Если же они не желали продолжать менуэтъ, а желали послѣ него танцовать англесъ или польскій, то объявляли объ этомъ, и тогда кавалеры, желавшіе участвовать въ танцахъ, выбирали себѣ дамъ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ дамы выбирали кавалеровъ. Такъ какъ на ассамблеяхъ царило полное равенство, то каждый могъ пригласить на танецъ не только самую знатную даму или дѣвцу, но и государыню и ея дочерей. На ассамблеяхъ всякій былъ воленъ заниматься, чѣмъ ему хотѣлось: ни хозяинъ, ни хозяйка не могли, слѣдуя стариннымъ русскимъ обычаямъ, угощать его. Въ Петербургѣ ассамблеи начинались обыкновенно въ 5 часовъ вечера и оканчивались къ 10 часамъ. Иногда, впрочемъ, развеселившійся государь приказывалъ дамамъ черезъ генералъ-полицеймейстера оставаться и долѣе положеннаго часа, и, разумѣется, никто не дерзалъ нарушать этого приказанія, и волей-неволей всѣ должны были танцовать до тѣхъ поръ, пока это было угодно государю. Въ этихъ случаяхъ Петръ, давъ гостямъ нѣкоторое время какъ для отдыха, такъ и для того, чтобы они, поужинавъ, подкрѣпились, начиналъ самъ управлять танцами, и у великаго человѣка даже и это занятіе шло съ тою же энергіею, съ какою онъ умѣлъ руководить самыми важнѣйшими государственными дѣлами, не щадя при этомъ силъ и не разбирая ни возраста, ни знанія своихъ сотрудниковъ и сотрудницъ.

Принявшись распоряжаться танцами, Петръ начиналъ съ того, что становился въ ряды танцующихъ самыхъ драхлыхъ стариковъ, и самъ становился въ первой парѣ. Такимъ образомъ составлялся танецъ въ восемь или девять паръ. Всѣ танцующіе кавалеры обязаны были въ точности выдѣлывать ногами то же самое, что выдѣлывалъ государь, а между тѣмъ онъ въ танцахъ оказывался большимъ затѣйникомъ и мастеромъ своего дѣла. Берхгольцъ рассказываетъ, что царь выдѣлывалъ такія «вапріоли», которыя составили бы честь лучшимъ европейскимъ балетмейстерамъ того времени, а между тѣмъ набранные имъ старцы и даже драхлые танцоры насилу двигали ноги и кое-какъ дрыгали ими. Царь съ свойственною ему настойчивостью принялся обучать сановныхъ танцоровъ и объявилъ имъ, что выучить ихъ очень скоро. Какъ ни бился однако государь, дѣло не шло на ладъ: ученики его съ подобранными къ нимъ молоденькими дамочками чуть держались на ногахъ, а

неутомимый Петръ прискакивалъ и вертѣлся передъ ними безъ устали. Старики путались, задыхались, согѣли и крахтѣли, у однихъ изъ нихъ дѣлалась одышка, другіе чувствовали колику, потъ лилъ съ нихъ градомъ, головы кружились, а царь все-таки продолжалъ танцевальный урокъ. Наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ не выдержали и повалились на полъ, а другіе опустившись, присѣли на корточки. Царь, видя это, отступился отъ неспособныхъ своихъ учениковъ и приказалъ каждому изъ нихъ выпить въ наказаніе по большому штрафному бокалу. Отпустивъ стариковъ, государь принялся танцевать съ молодыми и танцевалъ на славу избобрѣтенный имъ самимъ трудный и замысловатый «цѣпной» танецъ—«Kettentanz», какъ называется его Берхгольцъ. Петръ ввелъ также танецъ съ поцѣлуями. Въ этомъ танцѣ дамы цѣловали кавалеровъ въ губы, тогда какъ обыкновенно кавалеръ, окончивъ танецъ, отдавалъ почтительный реверансъ своей дамѣ и цѣловалъ у нея руку. Вообще у расхорившагося Петра не бывало предѣловъ самой искренней, самой задушевной веселости.

Берхгольцъ передаетъ, что Петръ и Екатерина танцевали очень ловко и очень проворно, какъ самые молодые люди, и успѣвали сдѣлать три круга, тогда какъ другіе не успѣвали окончить еще и первый. Впрочемъ, Екатерина старательно танцевала только съ однимъ государемъ, который, какъ и она, тогда выдѣлывалъ каждое па. Съ другими же кавалерами Екатерина танцевала небрежно; она не вертѣлась, не подпрыгивала, но ходила обыкновеннымъ шагомъ.

Молоденькія дочери Петра танцевали очень охотно, а царевна Праксovia Ивановна танцевала неохотно и не иначе, какъ только по приказанію Петра.

На ассамблеяхъ танцы раздѣлялись на церемоніальные и англійскіе. Намъ не удалось встрѣтить указанія на первые, что же касается такъ называвшихся англійскихъ танцевъ, то они представляли собственно грессфатеръ: дамы становились по одну сторону, а кавалеры по другую. Музыканты начинали играть нѣчто въ родѣ погребальнаго марша, и въ продолженіе этой музыки кавалеры и дамы первой пары дѣлали реверансы своимъ сосѣдямъ и другъ другу, потомъ брались за руки, дѣлали кругъ влѣво и становились на свое мѣсто. Послѣ первой пары дѣлали тоже самое одна за другою слѣдующія пары, и когда туры оканчивались, музыка начинала играть польскій, и тогда начинался оживленный танецъ,—вѣроятно, мазурка. На ассамблеяхъ исполняли еще и слѣдующій танецъ: десять или двѣнадцать паръ танцующихъ связывали себя носовыми платками, и каждый изъ танцоровъ долженъ былъ придумывать разныя фигуры. Танцующіе переходили изъ одной комнаты въ другую. Впереди ихъ шелъ одинъ изъ музыкантовъ, наигрывая на скрипкѣ.

Спустя три года по введеніи ассамблей въ Петербургъ, онѣ были введены въ Москвѣ. Когда въ концѣ 1722 года государь и дворъ пріѣхали въ Москву праздновать Ништадскій миръ, то по домамъ всѣхъ тамошнихъ нѣмецкихъ купцовъ ходилъ посланный отъ князя Меншикова писецъ, который записывалъ имена и годы молодыхъ дамъ и дѣвицъ. Дѣлалось это съ тою цѣлю, чтобы пригласить ихъ на балъ. Русскихъ дамъ и дѣвицъ на первый разъ не тронули, боясь, что такое приглашеніе взбудоражитъ всю Москву, такъ крѣпко державшуюся еще праотеческихъ обычаевъ. Впрочемъ, и нѣмецкое купечество не очень

хотѣло знакомиться съ русскою знатью, боясь не столько пренебреженія къ себѣ съ ея стороны, сколько опасаясь такого пира, какой по случаю Ништадскаго мира былъ заданъ въ Петербургѣ, гдѣ всѣхъ присутствовавшихъ на пиру дамъ опоили до полусмерти. Состоялся ли предположенный Меншиковымъ балъ—неизвѣстно. Но когда вскорѣ послѣ этого самъ государь назначилъ ассамблею въ селѣ Преображенскомъ, подѣ Московю, то туда по его повелѣнію должны были явиться всѣ молодыя московскія дамы и дѣвицы старѣе десяти лѣтъ. Всѣмъ, кто не явился на эту ассамблею, государь грозилъ «страшнымъ наказаніемъ». Особо назначенные чиновники записывали всѣхъ пріѣзжавшихъ, и на первую въ Москвѣ ассамблею набралось до 70 дамъ. Послѣ того ассамблеи въ Москвѣ повторялись нѣсколько разъ. Распоряжался на нихъ Ягужинскій, который, какъ превосходный танцоръ и неутомимый весельчакъ, первенствовалъ и на всѣхъ петербургскихъ танцевальныхъ собраніяхъ, оживляя ихъ своими шутками и управляя танцами. Въ Москвѣ онъ ввелъ «штирійскій» танецъ съ прыжками и разными затѣйливыми узорчатыми фигурами.

Независимо отъ обязательныхъ ассамблей, московскіе нѣмцы устраивали въ честь прибывшаго съ государемъ молодато герцога Голштинскаго танцевальные вечера, безъ участія русскихъ, и нельзя—замѣчаетъ Берхгольцъ—вообразить, до какой степени московскія нѣмки любили танцы. Собирались онѣ рано вечеромъ и оканчивали плясать только утромъ на другой день. Въ Москвѣ давалъ балы и голландскій резидентъ; на нихъ исключительно собирались иностранцы и иностранки.

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Москвы на воды въ Олонецъ, Петръ приказалъ, чтобы въ Москвѣ у знатныхъ лицъ были по очереди открыты собранія три раза въ недѣлю по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ. Собранія эти должны были быть точно такія же, какъ ассамблеи въ Петербургѣ. Наблюдать за исполненіемъ этого распоряженія императоръ поручилъ Ягужинскому, который, какъ исполнительный царскій слуга, да и самъ чрезвычайный любитель развлеченій, не преминулъ исполнить данное ему приказаніе безъ малѣйшаго послабленія. Ассамблеи шли своимъ чередомъ, но въ Москвѣ проявлялась при этомъ особенность, какой не существовало въ Петербургѣ, а именно: чванство ввело въ Москвѣ обычай пріѣзжать на ассамблеи тремя-четырьмя часами позже назначеннаго времени, и Ягужинскій долженъ былъ пустить въ ходъ угрозу отъ царскаго имени, чтобы отучить московскихъ барынь отъ такой неаккуратности.

Если въ каждомъ дѣлѣ бываетъ труденъ только первый шагъ, то эта справедливая поговорка примѣняется, какъ нельзя болѣе, къ введенію у насъ танцевъ при Петрѣ Великомъ. Съ перваго разу это нововведеніе было встрѣчено весьма непріязненно, но потомъ танцы полюбились русскимъ дамамъ, и охота къ этому увеселенію распространилась все болѣе и болѣе, такъ что уже въ царствованіе Екатерины I оказывалось ненужнымъ участіе верховной власти и мѣстныхъ начальствъ въ устройствѣ ассамблей, а неумѣніе танцевать считалось уже въ эту пору недостаткомъ образованія. Танцевальное искусство распространяли у насъ плѣнные шведы и заѣзжіе поляки, въ особенности же первые. Само собою разумѣется, что являвшіеся впервые на ассамблеи наши боярыни и боярышни были и смѣшны и неуклюжи. Затянутыя въ

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

лей было—соединить все русское общество въ одинъ кружокъ, сблизить русскихъ съ иностранцами и уничтожить ту московскую разрозненность, одной изъ причинъ которой была боярская снѣсь. Последнее, однако, особенно не удалось Петру Великому, такъ какъ, съ самаго своего возникновенія, русское общество раздѣлилось на особые кружки, члены которыхъ примыкали одинъ къ другому сообразно ихъ знатности и богатству. Точно также не могъ одолѣть Петръ и отчужденности русскихъ отъ иностранцевъ, которая на ассамблеяхъ выражалась, между прочимъ, тѣмъ, что русскія дамы выбирали себѣ кавалеровъ только изъ русскихъ, обходя иностранцевъ, чѣмъ эти послѣдніе очень обижались. Нѣкоторыя, однако, изъ русскихъ дамъ были чрезвычайно любезны и съ иностранцами, и Берхгольцъ говоритъ о нихъ, что онѣ мало чѣмъ уступали французенкамъ и нѣмкамъ въ обращеніи и свѣтскости, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣли даже надъ ними и преимущество.

Ошибочно было бы думать, что ассамблеи временъ Петра отличались тою утонченностію обстановки, которою вскорѣ послѣ него, напримѣръ, уже при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, отличались у насъ собранія высшаго круга. Въ первую пору дѣлалось все проще: въ той комнатѣ, гдѣ обѣдали и ужинали, слуги, убравъ столы, подметали полъ вѣниками, раскрывали зимою окна, чтобы провѣтрить комнату, пропитанную запахомъ кушаньевъ и прокопченную кнастеромъ, и затѣмъ, въ той же самой комнатѣ, пышно разодѣтые кавалеры и дамы принимались за танцы, которые и длились иногда часовъ шесть или семь сряду. Это происходило отъ тѣсноты тогдашнихъ петербургскихъ помѣщеній, почему во время баловъ не было общаго для всѣхъ ужина, но гости дѣлились на двѣ группы, и въ то время, когда одна группа ужинала, другая танцевала.

Кромѣ этихъ неудобствъ, Петровскія ассамблеи отличались попойками, и спиваніе не только мужчинъ, но и дамъ было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Берхгольцъ, камеръ-юнкеръ герцога Голштинскаго, описывая бывшія въ его время увеселенія въ Петербургѣ, безпрестанно по поводу ихъ замѣчаетъ: «сильно пили», а въ одномъ мѣстѣ пишетъ, что онъ, «послѣ вчерашняго опьяненія, былъ при смерти боленъ».

На петровскихъ ассамблеяхъ пили лихо, и даже главный ихъ распорядитель, Ягужинскій, нагружался мертвецки, завода, при своемъ задорномъ нравѣ, ссоры и даже драки. Князь Меншиковъ напился разъ до того, что упалъ замертво, такъ что пришлось подавать ему врачебную помощь. Грубость нравовъ начала, однако, исчезать мало-по-малу, чему въ особенности способствовало присутствіе дамъ въ мужскомъ обществѣ, и въ царствованіе императрицы Елизаветы ассамблеи переродились у насъ въ такіе балы, которые, по ихъ приличію и даже чопорности, мало чѣмъ уступали изящнымъ версальскимъ собраніямъ.

ИСПОСЛАНИЕ ПРИ ПИРЪ ПЛЮБИТЬ.

Изъ *Дневника* императора Николая.

Пиръ убога естъ пошествомъ герцога Голштинскаго брата къ императору-брату, куда бѣла прислаивать вечера вечерами. Онъ бѣла пригласить въ обидчивость при начать грубу маршаломъ, каковою котораго исправила часть князя Голштинскаго. Изъ величества императоръ и императрица бѣла уже такъ до насъ. Малюга новобрачная изъ зрѣнья бросила къ въ глаза. На ней бѣла величественное, каковыя заплоты и срублены, жемчужныя каменья бѣлаятаго дѣла и бѣлавыя бриллиантовый убога на голубой и грубу. Впрочемъ, дучина изъ этикъ драматическаго, каковыя, принадлежали ея кагчерникъ княгини Черкасской, которая на сей разъ бѣла дѣла весьма просто и на голубой нѣкъ только нѣсколькыя бриллианты. Новобрачная бѣла въ этотъ день необыкновенно хороша. Молодой бѣла одѣтъ просто, говорить, онъ бѣлавыя брилья, и я, какъ императоръ, сердечко скажало объ этой хорошенькой женщицѣ, которая должна прожить свои молодые годы такими странными образомъ: да и бракъ этотъ, какъ рассказываютъ, состоялся совершенно противъ ея воли. У стараго князя, сколько я знаю, только трое дѣтей, именно: княгиня Черкасская, котора еше другая, очень нѣкая, незамужняя дочь и сынъ, который, говорить, женится въ Москвѣ на младшей Головкиной, какъ скоро прѣдетъ туда карская фамиля. Этотъ молодой человекъ покажется только деньщикомъ при императорѣ, но пользуется его расположеніемъ; онъ говорить во-нѣскки и вообще довольно хорошо образованъ. Отецъ его имѣетъ польскій орденъ Бѣлаго Ордя. Императоръ и здѣсь, какъ всегда, бѣла посаженныи отцомъ жениха, а императрица — посаженою матерью невесты. Въ этотъ второй свадебный день я не замѣтилъ ничего особеннаго противъ перваго дня, кромѣ развѣ того, что въ первый, при началѣ обѣда, было только два выхода — обѣихъ подругъ невесты и дружки, а тутъ прибавился еще одинъ, по порядку первый—выходъ новобрачнаго. Онъ вошелъ, подобно тѣмъ, предшествующимъ трубацами, шаферами и маршаломъ; до его появления противъ его мѣста сняли нѣсколько блюдъ и поставили поперекъ стола рядъ опрокинутыхъ тарелокъ, а у стола стулъ, на которомъ молодой потомъ сталъ и по тарелкамъ прошелъ на свое мѣсто. Подойдя подѣ вѣнокъ, висѣвшій надъ невестою, онъ сорвалъ его и, сѣвъ на мѣсто, подержалъ нѣсколько надъ ея головою, потомъ поцѣловалъ молодую и снова держалъ его у нея передъ глазами и надъ головою (на все это она смотрѣла очень насмѣшливо); въ послѣдній разъ, держа вѣнокъ, онъ опустилъ его такъ низко, что стрѣлка, воткнутая въ косу новобрачной, запуталась въ немъ. Его съ трудомъ наконецъ отпутали и передали одному изъ шаферовъ. Тосты за здоровье были обыкновенныя. За обѣдомъ много сѣбались, частью надъ тѣмъ поручикомъ гвардіи, который можетъ такъ страшно хохотать и о которомъ я уже упоминалъ какъ-то, частью надъ старымъ Иваномъ Михайловичемъ, отцомъ невесты, сидѣвшимъ противъ императора, который все съ нимъ шутилъ. Кто не видалъ, тотъ не можетъ представить себѣ, какое огромное ко-

личество желе съѣдаетъ этотъ старикъ съ величайшею поспѣшностью. Онъ взялъ себѣ (я не лгу) большое блюдо, уставленное стаканами и блюдечками. Императоръ, уже знавшій его слабость, тотчасъ замѣтилъ это и велѣлъ ему открыть ротъ, а самъ всталъ съ своего мѣста, взялъ стаканъ съ желе и, отдѣливъ его ножомъ, влилъ однимъ разомъ тому въ горло, что повторялъ нѣсколько разъ и даже своими руками открывалъ Ивану Михайловичу ротъ, когда онъ развѣвалъ его недовольно широко. Бѣдный дружка (молодой князь Трубецкой) также терпѣлъ немало за столомъ императрицы: лишь только государыня подавала знакъ, сестра его, княгиня Черкасская, прислуживавшая за обѣдомъ и стоявшая позади брата, начинала щекотать ему подъ шейю, а онъ всякій разъ принимался реветъ, какъ теленокъ, котораго рѣжутъ, что гостей очень потѣшало. Послѣ обѣда начались танцы, сперва церемоніальные, точно-въ-точь какъ въ первый свадебный день, безъ всякой перемѣны. По окончаніи ихъ его высочество пригласилъ императрицу на польскій, который продолжался довольно долго; потомъ его высочество танцевалъ съ новобрачною менуэтъ, а затѣмъ еще со многими дамами, потому что его часто выбирали. Ея величество императрица во все это время сидѣла подъ тѣмъ же балдахиномъ, подъ которымъ сидѣла и за обѣдомъ. Императоръ ходилъ взадъ и впередъ, или сидѣлъ то съ своими министрами, то съ императрицею; онъ обыкновенно помѣщался возлѣ нея съ правой стороны, а его королевское высочество, когда не танцевалъ, постоянно съ лѣвой, и ея величество (какъ почти всегда) много съ нимъ разговаривала. Императоръ былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа: когда танцевалъ какой-то графъ (дѣлавшій сильныя движенія руками и всѣмъ тѣломъ), онъ началъ сперва сидя подражать ему, чему императрица отъ души смѣялась; потомъ, когда тотъ сталъ танцевать во второй разъ, онъ всталъ, подошелъ къ его высочеству и, показывая пальцами на танцовавшаго, повторялъ всѣ его тѣлодвиженія. Его высочество много смѣялся этому. Послѣ нѣсколькихъ часовъ танцованья императоръ началъ со всѣми стариками одинъ танецъ, котораго я не могу назвать. Ихъ было 8 или 9 паръ, а именно императоръ съ императрицею, великій адмиралъ, новобрачный, вице-канцлеръ, князь Валахскій, генералъ князь Голицынъ и другой князь Голицынъ, братъ его, который исправлялъ должность маршала. Всѣ они должны были танцевать съ молодыми дамами. Старый генералъ-маіоръ Бутурлинъ и генералъ-маіорша Бадкъ составляли девятую пару. Императоръ, будучи очень веселъ, дѣлалъ одну за другою капризныя обѣими ногами. Такъ какъ старики сначала путались, и танецъ, поэтому, всякій разъ должно было начинать снова, то государь сказалъ наконецъ, что выучить ихъ весьма скоро, и затѣмъ, протанцовавъ имъ его, объявилъ, что если кто теперь собьется, тотъ выпьетъ большой штрафной бокалъ. Тогда дѣло пошло отлично на ладъ; но лишь только танецъ кончился и бѣдные старики, запыхавшіеся и едва стоявшіе на ногахъ отъ усталости, сѣли отдыхать, какъ императоръ снова началъ танцевать польскій, въ которомъ они, не успѣвъ даже порядочно усѣсться, опять должны были участвовать, чѣмъ наконецъ утомилъ ихъ до того, что они, навѣрно, не оправились и на другой день. Вслѣдъ затѣмъ его величество хотѣлъ начать менуэтъ съ императрицею, но такъ какъ она отказалась, боясь, можетъ быть, чтобы это ему не повредило и, вѣроятно, сама чувствуя

усталость, то онъ взялъ ее подъ руку, пожелалъ всѣмъ спокойной ночи и уѣхалъ съ величайшею поспѣшностью. За ними, простясь съ ново-брачными и дѣтьми князя, уѣхалъ и его высочество. Было около половины десятаго, когда онъ возвратился домой.

10-го начался большой маскарадъ, который долженъ былъ продолжаться цѣлую недѣлю, и въ этотъ же день праздновалась свадьба князя-папы со вдовою его предмѣстника, которая цѣлый годъ не соглашалась выйти за него, но теперь должна была повиноваться волѣ царя. Было приказано, чтобы сегодня, по сигнальному выстрѣлу изъ пушки, всѣ маски собрались по ту сторону рѣки на площади, которая вся была устлана досками, положенными на бревна, потому что мѣсто тамъ очень болотисто и не вымощено. Площадь эта находится передъ Сенатомъ и церковью Св. Троицы, имѣя съ одной стороны зданія художествъ, съ другой — крѣпость, съ третьей — зданія всѣхъ Коллегій, а съ четвертой — Неву. По срединѣ ея стоитъ упомянутая церковь Св. Троицы, а передъ Сенатомъ возвышается большая деревянная пирамида, воздвигнутая въ память отнятія у Шведовъ въ 1714 году четырехъ фрегатовъ, въ которомъ царь самъ участвовалъ, за чтó и былъ произведенъ княземъ-кесаремъ въ вице-адмиралы. Она украшена разнаго рода девизами. Въ 8 часовъ утра послѣдовалъ сказанный сигналъ, и его высочество съ своими кавалерами отправился на баркѣ къ сборному мѣсту, но пока мѣстъ въ плащахъ. Въ этотъ день въ крѣпости не только подняли большой праздничный флагъ (изъ желтой матеріи съ изображеніемъ чернаго двуглаваго орла), но и палили, въ знакъ торжества, изъ пушекъ, какъ и на галерахъ, стоявшихъ по рѣкѣ. Между тѣмъ, всѣ маски въ плащахъ съѣхались на сборное мѣсто, и пока особо-назначенные маршалы раздѣляли и разставляли ихъ по группамъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ должны были слѣдовать другъ за другомъ, ихъ величества, его высочество и знатнѣйшіе изъ вельможъ находились у обѣдни въ Троицкой церкви, гдѣ совершилось и бракосочетаніе князя-папы, котораго вѣнчали въ полномъ его костюмѣ. Когда же, по окончаніи этой церемоніи, ихъ величества со всѣми прочими вышли изъ церкви, самъ царь, какъ было условлено напередъ, ударилъ въ барабанъ (его величество представлялъ корабельнаго барабанщика, и ужъ конечно не жалѣлъ старой телячьей кожи инструмента, будучи мастеромъ своего дѣла и начавъ, какъ извѣстно, военную службу съ этой должности); всѣ маски разомъ сбросили плащи, и площадь заестрѣла разнообразнѣйшими костюмами. Открылось вдругъ около 1000 масокъ, раздѣленныхъ на большія группы и стоявшихъ на назначенныхъ для нихъ мѣстахъ. Онѣ начали медленно ходить на большой площади процессіей, по порядку номеровъ, и гуляли такимъ образомъ часа два, чтобы лучше разсмотрѣть другъ друга. Царь, одѣтый, какъ сказано, голландскимъ матросомъ или французскимъ крестьяниномъ и въ то же время корабельнымъ барабанщикомъ, имѣлъ черезъ плечо черную бархатную, обшитую серебромъ, перевязь, на которой висѣлъ барабанъ, и исполнялъ свое дѣло превосходно. Передъ нимъ шли три трубача, одѣтые арабами, съ бѣлыми повязками на головахъ, въ бѣлыхъ фартукахъ и въ костюмахъ, обложенныхъ серебрянымъ галуномъ, а возлѣ него три другіе барабанщика, именно: генераль-лейтенантъ Бутурлинъ, генераль-маіоръ Чернышевъ и гвардіи маіоръ Мамоновъ, изъ которыхъ оба первые были одѣты, какъ

его величество. За ними слѣдовалъ князь-кесарь въ костюмѣ древнихъ царей, т. е. въ бархатной мантии, подбитой горностаемъ, въ золотой коронѣ и со скипетромъ въ рукѣ, окруженный толпою слугъ въ старинной русской одеждѣ. Царица, заключавшая со всѣми дамами процессію, была одѣта голландской или фризской крестьянкой — въ душегрѣйкѣ и юбкѣ изъ чернаго бархата, обложенныхъ красною тафтою, въ простомъ чепцѣ изъ голландскаго полотна, и держала подъ рукою небольшую корзинку. Эту костюмъ ей очень шелъ. Передъ нею шли ея гобоисты и три камеръ-юнкера, а по обѣимъ сторонамъ 8 арабовъ въ индѣйской одеждѣ изъ чернаго бархата и съ большими цвѣтами на головахъ. За государынею слѣдовали двѣ дѣвицы Нарышкины, одѣтыя точно такъ, какъ она, а за ними всѣ дамы, именно: сперва придворныя, также въ крестьянскихъ платьяхъ, но не изъ бархата, а изъ бѣлаго полотна и тафты, красиво обшитыхъ красными, зелеными и желтыми лентами, потомъ остальные, переодѣтыя пастушками, нимфами, негритянками, монахинями, арлекинами, скварамушами; нѣкоторыя имѣли старинный русскій костюмъ, испанскій и другіе, и всѣ были очень милы. Все шествіе заключалъ большой толстый францисканецъ въ своемъ орденскомъ одѣяніи и съ странническимъ посохомъ въ рукѣ. За группу царицы, какъ за царемъ, шла княгиня-кесарша Ромодановская, въ костюмѣ древнихъ царицъ, т. е. въ длинной красной бархатной мантии, отороченной золотомъ, и въ коронѣ изъ драгоценныхъ камней и жемчуга. Женщины ея свиты имѣли также старинную русскую одежду. Его королевское высочество, нашъ герцогъ, былъ съ своею группою въ костюмѣ французскихъ виноградарей, въ шелковыхъ фуфайкахъ и панталонахъ разныхъ цвѣтовъ, красиво обложенныхъ лентами. Шляпы у нихъ были обтянуты тафтою и обвиты вокругъ тульи лозами съ виноградными кистями изъ воска. Его высочество, въ костюмѣ розоваго цвѣта, шелъ одинъ впереди, отличаясь отъ своей группы тѣмъ, что имѣлъ подъ тафтяной фуфайкой короткій парчевый камзолъ, входившій въ панталоны, и что, вмѣсто шнурковъ и лентъ, платье его было обшито серебрянымъ галуномъ. Кромѣ того, онъ держалъ въ рукѣ виноградный серпъ. За нимъ шла его свита въ три ряда, по три человѣка въ каждомъ, именно: первый рядъ въ зеленыхъ костюмахъ, второй — въ желтыхъ, третій — въ голубыхъ. Ленты на тафтяныхъ фуфайкахъ были у нихъ разноцвѣтныя, но нашиты у всѣхъ одинаково, шляпы же одного цвѣта. Группу эту заключалъ г. фонъ-Альфельдъ, въ костюмѣ темнокраснаго цвѣта, обшитомъ, какъ и у герцога, галуномъ, но очень узкимъ. Первый рядъ составляли тайный совѣтникъ Клауссенгеймъ, Бонде и Ранцау, второй — тайный совѣтникъ Бассевичъ, Штенфлихъ и Сальдернъ, третій — тайный совѣтникъ Геспенъ, Лорхъ и Штамке. Мы, прочіе, были на этотъ разъ только зрителями, потому что свита герцога не могла быть больше. Группа его высочества была одною изъ лучшихъ. Маски, слѣдовавшія за нею, отличались красивыми и самыми разнообразными костюмами. Одни были одѣты, какъ гамбургскіе бургомистры, въ ихъ полномъ нарядѣ изъ чернаго бархата (между ними находился и князь Меншиковъ), другіе, именно: гвардейскіе офицеры — какъ римскіе воины, въ размалеванныхъ латахъ, въ шлемахъ и съ цвѣтами на головахъ; третьи — какъ турки, индѣйцы, испанцы (въ числѣ ихъ былъ крещеный жидъ и шутъ царя — Ла-Коста), персіане, китайцы, епископы, прелаты, каноники.

аббаты, капуцины, доминиканцы, иезуиты; нѣкоторые, какъ государственные министры, въ шелковыхъ мантияхъ и большихъ парикахъ, или какъ венеціанскіе *pobili*; наконецъ, многие были наряжены жидами (здѣшніе купцы), корабельщиками, рудокопами и другими ремесленниками. Самими странными были князь-папа изъ рода Бутурлиныхъ, и коллегія кардиналовъ въ ихъ полномъ нарядѣ. Всѣ они величайшіе и развратнѣйшіе пьяницы; но между ними есть нѣкоторые изъ хорошихъ фамилій. Коллегія эта и глава ея, такъ называемый князь-папа, имѣютъ свой особый уставъ и должны всякій день напиваться до-пьяна пивомъ, водкой и виномъ. Какъ скоро одинъ изъ ея членовъ умираетъ, на мѣсто его тотчасъ со многими церемоніями избирается другой отчаянный пьяница. Поводомъ къ учрежденію ея царемъ былъ, говорятъ, слыхкомъ распространившійся между его подданными, особенно между знатными лицами, порокъ пьянства, который онъ хотѣлъ осмѣять и вмѣстѣ съ тѣмъ предостеречь послѣднихъ отъ позора. Многие губернаторы и другіе сановники имѣли въ этомъ случаѣ одинаковую участь съ людьми, менѣе ихъ знатными, и не были избавлены отъ поступленія въ коллегію. Но другіе думаютъ, что царь насмѣхается надъ папою и его кардиналами, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ рассказываютъ, не щадитъ никого и у себя. По его приказанію, ежегодно, въ извѣстный день, князь-папа съ своими кардиналами ѣздитъ по всему городу и дѣлаетъ визиты верхомъ на волахъ или ослахъ, или въ саняхъ, въ которыя запрягаютъ свиней, медвѣдей, или козловъ. Я думаю скорѣе, что его величество имѣлъ въ виду первую причину. Конечно, онъ можетъ имѣть тутъ и еще другую, скрытую цѣль, потому что, какъ государь мудрый, всячески заботится о благѣ своего народа и всѣми мѣрами старается искоренять въ немъ старыя грубыя предрасудки. Я-было забылъ при этомъ случаѣ упомянуть, что князь-папа для прислуги имѣетъ 10 или 12 человекъ, тщательно набираемыхъ для него во всемъ государствѣ, которые не могутъ говорить, какъ слѣдуетъ, страшно заикаются и дѣлаютъ притомъ самыя разнообразныя тѣлодвиженія. Они обязаны прислуживать ему и всей коллегіи во время празднествъ и имѣютъ свой особенный смѣшной костюмъ. Но возвращаюсь къ маскараду. Кромѣ названныхъ мною масокъ, были еще въ разныхъ уморительныхъ нарядахъ сотни другихъ, которыя бѣгали съ бичами, пузырями, наполненными горохомъ, погремушками и свистками, и дѣлали множество шалостей. Были нѣкоторыя и отдѣльныя смѣшныя маски, какъ напримѣръ, турецкій муфти въ обыкновенномъ своемъ одѣяніи, Бахусъ въ тигровой кожѣ и увѣшанный виноградными лозами, очень натуральный, потому что его представлялъ человекъ приземистый, необыкновенно толстый и съ распухшимъ лицомъ. Говорятъ, его передъ тѣмъ цѣлые три дня постоянно поили, при чемъ ни на минуту не давали ему заснуть. Весьма недурны были Нептунъ и другіе боги; но особенно хорошъ и чрезвычайно натураленъ былъ Сатиръ (танцмейстеръ князя Меншикова), дѣлавшій на ходу искусныя и трудныя прыжки. Многие очень искусно представляли журавлей. Огромный французъ царя и одинъ изъ самыхъ рослыхъ гайдуковъ были одѣты, какъ маленькія дѣти, и ихъ водили на помочахъ два крошечные карла, наряженные стариками съ длинными сѣдыми бородами. Нѣкоторые щеголяли въ костюмѣ прежнихъ бояръ, т. е. имѣли длинныя бороды, высокія соболя шепки и парчевые каф-

таны подъ шелковыми охабнями и ѣздили верхомъ на живыхъ ручныхъ медвѣдяхъ. Такъ - называемый виташій или тайный кухмистеръ былъ весь зашитъ въ медвѣжью шкуру и превосходно представлялъ медвѣда; сначала онъ нѣсколько времени вертѣлся въ какой-то машинѣ, похожей на клѣтки, въ которыхъ прыгаютъ бѣлки, но потомъ долженъ былъ ѣздить верхомъ на медвѣдѣ. Кто-то представлялъ индѣйскаго жреца, увѣшаннаго бубенчиками и въ шляпѣ съ огромными полями. Нѣсколько человѣкъ были наряжены, какъ индѣйскіе цари, въ перья всевозможныхъ цвѣтовъ, и т. д. Погулавъ, при стеченіи тысячъ народа, часа два по площади и разсмотрѣвъ хорошенъко другъ друга, всѣ маски, въ томъ же порядкѣ, отправились въ зданіа сената и коллегій, гдѣ за множествомъ приготовленныхъ столовъ князь-папа долженъ былъ угощать ихъ свадебнымъ обѣдомъ. Новобрачный и его молодая, лѣтъ 60-ти, сидѣли за столомъ подъ прекрасными балдахинами; онъ—съ царемъ и господами кардиналами, а она—съ дамами. Надъ головою князя-папы висѣлъ серебряный Бахусъ, сидящій верхомъ на бочкѣ съ водкой, которую тотъ цѣдилъ въ свой стаканъ и пилъ. Въ продолженіе всего обѣда человѣкъ, представлявшій на маскарадѣ Бахуса, сидѣлъ у стола также верхомъ на винной бочкѣ и страшно принуждалъ папу и кардиналовъ пить; онъ вливалъ вино въ какой-то боченокъ, при чемъ они постоянно должны были отвѣчать ему. Послѣ обѣда сначала танцовали, потомъ царь и царица, въ сопровожденіи множества масокъ, отвели молодыхъ къ брачному ложу. Женихъ въ особенности былъ невообразимо пьянъ. Брачная комната находилась въ упомянутой широкой и большой деревянной пирамидѣ, стоящей передъ домомъ сената. Внутри ее нарочно освѣтили свѣчами, а ложе молодыхъ обложили хмѣлемъ и обставили кругомъ бочками, наполненными виномъ, пивомъ и водкой. Вечеромъ всѣ дома въ городѣ были иллюминированы, и царь приказалъ, чтобъ это продолжалось во все время маскарада. Особенно красивы были со стороны рѣки царскіе дворецъ и садъ.

11-го, послѣ обѣда, всѣ маски, по данному сигналу, собрались опять на вчерашнее мѣсто, чтобы проводить новобрачныхъ черезъ рѣку въ почтовый домъ, гдѣ положено было праздновать другой день свадьбы. Всѣ въ томъ же порядкѣ, какъ наканунѣ, отправились въ особенный домъ князя-папы, гдѣ онъ стоялъ у дверей и по своему привѣтствовалъ каждого гостя. Всякій, прежде чѣмъ проходилъ далѣе, выпивалъ при входѣ по деревянной ложкѣ водки изъ большой чаши, потомъ поздравлялъ папу и цѣловался съ нимъ. Послѣ того молодые присоединились въ процессіи масокъ, которыя, обойдя раза два вокругъ пирамиды, гдѣ тѣ ночевали, сѣли на суда и переѣхали, подъ разную музыку и при пушечной пальбѣ въ крѣпости и адмиралтействѣ, на другую сторону рѣки, въ почтовый домъ, назначенный для угощенія. Машина, на которой переѣхали черезъ рѣку князь-папа и кардиналы, была особеннаго, страннаго изобрѣтенія. Сдѣланъ былъ плотъ изъ пустыхъ, но хорошо закупоренныхъ бочекъ, связанныхъ по двѣ вмѣстѣ. Всѣ онѣ, въ известномъ разстояніи однѣ отъ другихъ, составляли шесть паръ. Сверху, на каждой парѣ большихъ бочекъ, были прикрѣплены по срединѣ еще бочки поменьше или ушатъ, на которыхъ сидѣли верхомъ кардиналы, крѣпко привязанные, чтобъ не могли упасть въ воду. Въ этомъ видѣ они плыли одинъ за другимъ, какъ гуси. Передъ ними ѣхалъ большой пивной ко-

тель съ широкимъ досчатымъ бортомъ снаружи, поставленный также на пустыя бочки, чтобъ лучше держался на водѣ, и привязанный канатами и веревками къ заднимъ бочкамъ, на которыхъ сидѣли кардиналы. Въ этомъ-то котлѣ, наполненномъ крѣпкимъ пивомъ, плавалъ князь-папа въ большой деревянной чашѣ, какъ въ лодкѣ, такъ что видна была почти одна только его голова. И онъ, и кардиналы дрожали отъ страху, хотя совершенно напрасно, потому что приняты были всѣ мѣры для ихъ безопасности. Впереди всей машины красовалось большое, вырѣзанное изъ дерева, морское чудовище, и на немъ сидѣлъ верхомъ явившійся на маскарадѣ Нептунъ съ своимъ трезубцемъ, которымъ онъ повертывалъ иногда князя-папу въ его котлѣ. Сзади на борту котла, на особой бочкѣ, сидѣлъ Бахустъ и безпрестанно черпалъ пиво, въ которомъ плавалъ папа, не мало сердившійся на обоихъ своихъ сосѣдей. Всѣ эти бочки, большія и малыя, влеклись нѣсколькими лодками, при чемъ кардиналы производили шумъ коровьими рогами, въ которыя должны были постоянно трубить. Когда князь-папа хотѣлъ выйти изъ своего котла на берегъ, нѣскольکو человекъ, нарочно подосланныхъ царемъ, какъ бы желая помочь ему, окунули его совсѣмъ съ чашею въ пиво, за что онъ страшно сердился на его величество, очень хорошо понявъ, что былъ выкупанъ въ пиво по его приказанію. Послѣ того всѣ маски отправились въ почтовый домъ, гдѣ пили и цировали до поздняго вечера.

12-го, послѣ обѣда, маски опять собрались у почтоваго дома, откуда поѣхали кататься на разныхъ судахъ, изъ которыхъ многія могли вмѣстить до ста человекъ и были снабжены большими русскими качелями, такъ что во время плаванія всякій, кто имѣлъ охоту, могъ качаться. Его королевское высочество съ своею свитою, а царь и царица со многими дамами и кавалерами имѣли свои особыя суда съ качелями. Князь-папа и кардиналы ѣздили на той же машинѣ, на которой вчера переправлялись черезъ рѣку. Въ этомъ порядкѣ всѣ маски отправились къ князю Меншикову, который угощалъ ихъ въ своемъ саду. Тамъ оставались до вечера, когда наконецъ всякій могъ свободно ѣхать домой.

13-го былъ роздыхъ, и маски не собирались. Его высочество съ тремя тайными совѣтниками, также Штенфлихтомъ, Альфельдомъ, Ранцау и графомъ Бонде, обѣдалъ у полковника Кампенгаузена, жена котораго статсъ-дамою при царицѣ. Оттуда они ѣздили къ Нарышкину, у котораго нашли Ягужинскаго, только-что возвратившагося наканунѣ изъ Або, а потомъ къ г-жѣ Вильбоа, также статсъ-дамѣ, и къ княгинѣ Черкасской (мужъ которой былъ прежде Сибирскимъ вице-губернаторомъ), живущей по ту сторону рѣки, и наконецъ ужинали у Лёвольда.

14-го маски опять собирались послѣ обѣда на другой сторонѣ рѣки, но скоро разошлись, проѣхавъ только внизъ до дому Головкина. Послѣ того его высочество ѣздилъ къ маіору гвардіи Румянцеву, къ оберъ-полиціймейстеру Девьеру и къ княгинѣ Валахской, гдѣ нашелъ общество дамъ и очень весело провелъ вечеръ.

15-го его королевское высочество, прогулявшись понапрасну на ту сторону рѣки, потому что маски не оставались вмѣстѣ, ѣздилъ къ князю-папѣ, а отъ него къ великому адмиралу Апраксину, гдѣ и пробылъ до вечера. Тамъ возникъ споръ между Альфельдомъ и Лорхомъ, но послѣдній на другое же утро пошелъ къ своему противнику, и они опять стали друзьями.

16-го его величество царь съ 50-ю или 60-ю масками прѣхалъ обѣдать къ его королевскому высочеству. Онъ былъ чрезвычайно веселъ, много пилъ, даже танцевалъ по столамъ и пѣлъ пѣсни. Мы убѣдились изъ этого, что онъ иногда можетъ быть въ прекрасномъ расположеніи духа, особенно если окружающія его лица ему не противны. Его приближенные, въ томъ числѣ фавориты и шуты, умѣютъ пользоваться такими случаями и бываютъ съ нимъ свободны, какъ съ товарищемъ. Въ такомъ веселомъ расположеніи его величество пробылъ у насъ до 8-ми часовъ вечера. Въ этотъ день прибывшій сюда императорскій австрійскій посоль, графъ Кинскій, присылалъ увѣдомить его королевское высочество о своемъ прѣздѣ. Герцогъ зналъ его еще прежде въ Бреславлѣ; онъ человекъ чрезвычайно пріятный и привѣтливый.

17-го его королевское высочество и всѣ другія маски были послѣ обѣда въ Адмиралтействѣ, гдѣ закладывали киль для военнаго корабля. Главный строитель Головинъ, онъ же и генераль-майоръ по арміи, учившійся кораблестроенію вмѣстѣ съ царемъ въ Голландіи (но знающій немного и получившій это званіе только въ качествѣ царскаго любимца), долженъ былъ вбить первый гвоздь и прежде всѣхъ помазать киль дегтемъ, послѣ чего прочіе корабельщики, въ томъ числѣ и самъ царь, послѣдовали его примѣру. Его величество трудился и работалъ усерднѣе всѣхъ. По этому случаю въ адмиралтействѣ палили изъ пушекъ. Ихъ величества со всѣми присутствовавшими прошли потомъ въ флаговой залъ, гдѣ приготовлена была закуска. Въ этомъ залѣ развѣшаны подъ потолкомъ всѣ флаги, знамена и штандарты, отняты въ продолженіе послѣдней войны у Шведовъ. Побывъ тамъ нѣсколько времени, всѣ отправились въ новый домъ великаго адмирала (одинъ изъ лучшихъ во всемъ Петербургѣ, но еще не отдѣланный), гдѣ съ галерей смотрѣли на травлю льва съ огромнымъ медвѣдемъ, которые оба были крѣпко связаны и притянуты другъ къ другу веревками. Всѣ думали, что медвѣдю придется плохо, но вышло иначе: левъ оказался трусливымъ и почти вовсе не защищался, такъ что еслибъ медвѣдя во-время не оттащили, онъ непремѣнно одолѣлъ бы его и задушилъ. Травля продолжалась не долго, потому что царю не хотѣлось потерять льва. Отъ Апраксина ея величество царица со многими дамами и кавалерами поѣхала къ его королевскому высочеству гдѣ послѣ закуски и кофе нѣсколько часовъ танцевали. Часовъ въ восемь государыня уѣхала, но прочія дамы оставались еще съ часъ и продолжали танцевать. Когда всѣ посторонніе разѣхались, его высочество съ нѣкоторыми изъ насъ отправился на рѣку и разсматривалъ иллюминацію, причемъ съ нами были и наши волторнисты. Проѣзжая мимо царскаго дворца, мы видѣли у окна обѣихъ принцессъ, которыя, въ величайшему сожалѣнію его высочества, не участвовали въ маскарадѣ и оставались только зрительницами. Сегодня окончился маскарадъ, и хотя въ продолженіе 8-ми дней наряженные не постоянно собирались, однакожь никто, подъ штрафомъ 50 рублей, не смѣлъ все это время ходить иначе, какъ въ маскѣ. Поэтому всѣ радовались, что удовольствія на первый разъ кончились.

ХСІІ. ОПИСАНІЕ БОЛЬШАГО МАСКАРАДА ПО СЛУЧАЮ ПОТѢШНОЙ СВАДЬБЫ ЗОТОВА.

(Изъ «Замисокъ» Фридриха-Христиана Вебера, Брауншвейгъ-Люнебургскаго резидента въ Россіи, изданныхъ на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Das veränderte Russland» «Русскій Архивъ» за 1872 г.).

Большой маскарадъ, къ которому весь Дворъ готовился уже три мѣсяца, праздновался наконецъ 27-го и 28-го января и такъ какъ подобнаго маскарада, можетъ быть, никогда не бывало на свѣтѣ, то я не могу не коснуться здѣсь, хотя вкратцѣ, главнѣйшихъ его обстоятельствъ.

Въ дѣтствѣ у царя былъ учитель чистописанія, нѣкто Зотовъ, котораго онъ, семидесятилѣтняго уже старика, сдѣлалъ потѣшнымъ совѣтникомъ (lustiger Rath), произвелъ въ шутку въ патріархи, потомъ, въ такомъ же смыслѣ, даровалъ ему княжеское достоинство и наконецъ объявилъ папою, въ каковомъ качествѣ царь и женилъ его, когда ему было уже 84 года, на здоровой и бодрой еще 34-лѣтней вдовѣ. По случаю этой-то свадьбы и назначенъ былъ маскарадъ изъ 400 человекъ обоого пола, въ которомъ каждыя 4 лица должны были имѣть свой костюмъ и особый музыкальный инструментъ, такимъ образомъ, что всѣ вмѣстѣ должны были представить 100 различныхъ костюмовъ и музыку всѣхъ, преимущественно азіатскихъ, націй. Тѣ четыре особы, которыя должны были приглашать на свадьбу, выбраны изъ самыхъ сильныхъ зайекъ, какихъ только можно было отыскать въ Россіи. Свадебнымъ маршаломъ, шаферами, друзьями и другими свадебными прислужниками выбраны окаменѣвшіе уже отъ лѣтъ старики, которые не могли ни стоять, ни видѣть что либо; а въ скороходы назначены такія тучныя особы, которыхъ нужно было водить, по тяжести ихъ тѣла, и которыя почти всю жизнь свою возились съ подагрой.

Подставной царь Московскій по одеждѣ представлялъ собою царя Давида, но вмѣсто арфы ему дана была обтянутая медвѣжьей кожей лира, которою онъ долженъ былъ потрясать въ поѣздѣ. Какъ важнѣйшее лицо, его везли на особыхъ козлахъ, придѣланныхъ къ огромнымъ санямъ, и на 4-хъ концахъ этихъ возель посажено столько же огромныхъ дикихъ медвѣдей, которыхъ приставленные нарочно для того люди кололи острыми рогатинами и заставляли страшно ревѣть, какъ только царь Давидъ, а по его примѣру и все остальное общество, начинали свою дикую музыку, неистово заглушая другъ друга.

Самъ царь одѣтъ былъ фризскимъ крестьяниномъ и вмѣстѣ съ тремя другими генералами искусно выколачивалъ на барабанѣ. При такой обстановкѣ и подъ звонъ колоколовъ, маски сопровождали неровную брачную чету въ главную церковь и поставили ее передъ алтаремъ, гдѣ и обвѣнчалъ ее столѣтній священникъ. Передъ этимъ послѣднимъ, потерявшимъ уже зрѣніе и память, и еле стоявшимъ съ очками на носу, держали двѣ свѣчи, и въ уши кричали ему, какія онъ долженъ былъ читать молитвы передъ брачною четю. Изъ церкви процессія отправилась въ царскій дворецъ, гдѣ веселое пированіе продолжалось нѣсколько

дней и сопровождалось катаньем на саняхъ, во время котораго также продѣлывались разныя забавныя потѣхи. Но дальнѣйшій разсказъ о нихъ былъ бы утомителенъ: и описаннаго довольно, чтобы показать, что при всѣхъ тяжкихъ заботахъ своихъ по управленію царь можетъ думать и о забавахъ и обладаетъ богатою для того изобрѣтательностью.

XCIV. ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Изъ соч. Водовозова: «Очерки изъ русской исторіи XVIII-го вѣка»).

Знакомство съ подробностями домашней жизни Петра Великаго важно для насъ въ томъ отношеніи, что даетъ намъ возможность окончательно уяснить себѣ его личность. Тутъ намъ представятся еще ярче всѣ рѣзко выдающіяся черты этой личности: неугомонная живость его характера, его дѣловой умъ и общительность, съ какою онъ совершенно забывалъ о своей власти. Въ Петербургѣ Петръ вставалъ вмѣстѣ съ зарею, отправлялся въ адмиралтейство смотрѣть за работами, или къ Меншикову, обѣдалъ обыкновенно въ полдень, иногда у себя, а чаще, гдѣ случалось, у приближенныхъ, или у купцовъ и какихъ-нибудь мастеровъ, послѣ обѣда всегда отдыхалъ часъ, другой, а потомъ опять принимался за работу. Въ праздничные дни, отдохнувъ и занявшись дѣломъ послѣ обѣда, онъ возвращался къ гостямъ, которые въ этомъ случаѣ не смѣли расходиться, и пировалъ иногда далеко за полночь, выпивая не одну бутылку венгерскаго, а потомъ вдругъ встанеть и тотчасъ же ѣдетъ въ Кронштадтъ или въ Шлиссельбургъ, или куда-нибудь подальше. Одѣвался онъ очень просто. Когда, ради праздника, ему случалось надѣвать свой кафтанъ на соболемъ мѣху, то замѣчали, что спинка и рукава этого кафтана подбиты простымъ мѣхомъ. Однажды, къ удивленію всѣхъ, онъ явился на свадьбу въ богатомъ экипажѣ шестернею, но оказалось, что экипажъ этотъ, для пушаго торжества, занялъ онъ у Ягужинскаго. Обыкновенно ѣздилъ онъ въ самомъ простомъ кабріолетѣ въ одну лошадь. На водѣ его всегда видѣли въ открытой шляпѣ, какое бы ни было ненастье, тогда какъ вельможи катались обыкновенно въ закрытыхъ баркахъ. Царь не любилъ ни картъ, ни охоты: любимымъ его развлеченіемъ было кататься по Невѣ, да фейерверки. Петръ устроилъ въ Петербургѣ особую верфь для постройки мелкихъ судовъ. Суда эти раздавались приближеннымъ, или раскупались жителями, и каждое воскресенье, по данному сигналу, всѣ должны были ѣхать на нихъ къ Троицкой площади, чтобы отсюда начать правильныя катанья. Петръ имѣлъ цѣлю этимъ заохотить жителей къ водѣ и научить искусству въ плаваніи. Надѣ этимъ нескимъ флотомъ начальствовалъ особый адмиралъ; онъ ѣхалъ впереди и никто не смѣлъ обгонять его. На всѣхъ лодкахъ слѣдили за его движеніями: поворачивалъ онъ — и всѣ поворачивали, распускалъ паруса — и всѣ распускали. Эта ѣзда, напоминавшая морскія упражненія, была очень красива. До сотни и болѣе лодокъ, на всѣхъ парусахъ, какъ лебеди, стройно носились по Невѣ, пестрѣли раз-

нощвѣтными флагами; съ нѣкоторыхъ стрѣляли изъ маленькихъ пушекъ, съ другихъ раздавались трубы и волторны. Царь съ приближенными заѣзжалъ иногда къ князю-кесарю испить его крѣпкой перцовки, которая потомъ цѣлый день жгла горло; но отъ нея не могли отказываться и дамы. Иногда весь маленький флотъ отправлялся къ Екатерингофу, а то царь пускался со всѣми и въ Кронштадтъ, и тутъ гуляющихъ порою разбрасывало бурей по взморью, и сидѣли они цѣлую ночь подъ дождемъ гдѣ нибудь на болотѣ: забава выходила не очень пріятною. Петръ такъ любилъ кататься, что, когда оставалась какая-нибудь полянка передъ Лѣтнимъ садомъ, онъ и по ней разѣзжалъ въ своей шлюпкѣ; катался даже зимою, на большомъ растищенномъ каткѣ, по льду, поставивъ лодку на полозья, при чемъ очень ловко управлялъ парусами, лавируя, какъ на водѣ, по вѣтру и противъ вѣтра, который гналъ эти необычайныя сани. Фейерверки были другою любимую потѣхою царя: онъ самъ придумывалъ для нихъ разные храмы, пирамиды изъ разноцвѣтныхъ огней, девизы, фигуры съ горящими надписями, и проч., самъ все устраивалъ и даже зажигалъ эти фигуры своею рукою; тутъ иной разъ дѣйствовали очень затѣйливыя машины: напримѣръ, какой-нибудь огненный мальчикъ съ крыльями и съ горящимъ факеломъ въ рукахъ подлетитъ къ храму, и вдругъ все вспыхиваетъ голубымъ свѣтомъ.

Дѣятельный умъ Петра высказывался и въ мелочахъ. Онъ искусно точилъ разные предметы изъ слоновой кости, довольно искусно выдерживалъ зубы и дѣлалъ нѣкоторыя операціи: въ этомъ каждому онъ предлагалъ свои услуги, будь то лакей или прачка. Такихъ услугъ, конечно, многіе избѣгали; но разъ ему удалось уговорить жену одного нѣмецкаго купца, которая вся распухла отъ водяной, выпустить изъ нея воду. Петръ, дѣйствительно, сдѣлалъ операцію и выпустилъ воды чуть ли не съ ведро. Женщина все-таки умерла: тогда онъ смотрѣлъ, какъ ее анатомировали, чтобы узнать, не было ли воды внутри желудка. Иной разъ соберется народъ на площадь о масляной, — глядь: царь качается со своими пріятелями на качеляхъ. Однажды осенью, въ большомъ собраніи, всѣ стали жаловаться на духоту; царь велѣлъ принести топоръ и началъ усердно вламывать оконную раму: рама была крѣпко заколочена снаружи; царь выходилъ на дворъ, со всѣхъ сторонъ ее осматривалъ, работалъ съ полчаса, страшно вспотѣлъ и все-таки выставилъ раму. Въ дѣлахъ болѣе серьезныхъ, какъ напримѣръ, при постройкѣ кораблей, не довѣряя никому, онъ пробовалъ каждый болтъ, осматривалъ каждый гвоздикъ. По складу своего живаго ума, Петръ любилъ во всемъ странное, необычайное. Умеръ придворный поваръ, — такъ онъ устроилъ особое шествіе, гдѣ всѣ провожали умершаго въ бѣлыхъ колпакахъ и фартукахъ. Точно также на похоронахъ его любимаго варлика маленький гробъ везли маленькія лошадки, позади шелъ самый маленькій попъ, какого можно было найти въ Петербургѣ, а потомъ попарно всѣ варлики, какихъ тогда можно было найти при дворѣ и у вельможъ, — и по бокамъ выступали самыя рослые гайдуки. Князь-кесарь по прежнему игралъ у него роль высшаго владыки; когда Ромодановскій умеръ, это мѣсто занялъ сынъ его, и Петръ, мѣшая дѣло съ шуткой, ѣздилъ къ нему съ докладами о побѣдахъ, или принималъ изъ рукъ его чины и ордена. Когда выходила замужъ дочь кесаря за Головина,

царь на свадьбѣ, то и дѣло, налагалъ штрафныя бокалы за неуваженіе къ высокой особѣ, напримѣръ, за то, что подѣвзжали прямо ко крыльцу кесаря. Многіе, не желая пить, оправдывались, что на дворѣ у кесаря страшная грязь.—«А какъ же я прошелъ?» возразилъ царь. Онъ, дѣйствительно, велѣлъ положить доски и прошелъ по нимъ, оставивъ экипажъ на улицѣ, какъ это водилось на прїѣздѣ къ прежнимъ русскимъ царямъ. Другое шутовское учрежденіе, всепьянѣйшій соборъ князя-папы, также осталось въ своей силѣ. Съ веселой, удалой братіей, въ кардинальскихъ мантияхъ, царь по-прежнему ѣздилъ славить о святкахъ. По ночамъ вдругъ раздавались свистъ, гамъ, пѣсни: на извожичьихъ лошадахъ, въ саняхъ съ длинными скамейками, катила беспокойная братія изъ дома въ домъ; тутъ были и знатныя лица, и простые матросы. Послѣ какой-нибудь побѣды, послѣ удачно-оконченнаго дѣла, Петръ особенно предавался разгулу: тогда его удалая веселость равнялась прежде поднятнмъ трудамъ. Когда былъ заключенъ нейштадтскій миръ, на одномъ изъ праздниковъ, у герцога голштинскаго, бывшаго женихомъ его старшей дочери, Петръ внѣ себя отъ радости, безпрестанно цѣловался, пѣлъ русскія пѣсни, плясалъ по столамъ. Особенно шумны были угощенія при спускѣ кораблей. Первый тостъ, какъ и на всѣхъ пирахъ, возглашали во славу Божію, потомъ за семейство Ивана Михайловича. Иванъ Михайловичъ Головинъ надсматривалъ за постройкой кораблей, и его семействомъ называли не что иное, какъ весь русскій флотъ. Царь далъ слово своему шуту, что подаритъ ему 10,000 руб., если когда-нибудь забудетъ этотъ тостъ; но этого не могло случиться, потому что приближенные всегда напомнили бы о тостѣ. Когда корабль счастливо спускался въ воду, всѣ на немъ пировали, и тутъ каждый обязанъ былъ пить крѣпкое венгерское, какимъ потчивалъ царь. Герцогъ голштинскій думалъ отдѣлаться тѣмъ, что ставилъ передъ собою бутылку съ красною водою. Царь однажды попробовалъ изъ его стакана.—«Нѣтъ, твое вино нездорово, сказалъ онъ; вотъ выпей-ка отсюда»,—и налилъ ему изъ своей бутылки, гдѣ къ венгерскому тотчасъ подмѣшивали и водку. Если не самъ царь, то его деньги или князь-папа поили до безчувствія, никого не выпускаая изъ комнаты. Апраксинъ наконецъ начиналъ рыдать, какъ ребенокъ; Меншиковъ лежалъ замертво, и его вспрыскивали водою. Другіе кричали и лѣли во все горло. Какой-нибудь нѣмецкій генералъ лѣзъ ко всѣмъ, хвастался и вызывалъ каждого на дуэль: вотъ, онъ безъ разбора началъ всѣхъ колотить шпагою; его схватили и крѣпко держали, но чуть онъ вырвался, какъ ужъ далъ кому-то пощечину. Петръ нисколько не стѣснялся этою суматохой.

Въ этомъ крайнемъ разгулѣ, конечно, надо винить нравы вѣка: не лучше было и за границею; но у русскихъ сохранялся еще обычай — безъ мѣры напиваться въ знакъ радости, или изъ уваженія къ хозяину. Такая невоздержность, вмѣстѣ съ непомѣрными трудами, рано разстроили здоровье Петра. Въ 1724 году онъ хворалъ чаще прежняго, но не думалъ отдыхать. Посѣтивъ Шлиссельбургъ, онъ отправился на Олонецкіе заводы, гдѣ выволавъ полосу желѣза въ 3 пуда. Оттуда поѣхалъ въ Новгородъ, въ Старую Руссу и къ Ладожскому каналу, гдѣ осматривалъ работы Миниха и былъ очень доволенъ, что Минихъ сдѣлалъ втрое больше прежнихъ строителей и втрое дешевле. Больной, возвра-

тился Петръ въ Петербургъ въ концѣ октября. Едва успѣвъ немного поправиться, онъ поѣхалъ въ Дубки (на Лахту); при возвращеніи, на взморьѣ его застигла буря. Одинъ боть погибъ; царь самъ спасалъ утопающихъ, цѣлую ночь проработалъ, стоя по поясъ въ водѣ и жестоко простудился. Послѣ того были у него нѣкоторыя домашнія непріятности: размолвки съ Екатериной, съ Меншиковымъ. Но, сохраняя прежнюю бодрость духа, Петръ еще тѣшился выборомъ новаго князя-папы. На тронѣ поставлена была бочка, а на ней сидѣлъ Бахусъ. Кардиналы были заперты въ особой комнатѣ, и дверь запечатана. Каждую четверть часа они должны были хлебать по большой ложкѣ водки, пока не выберутъ. Потомъ слѣдовало угощеніе изъ волчьаго, лисьаго, медвѣжьяго, кошачьяго и мышинаго мяса. Въ то же время царь усердно занимался дѣлами. Въ январѣ слѣдующаго года опять не поберегся онъ на обрядѣ водоосвященія, и уже слегъ совершенно въ постель. Къ другимъ недугамъ присоединилась еще жестокая каменная болѣзнь; ему дѣлали операцію, но безъ успѣха. Петръ умеръ 28 января 1725 года, на 53 году отъ рожденія.

ХСV. ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ И СУДЬ НАДЪ НИМЪ.

(Изъ соч. Костомарова: «Русская исторія въ біографіяхъ замѣчательнѣйшихъ ея дѣятелей»).

Преобразовательныя намѣренія Петра Великаго возбуждали множество недовольныхъ, готовыхъ противодѣйствовать царю всѣми мѣрами внутри Россіи; но изъ всѣхъ противниковъ его духа первое мѣсто, по достоинству породы, занималъ его родной сынъ, царевичъ Алексѣй. Онъ былъ рожденъ отъ первой супруги Петра, Евдокіи Лопухиной, 18-го февраля 1690 года. Петръ никогда не любилъ вполнѣ своей жены. Это непріязненное чувство развивалось по мѣрѣ пристрастія государя къ иноземчинѣ, которая увлекала его къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ старинныхъ русскихъ порядковъ и обычаевъ. Евдокія не только не сочувствовала въ этомъ Петру, но какъ бы на зло ему была ревностною поклонницею старины, за одно съ своею близкою роднею — Лопухиними. Петръ пытался сначала убѣдить жену свою добровольно вступить въ монастырь, но всѣ старанія его достигнуть этой цѣли оказались безуспѣшными. Тогда Петръ приказалъ Евдокію противъ ея воли отправить въ суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь) и тамъ она была сильно пострижена подъ именемъ Елены. Восьмилѣтній сынъ ея Алексѣй былъ разлученъ съ матерью; воспитаніе его поручено было сначала Никифору Вяземскому, потомъ — нѣмцу Нейгебауеру, а когда этого нѣмца за дерзость и высокомѣріе, царь удалилъ учителемъ царевича сталъ другой нѣмецъ, Гюйсенъ. Онъ выучилъ царевича по французски и преподавалъ ему научные предметы на французскомъ языкѣ. Въ 1705 году Петръ отозвалъ Гюйсена къ дипломатическимъ порученіямъ. Царевичъ остался безъ учителя, съ однимъ своимъ воспитателемъ Никифоромъ Вяземскимъ, а сверхъ того, наблюденіе надъ ходомъ ученія поручено

было Меншикову, которому, однако, некогда было слѣдить за царевичемъ, постоянно жившимъ въ Москвѣ, тогда какъ Меншиковъ пребывалъ въ Петербургѣ и часто былъ отвлекаемъ разными военными морскими и административными предпріятіями.

Москва, старая столица Россіи, естественно стала тогда важнѣйшимъ средоточіемъ враговъ преобразованій, начатыхъ Петромъ. Царевичъ, по чувству сердечной памяти о матери, не питалъ нѣжныхъ чувствъ къ родителю, а суровое и грозное обращеніе отца съ смномъ еще болѣе охладило Алексѣя къ Петру. Рѣдко онъ могъ видѣть родителя, постоянно занятаго военными дѣлами. Царевича окружали люди, недружелюбно относившіеся къ затѣямъ государя. Это были: четверо Нарышкиныхъ, пять князей Вяземскихъ, крутицкій архіерей Илларионъ и нѣсколько протопоповъ, изъ которыхъ одинъ, Яковъ Игнатъевъ, былъ духовникомъ царевича и имѣлъ на него громадное нравственное вліяніе. Однажды въ Преображенскомъ селѣ, въ своей спальнѣ, предъ лежащимъ на столбѣ Евангеліемъ, царевичъ далъ своему духовнику клятвенное обѣщаніе слушать его во всемъ, какъ ангела Божія и Христова апостола, считать его судьей всѣхъ своихъ дѣлъ и покоряться во всемъ его совѣтамъ. Царевичъ проводилъ время сообразно стариннымъ приемамъ русской жизни: то—слушая богослуженіе и занимаясь душевнспасительными бесѣдами, то—учреждая пиры, постояннымъ участникомъ которыхъ былъ и его духовникъ. Но забавы царевича не походили на забавы его родителя въ томъ, что царевичъ всегда относился съ сердечнымъ уваженіемъ ко всему церковному и не позволялъ себѣ дѣлать такихъ вошунскихъ выходокъ, какія замѣчаются въ чиноположеніи Петрова всепьянѣйшаго собора. За то не менѣе родителя царевичъ, при случаѣ, показывалъ жестокость и грубость въ обращеніи со своими собесѣдниками; самого духовника своего, котораго называлъ своимъ первѣйшимъ другомъ, царевичъ не разъ пугалъ и за бороду дралъ, «и другіе,—писалъ ему этотъ духовникъ,—отъ милостиваго наказанія твоего и побой изувѣченъ и хрычатъ кровію». Своего наставника Вяземскаго царевичъ также дралъ за волосы и билъ палкой. Несмотря на такіа грубыя вспышки, царевичъ Алексѣй, будучи по природѣ безхарактеренъ, находился подъ вліяніемъ своихъ друзей и особенно Якова Игнатъева, который служилъ ему тайнымъ посредникомъ по отношенію къ заточенной матери. При его посредствѣ, царевичъ однажды съѣздилъ къ ней въ Суздаль; но царевна Наталья, любимая сестра Петрова, провѣдала объ этомъ и донесла брату. Царь сильно разгнѣвался и потребовалъ сына къ себѣ въ Польшу, гдѣ самъ въ то время находился. Царевичъ обратился къ Екаторинѣ и только ея ходатайству обязанъ былъ тѣмъ, что получилъ отъ родителя прошеніе.

Въ 1709 году царевичъ, по волѣ родителя, былъ оторванъ отъ московскаго круга друзей, отправленъ въ Дрезденъ учиться геометріи и фортификаціи, а черезъ два года женился на сестрѣ супруги нѣмецкаго императора Карла VI, вольфенбютельской принцессѣ Шарлоттѣ. Бракъ совершенъ былъ въ Торгау 14 октября 1711 года, въ присутствіи Петра. Алексѣй не чувствовалъ никакой любви къ этой особѣ и женился на ней единственно изъ угожденія волѣ родителя, не смѣя ему противиться по трусости и слабости характера. Супруга его была совсѣмъ не такая женщина, чтобы впоследствии расположить къ себѣ сердце мужа и ова-

зать на него доброе нравственное вліяніе. Это была нѣмка до мозга костей, до глубины души: она окружила себя исключительно единоземцами, не терпѣла Русскихъ и всей Россіи. Молодая чета поселилась въ Петербургѣ, въ особомъ дворцѣ, но жила не роскошно, и кронпринцесса, какъ титуловали въ то время жену царевича, безпрестанно жаловалась, что ей даютъ мало средствъ. Петръ пытался приучить своего сына любить то, что самъ любилъ, и посылалъ его по разнымъ порученіямъ, напримѣръ, наблюдать за постройкою судовъ въ Ладогѣ; но царевичъ повиновался нехотя, изъ-подъ палки, и не показывалъ ни малѣйшаго расположенія слѣдовать туда, куда направлялъ его отецъ. Алексѣй боялся родителя: самъ родитель впоследствии объявлялъ, что, желая приучить сына къ дѣлу, не только бранилъ его, но и бивалъ палкою. Однажды Петръ хотѣлъ проэкзаменовать сына изъ геометріи и фортификаціи. Царевичъ боялся, что царь заставитъ его при себѣ чертить планы, и чтобы избавиться отъ такого неприятнаго испытанія, выстрѣлилъ себѣ изъ пистолета въ ладонь; пуля не попала въ руку, но рука была обожжена. Отецъ увидѣлъ обожженную руку сына и допрашивалъ его, «что это значитъ?» Алексѣй чѣмъ-то отолгался, но избавился отъ угрожавшаго ему испытанія. Все въ немъ составляло противоположность Петру; Петра занимало кораблестроеніе, военное искусство, всякаго рода ремесла и промыслы; царевичъ съ любовью углублялся въ чтеніе благочестивыхъ книгъ, въ рассказы о чудесахъ и видѣніяхъ. Чѣмъ болѣе Петръ всматривался въ поведеніе сына, тѣмъ болѣе приходилъ къ убѣжденію, что онъ не годится быть его преемникомъ на престолѣ, къ чему готовило Алексѣя право рожденія. Петръ пересталъ имъ заниматься и въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ не говорилъ съ нимъ ни слова, но не рѣшался отстранить его отъ престолонаслѣдія, потому что нечѣмъ было его замѣстить.

Въ 1714 году Екатерина стала беременною, но въ то же время была уже во второй разъ беременною и супруга Алексѣя—Шарлотта. Кронпринцесса разрѣшилась отъ бремени 12 октября сыномъ Петромъ, а черезъ десять дней скончалась. Тогда Петръ въ самый день погребенія невѣстки вручилъ сыну письмо, въ которомъ укорялъ его за то, что онъ не показывалъ никакой охоты къ занятіямъ дѣлами правленія, а наиболѣе за то, что царевичъ «ниже слышать хоцетъ о воинскомъ дѣлѣ, чѣмъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли».

Царь убѣждалъ его исправиться, а въ случаѣ неисправленія грозилъ отрѣшнить отъ наслѣдства. Письмо это подписано было заднимъ числомъ, за 16 дней до его отдачи, а на другой день послѣ отдачи Екатерина родила Петру сына—Петра. Царевичъ совѣтовался съ близкими лицами, Вяземскимъ и Александромъ Кикинымъ, обращался также къ людямъ сильнымъ: адмиралу Апраксину и князю Василию Владиміровичу Долгорукому. Кикинъ и Вяземскій прямо совѣтовали ему удалиться на покой, а князь Василій Долгорукій говорилъ ему двусмысленныя слова: «давай писемъ хоть тысячу, еще когда-то будетъ»; старая пословица: «улита ѣдетъ, когда-то будетъ»; «это не запись съ неустойкою, какъ мы прежь сего межъ себя давали». Хитрый бояринъ далъ царевичу понять, что по его соображеніямъ, какъ онъ ни вывертывайся, а ему не сдобровать. Царевичъ, черезъ три дня послѣ полученія письма, послалъ царю отвѣтъ, въ которомъ сознавался, что «памяти весьма лишень и всѣми си-

лами умными и тѣлесными отъ различныхъ болѣзней ослабѣлъ и непо-
требенъ сталъ къ толикаго народа правленію». Онъ отрекался отъ на-
слѣдства, предоставляя его своему новорожденному брату и призывалъ
во свидѣтели Бога, что не станетъ болѣе претендовать на корону.

Петръ послѣ того заболѣлъ такъ тяжело, что даже исповѣдывался и
причащался въ чаяніи кончины. По выздоровленіи, уже въ 1716 году,
царь написалъ царевичу письмо, служившее какъ бы отвѣтомъ на то,
которое царевичъ писалъ до болѣзни родителя.

Петръ написалъ сыну, что не вѣрять клятвѣ и привелъ изреченіе
Давида: «всякъ человекъ ложъ». «Да наконецъ», выражался Петръ,
«еслибы ты и истинно хотѣлъ хранить клятву, то возмогутъ тебя скло-
нить и принудить большія бороды, которыя, ради тунейства своего,
не въ авантажѣ обрѣтаются, къ которымъ ты и нынѣ склоненъ зѣло». Затѣмъ Петръ далъ ему на выборъ: или измѣнить свой нравъ и сдѣ-
латься достойнымъ наследникомъ престола, или постричься въ монахи.
«Иначе,—кончалъ свое письмо Петръ,—я съ тобою, какъ съ злодѣемъ
поступлю».

Испуганный царевичъ обратился опять за совѣтомъ къ Вяземскому и
Кикину. Оба совѣтовали ему идти въ монастырь. Кикинъ прибавилъ при
этомъ: «вѣдь клобукъ не гвоздемъ къ головѣ прибить, можно его и снять,
а впередъ, что будетъ—кто знаетъ!» Сообразно этому совѣту, царевичъ
написалъ Петру: «желаю монашескаго чина и прошу о семъ милости-
ваго позволенія».

Но Петръ черезъ недѣлю посѣтилъ сына и сказалъ ему: «это моло-
дому человекѣку не легко, одумайся, не спѣши, подожди полгода».

Вскорѣ Петръ уѣхалъ за границу, Алексѣй остался въ Петербургѣ
въ томительной нерѣшительности. Его пріятель Кикинъ уѣхалъ за гра-
ницу высмотрѣть для царевича какое-нибудь убѣжище въ случаѣ край-
ней опасности. Въ августѣ 1717 года Петръ изъ-за границы прислалъ
сыну письмо и требовалъ: или ѣхать къ нему, не мѣшкая болѣе не-
дѣли, или постричься и увѣдомить отца, въ какомъ монастырѣ и въ ка-
кое время онъ постриженъ. Это до того испугало царевича, что онъ рѣ-
шился бѣжать. «Я вижу,—говорилъ онъ,—что мнѣ самъ Богъ путь пра-
вить. Мнѣ снилось, что я церкви строю».

Занявши у Меншикова и у нѣкоторыхъ другихъ лицъ нѣсколько
тысячъ червонцевъ, Алексѣй какъ-будто поѣхалъ къ отцу, по его при-
казанію, а на самомъ дѣлѣ—съ намѣреніемъ укрыться отъ его гнѣва и
найти защиту у кого-нибудь изъ иноземныхъ государей. На дорогѣ, въ
Либавѣ, Алексѣй свидѣлся съ Кикинымъ, возвращавшимся въ отечество.
Кикинъ совѣтовалъ ему ѣхать въ Вѣну и отдаться подъ покровительство
цезаря. Такъ царевичъ и поступилъ. Онъ поѣхалъ въ Вѣну подъ вымыш-
леннымъ именемъ польскаго шляхтича Коханскаго. 21 ноября стараго
стиля, въ 9 часовъ вечера, царевичъ, оставивши свой багажъ и при-
слугу въ гостинницѣ, находившейся въ Леопольдштадтѣ, самъ поѣхалъ
во «Внутренній городъ», остановился на площади въ трактирѣ «Bei
Klarreger» и отправилъ оттуда своего служителя къ вице-канцлеру Шен-
борну съ просьбою допустить его по важному дѣлу. Шенборнъ былъ
уже раздѣтъ и объявилъ посланному, что онъ одѣнется и пойдетъ къ
царевичу самъ; но не успѣлъ Шенборнъ одѣться, какъ царевичъ явился

къ нему, и первымъ его дѣломъ было попросить удалиться всѣхъ и выслушать его наединѣ.

— Я пришелъ искать протекціи у императора, моего свояка; пусть онъ спасетъ жизнь мою; меня хотятъ погубить и моихъ бѣдныхъ дѣтей лишить короны.

— Успокойтесь, сказалъ ему Шенборнъ,—вы здѣсь въ совершенной безопасности. Расскажите спокойно, въ чемъ ваше несчастіе и чего вы желаете.

Царевичъ продолжалъ:

— Отецъ хочетъ меня погубить, а я ничѣмъ не виноватъ. Я не раздражалъ его, я слабый человѣкъ. Меня Меншиковъ такъ нарочно воспиталъ; меня споили, умышленно разстроили мое здоровье; теперь отецъ говоритъ, что я не гожусь ни къ войнѣ, ни къ правленію, хочетъ меня постричь и засадить въ монастырь, чтобъ отнять наслѣдство... Я не хочу въ монастырь... Пусть императоръ охранитъ мою жизнь.

Шенборнъ сказалъ ему:

— Неудовольствіе между отцомъ и сыномъ—вопросъ щекотливый; я нахожу, что вы поступите благоразумнѣе, если, для избѣжанія толковъ въ свѣтѣ, не будете требовать свиданія съ ихъ величествами, а предоставите оказать вамъ явную или тайную помощь и найти средства примирить васъ съ отцомъ.

— Примирить меня съ отцомъ нѣтъ никакой надежды,—сказалъ царевичъ:—если отецъ будетъ ко мнѣ и добръ, то мачиха и Меншиковъ уморятъ меня оскорбленіями, или опять ядомъ. Пусть императоръ дозволитъ мнѣ жить у него либо открыто, либо тайно.

Вице-канцлеръ уговорилъ его подождать отвѣта до завтрашняго дня — и царевичъ ушелъ на свою квартиру.

На другой день, послѣ секретнаго разговора съ императоромъ, вечеромъ, вице-канцлеръ сообщилъ царевичу, что императоръ будетъ стараться примирить его съ родителемъ, а до того времени признаетъ за лучшее содержать его втайнѣ.

Царевичъ согласился и былъ отправленъ въ Тироль, подъ видомъ государственнаго преступника. Его помѣстили въ крѣпости Эренбергъ, лежащей среди горъ, на высокой скалѣ. Коменданту приказали содержать его прилично, на сумму отъ 250 до 300 гульденовъ въ мѣсяць, и чтобы сохранить тайно его пребываніе, запретили солдатамъ и ихъ женамъ выходить за ворота крѣпости, а караульнымъ—вести съ кѣмъ бы то ни было разговоры о томъ, кто привезенъ въ крѣпость; на всякіе вопросы приказано имъ отзываться незнаніемъ. Между тѣмъ Петръ, находившійся въ Амстердамѣ, не дождавшись сына, смекнулъ, что царевичъ убѣжалъ и сразу догадался, куда онъ направилъ свой путь. Петръ вызвалъ изъ Вѣны своего резидента Веселовскаго, далъ указъ развѣдывать о царевичѣ и написалъ Карлу VI письмо, въ которомъ просилъ императора: «если бы непослушный сынъ русскаго царя оказался явно или тайно въ его владѣніяхъ—выслать его подъ карауломъ для отеческаго исправленія». Веселовскій подалъ императору письмо Петра, но ни императоръ, ни его министры не объявили тайны Веселовскому. За то Веселовскій самъ напалъ на слѣдъ царевича и извѣстилъ Петра, что онъ находится въ Тиролѣ. Объ этомъ узналъ императоръ и послалъ къ царевичу совѣтъ переѣхать подальше—въ Неаполь.

У царевича была любовница, уѣхавшая съ нимъ изъ Россіи, крѣпостная дѣвушка Вяземскаго, по имени Евфросинія. Оставивши прислугу свою въ Эренбергѣ, царевичъ съ нею отправился въ Неаполь, и 17 мая н. с. 1717 года былъ помѣщенъ въ замокъ Сентъ-Альмо, господствующимъ на холмѣ надъ городомъ.

Не долго пришлось ему проживать въ этомъ убѣжищѣ. Когда царевича везли туда, за нимъ слѣдомъ ѣхалъ капитанъ Румянцевъ и потомъ сообщилъ все царю. Петръ вмѣстѣ съ этимъ Румянцевымъ отправилъ въ Вѣну своего приближеннаго Петра Толстаго домогаться у императора выдачи царевича, общая отъ имени отца ему прощеніе; если же императоръ не согласится на выдачу, то, по крайней мѣрѣ, добиться свиданія съ царевичемъ и убѣдить послѣдняго воротиться въ отечество. Императоръ не согласился на выдачу, но дозволилъ Толстому и Румянцеву уговаривать Алексѣя вернуться на родину. Отпустивши довѣренныхъ Петра въ Неаполь, императоръ поручилъ управлявшему его южно-италианскими владѣніями въ званіи вице-короля Дауну содѣйствовать, чтобы царевичъ добровольно согласился воротиться къ отцу; но если царевичъ не поддастся никакимъ убѣжденіямъ, то увѣрить его, что онъ можетъ оставаться въ безопасности въ императорскихъ владѣніяхъ.

Толстой съ Румянцевымъ пріѣхали въ Неаполь 24 сентября 1717 года. Вице-король Даунъ тотчасъ пригласилъ царевича къ себѣ, чтобы доставить возможность посланцамъ Петра видѣть его.

Толстой передалъ царевичу письмо отца. Петръ писалъ: «обнадеживаю тебя и обещаю Богомъ и судомъ Его, что никакого наказанія тебѣ не будетъ, но лучшую любовь покажу тебѣ, если ты воли моей послушаешься и возвратишься».

Царевичъ не поддавался ни на что. Черезъ два дня Даунъ опять устроилъ у себя свиданіе царевича съ присланными русскими. Толстой началъ пугать царевича. Трусливый Алексѣй обратился къ Дауну и спрашивалъ его, будетъ ли защищать его императоръ, если отецъ станетъ требовать его вооруженной рукой. Даунъ отвѣчалъ:

— Императоръ очень желаетъ, чтобы вы примирились съ родителемъ; но если вы считаете небезопаснымъ для себя возвращеніе на родину, то извольте оставаться: императоръ на столько силенъ, что можетъ охранить тѣхъ, которые отдаются подъ его протекцію.

Ободренный царевичъ опять не поддакъ на увѣщанія Толстаго, но по своей слабохарактерности прибѣгнулъ къ уловкамъ: сказалъ, что повременить, подумаетъ, и послѣ того уже не поѣхалъ въ третій разъ на разговоръ съ Толстымъ и Румянцевымъ въ домъ вице-короля.

Тогда Толстой подкупилъ за 60 червонцевъ секретаря Даунова, Вейнгардта, съ тѣмъ, чтобы тотъ лично отъ себя поугалъ царевича и тѣмъ убѣдилъ его къ возвращенію. Вейнгардтъ поѣхалъ къ Алексѣю въ замокъ и сталъ ему говорить: «императорская протекція не совсѣмъ для васъ надежна: царь объявляетъ, что прощаетъ сына, а сынъ не ѣдетъ; если царь вздумаетъ вести войну, то императоръ, нехотя, выдастъ сына отцу».

Слова Вейнгардта такъ растревожили царевича, что онъ самъ написалъ записку къ Толстому и просилъ пріѣхать къ нему, только безъ Румянцева, котораго онъ особенно боялся. Толстой пріѣхалъ къ нему и сказалъ:

— Вотъ я получилъ отъ государя письмо; онъ собираетъ войско, хочетъ его вести въ Силезію и доставать оружіемъ своего сына, а самъ собирается ѣхать въ Италію. Не думай, что онъ тебя видѣть здѣсь не можетъ: кто ему запретить?

Царевичъ поколебался и сказалъ: «я бы поѣхалъ къ отцу, если бы у меня не отняли Евфросинію и дозволили жить съ нею въ деревнѣ».

Затѣмъ онъ общалъ еще подумать. Толстой приступилъ къ Дауну и началъ просить поугать царевича разлукою съ Евфросиніей. Даунъ на самомъ дѣлѣ не смѣлъ отнять Евфросинію, но поугать его разлукою съ нею считалъ дозволеннымъ, потому что царевичу, отъ лица императора, было уже заявлено, что если отецъ сердится на него за то, что онъ возитъ съ собою какую-то женщину, то царевичъ долженъ знать, что императору неприличнымъ кажется заступаться за поступки, достойныя порицанія. Вице-король велѣлъ сказать царевичу, что прикажетъ отлучить отъ него женщину, которая ѣздитъ съ нимъ въ мужской одеждѣ. Испуганный царевичъ посоветовался съ Евфросиніею, и она сказала ему, что лучше всего покориться отцовской волѣ и просить у отца прощенія. Это обстоятельство рѣшило все. Царевичъ на другой день объявилъ Толстому, что согласенъ ѣхать въ отечество, если ему позволятъ жениться на Евфросиніи и жить съ нею въ деревнѣ. Толстой, какъ царскій уполномоченный, далъ отъ имени царя согласіе. 14 октября царевичъ выѣхалъ изъ Неаполя, по дорогѣ на Римъ, со своими неразлучными дядьками. Толстой и Румянцевъ очень боялись, чтобы царевичъ подъ какими-нибудь впечатлѣніями не измѣнилъ своего рѣшенія, пока не выѣдетъ изъ императорскихъ владѣній, а потому не стали останавливаться въ Вѣнѣ, проѣхали ее ночью и спѣшили поскорѣе убраться за предѣлы императорскихъ владѣній. Въ это время Толстой сообщилъ царевичу новое письмо отца, въ которомъ Петръ извѣщалъ согласіе на бракъ Алексѣя съ Евфросиніею и проживаніе съ нею въ деревнѣ. Это общаніе вполне успокоило царевича. За нимъ медленно слѣдовала беременная Евфросинія другою дорогою, вмѣсто Вѣны, на Нюренбергъ и Берлинъ. Царевичъ со своими дядьками направлялся прямо въ Москву и во время проѣзда по Россіи видѣлъ въ народѣ знаки расположенія къ себѣ. «Благослови, Господи, будущаго государя нашего»,—кричалъ народъ. 31 января царевича привезли въ Москву, а 3 февраля было первое свиданіе Алексѣя съ родителемъ. Царь приказалъ собраться въ отвѣтной палатѣ Кремлевскаго дворца духовнымъ сановникамъ, сенаторамъ, всякихъ чиновъ людямъ, «кромѣ подлаго народа», и самъ стоялъ въ этомъ собраніи. Вошелъ царевичъ вмѣстѣ съ Толстымъ и какъ только увидѣлъ государя, повалился къ нему въ ноги и съ плачемъ просилъ прощенія въ своей винѣ. «Встань, сказалъ царь,—объявляю тебѣ свою родительскую милость». Петръ началъ припоминать, какъ онъ обучалъ его, готовя сдѣлать своимъ наслѣдникомъ, но сынъ презрѣлъ это и не хотѣлъ обучаться тому, что было нужно для его будущаго сана; потомъ выговаривалъ его послѣднее преступленіе — бѣгство изъ отечества и обращеніе къ иноземному государю.

Царевичъ не могъ привести никакого оправданія, просилъ только простить его и даровать жизнь, а отъ наслѣдства отказывался.

— Я покажу тебѣ милость,—сказалъ Петръ,—но только съ тѣмъ,

чтобы ты показалъ самую истину и объявилъ о своихъ согласникахъ, которые тебѣ присовѣтовали бѣжать къ цезарю.

Алексѣй Петровичъ хотѣлъ было что-то говорить, но царь перебилъ его и приказалъ стоявшему близъ него Думашеву во всеуслышаніе читать приготовленный печатный манифестъ. По окончаніи чтенія царь сказалъ: «прошаю, а наслѣдія лишаю». — Послѣ этихъ словъ царь вышелъ, и за нимъ послѣдовали всѣ присутствовавшіе въ Успенскій соборъ. Здѣсь царевичъ Алексѣй произнесъ присягу предъ евангеліемъ въ томъ, что никогда, ни въ какое время не будетъ искать, желать и подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ принимать престола, а признаетъ своимъ истиннымъ наслѣдникомъ брата своего, Петра Петровича. Царевичъ подписался на присяжномъ листѣ. За нимъ присягали и также подписались всѣ присутствовавшіе.

Изъ собора царь вмѣстѣ съ царевичемъ отправились въ Преображенское село на обѣдъ. Въ три часа пополудни туда съѣхались министры и сенаторы, пили и веселились. Въ этотъ же день былъ опубликованъ манифестъ, обращенный ко всему русскому народу, уже прежде прочитанный во дворцѣ Думашевымъ.

Въ этомъ манифестѣ объявлялось о давней и постоянной неохотѣ царевича къ воинскимъ и гражданскимъ дѣламъ и объ его безправственности; потомъ излагалась исторія его побѣга, сообщалось, между прочимъ, что императорскій намѣстникъ въ Неаполѣ объявилъ царевичу, что цезарь не станетъ держать его въ своихъ владѣніяхъ, наконецъ объявлялось, что царь, «отеческимъ сердцемъ о немъ соболѣзнуя», прощаетъ его и отъ всякаго наказанія освобождаетъ, но лишаетъ наслѣдства послѣ себя, «хотя бы ни единой персоны царской фамиліи не оставалось», а вмѣсто отрѣшеннаго отъ наслѣдства, назначаетъ своимъ наслѣдникомъ другаго своего сына, Петра, котораго всѣ подданные должны признать въ качествѣ наслѣдника престола посредствомъ цѣлованія креста. Затѣмъ всѣ, которые станутъ признавать Алексѣя наслѣдникомъ престола, объявлялись измѣнниками.

На другой день послѣ объявленія манифеста, царевичу задали вопросныя пункты, требовали отъ него показаній не только о дѣйствіяхъ, но и о словахъ, какія онъ произносилъ самъ и какія слышалъ отъ другихъ въ разное время. Вопросныя пункты оканчивались такими злобными словами: «ежели что укроешь, а потомъ явно будетъ, то на меня не пеняй, понеже вчерась предъ всѣмъ народомъ объявлено, что за сіе пардонъ не въ пардонъ».

Мелкая, эгоистическая натура Алексѣя проявилась во всей силѣ. Царевичъ настроилъ показаніе, въ которомъ прежде всего очернилъ Александра Кикина, какъ главнаго совѣтника къ побѣгу, показалъ, что говорилъ своему камердинеру Ивану Большому-Аванасьеву о своемъ намѣреніи бѣжать, но не получилъ одобренія; показалъ на Дубровскаго, которому передавалъ деньги для своей матери; показалъ на своего учителя Вяземскаго, на сибирскаго царевича, на Ивана Кикина, на Семена Нарышкина, на князя Василя Долгорукова и на свою тетку, царевну Марію Алексѣевну; оговорилъ Кейля, секретаря имперскаго канцлера Шенборна, будто онъ принуждалъ его писать письма сенаторамъ и архіереямъ, хотя эти письма и не были имъ посланы. Показаніе царевича, однако, не заключало полной искренности; онъ раскрывался только въ

половину, такъ что его показанія могли притянуть другихъ въ бѣду, а о себѣ всего не сказали. Александра Кикина, вмѣстѣ съ Большимъ-Авдасъевымъ, схватили въ Петербургѣ, привезли въ Москву и подвергли страшнымъ истязаніямъ въ Преображенскомъ приказѣ. Его пытали четыре раза. Кикинъ упорно заперся, отрицалъ справедливость показаній царевича, наконецъ, послѣ новыхъ, невыносимыхъ мученій, сказалъ: «я побѣгъ царевичу дѣлалъ и мѣсто сыскалъ въ такую мѣру— когда бы царевичъ былъ на царствѣ, чтобъ былъ ко мнѣ милостивъ».

Его приговорили къ колесованію.

Камердинеръ Иванъ Вольшой-Авдасъевъ оговорилъ многихъ, но не спасъ себя: и его приговорили къ смерти, но приговоръ отложили. Тоже сдѣлали и съ Дубровскимъ, сообразно показаніямъ царевича.

Сенатора князя Василя Долгорукова привезли изъ Петербурга скованнымъ въ Москву. Этого человѣка никакъ не могли обвинить въ соучастіи съ царевичемъ, котораго онъ хорошо понималъ, но ему поставили въ вину нѣкоторыя остроты, произнесенныя имъ неосторожно. Василя Долгорукова отправили въ Петропавловскую крѣпость, а потомъ сослали въ Солнцкамскъ. Учитель Вяземскій отписался, показавши, что ничего не зналъ объ умыслахъ царевича, который давно уже не любить его и теперь наговорилъ на него по злобѣ.

Вслѣдъ затѣмъ въ Петербургѣ арестовали человѣкъ двадцать и отправили въ ножныхъ кандалахъ въ Москву.

Въ тотъ же день Петръ послалъ Скорнякова-Писарева за бывшею своею женою Евдокією. Скорняковъ-Писаревъ привезъ ее въ Москву и донесъ, что нашелъ ее не въ монашескомъ, а въ мірскомъ платьѣ. Этотъ человѣкъ, впоследствии самъ испытавшій горькую участь отъ Петра, угрождая царю, давалъ совѣты хватать того и другаго, чтобы открывать «воровство». По его совѣту, вслѣдъ за несчастною царицей, потащили въ Преображенскій приказъ цѣлую толпу мужчинъ и женщинъ духовнаго и мірскаго чина.

Тогда же колесованъ былъ ростовскій епископъ Досифей за то, что поминалъ Евдокію царицей, утѣшалъ ее разными вымышленными откровеніями, гласами отъ образовъ, чудесными видѣніями и тому подобными суевѣріями, пророчилъ ей, между прочимъ, что она станетъ снова царицею, и Петръ опять сойдется съ нею.

Казнили смертью и духовника Евдокіи. Самой Евдокію царь сослалъ въ Староладожскій женскій монастырь, а сестру свою Марію Алексѣевну приказалъ заточить въ Шлиссельбургъ: спустя нѣсколько времени, она была переведена въ Петербургъ и оставлена въ особомъ домѣ подъ надзоромъ.

Въ изобиліи лилась человѣческая кровь за царевича, а онъ самъ тѣшился увѣренностью, что страданіями преданныхъ ему людей купить себѣ спокойствіе и безмятежную жизнь со своей дорогой Евфросиніей.

«Батюшка»,—писалъ онъ къ Евфросиніи, «поступаетъ со мною милостиво; слава Богу, что отъ наслѣдства отлучили! Дай Богъ благополучно пожить съ тобою въ деревнѣ».

18 марта Петръ уѣхалъ въ Петербургъ. Съ нимъ отправился и царевичъ. 12 апрѣля была Пасха. Царевичъ, явившись къ мачихѣ съ поздравленіемъ, валялся у нея въ ногахъ и умолялъ ее ходатайствовать о дозволеніи ему жениться на Евфросиніи. И это дѣлалось послѣ того,

какъ его родная мать, публично опозоренная, была осуждена на увеличенное, тяжкое страданіе!

Давно-жданная Евфросинія наконецъ прѣхала въ Петербургъ 20 апрѣля; но царевичъ не встрѣтилъ ее и не обнялъ при свиданіи. Ее, беременную, засадили въ Петропавловскую крѣпость и тамъ задали ей вопросные пункты: кто писалъ царевичу во время его пребыванія за границею, кого хвалилъ царевичъ, кого бранилъ, что о комъ говорилъ. Испуганная Евфросинія дала такое показаніе: «Царевичъ писалъ не разъ цезарю жалобы на отца, писалъ письма къ русскимъ архіереямъ съ тѣмъ, чтобы эти письма подметывать въ народѣ, постоянно жаловался на родителей, очень прилежно желалъ наслѣдства, изъявлялъ радость, когда читалъ въ курантахъ, что братъ его Петръ Петровичъ боленъ и говорилъ такія слова: «хотя батюшка и дѣлаетъ то, что хочеть, только чаю, сенаты не сдѣлаютъ того, чего хочеть батюшка». Когда слыхалъ о видѣніяхъ и читалъ въ курантахъ, что въ Петербургѣ тихо и спокойно, то говорилъ: «тишина не даромъ, можетъ-быть, отецъ мой умереть, либо бунтъ будетъ». Отецъ надѣется, что по смерти его, вмѣсто малолѣтнаго Петра, будетъ управлять махиха; тогда бабѣ царство будетъ и произойдетъ смятеніе: иные станутъ за брата, а иные за меня. Я, когда стану царемъ, то всѣхъ старыхъ переведу, а новыхъ наберу себѣ по своей волѣ. Буду жить зиму въ Москвѣ, а лѣтомъ въ Ярославлѣ. Петербургъ будетъ простымъ городомъ; я кораблей держать не стану и войны ни съ кѣмъ вести не буду; буду довольствоваться старымъ владѣніемъ». Когда услышалъ царевичъ, будто въ Мекленбургѣ бунтуеть русское войско, то очень обрадовался».

Евфросинія показала также, что царевичъ изъ Неаполя хотѣлъ бѣжать въ Римъ къ папѣ, но она его удержала.

Когда царевичу предъявлено было показаніе Евфросиніи, онъ записался. Но отецъ подвергъ его тайной пыткѣ. Уже послѣ смерти царевича, осуждены были на казнь трое крестьянъ за то, что были свидѣтелями, какъ на мызѣ повели царевича подъ сарай и оттуда были слышны его стоны и крики. Послѣ такихъ мѣръ царевичъ написалъ показаніе, въ которомъ наговорилъ на себя столько, сколько даже не былъ вынужденъ говорить, напримѣръ: «когда я слышалъ о мекленбургскомъ бунтѣ русскаго войска, какъ писали въ иностранныхъ газетахъ, то радовался и говорилъ, что Богъ не такъ дѣлаетъ, какъ отецъ мой хочеть, и когда бы такъ было и бунтовщики прислали бы за мною, то я бы къ нимъ поѣхалъ». Онъ наговорилъ на многихъ государственныхъ людей, притянулъ къ дѣлу кievскаго митрополита, заявивши, что онъ ему другъ, что писалъ къ этому архипастырю и просилъ всѣмъ сказывать, что царевичъ убѣждалъ отъ принужденія вступить въ монастырь. Петръ, по этому показанію, отправилъ Сворнякова-Писарева въ Кіевъ сдѣлать у митрополита обыскъ и самого его препроводить въ Петербургъ. Престарѣлый митрополитъ Іосифъ Кроковскій былъ отправленъ въ Петербургъ, но не доѣхалъ и умеръ на пути въ Твери.

Вынужденное пытками сознаніе царевича въ томъ, что онъ готовъ былъ пристать къ бунтовщикамъ, дало Петру поводъ не стѣсняться своимъ прежнимъ обѣщаніемъ помилованія, даннымъ виновному сыну. 13 іюня Петръ приказалъ нарядить судъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и объявлялъ печатно, чтобы судьи вершили это дѣло «не флати-

руя и не похѣбуя ему государю: не разсуждайте того, что тотъ судъ вашъ надлежитъ вамъ учинить на сына вашего государя, но, не смотря на лицо, сдѣлайте правду и не погубите душъ своихъ и моея души, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія и отечество наше безбѣдно». 14 іюня, царевичъ былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, а 17-го потребованъ къ допросу. Царевичъ оговорилъ своего дядю Авраама Лопухина и своего духовника Якова Игнатьева, будто послѣдній, узнавши отъ царевича на исповѣди, что царевичъ желаетъ отцу смерти, сказалъ: «Богъ тебя простить, и мы всѣ желаемъ ему смерти». Пытали Лопухина, разстригли и пытали три раза протопопа Якова. 19 іюня пытали самого царевича и дали ему 25 ударовъ кнутомъ.

22 іюня Толстой взялъ съ царевича показаніе, въ которомъ назвали причины его непослушанія отцу. Показаніе это явно было написано такъ, какъ отъ него требовали. Онъ приписывалъ все своему обращенію съ попами, чернецами и ханжами, а въ концѣ оговорилъ нѣмецкаго императора, будто тотъ обѣщалъ ему вооруженную помощь: «и ежели бы то цезарь началъ производить въ дѣло, какъ мнѣ обѣщаль, то я бы, не жагѣя ничего, доставалъ наслѣдства, далъ бы цезарю великія суммы денегъ, а министрамъ и генераламъ его великіе подарки. Войска его, которыя бы онъ мнѣ далъ въ помощь, чтобы достучать короны російской, взялъ бы на свое иждивеніе и, однимъ словомъ сказать, ничего бы не пожалѣлъ, только чтобы исполнить въ томъ свою волю».

24 іюня царевича снова подвергли пыткѣ и дали ему 15 ударовъ кнутомъ. Въ этотъ самый день рѣшился судъ надъ нимъ. Духовенство дало уклончивый, но замѣчательно мудрый приговоръ. Выписавъ разныя мѣста изъ священнаго писанія объ обязанностяхъ дѣтей повиноваться родителямъ, оно предоставило на волю государя дѣйствовать или по ветхому, или по новому завѣту: хотеть руководствоваться ветхимъ завѣтомъ—можетъ казнить сына, а если хотеть предпочесть ученіе новаго завѣта—можетъ простить его по образцу, указанному въ евангельской притчѣ о блудномъ сынѣ, и въ поступкѣ самого Спасителя съ женою прелюбоудѣйницею. «Сердце царево въ рудѣ Божіей есть; да избересть тую часть, амо же рука Божія того преклоняеть!» Такъ сказано было въ концѣ приговора духовныхъ.

Церковь, въ лицѣ своихъ представителей, исполнила свое дѣло; она указала духъ, въ какомъ должна дѣйствовать мірская власть, признающая себя христіанскою; болѣе ничего не могла сдѣлать церковь, не имѣвшая никакого оружія, кромѣ слова, никакихъ побудительныхъ мѣръ, кромѣ указаній на слова и примѣръ Спасителя.

Свѣтскій судъ не сохранилъ своего достоинства въ равной степени, въ какой сохранило его духовенство. Свѣтскіе судьи могли бы напомнить государю, что онъ далъ свое царское обѣщаніе сыну черезъ Толстаго въ Неаполѣ: что ему наказанія не будетъ, если онъ возвратится. Сынъ повѣрилъ слову царя-родителя, и теперь его можно было судить только въ такомъ случаѣ, когда бы онъ сдѣлалъ что-либо преступное уже послѣ своего возвращенія въ отечество. Но свѣтскіе судьи такъ не сдѣлали, во-первыхъ, потому, что во главѣ ихъ находился Меншиковъ, личный врагъ царевича, а, во-вторыхъ, потому, что они желали угодить

Петру и ясно видѣли, какого рѣшенія ему хочется. Царевичу былъ подписанъ смертный приговоръ 120 членами суда.

26 іюня, въ 6 часовъ по-полудни, царевичъ скончался. Царь опубликовалъ о его смерти, и онъ, выслушавши смертный приговоръ, пришелъ въ ужасъ, заболѣлъ недугомъ въ родѣ апоплексии, исповѣдался, причастился, потребовалъ къ себѣ отца, испросилъ у него прощенія и по-христіански скончался. Этому описанію не всѣ вѣрили; пошли слухи, что царевичъ умеръ насильственною смертію, но какую—неизвѣстно. Изъ книгъ «Гварнизона», то-есть Петропавловской крѣпости, видно, что въ день смерти царевича, утромъ, Петръ съ девятью сановниками ѣздилъ въ крѣпость и тамъ «учиненъ былъ застѣнокъ», т. е. производилась пытка, но надъ кѣмъ—о томъ не говорится. На другой день, 27 іюня, была годовщина полтавской битвы. Царь обѣдалъ на почетномъ дворѣ, въ саду, и вечеромъ веселился. 29 іюня, государь праздновалъ свои именины, обѣдалъ въ лѣтнемъ дворцѣ, присутствовалъ на спускѣ корабля, а вечеромъ былъ фейерверкъ и веселый пиръ до глубокой ночи. Тѣло царевича, перенесенное изъ Петропавловской крѣпости, лежало въ церкви св. Троицы. 30 іюня, вечеромъ, въ присутствіи царя и царицы, оно было предано землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ, рядомъ съ гробомъ покойной кронпринцессы. Траура не было. Царевичъ гнилъ въ землѣ, а дѣло его все еще продолжалось, и 8 декабря были казнены обвиненные показаніями царевича: духовникъ его Яковъ Игнатьевъ, дядя его Авраамъ Лопухинъ, камердинеръ Иванъ Большой-Аванасьевъ, Дубровскийъ и Вороновъ. Другихъ били кнутомъ и вырѣзали имъ ноздри.

Безусловные почитатели Петра видѣли въ поступкѣ съ сыномъ великій подвигъ принесенія въ жертву отечеству своего роднаго сына и оправдывали царя крайнею необходимостью. Въ самомъ дѣлѣ, царевичъ Алексѣй былъ такою личностью, которая непремѣнно, по своей безхарактерности, сдѣлалась бы орудіемъ враговъ Петра и всѣхъ его преобразованій. Его отреченіе отъ наслѣдства ни въ какомъ случаѣ не имѣло бы силы послѣ смерти Петра, какъ бы государь ни распорядился престоломъ. Всегда бы нашлась могущественная партія, которая подвинула бы Алексѣя возвратитъ себѣ потерянные права, и тогда гибель грозила бы всѣмъ Петровымъ сподвижникамъ и всему тому, что Петръ готовилъ для русскаго государства. Но нельзя не видѣть, что Петромъ руководили не только государственные виды, но и семейныя побужденія. Онъ не любилъ Алексѣя, какъ сына ненавистной, отверженной имъ жены, и хотѣлъ доставить престолъ потомству Екатерины; отъ этого-то онъ сталъ налегать на Алексѣя настойчивѣе тогда, когда родился сынъ отъ Екатерины. Если бы у Петра не было такого побужденія, то отрѣшивши Алексѣя отъ наслѣдства, онъ могъ бы назначить, по праву первородства, своимъ наслѣдникомъ внука, сына Алексѣя, который былъ также малъ, какъ и рожденный черезъ нѣсколько дней послѣ внука сынъ Петра. Петръ могъ воспитать себѣ достойнаго преемника и въ малолѣтнемъ внукѣ, какъ въ малолѣтнемъ сынѣ. Чтобы оправдать свой поступокъ и придать ему законный видъ, Петръ установилъ законъ, по которому царствующій государь можетъ отдавать послѣ себя престолъ, кому угодно, мимо всякаго права рожденія. Несостоятельность и неудобопримѣнимость такого порядка вещей показалась

въ исторіи этого, Петра: ему пришлось уверить, не восмущавши
никогда издаваемых имъ же законовъ, не указавши вождя себя пресмыкну
впередъ.

ХСVI. ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ ПЕТРОМЪ И ЦАРЕВИЧЕМЪ АЛЕ КСЕЕМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ.

(Изъ соч. Устрялова «Исторія царствования Петра В.», т. VI).

Петру I царевичу Алексѣю, 11 октября 1715 года.

(Объясненіе сыну моему.

Повеже всѣмъ извѣстно есть, что преть начинаемъ сія война,
какъ нашъ царь утѣсненъ былъ отъ Швецовъ, которые не только
ограбляли насъ вужими отеческими преставленіи, но и разумнымъ очинъ
къ нашему нелюбоваріию добрый задержали завѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ
конъюнкціи простили. Но вотомъ, когда сія война началась (которому
дѣлу единъ Богъ руководецъ былъ и есть), о насъ великое говеніе отъ
сихъ нестѣпанныхъ некрятелей, ради нашего нешкущества къ войнѣ, пре
терпѣли, и съ какою горестію и терзавіемъ сію школу прошли, дожде
достойной стезею вышерѣченнаго руководителя поможи дошли! И тако
слодобился видѣть, что оный некрятель, отъ котораго трепетали, еда
не извѣстѣ отъ насъ новѣ трепещетъ. Что все, помогашу Вышнему,
коими бѣдими и прочіихъ нестѣпанныхъ синовъ Россійскихъ разпоред
ностныхъ трудани достаево. Егда же сію Богомъ данную намъ
отечеству радость разсмотря, обернись на днѣи наслѣдства, еда не
равная радости горестъ нека свѣдаеть, види теба, наслѣдника, весьма
на правленіе дѣлъ государственныхъ невогребнаго (ибо Богъ не есть
виноватъ, ибо разума теба не лишилъ, ниже крѣпости тѣлесную весьма
отнял: ибо хотя не весьма крѣпкой природы, обаче и не весьма сла
бой), паче же всего о воинскомъ дѣлѣ ниже слышать хочешь, чѣмъ
имъ отъ тѣмъ къ свѣту вышли, и которыхъ не знали въ свѣтѣ, нынѣ
почитають. Я не научаю, чтобъ охотѣ былъ воевать безъ законнаго при
чинна, но любить сіе дѣло и всею возможностью снабждать и учить:
ибо сія есть единая изъ двухъ необходимыхъ дѣлъ къ правленію, еже
распорядокъ и оборона. Не хочу многихъ прихворъ писать, но точію
равнодушныхъ намъ Грековъ: не отъ сего ли пропали, что оружіе оста
нили, и единимъ миролюбіемъ побѣждены, и желанъ жить въ покоѣ,
всегда уступали неприятелю, который ихъ покой въ некончаемую ихъ
работу тиранамъ отдалъ? А еще кладешь въ умѣ своемъ, что могутъ
то генералы по повелѣнію управлять; но сіе вонистину не есть резонъ:
ибо вслѣкъ смотритъ начальника, дабы его охотѣ послѣдовать, что оче
видно есть: ибо во дни владѣнія брата моего, не всѣ ли паче прочаго
любили паять и лошадей, и нынѣ оружіе? Хотя кому до обонхъ дѣла
нѣтъ, и до чего охотникъ начальствууй, до того и всѣ; а отъ чего
оттирается, отъ того всѣ. И аще сіи легкія забавы, которыя только
некалѣтъ челоука, такъ скоро покидаютъ, колымъ же паче сію зѣло тяж
кую забаву (сирѣчь оружіе) оставить.

Къ тому же, не имѣя охоты, ни въ чемъ обучаешься и такъ не знаешь дѣла воинскихъ. Аще же не знаешь, то како повелѣвать оными можешь и какъ доброму доброе воздать и нерадиваго наказать, не зная силы въ ихъ дѣлѣ? Но принужденъ будешь, какъ птица молодая, въ ротъ смотрѣть. Слабостію ли здоровья отговариваешься, что воинскихъ трудовъ понести не можешь? Но и сіе не резонъ! Ибо не трудовъ, но охоты желаю, которую никакая отлучить не можетъ. Спроси всѣхъ, которые помнятъ вышепомянутаго брата моего, который тебя несравненно болѣзненнѣе былъ и не могъ ѣздить на досужихъ лошадяхъ; но имѣя великую къ нимъ охоту, непрестанно смотрѣлъ и передъ очми имѣлъ; чего для никогда бывала, ниже нынѣ есть такая здѣсь конюшня. Видишь, не все трудами великими, но охотою. Думаешь ли, что многіе не ходятъ сами на войну, а дѣла правятся? Правда, хотя не ходятъ, но охоту имѣютъ, какъ и умершій король Французскій, который не много на войнѣ самъ бывалъ, но какую охоту великую имѣлъ къ тому и какія славныя дѣла показалъ въ войнѣ, что его войну театромъ и школою свѣта называли, и не точію къ одной войнѣ, но и къ прочимъ дѣламъ и мануфактурамъ, чѣмъ свое государство паче всѣхъ прославил!

Сіе все представи, обращайся паки на первое, о тебѣ разсуждая: ибо я есмь человекъ и смерти подлежу, то кому вышеписанное съ помощію Вышняго насажденіе и уже нѣкоторое возвращенное оставлю? Тому, иже уподобился лѣнивому рабу Евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю (сирѣчь все, что Богъ далъ, бросилъ)! еще же и сіе вспоману, какова злаго права и упрямаго ты исполненъ! Ибо сколь много за сіе тебя бранивалъ, и не точію бранилъ, но и бивалъ къ тому же, сколько лѣтъ почитай не говорю съ тобой; но ничто сіе успѣло, ничто пользуетъ, но все даромъ, все на сторону, и ничего дѣлать не хочешь, только бѣ дома жить и имъ веселиться, «хотя отъ другой половины и все противно идетъ». Однакожь всего лучше, всего дороже безумный радуется своею бѣдою, не вѣдая, что можетъ отъ того слѣдовать (истину Павелъ святой пишеть: како той можетъ церковью Божіею управить, иже о домѣ своемъ не радить?) не точію тебѣ, но и всему государству.

Что все я съ горестію размышляя и видя, что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо избрѣлъ сей послѣдній заветъ тебѣ написать и еще мало пождать, аще нелицемѣрно обратишься. Ежели же ни, то извѣстенъ будь, что я весьма тебя наслѣдства лишу, и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ, и что я сіе только въ устратку пишу: воистину (Богу извольшу) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то како могу тебя, непотребнаго, пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный.

Петръ.

Въ 11 д. октября 1715.
При Санкптербургѣ.

Царевичъ Алексій Петру I, 31 октября 1715 года:

Милостивѣйшій Государь—батюшка!

Сего октября въ 27 день 1715 году, по погребеніи жены моей, отданное мнѣ отъ тебя, Государя, вычель; на что инаго донести не имѣю,

только ,буде изволишь, за мою непотребность, меня наслѣдія лишитъ короны Россійской, буди по волѣ вашей. О чемъ и я васъ, Государя, всенижайше прошу, понеже вижу себя къ сему дѣлу неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишень (безъ чего ничего возможно дѣлать), и всѣми силами умными и тѣлесными (отъ различныхъ болѣзней) ослабѣлъ и непотребень стать къ толкаго народа правленію, гдѣ требуетъ человѣка не, такого гнилаго, какъ я. Того ради наслѣдія (дай Боже вамъ многолѣтнее здравіе!) Россійскаго по васъ (хотя бы и брата у меня не было, а нынѣ, слава Богу! братъ у меня есть, которому дай Боже здравіе) не претендую и впредь претендовать не буду; въ чемъ Бога свидѣтеля полагаю на душу мою, и ради истиннаго наслѣдства сіе пишу своею рукою. Дѣтей моихъ вручаю въ волю вашу; себѣ же прошу до смерти пропитанія. Сіе все предавъ въ ваше разсужденіе и волю милостивую,

всенижайшій рабъ и сынъ Алексѣй.

Въ Питербурхѣ
Въ 31 д. октября 1715 года.

Петръ I царевичу Алексѣю, 19 января 1716 года.

Послѣднее напоминаніе еще.

Понеже за своею болѣзнію, доселѣ не могъ резолюцію дать, нынѣ же на оное отвѣтствую: письмо твое на первое письмо мое я вычелъ, въ которомъ только о наслѣдствѣ вспоминаешь и кладешь на волю мою то, что всегда и безъ того у меня. А для чего того не изъявилъ отвѣту, какъ въ моемъ письмѣ? ибо тамъ о вольной негодности и неохотѣ къ дѣлу написано много болѣе, нежели о слабости тѣлесной, которую ты только одну вспоминаешь. Также, что я за то сколько лѣтъ недоволенъ тобою, то все тутъ пренебрежено и не упомянуто, хотя и жестоко написано. Того ради разсуждаю, что не зѣло смотришь на отцово прещеніе. Что подвигло меня сіе остатнѣе писать: ибо когда нынѣ не боишься, то какъ по мнѣ станешь завѣтъ хранить! Что же приносишь клятву, тому вѣрить невозможно для вышеписаннаго жестокосердія. Къ тому же и Давидово слово: всякъ человѣкъ ложь. Такожъ хотябъ и истинно хотѣлъ хранить, то возмогутъ тебя склонить и принудить большія, бороды, которая, ради тунеядства своего, нынѣ не во авантажѣ обрѣтаются, къ которымъ ты и нынѣ склоненъ зѣло. Къ тому же, чѣмъ воздаешь рожденіе отцу своему? Помогаетъ ли въ такихъ моихъ несносныхъ печалѣхъ и трудахъ, достигши такого совершеннаго возраста? Ей, николи! Что всѣмъ извѣстно есть, но паче ненавидишь дѣлъ моихъ, которая я для людей народа своего, не жалѣя здоровья своего, дѣлаю, и конечно по мнѣ разорителемъ оныхъ будешь. Того ради, таже остаться, какъ желаешь быть, ни рыбою, ни мясомъ, невозможно; но или отиѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ или будь монахъ: ибо безъ сего духъ мой спокоенъ быть не можетъ, а особливо, что нынѣ мало здоровъ сталъ. На что, по полученіи сего, дай немедленно отвѣтъ или на письмѣ, или самому мнѣ на словахъ резолюцію. А буде того не учинишь, то я съ тобою, какъ съ злодѣемъ, поступлю.

Петръ.

Въ 19 д. генваря 1716.

Царевичъ Алексѣй Петру I, 20 января 1716.

Милостивѣйшій Государь—батюшка!

Письмо ваше, писанное въ 19 день сего мѣсяца, я получилъ тогожь дня поутру, на которое больше писать за болѣзнію своею не могу. Желаю монашескаго чина и прошу о семъ милостиваго позволенія.

Рабъ вашъ и непотребный сынъ Алексѣй.

Въ Питербурхѣ
Въ 20 д. января 1716.

Царевичъ Алексѣй царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, 9 марта 1716, изъ С.-Петербурга;

Милостивѣйшая государыня—матушка!

Милости вашей ваше, государыня, писаніе изъ Либоу въ 14 день февраля писанное, я здѣсь получилъ, за что всенижайше благодарствую и впредь низжайше прошу, дабы не оставленъ былъ въ милости вашей. Доношу, государыня: государь братецъ и государыни сестрицы въ добромъ здравіи

Всенижайшій рабъ и сынъ вашъ Алексѣй.

Изъ С.-Питербурха
Въ 9 д. марта 1716 года.

Петръ I царевичу Алексѣю, 26 августа 1716 года изъ Копенгагена:

Мой сынъ!

Письма твои, въ 29 день іюня, другое въ 30 день іюля писанныя, получилъ, въ которыхъ только о здоровьѣ пишешь; чего для симъ письмомъ вамъ напоминаю.

Понеже, когда прощался я съ тобою и спрашивалъ тебя о резолюціи твоей на извѣстное дѣло, на что ты всегда одно говорилъ, что къ наслѣдству быть не можешь за слабостію своею и что въ монастырь удобнѣе желаешь; но я тогда тебѣ говорилъ, чтобы еще ты подумалъ о томъ гораздо и писалъ ко мнѣ, какую возьмешь резолюцію, чего ждалъ 7 мѣсяцевъ; но по ся поры ничего о томъ не пишешь. Того для нынѣ (понеже время довольно на размышленіе имѣлъ), по полученіи сего письма, немедленно резолюцію возьми, или первое, или другое. И буде первое возьмешь, то болѣе недѣли не мѣшай, поѣзжай сюда, ибо еще можешь къ дѣйствамъ поспѣть. Буде же другое возьмешь, то отпиши куды, и въ которое время и день (дабы я покой имѣлъ въ моей совѣсти, чего отъ тебя ожидать могу). А сего доносителя пришли съ окончаніемъ: буде по первому, то когда выѣдешь изъ Питербурха; буде же другое, то когда совершишь. О чемъ паки подтверждаемъ, чтобы конечно учинено было, ибо я вижу, что только время проводишь въ обыкновенномъ своемъ неплодіи.

Петръ.

Изъ Копенгагена
Въ 26 д. августа 1716.

ХСVII. ИЗЪ ПИСЕМЪ И БУМАГЪ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО, Т. I

(Въ изданіи академика Бичкова).

1. Отрывокъ изъ учебной тетради по артиллеріи (1688).

Градусы которые вънизу.

Когда състрелять, отвѣдать перва такъ: сколько положишь пороху записать, также на столкыхъ градусахъ мортиръ поставишь записать же, потомъ смѣрять съколь далече бомба (на опыту) пала. Потомъ когда хочешь на уреченное мѣсто състрелять, тогда възяеъ дистанцію, потомъ възять циркулемъ на таблице тѣ градусы, которыя при опыте на къвадрантѣ были, і тоу мѣроу іскать на таблице (съ правой стороны) таво числа съколко (на опыте) далече бомба легла, і когда найдешь, тогда по той линей іскать той долины, куды брасать хочешь, і възиеъ ту мѣру поставитъ на градусы, і волко укажетъ, сътолко і на къвадранте сътаеъ. Порохъ числомъ і силою бѣ былъ равенъ, какоеъ былъ і при опыте.

2. Къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ. (1688 іюля 5).

Желаю всегда здравия, а я за благословениемъ твоимъ живѣ і паки благословения прошу.

3. Къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ (1689).

Всегда желающего мнѣ здравия благословения прошу, а у насъ за молитвъ твоихъ все здраво. По семъ всегда и присно желаю здравия и спасения. Недостойны Petros.

4. Къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ. (1689 апрѣля 20).

Вселюбезнейшей і паче живота телеснаго дражайшей моей матушьке государини царице і великой княгине Наталіи Кириловнѣ, сынишка твой, въ работе пребывающей, Петрушка благословенія прошу, а о твоємъ здравіи слышетъ желаю. А у насъ молитвами твоими здорово все; а озеро все вскрылось сего 20-го числа, і суды все кромѣ болшого коробля в оддѣльѣѣ, тол(ко) за канатами станеть, і о томъ милости прошу, чтопъ тѣ канат(ы) по семисотъ сажень ись Пушъварского приказу не мешкоеъ присланы были; а за ними дѣло станеть, і житъе наше продолжитца. По семъ паки благословенія прошу.

5. Къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ. (1689 въ концѣ апрѣля).

Вселюбезнѣйшей и дражайше(й) моей матушки, государини царице Наталіи Кириловнѣ, недостойный сынишка твой Петрунка о здравіи

тв(о)емъ присно (с)лышати желаю. А что изволила ко мнѣ приказавать, чтобъ мнѣ быть к Москвѣ, и я быть готовъ, толко гей гей дѣла есть и то присланой самъ видѣлъ: извѣститъ явнѣ. А мы молитвами т(в)оими во всякой цѣлости пребываемъ. О бытнѣ моемъ прост(р)аннѣ писалъ я ко Лву Кириловичю, и онъ тѣбѣ, государыни, донесетъ. По семъ и напокорственнѣ предаюся в волю вашу. Аминь.

6. Къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ. (1689, іюня 8).

Вседражайшей моей матушкѣ недостойной Петрушка, благословенія прося, челомъ бью і за присылку з дохтуромъ і з Гаврилюю, яко Ной многогда о масличномъ суѣ, радуюся і паки челомъ бью. А у насъ все молитвами твоими здорово, и суды удались всѣ zelo хороши. По семъ дай Господь здравія души і тѣлу, як(о) же азъ желаю. Аминь.

А масътеръ ворабелной Кортъ іюня въ 2 д. умъре до нашего призора за двадцать за два часа.

7. Къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ. (1689, въ іюнѣ).

Гей о здравнѣ слышать желаю і благословенія прошу. А у насъ все здорово; а о судахъ паки поттверждаю, что zelo хороши всѣ, і о томъ Тиханъ Микитичъ самъ извѣститъ. Недостойннѣ Petrus.

8. Къ царю Іоанну Алексѣевичу. (1689, сентября 8—12).

Братецъ государь царь Іоаннъ Алексѣевичъ съ невѣстужкою, а съ своею супругою, и съ рождениемъ своимъ в милости Божией здравствуйте. Извѣсно тебѣ, государю, чиню купно же и соизволения твоего прошу о семъ, что милостию Божиею врученъ намъ двумъ особамъ скипетръ правления прародительнаго нашего Російскаго царствія, якоже о семъ свидѣтельствуеетъ матери наше восточные церкви соборное дѣйство 190 году, также и братиѣмъ нашимъ, акреснымъ государемъ, о государствованиі нашемъ извѣсно, а о трегьей особѣ, чтобъ с нами быть въ равенственномъ правленіи, отнюдъ не воспоминалось. А какъ сестра наша царевна Софія Алексѣевна государствомъ нашимъ учела владѣть своею волею, и въ томъ владѣннѣ что явилось особамъ нашимъ противное и народу тягость и наше терпѣние, о томъ тебѣ, государю, извѣсно. А ныне злодѣи наши Ѳетка Шаковитой съ товарицы, не удоволяся милостию нашею, престоупя обещанія свое, умышлялъ с ѳными ворами о убивствѣ надъ нашимъ и матери нашей здоровьемъ, и въ томъ по розыску и с пытки винились. А топерь, государь братецъ, настоитъ время нашимъ обомъ особамъ Богомъ врученное намъ царствие править самимъ, понеже пришли есми въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей [ц. с. а.], с нашими двѣма мужескими особами въ титлахъ и въ росправѣ дѣлъ быти не изволяемъ; на то бѣ и твоя бѣ государя моего брата воля склонилоса, потому что учела она въ дѣла вступать і въ титлахъ писаться собою безъ нашего изволения, къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ для конечной нашей обиды хотѣла вѣнчатца. Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрасте

тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ. Тебѣ же, государю братцу, объявляю и прошу: поволь, государь, мнѣ отеческимъ своимъ изволениемъ, для лутшие ползы нашей и для народнаго успокоения, не обсылаясь в тебѣ, государю, учинить по приказомъ правдивыхъ судей, а не приличныхъ переменить, чтобъ тѣмъ государство наше успокоить и обрадовать вскорѣ. А какъ, государь братецъ, случимся вмѣстѣ и тогда поставимъ все на мѣре. А я тебя, государя брата, яко отца почитать готовъ. А о иномъ къ тебѣ, государю, приказано словесно донести вѣрному нашему боарину князю Петру Ивановичю Прозоровскому и противъ сего моего писання и словеснаго приказу учинить мнѣ отповѣдь.

Писавнѣ в печалехъ братъ вашъ царь Петръ здравия вашего желаю и челомъ бью.

9. Запѣтка для памяти (1689).

Черкасѣкову сказать, чтобы перевест некоторые боиници, чтобы пистолеги взять.

10. Къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ (1693, августа 14).

Гасударыне моеи матушкѣ царице Наталье Кирилловнѣ. Зволила ты писать ко мнѣ с Васильемъ Соймоновымъ, что я тебя, государыню, опечалилъ тѣмъ, чт(о) о приезде своемъ не отписалъ. I о томъ і нынѣ подлинно отписать не могу, для того что дожидаюсь кораблей; а какъ онѣ будутъ, о томъ никто не вѣдаетъ, а ожидаютъ вскорѣ, потому чт(о) болше трехъ недѣль отпущены изъ Амстердама; а какъ онѣ будутъ, і я іскупа, что надабеть, поеду тотъ часъ день і ночь. Да о единомъ милости прошу: чего для изволишь печалитца обо мнѣ? Изволила ты писать, что предала меня в паству Матери Божией; і, такова пастыря імѣючи, почто печаловать? Тоя бо молитвами і предстательств(в)омъ, не точию я единъ, но і миръ сохраняетъ Господь. За семъ благословения прошу.

Недостойны

Петрушка.

11. Къ Федору Матвѣвичу Апраксину (1694, въ началѣ апрѣля).

Федоръ Матвѣвичъ.

По указу великаго государя генералисимуса князя Федора Юрьевича, пороху 2000 пудъ, также и 1000 самопаловъ посланы; а ружье взялъ стрѣлецъ Ивашко Адамовъ. Порохъ на второй недѣлѣ, а ружье на шестой недѣлѣ отпущены до Вологды, а съ Вологды водою велѣно везть. А о ружьѣ, хотя и не задолго до насъ придетъ, не опасайся, для того что зѣло хорошо и цѣло, и переправки не хочеть, развѣ дорогою испортитца; а я имянно наказалъ беречь. А блоки на карабль всѣ здѣланы и отпущены на четвертой недѣлѣ на Вологду. И о томъ, пожалуй, скажи нашимъ товарищемъ Никласу да Яну, и великой поклонъ отъ всѣхъ насъ. Да пожалуй, о пивѣ не позабудь. Также и 24 пушки готовы. Посемъ въ обихъ естествахъ купно здравствуй.

Piter.

12. Къ Андрею Андреевичу Вилиусу (1694, іюля 12).

Min Her.

Писмо твое, і въ немъ переводъ с писма Витценова, мнѣ вѣрученъ, іс которого начала воспримъ радости, что 6 недѣль на море, коньца ожидаемъ, дабы егоже слышаніемъ радуемъ, руками могъли осезать. А новой корабль 11 д. іюля савъсемъ отдѣланъ і окрешенъ во імя Павъла апостола і Марсовымъ ладономъ давольно куренъ; в томъ же курені і Бахусъ припочтенъ былъ давольно. О, сколь нахальчию вашъ Вульканусъ: не довольствуется вами, на суше пребывающими, но і здѣсь на Непѣтуусову державу дерзнулъ і едва не вѣсе суды, въ Кунъчукорбе лежащія, къ ярмонкѣ с товары вѣсе пожегъ; абаче чрезъ наши труды весма разоренъ, точию едину барки кровлю і борть жѣгъ с (х)лебомъ, а возле была барка съ пенъкою, і естлибъ та загорелась, тогда бѣ отнюдъ не возможно было отнять, і чаю, чтобъ сей пожаръ не меньше былъ всехъ Московскихъ, і коробли старымъ бы пескомъ домой пошли.

Piter.

Дѣло твое готово, толко челобитная утералась; пришли новую; Герасима Карсакова въ Кайгородокъ отпустить; а челобитная ево в приказе.

13. Къ царю Іоанну Алексѣевичу (1694, іюля 21).

Презлюбленной мой государь, батко и братецъ, царь Іоаннъ Алексѣевич!

Здравствуй на многие лѣта со сажителницею своею, а моею государнею невѣстужкою, і съ рожденіемъ.

По премногу возблагодарствоваль твою къ себѣ братцую милость, что пожаловаль чрезъ писмо мое о вѣдомости своего здоровья і всего нашего дому, о чемъ, яко о самомъ себѣ, вашего здоровья слышати желаю.

Да вѣстно тебѣ чиню: сего іюля 21-го числа, что чрезъ волю мою велѣно кораблю быти, пришелъ 1, і, ежели благоволилъ Богъ, возбравши поиду і тѣмъ же Богомъ і возвращениемъ не умедлю.

Потомъ же прошу милости, яко у батки і брата: пожалуй, донеси тетѣ і матери моей, государынѣ царевнѣ Татіанѣ Михайловнѣ, і поклонъ отдай; такъже невѣскѣ і сестрамъ. Слава Богу, живъ.

За симъ здравствуй, мой государь батко і братецъ.

«Petros».

14. Къ Федору Матвѣевичу Апраксину (въ концѣ 1694 года).

Min Her.

Письмо ваше выразишь, соотвѣтствую, что карабль какъ при мнѣ наряженъ былъ къ отпуску, я сары, хотя сперва и не хотѣли ѣхать, однакожъ послѣ обѣщались. А о товарѣ, какой въ него класть, на то мнѣ здѣсь, въ такомъ будучи разстояніи, дѣлать не возможно; да и тамъ будучи, я говорилъ: съ чѣмъ лучше, съ тѣмъ и отпускай, потому что товаръ что класть, и иноземцы, кому то купить, всѣ тамъ, и тебѣ

40*

удобнѣе то здѣлать, о чемъ и я пространнѣе говорилъ. А пашпортъ присланъ будетъ вскорѣ; а карабль большой, въ тужь пору положено, что зимовать, а тотъ отпустить, и дивлюся, что затѣмъ отповѣди другой требуете.

Piter.

15. Къ Ѳеодору Матвѣевичу Апраксину (въ началѣ 1695 г.).

Min Her Gouverneur Archangel.

О караблѣ будетъ писать Францъ Тимерманъ. Яхту прикажи по прежнему для караблей вывести. Шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть ѣдемъ. Генералисимусы оба остаются, а съ войскомъ посылають генераловъ; а съ ними 31,000 ч., 60 полкартоунъ, 110 мартировъ, 20,000 бомбовъ. А о достальномъ впредь писать буду.

Piter..

Ѳеодоръ Матвѣевичъ, многолѣтно здравствуй, и на многія лѣта. А мы: Юрья Ивановичъ, Василій Ивановичъ, про твое здоровье пьемъ вотку и ренское, а паче пиво.

Пресвященной митрополитъ Киевскій Гедеонъ благословеніе присылаю.

Преображенскаго полку капитанъ Васька Соймоновъ челомъ бьетъ.

Смирный діаконъ Петръ, сержантъ Преображенскаго полку, Ѳетка Плещеевъ, Петрушка Гутманъ много челомъ бьютъ.

16. Къ Ѳеодору Матвѣевичу Апраксину (1695, апрѣля 16).

Min Her Gouverneur Archangel.

О замедленіи вѣдомости противъ вашего письма во истину больше суетами и непрестаннымъ недосужествомъ, нежели лѣнностію, умедлено: понеже вѣдаетъ ваша милость, что какими трудами нынѣшней осени подъ Кожуховымъ чрезъ пять недѣль въ Марсовой потѣхѣ были, которая игра, хотя въ ту пору какъ она была, и ничего не было на разумѣ больше, однакожь послѣ совершенія оной зачалось иноз, и преднее дѣло явилось яко предвѣстникомъ дѣла, о которомъ самъ можешь разсудить, великихъ трудовъ и тцанія оное требуетъ, о чемъ, естли живы будемъ, впредь писать будемъ. Съ Москвы на службу подъ Азовъ, по ихъ пресвѣтлѣйшества указу, пойдемъ сего жъ мѣсяца 18 числа. Да посылаю я къ вашей милости книгу и чертежъ становъ и обозовъ и боевъ, которые были подъ Кожуховымъ. А присыльные новокрепченые сары здѣсь принаты въ службу. Такожде по письму твоему отъ Володимера Лвутца все дошло. Такожде и о хлѣбѣ ихъ пресвѣтлѣйшества генералисимусовъ докладывалъ и объ томъ повелѣно. За симъ желаемъ вашей милости отъ Господа Бога всякаго блага.

Piter.

17. Къ князю Ѳеодору Юрьевичу Ромодановскому (1695, мая 19).

«Min Her Kentch».

Письмо вашего пресвѣтлѣ(й)шества, государя моего милостиваго, въ стольномъ градѣ Пресшпурхѣ мая въ 14 день писанное, мнѣ въ 18 день

отдано, за которую вашу государскую милость должны до послѣдней капли крови своей пролить, для чего и нынѣ посланы; и чаемъ за вашей многие и теплыя къ Богу молитвы, вапимъ посланіемъ, а нашими трудами и кровьюми, оное совершить. А о здѣшнемъ возвѣщаю, что холопи ваши, генералы Авто(но)мъ Михайловичъ и Францъ Яковлевичъ, со всеми войски, далъ Богъ, здорово, и намѣрены завтрешняго дня итить въ путь, а мѣшкали для того, что иные суды въ три дни на силу пришли, и ис тѣхъ многіе небреженіемъ глупыхъ кормщиковъ, которыхъ была болшая половина въ караванѣ; также и суды, которые дѣлали гости, гораздо худы, иные на силу и пришли. А казну здѣсь перегрузили въ пауски; а изъ служивыхъ людей по се число умерло небольшое число, а ис того числа иные болныя съ Москвы поѣхали. За симъ отдаюся въ покровъ щедротъ вашихъ.

Всегдашній рабъ пресвѣтлѣйшаго вашего величества бомбардиръ
«Piter».

18. Къ Андрею Андреевичу Виніусу (1695, мая 19).

«Min Her».

Писмо твое, маія въ 14 день писанное, мнѣ въ 17 день вручено, и о вѣстяхъ отъ Франца Яковлевича также не почты увѣдомлень. А что объ заплатѣ за мартыры и бомбы денегъ, и я чаю, яко еще отъ карабля денегъ довольно осталось; ис тѣхъ заплатить можно, а буде нѣтъ, вели заплатить Бранту. Вѣтры насъ крѣпко держали въ Дѣдиновѣ два дни да въ Муромѣ три дни; а болше всѣхъ задержка была отъ глупыхъ кормщиковъ и работниковъ, каторыя именемъ словутъ мастера, а дѣло отъ нихъ, что земля отъ неба. Аднако какъ-нибудь, слава Богу, собрались и казну перегрузили въ пауски, и сами перегрузились въ паузовъ, и намѣрены итить въ путь завтра.

«Bonbordir Piter».

19. Къ Андрею Юрьевичу Кривету (1695, мая 21 или 22).

«Min Her».

Послалъ я къ тебѣ образцы инструментовъ, и ты отпиши про нихъ. Которыя на листу, тѣ вели придѣлать и положить въ тотъ же ящикъ, а каторыя изъ розныхъ бумажекъ связаны, и тѣ вели въ асобую готовальню дѣлать, толко чтобъ тое готовальню можно было на поесу носить, чтобы она была не тежела. Для того и про снасти напиши, чтобы были суштелни. Да отпиши про нее не въ одно мѣсто, для того что она мнѣ нужна вскорѣ, и для того я чаю, что удобно абъ одной отписать въ Швецкую землю, буде тамъ дѣлають, и объ томъ поговорить Книперу; и буде дѣлають, чтобъ не мѣшавъ дѣлать и ко мнѣ прислать, а о другой отпиши, куды хочешь. А о здѣшнемъ поведеніи вѣдомо буди: мая въ 16 день пришли въ Нижние, а изъ Нижнего пошли въ путь маія въ 21 день, слава Богу, счастлива. Его пресвѣтлѣйшества генералисимуса князь Ѳедора Юрьевича бомбадиръ

«Piter».

20. Къ Андрею Андреевичу Виниусу (1695, іюля 4).

«Min Her».

Прошлого іюня въ 29 день, въ день святыхъ опостоль Петра и Павла, пришли на рѣку Койсу, версть за десять отъ (А)зова, и на молитвахъ святыхъ опостоль, яко на камени, утвердися, несумѣнно вѣруемъ, яко сыны адкіе не одалѣють насъ. И сего іюля въ 1 день генераль Петръ Ивановичъ пошелъ подъ Азовъ, придавъ ему полки Микиты Борисова, Головицына да Батурина. И на пути имѣлъ съ татарами бой; аднакожь, милостію Божію, дошелъ въ цѣлости, и два вала кругомъ посаду взялъ, и сталъ подъ городомъ менше 100 сажень. И черезъ день отпустилъ всѣ придаточныя полки (съ) своими телѣгами къ намъ, потому что намъ было кромѣ тѣхъ телѣгъ поднятца нечимъ. И какъ тѣ полки пошли къ намъ, и ихъ отъ самаго Азова до нашего городка крѣпко провожали Татары, которыхъ было болши трехъ тысячъ, и напуски были жестокіе; аднако, за милость Божію, отошли отъ непріятелей въ цѣлости въ наши таборы, и урону никакова не было, а толко нашихъ убито человекъ шесть да нѣсколко раненыхъ, а непріятелей побито человекъ шездесять, а раненыхъ вѣдать не возможно. И сего іюля въ 4 день генералы Автомъ Михайловичъ и Францъ Яковлевичъ съ пристани пошли въ обозъ и стануть начевать, отошедъ версты съ три; а утрѣ, Богъ изволить, пойдемъ подъ самой Азовъ и будемъ промышлять, сколько Господь Богъ помощи подастъ. Почта, въ 11 день іюня писанна (я), черезъ Царицынъ пришла въ 29 день, а другая черезъ Валуйки въ 30 день.

«Piter».

21. Къ князю Федору Юрьевичу Ромодановскому (1695 іюля 17).

«Min Her Септ».

Писма ваши государскія мнѣ здѣсь въ обозѣ отданы, въ которыхъ обрѣлъ нѣкоторую вашу государскую милость незаплатную. А о здѣшнемъ возвѣщаю, что сего мѣсяца пятого дня пришли подъ Азовъ и, осада, промыслъ чинимъ непрестанно. Непритель имѣлъ жестокія вылоски, аднако, слава Богу, ничего не учинилъ; да въ прошлыхъ въ 14 день и въ 15 день, милостію Божію и пресвятей Богородицы со всѣми святыми молитвами, а вашимъ государевымъ щастіемъ, каланчинскія бапни одну приступомъ взяли, а изъ другой ушли; о чемъ писалъ пространнѣе генераль нашъ въ своей отпискѣ.

«Piter».

22. Къ патріарху Адріану (1695, іюля 19).

Всесвятѣйшему киръ Адріану, Божію милостію архіепископу Московскому и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарху, во Святѣмъ Дусѣ отцу нашему и богомольцу, глубокаго мира и твердаго стоянія во благочестіи Церкви Христовы восточныя, здравія же и благоденствія, вкупѣ и душевнаго спасенія отъ Господа Бога, въ Троицѣ славимаго, усердно сподобитися желаемъ.

По путешествіи нашемъ не безтрудномъ и по пришествіи въ поган-

скую землю махOMETанскія проклятыя мерзости, въ обозѣ нашемъ подѣ городомъ Азовомъ донесенъ намъ вашего блаженства листъ, посланной съ Москвы іюля 2 дня, чрезъ который предпосылаешъ намъ свое архипастырское благословеніе и молитвы, къ тому привѣтствуя намъ въ день тезоименитства нашего первоверховнаго святаго апостола Петра многолѣтнимъ здравіемъ и желая на проклятыя махOMETаны побѣды и одолѣнія и въ мирѣ возвращенія. Которое вашего святѣйшества благословеніе и молитвы благодарно и любезно приняли есмы, и впредѣ таковыхъ же вашего святѣйшества, въ Дусѣ Святѣмъ отца нашего и богомольца, желая ко Господу Богу, въ Троицѣ Святѣй славимому, о насъ и о всемъ воинствѣ нашемъ моленія, дабы дароваль намъ на враги Свои агаряны побѣду и одолѣніе и прославиль имя Свое святое. А что вашего блаженства въ томъ же листу къ намъ доложено, дабы мы о бытности нашей письменно изъявили, и вашему блаженству о нашихъ съ помощію Божию трудѣхъ да будетъ вкратцѣ извѣстно.

За милосердіемъ Господа Бога нашего и заступленіемъ пресвятыя Дѣвы Богородицы и молитвами всѣхъ святыхъ пришли подѣ вышепоманутую крѣпость Азовъ іюля 5 числа въ добромъ здравіи безъ всякаго непріятельскаго врежденія, и тотъ городъ воинствомъ нашимъ осадили, и ко взятію промыслъ воинской въ надеждѣ милосердія Божія чинимъ. А іюля въ 14 да въ 16 числѣхъ благословилъ Господь Богъ оружіе наше, предаль намъ въ руки супостатовъ нашихъ двѣ крѣпости, на Дону стоящія, каменныя, именуемыя каланчи, со всѣми пушками и съ знаменами и съ воинскими припасы. Враги же всего христіанства, супостаты наши, въ тѣхъ крѣпостяхъ бывшіе, въ первое на приступѣ побиты, а иные въ полонѣ взяты; изъ другой же крѣпости, не терпя осады и утѣсненія отъ войскъ нашихъ и вида свое изнеможеніе, покинувъ, ушли тайно дикими степями ночью, тако Господу Богу въ трудѣхъ нашихъ послѣшествующу, десница бо Его святая сотвори намъ силу. Сіе же изъявля, и пакы вашего блаженства просимъ ко Господу Богу и ко пречистѣй Его Богоматери и всѣмъ святымъ о насъ и о состояніи воинства нашего прилѣжныхъ молитвъ и благословенія.

Писано въ обозѣ подѣ Азовомъ.

23. Къ Андрею Юрьевичу Кривету (1695, августа 14).

«Min Her».

Писма твои мнѣ отданы, и за вѣдомость пребыванія вашего благодарствую. А здѣсь, далѣ Богъ, всѣ здоровы, и нынѣ назалъ тому дней съ пять взяли наши Турецкую полукасторжи, которая долиною ручныхъ сажанъ з дватцать; а иныхъ никакихъ вѣстей здѣсь нѣту.

Прежъ сего писалъ ты о инструментахъ, а нынѣ уже въ двухъ грамоткахъ объ нихъ не пишешь; присланы ли они къ Москвѣ или нѣтъ?

«Piter».

24. Андрею Андреевичу Виніусу (1695, августа 22).

«Min Her».

Писмо твое, августа 6 дня писанное, мнѣ въ 18 день отдано, въ которомъ о заморскихъ вѣдомостяхъ и о вашемъ пребываніи объявляешъ,

... ..

13. Къ Алексею Григорьеву Завиту (1796, март 11)

Милый мой...

... ..

14. Къ Алексею Григорьеву Завиту (1796, март 11)

Милый мой...

... ..

15. Къ Толгоу Клементу Странному (1796, март 11)

Милый мой...

... ..

16. Къ Андрюи Юрьевичу Кровету (1796, март 23)

Милый мой...

... ..

по налцу толщиною, о которыхъ я и на Москвѣ говорилъ, зело нужны; а на каторги болше посылать не для чево, потому что, чаю, и здѣшними пройдемся, да і адмиралтейцъ мнѣ о томъ писалъ же, что естли не нуж(н)а, чтобъ болши не посылать. А вышеписанныя доски пришли не мешкавъ, да тисокъ, чѣмъ печатають; а тотъ, который я взялъ, испортился.

«Piter».

«Слава Богу, отъ ножной болезни свободился».

29. Къ князю Федору Юрьевичу Ромодановскому (1696, марта 29).

«Min Her Koninih».

Писмо ваше государское, марта 23 дня писанное, мнѣ въ 29 день отдано, въ каторомъ изволите гнѣвъ свой объевлять, будто я, холопъ вашъ, къ вамъ, государю, не пишу. И я, государь, уже другое писмо нынѣ пишу; развѣ прежнее писмо какъ истерялось. А здѣсь, государь, милостию Божіею и вашимъ государскимъ щастіемъ, все строитца къ морскому каравану съ поспѣшеніемъ; а что впредь станетъ дѣлатьца, писать буду.

«Холопъ вашъ Kaptein Piter».

30. Къ Андрею Юрьевичу Кревету (1696, марта 29).

«Min Her Kreft».

Послалъ я къ вамъ обрасцы инструментамъ, также и опись и обрасцовой цыркель, которые принявъ, изволте описать за-моря противъ того. Тонкія доски еще сюды не бывали, а здѣсь зело нужны, надобѣтъ.

«Piter».

31. Къ князю Федору Юрьевичу Ромодановскому (1696, мая 31).

«Min Her Kenih».

15-го дня пришелъ нашъ караванъ въ Черкасской, и въ 18 день пришли въ Каланчю, въ 19 день пришли на устье моря, и за мелиною на море галерамъ вытить было невозможно. А неприятель на морѣ стоялъ въ 13 карабляхъ. И того же дня неприятель, нагрузася з жалованьемъ и съ воинскими припасы, въ 13 тунбасахъ, съ каторыми для провожанья въ 11 ушкалахъ были янычєня, и какъ тѣ суды поровнялися противъ устья Каланчинского, и мы, холопи твои, въ малыхъ судахъ, а казаки въ лоткахъ, прося у Бога милости, ударили на того неприятеля и милостию Божіею и прєсвятыя Богородицы со всѣми святыми молитвою, а вашимъ государскимъ счастьемъ, тѣ вышеписанныя суды разбили, изъ каторыхъ 9 сожгли, 1 взяли, а досталныя ушли къ караблямъ; и карабли, то вида, 11 ушли, а одинъ затопили сами, а другой наши сажгли. На тѣхъ тунбасахъ взято: 26 человекъ языковъ, пороху 85 бочекъ, 300 бомбовъ, 5000 гранатъ, 500 копей и все, что къ нимъ везено, взято, болши всего суконъ и иныхъ вещей.

А взятые языки сказывали, что прислано на тѣхъ карабляхъ 500 янычєнъ, и многіє припасы, и мартиръ и людей де они высадили на

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

- 1) ... ..
- 2) ... ..
- 3) ... ..
- 4) ... ..

вращеніи своемъ, то къ симъ вышеписаннымъ повелѣніямъ и ученіемъ научились знати, какъ дѣлать тѣ суды, на которыхъ они искушеніе свое примуть.

5) Когда возвращаться будутъ къ Москвѣ, долженъ всякъ по два человѣка искусныхъ мастеровъ морскаго дѣла привести съ собою до Москвы на своихъ проторяхъ, а тѣ протори, какъ они придутъ, будутъ имъ заплачены. Сверхъ того отсюда изъ салдатъ даны будутъ для того ученія по одному человѣку. А кто изъ салдатъ взять не похочетъ, и тѣмъ или знакома или человѣка своего тому жъ выучить, а салдатомъ будетъ прокормъ и проѣздъ изъ казны. А буде, кромѣ салдатъ, кто кого выучить, и за всякаго человѣка за прокормъ дано будетъ по сту рублей, и о томъ, салдатъ кто взять похочетъ или изъ своихъ кого учить, объявлять комисаріи генералу немедленно.

6) Съ Москвы ѣхать имъ симъ зимнимъ временемъ, чтобъ еъ послѣднимъ числамъ февраля никто здѣсь не остался.

7) Пасы и проѣзжіе даны вамъ будутъ изъ Посолскаго приказа, и о томъ роспись и указъ въ Посолскій приказъ пошлется вскорѣ.

36. Къ Андрею Юрьевичу Кривету (1697, мая 2).

Ракъ! Не забывай мельницы да ткачей, а мы поедемъ отсель сегодня в Кюнинсбергъ моремъ.

Piter.

37. Орывокъ изъ учебныхъ записокъ по кораблестроенію. (1697, августъ—декабрь).

Когда похочешъ дѣлать карабль, или иное что, перво надобетъ, длину оверштевена възяеъ, здѣлать по концамъ прямыя углы; потомъ киль ниже черты, потомъ размѣрять отъ прямыхъ угловъ шпангоутъ на 10 доль і прочертить всякую доль поперекъ всего листа; потомъ прочертить [такуюжъ черту какова ісподънѣя] повыше бока карабля черту жъ в обѣихъ канѣцахъ равню отъ угловъ. Потомъ по широкомъ шпангоутъ възять ширину противъ шхерганта і поставить отъ черты выше, а назади половина іпигила, а напереди на адтрокъ оорштевену; потомъ штевени, после штевеноеъ олакъ; после олака [буссель дѣляется для выгиби шпангоутъ, толко чтобъ на гнутъе не такъ трудно дѣлать была, а не галовъная штука] шхерганъ, после шхерганъ [буде о дву полу-бахъ селтъ] регоутъ; потомъ олакъ, потомъ [а буде о двухполубной селтъ олакъ, а на орлашкипъ такоеъ на серетѣ, какоеъ гекъбалакъ длиною] регоутъ [которой на пинасахъ дѣляется равенъ какъ і поторегоутъ] і потомъ братъ мѣры по тѣмъ [10] чертамъ ширину і вышину [ка (къ) в чертеже] і ставить на шпангоутъ отъ шпигеля 6 і отъ оалштевена 3.

По мнѣнію жъ естли новой хочешъ (д) ѣлать, перва здѣлай бокъ карабля по ізволенію соеъсемъ, потомъ большой шпангоутъ [по ізволению жъ во олакѣ, въ шхергане і пърочемъ, потомъ здѣлай половина карабля све(р)ху, потомъ шпангоуте, также олакъ, шхерганъ, регоутъ, і протчия, потомъ же шпангоуте ширину дѣлай; што же о концахъ тѣхъ линѣй належитъ, і то мошъно дѣлать такъ: назади братъ отъ шпигеля ширину, гдѣ тѣхъ линѣи канцы пройдутъ, а напереди естли ште-

иже градъ. и яко чертъ оидеть на ксаръ, а остальн востъ, то
неисчисленной лини брѣвъ гармановъ на вышнюю гѣль дѣлѣтъ на
той чертѣ : иже вѣна : гдѣнѣ вѣна гѣль иже въ шѣ кону, на
вѣрствѣ : иже въ бѣгъ : пѣлѣна сѣверу стѣна, иже въ шѣ
дѣлѣтъ бѣгъ вѣдѣтъ въ шѣ вѣдѣтъ и въ бѣдѣной чертѣ, а иже
въ вѣдѣтъ : иже дѣлѣтъ.

38. Къ императору Адриану 1877. сентября 10 д.

Коллежъ архидиаконъ иже вѣдѣтъ 13 д. вѣдѣтъ. иже въ отъ
сентября въ 1 д. 1877. и вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ
вѣдѣтъ : вѣдѣтъ. на чѣмъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ
А вѣдѣтъ же вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ : иже въ Нѣмѣцкѣ, въ годъ
Августѣ. вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ : вѣдѣтъ вѣдѣтъ, при добротѣ
вѣдѣтъ вѣдѣтъ, вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ. вѣдѣтъ къ вѣдѣтъ
(вѣдѣтъ), что чѣмъ же отъ вѣдѣтъ, въ вѣдѣтъ ради вѣдѣтъ
вѣдѣтъ вѣдѣтъ, вѣдѣтъ. вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ
вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ, вѣдѣтъ вѣдѣтъ
вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ, вѣдѣтъ вѣдѣтъ
вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ, вѣдѣтъ вѣдѣтъ
вѣдѣтъ, вѣдѣтъ вѣдѣтъ : вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ.

Peter.

39. Наклонны статьи Григорію Григорьевичу Остроумову.
1877. октября 20

Статьи:

1.

Вѣдѣтъ изъ Галл. розвѣдѣтъ вѣдѣтъ, на которѣ вѣдѣтъ и вѣдѣтъ блѣ
же и вѣдѣтъ, до Славенской или до Словацкой и до Шклавонской
земли. А на которѣ вѣдѣтъ, и чрезъ чѣмъ земли и государств
и вольные города, и что отъ котораго города до которѣхъ вѣдѣтъ верст
и миль, и какова дорога, и въ водводахъ и въ вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ
о томъ о всемъ, розвѣдѣтъ и разсмотрѣ вѣдѣтъ, завѣдѣтъ вѣдѣтъ.

2.

Прѣвѣдѣтъ въ тое Шклавонскую землю, вѣдѣтъ: вѣдѣтъ вѣдѣтъ
она государствѣ, и много ль въ ней городовъ и знатныхъ вѣдѣтъ, и вѣдѣтъ
голдѣна ль она, и какіе въ ней люди; служилые ль, или купецкіе, или
нахотиме, и которѣхъ чиновъ болше, и естъ ли въ ней канцѣлѣ, во
ручѣнѣ, подворучѣнѣ, шиверѣ, бодманѣ, штирманѣ и матрози, кото
рые бѣ служили или нынѣ служатъ на вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ вѣдѣтъ
гахъ, или на купецкихъ карабѣлахъ.

3.

Да и о томъ ему вѣдѣтъ: каковы тамъ люди къ морскому путю
и бою, будутъ ли противъ Венетовъ и «на чѣмъ» заобичѣтъ, на какіхъ
судахъ болши употребленія къ бою имѣютъ, «на карабѣхъ ли или на
каторгахъ», и въ которѣхъ вѣдѣтъ они той войны употребѣтъ и въ
чѣмъ флотахъ? И о томъ, для подлинного увѣренія, разговорѣся з вѣдѣтъ

ими начальными людьми, взять у нихъ на письмѣ. При томъ провѣ-
дать подлинно жъ: ето того морского дѣла и употребленія есть въ той же
землѣ, или того жъ языку, изъ знатныхъ начальныхъ людей, вице-ад-
мирала и иныхъ вышнихъ и нижнихъ чиновъ, и имена ихъ двухъ или
трехъ, или и больши, записать.

4.

Да и о томъ провѣдаты: тотъ вышепомянутой Славенской народъ
Славенской ли языкъ употребляетъ, и мочно ль съ ними Рускому чело-
вѣку о всемъ говорить и разумѣть? И изъ нихъ, какова ни есть чина,
человѣка того Славенскаго народа и языка привести съ собою въ Ам-
страдамъ, для познанія языка ихъ, уговорася «съ нимъ», по чему да-
вать на мѣсяць.

5.

Да и о томъ провѣдаты: того вышепомянутого народа много ли на
морѣ служить, или больши на земли?

6.

Да ему же, будучи въ Славенской землѣ, о всемъ вышеписанномъ
развѣдавъ и учина, провѣдаты: Венецыя далеко ль отъ той Славенской
земли, и путь къ ней на которыя мѣста, и чрезъ чьи земли и города,
и сколько миль будетъ или дней ходу?

7.

А будетъ Словаки языкъ свой употребляютъ не противъ Руского
языка, и узнать ево, что они говорятъ, Рускому челоѣку будетъ не
мочно и такихъ вышеписанныхъ начальныхъ людей нѣтъ, и ему ѣхать
въ Венецыю. А прѣхавъ въ Венецыю, провѣдаты: есть ли въ Венеции
вышеписанные начальные люди: капитаны, порутчики, подпорутчиен,
пинеры, штюрманы, боцманы, которые бѣ умѣли Словенского языка и
морского искусства, и много ли тамъ того языка и иныхъ языковъ та-
кихъ людей, и буде ихъ наймать въ государеву службу, и такіе люди
въ Московское государство въ службу пойдутъ ли, и по чему похотятъ?
о томъ съ ними поговоритъ напрімѣръ. Также и о томъ провѣдаты:
того Словенского языка и иныхъ языковъ вышніе начальные люди есть ли
и кто имена, и какіе чины, и въ которыхъ флотахъ служатъ, и какое
о себѣ имя и похвалу въ воинскихъ морскихъ дѣлахъ имѣютъ? И то
все провѣдавъ подлинно, записать о всемъ имянно, и съ тою запискою
ѣхать въ Амстрадамъ, не мѣшая нигдѣ *).

*) Островскій не исполнилъ порученія, но наказныя статьи остаются любопыт-
нымъ свидѣтельствомъ, какъ уже въ это время Петра интересовало славянство, ви-
дно извѣстное пока очень мало. Какую «Шклавонскую или Словацкую» землю Петръ
подразумѣвалъ въ этомъ случаѣ, можно видѣть изъ того, что говорится въ особен-
ности о морскомъ дѣлѣ и славянахъ морякахъ: эта земля была именно Далмація;
но свѣдѣнія о ней были еще такъ неясны, что посланному лицу предписывалось
собирать топографическія свѣдѣнія, какъ-будто шла рѣчь о совершенно неизвѣст-
ныхъ странахъ. Впоследствии этотъ предметъ для Петра Великаго выяснился: на его
службѣ были люди изъ этой Шклавонской земли, какъ адмиралъ Змаевичъ, Мило-
радовичъ, Савва Рагузинскій и пр. (Изъ статьи А. Н. Пычина: «Обзоръ русскихъ
изученій славянства», «Вѣстникъ Европы», 1889 г., май).

40. Къ Андрею Юрьевичу Кривету (1699, мая 9).

«Min Her».

Писма всякія, которыя остались послѣ Яна Деня карабельного дѣла и нынѣ у васъ обрѣтаются, прошу, чтобъ на Руской языкъ переведены были, въ чемъ не сумнѣваюсь.

«Piter».

41. Къ Александру Даниловичу Меншикову (1700, февраля 13).

Meinъ герценкинъ.

Какъ тебѣ сие писмо вѣручитца, пожалуй, осмотри у меня на дворе і вели вычистить везде і починить; такъже вели въ спальной здѣлать полъ липовой да і въ другихъ вели новыя полы переделать. Такъже вели пиво Сълобоцкое і другое Андреева въ ледъ засѣчь; такъже вели здѣлать вѣзновъ погрѣпъ потъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ боть сѣтоитъ или гдѣ сѣтарая баня. Такъже і во вѣсемъ осмотри і прикажи. А самъ, для Бога, не мешкай, а для чего—самъ знаешь.

За семъ предаю васъ въ сохранение вѣсехъ хранителя Бога.

Piter.

42. Къ Федору Алексѣевичу Головину (1700, марта 2).

Min Her Admiral en erst Admiraliteic.

Писма ваши на почтѣ я принялъ, которая пришъла въ четвертой день, то есть въ среду въ вечеру. Правда, зело вѣсѣтовата і надлежала бы съкорого отвѣта: толко была въ тотъ день Василья, і мы сидѣли у именинника; а се, кои были изъ насъ въ Риге, съ печали натселись, а паче Филать, і оттого на заѣтрея не могъ ничево дѣлать.

Жаль, жаль, да нечемъ пособить. Пришъло мнѣ на мысль: съказывалъ мнѣ Брантъ, что есть въ Ругодевѣ пушки продажныя карабельныя въ 12, въ 18 і въ 6 фунтовъ ядромъ, і я съ нимъ говорилъ, чтобъ купить. І нынѣ для тѣхъ пушекъ пошъли ты Карчмина, чтобъ онъ ихъ пробовалъ і купилъ нѣсколко; а межъ тѣмъ накажи ему, чтобъ присмотрелъ города и мѣста кѣругомъ; такъже, если возможно ему дѣла сыскать, чтобъ побывалъ і в Оршпекъ; а буде въ него неля, хотъ возде ево. А мѣсто тутъ зело нужно: протовъ изъ Ладоского озера въ море (посмотри въ картахъ), і зело нужно ради задержанія выручки; а детина, важетца, не глупъ и секретъ можетъ снестъ. Зело нужно, чтобъ Къниперъ того не вѣдалъ, потому что онъ знаетъ, что онъ ученъ.

Изволь прислать котелъ мѣдной, въ которомъ сѣмолятъ вереечки, которой привезъ Кинциусъ; а сказывалъ мнѣ про то визъ-адмиралъ.

Полки, буде чаешь лутче, постаѣь по городамъ къ той сѣторонѣ. На расколшикоеъ посылать ли? Много—знатно, мала—нѣтъ ничево. О томъ прошу совѣту.

Карабль чаю, при помощи Божией, отдѣлать, і хочетца съпустить (есѣтъли не помѣшаеть что), для того, что первой. Зело жаль мнѣ востинну, что хоромы безъ меня зъгорели.

Хъ курьерсѣу отпишу на будущую почѣту, для того надабна подумать; а нынѣ, за многими писмами, не успѣлъ.

Хорошо бѣ или ты отписалъ къ Ѳламингу, или нарочного человѣка тамъ держать, для вѣдомости; zelo нужно.

Азоотскія і Янова отписки чель; кажетца, вѣраки. І мы здѣсь видѣли 5 отписакъ еше новыи такихъ же, і послали къ вамъ.

Морозы zelo великия, такъ что і работать нельзя, і дорога хороша.

Вашъ вѣсегдашнн

Knecht Peter.

43. Къ Тихону Никитичу Стрешневу (1700, сентября 25).

Min Her.

Письмо ваше я принялъ, и зѣло радуемся, что гавань дѣлается не медленно, также и городъ; дай, Боже, доброе совершение. Мы третьяго дни пришли сюда въ полдни и, перешедъ рѣку Нарву, стали отъ моря. Города Ямы, Сыронецъ здалися добровольно; также и Копорцы прислали, чтобъ ихъ принять; и къ нимъ принять послано. Въ сихъ трехъ городахъ будетъ уѣзду съ 7000 дворовъ. А подлинно впрѣдъ отпишемъ.

Piter.

О чемъ станеть тебѣ говорить сестра моя, вели исправить.

44. Къ Борису Петровичу Шереметеву (1700, ноября 17).

Борисъ Петровичъ. Приказалъ я вѣдать надъ войски и надъ вами арцуху фонъ Кроу; изволь сіе вѣдать и по тому чинить, какъ написано въ статьяхъ у него, за моею рукою, и сему повѣрь.

45. Росписка въ полученіи жалованья (1701, января 29).

Въ нынѣшнемъ 1701 году, генваря въ 29 день, по указу великаго государя, велѣно выдать, его, великаго государя, жалованье, по разсмотрѣнію господъ адмиралтѣцкихъ, учиненнымъ чинамъ, изучившимся въ окресныхъ государствахъ карабелному художеству, на нынѣшней 1701 годъ генваря съ 1-го числа генваря жъ по 1 число 1702 году. А кому имяны, и то писано ниже сего.

Басу Петру Михайлову триста шездесять шесть рублей. «Piter Michalof денги принялъ».

46. Къ Борису Петровичу Шереметеву (1701, іюля 22).

Min Her.

Понеже мы получили нѣкоторую вѣсть нужную, и того для приважи остаться въ Новѣгородѣ нашимъ двумъ полкамъ, да драгунскимъ коннымъ двумъ же, да одному пѣхотному, да одному драгунскому безлошадному (съ ружьемъ воторой), а достальнымъ вели итить съ поспѣшеніемъ; а самъ, ваша милость, изволь стать въ сутки, какъ мы пріѣхали.

Piter.

47. Къ Ѳедору Матвѣевичу Апраксину (1701, сентября 17).

Min Her Admiraliteic Her.

Писмо ваше принявъ, отвѣтствую: войны съ Туркомъ не чаемъ, потому что миръ подтвердилъ салтанъ охотно. Карабли Строгонова Галанскія передѣлать надобно такъ, какъ говорили на Воронежѣ; а италіанскія за своею суптелностію Богъ знаетъ. Если застанеть сіе писмо, не извольте ходить по морю. Противъ Тускихъ словъ, что наши не ѣздить, зѣло бѣ хорошо хотя съ малымъ послать на малыхъ суднахъ для увѣренія ихъ съ торгомъ. Мѣсто для строенія на Дону извольте погудить пока на осередѣ увидимъ. На Таганърогѣ вели все здѣлать въ городовомъ строеніи, противъ Траузинова чертежа, а совершенно обо всемъ постановимъ, когда увидимся сами; а за позднимъ времяемъ, чаю, и сіе писмо васъ не застанеть тамъ. Поздравляю вамъ викторією, недавно учиненною здѣсь надъ Шведскими двумя полки, драгунскимъ и салдацкимъ, отъ нашихъ драгунскихъ трехъ полковъ, которые ихъ, при помощи Божіей, такъ побили, что едва кто спасся; а пушки, знамена и все взято.

Piter.

ХCVIII. ПТЕНЦЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Изъ соч. Гельбига: «Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII в.», съ переводомъ съ нѣмецкаго В. Б., «Русская старина», апрѣль 1886 г.).

1. Александръ Меншиковъ

Время Петра I было эпохой великихъ людей въ русскомъ государствѣ. Ни въ одно изъ послѣдующихъ царствованій не встрѣчается столько даровитыхъ людей, сколько дѣйствительный творецъ русскаго государства опредѣлилъ въ государственное управленіе, въ военную и морскую службу, въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ, въ вѣдомства финансовъ, юстиціи и полиціи. Иныхъ нашелъ онъ въ старыхъ фамиліяхъ своего государства, другихъ—среди знатныхъ иностранцевъ, появившихся при его дворѣ. Многіе вышли изъ чужеземной черни; многіе—изъ самыхъ низшихъ слоевъ русскаго народа. Еще прежде, чѣмъ Петръ I достигъ зрѣлаго возраста, когда его испытанный умъ могъ отыскивать наиболѣе подходящіе субъекты, случай благопріятствовалъ ему и наталкивалъ на юношей, сдѣлавшихся знаменитыми по своимъ высокимъ дарованіямъ. Онъ рѣдко ошибался въ нихъ; они же въ немъ—никогда. Большинство ихъ соответствовало его ожиданіямъ, и онъ возвышалъ ихъ и щедро награждалъ. Но не многіе изъ нихъ были счастливы до конца своей жизни.

Вершина земнаго счастья составляетъ самый опасный пунктъ для большей части высокочекъ. Рѣдко кто умѣетъ удержаться до конца своихъ дней на высококомъ посту, на который его вознесъ смѣлый геніальный пометъ и съ твердостью проведенная тенденція. Онъ колеблется

на непривычной высотѣ, и падаетъ. Александръ Меншиковъ родился 17 ноября 1674 года. Отецъ его былъ крестьянинъ изъ окрестностей Москвы и прозывался Данило Меншиковъ.

Въ Россіи многіе крестьяне отдають своихъ сыновей въ большіе города ремесленникамъ на выучку; также точно и Александръ былъ отданъ пирожнику. Какъ ученикъ, онъ долженъ былъ на улицахъ Москвы выкрикивать для продажи пироги, лежавшіе на лоткѣ, который онъ носилъ на головѣ. Онъ дѣлалъ это такъ забавно, что обратилъ на себя вниманіе знаменитаго Лефорта. Этотъ государственный человѣкъ звалъ его къ себѣ, много разговаривалъ съ нимъ и, найдя его отвѣты смышленными, а черты лица—умными и миловидными, взялъ его къ себѣ въ услуженіе. Здѣсь Александръ имѣлъ случай часто видѣть юнаго царя, который былъ всего лишь на два года старше его, разговаривать съ нимъ и приобрѣсти его благоволеніе. Лефортъ, основательный оцѣнщикъ духовныхъ способностей, съ удовольствіемъ замѣтилъ провицательный умъ своего слуги и рѣшилъ сдѣлать его пригоднымъ для государственной службы. Конечно, заслуживаетъ глубочайшей благодарности человѣкъ, который, будучи чуждъ всякой зависти, приготовилъ такого образованнаго воспитанника своему государю и государству; но заслуживаетъ не меньшаго удивленія и тотъ воспитанникъ, который выработался по идеямъ своего великаго предшественника и согласно съ намѣреніями своего государя.

Лефортъ опредѣлилъ Меншикова на царскую службу, взялъ его съ собою въ заграничное путешествіе 1697 года, обращалъ на все его вниманіе, научилъ его уничтожать злоупотребленія и заводить новыя учрежденія, преподавалъ ему военное искусство и такъ старался привить ему свои собственные взгляды относительно государственнаго хозяйства и иностранныхъ дѣлъ, что умный и воспримчивый Меншиковъ совершенно усвоилъ ихъ себѣ. Однако, можно полагать, что еслибъ Лефортъ остался въ живыхъ, онъ, прозрѣвавшій уже притязательный характеръ молодаго человѣка, никогда не допустилъ бы его такъ возвыситься, какъ онъ впоследствии, дѣйствительно, возвысился. Но Лефортъ умеръ, и личный составъ русскихъ государственныхъ учреждений принялъ совершенно иной видъ.

Петръ I, хотя и былъ окруженъ придворными, чувствовалъ себя одинокимъ. Почти всѣ приближенные были противъ его мудрыхъ предначертаній, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока убѣжденіе не дѣлало ихъ лучшими. Только одинъ Меншиковъ безусловно раздѣлялъ высокіе принципы своего государя. Онъ сталъ преемникомъ умершаго любимца относительно милости своего государя и, мало-по-малу, но въ очень короткіе промежутки, получилъ всѣ тѣ же важныя мѣста, которыя имѣлъ Лефортъ. Теперь-то Меншиковъ выказалъ, что онъ принадлежитъ къ выдающимся личностямъ, умѣющимъ составить себѣ имя въ исторіи. Въ полной моральной и физической зрѣлости развилъ онъ свои высокія дарованія, во всемъ вѣрно поддерживалъ своего государя, какъ въ начертаніи благотѣльныхъ реформъ, такъ и въ точномъ и покорномъ исполненіи приказаній императора. Изображеніе важныхъ заслугъ этого государственнаго человѣка и полководца принадлежитъ исторіи великаго монарха, котораго онъ, по крайней мѣрѣ отчасти, прославилъ своими талантами.

Уже въ самомъ началѣ въ Меншиковѣ были открыты зародыши государственнаго мужа, который въ состояніи удивить современниковъ и потомство своими подвигами; но въ послѣдующіе годы увидѣли также, съ сожалѣніемъ, что его многообъщавшее вліяніе не всегда направлено на выгоднѣйшее для государства и наиболѣе полезное для подданныхъ. Петръ назначилъ его, между прочимъ, гофмейстеромъ къ своему, впоследствии столь несчастному, сыну Алексѣю. Меншиковъ самымъ непростительнымъ образомъ пренебрегъ воспитаніемъ царевича. Ему было все равно, прилеженъ ли царевичъ во время уроковъ или лѣнивъ; онъ даже одобрялъ, замѣчая, какъ попы внушали принцу безполезныя церковныя обрядности, воспитывали его въ недѣльныхъ предразсудкахъ и старались внушить ему отвращеніе ко всемъ новшествамъ его отца.

Можно думать, что уже тогда Меншиковъ имѣлъ намѣреніе отстранить царевича отъ престолонаслѣдія по волѣ самого же императора. Но этотъ проектъ оставался еще на заднемъ планѣ. Меншиковъ находился въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Екатериной, которую онъ уступилъ своему монарху. Изъ этого происходили взаимныя обязательства. Онъ относился къ ней съ почтеніемъ и старался возвышать ее; она поддерживала его, когда онъ шатался. Она должна даровать государству наслѣдника престола, и онъ хотѣлъ по смерти Петра управлять государствомъ и малолѣтнимъ государемъ. Но чтобъ привести все это въ исполненіе, необходимо было возбудить въ отцѣ подозрѣніе противъ сына и, такимъ образомъ, отстранить царевича отъ престола. Какъ извѣстно, все это и случилось, много лѣтъ позже, когда уже царевичъ былъ женатъ и имѣлъ отъ своей супруги сына и дочь. Петръ былъ окончательно возстановленъ противъ Алексѣя, который своимъ неблагоприятнымъ, ненадежнымъ, низкимъ, упрямымъ и возмутительнымъ противъ отца и государя поведеніемъ далъ поводъ къ той печальной участи, которая постигла его.

Обхожденіе Петра I съ его любимцемъ было оригинально. Императоръ ничего не дѣлалъ безъ совѣта Меншикова. Во всехъ событіяхъ своей правительственной дѣятельности и частной жизни, онъ выказывалъ ему такое довѣріе, выше котораго быть не можетъ. Можно было бы сказать, что монархъ и его любимецъ, были сердечными друзьями, еслибы любимецъ, всегдашнее игралище своихъ страстей, не сдѣлался вслѣдствіе этого недостойнымъ высокой чести быть другомъ своего государя. Почти постоянно Меншиковъ долженъ былъ сопровождать императора и, если Петръ иногда оставлялъ его, то этотъ любимецъ, съ согласія императора, управлялъ всемъ государствомъ. Этотъ скипетръ можно было тогда назвать дѣйствительно желѣзнымъ. Вслѣдствіе этого росло число враговъ, которыхъ Меншиковъ создавалъ себѣ ежедневно своимъ своекорыстнымъ поведеніемъ. Враги слѣдили за каждымъ его шагомъ и извѣщали императора обо всемъ, что узнавали относительно корыстолюбивыхъ поступковъ перваго слуги государства. Вслѣдствіе этого Меншиковъ находился три раза въ царствованіе Петра I подъ строжайшими слѣдствіями, изъ которыхъ мы приведемъ одинъ только примѣръ, бывшій въ 1719 году. Князь Меншиковъ былъ обвиняемъ въ томъ, что дурно управлялъ финансами имперіи, которые были поручены ему одному, и что многія суммы обратилъ въ свою пользу. Отъ него была взята шпага, ему было запрещено

выходить изъ дому, и онъ долженъ былъ ожидать наказанія, которое наложить на него императоръ. Были причины полагать, что дѣло приметъ очень дурной оборотъ, и уже начали поговаривать, что Меншиковъ будетъ приговоренъ къ вѣчному заточенію. Однако, радость его враговъ была слишкомъ поспѣшна. Монархъ позвалъ къ себѣ Меншикова. Едва онъ вошелъ, какъ бросился въ ноги императору, просилъ о помилованіи и обѣщалъ исправиться. Петръ тотчасъ же забылъ его преступленіе и думалъ уже только о заслугахъ своего слуги. Онъ опять почтилъ его своею милостію, и только возложилъ на него большой денежный штрафъ, который Меншиковъ долженъ былъ немедленно уплатить.

За небольшіе проступки были и штрафы небольшіе. Рассказываютъ слѣдующее: однажды вечеромъ императоръ завѣрное узналъ о многихъ обидахъ, нанесенныхъ Меншиковымъ разнымъ лицамъ. На слѣдующее утро Петръ отправился на Васильевскій Островъ, къ Меншикову, который тогда жилъ въ своемъ дворцѣ, нынѣшнемъ кадетскомъ корпусѣ, вошелъ въ спальню, гдѣ Меншиковъ еще спалъ, выговорилъ всѣ его проступки и поколотилъ безъ шума, но весьма чувствительно своего любимца, который былъ настолько низокъ, что выносилъ подобные понохи. Послѣ этого императоръ отправился домой. На возвратномъ пути Петръ встрѣтилъ толпу людей, которая на его вопросъ заявила, что идетъ на Васильевскій Островъ поздравить Меншикова съ днемъ ангела. Императоръ тотчасъ же возвратился вмѣстѣ съ ними. Меншиковъ страшно испугался, думая, что Петръ вернулся, чтобы еще поколотить его. Но монархъ ободрилъ его, сказавъ при самомъ входѣ въ комнату: «я услышалъ, что сегодня твой праздникъ; я пришелъ съ этими добрыми людьми, чтобы поздравить тебя и откушать съ тобою». Такъ оканчивались почти всегда жалобы, приносившіяся на князя. Глубокая проникаемость и обширная полезность этого челоуѣка доказывается тѣмъ, что Петръ, несмотря на многія обвиненія, держалъ его при себѣ и ничего не дѣлалъ безъ его совѣта и согласія.

Князь Меншиковъ былъ преступникомъ не только по тѣмъ чертамъ корыстолюбія и невѣрности, которыя доходили до свѣдѣній монарха. Были еще и другія, которыхъ императоръ не зналъ и за которыя онъ заслуживалъ бы строжайшаго наказанія и полнѣйшаго удаленія отъ государственныхъ дѣлъ. Петръ I, всегда мечтавшій стать вѣмецкимъ имперскимъ княземъ съ правомъ голоса въ имперскомъ сеймѣ, могъ, не знаемъ когда и по какому случаю, овладѣть шведскою Помераніею. Прусскій дворъ, вовсе не желавшій имѣть такого неудобнаго сосѣда, обратился къ Меншикову и подкупилъ его за 20,000 дукатовъ. Первый сановникъ императора, которому онъ вполне довѣрялъ, представилъ какіе-то, вѣроятно, мнимые мотивы, по которымъ императоръ отказался отъ своего намѣренія овладѣть Помераніею. Короче, всѣ переговоры были прерваны. Если-бъ Петръ узналъ настоящій ходъ дѣла, любилецъ его едва-ли отдѣлялся бы обычнымъ наказаніемъ.

Если Меншиковъ могъ всегда такъ счастливо избѣгать заслуженныхъ имъ послѣдствій своихъ проступковъ и не рѣдко побуждать своихъ обвинителей, этимъ онъ былъ обязанъ, по большей части, Екатеринѣ. За то и онъ заботился объ интересахъ Екатерины. Съ этими заботами

онъ соединялъ всегда и собственную выгоду. Такъ какъ ни одинъ изъ сыновей Петра и Екатерины не остался въ живыхъ, то Меншиковъ задумалъ возвести Екатерину, по смерти Петра, на престолъ ея супруга. Онъ сообщилъ эту идею Петру, который одобрилъ ее. Такимъ образомъ, она была объявлена наслѣдницей престола и коронована въ 1724 году. Легко было предвидѣть, что князь Меншиковъ, бывшій двигателемъ всего этого дѣла, станетъ кормчимъ въ государствѣ, если, по смерти Петра, Екатерина взойдетъ на тронъ.

У такого могучаго любимца, какимъ былъ Меншиковъ, счужившій сдѣлаться равно необходимымъ какъ императору, такъ и императрицѣ, не могло быть недостатка въ знакахъ отличія со стороны иностранныхъ дворовъ, которые всѣ добивались его дружбы. Вѣнскій дворъ давно уже возвелъ его въ имперскіе графы и вскорѣ затѣмъ въ имперскіе князья; копенгагенскій, дрезденскій и берлинскій дворы слали ему свои ордена. Самъ Петръ I, желая дать своему любимцу публичное доказательство своего благоволенія, удостоилъ его титула герцога Ингерманландскаго; въ то время онъ былъ уже первымъ статсъ-министромъ и первымъ генераль-фельдмаршаломъ арміи.

Но всѣ эти высокіе знаки милости монарха не могли удержать князя на пути справедливости. Его корыстолюбіе и вѣроломство подвергли его вновь немилости своего государя за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти императора. Но такъ какъ именно въ это время Екатерина, благодаря своимъ критическимъ обстоятельствамъ, болѣе чѣмъ когда либо нуждалась въ совѣтникѣ, то графъ Ягужинскій долженъ былъ постараться отвлечь мысли Петра къ другимъ предметамъ. Это удалось ему; князь былъ такъ счастливъ, что вновь получилъ милость своего государя, и на этотъ разъ безъ всякаго съ его стороны пожертвованія.

Екатерина и Меншиковъ считали теперь необходимымъ рѣшиться на все ради самосохраненія, и вѣроятно съ самаго начала согласились принести для достиженія цѣли самыя дорогія жертвы. Петръ I былъ страшно недоволенъ обоими и грозилъ имъ жестокими наказаніями, еслибъ только поднялся съ своего болѣзненнаго ложа. Уже давно поведеніе Екатерины и Меншикова было прямо противоположно повелѣніямъ императора, и онъ часто предостерегалъ обоихъ. Кары, которыми угрожалъ имъ императоръ, были бы, слѣдовательно, весьма чувствительны и, вѣроятно, низвели бы обоихъ къ той же низменности, изъ которой они были вознесены милостію монарха. Было, слѣдовательно, сообразно съ мудростію Екатерины и князя въ ихъ личныхъ интересахъ вовсе не допустить выздоровленія императора. Такимъ образомъ, весьма вѣроятно, что они предупредили природу, и болѣзнь величайшаго изъ императоровъ, царившихъ тогда въ Европѣ, привела искусственными мѣрами къ печальной развязкѣ скорѣе, чѣмъ слѣдовало по крѣпкой его натурѣ *). Петръ умеръ и всѣ его планы относительно Екатерины и Меншикова, которые, конечно, были велики и спасительны, рухнули.

---

*) Едва ли надо опровергать эту лживую легенду: болѣзнь Петра I и его смерть извѣстны во всей подробности. Разсказъ Гельбига только повтореніе вымысла враговъ Меншикова и Екатерины. (Примѣчаніе переводчика Гельбига В. Б.).

2. Петръ Шафировъ.

Если бы Петръ I и не сдѣлалъ всего того безконечно великаго, что имъ, дѣйствительно, совершенно, онъ все-таки заслуживалъ бы удивленія современниковъ и потомства уже и потому, что обладалъ тонкимъ тактомъ отыскивать во всевозможныхъ слояхъ общества, даже въ самыхъ низшихъ классахъ народа, наиболѣе умныхъ и полезныхъ дѣятелей и давать имъ такія занятія, при которыхъ они могли бы приносить наиболѣе существенную пользу. Но чтобъ представить вѣрное изображеніе этого необыкновеннаго монарха, биографы Петра не должны забывать и его слабостей. Къ числу такихъ слабостей принадлежитъ болѣе всего опрометчивость. Отъ нея происходила иногда неблагодарность—порокъ, слишкомъ часто встрѣчающійся у государей, поддающихся первому движенію гнѣва. Когда они находятся въ разгоряченномъ настроеніи, ими овладѣваютъ внимательные бездѣльники, находящіеся въ ихъ свитѣ и очень ловко умѣющие превращать частную ссору въ государственное преступленіе. Такимъ-то образомъ случается, что лучшіе государи, поддаваясь минутной прихоти, забываютъ о благодарности, которою они обязаны своимъ вѣрнѣйшимъ слугамъ, и подрываютъ свою славу въ настоящемъ и будущемъ.

Петръ Шафировъ былъ родомъ еврей. Мы собственно не знаемъ его родины; но, вѣроятно, онъ былъ изъ Голландіи, гдѣ его встрѣтилъ Петръ и привезъ въ Россію. Здѣсь онъ былъ окрещенъ въ греческую вѣру; при этомъ торжественномъ обрядѣ самъ монархъ заступилъ мѣсто крестнаго отца и далъ ему свое крестное имя Петра. Вѣроятно, при этомъ же, хотя мы и не знаемъ по какому поводу, получилъ онъ фамилію Шафировъ.

Въ началѣ юный прозелитъ получилъ незначительное мѣсто въ имперской канцеляріи, куда монархъ опредѣлилъ его, чтобы видѣть, не ошибся ли онъ насчетъ его способностей. Успѣхъ соответствовалъ ожиданіямъ Петра. Шафировъ оставался не долго на этомъ мѣстѣ. Его вѣрный и проникательный взглядъ, его точное сужденіе и живость въ исполненіи даваемыхъ ему порученій помогли ему получить вскорѣ высшія почетныя мѣста. Въ 1711 году онъ завѣдывалъ въ русскомъ управленіи германскими дѣлами, которыми очень интересовался Петръ I, самъ желавшій стать нѣмецкимъ имперскимъ княземъ. Въ томъ же 1711 году Шафировъ находился, какъ вице-канцлеръ, съ императоромъ на Прутѣ. Послѣ того какъ Екатерина, Шафировъ и Остерманъ согласились относительно средства спасти императора и его армію, оба эти великіе сановники, Шафировъ и Остерманъ, отправились въ турецкій лагерь, къ великому визирю, поднесли ему несмѣтные подарки и своимъ краснорѣчіемъ окончателно спасли императора и армію. За возвращеніе туркамъ Азова русская армія могла удалиться. Шафировъ долженъ былъ отправиться, какъ заложникъ, въ Константинополь и оставаться тамъ до исполненія трактата. Такъ какъ онъ тамъ находился какъ бы въ плѣну, безъ дѣла, то воспользовался этимъ досугомъ, чтобы усовершенствоваться въ итальянскомъ языкѣ. Потому онъ былъ еще русскимъ посломъ при турецкомъ дворѣ, который онъ покинулъ въ первые мѣсяцы 1714 года, чтобъ возвратиться въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ принятъ

съ радостью только однимъ императоромъ. Въ томъ же 1714 году этотъ монархъ сдѣлалъ его дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и пожаловалъ ему андреевскій орденъ. Съ этого времени ему стоило огромнаго труда сохранить милость императора. Враги его, которыхъ у него было много и въ числѣ которыхъ были люди съ большимъ вѣсомъ, не могли свергнуть его, пока императоръ былъ убѣжденъ въ его полезности. Этотъ монархъ продолжалъ еще долго относиться къ нему съ неизмѣннымъ довѣріемъ. Шафировъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые подписали въ 1718 году смертный приговоръ царевичу. Петръ поручалъ ему самыя важныя, сложныя и обширныя дѣла. Такъ напримѣръ, онъ назначилъ его генераль-почтмейстеромъ Россійской имперіи—мѣсто, требовавшее большой и тяжелой работы,—такъ какъ нужно было еще создавать почтовые учрежденія въ главныхъ провинціяхъ Россіи.

Немногіе русскіе сановники оказали имперіи и лично государю столь великія услуги, какъ Шафировъ. Петръ лишь короткое время былъ еще убѣжденъ въ этомъ. Когда Петръ I долженъ бы былъ оказать наибольшее довѣріе барону Шафирову и защитить его отъ нападковъ враговъ, онъ забылъ ту благодарность, которую онъ былъ обязанъ этому великому государственному мужу. Главною причиною оналы Шафирова были частыя ссоры его съ Меншиковымъ. Они съ самаго начала были отъявленными врагами и часто жестоко попрекали другъ друга въ присутствіи многихъ лицъ. При этихъ перебранкахъ Шафировъ былъ всегда болѣе ядовитъ, чѣмъ Меншиковъ. Вице-канцлеръ сказалъ однажды князю, что еслибъ зависть Меншикова была лихорадкой, которую онъ могъ бы передавать другимъ, ни одинъ богатый русскій не остался бы въ живыхъ. Такія сцены происходили почти ежедневно и въ высшей степени возбудили мстительность Меншикова. Скоро встрѣтился поводъ отомстить.

Во время похода Петра I въ Персію въ 1722 году между Шафировымъ и Меншиковымъ возникли препирательства изъ-за правительственныхъ дѣлъ. Зная убѣжденія барона Шафирова, можно догадываться, что въ этомъ спорѣ право было скорѣе на его сторонѣ, чѣмъ на сторонѣ Меншикова. Но Меншиковъ своими умными и злыми наговорами, которые императрица должна была поддерживать всѣмъ своимъ значеніемъ, сумѣлъ совершенно возбудить императора, по возвращеніи его въ 1723 году, противъ Шафирова. Впечатлѣніе наговоровъ было такъ сильно, что Петръ совершенно забылся. Рѣдко видѣли его такимъ взбѣшеннымъ, какъ при этомъ случаѣ. Несправедливые оговоры Екатерины и Меншикова такъ сбили съ толку императора, что онъ считалъ барона Шафирова вполне виноватымъ. Онъ приказалъ арестовать этого великаго государственнаго мужа и взять у него орденъ и шпагу. Потомъ Шафировъ былъ преданъ суду, и послѣ краткаго слѣдствія, которое Меншиковъ сумѣлъ направить, приговоренъ къ смертной казни. Шафировъ, судя по обвиненію, утаивалъ деньги, поддѣлывалъ рукописи и нерадѣлъ о почтовомъ вѣдомствѣ. На дрянныхъ санкахъ привезли его на лобное мѣсто, чтобъ обезглавить. Лучшая голова въ государствѣ лежала уже на балкѣ, чтобы отдѣленіемъ отъ тѣла быть устраненною изъ ряда живыхъ, когда кабинетскій секретарь Макаровъ прокричалъ о помилованіи и объявилъ несчастному, что онъ долженъ отправиться въ ссылку. Шафировъ, который уже ожидалъ смертнаго

удара, не порадовался этому помилованію и охотно предпочелъ бы смерть печальной жизни въ ссылкѣ.

Когда это несчастье постигло Шафирова, онъ былъ баронъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, имперскій вице-канцлеръ, генераль-почтмейстеръ и кавалеръ ордена св. Андрея.

Онъ пользовался славою человѣка проницательнаго ума и обладавшаго большими познаніями по государственному хозяйству. Онъ былъ превосходный вице-канцлеръ и хотя не рѣдко изливалъ первые приступы своего гнѣва на своихъ подчиненныхъ и даже на лицъ себѣ равныхъ, но вслѣдъ за тѣмъ способенъ былъ выслушать основательныя представленія. Онъ никогда не нарушалъ даннаго слова и говорилъ всегда правду, почему и представители иностранныхъ державъ вели съ нимъ переговоры охотнѣе, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь другимъ.

По смерти Петра I Меншиковъ не могъ воспрепятствовать Екатеринѣ I, по усиленной просьбѣ герцога Карла Фридриха голштинскаго, вновь призвать Шафирова изъ ссылки ко двору. Она возвратила ему баронское достоинство и подарила золотую шпагу Петра I, послѣ того, какъ въ складѣ конфискованныхъ вещей не могли отыскать отобранной у него шпаги. Императрица предложила ему опять великолѣпный домъ на Петербургскомъ островѣ, постройка котораго начата была во время его отсутствія въ 1712 г., но онъ отклонилъ это предложеніе, потому, какъ онъ говорилъ, что его стѣсненныя матеріальныя средства не позволяютъ ему жить въ такомъ роскошномъ дворцѣ. Впослѣдствіи, однако, онъ принялъ этотъ домъ и жилъ въ немъ. Значеніе Меншикова было, однако, на столько еще велико, что Екатерина не рѣшилась возвратитъ барону Шафирову тѣ важныя мѣста, которыя онъ занималъ. Она учредила въ то время верховный тайный совѣтъ, въ которомъ онъ, конечно, былъ бы на своемъ мѣстѣ, но онъ не былъ назначенъ членомъ его. Она назначила его президентомъ комерцъ-коллегии. Вскорѣ затѣмъ онъ долженъ былъ поѣхать въ Архангельскъ по торговымъ дѣламъ, именно для устройства на лучшихъ основаніяхъ китовой торговли,—порученіе, бывшее значительно ниже дарованій этого великаго человѣка. Изъ другихъ почетныхъ должностей, которыя онъ прежде занималъ, ни одна не была ему возвращена, равно какъ не былъ ему возвращенъ и орденъ, по крайней мѣрѣ онъ не значится въ числѣ кавалеровъ въ спискѣ придворнаго штата при Петрѣ II.

Годъ смерти барона Шафирова намъ неизвѣстенъ; но, кажется, онъ умеръ въ царствованіе императрицы Анны.

3. Генрихъ Иванъ Фридрихъ Остерманъ I.

Польза возможно большаго просвѣщенія человѣка несомнѣнна и рѣшительна. Образованіе научаетъ наиболѣе удовлетворительному, для современнаго поколѣнія наиболѣе полезному и, вообще говоря, наиболѣе совершенному примѣненію человѣческихъ способностей: оно даетъ болѣе свѣтлое и болѣе высокое понятіе объ истинной религии, которая не связывается ни съ какимъ толкомъ христіанства, мохамеданства, юдаизма и всѣхъ другихъ вѣрованій, признающихъ единаго Бога, какъ бы эти вѣрованія ни именовались; оно облагораживаетъ плоды учености;

оно вселяетъ гордость въ исполненіе того высокаго назначенія, къ которому человѣкъ призванъ; оно поощряетъ исполнять всякое дѣло возможно достойнымъ образомъ; оно является наиболѣе совершеннымъ утѣшителемъ въ незаслуженныхъ страданіяхъ; оно облегчаетъ переходъ отъ жизни къ смерти. Значеніе высшаго образованія еще гораздо разнообразнѣе, но не всѣ образованные люди приносятъ ту пользу, которое оно вселяетъ.

Генрихъ Иванъ Фридрихъ Остерманъ былъ второй сынъ лютеранскаго пастора въ Боккумѣ, городѣ въ вестфальскомъ графствѣ Маркѣ. Онъ штудировалъ въ Іенѣ и по рекомендаціи своего старшаго брата, бывшаго уже въ Россіи, поступилъ въ 1704 году въ службу къ русскому вице-адмиралу Крейсу, который, вслѣдствіе его ловкости и очень быстрого усвоенія русской рѣчи, представилъ его при удобномъ случаѣ Петру, какъ человѣка весьма полезнаго.

Съ этого момента онъ оказывалъ русскому двору чрезвычайно полезныя услуги какъ въ политическихъ, такъ и въ домашнихъ дѣлахъ. Онъ такъ важенъ и такъ разнообразенъ, что ихъ нельзя коснуться только слегка. Исторія исполненія возлагавшихся на него обязанностей такъ тѣсно входитъ въ лѣтописи русскихъ государей до конца 1741 года, что невозможно отдѣлить одну отъ другихъ. Всѣ государи Россіи, которымъ онъ служилъ, вполнѣ довѣряли ему и не упустили случая награждать его.

Подробно описывать жизнь этого великаго человѣка было бы слишкомъ пространно; мы расскажемъ лишь нѣсколько мало кому извѣстныхъ фактовъ о его службѣ и о послѣднихъ годахъ пребыванія его въ Петербургѣ.

Извѣстно, что Остерманъ, вмѣстѣ съ Екатериною I и Шафировымъ, спасъ императора изъ очень опаснаго положенія при Прутѣ. Объ этомъ слѣдуетъ упомянуть потому, что съ этого времени Петръ сталъ оказывать ему неограниченное довѣріе. Въ 1721 году государь послалъ графа Брюса и барона Остермана въ Ништадтъ для заключенія мира со Швеціею. Остерманъ взялъ съ собою вексель на большую сумму отъ купца Мейера, но не взялъ дукатовъ, потому что, какъ онъ говорилъ, тяжелыя денежные шкатулки производятъ большой шумъ. Въ Ништадтѣ должны были съѣзжаться всякій разъ всѣ комиссары вмѣстѣ, такъ какъ ничто не могло рѣшаться помимо этого собранія. Остерманъ всегда являлся на-веселѣ. Шведы уже полагали, что они выиграли по всѣмъ пунктамъ. Но Остерманъ проводилъ все свободное отъ собраній время у Цедеркрейца, самаго важнаго изъ шведскихъ комиссаровъ, говорилъ съ нимъ обо всемъ, далъ ему 100,000 рублей и возвратилъ всѣ земли въ Лифляндіи, принадлежащія его фамиліи, взаимѣнъ чего получилъ въ пользу императора герцогства Лифляндію и Эстляндію, которыя должны были впослѣдствіи быть куплены, для вида, за извѣстную сумму у шведскаго двора, чтобъ этою покупкою заставить молчать польскую корону, имѣвшую притязанія на эти земли. Въ моментъ, когда все уже было подписано, изъ Петербурга явился, въ качествѣ курьера, Ягужинскій съ приказаніемъ Брюсу и Остерману, что они должны согласиться на все безъ исключенія, чего будутъ требовать шведы, лишь бы заключить миръ, такъ какъ, по вполнѣ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, англійскій флотъ, подъ командой адмирала Норриса, уже распустилъ паруса

и шелъ въ Балтійское море. По счастью, Ягужинскій прибылъ слишкомъ поздно. Остерманъ получилъ уже все, что желалъ, и привезъ обратно вексель на большую сумму, который ему не понадобился и который онъ вручилъ императору. Послѣ этого было вполне естественно, что Петръ I весьма цѣнилъ его. Этотъ монархъ часто говаривалъ, что Остерманъ, имъ самимъ обученный, никогда не сдѣлалъ ни одной оплошности при исполненіи своихъ обязанностей. Его проекты на русскомъ языкѣ, которые онъ же потомъ переводилъ для иностранныхъ дворовъ на нѣмецкій, французскій или латинскій языкъ, всегда оставались безъ измѣненія. Даже на смертномъ одрѣ императоръ, при которомъ безотлучно находился Остерманъ, всегда повторялъ это, и извѣстно, что въ послѣдніе годы Петръ I довѣрялъ почти исключительно только Остерману. Этотъ государь пожаловалъ его въ тайные совѣтники и возвелъ въ дворянское достоинство.

Въ царствованіе императрицы Екатерины I Остерманъ былъ вице-канцлеромъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Умирая, государыня назначила его обергофмейстеромъ при дворѣ своего преемника Петра II и членомъ верховнаго тайнаго совѣта, которому ввѣрялось управленіе имперією во время малолѣтства этого государя.

Остерманъ заботился о возможно лучшемъ воспитаніи юнаго императора, и написалъ для него извѣстное прекрасное «Начертаніе ученія». Остерманъ получилъ отъ своего государя и воспитанника, умершаго почти ребенкомъ, титулъ російскаго графа.

Императрица Анна, среди окружающихъ которую Остерманъ былъ самый остроумный и самый образованный человекъ, назначила его кабинетъ-министромъ. Въ тѣхъ вѣдомствахъ управленія, которыя были предоставлены исключительно ему, онъ правилъ твердою рукою. Благодаря его свѣтлому уму, государственной мудрости и знанію людей, императрица призывала его даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вовсе не хотѣла выслушивать его совѣта, и постановляла рѣшенія согласно съ его мнѣніемъ. Этотъ дальновидный человекъ старался мало-по-малу удаляться отъ двора и ограничиться кругомъ своихъ обязанностей, которыя онъ все старался уменьшить. Онъ замѣчалъ путаницу и духъ партій при дворѣ и въ императорской фамиліи; онъ пророческимъ взглядомъ предвидѣлъ, что изъ этого произойдутъ катастрофы, исходъ которыхъ нельзя было и разсчитать. Вотъ почему онъ полагалъ, что его мудрости удастся уклониться отъ дѣйствія взрыва. Извиняясь болѣзненнымъ состояніемъ, онъ не являлся болѣе ко двору. Отчасти это было только предлогъ, такъ какъ, говорятъ, Остерманъ натиралъ лицо лимономъ, чтобъ имѣть видъ больнаго; отчасти же онъ былъ, дѣйствительно, боленъ. Онъ страдалъ уже тогда перемежающеюся болью въ ногахъ, которая вскорѣ совсѣмъ лишила его ногъ. Но все это не могло защитить его въ тѣхъ случаяхъ, когда нуждались въ его совѣтѣ. Съ большою заботливостью, осторожностью и со всѣми удобствами его переносили въ такихъ случаяхъ въ комнаты императрицы.

По смерти императрицы Анны онъ уже вовсе не выходилъ изъ дому, но всегда оставался главнымъ органомъ въ русскомъ государствѣ. Вслѣдъ за кончиною государыни, онъ хотѣлъ выйти въ отставку; но герцогъ курляндскій, бывший тогда регентомъ, такъ настоятельно просилъ его, что онъ остался.

Регентша Анна, мать императора, только желая дать графу Остерману болѣе высокій рангъ, чѣмъ фельдмаршалъ, назначила его генералъ-адмираломъ, — имѣсто, для котораго онъ, собственно, не былъ пригоденъ, такъ какъ не разумѣлъ подробностей дѣла. Но какъ человѣкъ большихъ способностей, онъ, конечно, послѣ нѣкотораго ознакомленія, имѣлъ и въ этомъ дѣлѣ вѣрный взглядъ главнаго начальника. Въ царствованіе этой государыни, австрійская партія при русскомъ дворѣ начала упрекать Остермана за его склонность къ Пруссіи. Упрекъ былъ довольно основательный, и надо думать, что если такой мудрый сановникъ, какимъ былъ Остерманъ, старался склонить свой дворъ на сторону Пруссіи, то, конечно, былъ убѣжденъ въ превосходствѣ системы и политики юнаго и предприимчиваго прусскаго монарха Фридриха II. Между тѣмъ Остерманъ создалъ себѣ этимъ страшныхъ враговъ при русскомъ дворѣ, къ которымъ принадлежалъ особенно генералиссимусъ принцъ Антонъ Ульрихъ Брауншвейгскій, супругъ регентши и отецъ императора, всегда расположенный къ Австріи. Но все это не имѣло никакихъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что графъ Остерманъ дошелъ вскорѣ до того, что присоединился къ тѣмъ, которые имѣли намѣреніе, въ видахъ укрѣпленія правительства, возвести на престолъ великую княгиню и регентшу Анну, а бывшаго до того времени императоромъ младенца нѣсколькихъ мѣсяцевъ объявить наслѣдникомъ престола, — проектъ, исполненіе котораго было предупреждено революціей, совершенной Елизаветой.

Во время опекунаго управленія принцессы Анны Остерманъ былъ опасно боленъ. Въ мартѣ 1741 года докторъ Кемпфъ, очень искусный врачъ изъ Гамбурга, увѣрялъ, что, вслѣдствіе очень сильнаго истеченія крови положеніе больнаго настолько тяжело, что можно опасаться внезапной смерти, хотя помощь или, скорѣе, отсрочка и не невозможна. Къ своему несчастію, Остерманъ долго жилъ еще.

Въ концѣ года послѣдоваза революція, произведенная Елизаветой. Только такая слабая женщина, какъ Елизавета, могла не признать заслугъ великаго человѣка, котораго ея предки умѣли лучше цѣнить. Она дозволила своимъ министрамъ и придворнымъ убѣдить себя, что графъ Остерманъ, какъ величайшій преступникъ изъ тѣхъ людей, которые были жертвою придворной интриги, долженъ быть приговоренъ къ смерти.

По этому поводу мы хотимъ рассказать возможно короче исторію суда надъ тѣми несчастными, которые погибли вмѣстѣ съ Остерманомъ.

Еще въ ту ночь, когда новая императрица вышла изъ Зимняго дворца, гдѣ она приказала арестовать представителей династіи, по городу были разосланы войска для арестованія многихъ лицъ въ ихъ домахъ. Это были: графъ Остерманъ, генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ-Минихъ, великій канцлеръ графъ Головкинъ, обергофмаршалъ графъ Лёвенвольде, президентъ и тайный совѣтникъ баронъ Менгденъ, статскій совѣтникъ Демирязовъ (Демидовъ?) и секретарь Позняковъ. Всѣ арестованные были приведены въ государственную тюрьму, въ крѣпость, кромѣ Лёвенвольде, котораго сперва оставили подъ домашнимъ арестомъ, но потомъ перевели туда же. Впрочемъ, всѣхъ ихъ содержали довольно сночно.

Остерману было предложено до восьмидесяти вопросовъ. Этотъ великій человѣкъ представилъ подробную исторію своего управленія, на

о чемъ не умолчавъ. Онъ говорилъ, что пока онъ преданъ правительству по клятвѣ и по долгу, то обязанъ повиноваться ему. Изъ множества неосновательныхъ и бессмысленныхъ преступленій, въ которыхъ его обвиняли, слѣдующія были главными: что по смерти Петра II на престолъ была возведена герцогиня Анна курляндская, вмѣстѣ принцессы Елизаветы; что онъ привелъ флотъ въ упадокъ, для того, чтобы Россія была принуждена искать дружбы морскихъ державъ; что осужденіе князей Долгорукихъ, въ послѣдніе годы царствованія императрицы Анны, было подготовлено имъ; что онъ совѣтовалъ заключить принцессу Елизавету въ монастырь, и что ему принадлежитъ проектъ устраненія юнаго принца Петра Голштинскаго. Изъ всѣхъ арестованныхъ Остерманъ былъ болѣе всѣхъ обвиняемъ. Какъ мы знаемъ, онъ всегда былъ хворый; теперь, въ темницѣ, онъ былъ такъ боленъ, что его исповѣдали и причастили, полагая, что онъ скоро умретъ. Послѣ этой болѣзни, въ немъ стали примѣчать несвойственныя ему боязливость и малодушіе. Онъ просилъ къ себѣ тайнаго совѣтника Лестока, который былъ у него нѣсколько разъ, но по своему положенію не могъ ничѣмъ ему помочь. Когда Остерманъ въ январѣ 1742 г. увидѣлъ въ числѣ комиссаровъ князя Голицына, онъ просилъ у него прощенія за преслѣдованіе фамиліи Голицыныхъ, въ чемъ онъ, конечно, былъ виноватъ.

Имущество Остермана, при его арестѣ, было весьма незначительно, въ сравненіи съ тѣмъ, что накопили другіе. Онъ имѣлъ незначительныя помѣстья и домъ. Сверхъ того у него нашли 11,000 фунтовъ стерлинговъ и 130,000 гульденовъ, которые хранились въ банкахъ въ Лондонѣ и въ Амстердамѣ. Наличными деньгами и драгоценностями онъ имѣлъ только 230 руб. и четыре или пять усыпанныхъ брилліантами портретовъ государей.

Все было не болѣе, какъ придворная интрига. Этимъ хотѣли только удалить людей, которые превосходствомъ своихъ способностей, опытностью и познаніями были неудобны новымъ совѣтникамъ и придворнымъ. Ихъ сдѣлали государственными преступниками, чтобы имѣть возможность чувствительнѣе, ужаснѣе и вѣрнѣе наказать. Но названіе ихъ государственными преступниками было въ данномъ случаѣ неприложимо. Отчасти эти обвиненія были вымышлены и могли быть подтверждены, самое большее лишь какимъ-либо случайнымъ, быть можетъ легкомысленнымъ, словомъ; отчасти же Елизавета была тогда частнымъ лицомъ, какъ всякій подданный російской имперіи, и противъ нея нельзя было совершить государственное преступленіе. 28 января 1742 года императрица перешла въ Царскую мызу, нынѣ Царское Село. Какъ только она выѣхала изъ Петербурга, по всѣмъ улицамъ съ барабаннымъ боемъ было объявлено—собираются поутру въ 10 часовъ на Васильевскій островъ, чтобы смотрѣть на казнь враговъ императрицы.

Тамъ, какъ разъ передъ военною коллегіею, былъ устроенъ простой эшафотъ, въ шесть ступеней, на которомъ стояла плаха. Астраханскій полкъ образовывалъ карре, въ которомъ, кромѣ лицъ, необходимыхъ для исполненія казни, находился еще хирургъ, но не было священника. Государственные узники были приведены изъ крѣпости еще раннимъ утромъ. Ровно въ 10 часовъ они были введены въ кругъ; ихъ сопровождали гренадеры съ прижнутыми штыками.

Графъ Остерманъ былъ въ своемъ обычномъ утреннемъ платьѣ,

именно—въ своемъ рыжеватомъ лисьемъ мѣху. На немъ былъ маленький парикъ и дорожная черная бархатная шапка. Такъ какъ онъ былъ очень слабъ, то его привезли въ простыхъ извозничьихъ саняхъ въ одну лошадь.

Когда государственные узники собрались въ кругу, четыре солдата отнесли Остермана, котораго всегда считали главнымъ преступникомъ, на эшафотъ и посадили на желѣзное сѣдалище. Онъ обнажилъ голову. Сенатскій секретарь прочелъ приговоръ. Обвиненные узнали приговоръ только на лобномъ мѣстѣ. Остерманъ былъ приговоренъ къ обезглавленію и колесованію. Онъ хладнокровно выслушалъ приговоръ, казалось, былъ удивленъ и возвелъ глаза къ небу. Вслѣдъ за тѣмъ солдаты положили его лицомъ на землю. Палачъ растянулъ его шею на плахѣ, придерживая голову за волосы и взявъ сѣкиру въ руки. Остерманъ протянулъ обѣ руки впередъ; солдаты закричали ему убрать руки; онъ подобралъ ихъ и вытянулъ по тѣлу. Когда уже всѣ ждали смертельнаго удара, сенатскій секретарь закричалъ графу: «Богъ и императрица даруютъ тебѣ жизни!» Остермана подняли; онъ весь дрожалъ. Его опять посадили въ сани, и онъ долженъ былъ тутъ же ожидать, пока и другіе узнаютъ свой приговоръ.

Никого уже болѣе не возводили на эшафотъ. Всѣ были приговорены къ лишенію жизни, но Елизавета всѣмъ даровала ее, отсылая ихъ въ ссылку и, такимъ образомъ, дѣлая болѣе продолжительными муки несчастныхъ.

Въ тотъ же день всѣ были отправлены изъ Петербурга къ мѣстамъ своей ссылки: графъ Остерманъ—въ Березовъ, гдѣ умеръ князь Меншиковъ, графъ Минихъ—въ Пелымъ. Тамъ онъ попалъ въ тотъ самый домъ, который онъ по собственному чертежу приказалъ построить для герцога курляндскаго. Графъ Головкинъ—въ мѣсто ссылки генерала Карла Бирона, который только что возвратился тогда. Названіе мѣста намъ неизвѣстно. Графъ Левенвольде—въ Ярославль, куда прибылъ въ то время изъ Пелыма герцогъ курляндскій. Такъ какъ Ярославль есть небольшое ссыльное мѣстечко, то вѣроятно оба эти мужа встрѣчались тамъ. Баронъ Менгденъ былъ сосланъ туда, гдѣ находился Густавъ Биронъ, тоже возвращенный.

Самая трогательная сцена произошла при отъѣздѣ государственныхъ узниковъ изъ Петербурга—свиданіе съ родственниками, со многими послѣднее прощаніе.

Графъ Остерманъ впервые увидѣлъ свою семью въ Ямской. Графиня увидала теперь своего мужа, съ которымъ не разставалась уже болѣе. Дочь и сыновья не сопутствовали отцу. Болѣе часу длились его увѣщанія дѣтямъ. Всѣ присутствовавшіе при этомъ, даже офицеры и солдаты, плакали. Наконецъ, онъ просилъ своихъ сыновей оказать ему послѣднюю въ этой жизни услугу—отнести его въ дорожныя сани.

Въ Березовѣ Остерманъ жилъ еще пять лѣтъ, слабый, тяжело больной, и умеръ 25 мая 1747 года, въ полномъ душевномъ спокойствіи.

Извѣстны уже важныя должности, которыя занималъ этотъ знаменитый человѣкъ, когда съ началомъ царствованія Елизаветы на него обрушились несчастія. Мы должны еще только прибавить, что онъ былъ генераль-почтдиректоръ и кавалеръ обонихъ русскихъ и нѣсколькихъ иностранныхъ орденовъ.

Наконецъ, два слова о качествахъ графа Остермана, одного изъ выдающихся государственныхъ мужей Европы, и при этомъ—о сужденіяхъ знаменитаго современнаго писателя Манштейна, которыя онъ высказалъ о немъ. Остерманъ имѣлъ обширный, вполне просвѣщенный умъ, обладалъ никогда не обманывавшимъ его сужденіемъ, знаніемъ людей, и проявлялъ крайнюю деликатность во всѣхъ своихъ, сколько-нибудь значительныхъ, рѣчахъ и поступкахъ. У него во всемъ, что онъ, ни дѣлалъ (а онъ не занимался обыкновенными дѣлами), была цѣль, которую не могли задержать никакія препятствія. Онъ былъ безупреченъ въ своихъ дѣлахъ, трудолюбивъ, исполнительенъ, неподкупенъ и насколько только можно, точенъ въ управленіи ввѣренными ему дѣлами и значительными суммами. Онъ обладалъ основательными познаніями въ различныхъ отрасляхъ наукъ и особливо, рѣдко встрѣчающеюся, способностью къ изученію языковъ. Всѣмъ людямъ достойнымъ, особенно же ученымъ, онъ оказывалъ полнѣйшее покровительство. Высокое достоинство его, какъ статсъ-министра, заключалось въ удивительномъ знакомствѣ съ европейскими дворами, въ знаніи дѣйствительной или мнимой силы или слабости правительствъ и земель и ихъ отношеній другъ къ другу и въ точной оцѣнкѣ тогдашнихъ коронованныхъ или дѣйствительныхъ властителей Европы. Но графъ Остерманъ былъ также крайне недоувѣрчивъ и не могъ терпѣть ни выше, ни около себя челоувѣка, котораго онъ не превосходилъ бы умомъ. По счастью, съ нимъ рѣдко кто могъ спорить въ дарованіяхъ. Онъ настолько владѣлъ своими страстями, что его искусство скрывать ихъ почти можно было назвать фальшивостью. Чтобъ произвести возможно большее впечатлѣніе своею рѣчью и тѣмъ достигнуть цѣли, ему ничего не стоило пролить слезы. Когда, въ критическихъ обстоятельствахъ, требовались мнѣнія министровъ, онъ сказывался больнымъ, чтобъ уклониться отъ отвѣтственности. Съ послами иностранныхъ дворовъ онъ говорилъ такъ загадочно, что, уходя отъ него, они рѣдко знали болѣе того, чѣмъ при входѣ къ нему. Опасаясь выдать себя, онъ никогда не смотрѣлъ прямо въ глаза тому, съ кѣмъ говорилъ. Въ своемъ образѣ жизни онъ былъ крайне нечистоплотенъ.

4. Павелъ Ягужинскій.

Человѣкъ, никогда не отрекающійся отъ своего мнѣнія, вѣчно говорящій правду, презирающій всякія сдѣлки съ совѣстью, высказывающій смѣло своимъ согражданамъ, своему начальству, даже своему государю только тотъ взглядъ, который кажется ему, по его убѣжденію, вѣрнѣйшимъ, такой человѣкъ заслуживаетъ, конечно, общаго уваженія. Небольшія пятна, отнимающія у картины высшую степень совершенства, исчезаютъ предъ великими ея достоинствами или же дѣлаютъ ихъ еще болѣе выдающимися.

Павелъ Ягужинскій родился въ Москвѣ въ 1683 году. Его отецъ кистеръ лютеранско-нѣмецкой общины въ Москвѣ, былъ родомъ литвинъ.

На восемнадцатомъ году Павлу посчастливилось: его узналъ Петръ I, а нѣсколько удачныхъ отвѣтовъ приобрѣли ему милость императора. Вскорѣ затѣмъ онъ принялъ греческую религію. Мы не мо-

жемъ указать причинъ, побудившихъ его къ такому шагу. Петръ I далъ ему первоначально мѣсто въ имперской канцеляріи, гдѣ онъ оставался нѣсколько лѣтъ и работалъ очень старательно. Петръ, казалось, совсѣмъ уже забылъ о немъ, когда Меншиковъ вновь рекомендовалъ его и Петръ вспомнилъ о немъ, какъ о человѣкѣ весьма пригодномъ, и назначилъ его въ гвардію, гдѣ онъ имѣлъ случай быть узаннымъ ближе государемъ. Изъ офицеровъ гвардіи былъ онъ сдѣланъ денщикомъ Петра I и сталъ самымъ довѣреннымъ любимцемъ. Ягужинскій былъ одинъ изъ тѣхъ, которые подписали въ 1718 году смертный приговоръ несчастному царевичу Алексѣю Петровичу. Онъ былъ тогда генераль-майоромъ и начальникомъ гвардіи. Четыре года спустя, Петръ возвелъ его въ генераль-лейтенанты и, наконецъ, назначилъ генераль-прокуроромъ въ сенатъ.

По смерти Петра, онъ, вмѣстѣ съ Меншиковымъ, помогъ Екатеринѣ вступить на престолъ. Хотя эта государыня и возвела Ягужинскаго въ графское достоинство, но вслѣдствіе распри съ княземъ Меншиковымъ, которому онъ, вопреки убѣжденію, никакъ не хотѣлъ уступить, Ягужинскій въ царствованіе этой же императрицы потерялъ мѣсто генераль-прокурора. Тѣмъ не менѣе, онъ всегда пользовался большимъ почетомъ въ русскомъ государствѣ. Дворъ боялся его; армія же выказывала ему общую любовь и уваженіе.

Въ царствованіе Петра II онъ продолжалъ только военную службу, но съ необыкновеннымъ усердіемъ. По смерти этого государя, онъ состоялъ членомъ высокаго собранія рѣшавшаго вопросъ о престолонаслѣдіи.

При восшествіи на престолъ императрицы Анны, это же собраніе арестовало Ягужинскаго за то, что онъ совѣтовалъ новой государынѣ разорвать представленную ей капитуляцію и, по примѣру ея предковъ, царствовать по собственной волѣ, безъ ограниченія. Быть можетъ, давая такой совѣтъ, Ягужинскій имѣлъ въ виду самого себя; но его намѣреніе не удалось. Ягужинскій могъ бы тогда же погибнуть, еслибъ императрица изъ благодарности тотчасъ же не освободила его. Это былъ первый актъ, которымъ Анна обозначила свое самодержавіе. Ягужинскій сталъ опять генераль-прокуроромъ, но поссорился, какъ генераль-прокуроръ, съ Бирономъ, такъ что даже обнажилъ шпагу противъ любимца императрицы. Это былъ опять путь къ гибели; но Анна, всегда благодарная за добрую услугу, оказанную ей Ягужинскимъ, стараясь устранить послѣдствія этого спора, назначила его посломъ при Берлинскомъ дворѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ былъ вызванъ назадъ и назначенъ кабинетъ-министромъ.

Онъ умеръ въ 1736 году и былъ погребенъ со всѣми военными почестями въ Невскомъ монастырѣ, гдѣ видна еще его надгробная надпись въ первой церкви, внизу на лѣвой рукѣ, при входѣ въ монастырь.

Графъ Ягужинскій былъ тогда генераль-аншефъ, кабинетъ-министръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, и кавалеръ орденовъ св. Андрея и св. Александра Невскаго.

Ягужинскій былъ одинъ изъ тѣхъ, въ комъ Петръ I не ошибся, потому что онъ былъ, дѣйствительно, человѣкъ необыкновенныхъ способностей. Взглядъ Ягужинскаго былъ очень вѣренъ, такъ что тѣ изъ его подчиненныхъ, которыхъ онъ избралъ, были какъ извѣстно, люди дѣль-

ные. Онъ обладалъ обширными военными познаніями и хорошо зналъ свою родину. Его присутствіе духа помогало ему въ труднѣйшихъ обстоятельствахъ и часто даже въ тѣхъ, когда горячность ставила его въ довольно затруднительное положеніе. Онъ былъ очень смѣлъ и не смотрѣлъ на лица, когда ему приходилось высказывать свое мнѣніе, какъ честнаго человѣка. Ягужинскій былъ именно тотъ, который довольно часто говорилъ императору Петру I горькую истину, когда другіе не осмѣливались дѣлать возраженій противъ нелѣпыхъ иногда распоряженій этого монарха. При такихъ большихъ достоинствахъ, Ягужинскій былъ вспыльчивъ и горячъ, особенно когда бывалъ выпивши, что въ послѣдніе годы случалось почти ежедневно—порокъ, который былъ необходимою составною частью нравовъ того вѣка и который, къ сожалѣнію, приводилъ этого великаго министра нерѣдко къ самому крайнему распутству.

XCIX. СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ

въ день рожденія Благороднѣйшаго Государя Царевича и Великаго Князя Петра Петровича. (проповѣданное 28 октября 1716 года).

(Изъ сборника: «Слова и рѣчи Ѳеофана Прокоповича архіепископа»).

Желаемыхъ вещей и ожиданіе весело Слышателие. Движеть къ радости чистое и тихое утро, общавааетъ бо день свѣтозарный. Пріятно видѣти первую ластовицу, извѣствуетъ бо приходящую весну. Еще плодъ на деревѣ не видимъ, а яснымъ цвѣтомъ утѣшаемся: еще жатва къ дѣлу не позываетъ, а на зеленыя нивы смотряще радуемся. Но что странствуетъ слово по различіямъ вещей? о нашемъ нынѣшнемъ возгласимъ веселія. Нашему Богомъ данному Царю дарова Богъ наслѣдіе. О дара великаго! о щедрой и независтой милости Господней! о благополучія твоего Россіе! Аще бо и Пресвѣтлѣйшему нашему Монарху есть здѣ о чемъ срадоватися, обаче вѣще есть, чемъ достоинъ намъ самимъ взаимъ себе поздравляти: больше есть, о чемъ все отечество наше весело привѣтствовать имамы. Рожденіе бо Сына Царскаго есть великая всенародныхъ благъ надежда, общаго благополучія ожиданіе, блаженства Всероссійскаго сѣмя, корень, основаніе. Не предъ неизвѣстными глаголемъ сія, вѣсте сами, о благороднѣйшии здѣ присутствующи великихъ дѣлъ управители, верховни Россійстии, различіемъ высокихъ титлъ словущи Вельможи! вѣсте сами, и совершенно вѣсте, что Сыны Царскіи не такъ родителямъ своимъ, яко всему народу, всему своему отечеству рождаются: на ихъ утверждаются надежды наша, отъ оныхъ ожидаемъ, еже не имѣемъ, отъ оныхъ, еже имамы, продолженія, умноженія и утвержденія надѣемся. День убо Рожденія твоего, благороднѣйшій Государь нашъ Царевичъ и Великій Князь Петръ Петровичъ, не точию, яко Царскаго дому радость, но и паче яко нашъ всемірный праздникъ блажимъ и прославляемъ; нашихъ бо плодъ цвѣтъ есть,

нашихъ веселыхъ дней утро есть, нашего щастія обрученіе есть. Что самое пространнѣйшее бесѣдоу проповѣдати велить мнѣ радость общая: се же не во извѣстіе и наученіе толикимъ слышателемъ, лучше о томъ, яко же рѣхъ, самимъ вѣдущимъ; но да тако послужи самой радости пынѣшней, радости бо свойственно есть и вѣдомыи и всѣмъ явственнымъ вины своя многократнѣ повторяти и велерѣчіемъ насыщаться.

Вся же сія бесѣда, всецѣлое сіе разсужденіе мнѣтъся имѣти двѣ части. Первая: увидѣти, коликое щастіе есть отъ Царскаго чадородія Государствамъ чина Монаршескаго, наипаче же тѣмъ, въ которыхъ по наслѣдію переходитъ скипетръ, а не по избранію предается, и сіе какъ Россія, такъ и всѣмъ Монархіямъ подобнымъ есть общее. Другая же разсужденія часть: коликое благополучіе Монархіи, егда не коего-либо Царя, но Царя по сердцу Божію, Царя храбраго, премудраго, бодрого и всякими государственными талантами украшеннаго получаетъ отъ Бога наслѣдіе, что кромѣ перваго наше есть собственное щастіе, якоже явственно показати имама. Но первѣе о первомъ нѣчто разсудимъ.

Во первыхъ бо Сыны Царскіи отъ младыхъ ногтей, отъ того времени, когда ходити и прорицати нѣчто обучаются, обучаются купно и царствовать. Приходятъ имъ въ слухъ судебныя и совѣтныя, гражданскія и воинскія повѣсти такъ, какъ дѣтемъ купеческимъ въ слухъ часто приходятъ торги, товары, прибыли, убыли; съ возрастомъ же ихъ растеть и властительская мудрость. Да и вѣнценосніи ихъ родители ни о чемъже тако пекутся, яко дабы сыны ихъ умѣли по нихъ держати скипетръ. А кто съ низайшихъ на престолъ праговъ восходитъ, управляти учится сѣдши уже на кормѣ, не безъ великаго многожды вреда Государства своего. Но и порфирородный Государь величіе и велелѣпіе Царское, яко природное и отъ пелень себѣ обыкновенное не въ диво себѣ ставитъ, и потому не имѣеть оное за матерію високоумія и презорства, а избраніемъ возведенный на сію высоту, удивляясь славѣ своей, многожды не точію подданныхъ своихъ, но и себѣ самаго забываетъ. Къ тому же по избранію увѣнчанный [бываетъ то по злострастію чело-вѣческому] что дѣла антецессора своего, будутъ ли вредная не исправляеть, будутъ ли полезная отгнѣяеть; тѣмъ и симъ оному укоризну о себѣ славу стяжая. Вопреки наслѣдникъ погрѣшенія родительская отлагаеть, яко свой собственный порокъ, потребныя же родительскія уставы паче утверждаеть, яко свою истую похвалу.

Да и въ наслѣдуемомъ Царствѣ печется Самодержецъ о добрѣ общемъ, яко о своемъ домашнемъ, вида яко наслѣдствовать по немъ имуть сыны и сыны сыновъ его, и имже все изобилное и цѣлое готовя. А избираемыи Государи [не вси, да не будетъ] однако такіи бывають, что какъ безчинніи на квартирахъ воины не щадятъ общаго, яко чуждаго, но и паче тшчатся оттуду приватныя свои фамиліи обогащати. Явно то потому, что въ подобныхъ Государствахъ казна Государственная вельми скудна. И тожде добрѣ видяще мудріи Венети, многоочно оберегають отъ того князей своихъ.

Но что паче всѣхъ памятно имать быти въ елекціональныхъ державахъ, великимъ и частымъ несогласіямъ и раздорамъ мѣсто. Санове великіи, смотряще на преизящества своя и престольныя высоты возжелѣвающе, како могутъ быти вѣрніи своему Монарху? которому скорѣйшей желаютъ смерти. Како другъ другу доброжелательныи быти могутъ?

всякъ равнаго себѣ не любя. Той мыслить, како бы оному запяты путь къ діадимѣ, а той сему тожде взаимъ творить, и единъ другаго боится. И всякъ туды намѣряетъ, туды совѣты, туды дѣла народныя, туды трактаты съ посторонними ведеть, куды бы могль ему быти простѣйшій путь до короны. Когда же прїидеть междоцарствованіе, кто исповѣсть, коликій возгарается пожаръ отъ онаго углія, въ пепелѣ прежде крыемаго? бываетъ, что вознесшійся тогда пламень уже и по избраніи Государя долго не гаснетъ; всякому бо желательно есть государствовати: аще же ни, обаче всякъ негодуеть служить тому, которому вчера другъ равный или и соперникъ былъ равносильный, чимъ дѣется, что многаяжды съ стороны позывають на престоль свой, дабы по неравнїи въ равенствѣ пребыли.

А сія вся являютъ довольно, како блажени суть народи наслѣдуемымъ скипетромъ управляемыи, сія вся являютъ, какъ блаженна еси Россіе, Монаршескій таковой правительства чинъ получившая! Сія вся являютъ сіе, о немже намъ слово нынѣ сіе есть: колико торжествовати имаша, Россійскій народѣ! егда благословляетъ Богъ Царя твоего ложе, и подасть тебѣ плодъ чрева его. Блаженъ бо и благополученъ еси за монаршескій въ тебѣ скипетръ, въ немже наслѣдная царствованія мудрость, въ немже попеченіе о тебѣ истое отеческое, въ немже единодушїя внутренняго сила, и купно далече суть отъ него неискство, нещадѣніе, хищеніе, зависти, рвенія, раздоры, несогласїя. По сему воистинну блаженъ и благополученъ еси, но преблаженнаго, преблагополучнаго развѣ ехиднина злоба не наречетъ тебѣ, за Богомъ даннаго Монарху твоему сына. Яко-же бо на державѣ его основано есть все твоѣ блаженство, тако на наслѣдїи его укрѣпляется сила такового твоего блаженства, еже бы не одинаго челоуѣка житїемъ мѣриму ему быти, но въ долгая лѣта, въ поздныи вѣки единымъ теши струемъ, до внука правнукъ, и праправнукъ твоихъ, и даже до послѣдняго рода міра скончанїемъ скончатися имущаго.

Въ толикомъ бо народнѣмъ и отъ преждереченныхъ изъявленномъ благополучїи, ничто же такъ есть бѣдно и страшно, яко пресѣченїе его, еже наипаче бываетъ, наслѣдныя крове оскуднїемъ. Како бо немощная была Россія отъ смерти великаго Владимїра, егда аще и не изсякль былъ родъ Самодержца онаго, обаче Самодержавный скипетръ на части разломанъ (что самое было Монархїи пресѣченїе) конхъ бѣдъ не претерпѣ отъ межоусобїа, отъ варварскаго нахожденїа! и не могла на ноги стати, даже паки единому скипетру и его наслѣдїю поддася. Пресѣче токъ крове царствующїа Годуново властолюбїе, паки мятежь, паки кроволїтїа, паки разоренїа, и отъ кого, и каковымъ образомъ! срамно и воспоминаути. Воистинну въ той часъ могли о россійствѣмъ родѣ супостаты его гласити: Богъ оставилъ есть его, пожените и имите его, яко нѣсть избавляй. Но возврати паки милость свою Господь, воскреси умершее блаженство наше, воздвигну и вознесе на всероссійскїй престоль благороднѣйшее колѣно Романовыхъ, и дарова ему наслѣдуемый скипетръ, и скипетра наслѣдемъ благослови. Се уже внукъ благополучнѣ царствуетъ, православный и Богомъ хранимый Монархъ нашъ Петръ первый. И кто не видать совершенно оздравѣвшую Россїю, но и въ болшую паче первыя силу и славу пришедшую? яко уже достоинъ намъ всерадостно восклицати: Помяну Господь милость свою Іакову, и истину

свою дому Израилеву. Воста яко спя Господь, яко силенъ и шумень отъ вина; и порази враги своя вспать поношеніе вѣчное даде имъ. А такового своего веселія, такового здравія своего долголѣтія объѣмлетъ Россія надеждою въ Царскомъ наслѣдіи. Родися Монарху сынъ, родися всенародному благополучію вѣчности своей надежда.

Но сіе еще счастье не собственное намъ, но съ прочими таковогожде чина Государствами общее; аще же къ тому присовокупится другая часть благополучія, которая основана есть на особѣ царствующаго, сіестъ: на его премудрости, храбрости и иныхъ изряднѣйшихъ талантахъ: то ежели такому Богу подаютъ наслѣдіе, и наслѣдіемъ тѣмъ даетъ всему народу надежду, еже толикому благополучію неувыдаему быти, воистинну Слышатель, воистинну большаго блаженства и желати не требѣ. А кто же не видитъ, о Россіи! насъ нынѣ такъ щастливыхъ, такъ блаженныхъ, такъ благополучныхъ быти сподобляемыхъ всецѣдыми къ намъ милостынями вышняго. Коихъ бо благъ надежду намъ подаютъ нынѣ кровь Монарха нашего въ наслѣдіе прорастшая? Подаютъ надежду продолженія нашего блаженства. Но коего блаженства? того, которое получи отъ Бога Россія, тако премудрымъ, тако щастливымъ, храбрымъ, побѣдительнымъ, тако, словомъ рещи, благословеннымъ Царемъ своимъ, Его Царскимъ Величествомъ, Пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ всероссійскимъ Самодержцемъ Петромъ первымъ.

Россія сіе имѣетъ, свѣтъ весь удивляется и завидитъ, изрещи же или описать не достанетъ словъ, не достанетъ времени, великія бо книги історія сего наполнити можетъ. Мы же обаче да не весьма то молчаніемъ преидемъ, уподобимся въ словъ нашемъ скорѣйшимъ его Царскаго Величества путешествіямъ, и скоро прелетимъ слѣдомъ славы его, поне нѣчто касающаеся нѣкимъ отъ многочисленныхъ великихъ дѣлъ его.

Но здѣ предлежитъ намъ сугубый путь гражданскаго и воинскаго правительства. Въ который первѣе устремимся? Поидемъ первѣе въ гражданскій, яко домашній; воинскій бо за предѣлы отечества ведетъ. А здѣ да предстанетъ намъ свидѣтельство памяти всенародныя, память же не престарѣлыхъ людей, но не далече за двадесять лѣтъ вспать заходящая. Что бо была Россія, прежде такъ не долгаго времени? и что есть нынѣ? посмотримъ ли на зданія? на мѣсто грубыхъ хижинъ наступили палаты свѣтлыя, на мѣсто худаго хвастія—дивныя вертограды. Посмотримъ ли на градскія крѣпости? имѣемъ таковыя вещь, каковыхъ и фигуръ на хартіяхъ прежде не видѣли и не видали. Воззримъ на сѣдалища правительская? новый Сенаторовъ и Губернаторовъ санъ, въ совѣтахъ высокій, въ правосудіи неумытный, желателный добродѣтелемъ, страшный злодѣянѣмъ. Отверземъ статіи и книги судейскія? колико лишнихъ отставлено, колико здравыхъ и нужднѣйшихъ прибыло вновь. Уже и свободная ученія полагаютъ себѣ основанія, идѣже и надежды не имѣяху, уже ариѳметическія, геометрическія, и прочія философскія искусства, уже книги политическія, уже обоей архітектуры хитрости умножаются. Что же речемъ о флотѣ воинскомъ? Ниже бо на самомъ точію кораблей зданіи держати очи и мысли намъ довлѣетъ; аще и самое то зрѣти безъ удивленія не можемъ, но рассуждати подобаетъ, отъ колѣнъ сіе добродѣтелей произыде. Не могли бы во истинну никѣже мастера совершити сего, всуе бы было тевтонское искусство и труды, аще бы не предстала здѣ Монаршая мудрость, еже вся усмотрѣти къ

таковому намѣренію потребная; аще бы не былъ здѣ быстрый промыслъ, откуда бы и како, каковымъ путемъ и способомъ подобающую собрати и свезти матерію; аще бы не явила себѣ здѣ велелѣпная щедрость, аще бы не жалѣти толикихъ изживеній; аще бы не произошло здѣ незыблемое великодушіе, еже бы не устрашитися, толикаго и толь труднаго, а еще новаго дѣла; аще бы не воспламенилося здѣ неусыпное славы ревнованіе, еже бы Государству Россійскому и въ семь не попусти-ти отъ иныхъ прочіихъ быти упослѣжденну. И, да многая минувше, едино главнѣйшее изречемъ, на таковой сей трудный, новый, преславный заводъ, недовольно было никое же имѣніе, ни лѣсы дубравныи, ни труды дѣлателей. Потребное было оруженоснымъ симъ ковчегамъ, симъ крылатымъ и бѣгъ пространный любящимъ палатамъ, потребное, глаголю, было мѣсто и поле теченію ихъ подобающее, иначе бы все суетное было. Здѣ же кто не видитъ, что державѣ Россійской подобало прострѣтися за предѣлы земныя, и на широкія моря пронести область свою? Купилъ намъ тое Самодержецъ нашъ не серебромъ купеческимъ, но Марсовымъ желѣзомъ. Показа, аки перстомъ самая правда на бреги Ингріи и Карелии, хищеніемъ льва Свѣйскаго давно отыгнута; устремися убо тамо сила Монарха нашего побѣдительная, и прогна далече звѣря онаго полуношнаго, протяже владѣніе свое на моря, устраши громомъ славы сея и далечайшая поморія и острова; державную же Россію уподоби оному апокалиптическому видѣнію. Се ужѣ единою ногою на земли, другою же стоитъ на морѣ, дивна всѣмъ, всѣмъ страшна и славна. Словомъ рещи: аще бы ничтоже было прочее, единъ флотъ былъ бы доволенъ къ безсмертной славѣ Его Царскаго Величества.

А ты, новый и новочарствующій граде Петровъ, не высокая ли слава еси фундатора твоего? идеже ни помыслъ кому былъ жительства чело-вѣческаго, достойное вскорѣ устроиша мѣсто престолу Царскому. Кто бы отъ странныхъ здѣ пришедь, и о самой истинѣ неувѣдавъ, кто бы, глаголю, узрѣвъ таковое града величество и велелѣпіе, не помыслилъ, яко сіе отъ двухъ или трехъ сотъ лѣтъ уже зиждется? сіе есть, тща-тельствомъ Монарха нашего изпразднися оная древняя пословица Сар-матская: не разомъ Краковъ будовано. Или бо великое время къ тако-вому строенію пятнадцатолѣтнее? И что много глаголати о сихъ? Августъ онъ Римскій Императоръ, яко превеликую о себѣ похвалу умирая проглагола: кирпичный, рече, Римъ обрѣтохъ, а мраморный оста-вляю. Нашему же Пресвѣтлѣйшему Монарху тщета была бы, а не по-хвала сіе пригласити; исповѣсти бо воистинну подобаетъ, древнюю онъ обрѣте Россію, а сотвори златую: тако оную и вѣшнимъ и внутреннимъ видомъ украси, зданіи, крѣпостями, правилами и правителями, и раз-личныхъ ученій полезныхъ добротю.

Но еще побѣжимъ въ слѣдъ его воинскій, [аще и тако уже того минути мы не возмогли] и здѣ точію имена вещей нѣкихъ воспомянути можемъ: тако не возможно есть въ краткомъ времени предлагати по-вѣсть. Еще отроческою рукою разори Казикермень, разруши Азовъ, и дракона асійскаго устрази; возяренъ же неправеднымъ терзаніемъ льва Свѣйскаго, коль ему много наложи ранъ, коль много отсѣче градовъ и крѣпостей, здѣ въ Ингріи, въ Ливоніи, въ Помераніи, въ Карелии, въ Финландіи, и въ чужихъ гнѣздахъ крыющая обрѣте, въ Митавѣ Курляндской, и въ Ельбингѣ Прусскомъ, и на мѣстахъ прочіихъ; дер-

знува же встрітися на полї ратномъ, преславно побѣди подь Калишемъ, на черной Напї, подь Пропойскомъ, подь Полтавою. Единимъ ли сіе едино воспомяновеніемъ перейти долѣтъ. Не долѣють воистинну преславною оной викторіи тысяща усть Риторскихъ, и не престануть славити вѣки многія, донелѣже міръ стоить. Но и инья побѣды прочія пространныхъ проповѣдей достойныя суть: обаче здѣ единымъ ихъ точію, яко же рѣхъ, воспомянаніемъ удоволяемъ. Таковыя же, такъ далекія, такъ многія мѣста и страны побѣдами его прославленныя! Велико было бы, аще бы кто прошелъ легкимъ странствіемъ, то чтожъ есть викторіями исполнити.

А что во первыхъ воспомянути подобало, и что всей толикой славѣ основаніе, есть регула воинская: то дѣло, то всѣхъ дѣлъ и корень и верхъ, чрезъ сіе дѣло, чтолибо и гдѣлибо Россійскимъ оружіемъ достохвалное содѣвается, содѣвается Царемъ нашимъ, аще бы и не присутствовалъ тамо, за сіе едино и вся будущія по смерти его побѣды ему воспишутся.

И таковыхъ то Монарха нашего славныхъ дѣлъ, аще и не всѣхъ, аще и краткое именованіе есть свѣтлое и извѣстное російскаго паствя свидѣтельство; минуше бо многія оттуду произшедшія ползы домашнія, да помыслить всякъ, коликую обрѣте Россія во всемъ мірѣ славу себѣ, не буди бо въ срамоту помянути, еже истинно есть, въ коемъ мнѣніи, въ коей цѣнѣ бѣхомъ мы прежде у иноземныхъ народовъ: бѣхомъ у политическихъ мниміи варвары, у гордыхъ и величавыхъ презрѣнніи, у мудращихся невѣжи, у хищныхъ желателная ловля, у всѣхъ нерадими, отъ всѣхъ поруганы. Аще же и лживое было таковое многихъ мнѣніе, обаче мнѣніе было таковое, и изъобличила была то не неоднократно Россія своимъ оружіемъ, но не довольно и несовершенно, наипаче яко оружіемъ страхъ точію содѣвается въ народѣхъ, честь и любовь тѣмъ не купуется. Нынѣ же что храбростію, любомудріемъ, правдолюбіемъ, исправленіемъ и обученіемъ отечества, не себѣ точію, но и всему Россійскому народу содѣла Пресвѣтлый нашъ Монархъ? то что котормы насъ гнушались яко грубыхъ, ищуть усердно братства нашего, котормы безчестили, славятъ, котормы грозили, боятся и трепещуть, котормы презирали, служити намъ не стыдятся, многіи въ Европѣ коронованныя главы, не точію въ союзъ съ Петромъ Монархомъ нашимъ идутъ добротнo; но и десная его Величеству давати не имѣють за безчестіе: отмѣнили мнѣніе, отмѣнили прежнія своя о насъ повѣсти, затерли історійки своя древнія, инако и глаголати и писати начали: поднесла главу Россія свѣтлая, красная, силная, другомъ любимая, врагомъ страшная, и да заключимъ сильнымъ, но истиннымъ словомъ все сіе: Зависть славою Россійскою побѣжденна есть. Не можетъ безчестити насъ; ибо вѣра уже въ свѣтѣ не обрящеть, точію имать грызти персты своя, и утробою снѣдаться.

Таковой убо славѣ Россійской, кто бы не желалъ, развѣ бы врагъ отечества своего, быти непремѣнной и вѣчной? А повеже она отъ толкаго Монарха рожденна и умноженна есть, и на немъ основана стоить, то воистинну желати бы подобало его Величеству безсмертнаго на земли житія, и привѣтствіемъ онымъ у древнихъ Царей Персидскихъ обыкновеннымъ пригласити ему: Царю во вѣки живи. Но чтожъ ползуетъ желаніе, которому не послѣдуетъ событіе? да мно-

голѣтно царствуетъ и побѣждаетъ, да увидитъ Сыны Сыновъ своихъ, и на Сынахъ Сыновъ своихъ дѣль славныя образы, желаемъ отъ усердія, вседушно, всеискренно желаемъ, обаче не благоволися праведному Господеви измѣрять житіе человѣческое мѣриломъ желанія нашего.

Что же прочее, которому народу хошетъ дати долговѣчную славу и блаженство, подаетъ къ содержанію оной Царскаго рода наслѣдіе, тѣмъ утверждаетъ наслѣдуемыя скипетры, тѣмъ садъ отъ родителей насажденный возвращаетъ.

И се уже видимъ, Слышательіе, коликую получимъ радость, получивше отъ Бога Сына Царскаго: управляется благополучнѣ Россія Монаршескимъ наслѣдуемымъ скипетромъ, а тое щастіе да будетъ долговѣтное, имѣетъ надежду въ наслѣдіи Монаршемъ, обогатися и обогащается Россія всемірною отъ великихъ дѣлъ Монарха своего происходящею славою, а сіе такъ великое блаженство да будетъ непреложно и вѣчно, имѣетъ упованіе въ сынѣ Царскомъ.

Истинно есть о Слышательіе! истинно, еже изначала рѣхомъ, что Царскіе сыны не такъ родителямъ своимъ, яко своему всему отечеству рождаются. Якоже бо добрии Государи не такъ себѣ самымъ, яко своимъ подданнымъ живутъ, такъ и ихъ наслѣдіе не такъ себѣ самому, яко народу своему жити начинаютъ: оныхъ неоскудѣваемое возвращеніе есть щастія народнаго долгоденствіе: отъ сего плодородія имѣетъ отечество свое безсмертіе въ таковомъ Божіи на Царей изливаемомъ благословеніи: благонадежны бывають царствія, еже жити, крѣпитися, и въ поздная лѣта весело имъ процвѣтати.

Есть убо о чемъ тебѣ срадоватися имама Богомъ данный нашъ Самодержче Россійскій! имаши чѣмъ увеселити сердце твое въ непрестающихъ печалѣхъ, и различныхъ забыти скорбей. Аще бо и всякому родителю сынъ свой вѣнецъ есть, по глаголу премудраго приточника, то кольми паче тебѣ сынъ твой отъ Бога данный, и порфиры, и діадимы, и всей твоей Царской утвари честнѣйшее и дражайшее украшеніе. И всегда тебѣ смерть не страшна, аки бы нарочно оной за наше житіе и здравіе ищущему, во огняхъ, въ мечахъ, въ путныхъ бѣдствіяхъ, въ морскихъ волненіяхъ; но наипаче уже имаши нерадѣти о ней, егда на лонѣ твоемъ видиши тебѣ другаго, твою мудрость, храбрость, благочестіе, твоя вся добродѣтели въ далечайшую жизнь прострети имущаго. А иже живу ю сію надежду дарова тебѣ Господь, той и благимъ событіемъ да исполнитъ въ сына твоего здравіи, долгоденствіи, и, что больше всего есть, во образѣ и подобіи твоемъ.

Есть чемъ поздравляти тебе, благороднѣйшая Государыня наша Царица, таковаго супруга подружіе и таковаго Сына матеръ быти сподобшюся. Благополучна была еси, кто не исповѣсть, во введеніи твоемъ въ Царскій чертогъ, усугубися тебѣ оное благополучіе въ рожденіи сына Царева, тогда была тебѣ весна веселая, нынѣ лѣто плодосное, тогда утро было, нынѣ полудне, тогда новой, нынѣ же полной лунѣ подобна еси, свѣтъ толикій отъ Россійскаго солнца издавшая, тогда въ благородіе Царское воспріята была еси, нынѣ же и сама благородіе Царское умножаеши.

Есть о чемъ привѣтствовать имама тебѣ, Благороднѣйшій Государь нашъ Царевичъ Алексій, вамъ, Благородныя Государыни Царевны, яко получившимъ отъ Бога толикое въ семь братѣ вашемъ благословеніе;

[Faint, illegible text at the top of the page, possibly bleed-through from the reverse side.]

1910

[Faint, illegible text block below the header.]

[Faint, illegible text block below the header.]

[Large block of faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.]

возможно? понеже, есть ли великія его таланты, дѣйстви и дѣла воспоминаемъ, еще вѣще утратою толикаго добра нашего уязвимся и возрыдаемъ. Сей воистинну толь печальной траты развѣ бы летаргомъ вѣкіимъ, вѣкіимъ смертообразнымъ своимъ забыти намъ возможно. Кого бо мы, и каковаго, и коликаго лишились?

Се оный твой, Россіе, Сампсонъ, каковый да бы въ тебѣ могль явиться, никто въ мірѣ не надѣялся, а о явшемся весь міръ удивился. Засталъ онъ въ тебѣ силу слабую, и здѣлалъ по имени своему каменную, Адамантову: засталъ воинство въ дому вредное, въ полѣ не крѣпкое, отъ супостатъ ругаемое, и ввелъ отечеству полезное, врагомъ страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищалъ, купно и возвращеніемъ отъятыхъ земель дополнилъ, и новыхъ провинцій прибрѣтеніемъ умножилъ. Когда же востающія на насъ разрушалъ; купно и зломыслящихъ намъ сломилъ и сокрушилъ духи; и заградивъ уста зависти, славная проповѣдати о себѣ всему міру повелѣлъ.

Се твой первый, о Россіе! Іафетъ, не слыханное въ тебѣ отъ вѣка дѣло совершившій, строеніе и плаваніе карабельное, новый въ свѣтѣ флотъ, но и старымъ неуступающій, какъ надъ чаяніе, такъ выше удивленія всяя вселенныя, и отверзе тебѣ путь во всѣ концы земли, и простре силу и славу твою до послѣднихъ Океана; до предѣлъ пользы твоя, до предѣлъ правдою полагаемыхъ, власть же твоя державы, прежде и на земли зыблющуюся, нынѣ и на морѣ крѣпкую и постоянную сотворилъ.

Се Моисей твой, о Россіе! не суть ли законы его яко крѣпкая забрала правды, и яко не рѣшимыя оковы злодѣянія? не суть ли уставы его ясны, свѣтъ стезямъ твоимъ, высокоправительствующій Сянгклитъ, и подъ нимъ главныя и частныя правительства отъ него учрежденныя? не свѣтила ли суть тебѣ къ поисканію пользы, и ко отраженію вреда, къ безопасію миролюбныхъ, и ко обличенію свирѣпыхъ? Воистинну оставилъ намъ сомнѣніе о себѣ, въ чемъ онъ лучшій и паче достохвальныи или яко отъ добрыхъ и протосердечныхъ любимъ и любимаемъ, или яко отъ нераскаянныхъ льстецовъ и злодѣевъ ненавидимъ быль.

Се твой, Россіе, Соломонъ, пріемшій отъ Господа смыслъ и мудрость многу зѣло. И не довольно ли о семъ свидѣлствуютъ многообразная философская искусства, и его дѣйствиемъ показанная, и многимъ подданнымъ вліянная, и заведенная различная, прежде намъ и не слыханная ученія, хитрости и мастерства: еще же и чины, и степени, и порядки гражданскія, и честныя образы житейскаго обхожденія, и благопріятныхъ обычаевъ и нравовъ правила: но и внѣшній видъ и на личіе краснопретворенное, яко уже отечество наше, и отъ внутрь и отъ внѣ, несравненно отъ прежнихъ лѣтъ лучшее, и весьма иное видимъ и удивляемся.

Се же твой, о и церкви Россійская! и Давидъ и Константинъ; его дѣло, правительство Синодальное, его попеченіе пишемая и глаголемая наставленія. О коликая произносило сердце сіе воздыханія о невѣжествѣ пути спасеннаго, коликая ревности на суетвѣрїа, и лестническія притворы, и расколъ гвѣдающійся въ насъ безумный, враждебный и пагубный! коликое же въ немъ и желаніе было и исканіе вѣщаго въ чинѣ пастырскомъ искусства, прамѣйшаго въ народѣ богомудрїа, изряднѣйшаго во всемъ испралненїа.

Но о многоименитаго мужа! краткимъ ли словомъ объедемъ безчисленныя его славы, а простирати рѣчи не допускаетъ настоящая печаль и жалость, слезяти токмо и стевати понуждающая. Негли со временемъ нѣчто притупится тернъ сей, сердца наша боудущи и тогда пространнѣе о дѣлахъ и добродѣтеляхъ его побесѣдуемъ. Хотя и никогда довольно, и по достоинству его возглаголати не можемъ: а и нынѣ кратко воспоминающе, и аки бы токмо воскрылїи ризъ его касающеса, видимъ Слышателие, видимъ бѣднїи мы и несчастливїи, кто насъ оставилъ, и кого мы лишилися.

Не весьма же, Россїяне! изнемогаимъ отъ печали и жалости, не весьма бо и оставилъ насъ сей великїи Монархъ и отецъ нашъ: оставилъ насъ, но не нищихъ и убогихъ: безмѣрное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его дѣлами означилося, при насъ есть.

Какову онъ Россїю свою сдѣлалъ, такова и будетъ: сдѣлалъ добрымъ любимую, любима и будетъ; сдѣлалъ врагомъ страшную, страшная и будетъ; сдѣлалъ на весь мїръ славную, славная и быти не престанетъ. Оставилъ намъ духовная, гражданская, и воинская исправленїя. Убо оставилъ насъ разрушенїемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ.

Наипаче же въ своемъ въ вѣчная отшествїи, не оставилъ насъ сырыхъ. Како бо весьма осиротѣлыхъ насъ наречемъ, когда державное его наслѣдіе видимъ, прямаго по немъ помощника въ жизни его, и подобнаго владѣтеля по смерти его, Тебѣ милостивѣйшая, и самодержавнѣйшая Государыня наша, великая Героиня, и Монархия, и матеръ всероссїйская. Мїръ весь свидѣтель есть, что женская плоть не мѣшаетъ тебѣ быти подобной Петру великому. Владѣтельское благоразумїе, и матернее благоутробїе твое и природою тебѣ отъ Бога данное кому неизвѣстно? А когда обое то утвердилось въ тебѣ, и совершилось, не посто сожитїемъ толїкаго Монарха; но и сообществомъ мудрости, и трудовъ, и разноличныхъ бѣдствїи его, въ которыхъ чрезъ многа лѣта, аки злато въ горнилѣ искушенную, за малое судилъ онъ имѣти тебе ложа своего сообщницу, но и короны, и державы, и престола своего наслѣдницу сотворилъ. Какъ намъ не надѣяться, что здѣланная отъ него утвердиши, недодѣланная совершиши, и все въ добромъ состоянїи удержиши. Токмо о душе мужественная! потщися одолѣти нестерпимую сію болѣзнь твою: аще и усугубилася она въ тебѣ отъятїемъ любезнѣйшей дщери, и аки жестокая рана новымъ увлеченїемъ безъ мѣры разъярїлася. И якова ты отъ всѣхъ видима была въ присутствїи подвижающагося Петра, во всѣхъ его трудѣхъ и бѣдствїяхъ неотступная бывши сообщница, понудїся таковоже быти и въ прегорькомъ семъ лишенїи.

Вы же благороднѣйшее сословіе, всякаго чина и сана, сынове Россїи, вѣрностїю и повиновенїемъ утѣшайте Государыню и матеръ вашу. Утѣшайте и самихъ себе, несумнѣннымъ познанїемъ Петрова духа въ Монархїи вашей видяще, яко не весь Петръ отошелъ отъ насъ. Прочее припадемъ вси Господевїи нашему, тако посѣтившему насъ, да яко Богъ щедротъ, и отецъ всякїа утѣхи, Ея Величеству самодержавнѣйшей Государыни нашей, и Ея дражайшей крови: дщерямъ, внукамъ, племянницамъ, и всей высокой фамиліи, отретъ сія неутолимая слезы, и усладитъ сердечную горестъ благостыннымъ своимъ призрѣнїемъ, и всѣхъ насъ милостивнѣ да утѣшитъ.

Но о Россіи! видя кто и каковъ тебе оставилъ, виждь и какову оставилъ тебе. Аминь.

СІ. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ИВАНА ИВАНОВИЧА НЕПЛЮЕВА.

(«Русскій Архивъ» за 1871 годъ).

Родился я, Иванъ Неплюевъ, въ 1693 году, ноября 5-го числа, въ воскресенье поутру, по полуночи въ 7 часовъ, въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ усадницѣ Наволожѣ.

По неудачномъ подѣ Нарву приступѣ, отецъ мой Иванъ Никитичъ, бывъ при ономъ случаѣ на службѣ и возвратясь въ домъ, занемогъ, отъ которой болѣзни въ 1709, іюля 10-го, умеръ въ среду по утру, на 38-мъ году отъ рожденія своего, оставя по себѣ одного мена, сына 16-ти лѣтъ, и недвижимаго имѣнія 80 душъ.

Женился я по волѣ матери моей 1711 г., сентябрю 9-го дня въ воскресенье, на племянницѣ родной новгородскаго намѣстника Ивана Юрьевича Татищева, дѣвицѣ Ѳедосѣѣ Татищевой, получа за нею въ приданое съ небольшимъ 20 душъ.

Въ 1712 году, августа мѣсяца 19-го дня, во вторникъ, родился мнѣ сынъ Адрианъ въ томъ-же Новгородскомъ уѣздѣ, въ селѣ Поддубьѣ.

Въ 1713, ноября мѣсяца, оставивъ жену мою, отшелъ я по обѣщанію въ монастырь. 1715, марта въ первыхъ числахъ, возвратился я въ домъ свой и въ томъ-же мартѣ мѣсяцѣ взятъ въ службу и, бывъ на смотрѣ марта въ 24 день у князя Меншикова, написанъ въ число назначенныхъ обучаться въ Новгородѣ начальныхъ основаній математики.

Тогоже года, іюня въ 29 день, присланнымъ въ Новгородъ указомъ повелѣно: выбрать 84 человекъ изъ тѣхъ начавшихъ обучаться, отправить въ Нарвскую школу, въ которой учителемъ былъ навигаторъ Митрофанъ Михайловъ, сынъ Кашинцовъ, а директорами надъ оной были: оберъ-комендантъ Кирила Алексѣевичъ Нарышкинъ, комендантъ Василій Григорьевичъ Титовъ.

Въ томъ-же году, мая 4-го дня, во вторникъ умерла, въ отсутствіе мое, мать моя Марѣя Петровна.

Того-же года, октября 1-го дня, по присланному указу, перевели насъ всѣхъ въ школу въ Санктпетербургъ. Въ той школѣ было насъ обучающихся 300 человекъ. 1716-го, по указу царскаго величества, велѣно выбрать изъ той школы 20 человекъ и отослать въ Ревель ко флоту, въ числѣ коихъ былъ и я, Неплюевъ. На дорогу каждому изъ насъ дано по 30 рублей.

По прибытіи нашемъ въ Ревель, марта 31-го дня, опредѣлены мы адмираломъ во флотъ гардемаринами, при чемъ выданы намъ изъ казны порусинные бостроки, а жалованья опредѣлено на мѣсяцъ по 2 рубля по 40 копѣекъ; порція-же производилась намъ: сухарей—по 2 пуда по 10 фунтовъ каждому, гороху—по 15 фунтовъ, крупъ—по 15 фунтовъ, соли—2 фунта съ четвертью; муки рженой на квась—одинъ четверикъ,

вина—25 чарокъ, уксусу—полторы кружки, рыбы вялой—по 6 фунтовъ, ветчины—по 19 фунтовъ.

Апрѣля перваго дня опредѣленъ я на корабль *Архангела Михаила*, на коемъ капитанъ былъ англичанинъ Рю. Тотъ корабль *Архангела Михаила* былъ о 52-хъ пушкахъ, въ водѣ ходу 16½ футъ; матросовъ на немъ было 300, солдатъ 200 человекъ. Апрѣля 17-го дня выплыли мы изъ гавани. Въ маѣ 19-го числа выступили въ походъ подъ командою капитана-командора Сиверса къ Копенгагену. 29-го числа того-жъ мѣсяца отъ острова Борнгольма принуждены были поворотиться, потому что шведскій флотъ лежалъ у острова Ругена. Юня 30-го дня присланъ отъ его царскаго величества капитанъ Румянцевъ съ указомъ, дабы флоту немедленно плыть въ Копенгагенъ, почему оный отъ Ревеля опять въ путь отбылъ. Юля 18-го дня остановились мы въ виду Копенгагена и бросили якорь и того-жъ числа соизволилъ пріѣхать его царское величество къ намъ на флотъ и былъ нѣкоторое время у командора на кораблѣ *Екатерины*.

(Далѣе Неплюевымъ описывается пребываніе русскихъ въ Копенгагенѣ, Гамбургѣ, Амстердамѣ, Корфу, Венеціи, путешествіе въ Испанію, пребываніе въ Кадиксѣ и возвращеніе въ Россію).

Прибыли въ Санктпетербургъ 22-го числа (22-го мая 1720 г.). Во весь вышесказанный вояжъ издержалъ я собственныхъ 400 рублей, да государевыхъ 600 рублей. Каждый изъ насъ по пріѣздѣ въ Петербургъ пристали у нашихъ родственниковъ, а я у капитана гвардіи Семена Марковича Слицына.

На завтрѣ, собравшись вся наша компанія ко мнѣ на квартиру, пошли явиться генералу-адмиралу, а потомъ ко всѣмъ флагманамъ, находящимся въ Петербургѣ, и ко всѣмъ присутствующимъ въ адмиралтейской коллегіи. Всѣ насъ приняли весьма ласково, особливо Григорій Петровичъ Чернышевъ, который о вояжѣ и службѣ нашей внѣ государства подробно и милостиво разспрашивалъ и обнадежилъ насъ своимъ предстательствомъ у его величества, подавъ намъ, какъ отецъ, совѣтъ, чтобы просили генерала-адмирала быть представленны къ государю, и когда его величество изъ насъ съ кѣмъ говорить изволить, то чтобы мы по истинѣ и безъ робости сказали, что что знаетъ и сколько кто преусилъ въ наукахъ. За таковую его милость мы всѣ, какъ немущіе никакого покровительства, а по нашему отлученію отъ отечества не токмо отъ равныхъ намъ возненавидѣны, но и отъ свойственниковъ нашихъ при первомъ случаѣ насмѣшкою и ругательствомъ по европейскому обычаю, въ насъ примѣчанному, осмѣянные, благодарили Григорія Петровича со слезами.

На завтрѣ пошли мы въ адмиралтейскую коллегію и ожидали пріѣздія генералъ-адмирала, который, пріѣхавъ и насъ увидя, сказалъ, «что онъ объ насъ доложить, и когда приказано будетъ, чтобы явились въ коллегію, а нынѣшнѣе шли по домамъ». 26-го числа была ассамблея на почтовомъ дворѣ, на которой генералъ-адмиралъ государю объ насъ докладывалъ, и отъ него получили повелѣніе, чтобы намъ быть представленнымъ завтра въ адмиралтейской коллегіи, почему мы и получили отъ коллегіи приказъ явиться въ 5 часовъ въ коллегію. Не знаю, какъ мои товарищи оное принимали, а я всю ночь не спалъ, готовился какъ на страшный судъ. И по сему приказу собрались мы въ назначенное

время въ коллегію, а между тѣмъ присутствующіе съѣзжались, изъ коихъ генераль-адмиралъ, идучи мимо, сказалъ намъ:—«Я васъ теперь государю представлю». А черезъ малое время потомъ пріѣхалъ Григорій Петровичъ Чернышевъ и, остановясь съ нами, говорилъ тоже, что и въ своемъ домѣ, и ласковымъ, милостивымъ симъ разговоромъ убавилъ нашего страха. Наконецъ и его величество прибыть изволилъ, но не тѣмъ путемъ, которымъ мы его ждали; потому мы и не имѣли счастья путь его видѣть. Въ 7 часовъ впустили насъ въ присутственную палату. Мы его величеству поклонились въ ноги, а прочимъ—въ поясъ. Онъ, будучи или немощенъ или невеселъ, чего я не знаю, изволилъ спросить насъ только, имѣемъ-ли мы отъ командировъ тамошнихъ атестаты, и всѣль на галерахъ, или иные и на корабляхъ служили. Получивъ на сіе отвѣтъ, оборотясь къ генераль-адмиралу, изволилъ сказать слѣдующее:—«Я хочу ихъ самъ увидѣть на практикѣ, а вынѣ напишите ихъ во флотъ гардемаринами». Не успѣлъ послѣдней рѣчи государь еще окончить, какъ великодушный покровитель всѣхъ бѣдныхъ, Григорій Петровичъ, очень громко сказалъ его величеству:—«Грѣхъ тебѣ, государь, будетъ: люди по волѣ твоей бывши отлученные отъ своихъ родственниковъ въ чужихъ краяхъ, и по бѣдности ихъ сносили голодъ и холодъ и учились по возможности, желая угодить тебѣ и по достоинству своему и въ чужомъ государствѣ были уже гардемаринами, а нынѣ, возвратясь по твоей-же волѣ и надѣясь за службу и науку получить награжденіе, отсылаются ни съ чѣмъ и будутъ наравнѣ съ тѣми, которые ни нужды такой не видали, ни практики такой не имѣли». Его величество на сіе изволилъ ему отвѣтствовать:—«Я ихъ награжу; пусть только одну кампанію прослужатъ!»—«Но легколь, государь, гардемаринами служить, — сказалъ Григорій Петровичъ, — такимъ, кои изъ нихъ есть достойны управлять кораблемъ или галерою?» Государь спросилъ его:—«Ктожь бы такіе были, ктожь такъ достоинъ?» Онъ, ни мало не мѣшкая:—«Кайсаровъ и Нелюевъ». Сія слова наполнили меня благодарностію, радостію и страхомъ, и такъ меня заметало, что я уже послѣ примѣтилъ, что государь, желая, чтобъ насъ двоихъ ему указали, и обоихъ изволилъ пристально осматривать и потомъ, помолчавъ немного, изволилъ приказать записать свой указъ, чтобъ въ коллегіи было въ будущемъ мѣсяцѣ полное собраніе, при которомъ насъ всѣхъ какъ въ навигаціи, такъ и въ прочихъ наукахъ и языкахъ экзаменовать, при чемъ онъ и самъ быть желаетъ, а потомъ насъ вонъ выслали. Мое попеченіе было первое бѣжать въ домъ Григорія Петровича Чернышева и благодарить его за оказанную мнѣ милость, что я и исполнилъ; а сія милость тѣмъ больше ко мнѣ оказана, что я никакого свойства, ни знакомства съ нимъ не имѣю, и никакого такого у меня не было, ктожь ему за меня слово замолвилъ. Все сіе значить великодушное его сердце и челоуколюбивую его душу. А съ нами разговаривалъ онъ, какъ съ ровными, не допуская насъ и поклониться себѣ. Сіе значить его смиренномудріе и что онъ, въ великомъ чинѣ будучи, тѣмъ не гордится, а употребляетъ оный въ пользу и къ показанію милостей къ беспомощнымъ. Пишучи сіе, я мѣшаю благодарныя мои слезы къ нему съ чернилами, да благословить его и весь домъ его Господь Богъ изобильными своими щедротами. Въ ожиданіи означеннаго экзамена упражненіе мое было въ пріготовленіи себя къ оному.

30-го іюня присланъ къ намъ отъ коллегіи приказъ явиться 1-го іюля на экзаменъ. Мы, собравшись у коллегіи, дожидались повелѣнія. Въ 8 часовъ государь пріѣхалъ въ одноколѣѣ и, мимо идучи, сказалъ намъ:—«Здорово, ребята!» Потомъ, чрезъ нѣкоторое время, впустили насъ въ ассамблею, и генераль-адмиралъ приказалъ флагману Зміевичу напередъ разспрашивать порознь, чтó кто знаетъ о навигаціи. Потомъ, какъ дошла и моя очередь, то государь изволилъ подойти ко мнѣ и, не давъ Зміевичу дѣлать задачи, спросилъ:—«Всему-ли ты научился, для чего былъ посланъ?» На что я отвѣтствовалъ:—«Всемилюбовѣйшій государь! прилежалъ я по всей моей возможности, но не могу хвалиться, что всему научился, а болѣе почитаю себя предъ вами работою недостойнымъ, и того ради прошу, какъ предъ Богомъ, ваша ко мнѣ щедроты». При сказываніи сихъ словъ я сталъ на колѣни, а государь, оборотивъ руку праву ладонью, далъ поцѣловать и при этомъ изволилъ молвить:—«Видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли, а все отъ того: показать вамъ примѣръ и хотябъ подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству». Я, стоя на колѣняхъ, взялъ самъ его руку и поцѣловалъ оную многократно, а онъ мнѣ сказалъ:—«Встань, братецъ, и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ; но не робѣй: буде что знаешь—сказывай, а чего не знаешь—такъ и скажи». И оборотася къ Зміевичу, приказалъ разспросить меня; а какъ я давалъ отвѣты, то онъ изволилъ сказать Зміевичу:—«Разспрашивай о высшихъ званіяхъ». И по окончаніи всѣхъ разспросовъ, тутъ-же пожаловалъ меня въ поручики въ морскіе галернаго флота и другаго—Кайсарова, а и другихъ также пожаловалъ, но ниже чинами. Чрезъ малое потомъ время указалъ государь опредѣлить меня, Неплюева, смотрителемъ и командиромъ надъ строящимися морскими судами, по каковому случаю видѣлъ я государя почти ежедневно. И всякій разъ благоволилъ со мною разговаривать о всякихъ вещахъ и случаяхъ. И отъ флагмановъ Григорія Петровича и Чернышева, къ которому я во всякое свободное время хаживалъ, и отъ Зміевича слыхалъ, что:—«Государь-де тобою, господинъ поручикъ, является доволенъ и изволилъ говорить, что въ этомъ маломъ пути будеть». Они-же мнѣ подавали совѣты, чтобъ я прилежалъ къ своему дѣлу былъ-бы исправенъ: «То-де его величество тебя не оставитъ; только будь проворенъ и говори правду и ничего не солги, хотя-бы что и худо было; онъ-де больше разсердится, буде что солжешь».

1721 года, генваря въ первыхъ числахъ, былъ трапезенъ для всѣхъ бояръ и для морскихъ и гвардіи офицеровъ, почему и я тутъ былъ. Мы, отобѣдавъ прежде, изъ-за столовъ встали, и я и со мною нѣсколько чelовѣкъ вошли въ ту камору, гдѣ государь сидѣлъ еще за столомъ; государь былъ очень веселъ, и по маломъ времени изволилъ начать разговоръ, что ему потребенъ чelовѣкъ съ итальянскимъ языкомъ—послать въ Царьградъ резидентомъ. Александръ Гавриловичъ Головкинъ отвѣчалъ, что онъ такого не знаетъ, а Ѳедоръ Матвѣевичъ говорилъ, что онъ такого знаетъ и очень достойнаго, во то бѣда, что очень бѣденъ. Государь отвѣчалъ, что бѣдность не бѣда.—«Этому помочь можно скоро, но кто тотъ такой?» Ѳедоръ Матвѣевичъ сказалъ:—«Вотъ онъ за тобою стоитъ».—«Да ихъ стоитъ за мною много», сказалъ государь. Ѳедоръ Матвѣевичъ отвѣчалъ:—«Твой хваленыи, чтó у галернаго строенія». Онъ оборотился

и, глядѣвъ на меня, изволилъ сказать: — «Это правда, Федоръ Матвѣвичъ, что онъ добръ, но мнѣ хотѣлось его у себя имѣть». Я поклонился государю; а онъ, подумавъ, изволилъ приказать, чтобъ меня во оную посылку назначить; и при семь изъ-за стола встали, а меня адмираль поздравилъ резидентомъ и, взявъ за руку, повелъ благодарить къ государю. Я упалъ ему, государю, въ ноги и, охвата оныя, цѣловаль и плакалъ. Онъ изволилъ самъ меня поднять и, взявъ за руку, говорилъ: — «Не вланийся, братецъ, я вашъ отъ Бога приставникъ, и должность моя — смотрѣть того, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнять; буде хорошъ будешь, не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худо, такъ я истецъ; ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуеть, чтобъ злomu и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать; служи вѣрою и правдою! Въ началѣ Богъ, а при немъ и я долженъ буду не оставить». Сіе говоря, оборотася, изволилъ молвить: — «Когожь я возьму на его мѣсто?» И съ тѣмъ словомъ опустилъ свою руку, а я при семь цѣловаль оную; и изволилъ отъ меня отдалиться. Благотворитель мой Григорій Петровичъ меня обнялъ и цѣловаль отъ радости; а я не могъ ему промолвить ни слова. 25 генваря изъ коллегіи иностранной присланъ именной указъ, дабы меня изъ адмиралтейской коллегіи прислать въ оную для посылки резидентомъ ко двору султана турецкаго въ Константинополь.

26 генваря въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ учиненъ мнѣ, Неплюеву, окладъ резидентскій на годъ по 3000 рублей; на подъемъ пожаловаль государь 1000 рублей, а тѣ деньги велѣно принять въ Москвѣ, а инструкция дана изъ оной-же коллегіи февраля 26-го числа, котораго дня я имѣлъ отпускную аудіенцію, при коемъ случаѣ его величество изволилъ поступать со мною съ отъмѣнною милостію, обнадеживаль своею государскою милостію и, протѣясь со мною, поцѣловаль меня въ лобъ и изволилъ сказать послѣднее таковое слово: — «Прости, братецъ, кому Богъ велить видѣться!» Потомъ былъ я для прощанья у господъ министровъ, которые меня всѣ обнадеживали своею помощію, а я просилъ ихъ о неоставленіи меня, потому что я сихъ министерскихъ дѣлъ не отправлялъ. Былъ я также у всѣхъ нашихъ морскихъ командировъ, кои меня также весьма ласково отпустили. Господина Зміевича просилъ я о неоставленіи въ случаяхъ нужныхъ жены моей и деревнюшекъ. Пришедъ къ генераль-адмиралу прощаться, донесъ ему, что я отъѣзжаю и просилъ его о неоставленіи меня по заочности; онъ мнѣ на сіе только сказалъ: «Дуракъ!» Я, поклонясь его сіятельству, докладываль, что не знаю, чѣмъ его прогнѣваль, а онъ мнѣ на то отвѣчалъ то-же слово: «Дуракъ!» На что я уже и не посмѣлъ ничего говорить, а онъ, помолчавъ, сказалъ: — «Съ чѣмъ ты жену да дѣтей оставляешь? Вѣдь имъ только что по міру ходить; для чего ты не просилъ государя, чтобъ давать въ твое отсутствіе по окладу твоего чина имъ отъ насъ жалованья?» Я ему на то докладываль, что того не посмѣлъ, да и не думаль; а онъ, выслушавъ сіе, закричалъ на меня: — «Потому-то ты и дуракъ! Да, добро помиримся и простимся съ тобой! Коли будешь хорошо служить, такъ государь тебя не оставитъ и наградитъ; онъ и вчера со мною говорилъ; прикажи-же женѣ своей, что ежели ей въ чемъ нужда будетъ, чтобъ ко мнѣ за всѣмъ присылала, сколько ей будетъ надобно; я и деньгами ссужать буду». Я доложилъ на сіе его сіятельству, что я жену намѣ-

ровъ отъидать въ деревню, въ тѣхъ оубо мѣстахъ не имѣю. — Ну, такъ мнѣ съ тои нѣтъ дѣлать, ждаль на то февраль-апрѣль: а концы ей дождя сгнѣло». Протѣлъ я съ нѣтъ, имъ рѣчь имѣлъ къ Грохоту, Петрушкѣ, Чертанову, сей гуробѣдѣннѣмъ мужъ гроданскъ со мнѣмъ, какъ съ кроваткѣ. Я далъ нѣтъ еще утѣшное вѣстание, чтобъ я служилъ и отъидаль гдѣ же съ гроданскѣмъ Грохотѣмъ «А вѣрже-же отъѣзда твоего сдѣла къ Остерману и съ нѣтъ окончылся оубо до каплѣ гдѣмъ у вѣстакѣ въ отъѣздѣ: а а-е за тои уже вѣржалъ, чтобъ съ тои дѣлалъ и чтобъ далъ тои вѣстание, какъ тои вѣстание». Протѣлъ я съ нѣтъ благодареннѣмъ, былъ у Остермана. Итоудый мѣня вѣржалъ также вѣстна дѣлѣю и далъ нѣтъ на вѣстѣ случая вѣрже-же о чѣтъ я вѣрже кончытъ и не думалъ.

(Дале Неплюевъ въ «Запискахъ» своихъ разсказываетъ о своемъ пребываніи въ Константинополь и объ отъѣздахъ къ Чернышеву и Остерману. Въ 1734 году онъ серьезно заболѣлъ, а въ слѣдующемъ вернувшись въ Петербургъ и показавъ тайнымъ совѣтникамъ, съ тѣмъ, чтобъ присутствовать въ коллегіи иностранннхъ дѣлъ. Разсказываетъ и о всей его дальнейшей службѣ при правителяхъ, слѣдовавшихъ послѣ Петра Великаго. Нельзя не отнѣтитъ слѣдующаго мѣста въ «Запискахъ», въ которомъ сказывается настолько же глубокій и вѣрный взглядъ Неплюева на значеніе царствованія Петра Великаго, насколько и теплое сердце, умѣющее быть признательнымъ и не очерствѣвшее среди умбнувшихъ челоуѣку успѣховъ):

«1725 году, въ февраль мѣсяцѣ, получилъ я вѣстное извѣстіе, что отецъ отечества, Петръ, императоръ I-й, отъиде сего свѣта. Я омочилъ ту бумагу слезами, какъ по должности о моемъ государѣ, такъ и по многимъ ему ко мнѣ милостямъ, и ей-ей, не лгу, былъ болѣе сутокъ въ безмннствіи. Да иначе-бы и мнѣ и грѣшно было: сей монархъ отечества наше привелъ въ сравненіе съ прочими, научилъ узнавать, что и ми люди; однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его начломъ имѣеть, и что-бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпнть будутъ; а мнѣ собственно, сверхъ вышеписаннаго, былъ государъ и отецъ милосердый; да вчинить Господь душу его, многотрудившагося о пользѣ общей, съ праведными».

III. ЛИЧНОСТЬ ПЕТРА И ЕГО ХАРАКТЕРНЫЯ ОСОБЕННОСТИ ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ НАРТОВА.

(Изъ «Достопамятннхъ повѣствованій и рѣчей Петра В.», Андрея Нартова).

И собираль повѣствованія о Петрѣ Великомъ и рѣчи сего Монарха, слыша оныя либо устно отъ самого Государя, или отъ достовѣрныхъ особъ, въ то время жившихъ; находясь при Его Императорскомъ Величествѣ болѣе двадцати лѣтъ и нося милость Его, бываль я самовид-

цемъ упражненій и бесѣдъ Его, слѣдовательно о вѣроятіи сихъ сказаній никто да не усумнится.

Андрей Нартовъ

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Петра Великаго механикъ и токарнаго искусства учитель, Императорской Академіи Наукъ и Канцеляріи Главной Артиллеріи и Фортификаціи Членъ.

Писано мною сіе по кончинѣ Его Величества и кончено въ 1727 году.

По дошедшимъ слухамъ къ Государю, что чужестранцы почитаютъ его немилосерднымъ, говорилъ его Величество слѣдующую рѣчь, достойную блюсти въ вѣчной памяти: я вѣдаю, почитаютъ меня строгимъ Государемъ и тираномъ. Ошибаются въ томъ незнающіе всѣхъ обстоятельствъ. Богу извѣстны сердце и совѣсть моя, колико соболѣзнованія имѣю я о подданныхъ, и сколько блага желаю отечеству. Невѣжество, упрямство, коварство ополчались на меня всегда съ того самаго времени, когда полезность въ государство вводитъ и суровые нравы преобразовать намѣреніе принялъ. Сіи-то суть тираны, а не я. Честныхъ, трудолюбивыхъ, повинующихся, разумныхъ сыновъ отечества возвышаю и награждаю я, а неповорныхъ и зловредныхъ исправляю по необходимости. «Пускай злость клевететь, но совѣсть моя чиста. Богъ Судія мой. Неправое разглагольствіе въ свѣтѣ, аки вихрь «преходный».

Читающій сіе примѣтитъ можетъ, съ какою порывистою обнаженностію и соболѣзнованіемъ говорилъ о себѣ сей великій Государь имѣвшимъ счастье быть близъ лица Монарха сего. Извѣстна великая душа его, человѣколюбіе и милосердіе. Много было ему домашнихъ горестей и досадъ, на гнѣвъ преклоняющихъ и, хотя въ первомъ жару былъ вспыльчивъ, однако скоро отходчивъ и непамятозлобенъ; ахъ, если-бъ знали многіе то, что извѣстно намъ, дивились бы снисхожденію его. Всѣ судятъ только по наружности. Если бы когда-нибудь случилось философу разбирать архивъ тайныхъ дѣлъ его, вострепеталъ бы отъ ужаса, что содѣлывалось противъ сего Монарха.

О бунтахъ стрѣleckихъ нѣкогда промолвилъ Государь:

«Отъ воспоминанія бунтовавшихъ стрѣльцовъ, гидръ отечества, всѣ уды во мнѣ трепещутъ; помысла о томъ, заснуть не могу. Такова та была сія кровожадущая саранча».

Государь поистинѣ имѣлъ иногда въ nocturne время такія конвульсіи въ тѣлѣ, что влялъ съ собою деньщика Мурзина, за плеча котораго держась, засыпалъ, что я самъ видѣлъ. Днемъ же нерѣдко вскидывалъ головою вверхъ. Сіе началось въ тѣлѣ его быть съ самаго того времени, когда одинъ изъ мятежныхъ стрѣльцовъ въ Троицкомъ монастырѣ предъ алтаремъ, куда его царица, мать его, ради безопасности привела, приставя ножъ къ шеѣ, умертвить его хотѣлъ,—а до того личныхъ ужимовъ и кривленій шеею не бывало.

THE HISTORY OF THE
CITY OF BOSTON
FROM 1630 TO 1880
BY
JOHN B. HENNINGSON
BOSTON
1880

THE HISTORY OF THE
CITY OF BOSTON
FROM 1630 TO 1880
BY
JOHN B. HENNINGSON
BOSTON
1880

THE HISTORY OF THE
CITY OF BOSTON
FROM 1630 TO 1880
BY
JOHN B. HENNINGSON
BOSTON
1880

добро говорить можетъ прямо мнѣ безъ боязни. Свидѣтели тому вы. Полезное слушать радъ я и отъ послѣдняго подданнаго, руки, ноги и языкъ не скованы. Доступъ до меня свободенъ, лишь бы не отягощали меня только бездѣльствомъ и не отнимали бы времени напрасно, котораго всякой часъ мнѣ дорогъ. Недоброхоты и злодѣи мои и отечеству не могутъ быть довольны, узда имъ законъ. Тотъ свободенъ, кто не творить зла и послушенъ добру. Не сугублю рабство чрезъ то, когда желаю добра, огурство упрямыхъ исправлю, дубовыя сердца хочу видѣть мягкими, когда переодѣваю подданныхъ въ иное платье, завожу въ войскахъ и въ гражданствѣ порядокъ и приучаю къ людскости; не жестоко-сердствую, не тиранствую, когда правосудіе обвиняетъ злодѣя на смерть.

Буде виноватый принесетъ чистую повинную Государю, прощаль милосердо или умѣрялъ наказаніе по важности преступленія, и говаривалъ: «не дѣлай впредь того: за признаніе прощеніе, за утайку нѣтъ помилованія. Лучше грѣхъ явный, нежели тайный».

Императрица, узнавъ, что Государь ноцію беспокоился и мало почи-валъ, на другой день спрашивала его о причинѣ; на что онъ ей отвѣчалъ: «ахъ, Катинька! какой сонъ начальнику, когда судьи его спятъ?»

Когда о корыстолюбивыхъ преступленіяхъ К... М... представлено было Его Величеству докладомъ, домогаясь всячески при такомъ удобномъ случаѣ привести его въ совершенную немилость и несчастіе, то сказалъ Государь: «вина немалая, да прежнія заслуги болѣе».

Правда, вина была уголовная, однако Государь наказалъ его денеж-нымъ взыскаемъ, а въ токарной тайно при мнѣ одномъ выколотилъ его дубиной и потомъ сказалъ: «теперь въ послѣдній разъ дубина; ей! впредь берегись».

Неблагодарныхъ людей Государь ненавидѣлъ и объ нихъ говорилъ такъ: «неблагодарный есть человѣкъ безъ совѣсти, ему вѣрить не должно. Лучше явный врагъ, нежели подлый лстецъ и лицемѣръ: такой безобразитъ человѣчество».

Заслуженныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества Петръ Великій награждалъ скоро чинами и деревнями, и за долговременную службу при от-ставкѣ давалъ полное жалованье. Мнѣ случилось слышать, что при от-ставкѣ одного полковника Карпова, мужа заслуженнаго, но малоиму-щаго, Государь говорилъ: «когда служить не можетъ, производить ему по смерти его жалованье, да сверхъ того дать изъ отписныхъ деревень пятьдесятъ дворовъ, чтобъ въ ней по трудахъ, которымъ свидѣтель я и генералитетъ, спокойно жилъ. Ужели за пролитую кровь и раны для отечества при старости и дряхлости съ голоду умереть? Кто будетъ о немъ печься, какъ не я? инако служить другимъ не охотно, когда за вѣрную службу нѣтъ награды. Вѣдь я для такихъ не скупъ».

Въ такомъ случаѣ Государь былъ щедръ и милостивъ; ходатаевъ

имѣть не надлежало, понеже самъ зналъ онъ отлично служащихъ, а о незнакомыхъ приказывалъ себѣ обстоятельно доносить чрезъ Сенатъ, Военную и Адмиралтейскую Коллегіи.

Его Величество, возвратясь изъ Сената, о князѣ Яковѣ Ѳедоровичѣ Долгорукомъ, который былъ изъ первыхъ сенаторовъ, генераль-прокурору графу Ягужинскому говорилъ: «князь Яковъ въ Сенатѣ прямой помощникъ; онъ судить дѣльно, и мнѣ не потакаетъ, безъ красноречія рѣжетъ правду, не смотря на лицо».

Шествующему Императору въ Сенатъ, на дорогѣ палъ въ ноги юноша лѣтъ пятнадцати, и, подавая челобитную, просилъ въ ней о прощеніи отца своего, за преступленіе къ смерти осужденнаго, возглашая со слезами такъ: «Всемиловѣйшій Государь! помилуй несчастнаго отца моего, повели вмѣсто его наказать меня, готовъ умереть за него». Его Величество, развернувъ бумагу и посмотрѣвъ въ нее, сказалъ: «онъ виновать, а ты нѣтъ». Потомъ хотѣлъ идти далѣе, однако просящій юноша палъ паки лицемъ къ землѣ, схватилъ за ноги Монаршія и рыдая говорилъ: «помилуй отца и меня; я вину его Вашему Величеству заслужу и Богомъ исполнить сіе обещаюсь». Государь, сожалѣніемъ тронутый, спросилъ его: «кто тебя научилъ?»—Никто,—отвѣчалъ смѣло стоящій на колѣняхъ отрокъ,—сыновняя любовь; со смертію его—смерть моя. По семъ Петръ Великій, пристально посмотрѣвъ на лице юноши сего, коего черты обѣщавали быть въ немъ честнаго человѣка и добраго слуги государству, понеже Его Величество проницаніемъ своимъ въ избраніи подданныхъ не легко ошибался и имѣлъ дарованіе по наружности людей познавать, сказалъ: «убѣдительный примѣръ; счастливъ отецъ, имѣя такого сына».

Его Величество вошелъ въ Сенатъ, пересказалъ сыновнюю къ отцу горячность, велѣлъ прошеніе сіе прочесть, и несчастному даровалъ жизнь. А сынъ его, записанный въ службу, самымъ дѣломъ, усердіемъ и вѣрностію своею увѣреніе сіе исполнилъ, достигнувъ заслугами до чина генеральскаго, который былъ мнѣ хорошій пріятель и по фамиліи прозывался Ж...

Нѣкогда отданъ былъ въ походѣ одинъ офицеръ гвардіи подъ военный судъ, который за неосторожный противъ военныхъ законовъ проступокъ, учиненный имъ противъ непріятеля, присудилъ его повѣсить. Сентенція объявлена была ему въ присутствіи его полковника Государя. Осужденный, поклонясь Его Величеству, просилъ такъ: «виновать, но будь милостивъ, яко Богъ, избавь отъ висѣлицы и отъ позорной смерти». Петръ Великій на сіе отвѣчалъ: «добро, ради прежней службы, облегчить, и разстрѣлять». А офицеръ, поклонясь, паки говорилъ: «я лучше бы желалъ быть застрѣленъ отъ непріятелей, нежели отъ своихъ солдатъ, съ которыми защищалъ отечество. Помилуй, Государь! вспомни прежнюю вѣрность мою, посмотри на раны и прости. Обещаюсь быть осторожнѣе и вину свою заслужить. Оплошность моя, а не измѣна». При чемъ вдругъ открылъ грудь свою, обнажилъ руку и показывалъ язвы и пластыри. Монархъ перемѣнился въ лицѣ, на глазахъ являясь

слезы; всталъ съ мѣста своего и къ судящимъ къ штабъ и оберъ-офицерамъ снисходительно сказалъ: «что теперь, господа, скажете?» А какъ они молчали и ожидали послѣдняго рѣшенія отъ Государя, то гласомъ милосерднымъ сей судъ такъ: «сіи свидѣтельства даруютъ тебѣ животь; прощаемъ, только блюди обѣщаніе». Что сей офицеръ въ самомъ дѣлѣ исполнилъ. Вскорѣ послѣ того выпросился онъ у Государя съ особымъ отрядомъ, напалъ съ такою храбростію на Шведовъ, что, разбивъ ихъ, одержалъ побѣду и, будучи при семъ случаѣ раненъ въ голову, умеръ. Однако, будучи нѣсколько часовъ до смерти живъ, при концѣ послѣдняго издыханія въ палаткѣ съ радостію говорилъ: «теперь-то, братцы, умираю я спокойно и честно, заслуживъ вину свою предъ Государемъ».

Петръ Великій на славной Полтавской баталіи, предводительствуя войскомъ и вездѣ въ опаснѣйшемъ огнѣ находясь, храбростію и мудрымъ распоряженіемъ съ одною первою линіею, изъ десяти тысячъ состоящею, непріятельскую армію опрокинулъ и обратилъ въ бѣгъ, совершенно разбилъ. Причемъ фельдмаршала Рейншильда и прочихъ генераловъ въ полонъ взялъ. Тогда приказалъ паче всего щадить и спасать жизнь Карла XII, непримиримаго непріятели своего. Но, получа извѣстіе, что найдена на полѣ королевская качалка, въ дребезги разбитая, въ которой раненаго Карла носили, сожалѣлъ чрезвычайно о судьбѣ его и безпокоился, полагая его убитымъ, повелѣлъ искать между убитыми.

Не явный ли сіе знакъ истиннаго человѣколюбія, а не тщетныя славы и гордости побѣдителя, ищущаго въ смерти непріятели торжества?

Петръ Великій не любилъ никакой пышности, великолѣпія и многихъ прислужниковъ. Публичные столы отправлялъ у князя Меншикова, куда званы были и чужестранные министры. У себя же за обыкновеннымъ столомъ не приказано было служить придворнымъ лакеямъ. Кушанье его было: кисляя щи, студени, каша, жареное съ огурцами или лимонами солеными, солонина, ветчина, да отменно жаловалъ Лимбургскій сыръ; все сіе подавалъ мундкохъ его Фельтенъ. Водку употреблялъ Государь анисовую, обыкновенное питье квасъ, во время обѣда пилъ вино эрмитажъ, а иногда венгерское, рыбы никогда не кушалъ; за стуломъ всегда стоялъ одинъ изъ дневальныхъ деньщиковъ, о лакеяхъ же говорилъ: «не должно имѣть рабовъ свидѣтелями того, когда хозяинъ ѣсть и веселится съ друзьями. Они переносчики вѣстей, болтаютъ то, чего и не бывало».

Его Величество, получивъ отъ прусскаго Короля письмо, въ которомъ онъ благодарилъ за присланную собственными руками Петра Великаго точеную табакерку, на которой изображенъ былъ портретъ его, сказалъ Нартову: «я зналъ, что работа наша Королю пріятнѣе золота. Онъ таковъ, какъ и я; роскоши и мотовства не любитъ».

Въ бесѣдахъ Его Величество бывалъ веселъ, разговорчивъ, обходите-

... и в то время, когда он был в Москве, он видел, как Государь за всеми знатными чинами людей здесь дубиною подбивал; как они послѣ сего съ несемыми вилами въ другія комнаты выходили и со стороны Государевой, чтобы посторонніе сего не примѣтили, въ тотъ же день къ столу удалялись были. Но все-таки исправленіе чинилось не какъ отъ Императора полнагоному, а какъ отъ отца сыну. Въ одинъ день наказанъ и помилованъ. Сволъ Монархъ былъ вспыльчивъ, столько и снисходителенъ; ачъ ничто и быть ему почти не можно было по тѣмъ досадамъ, которыя причиня добра, устроеномаго имъ, чинились. При всемъ томъ былъ великодушнъ, и прощаль вины великія неоднократно, если раскаяніе принесено ему чистосердечною.

Петръ Великій, употребляя марціалныя воды на Истецкихъ желѣзныхъ заводахъ, разстояніемъ отъ Москвы въ девяносто верстахъ по Калужской дорогѣ, отъ Баева колодезя вправо, принадлежавшихъ тогда заводчику Миллеру, куда привезенъ былъ и токарный станокъ, и мѣтъ при томъ быть приказано было, во первыхъ для того, чтобъ обще съ Государемъ точить, а во вторыхъ, чтобъ разные дѣлать опыты надъ плавкою чугуна для литья пушекъ. Для тѣлодвиженія, кромѣ точенія, выковывалъ самъ Его Величество желѣзныя полосы; при плавкѣ изъ печей выпускалъ чугунъ; на верейкѣ бывалъ въ греблѣ и осматривалъ на ней укрѣпленія плотинъ. Во время пребыванія своего тамо болѣе четырехъ недѣль, выковывалъ нѣсколько пудъ желѣза, положивъ на немъ клейма съ означеніемъ года, мѣсяца и числа, которое и понынѣ въ память трудовъ сего Монарха хранится на тѣхъ заводахъ. Наконецъ, освѣдомясь, какую ковать мастеръ получаетъ за то плату, при отъѣздѣ своемъ у завододержателя Миллера требовалъ заработанныхъ денегъ, сказавъ ему: «я выработалъ у тебя за осьмнадцать пудъ осьмнадцать алтынъ; заплати». И когда Миллеръ сіи деньги Государю вручилъ, тогда Его Величество говорилъ: «бродя по заводу, избилъ я подошвы; возвращаясь въ Москву, на эти деньги куплю въ рядахъ башмаки», которые подлинно купя и нося, показывалъ многимъ и рассказывалъ, что выработалъ онъ ихъ самъ своими руками. Черезъ сіе подавалъ онъ подданнымъ образецъ, что воздаяніе пріобрѣтается трудами, и что онъ даже низкія работы не пренебрегалъ и всему учился самъ.

Петръ Великій, начавъ службу въ сухопутномъ войскѣ съ нижнихъ чиновъ, происходилъ въ вышнія степени существенными трудами, по заслугамъ и достоинству, за баталіи и осады, при которыхъ, присутствуя особою своею, бывалъ то подчиненнымъ, то храбрымъ предводителемъ. Въ сильнѣйшемъ огнѣ съ безстрашіемъ и съ присутвіемъ духа здраваго и рѣшительнаго разсужденія, въ опасныхъ случаяхъ противъ непріятелей къ подданнымъ говоря такъ: «побѣдить или умереть славно!» Наконецъ, достигнувъ до чиновъ—сухопутной арміи до Генераль-Маіорскаго, а во флотѣ до Вице-Адмиральскаго, получалъ и обыкновенное жалованье. И когда Его Величеству оное приносили, то говаривалъ: «сіи деньги собственныя мои, а ихъ заслужилъ и употреблять могу по произволу; но съ государственными доходами поступать надлежитъ осторожно, объ нихъ долженъ я дать отчетъ Богу».

Я самъ слышалъ сіи рѣчи изъ устъ Монаршихъ.

Петръ Великій былъ истинный Богопочитатель и блюститель вѣры Христіанскія и, подавая многіе собою примѣры того, говаривалъ о вольнодумцахъ и безбожникахъ такъ: «кто не вѣруетъ въ Бога, тотъ либо съумасшедшій или съ природы безумный. Зрячій Творца по твореніямъ познавать Его долженъ».

Генераль-Полицмейстеру Деверу, доносившему о явившихся кликушахъ, приказывалъ Его Величество такъ: «кликушѣ за первый разъ

плети, за второй кнутъ, а если и за симъ не уймется, то быть безъ языка, чтобъ впредь не кликали и народъ не обманывали».

О ложно-бѣснующихся говорилъ Государь: «надлежитъ попытаться изъ бѣснующагося выгнать бѣса кнутомъ; хвостъ кнута длиннѣе хвоста чертовскаго. Пора заблужденія искоренять изъ народа».

Колико Петръ Великій не терпѣлъ суевѣрія, только, напротивъ, Божественныя почиталъ законы и чтеніе священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта любилъ. О библіи говаривалъ Его Величество: «сія книга премудрѣе всѣхъ книгъ; она учитъ познавать Бога и творенія Его и начертывать должности къ Богу и къ ближнему: разумѣть въ ней нѣкоторыя мѣста яснѣе потребно вдохновеніе свыше. Учиться небесному, отвергнуть должно земныя страсти». Въ 1716 году повелѣлъ онъ напечатать въ Амстердамѣ Библію въ листъ на Голландскомъ языкѣ, оставляя на каждомъ листу половину пустаго мѣста, для припечатанія оныхъ на Россійскомъ языкѣ подъ смотрѣніемъ Синода въ Санктпетербургѣ, дабы чтеніемъ на природномъ языкѣ Библии приучить охотниковъ и къ Голландскому, яко языку его любимому. Надобными языками для Россіи почиталъ онъ Голландскій и Нѣмецкій, а съ Французами,—говорилъ онъ,—не имѣемъ мы дѣла. Изъ духовныхъ особъ жаловалъ Государь Стефана Яворскаго, Митрополита Рязанскаго и Муромскаго, блюстителя Патриаршаго престола, да Теофана Прокоповича, Архіепископа Новгородскаго, которыхъ сочиненія и предики читывалъ, и съ ними о духовныхъ дѣлахъ бесѣдовалъ.

Его Величество, бывъ въ Парижѣ на Астрономической обсерваторіи, съ удовольствіемъ смотрѣлъ въ зрительную трубу на весь небесный сводъ и, обратясь къ бывшимъ съ нимъ Россіянамъ, съ восхищеніемъ говорилъ: «вотъ для глазъ отвертая книга чудесъ Божіихъ, которая ясно показываетъ великую премудрость Творца! Бесѣдуя тѣломъ здѣсь, право, мысля теперь тамъ! Я благодаренъ имъ, что зрѣніемъ и душою путешествовать въ безконечности съ вѣчнымъ существомъ. Совѣтовалъ бы я безбожникамъ и вольнодумцамъ учиться Астрономіи и почаще быть на обсерваторіи, когда земной шаръ недостаточенъ имъ для увѣренія и когда бродятъ по немъ слѣпо».

Государь любилъ читать лѣтописи и, собравъ ихъ довольно, нѣкогда Теофану Прокоповичу говорилъ: «когда увидимъ мы полную Россійскую исторію? Я велѣлъ перевести многія полезныя книги», а Нартову, механику своему, примовилъ: «Шлюмьера любимое искусство мое точить уже переведено, Штурмова механика».

Я видѣлъ самъ переведенныя на Россійскій языкъ книги, въ кабинетѣ у Государя лежавшія, которыя напередъ изволилъ онъ читать, и послѣ указалъ напечатать: 1) Дѣянія Александра Великаго, 2) Гибне-

рова—географія, 3) Пуффендорфа — введеніе въ познаніе Европейскихъ государствъ, 4) Леклерка — архитектурное искусство, 5) Бринкена — искусство корабельнаго строенія, 6) Кугорна — новый образецъ укрѣпленія, 7) Боресдорфа — непобѣдимая крѣпость, 8) Бланделя и Вобана — искусство укрѣпленій и еще другія книги, принадлежащія до устроенія шлюзовъ, мельницъ, фабрикъ и горныхъ заводовъ.

Безмѣрная любовь и охота Петра Великаго къ флоту и къ мореплаванію привлекали его часто въ лѣтнее время, будучи въ Петергофѣ, ѣздить на шлюпкѣ или на ботѣ въ Кронштадтъ почти ежедневно; когда же за какими-либо дѣлами не могъ побывать тамо, то забавлялся зрѣніемъ съ берега на вооруженные корабли. Въ одинъ день Государь, вышедъ изъ любимаго домика, именуемаго Монъ-Плезиръ, вынулъ изъ кармана зрительную трубку, смотрѣлъ въ море и, увидѣвъ идущіе Голландскіе корабли, Государынѣ съ восторгомъ говорилъ: «ахъ, Катинька, плывутъ къ намъ Голландскіе гости. Пусть смотрятъ учителя мастерства ученика ихъ. Думаю—не похулятъ; я зѣло имъ благодаренъ». Потомъ отправилъ тотчасъ въ Кронштадтъ шлюпку, чтобъ прибывшихъ на сихъ корабляхъ шкиперовъ привести къ себѣ. Между тѣмъ ожидалъ ихъ съ нетерпѣливостію. Часу въ десятомъ въ вечеру пріѣхали шкипера въ Петергофъ, явились прямо къ Государю и по пріятельски ему говорили:

— Здравствуй, Императоръ Питеръ!

— Добро пожаловать, шкипера.

— Здорово ли ты живешь?

— Да, благодарю Бога.

— Это намъ пріятно.

— Слушай, Императоръ Петръ! сыръ для тебя, полотно наши жены прислали въ подарокъ супругѣ твоей, а пряники отдай молодому сыну.

— Я благодарю Вамъ, сынъ мой умеръ, такъ не будетъ болѣе ѣсть пряники.

— Пускай кушаетъ твоя супруга.

Его Величество приказалъ потомъ накрыть столъ, посадилъ шкиперовъ и самъ ихъ потчивалъ. Они пили здоровье Ихъ Величествъ.

— Да здравствуетъ много лѣтъ Императоръ Петръ и Императрица супруга его. Слава Богу, мы теперь какъ дома. Есть что попить и поѣсть.

— Пріѣзжай къ намъ, Государь Петръ! мы хорошо тебя попотчуетъ. Друзья и знакомцы твои охотно тебя видѣть хотятъ; они тебя помнятъ.

«Вѣрю, поклонитесь имъ. Я, можетъ быть, еще ихъ увижу, когда здоровье мнѣ позволитъ».

При семъ спрашивалъ Его Величество, сколько времени они въ морѣ были, не было ли противныхъ штормовъ, какіе товары привезли, и что намѣрены изъ Петербурга обратно взять. И такъ пробывъ съ ними часа съ два, съ удовольствіемъ чрезвычайнымъ паки въ Кронштадтъ проводить указалъ, сказавъ при прощаніи: «завтре я вашъ гость».

Такимъ то образомъ Императоръ обходился съ Голландцами и тако пріохачивалъ чужестранцевъ ѣздить въ Петербургъ, чтобъ установить въ Россіи коммерцію моремъ.

Государь, прохаживаясь по картинной галлерей въ Монъ-Плезиръ и лбуясь на морскія картины, до которыхъ былъ великій охотникъ, остановился при одной, представляющей четыре соединенные флота: Россійскій, Англійскій, Датскій и Голландскій, которыми флотами Петръ Великій въ 1716 году командовалъ съ превеликою честію, дѣлая разныя эволюціи, яко искусный вождь и Адмиралъ, съ восхищеніемъ Вильстеру и фонъ Бруинсу говорилъ: «едва ли кто въ свѣтѣ умѣлъ повелѣвать флотами чужестранныхъ народовъ и своимъ вмѣстѣ. Я съ удовольствіемъ воспоминаю довѣренность тѣхъ державъ».

При такомъ изрѣченіи, отъ восторга видны были на очахъ его слезы. Толкое-то душа его чувствовала утѣшеніе. Сія картина сдѣлана была нарочно въ Голландіи искуснымъ живописцемъ Адамомъ Зилло, и подарена была въ томъ же году бургомистромъ Витсеномъ. Его Величество приказалъ граверу Пикарду съ оной вырѣзать на мѣди.

Въ началѣ генваря 1725 года, въ самой тотъ мѣсяцъ, когда судьбою Всевышняго опредѣленъ былъ конецъ житія Петра Великаго, и когда уже Его Величество чувствовалъ въ тѣлѣ своемъ болѣзненные припадки, все еще неутомимый духъ его трудился о пользѣ и славѣ отечества своего. Ибо сочинилъ и написалъ собственною рукою наказъ Камчатской экспедиціи, которая долженствовала провѣдывать и отыскивать мореходствомъ того, не соединяется ли Азія къ сѣверовостоку съ Америкою, отдалъ оный наказъ Генералъ-Адмиралу Апраксину, назначивъ самъ къ сему испытанію флотскаго Капитана Витуса Беринга, а въ помощь къ нему Мартына Шпанберга и Алексѣя Чирикова.

Я, будучи тогда безпрестанно при Государѣ, видѣлъ самъ своими глазами то, какъ Его Величество спѣшилъ сочинять наставленіе такого важнаго предпріятія, и будто бы предвидѣлъ скорую кончину свою. И какъ онъ былъ спокоенъ и доволенъ, когда окончилъ. Призванному къ себѣ Генералъ-Адмиралу вручивъ, говорилъ слѣдующее: «худое здоровье заставило меня сидѣть дома, а вспомнилъ на сихъ дняхъ то, о чемъ мыслилъ давно, и что другія дѣла предпріять мѣшали, т. е. о дорогѣ черезъ Ледовитое море въ Китай и Индію. На сей морской картѣ проложенный путь, называемый Аніанъ, назначенъ не напрасно. Въ послѣднемъ путешествіи моемъ въ разговорахъ слышалъ я отъ ученыхъ людей, что такое обрѣтеніе возможно. Ограда отечество безопасностію отъ непріятеля, надлежитъ стараться находить славу государству чрезъ искусство и науки. Не будемъ ли мы въ изслѣдованіи такого пути счастливыѣ Голандцевъ и Англичанъ, которые многократно покушались обыскивать береговъ Американскихъ? О семъ то написалъ инструкцію, распоряженіе же сего поручаю, Федоръ Матвѣевичъ, за болѣзнію моею твоему попеченію, дабы точно по симъ пунктамъ, до кого сіе принадлежитъ, исполнено было».

СП. ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ПЕРЕДЪ СУДОМЪ ИСТОРИИ.

(Изъ соч. Щербатова: «Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго»).

Не дерзну я слабымъ моимъ перомъ описывать великія дѣла и достойныя похвалы Петра Великаго. Величайшій къ сему надлежить имѣть разумъ и подвигъ бы мой сей былъ болѣе къ уменьшенію его славы, нежели ко умноженію оной. Гласять-его хвалы флотъ и воинства имъ заведенныя, грады построеныя, крѣпости укрѣпленныя, многія области покоренныя, просвѣщенный народъ науками и искусствами, учрежденная торговля, по кратковременности введенныя законы, гласять чужестранныя народы, удивляющіеся, какъ въ столь краткое время трудами его самого и всѣянными сѣменами имъ могла Россія изъ слабости въ силу, изъ нестройства въ устройство и изъ невѣжества въ просвѣщеніе дойти. Звучныя побѣды, которыя увѣнчали лаврами главы его наслѣдниковъ, суть плоды его трудовъ, и славу его проповѣдаютъ, всегда имя его, яко основателя, съ именами тѣхъ соединяя. Гласять его хвалу сердца російскаго народа; ибо хотя миновался тотъ родъ, который имѣлъ счастье при толь великомъ государѣ жить, но и потомки того, вѣрныя слуги отечества, съ восхищеніемъ вспоминають его великія дѣла и къ мертвому толико любви и усердія являютъ, якобы дѣйствительно онъ живъ былъ и могли бы воздаянія отъ него за усердіе свое ожидать. Свидѣтели мнѣ суть невскіе берега, градъ имъ во имя его созданный, какія чувства тогда суди, воины, граждане и всѣ прочіе стекшіеся на позорище открытія его изваяннаго образа, ощутили. Не славно ли сему ирою, когда всѣ потомки бывшихъ при немъ подданныхъ, по прочтеніи полуѣвка, узря его бездушное изваяніе, на славу его сооруженное; яко монарху, яко отцу, и яко просвѣтителю, ясныя оказанія своего усердія и благодарности принесли; и можно сказать, что слава есть Петра Великаго, яко нѣкоторая великая рѣка, которая что болѣе удаляется отъ своего начала, то пространнѣе становится. Тако уже память моя не застигнетъ, когда, излишно угождая ли или по какимъ другимъ причинамъ (ибо не можно подумать, чтобъ кто преемникъ Петра Великаго его не любилъ), монарха сего Петромъ Первымъ именовали; но само собою, безъ указу и безъ повелѣнія, имя Великаго превозмогло; и дѣти наши въ юности своей едва-ли и знаютъ, кто былъ Петръ Первый, но имя Петра Великаго купно съ благодарностію и съ удивленіемъ въ сердцахъ ихъ напечатлѣнно.

Могу ли я послѣ сего дерзнуть—какія хулы на сего монарха изречи? могу ли данное мнѣ имъ просвѣщеніе, яко нѣкоторый измѣнникъ похищенное оружіе, противу давшаго мнѣ во вредъ ему обратить? Однако прости мнѣ, великая душа! если не для охуденія твоего, но для защищенія твоего имени, осмѣлюся твои пороки изъяснить, дабы показать, коль ихъ добродѣтели превосходили; а самымъ тѣмъ поразить тѣ неблагодарныя сердца, которыя, забывъ твои благодѣянія, забывъ твои услуги къ отечеству, дерзають многія хулы на тебя изблевывать. Колико ни есть мое почтеніе къ тебѣ, но не затмить оно во мнѣ спра-

ведливости, и я потщуся испросить отъ Клии то златое перо, коимъ на наикрѣпчайшихъ мраморахъ, подъ надзираніемъ истины, она дѣла монарховъ изображаетъ. Утверждаюсь паче въ дерзкомъ моемъ предпріятіи; ибо душа твоя, бывъ одѣяна тлѣнною одеждою, часто жестока истины отъ подданныхъ своихъ вкушала, то коль наипаче, когда сія между безплотными, изрѣченныя мною истинны тебѣ не противны будутъ.

Глаголють противники сего великаго монарха: онъ былъ строгъ непомѣрно, любилъ казни и пролітіе крови и, не разбирая ни роду, ни чиновъ, уподлялъ себя бѣніемъ окружающихъ его; онъ сына своего смерти предалъ; онъ въ любострастіе и въ роскошь ввергался; онъ самовластіе до крайности распростиралъ.

Се ваши хулы! Разсмотримъ же непристрастнымъ окомъ всѣ сіи пороки, о коихъ не могу отречись, чтобъ много ли, иль мало ихъ въ немъ не было. Но рассмотримъ, сообразя съ обстоятельствами времени, какъ въ разсужденіи тогдашнихъ умоначертанія россиянь, въ разсужденіи тогдашнихъ обстоятельствъ и нравовъ, такъ и въ разсужденіи намѣреній Петра Великаго; и, можетъ статья, мы увидимъ, что не всѣ сіи пороки въ немъ врожденные и вкорененные были, что ко многимъ являющимся нынѣ намъ порочнымъ поступкамъ былъ онъ побужденъ обстоятельствами, что нѣкоторые тогда и пороками не считались, что нѣкоторые отъ тогдашнихъ грубыхъ нравовъ и отъ воспитанія произошли, а наконецъ есть и такіе, коими сей великій государь платилъ дань человечеству. Пороки тѣмъ виднѣе въ немъ, что они, бывъ сопряжены съ великими добродѣтелями и дѣлами, яко на высотѣ поставленные, явнѣе становятся. Но какъ въ каждомъ пороки есть пороки, то и въ семь благодѣтелъ Россіи онъ свойства своего не перемѣняетъ, а токмо нѣсколько заглаживается великими его дѣлами.

Россія, не очень давно освободившаяся отъ раздоровъ и бунтовъ, сохраняла еще ту жестокость, которая отъ междоусобій рождается. Казни смертныя, пытки, убійства были обыкновенны въ Россіи. Петръ Великій при такомъ умоначертаніи воспитанъ былъ и насилу началъ познавать самъ себя, — се новые бунты въ Россіи возгорѣлись. Самая жизнь юнаго государя къ опасности подвергнута была въ первый бунтъ стрѣлецкій, и младыя его очи, начинающія съ разсудкомъ вокругъ себя обозрѣвать, зрели люющеюся кровь своихъ родственниковъ и вѣрныхъ слугъ Нарышкиныхъ, Матвѣева, Языкова и другихъ; остатокъ времени его младенчества въ таковыхъ же страхахъ и кровавыхъ позорищахъ было препровождено: то сіе и самому мягкосердному человѣку не вложить ли нѣкоторую суровость, и среди токовъ крови принужденный жити человѣкъ не пріучитъ ли себя безъ трепету на нихъ взирать? Увы! се есть судьба рода человеческого, что привычка многое надъ нимъ дѣйствіе имѣетъ. Въ Америкѣ безъ жалости жертвовали людей, въ Вавилонѣ и въ Дафинѣ прелюбодѣяніе добродѣтелию почиталось; а въ Индіи и нынѣ суровство къ себѣ самому и отвратительное извуреніе святостію считается. То не сумнительно есть, что таковыя обстоятельства вложили въ сердце младаго государя нѣкоторый духъ суровости, который, примѣшавшись къ твердому его желанію оставить правосудіе, къ горячему правосудію докончить имъ начатое полезное, иногда могъ изъ мѣры выходить.

Возьмемъ на умоначертаніе и на состояніе Россіи. Вельможи и весь народъ погруженъ былъ въ суевѣріе и всѣ другіе народы толь погаными считалъ, что за грѣхъ почиталъ съ кѣмъ неединовѣрцомъ имѣть какое сообщеніе, не токмо, чтобы хотѣть что полезное для отечества отъ нихъ перенять. Бояре были горды, суевѣрны, не сообщительны; мѣстничество было хотя уничижено, но въ сердцахъ ихъ пребывало въ своей силѣ, по коему непривязанные по древнему родству съ государями, или по знатности роду преимущество имѣли, но происшедшіе случаемъ не токмо сами надъ знатнѣйшими себя начальствовали, но предпочтеніе сіе и потомству своему прелagали купно съ наслѣдіемъ, превышать не токмо другіе роды, но и съ незнаніемъ дѣла государственныя исполнять. Лѣность, увалчивость, привязанность къ домамъ крѣпко вкоренились, а загрубѣлость и привязанность ко всѣмъ старымъ обычаямъ яко естественное положеніе въ нихъ учинилось. Не было порядочныхъ войскъ, но земскія собирались, худо вооруженныя, еще хуже устроенныя да и тѣ никогда всѣ не собирались. Хотя и были стрѣльцы, недавно заведенные; но сіи изъ земскихъ людей набранные и родами ведущіеся при началѣ своемъ имѣли всѣ пороки турецкихъ янычаръ, не имѣвъ ихъ храбрости. Такъ какъ и они были сварливы, безпокойны и неповиновенны начальникамъ своимъ, вступя въ торги и промыслы, такъ какъ и янычары не имѣли уже никакого попеченія о должности по званію своему: однимъ словомъ, не устроенныя сіи войска не были страшны непріятелямъ, но опасны были государямъ.

Не было въ Россіи наукъ и не токмо побужденія, но паче было отвращеніе что познать; ибо познаніе сіе надлежало почерпнуть отъ чужестранныхъ народовъ, а народъ нашъ и самихъ, ихъ языки и все, отъ нихъ происходящее, нечистымъ и богопротивнымъ почиталъ. Искусство и руководія не въ лучшемъ были состояніи; не было ни фабрикъ, ни ремеслъ, а что и было—и то находилось въ крайнемъ несовершенствѣ.

Не было ни внутренней, ни внѣшней торговли. Внутренней отъ того, что не было довольнаго истребленія вещей, ибо каждый отъ своихъ произведеній жилъ; и не было ремеслъ, ибо не знали и не могли хотѣть многихъ вещей, которыя Петромъ Великимъ введены и нужны учинились. А внѣшней отъ того, что никакихъ обстоятельствъ чужестранныхъ не знали и не было портовъ, окромѣ города Архангельскаго, которымъ, яко господа, равно какъ и торговлею, англичане владѣли.

Наконецъ доходы государственные толь были малы, что едва-ли восходили до милліона, да и прибавить ихъ по малому обращенію денегъ и по недостатку торговли не на кого было.

При такихъ обстоятельствахъ возможно ли было льстить себя, яко нѣкоторые нынѣ мудрствуютъ, чтобы Россія, хотя не толь скоро, однако бы не весьма поздно и не претерпѣвъ ущерба, если бы Петръ Великій и не употребилъ самовластия, могла достигнуть не токмо до такого состоянія, въ какомъ нынѣ ее зримъ, но и въ вѣдшее добро. Кто воззрять на вышеписанное безпристрастное начертаніе, тотъ ясно увидитъ, чтобы надлежало многимъ вѣкамъ протечи прежде, нежели бы Россія могла отвергнуть свои предубѣжденія, получить надлежащее въ военныхъ дѣлахъ устройство, просвѣтиться науками и установить торговлю, да и то при такихъ обстоятельствахъ, если бы государи всегда

тому способствовали, и сосѣди бы ея не воспрещали ея возвеличенію.

Сказавъ такимъ образомъ общія обстоятельства для вѣщаго испроверженія большей части охуленій, возлагаемыхъ на Петра Великаго, и дабы показать, что самая истина перо мое направляетъ, забываю на сей часть его ко мнѣ благодѣянія, которыя чрезъ просвѣщеніе, введенное имъ, я ощущаю, и вступаю къ подробному показанію его пороковъ. Дабы сохранить нѣкоюмъ образомъ время-исчислительной порядокъ въ оныхъ, начну я съ бунта стрѣльцкаго. Когда по утишеніи онаго стрѣльцы уже были взяты подъ стражу, когда темницы наполнились сими преступниками, покушающимися на жизнь законнаго своего государя, тогда по сугубомъ прежнихъ ихъ бунтовъ прощеніи, младый, строгій въ суровствѣ и среди изліянія крови воспитанный самодержавный государь не употребилъ азіатскаго самовластія, чтобы безъ суда ихъ истребить, но опредѣлилъ вѣрныхъ бояръ изслѣдовать ихъ дѣла, а какъ всѣ они, кромѣ малаго числа, нашлись виновными, то и смерти безъ пощады всѣхъ и осудилъ. Они были единые казнены на площади, и не токмо палачи, но и самъ государь и бояре многіе, государемъ бывъ принуждены, имъ головы рубили. Другіе были повѣшены на городскихъ зубцахъ, а нѣкоторые на зубцахъ стѣнъ Дѣвичья монастыря и въ самыхъ окошкахъ кельи, куда была заключена царевна Софія, сестра Петра Великаго, начальница всѣхъ сихъ возмущеній. Множество охулительныхъ жестокостей и многое похвалы достойное я въ семъ ужасномъ начертаніи обрѣтаю; но дабы не причли мнѣ въ мерзкую лесть, что въ оправданіе скажу, я потщуся, не закрывая все, что ужасное нахожу—изъяснить. Семь тысячъ человекъ вдругъ смерти предаются. Самъ монархъ обагрываетъ недостойнымъ себя дѣяніемъ священныя руки кровію поданныхъ своихъ, и среди палачей зрится *); звантѣйшіе бояре, къ тому же принужденные, дрожащими руками тоже исполняютъ, огорчаются, что толь мерзкую должность принуждены исполнять, а вкушающихъ смерть мученье усугубляется. Сестра хотя преступница, но есть сестра, дочь царя Алексѣя Михайловича, не токмо строго заключена въ Дѣвичьемъ монастырѣ, но принуждена, можно сказать, жить среди мертвецовъ, ежечасно должна мучиться взираніемъ на нихъ, и обонять смрадъ, отъ тѣлъ ихъ происходящій.

Сію, думаю, изображеніе не покажется никому лестнымъ. Но воззримъ, что въ казни сей стрѣльцкой было похвальное и простительное, и что отъ чего происходило. Сказалъ я, что могъ и единственнымъ своимъ приказаніемъ повелѣть безъ суда умертвить всѣхъ стрѣльцовъ; но и въ семъ случаѣ былъ произведенъ толь справедливый судъ, что хотя мало могущія оправдаться были отъ смертной казни освобождены; и не токмо освобождены, но нѣкоторые начальники ихъ, участвовашіе въ семъ бунтѣ, когда начали изъяслять свою вѣрность государю, награжденія получили, яко то были два брата Толстыхъ, которые наконецъ загладили свое по младости преступленіе, и наконецъ подпорами отечеству

---

* Это показаніе Гваріента и Борба сомнительно; оно не подтверждается ни современными документами, ни другими достовѣрными писателями. (См. Исторію царствованія Петра Великаго, соч. Устрялова, т. III, стр. 407).

и вѣрными подданными государя своего были. Взвѣсивъ на состояніе стрѣльцовъ, на частыя ихъ повторяемыя бунты, не могъ младшій государь никогда ожидать, чтобы сіи люди могли спокойны остаться и чтобы ихъ безпокойствами власть его не была поколеблена, а паче имѣя уже намѣреніе учинить во всѣхъ частяхъ въ государствѣ, а особливо въ военномъ расположеніи (чтобы ихъ чувствительнѣе огорчило), великія перемѣны, не могъ надѣяться до сего достигнуть, пока хотя малое число сихъ безпокойныхъ людей въ живыхъ останется, чего ради и рѣшился на толь суровое дѣло. Признаю, что труднѣе оправдать дѣянія самого государя, бывшаго среди палачей, казнящаго своими руками своихъ подданныхъ, и знатныхъ бояръ къ тому принуждающаго. Но какую мы жестокость не припишемъ сему монарху, разумъ у него отнять не можемъ; а если мы оставимъ ему сіе, то и не можемъ подумать, чтобы къ такому дѣянію онъ безъ политической какой причины приступилъ. Сокрыты отъ насъ и тогдашнимъ молчаніемъ, и временемъ сіи царскія тайны, но потщимся догадками до сего достигнуть. Голицыны, Толстые, Хованской были соучастники симъ бунтамъ, то не имѣлъ ли еще нѣкоего подозрѣнія государь и на другихъ бояръ, которыхъ симъ поступкомъ восхотѣлъ учинить собственно ихъ особами участниками сей казни, и руки ихъ обмочить въ крови сихъ преступниковъ, дабы остающимся невѣдомыхъ ихъ соучастниковъ живыхъ на сихъ бояръ сумнѣніе подать. Не хотѣлъ ни по выбору къ сему жестокому дѣлу употребить, дабы тѣ явно не открыты были, что есть на нихъ сумнѣніе; сего ради безъ разбору и другимъ тоже велѣлъ исполнять, а дабы самою жестокою сею должностію и никого не огорчить, самъ безчестное для себя на себя отчасти дѣло пріялъ.

Все сіе оправданіе, я признаюся, что есть весьма слабо въ разсужденіи оказанной жестокости. Но отнесемъ притомъ сіе къ тѣмъ суровымъ временамъ, отнесемъ къ худому воспитанію, отнесемъ ко привычкѣ къ крови; и узримъ что то, что теперь наижесточайшій тиранъ въ Европѣ постыдится учинить, то тогда въ Россіи могло простиительно казаться, въ Россіи, гдѣ и должность палача не была безчестна и гдѣ и наказанный палачемъ могъ опять въ чины и въ должности выходить.

Не могу я никакимъ образомъ оправдать вышепоказанной поступокъ, учиненный имъ съ сестрою его царевною Софіею. Нельзя ее оправдать, чтобы она не была преступница противу вышней власти, чтобы она не была злодѣйка брату своему и государю, чтобы не она была причиною множества проліянной крови, какъ во время бунта, такъ и послѣ бунтовъ въ наказаніе за оныя. Но она была его сестра, ему однокровная; заключеніе ея отнимало у нея всѣ способы ухищренія свои къ возмущенію Россіи употреблять, но надлежало-ль жизнь ея тягостнѣе смерти сдѣлать? Надлежало-ль и видѣніемъ и обоняніемъ мертвыхъ тѣлъ, при засыпаніи, при возбужденіи и во все время ея пребыванія, ее тихимъ, но мучительнымъ образомъ терзаты! Признаемъ всѣмъ, что жестокъ былъ Петръ Великій, но возложимъ отчасти сію жестокость на время, въ которое онъ родился, на обстоятельства и на образъ, коимъ онъ воспитанъ былъ. Говоря о оказанной жестокости имъ съ его сестрою, прилично здѣсь сказать о жестокости его съ его сыномъ. Сына, рожденнаго отъ крови своей, строгостями своими принудить къ бѣгству, возвратя повелѣтъ его судить, истязать его и, ежели

то правда, яко послѣдняго подданнаго казнить. Се есть жестокость, имѣющая мало примѣровъ въ исторіи.

Но дабы судить о вещахъ съ тою справедливостію, каковую требует исторія, каковую должны мы воздавать монархамъ, и монархамъ благодѣтельствующимъ насъ, надлежитъ не по первому воззрѣнію суды свои располагать, но войти во всѣ обстоятельства дѣла. Царевичъ Алексѣй Петровичъ былъ невеликаго разума, тайный противникъ всѣмъ изволеніямъ и учрежденіямъ своего родителя и привязанный твердо къ старымъ обычаямъ. Напротиву того, Петръ Великій, ощущая уже пользу своихъ установленій, вида, что уже успѣхи увѣнчиваютъ его труды, не словами, но дѣломъ любителей своего отечества и блаженства своего народа, для коего онъ толико разъ къ опасности подвергался, яко въ самомъ своемъ письмѣ къ сему сыну своему изъясняется,—зрѣлъ въ немъ наигоршаго непріятели, каковаго онъ и отечество могутъ имѣть, зрѣлъ въ немъ разрушителя всѣхъ его учрежденій, подпертаго всѣми тѣми, которые еще любили древніе обычаи, а таковыхъ множество было; долго старался онъ его къ мыслямъ своимъ обратить, вложить въ него чувства, что подвиги его суть полезны, но не имѣя успѣху въ семъ, отрѣшилъ его отъ наслѣдія. Но самое сіе и показывало ему, что сей способъ нѣсть доволенъ для утвержденія его учрежденій и блага отечества, ибо имѣя и духовный чинъ, и множество бояръ единомышленниками себѣ, какое бы отреченіе могло послѣ смерти его воспретить на престолъ возвести? какая бы толь твердая могла его такъ удержать, чтобы врата его не разрушены были? а возведеніе его не токмо угрожало вверженіемъ Россіи въ прежнее ея непросвѣщеніе и слабость, но еще и междуусобною войною, рѣшился яко до крайности простирающій всѣ свои страсти, каковую онъ имѣлъ и къ отечеству своему неперемолвимымъ образомъ, осужденіемъ его на смерть, а можетъ быть и казнью сію опасность прекратить. Страшный примѣръ, зримый токмо нами въ Юніи Брутѣ, примѣръ, показующій жестокость обычая; но главности его не суть охудительны.

Сказалъ уже я выше о обвиненіи, что Петръ Великій, не разбирая ни роду, ни чиновъ, бивалъ приближающихъ къ нему. Не можетъ сіе въ нашихъ обычаяхъ, имъ же введенныхъ, не странно показаться, и многіе изъ насъ, конечно, восхотятъ скорѣе смертную казнь претерпѣть, нежели жить послѣ палокъ и плетей, хотя бы сіе наказаніе и священными руками и подъ очами Божія помазанника было учинено. Всякій вѣкъ имѣетъ свои нравы, а вѣкъ тотъ, который засталъ Петръ Великій и съ воспитанными въ коемъ людьми жилъ, былъ таковъ, что побой не инако, какъ по болѣзни, почитали, не считая ихъ себѣ въ безчестіе, хотя бы тѣ и кацкими *) руками были учинены. Колико находимъ мы въ разрядныхъ книгахъ, что инога висѣшки плетью, отсылали къ тому головою, съ кѣмъ мѣстничался, или инога за какое неисполненіе приводили подъ висѣлицу и били чрезъ кацкія руки по щокамъ; именъ я ихъ не поминаю, дабы не сдѣлать огорченія потомкамъ ихъ, но всѣ, которые хотя малое знаніе имѣютъ въ російскіяхъ древностяхъ, въ истинѣ сей согласятся. А однако сіи тогда наказанія не

*) Катъ—палачъ.

безчестили, и они по прежнему въ чины и должности употреблялись. То удивительно ли есть, что Петръ Великій, послѣдуя горячему своему обычаю, иногда съ такового воспитанія людьми, самъ воспитанію своему уступалъ? Они сами, претерпѣвшіе такіа наказанія, свидѣтели мнѣ суть, ибо мнѣ еще удалось многихъ изъ нихъ знать: былъ ли хотя одинъ, который бы за сія побои пожаловался на Петра Великаго, или бы устыдился объ оныхъ сказать, или бы имѣлъ какое озлобленіе на него? но всѣхъ паче видѣлъ исполненныхъ любовію къ нему и благодарностію; а сіе и доказуетъ, что сей поступокъ не въ порокъ особѣ Петра Великаго должно приписать, но въ порокъ умоначертанію тогдашняго времени. Не довольно сего; тѣ, которые толь въ укоризну Петру Великому сей поступокъ проглашаютъ, разсмотрѣли ли, кого онъ такимъ образомъ наказывалъ? Или тѣхъ, коихъ изъ праху возвелъ на великія степени, или младыхъ людей, часто исполненныхъ пороками, да и симъ обидѣ часто сіи наказанія замѣнялись вмѣсто жесточайшихъ наказаній, которыя бы они по закону заслуживали. Но вельможи сановитые, яко князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукій, часто съ грубостію, ему противорѣчущій, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, князь Михайло Михайловичъ и князь Дмитрій Михайловичъ Голицыны, многаяжды противящіеся его изволеніямъ, никогда такого наказанія не претерпѣли. И тако лучше удивитесь, охулителі Петра Великаго, мужа нравомъ горячаго, воспитаннаго въ такомъ вѣкѣ, въ коемъ побои, учиненные вельможѣ, за безчестіе не считались, что онъ съ терпѣньемъ свесъ отъ князя Долгорукова раздраніе подписаннаго имъ протокола: что не наказалъ за не подписаніе Шереметевымъ суда царевича, и сказавшаго ему въ отвѣтъ: «служить своимъ государямъ, а не судить его кровь—моя есть должность»; не послушавшаго его при взятіи Шлюсельбурга князя Голицына, учинящаго отвѣтъ: «вѣсть въ твоей волѣ, но въ волѣ Божіей есть»; исправившаго мысли государевы князя Дмитрія Михайловича Голицына, принудившаго превосходныя доброты сочиненіемъ камеръ-коллежскаго регламента уничтожить тотъ, что самъ Петръ Великій начерталъ. Яко человѣку, все сіе не могло ему прискорбія не нанести, но яю прой, уступая свою пользу пользѣ государства и видя искренность сердца изящныхъ сихъ своихъ услугъ, не токмо чѣмъ ихъ наказалъ, но паче милостями осыпалъ.

Крѣпость тѣлесная и горячая кровь чинила его любострастна. Колько сіе ни есть естественное побужденіе, колико ни есть монарховъ, которые оной не стыдятся; но я не могу ея не почесть порокомъ, отъ котораго желательно бы было, чтобы сей великій мужъ воздержался—тѣмъ наипаче, что ни обычаи, ни примѣры его страны въ семъ его оправдать не могутъ; и можетъ быть, что онъ свершилъ расположеніе свое къ сей страсти путешествіями своими въ чужіе края, примѣрами, которые онъ тамъ видѣлъ и слышалъ. Но со всѣмъ тѣмъ думаю, чтобъ любострастіе его не имѣло такой силы надъ нимъ, если бы въ первой своей супругѣ нашелъ себѣ сотоварища и достойную особу; но, не имѣя сего, неудивительно есть, что, возненавидя ее, самъ въ любострастіе свергнулся. Но воззримъ и въ семъ случаѣ на его поступокъ, узримъ ли мы, чтобъ сіа страсть, которая толь многими овладѣла, которая Геркулеса заставила прастъ у Омфалы, которая Помпея и Антонія погубила, когда-нибудь отвлекла его отъ трудолюбія, должности, или пра-

... в том, что он не был способен к самостоятельному мышлению, а лишь перенимал чуждые ему взгляды и суждения. Он не имел ни малейшего понятия о том, что такое закон, и не понимал, что такое справедливость. Он был способен только на то, чтобы подражать другим, и в этом смысле он был похож на обезьяну. Он не имел ни малейшего понятия о том, что такое долг, и не понимал, что такое ответственность. Он был способен только на то, чтобы подражать другим, и в этом смысле он был похож на обезьяну. Он не имел ни малейшего понятия о том, что такое закон, и не понимал, что такое справедливость. Он был способен только на то, чтобы подражать другим, и в этом смысле он был похож на обезьяну.

Итак Петр Великий в возмущенной злобы к своему народу не только не находил в нем достойного ополчения, как это действительно и есть, но еще и хотел на него смотреть, снисходя в равенство к подданным своим, сам изыскивая повод и другие поводы. Первое показало нежелательность, а другое охотительное самовластие. Но не одиножды я предлагал правило, что есть разные времена и суть разные нравы и обычаи, смотря на которые и должно не только такового великого мужа, но и прикладного человека судить. А сн самим нравы и были таковыя не только въ Россіи, но почти и во всехъ странахъ, гдѣ сей государь для просвѣщенія своего народа путешествовалъ. Но гдѣ во время военныхъ и пиршествъ лишнее пивали, чиня сіе, яко знакъ удовольствія. То можно ли, яко непростительное дѣло, охотить сіе въ своемъ государствѣ, когда подражалъ онъ въ томъ всей Европѣ тогдашнимъ обычаямъ, съ тою особенностію, что низлагалъ съ себя и пышность царскую и снисходилъ къ подданнымъ своимъ, съ ними не яко ихъ монархъ, но яко равный воссиялъ, подавая имъ способъ въ семь случаѣ

всѣ истины ему говорить и дружески съ нимъ обходиться. И конечно, если всякое упиваніе есть зло, но чинимое имъ снисхожденіе, можно сказать, нѣкоимъ образомъ сіе зло исправляетъ; а сверхъ того сіе не толь его занимало, чтобы хотя малую остановку въ дѣлахъ приключить могло, яко свидѣтельствуя то превыше, кажется, силъ человѣческихъ исполненныя имъ дѣла. Къ тому же, можетъ статься, что онъ въ семь поступкѣхъ и сугубый имѣлъ предметъ; познавалъ въ пьянствѣхъ и враждующихъ между собою вельможей, а чрезъ самое сіе бралъ свои осторожности, чтобы не быть обмануту навѣтами единыхъ на другихъ, и безъизвѣстно ему было, что много еще было такихъ, которые о старыхъ обычаяхъ сожалѣли, и многіе были ему недоброхоты, то симъ способомъ и мысли ихъ онъ тшилъ познавать, и остерегаться отъ поставляемыхъ ему мрежей. И се, можетъ статься, была причина, что не токмо знатнѣйшихъ бояръ нѣкоимъ родомъ самовластия упиваться принуждалъ, но иногда и женщинъ поилъ. Жестокое дѣло, но по обстоятельствамъ, можетъ быть, тогдашнимъ необходимо ему было.

Наконецъ обвиненіе его въ неумѣренномъ самовластіи видѣ истины имѣть. Онъ перемѣнилъ всѣ порядки; принудилъ одѣваться инако, нежели прежде былъ обычай; принудилъ выбрить бороды; наложилъ налоги, записалъ дворянъ въ службу не по срокамъ, но навсегда; взявъ дѣтей, послалъ учиться разнымъ наукамъ и мастерствамъ. Вотъ сильныя знаки самовластия. Но да воззрять охуляющіе въ семь Петра Великаго—гѣ, кои отъ самовластия сего получили и самое то довольное просвѣщеніе, чтобы самовластіе сіе охулить: возмогъ ли Петръ Великій достигнуть до намѣряемыхъ имъ поправленій безъ оказанія самовластия? Отмѣннымъ образцомъ сшитое платье хотя ничего не знаменуетъ, но оно отнимало различіе между россіянами и чужестранными, которые нужны ему были, а коихъ россійскій народъ ненавидѣлъ. Бритіе бородъ также чинило россіянъ сходственныхъ на другіе изученные европейскіе народы и отнимало у нихъ предубѣжденіе, якобы всѣ, неимѣющіе бородъ, поганы были; а къ тому же и истребляло родъ ереси антропоморфитовъ, которая по незнанію вкоренена была. Не могъ онъ ввести въ порядокъ, не сдѣлавъ нѣкоторыя знатныя перемѣненія во всемъ правительствѣ. Не могъ онъ распространить торговли безъ пріобрѣтенія портовъ, а пріобрѣтеніе портовъ не могъ получить безъ войны, а потому порядочныя войска для защищенія государства и для пріобрѣтенія странъ необходимо нужны были, а порядочныя войска не могли завестися, если останется земская служба по малымъ срокамъ располагаемая, если бы дворяне не вступали съ нижнихъ чиновъ въ службу, и гѣмъ чрезъ собственное свое испытаніе не пріобрѣтали въ ней нужное искусство, не имѣли бы порядочнаго на заслуги или по старшинству произвожденія, и не обязаны бы были служить всегда, а не посрочно. Произведеніе войны и сооруженіе флота требуютъ денегъ, ихъ весьма было мало; коммерція почти ничего не приносила, и не взирая на всю умѣренность въ собственномъ житѣ сего государя, онъ почти всегда въ нихъ нужду ощущалъ; то умноженіе денежныхъ налоговъ совершенно нужно было, разумѣя чрезъ сіе сей великій государь, что хотя обстоятельства государства требовали сей тягости народа, тогда почти несносной для него, но предвидя, что размноженіе торговли, заведеніе мануфактуръ и ремесль и умноженіе обращенія денегъ наконецъ сіи налоги нетягостны учинять, что

въ самомъ дѣлѣ и исполнилось. Надлежало ввести просвѣщеніе въ Россію, то чѣмъ лучше можно было ввести его, какъ посылкою благородныхъ юношей для наученія не токмо наукамъ, военному искусству, но и самымъ ремесламъ, показуя, что вѣсть ничего подлаго, что къ пользѣ отечества можетъ послужить; и простершій самъ монархъ къ скипетру рожденныя въ работу руки, не могъ ли требовать, чтобъ подданные его ему подражали? Все сіе онъ учинилъ самовластнымъ образомъ, не спрашивая совѣта ни отъ кого; да отъ кого ему было его и спрашивать? Предложить ли учинить перемѣны въ правленіи убѣжденнымъ людемъ въ его пользѣ и пользующимся непорядками онаго, а не чувствующимъ пользѣ, которыя могутъ произойти? предложить ли ему сообщеніе съ чужестранными народами тѣмъ, которые за грѣхъ сіе считали? предложить ли наложеніе податей тѣмъ, которые тѣмъ лишались многихъ своихъ правъ, подвергались во многіе труды и лишались подданныхъ своихъ, которыхъ должны были въ рекруты отдавать? предложить ли посылку юношей въ чужіе края, когда отцы и матери не токмо сему противны были неумѣренною привязанностію къ дѣтямъ своимъ, и по самому суевѣрію, думая, якобы осквернятся пребываніемъ не съ единовѣрными, тому противны были. И тако не съ кѣмъ было Петру Великому совѣтовать, то имѣлъ онъ право, по великимъ своимъ расположеніямъ и по мудрому предвидѣнію, самовластно то повелѣвать.

Но воззримъ на Петра Великаго въ другихъ дѣлахъ, гдѣ не настояла такая нужда. Учинилъ ли онъ въ рѣшеніи дѣлъ, которыя самъ рѣшилъ, по какому пристрастію кому несправедливость? Не равно ли послѣдняго подданнаго съ наилучшими своими вельможами судилъ? Не вкушалъ ли онъ при рѣшеніи дѣлъ грубыя ему учиненныя противорѣчія, и не соглашался ли всегда на истину, не гнѣваяся за грубость? Когда учинилъ ощутительны полезныя свои установленія, не далъ ли сенату указу: не принимать самыхъ его повелѣній, когда противны государственной пользѣ онѣ будутъ, или противурѣчительны другимъ законамъ. Не совѣтовалъ ли онъ всегда со своимъ сенатомъ, и не побуждалъ ли ему самую истину говорить? Понеже никто всѣхъ сихъ справедливостей откинуть не можетъ, и потому и ясно есть, что нужда его заставляла быть деспотомъ, но въ сердцѣ онъ имѣлъ расположеніе и, можно сказать, вліянное познаніе взаимственныхъ обязательствъ государя съ подданными.

Се слабое мое перо кратко начертало пороки и добродѣтели сего благодѣтеля Россіи; направляемо бывъ истинною по силѣ своей изобразило его пороки и проступки съ показаніемъ, колико онъ къ своимъ обстоятельствамъ, умоначертаніемъ, обычаями того времени и воспитаніемъ былъ побуждаемъ.

СІV. ОЦѢНКА РЕФОРМЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Изъ «Записки о древней и новой Россіи», Карамзина).

Вообще царствованіе Романовыхъ, Михаила, Алексѣя, Феодора, способствовало сближенію Россіянъ съ Европою, какъ въ гражданскихъ

учрежденіяхъ, такъ и въ правахъ, отъ частыхъ государственныхъ сношеній съ ея дворами, отъ принятія въ нашу службу многихъ иноземцевъ и поселенія другихъ въ Москвѣ. Еще предки наши усердно слѣдовали своимъ обычаямъ: но примѣръ начиналъ дѣйствовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верхъ надъ старымъ привыкомъ въ воинскихъ уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія или ученія, въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи; ибо нѣтъ сомнѣнія, что Европа отъ XIII до XVII вѣка далеко опередила насъ въ гражданскомъ просвѣщеніи. Сіе измѣненіе дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ и насилія: мы заимствовали, но какъ бы нехотя, примѣняя все къ нашему и новое соединяя съ старымъ.

Явился Петръ. Въ его дѣтскія лѣта самовольство вельможъ, наглость стрѣльцовъ и властолюбіе Софіи напоминали Россіи несчастныя времена смутъ боярскихъ; но великій мужъ созрѣлъ уже въ юношѣ и мощною рукою схватилъ кормило государства. Онъ сивозъ бури и волны устремился къ своей цѣли, достигъ,—и все перемѣнилось.

Свою цѣлю было не только новое величіе Россіи, но и *совершенное* присвоеніе обычаевъ Европейскихъ... Потомство воздало усердную хвалу сему безсмертному государю и личнымъ его достоинствамъ, и славнымъ подвигамъ. Онъ имѣлъ великодушіе, проицаніе, волю непоколебимую, дѣятельность, неутомимость рѣдею. Исправилъ, умножилъ войско, одержалъ блестящую побѣду надъ врагомъ искуснымъ и мужественнымъ; завоевалъ Ливонію, сотворилъ флотъ, основалъ гавани, издалъ многіе законы мудрые, привелъ въ лучшее состояніе торговлю, рудокопни; завелъ мануфактуры, училища, Академію, наконецъ поставилъ Россію на знаменитую степень въ политической системѣ Европы. Говоря о превосходныхъ его дарованіяхъ, забудемъ ли почти важнѣйшее для самодержцевъ: дарованіе употреблять людей по ихъ способностямъ? Полководцы, министры, законодатели не рождаются въ такое или такое царствованіе, но единственно избираются; чтобы избрать, надобно угадать; угадываютъ же людей только великіе люди, и слуги Петровы удивительнымъ образомъ помогали ему на ратномъ полѣ, въ Сенатѣ, въ Кабинетѣ. Но мы, Россіяне, имѣя предъ глазами свою Исторію, подтвердимъ ли мнѣніе несвѣдущихъ иноземцевъ и скажемъ ли, что Петръ есть творецъ нашего величія государственнаго? Забудемъ ли князей Московскихъ: Іоанна I, Іоанна III, которые, можно сказать, изъ ничего воздвигли державу сильную и, что не менѣе важно, учредили въ ней твердое правленіе единовластное? Петръ нашелъ средство дѣлать великое, князья Московскіе приготовляли оное, и, славя славное въ семь монархѣ, оставимъ ли безъ замѣчанія вредную сторону его блестящаго царствованія?

Умолчимъ о порокахъ личныхъ; но сія страсть къ новымъ для насъ обычаямъ преступила въ немъ границы благоразумія. Петръ не хотѣлъ вникнуть въ истину, что духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ, подобно физическому, нужное для ихъ твердости. Сей духъ и вѣра спасли Россію во время самозванцевъ; онъ есть ничто иное, какъ привязанность къ нашему особенному, ничто иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству. Искоренная древніе нравы, представляя ихъ смѣшными, глупыми, хвала и ввоя иностранцы, государь Россіи унижалъ Россіянъ въ собственномъ ихъ сердцѣ.

Презрѣніе къ самому себѣ располагаетъ ли человѣка и гражданина къ великимъ дѣламъ? Любовь къ отечеству питается сими народными особенностями, безгрѣшными въ глазахъ космополита, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго. Просвѣщеніе достохвально, но въ чемъ состоитъ оно? Въ знаніи нужнаго для благоденствія. Художества, искусства, науки не имѣютъ иной цѣны. Русская одежда, пища, борода не мѣшали заведенію школъ. Два государства могутъ стоять на одной степени гражданскаго просвѣщенія, имѣя нравы различныя. Государство можетъ заимствовать отъ другаго полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе незаконное и для монарха самодержавнаго. Народъ, въ первоначальномъ завѣтѣ съ вѣнценосцами, сказалъ имъ: «Блюдите нашу безопасность внѣ и внутри, наказывайте злодѣевъ, жертвуйте частію для спасенія цѣлаго», но не сказалъ: «противоборствуйте нашимъ невиннымъ склонностямъ и вкусамъ въ домашней жизни». Въ семъ отношеніи государь, по справедливости, можетъ дѣйствовать только примѣромъ, а не указомъ.

Жизнь человѣческая кратка, а для утвержденія новыхъ обычаевъ требуется долговременность. Петръ ограничилъ свое преобразование дворянствомъ. Дотоле, отъ сохи до престола, Россіяне сходствовали между собою нѣкоторыми общими признаками наружности и въ обыкновеніяхъ. Со временъ Петровыхъ высшія стелени отдѣлились отъ нижнихъ, и Русскій земледѣлецъ, мѣщанинъ, купецъ увидѣлъ Нѣмцевъ въ Русскихъ дворянахъ, во вреду братскаго, народнаго единодушія государственныхъ состояній.

Въ теченіи вѣковъ народъ обыкъ чтить бояръ, какъ мужей ознаменованныхъ величіемъ, поклонялся имъ съ истиннымъ уничиженіемъ, когда они съ своими благородными дружинами, съ азіатскою пышностію, при звукѣ бубновъ, являлись на стогнахъ, шествуя въ храмъ Божій, или на совѣтъ къ Государю. Петръ уничтожилъ достоинство бояръ, — ему надобны были министры, канцлеры, президенты! Въмѣсто древней славной Думы явился Сенатъ, вмѣсто Приказовъ—Коллегіи, вмѣсто дьяковъ—секретари и проч. Та же бессмысленная для Россіянъ перегибна въ воинскомъ чиновачаліи: генералы, капитаны, лейтенанты изгнали изъ нашей рати воеводъ, сотниковъ, пятидесятниковъ и проч. Честію и достоинствомъ Россіянъ сдѣлалось подражаніе.

Семейственныя нравы не укрылись отъ вліанія царской дѣятельности. Вельможи стали жить открытымъ домою; ихъ супруги и дочери вышли изъ непроницаемыхъ теремовъ своихъ; балы, ужины соединили одинъ полъ съ другимъ въ шумныхъ залахъ; Россіянки перестали краснѣть отъ нескромнаго взора мужчинъ, и Европейская вольность заступила мѣсто азіатскаго принужденія. Чѣмъ болѣе мы успѣвали въ людкости, въ обходительности, тѣмъ болѣе слабѣли связи родственныя: имѣя множество пріятелей, чувствуемъ менѣе нужды въ друзьяхъ и жертвуемъ свѣту союзомъ единокровія.

Не говорю и не думаю, чтобы древніе Россіяне подъ великокняжескимъ или царскимъ правленіемъ были вообще лучше насъ; не только въ свѣдѣніяхъ, но и въ нѣкоторыхъ нравственныхъ отношеніяхъ мы превосходили, т. е. иногда стыдились, чего они не стыдились и что дѣйствительно порочно,—однакожь должно согласиться, что мы, съ при-

обрутеніемъ добродѣтелей человѣческихъ, утратили гражданскія. Имя Русскаго имѣеть ли теперь для насъ ту силу несповѣдимую, какую оно имѣло прежде? И весьма естественно: дѣды наши, уже въ царствованіе Михаила и сына его, присвоивая себѣ многія выгоды иноземныхъ обычаевъ, все еще оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный Россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, и *святая Русь*— первое государство. Пусть назовутъ то заблужденіемъ, но какъ оно благоприятствовало любви къ отечеству и нравственной силѣ онаго! Теперь же, болѣе ста лѣтъ находясь въ школѣ иноземцевъ, безъ дерзости можемъ ли похвалиться своимъ гражданскимъ достоинствомъ? Нѣкогда называли мы всѣхъ иныхъ Европейцевъ *неверными*, теперь называемъ *братьями*. Спрашиваю: кому бы легче было покорить Россію, *невернымъ* или *братьямъ*, т. е. кому бы она, по вѣроятности, долженствовала болѣе противиться? При царѣ Михаилѣ или Θεодорѣ, вельможа Россійскій, обязанный всѣмъ отечеству, могъ ли бы съ веселымъ сердцемъ на вѣки оставить его, чтобы въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ спокойно читать въ газетахъ о нашихъ государственныхъ опасностяхъ? Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи,—виною Петръ!

Онъ великъ безъ сомнѣнія, но еще могъ бы возвеличиться гораздо болѣе, когда бы нашелъ способъ просвѣтить умъ Россіяны безъ вреда для ихъ гражданскихъ добродѣтелей. Къ несчастію, сей государь, худо воспитанный, окруженный молодыми людьми, узналъ и полюбилъ Женева Лефорта, который отъ бѣдности заѣхалъ въ Москву, и весьма естественно, находя Русскіе обычаи для него странными, говорилъ ему объ нихъ съ презрѣніемъ, а все Европейское возвышалъ до небесъ. Вольныя общества Нѣмецкой Слободы, пріятныя для необузданной молодости, довершили Лефортово дѣло, и пылкій монархъ, съ разгоряченнымъ воображеніемъ, увидѣвъ Европу, захотѣлъ Россію сдѣлать Голландією.

Еще народныя склонности, привычки, мысли имѣли столь великую силу, что Петръ, любя въ воображеніи нѣкоторую свободу ума человѣческаго, долженствовалъ прибѣгнуть ко всѣмъ ужасамъ самовластиа для обузданія своихъ, впрочемъ столь вѣрныхъ, подданныхъ. Тайная канцелярія день и ночь работала въ Преображенскомъ; пытки и казни служили средствомъ нашего славнаго преобразования государственнаго. Многіе гибли за одну честь Русскихъ кафтановъ и бороды, ибо не хотѣли оставить ихъ и дерзали порицать монарха. Симъ бѣднымъ людямъ казалось, что онъ, вмѣстѣ съ древними привычками, отнимаетъ у нихъ самое отечество. Въ необыкновенныхъ усиліяхъ Петровыхъ видимъ всю твердость его характера и власти самодержавной. Ничто не казалось ему страшнымъ. Церковь Россійская искони имѣла главу, сперва въ митрополитѣ, наконецъ въ патріархѣ. Петръ объявилъ себя главою церкви, уничтоживъ патріаршество, какъ опасное для самодержавія неограниченнаго. Но замѣтимъ, что наше духовенство никогда не противоборствовало мірской власти, ни княжеской, ни царской, служило ей полезнымъ орудіемъ въ дѣлахъ государственныхъ и совѣстью въ ея случайныхъ уклоненіяхъ отъ добродѣтели. Первосвятители имѣли у насъ одно право: вѣщать истину государямъ, не дѣйствовать, не мятежничать,—право, благословенное не только для народа, но и для монарха,

хини состоятъ въ томъ, что ея смягчилось самодержавіе, не утративъ силы своей. Она ласкала такъ называемыхъ философовъ XVIII вѣка и плѣнялась характеромъ древнихъ республиканцевъ; но хотѣла повелѣвать, какъ земной Богъ, и повелѣвала. Петръ, насильствуя обычай народныя, имѣлъ нужду въ средствахъ жестокихъ. Екатерина могла обойтись безъ оныхъ, къ удовольствію своего нѣжнаго сердца; ибо не требовала отъ Россіянъ ничего противнаго ихъ совѣсти и гражданскимъ навыкамъ, стараясь единственно возвеличить данное ей Небомъ отечество или славу свою, побѣдами, законодательствомъ, просвѣщеніемъ. Ея душа, гордая, благородная, боялась унизиться робкимъ подозрѣніемъ, и страхи Тайной Канцеляріи исчезли; съ ними вмѣстѣ исчезъ у насъ и духъ рабства, по крайней мѣрѣ въ высшихъ гражданскихъ состояніяхъ. Мы приучились судить, хвалить въ дѣлахъ государя только похвальною, осуждать противное. Екатерина слышала, иногда сражалась съ собою, но побѣждала желаніе мести. Добродѣтель-превосходная въ монархіи! Увѣренная въ своемъ величіи, твердая, непреклонная въ намѣреніяхъ объявленныхъ ею, будучи единственною душою всѣхъ государственныхъ движеній въ Россіи, не выпуская власти изъ собственныхъ рукъ, безъ казни, безъ пытокъ, вліявъ въ сердца министровъ, полководцевъ, всѣхъ государственныхъ чиновниковъ живѣйшій страхъ сдѣлаться ей неугоднымъ и пламенное усердіе заслуживать ея милости,—Екатерина могла презирать легкомысленное злословіе, а гдѣ искренность говорила правду, тамъ монархиня думала: «Я властна требовать молчанія отъ Россіянъ-современниковъ, но что скажетъ потомство? И мысль, страхомъ заключенная въ сердцѣ, менѣ ли слова будетъ для меня оскорбительна?» Сей образъ мыслей, доказанный дѣлами 34-лѣтняго владычества, отличаетъ ея царствованіе отъ всѣхъ прежнихъ въ новой Россійской исторіи, т. е. Екатерина очистила самодержавіе отъ примѣсовъ тиранства; слѣдствіемъ были спокойствіе сердецъ, успѣхи пріятностей свѣтскихъ, знаній, разума.

Возвышая нравственную цѣну челоуѣка въ своей державѣ, она пересмотрѣла всѣ внутреннія части нашего зданія государственнаго и не оставила ни единой безъ направленія. Уставы: сената, губерній, судебныя, хозяйственныя, военныя, торговые усовершенствовались ею. Внѣшняя политика сего царствованія достойна особенной хвалы: Россія съ честію и славой занимала одно изъ первыхъ мѣстъ въ государственной Европейской системѣ. Воинствуя, мы разили. Петръ удивилъ Европу своими побѣдами, Екатерина приучила ее къ нашимъ побѣдамъ! Россіяне уже думали, что ничто въ мірѣ не можетъ одолѣть ихъ: заблужденіе славное для сей великой монархини. Она была женщина, но умѣла избирать вождей, такъ же какъ министровъ, или правителей государственныхъ. Румянцевъ, Суворовъ стали на ряду съ знаменитѣйшими полководцами въ мірѣ; князь Вяземскій заслужилъ имя достойнаго министра благо-разумною государственною экономіею, храненіемъ порядка и чѣлости. Упрекнемъ ли Екатерину излишнимъ воинскимъ славолубіемъ? Ея побѣды утвердили внѣшнюю безопасность государства, пусть иноземцы осуждаютъ раздѣлъ Польши, — мы взяли свое. Правилomъ монархини было не мѣшаться въ войны чуждыя и бесполезныя для Россіи, но питать духъ ратный въ имперіи, рожденный побѣдами.

Слабый Петръ III, желая угодить дворянству, далъ ему свободу служить или не служить; умная Екатерина, не отмѣнивъ сего закона,

СУ. ЗНАЧЕНІЕ ЭПОХИ ПРЕОБРАЗОВАНІЙ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Изъ статьи Кавелина: «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи». Полное собраніе сочиненій Кавелина. Т. I).

Древняя русская жизнь исчерпала себя вполнѣ. Она развила всѣ начала, которыя въ ней скрывались, всѣ типы, въ которыхъ непосредственно воплощались эти начала. Въ строгой послѣдовательности она провела Россію сперва черезъ общинный бытъ, потомъ черезъ родовой и семейственный; она постепенно выводила на сцену исторіи типы племенначальника, начальника рода и вотчинника, и осуществляла ихъ въ большихъ размѣрахъ. Послѣднимъ ея усиліемъ, вѣнцомъ ея существованія были первыя зачатки государства и начало личности. Въ нихъ она превзошла себя, какъ бы вышла изъ своихъ предѣловъ, хотя и государство, и личность долго созрѣвали и готовились къ дѣйствованію подъ формами, ею созданными и развитыми. Она сдѣлала все, что могла, и, окончивши свое призваніе, прекратилась. Ее порицать, пренебрегать ею, или сожалѣть объ ней, думать о ея возвращеніи, доискиваться въ ней, чего она не дала и не могла дать—равно ошибочно. И то и другое обнаруживаетъ взглядъ неисторическій, слѣдовательно — непременно ложный. Лучшій критикъ, судья исторіи—сама исторія. Она высчитываетъ напередъ всѣ возможности, взвѣшиваетъ всѣ доводы и за и противъ съ неподражаемою подробностію и при томъ рѣшить—безъ апелляціи. Намъ остается только взглянуть въ этотъ судъ, въ эту критику, понять ее. Иначе мы непременно впадемъ въ односторонность.

Начало личности узаконилось въ нашей жизни. Теперь пришла его очередь дѣйствовать и развиваться. Но какъ? Лице было приготовлено древней русской исторіей, но только какъ форма, лишенная содержанія. Послѣдняго не могла дать древняя русская жизнь, которой все назначеніе, конечная задача только въ томъ и состояла, чтобъ выработать начало личности, высвободить ее изъ-подъ ига природы и кровнаго быта. Сдѣлавшись независимой не черезъ себя, а какъ бы извнѣ, вслѣдствіе исторической неизбѣжности, личность сначала еще не признавала значенія, которое она получила, а потому оставалась бездѣятельною, въ ладу съ окружающею и ей несоотвѣтствовавшею средою. Но это не могло долго продолжаться. Неоживленная личность должна была пробудиться къ дѣйствованію, почувствовать свои силы и себя поставить безусловнымъ мѣриломъ всего.

Впрочемъ, вдругъ она не могла сдѣлаться самостоятельною, начать дѣйствовать во имя самой себя. Она была совершенно неразвита, не имѣла никакого содержанія. Итакъ, оно должно было быть принято извнѣ; лице должно было начать мыслить и дѣйствовать подъ чужимъ вліяніемъ.

Такое вліяніе было для него необходимо и благотѣльно. Оно освободило его отъ всего непосредственнаго, даннаго, развязало ему руки, возбудило къ нравственному развитію и приготовляло къ совершенной, безусловной самостоятельности.

Вотъ характеръ и значеніе эпохи внутреннихъ преобразованій, ко-

тура выступила въ Россіи въ XVIII вѣкѣ и воцарилась вѣчною. Въ сферѣ политической и государственной личности раньше стала неизвестною: потому она впервые въ ней начала дѣйствовать непосредственно и безъ посредничества власти. Въ Петра Великаго личность вошла въ русскую жизнь и вошла въ свои безусловныя права, утвердившись отъ непосредственности, притомъ, исключительно-национальных ограничений, побѣдилъ и задушил себя. Вся частная жизнь Петра, вся его государственная дѣятельность есть первая база осуществленія начала личности въ русской исторіи.

Какъ видимъ историческое явленіе, эпоха преобразованій имѣетъ возможность раздѣлиться сверху и потому можетъ быть разсмотрѣна съ раздѣльными точками зрѣнія.

Многие обвиняютъ ее въ томъ, что она приняла слишкомъ внезапна, дѣйствовала круто, насильственно разорвала русскую исторію на двѣ половины, совершила между собой расколъ, ничѣмъ не связанную и часть сдѣлала безхарактерною, лажкии между ними или недоумками; наконецъ, что она лишила Россію національности, подчинила ее исключительному господству европейскихъ элементовъ и азиатизмъ отъ національнаго возмела на степень добродѣтели.

Эти обвиненія, окончательно сформулированныя въ послѣднее время, низкими состояніемъ, въ которое мы пришли, когда эпоха реформы оканчивалась. Къ нему они и относятся, а не къ ней. Какъ историческое явленіе они важны, характеризуютъ состояніе одной части общества послѣ реформы; какъ взглядъ на цѣлый отдѣлъ исторіи, они не имѣютъ никакой цѣны по своему совершенно субъективному смыслу.

Во-первыхъ, эпоха реформъ наступила у насъ не внезапно; она приготовлена всѣмъ предъидущимъ бытомъ. Кто несогласенъ съ нашимъ взглядомъ на русскую исторію, тому мы укажемъ на появленіе иностранныхъ обычаевъ еще до Петра; на умноженіе иностранцевъ въ московской Россіи; на всякаго рода отступничество отъ прежнихъ правды; наконецъ, на упадокъ государственнаго устройства и управленія перелъ реформой. Разложеніе быта выражалось въ страшныхъ, несмысланныхъ злоупотребленіяхъ. Въ доказательство ссылаемся не на общественное мнѣніе и литературу, которыхъ тогда въ Россіи не было, а на современные акты и законы.

Что реформа дѣйствовала круто, насильственно—это правда. Но чтобы вынести изъ этого какое-нибудь заключеніе въ пользу или противъ нея, должно сперва рѣшить: что была современная ей Россія, и можно ли было дѣйствовать иначе!

Въ началѣ XVIII вѣка мы только-что начинали жить умственно и нравственно. Мы были несчастныя дѣти, окруженыя самыми невыгодными условіями. Къ бѣдной внѣшней природѣ присоединились глубокое невежество, полу-восточныя привычки, которыя держали насъ въ черномъ тѣлѣ, въ самыхъ зачаткахъ убивали всякое нравственное развитіе, всякую общественность, всякую свободу и движеніе. Тогда—страшная подданія старина!—дѣлались вещи, непостижимыя, невообразимыя теперь. Чудовищны были время и общественность, которыя могли пересидать благородную натуру Іоанна IV и наперекоръ ей воспитать ее въ нравственномъ урода, изверга, незнавшаго границъ произволу. Только такая грубая, дикая, жалкая среда, въ которой не было и тѣни обще-

ственного мнѣнія, никакихъ общихъ, ни нравственныхъ, ни даже физическихъ интересовъ, сдѣлала возможнымъ преобразование въ томъ видѣ, въ какомъ оно совершилось, со всѣми его крутыми мѣрами и насиліями. Оправданіе эпохи реформъ—въ ея цѣляхъ: средства дала, навязала ей сама старая Русь. Петръ дѣйствовалъ какъ воспитатель, врачъ, хирургъ, которыхъ не обвиняютъ за крутыя и насильственныя мѣры. Нельзя было иначе дѣйствовать; невозможное теперь было тогда, по несчастію, необходимо, неизбежно.

Сверхъ того не забудемъ, что реформа особенно сосредоточилась въ государственной сферѣ, въ управленіи; прочихъ сторонъ жизни она коснулась какъ-будто мимоходомъ, и то большею частью тамъ, гдѣ они соприкасались съ государствомъ. А мы знаемъ, каково было положеніе государства передъ реформой и при Петрѣ: со всѣхъ сторонъ враги, а войска, денегъ, средствъ имъ противостоять не было. Въ управленіи—безпорядокъ и отсутствіе централизаціи. Тутъ некогда было выжидать, дѣйствовать исподволь. Нужды были слишкомъ настоятельны, чтобы можно было вести реформу медленно, спокойно, рассчитывая на много лѣтъ впередъ.

Потомъ говорятъ, что эпоха преобразованій отдѣлила старую Русь отъ новой непроходимой бездной, ничѣмъ ненаполненной, изъ насъ сдѣлала ни то, ни се, что-то среднее между древней Россіей и Европой—амфибіи человѣческаго рода. Но это не такъ. Внутренняя связь между древней и новой Россіей, какъ мы видѣли, есть. Есть и внѣшняя, въ событіяхъ. Петръ Великій ничего не зналъ о различіи древней и новой Россіи. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что продолжаетъ дѣло своихъ предковъ; такое же убѣжденіе имѣли и его сподвижники. Татищевъ безпрестанно сравниваетъ указы Петра съ Уложеніемъ и законами Іоанна, и не такъ, какъ мы теперь сравниваемъ Русскую Правду съ варварскими законами германцевъ, а какъ постановленія, дополнявшія другъ друга въ практикѣ, относившіяся къ одной и той же жизни, разрѣшавшія одни и тѣ же вопросы. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствія и законы Петра Великаго—лучшее доказательство, какъ въ его время обѣ Россіи, потомъ различенныя, были слиты въ одно нераздѣльное цѣлое. Мы скажемъ больше: ни одинъ живой вопросъ, возникшій въ древней Руси, не оставленъ Петромъ Великимъ безъ разрѣшенія. Какъ онъ ихъ рѣшилъ—объ этомъ мы не будемъ теперь разсуждать: рѣшилъ онъ всѣ. Мнѣніе, будто Петръ не зналъ Россіи, не имѣетъ никакого основанія. Онъ зналъ ее отлично, въ мелочахъ, въ подробностяхъ; но онъ пренебрегалъ голословной казуистикой древней Россіи, которая гонялась за частностями и не развила ни одного юридическаго начала.

Непроходимая бездна между старымъ и новымъ создана послѣ воображеніемъ, совершенно отвлеченнымъ пониманіемъ исторіи. Новый міръ еще менѣе походитъ на древній, чѣмъ новая Русь на старую. Тамъ дѣйствуютъ и новые народы; однако мы знаемъ, что и древній міръ преобразовался мало-по-малу. Наполеонъ создалъ новый порядокъ вещей во Франціи, нисколько не похожій на тотъ, который имъ смѣнился; однако мы не говоримъ, что Франція до Наполеона и послѣ Наполеона—двѣ совсѣмъ разныя, ничѣмъ не связанныя между собою Франціи. Вглядываясь въ событія, мы видимъ, что прежнее естественнымъ

[The text in this block is extremely faint and illegible, appearing as a series of horizontal lines.]

Въ первомъ смыслѣ наша народность сильно тронулась; въ высшихъ классахъ общества она почти совсѣмъ исчезла. Но замѣтимъ: не съ реформы XVIII вѣка, а раньше, гораздо раньше, еще съ начала Московскаго государства. Оно внесло въ нашу народную жизнь первыезачатки нравственнаго существованія, развившіеся потомъ; оно впервые посягнуло и на нашу народность, въ тѣсномъ, непосредственномъ значеніи слова. Москва—первоначальница нашего ненаціональнаго развитія. Многимъ это покажется теперь страннымъ, но оно дѣйствительно такъ было.

Во второмъ смыслѣ мы никогда не теряли своей народности; нельзя указать ни на одну минуту въ нашей исторической жизни, начиная съ какого угодно времени, въ которую бы мы перестали быть Русскими и Славянами, потому что это совершенно, математически невозможно: мы всегда будемъ мы, и никогда они, кто-нибудь другой; иначе мы тотчасъ же исчезнемъ съ лица земли, перестанемъ существовать, какъ особенный народъ.

Мысль, что черезъ реформу мы потеряли или почти потеряли народность, есть не слѣдствіе изученія древней и новой исторіи Россіи, а одинъ изъ тѣхъ безсвязныхъ воплей, которые вырвались изъ нашей груди, когда, вмѣстѣ съ реформой, одна фаза нашего развитія кончилась, а другая не наступила. Тогда мы почувствовали какую-то усталость, нравственное разслабленіе, изъ которыхъ, казалось, не было выхода. Допрашивая себя, откуда бы могла взятая эта преждевременная драхлость, и думая, что за ней смерть, многіе обратились къ ближайшему прошедшему, придали ему страшный характеръ, освѣтили его траурнымъ свѣтомъ, обставили погребальными факелами. Имъ представилась, безспорно, одна изъ величайшихъ эпохъ нашей исторіи, время ея возрожденія, картиной упадка и разрушенія. Но эти краски ей чужды. Олицетвореніе древней и новой Россіи родило такое отвлеченное воззрѣніе. Многіе подумали, что за европейскимъ вліяніемъ Россіи XVIII и начала XIX вѣка ничего не было; что Европа со всѣми особенностями перешла къ намъ и водворилась у насъ на мѣсто прежняго. Еслибъ такъ было, Россія была бы теперь такъ-же похожа на остальные европейскія государства, какъ Англія на Францію, Франція на Германію. А этого сходства совсѣмъ нѣтъ. Отчего же? оттого, что не Европа къ намъ перешла, а мы оевропеились, оставаясь Русскими попрежнему; ибо когда человекъ или народъ что-нибудь беретъ, заимствуетъ у другого, онъ не перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Посмотрите на факты: Петръ и его преемники не имѣли никакого понятія о позднѣйшемъ противоположеніи Россіи и Европы. Они и не думали ввести у насъ иностранное вмѣсто русскаго. Они видѣли недостатки въ современной имъ Россіи, хотѣли ихъ исправить, улучшить ея быть, и съ этою цѣлью часто прибѣгали къ европейскимъ формамъ, почти никогда не вводя ихъ у насъ безъ существенныхъ измѣненій; что изъ нашего исключительно національнаго казалось имъ хорошо, удовлетворительно, то они оставляли. Такъ дѣйствовали и частныя лица: все, что имъ казалось хорошимъ, было хорошо, откуда бы ни пришло. Упрекъ Петру, что онъ будто бы предпочиталъ иностранцевъ Русскимъ, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія; гдѣ могъ, онъ всегда замѣщалъ первыхъ послѣдними. Извѣстно, что иностранцы не всегда были имъ довольны. Наконецъ, въ гражданскихъ и военныхъ штатахъ, составлен-

[The page contains extremely faint and illegible text, likely due to poor scan quality or intentional redaction. The text is arranged in approximately 25 horizontal lines across the page.]

насъ вмѣстѣ съ началомъ личности человѣкъ прямо выступилъ на сцену историческаго дѣйствованія, потому что личность въ древней Россіи не существовала и, слѣдовательно, не имѣла никакихъ историческихъ опредѣленій. Того и другаго не должно забывать, говоря о заимствованіи и реформахъ Россіи въ XVIII вѣкѣ: мы заимствовали у Европы не ея исключительно національные элементы; тогда они уже исчезли или исчезали. И у ней и у насъ рѣчь шла тогда о человѣкѣ; сознательно или бессознательно—это все равно. Большая развитость, высшая степень образованія, большая сознательность были причиной, что мы стали учиться у ней, а не она у насъ. Но это не измѣняетъ ничего въ сущности. Европа боролась и борется съ рѣзко, угловато развившимися историческими опредѣленіями человѣка; мы боролись и боремся съ отсутствіемъ въ гражданскомъ быту всякой мысли о человѣкѣ. Тамъ человѣкъ давно живетъ и много жилъ, хотя и подъ односторонними историческими формами; у насъ онъ вовсе не жилъ и только-что началъ жить съ XVIII вѣка. Итакъ, вся разница только въ предъидущихъ историческихъ данныхъ, но цѣль, задача, стремленія, дальнѣйшій путь одинъ. Бояться, что Европа передастъ намъ свои отжившія формы, въ которыя она сама ужъ не вѣритъ, или надѣяться, что мы передадимъ ей свои—древне-русскія, въ которыя мы тоже извѣрились,—значить не понимать ни новой европейской, ни новой русской исторіи. Обновленная и вѣчно юная, онъ сами творять свои формы, не стѣсняясь предъидущимъ, думая только о настоящемъ и будущемъ.

СѦІ. ЗНАЧЕНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО И СОВЕРШЕННАГО ИМЪ ПЕРЕВОРОТА.

(Изъ «Исторіи Россіи», Соловьева).

«Въ одномъ государствѣ царственный ребенокъ, вслѣдствіе семейной вражды, гоненія отъ родственниковъ, подвергался страшнымъ опасностямъ, спасся чудеснымъ образомъ, воспитывался въ уединеніи, среди низкихъ людей, набралъ себѣ изъ среды этихъ людей новую храбрую дружину, одолѣлъ съ нею противниковъ, и сталъ основателемъ новаго общества, новаго могущественнаго государства, проводилъ всю свою жизнь въ борьбѣ и оставилъ по себѣ двойную память: одни его благословляли, другіе проклинали».

— О комъ это идетъ рѣчь? что это хотятъ намъ повторять старую сказку о Кирѣ и Ромулѣ? кто ей теперь вѣритъ?

Сказывается не сказка, не о Кирѣ и Ромулѣ идетъ рѣчь, приводятся неоспоримыя извѣстія о русскомъ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, который жилъ въ концѣ XVII и началъ XVIII вѣка; пора оставить толки о сказкахъ, о мифахъ, и подмѣчать общіе законы историческихъ явленій.

Мы видѣли, что во второй половинѣ XVII вѣка русскій народъ яственно тронулся на новый путь; послѣ многолѣтняго движенія на востокъ, онъ началъ поворачивать на западъ,—поворотъ, который дол-

жизнь была необходимо вести къ страшному перевороту, болѣзненному перелому въ жизни народной, въ существѣ народа, ибо здѣсь было сближеніе съ народами цивилизованными, у которыхъ надобно было учиться, которымъ надобно было подражать. Вопросъ о томъ, могло ли сближеніе съ европейскими народами и воспринятіе ихъ цивилизаціи совершиться въ Россіи спокойно, постепенно, безъ увлеченій, рѣшается легко при внимательномъ наблюденіи общихъ законовъ историческихъ явленій. Когда мы говоримъ о просвѣщеніи, о цивилизаціи, то разумѣемъ громадную силу, которая безконечно возвышаетъ народъ, ея обладающій, надъ народомъ, у котораго ея нѣтъ: какъ же теперь съ понятіемъ о слабости соединить понятіе о силѣ? Какъ предположить, что широта и ясность взгляда, сдержанность, самостоятельность, плоды цивилизаціи давней и крѣпкой, должны быть достояніемъ народа нецивилизованнаго? Съ другой стороны, въ жизни народовъ мы замѣчаемъ извѣстные періоды, въ которые они проводятъ извѣстное начало, живутъ имъ, подчиняются ему вполне; наступаетъ другое время, на очереди становится новое начало, и народъ предается ему; обнаруживается обыкновенно сильная вражда къ послѣднему, отрпцаніе того, что было при его господствѣ, дурные отзывы о времени этого господства; народы въ этомъ отношеніи не любить, не могутъ работать двумъ господамъ: если одного возлюбить, другаго неперемѣнно возненавидятъ. Здѣсь возможна только злая борьба между двумя началами, старымъ и новымъ, борьба, необходимо раздражающая, ведущая къ увлеченію, къ крайностямъ. Можно ли себѣ представить, чтобъ молодой, исполненный жизненныхъ силъ народъ, сблизившись съ другими, превосходящими его народами, понявши, чрезъ сравненіе, недостатки своего быта, не бросился вдругъ на все то, что казалось ему лучшимъ у другихъ? да и можно ли было медлить, когда несостоятельность во всемъ, несостоятельность матеріальная и нравственная были такъ явны? Когда нельзя было начать ни одного дѣла, не начавши вмѣстѣ съ тѣмъ и многихъ другихъ, этому дѣлу способствующихъ, для него необходимыхъ? Западные европейскіе народы въ описываемое время, относительно цивилизаціи своей, стояли высоко надъ Русскимъ, который долженъ былъ идти къ нимъ въ ученье; но для этихъ самыхъ западныхъ народовъ не прошло еще тогда время рабства чуждому, нерадѣнія о своемъ, презрѣнія къ нему; ослѣпленные блескомъ античной цивилизаціи, съ неодолимою силою потянулись они къ ней, доходя иногда въ началѣ до дикихъ увлеченій, отдались въ науку Грекамъ, Римлянамъ, даже Италіанцамъ, прежде другихъ познакомившимся съ Греками и Римлянами; свое было въ опалѣ, къ своему относились какъ къ варварскому, значенія, величія своей исторіи, въ сравненіи съ исторіею Грековъ, не понимали. Очередь поработать чуждому началу и до Русскаго народа дошла, по извѣстнымъ условіямъ, позднеѣ, чѣмъ до другихъ, и въ этомъ огромная невыгода, но причины этой невыгоды лежали въ условіяхъ хода всей предшествовавшей исторіи, въ условіяхъ, при которыхъ явился нашъ народъ, основалось наше государство. Долговременное пребываніе въ удаленіи отъ западной Европы и ея цивилизаціи, крайность, исключительность одного направленія необходимо обуславливали крайность противоположнаго направленія, необходимость удовлетворить вдругъ всему должна была неминуемо сообщить нашему такъ называемому преобразованію характеръ революціонный. Наша ре-

волюція начала XVIII вѣка уяснится чрезъ сравненіе ея съ политическою революціею, послѣдовавшею во Франціи въ концѣ этого вѣка. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, болѣзни накопились вслѣдствіе застоя, односторонности, исключительности одного извѣстнаго направленія; новыя начала не были переработаны народомъ на практической почвѣ; необходимость ихъ чувствовалась всѣми, но переработались они теоретически въ головахъ передовыхъ людей, и вдругъ приступлено было къ преобразованіямъ; разумѣется, слѣдствіемъ было страшное потрясеніе; во Франціи слабое правительство не устояло и произошли извѣстныя печальныя явленія, которыя до сихъ поръ отзываются въ странѣ. Въ Россіи одинъ человѣкъ, одаренный небывалою силою, взялъ въ свои руки направленіе революціоннаго движенія, и этотъ человѣкъ былъ прирожденный глава государства. Французскіе историки считаютъ себя въ правѣ плакаться на такой ходъ дѣла у себя и съ завистію посматриваютъ на сосѣдній островъ, гдѣ фундаментъ зданія складывался издавна, постепенно и прочно; но пусть же они плачутся на весь предшествовавшій ходъ французской исторіи, котораго революція была необходимымъ слѣдствіемъ; что не было сдѣлано исподволь, постепенно, и потому легко и спокойно, то приходится дѣлать потомъ вдругъ, съ болѣзненными напращеніями, которыя мы называемъ революціями. И мы имѣемъ право плакаться на нашу революцію, но опять съ обязанностию плакаться также на всю предшествовавшую исторію, которая привела къ такой революціи, ибо условія здоровья не производятъ болѣзни.

Если таковъ общій законъ, если наша революція въ началѣ XVIII вѣка была необходимымъ слѣдствіемъ всей предшествовавшей нашей исторіи, то изъ этого вполне уясняется значеніе главнаго дѣятеля въ переворотѣ—Петра Великаго: онъ является вождемъ въ дѣлѣ, а не создателемъ дѣла, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру. Великій человѣкъ есть всегда и вездѣ представитель своего народа, удовлетворяющій своею дѣятельностію извѣстнымъ потребностямъ народа въ извѣстное время. Формы дѣятельности великаго человѣка условлены исторіею, бытомъ народа, среди котораго онъ дѣйствуетъ. Чингисъ-ханъ и Александръ Македонскій оба завоеватели, но какая разница между ними! Эта разница происходитъ отъ различія народовъ, которыхъ они были представителями. Дѣятельность великаго человѣка есть всегда резульатъ всей предшествовавшей исторіи народа; великій человѣкъ не насилуетъ своего народа, не создаетъ того, что не потребно и невозможно для народа. При настоящихъ успѣхахъ исторической науки великій человѣкъ теряетъ свое божественное значеніе, не является существомъ разрушающимъ и создающимъ по своему произволу, но онъ получаетъ великое значеніе, какъ представитель народа въ извѣстное время, какъ произведеніе и повѣрка народной жизни, народной исторіи. Великій человѣкъ не утрачиваетъ своего значенія; народъ не низводится до степени стада, безсознательно идущаго туда, куда его гонитъ чужая воля.

Но переворотъ сопровождался страшною борьбою, преобразователь встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ народѣ, слѣдовательно дѣло преобразованія было дѣломъ насилія со стороны верховной власти. Иностранцы не безъ нѣкотораго, понятнаго, впрочемъ, удовольствія, повторяли и повторяютъ, что Петръ насильно и преждевременно цивилизо-

валъ Русскихъ, что и не могло повести, и даже никогда не поведетъ ни къ какому толку. Вооружаются вообще противъ преобразованій, идущихъ сверху. Мы не знаемъ будущаго и потому не станемъ говорить о немъ, не будемъ преждевременно говорить того, что должны будемъ сказать въ послѣдствіи, прослѣдивъ судьбы дѣлъ Петровыхъ по его смерти. Но для устраненія бесплодныхъ толковъ опять обратимся къ сравненіямъ изъ прошедшаго. Въ настоящее время ни одинъ изъ европейскихъ писателей, вѣрующій ли онъ или невѣрующій, не станетъ отрицать цивилизующаго значенія христіанства; каждый европеецъ гордится тѣмъ, что христіанство пустило глубокіе корни преимущественно въ Европѣ, что доказываетъ высшее развитіе, большую зрѣлость племенъ, населяющихъ эту часть свѣта. Но пусть же припомнятъ исторію принятія христіанства европейскими народами, пусть припомнятъ, что обыкновенно дѣло шло сверху, принимали христіанство князь и дружина его, ближніе люди, и потомъ уже новая вѣра распространялась въ массѣ, при чемъ не обходилось безъ ожесточенной борьбы, безъ страшнаго сопротивленія со стороны народа, отстаивавшаго свою старину, вѣру отцовскую; да и послѣ принятія крещенія масса въ продолженіе вѣковъ оставалась двувѣрною, не могла забыть старыхъ боговъ своихъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? то, что европейскіе народы были обращены въ христіанство насильно своими правительствами! Еще примѣръ ближайшій: въ Англійи король Генрихъ VIII вздумалъ отложиться отъ римской церкви; но извѣстно, какое сильное сопротивленіе встрѣтилъ онъ своему дѣлу, какія сильныя возстанія вельможъ и народа долженъ былъ онъ побороть; значить, англійскій народъ былъ насильственно отторгнутъ отъ папы, и реформа, которою такъ гордятся Англичане, была личнымъ дѣломъ Генриха VIII? Въ Римѣ будутъ очень довольны такимъ мнѣніемъ.

Петръ былъ представителемъ, вождемъ своего народа въ дѣлѣ народномъ: отсюда обязанность историка при описаніи великаго переворота не отрывать главнаго дѣятеля, вождя, отъ народа, отъ общества, съ самаго начала слѣдить, какъ образовывалось его существо подъ вліяніемъ условій, приготовленныхъ исторіею народа, ибо явленія, повидимому самыя случайныя, имѣвшія вліяніе на характеръ историческаго дѣятеля, окрашиваются цвѣтами, господствующими въ обществѣ и чрезъ это-то окрашивание общество и проводитъ свое вліяніе на историческаго дѣятеля.

Мы видѣли, какъ вслѣдствіе извѣстныхъ условій русское общество въ концѣ XVII вѣка выработало мало своихъ силъ, сдерживающихъ личную силу, которой было такъ много простору. Вотъ почему дѣятельная страна представляла такое обширное поприще для богатырей всякаго рода, для людей, которымъ, по выраженію пѣсни, было грузно отъ силъ, которые стремились разминать свое плечо богатырское и, когда расходятся, не знали удержа. Богатырскій, геройскій періодъ прекращается въ народѣ вмѣстѣ съ цивилизаціею, съ развитіемъ общественныхъ силъ; цивилизованное, развитое общество сжимаетъ личную силу, вгоняетъ ее въ извѣстные предѣлы, ограничиваетъ специализированіемъ занятій: отсюда понятно, что въ обществѣ цивилизованномъ сильные люди являются не въ такихъ богатырскихъ размѣрахъ, какъ въ обществахъ юныхъ. Мы очень хорошо знаемъ, какъ упражненіе развиваетъ всякаго рода

силы, и потому нечего удивляться, что старинные сильные люди были сильнѣе нашихъ, ибо имѣли болѣе простору упражнять свои силы во всѣхъ направленіяхъ. Въ Россіи болѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ европейско-христіанскомъ государствѣ, общество вслѣдствіе своей исторіи предоставило простора для дѣятельности верховной власти, и потому неудивительно, что въ Россіи XVIII вѣка мы встрѣчаемъ двоихъ государей съ неимовѣрною дѣятельностію — Петра I-го и Екатерину II-ю. Общество юное, неразвитое не допускаетъ раздѣленія занятій: отсюда сильному человѣку возможность и необходимость браться за все, упражнять свои силы въ многоразличныхъ родахъ занятій: отсюда многообразная дѣятельность Петра; вслѣдствіе тѣхъ же общественныхъ условій увидимъ впослѣдствіи на другомъ поприщѣ многообразную дѣятельность Ломоносова.

Петръ съ своими сподвижниками заканчиваетъ, собственно говоря, древній, богатырскій отдѣлъ русской исторіи. Это послѣдній и величайшій изъ богатырей; только христіанство и близость къ нашему времени избавили насъ (и то не совсѣмъ) отъ культа этому полубогу и отъ мифическихъ представленій о подвигахъ этого Геркулеса.

Общество юное, кипящее неустроенными силами, произвело исполина, какъ юная земля въ допотопное время производила громадныхъ существа, скелеты которыхъ приводятъ въ изумленіе нашъ мелкій родъ. Но становится страшно: куда будутъ направлены эти силы при такомъ отсутствіи умѣряющихъ, образовательныхъ началъ? Какія нравственныя пеленки приготовило общество для Петра, какъ оно воспитаетъ, образуетъ исполина?

Мы видѣли неудовлетворительность нравственнаго состоянія древняго русскаго общества; но видѣли также, что движеніе, начавшееся въ обществѣ во второй половинѣ XVII вѣка, и борьба, вслѣдствіе того происшедшая, могли только ухудшить нравственное состояніе. Какъ ни печально бываетъ нравственное состояніе въ извѣстномъ обществѣ, но если послѣднее живетъ, не рушится, значитъ—существуютъ извѣстныя нравственныя сдержки и связи, которыя не даютъ ему окончательно распасться. Но если это общество двинется, взволнуется въ сильномъ переломѣ, то старыя связи необходимо ослабѣваютъ, иногда совершенно рушатся, и общество подвергается сильному нравственному колебанію, шаткости, смутѣ, пока нравственныя связи снова окрѣпнутъ или замѣнятся новыми. Поэтому справедливо говорятъ, что переходное время есть самое печальное для общественной нравственности. Прежде, до второй половины XVII вѣка, былъ неоспоримымъ авторитетъ отцовъ духовныхъ: теперь, съ одной стороны, раскольники, съ другой, новые учителя православные и неправославные, подкапываютъ этотъ авторитетъ, архіереи, священники оказываются несостоятельными, какъ учителя, молодое поколѣніе и вождь его воспитываются въ убѣжденіи, что этихъ учителей нечего слушать, говорятъ они Богъ знаетъ что, потому что невѣжды, учителей этихъ прежде всего надобно учить.

Древнее русское общество находило нравственныя сдержки въ родовомъ бытѣ; членъ рода чтилъ своего старшаго, находился подъ его надзоромъ и властію, которая, какъ знаемъ, была очень обширна и, при случаѣ, давала себя тяжело чувствовать послушнику; членъ рода уважалъ мнѣніе рода, боялся своимъ поведеніемъ нанести безчестіе ему. Теперь

и родовая связь ослабѣла, а другихъ сдержекъ на ея мѣсто еще не выработало.

СВѢТЪ ВЗГЛЯДЪ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Изъ статьи: «Петръ Великій», Погодина. Изъ журнала «Москвитинъ» за 1841 г., ч. 1-я).

... Нынѣшняя Россія, т. е. Россія Европейская, дипломатическая, политическая, военная, Россія коммерческая, мануфактурная, Россія школьная, литературная,—есть произведеніе Петра Великаго. Какое явленіе въ сихъ сферахъ гражданской жизни ни стали бы мы разсматривать, о какомъ бы учрежденіи ни стали мы разсуждать, всѣ подобныя изслѣдованія доводятся непременно до Петра Великаго, у котораго въ рукахъ концы всѣхъ нашихъ нитей соединяются въ одномъ узлѣ. Куда мы ни оглянемся, вездѣ встрѣчаешься съ этою колоссальною фигурою, которая бросаетъ отъ себя длинную тѣнь на все наше прошедшее и даже заститъ намъ древнюю исторію, которая въ настоящую минуту все еще какъ-будто держитъ свою руку надъ нами и которой, кажется, никогда не потеряемъ мы изъ виду, какъ бы далеко ни ушли въ будущее.

Обозрѣвая царствованіе императора Петра Великаго съ намѣреніемъ представить оное въ одной общей картинѣ, опредѣлить его значеніе въ системѣ Русской и Европейской исторіи, невольно чувствуешь трепеть, падаешь духомъ и не знаешь, съ чего начать, что сказать и что умолчать. Сколько созданій, сколько разрушеній, преобразованій! Сколько дѣйствій и происшествій всякаго рода! Мысль устааетъ летать отъ одного предмета къ другому и удивленная, изнеможенная приходитъ въ замѣшательство, останавливается...

Что за зрѣлище представляетъ онъ самъ своею особою, съ своимъ твердымъ характеромъ, съ своею желѣзною волею, съ своими пылкими страстями, темпераментомъ, даже съ своимъ лицомъ и исполненіемъ ростомъ! Что за зрѣлище представляютъ Россія и ея жители съ ихъ образомъ мыслей, привычками, нуждами, предразсудками, обстоятельствами, стариною—завѣтнымъ наслѣдіемъ предковъ, Россія тысячелѣтняя, смиренная, терпѣливая, благочестивая, самодовольная страна, въ которую насланъ былъ судьбою этотъ величайшій изъ всѣхъ преобразователей, ничѣмъ недовольный!

Сколько разнаго дѣла дѣлается въ одно время: одно готовится, другое—начинается, третье—на половинѣ, четвертое—близко къ концу; съ какимъ рвеніемъ, жаромъ, усердіемъ, какъ-будто всѣмъ работникамъ заданы уроки, назначенъ срокъ подъ строгою отвѣтственностію. Всѣ торопятся, суетятся, спѣшать кончить и боятся опоздать. Шумъ, крикъ, стукъ. Нѣтъ покоя ни днемъ, ни ночью. Нѣтъ остановки, передышки ни на минуту. Не успѣютъ справиться съ однимъ, какъ уже прини-

маются за другое. Все рассчитано по часамъ, по минутамъ; все переведено будто на вѣрную математическую машину.

Одно сѣмя бросается предъ вашими глазами въ землю, другое—перезаываетъ, третье—только-что изникло изъ почвы, а это уже цвѣтеть, а это уже приносить плодъ,—и всѣ они произрастаютъ рядомъ, въ одно время.

Какое движеніе, какая дѣятельность, живость во всѣхъ концахъ обширнаго царства. И что за разнообразіе!

Здѣсь роются въ горахъ и достаютъ руду, тамъ изъ руды куютъ желѣзо, дальше сверлятъ изъ желѣза стволъ, а еще дальше стрѣляютъ ужъ изъ новаго ружья.

Вотъ выписаны овцы, вотъ онѣ расплодились, вотъ настрижено съ нихъ шерсти, вотъ выткано изъ нея сукно въ только-что отстроенной фабрикѣ, вотъ кроютъ новое, невиданное платье, и вотъ оно напяливается на горько плачущій народъ, у котораго только-что выбрита борода.

Здѣсь скапываютъ бугры, тамъ зарываютъ рвы, громоздятъ насыпи, мѣраютъ землю, выжигаютъ болото, валаютъ лѣса, прорубаютъ засѣки, и при послѣднемъ взмахѣ лопаты, отбрасывающей остальной камень съ новой дороги, показывается вдали первый обозъ, который подѣзжаетъ къ готовому сообщенію.

Нынѣ исчисляется народъ и производится первый рекрутскій наборъ, завтра формируется армія и прямо съ ученья идетъ на генеральную баталию, поутру побѣждена, а къ вечеру празднуетъ викторію.

Но вотъ понадобились люди и работники, какъ къ святочной игрѣ, отрываются отъ одного дѣла къ другому, перебѣгаютъ съ края на край. Каменьщикъ кидается за топоръ, плотникъ слѣшшитъ къ творилу, купецъ хватается ружье, солдатъ садится предъ зеркало, крестьянинъ на заводъ, помѣщикъ—на корабль. Вдругъ нагрянули враги—новая перемѣна: всѣ бѣгутъ къ нимъ навстрѣчу, кто съ поля, кто отъ станка, кто изъ суда, кто изъ лавки! Проводили незваныхъ гостей и опять всѣ по своимъ мѣстамъ, какъ ни въ чемъ не бывалые, принимаются за прерванное дѣло. Замололи жернова, заходилъ топоръ, запытали шестерни, пошли на службу и огонь, и вода, и воздухъ, и земля.

Всѣ дѣлаютъ разное, мечутся безпрестанно изъ угла въ уголъ, но никто не мѣшаетъ другъ другу; напротивъ, оказывается взаимная помощь, выходитъ ладъ,—какой же всемогущій чародѣй управляетъ всею совокупностію этихъ многочисленныхъ, разнородныхъ дѣйствій? Нѣтъ. не чародѣй, а гений, Петръ. Смотрите—вонъ онъ стоитъ посреди широкаго поля, Русскаго царства, рабочей своей палаты, между тысячами и тьмами своихъ работниковъ. Видите—онъ выше ихъ всѣхъ на полъаршина.. Что такое сверкаетъ въ рукѣ его, не волшебный-ли жезлъ какой? Какъ горятъ его глаза, какъ движется все его тѣло! Смотрите—какъ поворачиваетъ онъ головою направо и налево, какъ бросаетъ свои пронзительные взоры во всѣ стороны, и какъ работа вскипаетъ у Русскаго человѣка тамъ, куда онъ оборачивается, и силы прибываетъ, и время увеличивается: часъ вырастаетъ днемъ, день вытягивается мѣсяцемъ, мѣсяць старѣетъ годомъ, трудное становится легкимъ, невозможное—возможнымъ.

Смотрите, какъ, по его движеніямъ, то другъ на сѣверѣ изъ болота

[The page contains several paragraphs of text that are almost entirely illegible due to extreme horizontal line artifacts. The text appears to be organized into sections, possibly separated by headings or sub-headings, but the specific content cannot be discerned.]

онъ сѣять, до винограднаго вина, имъ разведеннаго, всѣ блюда будутъ говорить вамъ о Петрѣ Великомъ.

Послѣ обѣда вы ѣдете въ гости—это ассамблея Петра Великаго.

Встрѣчаете тамъ дамъ—допущенныхъ до мужской компаніи по требованію Петра Великаго.

Пойдемъ въ университетъ—первое свѣтское училище учреждено Петромъ Великимъ.

Вы получите чинъ—по табели о рангахъ Петра Великаго.

Чинъ доставляетъ мнѣ дворянство,—такъ учредилъ Петръ Великій.

Мнѣ надо подать жалобу—Петръ Великій опредѣлилъ ей форму. Принмутъ ее—передъ зеркаломъ Петра Великаго. Разсудить — по Генеральному регламенту.

Вы вздумаете путешествовать—по примѣру Петра Великаго; вы будете приняты хорошо — Петръ Великій помѣстилъ Россію въ число Европейскихъ государствъ, и началъ внушать къ ней уваженіе, и проч., и проч., и проч.

Мѣсто въ системѣ Европейскихъ государствъ, управленіе, раздѣленіе, судопроизводство, права сословія, табель о рангахъ, войско, флотъ, подати, ревизіи, рекрутскіе наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледѣіе, лѣсоводство, скотоводство, рудопроизводство, садоводство, винодѣіе, торговля внутренняя и внѣшняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лѣкарства, лѣтосчисленіе, языкъ, печать, типографія, военныя училища, академія—суть памятники его неутомимой дѣятельности и его гениа.

Онъ видѣлъ все, обо всемъ думалъ, и приложилъ руку ко всему, всему далъ движеніе, или направленіе, или самую жизнь. Что теперь ни думается нами, ни говорится, ни дѣлается,—все, труднѣе или легче, далѣе или ближе, повторяю, можетъ быть доведено до Петра Великаго. У него ключъ—или замокъ.

Это очевидно, и до сихъ поръ нѣтъ никакого сомнѣнія, никакого спора.

СѢЩ. ОТЗЫВЫ ПОТОМСТВА О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

(Изъ сочиненія Брикнера: «Исторія Петра Великаго»).

Со времени Петра и понынѣ встрѣчаются постоянно діаметрально противоположныя одинъ другому отзывы о личности Петра, о его заслугахъ, о значеніи его царствованія въ исторіи Россіи. Раскольники ненавидѣли Петра; меньшинство, къ которому принадлежали патріоты, въ родѣ Посошкова, восхваляли его. Изъ иностранцевъ-современниковъ, между прочимъ, Фокеродтъ выразилъ сильныя сомнѣнія въ пользѣ его царствованія, въ цѣлесообразности его мѣръ для преобразования Россіи, тогда какъ другіе наблюдатели, напр., Перри, Веберъ и пр., знавшіе Петра лично и слѣдившіе зорко за его реформой, восхищались гениальностью государя, благотворнымъ вліяніемъ его дѣятельности. Всѣ преем-

ники Петра на престолѣ считали его образцомъ правителя. Въ самыя трудныя минуты своего царствованія Екатерина II вспоминала о Петрѣ, задавая себѣ вопросъ, какъ бы дѣйствовалъ онъ въ каждомъ данномъ случаѣ, между тѣмъ какъ въ то же самое время княгиня Дашкова однажды въ Вѣнѣ, за столомъ у князя Кауница, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ порицала и личность, и дѣятельность Петра. Не у однихъ только знавшихъ его лично встрѣчается нѣкоторая смѣсь уваженія съ боязнью и отвращеніемъ. Когда послѣ Чесменской битвы въ присутствіи двора митрополитъ Платонъ говорилъ краснорѣчивое слово и, внезапно сойдя съ амвона, подошелъ къ памятнику Петра и воскликнулъ: «Возстани теперь, великій монархъ, отечества нашего отецъ!—возстани и воззри на любезное изобрѣтеніе твое» и пр.,—то среди общаго восторга и умиленія, графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій тихонько сказалъ окружающимъ его: «чего онъ его кличетъ: если онъ встанетъ, намъ всѣмъ достанется».

Уваженіе къ Петру, удивленіе его подвигамъ, заставило потомство сначала собирать отдѣльныя черты его жизни, явились сочиненія, имѣвшія характеръ сборниковъ анекдотовъ; таковы труды Нартова, Крекшина, Штелина, Голикова, Вольтера. Нужно было идти дальше, занять-ся правильною, всестороннею, безпристрастною оцѣнкою значенія Петра въ исторіи, на основаніи изученія исторіи той эпохи вообще. Исторіографією новѣйшаго времени многое было сдѣлано; много еще ей остается сдѣлать въ отношеніи къ этому предмету. Результаты нашего труда главнымъ образомъ совпадаютъ съ воззрѣніями на этотъ предметъ того достойнаго труженика, памяти котораго посвящено это сочиненіе. Эти результаты относительно значенія Петра въ исторіи слѣдующіе:

Развитіе историческое происходитъ въ сущности независимо отъ отдѣльныхъ личностей. Россія и безъ Петра превратилась бы въ европейскую державу; онъ не создалъ новаго направленія въ историческомъ развитіи Россіи; но, благодаря гениальности и силѣ воли Петра-патріота, Россія особенно быстро и успѣшно подвинулась впередъ въ указанномъ ей уже прежде направленіи. Народъ, создавшій Петра, можетъ гордиться этимъ героемъ, бывшимъ какъ-бы продуктомъ соприскосновенія русскаго народнаго духа съ обще-человѣческою культурою. Глубокое пониманіе необходимости такого соединенія двухъ началъ, національнаго и космополитическаго, доставило Петру на вѣчное время одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи человѣчества.

СІХ. ПРИЧИНЫ РАЗЛИЧНЫХЪ ВЗГЛЯДОВЪ НА ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ РУССКОЙ НАУКѢ И РУССКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

(Речь, читанная проф. Бистужевымъ-Рюмикимъ въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго университета 31-го мая 1872 г. Изъ Ж. М. Н. Пр. за 1872 г. ч. СІХІ).

Двѣсти лѣтъ прошло послѣ рожденія Петра Великаго, почти полтора ста послѣ его смерти, имя его во всѣхъ устахъ, памятники ему

стоять по городамъ русскимъ, а между тѣмъ и наука, и *обстоятѣльнѣе* искусство, и *обстоятѣльнѣе* зомъ Петра, передъ исполинскимъ подвигомъ, имъ совершеннымъ. И *обстоятѣльнѣе* сихъ поръ, какъ и во время его дѣятельности, дѣятельность *обстоятѣльнѣе* эта *обстоятѣльнѣе* ждется съ разныхъ сторонъ: раздаются панегирики, иногда *самыя* безотчетныя, порицанія, нерѣдко самыя неосновательныя. Конечно, никто уже не повторитъ теперь слова Сумарокова: «Россійскій Виллельмъ Коломенско село», какъ никто серьезно не повѣритъ въ то, что Петръ пропалъ во время поѣздки въ «стеклянное государство», а образъ его принялъ на себя жидовиць изъ колѣна Данова; но въ коренномъ различіи древней и новой Россіи твердо убѣждены еще многіе: именно съ этой точки зрѣнія слышатся и самыя сильныя похвалы и самыя вѣскія осужденія. «Петръ уничтожилъ особенности старой русской жизни и сдѣлалъ очень хорошо: онъ приблизилъ насъ къ идеалу обще-человѣческой цивилизаціи, состоящей въ отрицаніи всего народнаго, всего частнаго», говорятъ одни. «Петръ уничтожилъ особенности древней Руси, и тѣмъ лишилъ насъ народности; оставилъ общеевропейцами посреди французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, сохранившихъ и сохраняющихъ до сихъ поръ свою народную физиономію, не похожихъ и не желающихъ походить другъ на друга», говорятъ другіе. Извѣстно, что первое мнѣніе, идущее еще отъ Ломоносова, съ рѣзкостью высказываемое въ сороковыхъ годахъ, когда даже не разъ выражалась мысль, что Россію слѣдуетъ назвать Петровіею, имѣетъ за себя весьма значительную часть нашего литературнаго міра; за второе мнѣніе мы имѣемъ великій авторитетъ Карамзина. Оба эти мнѣнія сходятся, по вѣчному закону вѣхъ крайностей, въ одно, — въ точкѣ исхода: оба отправляются отъ вѣры въ безграничную силу личной воли, могущей безпрепятственно создать то или другое положеніе вещей. Рѣзкости обоихъ направленій начинаютъ однако уже сглаживаться въ примирительномъ историческомъ взглядѣ, которымъ мы обязаны преимущественно С. М. Соловьеву, начавшему внимательно изучать XVII в. Въ результатъ такого изученія оказалось, какъ несомнѣнно должно было оказаться, что дѣятельность Петра была наиболѣе энергическимъ выраженіемъ того, что составляло цѣль и завѣтныя стремленія его предшественниковъ, что геніальность Петра сказывается главнымъ образомъ въ умѣннѣ находить средства, нужныя для его цѣли, и идти неуклонно къ этой цѣли, и въ особенности — въ окончательномъ уясненіи, въ чемъ состоитъ эта цѣль. Словомъ, что представлялось смутно и неясно людямъ XVII в., то ясно и опредѣленно явилось Петру Великому, но никакого перерыва, никакой пропасти между временемъ Алексѣя Михайловича и его геніальнаго сына не оказывается, да въ дѣйствительности и не было. Таковъ выводъ, до котораго дошла современная наука, но не таково наиболѣе распространенное мнѣніе; отчего же происходитъ эта разница, гдѣ источникъ разнорѣчій?

Всякое великое историческое дѣло, облекая плотію и кровію то, что неясно носилось въ умахъ, создаетъ нѣчто новое, какъ потому, что дѣйствительно привносится новый элементъ, такъ и потому, что старое получаетъ новый видъ, становится чѣмъ-то инымъ. Это новое вносить, по евангельскому слову, мечь, оно раздѣляетъ все общество. Таковъ неотразимый законъ поступательнаго движенія: получившее образъ стрем-

леніе требуетъ себя мѣста въ практической жизни, прилагиваетъ къ себе условія этой жизни, а потому и само прилагивается къ этимъ условіямъ. Пока идетъ этотъ процессъ претворенія, пока люди не свыклись съ новымъ, оно имъ кажется дикимъ и страннымъ, оно не согласуется съ ихъ обычными представленіями, будитъ ихъ и безволеитъ; и люди всего медленнѣе и неохотнѣе свыкаются съ тѣмъ, что будитъ ихъ и тревожитъ, что затрагиваетъ ихъ привычки и матеріальные интересы. Къ тому же новое начало создаетъ новыя отношенія, новыя обязанности, жизнь усложняется, становится мудренѣе. Это опять законъ историческаго развитія, законъ неизбежный, но тѣмъ не менѣе тяжелый. Дѣло Петра именно такъ и подѣйствовало на русское общество. Правительство Московскаго государства понимало, что у него недостаетъ правильнаго войска, безъ котораго плохо приходилось ему и борьбѣ съ сосѣдями, даже такими, какъ Польша и Крымъ, что у него не доставало промышленности, что внѣшняя его торговля вся въ рукахъ иностранцевъ-монополистовъ, что у него нѣтъ ни медиковъ, ни инженеровъ, нѣтъ даже образованныхъ пастырей церкви, понимало также, что мало можетъ оно положиться на своихъ чиновниковъ. Все это понимало оно и принимало мѣры, но мѣры частныя, перѣшительныя: то выпишетъ иностранцевъ и поселитъ ихъ въ нѣмецкой слободѣ, то пробуетъ заводить фабрики, то введетъ въ часть войска новый строй, оставя другую при старомъ, то даже пошлетъ молодыхъ людей учиться за границу, но они оттуда не воротятся; съ ними повторится то же, что было съ Котошихинимъ, не нашедшимъ въ Россіи, ничего кромя предметовъ для осмѣянія, что было съ Хворостинимъ, который говорилъ, что въ «Москвѣ жить скучно, въ Москвѣ люди глупы». Правительство Московское то нѣмцевъ одѣнетъ въ русское платье, то русскихъ заставитъ ходить по польски, и все это безъ системы, безъ настойчивости: сегодня за табакъ рѣжутъ носы, завтра его позволяютъ, а послѣ завтра опять запретятъ. Общество тоже смутно сознавало, что ему многого недостаетъ: жаловалось на страсть къ посуламъ приказныхъ людей, на монополію иностранцевъ; были и такіе, которые подумывали и о просвѣщеніи, въ «школахъ» законоспаскиихъ находились ученики, въ домахъ появились гувернеры-поляки; еще въ началѣ XVII вѣка рассказываютъ объ одномъ Головинѣ, ходившемъ по вечерамъ, тайкомъ, учиться по латыни; и въ царскіе хоромы, и въ боярскіе, стали заходить не только фряжскаго дѣла вещи, но и фряжскіе куншты (европейскія картины), стали заходить и кое-какія книжки въ переводѣ съ польскаго и латинскаго, появились и театральныя представленія, появились «куранты», первыя наши вѣдомости; «цифирь» и «землемѣря» не были такимъ страннымъ дѣломъ для нашихъ предковъ, какъ это иногда представляется. Послы наши за границей не только вникали во взаимныя отношенія европейскихъ государей, на что они были, надо признаться, первостатейными мастерами,—чѣмъ болѣе мы узнаемъ старыхъ нашихъ дипломатовъ, тѣмъ болѣе имѣемъ права гордиться ими,—но и глядявались въ чуждые для нихъ нравы и обычаи. Все это было—повторяемъ, случайно, часто, служило знаменіемъ потребности въ новомъ, но къ новому не приводило. Кн. М. М. Щербатовъ дѣлаетъ любопытный расчетъ, изъ котораго выходитъ, что если бы не было Петра, естественнымъ порядкомъ, не предполагая никакихъ коле-

баній, Россія только въ 1879 году была бы въ такомъ положеніи, въ какомъ была въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Какъ ни приблизителенъ его расчетъ, но въ сущности онъ едва ли много отклоняется отъ правды. Мы шли бы медленно, постепенно; пословица: «семь разъ отмѣрь, одинъ разъ обрѣжь»—лучшій девизъ Московскаго государства, и подлѣ насъ усиливалась бы Швеція, которой предѣлъ положенъ былъ только на поляхъ Полтавы, и выросло бы другое государство, которму, если бы не было Петра, вѣроятно, досталась бы на долю вся Польша безъ раздѣла. Что бы было тогда? Но Петръ явился, и явился—великое историческое счастье—именно въ ту минуту, когда все было готово и когда появленіе его было наиболѣе нужно. Воспитался онъ не въ Кремлевскихъ палатахъ, не посреди царскаго этикета чиннаго XVII вѣка, а на вольномъ воздухѣ своего Преображенскаго; въ сосѣдствѣ нѣмецкой слободы, рано сталъ царемъ, но царь онъ былъ опальный: льстецамъ было нечего дѣлать въ Преображенскомъ, ихъ мѣсто было въ Кремлѣ, тамъ они и вертѣлись; въ Преображенское же шли недовольные и указывали на недостатки существующаго. О воспитаніи Петра не заботились и потому не дали ему въ учителя многоученаго Симеона Полоцкаго, который познакомилъ бы его съ тонкостями богословія, научилъ бы немного по латыни и по польски, какъ выучилъ его братьевъ, и дубоними стихами воспѣвалъ бы его добродѣтели въ панегирикахъ; дали же ему учителемъ добродушнаго и неглупаго дьяка, который, показывая картинки, пробудилъ въ немъ любознательность.— все, что онъ могъ сдѣлать; остальное сдѣлала гениальная русская натура, которая сдумала всѣхъ обратить себѣ въ учителей и которой одного намека было достаточно для того, чтобы идти впередъ и самой все узнавать. Такое самообразование положило печать на всю жизнь: съ дѣтства привыкли отыскивать источникъ для удовлетворенія своей любознательности, Петръ сохранилъ эту привычку на всю жизнь и всю жизнь учился. Съ этой привычкой поѣхалъ онъ за границу: тамъ—источники знанія, но добиться до нихъ надо самому и онъ привыкъ самъ до всего доходить, самъ все узнавать, и результаты его самообразования были изумительны: онъ и корабли строилъ, и артиллерию изучилъ, и зубы дергалъ, и во всемъ онъ самъ могъ экзаменовать, и все онъ самъ могъ показывать. Такая обстановка дѣтства развила въ немъ врожденную способность узнавать людей помимо вѣшнихъ отличій, находить каждому занятіе, соответствующее его способностямъ: оттого въ рѣдкую историческую эпоху мы встрѣчаемся съ такимъ количествомъ способныхъ людей, употребленныхъ именно на свое дѣло. Но воздавая каждому должное, Петръ съ каждаго требовалъ работы неустанной, онъ по своему опыту зналъ, что можетъ сдѣлать челоуѣкъ, и требовалъ, чтобы каждый сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать. Подобное требованіе было тяжело для общества, привыкшаго быть въ «нѣтяхъ» и укрываться, при вызовѣ на службу, всевозможными способами. Петръ же требовалъ отъ людей своего времени другой службы, чѣмъ требовалось прежде; прежде требовали только явленія на службу; когда служба была нужна при «ратныхъ вѣстяхъ», по очереди въ Москву, что не было службою трудною, а воеводство считалось даже льготою: оно было средствомъ покормиться. Петръ же велъ войну 21 годъ; ему люди были нужны постоянно, и старое начало пожизненной службы онъ

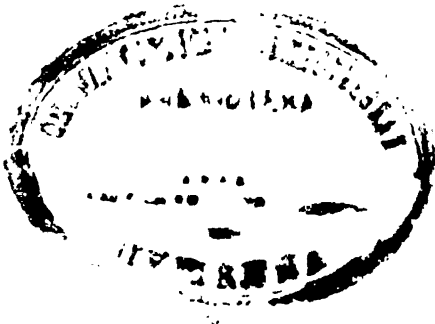
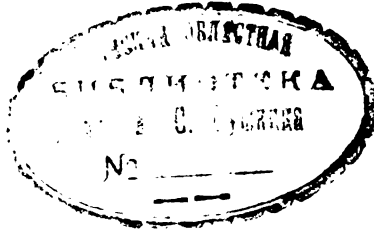
обратилъ въ дѣйствительность; служба стала тяжелѣе; раздался ропотъ. Къ тому же онъ потребовалъ и службы не дворянской: надо было ѣхать къ бусурманамъ, учиться строить корабли. Тяжело это было Московскимъ баричамъ, и въ «нѣтяхъ» сказаться было нельзя: отыщутъ и строго накажутъ. Не всѣ понимали, что это совершалось во имя высокаго начала—государственнаго блага: «а о Петръ вѣдайте,—говорилъ онъ подь Полтавою,—что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія, благочестіе, слава и благосостояніе ея»; «если случится (что я впаду въ Турецкій плѣнъ)—пишетъ Петръ сенату изъ-подъ Прута,—то вы не должны почитать меня своимъ царемъ и государемъ, и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственноручному повелѣнію отъ васъ было требуемо, покажѣсь я самъ не явлюсь между вами въ лицѣ моемъ». Такія чувства и мысли были немногимъ доступны и даже понятны въ ту эпоху, когда еще свѣжи были преданія вотчинныя, когда разница между государевымъ и государственнымъ была еще очень не ясна: ясно, отчетливо эту разницу первый поставилъ Петръ, посвятивъ всю жизнь свою на службу государству, такой же службы онъ требовалъ и отъ другихъ: много онъ прощалъ «дѣтъ своего сердца» Давылычу и прощалъ за то, что тотъ понималъ его намѣренія и умѣлъ исполнять ихъ; но къ тѣмъ, кто уклонялся отъ службы, кто былъ нерадивъ или своекорыстенъ, Петръ былъ неумолимъ. Несчастныя царевича Алексѣй палъ жертвою своей неспособности понять законность требований отца, своей созерцательной природы, которой противна была безустанная дѣятельность. Трагическая коллизія отца съ сыномъ только съ этой точки зрѣнія и можетъ быть объяснена. Съ этой же точки объясняются и мѣры Петра противъ монаховъ и вообще его отношенія къ духовенству: въ немъ онъ не видалъ себѣ опоры, а видѣлъ сторонниковъ Алексѣя, которые «не въ авантажъ обрѣтаются» и стремятся обрѣстись въ авантажъ. Другой причины его отношеній къ духовенству нельзя подыскать. Становиться на точку зрѣнія XIX в. Петръ не могъ: требовать отъ него, чтобъ онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія своего отца, благоговѣвшаго передъ юродивыми, или сына, подыскивавшаго въ Бароніе мѣста о преимуществѣ духовной власти надъ свѣтскою, мы не имѣемъ права. Забота о могуществѣ государства, объ его политическомъ значеніи была первою заботою Петра, все остальное было средствомъ къ достиженію этой высшей цѣли: государству нужны техники, и создаются заведенія, способныя образовывать этихъ техниковъ, моряковъ, артиллеристовъ, инженеровъ, медиковъ; безъ собственной промышленности и торговли невозможно благосостояніе государства, процвѣтаніе его финансовъ: для этой цѣли дается самоуправленіе городскому сословію, льготы желающимъ заводить фабрики и заводы, русскимъ купцамъ, торгующимъ за границею и т. д.; водворяется та или другая форма промышленности, предписываются правила для того, какъ выдѣлывать юфть и т. п., назначаются строгія наказанія за несоблюденіе этихъ правилъ; государство принимаетъ въ свое полное вѣдѣніе промышленность, что соотвѣтствуетъ господствовавшей тогда въ Европѣ теоріи, представителемъ которой былъ знаменитый Кольберъ. Мѣры Петра находили сочувствіе и въ Россіи, напримѣръ въ Посошковѣ, предлагавшемъ мѣры совершенно того же характера. Въ заботахъ своихъ о промышленности Петръ прежде всего имѣлъ въ виду, чтобы выгоды

доставались русскимъ людямъ, чтобъ они выучивались разнымъ производствамъ, а иностранцевъ онъ призывалъ только какъ учителей. Та же мысль видна и въ учрежденіи Академіи Наукъ, которая заключала въ себѣ, кромѣ ученаго общества, и университетъ, и даже гимназію, имѣющія цѣлью готовить ученыхъ изъ русскихъ. Говорятъ, что Петръ предсказывалъ то время, когда центръ просвѣщенія, нѣкогда перешедшій изъ Греціи и Рима въ западную Европу, перейдетъ къ намъ. Онъ непремѣнно долженъ былъ вѣрить въ то, что его землѣ назначена высокая участь, и что его дѣла только заря этой блестящей будущности: лишь крѣпкая вѣра творитъ великія дѣла!

Дѣло Петра, требовавшее такого напряженія силъ, должно было непремѣнно возбудить многихъ противъ себя, и мы дѣйствительно знаемъ, что многихъ и возбудило. Когда же онъ умеръ, когда многое пошло не по его предначертаніямъ, когда иностранцы получили незаконное преобладаніе, когда русскіе люди, преимущественно высшихъ сословій, увлекаясь всѣмъ иностраннымъ, начали предпочитать нѣмецкое русскому и въ Парижѣ видѣть рай земной, когда наконецъ съ конца XVIII вѣка кромѣ роскоши и моды послѣдовалъ къ намъ наплывъ иностранныхъ гувернеровъ, и все общество окончательно заговорило по французски, — тогда поднялись мало-по-малу голоса противъ преобразованій Петра, и выступила, разумѣется, идеализація стараго быта. Въ ученіи славянофиловъ (въ его первобытномъ видѣ) эта идеализація получила окончательную форму. Есть въ ихъ возраженіяхъ стороны справедливыя, но онѣ по большей части касаются послѣдствій дѣятельности Петра отъ него не зависѣвшихъ и имъ не предвидѣнныхъ: мало ли сколько постороннихъ элементовъ примѣшалось къ великому подвигу Петра уже тогда, когда дѣло его досталось продолжать другимъ, часто далеко уступавшимъ ему людямъ? Частью же эти возраженія касаются пріемовъ Петра и его средствъ. Его средства и пріемы заимствованы имъ изъ прошедшаго Московскаго государства или даже изъ примѣровъ тогдашней Европы, переживавшей эпоху Людовика XIV. Порицатели Петра не правы, стало быть, въ томъ, что они неясно различаютъ всѣ эти многообразные элементы въ его дѣлѣ и не останавливаются на вопросѣ о томъ, что принадлежитъ ему самому, — что его времени и что наконецъ его преемникамъ. Появленіе безусловныхъ хвалителей Петра столько же понятно, какъ и появленіе порицателей: результаты подвига Петра были слишкомъ блистательны, сіяніе европейской цивилизаціи, открывшейся для Россіи реформами Петра, слишкомъ ослѣпительно, и потому не мудрено, что преимущественно тѣ изъ людей ближайшихъ къ Петру поколѣній, которые пошли дорогою науки, какъ великій Ломоносовъ, наиболѣе увлекались его дѣломъ: для нихъ только съ Петра открылся новый міръ; къ нимъ присоединились тѣ, которые рабски подчинились Европѣ; такихъ много было въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Эти послѣдніе даже отчаялись въ Россіи и все хорошее видѣли въ Европѣ, оставляя намъ роль вѣчныхъ учениковъ, которымъ не суждено быть мастерами, незавидную роль Тредьяковскаго. Пока европеизмъ, въ смыслѣ западничества, т. е. поклоненіе всякому «послѣднему слову», господствовалъ у насъ, и это мнѣніе было господствующимъ; теперь мы однако начинаемъ выходить на другую дорогу, и быть можетъ исполнится завѣтная мысль Петра — видѣть насъ и въ области науки равно-

правными членами съ другими великими народами міра, и быть можетъ въ будущемъ законодатели, полководцы и поэты представятъ Русскую землю въ великомъ пантеонѣ всемірной исторіи. Тогда подвиги Петра получатъ свое завершеніе, и, быть можетъ, только тогда замолкнутъ разнорѣчивые о нихъ толки, и вся мыслящая Россія въ одинъ голосъ признаетъ важность реформы не въ одномъ лишь политическомъ отношеніи, хотя главнѣйшая ея цѣль и была, какъ я уже сказалъ, внѣшнее могущество Россіи. Время это, будемъ надѣяться, близко, заря уже стоитъ на нашемъ горизонтѣ, Тогда дождемся мы и полной исторіи Петра, которою мы все еще въ долгу передъ его великою памятью.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
11	12 сверху	отъ смирныи	отъ силушки
165	9 »	отраженіе	отряженіе —
282	8 »	стрся	строя
283	14 »	Славутинскаго-Рома- новскаго	Романовича-Слава- тинскаго
376	2 снизу	ехантовъ	евхитовъ
379	12 »	примать	принимать

Stanford University Libraries

3 6105 013 552 224

2x.

DK 40
G85
v.3

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

AUG 16 1992

